НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОЙНЫ

ТАЙНЫ БЕРЛИНСКОЙ ОПЕРАЦИИ

Николай Баженов

ТАЙНЫ БЕРЛИНСКОЙ ОПЕРАЦИИ

НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОЙНЫ

Николай БАЖЕНОВ

ТАЙНЫ БЕРЛИНСКОЙ ОПЕРАЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
Полиграфиздат
Москва

УДК 355/359(100)"1941/45"
ББК 63.3(0)62
Б16

Серия «Неизвестные войны» основана в 2005 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн Э.Э. Кунтыш

Подписано в печать 28.05.10. Формат 60x90/ 16.
Усл. печ. л. 52. Тираж 3 000 экз. Заказ № СК 1061.

Баженов, Н.
Б16 Тайны Берлинской операции / Николай Баженов. – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010. – 828, [4] с. – (Неизвестные войны).
ISBN 978-5-17-057064-5 (ООО «Изд-во АСТ»)
ISBN 978-5-271-28769-5 (ООО «Изд-во Астрель»)
ISBN 978-5-4215-0995-0 (ООО «Полиграфиздат»)

В книге рассказывается о подготовке и проведении советскими войсками в апреле – мае 1945 года Берлинской операции, поставившей точку в истории разгрома нацистской Германии.

На основе обширных архивных и мемуарных материалов освещены малоизвестные подробности последних дней столицы Третьего рейха.

Предназначается для широкого круга читателей, как специалистов, так и любителей военной истории.

УДК 355/359(100)"1941/45"
ББК 63.3(0)62

© Н.Н. Баженов, 2010
© ООО «Издательство Астрель», 2010

Оглавление

Предисловие 7

Глава 1. Генерал Рейман за работой 13

Глава 2. Подготовка немцев к отражению наступления Красной Армии 16

Глава 3. Склоки в ставке Гитлера 30

Глава 4. «Альпийские сказки» – последняя надежда Третьего рейха 34

Глава 5. О возможности взятия Берлина Красной Армией в феврале 1945 г. 43

Глава 6. Дискуссия о Берлине продолжается 73

Глава 7. Планирование Берлинской операции 79

Глава 8. Подготовка решающего наступления 97

Глава 9. Разведка боем: разные версии одного события 120

Глава 10. Прорыв немецкой обороны на реке Одер 130

Глава 11. Штурм Зееловских высот 149

Глава 12. Продолжение следует – 17 апреля 159

Глава 13. О причинах временных неудач на Зееловских высотах 169

Глава 14. 18 апреля – наступление от Зеелова к Берлину 177

Глава 15. Попытки остановить «паровой каток» 187

Глава 16. Прорыв 16 апреля оборонительного рубежа на реке Нейсе 196

Глава 17. Через две реки – наступление 1-го УФ 17–19 апреля 206

Глава 18. Апрельские хроники
20 апреля 222
21 апреля 245
22 апреля 280
23 апреля 325
24 апреля 353
О 12-й армии 380
25 апреля 390
26 апреля 425
27 апреля 458
28 апреля 492
29 апреля 526
30 апреля 578

Глава 19. Бои за рейхстаг
30 апреля 616
1 и 2 мая 651

Глава 20. Последние дни
1 мая 666
Ночь на 2 мая – конец битвы за Берлин 723

Глава 21. Судьба 12-й армии – отход на Эльбу 771

Глава 22. Последняя загадка: могли ли союзники взять Берлин? 781

Послесловие 806
Библиография 822

«Истине приходится с трудом пробивать себе путь, поскольку в сознании людей легенды пускают глубокие корни и к тому же отвечают нашему стремлению к героическому».

Аллен Даллес, бывший директор ЦРУ США

Предисловие

После окончания Второй мировой войны минуло уже более шестидесяти лет. Несмотря на такой большой срок, в течение которого, казалось, можно было бы осветить все темные закоулки истории этой войны, стереть все «темные пятна» и расшифровать многие ее тайны, полная картина событий военных лет не написана до сих пор.

К сожалению, на формирование нашего исторического сознания влиял и продолжает влиять ряд факторов, обусловленных освещением известных исторических событий различного рода недобросовестными исследователями. Понятно, что эти «исторические гипнотизеры» по различным причинам искажают реальную картину ушедших событий. Сила их влияния на сознание многих граждан достаточно велика. Зачастую попытка довести до сведения читателей, интересующихся историей прошедшей войны, даже часть правды встречается в штыки. Сознание читателей, зомбированных плесневелыми штампами прошлых лет, с трудом воспринимает события, приближенные к военной реальности. Попытки авторов показать суровую правду войны с ее потерями и неудачами воспринимаются многими как «очернительство» Красной Армии и восхваление противника.

Стоит привести по этому поводу один факт. В 1944 г. во время визита в Советский Союз генерал Де Голль, глава «Свободной Франции», попросил показать ему Сталинград. Сопровождал его сын маршала Воронова, хорошо владевший французским языком. В ходе осмотра мест боев француз все время восклицал: *«Какая великая нация, какая великая нация!..»* Советский офицер истолковал эти высказывания по-своему и с гордостью заявил, что *«русские – это великая нация»*.

Де Голль, с удивлением взглянув на него, буквально ошарашил своего непонятливого гида, пояснив: *«Я имел в виду немцев...»* Французский генерал дал понять, что нельзя не уважать своего противника, войска которого дошли до Волги. Заметим

при этом, что любить немцев, разгромивших и оккупировавших его родную Францию, у Де Голля никаких причин не было.

Для того чтобы в какой-то мере разобраться в сложных событиях конца Великой Отечественной войны, и сделана попытка рассмотреть некоторые аспекты разработки и проведения Берлинской операции, а также сопутствующих ей событий.

Учитывая сложность проникновения в военные архивы неофициальных исследователей, пришлось буквально по крупицам собирать сведения из различных источников: отечественных и зарубежных исследований, мемуаров многих авторов, газетных и журнальных публикаций и так далее, сопоставлять факты и даты, связанные с описанием событий в Европе в январе – мае 1945 г.

Возможно, кто-то сразу вспомнит довольно едкое замечание известного американского историка Далина о том, что *«исследователь, никогда не работавший в архивах, напоминает футболиста, не забившего за свою жизнь ни одного гола»*. В качестве ответа можно указать, что этот историк, вероятно, очень слабо разбирался в футболе, поскольку в этой игре есть не только «забивалы», но и другие игроки (а их в команде одиннадцать), чья роль иная, и они заняты на поле созидательной работой – «таскают рояль для пианиста».

Конечно, при использовании мемуарной литературы приходилось учитывать высказывание английского политика и дипломата Э. Бевина о том, что мемуарам не всегда стоит доверять, в особенности когда дело касается последовательности событий. Но в то же время известный историк Карлейль сказал об одном таком труде: *«Книга, полная лжи, но с крупицами правды, которых больше нигде не найдешь»*. В частности, у автора поначалу сильное раздражение вызывали неувязки в датах и последовательности событий в воспоминаниях фельдмаршала Кейтеля.

Для объяснения этого факта стоит привести интересное высказывание из книги «Роковые решения» главного американского специалиста по истории Европейского театра военных действий С. Маршалла:

«...у людей, особенно немолодых, часто происходят странные вещи с памятью. С точки зрения историка, самое опасное в человеческой памяти то, что никогда заранее нельзя определить, в какую сторону она может отклониться. Я знал людей, которые отлича-

лись превосходной памятью, пока командовали войсками, но стоило назначить их на штабную работу с новым кругом обязанностей, как они, казалось, утрачивали это замечательное качество...

Я видел так много удивительных фокусов с человеческой памятью под влиянием нервного напряжения в бою, что не могу полностью доверять мемуарной литературе».

После этого обнаружение лжи, ошибок, несоответствий и передергиваний в мемуарах военных и государственных деятелей уже не удивляет.

Кроме того, очень много неувязок и темных мест в освещении вроде бы известных фактов не столь уж далекой истории обнаружилось и в трудах известных авторов, для которых вход в архивы был широко открыт. Стало ясно, что многие из них очень поверхностно исследовали события последнего периода Второй мировой войны. Читая их труды, невозможно было составить цельную и объективную картину происходивших тогда важных событий.

Поэтому стоило еще раз оценить ряд неясных и спорных моментов, которые нельзя было осветить без критического использования мемуарной литературы. С каждым шагом вглубь изучаемой проблемы горизонт отодвигался все дальше. Пришлось ввести в оборот и ряд побочных событий, без которых картина происходившего в 1945 г. была бы неполной.

Понятно, что выяснить до конца все не удалось, учитывая наличие известного «соотношения неопределенностей». Что удалось, а что нет, судить уже читателям.

Использованные сокращенные обозначения

АД – артиллерийская дивизия
АДП – артиллерийская дивизия прорыва
АК – армейский корпус
АПД – авиаполевая дивизия (полевая дивизия люфтваффе)
АртК – артиллерийский корпус
АП – артиллерийский полк
БАК – бомбардировочный авиационный корпус
БАО – батальон аэродромного обслуживания
БОР – Берлинский оборонительный район
БрТД – бронетанковая дивизия
БрШО – бригада штурмовых орудий
БФ – Белорусский фронт
ВА – воздушная армия
ВДА – воздушно-десантная армия
ВДК – воздушно-десантный корпус
ВС – Военный Совет
ВТД – воздушно-транспортная дивизия
ГА – группа армий
ГАБр – гаубичная артиллерийская бригада
ГАП – гаубичный артиллерийский полк
Гв.А – гвардейская армия
Гв.АД – гвардейская артиллерийская дивизия
Гв.ГАП – гвардейский гаубичный артиллерийский полк
Гв.ЗенАП – гвардейский зенитно-артиллерийский полк
Гв.ИП – гвардейский истребительный полк
Гв.ИнСапБр – гвардейская инженерно-саперная бригада
Гв.КД – гвардейская кавалерийская дивизия
Гв.КК – гвардейский кавалерийский корпус
Гв.ЛАБр – гвардейская легкая артиллерийская бригада
Гв.ЛСАП – гвардейский легкий самоходно-артиллерийский полк
Гв.МехБр – гвардейская механизированная бригада
Гв.МехК – гвардейский механизированный корпус
Гв.МинБр – гвардейская минометная бригада
Гв.МинД – гвардейская минометная дивизия
Гв.МинДив – гвардейский минометный дивизион
Гв.МинП – гвардейский минометный полк

Гв.ОТБр – гвардейская отдельная танковая бригада
Гв.СД – гвардейская стрелковая дивизия
Гв.ТА – гвардейская танковая армия
Гв.ТБр – гвардейская танковая бригада
Гв.ТК – гвардейский танковый корпус
Гв.ШАК – гвардейский штурмовой авиационный корпус
Гв.ШИСБр – гвардейская штурмовая инженерно-саперная бригада
ГлавПУР – Главное политическое управление Советской Армии
ГСК – горно-стрелковый корпус
ДМП – дивизия морской пехоты
ЕгД – егерская дивизия
ЗенАД – зенитная артиллерийская дивизия
ЗенАП – зенитный артиллерийский полк
ИАД – истребительная авиационная дивизия
ИАК – истребительный авиационный корпус
ИнСапБр – инженерно-саперная бригада
ИПТАБ – истребительно-противотанковый батальон
ИПТАБр – истребительно-противотанковая бригада
ИПТАП – истребительно-противотанковый артиллерийский полк
ИПТД – истребительно-противотанковый дивизион
КП – командный пункт
ЛегАП – легкоартиллерийский полк
ЛСАП – легкий самоходно-артиллерийский полк
МД – моторизованная дивизия
МехБр – механизированная бригада
МехК – механизированный корпус
МЗП – малозаметные препятствия
МинП – минометный полк
МП – мотопехотный полк
МСБр – мотострелковая бригада
НП – наблюдательный пункт
НСДАП – национал-социалистическая немецкая рабочая партия
ОБТТ – отдельный батальон тяжелых танков
ОКВ – Верховное главнокомандование вермахта
ОКХ – Верховное командование сухопутных войск
ОЛАБр – отдельная легкая артиллерийская бригада

ОРАП – отдельный разведывательный авиационный полк
ОПТАБ – отдельный противотанковый артиллерийский батальон
ОПТАД – отдельный противотанковый артиллерийский дивизион
ОСАДив – отдельный самоходно-артиллерийский дивизион
Отд.ТП – отдельный танковый полк
ОхрД – охранная дивизия
ПарБр – парашютная бригада
ПБр – пехотная бригада
ПМД – парашютная моторизованная дивизия
ПолД – полицейская дивизия
ПонтБр – понтонная бригада
ПД – пехотная дивизия
ПДД – парашютно-десантная дивизия
РГК – резерв главного командования
РСХА – Главное управление имперской безопасности
САБр – самоходно-артиллерийская бригада
САП – самоходно-артиллерийский полк
СК – стрелковый корпус
СП – стрелковый полк
ТА – танковая армия
ТБр – танковая бригада
ТВД – театр военных действий
ТГАБр – тяжелая гаубичная артиллерийская бригада
ТК – танковый корпус
ТП – танковый полк
ТТБ – тяжелый танковый батальон
ТТП – тяжелый танковый полк
УА – ударная армия
УСАБр – учебная самоходно-артиллерийская бригада
УФ – Украинский фронт
ФАК – фольксартиллерийский корпус
ФГД – фольксгренадерская дивизия
ШАК – штурмовой авиационный корпус
ШИСБр – штурмовая инженерно-саперная бригада

Глава 1
Генерал Рейман за работой

6 марта 1945 г. ответственным за организацию обороны столицы рейха был назначен генерал-лейтенант Хельмут Рейман. Первоначально ему предназначался другой пост – командующего обороной Дрездена. Подавленный увиденными разрушениями в этом крупном немецком городе, Рейман довольно резко ответил кадровику вермахта генералу Бургдорфу, сообщившему ему приказ фюрера, что здесь нечего защищать, кроме груды мусора. Как ни странно, этот импульсивный ответ произвел должное впечатление. Через час Бургдорф сообщил Рейману новое решение Гитлера – поручить ему командование обороной Берлина.

Через некоторое время Рейман, ознакомившись с положением дел, пришел к выводу, что меры, предпринимаемые в тот момент для организации обороны города, были крайне недостаточными. Генерал с головой погрузился в работу, пытаясь решить сложные вопросы подготовки столицы Германии к защите от наступления противника. В помощь ему был выделен начальник штаба – полковник Ганс Рефьер, назначенный на должность только 18 марта. Полковник был поначалу потрясен неразберихой, царившей в Берлине. Рейман был полон решимости сделать все от него зависящее для организации обороны города. Тем более что Гитлер заверил его в том, что необходимые воинские части будут выделены в нужное время.

Реймана и его начальника штаба, находившихся на своем КП на Гогенцоллерндамм, сильно удручала необходимость постоянно вести дела с нацистской бюрократией. Предложения военных об эвакуации гражданского населения, в первую очередь женщин и детей, или об организации снабжения их продовольствием были резко отвергнуты Гитлером и Геббельсом, которые не хотели задуматься о всех последствиях принятого ими решения. Возможно, Геббельс опасался, что эвакуация из города гражданского населения может оказать негативное влияние на немецких солдат, подорвет их моральный дух.

Конечно, Рейман и Рефьер, как опытные военные, понимали, что Берлинский оборонительный район вряд ли может явиться *неприступной крепостью* перед лицом врага. По их расчетам, для

надежной обороны внешнего обвода Берлина требовалось около десяти дивизий. По мнению историка Бивора, в распоряжении Реймана на 20 марта 1945 г. имелось около 125 тысяч человек: 1-я ЗенАД (около 30 тысяч человек), девять рот охранного полка «Великая Германия», несколько полицейских и саперных батальонов, а также 40 батальонов фольксштурма (общей численностью до 60 тысяч человек). Позднее предполагалось сформировать еще несколько батальонов фольксштурмистов. Артиллерийские части, приданные этой доморощенной пехоте, были укомплектованы трофейными орудиями, ранее захваченными вермахтом во Франции, Бельгии и Югославии.

Для проведения оборонительных работ нацистские деятели ежедневно выводили в среднем до 30 тысяч человек из числа жителей Берлина. Главными проблемами при возведении оборонительных сооружений являлись недостаток бензина, инструментов и строительной техники.

С целью налаживания и нормальной работы по строительству различных оборонительных объектов и устранения хаоса, создававшегося нацистскими функционерами, Рейман назначил ответственным за строительство военного инженера полковника Лобека. Генерал попросил также выделить для этой цели грамотных помощников из школы военных инженеров в Карлсхорсте.

Саперные работы в городе велись под общим руководством «организации Тодта» и некой Службой труда. Персонал этих организаций обладал достаточными навыками и хорошим снаряжением по сравнению с мобилизованными гражданскими лицами. Для рытья траншей и сооружения баррикад на улицах города были привлечены также 17 тысяч французских военнопленных, которые, правда, не особенно старались трудиться ради своих поработителей.

Хотя Рейман был не в восторге от своей задачи, он воспринимал ее по-солдатски. Однако его деятельности с самого начала препятствовали разногласия с Геббельсом. Мешало и то, что все вопросы обороны зависели непосредственно от самого Гитлера, от которого редко можно было получить четкие приказы. Рейману приходилось обращаться к начальнику ОКХ генералу Кребсу за решением вопросов подчиненности и полномочий.

Сумятицу вокруг полномочий разных командных инстанций, по словам начальника штаба БОР полковника Рефьера, было

сложно уладить. При обращении его к ОКХ следовал ответ: *«Мы занимаемся только делами на Восточном фронте. Обращайтесь к ОКВ!»* В ОКВ, в свою очередь, отвечали: *«Берлин готовится к обороне с Востока. Вы должны быть подчинены ОКХ!»*

Наконец в начале апреля 1945 г. было решено БОР подчинить ГА «Висла». Оттуда Рефьер получил ответ начштаба генерал-лейтенанта Кинцеля: *«У группы армий и так хватает забот, чтобы еще заниматься вашими. Пусть эти сумасшедшие в Берлине сами варятся в собственном соку. Вы подчиняетесь 9-й армии!»* А от начштаба 9-й армии полковника Хельца пришел ответ: *«9-я армия стоит на Одере. Мы не можем ничего выкроить для Берлина!»* Всем было понятно, что, если немцы не устоят на Одере, оборона города становится бессмысленной.

Чтобы в случае блокады можно было сажать самолеты на улицах центральной части города, Рейман приказал оборудовать для этой цели центральную магистраль Берлина – Прахт-штрассе, пересекавшую город с запада на восток. Соответствующий приказ был подписан Гитлером 23 марта. Начались работы по демонтажу бронзовых фонарей, памятников, вырубка деревьев. Это не понравилось министру военной экономики Шпееру, который стал возражать, – мол, придется потом восстанавливать Берлин после войны. В этом он сильно ошибался, так как по приговору Нюрнбергского трибунала Шпеер отсидел в тюрьме Шпандау двадцать лет.

С ним же возникли разногласия и по вопросам о подготовке к подрыву мостов в черте города и пригородах, имеющих военное значение. Шпеер просил Реймана не взрывать 10–12 особенно важных мостов, на что генерал резко возражал, так как комендантам берлинских мостов уже были даны указания об их взрыве только в самом крайнем случае. В конце концов Шпеер сумел убедить в своей правоте Гитлера, который дал указание убрать заложенные взрывные устройства с вышеупомянутых мостов, что, конечно, не способствовало укреплению обороны города.

Несмотря на все трудности, к середине апреля 1945 г. Рейману удалось многое сделать по подготовке столицы рейха к обороне – создать сплошные линии окопов и противотанковых рвов, установить линии проволочных заграждений, подготовить мины для будущих минных полей и т.д.

Глава 2
Подготовка немцев к отражению наступления Красной Армии

Готовясь к решающему сражению за столицу рейха, немецкое командование произвело в первой половине апреля перегруппировку своих войск. С целью надежного обеспечения обороны Берлина с северо-востока основные силы 3-й ТА были передвинуты к ее правому флангу. Для прикрытия же столицы с юго-востока на левый фланг 4-й ТА были переброшены резервы ГА «Центр».

В полосе наступления советского 1-го БФ, на участке Шведт – устье реки Альте-Одер, на фронте шириной в 25 км занимал оборону 46-й ТК 3-й ТА. В него входили две дивизии: 547-я ФГД и 1-я дивизия морской пехоты. В тылу корпуса, в районе Миттенвальде, были сосредоточены оперативные резервы – 23-я МД СС «Нидерланд» и 11-я МД СС « Нордланд».

Немецкая 9-я армия, имевшая в составе 101-й АК, 11-й АК СС, 56-й ТК и 5-й ГСК СС, обороняла участок фронта шириной в 120 км – от Альте-Одер до Ратцдорфа. В ее первый эшелон входили одиннадцать дивизий: 5-я ЕгД, 606-я ФГД, 309-я ПД «Берлин», 9-я ППД, 303-я ПД «Деберитц», 169-я, 712-я и 286-я ПД, 391-я ОхрД, 20-я МД и 32-я МД СС «30 января».

Оперативные резервы на этом направлении состояли из 18-й и 25-й МД, МД «Мюнхенберг», МД «Курмарк», 156-й учебной ПД и 1-й учебной АПД. Они были сосредоточены на левом фланге армии, в районе Эберсвальде – Бернау – Зеелов, против советского плацдарма западнее Кюстрина.

Кроме того, 9-я армия была усилена четырьмя артиллерийскими корпусами фольксштурма, двумя ЗенАД, 249-й, 322-й и 920-й БрШО, 1-й минометной бригадой и другими частями.

Против левого фланга 1-го БФ оборонялся 5-й АК 4-й ТА, имевший в составе три пехотные дивизии: 35-ю ПД СС «Полицай», 214-ю и 275-ю ПД.

Главная полоса одерского оборонительного района перед 1-м БФ занималась шестнадцатью дивизиями и частями крепостного управления Франкфурта. Оперативные резервы противника состояли из семи дивизий.

Командный состав немецкой 9-й армии на 16.04.1945 г.

генерал пехоты Теодор Буссе	командующий
генерал-майор Хельц	начальник штаба
полковник Хефер	начальник оперотдела
генерал-майор Виссмат	командующий артиллерией
генерал-майор Крузе	командующий артиллерией
генерал Берлин	командир 101-го АК
генерал СС Кляйнхерстеркамп	командир 11-го ТК СС
генерал СС Йекельн	командир 5-го ГСК СС
генерал Зикст	командир 5-й ЕгД
генерал-майор Росскопф	командир 606-й дивизии особого назначения
генерал-лейтенант Зикениус	командир 391-й ОхрД
генерал-майор Фойтсбергер	командир 309-й ПД «Берлин»
полковник Херрман	командир 9-й ППД
генерал-лейтенант Радций	командир 169-й ПД
генерал-майор Регенер	командир 286-й ПД
генерал-майор Хюбнер	командир 303-й ПД «Деберитц»
генерал-майор фон Зигрот	командир 712-й ПД
штандартенфюрер СС Кемпин	командир 32-й ПД СС «30 января»
полковник Шольце	командир 10-й МД
генерал-майор Раух	командир 18-й МД
генерал-майор Бурмейстер	командир 26-й МД
генерал-майор Муммерт	командир ТД «Мюнхенберг»
генерал-майор Лангкайт	командир МД «Курмарк»
бригаденфюрер Циглер	командир 11-й МД СС «Нордланд»
бригаденфюрер Вагнер	командир 23-й МД СС «Нидерланд»
генерал-майор Билер	командир «крепости Франкфурт»

Средняя оперативная плотность у немцев на этом участке составляла около 8 км на дивизию. На направлении главного удара фронта плотность возрастала до 3 км на дивизию и 66 орудий и 17 танков на один километр фронта. По существовав-

шим тогда меркам – вполне прилично, что опровергает домыслы некоторых западных исследователей о незначительности сил, защищавших Берлин.

Перед войсками 1-го УФ оборонялись войска ГА «Центр» в составе 4-й ТА и 17-й армии. В первую, прикрывавшую фронт длиной 160 км на направлениях Котбус – Берлин, Котбус – Торгау, Берлин – Дрезден, входили: ТК «Великая Германия» и 57-й ТК. В 17-й армии имелось четыре корпуса: 8-й, 17-й, 72-й АК и 40-й ТК. Кроме того, обе армии были усилены 10-й и 17-й ЗенАД, 236-й, 300-й и 311-й БрШО, тремя артбригадами, тремя танкоистребительными бригадами и другими частями.

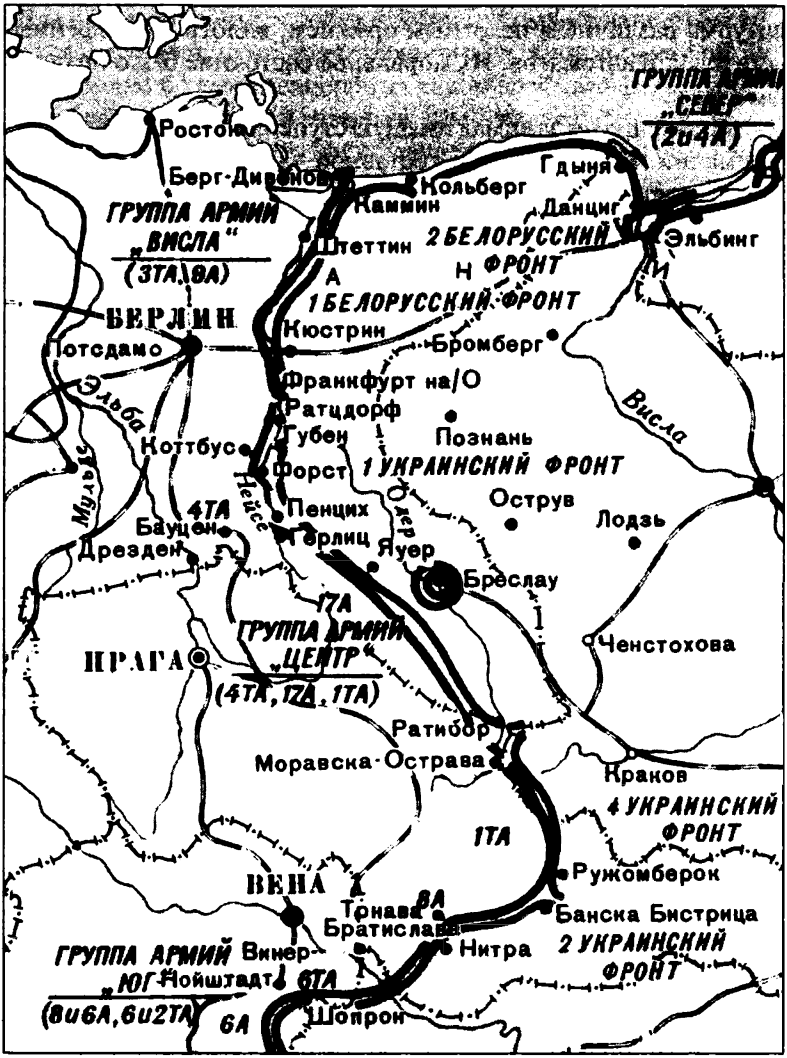
Главную полосу обороны занимали 17 дивизий: 31-я и 36-я ПД СС, 6-я, 45-я и 545-я ФГД, 615-я дивизия особого назначения, 72-я, 78-я, 17-я, 168-я, 208-я, 254-я, 269-я, 342-я и 359-я ПД, 100-я ЛПД и МД «Бранденбург». В оперативном резерве имелось еще восемь дивизий: 21-я ТД, ТД «Охрана фюрера» и «Богемия», 10-я ТД СС «Фрундсберг», 20-я ПД СС (Эстонская), 20-я ТД, ТД «Герман Геринг» и 344-я ПД.

Таким образом, командование немецкой ГА «Центр» располагало двадцатью пятью дивизиями. В районе Дрездена находилась на формировании еще и корпусная группа «Мозер», в которую входили 193-я, 404-я и 464-я ПД.

Кроме того, противник имел значительные силы и средства в составе гарнизона Берлина. Для защиты имперской столицы было сформировано около двухсот батальонов фольксштурма общей численностью около 60 тысяч человек (по другим данным – до 150 тысяч человек).

По степени своей готовности и боеспособности части фольксштурма подразделялись на четыре категории. Первую составляли лица, освобожденные от работы и размещенные в казармах. Вторую – те, кто не освобождался от работы. К третьей категории относились члены гитлерюгенда, а четвертая объединяла лиц с физическими недостатками. При наличии доли воображения можно себе представить пеструю картину этого воинства!

Наиболее боеспособными были, естественно, отряды первой категории. В состав фольксштурма входили также и полицейские, которых в Берлине насчитывалось более 30 тысяч человек. Часть их свели в особые отряды. Оснащались батальоны фолькс-



Общая стратегическая обстановка на центральном участке Восточного фронта к 1 апреля 1945 г.

штурма различным пехотным оружием, вплоть до трофейных винтовок и автоматов. Их моральное состояние было не очень высоким.

Фольксштурм занимал низшую ступень в военной иерархии Германии. Его не считали составной частью армии, и за него несли ответственность местные партийные функционеры. Обеспечение действий фольксштурма тоже было возложено на НСДАП. У фольксштурмовцев не было ни собственного транспорта, ни полевых кухонь, ни средств связи.

Вооружение воинства коменданта Берлина генерала Реймана было весьма разнообразным. Последний вспоминал, что имеющееся у его «солдат» оружие было произведено в различных странах: Италии, России, Франции, Чехословакии, Бельгии, Голландии, Норвегии и Англии. Обеспечить боеприпасами пятнадцать типов винтовок и десять видов пулеметов было крайне сложно. Батальонам, вооруженным итальянскими винтовками, повезло больше других – патронами они были обеспечены. К бельгийским винтовкам подошел один из типов чешских патронов. Греческого оружия было мало, но патронов греческих оказалось в достатке. Из-за дефицита боеприпасов научились подгонять греческие патроны под итальянские винтовки. Однако подобные отчаянные импровизации вряд ли могли решить все проблемы.

Нацистское руководство было вынуждено даже пойти на мобилизацию в армию осужденных. Например, 36-я ПД СС была укомплектована политическими и уголовными преступниками, которые до последнего времени содержались в концлагерях, а теперь должны были искупить свою вину на фронте. Эти, с позволения сказать, солдаты не горели желанием защищать фатерланд и часто перебегали на сторону противника или дезертировали.

С учетом всех сил и средств группировка немецких войск в полосе наступления 1-го БФ, по данным советской разведки, насчитывала до 510 тысяч человек, свыше 5000 орудий и минометов и около 860 танков и штурмовых орудий. Наиболее плотная группировка противника была создана перед кюстринским плацдармом, с которого ожидался главный удар войск 1-го БФ. Большую часть резервов немцы сосредоточили северо-восточнее Берлина (пять МД, одна ТД и две ПД), чтобы сорвать наступление Красной Армии на этом направлении.

Для обороны столицы рейха немецким командованием была создана и достаточно мощная авиационная группировка с привлечением наиболее боеспособных частей люфтваффе. По данным все той же советской разведки, в ее составе насчитывалось свыше 3300 самолетов, что представляется несколько завышенным числом.

Начальник ОКХ генерал-оберст Гудериан еще в марте 1945 г. прекрасно понимал, что остановка русских на Одере – это временное явление. Он считал, что немцы имеют три-четыре недели на подготовку для отражения нового наступления – пока уровень воды в Одере не понизился. Опытный генерал понимал важность захваченных русскими плацдармов на западном берегу Одера, которые нужно было надежно блокировать или ликвидировать. Гудериан говорил генерал-оберсту Хейнрици, что *«русские должны быть остановлены на Одере. Это наша единственная надежда»*. Предчувствие его не обмануло...

Конечно, немецкое военное руководство осознавало необходимость удержания оборонительного рубежа на Одере. Согласно позднейшим показаниям начштаба оперативного руководства генерал-оберста Йодля, немцам было понятно, что битва за Берлин будет решаться на Одере. Поэтому основная масса войск 9-й армии была выведена на передний край, а резервы, сосредоточенные севернее Берлина, должны были нанести контрудар по флангу войск 1-го БФ.

Йодль также заявлял, что, для того чтобы *«обеспечить необходимое пополнение частей Восточного фронта к началу наступления русских, пришлось расформировать всю армию резерва, т.е. запасные части, военные училища и военно-учебные заведения, и бросить их личный состав на пополнение войск»*.

Немецкое командование заблаговременно приступило к созданию оборонительных рубежей на реках Одер и Нейсе. На работы было мобилизовано немецкое население и привлечено большое количество военнопленных и иностранных рабочих.

Созданию устойчивой обороны благоприятствовали холмистая местность, крупные лесные массивы, обилие рек, озер, судоходных и ирригационных каналов. Большие трудности для наступающих войск представляла и густая сеть населенных пунктов с прочными кирпичными постройками, приспособленными к круговой обороне.

Перед кюстринским плацдармом главная (первая) полоса обороны состояла из трех-четырех траншей полного профиля, связанных между собой сетью ходов сообщения. При ее строительстве немцы особое внимание уделили вопросам противотанковой обороны. С этой целью передний край главной полосы выбирался по возможности по танконедоступному рубежу с использованием рек.

Передний край прикрывался многорядными минными полями с плотностью до 2000 мин/км, проволочными заграждениями и МЗП. Впереди первой траншеи, по обочинам узлов дороги, было отрыто много ячеек и подготовлены одиночные бетонированные колодцы для фаустников. Общая глубина главной полосы обороны достигала 5–10 км. Все населенные пункты в этой полосе были превращены в сильные опорные пункты.

Передний край второй полосы обороны противника проходил в 10–20 км от переднего края главной полосы обороны. Наиболее сильно в инженерном отношении был подготовлен участок перед кюстринским плацдармом 1-го БФ. Здесь полоса обороны имела две-три линии сплошных траншей. Даже отдельные фольварки были подготовлены к круговой обороне. Вторая полоса обороны на этом участке проходила по Зееловским высотам. Эти высоты и сам город Зеелов являлись одним из наиболее мощных узлов сопротивления немцев на восточных подступах к Берлину. Но об этой полосе – несколько позднее, когда будет рассматриваться вопрос о штурме пресловутых зловещих высот.

Третья (тыловая) полоса обороны тянулась с севера на юг, через Эберсвальде – Мюнхенберг – Фюрстенберг и далее по реке Шпрее. Она находилась на удалении 20–40 км от переднего края главной полосы и на такое же расстояние была удалена и от Берлина. Полоса состояла из ряда сильно укрепленных населенных пунктов, которые были окольцованы траншеями, соединенными между собой ходами сообщения. Ее оборона была возложена на саперные части, батальоны фольксштурма и части гитлерюгенда.

Фактически от Одера до Берлина была создана сплошная система оборонительных сооружений общей глубиной 20–40 км. Кроме того, немцы учли опыт прошлых боев и изменили принцип построения своей обороны: если раньше основные силы

располагались в первой полосе обороны, а вторая и третья не всегда занимались войсками, то теперь противник занял все три полосы и имел сильные резервы в глубине обороны.

Небезынтересным является мнение командующего Западным фронтом фельдмаршала Кессельринга о состоянии оборонительных сооружений немцев на берлинском направлении. Он считал, что участок фронта 9-й армии был хорошо укомплектован пехотными, танковыми и противотанковыми частями, не говоря уже об армейской и зенитной артиллерии, которые, руководимые лучшими командирами, занимали глубокоэшелонированные позиции.

Фельдмаршала успокаивало, что *«...у нас были хорошие позиции, усиленные разного рода препятствиями, в том числе водными рубежами, проходившими как по переднему краю, так и в тылу»*. Берлин, по его мнению, также был прикрыт сплошными круговыми оборонительными рубежами и заранее подготовленными позициями на случай отхода.

Поскольку Кессельринг весной 1945 г. довольно часто общался с фюрером (с 20 марта по 12 апреля – четыре раза), заслуживают внимания и его ссылки на мысли Гитлера по этому вопросу. Вот что фельдмаршал писал в мемуарах: *«По мнению Гитлера, русские никогда не смогли бы прорвать эту оборону. Он сам убедил себя в ее надежности; кроме того, он много консультировался по этому вопросу с артиллерийским командованием и остался этим вполне удовлетворен»*.

Немецкие начальники, видимо, были уверены в крепости своей обороны на Одере и делали весьма патетические заявления по этому поводу. Так, начальник штаба 9-й армии генерал-майор Хельц высказывался следующим образом: *«9-я армия стояла и стоит на Одере. Если будет необходимо, мы все погибнем здесь, но не отступим»*. Ее командующий – генерал пехоты Буссе – говорил по этому поводу столь же решительно. Даже вполне здравомыслящий командующий ГА «Висла» генерал-оберст Хейнрици уверял своих офицеров, что Берлин не будет вторым Сталинградом.

Немецкое командование, стремясь оттянуть начало наступления советских войск, пыталось даже осуществить ряд мероприятий по дезинформации советского командования. Начальнику военных сообщений было приказано начиная с 4 марта

увеличить железнодорожные перевозки в восточном направлении. По железным дорогам немцы перевозили макеты танков и устанавливали их в слегка замаскированном виде напротив плацдарма на Одере, имитируя сосредоточение двух фиктивных танковых корпусов «Берлин» (3-я ТД) и «Бранденбург» (две танковые дивизии).

Чтобы показать наличие «мощных оперативных резервов» по всей глубине обороны, были также задействованы соответственные радиосредства, которые своей работой «подтверждали» наличие в этом районе штабов не только «танковых корпусов», но даже и «танковой армии».

Но попытки противника полностью провалились. Как писал в своих мемуарах командующий советской 16-й ВА генерал-полковник Руденко, все эти перевозки были своевременно – еще в первой половине марта – засечены авиаразведкой его армии.

Одновременно с сооружением одерско-нейсенского оборонительного рубежа немецкое командование в январе 1945 г. приступило к строительству Берлинского оборонительного района. Он состоял из трех кольцевых оборонительных обводов и самого города, подготовленного к упорной обороне. Берлин со всех сторон окружен реками, каналами, озерами и лесами, что превращало столицу рейха в естественную гигантскую крепость. Кроме того, реки и каналы делили на несколько частей и сам город, что значительно облегчало немцам организацию обороны отдельных районов Берлина.

К началу наступления Красной Армии БОР состоял из внешнего, внутреннего и городского оборонительного обвода. Внешний обвод находился на удалении 25–40 км от центра города. Он проходил по озерам, каналам и рекам, имея в качестве основы крупные населенные пункты, превращенные в узлы сопротивления.

Немецкое командование предполагало на этом рубеже остановить советские войска и нанести им максимальные потери. Оно надеялось, что к основному (внутреннему) обводу наступающие должны подойти сильно ослабленными. Этот обвод, названный зеленой линией, проходил по окраинам берлинских пригородов – по линии Мальхов – Кепеник – Рудов – канал Тельтов – Кладов – Тегель. Он готовился как главная

оборонительная полоса БОРа. На этом рубеже немцы рассчитывали ввести в бой основные силы гарнизона и любой ценой удержать его. Обвод состоял из трех линий траншей общей глубиной до 6 км, но работы на нем к 16 апреля еще не были закончены.

Городской обвод проходил по линии кольцевой железной дороги. На всех улицах, ведущих к центру города, были возведены баррикады, а на перекрестках и площадях оборудованы позиции для артиллерии и минометов. На этом обводе немцы рассчитывали *«бороться за каждую улицу, каждый дом, за каждый метр земли»*, широко используя при этом подземные коммуникации города. Возможности для этого были, поскольку длина линий берлинского метро составляла около 80 км. Имелась также и разветвленная канализационная система.

Для удобства руководства боем весь оборонительный район Берлина был разделен на девять секторов. Особое место в обороне города занимал центральный – 9-й сектор, который являлся связующей основой для остальных восьми оборонительных секторов, которые радиально расходились от центра. Каждый сектор, в свою очередь, делился на три-четыре подсектора.

Передний край обороны 9-го сектора проходил: на севере – по реке Шпрее, на востоке – по Линденштрассе, на юге – по Ландвер-каналу, а на западе – по Хофегер-аллее. По периметру сектора имелись 42 моста, подготовленных к взрыву, из которых затем 34 были взорваны в ходе боев. Западная часть сектора включала центральный парк города – Тиргартен. Оборона этого сектора готовилась немцами особенно тщательно. В каждом квартале было оборудовано по нескольку укрепленных позиций. Все они соединялись между собой ходами сообщения. Глубокие подвалы и специально построенные бомбоубежища использовались для укрытия войск. Разветвленная сеть метро в этом районе давала командованию широкие возможности маневра резервами.

Центральные кварталы представляли собой батальонные узлы сопротивления с ротными и взводными опорными пунктами, которые располагались в отдельных зданиях и сообщались между собой подземными ходами. Улицы города были перекрыты тяжелыми баррикадами, которые прикрывались огнем крупнокалиберных пулеметов и орудий прямой наводки. На

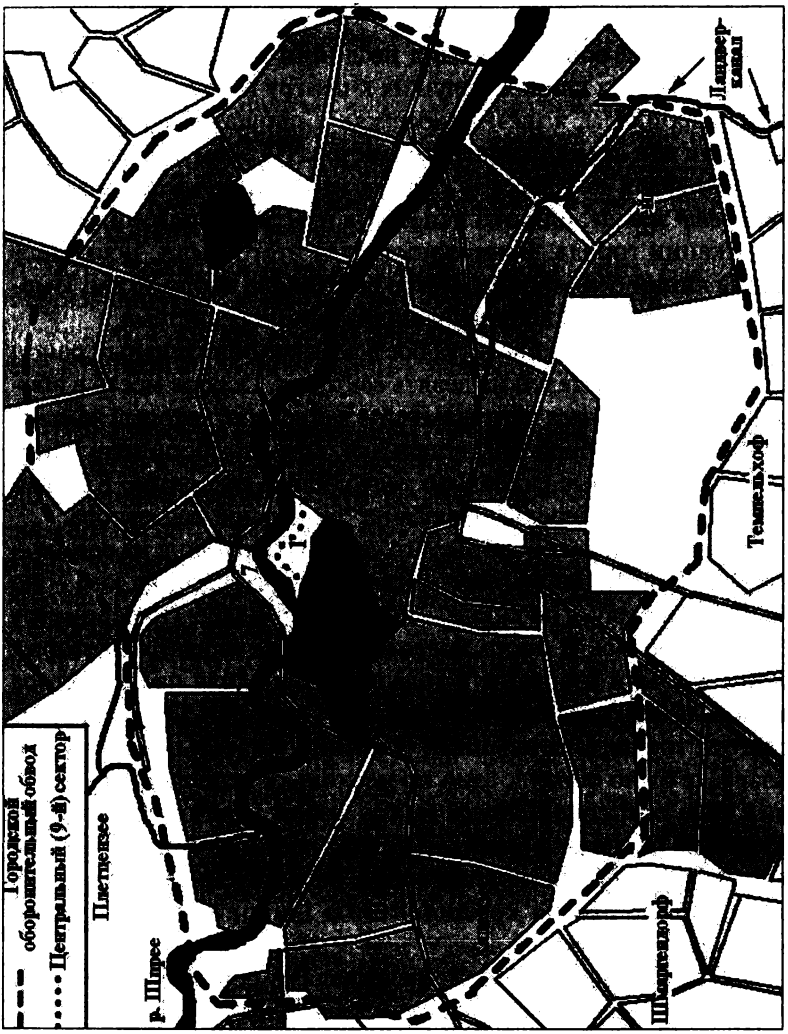

Городской оборонительный обвод
Центральный (9-й) сектор
Плетцензее
р. Шпрее
Темпельхоф
Ландвер-канал

Схема Берлина
с указанием границ основного городского
оборонительного обвода
и центрального (9-го) сектора обороны

Цифрами обозначены места расположения
основных городских объектов:
1 – рейхстаг,
2 – рейхсканцелярия,
3 – здание гестапо,
4 – Ангальтский вокзал,
5 – Потсдамский вокзал,
6 – Зоологический сад,
7 – Лертерский вокзал,
8 – Штеттинский вокзал,
9 – парк Фридрихсхайн
10 – Центральная телеграфная станция

перекрестках и у железнодорожных мостов размещались железобетонные колпаки. Всего в Берлине насчитывались более 400 железобетонных и броневых долговременных сооружений.

Кроме того, было установлено много противотанковых заграждений, выполнены завалы. Окна домов укреплялись и превращались в бойницы. Каждая улица, площадь, переулок, дом, канал, мост становились элементами общей обороны города.

Труднопреодолимыми препятствиями оказались превращенные в неподвижные огневые точки тяжелые танки, вкопанные в землю. Они были прикрыты специально сооруженными завалами из битого кирпича и рельсов и плотно обложены мешками с песком. Под нижним люком каждого танка имелся колодец для хранения боеприпасов, соединенный траншеей с подъездом ближайшего дома или подвала. Эти огневые точки можно было уничтожить только прямым попаданием тяжелого снаряда или авиабомбы.

Серьезным подспорьем в обороне города были также зенитно-артиллерийские башни с установленными на них тяжелыми 128-мм зенитными орудиями. Они сооружались начиная с апреля 1942 г. В Берлине имелось шесть башен, размещенных попарно (башня управления и орудийная башня) в парках Фридрихсхайн, Тиргартен и Гумбольдхайн. Это были серьезные железобетонные сооружения: толщина стен – 2,8 метра, а толщина перекрытий над двумя верхними этажами – 4 метра. На окнах и дверях устанавливались стальные щиты толщиной 50–100 см. Башни были оборудованы вентиляцией и имели автономное электроснабжение от дизель-генераторов.

Башня управления в шесть этажей была высотой 40 метров, а ее площадь составляла 50×22 метра. Там были размещены радиолокаторы, дальномеры и приборы управления огнем. На нижней платформе располагались четыре площадки для малокалиберной зенитной артиллерии. Внутри башни имелись как служебные помещения, так и помещения для личного состава.

На крыше орудийной башни площадью 70×70 метров по ее углам находились четыре спаренные зенитные установки 128-мм орудий. На выступах шестого этажа башни размещались двенадцать спаренных малокалиберных зенитных пушек. В силу своих небольших размеров и сильной ПВО эти башни были

практически неуязвимы как от атак с воздуха, так и от артобстрела с земли, что ставило перед атакующими войсками сложные задачи по их нейтрализации.

Может показаться, что это описание немецких оборонительных сооружений выглядит излишне подробным. Это сделано для того, чтобы читатели смогли понять, какие преграды пришлось преодолевать войскам 1-го БФ и 1-го УФ в трудных условиях местности и тесноте городских кварталов.

Глава 3
Склоки в ставке Гитлера

Днем 4 апреля 1945 г. в бункере рейхсканцелярии состоялось очередное совещание с участием высших немецких руководителей – Кейтеля, Йодля, Деница, Кребса, Бормана и Гиммлера.

Туда же был приглашен и командующий ГА «Висла» генерал-оберст Готтард Хейнрици. Перед фюрером предстал человек небольшого роста и среднего возраста. Он был сыном пастора, но по материнской линии все его предки были солдатами аж с XII века. Хейнрици не был похож на военного – аккуратный человек с манерами приходского священника, который всегда не говорил, а вещал, словно читал проповедь. Однако это был умелый, методичный и уверенный в себе вояка, мастер по организации упорной обороны. Он был именно тем человеком, который мог заняться войсками фронта, находившимися до его прибытия в хаотическом состоянии. Хейнрици очень хорошо дрался с русскими еще в 1941 г. под Москвой, но его долго не повышали в звании, потому что он не жаловал гестапо. Хотя он все же получил Дубовые листья к уже имевшемуся Рыцарскому кресту.

Генерал доложил присутствующим о местах возможных ударов по обороне группы армий «Висла» и о состоянии своих войск – 9-й армии и 3-й ТА. Он весьма откровенно обрисовал все слабости обороны и предложил отказаться от обороны Франкфурта-на-Одере. Гитлер первоначально отверг предложение Хейнрици, но после рассмотрения подробных сведений о составе гарнизона и его обеспеченности различной амуницией, к большому удивлению всех присутствующих, не привыкших после удаления генерал-оберста Гудериана к откровенным докладам об обстановке, согласился с отводом войск. В результате этого отхода немцам удалось бы высвободить до шести батальонов для усиления обороны на Одере.

Вдруг в комнату, где проходило совещание, шумно ворвался Герман Геринг. Он очень громко и с большой помпой объявил о своем посещении одной из воздушно-десантных дивизий на фронте. Солдаты в ней не имели боевого опыта и проходили подготовку только в течение четырнадцати недель, а в командном составе преобладали офицеры люфтваффе.

Громкий голос Геринга явно напугал Гитлера, словно вернув его из мира грез. Он вдруг резко вскочил и громко заговорил: *«Никто меня не понимает! Никто не делает так, как я говорю!»* Он считал, что оборона Берлина крепка, и напомнил, что русских удалось сдерживать несколько раз. Ярость фюрера не имела никакого отношения к Герингу.

Он вновь разразился обвинениями в адрес своих генералов, якобы не понимавших его тактики использования крепостей. Он привел значение крепостей Познани, Бреслау и Шнайдемюля. В заключение этой бурной тирады Гитлер вновь изменил свое решение и назвал Франкфурт крепостью. Полковнику Айсману, начальнику оперотдела штаба ГА «Висла», бывшему свидетелем этой сцены, показалось, что фюрер совершенно не может себя контролировать. Айсман вспоминал: *«Все его тело тряслось. Он дико размахивал руками, сжимавшими карандаши, которые ломались о подлокотники кресла. Создавалось впечатление, что Гитлер душевнобольной»*.

Все в испуге притихли. Не унимался лишь Хейнрици, вновь повторивший свои доводы по поводу Франкфурта. Как ни странно, его поддержали Дениц, Гиммлер и Геринг. Фюрер вновь отверг все аргументы и потребовал прислать к нему командира гарнизона Франкфурта полковника Билера, чтобы он лично смог оценить его как командира. Хейнрици понял, что проиграл свое «сражение за Франкфурт».

Билер, очень опытный офицер, был весьма невзрачным человеком в очках с толстыми линзами и вряд ли мог произвести благоприятное впечатление на фюрера. Хейнрици решил идти до конца и довести до Гитлера истинное положение. Он сообщил, что в случае русского наступления его войска на Одере не смогут долго сдерживать превосходящие силы противника ввиду своей недостаточной боеспособности. В частности, он плохо отозвался о 9-й ППД, укомплектованной бывшими чиновниками люфтваффе, и которую считал плохо подготовленной к боевым действиям, чем вызвал резкое недовольство Геринга.

Гитлер посоветовал генералу лучше готовить свои части к предстоящим сражениям, уповая на то, что русские тоже посылают в бой далеко не лучшие войска. Он полагал, что *«силы Сталина иссякли и у него остались лишь солдаты-рабы с ограниченными возможностями»*. Хейнрици удивила подобная неве-

роятная дезинформация, и он попытался уверить фюрера в том, что русские войска и боеспособны, и многочисленны. Он пожаловался, что после передачи ряда танковых соединений Шернеру в ГА «Центр» остался практически без резервов, а его войска в случае русского наступления будут терять в день по батальону на дивизию. Подобные потери нечем будет возместить, и он сможет продержаться только несколько дней.

После этого заявления Хейнрици сначала наступила тишина, а потом присутствующие на совещании военные руководители начали наперебой предлагать свою помощь в предоставлении резервов для войск, оборонявшихся на Одере. Геринг предложил предоставить в распоряжение фюрера 100 тысяч человек из люфтваффе. Гиммлер «счел за честь» отправить на Одерский фронт 25 тысяч эсэсовцев. Дениц, который уже направил Хейнрици дивизию моряков, заявил, что перебросит еще 12 тысяч человек, списанных с кораблей.

Хейнрици с изумлением смотрел на этих нацистских бонз, которые торговались, как на аукционе, стремясь выслужиться перед фюрером, предлагая неподготовленных и плохо экипированных людей.

Кто-то предложил вызвать еще и генерал-майора Вальтера Буле, ведавшего в ОКВ вопросами обеспечения войск резервами и материально-техническими ресурсами. Когда Хейнрици увидел прибывшего генерала, то с отвращением отвернулся, — тот был сильно пьян. Все остальные, включая Гитлера, казалось, ничего не заметили или сделали вид. Буле еле ворочал языком, отвечая на вопросы Гитлера о наличии резервов, оружия и боеприпасов. Из ответов пьяного генерала был сделан вывод, что можно послать на Одер еще 13 тысяч человек.

Отпустив Буле, Гитлер, сочтя, что все проблемы группы армий решены, «обрадовал» Хейнрици словами, что *«у вас есть 150 тысяч человек — около 12 дивизий. Вот ваши резервы»*. На это Хейнрици вполне резонно ответил, что ему нужны не люди вообще, а организованные, боевые части. Он эмоционально подчеркнул, что введение в бой необстрелянных, наспех сформированных частей приведет только к быстрому уничтожению всех этих людей, не имеющих боевого опыта.

Гитлер во время этой вспышки Хейнрици сохранял спокойствие, продолжая убеждать генерала в достаточности имеющихся

на Одере немецких войск. Тем не менее командующий группой армий настойчиво требовал возврата танковых дивизий. Его настойчивые пререкания с Гитлером, видимо, так надоели присутствующим, что генерал Бургдорф тихо посоветовал спорщику прекратить жалобы и закончить беседу.

Упрямый Хейнрици не желал прислушиваться к подобным советам и продолжал настаивать на своем. Гитлер при этом не выглядел обеспокоенным. Он пытался заверить всех, что танки нужнее Шернеру, поскольку главное наступление русских нацелено не на Берлин, и что главный удар будет направлен на Прагу. Фюрер сделал такие выводы из данных о концентрации русских войск в Саксонии, основанных якобы на докладе генерала Гелена. Все это попахивало довольно-таки неуклюжей дезинформацией. Хотя начальник ОКХ генерал Кребс также поддержал фюрера, согласившись с его оценкой ситуации.

Неугомонный Хейнрици, основываясь на своем опыте, просто не мог поверить в подобные фантазии. Потом генерал вспоминал, что одна мысль билась в мозгу: *«Неужели кто-то может обманывать себя до такой степени?»* Наконец-то до него дошло, что все присутствующие на совещании живут в призрачном мире грез. Хейнрици посчитал, что он выполнил долг, предупредив своего главнокомандующего о надвигающейся катастрофе.

В ответ Гитлер вновь стал вопить о том, что вера и глубокая убежденность в успехе возместят все нехватки, но ему так и не удалось убедить в этом боевого генерала. После подобного афронта в напряженном молчании и подавленном настроении Хейнрици покинул бункер, потеряв три танковые дивизии, переданные Шернеру, и получив кучу обещаний о присылке 150 тысяч необстрелянных бойцов.

Генерал не мог «излучать веру в победу» и «чувствовать, что выиграет сражение», чего добивался от него Гитлер. Хейнрици сказал сопровождавшему его полковнику Айсману, что убеждать Гитлера бесполезно, *«с тем же успехом можно попытаться стянуть луну на землю»*. Он понял, что напрасно тратил силы и время, пытаясь доказать своему главнокомандующему прописные истины.

Вот при каких обстоятельствах и каким образом решались важнейшие военные вопросы в ставке фюрера на пороге окончания войны, в преддверии решающего сражения за Берлин.

Глава 4
«Альпийские сказки» – последняя надежда Третьего рейха

К концу войны в международной прессе все чаще стало появляться выражение «Альпийская крепость». Западные эксперты предполагали, что командование вермахта намерено продолжить там сопротивление «до победного конца». Альпийская зона в западной части Австрии и Южной Германии по характеру местности, не позволяющей широко применять танки и авиацию, действительно могла бы успешно обороняться в течение длительного времени, но, конечно, при определенных условиях.

Генштаб вермахта действительно рассматривал принятие подобной стратегии. К этому по иронии судьбы немцев подтолкнул перехваченный доклад американского агента из Цюриха, который описывал крупномасштабные строительные работы по возведению оборонительных сооружений в Альпах для укрытия мифической резервной армии СС. Понятно, что доклад не имел под собой реальных оснований. Видимо, союзной разведке удалось ознакомиться с германскими штабными проработками вариантов оборонительных приготовлений в Альпах на случай отступления немецких войск из Италии. Правда, никаких серьезных строительных работ не планировалось, как об этом утверждалось в американском докладе.

Для информированных немецких штабистов было очевидно, что на создание укрепрайонов и закладку серьезных объемов запасов для обеспечения резервной армии просто уже не хватило бы времени, так как наступающие со всех сторон войска союзников приближались к указанному району. Однако эта сумасбродная идея, как один из возможных вариантов развития ситуации, была с неоправданным энтузиазмом подхвачена весьма впечатлительным гаулейтером Францем Хофером. Последний и попытался помочь воплотиться в жизнь этому мертворожденному фантастическому проекту. Как тут не вспомнить выражение, что утопающий хватается за соломинку...

Небольшие строительные работы, которые немецкой пропагандой были представлены как грандиозные, действительно имели место. Тут мы скажем о человеке, запустившем в оборот

многозначительное название «Альпийская крепость». Этим индивидуумом был главный пропагандист Третьего рейха, большой выдумщик и лгун, рейхсминистр доктор Геббельс.

Летом 1944 г. в прессе союзников появились первые сообщения об «альпийском редуте». Тогда же Геббельс дал указание прессе не затрагивать тему «Альпийской крепости». Видимо, хорошо информированной разведке союзников удалось узнать о негласном указании министра пропаганды, после чего немецкий термин в результате какой-то утечки информации перебрался на страницы западных газет.

Суть идеи Геббельса заключалась в намерении запугать западных союзников возможностью развертывания борьбы в горном районе, даже с применением партизанских методов, с использованием так называемого вервольфа. Мастерски организованная Геббельсом, направленная подача дезинформации привела к тому, что американцы стали всерьез опасаться создания германскими военными последнего укрепленного рубежа для выигрыша времени.

Например, статья лондонского корреспондента газеты «Нью-Йорк таймс» от 12 ноября 1944 г. под заголовком *«Убежище для Гитлера»* описывала работы в Альпах. Вслед за этой публикацией журналисты, охочие до сенсационных сообщений на военные темы, выдали множество подобных сочинений.

Серия аналогичных публикаций в коммунистической газете «Дейли уоркер», выходившей в Нью-Йорке, возможно, была инспирирована советской разведкой для отвлечения внимания США от Берлина к южному флангу боевых действий. История была раздута этой газетой до неприличных размеров, утверждавшей 15 ноября 1944 г., что у немцев имелись планы сражаться в «Альпийской крепости» до *«последней капли крови»*.

Геббельс и сам дал толчок к развязыванию соответствующей дискуссии в рядах противников Германии. В декабре 1944 г. он дал устное секретное указание немецкой прессе не писать о строительстве оборонительных укреплений в Средней Германии, чтобы не *«вызвать пораженческих настроений»*. Он считал, что вместо этого следовало использовать все связи и возможности, чтобы информация о мифической «Альпийской крепости» проникла в нейтральную прессу и вызвала обеспокоенность союзного военного командования. Геббельс даже

создал в своем министерстве небольшой штаб, задачей которого и было распространение дезинформации о горном «редуте».

В восторге от подвернувшейся возможности одурачить своего противника с помощью подобной лжи и пытаясь посеять раздор среди союзников, пропагандисты Геббельса очень рьяно принялись за дела. Эти борзописцы буквально высасывали из пальца истории, в которых говорилось о *«неприступных бастионах, оснащенных ракетами ФАУ»* и так далее.

Не осталось в стороне от проводимой дезинформационной кампании и военное руководство Третьего рейха. Начальник разведывательного отдела «Иностранные армии – Восток» генерал-майор Гелен еще 26 июля 1944 г. получил из ОКВ телеграмму за подписью Гитлера о том, что ему необходимо *«приступить к созданию убежища, "Альпийской крепости"»*. Конечно, генерал лично не мог помочь в создании этого оборонительного сооружения, но зато мог, используя свои богатые возможности, поучаствовать в дезинформационной кампании по созданию мифа об этой фантастической крепости, для того чтобы сбить с толку разведку союзников.

Надо признать, что Геббельсу и его подручным удалось достичь определенного успеха. Из резидентуры Даллеса в Берне отсылались в США пространные телеграммы, начиненные выдержками из германских газет и европейской прессы. Подобные методы работы американских разведчиков, творивших с помощью ножниц и клея, конечно, не характеризуют их с наилучшей стороны. В данном случае швейцарскую резидентуру на подобный путь по информированию своего руководства подвигло отсутствие серьезных разведывательных источников в упомянутом альпийском районе. Американцы предпочитали составлять доклады «наверх» на основе сообщений военных атташе нейтральных стран в Берлине.

Информация по «Альпийской крепости» начала накапливаться в Вашингтоне еще с сентября 1944 г. Тогда эксперты УСС, изучая Южную Германию, пришли к выводу, что к концу войны нацисты, вероятно, будут эвакуировать некоторые правительственные учреждения в Баварию. В феврале 1945 г. военное министерство США даже выпустило документ контрразведки, в котором говорилось о недооценке важности докладов о вероятном последнем нацистском оплоте в Баварских Альпах. Этот

меморандум призывал военачальников, вплоть до уровня командиров корпусов, не забывать об этой опасности.

Несмотря на то что британские разведслужбы и УСС попытались потом приглушить панические настроения, основанные на малодостоверных докладах, грозный призрак «национальной цитадели» достиг огромных размеров.

Тревожные доклады продолжали поступать. Начальник разведки американской 7-й армии предвидел возможность создания в цитадели элитного отряда из эсэсовцев и горных стрелков численностью 200–300 тысяч человек. В его докладе говорилось, что *«в район цитадели с 1 февраля 1945 г. прибывает различное снаряжение со скоростью от трех до пяти очень длинных эшелонов в неделю»*. Известно, что у страха глаза велики, – кто-то засек даже появление нового типа орудий. Упоминалось и о подземном авиазаводе, на котором можно собирать истребители.

Военные атташе нейтральных стран в Берлине сообщали о том, что опорные пункты в горах соединены подземными железными дорогами и в них накапливается лучшее военное снаряжение и даже почти все немецкие запасы отравляющих газов.

Поскольку поток докладов в штаб Верховного Главнокомандования союзными силами в Европе не иссяк, в штабе снова и снова продолжали анализировать поступающие разведданные. Союзные штабисты, буквально заваленные столь негативной информацией о важном стратегическом районе европейского ТВД, уже не могли игнорировать вероятность существования пресловутой «Альпийской крепости».

Вот как 11 марта 1945 г. оценивала ситуацию разведка штаба Верховного Главнокомандования союзников: *«Теоретически... внутри этой крепости... защищенной как природой, так и эффективным секретным оружием, силы, которые до сих пор правили Германией, выживут, чтобы организовать ее возрождение»*. Вот какая фантастическая картинка создалась в умах американских разведчиков-теоретиков, далеких от реальной разведработы и склонных к составлению отвлеченных аналитических отчетов. И далее в документе говорилось: *«Факты указывают на то, что значительное количество войск СС и специальных оборонительных частей систематически отводятся в Австрию...»*

Только обладая очень богатой фантазией, можно принять остатки разгромленных немецких соединений и отдельные

эсэсовские подразделения за какую-либо реальную силу, способную оказать сопротивление объединенным силам союзников. В заключение аналитики разведки запугивали своих штабистов тем, что *«большинство важных министерств и персон нацистского режима уже обосновались в этом укрепленном районе»*. Раскрывая свои «важные источники», американские разведчики сообщили, что *«по слухам, Гитлер, Геринг и Гиммлер... удаляются в свои личные горные крепости»*.

Конечно, если пользоваться слухами, можно было бы нагородить и еще более невероятные умозаключения. Подобная информация, полученная от союзных разведчиков, видимо, глубоко проникла в сознание их высшего военного руководства.

Начальник разведки штаба Верховного Главнокомандования союзников британский генерал Кеннет Стронг сказал начальнику штаба американскому генералу Беделлу Смиту: *«Может, цитадели там и нет, но мы должны принять меры на тот случай, если она там есть»*. По мнению последнего, согласившегося с оценкой опытного разведчика, *«имелись все причины верить, что нацисты намереваются дать свое последнее сражение среди скал»*. Звучит весьма романтично, особенно если учесть, что подобные мысли были высказаны будущим директором ЦРУ!

Конечно, мнение о военном значении «Альпийской крепости» в союзных штабах было далеко не однозначным. В докладе Объединенного разведывательного комитета Главного командования союзных войск в Европе говорилось, что *«подтверждения о том, что стратегия германского командования целиком и полностью подчинена созданию обороны в так называемом «национальном редуте, нет»*. Несмотря на высказанное весьма здравое соображение, союзные эксперты, видимо, для собственной подстраховки далее добавили, что целью создания такого редута является затянуть войну на длительное время в надежде на возможный разлад в рядах союзников.

Теоретические измышления союзных разведчиков не смог поколебать даже еще один доклад на эту же тему, опирающийся на показания пленных немецких генералов и старших офицеров. Военнопленные заявляли союзным разведчикам, что никто из них не слышал о так называемом национальном редуте, и рассматривали подобный план как нелепый и неприемлемый.

После всего сказанного об «Альпийской крепости» становится ясно, что союзное командование стало жертвой грубой немецкой дезинформационной кампании, действие которой было усилено излишним теоретизированием американских разведчиков, которые своими докладами, не подтвержденными реальными разведсведениями, запугали собственных руководителей мифическими опасностями, таящимися в горном районе.

В результате подобного положения дел с оценкой полученных разведданных союзное военное командование твердо уверовало в возможность ведения немцами длительных оборонительных действий в Альпах с привлечением элитных войск и приступило к разработке планов по овладению последним мощным укрепрайоном немцев, оборудованным для круговой обороны.

Командование Красной Армии по своим каналам также получило некоторые сведения о попытках создания «Альпийской крепости», месторасположением которой был выбран горный район на стыке Германии и Австрии – район Мюнхен – Инсбрук – Зальцбург. По утверждению начальника оперативного управления генштаба генерала Штеменко, *«стали появляться достоверные сведения о ее создании»*. В частности, начальник чехословацкой военной миссии в Москве генерал Пика с конца марта 1945 г. неизменно докладывал о сосредоточении сил и средств немецких войск в указанных выше горных районах. Туда шли железнодорожные эшелоны и машины с цементом и другими стройматериалами, направлялись разного рода ремонтные мастерские, подвозилось штабное оборудование и рабочие команды.

Было очевидно, писал Штеменко в своих мемуарах, что *«противник не жалеет материальных средств для оборудования пунктов управления, строительства складов, системы огневых позиций для разных видов оружия, мест размещения и районов обороны войск»*. Соблюдалась и определенная маскировка всех проводимых мероприятий.

Советское военное командование достаточно сдержанно, без нервозности отреагировало на получение подобного рода сведений. Указанный горный район лежал несколько в стороне от операционных интересов советских генштабистов, которые прекрасно понимали, что немцам прежде всего просто не хватит времени, да и материальных ресурсов для быстрой подготовки

к обороне альпийского горного района и своевременного занятия там войсками оборонительных позиций ввиду скорого краха Третьего рейха.

В действительности Гитлер никогда серьезно не помышлял о создании «альпийского редута». Не был даже назначен ответственный за организацию обороны этого региона, хотя различных уполномоченных по различным вопросам в рейхе хватало.

Фельдмаршал Кессельринг, как главнокомандующий на Юге, получил неожиданный для себя приказ об обороне «Альпийской крепости» довольно-таки поздно, всего лишь 20 апреля 1945 г. Он знал, что укреплена была только южная граница Баварских Альп, где фортификационные работы продолжались и в апреле, а на позициях находились отдельные подразделения эсэсовской мотопехоты.

У фельдмаршала были сведения, что в этом горном районе скопились много различных тыловых частей и подразделений, штабов. Горнострелковые войска, необходимые для обороны горных районов, в Альпах полностью отсутствовали. Различных припасов и продовольствия, нужных для обеспечения воинских частей, было крайне мало. Организация завоза продовольствия в «Альпийскую крепость» была поручена обергруппенфюреру Полю, найти которого в нужное время не представилось возможным. Вероятно, важный эсэсовец, за которым числилось множество грехов, был больше озабочен собственной судьбой, чем какими-то надоедливыми вопросами снабжения войск.

Кессельринг прекрасно понимал, что с чисто военной точки зрения «Альпийская крепость» могла бы представлять определенную ценность лишь в том случае, если бы обороняющие ее войска могли не только сковать крупные силы, но и нанести им серьезное поражение. С большим сожалением фельдмаршал отмечал, что это было совершенно невозможно.

Среди высшего руководства нацистской Германии нашлись и другие личности, кроме Геббельса, желавшие использовать так называемую «Альпийскую крепость» в своих личных планах по выходу из затруднительного положения в конце войны. Одним из них был начальник РСХА Эрнст Кальтенбруннер.

В конце марта 1945 г. он поделился своими планами со своим подчиненным – начальником реферата VI Д оберштурмбанн-

фюрером Хеттлем. Начальник РСХА, не будучи военным специалистом, надеялся, что в течение всего нескольких недель высотные зоны Альп можно подготовить к обороне. Этот уроженец Австрии считал, что благодаря естественным свойствам горной местности потребуются совсем небольшие усилия для того, чтобы создать там круговую оборону на значительной территории. Хеттль утверждал, что Кальтенбруннер даже тратил драгоценное время, чтобы систематически проводить проверку предпосылок длительного и упорного сопротивления в указанном горном массиве.

Кальтенбруннер привлек к делу по оборудованию «Альпийской крепости» немецких промышленников. Хеттль присутствовал при его разговоре с генеральным директором заводов «Штайер» Майндлем, который в служебном рвении уже начал перевод отдельных цехов и целых предприятий в большие пещеры, находящиеся у подножия Тирольских гор. Майндль заверял Кальтенбруннера, что уже 1 мая 1945 г. там можно будет начать выпуск оружия в небольших количествах. Подобные заверения начальник РСХА получил и от целого ряда директоров различных промышленных предприятий, продукция которых была необходима для обеспечения сражающихся войск.

Похоже, что Кальтенбруннер, не отличавшийся особо развитым интеллектом и большим запасом военных знаний, действительно верил в возможность длительного ведения обороны в условиях горной местности. Конечно, было понятно, массированное использование современных технических средств в указанных условиях не представлялось возможным. Авианалеты на хорошо укрытые под землей объекты вряд ли могли дать какой-либо положительный результат. В этом случае Кальтенбруннер, которого хорошо знающий его Хеттль оценивал как здравомыслящего и расчетливого человека, просто ударился в фантастику, пытаясь найти выход из безвыходного положения, в котором он оказался к весне 1945 г.

Шеф РСХА безуспешно пытался получить, пусть даже молчаливое, согласие союзников на дальнейшее ведение войны против СССР, спекулируя мифической возможностью затянуть сопротивление в «Альпийской крепости». Кальтенбруннер надеялся, что эта пресловутая «крепость» могла стать объектом переговоров для выторговывания более значимых уступок со

стороны западных союзников. В случае их отказа шеф РСХА на полном серьезе намеревался оборонять «крепость». Для осуществления этих планов ему надо было получить от Гитлера всеобъемлющие полномочия для решения военных вопросов. Он должен был обладать правом отдачи приказов генералам вермахта, касавшихся вопросов ведения боевых действий на южном ТВД, охватывающем значительную часть Австрии.

Для этого у него должны были быть развязаны руки, но упрямый фюрер в последний момент отказал в передаче Кальтенбруннеру даже части своих прерогатив, пусть и в каком-либо ограниченном районе. Так рухнули планы высокопоставленного эсэсовского политического авантюриста.

Глава 5
О возможности взятия Берлина Красной Армией в феврале 1945 г.

История, как известно, не имеет сослагательного наклонения. Но все же... В вооруженной борьбе постоянно возникают некие альтернативные варианты действий, из которых по разным причинам не всегда выбираются лучшие. Что же видится в ретроспективе?

Мысли о взятии Берлина с ходу, используя благоприятный момент инерции движения вооруженных масс войск 1-го БФ и 1-го УФ в ходе так называемой Висло-Одерской операции, появились у советского Верховного Главнокомандования еще в январе 1945 г. По мнению тогдашнего начальника оперативного управления генштаба Красной Армии генерал-полковника Штеменко, анализ сложившегося положения подтверждал ранее сделанный генштабом вывод о необходимости безостановочного наступления, вплоть до овладения Берлином. Естественно, советское военное руководство понимало, что падение Берлина в то время не означало немедленной капитуляции Германии, так как сохранялись еще очень сильные группировки противника на Западе, в Венгрии и Австрии, в Норвегии и Италии. В то же время было ясно, что взятие Берлина могло бы окончательно подорвать устои Третьего рейха.

Общая военно-политическая обстановка диктовала необходимость всемерно ускорить подготовку завершающего удара советских войск на берлинском направлении.

Выйдя на рубеж Быгдощ – Познань, войска 1-го БФ на неделю раньше срока выполнили поставленную задачу. Это дало возможность планировать дальнейшие наступательные действия и, подтянув тылы, 1–2 февраля возобновить наступление, с ходу форсировать реку Одер.

Близость Германии притягивала, а войска 1-го БФ, достигнув Одера, выходили напрямую к столице рейха. Ощутимая близость Берлина, по словам члена ВС фронта генерал-лейтенанта Телегина, *«придавала всему строю наших мыслей наступательное направление»*. Тем более что, по данным разведки, у противника сил было не много. Реально замаячило досрочное окончание войны, со всеми вытекающими последствиями для тех, кто уско-

рил это событие. Последнее, правда, было весьма проблематично, если вспомнить, какая крутая судьба предназначалась многим генералам и маршалам после долгожданной Победы.

Исходя из оценки обстановки и видя, что противник не может сдержать наступление на подступах к Одеру, командование 1-го БФ 26 января 1945 г. внесло в ставку предложение о развертывании наступления на Берлин, обходя его с севера. Уже на следующий день ставка быстренько утвердила это предложение, так как оно выглядело очень соблазнительно.

Командущий фронтом Жуков, видимо, думал о Берлине еще в ходе наступления через Польшу от Вислы. Тогда он дал обещание остановить успешно наступавшие части 1-й и 2-й Гв.ТА на два дня после занятия познаньского рубежа. Когда же армии вышли на этот рубеж, Жуков сразу же «забыл» о своем обещании и тут же поставил им новые задачи. Теперь, а это было 23 января, он уже требовал овладеть мощными оборонительными укреплениями на границе Германии до занятия их немецкими резервами, так как упреждение противника в занятии этих позиций обеспечит успешное и быстрое проведение Берлинской операции.

Командующий 1-м УФ Конев тоже решил не отставать от Жукова и вышел в ставку с аналогичным предложением, которое сводилось к тому, чтобы уже к 25–26 февраля выйти на реку Эльба, а правым флангом совместно с 1-м БФ овладеть Берлином. Эх, куда хватил Иван Степанович! Какой размах! Почему же не наступать прямо до Рейна? Как можно было после трех с половиной лет войны так нереально оценивать обстановку, свои силы и возможности противника?

Понятно, что ставка тут же утвердила и это совершенно фантастическое предложение. Почему же не утвердить, если сами командующие фронтами без какого-либо нажима сверху предлагали столь радужные планы? К сожалению, в высших военных кругах опять сказалась эта безудержная эйфория после удачно развивающегося наступления. Как результат возникла недооценка способности немцев к продолжению сопротивления и восстановлению целостности развалившегося фронта. Хотя случаев убедиться в этом было более чем достаточно начиная с боев зимы 1941/42 г.

Верховный Главнокомандующий Красной Армией был полон гордости за свои войска. 4 февраля 1945 г. на проходившей

тогда Ялтинской конференции он, по воспоминаниям британского премьера Черчилля, дал весьма оптимистическую оценку обстановки, отметив, что немцы лишь «заделывают дыры». Мнения всех высших командных инстанций совпадали – нужно продолжать наступление!

Фронты, как водится, получили соответствующие директивы из Москвы и, в свою очередь, выдали 4 февраля ориентировку войскам, зная, правда, о переброске немцами с Запада на Восток четырех танковых и до пяти-шести пехотных дивизий, а также нескольких дивизий из Прибалтики и Восточной Пруссии. Тучки уже набегали, и гром погрохатывал. Тем не менее войскам было приказано *«в ближайшие шесть дней закрепить достигнутый успех, подтянуть тылы до 9–10 февраля, пополнить запасы и стремительным броском»* 15–16 февраля взять Берлин! Как просто давались подобные оптимистические и легковесные указания! Похоже, слепил советских военачальников близкий яркий свет грядущей Победы!

Конечно, решение командования было скоропалительным и необдуманным. Неужели при принятии этого решения о стремительном броске не было ясно, что войска устали, а их тылы растянулись, и что наступило время распутицы, оттепели и гололеда. Последнее, конечно, не облегчало организации снабжения войск, а нехватка боеприпасов и горючего не позволяла должным образом использовать артиллерию и танки, а без них попытки наступать были заранее обречены на неудачу. В это время раскисли все грунтовые аэродромы, что в сочетании с ненастной погодой практически парализовало действия авиации.

Немецкая же авиация, базировавшаяся на стационарных аэродромах, вновь перехватила господство в воздухе, совершая до 3000 вылетов в день, безнаказанно атакуя части Красной Армии и отслеживая все их перемещения. Героические попытки ряда авиационных командиров использовать в качестве ВПП немецкие автострады являлись чистой импровизацией, которая не могла дать большого эффекта.

Фланги наступавших войск тоже надо было прикрывать, что было очень сложно, потому что соседи вырвавшихся вперед 1-го БФ и 1-го УФ сильно отстали.

Командующий 1-м БФ маршал Жуков, учитывая сильное отставание левого крыла своего фронта и возможность нане-

сения немецкого контрудара по его растянутому правому флангу и желая подстраховаться, еще 31 января направил Верховному донесение-просьбу, исполненную в довольно категорической форме: *«Прошу приказать Рокоссовскому* (командующему 2-м БФ) *немедленно наступать 70-й армией в западном направлении, хотя бы на уступе за правым флангом 1-го БФ. Конева прошу обязать быстрее выйти на р. Одер»*.

Маршал понимал, что в преддверии планируемого наступления его фланги должны быть надежно прикрыты. Тон донесения в адрес Сталина говорит лишь о том, что Жуков не страдал излишней дипломатичностью даже в отношении вышестоящих начальников. Пока его резкость осталась без ответа, но Верховный, который никогда ничего не забывал, столь же резко ответил Жукову в апреле 1945 г., когда начавшееся наступление на Берлин застопорилось.

Дальнейшее развитие событий на фронте опровергло оптимистические прогнозы Верховного Главнокомандования Красной Армии и нарушило его «наполеоновские» планы.

В первых числах февраля стала назревать опасность немецкого контрудара со стороны Восточной Померании во фланг и тыл выдвигавшейся к Одеру главной группировки 1-го БФ. Начальник ОКВ фельдмаршал Кейтель впоследствии на допросе показал, что в феврале – марте 1945 г. планировалось провести контрнаступление против русских, наступавших на Берлин, используя померанский плацдарм. Планировалось, что войска ГА «Висла» прорвут русский фронт и выйдут в тыл, на Кюстрин. Начальник ОКХ генерал-оберст Гудериан потом подтвердил существование замысла, по которому немецкое командование намеревалось нанести мощный контрудар с *«молниеносной быстротой»*, пока русские не подтянули к фронту крупные силы или не разгадали этих намерений.

Наступление предполагалось начать 15 февраля, а приготовления к нему начались уже в конце января. В это время немцы выдвинули на Одер все имеющиеся резервы и даже офицерские школы. Надо признать, что путем экстраординарных мер им удалось в очередной раз в относительно короткий срок более или менее стабилизировать обстановку на фронте и улучшить соотношение сил на берлинском направлении. Это поставило войска 1-го БФ в оперативном отношении в невыгодное положение.

Первоначально Гудериан планировал нанести сходящиеся удары из Померании и из района Глогау – Котбус. Он понимал, что части Красной Армии даже в эти победные для них дни понесли потери, растянули коммуникации и просто устали. Он знал, сколько крупных очагов сопротивления немцев осталось в тылу у русских: Познань, Торн, Грауденц, Шнайдемюль, Дойн-Кроне и другие. Старый немецкий танкист знал, как изнашиваются траки у танков и как выматываются в непрерывных боях их экипажи, а материальное обеспечение войск падает ниже безопасного уровня. Гудериан ставил перед войсками ограниченные, реальные задачи. Никто уже не говорил о глобальных восточных «Арденнах» с далеко идущими целями. Он хотел отсечь острие образовавшегося выступа и еще раз проучить русских, выиграв два-три месяца для стабилизации Восточного фронта. И его опять ждало жестокое разочарование.

Во-первых, еще 16 января фюрер решил направить 6-ю ТА СС с Западного фронта вместо Одера в Венгрию для защиты последних нефтяных источников, хотя с помощью радиоигры русских пытались уверить в обратном. В показаниях, данных после войны, Кейтель признал, что Гитлер считал защиту Вены и Австрии жизненно важной и что он скорее смирился бы с падением Берлина, чем с потерей венгерских нефтяных месторождений и Австрии.

Во-вторых, 8 февраля у Гудериана опять возник очередной скандал с Гитлером по поводу переброски войск из Курляндии для проведения намеченного контрудара. Фюрер с необычной яростью обрушился на начальника ОКХ, и рейхсмаршал Геринг был вынужден схватить Гудериана за рукав и увести в соседнюю комнату, предложив ему выпить чашку кофе для успокоения. Потом Гитлер снова вызвал генерала, но тот опять затронул вопрос эвакуации из Прибалтики, из-за чего фюрера охватил новый приступ ярости. Гудериан вспоминал потом, что фюрер стоял с поднятыми кулаками, а генерал Томале тащил назад своего начальника за фалды мундира, боясь, что между спорящими может начаться рукопашная схватка. Правда, несмотря на скандал, а может, благодаря ему несколько дивизий из Курляндии все же было разрешено перебросить в Померанию.

На второй неделе февраля, после наступления войск 1-го УФ, были окружены немецкие гарнизоны в Глогау и Бреслау, слу-

жившие исходными районами для планировавшегося флангового удара, а ГА «Центр» была отброшена к реке Нейсе. В результате Гудериан решил отказаться от двух сходящихся ударов и сосредоточить силы для флангового удара из лесного массива в районе Арнсвальде, в Померании. Оказывается, что командующий 3-й ТА генерал-оберст Раус еще 13 февраля пытался отговорить командующего ГА «Висла» рейхсфюрера Гиммлера от проведения наступательной операции в районе Штаргарда, не ожидая от нее никаких решительных результатов из-за превосходства русских на данном участке фронта. Он предлагал использовать собранные танковые части для отражения предполагавшейся атаки русских. Гиммлер отверг все доводы опытного танкового генерала, ссылаясь на приказ фюрера, согласно которому придется атаковать при любых обстоятельствах.

Раус попытался предложить компромиссное решение. Будучи уверенным, что их наступление будет остановлено уже на второй день, он предлагал после этого немедленно прекратить операцию и отвести сильные резервы для защиты от советской контратаки, которая обязательно должна последовать. Раус также уговаривал рейхсфюрера не допустить переброски этих резервов на другие участки фронта, прежде чем контратака будет отбита, так как это может привести к краху ГА «Висла».

Длительные доказательные уговоры возымели свое действие. Гиммлер полностью согласился с точкой зрения настойчивого генерала, но это не могло изменить ситуацию.

На совещании 13 февраля 1945 г. по поводу этого контрудара опять возник очередной скандал между Гитлером и Гудерианом. Последний настаивал на срочном начале контрудара, утверждая, что нельзя ждать, пока подвезут последнюю канистру с горючим и последний снаряд. Рейхсфюрер Гиммлер настаивал на том, что войска пока еще не готовы выступать, так как нужно подождать прибытия дополнительного вооружения и достаточного количества топлива. Гитлер встал на защиту своего приближенного, убеждая начальника ОКХ в том, что «национальный вождь» сам способен провести наступление. Гудериан вполне резонно указывал на отсутствие опыта у самого рейхсфюрера и его наспех собранного штаба.

После этого последовал очередной взрыв гнева Гитлера: он выкрикивал в лицо своему начальнику генштаба различные

обвинения, вопил, глаза его вылезали из орбит, жилы надувались на висках. Но Гудериан с ледяным упорством повторял свои доводы. Так продолжалось около двух часов. Потом Гитлер внезапно успокоился и согласился на назначение генерала Венка в штаб рейхсфюрера. Взяв Гудериана под руку, фюрер произнес: *«Генштаб сегодня одержал победу»* – и даже улыбнулся своей «чарующей» улыбкой. После всего случившегося Кейтель и другие участники совещания стали упрекать Гудериана за его упрямство, опасаясь, как бы у фюрера не случился удар.

Нельзя сказать, что намерения немецкого командования остались тайной для советского военного руководства. Да и советская стратегическая разведка не дремала. Вполне конкретная информация поступила из туманного Альбиона, от одного из самых ценных советских агентов – Джона Кернкросса, который в это время имел доступ к материалам дешифровки радиопереговоров стран Оси в рамках сверхсекретной (но только не для СССР!) операции «Ультра».

Кернкросс еще при подготовке немцами операции «Цитадель» проинформировал советское командование о подготовке удара под Курском. Это помогло авиации нанести превентивные удары по всем немецким аэродромам, которые однако по ряду причин не дали ожидаемых результатов.

Сейчас же на встрече со своим русским куратором, состоявшейся 5 февраля, Кернкросс сообщил о перехвате и расшифровке радиограммы японского посла в Берлине в свой МИД в Токио. В ней говорилось, что в ближайшие две недели немцы готовятся нанести на Востоке сильный контрудар, который, по их мнению, должен решить судьбу войны. Место проведения – Померания, командующий – Гиммлер. Таким образом, важная информация стратегического значения вовремя поступила в Москву.

К сожалению, фронтовая разведка не располагала в то время полными данными о сосредоточении немецких войск на участке 1-го БФ, считая, что у противника там имеется только одиннадцать дивизий. В действительности на 1 февраля в 9-й и 2-й армиях были уже 22 дивизии и одна бригада. Поэтому и выводы на основании этих данных были сделаны советским командованием соответствующие. Советская разведка к тому же считала, что 6-я ТА СС будет переброшена на Одер, то есть попалась на удочку немцам, усиленно проталкивавшим эту дезинформацию.

С целью создания сильной ударной группировки войск в Восточной Померании, группа армий «Висла», созданная 26 января 1945 г., в начале февраля была усилена 11-й армией в составе 39-го и 3-го ТК, а потом – 2-м АК и 10-м ТК СС из 9-й армии. Кроме того, имелось управление 3-й ТА, которому были подчинены 11-й АК, 7-й ТК и 16-й АК СС. Эта армия, правда, занимала оборону на левом берегу Одера. Следует признать, что к началу февраля начала вырисовываться реальная угроза фланговой удара по частям 1-го БФ, вышедшим на Одер.

Официальная российская историография считала, опираясь, видимо, лишь на номера немецких соединений, что противник располагал для этого значительными силами и занимал выгодное оперативное положение. С последним трудно не согласиться. Все вышеуказанное вынуждало советское командование уделять этому участку большое внимание, держать здесь значительные силы, что тормозило подготовку удара на Берлин.

Растянутость правого фланга 1-го БФ не позволяла создать достаточно мощную ударную группировку на главном направлении. Жуков пытался перегруппировать 47-ю армию на Одер, но возрастающее сопротивление противника не позволило ему это сделать. С другой стороны, частные операции из-за недостатка сил не позволяли разгромить противостоящую немецкую группировку в Померании.

Это утверждение можно проиллюстрировать на примере советской 1-й Гв.ТА.

1. 4 февраля – она была выведена с Одера на отдых в район Ландсберг (за правым флангом 1-го БФ);

2. 12 февраля – 8-й Гв.МехК сменил части 1-го МехК из 2-й Гв.ТА севернее Кюстрина и включился в бой на правом берегу реки;

3. 13 февраля была получена директива командования 1-го БФ о подготовке наступления на Берлин, так как казалось, что через несколько дней с восточно-померанской группировкой немцев будет покончено (силами 2-й Гв.ТА и 8-го Гв.МехК) и без ввода в бой главных сил 1-й Гв.ТА. Это опять было следствием вечного головокружения от успехов, о котором мудро вещал вождь народов еще в 30-х годах.

4. К 17 февраля было приказано представить план наступления, а к утру 19 февраля уже началась переброска частей армий

на правый фланг 1-го БФ, как реакция на немецкие контрудары в районе Арнсвальде.

5. После отражения этих немецких атак 22 февраля была поставлена задача наступать к Балтийскому морю, на Кольберг.

Гитлер на одном из совещаний в начале февраля 1945 г. дал совершенно правильную оценку положения на фронте. Признавая положение на Одере и в Померании весьма критическим, он все же приходил к выводу, что создалась возможность нанести удар русским.

Он полагал, что русские пока не будут продолжать своего наступления через Одер в берлинском направлении, так как их правый фланг находился под сильной угрозой сосредоточенных в Померании немецких войск. Фюрер был твердо уверен, что можно не опасаться наступления русских на Берлин, пока они не устранят угрозу из Померании. Он считал, что можно ударить в тыл русским у Нижнего Одера, и это может высвободить войска в Померании для наступления в направлении Познани.

Гитлер убеждал своих военных, что русские не будут так глупы, как немцы, когда они, ослепленные близостью Москвы, хотели непременно взять ее. Он даже намекнул Гудериану, что тот должен лучше других знать, чем это кончилось. Фюрер подчеркнул, что данная им оценка положения – единственно верная, что только дилетанты и начинающие могут судить иначе.

Чуть забегая вперед, надо отметить, что, когда после провала немецкого контрнаступления русские повели наступление не на Берлин, а на немецкие войска в Померании, Гитлер неистовствовал еще больше, повторяя, что прав был он, и только он один разгадал намерения русских. Он даже потребовал поднять протоколы прежних совещаний, где обсуждался вопрос о дальнейших планах русских, чтобы по ним доказать свою правоту. Гитлер дал эти протоколы для ознакомления Геббельсу, который вернул их с запиской: *«Мой фюрер, почему Вы не уберете этих неспособных генералов?»*

В данном случае Гитлер правильно оценил ситуацию, однако ничто уже не могло изменить хода событий...

Нельзя отрицать, что, сохраняя в своих руках Восточную Померанию, немецкое командование рассчитывало нанести мощный удар по флангу и тылу 1-го БФ. Конечно, на период сосредоточения сил для этого контрудара оно поставило своим

войскам задачу упорной обороной и контратаками не допускать дальнейшего продвижения войск Красной Армии в Восточной Померании, измотав и обескровив их.

Кроме того, войска 1-го БФ в период с 9 по 14 февраля 1945 г. на своем правом фланге вынуждены были вести бои против трех окруженных немецких группировок: в Шнайдемюле – до 30 тысяч человек, в Дойч-Кроне – около 7000 человек, в Арнсвальде – до 20 тысяч человек. Это тоже отвлекало внимание командования фронта от берлинского направления.

Похоже, что активные действия и контратаки противника чрезмерно напугали командование 1-го БФ, получившее, как ему казалось, подтверждение возникшим опасениям за свой правый фланг. В результате чего частный немецкий контрудар, нанесенный 17 февраля 1945 г. у Штаргарда, был принят за начало широкомасштабного наступления.

Член ВС 1-го БФ генерал-лейтенант Телегин в мемуарах довольно подробно описывал свои разговоры с Жуковым в начале – середине февраля 1945 г. по поводу изменения решения о наступлении на Берлин. Маршал начал задумываться о возможных последствиях наступления практически сразу же после указаний о взятии Берлина. Однажды Телегин застал командующего в его комнате, когда тот поглядывал на карту мелкого масштаба европейского ТВД, где было указано как положение советских войск, так и армий союзников. Заметив удивление члена Военсовета, Жуков, усмехаясь, выдал: *«Иногда обзор с большой высоты открывает многое из того, чего не увидишь, разглядывая то же самое в упор!»*

Высоко сидел и далеко глядел Георгий Константинович! Командующий популярно объяснил политработнику, выходцу из НКВД, что *«главные силы нёмцев нависают над нашим правым флангом и ждут, когда мы приведем в действие свой план штурма Берлина. Тогда они нам и врежут по горбу!»*. Вот так незатейливо, по рабоче-крестьянски объяснил сложные оперативные вопросы прославленный полководец.

Любил размышлять за противника товарищ Жуков. Это могло и подвести иногда, поскольку далеко не все зависело только от образа мышления немецких военных. Последний мог быть и близок к русскому, так как принципы (но не способы) ведения военных действий все же имеют общий характер, а вот

состояния мыслей фюрера и возможностей немецких войск на данный момент маршал, видимо, и недоучел.

Впрочем, Телегина удивил не его возбужденный тон и не выбор им соответствующих выражений. Жуков не только на редкость точно подбирал слова, чего не мог не отметить старый политработник, но и в отличие от Рокоссовского употреблял довольно крепкие выражения. Короче, умел комфронтом использовать ненормативную лексику. Телегина удивила самокритичная откровенность, с которой маршал, в сущности, признавался в том, что ориентировка войск на захват Берлина была по меньшей мере не лучшим образом придумана. Жуков, доверительно раскрываясь, что с ним бывало нечасто, признал, что его поначалу удивило некое несоответствие в расстановке сил противника. Русские не скрывают намерения в ближайшее время войти в Берлин, а сил там меньше, чем на фланге?

В данном случае опять возникает вопрос о слабой работе войсковой разведки, которая на протяжении всей войны оставляла желать лучшего. Ведь она явно не предоставила своему командующему полных данных о противнике. К тому же еще и Рокоссовский, по мнению Жукова, топтался на месте. Действительно, войска 2-го БФ, встретив сильное сопротивление немцев, далеко отстали от правого крыла 1-го БФ. Это тоже могло послужить основанием для отмены намеченного наступления 1-го БФ на Берлин. Причины отставания 2-го БФ не очень волновали Жукова, хотя Рокоссовскому явно не хватало сил для организации наступления на сильно растянувшемся фронте, а резервная 19-я армия перебрасывалась аж с Карельского фронта и до сих пор не успела сосредоточиться.

Жуков, вспоминал Телегин, попытался сыграть за противника и вот к каким выводам пришел. Немцы должны попытаться ослабить удар 1-го БФ на промежуточных рубежах и, когда силы наступавших войск будут израсходованы, ударить по их тылу с севера, отрезать наступавших от баз снабжения, может, даже окружить, то есть на пороге своего разгрома затянуть окончание войны, искать пути выхода из нее с наименьшими потерями. Вот такую устрашающую картину возможного развития событий нарисовал маршал своему члену ВС. Масштабно мыслил командующий, но в данном случае сугубо теоретически, не опираясь на возможное наличие и других мнений у своих штабистов.

Услужливый Телегин тут же привел ряд примеров, подтверждавших рассуждения командующего. Он вспомнил нерасчетливое наступление конно-механизированной группы генерал-лейтенанта Крюкова, близкого друга Жукова, зимой 1943 г. под Севском, когда пришлось выручать незадачливых конников из окружения. Не забыл Телегин и подобный промах командующего 65-й армией генерал-лейтенанта Батова в районе Паричей, в Белоруссии, зимой 1944 г., когда после немецкого контрудара не только с трудом удалось восстановить фронт, но даже и пришлось отступить. Это не должно было повториться, тем более у стен столицы рейха!

В то же время эти размышления, вероятно, сняли тяжесть с души члена ВС 1-го БФ, так как он прекрасно понимал трудности снабжения войск из-за распутицы и растянутых коммуникаций, проблемы нехватки транспорта, работающего на износ, сложности действий авиации из-за неблагоприятных погодных условий. Ведь совсем недавно у него был раздосадованный командующий 16-й ВА генерал-полковник Руденко. Он не мог поднять в воздух свои самолеты и облегчить положение войск на плацдармах за Одером. Последним в ответ на панические сообщения о полном господстве в воздухе немецкой авиации и непрекращавшихся бомбежках посоветовали *«зарываться в землю»*, конечно, не в буквальном смысле. К тому же Телегин понимал, что если кто-то и мог отработать назад и отменить решение наступать на Берлин, так это был только сам Жуков.

Все последующие события, по мнению Телегина, красноречиво подтвердили своевременность принятого единственно правильного решения, но скорее всего – наиболее надежного и лишенного малейшего риска. Любое другое, не учитывающее возможности вражеского удара с севера, привело бы, по словам политработника, к самым тяжелым последствиям. Член ВС 1-го БФ в данном случае полностью поддержал своего командующего в принятом решении, не выражая ни малейшего сомнения в его правильности. Не будем при этом обсуждать уровень оперативной подготовки политработников высокого ранга.

Конечно, не только один Жуков видел опасность флангового удара по войскам 1-го БФ. Ставка также проявляла беспокойство по поводу растянутого северного фланга 1-го БФ и громадного разрыва в Померании между фронтами Жукова и Рокоссовского.

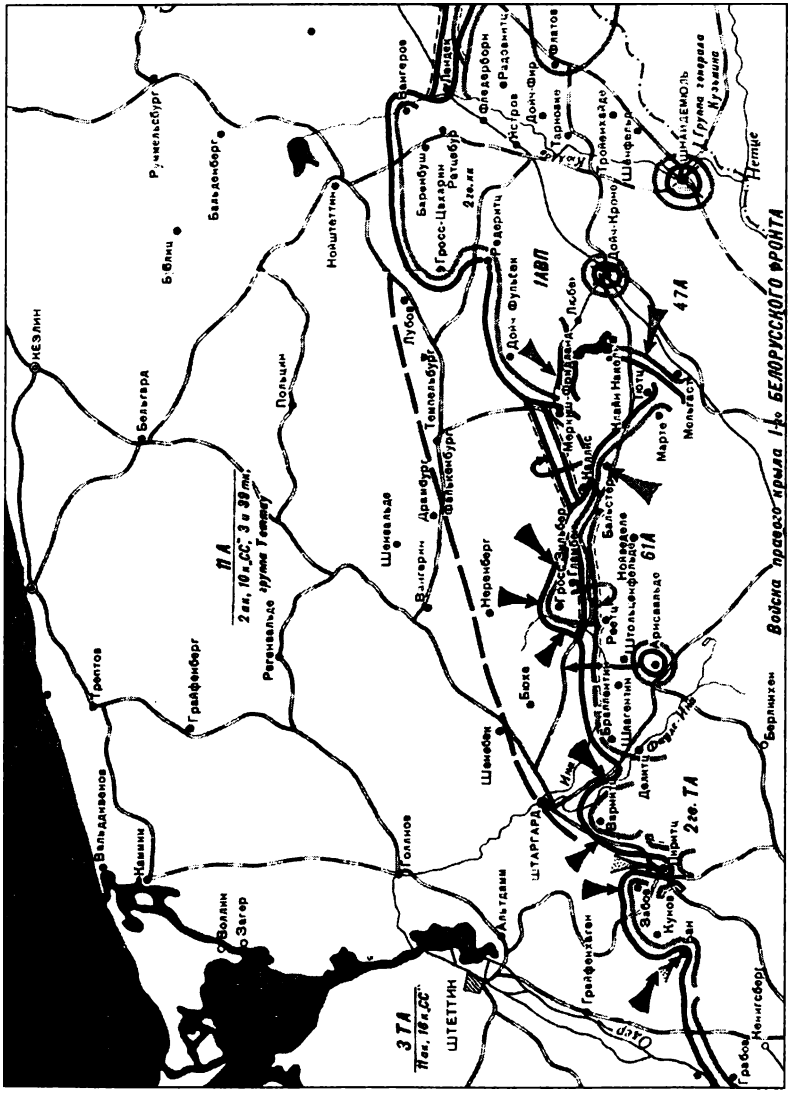
Размер опасности, по свидетельству начальника оперативного управления генштаба генерал-полковника Штеменко, постоянно взвешивали в Москве. И Верховный Главнокомандующий, и генштаб постоянно вели переговоры не только с Жуковым, но и непосредственно с командующими армиями. Такова была повседневная практика ставки (в лице Сталина) на протяжении всей войны – общаться с командармами через голову командующего фронтом. Как патетически писал Штеменко, чувствовалась *«особая историческая ответственность за каждое решение»* и *«нельзя было действовать опрометчиво»*.

Как же развивались реальные события?

Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии в феврале 1945 г. поставила задачу 1-му БФ: разгромить окруженные немецкие группировки и начать подготовку удара на Берлин, а правый фланг прикрыть 1-й Гв.ТА и тремя корпусами.

10 февраля Жуков представил свои соображения в ставку. Он, не изменяя задачи армиям правого крыла 1-го БФ, наметил ряд мероприятий по укреплению подготовки к наступлению на Берлин. Он предлагал оставить незначительные силы против восточно-прусской группировки, а основные силы готовить к предстоящей операции. По его мнению, подготовку можно было бы начать 12–13 февраля, чтобы через 10–12 суток осуществить все намеченные мероприятия.

Ставка опять согласилась с этими предложениями, и командование фронта приступило к их осуществлению. Но быстро добить окруженные немецкие группировки на правом фланге 1-го БФ не удалось. Группировку в Арнсвальде немцы вообще смогли деблокировать, пробив к ней шестикилометровый коридор силами 3-го ТК СС. Гарнизон в Дойч-Кроне все же был ликвидирован частями 125-го СК генерал-лейтенанта Андреева. Этот генерал попытался так же легко разгромить группировку противника в Шнайдемюле, но это ему не удалось. Немцы вырвались из города в ночь на 14 февраля, прошлись по тылам советских войск и были разгромлены лишь на подходе к линии фронта частями 79-го СК 3-й УА – будущими героями штурма рейхстага. Правда, генерал-лейтенант Андреев потом попытался «взять реванш» в послевоенных мемуарах, где сражение за Шнайдемюль выглядело вполне благопристойно, а победа 125-го СК была «безоговорочной».


Войска правого крыла 1-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА
Кёслин
Бельгард
Польцин
Рыхельсбург
Бальденберг
Б.Вульниц
Ноймаркт
Лубов
Гемельбург
Шивельбейн
Арнсвальде
Регенвальде
Грайфенберг
Трептов
Вальдивенов
Кемпин
Волин
Загер
Голлнов
Альтдамм
Штаргард
Шивелбейн
Нейштеттин
Баренбуш
Гросс-Шварин
Ратцебур
Фледервиц
Разевальк
Тарновке
Троекнезде
Шифельбейн
Гемеле
Грос-Крейц
Мольдасс
Марта
Ноймаркт
Гросс-Шварин
Нейдамм
Ноймаркт
Ратц
Штольценфельде
Арнсвальде
Шлагентин
Деммин
Вернигероде
Кунов
Заспов
Грайфенхаген
Данн
Ной-Стеттин
Берлинхен
Грабов
Ноенгсберг
Одер
ШТЕТТИН
3 ТА
Нач. 10.2.45.
2 ТА
2 ТА
61 А
47 А
1 ГВТ
1 ГВП
2 ТА
2 ТА
2 ТА

С другой стороны, Гитлер, несмотря на потерю очередной крепости, не стал обвинять свои войска в отсутствии стойкости. Командир гарнизона Шнайдемюля оберштурмбаннфюрер Ремлингер и его заместители, с остатками своих войск вырвавшиеся из окружения, были награждены им Рыцарскими крестами.

Одним из плюсов этого шнайдемюльского эпизода явилось то обстоятельство, что с 14 февраля наконец-то освободился еще один целый корпус с частями усиления для парирования ожидавшегося немецкого наступления.

После ликвидации окруженных немецких группировок, проведенной не очень-то удачно, войска правого крыла 1-го БФ получили приказ перейти к жесткой обороне. Задача же разгрома немецких войск в Померании на этот момент была ставкой поставлена войскам 2-го БФ, с которой они заведомо не могли справиться из-за недостатка сил, что явилось очередным крупным оперативным просчетом генштаба.

Таким образом, к 16–17 февраля 1945 г. обстановка на правом фланге 1-го БФ продолжала осложняться и не сулила ничего хорошего советским войскам.

Подготовка немецкого контрудара, как вы помните, началась со скандала в ставке Гитлера, а продолжилась еще одним чрезвычайным происшествием.

Гудериан в ходе бурных объяснений с Гитлером добился от него назначения на должность начальника штаба группы армий «Висла» своего заместителя генерал-лейтенанта Вальтера Венка. По словам американского исследователя Мичема, это давало хоть какую-то надежду на успех операции. Но Гитлер настаивал, чтобы Венк, который оставался также и начальником оперативного отдела ОКХ, продолжал посещать ежевечерние совещания в ставке, что означало для генерала ежедневные поездки длиной около 400 км!

И вот буквально за два дня до начала операции Венк на рассвете 14 февраля покинул бункер рейхсканцелярии. Шофер его автомобиля «БМВ» сказал, что не может больше вести машину, и Венк, который и сам уже не спал три ночи, вынужден был сесть за руль. Чтобы не заснуть, он пытался жевать сигарету, но через час, устав до предела, все же отключился.

На скорости около 90 км/час автомобиль врезался в парапет моста на шоссе Берлин – Штеттин. При ударе шофера и майора-

адъютанта выбросило наружу, а Венк, потеряв сознание, остался в «БМВ», зависшей на краю моста над водой. Поскольку машина еще и загорелась, шофер очнулся, услышав звук рвущихся в огне патронов. Отважный водитель сумел подобраться к горящему автомобилю и вытащил из нее тяжело раненного генерала, на котором уже начала гореть одежда.

Венк очнулся только на операционном столе. Его травмы были крайне тяжелы: перелом основания черепа, пять сломанных ребер и многочисленные ушибы. Он отделался сравнительно легко, пробыв в госпитале до 15 апреля 1945 г. Видимо, сказалось качество немецкого медобслуживания и высокая квалификация немецких врачей.

Но это была не последняя автокатастрофа в жизни Венка. Божья кара настигла его уже через много лет после окончания войны. Будучи уже пенсионером, он скончался 1 мая 1982 г. именно в результате автокатастрофы. Видимо, 14 февраля 1945 г. свыше была назначена только «репетиция»...

Венк не вовремя выбыл из игры и не смог руководить запланированным контрударом, о чем немцы, конечно, сильно сожалели. Одной из главных причин своего неуспеха они считали именно отсутствие Венка в решающий момент. Может быть... Опять возникают мотивы известного, хотя и спорного, марксистского тезиса о роли личности в истории. Хотя, как будет чуть ниже видно, в создавшихся условиях даже Венк не смог бы добиться большого успеха. Вряд ли возможно принимать всерьез утверждение английского исследователя Алана Кларка, что *«решающий удар был нанесен судьбой»*, подразумевая под этим случившееся с Венком. Хотя Кларк был вынужден признать наличие и других факторов (нехватка людей и техники) в качестве неудачи немецкого контрудара.

К 15 февраля основная масса немецких соединений, намеченных для участия в наступлении, была готова начать боевые действия. Атакующую группировку возглавил командующий 3-й ТА генерал-лейтенант Э. Раус. В нее входили: 10-я ТД СС «Фрундсберг», 4-я МД СС «Полицай», 11-я МД СС «Нордланд», 23-я МД СС «Нидерланд», 503-й ОБТТ, 115-я БрШО и боевая группа 28-й МД СС «Валлония».

Правда, указанные дивизии классифицируются малопонятным термином «панцер-гренадерские», но это не должно удив-

лять современного читателя. Ведь нынешние переводчики не отягощены знаниями тонкостей перевода военных текстов с немецкого и, естественно, не знают, что столь сложная словесная конструкция означает всего лишь «моторизованная дивизия» (согласно справочнику военного переводчика за 1944 г.).

В составе этих эсэсовских дивизий насчитывались около 40 тысяч человек и не менее 100 танков, в том числе около 80 T-V «пантера» и T-VI, а также 17 танков T-VI «королевский тигр» в составе 503-го ОБТТ. Их поддерживали соединения вермахта: ТД «Гольштейн» и «Гренадеры фюрера», и 911-я БрШО. Английский историк Толанд оценивал численность всей этой группировки в 50 тысяч человек и 300 танков. Последняя цифра представляется несколько завышенной, так как войска СС и части вермахта, по немецким данным, имели не менее 200 танков и штурмовых орудий. Почти все немецкие дивизии, кроме 10-й ТД СС, по своей численности не превышали состава бригады. Кроме того, в боевых действиях участвовали также несколько противотанковых бригад, в которых роты, вооруженные фаустпатронами, передвигались на велосипедах.

Кларк в своем труде «Барбаросса» писал, что *«3-я ТА Рауса фактически была лишь тенью боевой мощи вермахта ранних, менее критических сражений»*. И вот почему: танковые дивизии имели в своем составе всего по два танковых батальона. Только три дивизии были оснащены танками T-V «пантера», а три другие дивизии имели танки T-IV и немного танков T-VI «тигр». В некоторых случаях танки, предназначенные для укомплектования частей, не успевали прибыть с заводов. Танковые экипажи уже участвовали в боях несколько недель и были сильно утомлены. К тому же после действий на Западе, где превосходство союзников в воздухе было подавляющим, заставить танкистов действовать в светлое время суток было крайне затруднительно. Кстати, немецкая авиация и в Померании не смогла поддержать с воздуха действия своих наземных войск из-за недостатка горючего.

Значительную часть пополнений составляли моряки, полицейские и наземный персонал люфтваффе, не имевший боевого опыта и технического умения для управления сложной боевой техникой. В связи с хронической нехваткой горючего в немецких танковых частях экипажи имели приказ сливать бензин из подбитых танков.

Уильямсон в своей работе «СС – инструмент террора» вполне обоснованно отмечал, что эти уже изрядно измотанные соединения не обладали потенциалом, достаточным для развития успеха. Он также утверждал, что пополнение, поступившее в состав элитных частей СС, *«было совершенно не подготовлено к боевым действиям в качестве танкистов и пехотинцев»*. К тому же многие из этих вновь испеченных эсэсовцев, по словам Уильямсона, *«не понимали, ради чего они должны жертвовать собой в конце войны»*. Трудно не согласиться с подобным рассуждением.

Куда же могла «рвануть» и как «вдарить по горбу» эта разношерстная малообученная немецкая мотопехота образца 1945 г. при «поддержке» танкистов, которые для продвижения вперед вынуждены были сливать горючее у своих же камерадов? Ведь от Штаргарда до Кюстрина было около 80 км.

Немецкие штабные офицеры хотели дать операции кодовое название «Рейд гусар», что ясно отражало немецкие возможности совершить не более чем диверсионную вылазку против советских войск. Эсэсовское командование настояло на том, чтобы операции присвоили более броское наименование – «Солнцестояние» («Зонненвенде»).

Известный эсэсовский генерал Пауль Хауссер отмечал, что у частей, принимавших участие в данной скороспелой операции, не оставалось времени ни на проведение разведки перед ее началом, ни на тщательную подготовку. Но тем не менее немецкие танкисты поначалу атаковали с отчаянной решимостью. Вряд ли на них могло подействовать воззвание Гиммлера, который в привычном ему патетическом стиле призывал свои войска: *«Вперед! Вперед через грязь и снег! Вперед днем и ночью! Вперед к освобождению земли рейха!»*

Моральный дух у немцев если и не был высок в общепринятом смысле, то характеризовался, по словам Кларка, тем *«элементом последнего отчаяния, которое может вылиться в героический порыв – и так же неожиданно кончиться полной деморализацией»*.

Сказывался, видимо, и определенный фактор тактической внезапности. Да и сплошной обороны части советской 47-й армии создать не успели, хотя о возможной атаке, по некоторым данным, было известно еще за десять дней до ее начала. Вероятно, сделала свое дело и усталость советских войск после успеш-

ных наступательных операций, проведенных в течение зимних месяцев 1945 г.

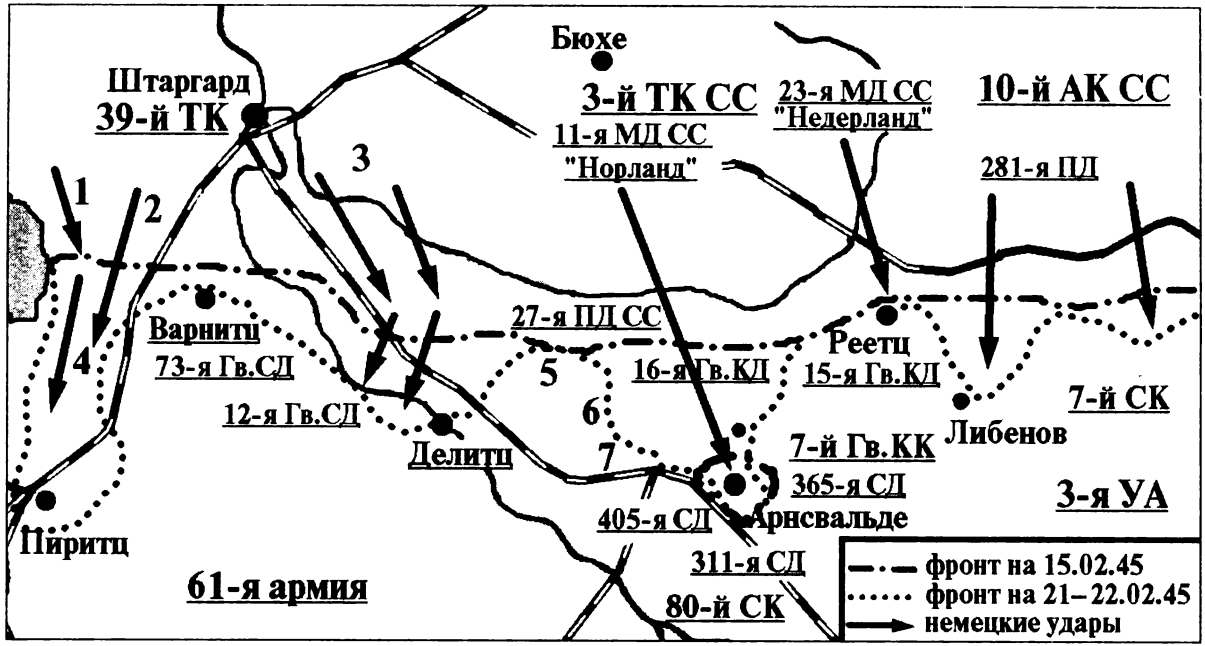
Оборона войск Красной Армии носила очаговый характер: минированы были лишь подходы к населенным пунктам и узлы дорог, где противотанковая оборона, построенная на основе 76-мм пушек, смогла ослабить напор немцев. Но на открытой местности немецкое наступление в первый день было относительно успешным – им удалось вклиниться в оборону 47-й армии. Кларк даже утверждал, что к ночи 16 февраля немцы взяли в плен около трех тысяч человек. При таких масштабах военных действий подобная цифра вызывает определенные сомнения, так что ее можно оставить на совести автора.

Толанд отмечал, что немецкая пехота действовала нерешительно, и ее продвижение к ночи на 17 февраля составило около 12 км. Авиация 1-го БФ поневоле слегка помогла немцам, облегчив им ночные действия: бомбардировщики и штурмовики хорошо поработали над Штаргардом, и город в ночь на 17 февраля сильно горел, освещая близлежащую местность.

Несмотря на столь скромные успехи в первый день наступления, генерал СС Феликс Штайнер довольно нагло заявил командиру МД «Валлония», бельгийскому нацисту Леону Дегреллю: *«В этом году мы снова будем у Днепра!»* Вряд ли последний, который воевал на Восточном фронте с 1941 г., был семь раз ранен и награжден Рыцарским крестом, мог поверить своему коллеге. В этом «смелом» высказывании эсэсовского генерала, сделанном, вероятно, под воздействием большого количества выпитого спиртного, просматривается какая-то наигранность. Понятно, что встретиться на Днепре в 1945 г. эти два эсэсовца могли только в качестве военнопленных...

Реакция советского командования на немецкую вылазку была молниеносной. Уже 17 февраля начались контратаки, что признавал и генерал СС Пауль Хауссер. Танки 4-й МД СС «Полицай», пытавшиеся форсировать реку Варта юго-западнее Ландсберга, после дуэли с русскими танками ИС-2 вынуждены были отступить. Потом эту дивизию вообще вывели из боя и перебросили в район Данцига.

К отражению немецкого контрудара подключились части 2-й Гв.ТА, и он быстро выдохся. Кларк оценивал его как самое короткое – от двух до четырех дней – и самое неудачное наступ-



Немецкий контрудар в Померании в феврале 1945 г.
Цифрами обозначены: 1 – 911-я БрШО, ТД «Шлезиен», 10-я ТД СС, 2 – 28-я ПД СС, 3 – 10-я ТД СС «Фрундсберг», 4-я ПД СС «Полицай», 4 – 12-й Гв.ТК, 5 – 14-я Гв.КД, 6 – 23-я СД, 7 – 212-я СД

ление, предпринятое германской армией. Видимо, здесь английский историк несколько преувеличивал масштабы и значимость этого контрудара. И уж никак нельзя считать его последним, если помнить действия 12-й армии Венка, пытавшейся деблокировать части 9-й армии и вышедшей к Потсдаму в апреле – мае 1945 г.

Уильямсон вообще писал, что немцы *«отошли через два дня»*. Тут, как обычно, выступает на передний план «фигура умолчания» со стороны западного историка: уж не сами же по себе отошли эти эсэсовские соединения? На самом деле немецкие атаки продолжались пять дней – с 16 по 20 февраля.

В работе о Восточно-Померанской операции говорилось, что неоднократные попытки частей 9-го и 12-го Гв.ТК 2-й Гв.ТА сломить сопротивление врага в районе Штаргарда и Пиритц – Бан не принесли желаемых результатов. Атаки советских частей и контратаки немцев приводили, как правило, к встречному столкновению, в котором ни одной из сторон не удавалось добиться решающего успеха.

Советские историки вынуждены были признать, что врагу удалось добиться некоторых успехов. Немцы вновь заняли города Пиритц и Бан, потеснив на ряде участков войска 1-го БФ к югу, затормозили их продвижение к Штеттину и связали тяжелыми боями части 2-й Гв.ТА.

В общем же, события развивались по сценарию, ранее предсказанному генералом Раусом. После незначительных успехов в начале наступления оно застопорилось на второй день после тяжелых потерь в танках. Потом часть танковых и мотодивизий была отведена с фронта и переброшена в район Силезии – Саксонии, в результате чего немецкий фронт в Померании был неоправданно ослаблен. Так что парировать начавшееся 22 февраля 1945 г. наступление войск 1-го БФ немцам было практически нечем.

В советские времена историки не уделяли внимания описанию боев по отражению немецкого контрудара, хотя немцы продвинулись в глубь советской обороны на 8–20 км. В истории боевых действий 2-й Гв.ТА есть только упоминание о боях в районе Штаргарда 17 февраля, видимо, как не особенно заслуживающих внимания – ведь каких-либо ярких успехов добиться там не удалось.

В книге о боевом пути 9-го Гв.ТК события тоже описывались общими фразами типа: *«2-я Гв.ТА на 85 километровом фронте приковала значительные силы противника, нанесла им поражение, отразила вражеские атаки и обеспечила развертывание войск фронта для нанесения удара по группировке противника в Померании»*. Все это, конечно, так, но нет совершенно никакого упоминания о частях 47-й армии, как будто только танкисты-гвардейцы остановили немцев.

В десятом томе «Истории Второй мировой войны» результаты так называемого немецкого контрудара оценивались совершенно однозначно. В этом капитальном труде говорилось, что *«войска правого крыла 1-го БФ при активной поддержке 16-й ВА не только отразили контрудар, но и нанесли немецким войскам значительный урон»*. Потери немцев в этих боях оценивались в 70 тысяч убитых, раненых и пленных, что представляется явно завышенным для боев такого масштаба.

Советская официальная историография фактически проигнорировала этот с ее точки зрения малозначительный эпизод. Не Прохоровка ведь!

Отсутствие официального труда на эту тему дало широкий простор недобросовестным мемуаристам вроде начальника политотдела 47-й армии полковника Калашника. Он утверждал, что после 14 февраля 1945 г. *«войска 47-й армии закрепились и вели бои только местного значения, готовясь отразить возможный удар»*. Калашник также сообщал, что *«активные боевые действия»* на участке 47-й армии *«возобновились только во второй половине марта»*, имея в виду альтдамскую операцию советских войск.

Выходит, что начальник политотдела «не заметил» немецкого контрудара по частям его 47-й армии в период с 19 по 25 февраля 1945 г., в результате чего войскам армии пришлось даже отойти назад примерно на 10–12 км? В чем тут дело? То ли политработника, перед которым после войны были открыты все военные архивы (ведь он служил тогда в Главном политуправлении Советской Армии в звании генерал-полковника), опять подвела память, то ли он не захотел портить боевую биографию 47-й армии описанием не очень удачных и тяжелых боев? Даже генерал-лейтенант Андреев, страдающий «провалами памяти» о боях его 125-го СК за Шнайдемюль, упоминал в мемуарах о немецком контрударе у Штаргарда в период с 16 по 20 февраля.

Ссылки на мемуары военачальников объясняются тем, что нет описания боевого пути 47-й армии. Вероятно, она ничем особенным не прославилась во время войны и потому не привлекала внимания военных историков. Да и Л.И. Брежнев в этой армии не служил...

Несмотря на сложившуюся на правом фланге 1-го БФ обстановку, его командующий по-прежнему считал главной задачей своих войск подготовку и проведение наступательной операции на берлинском направлении. В тот момент Жуков полагал, что в его распоряжении имеются достаточные силы, для того чтобы парировать возможные удары противника, а также оказать помощь 2-му БФ, не откладывая подготовку к проведению Берлинской операции. Чего тут больше: недооценки сил противника или переоценки своих сил, или присутствует и то и другое?

На основании этих соображений Жуков 17 февраля в ответ на запрос ставки просил утвердить следующее решение: 19 февраля нанести удар в северном направлении на Голнов (силами 61-й армии, 1-й Польской армии, частью 3-й УА, 2-й Гв.ТА и 7-го Гв.КК), а оставшимся частям правого крыла фронта выйти на рубеж реки Одер. Решение без возражений было утверждено Сталиным. Правда, из-за усилившегося сопротивления противника быстро стало ясно, что войска не смогут решить поставленные перед ними задачи.

Вот только после этих событий командующий 1-м БФ решил перейти к обороне на своем правом фланге, чтобы обескровить противника и подготовить войска к парированию его возможного более мощного удара. По словам начальника Оперативного управления генштаба генерал-полковника Штеменко, стало очевидным, что предложение наступления на Берлин *«стало для нас невозможным»*. По его утверждению, это было бы преступлением, на которое, естественно, не могли пойти ни советское Верховное Командование, ни генштаб, ни командование фронтами.

Возникает вопрос, а раньше-то о чем думали? Ведь совсем не за горами были проведенные Красной Армией в 1941–1944 гг. наступления до полного изнеможения наступавших, последую-

шие контрудары немецких войск, отход и предпосылки к собственному поражению. Примерам несть числа: Вязьма – 1942 г., Харьков – 1943 г., Кировоград – 1943–1944 гг., Житомир – декабрь 1943 г., Варшава – июль 1944 г. и т.д.

Таким образом, в феврале 1945 г. Берлин отказался недостижимым для войск 1-го БФ. Оставалось по русскому обычаю утешаться тем, что могло быть и хуже. Немцам тоже не удалось осуществить намеченные ими планы разгрома войск правого крыла 1-го БФ. Их соединения, наносившие контрудар, понесли большие потери в танках, а оперативные планы были сорваны. Не получилось у немцев «гусарского рейда», а «Солнцестояние» выразилось лишь в том, что из-за внезапного потепления раскисли дороги и немецкие танки застряли в грязи.

Правда, все это было слабым утешением для советского командования, так как одновременно рухнули и его стратегические планы быстрого окончания войны.

Боевые действия войск 1-го и 2-го БФ подтвердили мнение командующих фронтами, что немецкое командование будет и в дальнейшем стремиться использовать выгодную конфигурацию фронта для нанесения флангового удара. К 20 февраля 1945 г. против правого фланга 1-го БФ вермахт имел восемь пехотных, три моторизованные и четыре танковые дивизии, одну АПД и две ТБр. Складывающаяся там обстановка требовала ускорения разгрома немецких войск в Восточной Померании. Сохраняя этот район, противник обеспечивал себе коммуникации для отвода войск из Восточной Пруссии.

Задача советских войск теперь резко менялась – было приказано покончить с немецкой восточно-померанской группировкой и высвободить силы для удара на Берлин, о чем 22 февраля ставка и дала указания 1-му и 2-му БФ. Сроки наступления определялись: для 2-го БФ – 24 февраля, а для 1-го БФ – 1 марта, так как ему для организации наступления и переброски войск требовались десять – двенадцать дней.

Жуков все еще продолжал безуспешно ожидать мощного немецкого контрудара, так что с 20 февраля войскам 1-го БФ предписывалось перейти к жесткой обороне, до 25–26 февраля обескровить противника, а уж потом наступать, перебросив для этой цели 28 февраля 1-ю Гв.ТА генерала Катукова. Ставка слегка поправила Жукова – не позднее 1 марта.

По свидетельству Катукова, 28 февраля Жуков был в дурном расположении духа. С чего ему было радоваться? Захват Берлина откладывался на неопределенное время, а дальнейшие перспективы были довольно туманные. По словам Катукова, командующего фронтом очень тревожило, сумеют ли две танковые армии вовремя выполнить приказ ставки. На операцию отводилось всего четверо суток, а до Балтики было около 100 км, так что надо было проходить по 25 км в сутки.

Катуков бодро заверил хмурого Жукова, что все будет нормально, и тот явно повеселел. Предсказание Катукова сбылось: танкисты, перейдя в наступление 1 марта, уже 4 марта вышли к Балтийскому морю в районе г. Кольберг, хотя боевые действия в Восточной Померании продолжались еще несколько дней. В ходе боевых действий войска 1-го и 2-го БФ полностью разгромили одиннадцать пехотных и одну моторизованную дивизию бывшей 11-й немецкой армии (ее управление 25 февраля было выведено в резерв) и 18 пехотных и две моторизованных дивизии, одну танковую и одну пехотную бригады 2-й немецкой армии. Остатки немецких войск с трудом уползли за Одер к Штеттину или были окружены в районе Данцига.

Интересные мысли об обстановке на 1-м БФ в феврале 1945 г. высказали в работе «Восточно-Померанская операция» военные историки Завьялов и Калядин. Главный вывод этой главы в том, что опасности сильного контрудара по правому флангу 1-го БФ в феврале 1945 г. практически не было, нашел свое подтверждение в той почти забытой работе, написанной еще в 1960 г.

О планах немцев в этом труде говорилось так: если бы немецкому командованию удалось сосредоточить в Восточной Померании значительные силы и перейти в контрнаступление, вот тогда бы возникла большая опасность и т.д. Но все эти планы противника оказались неосуществимыми. Они были заранее нереальны, так как немецкое командование по-прежнему недооценивало силы советских войск и их возможности.

А вот и кульминация. На странице 29 своего труда историки написали: *«однако осуществить этот план немецкое командование не могло, так как у него не было ни времени на его подготовку, ни необходимых сил для его осуществления»*.

Это, кстати, отчасти подтверждал и немецкий историк Типпельскирх. Он писал, что не удалось из-за отказа Гитлера пере-

бросить необходимое количество войск из Курляндии, Норвегии и Италии. От этого предложения сильно попахивает фантастикой. Неужели опытный генерал, которым был Типпельскирх, не отдавал отчета в том, сколько бы потребовалось времени на подобную переброску? Неужели советские войска стали бы ждать, пока немцы осуществят все задуманные перемещения войск?

Типпельскирх сокрушенно замечал, что в результате пришлось отказаться от обсуждавшегося вначале плана – срезать вбитый русскими на Одере клин двойным ударом из района Губен – Глогау – Арнсвальде, так как для этого не было достаточно сил! Далее он сообщал, что немногочисленных соединений могло хватить лишь для флангового удара с узко ограниченной целью из района Арнсвальде на Ландеберг, где в то время была сосредоточена выведенная на отдых советская 1-я Гв.ТА. Немецкий историк подтвердил, что этот удар *«в лучшем случае обеспечивал лишь возможность выхода в тыл русских, находившихся на Одере»*.

Приходится констатировать, что опасность сильного немецкого контрудара в феврале 1945 г. была явно преувеличена. Здесь опять сказались недоработки войсковой разведки, которая в очередной раз оказалась не на высоте, а работа авиаразведки была затруднена из-за плохой погоды. Разведчики не смогли в критический момент обеспечить штаб 1-го БФ необходимыми для принятия обоснованного решения разведсведениями. Командованию фронта, имея далеко не полную информацию, пришлось пользоваться догадками, играть за противника. Вот и заигрались, убедив самих себя в наличии преувеличенной опасности.

Зная общие правила игры и допуская возможность флангового контрудара, что вроде бы подтвердилось сильными немецкими контратаками, проведенными с 9 по 25 февраля, командование 1-го БФ решило сделать защитный выпад и нанести упреждающий удар по немцам в Восточной Померании. А после 1 марта немцам было уже не до контрударов...

Поскольку союзники к этому времени (28 февраля) находились еще на западной границе Германии, перед пресловутой «линией Зигфрида», Красная Армия могла позволить себе на какое-то время закрепиться на Одере, временно отложив

мечту о захвате Берлина, и сконцентрировать свои силы перед решающим броском.

Американский историк Д. Клеменс даже посчитал, что Сталин в Ялте в феврале 1945 г. боялся напугать Рузвельта, не хотел создавать впечатление о всемогуществе СССР на данном этапе войны и даже искусственно затянул наступление на Берлин. Подобная точка зрения представляется слабо аргументированной и малоубедительной.

Генерал Штеменко в мемуарах подчеркивал, что был сделан *«единодушный вывод»*, что, во-первых, не накопив необходимых запасов, во-вторых, не будучи в состоянии использовать всю мощь артиллерии и авиации и, в-третьих, не обезопасив фланги, – *«мы не можем наступать на Берлин»*. То есть это было не только единоличное решение командующего 1-м БФ, как бы весомо ни было его мнение. Штеменко лишний раз подчеркнул, что *«риск был неуместен!»*.

Вот с учетом всех этих соображений разной значимости и произошел переход к обороне на Одере и Нейсе. Началась перегруппировка части войск 1-го БФ на север, в Померанию. Осторожность возобладала, но ей сопутствовал ряд важных факторов. Во-первых, упорство, с которым немцы сопротивлялись на крайних флангах Восточного фронта, в Курляндии и Венгрии, свидетельствовало о том, что враг еще не добит, и, возможно, вынашивал какие-то коварные планы. Во-вторых, советские войска и раньше терпели весьма болезненные неудачи, связанные с чрезмерной самоуверенностью при наступлении. Все это вызывало появление у высшего командования Красной Армии своеобразного «комплекса неполноценности», заставившего ставку переоценивать возможности немцев вплоть до самого конца войны. В-третьих, в расчетах присутствовал и политический фактор: даже небольшая неудача и отвод войск, например, могли обернуться, по словам Штеменко, *«весьма скверными политическими последствиями»*, связанными с возможным ослаблением советского влияния за столом мирных переговоров.

Вот и всплыла наконец главная причина принятого решения! Понятно, что вероятность какой-либо неудачи на завершающем этапе войны должна была быть полностью исключена.

В заключение можно сказать, что взять Берлин с ходу при создавшихся условиях ослабленные части 1-го БФ, учитывая их слабое материально-техническое обеспечение, отсутствие должной поддержки с воздуха и все возраставшее сопротивление немцев, вряд ли смогли бы. Тем более что пришлось отвлечь довольно значительные силы для прикрытия правого фланга.

А может быть, все-таки стоило рискнуть и не выделять больших сил для прикрытия правого фланга 1-го БФ и отложить проведение Восточно-Померанской операции? Но война не азартная игра. И в конце ее никто из высшего командования не хотел рисковать головой в случае возможной неудачи авантюрного наступления на Берлин. Поэтому и решено было перестраховаться.

Так был ли шанс взятия Берлина в феврале – марте 1945 г. или нет? Возможно, очень небольшой шанс все-таки был, но риск был слишком велик. Как говорил товарищ Сталин: *«Рисковать можно, но не надо зарываться»*. В случае неудачи возникли бы два извечных русских вопроса: «Что делать?» и «Кто виноват?», отвечать на которые пришлось бы командованию 1-го БФ в хорошо известном зловещем ведомстве на Лубянке.

Стоит сказать также и о дипломатическом отголоске этого берлинско-померанского эпизода, характеризующем в какой-то мере отношения между союзниками в конце войны. Сначала 12 февраля 1945 г. от английской военной миссии в Москве, а 20 февраля и от начальника штаба армии США генерала Маршалла советский генштаб получил сообщения о намерении немцев провести контрнаступление из Померании на Торн и из района Моравска-Острава, в Чехии, на Лодзь с участием 6-й ТА СС.

Когда обстановка на фронте окончательно прояснилась, начальник генштаба Красной Армии генерал Антонов в ответном письме от 30 марта в адрес главы американской военной миссии в Москве генерал-майора Дина в изысканно-вежливых выражениях вдоволь поиздевался над этой явной, по его мнению, дезинформацией. Тем не менее он выразил глубокую признательность за любезно предоставленную информацию, *«призванную содействовать общим целям»*.

Антонов счел долгом сообщить своему американскому коллеге, что ход боевых действий на Восточном фронте в течение

марта не подтвердил данной им информации, а основная группировка немцев, включая 6-ю ТА СС, была сосредоточена в районе Будапешта. Начальник советского генштаба подчеркнул, что информация, которой пользовался генерал Маршалл, не соответствовала действительности, не исключая и того, что источник намеренно дезинформировал американцев для отвлечения внимания советского командования.

В заключение Антонов, несмотря на все изложенное в письме, издевательски просил американцев, если можно, продолжать сообщать имеющиеся сведения о противнике. Видимо, для того чтобы знать, о чем хотели бы немцы дезинформировать командование Красной Армии. Конечно, начальник советского генштаба *«с уважением и признательностью»* доводил все сказанное до сведения американцев исключительно для того, чтобы Маршалл мог сделать соответствующие выводы в отношении источников информации, представленной русскому союзнику.

Что можно сказать по этому поводу? Конечно, возможно, что союзники пали жертвой немецкой дезинформации, запущенной для сокрытия реального места применения 6-й ТА СС. С другой стороны, вероятно, американцы получили и передали русским сведения только о наметках очередного немецкого грандиозного плана наступления, только еще обсуждавшегося в ОКХ и ставке Гитлера, который так и не нашел воплощения в реальности по известным причинам и выродился в судорожную попытку контрудара в районе Штаргарда. Тогда это, наоборот, говорит о высоком уровне американских информаторов, и вся ирония Антонова была напрасна.

Наличие аналогичного сообщения от англичан заставляет задуматься об их источниках информации. Вполне возможно, что это сообщение появилось в результате дешифровки перехваченных каких-то немецких радиограмм, выполненной британскими специалистами.

Обиженные подобным афронтом со стороны своих русских союзников, ни англичане, ни американцы более не сообщали им никаких сведений о немецких масштабных планах. Да и были ли таковые?

Смысл демарша начальника советского генштаба стал понятен не сразу. Текст письма Антонова, направленного

генералу Маршаллу, был приведен в мемуарах Жукова в чисто военном аспекте, чтобы лишний раз проиллюстрировать «козни» западных союзников. Хотя дело оказалось значительно сложнее. Письмо было использовано Сталиным в своей переписке с президентом США Рузвельтом, для того чтобы доказать последнему, что его источники информации не заслуживают доверия.

По сути же, это письмо еще ценно тем, что в нем отразились витавшие в головах немецких генштабистов фантастические идеи возможного решительного контрудара по флангам наступавших в направлении Берлина советских войск.

К сожалению, никто из российских историков не попытался разобраться в этом важном эпизоде, возникшем во взаимоотношениях союзников в самом конце войны.

Глава 6
Дискуссия о Берлине продолжается

Эпизод с возможным взятием Берлина советскими войсками в феврале 1945 г. нашел свое отражение и в послевоенное время. Оказалось, что мечта о досрочном захвате столицы рейха весьма живуча.

Все началось в 1964 г., когда уже маршал Чуйков, бывший командующий 8-й Гв.А, опубликовал в журнале «Октябрь» свои воспоминания, где сделал удивившие всех предположения, что *«...участь Берлина, а вместе с ним и всей фашистской Германии могла быть решена еще в феврале 1945 г. ...»*. Поскольку выводы Василия Ивановича противоречили устоявшейся точке зрения, ему не преминул ответить маршал Жуков статьей в «Военно-историческом журнале», в которой назвал наступление на Берлин в феврале *«чистейшей авантюрой»*. Чуйков, в свою очередь, в ряде публикаций продолжал отстаивать свою точку зрения.

Разгоравшуюся дискуссию между двумя уважаемыми маршалами «наверху» было решено направить в организованное русло. Для этого в январе 1965 г. было собрано совещание маршалов, которое по поручению Секретариата ЦК КПСС проводил начальник ГлавПУРа генерал армии Епишев. Во вступительном слове он задал тон обсуждению, подчеркнув, что выступление Чуйкова вызвало бурную реакцию непосредственных участников событий, которые посчитали выводы товарища Чуйкова не соответствующими исторической действительности.

Потом слово предоставили генерал-полковнику Скоробогаткину, начальнику военно-научного управления генштаба, доложившему о стратегической обстановке в феврале 1945 г. Доводы ученого генерала не убедили упрямого маршала, который продолжал настаивать на своем и вступил в дискуссию со Скоробогаткиным, путая даты, места боев и излагая свое видение прошлых событий, которое зачастую не совпадало с реально произошедшим.

Видя, что Чуйков своим напором начинает «забивать» генерала, выступил маршал Конев, который, резонно указывая на усталость войск, растянутость тылов и недостаток боеприпасов, подчеркнул, что наступать дальше было нельзя. Несмотря *«на всю нашу и мою активность»*, акцентировал при этом Чуйков.

Маршал начал пугать присутствующих возможными нежелательными последствиями, в том числе *«пропуском союзников в Берлин»*. Конев призвал его бросить полемику с Жуковым, утверждая, что ошибки были у всех и воевали *«не с ветряными мельницами»*.

Затем маршал М.В. Захаров даже решил вспомнить результаты варшавской операции 1920 г. А Рокоссовский признал, что он сам поставил вопрос перед ставкой о разгроме немцев в Померании при помощи 1-го БФ. Маршал указал, что сил у немцев в то время было достаточно, поэтому он и выразил свои опасения по поводу возможного срыва наступления на Берлин и осложнения отношений с союзниками.

Маршал Соколовский вполне обоснованно напомнил Чуйкову, что инициатива наступления на Берлин в феврале 1945 г. принадлежала именно командованию 1-го БФ и 1-го УФ. Он тоже подчеркнул недостаток боеприпасов в войсках (50–60% от необходимого) и назвал возникший спор беспредметным. Маршал Батицкий в своем выступлении отметил, что противник сражался очень упорно, немцы дрались за каждый рубеж, а не были *«разбиты в доску»*, как утверждал Чуйков. У него – тогда в 1945 г. командира корпуса – не сложилось впечатления, что противник был деморализован. Батицкий также считал, что вести наступление на Берлин *«с растянутыми базами и усталостью наших войск»* было нельзя.

Самым интересным было выступление маршала Москаленко, который вполне резонно заявил, что Василию Ивановичу о возможности взятия Берлина надо было говорить тогда, в феврале 1945 г. Реплика была прямо не в бровь, а в глаз! Он подчеркнул, что Чуйков не прав, выступив сейчас, при всей правомерности его вопро́са по поводу отвлечения сил на Померанию. По мнению Москаленко, тот *«дал пищу нашим недругам»*. Вот так поворот! В ходе проведения дискуссии на военно-историческую тему началось и наклеивание ярлыков, как будто на дворе опять были страшные 30-е годы.

Потом, правда, Москаленко вполне справедливо отметил, что мемуары пишут *«под углом зрения сегодняшнего дня»*, а не так, как было на самом деле, не принижая других и не выпячивая себя. Он даже рискнул сослаться на немецкие мемуары, где ни один генерал не поносит других, кроме Гитлера. Сказано очень сильно.

Но на этом настырный маршал не успокоился. Он решил совсем добить историков и мемуаристов, заявив, что реально описывать действия Красной Армии мешали *«то культ, то субъективизм»*. Начальник ГлавПУРа дополнил Москаленко: *«А сейчас эгоизм»*, – видимо, считая, что все остальное к 1965 г. было уже благополучно изжито.

В заключение генерал Епишев спросил Чуйкова, не поколебало ли его *«единодушное выступление товарищей»?* Упрямый Василий Иванович не захотел отказываться от написанного, но сказал, что не может не прислушаться к мнению «такого синклита». Он самокритично признал, что, может быть, что-то и неправильно написал. Он заявил, что *«сразу руки вверх не поднимет»*, но обещал не выступать в печати по этому вопросу.

Последним, как всегда в то время, было «слово партии», высказанное начальником ГлавПУРа. Епишев признал, что «недостатки» в Берлинской операции, конечно, были, но призывал не делать ей переоценку, а Василия Ивановича внести коррективы в свои мемуары. На том и порешили.

Понятно, что никак нельзя было пройти мимо этого интереснейшего обсуждения Берлинской операции ее непосредственными участниками.

Теперь можно перейти к изложению взглядов В.И. Чуйкова на ситуацию, сложившуюся в феврале 1945 г. в районе столицы Третьего рейха.

В 1946 г. в Берлине была проведена военно-историческая конференция. Чуйков, который, по мнению американских историков Э. Рида и Д. Фишера, был, возможно, лучшим фронтовым командиром и определенно самым агрессивным генералом Второй мировой войны, предпочел тогда отмолчаться. Понятно, что тогда его особое мнение о возможности взятия Берлина в феврале 1945 г. выглядело бы открытой критикой ставки и самого Верховного Главнокомандующего с вполне предсказуемыми для генерала последствиями.

В его роли выступил представитель генштаба генерал-майор Енюков, перед которым уже тогда была, вероятно, поставлена задача поддеть маршала Жукова и немного сбить с него победную спесь. Кем была поставлена подобная задача, остается только догадываться, да и отношения Жукова с генштабом были далеко не безоблачными.

Через двадцать лет после Победы Чуйков решил опять подколоть еще не полностью реабилитированного маршала Жукова. Он заявил, что Берлин можно было бы взять еще в феврале, обвиняя Жукова и генштаб в этом упущении. Василий Иванович считал, что *«риск был вполне оправдан»*. Почему-то он ранее – ни в 1945 г., ни в 1946 г. – не решился критикнуть ни Жукова, ни тем более самого Сталина.

Чуйков также утверждал, что любая угроза ударной группировке на берлинском направлении вполне могла быть локализована войсками 2-го БФ. Он почему-то «забыл», что наступление 2-го БФ, начавшееся 10 февраля, протекало очень медленно и за десять дней его войска смогли продвинуться только на 50–70 км.

Чуйков считал, что для наступления на Берлин в феврале 1-й БФ и 2-й БФ могли выделить восемь – десять армий, в том числе до трех-четырех танковых, но это же не соответствовало действительности! В начале февраля 1945 г. из восьми общевойсковых и двух танковых армий 1-го БФ на берлинском направлении оставались только три: 5-я УА, 69-я и 33-я, плюс половина 8-й Гв.А, а остальные пришлось повернуть для разгрома немецких войск в Восточной Померании и блокирования гарнизона «крепости» Познань. Что же касается 1-го УФ, то его войска с 8 по 24 февраля проводили наступательную операцию северо-западнее Бреслау, в которой участвовали главные силы фронта – четыре общевойсковые, две танковые и одна воздушная армии. Немцы там упорно сопротивлялись и за 17 дней наступления соединения фронта продвинулись на 100 км, выйдя на рубеж реки Нейсе. Попытки форсировать ее и развить наступление на запад не увенчались успехом, и войска 1-го УФ перешли к обороне.

Вот такова была реальная действительность, никак не похожая на запоздалые мечты боевого генерала. При этом сам Чуйков, похоже, был повинен в задержке наступления 1-го БФ, так как части его 8-й Гв.А до 23 февраля никак не могли взять «крепость» и город Познань. Но об этом он почему-то не захотел вспоминать через двадцать лет после окончания войны.

Чуйков, по свидетельству начальника оперативного управления генштаба генерал-полковника Штеменко, в феврале 1945 г. докладывал Жукову о слабой обеспеченности его войск боепри-

пасами, поскольку автотранспорт 8-й Гв.А был не в состоянии обеспечить их подвоз от Вислы, и просил, в связи с усилившимися активными действиями противника на одерском плацдарме и боями в Познани, содействовать в подвозе боеприпасов. Одновременно он донес, что его 43-я ПонтБр *«дальше двигаться не может. Трактора рассыпались, а ремонт невозможен из-за отсутствия запчастей»*. В связи с этим части 8-й Гв.А в боях по расширению плацдарма на Одере использовали трофейное вооружение и боеприпасы. О каком наступлении на Берлин и его взятии можно было говорить, если воевать, используя трофеи?!

К тому же в стрелковых полках 8-й Гв.А к этому времени оставалось только по два стрелковых батальона, а в ротах было всего по 22–45 человек. Не густо! Правда, об этом уважаемый маршал тоже умалчивал.

Тогда, в феврале, генерал-полковник Чуйков никак не рвался в наступление и не проявил непростительного легкомыслия, которое посетило его после войны. Через двадцать лет после Победы можно было говорить что угодно о событиях 1945 г., что он и делал. Как можно оценить его высказывания в духе: *«Если бы ставка и штабы фронтов как следует организовали снабжение и сумели бы доставить к Одеру нужное количество боеприпасов, горючего и продовольствия; если бы авиация успела перебазироваться на приодерские аэродромы, а понтонно-мостовые части обеспечили переправу войск через Одер, то армии 1-го БФ (5-я УА, 8-я Гв.А, 1-я, 2-я Гв.ТА) могли бы в начале февраля 1945 г. развить дальнейшее наступление на Берлин, пройти 80–100 км и закончить эту гигантскую операцию взятием германской столицы с ходу»*.

Кстати, все, о чем наговорил Чуйков, было обеспечено лишь к середине апреля 1945 г. ...

Вообще все его рассуждения со многими ссылками на *«если бы»* выглядели, мягко говоря, не очень серьезно. Фактически они лишь подтверждали тот факт, что в феврале 1945 г. снабжение армии было дезорганизовано, авиация практически не действовала, понтонеры далеко отстали и что наступать дальше в подобных условиях было бы чистейшей авантюрой.

Ко всему прочему, уважаемого маршала и память несколько подвела, на чем его не замедлил подловить Жуков.

Чуйков писал о каком-то мифическом совещании, прошедшем 4 февраля 1945 г. в штабе 69-й армии, где якобы присут-

ствовали Жуков, генералы Берзарин (командующий 5-й УА), Колпакчи (командующий 69-й армией), Катуков (командующий 1-й Гв.ТА), Богданов (командующий 2-й Гв.ТА) и он сам. Во время этого совещания якобы позвонил Сталин и потребовал прекратить планирование наступления на Берлин и заняться разработкой операции в Померании.

Тут вот в чем вопрос: 4–5 февраля Жуков был в штабе 61-й армии, которая уже развертывалась для действий в Померании. Катуков с утра 3 февраля производил перегруппировку своих частей с Одера в район Ландсберга и находился в войсках. Не мог быть на совещании и Богданов, так как находился на лечении в госпитале, а его обязанности командующего 2-й Гв.ТА исполнял генерал-лейтенант Радзиевский. Сам же Чуйков еще с 3 февраля находился в Познани, откуда и докладывал Жукову об обстановке.

Если уж память подвела Чуйкова в такой простой ситуации, ведь дату этого совещания можно было легко проверить по документам военных архивов, то что уж говорить о других утверждениях заслуженного военачальника.

В мемуарах, изданных в 1980 г., Чуйков уже не упоминал о своих «берлинских мечтах», хотя и написал о немецком контрударе 16 февраля и его опасности для советских войск. Он, видимо, подчинился официальной версии, ведь время «хрущевской гласности» начала 60-х годов давно прошло. Вероятно, к тому времени отпала необходимость поливать грязью маршала Жукова. К тому же Чуйков и не мог не прислушаться к мнению Главного политуправления Советской Армии.

Глава 7
Планирование Берлинской операции

Первые наметки плана по овладению столицей рейха рассматривались генштабом Красной Армии еще в ходе летне-осенней кампании 1944 г. Практически выводы формировались постепенно в процессе работы. В начале ноября того же года было рассмотрено положение дел в полосах действий 1-го, 2-го БФ и 1-го УФ.

Последнюю кампанию войны планировалось осуществить в два этапа. Предполагалось продолжить активные действия на южном участке советско-германского фронта, чтобы заставить немцев перебросить туда силы с берлинского направления. Потом предполагалось в начале 1945 г. достигнуть рубежа Познань – Бреслау, а уж потом начать второй этап операции, в итоге которой взять Берлин. Конечно, на тот момент ставка еще не могла определить, в каких конкретно формах будет осуществляться эта завершающая стадия операции.

Процесс формирования окончательного решения в генштабе, отработка которого велась в его оперативном управлении (ОУ ГШ), был сложен и длителен. Будущие удары Красной Армии приходилось даже согласовывать с действиями союзников. Было признано, что центральный участок советско-германского фронта является решающим, но, по утверждению начальника ОУ ГШ генерал-полковника Штеменко, признавалось целесообразным растянуть центральную группировку немцев, активизироваться на флангах: в Восточной Пруссии, Венгрии и Австрии, к которым немцы проявляли повышенную чувствительность.

И ожидания генштабистов оправдались! Немцы сосредоточили на флангах своего Восточного фронта большие силы. Гитлер, по свидетельству немецкого военного историка Курта Типпельскирха, вообще тогда считал, что в 1945 г. русские нанесут удар не на берлинском направлении, а через Венгрию и Чехию, то есть немецкое командование, по словам Штеменко, было вынуждено подчиниться воле советского военного руководства.

Это обстоятельство ярко иллюстрирует уровень стратегического руководства противоборствующих сторон в конце войны,

а также демонстрирует уровень компетентности некоторых современных критиков, голословно утверждающих, что мы не умели воевать.

Советское военное руководство на завершающем этапе войны стратегически постоянно переигрывало своих противников, что, конечно, не могло исключить те или иные оперативно-тактические просчеты и трудности.

У высшего командования Красной Армии появилась мысль о безостановочном наступлении на Берлин, учитывая наличие у противника слабого и не обеспеченного резервами центра. Был даже подсчитан и минимальный срок наступательных действий в 45 дней (первый этап – 15, второй этап – 30). Планируемые темпы наступления не были высокими.

Штеменко вспоминал, что ставка, рассматривая замыслы кампании 1945 г., не собирала командующих фронтами на какие-то специальные совещания, а ограничивалась вызовом их порознь в генштаб для обсуждения и согласования деталей операции. Всестороннее обсуждение в ставке состоялось, как всегда в России было принято, «после праздника»: на этот раз – 7 ноября 1944 г.

Несколько позднее Верховный Главнокомандующий определил, что войска, которым предстоит брать Берлин, возглавит маршал Жуков. Маршал Рокоссовский по указанию Сталина уходил на 2-й БФ, а на его место назначался Жуков с оставлением за ним должности заместителя Верховного, что сохраняло для него соответствующие полномочия.

Даже при описании этого на первый взгляд заурядного события, как смена руководства фронтами, возникли определенные разночтения. В мемуарах Жукова все по-солдатски четко и просто: 15 ноября – получил в Люблине приказ о новом назначении, а 16 ноября вступил в командование 1-м БФ. У Рокоссовского все выглядит несколько иначе. 12 ноября состоялся его разговор со Сталиным, которого он спросил: *«За что такая немилость?»* В ответ Верховный стал лицемерно уверять знаменитого поляка в большой важности направления действия 2-го БФ.

Рокоссовский, по свидетельству члена ВС 1-го БФ генерал-лейтенанта Телегина, очень тяжело воспринял эту передвижку, был страшно взволнован и, с дрожью в голосе торопливо попро-

щавшись со своими сослуживцами, быстро уехал. Для него, видимо, этот позор совершенно незаслуженного снятия (перевода) был совершенно невыносим. По словам Телегина, такое событие при любых обстоятельствах не могло пройти совершенно безболезненно. Рокоссовский поспешил демонстративно уехать, несмотря на то что его «сменщик» Жуков еще не прибыл, то есть без подписания акта сдачи – приема.

Через несколько дней после получения новых назначений оба маршала, видимо, поняли, что для пресечения нежелательных толков им нужно все-таки встретиться, хотя бы для формальной передачи дел. Да и подоспевала еще одна формальная причина – День артиллерии, который было грех не отметить. Официальные проводы Рокоссовского, по свидетельству начальника тыла 1-го БФ генерал-лейтенанта Антипенко, организовали 19 ноября 1944 г. в г. Бяла Подляска. Жуков на них заявил, успокаивая фронтовое руководство, что *«товарищ Сталин запретил переводы»*.

Многие из присутствующих командиров были явно опечалены, так как Жуков был человеком с очень жестким характером, склонным к принятию крутых решений. Антипенко утверждал, что с импровизированной трибуны все прослушали прощальный диалог двух маршалов, выглядевших довольно весело. Видимо, Рокоссовский к тому времени сумел взять себя в руки, сделав хорошую мину при плохой игре. Маршалы у всех на виду непринужденно вспоминали свое прошлое, совместную службу в кавалерии и т.п. Видимо, неспроста расчувствовались два старых кавалериста...

Что могло вспомниться Рокоссовскому, какие времена? Когда он командовал кавкорпусом, а Жуков был у него комдивом? Или годы, когда он сидел в тюрьме, а Жуков быстро продвигался по службе? Или когда Жуков, будучи зимой 1941 г. командующим Западным фронтом, с помощью матерной ругани и угроз «руководил» командармом Рокоссовским? Сложные отношения были у советских маршалов, что, конечно, не могло не отразиться и на результатах общего дела.

Несмотря на внешнюю теплоту прошедшей встречи маршалов и их объятия при прощании, тяжелый осадок взаимных горьких обид в душе, вероятно, остался у обоих. Жуков после проводов старого друга притих и помрачнел. Его водитель, Александр Бучин, вспоминал потом: *«Единственный раз за всю войну*

Георгий Константинович на моих глазах крепко выпил, утратил свою привычную невозмутимость и несравненную сдержанность». Он считал, что *«саднила глубокая рана, которую нанесла, пусть и замаскированная, размолвка с товарищем по службе...».*

Жуков в мемуарах с горечью признавался, что *«между Константином Константиновичем и мною не стало тех теплых товарищеских отношений, которые были между нами долгие годы».*

Рокоссовский, естественно, был уязвлен до глубины души переводом на 2-й БФ, не понимая, что причиной был не Жуков, а Сталин, который добился цели – стравил своих маршалов, развел их по углам задуманного им закулисного «ринга».

Подоплека этого события, видимо, в том, что, по мнению Сталина, Берлин должен был брать русский, а не поляк, который в довершение ко всему еще и сидел в 1937–1939 гг. Он никак не мог быть главным триумфатором. Да и Жукова, по мнению Сталина, уже пора было опустить с неба на землю, то есть уравнять с другими командующими фронтами, чтобы он сильно не заносился и не затенял светлый образ «великого полководца» и главного, на его взгляд, организатора Великой Победы.

Вот так Верховный Главнокомандующий даже в победные времена, не заботясь о чувствах подчиненных, передвигал фигуры на шахматном поле войны...

Эпизод, связанный с переводом Рокоссовского на 2-й БФ, дополнил в мемуарах начальник тыла фронта генерал-лейтенант Антипенко. Он высоко оценивал своего бывшего командующего, отмечая, что Рокоссовский обладал большим обаянием, отличался ровным и вежливым обращением, готовностью помочь подчиненным в трудную минуту. Все у него было построено на доверии, не безоглядном, а многократно проверенном на деле. Его не боялись, а любили, что бывало крайне редко.

Жуков же в свое время обозвал Антипенко «тыловой крысой» и обрушился на него с угрозами из-за расхождения во взглядах по вопросам снабжения фронта боеприпасами. Скандал замяли, но неприятный осадок у генерала, конечно, остался.

В заместители к Рокоссовскому был назначен с 1-го БФ явно «для компании» его старый знакомый, генерал-полковник К.П. Трубников, который тоже побывал в лапах НКВД.

Вполне естественно, что смена командования фронтом принесла ощутимые всеми значительные изменения в стиле

руководства войсками фронта, в характере служебных отношений всех работников штаба. Управление фронтом встало перед необходимостью круто, и не в лучшую сторону, изменить стиль работы. Рокоссовский работал в коллективе и с коллективом. При таком методе отработки задач и управления боевыми действиями каждый работник штаба чувствовал себя активным и непосредственным участником выработки решений, приобщался к тому, что можно условно назвать глубинным смыслом замысла, проникался всесторонним пониманием его обоснованности, а следовательно, и чувством личной ответственности за его выполнение.

Жуков же, по утверждению генерал-лейтенанта Телегина, в ближайших помощниках видел прежде всего исполнителей своих, нередко в одиночестве выношенных и принятых им, решений. Попытки обсуждения своих решений, даже на стадии подготовки, он воспринимал крайне настороженно, упрямо замыкался в себе, и если аргументы возражавшего в разговоре подчиненного трудно было оспорить, подчас парировал обезоруживающей фразой: *«Я уже докладывал Верховному, и он мои соображения одобрил!»* Само собою, после такого пассажа все возражения автоматически утрачивали смысл, так как попытка перепроверить согласие самого Сталина исключалась. При таком стиле руководства сильно затруднялась организация внутреннего инициативного взаимодействия всех органов управления войсками.

Возможно, что именно этим обстоятельством и можно объяснить обнаружившиеся позже ошибки в разработанных штабом фронта планах боевых действий в Берлинской операции, несмотря на их детальную проработку.

К чести Жукова, следует отметить, что спустя некоторое время, получив, видимо, убедительные доказательства высокого класса сработанности всего аппарата фронтового управления, ясно убедившись в его организованности и надежности, он значительно расширил пределы применения инициативы командующих родами войск, что благотворно сказалось на всей атмосфере, царившей в штабе 1-го БФ.

По рассказам советских военных корреспондентов, Жуков, принимая командование 1-м БФ, сказал своим подчиненным следующее: *«Товарищ Сталин поручил нам подготовить и нанести*

такой удар, чтобы немцы поняли, что это конец, а у союзников коленки затряслись». Зная об определенной прямолинейности поведения маршала, допускавшего в узком кругу сослуживцев весьма неосторожные высказывания, можно поверить в реальность этой фразы, получившей известность в кругу военкоров.

При подготовке Берлинской операции командующий 1-м БФ очень напряженно работал в своем штабе, находившемся в г. Ландсберг. С раннего утра до поздней ночи у него шли различные совещания. По свидетельству его фронтового водителя, много повидавшего на пути к Берлину, *«в том апреле Георгий Константинович держал себя примерно так, как в дни битвы за Москву, – суровый, сосредоточенный, малоразговорчивый. Таким он был и во время вылетов в Москву и обратно».*

Ответственность за проведение важнейшей операции накладывала суровую печать даже на такого закаленного бойца, как Жуков. Маршал, приняв дела на 1-м БФ, прибыл в Москву по вызову ставки 27 ноября 1944 г. для отработки оперативной стороны решения по начальной операции. То есть планировалась Висло-Одерская операция как таковая, с остановкой на Одере перед штурмом Берлина.

Задумывалась грандиозная завершающая операция всей войны – Берлинская, но проводимая в два этапа. Второй из них был в деталях не отработан. В более конкретную форму стратегический замысел советского командования на Берлинскую операцию был облечен в конце января 1945 г. – на завершающем этапе так называемой Висло-Одерской операции. Вот тут уже появилось и разделение названий этапов этой уникальной операции. Считалось, что задачи первого этапа кампании были успешно выполнены, и удар на Берлин становился уже ближайшей цёлью.

Анализ стратегической обстановки, сложившейся к концу января, привел руководство Красной Армии к выводу о возможности безостановочного развития наступления на Берлин. На карте генштаба от 19 января 1945 г. были обозначены задачи 1-го БФ по овладению Берлином.

По каким причинам выполнить эти далеко идущие планы не удалось, было описано в предыдущей главе. Кстати, Жуков в мемуарах почему-то не акцентировал внимание читателей на этих невыигрышных деталях, а углубился в рассмотрение плани-

рования действий на втором этапе, выполнение которого было отсрочено.

С подачи Сталина Жуков потом писал, что *«в наших отношениях с союзниками остро встал ряд политических вопросов»*. Вряд ли политические вопросы могли волновать командующего фронтом. В марте 1945 г. союзники, наоборот, были очень довольны итогами Восточно-Померанской операции, в результате проведения которой Германия лишилась баз подготовки кадров для своего подводного флота.

7 или 8 марта 1945 г. Жуков срочно вылетел в ставку по вызову Сталина. Тот поведал маршалу о ходе и результатах Ялтинской конференции, где Верховный не очень осмотрительно настаивал на переходе союзных войск в наступление на Западе, чтобы скорее добить Германию. Тогда Сталин особо не опасался союзников, так как они были в 500 км от Берлина, а советские войска находились на Одере, совсем рядом со столицей рейха. Сталин фактически очень тонко издевался над союзниками, подчеркивая мощь Красной Армии, тем более что зоны оккупации уже были определены и обозначены ограничительные линии продвижения союзных войск.

Потом, правда, все пошло не совсем так, как хотелось бы Верховному. Советские войска остановились на Одере и Нейсе, а союзные армии двинулись в глубь Германии такими темпами, что он, видимо, начал опасаться, как бы они не опередили русских в Берлине. Понятно, что в начале марта 1945 г. вопрос о том, где находятся и куда могут продвинуться союзные войска, не тревожил советское руководство.

Эта мысль подтверждается нижеприведенной выдержкой из послания Черчилля Рузвельту от 5 апреля 1945 г. Можно только подивиться, как глубоко английский премьер понимал психологию советского высшего руководства. Вот ее текст: *«Я почти уверен, что советские лидеры... удивлены и расстроены быстрым продвижением союзных армий на Западе и почти тотальным поражением противника на нашем фронте»*. Тем более, как считал Черчилль, что наступать Красная Армия сможет не раньше середины мая.

После встречи со Сталиным Жуков поехал в генштаб, где обсуждал с генералом Антоновым основные наметки плана и расчет на проведение Берлинской операции. Вот важная деталь.

подтверждающая мысли об этой операции. Жуков писал в мемуарах, что, *«поскольку об этом в ставке и генштабе неоднократно говорилось»*, были сделаны лишь уточнения в связи с затяжкой операции в Восточной Пруссии, в районе Данцига и в Прибалтике. На следующий день на совещании в ставке, по словам Жукова, *«Верховный Главнокомандующий по докладу Антонова все наши предложения принял и приказал дать фронтам необходимые указания о всесторонней подготовке решающей операции»*.

К концу марта 1945 г. после разгрома восточно-померанской группировки немцев были созданы безопасные условия для продолжения наступления на берлинском направлении. Генштаб к этому времени завершил разработку основных соображений по организации и проведению Берлинской операции в новых условиях. Наряду с генштабом штабы фронтов тоже активно вели разработку планов завершающей операции. Так, например, командующий 1-м БФ 26 марта представил в генштаб даже два варианта действий. Предварительные соображения на проведение операции были разработаны его штабом. Для окончательного определения задач в предстоящей операции командующие 1-м БФ и 1-м УФ были 20 марта совместно вызваны в ставку. К 30 марта генштаб рассмотрел общий замысел действий, согласовал все детали и подготовил окончательные соображения по операции для доклада ставке.

Вот тут-то и появились тревожные сообщения с Запада, крайне озаботившие Верховного. 28 марта генерал Эйзенхауэр через военную миссию США в Москве направил послание самому Сталину, в котором сообщал план своих дальнейших действий. Действия генерала не вписывались в обычную дипломатическую практику. Неискушенный в дипломатическом политесе, он просто обратился к Главнокомандующему на Востоке как равный ему по должности на Западе. Он сообщил русским, что намеревается сконцентрировать основные усилия своих войск на северо-востоке, в направлении Любека и вдоль оси Эрфурт – Лейпциг – Дрезден, где он и предполагал встретиться с частями Красной Армии. Генерал просил сообщить о направлении основных усилий русских и сроки начала наступления, что было очень наивно с его стороны.

Сталин даже своим партнерам по коалиции никогда ничего конкретно не сообщал о военных планах, а тут какой-то генерал

начал добиваться от него раскрытия их. Правда, дотошный американец в послании ничего не сказал о Берлине и не высказал претензий на его захват. Сталин получил послание Эйзенхауэра 1 апреля и, несмотря на позднее время, тотчас же ответил генералу. Но его ответное послание, если верить переписке Черчилля с Рузвельтом, было получено адресатом только 5 апреля.

Сталин подтвердил, что планы американцев полностью соответствуют замыслу советского командования, и согласился с местом встречи союзных войск. Тут же вождь народов начал уверять своего союзника, что Берлин якобы потерял прежнее стратегическое значение. Поэтому советское командование, как старался уверить Верховный американского генерала, выделило для наступления лишь второстепенные силы, что абсолютно не соответствовало действительности и было чистейшей, довольно неуклюжей, дезинформацией. Направление главного удара Красной Армии не было им указано, а сроки начала наступления были названы совсем не те, что планировались на практике.

Слова Сталина о Берлине можно было понять таким образом, что, мол, Берлин русских совершенно не интересует и его взятию не придается никакого значения. Можно только догадываться, какое недоумение вызвал столь «искренний ответ» в штабе Эйзенхауэра. Как ни странно, ни советские, ни российские историки не обратили внимания на этот вопиющий факт попытки грубого обмана «великим полководцем» своего наивного прямодушного союзника.

Стоит напомнить, что говорил Сталин в виде тоста на встрече с Рузвельтом и Черчиллем в феврале 1945 г. в Ялте: *«В союзе союзники не должны обманывать друг друга. Возможно, это наивно... Но я, как наивный человек, думаю, что лучшим для меня является не обманывать своего союзника, даже если он глуп. Возможно, наш союз силен потому, что мы не обманываем друг друга, или потому, что не так просто обмануть друг друга».*

Остается только недоуменно развести руками, читая этот пропитанный намеками монолог «наивного человека», который сам далеко не всегда следовал тому, что публично возглашал.

Нельзя же всерьез отнести предыдущие измышления коварного диктатора по поводу Берлина к первоапрельской шутке, выданной в «день дурака», как говорят на Западе. Да, умел «шутить» советский Верховный Главнокомандующий.

Какова же была действительная подоплека этих неуклюжих действий Сталина? Еще вечером 29 марта он ознакомил Жукова с письмом некоего «иностранного доброжелателя». Этот анонимщик информировал советского руководителя о *«закулисных переговорах»* гитлеровских агентов с союзниками, где немцы якобы предлагали прекратить борьбу против союзных сил, если будет получено согласие на заключение сепаратного мира. Подчеркивалось, что германские предложения были отвергнуты, но возможность открытия фронта немцами сохранялась.

Вероятно, содержание этого «письма» в какой-то мере отражало результаты известных контактов Вольфа и Даллеса. Сталин в разговоре с маршалом даже подчеркнул для убедительности, что Рузвельту он доверяет, но Черчилль, мол, может пойти на все. С этим странным «письмом» был также ознакомлен и начальник генштаба Антонов.

31 марта в ставку прибыл маршал Конев, а 1 апреля, по сообщению Штеменко, состоялось заседание, которое Конев почему-то относит на 2 апреля, что является явной ошибкой. Конев потом говорил, что в период доработки планов операции в генштабе (видимо, 31 марта) ему и Жукову уже приходилось считаться с тем, что *«перед угрозой неизбежного поражения фашистское руководство предпочтет сдать Берлин союзникам, а с нами будет сражаться до последнего солдата»*. Вот такие выводы сделали командующие фронтами после явно провокационного сообщения Сталина о кознях союзников. Логики в словах маршала было мало, так как он не задавался вопросом, с чего бы нацистам сдаваться союзникам, где их ждал трибунал за все преступления войны. Он просто привык слепо доверять словам вождя, не вникая в их глубинный смысл.

Вот отсюда, из-за искусственно подогреваемого Сталиным политического соперничества с союзниками по соображениям престижа, вероятно, и проистекали последующие неувязки при проведении Берлинской операции. Подобная подача информации о происках союзников своим военным объяснялась вечной подозрительностью Сталина, его органическим недоверием к союзникам, опасением ослабить свои позиции на будущих переговорах об устройстве послевоенного мира.

Совещание в ставке 1 апреля началось с обстоятельного доклада Антонова об обстановке, о действиях союзников и их

замыслах. В ходе его Сталин дал свою оценку сложившейся к апрелю 1945 г. военно-политической обстановке на ТВД, указал на необходимость в кратчайшие сроки взять Берлин. Командующие фронтами с этими выводами, естественно, согласились и заверили ставку, что войска будут готовы к наступлению к указанному сроку. Потом Антонов доложил присутствующим предварительно согласованный план намеченной операции. На этом же заседании Штеменко, по утверждению Конева, зачитал «телеграмму», в которой сообщалось о том, что *«англо-американское командование готовит операцию по захвату Берлина группировкой войск Монтгомери»*. Перечислялся целый ряд предварительных мероприятий, которые проводились союзным командованием. Эта «телеграмма» заканчивалась тем, что, по всем данным, план взятия Берлина раньше Красной Армии рассматривается в штабе союзников как вполне реальный и подготовка идет вовсю. Правда, ни Жуков, ни Штеменко потом в своих мемуарах ничего не написали об этом «зачтении».

Вполне возможно, что Сталин ознакомил Жукова с донесением внешней разведки (выданным им за письмо доброжелателей), а Антонов зачитал сообщение официального советского представителя при штабе союзников генерал-майора Суслопарова, добывавшего ценную информацию из первых рук. Надо отдать ему должное, ведь планы захвата Берлина в тот момент обсуждались союзниками, но об этом будет рассказано ниже.

После всех этих «мобилизующих» сообщений последовал сакраментальный вопрос Верховного: *«Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники?»* Конев первым поспешил заверить Сталина, что *«Берлин будем брать мы и возьмем раньше союзников»*, чем явно потрафил вождю, который даже довольно усмехнулся, видя, что его заготовка по активизации маршалов сработала. Жуков, конечно, тоже доложил, что готов взять Берлин.

Конев в послевоенных мемуарах тоже подчеркивал важность значения сообщения о немецких планах поисков путей сепаратных соглашений с Западом, чему, по его словам, *«не хотелось верить»*. Но как он писал, *«в атмосфере того времени, насыщенной не только фактами, но и слухами, мы не вправе были исключить и такую возможность»*. Этим маршал четко указал, на чем была основана предоперационная горячка. Это придало Берлинской

операции, как он говорил, «особую остроту». Конев показал трезвую оценку создавшейся ситуации, если только это не рассуждения постфактум.

О том, сбылись ли опасения советского командования, будет рассказано ниже при рассмотрении действий немецкой 12-й армии генерала Венка в конце апреля 1945 г.

Чуть позже возник вопрос о разграничительной линии между 1-м БФ и 1-м УФ. Сталин после доклада Антонова, поддержанного Коневым, по утверждению Жукова, заштриховал часть линии от Потсдама и провел новую линию, успокоив ретивого Конева. Правда, показания очевидцев, детализирующие действия Верховного, несколько расходятся: то ли заштриховал часть линии, то ли зачеркнул ее, то ли заново провел только до Люббена в 60 км юго-восточнее Берлина. Так с благословения Сталина появилась еще одна причина соперничества между командующими соседних фронтов. Верховный, дав старт гонке к Берлину, изрек: *«Кто первый прорвется, тот пусть и берет Берлин»*. К чему привело потом это нелепое соперничество, о котором оба маршала затем предпочитали помалкивать, будет показано далее.

Жуков, правда, на этом не успокоился и в качестве компенсации за утраченное лидерство, вернувшись с совещания в свой штаб, изменил задачу танковым армиям, которые, согласно полученной 2 апреля директиве ставки и его же январским предложениям, должны были обходить Берлин с севера. Незадолго до начала операции – 12 апреля – Жуков приказал 1-й Гв.ТА наступать южнее Берлина, на второй день наступления выйти к городу и соединиться потом на западных окраинах Берлина со 2-й Гв.ТА, которая должна была обходить Берлин с севера. Конечно, это решение было более целесообразным, но войска 1-го УФ при этом варианте оказывались отрезанными от немецкой столицы. Об изменении задачи своим войскам Жуков обязан был доложить Сталину, который, как это ни странно, без возражений утвердил решение маршала.

Неслыханное дело – менять планы крупной операции за четыре дня до ее начала! Но это было еще не все. Потом состоялось и еще одно изменение в планах использования 1-й Гв.ТА.

По требованию Сталина наступление на Берлин было решено начать 16 апреля и закончить за 12–15 дней, не дожидаясь начала

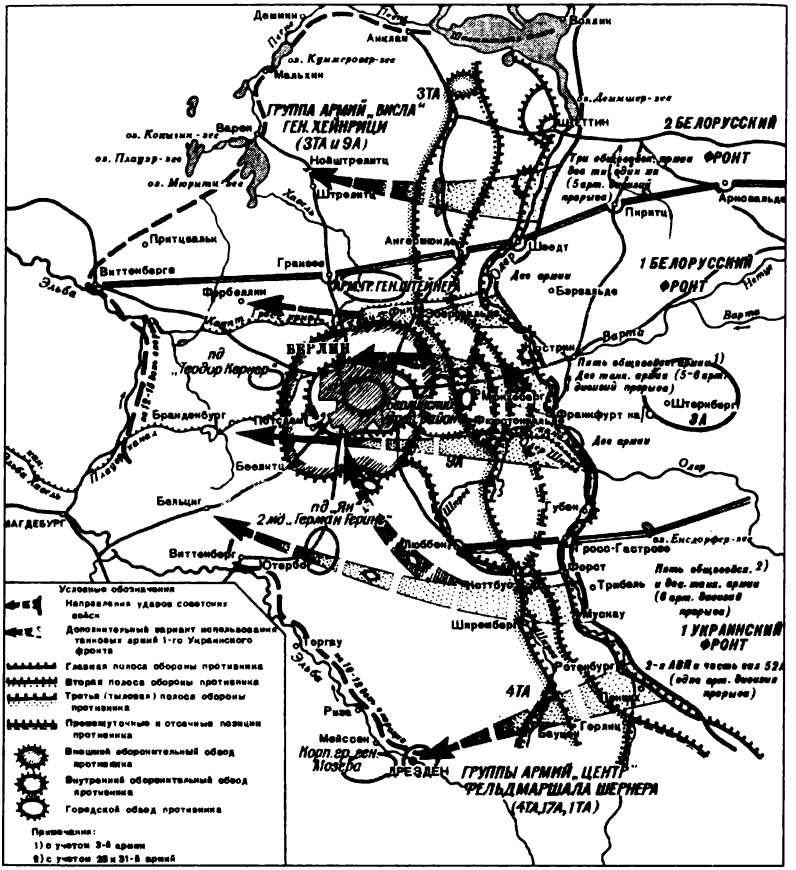
действий 2-го БФ, который мог начать наступление только 20 апреля. Конечно, лучше было бы подождать еще пять-шесть суток и начать Берлинскую операцию одновременно тремя фронтами, но, учитывая сложившуюся военно-политическую обстановку, ставка не могла откладывать операцию на более поздние сроки. Сталин явно спешил, стремясь упредить союзников в овладении Берлином.

Маршал Жуков, торопя события, вечером 1 апреля позвонил из Москвы своему начальнику штаба генерал-полковнику Малинину и сообщил, что *«все утверждено без особых изменений. Времени у нас мало. Принимай меры»*. Догадливый начштаба начал срочно проводить все запланированные мероприятия по подготовке операции.

В ночь на 2 апреля Сталин в ставке подписал директиву 1-му БФ о подготовке к проведению наступления на Берлин, то есть звонок Жукова Малинину последовал до подписания важного документа. Спешка была знатная. Проект директивы 1-му УФ в связи с изменением разграничении Верховный подписал лишь утром 2 апреля, после внесения в документ дополнительных изменений. Так как 2-й БФ начал действовать позднее, Рокоссовский даже не был вызван в ставку для обсуждения планов Берлинской операции, чем в очередной раз был сильно обижен. Указания были переданы ему лишь 6 апреля в письменной форме, а перед этим 1 апреля ему были выданы распоряжения только о перегруппировке войск.

Жуков и Конев после совещания в ставке спешно вылетели обратно с Центрального аэродрома в Москве с двухминутным интервалом. Вот только кто стартовал первым, а кто вторым – выяснить не удалось. «Гонка к Берлину», старт которой дал Сталин, началась. Погода для полетов в тот момент была крайне неблагоприятной – сплошной «слепой» полет, по утверждению Конева. Его пилот все же пробился в район Бреслау и смог приземлиться невдалеке от КП фронта. Риск подобного полета был очень велик, но, как говорится, охота пуще неволи.

Нагнетание обстановки продолжалось и на совещании, которое 5 апреля проводил Жуков в штабе 2-го БФ, в одном из домов г. Бирнбаум. Маршал, по свидетельству очевидцев, открыл глаза своим генералам на планы союзников, что не просто ему далось – кашлял, молчал. Командир 8-го Гв.МК генерал-лей-



Стратегический замысел Берлинской операции

тенант Дремов так вспоминал о речи Жукова: *«Союзники планируют захват Берлина. Расстояние до него надо преодолеть за двое суток»*. Командир 11-го Гв.ТК полковник Бабаджанян подтверждал услышанное Дремовым: *«Нас торопят союзники своим поведением. Все это заставляет ставку торопиться»*.

Член ВС 1-го БФ генерал-лейтенант Телегин в мемуарах тоже подтвердил смысл сообщения Жукова. Он писал, что командующий был проинформирован Сталиным о том, что *«немецко-фашистское руководство предпринимает энергичные усилия для подготовки условий сепаратного договора с западными союзниками и в любую минуту может открыть им свободный проход на Берлин, сдать город англо-американским войскам, чем они могут воспользоваться»*.

Поэтому командующий 1-м БФ, исходя из требований ставки, поставил своим войскам грандиозные, явно невыполнимые задачи, – на 12–15-й день наступления выйти на Эльбу!

Жуков, как бы убеждая сам себя и других, утверждал: *«До Берлина всего 70 км. Мы делали больше даже за одни сутки в предыдущей операции»*. Как будто он не понимал, что все это стремительное продвижение через Польшу происходило при совершенно других условиях! Опасения, конечно, у него были. *«Это будет тяжелая и тернистая дорога»*, – говорил он подчиненным. Тем не менее планировалось следующее продвижение войск: за первый день – на 50 км, за второй день – 30 км, так как ожидалось ожесточенное сопротивление немцев только на внешнем и внутреннем обводе Берлина. Это был грубый просчет командующего 1-м БФ и его штаба: оборона немцев от Одера до Берлина была явно недооценена при планировании наступления.

Как утверждалось в работе о 1-й Гв.ТА «И люки открыли в Берлине», ввод танковых армий для прорыва второй полосы обороны планировался заранее.

На совещании в штабе 1-го БФ не все проходило гладко. Полковник Бабаджанян вспоминал, что командующий 2-й Гв.ТА генерал-полковник Богданов настойчиво доказывал Жукову, что нужно дать больше свободы его армии для более глубокого обхода Берлина с севера. Жуков его резко одернул: *«Вы собираетесь, товарищ Богданов, воевать за Берлин или будете все время уходить на север?»* Как известно, маршал не терпел никаких возражений.

Бабаджанян также уверял, что на этом совещании *«некоторые настойчиво доказывали Жукову, что главная полоса обороны у немцев не первая, а вторая и что именно по ней-то и следует сосредоточить огонь артиллерии и удары авиации»*. Их мнение также не было учтено командующим 1-м БФ. Упрям был Георгий Константинович без меры, о чем, наверное, и пожалел впоследствии...

В зависимости от назначения каждого из трех намеченных ударов на 1-м БФ создавались три ударные группировки:

– 61-я армия, 1-я ПА, 7-й Гв.КК. Всего: десять стрелковых и три кавалерийские дивизии, 1430 орудий и 113 танков;

– 47-я армия, 3-я УА, 5-я УА, 8-я Гв.А, 3-я армия, 1-я и 2-я Гв.ТА. Всего: 34 стрелковые дивизии, 7912 орудий и 2306 танков;

– 33-я и 69-я армии, 2-й Гв.ТК. Всего: 15 стрелковых дивизий, 3785 орудий и 474 танка.

Их плотность показана в таблице:

Ударная группа	Ширина участка фронта, км	Плотность на 1 км фронта	
		орудий	танков и САУ
1	7,5	287	50
2	24,3	324	96
3	12,5	255	32

Подобная схема действий и ее обеспеченность войсками позволяли не только рассекать, но и окружать противостоящие группировки противника, лишая его тем самым возможности проводить широкий оперативный маневр.

На 1-м УФ также были образованы две ударные группировки:

– 3-я Гв.А, 12-я, 28-я и 31-я армии, 3-я и 4-я Гв.ТА, 2-й, 5-й и 4-й Гв.ТК;

– 52-я армия, 2-я ПА, 1-й ТК, 7-й Гв.МК. Всего: 16 стрелковых дивизий, 2232 орудия и 153 танка.

Их плотность была следующей:

Ударная группа	Ширина участка фронта, км	Плотность на 1 км фронта	
		орудий	танков и САУ
1	27	359	47
2	9	248	15

Наиболее мощные группировки войск были созданы на направлении главных ударов 1-го БФ и 1-го УФ – по пять общевойсковых и две танковых армии, пять-шесть артдивизий прорыва. Такой состав, по мнению разработчиков плана операции, обеспечивал прорыв обороны любой прочности при самых трудных оперативно-тактических условиях и развитие наступления на запланированную глубину.

Ширина участка прорыва армии – 2,5–7 км на 1-м БФ и 8–10 км на 1-м УФ – оказывала прямое влияние на ширину участка прорыва и полос наступления для входящих в группировки соединений и частей. В ряде армий стрелковым дивизиям были намечены очень узкие полосы наступления – 1–1,5 км, а для 143-й и 132-й СД 47-й армии – даже 0,5–0,7 км.

Причиной сужения полос наступления и участков прорыва соединений было стремление добиться высокой плотности войск при их значительном некомплекте после недавних боев между Вислой и Одером, в Померании и Силезии. В среднем численность стрелковых дивизий составляла всего 3600–6000 человек, что было очень далеко от штатной численности.

Соотношение советских и немецких войск на участке прорыва фронтов было таково:

Силы и средства	1-й БФ	1-й УФ
люди	3,2/1	8,0/1
орудия, минометы и реактивные установки	3,4/1	10,6/1
танки	3,3/1	9,6/1
самолеты	1,9/1	2/1

Данные таблицы показывают, что наименее благоприятным соотношение сил и средств было на 1-м БФ, хотя плотность войск там была создана наивысшая. Тем не менее она оказалась в два и более раз ниже, чем требовал опыт многочисленных наступательных операций для осуществления прорыва в темпе, исключающем затухающие операции.

Понятно, что вполне достаточное соотношение сил, гарантировавшее безусловный быстрый прорыв обороны противника, было создано лишь на участках прорыва 1-го УФ, что потом наглядно проявилось в реальности.

На 1-м УФ планировалась артподготовка продолжительностью 145 минут. Она включала: подготовку форсирования реки Нейсе – 40 минут, обеспечение форсирования реки, захвата и удержания плацдармов – 60 минут, подготовку атаки за рекой – 45 минут. Поддержку атаки пехоты и танков предусматривалось провести методом ПСО (последовательное сосредоточение огня) в течение 15 минут.

Авиационное обеспечение прорыва возлагалось на 2-ю ВА, имевшую 2418 самолетов. Непосредственную авиационную подготовку планировалось начать за 45 минут до форсирования Нейсе ударами двух бомбардировочных авиакорпусов (230 самолето-вылетов). На авиационное сопровождение пехоты и танков назначалось 3400 самолето-вылетов.

На 1-м БФ было решено применить уже ранее опробованный на Висле способ огневого поражения противника – короткую, но мощную артподготовку, дополненную ударами авиации. Ее продолжительность была определена в 20–30 минут на глубину 10–12 км. Поддержка атаки на глубину 2 км – двойным огневым валом, а на последующие 2 км – одинарным огневым валом. Сопровождение боя пехоты и танков в глубине предусматривалось методом последовательного сосредоточения (на глубину 8 км).

Учитывая возможность ввода в сражение танковых армий при овладении второй полосой обороны, планировалось перед их вводом провести артподготовку продолжительностью 20 минут.

Авиационное наступление возлагалось на 16-ю и 18-ю ВА (3988 самолетов). Авиационную подготовку намечалось провести за 30 минут до начала атаки силами двух ночных бомбардировочных авиадивизий (120 самолетов ПО-2) и самолетами Ил-4 из 18-й ВА, а авиационную поддержку – путем нанесения последовательных эшелонированных ударов.

Глава 8
Подготовка решающего наступления

Непосредственная подготовка войск 1-го БФ к наступлению проводилась штабом достаточно основательно, без грубых ошибок и с учетом полученного военного опыта. Позади была хорошо спланированная и блестяще проведенная Висло-Одерская операция, когда оборона немцев рухнула после первого же удара. Это обстоятельство вряд ли могло стимулировать опытный штабной аппарат на поиски каких-либо особо оригинальных решений. Зачем отказываться от того, что совсем недавно полностью оправдало себя?

Правда, после войны военные историки заявляли, что советским войскам до штурма Берлина не приходилось брать такие сильно укрепленные города, как столица рейха, общей площадью около 900 кв. км. Все это выглядит как оправдание неувязок при проведении операции. Почему-то забывают, что до взятия Берлина были осаждены и взяты штурмом города Будапешт, Кенигсберг, Познань, Грауденц, Кольберг и др. Конечно, масштаб действий там был несколько меньше, но почему нельзя было ознакомиться с опытом боевых действий других фронтов?

Некоторая помощь в изучении состояния обороны Берлина была получена еще в феврале 1945 г. Когда советские войска приближались к Одеру, в городе Нойдамм сдался в плен немецкий инженер Генрих Гергель в звании капитана, принимавший участие в строительстве оборонительных рубежей на подступах к столице рейха и в самом городе. Он прятался на фольварке у своих родителей, ожидая прихода русских.

Этот капитан прихватил с собой довольно подробный план Большого Берлина и его пригородов. План, безусловно, имел большую ценность для высших штабов. Размер этой схемы-карты был 1,5×2 метра. Немец цветным карандашом отметил в юго-восточной части города те районы, где он работал – в частности окрестности Карлсхорста.

Он сообщил о строительстве оборонительных обводов – внешнего, внутреннего и городского, рассказал об объемах работ, используемой технике и т.п. Поведал Гергель также и о характере сооружаемых оборонительных объектов, о подготовке мостов к взрыву и о создании крупных узлов. Инженер отметил, что

наибольшие усилия были приложены при создании городского оборонительного обвода, который во многих местах совпадал с кольцевой железной дорогой. Гергель также дал информацию о строительстве бункеров-убежищ там, где не оказалось массивных строений. Он указал, что немцы очень надеются на них, полагая, что эти надземные оборонительные сооружения позволят не допустить продвижения русских.

На Зееловских высотах были возведены бункера из железобетона с толщиной стен до полутора метров. Амбразуры были защищены броневыми плитами. Инженер подчеркнул: *«Бункер – это настоящий форт в пять-шесть этажей. В такую цитадель можно поместить гарнизон численностью до батальона...»* Между бункерами вдоль каналов немцы установили бетонные колпаки полевого типа с пулеметами внутри.

Силами войсковой разведки в полосе 1-го БФ было проведено 1888 разведопераций: поисков – 1284, засад – 507 и т.п., во время которых были захвачены 1400 пленных и тысяча штабных документов. Тем не менее командующий 8-й Гв.А генерал-полковник Чуйков считал, что войсковая разведка не вскрыла обороны противника. Он ссылался на плохое знание обороны немцев в лесных районах на печально знаменитых Зееловских высотах, которую не могла точно разведать даже авиация. Он считал, что *«немощные средства войсковой разведки не давали возможности выяснить тактическую глубину обороны противника»*, что не позволяло заранее подготовиться к прорыву последующих оборонительных рубежей.

Начальник разведуправления 1-го БФ генерал-майор Трусов утверждал, что агентурная разведка фронта освоила территорию вплоть до меридиана Висмар – Магдебург. Там имелось 29 резидентур с радиостанциями. Он считал, что Берлин, его предместья, узлы железных дорог плотно контролировались его агентурой, усиленной также 21-м «маршрутником».

Была проведена даже операция по дезинформации политического и военного руководства Германии через нейтральные страны, о чем с гордостью поведал Трусов. В частности, через шведское радио немцам хотели внушить мысль о том, что наступление на Берлин будет осуществляться глубокими охватами с севера и юга, а в центре будут проведены только сковывающие действия.

Подтверждением реальности этого плана должно было быть распределение советского военного командования. Жуков – общая координация, Рокоссовский – север, Соколовский – центр, Конев – юг. В принципе это было недалеко от истины. Однако неужели можно было надеяться подобной чепухой обмануть опытных немецких генералов?

Разведывательное обеспечение проведения Берлинской операции было достаточно серьезным. Во время ее подготовки воздушной разведкой было выполнено 2580 разведвылетов. Вся система оборонительных сооружений противника на глубину 70–80 км, включая Берлин, была сфотографирована по несколько раз.

Днем 26 марта по указанию представителя Главного штаба ВВС генерал-лейтенанта Д. Грендаля было произведено площадное фотографирование столицы рейха, несмотря на то что она прикрывалась очень сложной системой ПВО. Эта съемка была выполнена отважными летчиками из 72-го ОРАП, летавшими на самолете Пе-2, оборудованном тремя фотоаппаратами со специальными светофильтрами, чтобы исключить влияние дымки над городом.

Летчики выполнили это важное задание одним проходом с юга на север, четко по прямой, несмотря на интенсивный зенитный огонь и попытки атаки немецких истребителей. Фотопленки оказались удачными. По ним было изготовлено десять фотопланшетов большого размера, часть которых была зачем-то передана союзникам. По некоторым данным, аэрофотосъемка Берлина производилась не менее шести раз.

Не осталась в стороне и радиоразведка, которая установила расположение штабов 3-й ТА и 9-й армии, штабов всех корпусов и пятнадцати из 25 дивизий противника.

По результатам съемок, изучения трофейных документов и опросов пленных составлялись подробные схемы, карты и планы, которыми снабжались войска и командно-штабные инспекции. То есть недостатка информации о том, что именно придется прорывать и захватывать, вроде бы не было.

Артиллерийская разведка также была организована очень тщательно. К ее проведению были привлечены значительные силы и средства – войсковые, инструментальные, воздушные. Всего 16 отдельных разведывательных дивизионов, два коррек-

тировочно-разведывательных авиаполка и два воздухоплавательных дивизиона аэростатов. Куда уж больше?

Подобные многочисленные части должны были бы с достаточной полнотой вскрыть всю систему обороны, расположение оборонительных сооружений и огневых средств, а также группировку артиллерии и минометов противника. Как показал дальнейший ход событий, достичь такого результата все же полностью не удалось.

Инженерные части фронта изготовили точный макет города с его пригородами. Он был использован при изучении вопросов, связанных с организацией наступления.

Считается, что комплексное использование сил и средств всех видов разведки сыграло важную роль в обеспечении общего хода операции.

Перед началом Берлинской операции разведотдел штаба 1-го БФ получил задание от командования: нанести на план Берлина все объекты, которые не подлежали разрушению, в том числе больницы, электростанции, водонапорные башни, газгольдеры, канализационные сооружения. Особое внимание нужно было обратить на центр города. Эти данные следовало вручить всем частям 16-й ВА, а также артиллерийским частям фронта, которым запрещалось бомбить и обстреливать указанные объекты.

К сожалению, разведотдел фронта не был богат справочными материалами по Берлину! Это было явное упущение опытных разведчиков. Как всегда, ударным трудом в библиотеках, а также поиском в пустующих домах, что уже смахивало на мародерство, быстро собрали городские планы, старые и новые туристические справочники Бедекера, быстренько опросили пленных (благо их хватало). После этого нужные объекты были нанесены на карты, которые передали командующему 16-й ВА генерал-полковнику Руденко и командующему артиллерией 1-го БФ генерал-полковнику Казакову.

После рассмотрения этого эпизода возникают два вопроса. Первый – кто проверял, все ли было нанесено на карту? И второй — проверял ли кто-нибудь после боев результаты выполнения вышеуказанного приказа – разгромили или сохранили нужные объекты?

Инициатором данного трудоемкого мероприятия был, вероятно, начальник тыла 1-го БФ генерал-лейтенант Антипенко. Он

логично предполагал, что именно его службам придется решать задачи по жизнеобеспечению населения Берлина, а как это было сделать без использования сохранившихся в достаточной мере объектов городской инфраструктуры?

В период подготовки Берлинской операции Главное артиллерийское управление Красной Армии (ГАУ) целиком обеспечило 1-й БФ и 1-й УФ вооружением, полностью восполнив потери, нанесенные войскам в предыдущей операции.

Несколько иначе обстояло дело со снабжением войск боеприпасами. В ходе предшествовавших операций советские войска израсходовали большое количество боеприпасов. Вследствие этого на базах и складах ГАУ запасы их резко сократились. Создался определенный дефицит 76-мм и 122-мм снарядов, чей расход был особенно высок. Ставка обязала ГАУ к началу Берлинской операции довести обеспеченность фронтов по этим снарядам до четырех боекомплектов. Промышленность же не могла в короткий срок обеспечить выпуск такого количества. Поэтому потом было решено подать фронтам в начале операции только один боекомплект снарядов и мин.

Невозможность получения требуемого числа боеприпасов к началу операции волновала командование фронтов. Так, 12 апреля маршал Жуков звонил генерал-полковнику Волкотрубунко, заместителю начальника ГАУ, и выражал неудовольствие по этому поводу: *«Вечно вы меня подводите! Плохо гоните гаубичные снаряды»*. В ответ Волкотрубунко посетовал, что их гонят так быстро, что два поезда со снаряжением даже сошли с рельсов. Этот факт почему-то рассмешил маршала, он перестал ругаться, а лишь просил принять меры, что ему и было обещано.

В подготовительный период ГАУ направило на 1-й БФ и 1-й УФ почти 11 млн снарядов и мин, более 292 млн патронов и около 1,5 млн ручных гранат. К началу операции фронты имели свыше 15 млн снарядов и мин, 5,5 млн ручных гранат и более миллиарда патронов для стрелкового вооружения. Конечно, обеспеченность боеприпасами была неравномерной: по 82-мм минам – 1,3–3,0; по 120-мм минам – 1,5–2,9; по 76-мм снарядам – 1,1–2,2; по 122-мм снарядам – 1,2–1,8 боекомплекта. Следует также иметь в виду, что в пути на фронт находилось еще 3,5 млн снарядов и мин, в том числе 700 тысяч – 76-мм и 275тыс. – 122-мм.

С 5 по 7 апреля очень активно прошли совещания и командная игра на картах и на макете города с участием командующих армиями, командующих артиллерией армий и фронта, командиров всех корпусов и начальников родов войск. Присутствовал и начальник тыла фронта, тщательно изучавший вопросы материального обеспечения операции.

Затем с 8 по 14 апреля проводились более детальные игры и занятия в армиях, корпусах, дивизиях и частях всех родов войск. Вроде бы все было предусмотрено и учтено...

В ходе подготовки Берлинской операции по настоянию Жукова было запланировано использование на переднем крае в момент атаки в целях обеспечения внезапности довольно-таки экзотических средств – зенитных прожекторов.

По свидетельствованию командующего 16-й ВА генерал-полковника Руденко, маршал уже давно был одержим идеей использования прожекторов. Он вспоминал, что еще в сентябре 1942 г., при проведении атак на северный фас немецкого фронта под Сталинградом, Жуков приказал снять с аэродромов прожектора подсветки взлетно-посадочной полосы. Опытный авиатор доказывал ему, что это не зенитные прожектора и они эффекта не дадут, да и хлопот с ними было очень много (отказы электропитания и т.п.). В итоге, по словам Руденко, *«немцы пощипали их»* (прожектора). Кроме ущерба для аэродромного хозяйства, никакого положительного результата от использования прожекторов на фронте не было достигнуто.

Но Георгий Константинович не был обременен техническими знаниями, а в силу характера и занимаемой должности – заместителя Верховного Главнокомандующего – мог настоять на своем... Но на ошибках учимся, и весной 1945 г. на немцев должны были светить уже зенитные прожектора, принадлежавшие не ВВС, а 5-му корпусу ПВО и фронтовой прожекторной роте.

Командующий фронтом ПВО генерал-полковник Журавлев вспоминал, что *«накануне сражения меня пригласил к себе маршал Жуков... Он рассказал, что по замыслу командования фронта, утвержденному ставкой, предполагается использовать зенитные прожектора для ослепления противника при проведении ночной атаки»*.

Генерал не указал своего отношения к этой идее маршала, но подчеркнул, что *«нелегко было вывозить громоздкие прожек-*

торные агрегаты на передний край, закапывать их в землю. Делалось это под огнем противника, и, естественно, мы имели потери в людях и технике. Но задача была выполнена своевременно к назначенному сроку, всю технику изготовили к боевой работе». Особого восторга в этих словах генерала что-то не чувствуется...

Поскольку, несмотря на авторитет командующего, сомневающихся по поводу необычного применения прожекторной техники хватало, решению на ее применение предшествовала определенная подготовка.

По приказанию командующего артиллерией фронта генерал-полковника Казакова из состава 221-го Гв.ЗенАП, прикрывавшего штаб 1-го БФ, была сформирована «немецкая» пехотная рота, и для нее оборудован опорный пункт. На опушке леса, метрах в семиста от высоты, развернули зенитные прожектора.

На третий день начались тренировки, которыми руководил начальник ПВО 1-го БФ генерал-лейтенант Поздняков. Зенитчикам здорово досталось, так как за день трактора, имитирующие атаку танков, и пехота несколько раз «атаковали» опорный пункт. Видимо, подчиненные Жукова не хотели ударить в грязь лицом перед своим грозным командующим.

Репетиция «ночной премьеры» началась не совсем удачно. К вечеру следующего дня к высоте стали съезжаться многочисленные генералы и офицеры. Прибытие на полигон огромной кавалькады автомашин не осталось не замеченным противником. По свидетельству члена ВС 1-й Гв.ТА генерал-лейтенанта Попеля, иные шофера, фронтовые лихачи, с потушенными фарами вообще ездить не любили и время от времени подсвечивали темную дорогу. Немецкие «ночники», естественно, заметили огоньки фар и основательно обстреляли колонну. Вот такой была цена солдатской расхлябанности, вовремя не пресеченной командирами. Слава Богу, никто при обстреле не пострадал, а то бы пришлось заменять часть комсостава 1-го БФ прямо перед началом наступления.

Потом, когда все успокоилось, по приказу Жукова включили прожектора, которые залили высоту ослепительным до боли светом. Маршал, проходя по траншее, лично опрашивал солдат о том, что они видят. Те жаловались маршалу, что их совсем ослепили. Такой же опыт был проделан и над приехавшими командирами. После проведения подобного испытания Жуков радост-

но резюмировал, что сомневающихся в применении прожекторов не осталось.

Штабом 1-го БФ был разработан и с 9 по 15 апреля осуществлен план мероприятий по дезинформации противника. Его целью было создать впечатление о переходе войск фронта к длительной обороне на центральном направлении (плацдармы на Одере) и заставить немцев перебросить часть сил на фланги для отражения готовящегося якобы здесь наступления советских войск (район южнее Штеттина и Губена).

На основе этого плана имитировалось убытие с фронта на восток боевой техники путем перевозки по железной дороге макетов танков, артиллерии и автомашин. Для этого использовался порожняк подвижного состава после выгрузки войск из района Кюстрина (один эшелон в день) и из района Франкфурта (два эшелона в день) – всего 12 эшелонов.

С целью дезинформации противника на фронте также имитировались:

– сосредоточение танковой армии восточнее Губена с использованием пресловутых макетов танков;

– подготовка наступления на участке Фюрстенберг – Губен, где было построено четыре ложных моста, усилена воздушная и силовая разведка;

– подготовка наступления южнее Штеттина путем обозначения переброски туда 5-й УА и 2-й Гв.ТА (с помощью тех же макетов и проведения инженерной разведки Одера).

Чтобы создать у противника впечатление о переходе к длительной обороне на центральном участке, на кюстринском плацдарме проводились усиленные оборонительные работы в дневное время. На просматриваемых противником участках показывалось ложное сосредоточение танков – расстановка их макетов в боевых порядках войск с явными признаками, что это не танки, а макеты. Проводилась подброска документов и газет со статьями и заметками об обороне. Был также имитирован факт «утери» приказа по войскам фронта об убытии маршала Жукова и вступлении в командование генерала армии Соколовского. Немцам даже подбрасывались письма офицеров, в которых говорилось о переходе к обороне.

После войны генерал-полковник инженерных войск А.И. Прошляков, выступая на научной конференции по изучению

опыта Берлинской операции, проведенной в Группе советских войск в Германии в апреле 1946 г., рассказывал: *«...замысел командования состоял в стремлении скрыть от противника сосредоточение на плацдармах живой силы и боевой техники, в имитации отвода танковых соединений от линии фронта, а также в маскировке действительного направления главного удара. По общему плану, утвержденному ВС 1-го БФ, маскировочные мероприятия проводились всеми родами войск. Инженерные части обеспечивали инструктаж других войск и непосредственно выполняли наиболее сложные маскировочные работы».*

В тылу фронта инженерные войска изготовили 217 макетов танков Т-34 и 159 макетов орудий. В замаскированном виде по одному-два эшелона в день они направлялись к линии фронта для показа ложного сосредоточения войск. Для имитации движения танковых частей из района Швибус через ложные переправы на Одере, находившиеся на стыке 1-го БФ и 1-го УФ, перемещались макеты танков, смонтированные на автомашинах.

Прошляков рассказал и о мероприятиях по введению противника в заблуждение в отношении действительного направления главного удара. Так, в полосе 61-й армии инженерными войсками были изготовлены и установлены на местности макеты 106 танков, 60 орудий, 42 автомашин и 22 бензозаправщиков. Районы сосредоточения ложной техники оживлялись кочующими орудиями, имитирующими пристрелку. Одновременно усиленно демонстрировалась инженерная разведка Одера. Имитировалось подтягивание переправочных средств и заготовка материалов для строительства мостов.

На маскировочных работах были задействованы немалые силы: пять инженерных батальонов, одна маскировочная рота и один военно-строительный отряд. Генерал-полковник Прошляков весьма оптимистически оценивал итоги работы подчиненных ему инженерных войск: *«В результате введенный в заблуждение противник приступил к усилению обороны на этих участках...»* Вероятно, он просто старался выдать желаемое за действительное.

Кроме проведения малоэффективных работ по маскировке, на фронте проводилась серьезная подготовка к форсированию водных преград. Так, в полосе 1-го БФ было построено 25 мостов через Одер и подготовлено 40 паромных переправ.

По мнению военного историка генерал-майора профессора Мацуленко, план мероприятий по дезинформации был успешно выполнен и оперативная маскировка достигла своей цели. Это утверждение вызывает большие сомнения, поскольку уважаемый профессор очень слабо аргументирует свое мнение.

В работе «Оперативная маскировка войск» Мацуленко указывал, что самолеты-разведчики люфтваффе всего лишь увеличили количество пролетов по маршрутам движения ложных танковых колонн (в районе Грюнберг, Губен, Штаргард и Пиритц). Кроме того, немецкая авиация бомбила ложные мосты через Одер в полосе 33-й армии и район «сосредоточения войск» южнее Штеттина. Активизировалась и наземная вражеская разведка, особенно на рубеже Фюрстенберг – Губен.

И это вся реакция противника на поистине титанические усилия советского командования и войск по дезинформации супостата? А где же желаемая переброска немецких войск на участки имитируемого наступления? Об этом теоретик военного искусства почему-то умалчивает.

Правда, в районе западнее Рамнитца (на реке Одер), на участке 33-й армии, где работы по имитации подготовки к переправе (строили три ложных моста, две пристани для паромов, производилась забивка свай и подвозка лесоматериалов) велись особенно рьяно, эффект превзошел все ожидания. Противник, наблюдая это упорное строительство, производимое под артиллерийско-минометным и пулеметным огнем – к 18.00 12 апреля было построено в каждом пункте до 110 погонных метров моста, – решил, что на этом направлении готовится наступательная операция, и предпринял меры для ее срыва.

13 апреля немцы после мощной артподготовки нанесли по советским войскам сильный упреждающий удар. На отдельных участках они даже заняли первую траншею. Это явилось полной неожиданностью для командования армии, которое, вероятно, считало, что можно безбоязненно провоцировать противника подобным образом. К концу дня, правда, положение было восстановлено, но незадачливые имитаторы наступления вряд ли были довольны произошедшим.

Профессор Мацуленко вынужден был признать, что войскам 5-й УА и 8-й Гв.А, действовавшим как раз на направлении настоящего главного удара, несмотря на усиленные инженерные

работы, *«не удалось создать у противника впечатление о подготовке здесь частей к длительной обороне»*. Он считал, что при проведении этих дезинформационных мероприятий был допущен ряд демаскирующих действий: значительно увеличилось движение машин по переправам через Одер, усиленно строились различные НП без маскировки этих работ от воздушного наблюдения и т.д.

Штаб 1-го БФ, а также и проверяющие маскировку в 5-й УА и 8-й Гв.А отмечали, что заметных признаков реагирования противника на проведенные дезинформационные мероприятия не выявлено и, видимо, не удалось убедить его в том, что на плацдарме готовятся к длительной обороне, так как войска допускали много демаскирующих признаков, которые бросались в глаза противнику.

Так халтурное планирование акций и их безответственное проведение в жизнь привело только к бессмысленной трате времени, ресурсов и сил личного состава инженерных войск и стрелковых соединений. Все эти потуги и ухищрения не возымели на немцев особого воздействия и не дали результата, так как мероприятия по дезинформации выполнялись грубо, топорно, без выдумки, да и сложно было скрыть очевидное.

Что же получилось в итоге? С одной стороны, немцы с помощью своих дезинформационных мероприятий, раскрытых советской разведкой, усиленно пытались убедить русское командование отказаться от нанесения удара с кюстринского плацдарма, с которого лежал наиболее короткий путь к Берлину. С другой стороны, командование 1-го БФ с помощью своих дезинформационных материалов, вероятно, столь же прозрачных для немецкой разведки, стремилось убедить противника в том, что русские именно так и хотят поступить, то есть перенести удар на фланги фронта.

Забавная ситуация, не правда ли? Весь вопрос состоял в том, насколько при этом противники поверили друг другу? Судя по отсутствию переброски немецких войск на фланги 1-го БФ, немцы русским не поверили, ну а русские им – тем более.

Что же все-таки знали немцы о готовящемся наступлении советских войск весной 1945 г.?

Конечно, немецкое командование предвидело близкое начало русского наступления. В сводке штаба группы армий

«Висла» за 6 апреля говорилось об оживленной активности противника на фронте 9-й армии, где прослушивались шум моторов и лязг гусениц танков. На основании имеющейся информации штаб группы предполагал, что атака начнется в течение ближайших двух дней, но немецкие штабисты несколько предвосхищали грядущие события. Командир 46-го ТК немецкой 3-й ТА генерал Гарайс также был убежден, что русские атакуют 8 апреля.

Генерал Хейнрици не очень-то верил подобным доводам. Он, основываясь на данных собственной разведки и своей обостренной интуиции, считал, что это слишком ранняя дата. Его военная интуиция была основана на вполне конкретных данных. Каждый день он летал на небольшом самолете вдоль фронта, наблюдая за боевыми порядками русских войск. Каждый вечер он внимательно изучал свежие донесения разведки и материалы допроса пленных, чтобы четко определить момент окончания подготовки войск 1-го БФ к наступлению.

Гитлер также подключился к разгадыванию этой загадки. Он периодически сообщал Хейнрици о своих предчувствиях через начальника ОКХ генерала Кребса. 11 апреля он *«инстинктивно чувствовал»*, что наступление русских войск начнется 12 или 13 апреля, а 12 апреля фюрер ожидал атаки 13 или 14 апреля. Видимо, он снова, как и перед высадкой союзников в Нормандии в июне 1944г., хотел предстать перед своими генералами в роли провидца. Английский историк Бивор справедливо замечал, что *«предсказания оставались... его единственной возможностью демонстрировать свой контроль над ситуацией»*.

Начальник войск охраны тыла немецкой 9-й армии генерал-лейтенант Бернгард, находясь в плену, кое-что рассказал о прошедших событиях. По его словам, германское командование располагало совершенно точными данными о предстоящем наступлении в направлении Берлина. Еще на совещании комсостава армии, проведенном 5 или 6 апреля 1945 г., начальник разведки армии доложил о противостоящем противнике под командованием Жукова.

Конечно, в немецких штабах имелись различные мнения по поводу предполагаемой даты начала русского наступления. Некоторые считали, что наступление 1-го БФ может начаться в течение считанных часов, а чуть позже к нему должен присоединиться и 2-й БФ. Другие полагали, что Жуков будет ждать

развертывания сил Рокоссовского, чтобы ударить одновременно.

Немецкая войсковая разведка четко отслеживала наращивание группировки советских войск и ее подготовку к наступлению на берлинском направлении. Об этом говорил потом также и командир 56-го ТК генерал Вейдлинг, который 13 апреля получил от командующего 9-й армией генерала Буссе сообщение о русском наступлении крупными силами на Берлин.

В донесении штаба ГА «Висла» в ОКХ от 8 апреля говорилось, что русское наступление, по-видимому, начнется 15 апреля.

Так что стоило ли огород городить со всей этой дорогостоящей дезинформацией, которая в результате не оказала никакого воздействия на противника и не помешала ему определить достаточно точно срок начала наступления?

Маршал Жуков потом признавал, что скрыть от противника свои намерения было очень сложно. Готовя наступление, советское командование отдавало отчет, что немцы ожидают удара на Берлин. Поэтому командование 1-го БФ, по словам Жукова, *«во всех деталях продумало, как организовать этот удар внезапно для противника»*. К сожалению, он не счел нужным уточнить, что было конкретно для этого сделано. Как можно обеспечить внезапность (даже тактическую) удара огромной массы войск, когда немцы постоянно ждали начала русского наступления? Конечно, точный срок наступления им не был известен.

Хотя существовал же ряд факторов, по которым немцы и ранее почти безошибочно, с большой точностью определяли время начала сокрушающих ударов советских войск. Так что, о какой внезапности вел речь Жуков, совершенно непонятно.

Обмануть противника несколько необычным способом попытались и на 1-м УФ, правда, без применения прожекторов. Здесь вместо освещения предусмотрели задымление, которое должно было осуществляться на очень широком фронте – до 400 км. Массовым использованием дымов в сочетании с другими мероприятиями по оперативно-тактической маскировке планировалось ввести противника в заблуждение о направлении главного удара и приковать его силы к левому флангу, содействовать форсированию реки Нейсе и прорыву обороны немцев на ее западном берегу, сберечь живую силу и технику, обеспечить бесперебойную работу переправ.

Некоторые мероприятия производились за три – пять суток до начала операции. В их числе были: прикрытие дымами ложных районов погрузки и сосредоточения войск, демонстрация ложного подхода из глубины задымления дорог и переправ, а также маскировка инженерных работ по подготовке ложных плацдармов для наступления.

Уделялось больше внимания и маскировке войск, сосредоточенных для наступления. Открытые районы сосредоточения, позиции артиллерии, просматриваемые противником дороги были прикрыты так называемыми вертикальными и горизонтальными масками. Всего в полосе главного удара 1-го УФ было установлено 96 км вертикальных и 420 тысяч кв.м горизонтальных масок, что было характерно именно для конца войны.

Для обеспечения успешного форсирования Нейсе на 1-м УФ было заготовлено 2440 саперных деревянных лодок, 750 пог.м штурмовых мостиков и более тысячи элементов деревянных мостов под грузы от 16 до 60 тонн. Таким образом, ставка на обычные подручные средства на этот раз не делалась.

Предполагалось переправлять передовые батальоны на десантных деревянных лодках, а штурмовые батальоны – по штурмовым мостикам и частично на десантных лодках. К 07.00 дивизионные саперы должны были собрать легкие паромы грузоподъемностью 3–5 тонн, по одному-два на штурмовой батальон, и по одному легкому мосту для дивизионных грузов.

Силами армейских и фронтовых инженерных батальонов для каждой армии подготавливалось семь мостов наплавных и на жестких опорах. Время на устройство переправ и ввод их в действие устанавливалось сжатое: наводка штурмовых мостиков – 35–40 минут, сборка легких паромов – 50 минут, наводка легких понтонных мостов грузоподъемностью 30–60 тонн – два – четыре часа, сборка низководных мостов такой же грузоподъемности – четыре – семь часов. Поэтому переправа по понтонным мостам передовых танковых бригад планировалась на 11.00, а главных сил танковых армий – на 16.00 первого дня наступления. Инженерное обеспечение ввода в прорыв 3-й Гв.ТА возлагалось на 16-ю ШИСБр, а 4-й Гв.ТА – на 22-ю ШИСБр.

Форсирование реки Шпрее предполагалось обеспечить за счет резервирования части десантных и понтонно-мостовых средств, которые на Нейсе не использовались, а будут двигаться

за наступавшими передовыми частями. Кроме того, планировалось к утру 17 апреля снять 80% действовавших на Нейсе понтонных средств и направить их на Шпрее, что выглядело слишком оптимистично.

Разминирование, восстановление дорог и мостов основных армейских маршрутов в полосе наступления главной группировки возлагалось на 23-е управление оборонительного строительства полковника С.В. Чекалина.

Поскольку дно рек Нейсе и Шпрее было песчаным, рыхлым и вязким, решили отказаться от форсирования их вброд, так как колесные машины могли там застрять. Жизнь, как всегда, внесла коррективы в это решение, как будет видно чуть позднее.

6 апреля 1945 г. начальник инженерных войск 1-го УФ генерал-лейтенант И.П. Галицкий сначала согласовал план инженерного обеспечения с начальником штаба 1-го УФ генералом армии И.Е. Петровым, а потом доложил его и командующему. Маршал Конев очень внимательно рассматривал план, вникая буквально в малейшие детали. Он прекрасно понимал, что от успеха форсирования рек зависел успех атаки и дальнейшего наступления его фронта. Конев согласился, что *«...будем танки переправлять по мостам, а где удастся, и вброд. Пехоту усилим 85-мм пушками для борьбы с немецкими танками в первые минуты. А там другая артиллерия и танки подоспеют»*. После рассмотрения командующий 1-м УФ утвердил план форсирования двух рек в полосе наступления фронта.

Надо отметить, что оба фронта, наносящие главные удары в Берлинской операции – 1-й БФ и 1-й УФ, пытались каждый по-своему ослепить противника. Один – светом прожекторов, а другой – дымами, организуемыми войсками химзащиты. Какой эффект был достигнут в результате этой широкомасштабной порчи атмосферы Земли и создания дикой иллюминации можно будет узнать чуть позже.

Каким же способом командование фронтов хотело добиться успеха в предстоящей операции? Попробуем рассмотреть этот вопрос на примере 1-го БФ.

Скорее всего его командование рассчитывало на силу первого сокрушительного удара, который должен был ошеломить и потрясти противника, и вряд ли уповало на пресловутую внезапность. Конечно, когда на сравнительно узком участке

фронта были сосредоточены 77 стрелковых дивизий, 3155 танков и САУ, 14 628 орудий и минометов, 1531 установка реактивной артиллерии, то командование всех уровней было уверено, что с такими силами и средствами войска фронта разобьют противника вдребезги в самый короткий срок. Вполне вероятно, что именно в этой переоценке своих сил и возможностей и кроются корни последующих затруднений при прорыве немецкой обороны.

По свидетельству члена ВС 1-й Гв.ТА генерал-лейтенанта Попеля, 14 апреля Жуков в разговоре с генерал-полковником Чуйковым высказался о тактике войск фронта следующим образом: *«Чего ж нам обезьяну выдумывать, когда она давно в джунглях бегает! Тактика наступления испытана, противоядие у немцев не придумано»*. Его высказывания подтвердил и сам Чуйков. Он считал, что в ходе проведенной разведки боем (о ней будет рассказано ниже) план наступления немцами не был раскрыт, чего очень опасался маршал.

Чуйков утверждал, что, поскольку в принципе была повторена тактика прорыва немецкой обороны на Висле, невозможно было предъявить немцам ничего нового. Чего тут думать, предлагать варианты действий своих войск и противника, когда ударная сила и боевая мощь войск велика, как никогда? Кто перед ней может устоять? Ответ на вопрос был получен очень скоро – немцы. Шапкозакидательские настроения комсостава, видимо, имели место быть, чего теперь никто не хочет признавать.

Некое запоздалое признание есть только в мемуарах того же Попеля. Он писал, что 5 апреля 1945 г. после совещания в штабе армии, на котором присутствовали командиры корпусов и бригад армии и где выступал командующий армией генерал-полковник Катуков, у него состоялся разговор с последним. Попель говорил Катукову, что *«чувствуется недооценка противника, легкость какая-то»*, то есть все командиры ощущали силу подготавливаемого удара.

Правда, Катуков старался втолковать своим бравым подчиненным, что время глубоких районов пришло, но, видимо, смысл сказанного до них не дошел. Отцы-командиры здраво рассуждали, что *«надо довести до сознания каждого серьезность предстоящей задачи, иначе много лишней крови прольется!»*. Но видимо, воспоминания о стремительном наступлении от Вислы

до Одера и картины учиненного при этом разгрома крепко засели в головах боевых командиров-танкистов среднего звена. К чему это в скором времени привело, станет ясно ниже. Пришлось быстро перестраиваться, но какой ценой...

Конечно, перед наступлением развернулась разносторонняя подготовка танковых войск: проводились перегруппировки, части и соединения пополнялись личным составом и боевой техникой, был проведен техосмотр и необходимый ремонт материальной части. Следует заметить, что вследствие ограниченного времени для подготовки к операции (10–14 дней) укомплектование танковых и механизированных частей к началу наступления полностью завершить не удалось. Поэтому некоторые танковые соединения, как считают авторы коллективного труда «Советские танковые войска», вступили в сражение, будучи укомплектованными личным составом и боевой техникой лишь на 50–60 %.

При подготовке к наступлению особое внимание уделялось совершенствованию навыков форсирования водных преград, ведению боя ночью и в крупном городе, чего требовал характер предстоящих боевых действий.

В связи с тем, что в подготовительный период соединения и части получили значительное пополнение личного состава и матчасти, писали авторы вышеуказанного труда, основное внимание уделялось подготовке взводов, рот и батальонов. Вот только о чем не пишут уважаемые авторы этого труда, так это о том, каков же был качественный состав этого *«значительного пополнения»*. Вероятно, это были жители с бывших оккупированных территорий, освобожденные из плена и прятавшиеся по домам после поражения 1941 г. солдаты Красной Армии. Удалось ли достичь хотя бы приемлемой выучки танковых экипажей и «сколоченности» подразделений за короткий срок подготовки к боям, не совсем ясно. Видимо, авторы посчитали это само собой разумеющимся. Хотя, учитывая указанный выше срок на подготовку операции, возникают большие сомнения по поводу уровня подготовки танковых частей фронтов.

В целях обеспечения надежного и непрерывного взаимодействия с танковыми армиями КП авиакорпусов развертывались вблизи КП танкистов. На КП командиров корпусов направились офицеры штабов авиачастей со средствами связи,

а в боевые порядки передовых бригад – авианаводчики. Вот чего не смогли предусмотреть и исключить авиационные командиры, так это периодических ударов по своим, стыдливо замалчиваемых потом в мемуарах и официальных трудах по истории.

Перед политорганами частей и соединений также стояли важные задачи. Надо было срочно провести необходимую работу по «промыванию мозгов» солдатам из нового пополнения, которых в частях было предостаточно. Так, например, в 3-ю Гв.ТА прибыли более 5000 человек, многие из которых до этого около трех лет находились на оккупированной территории и подвергались воздействию вражеской пропаганды. Надо было побыстрее вернуть их в «исходное состояние» и покрепче вбить в голову заезженные постулаты советской политпропаганды. Кроме того, нужно было напомнить им о «вине» перед Родиной и армией за то, что так долго «были под немцем» и не участвовали в «священной войне» с фашистами. Смысл в проведении этой работы, конечно, был, потому что поток перебежчиков к немцам не иссякал вплоть до конца войны.

Как водится, перед началом наступления на Берлин провели одну довольно ответственную политическую акцию. 14 апреля 1945 г. газета «Правда» – рупор партии большевиков – в статье завотделом пропаганды ЦК Г.Ф. Александрова «*Товарищ Эренбург упрощает*» указала на «ошибку» известного публициста, который в одной из статей писал, что *«все немцы одинаковы и что все они в одинаковой мере будут отвечать за преступления гитлеровцев»*.

В этом высказывании, конечно, кроется явная передержка. Что проходило в 1941–1943 гг., когда до Германии было еще далеко, то весной 1945 г., когда войска были на ее территории, было уже неуместно. Простодушие многих солдат Красной Армии, привыкших свято верить печатному слову и болтовне полуграмотных агитаторов, да еще и насмотревшихся на результаты немецкой оккупационной политики, могло привести к нежелательным политическим последствиям. Видевшие зверства и разрушения, чинимые немцами на родной земле, советские солдаты могли в Берлине слишком буквально претворить в жизнь прежние постулаты советской пропаганды.

Партийная газета «Правда» решительно дистанцировалась от писателя-еврея, жаждавшего крови немцев, подчеркнув, что

«товарищ Эренбург не отражает в данном случае советского общественного мнения». Далее газета убеждала читателей, что Красная Армия, ведя бои за ликвидацию гитлеровской армии, никогда не ставила своей целью уничтожить немецкий народ, так как это было бы глупо и бессмысленно! *«Советский народ,* – говорилось в статье, – *никогда не отождествлял население Германии и правящую фашистскую клику»*.

Фамилия Эренбурга усилиями геббельсовской пропаганды была хорошо известна немцам. Геббельс очень четко обыграл антинемецкий характер публикаций Ильи Эренбурга, пугая немцев поголовным уничтожением. Одна статья этого писателя под названием «Убей немца!» (на фронте ведь было трудно отличить немца от нациста) чего стоила.

Двуединые цели статьи в «Правде» видны невооруженным глазом. Как писал потом начальник политотдела 47-й армии полковник Калашник: *«Надо было направить справедливый гнев наших солдат по правильному руслу»*, а также успокоить немецкое население, что жизни немцев, которые поведут борьбу с Гитлером (смешно было на это надеяться) или будут лояльно относиться к союзным войскам, не угрожает опасность. Удалось ли в полной мере решить эти задачи – другой вопрос, потому что со стороны солдат Красной Армии по отношению к немцам было допущено множество различных эксцессов. Как подействовало содержание этой статьи на немцев, сказать трудно, хотя Берлин был буквально засыпан советскими листовками с ее текстом.

Тогда же войска получили специальную директиву ставки, в которой от советских воинов требовалось *«и на немецкой земле свято и нерушимо беречь честь Красной Армии»*. Как потом выяснилось, это очередное заклинание срабатывало далеко не всегда.

Упомянутый политработник, полковник Калашник, писал, что *«9 апреля в Политуправлении 1-го БФ состоялось совещание начальников политуправлений армий, где сообщалось об издании специального обращения к войскам фронта»*. Это обращение было, естественно, составлено на основе указаний ЦК ВКП(б) и директивы ставки. Речь в нем шла о поведении советских воинов на немецкой земле, о дисциплине и порядке в войсках. Доводить содержание обращения, *«документа, звавшего к социальному*

гуманизму», до солдат и офицеров предполагалось *«путем бесед и текстуального чтения»*. Понятно, что данная директива, мягко говоря, несколько запоздала, так как войска 1-го БФ вели бои на территории Германии уже с января 1945 г.

Понятно, что командование Красной Армии очень серьезно опасалось взрыва нежелательных эмоций в войсках фронтов, стремясь загасить мстительные порывы солдат. По мнению полковника Калашника, определенный эффект был достигнут – *«политработа сыграла исключительно важную роль в укреплении воинского порядка и в предупреждении несправедливости в отношении немецкого населения. Это способствовало укреплению доверия немцев к Красной Армии, опровергая домыслы фашистской пропаганды»* (которые, увы, зачастую были основаны на реальных фактах). В свою очередь, укрепление доверия способствовало провалу ставки немецкого командования на упорную борьбу частей фольксштурма и широкие действия организации «Вервольф». Командир этой «партизанской» структуры обергруппенфюрер Прютцман, свирепствовавший в 1942–1943 гг. на Украине, поспешил покончить жизнь самоубийством сразу же после окончания войны, уйдя от ответственности за свои преступления.

15 апреля 1945 г. было подготовлено еще и обращение ВС 1-го БФ, подписанное Жуковым и Телегиным, к бойцам и командирам фронта, сработанное в лучших традициях советских политорганов. Вот его текст: *«Боевые друзья! Верховный Главнокомандующий маршал Советского Союза тов. Сталин от имени Родины и всего советского народа приказал войскам нашего фронта разбить противника на ближайших подступах к Берлину, захватить столицу фашисткой Германии – Берлин и водрузить над нею Знамя Победы.*

Пришло время нанести врагу последний удар и навсегда избавить нашу Родину от угрозы войны со стороны фашистских разбойников... Пришло время добить врага и победно закончить войну...»

Далее в воззвании командование 1-го БФ призывало подчиненных: *«Славой наших побед, потом и своей кровью завоевали мы право штурмовать Берлин и первыми войти в него, первыми произнести грозные слова сурового приговора нашего народа гитлеровским захватчикам. Я призываю вас выполнить эту задачу с присущей вам воинской доблестью, честью и славой. Стреми-*

тельным ударом и героическим штурмом мы возьмем Берлин, ибо не впервой русским воинам брать Берлин. Советские богатыри! Я призываю вас устремить все свои силы, волю, умение и решимость, мужество и отвагу на самоотверженное выполнение приказа нашего вождя тов.Сталина, приказа нашей Матери-Родины. Все необходимое для этого у нас есть и в достаточном количестве.

От вас, товарищи, зависит стремительным ударом преодолеть последние оборонительные рубежи врага и ворваться в Берлин. За нашу Советскую Родину – вперед на Берлин!»

В этом напыщенном, пафосном обращении командования 1-го БФ к своим солдатам, напичканном затертыми штампами, четко поставлена задача – взять Берлин первыми, без какого-либо упоминания о соседях – войсках 1-го УФ.

Согласно реалиям тогдашней жизни считалось, что если политработники не воззовут к лучшим качествам советских воинов, то последние будут хуже воевать. При ознакомлении с текстом обращения становится ясно, что политработники не смогли отрешиться от отработанной казенщины и не нашли слов, могущих тронуть душу простого солдата, задача которому и так была предельно ясна: добить немцев и поскорее закончить эту всем осточертевшую войну.

Теперь, вооруженные «могучим идеологическим оружием», войска 1-го БФ могли спокойно ожидать начала боевых действий.

Боевой и численный состав немецких войск перед 1-м БФ на 14 апреля 1945 г.

(по документам ГРУ Генерального штаба Красной Армии и трофейным немецким документам)

Наименование частей	Число батальонов	Людей	Мино-метов	Орудий	Танков и САУ
Первая линия					
547-я ФГД	7	7000	54	86	–
1-я ДМП	9	5000	26	65	–
5-я ЛПД	7	7000	48	33	11
606-я ФГД	8	6500	50	40	–
309-я ПД «Берлин»	7	6500	60	78	20
9-я ППД	10	12 000	58	72	6
20-я МД	7	8000	60	81	27
303-я ПД «Деберитц»	6	6200	40	77	10
169-я ПД	9	7800	60	91	10
712-я ПД	9	7000	66	88	–
Крепостное управление Франкфурта	25	16 000	342	171	22
286-я ПД	8	7000	54	74	–
32-я МД СС «30 января»	6	6800	60	79	26
391-я ОхрД	5	5000	46	61	2
35-я ПолД СС	5	5200	42	60	10
275-я ПД	7	6000	42	109	12
214-я ПД	8	6900	48	98	–
Итого в первой линии:	**143**	**125 900**	**1156**	**1363**	**156**
Части усиления, отдельные полки, батальоны, армейские корпусные управления		75 000	134	919	311
Всего в первой линии с частями усиления		200 900	1290	2282	467

Вторая линия (в резерве)					
23-я МД СС «Нидерланд»	6	7500	80	80	60
11-я МД СС «Нордланд»	6	11 000	60	84	45
18-я МД	7	9000	60	94	55
156-я учебная ПД	7	7200	50	54	8
25-я МД	6	9000	60	104	92
ТД «Мюнхенберг»	5	6000	55	78	49
МД «Курмарк»	6	8000	60	100	69
1-я учебная АПД	7	7000	55	36	10
Итого во второй линии:	**50**	**64 700**	**480**	**630**	**388**
Гарнизон Берлина		150 000	–	330	
Всего перед 1-м БФ		**415 600**	**1770**	**3242**	**855**

Глава 9
Разведка боем: разные версии одного события

Поскольку данная увертюра большого наступления войск 1-го БФ оценивается сторонами совершенно неоднозначно, то попробуем взглянуть на произошедшие события с двух позиций – русской и немецкой. Только после этого можно понять значимость этой части Берлинской операции для непримиримых противников.

Командование 1-го БФ, следуя давно выработанной стандартной тактике, кстати, хорошо известной немцам, решило провести 14–15 апреля – за два дня до перехода в общее наступление – разведку боем главной полосы вражеской обороны перед кюстринским плацдармом. Немцам же от пленных стало известно об этом намерении.

Для ведения разведки боем в каждой армии, действовавшей на главном направлении, были выделены усиленные батальоны от дивизий первого эшелона, а в остальных – усиленные роты, в том числе и штрафные. Всего в полосе 1-го БФ было создано 32 разведотряда. Они должны были уточнить огневую систему обороны, определить ее наиболее уязвимые места. По мнению Жукова и его штаба, очень важно было заставить немцев подтянуть на передний край побольше живой силы и техники, чтобы потом накрыть их артогнем в ходе мощной артподготовки перед началом наступления 16 апреля. Такова была задумка.

Похоже, что разведка боем – типично русская форма ведения боя. Кто же еще перед началом своего наступления бросит пехоту, усиленную отдельными танками и САУ, на неподавленную систему обороны противника для уточнения неких подробностей? Оригинально, что и говорить.

В армиях союзников, да и в вермахте подобная разведка что-то не очень приветствовалась. Там предпочитали разведывать позиции противника техническими средствами и потом энергично подавлять выявленные огневые средства. В крайнем случае проводились разведпоиски. Далеко не все советские военачальники поддерживали проведение так называемой разведки боем. Генерал-полковник Горбатов, командующий 3-й армией, так писал в мемуарах: *«Такой способ разведки я ненавидел всеми фибрами души – и не только потому, что батальоны несут*

при этом большие потери, но и потому, что подобные вылазки настораживают противника, побуждают его заранее принять меры против нашего возможного наступления».

Горбатов упоминал также и об указаниях маршала Рокоссовского, который требовал: *«для сохранения внезапности и экономии боеприпасов разведки боем накануне наступления не предпринимать»*. Однако не стоит забывать, что в апреле 1945 г. он уже не командовал 1-м БФ...

В ходе разведки боем ударным подразделениям на ряде направлений удалось вклиниться в расположение противника и продвинуться в глубь немецкой обороны от двух до пяти километров. Но так было не везде – на фронте 47-й армии и 5-й УА продвижение с 07.30 14 апреля составило всего 300–400 м.

В результате разведки боем была в какой-то мере нарушена целостность первой полосы обороны немцев и дезорганизована их система огня. Кроме того, была преодолена зона наиболее плотных минных заграждений, что в какой-то мере облегчило последующее наступление главных сил фронта. С этим трудно не согласиться.

Был также выявлен отвод противником части артиллерии на рубеж Зееловских высот, а части пехоты – на промежуточный рубеж. Обнаружилось, что немцы сделали попытку исполнить свой обычный трюк – отойти до проведения основной артподготовки, переждать ее на другом рубеже, а потом быстро вернуться. Когда же русские, выпустив боезапас по пустому месту, пойдут в атаку, встретить их неподавленным огнем. На этот раз апробированный трюк вроде бы не удался.

Готовя наступательную операцию, командование 79-го СК 3-й УА беспокоилось, как бы не устарели имеющиеся данные о противнике и немцы не подставили под удар артиллерии ложные позиции. Выполняя приказ командарма, комкор генерал-майор Переверткин решил силами сменяемых подразделений 248-й СД произвести усиленную разведку боем. Она началась в семь часов утра 14 апреля.

Главные силы развернулись восточнее поселка Ортвиг. Несмотря на яростное сопротивление, атакующие к вечеру заняли первую траншею. Утром 15 апреля удалось занять и вторую траншею и отбросить немцев в поселок. Только после этого 248-я СД ушла с плацдарма и была заменена частями 207-й СД.

Разведка боем помогла командирам всех степеней и родов войск уточнить огневую систему оборонявшихся, подтвердила, что передний край немецких войск проходит по старым рубежам.

Вместе с тем эта самая разведка боем внесла много осложнений в расписание уже подготовленного и привязанного к конкретной местности артиллерийского наступления. Артиллерийским штабистам пришлось срочно вносить коррективы в плановые таблицы огня и в другие документы. Много хлопот эта разведка доставила и подразделениям артиллерии, стоявшим на прямой наводке. Теперь им пришлось снова подтягиваться к противнику, оборудовать позиции, вести усиленную разведку огневой системы нового немецкого переднего края.

В ходе разведки боем в полосе 8-й Гв.А был захвачен в плен один очень сообразительный капрал из 303-й ПД. На допросе он заявил, что Германии придет «капут» через две недели, чем крайне удивил допрашивавших офицеров. Его попросили пояснить сказанное. Капрал немного подумал и выдал, что 14 апреля была разведка, а наступление русских начнется через два-три дня. До Берлина, мол, будете идти около недели, так что через 15–20 дней – конец войне. Настоящий провидец! Насколько же высок был уровень подготовки младших командиров вермахта, да и боевой опыт, вероятно, сказался. Если какой-то капрал смог предвидеть ход предстоящих событий, то что уж говорить о немецких генералах и офицерах.

Советское командование без достаточных на то оснований считало, что противник, с одной стороны, был сильно обеспокоен действиями разведподразделений, а с другой стороны, был введен в заблуждение, считая, что силовая разведка – это начало наступления. Откуда же проистекало подобное предположение? По свидетельству начальника политотдела 3-й УА полковника Лисицына, из допросов захваченных во время разведки боем пленных стало известно, что немцы, полагая, что русское наступление уже началось, стали срочно подтягивать резервы к переднему краю обороны. И хотя во второй половине 15 апреля бой прекратился, немецкие командиры на уровне полков и дивизий в ряде случаев не решались вновь отвести в глубь обороны подтянутые резервы. Таким образом, обстановка на переднем крае к началу настоящего наступления вроде бы складывалась именно так, как и предполагало командование 1-го БФ.

Тут хочется задать один вопрос: а кого можно было захватить в плен в бою в первой или второй траншее? И на показаниях этого рядового состава можно было сделать далеко идущие выводы? Ведь не штабных же офицеров с документами там захватывали.

Жуков даже считал, что *«противник принял эту разведку за начало нашего наступления»*. Однако как полагал немецкий исследователь Вильгельм Тике, маршал ошибался. В труде «Падение Берлина» он писал: *«Как свидетельствуют многие немецкие документы, немецкое командование рассматривало эти атаки именно как предварительное наступление с целью захвата Зееловских высот и создания плацдарма для наступления танковых соединений русских»*.

Тике приводит донесение ГА «Висла» в ОКХ от 15 апреля 1945 г. Вот оно: *«Общее впечатление от боевых действий сегодняшнего дня заставляет предполагать, что противнику помешали ответные действия нашей артиллерии, и поэтому дело так и не дошло до продолжения вчерашнего предварительного наступления или запланированного широкомасштабного наступления»*. Вот что еще отмечали немцы: *«В поведении противника не было отмечено никаких признаков, которые позволили бы назвать точную дату начала широкомасштабного наступления. Можно было констатировать лишь то, что противник закончил приготовления к нему на участке 9-й армии и может начать его в любой момент»*.

В немецких донесениях описывались бои, проходившие с переменным успехом на передовой линии обороны: атаки и контратаки, местные отходы. Отмечены успешные действия передовых отрядов русских на участке 5-й УА, а также активная поддержка наступавших батальонов со стороны русской авиации. Указывалось также, что во время ожесточенных боев немецкая артиллерия действовала очень удачно, поражая массированным огнем русские позиции.

Бои носили ожесточенный характер. Командующий немецкой 9-й армией генерал пехоты Буссе отмечал: *«14 апреля враг продолжал атаковать вплоть до Лебуса. Правое крыло 11-го ТК СС отбило все атаки, нанеся противнику тяжелые потери. На других участках противнику удалось дойти до второй линии нашей обороны, а близ Зеелова возникла столь кризисная ситуация, что пришлось бросать в бой МД «Курмарк», чтобы остановить продвижение русских.*

На участке 51-го корпуса враг продвинулся на 5 км... Потери в живой силе и технике с обеих сторон боя огромны. Но, что самое страшное, наши потери были невосполнимы».

Днем позже Буссе записал в своем дневнике: *«15 апреля, как и следовало ожидать на основе знакомства с наступательной тактикой русских, новых атак больше не предпринималось. Противник пополнял потери, подтягивая новые дивизии, и готовился к последнему штурму».* Генерал признавал некоторые потери территории и подчеркивал, что главная линия обороны на участке 11-го ТК СС была принята только ночью.

Немцы, обеспокоенные активностью русских войск, предприняли ряд мер по усилению обороны. Так, руководство обороной Зееловского участка принял на себя штаб 56-го ТК, в подчинение которого были переданы 9-я ППД, 20-я МД и ТД «Мюнхенберг». Командовал корпусом кавалер Рыцарского креста с Дубовыми листьями генерал пехоты Вейдлинг, а начальником его штаба был подполковник фон Дуфвинг.

Как всегда бывает, у этой разведки боем была и негативная сторона, так сказать, оборотная сторона медали, чье появление, вероятно, не смогли предусмотреть при планировании. Вот что произошло. Значительная часть хорошо разведанной первой полосы обороны немцев оказалась захваченной передовыми батальонами, которые атаковали, как никогда, очень удачно. Тем более что удар пришелся не по главной полосе обороны. Отсюда и быстрый успех атаковавших. Сказались, конечно, атакующий порыв войск, внезапность удара и длительная подготовка. Но оказалось, что слишком хорошо – тоже не хорошо.

В связи с произошедшим вклиниванием разведподразделений в оборону противника появилась настоятельная необходимость проведения перепланировки артподготовки для большей части артиллерии. До начала общего наступления оставалось 10–12 часов, а нужно было выполнить огромный комплекс мероприятий, которые обычно проводились в течение довольно длительного времени. Теперь же все нужно было сделать в очень сжатые сроки, когда страдает качество выполняемых работ. К тому же многим батареям пришлось сменить местоположение, поскольку они местами отстали от пехоты.

Вот какой получился неожиданный парадокс. Как утверждал начальник штаба артиллерии 1-го БФ генерал-полковник Нады-

сев, к чести артиллерийских командиров всех степеней и их штабов, эта сложная задача была блестяще выполнена. По его словам, вся артиллерия была готова к выполнению задач в новых условиях к нужному сроку. Оставим эти заверения на совести этого штабиста.

Вот так, создавая себе трудности и «по-стахановски» преодолевая их, войска 1-го БФ готовились к решающему наступлению. Конечно, на этом факте никто из исследователей Берлинской операции постарался затем не акцентировать внимание. По вышеприведенным фактам нельзя однозначно оценить результаты пресловутой разведки боем, проведенной войсками фронта.

В разведке боем, проведенной 14 апреля на кюстринском плацдарме, приняли участие даже корабли Днепровской военной флотилии, переброшенные на Одер. Восемь бронекатеров 1-й бригады поддерживали огнем батальоны 9-го СК 5-й УА. В полосе 8-й Гв.А бронекатера и канлодки 2-й бригады подавляли огневые точки противника, мешавшие продвижению передовых батальонов 4-го Гв.СК.

Разведка боем продолжалась и на следующий день, когда части 9-го СК продвинулись местами до 5 км. Корабли флотилии, получая новые целеуказания, переносили огонь все дальше. Одновременно были пристреляны основные цели, назначенные морякам по плану артподготовки перед общей атакой пехоты. Только к вечеру 15 апреля орудийная канонада стихла.

Командир флотилии контр-адмирал В.В. Григорьев напросился на встречу с начальником штаба 1-го БФ генерал-полковником М.С. Малининым, чтобы выяснить перспективы дальнейших действий. Он, конечно, чувствовал, что наступившее затишье предгрозовое, но не знал конкретного часа начала общего наступления на Берлин.

Григорьев доложил Малинину о действиях своих артиллеристов на Одере, которыми остались довольны командармы и комкоры. Адмирал заметил, что Малинин был подчеркнуто спокоен. Таким он становился именно тогда, когда на фронте начинались важные события. По мнению Григорьева, Малинин умел так организовать работу своего штаба, что в самые напряженные моменты дело шло будто само собой. Выслушав доклад адмирала, начштаба дал указания, касавшиеся действий флотилии, но никаких конкретных сроков не называл.

Затем Малинин не сразу отпустил Григорьева к его кораблям. Находясь в 60 км от Берлина, он почему-то вдруг ударился в воспоминания о тяжелых временах начала войны, о своей совместной службе с Рокоссовским. Задумчиво глядя в окно, Михаил Сергеевич заговорил даже о далеких 20-х годах. Усталое лицо его потеплело, исчезла обычная суховатость. Адмирал понял, что начальнику штаба фронта, известному своей неистощимой работоспособностью, волевому и подчас крутоватому, просто понадобилось чуть-чуть «на сухую» расслабиться, снять скрытое внешним спокойствием невероятное напряжение, которого потребовала подготовка грандиозной операции. А адмирал, вероятно, случайно оказался подходящим для генерала собеседником.

Потом без всякого перехода, поняв, видимо, что воспоминания увели его слишком далеко от Одера, Малинин назначил командиру флотилии место и время встречи – в 04.00 на фронтовом КП. Григорьев правильно понял услышанное и дал указание командирам трех бригад своих кораблей быть наготове. Вот так, в обстановке полной секретности завершился в штабе 1-го БФ переход от разведки боем к завтрашнему наступлению.

Сведения о приближении срока начала наступления советских войск на Одере смогли получить и американцы. Глава американской военной миссии в Москве генерал-майор Дин, основываясь на изучении перехваченных и дешифрованных немецких радиосообщений, доложил послу Гарриману о том, что наступление Красной Армии на Берлин может начаться в любое время. 15 апреля Гарриман попытался выяснить этот вопрос у самого Сталина, который даже в этот момент уклонился от прямого ответа. Верховный, видимо, не лишенный определенной доли суеверности, решил сообщить Гарриману, что наступление действительно намечается, но он не уверен в его успехе. Чего больше в этом ответе – коварства, восточной хитрости или крайнего недоверия к своему союзнику? Трудно сказать... Ведь никакая утечка информации о начале наступления уже не могла ничего изменить. Тем более что немцы и так уже обо всем смогли догадаться.

Немецкая сторона отреагировала на события 14 и 15 апреля, соответствующим образом. Командующий ГА «Висла» генерал-оберст Хейнрици пришел к заключению, что наступление рус-

ских начнется между 15 и 16 апреля. Такой вывод он сделал, основываясь на донесениях сухопутной разведки и данных авиаразведки, полученных сообщениях о неуклонном спаде уровня воды на реке Одер и доверяя своему собственному пониманию создавшейся ситуации.

Сообщения начальника разведотдела «Иностранные армии – Восток» генерал-лейтенанта Гелена, включавшие самые свежие показания русских пленных и перебежчиков, также подтверждали уже имевшиеся данные о скором начале наступления.

Уточнению срока начала наступления на Берлин немцам поспособствовали как некоторые субъективные факторы, так и шаблонные действия радиослужбы советских войск. Перед самым началом наступления управление контрразведки «Смерш» 1-го БФ было обеспокоено возможностью появления перебежчиков, которые могли бы выдать срок его начала. Беда, как обычно, пришла оттуда, откуда не ждали. 15 апреля немцы смогли захватить на кюстринском плацдарме пленного, который и сообщил им о том, что наступление начнется утром следующего дня.

На 1-м УФ при подготовке Берлинской операции практиковалась работа радиостанций только на прием, что послужило для немцев совершенно явным признаком начала русского наступления. Были заменены также радиокоды, а новые получены в войсках только в ночь на 15 апреля. До этого момента советские радисты использовали старые коды и несуществующие позывные, что, конечно, отслеживалось немецкой радиоразведкой и служило верным признаком приближения начала наступления Красной Армии.

Весь остаток дня 15 апреля генерал Хейнрици снова просматривал сообщения разведчиков и разговаривал со штабными и фронтовыми офицерами. Он внимательно проанализировал всю полученную информацию и после 20.00 принял решение. Генерал был уверен, что наступление русских войск на Одере начнется еще до рассвета 16 апреля.

В 20.45 Хейнрици вызвал начштаба и отдал приказ 9-й армии. Генералу Буссе было предписано отвести войска с первой полосы обороны на вторую. Это была обычная уловка, которую немцы не раз использовали на Восточном фронте с 1944 г. Как и в каком объеме был выполнен данный приказ, будет рассмотрено чуть ниже.

Пока немецкое командование пыталось угадать срок начала русского наступления, политическое руководство Германии, поняв, что роковой час настал, попыталось укрепить моральное состояние как солдат вермахта, так и немецкого гражданского населения. Оно обратилось к своим гражданам с приказом-воззванием, датированным 15 апреля.

В различных источниках, в зависимости от уровня выполнявших перевод, тексты воззвания несколько отличаются, но смысл его остается тем же. Вот этот опус нацистского руководства, в котором оно цинично лгало своему народу:

«Солдаты немецкого Восточного фронта! Смертоносная еврейско-большевистская орда собирается нанести последний удар. Враг пытается уничтожить Германию и наш народ. Солдаты Восточного фронта, вы знаете, какая участь грозит вам, немецким женщинам, девушкам и детям. Стариков и детей убьют, женщин и девушек сделают армейскими шлюхами. Остальных отправят в Сибирь.

Мы ожидали этой атаки и с января делали все возможное, чтобы укрепить фронт. Врага встретит наша мощнейшая артиллерия. Потери пехоты будут восполнены свежими бесчисленными соединениями. Резервные части, вновь организованные соединения и фолькс-штурм укрепят наш фронт.

На этот раз большевиков ждет старая участь Азии; они непременно падут перед великой столицей немецкого рейха.

Тот, кто в этот судьбоносный момент не выполнит свой долг, будет считаться предателем нашего народа. Любой полк или дивизия, оставившие свои позиции, покроют себя несмываемым стыдом перед лицом женщин и детей, не сломленных террором в наших городах. Особенно остерегайтесь тех немногочисленных офицеров и солдат, которые, чтобы спасти свои жалкие жизни будут сражаться против нас, продавшись русским, вероятно, даже в немецкой форме. Любой, кто прикажет вам отступить, если только вы не знаете его очень хорошо, должен быть немедленно арестован и, если необходимо, убит на месте, невзирая на его звание.

Если каждый солдат на Восточном фронте выполнит свой долг в грядущие дни и недели, последний натиск Азии будет сломлен и в конце концов будет поставлен надежный заслон нашим врагам на Западе.

Берлин остается немецким. Вена снова станет немецкой, и Европа никогда не будет русской...

В эти часы глаза всего немецкого народа устремлены на вас, мои воины на Востоке, и наша единственная надежда на вашу верность, ваш фанатизм, ваше оружие. В наших силах сделать так, чтобы большевистское наступление захлебнулось в собственной крови... момент, когда судьба уничтожила величайшего преступника всех времен и народов, станет поворотом в этой войне».

В этом бредовом послании Гитлер в очередной раз попытался выдать желаемое за действительное. Все оно состояло из смеси отвлеченных рассуждений, грубой лжи и угроз. Фюрер запугивал военнослужащих вермахта возможными действиями «предателей» из организаций, созданных в СССР из числа немецких военнопленных, – «Свободная Германия» и «Союз немецких офицеров», которых вряд ли стоило сильно опасаться в создавшейся ситуации. Высказанное необоснованное недоверие к офицерскому корпусу могло только привести к полному развалу дисциплины в армии.

Вот такова была реакция немецкого политического руководства на прелюдию большого наступления советских войск – разведку боем.

Конечно, не стоит переоценивать влияние данного истерического послания фюрера на немецких солдат ГА «Висла». Похоже, этот немецкий «удар» пришелся по пустому месту. Пресловутый приказ-воззвание был получен в штабе 9-й армии вскоре после полудня 15 апреля, а с вечера того же дня доводился до рот включительно. По вполне обоснованному предположению генерала Типпельскирха, это воззвание смогло кое-где дойти до войск, а ведь с раннего утра 16 апреля для немцев начался последний бой.

Глава 10
Прорыв немецкой обороны на реке Одер

Разведка боем, как утверждал начштаба 8-й Гв.А генерал-лейтенант Белявский, сильно обеспокоила противника. Силовая разведка, как обычно прежде бывало, не переросла сразу же в наступление главных сил. Штабы противника охватила тревога, когда стало ясно, что их предположение о намерениях русских почему-то не подтвердилось.

Немецкое командование, считая, что наступление Красной Армии теперь может начаться только через несколько дней, даже задумало произвести смену 20-й МД на ТД «Мюнхенберг». И это накануне наступления 1-го БФ! Таких грубых ошибок германские штабисты ранее не допускали, хотя смена производилась штабом 11-го ТК СС. По свидетельству командира 56-го ТК генерала Вейдлинга, мнение об отсрочке наступления разделяли многие высшие офицеры штаба 9-й армии.

Немцы, правда, все равно проявляли сильную нервозность. С вечера 15 апреля над передним краем постоянно взлетали ракеты, велся бессистемный огонь из орудий и минометов. Кстати, ночь на 16 апреля, по свидетельству очевидцев, была звездной. Кроме того, в 13.00 16 апреля немцы пытались проводить массированные огневые налеты по дорогам и переправам через Одер, так как почувствовали опасность – ведь началось массовое выдвижение советских войск на плацдарм за Одером. Ночные бомбардировщики Hs-126, по примеру русских По-2, также пытались бомбить переправы.

Какие же задачи стояли перед войсками 1-го БФ? Они должны были фронтальным ударом прорвать немецкий фронт западнее Кюстрина с последующим расширением прорыва. На первом этапе операции нужно было захватить Зееловские высоты. В ходе дальнейшего наступления 3-я УА должна была на восьмой день операции достичь района к западу от Берлина, а 47-я армия на одиннадцатый день операции – выйти к Эльбе.

1-я Гв. ТА должна была наступать в полосе 8-й Гв.А и на второй день выйти в район к юго- востоку Берлина, а 2-я Гв. ТА – в полосе 5-й УА и выйти северо-восточнее столицы рейха. Общевойсковые армии должны были использовать успех танковых армий и на шестой день операции овладеть Берлином.

Один вспомогательный удар планировалось нанести севернее Кюстрина силами 1-й ПА в направлении Эберсвальде, а позднее Франкфурта, а другой такой же удар – силами 33-й армии через Фюрстенвальде. Насколько несбыточными оказались все эти планы, станет ясно при описании дальнейших событий.

В ночь на 16 апреля немцев ожидал еще один сюрприз. В 22.34 в Берлине была объявлена очередная – 378-я по счету – воздушная тревога. Около 200 английских самолетов тремя волнами прошли над столицей рейха, сбросив на нее солидный бомбовый груз. Небо над городом окрасилось в красный свет от пламени пожаров, отсвет которых можно было увидеть на расстоянии до 60 км на Одерском фронте. Так союзники подсветили русским цель их наступления – Берлин.

Погода с 14 апреля была прекрасная, 16-го было сухо, на небе – переменная облачность. Природа не препятствовала началу атаки...

Срок наступления с кюстринского плацдарма неумолимо приближался. Глухой ночью, около 03.00 по берлинскому времени, на КП 8-й Гв.А прибыло командование 1-го БФ. По свидетельству члена ВС фронта генерал-лейтенанта Телегина, командарм Чуйков доложил о полной готовности войск. Возникла тягостная пауза, прерываемая лишь звоном чайной ложки. Это Жуков, о чем-то задумавшись, машинально помешивал давно растаявший сахар в стакане чая, принесенном ему официанткой со странным для русских именем Марго. Военный корреспондент Трояновский подтвердил потом, что Жуков спокойным не был, то и дело поглядывал на часы. Командир 8-й Гв.А стоял как изваяние...

Потом командующий артиллерией фронта генерал-полковник Казаков попросил разрешения у командующего дать условный сигнал. Жуков решительно произнес: *«Добро»* – и поднялся из-за стола. Казаков отчетливо произнес в телефонную трубку слово «Родина». Было 05.00 по московскому времени.

Воздух над плацдармом содрогнулся от грохота многих тысяч орудий и минометов, гула самолетов, разрывов мин, снарядов и бомб. Грохот стоял такой, что даже на восточном берегу Одера невозможно было разговаривать, надо было кричать в ухо собеседника. После первых залпов ответных выстрелов со стороны немцев не последовало.

Через много лет после окончания войны с Жуковым беседовал известный писатель Василий Песков, который задал маршалу много вопросов о Великой Отечественной войне. В заключение писатель попросил сказать всего *«два слова о самом памятном моменте войны»*. Вот что ответил Жуков: *«Это, пожалуй, начало штурма Берлина ночью 16 апреля... До конца дней буду помнить приодерскую землю, подернутую весенним туманом. Ровно в 5 часов все началось. Ударили «катюши», заработали двадцать с лишним тысяч орудий, послышался гул сотен бомбардировщиков, а через 30 минут жестокой бомбардировки вспыхнули 140 зенитных прожекторов, расположенных цепью через каждые 200 метров. Море света обрушилось на противника...Картина боя была огромной впечатляющей силы. За всю свою жизнь я не испытывал равного ощущения...»*

Впечатления маршала можно дополнить воспоминаниями очевидцев о том, что во время артподготовки в небе кружили огромные стаи птиц, сильно испуганные происходящим...

Безлунной ночью 16 апреля на НП 5-й УА, находившийся в двух километрах от переднего края, прибыла группа генералов во главе с начальником штаба 1-го БФ Малининым. Генералы по крутой деревянной лестнице поднялись на вышку. Там Малинин по телефону принял последний доклад. К 05.00 тишина стала абсолютной, давящей. В этот час эту тягостную тишину взорвал ощущающий грохот. Плотность артиллерии на направлении главного удара превышала 200 стволов на километр фронта, а на участках прорыва приближалась и к тремстам.

Даже в этом громе тысяч орудий командующий Днепровской флотилией Григорьев с радостью различил знакомый «голос» дальнобойных плавбатарей, вооруженных 100-мм морскими орудиями. Отметил это и Малинин: *«"Кто это тут бухает так гулко?" Кто-то из артиллеристов пояснил ему, что "моряки стараются", которые "работают на Берзарина"». Адмирал Григорьев видел с вышки, что разрывы на вражеских позициях слились в море огня. Но и оно тускнело за поднявшейся стеной дыма и пыли... Картина была потрясающая...»*

Григорьев считал, что *«оборона врага подавлялась на глубину 6–7 км, на некоторых участках – до 10»*. Правда, он самокритично признал, что *«такие удары, какие обрушились на оборону противника, не сломили ее до конца, и постепенно она оживала. В*

стереотрубу было видно, как там, где движутся наши войска, все гуще вспыхивают разрывы немецких снарядов и мин...».

Не желая мешать слегка разочарованным результатами артподготовки армейцам, он с разрешения начштаба 1-го БФ отбыл к себе на флотилию.

Корабли и плавбатареи помогали взламывать немецкую оборону в течение семи часов. Огонь с помощью корректировщиков, находившихся на берегу, быстро переносился на новые цепи. Через некоторое время цели оказались за пределами дальности огня корабельной артиллерии. Потом командующий артиллерией 1-го БФ дал достаточно высокую оценку действиям корабельных артиллеристов.

По поводу артподготовки 16 апреля есть более чем красноречивое признание командира немецкой 309-й ПД «Берлин» генерал-майора Фойгтсбергера: *«Мы, я говорю о немецких офицерах всех степеней, включая и крупные соединения, никак не ожидали, что ураганная артподготовка будет проводиться ночью... Говоря об артподготовке, мне хочется сказать следующее: русская тактика всегда такова, что никогда не знаешь, в какие часы русские войска начнут наступление. Артподготовку русских можно ожидать и на рассвете, и в первой половине дня, и вечером. Уже одно это принесло нам много хлопот и беспокойства. Но артподготовку ночью мы никак не ожидали. Когда же она последовала, ее пораженное воздействие, а также воздействие в отношении потерь было огромным и уничтожающим».*

С Зееловских высот немцы могли наблюдать поистине апокалиптическое зрелище. Внизу бушевал неописуемой силы огненный ураган. Пламя всех взрывов и пожаров вскоре слилось воедино и породило необычное атмосферное явление. В долине поднялся горячий ветер. Восходящий поток воздуха рванулся вверх на плато, где заняли позиции немцы, на которых обрушился настоящий огненный смерч. Деревья возле огневых рубежей обугливались, клубы дыма, пыли и всевозможных обломков, подхваченные этим ураганом, не давали немецким солдатам открывать глаза и заставляли прижиматься ко дну окопов. Тех, кто осмеливался подняться, ветер валил на землю. Все тенты и маскировочные сети были сорваны.

Этот свирепый ветер усиливал раскаты канонады. Никто никогда не слышал такого грохота. Ужасней всего был рев

«катюш», залпы которых были похожи на душераздирающие завывания, наводившие ужас на немцев.

Длительность артподготовки в различных источниках оценивается по-разному. Она не была такой, как поется в песне незабвенного Владимира Высоцкого: *«Всего лишь час дают на артобстрел, всего лишь час пехоте передышка, всего лишь час до самых главных дел, кому до ордена, ну а кому до вышки...»*

По некоторым сведениям, Жуков, не видя противодействия со стороны противника, сократил продолжительность артподготовки с 30 до 20 минут. Расход боеприпасов на ее проведение был довольно велик – 236 тысяч снарядов и мин. По другим данным, было израсходовано 500 тысяч единиц боеприпасов. Оборона противника, по официальным данным, подавлялась на глубину до 6–8 км, а на некоторых участках фронта до 10 км.

Считается, что эффективность первого удара была достаточно велика. Пехота и поддерживающие ее танки на некоторых направлениях смогли продвинуться вперед до 1,5–2 км, не встречая серьезного сопротивления. От 30 до 70% из состава немецких войск, занимавших две первые траншеи, было выведено из строя. За весь период артподготовки в полосе 8-й Гв.А противник не сделал ни одного ответного выстрела. По показаниям пленных, артогонь был настолько неожиданным и ошеломляющим, что из первой траншеи противник отойти не успел, а вторая и третья траншеи находились под сильным огнем, что привело к большим потерям противника на первой полосе обороны.

В период артподготовки пехота, усиленная танками, занимала исходное положение для атаки. В это же время 109 ночных бомбардировщиков По-2 из 16-й ВА нанесли бомбовые удары по штабам, узлам связи и огневым позициям немцев, а также по третьей и четвертой траншеям первой полосы обороны.

Вслед за окончанием артподготовки 745 бомбардировщиков Ил-4 из 18-й ВА в течение 40 минут (по другим данным с 06.15 до 07.15) также бомбили заданные цели в районе четвертой и пятой траншей, в 6–9 км от переднего края противника.

Жуков писал потом: *«Казалось, на стороне врага не осталось живого существа. После 30-минутного мощного артобстрела, в течение которого противник не сделал ни одного выстрела, что свидетельствовало о его полной подавленности и расстройстве системы обороны, было решено начать общую атаку»*.

Маршал ошибался, считая, что обороняющиеся полностью разбиты и подавлены. Немецкий историк Тике писал, что *«на заре немецкие войска получили указания из штаба ГА «Висла» и 9-й армии оставлять первую линию обороны, чтобы избежать лишних жертв»*. Но он не осмелился утверждать, что так сделали везде.

Стоит привести ряд примеров того, как воспринимали немцы начало русского наступления. Гауптштурмфюрер Штренг, командир танка «тигр» из 502-го ОБТТ, писал: *«...шквал огня немыслимой силы и мощи прорезал рассветную дымку этого утра. Холмы, тянущиеся от низины в излучине Одера, напротив Лебуса, до Веслова... как будто пылали огнем! Впереди и позади нас обрушился смертоносный стальной ливень... Над низиной Одера поднялись клубы густого черно-сизого дыма»*.

В донесении ГА «Висла» от 16 апреля говорилось: *«с 03.50 утра противник вел ураганный огонь на северном участке фронта 5-го корпуса СС вплоть до южных окраин Франкфурта, а также на всем участке 11-го ТК СС, 56-го ТК и 101-го АК... продолжавшийся два с половиной часа (!) ураганный огонь представлял собой предподготовку к широкомасштабному наступлению невиданного до сих пор масштаба...»*

Немцы признавали, что *«мины и снаряды дальнобойной русской артиллерии поразили несколько немецких штабов, складов и прочих военных сооружений»*. На окраине Фюрстенвальде был уничтожен эшелон с боеприпасами – на воздух взлетели 17 вагонов со снарядами и 7000 мин. Немцы довольно точно оценили усилия русской армии: *«Наступление было поддержано... огнем из 2500 орудий и 1600 минометов, выпустивших по нашим позициям 450 000 снарядов и мин, а также истребительной и штурмовой авиацией, совершившей около 2000 вылетов, и примерно 450 танками»*.

Командующий артиллерией 1-го БФ Казаков так писал об артподготовке: *«Артиллерийская поддержка наступающих пехоты и танков началась... с огневого вала и затем перешла в массированный обстрел. Особенно упорные очаги сопротивления подавлялись массированным огнем тяжелой артиллерии трех – пяти бригад. Уже в первый день нашей артиллерией было поражено около 2000 целей, в том числе система траншей и многие укрепленные позиции»*.

Немцы несколько иначе оценивали успехи русских артиллеристов: *«Благодаря глубокоэшелонированным артиллерийским*

позициям позади главной линии обороны эффективность вражеского огня не соответствовала высокому расходу боеприпасов».

Тем не менее командующий 9-й армией Буссе оценивал русскую артподготовку как *«страшнейшую из всех»*, что он видел за время войны. Начальник оперотдела его штаба полковник Айсман по первым донесениям из войск считал, что *«огонь практически смел с лица земли всю первую полосу обороны»*. Весь вопрос был в том, кто на ней попал под удар артиллерии?

После войны некоторые советские генералы также говорили о возможности отвода немецких войск на вторую полосу обороны. Так, начальник штаба 1-й Гв.ТА генерал-лейтенант Шалин был уверен в том, что немцы заранее отошли на вторую линию на Зееловских высотах. Командующий 3-й УА генерал-полковник Кузнецов говорил, что *«немцы отвели войска на 8 км, так как мы придерживались привычной тактики и немцы знали наши методы»*.

Так что сомнения в том, не пришелся ли уничтожающий удар советской армии отчасти почти по пустому месту, остаются.

Конечно, немцы не могли совсем снять боевое охранение. К тому же на первой линии обороны немцев было три траншеи, а насколько они были заняты войсками, все-таки нет точных сведений... Главный сюрприз ожидал опешившего противника несколько позднее, за три минуты до окончания артподготовки – в 03.25 по берлинскому времени, – во время начала атаки, которая, по свидетельству уцелевших немцев, началась еще до прекращения обстрела. В этот момент, разрезая мглу, в небо взвились сигнальные ракеты, возвещая начало атаки, – пехота вместе с танками непосредственной поддержки пошла в атаку. Тогда же была перехвачена радиограмма, отправленная открытым текстом: *«Открыт адскцй огонь. Какой-то мощный свет. Может, новый вид оружия...»*

Вот тут стоит «осветить» вопрос о применении прожекторов. По замыслу фронтового командования, с началом атаки 143 зенитных прожектора, которые были расположены на удалении 150–200 метров друг от друга и в 400–800 метрах от переднего края, должны были ослепить противника и подсветить местность перед наступающими. Каждый прожектор, имевший мощность 115 млрд свечей, должен был давать ослепляющий луч нарастающей силы на дальность до пяти километров. Они вхо-

дили в состав 43-го зенитного прожекторного полка, 26-го отд. зенитного прожекторного батальона, прожекторного батальона 1875-го ЗенАП, 52-й отдельной прожекторной роты и 2-й роты 13-го отдельного зенитного прожекторного батальона.

Освещение немецкого переднего края началось в 05.25 и закончилось в 06.10. Был освещен передний край протяженностью более 25 км в полосах наступления 3-й и 5-й УА, 8-й Гв.А и 69-й армии. Боевая работа прожекторов, 75% личного состава которых составляли девушки, впервые действовавшие под артиллерийским и минометным обстрелом, в условиях непосредственного соприкосновения с наземным противником, была очень непростой.

Правда, английский историк Хью Томас и тут подкинул ложку дегтя, обвиняя Жукова в плагиате. Он утверждал, что русский военачальник позаимствовал идею у англичан, которые разработали так называемое искусственное лунное освещение. Свет прожекторов направлялся на облака и рассеивался на них, создавая подсветку местности. Этот же метод использовали немцы во время своего последнего большого наступления в Арденнах в декабре 1944 г.

Ну, а у русских все было несколько иначе – прожектора светили прямо перед собой. К чему же это привело? Считается, что лучи прожекторов осветили путь атакующей пехоте и танкам, без чего наступление в темноте было бы затруднительным. Кроме того, применение прожекторов оказало определенное моральное воздействие на противника, исключило применение им ночных прицелов.

Но Хью Томас и тут портит картину прожекторной атаки. Он утверждал, что для наступающих это обернулось непроглядной тьмой, сменявшейся ослепительным светом. При этом обороняющиеся имели, как он это написал, огромное преимущество, когда перед ними возникали силуэты атакующих. Ведь действительно дело доходило до того, что командиры наступавших частей приказывали выключить прожектора, но высшие офицеры, боясь гнева Жукова, этого не разрешали. В итоге свет периодически то вспыхивал, то сменялся темнотой, словно кто-то тренировался в передаче сигналов азбуки Морзе.

Начальник тыла 1-го БФ генерал-лейтенант Антипенко вспоминал, что *«густой туман ослабил эффективность воздействия*

прожекторов». Кроме того, возникавшие от различных предметов тени создавали у людей ложное представление о характере местности. Весьма негативно оценивал применение прожекторов командующий 8-й Гв.А генерал-лейтенант Чуйков. В своих мемуарах он писал, что мощные пучки света уперлись в клубящуюся завесу гари, пыли и дыма. Как назло, еще и ветер дул в сторону русских, в результате чего НП армии был окутан непроницаемой мглой. Советские командиры не могли даже определить, светят ли прожекторы или нет. Чуйков считал, что прожекторы могли принести большую пользу, если бы были поставлены на пассивных участках для обмана противника.

Низкая эффективность действий прожекторных частей отмечалась и в 3-й и 5-й УА. Кроме объективных причин, имелись также и субъективные: ошибки самих прожектористов, терявших ориентировку и светивших то слишком высоко, то слишком низко; неисправность части прожекторной техники из-за слабого контроля офицеров. К тому же часть прожекторов была выведена из строя пулеметным огнем противника — не всех ослепили видимо.

Непосредственные участники боев с советской стороны оценивали эффект от применения прожекторов весьма разноречиво. Некоторым прожекторы понравились, особенно танкистам и самоходчикам; другие считали их бесполезными или даже вредными. Так, командир 11-го Гв.ТК генерал-лейтенант Гетман считал, что прожекторы только высвечивали его танки. Разнообразие и противоречивость оценки эффективности действия прожекторов понятны. Общий вывод может быть сделан такой: эта *«световая атака»* явилась необычным тактическим приемом, который нельзя переоценивать. С помощью этого приема был достигнут в основном психологический эффект, на что, собственно, он и был рассчитан. Ведь, по показаниям пленных, у немецкого командования в первый момент создалось впечатление применения русскими какого-то нового секретного оружия.

Похоже, что в полном объеме решить главную задачу прожектористам, к сожалению, не удалось. Вот вам и новаторство в военном искусстве! Опять, как всегда, чего-то недодумали. Хотели как лучше, а получилось как всегда! А ведь на спецучении все было так убедительно, но *«забыли про овраги, а по ним ходить...»*. Да и возражать командующему что-то никто не

решался... Ради справедливости надо отметить, что ночная атака оказалась все же неожиданной для немцев, но была крайне рискованной. Ведь для ее успешного проведения нужен был высокий уровень подготовки войск.

Вот ведь и бывший референт ОКХ, большой специалист по тактике, Эйке Миддельдорф в труде «Тактика в русской кампании» отмечал, что ночью *«русские были особенно чувствительны ко всякого рода неожиданностям»*. При ночных действиях снижается влияние командира на подчиненных и возрастает значение инициативы и самостоятельности отдельных бойцов. А с этим делом у бойцов Красной Армии не все обстояло гладко, хотя тот же Миддельдорф отмечал, что *«русские непрерывно совершенствовали и улучшали методы ведения ночных наступательных действий»* и *«сделали из своего богатого опыта... правильные выводы, особенно с конца 1943 г.»*. То есть ночное наступление стало проводиться на большую глубину и с использованием крупных танковых сил. И вот еще: *«Особенно удачным примером успешных ночных действий может служить... ночное наступление на Берлин в апреле 1945 г.»*.

Что тут можно еще добавить к оценке основного противника? Конечно, критики Жукова об этом или не знают, или стараются не вспоминать.

Казалось, что наступление развивалось более или менее успешно. Артиллерия сопровождала атакующие цепи живым валом, подавляя немцев в глубине их первой полосы обороны.

Каким же было утро первого дня наступления? Вот так запомнил его командир 420-го ИПТД майор А.Н. Бессараб: *«Утро 16 апреля выдалось погожим, но после артподготовки в воздухе висела настолько плотная завеса пыли, что солнечный диск казался медной тарелкой, неподвижно застывшей над головой»*. Его дивизион колонной следовал за ушедшими вперед стрелковыми подразделениями. Продвижение, как всегда в таких случаях, затруднялось: по дорогам двигались танки, самоходки, тягачи и автомобили. Положение артиллеристов усугублялось еще и тем, что накануне наступления их командиры получили строгий приказ: боевым порядком двигаться только по проселочным дорогам, не создавая помех танкистам. Поэтому им пришлось искать обходные пути, рискуя угодить на минное поле.

Несколько улучшала настроение картина увиденного при пересечении траншей первой позиции немецкой обороны.

Задержавшись на несколько минут, чтобы осмотреть результаты своего огня, артиллеристы дивизиона увидели уничтоженные ими цели: два разбитых противотанковых орудия, развороченные прямыми попаданиями ДЗОТы, исковерканные пулеметы и разбросанные вокруг трупы немецких солдат. В одном из полуразрушенных домиков даже удалось захватить в плен 18 немецких солдат и одного офицера – командира роты. Эти пленные – все, что осталось от роты после артподготовки...

Часа через два пыль и дым после артподготовки рассеялись, стало совсем светло. Местность, на которой шло наступление, теперь просматривалась на многие километры вокруг. Навстречу артиллеристам шли большими группами пленные, грязные, усталые, испуганные.

В районе населенного пункта Ной-Барнит, у одного из фольварков, где засели до 900 немцев с бронетехникой, 420-й дивизион и подразделения 598-го СП 207-й Гв.СД подверглись внезапной атаке немецких танков и до роты пехоты. Ее удалось отбить, но против толстых стен здания фольварка снаряды 57-мм орудий оказались бесполезны. В сумерках к противотанкистам подошла на помощь гаубичная батарея 780-го артполка. После десятиминутного обстрела из 122-мм гаубиц, снаряды которых крушили стены зданий, гарнизон фольварка выкинул белый флаг.

В самом фольварке после мощного артобстрела царил полный разгром. Горели амбары и сараи, рушились стены и кровля, у немцев было около 150 убитых и до 100 раненых. В плен были взяты не более 300 человек. В качестве трофеев артиллеристам достались шесть танков и четыре самоходки. Немецкий полковник подтвердил капитуляцию гарнизона, состоявшего из подразделений мотополка из МД «Курмарк».

После допроса, который провел лично майор Бессараб, хорошо владевший немецким языком (до войны окончил факультет немецкого языка Харьковского пединститута), стало ясно, что в рядах вражеского гарнизона возник определенный конфликт. Оказывается, что решение сопротивляться до конца полковник принял под давлением нескольких офицеров СС, которые надеялись дотянуть до ночи и потом прорваться на запад. Но большинство экипажей танков не поддержали этого решения и в контратаке приняли участие только два танка.

За неповиновение эсэсовцы застрелили майора-танкиста, а подчиненные последнего, в свою очередь, наведя стволы орудий танков, принудили полковника выдать эсэсовцев, которых тут же и расстреляли из танкового пулемета. Только после этого самосуда комполка отдал приказ о капитуляции. Вот как повлияла на солдат вермахта череда поражений и безвыходность создавшегося положения, что ранее трудно было даже себе представить.

Уже на начальном этапе наступления выявились определенные накладки и нестыковки в организации взаимодействия войск на поле боя. Начальник политотдела 69-й армии полковник Витковский указывал в донесении, что *«в ряде соединений было слабо организовано разминирование минных полей перед передним краем нашей обороны и проделывание проходов для пехоты и танков. В результате чего имели место случаи подрыва танков, автомашин и людей на своих минах»*. Он приводил пример, что из 22 танков 89-го Отд.ТП восемь подорвались на своих минах. Вот так на ровном месте, без воздействия противника терялась ценная бронетехника, гибли люди...

Стоит все-таки рассмотреть на примере 8-й Гв.А, которая как раз в лоб двигалась на Зееловские высоты, а в каких же условиях войскам пришлось преодолевать первую полосу обороны противника.

Командарм Чуйков считал, что темп наступления его армии был явно завышен – 20 км в сутки. Но на совещании 5 апреля он не рискнул пойти на конфликт с Жуковым, помня судьбу командарма Симоняка, который конфликтовал с маршалом и был снят им со своего поста. Побоялся, видимо, Василий Иванович обвинений в паникерстве, да и с армией не хотелось расставаться.

Что уж тут говорить о танкистах, которым запланировали продвижение в первый день операции на 50 км, а на второй день – на 30 км. Ожесточенное сопротивление противника ожидалось только на внешнем и внутреннем обводах города. Позиция передовых отрядов 1-й Гв.ТА на утро 17 апреля была предусмотрена на реке Шпрее, район Карлсхорст – Кепеник, не говоря уж о запланированном выходе на пятый день наступления на реку Хафель. Но оптимизм штабистов был явно неоправдан.

В прошлых операциях такие темпы достигались не в начале операции, не при прорыве подготовленных полос обороны, а

после их прорыва, с выходом на оперативный простор. Да неужели работники штаба 1-го БФ всего этого не знали, или они испытывали определенное давление сверху, или понадеялись на помощь первого удара?

Обстановка для наступления складывалась неблагоприятно. Апрель – пора бурного разлития рек и ручьев. Долина Одера, от главного русла до Зееловских высот, шириной 10–15 км, была изрезана каналами. Вода затопила долины и луга, а пашни и картофельные поля превратились в топкую грязь. Интересный факт сообщает и Хью Томас. Оказывается, немцы спустили воды искусственного озера за Зееловскими высотами в долину Одера, превратив ее в кошмарное болото.

Сопротивление немцев с середины дня 16 апреля начало нарастать. Да и некоторые накладки в действиях советских войск не способствовали достижению быстрого успеха. В ряде соединений было слабо организовано разминирование местности и проделывание проходов в минных полях для пехоты и танков, в результате чего имели место случаи подрыва на минах таких нужных пехоте танков сопровождения.

На ряде участков немцы даже начали проводить контратаки при поддержке танков, усилилось и огневое сопротивление противника. *«Противник был явно поражен мощью нашей артиллерии»,* – записал 16 апреля в дневнике донесений в штаб ГА «Висла» начальник штаба артиллерии 9-й армии. На главном участке обороны у Зеелова огнем артиллерии руководил лично начальник артиллерии немецкой 9-й армии генерал-лейтенант Крузе. В его распоряжении находились 406-й и 408-й ФАК, занимавшие позиции по обеим сторонам от Зеелова, а также артиллерийские полки дивизии, входившие в состав армии. Немцы очень тщательно готовили планы своего артогня и теперь пожинали плоды. Зачастую залпы их тяжелых орудий попадали в самую гущу наступающих русских войск, нанося потери и вызывая замешательство в рядах атакующих.

Это был во всех отношениях жаркий день: во-первых, потому, что погода была солнечная и безветренная, и во-вторых, потому, что разворачивавшиеся в этот день бои были еще более жаркими...

Вышеописанные факты говорят о том, что эффективность советской артподготовки оказалась все-таки ниже ожидаемой.

Она не смогла расстроить огневую систему противника на всю глубину. Вероятно, артиллерийская разведка не смогла полностью ее выявить. Раненые советские солдаты отмечали, что во второй и третьей траншеях они видели не так много трупов немцев. Да и анализ полученных ими ранений показал, что большинство воинов было ранено между второй и третьей траншеями, а ранения в основном были осколочными, то есть немецкая артиллерия продолжала активно вести огонь.

Вот что увидел 16 апреля капитан В.С. Щелев, бывший тогда начальником разведки 469-го ГАП: *«За огневым валом пошла в атаку пехота и, преодолев нейтральную полосу, завязала бой в первой, а потом и второй траншеях. Двинулись наши танки, но четыре из них были тут же подбиты. Командир 218-го СП подполковник Евстигнеев заметно нервничал. В чем дело? Оказывается, между второй и третьей траншеями ожили огневые точки, да и пехота врага, несмотря на интенсивность артогня, осталась недобитой».*

В результате этого пришлось этому незадачливому начальнику разведки выявлять систему противника в глубине обороны уже во время боя. Для этого ему пришлось с группой разведчиков выдвинуться со своего НП, с которого местность просматривалась недостаточно (!), непосредственно в боевые порядки пехоты. Только после этого поставленная задача была выполнена: на карту был нанесен участок обороны противника с огневыми средствами – три пулемета, минометная батарея и батарея 105-мм орудий. Было также отмечено наличие в близлежащей роще скопления немецкой пехоты с танками, которые готовились к контратаке. Ну неужели все это нельзя было сделать раньше! Стоит ли после этого удивляться, что наступление в первый день шло со скрипом, с ненужными потерями?

Интересную трактовку неудач первого дня наступления дал военный журналист А.В. Востряков в работе «На огневых рубежах – 12-я артиллерийская». Эта дивизия поддерживала 69-ю армию,чей результат действий за 16 апреля был малоутешителен. Продвижение составило всего два – четыре километра. Одной из причин этого военкор считал ту, что стрелковые части запоздали с атакой на юго-восточных скатах Зееловских высот, несмотря на усиленную поддержку артогнем. Он же скромно признал, что *«кое-какие упущения были и со стороны артиллеристов»*.

В чем же они заключались? Вот мнение военкора: *«...хорошо обработав траншеи первой оборонительной полосы, где, кстати, наблюдалось не такое уж значительное скопление живой силы, они недостаточно обработали вторую полосу, хорошо оборудованную в инженерном отношении. Не был также подавлен огонь артбатарей противника, находившихся на флангах. Сказалось и такое обстоятельство, как неблагоприятные метеоусловия, мешающие наблюдению и точной стрельбе».*

Востряков посчитал, что командир артдивизии и его штаб делали из произошедшего определенные выводы... Наряду с объективными причинами (плохая погода) он указал много субъективных, из-за чего эффективность артподготовки оказалась недостаточно высокой. Вряд ли можно оправдать подобные недоработки артиллерии в полосе наступления 69-й армии, допущенные в конце войны.

Командующий 8-й Гв.А генерал-полковник Чуйков утверждал, что в полосе наступления его армии были всего четыре дороги, ведущие к Зееловским высотам, по которым только и можно было двигаться. Начштаба этой армии генерал-лейтенант Белявский вообще сводит их количество к трем. Таким образом, маневр войск был крайне затруднен, и ни о каких тактических обходах не могло быть и речи, так как двигаться напрямик по болотистой пойме и сплошным минным полям было просто невозможно, что и показал дальнейший ход боевых действий.

Над этой заболоченной долиной господствовали Зееловские высоты, с которых хорошо просматривался весь плацдарм, а ночью местность освещалась прожекторами (они и у немцев были) и осветительными бомбами. Немцы умели занимать и грамотно использовать господствующие высоты на протяжении всей войны, отдавая русским бесполезную для обороны местность, которую они ну никак не могли оставить ничейной!

Маскировка войск усложнялась тем, что листьев на деревьях еще не было, а закапываться в землю не давали грунтовые воды. Все это могло бы послужить ярким примером для критиков, не знающих сути вопроса. Как же воевать в таких условиях? Ждать, пока подсохнет земля, а уж потом наступать?

В полосе наступления 8-й Гв.А было шесть немецких дивизий – по три в каждом эшелоне, поэтому и средств усиления в

армии было очень много, но они не могли, по утверждению командира, поражать два рубежа немецкой обороны. Требовалось после овладений первым рубежом переместить тысячи орудий, сотни НП, установить связь между штабами и частями. Но дорог для маневра этой массы артиллерии было очень мало, а местность контролировалась противником.

Правда, вот с глубиной подавления немецкой обороны опять есть неясности. Считается, что оборона противника подавлялась на глубину до 8 км, а отдельные узлы – на глубину до 10–12 км. Но вот командир артдивизии полковник Скоробогатов утверждал, что в полосе 8-й Гв.А *«глубина одновременного поражения обороны противника составляла 17–19 км»*. Не много ли? Одновременно он и начштаба артиллерии 1-го БФ генерал-лейтенант Надысев считали, что артиллеристы *«могли дать огневой вал для поддержки пехоты не более чем на 3–4 км»*.

Начштаба 8-й Гв.А генерал-лейтенант Белявский писал, что было решено атаку пехоты до глубины 2 км сопровождать двойным огневым валом, а затем вести воздействие *«последовательным сосредоточенным огнем по заранее намеченным участкам на глубину до 10 км»*. Вроде бы достаточно для того, чтобы накрыть огнем всю глубину обороны противника до высот и чуть дальше. Как это было в действительности, показали бои за Зееловские высоты.

К 12.00 16 апреля прорыв первой полосы обороны немцев частями 8-й Гв.А был завершен. К 13.00 на плацдарме появились и передовые отряды 1-й Гв.ТА, которые с 13.30 были введены в бой. Продвинувшись с боями на 4–8 км (или 6–10км), пехота и танки подошли к Зееловским высотам, по которым проходила вторая оборонительная полоса немцев. Вот тут наступление и застопорилось. Причин тому много, о чем будет рассказано позже.

В это время в ожидании запланированного быстрого продвижения войск в штаб фронта поступило явно недостоверное сообщение о том, что якобы какие-то танковые части ведут бой уже в районе Мюнхенберга, то есть уже за Зееловскими высотами. Поступил приказ, вероятно, Жукова, проверить это донесение, поскольку ничто не свидетельствовало подтверждению этого сверхоптимистического донесения. Недрогнувшей рукой в само-

убийственный полет на «рус-фанер» – легком По-2 – был отправлен офицер оперотдела штаба 1-го БФ майор Симонян. Он должен был на бреющем полете «поискать» советские танки в районе Мюнхенберга, которых там, конечно, и быть не могло. Приказ, естественно, был выполнен, но какой ценой?

Самолет был весь изрешечен, пилот тяжело ранен (потом умер в госпитале), но сумел посадить живучую машину. Майору Симоняну крупно повезло, он остался жив и был награжден, хотя бедный летчик, конечно, тоже заслужил награду за выполнение этого бессмысленного жестокого приказа. Наверное, можно было проверить факты, изложенные в донесении, просто использованием обычных средств связи. Почему-то тот, кто выдал это лживое донесение, остался неотмеченным. Вероятно, немцы были крайне удивлены, видя в небе над своей полосой средь бела дня не Ил-2, а нагло-бесстрашный По-2. Но в 1945 г. их вряд ли можно было удивить русской бесшабашностью и смертельно опасным упорством.

С первыми донесениями с КП немецких 101-го и 56-го ТК для германского командования стали проясняться детали успешного наступления русских. Первые бреши на участке фронта 9-й армии образовались южнее Франкфурта, по обе стороны от Зеелова и восточнее Врицена. Тяжелые бои разгорелись южнее этого небольшого городка. Здесь на северо-восточных склонах Зееловских высот находилась вторая оборона противника.

1-й и 2-й батальоны 1281-го СП 60-й СД с ходу овладели первой и частично второй траншеей. В 17.00 немцы, стремясь восстановить прежнее положение, обрушили на боевые порядки советских батальонов шквал артогня. До полка пехоты при поддержке танков перешло из-за высот в контратаку. Батальоны 1281-го СП, не успев закрепиться, дрогнули и стали отходить. Положение создалось критическое. Командир полка подготовил для своей контратаки роту автоматчиков и 3-й батальон. После сигнала – две оранжевые ракеты – атакующие под полковым знаменем, как в старые времена, бросились на противника. К ним присоединились и соседние подразделения 1283-го СП.

Атакующие немцы, увидев эту атаку из прошлого века, со знаменами, сначала замешкались, потом залегли и вдруг панически

побежали назад, избегая рукопашной схватки. По бегущему противнику тут же ударила артиллерия. Да, качество немецкой пехоты весной 1945 г. резко отличалось от 1941–1942 гг. Только после этой удачной контратаки 1-й батальон 1281-го СП сумел овладеть южной окраиной г. Врицен.

Критическое положение наметилось на участке 286-й ПД к югу от Франкфурта, где части 33-й армии силами 95-й и 339-й ПБр захватили значительную территорию и продвинулись далеко на запад. Коммуникации «крепости Франкфурт» с 5-м ГСК СС были нарушены. Командир 561-го ОПТАБ гауптштурмфюрер Лобмайор вспоминал: *«Из-за отдельных прорывов противника сразу в нескольких местах единая немецкая линия обороны вскоре перестала существовать... наши слишком слабые и немобильные оперативные резервы просто не в состоянии залатать эти бреши и ликвидировать прорывы»*.

Самые ожесточенные бои разгорелись в полосе 56-го ТК. Командир корпуса генерал Вейдлинг отмечал, что 16 апреля в первые же часы наступления русские прорвали фланг 101-го АК на участке 309-й ПД «Берлин», создав угрозу левому флангу 56-го ТК. Во второй половине дня была прорвана оборона 303-й ПД «Деберитц», входившей в состав 11-го ТК СС, что создало угрозу уже правому флангу корпуса Вейдлинга. Одновременно оказывалось сильное давление с фронта.

Тяжелые бои шли и севернее фронта 56-го ТК – на участке 101-го АК, где сражались части 606-й ПД. Если на участках 309-й и 606-й ПД уже в первый же день наступления сложилось катастрофическое положение, то севернее – на участке 5-й ЕгД – немцам удалось пока удерживать позиции. Сами немцы признавались, что между Вриценом и Франкфуртом-на-Одере *«развернулись врата ада»*, а потери как в людях, так и в технике были велики с обеих сторон. Но это было только начало.

Американцы, зная о начале русского наступления из немецких источников, вечером 16 апреля попытались получить в генштабе Красной Армии дополнительную информацию. От его начальника генерала Антонова они удостоились следующего ответа: *«Действительно, советские войска проводят широкомасштабную разведку на центральном участке фронта с целью выяснить характер германской обороны в этом секторе»*.

Фактически Антонов сообщил американцам о той разведке боем, которая происходила сутками раньше. В чем причины этого осторожного и невразумительного ответа? То ли в подспудном недоверии к союзникам, то ли в неуверенности в успехе начатого наступления, замешенном на совершенно дикой секретности и опасении нежелательной реакции Сталина.

Глава 11
Штурм Зееловских высот

Зееловские высоты стояли сплошной стеной перед советскими войсками, вздымаясь под старым руслом Одера на 40–60 метров, закрывая собой плато, на котором должны были развернуться боевые действия при прорыве к Берлину.

Между первым и вторым гребнями проходила железнодорожная ветка. По ней, ведя огонь по атакующим войскам, курсировал бронепоезд. Крутизна скатов достигала 30–50% склона, они были изрезаны оврагами, что делало их непреодолимым препятствием для танков. Они также были изрыты траншеями и окопами. Здесь же немцы выкопали противотанковый ров глубиной до трех метров и шириной 3,5 метра.

Высоты ограничивали действия не только танков, которые не могли взобраться на их крутые склоны. Стоит подчеркнуть, что обходные пути были перекрыты не только сильными опорными пунктами, которые надо было подавить. Сам характер окружающей высóты местности – болота, озера, разветвленная система каналов, завалы на дорогах, взорванные мосты – способствовал созданию непроходимой противотанковой обороны.

Действия артиллерии в этом районе были также затруднены: глубина обороны противника была закрыта высотами, а также рощами и садами восточнее Зеелова, делавшими невозможным наблюдение с земли со стороны атакующих за расположением огневых средств противника. В свою очередь, с этих высот противник мог просматривать всю глубину боевых порядков советских войск и корректировать огонь своей артиллерии. Немцы, опираясь на укрепления Зееловских высот, попытались дать здесь решительный бой и не позволить русским развить наступление на Берлин. Не зря геббельсовская пропаганда всячески подчеркивала значение этого рубежа, называя его *«замком Берлина»* и *«непреодолимой крепостью»*. И вот этот «замок» надо было сбить войскам 1-го БФ.

Противник занял высоты частями 20-й МД и 303-й ПД, отошедших с первой полосы обороны, а также введенными из резерва частями 169-й ПД, МД «Курмарк» и ТД «Мюнхенберг». А для усиления противотанковой обороны высот была привлечена зенитная артиллерия ПВО Берлина – всего более 200 ору-

дий калибра 88-мм, которые представляли собой очень опасное оружие против танков.

Сила этой позиции вроде бы не являлась секретом для советского командования. Начальник разведотдела штаба 1-й Гв.ТА полковник Соболев утверждал, что *«у нас было накоплено много сведений об этом рубеже»*. Он вспоминал, что *«начальник отдела разведуправления штаба 1-го БФ полковник Смыслов прислал аэрофотопланшеты, на которых было видно, что наиболее прочно прикрыты дороги, ведущие на высоту по узким и длинным дефиле. Но глубина обороны совершенно не просматривалась с наших НП, что практически исключало успешное подавление огневых точек противника»*.

Командование 8-й Гв.А также заранее серьезно задумывалось над тем, как штурмовать эти пресловутые высоты, но... По свидетельству командующего 1-й Гв.ТА Катукова, командарм Чуйков сомневался в том, что его армия сможет с ходу взять высоту и обеспечить ввод в прорыв танкистов.

По словам начальника штаба 8-й Гв.А генерал-лейтенанта Белявского, командование *«очень волновал вопрос, как организовать подавление обороны противника на второй полосе, проходившей по высотам»*. Штабистов пугало то, что даже в ясные дни со своего НП они видели *«только смутные их очертания»*. Командующий артиллерией 8-й Гв.А генерал-лейтенант Пожарский сокрушался: *«Просто не знаю, как подавить оборону второй полосы в ходе артподготовки. Ведь пока* (разговор был 12 апреля) *мы точно не знаем размещение боевых порядков и организации системы огня, а главное – она отстоит на 10–12 км от огневых позиций нашей артиллерии!»*

Начальник штаба артиллерии 1-го БФ генерал-полковник Надысев вполне обоснованно опасался, что с высот немцы будут успешно вести огонь по наступающим войскам, атакующим вторую и третью траншеи первой полосы обороны. И как выяснилось потом, это оказалось правдой.

Трудности казались непреодолимыми. Командарм Чуйков тоже искал выход из создавшегося положения, *«страстно желая подавить оборону на высотах артогнем»*, и не раз спрашивал артиллеристов, можно ли подготовить систему огня, которая сопровождала бы атакующие войска вплоть до выхода на вер-

шины. Но те только отрицательно качали головами. Понятно, что в организации подавления обороны немцев на Зееловских высотах оставалось много неясного.

Но тем не менее штаб артиллерии фронта перед атакой высот спланировал мощный 15-минутный огневой налет по этому рубежу основной частью артиллерии 8-й Гв.А. Выходит, что у вышестоящих штабистов сомнений не возникло: сверху все ведь «виднее». Но этот план не был выполнен, и вот почему.

Трудности в продвижении вперед возникли у частей 8-й Гв.А еще на канале Хаупт – Грабен, который проходил по долине, огибая подножия Зееловских высот. Вешние воды сделали его глубоким, непроходимым для танков и САУ. Пока саперы наводили переправы, войска стояли на месте. Произвести какой-либо маневр автомашинам и танкам было невозможно: дороги забиты, а двигаться напрямик по болотистой пойме и заминированным полям было, конечно, нельзя.

Первая полоса обороны была прорвана частями 8-й Гв.А где-то около 12.00 16 апреля. К13.00 успех наступления еще не обозначился, так как целью первого дня наступления были, конечно, Зееловские высоты. К 14.00 командующий армией Чуйков, пытаясь выполнить намеченные планы, отдал приказ своим войскам – после 20-минутного артобстрела атаковать и захватить Зеелов, Фридерсдорф и Дольгеллин.

Во второй половине дня 16 апреля на правом фланге 8-й Гв.А все-таки наметился некоторый успех. Части 47-й Гв.СД генерал-майора Шугаева захватили отдельные высоты к северу от дороги Кюстрин – Зеелов. Эта дивизия продолжала наступление и вышла к трассе Врицен – Зеелов, южнее Гузова, создав тем самым угрозу Зеелову с севера.

Бои за Зееловские высоты можно рассмотреть на примере действий 57-й Гв.СД полковника Зализюка, которой были приданы 1154-й и 350-й ЛегАП, 416-й МинП, 106-й ТП, 694-й САП (СУ-76). Кроме того, дивизию поддерживали 372-й ИПТАП, 270-й МинП и 405-й Гв.МинДив. Справа от нее должна была наступать 47-я Гв.СД из 420-го Гв.СК, а слева – 27-я Гв.СД из 29-го Гв.СК.

В полосе наступления дивизии у немцев оборонялись 303-я ПД и подразделения 90-го и 76-го МП 20-й МД, усиленные частями 404-го арткорпуса.

В результате разведки боем, проведенной 14 апреля с 07.40 по 14.00, части дивизии овладели первой траншеей, закрепились в 30 метрах западнее железной дороги. Была уточнена группировка противника, система его обороны и преодолена зона наиболее плотных минных заграждений.

В 05.25 16-го апреля после мощной артподготовки части 57-й Гв.СД перешли в атаку, следуя за двойным огневым валом. С рассветом над полем боя появились штурмовики. Около 30 минут после начала наступления немцы почти не вели ответного огня, так как НП и КП, а также огневые позиции были подавлены. Сопротивление оказывали лишь немногие уцелевшие орудия и пулеметы.

Первые два километра полки дивизии наступали успешно, но медленно. Потом немцы начали контратаковать с Зееловских высот. Велся сильный артиллерийско-минометный огонь, над полем боя появилась и немецкая авиация. После 15.00 на рубеже канала Хаупт – Грабен был введен в бой второй эшелон дивизии – 17-й Гв.СП. Сопротивление противника было сломлено. Преодолев канал, полки устремились вперед и завязался бой на подступах к Зееловским высотам.

К исходу дня 174-й Гв.СП овладел фольварком Людвигслуст и закрепился западнее его. 172-й и 17-й Гв.СП подошли к восточным скатам высот. В конце дня немцы трижды контратаковали позиции 172-го полка, но были отбиты. Напряженные бои на подступах к высотам шли до поздней ночи. Прорвать вторую полосу немецкой обороны не удалось ни дивизии, ни ее соседям.

28-й Гв.СК, наступавший южнее 4-го Гв.СК, также стремился к Зеелову, однако прорвать немецкую линию обороны ему не удалось. Немцы продолжали пока прочно удерживать Зеелов и высоты.

Части 8-й Гв.А (правый фланг – 47-я и 57-я Гв.СД 4-го Гв.СК, центр – 27-я и 74-я Гв.СД 29-го Гв.СК, левый фланг – 79-я и 88-я Гв.СД 28-го Гв.СК) вместе с подвижным отрядом 1-й Гв.ТА подходили к рубежу Зееловских высот не одновременно. Рассчитывая овладеть ими с ходу, они проводили 15-минутный артналет только своими средствами, что оказалось явно недостаточно. Мощного огневого удара по немецкой обороне здесь не получилось. Да и в связи с недоразведкой позиций

противника огонь зачастую велся по площадям, что потом подтвердил командир артдивизии полковник Скоробогатов. Система огня у немцев не была подавлена. План штаба артиллерии 1-го БФ не сработал.

Поэтому разрозненные и неподготовленные атаки войск 8-й Гв.А не дали ожидаемого успеха. Упомянутый выше английский исследователь Хью Томас и тут постарался значительно ухудшить картину произошедшего. Он утверждал, что *«большинство немцев ушли с высот до артподготовки и тихо вернулись, когда она прекратилась»*, повторив свой давно отработанный трюк. Так ли это было, сказать сложно. Тут есть определенные неувязки. *Уйти до артподготовки* – это уж слишком. Разве кто-то назвал немцам точное время ее начала? Оставить заранее в первой траншее только боевое охранение – это представляется более вероятным. Так что это утверждение остается на совести Томаса.

Командующий 1-м БФ, вероятно, осознал произошедшее уже к 13.00. Поэтому с 16.30 по приказу Жукова были введены в бой главные силы 1-й Гв.ТА, так как сила удара первого эшелона оказалась недостаточной. Однако и этот общеизвестный факт, подтвержденный не только в исследовании о Берлинской операции, но и в мемуарах участников (Чуйков, Белявский, Катуков), можно попытаться извратить.

Член ВС 1-й Гв.ТА генерал-лейтенант Попель, новоявленный «авторитет» в области танковых наук, в трактовке современных издателей, писал в мемуарах, что *«маршал Жуков не выдержал: отказался от первоначальной идеи ввести нас в чистый прорыв и принял предложение Катукова – пустить танковую армию в бой немедленно»*. Зачем понадобилась уважаемому генералу столь беспардонная ложь, не совсем ясно.

Правда, мемуары написаны в 1970 г., через 25 лет после произошедших событий, но когда еще были живы участники событий весны 1945 г. Нельзя же столь явным образом преувеличивать заслуги одного – Катукова – в ущерб другому – Жукову. Жуков тогда был уже реабилитирован, и делать автором столь осуждаемого многими решения своего бывшего командира было явно неразумно. Легче всего объяснить сей факт простой «забывчивостью» столь модного сейчас мемуариста.

Чтобы исключить кривотолки, следует заметить, что ввод 1-й Гв.ТА для прорыва второй полосы обороны был предусмотрен

заранее. Хотя ее ввод в действие предполагался после овладения Зееловскими высотами частями 8-й Гв.А. Командарм генерал-полковник Катуков вполне обоснованно говорил своим штабистам: *«Пока пехота не влезет на гребень, нам с танками и соваться нечего!»*

К тому же из-за изменения времени ввода в бой 1-й и 2-й Гв. ТА пришлось пересмотреть и план авиационной и артиллерийской подготовки обеспечения ввода, то есть опять предыдущий труд штабистов пошел насмарку.

Создалась весьма неприятная ситуация. Посыпались взаимные жалобы. Начальник штаба 8-й Гв.А генерал-лейтенант Белявский сожалел, что танки забили все дороги, мешая перегруппировке артиллерии армии. Член ВС 1-й Гв.ТА генерал-лейтенант Попель уверял, что на Зеелов вела вообще одна-единственная дорога, а подбитые танки забили дорогу и даже кюветы, подтверждая тем самым создавшуюся неразбериху. Это также служит яркой иллюстрацией неудачной работы ремонтно-эвакуационной службы танковой армии, за которую и должен был бы отвечать уважаемый мемуарист.

На малочисленных дорогах стало очень тесно, а в сторону сойти было нельзя из-за мин. Танки 1-й Гв.ТА буквально уперлись в тягачи 8-й Гв.А, перетаскивавшие артиллерию. В результате маневр вторых эшелонов дивизий и корпусов 8-й Гв.А оказался скованным массами бронетанковой техники.

Неудачные атаки танкистов продолжались до глубокой ночи, но вклинение в оборону немцев было минимальным, несмотря на подход главных сил 11-го Гв.ТК. В 20.00 16 апреля была предпринята попытка обхода Зеелова с юга силами 44-й Гв.ТБр, но, увы, немецкие контратаки были очень сильны.

Причины неудач танкистов оказались примерно те же самые: прочные инженерные сооружения второй оборонительной полосы, значительные силы немцев, крутизна скатов (из-за чего танки, маневрируя, подставляли борта при обходе высот по диагонали). К тому же, как признавал Катуков, из-за тесноты на плацдарме, бесчисленных рвов и минных полей маневренность танков была резко ограничена. Поэтому не удалось одновременно ввести в бой основные силы армии.

К тому же, по донесениям авиаразведки, противник ввел в бой вторые эшелоны своих корпусов, а к Зееловским высотам

на направлении главного удара подходили колонны двух немецких мотодивизий. Начальник штаба 1-й Гв.ТА генерал-лейтенант Шалин отметил этот, по его словам, *«невероятный случай»*, когда противник вводил резервы в дело во время боя за вторую полосу обороны.

Убедившись в бесплодности наспех организованных атак, командарм 8-й Гв.А генерал-лейтенант Чуйков прекратил наступление и приказал готовиться к штурму с утра 17 апреля. По мнению начальника штаба артиллерии 1-го БФ Надысева, причиной неудачи 16 апреля на Зееловских высотах являлся срыв плана артиллерийского наступления. За что, конечно, несут ответственность артиллерийские начальники всех степеней.

Да и командующего фронтом, зная его крутой нрав, никто не решился поправить. Кто бы тогда на это решился? Хотя все его заместители (первый заместитель Соколовский, начштаба Малинин и член ВС Телегин) уже давно, еще с 1941 г., входили в состав его ближайшего окружения и слишком хорошо знали своего командующего.

Отчасти это мнение подтверждал и начальник разведотдела штаба 1-й Гв.ТА полковник Соболев, тоже знавший Жукова: *«Георгий Константинович был не из тех начальников, которые считаются с мнением подчиненных»*. Маршал только в среде солдат держался просто и душевно, но подчас круто, сурово и беспощадно обходился с теми, кто имел много прав и власти, однако допускал, по его мнению, безответственность в своих действиях. Поэтому, вероятно, при отсутствии успеха (о чем же докладывать Верховному) никто и не решался лезть со своими советами к Георгию Константиновичу, рискуя попасть под горячую руку.

Жизнь, как всегда, внесла коррективы: ведь на войне любой план существует только до первого выстрела, как сказал кто-то из немцев. Но к концу дня 16 апреля артиллерия 8-й Гв.А начала перемещение боевых порядков вперед, чтобы приблизиться к передовым частям и подготовиться к открытию огня по высотам.

По свидетельству Надысева, командующему артиллерией 1-го БФ генерал-полковнику Казакову пришлось лично вмешиваться в организацию наступления на стыке 8-й Гв.А и 69-й армии. О чем это говорит? Возможно, по мнению Казакова, руководство артиллерией этих армий оказалось не на высоте,

хотя командующий артиллерией 8-й Гв.А генерал-лейтенант Пожарский был очень опытным артиллеристом, так как занимал эту должность еще в Сталинграде. Может быть, Казаков просто опасался очередной неувязки в действиях своих подчиненных, чреватой получением нагоняя от маршала Жукова.

Вообще-то ему было не впервой получать нахлобучки от Жукова, который считал это обычным делом. Еще 23 февраля 1945 г. во время Висло-Одерской операции маршал, по свидетельству военного журналиста Трояновского, устроил Казакову такой страшный разнос за действия артиллерии при осаде Познани, что даже на следующий день тот никак не мог прийти в себя. А ведь боевой был генерал, воевал с июля 1941 г. Знать страшен был в гневе Георгий Константинович!

«Век живи, век учись»— так оправдывался перед военкорами генерал. Он признал, что *«в сущности, Жуков был прав, так как произошла задержка в подтягивании к Познани артчастей большой и особой мощности»*. Жуков ведь не признавал полумер и выдавал провинившимся подчиненным на всю катушку. Казаков, кстати, после разгона даже отказался выступить в «Красной звезде», мотивируя это тем, что *«не стоит делиться опытом по использованию артиллерии большой мощности с противником, ведь впереди Берлин»*. Похоже, он просто опасался очередного втыка от своего грозного командующего, но уже по другому поводу.

Теперь же генерал-полковник Казаков действовал очень энергично, железной рукой перехватив управление. Он приказал увеличить артиллерийскую группировку в полосе 8-й Гв.А пятью артбригадами из полосы 5-й УА, что само по себе указывало на недоработки штаба артиллерии 1-го БФ. Казаков даже указал при этом, по каким участкам и с каким расходом боеприпасов вести огонь! Неслыханно! В конце войны при наличии опытных штабистов пытаться исполнять их обязанности? Несмотря на прежние «уроки», Казаков явно опасался, чтобы его не подставили в очередной раз. Еще одной ошибки Жуков ему уже не простил бы. Да и ответственность в этом случае была очень велика.

К исходу 16 апреля бои велись на всем протяжении фронта, но заметного успеха достичь нигде не удалось. В связи с этим начштаба 1-го БФ генерал-полковник Малинин в 19.30 дал указание войскам не прекращать наступление и ночью, но только

там, где не требовалось прорывать вторую полосу обороны немцев. Надо отметить, что потери наступавших за прошедшие сутки боя были не очень велики. Потери противника оценивались в 12 тысяч чел., были взяты в плен 3823 человека.

Учитывая сложность обстановки, командующий 1-м БФ попытался хоть как-то ускорить наступление войск. В 01.30 17 апреля из штаба фронта было отправлено в войска указание о *«выброске»* в тыл противника *«передовых отрядов»* для дезорганизации работы вражеского тыла. Эти отряды должны были фактически выполнять диверсионные функции: захватывать переправы, узлы дорог дефиле, атаковать немецкие подкрепления. Командующий фронтом, видимо, не понимал, что немецкий фронт пока еще не прорван и не раздроблен, и *«выбрасывать»* в этом случае разведроты под командованием *«смелых офицеров»* можно было только на ветер, понапрасну тратя силы разведчиков. Но ведь ему хотелось любыми средствами переломить ход борьбы...

На немецкой стороне обстановка оценивалась не столь оптимистично. К вечеру 16 апреля немецким войскам пришлось отступить к восточной окраине Зеелова. Не могла остановить наступавших русских и 9-я ППД, понесшая большие потери. Заканчивался первый день сражения для немецкой 9-й армии, в состав которой к утру 16 апреля входили 235 тысяч человек. Надо отметить, что немецкие солдаты храбро сражались. С наступлением темноты бои стали стихать.

«Немецкие войска были заметно потрепаны, уже явно чувствовали упадок сил. Были уже задействованы все местные резервы» — так оценивал положение немцев историк Тике. Командующий 9-й армией Буссе писал об этом дне: *« С учетом неравенства сил 16 апреля было большим оборонительным успехом... Но беспокойство вызывало состояние наших войск на участке предполагаемого главного удара... Восполнить потери в людях и технике было уже невозможно... Запасов горючего оставалось максимум еще на два дня боев, примерно таких же тяжелых, как этот».*

ОКХ был перегружен отчаянными требованиями прислать подкрепление. В 19.10 командование ГА «Висла» приняло решение направить свой оперативный резерв – 18-ю МД полковника Рауха – в распоряжение 9-й армии и перебазировать ее в район Мюнхенберг – Буков, ближе к месту основных боев. Ее пере-

броска началась с 23.00. Чуть позже, чтобы помешать русскому прорыву и отстоять Врицен, на помощь 606-й ПД перебросили 25-ю МД генерал-лейтенанта Бурмейстера. Также на одерский фронт из состава 3-й ТА готовилась переброска дивизионной группы Мюллера, в состав которой входили подразделения 27-й МД СС «Лангемарк», 28-й МД СС «Валлония» и 6-го ИПТАБ.

В 19.15 16 апреля в штаб 56-го ТК прибыл новый начальник артиллерии корпуса полковник Велерман. Он обсудил с генералом Вейдлингом создавшуюся обстановку. Наблюдательный полковник с огорчением отметил, что *«генерал, облеченный особым доверием Гитлера, потерял веру в свое внешнее руководство и выполнял приказы о сопротивлении лишь инстинктивно. В силу старой солдатской школы и верности воинской присяге»*. Вот так, «по инерции», и прокомандовал Вейдлинг гарнизоном Берлина вплоть до капитуляции 2 мая.

Глава 12
Продолжение следует – 17 апреля

В этот день, учитывая заминку 1-го БФ, исполнителям была направлена совершенно импульсивная и необдуманная директива ставки в части решения по 2-му БФ. В ней приказывалось: командующему 1-м УФ Коневу направить 3-ю и 4-ю Гв.ТА на Берлин с юга, а командующему 2-м БФ Рокоссовскому – свои армии на Берлин с севера.

Военным было ясно, что в этой части директива явно нереальна, так как, форсируя такую сложную водную преграду, как Одер, в его нижнем течении, войска 2-го БФ не смогут *«развить наступления в обход Берлина с севера не позднее 23 апреля»*. Действительный ход событий показал, что начать наступление главными силами 2-й БФ смог не ранее 24 апреля, когда в Берлине уже шли уличные бои. Так что через несколько дней указание 2-му БФ было отменено.

Жуков, конечно, не отказал себе в удовольствии затем в мемуарах ехидно прокомментировать это скороспелое решение ставки (явно с подачи Сталина): *«Поспешишь – людей насмешишь»*. Конев же после подобного решения ставки, если можно так сказать, оказался «на коне» и чуть было не увел из-под носа у Жукова славу первопроходца к Берлину.

Жуков с немыслимой для него деликатностью даже решил не расстраивать своего начштаба Малинина, который *«был весьма чувствителен к подобным явлениям со стороны внешних инстанций»*. Он сообщил Малинину, что был проинформирован Сталиным о решении ставки еще вчера. Далее Жуков жестко потребовал от командующих армиями увеличить темпы наступления, так как медлительность в развитии операции могла привести к истощению наступающих войск раньше, чем те возьмут Берлин. Он также потребовал подтянуть всю артиллерию к первому эшелону до 2–3 км и использовать ее массированно. Это было правильное решение маршала. Возможно, это противоречило требованиям уставов, но в то время было не до этого. По политическим мотивам он не мог допустить затяжки сроков операции по взятию Берлина, что могло дать какие-то шансы не только нацистам. Ведь и союзники, по его мнению, могли бы воспользоваться ситуацией, чтобы попытаться первыми войти в Берлин.

Конечно, настроение Жукова не могло улучшиться от подобных разговоров, хотя он достаточно близко знал Сталина не первый год. Даже когда что-то у них не ладилось в мелочах, тот очень раздражался, открыто демонстрируя свое неудовольствие. Для Жукова эта затяжка была чревата и другими последствиями. Он мог лишиться лавров победителя – «завоевателя Берлина». Не секрет, что среди советских полководцев существовало соперничество, шла негласная борьба за успех, за близость к вождю. Царил вечный дух «соцсоревнования», а именно: кто вперед доложит о достигнутом успехе, в чью честь дадут салют из большого числа орудий и большим числом залпов? Последний вопрос стал весьма актуален с августа 1943 г. Конечно, ни тогда, ни сейчас об этом открыто никто не говорил, но потихоньку проскальзывало...

После первого дня боев и командование 1-го БФ наконец-то пришло к выводу, что ключевой позицией в обороне противника являлась вторая полоса обороны, проходившая по Зееловским высотам. Конечно, все это является наглядной иллюстрацией наличия недоработок разведки, штаба и самого комфронта, которому, вероятно, не хватило тактического чутья. Слишком масштабно мыслил Георгий Константинович...

Проблемы у него возникли уже по ходу дня. В 15.00 он доложил в ставку о произошедшей заминке, но Сталин отреагировал спокойно, видимо, потому, что войска 1-го УФ успешно наступали. Но вечером 16 апреля, когда стало ясно, что взять Зееловские высоты в этот день не удастся, картина была уже совсем другой. Сталин разговаривал резко и обвинил Жукова в неправильном использовании 1-й Гв.ТА. Ранее, до начала операции, никаких возражений не было: *«Действуйте, как считаете нужным, вам на месте виднее»*. Теперь же из Москвы ситуация виделась, вероятно, несколько иначе. Возможно, и генштаб добавил свои негативные оценки действий командующего 1-го БФ. Не послушал, мол, Жуков советов ввести 1-ю Гв.ТА в обход Берлина не с юга, а с севера, вместе со 2-й Гв.ТА.

Как показал опыт операции, Жуков все-таки был прав в своем решении, так как сил для обхода и окружения Берлина с севера было выделено вполне достаточно: 1-я ПА, 47-я армия, 2-я Гв.ТА 9-й ТК и 7-й Гв.ТК. А 1-я Гв.ТА потом помогла отсечь Берлин от группировки немецкой 9-й армии, что в противном случае

могло привести к затяжным боям в городе. Вот пример предвидения полководца, о котором сейчас никто вспоминать не хочет, поскольку этот факт говорит в пользу Жукова.

В завершение вечернего разговора Верховный поинтересовался перспективами на 17 апреля, и хотя Жуков заверил его, что зееловский рубеж будет взят, затем сухо попрощался. Дело в том, что Сталин мыслил несколько иными категориями, нежели его военачальники.

Для улучшения управления войсками всем командующим армиями было приказано находиться на НП корпусов, ведущих наступление на главном направлении, то есть фактически командовать ими.

Ночь на 17 апреля была использована войсками 8-й Гв.А для подготовки к штурму высот. Артподготовка на этот раз была спланирована так, чтобы до открытия огня у войск было немного светлого времени для ориентировки и планирования взаимодействий. Это отвечало также и интересам авиации 16-й ВА.

В 09.45 17 апреля хорошо подготовленный массированный огонь потряс оборону немцев на Зееловских высотах, а в 10.15 (или в 10.30, по сведениям Чуйкова) войска 8-й Гв.А начали наступление. На артиллерийскую подготовку в тот день было отпущено примерно столько же боеприпасов, сколько их израсходовали армии во время артподготовки в первый день наступления. Экономить теперь было бы опасно.

Стремясь развить наметившийся в полосе 47-й Гв.СД успех, командарм Чуйков решил ввести в бой 35-ю Гв.СД на правом фланге 4-го Гв.СК. Одновременно в этот же район была переброшена 82-я Гв.СД.

Воспользовавшись результатами артподготовки и удара 11-го ТК, части 35-й дивизии с тяжелыми боями прорвали оборону в районе высоты 58.9. Они вышли к реке Флисс, которую к исходу дня форсировали на участке Альт-Розенталь – Гермедорф. Это создало благоприятные условия для развития наступления всего 4-го Гв.СК и армии в целом. Немцы сопротивлялись очень упорно, непрерывно проводили контратаки и подбрасывали резервы.

35-я Гв.СД также получила усиление. Ей были приданы две танковые бригады – 35-я и 65-я. После этого дивизии поставили задачу – завершить прорыв обороны на Зееловских высотах на всю глубину. Гвардейцы, напрягая все силы, справились

с этой задачей. После 15-минутного артналета, поддерживаемые огневым валом, ударами авиации и танками, в атаку на Зеелов перешли и части 57-й Гв.СК.

Немцы осознали, что основной удар русских пришелся на район дороги Кюстрин – Зеелов. Здесь очень тяжелые бои вела их 20-я МД, которую поддерживалаТД «Мюнхенберг». Рядом с линией сражения находились также 92-я УСАБр, 245-я САБр и части 24-го ЗенАП.

В утреннем донесении ГА «Висла» в ОКХ говорилось: *«В зоне действий 56-го ТК после интенсивной артподготовки противник начал наступление в направлении высот... После тяжелых боев противник оттеснил наши войска назад и вошел в восточные районы Зеелова. В ходе контратаки противник был вновь отброшен. Бои за высоты в 600 м восточнее Зеелова продолжались».*

Дневная сводка не сильно отличалась содержанием от утренней: *«На левом фланге 11-го ТК СС наши позиции на высотах подверглись в первой половине дня сильным атакам противника. К полудню его превосходящим силам удалось после 45-минутного ураганного огня прорвать наши позиции на широком фронте. В ходе боев, которые велись с переменным успехом, противник вступил в Либбенихен. Силами МД «Курмарк» удалось задержать русских, наступавших у Дольгеллина и Фридрихсдорфа на юго-восток...»*

Оборона немцев начала буквально трещать по швам. На участке 9-й ППД в районе Гузова и севернее Зеелова наметился глубокий прорыв. *«Позиции 9-й парашютной дивизии были прорваны и одновременно обойдены с фланга крупными танковыми подразделениями противника: в результате она понесла тяжелые потери и была вынуждена отойти к старому руслу Одера и здесь организовать новый оборонительный рубеж...»* – сообщалось в сводке ГА «Висла».

На участке этой дивизии немецкое сопротивление все более слабело, хотя в ее оборону входила и зенитная артиллерия. Молодые и необстрелянные парашютисты были слабо подготовлены для таких тяжелых боев. Вскоре под натиском частей 4-го Гв.СК они оставили Гузов. Части корпуса начали расширять прорыв как на северо-запад, в сторону Платкова, так и на юго-запад, начав к 15.00 заходить на Зеелов с тыла.

Но у советской пехоты опять дело не заладилось, так как сильный ответный огонь немцев заставил ее залечь у подножия

высот в брошенных противником траншеях. Опять, как и вчера, вокруг стояла сплошная завеса пыли и дыма, видимость уменьшилась до 100–150 метров. Но после повторного удара артиллерии и «катюш» ответный огонь стал стихать. Пехота при поддержке танков броском преодолела расстояние в 400 м до подножия высот и ворвалась в немецкие траншеи, где дело доходило до рукопашной.

К середине дня обозначился успех у ее соседа слева. Там части 27-й Гв.СД совместно с 44-й Гв.ТБр отбросили противника от железной дороги и вышли к шоссе Зеелов – Фридерсдорф. Немцы были вынуждены оттянуть часть сил на участок юго-восточнее Зеелова и перенести мощь большей части артиллерии и минометов на 27-ю Гв.СД.

Воспользовавшись этим, части 57-й Гв.СД вместе с 7-й Гв.ТБр к 15.00 прорвали оборону немцев и к исходу дня 17 апреля овладели Зееловым. Так, 174-й Гв.СП подполковника Конева ворвался в город с юго-востока и завязал уличные бои. Итог боя полка за этот день: уничтожено до батальона пехоты, 14 орудий, 35 пулеметных точек, взято в плен до 300 немцев. И это всего лишь один из эпизодов борьбы за Зееловские высоты...

Донесение в штаб ГА «Висла» опять сводилось к одному: *«...ураганный артиллерийский огонь, ожесточенный атаками пехоты и танков»*. В очередном докладе штаба ГА в ОКХ говорилось примерно то же самое: *«...после ураганного артогня на всех участках противник вновь перешел в наступление на всем фронте 9-й армии...»* Как писал немецкий историк Тике: *«Эта сухая фраза предваряла скорую гибель ГА «Висла», столицы Германии и самого германского рейха»*.

Танкисты 1-й Гв.ТА нанесли главный удар севернее Зеелова, так как местность там была более удобна для их действий, да и оборона немцев не была такой насыщенной. На этот участок обратили внимание командир 11-го Гв.ТК полковник Бабаджанян и замкомандующего 1-й Гв.ТА генерал-лейтенант Гетман.

Кто же сыграл главную роль в прорыве немецкой обороны? Комкоры – генерал-лейтенант Ющук (11-й ТК) и Бабаджанян (11-й Гв.ТК), – конечно, выделяли свои соединения. Командующий 1-й Гв.ТА Катуков и член ВС армии Попель отмечали Бабаджаняна, чьи удачные действия позволили ввести в прорыв 8-й Гв.МК генерал-лейтенанта Дремова для развития успеха.

Но вот в истории 11-го Гв.ТК («11-й танковый корпус в боях за Родину») говорилось: *«удары 11-го ТК севернее г. Зеелова решили судьбу этого опорного пункта и всего рубежа в районе Зееловских высот»*. Также указывалось, что к 12.00 17 апреля (к 14.00 – в истории 1-й Гв.ТА) оборона немцев была полностью сломлена. Используя успех этого корпуса, генерал-полковник Катуков направил в образовавшийся прорыв 11-й Гв.ТК. При этом надо отметить, что последний вел бои при поддержке 35-й Гв.СД.

К 19.00 противник был полностью выбит из Зеелова и отброшен на 4 км от города. В вышеуказанном труде об 11-м ТК приведена схема боя в районе Зеелова и расположение частей с 14.00 17 апреля до 18.00 18 апреля, где в числе атакующих отмечены только 56-я, 20-я и 36-я ТБр и 12-я МСБр 11-го ТК. Вероятно, при описании этого эпизода память подвела мемуаристов.

8-й Гв.МК вместе с 64-й Гв.ТБр действительно был введен в прорыв вслед за 11-м Гв.ТК южнее Зеелова. Это привело к тому, что немецкая оборона на этом участке рухнула. К исходу дня 17 апреля советские войска с тяжелыми боями продвинулись на глубину 12 км.

Командующий 1-й Гв.ТА Катуков объективно отмечал, что большая заслуга в том, что немецкая оборона была прорвана за один-два дня, а не за больший срок, принадлежит и штурмовикам авиакорпуса генерал-лейтенанта Крупского. Они помогли пробить коридор в мощной системе вражеских оборонительных сооружений.

Как показал ход боевых действий, ввод в сражение 1-й Гв.ТА был оправдан и полностью отвечал создавшейся обстановке. Решение Жукова в той ситуации было вынужденным и единственным. Так и надо было оперативно реагировать. Тем самым была ликвидирована угроза возникновения возможной паузы в проведении операции. Понятно, что немного возросла мощь ударов общевойсковых армий.

По поводу ввода в бой 1-й Гв.ТА в первый день боев в полосе его армии достаточно критически высказался генерал-полковник Чуйков: «*Я считаю, она* (1-я Гв.ТА) *в этот день не только не принесла пользы, а, наоборот, даже вред. Почему? Плацдарм болотистый... Здесь дороги очень редкие (их было четыре, по которым могла двигаться техника) и перекопанные, мосты взорваны, двигаться техника могла только по дорогам, свернуть вправо, влево*

не могла. Плацдарм был и без того перенасыщен техникой: артиллерией, танками непосредственной поддержки пехоты и прочим; ...перед противником была прекрасная мишень для того, чтобы бить по танкам, но танки не в состоянии были развернуться в маломальский удобный боевой порядок».

Понятно, что танкисты Катукова «испортили настроение» Чуйкову, так как он хотел без их помощи захватить Зееловские высоты, внеся решающий вклад в дело прорыва к Берлину. Вот только уважаемый командарм не уточнял, за какое время он брался взять высоты. Генерал не чувствовал, как занервничал командующий 1-м БФ, поняв свои недоработки, увидев слабый темп продвижения войск и выслушав неудовольствие Сталина.

Конечно, командование 1-й Гв.ТА не без причин было недовольно решением Жукова, и его можно понять. Командир 11-го Гв.ТК полковник Бабаджанян указывал на значительные потери танкистов в первые дни операции. Он не без оснований считал, что *«мысль о том, что ввод танковой армии в тактической зоне обороны редко целесообразен и всегда нежелателен, еще раз подтвердилась»*. С его тактической точки зрения, конечно, он прав. Но здесь комкор не учитывал интересы всего фронта в целом.

В послевоенных высказываниях Бабаджанян, тогда уже маршал бронетанковых войск, указывал, что *«...в Берлинской операции 1-я Гв.ТА была использована не лучшим образом – прямолинейный ввод в прорыв, удар в лоб не соответствовал настоящему предназначению крупных танковых соединений»*. Но почему-то новоявленный маршал не решился предложить иного способа применения танковой армии в тех условиях...

Правда, в заключение Бабаджанян оговорился, что *«единственный аргумент такого применения – то, что это был финал»*. Вот так масштабно стал мыслить на склоне лет бывший полковник-танкист. После войны, на конференции проведенной в 1946 г., командующий 1-й Гв.ТА генерал-полковник Катуков жаловался: *«Когда мы вышли к Зееловским высотам, развернулись и устремились вперед, все наши попытки успеха не имели. Все, кто высунулся вперед, моментально горели, потому что на высотах стоял целый артиллерийский корпус противника, а оборона на Зееловских высотах сломлена не была»*.

После захвата Зееловских высот Катуков побеседовал с журналистами: *«...ведь у меня погибло 800 танкистов, четыре командира*

бригад, 22 комбата, несколько командиров полков, две сотни танков...» Он только что закончил разговор с генерал-полковником Чуйковым, в котором Василий Иванович в обычной манере, с помощью цветистой матерной ругани комментировал немецкое сопротивление на этих злополучных высотах.

Катуков был явно подавлен тем, что его армию ввели в бой, не прорвав обороны, то есть приказали использовать танки в нарушение всех уставов и наставлений и даже грозных указаний ставки. Он довольно смело сказал корреспондентам, что *«к сожалению, 1-я Гв.ТА решает несвойственную ей задачу, как прорыв укрепленного района»*. Но тут же он заявил, что создались *«чрезвычайные обстоятельства»*, так что *«несем лишние потери»*. Катуков несколько шире понимал тогда обстановку, чем его комкор Бабаджанян. Да и не мог же он в открытую обвинить командование фронта в ошибках и недоработках в планировании операции.

Очень интересна и реакция Катукова на телефонный звонок Жукова, последовавший во время беседы с военкорами. Выслушав благодарность командующего за прорыв через Зееловские высоты (выручил ведь маршала!), он очень оживился и был очень горд, получив приказ *«первым ворваться в Берлин»*. Хотя потом в Берлине Жуков указывал Катукову: *«Не гоните танки на гибель. Строго спрошу, если будут лишние потери»*. Прозвучала эта фраза из уст маршала по-фарисейски. Как же в уличных боях избежать больших потерь в танках? И какие потери при этом будут лишними? На это командующий фронтом, к сожалению, не дал ответа...

В своих мемуарах Жуков почему-то относил взятие Зееловских высот только на утро 18 апреля. Хотя вроде бы к исходу дня 17 апреля сопротивление немцев на высотах было сломлено, как указывалось в труде о Берлинской операции. Память подвела маршала или историки поторопились?

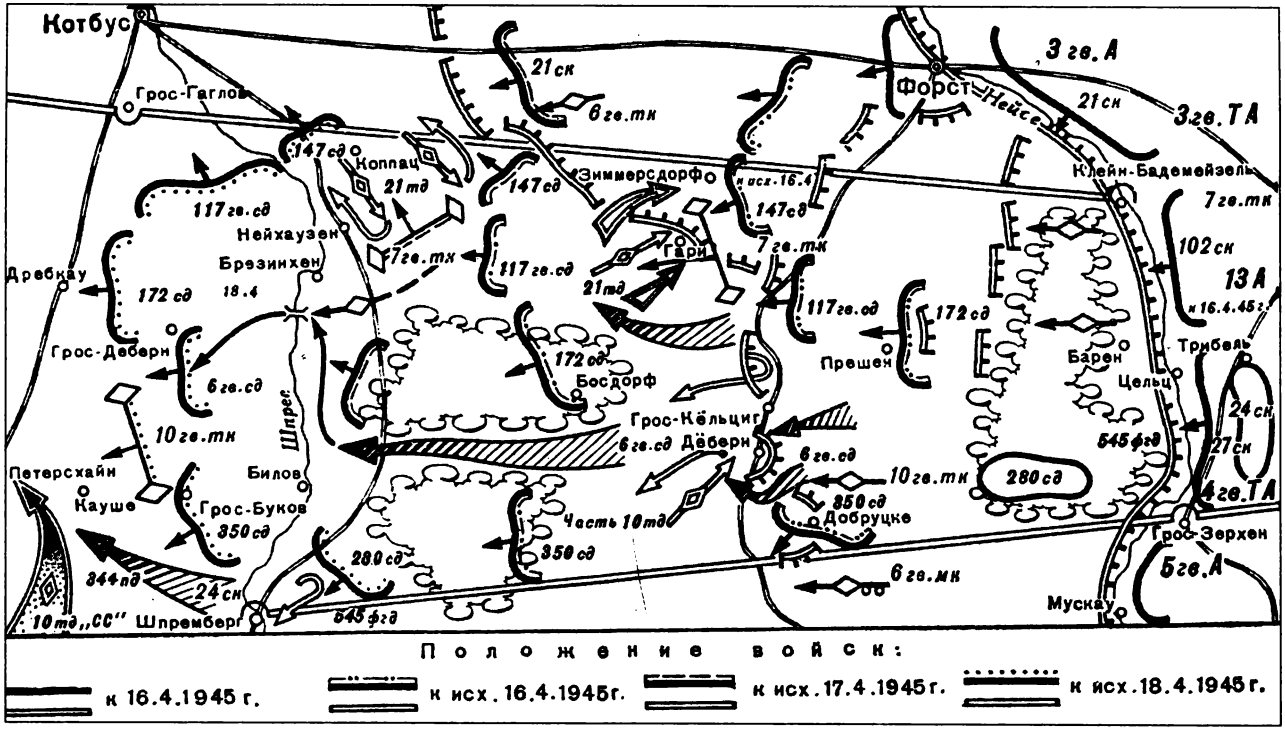
Настроение, правда, тогда у Жукова вряд ли могло быть хорошим еще и потому, что он получил от Сталина очередное грозное указание, да еще и с явными намеками не лезть куда не следует.

Дело вот в чем. Жукову доложили о необычных показаниях одного из пленных, который заявил о том, что немцам было приказано сражаться с русскими, даже если им в тыл выйдут американцы. Естественно, что маршал, помня о предупреждениях

Сталина, поспешил доложить об этом факте Верховному. При этом его доклад не был оценен наверху адекватно, о чем стало известно и в генштабе. Сталин, вероятно, усмотрел в этом докладе некое вмешательство в свои прерогативы. Возможно, опять заподозрил здесь провокацию немцев и довольно резко одернул Жукова.

17 апреля Сталин при встрече с начальником генштаба генералом армии Антоновым и начальником оперативного управления генерал-полковником Штеменко не отказал себе в удовольствии очень ехидно прокомментировать сообщение с 1-го БФ: *«Тов. Жукову, возможно, не все известно о переговорах Гитлера с союзниками...»* Он еще раз четко показал военным их место и продиктовал Жукову короткую телеграмму, сработанную в грубо-топорном указующем сталинском стиле с повторами: *«не обращайте внимание на показания пленного немца. Гитлер плетет паутину в районе Берлина, чтобы вызвать разногласия между русскими и союзниками. Эту паутину разрубить путем взятия Берлина советскими войсками. Мы это можем сделать, и мы это должны сделать»*. Вряд ли подобный ответ Верховного мог вдохновить Жукова...

В этот день – 17 апреля – немцам, несмотря на выдвинутые против главных сил 1-го БФ резервы, не удалось удержать занимаемые позиции. 47-я армия и 3-я УА с 9-м Гв.ТК из 2-й Гв.ТА прорвали промежуточную полосу за второй полосой обороны. Войска 5-й УА и 8-й Гв.А вместе с главными силами 1-й и 2-й Гв.ТА после упорных боев все же прорвались через немецкую оборону на Зееловских высотах и продвинулись на 11–13 км.



Прорыв немецкой обороны на рубежах рек Нейсе и Шпрее

Глава 13
О причинах временных неудач на Зееловских высотах

По словам самого Жукова, он уже 16 и 17 апреля, да и потом еще и еще возвращался к анализу *«построения операции войск фронта, чтобы убедиться, нет ли в принятых решениях ошибок, которые могли привести к срыву операции»*. Маршал, не страдавший излишней самокритичностью, ошибок не нашел, но признал, что *«нами была допущена оплошность, которая затянула сражение при прорыве тактической зоны на один-два дня»*. Очень сложно отыскать весьма тонкую грань между ошибкой и оплошностью уважаемого маршала и его штаба. Да и местоимение «я» в случае «оплошности» почему-то заменяется им на «мы».

Маршал вполне обоснованно указывал, что *«мы при подготовке операции недооценили сложность характера местности в районе Зееловских высот, где противник имел возможность организовать труднопреодолимую оборону»*. Зееловские высоты находились в 10–12 км от исходных рубежей наступления советских войск, и немцы, используя обратные скаты высот, смогли уберечь силы и технику от огня артиллерии и бомбардировок авиации.

Тут есть некоторое противоречие. В работе «Отечественная артиллерия» говорилось, что *«для Берлинской операции характерно увеличение глубины одновременного поражения для подавления обороны противника в период проведения артподготовки до 10–12 км»*. Как это понимать? Почему же тогда на Зееловских высотах не поразили и не подавили? Вероятно, вышесказанное не касалось позиций на обратных скатах высот, которые было сложно поразить прицельным артогнем.

Немцы на протяжении всей войны мастерски использовали природные рубежи для организации обороны. Поэтому на Зееловских высотах они просто использовали свой богатый боевой опыт. Важный момент, в какой-то мере объясняющий причины трудностей при штурме Зееловских высот, освещен не нынешними зашоренными и недостаточно компетентными отечественными историками, а со стороны бывшего противника. Имеется в виду Эйке Миддельдорф, бывший референт ОКХ по обобщению боевого опыта на Восточном фронте, и его основополагающий труд «Тактика в русской кампании», о котором многие российские «специалисты» имеют весьма слабое представление.

Миддельдорф подчеркивал, что одной из возможностей организации надежной обороны является создание оборонительных позиций на обратных скатах высот, что и имело место в районе Зеелова. Он отмечал, что *«наступление на подобные позиции и их прорыв являются наиболее трудной задачей, если не считать наступления на позицию, усиленнную ДОТами»*. На Зееловском рубеже немцы использовали оба указанных выше фактора.

Позиция на оборотном скате дает обороняющемуся следующие преимущества:

– значительные участки обороны скрыты от наблюдения, а потому возможность ведения по ним артогня, наблюдаемого с наземных НП, исключается до тех пор, пока не будет обеспечено наблюдение с господствующих высот;

– наступающий слишком поздно обнаруживает замаскированные от воздушного наблюдения средства противотанковой обороны;

– овладев гребнем высот, за которым расположена главная полоса обороны, наступающий часто оказывается перед неразрушенной позицией и не обнаруженными до этого времени оборонительными сооружениями.

Все вышеизложенное как раз и имело место на Зееловских высотах.

Интересна еще одна деталь, указанная Миддельдорфом. Он утверждал, что *«опытный обороняющий в своем плане всегда предусмотрит обеспечение обороны именно тех участков местности, где сможет пройти противник»*. И это опять верно для рассматриваемого случая. Немецкий специалист по тактике подчеркивал, что *«обход высот нельзя рассматривать как средство на все случаи жизни»*. Это ли не ответ многим доморощенным спецам по ведению боевых действий в условиях апреля 1945 г.!

Миддельдорф советовал – путем проведения разведки боем изучить оборону противника на этом участке, определить расположение его рубежей. Вот еще одно утверждение немца: *«Однако очень часто ответ на эти вопросы может дать только наступление!»* Еще один убийственный аргумент не в пользу современных обвинителей командующего 1-м БФ в «необдуманности» атаки на Зееловские высоты. Далее он продолжал, что *«наступление на позиции на обратных скатах, как правило, не может быть проведено по заранее разработанному плану, такой план выраба-*

тывается лишь непосредственно в ходе наступления». Еще один нокаутирующий удар по критикам маршала!

В упомянутом труде подчеркивалось, что наибольшие перспективы имеет наступление танков с мотопехотой или пехоты с танками непосредственной поддержки пехоты. Наступление же одних танков или одной пехоты *«в рассматриваемых условиях редко бывало успешным»*. Миддельдорф утверждал, что танки должны вызвать на себя огонь противника и встретить систему его огня, находя слабые места в обороне, а артиллерия должна вести огонь на уничтожение целей на обнаруженных позициях. Но ведь это же и было сделано командующим 1-м БФ!

Миддельдорф рекомендовал применять танки для прорыва обнаруженных слабых участков обороны только при благоприятных условиях (отсутствие крутых скатов, противотанковых рвов, минных полей), что в полном объеме как раз и не имело места на Зееловских высотах. Но советские войска смогли преодолеть эти трудности! Дальнейшее наступление проводилось уже в полном соответствии с немецкими рекомендациями:

– подавление противника ударами авиации;

– подход к гребням высот на широком фронте и прорыв его в одном месте, *«свертывая потом оборону противника, с дальнейшим стремительным продвижением вперед»;*

– мощная огневая поддержка атаки с привлечением всей артиллерии и авиации и не менее 50% танков.

Кроме того, стоит учесть , что решение принималось командованием 1-го БФ в условиях жесточайшего цейтнота и колоссального давления свыше. Неужели и это не убедит твердолобых исследователей и критиков в том, что командование Красной Армии в конце войны было достаточно квалифицированным на всех уровнях и владеющим всеми современными (на тот момент) методами ведения боевых действий?

Если свидетельства Миддельдорфа недостаточно, то можно привести мнение генерала Вейдлинга, командовавшего 56-м ТК во время боев от Одера до Берлина. Он считал, что основными чертами данной операции русских были:

– умелый выбор направлений главного удара;

– концентрация и ввод крупных сил, в первую очередь танковых и артиллерийских масс, на участках, где наметился наибольший успех;

– быстрые и энергичные действия по использованию созданных разрывов в немецком фронте;

– применение различных тактических приемов, достижение момента внезапности, даже когда немецкое командование располагало данными о предстоящем наступлении;

– исключительно маневренное руководство войсками;

– операция русских характеризовалась ясностью замысла, целеустремленностью и настойчивостью в осуществлении планов.

Вейдлинг также отмечал, что русские за время войны далеко шагнули вперед в тактическом отношении. Эти мысли генерал высказал во время допроса, проведенного после его пленения начальником разведуправления штаба 1-го БФ генерал-лейтенантом Трусовым, а не следователем НКВД на Лубянке, то есть без какого-либо давления на себя.

Неужели и эти доводы ни в чем не убедят очернителей военного руководства Красной Армии? Жуков в мемуарах, как мужественный и ответственный человек, вину за недоработку вопроса штурма Зееловских высот взял прежде всего на себя. Но ему, правда, также хотелось бы, чтобы *«и ответственность за недостаточную готовность к взятию Зееловских высот в армейском масштабе взяли бы на себя и соответствующие командующие армиями* (вероятно, Чуйков и Катуков) *и командующий артиллерией фронта генерал-полковник В.Н. Казаков, которому следовало бы при планировании артиллерийского наступления предусмотреть трудности уничтожения обороны противника в этом районе»*.

Если логически продолжить эту мысль, то ответственность за недоработки должна лечь и на начштаба артиллерии фронта генерал-полковника Надысёва и его подчиненных. Увы, в своих мемуарах все поименованные выше военачальники почему-то ничего не сказали о своих ошибках и недоработках, оставляя эту сомнительную миссию только командованию 1-го БФ.

Наверное, есть смысл коснуться высказываний еще двух непосредственных участников событий. Очень интересные факты сообщил в мемуарах начальник тыла 1-го БФ генерал-лейтенант Антипенко. Оказывается, Жуков сократил продолжительность запланированной артподготовки на 30 минут (намечалось – один час), как это было и на Висле. А почему?

Оказывается, к началу Берлинской операции на фронт завезли лишь 2–2,5 боекомплекта для артиллерии. И это при расходе в первый день операции 1,5 боекомплекта! Антипенко вопрошал: *«А чем же брать Берлин, если мы израсходовали бы в первый день столь большое количество боеприпасов?»* Вот это номер! Собрали огромное количество артиллерии, а боеприпасы завезти не успели.

Генерал, конечно, утверждал, что это не повлекло за собой задержки на Зееловских высотах, что очень похоже на запоздалое оправдание. В то же время Антипенко сообщил, что *«гитлеровская артиллерия не была подавлена»*, что четко укладывается в рамки его заявления о недостатке боеприпасов, но уже чуть ниже он же заявлял, что *«немцы были подавлены за два-три часа»*. В свете этих противоречивых заявлений начальника тыла 1-го БФ вопрос о том, хватило ли боеприпасов для полноценной артподготовки, так и остается открытым.

Кстати, начштаба 1-го БФ генерал-полковник Малинин в разговоре с Антипенко сказал: *«Мы с вами имеем случаи в истории нашей войны, когда в силу особой обстановки мы вынуждены начинать наступление с неполными запасами, надеясь на подвоз боеприпасов в ходе операции»*. Вот они — результаты спешки по политическим причинам! Трудно себе представить, что американские войска начали бы наступать, если бы им что-либо не довезли по норме снабжения.

К концу же операции накопили уже довольно много боеприпасов. Генерал Антипенко вспоминал об этом так: *«...не случайно наши войска отмечали победу над фашизмом артиллерийскими залпами без всякого учета выпускаемых снарядов»*. Вопрос только в том, куда летели эти снаряды, выпускаемые далеко не трезвыми артиллеристами?

На недостатке боеприпасов в начале наступления сказались прежде всего растянутые пути снабжения. Осложняло доставку еще и то, что переправы через реки Висла, Варта и Одер периодически подвергались ударам немецкой авиации. Их повреждения приводили к определенным задержкам в работе соответствующих служб фронтов, участвовавших в Берлинской операции.

Вышеописанное опровергает утверждение историка Мерцалова о том, что советские войска якобы экономили боекомплекты специально... Как выяснилось, на обеспечение войск бое-

припасами просто повлияли сложные условия их подвоза на большие расстояния ввиду оторванности войск от своих баз, в чем маститый историк даже не попытался разобраться.

Правда, после войны, в 1985 г., выступая на Всесоюзной конференции, где тексты докладов наверняка визировались в соответствующем отделе ЦК КПСС, генерал-лейтенант Антипенко гордо возгласил, что они *«не экономили боеприпасы»*. Он, к сожалению, не уточнил, с какого именно момента боеприпасов в войсках было предостаточно. Чему же верить? Вероятно, все же тому, что он писал в своих мемуарах в 1967 г. Последнее же выступление следует отнести на счет его преклонного возраста и желания похвалить самого себя, не судя слишком строго заслуженного старого генерала.

Начальник штаба 1-го БФ генерал-полковник Малинин тоже внес свою лепту в затуманивание ситуации с Зееловскими высотами. По воспоминаниям военкора Трояновского, 20 апреля в беседе с корреспондентами Малинин самокритично признал, что была допущена недооценка сил противника, что не учли также и роль морального фактора. Отступать-то немцам было уже некуда! Командарм 8-й Гв.А Чуйков тоже честно признавал, что *«такого упорного сопротивления противника мы все же не ожидали»*.

Правда, 20 апреля Малинин был уже значительно веселее, чем 17-го, хотя и называл Зееловские высоты *«проклятыми»* и признавал, что *«немецкие зенитки – страшное оружие»*. Как будто он не знал этого раньше! Все это выглядит более или менее объективно. Но вот потом он заявил, что *«нельзя считать, что на Зееловских высотах были основные силы немцев»*. Но это уже похоже на неуклюжую попытку уклониться от ответственности за ошибки свои и своего штаба. От также весьма оптимистически уверял, выдавая желаемое за действительное, что *«Берлин в ближайшее время будет взят»*, хотя обычно не делал прогнозов и остерегался говорить о ближайших планах. После взятия высот Малинин довольно легкомысленно считал, что преград на пути в Берлин уже нет, а бои в городе не составят большой трудности. Вполне возможно, что он высказывал не только свое мнение, но и своего командующего. Во всяком случае, эти легковесные интервью в преддверии тяжелых боев никак не украшали опытного штабиста.

В заключение стоит упомянуть о послевоенных высказываниях Жукова. В 1966 г. маршал очень откровенно признавал: он *«понял, что промахнулись на главном направлении. Мы* (опять!) *недооценили, недоразведали. Дальнего огня не хватило, хотя авиация бомбила усиленно. Медлить было нельзя»*. Он считал, *«чем больше вытянем резервов противника и уничтожим их в открытом поле, тем легче удастся взять Берлин. Все измолотили, что немцы выдвинули. Задержались на два-три дня, зато Берлин взяли быстро»*. Чувствуется, что Жуков и через двадцать с лишним лет очень остро переживал этот эпизод, так что его оценки, вероятно, были не всегда объективны.

Берлин потом взяли не очень-то и быстро. Он опять ссылался на Сталина, который все время подгонял войска, опасаясь, *«как бы американцы и англичане не ворвались раньше нас в Берлин»*. Верховный, по словам Жукова, настаивал на том, что оборону противника надо, мол, прорывать пехотой и артиллерией. Думал, вероятно, что ему сверху видней. Говорить о прорыве сильной немецкой обороны без помощи танков было просто смешно. Ведь тогда потери советских войск были бы намного больше.

После всего сказанного можно, наверное, закрыть обсуждение зееловского эпизода Берлинской операции и прекратить поливать грязью одного только маршала Жукова и обвинять его в *«тупом упрямстве и кровожадности»*. Оставим это на совести околоисторических журналистских писак и некоторых резко поменявших «масть» историков, а также озлобленных на весь мир псевдоочевидцев, которые, совершенно не владея историческим материалом, щедро раздают абсолютно необоснованные обвинения тогдашнему военному руководству страны.

Несмотря на некоторые успехи, достигнутые днем 17 апреля, Жукова все равно продолжало распирать сильное недовольство действиями войск фронта. Поэтому вечером того дня в войска ушла очередная телеграмма, составленная в очень резких тонах. Маршал ругал своих командиров – генерал-полковника Колпакчи (69-я армия), генерал-полковника Катукова (1-я Гв.ТА), генерал-полковника Богданова (2-я Гв.ТА) за неумелые и нерешительные действия, за топтание перед *«слабым противником»*. Досталось и комкорам-танкистам (Ющуку, Дремову, Бабаджаняну), которые якобы не наблюдали за действиями войск, *«отсиживаясь в тылу»*, и не знали обстановки. Жуков

требовал организовать стремительное наступление, а командирам находиться в бригадах и дивизиях первого эшелона.

Командующий фронтом призывал пехотинцев, танкистов и самоходчиков *«не ждать, пока артиллерия перебьет всех немцев и предоставит удовольствие двигаться по чистому пространству...»*. Думается, что свой сарказм маршал направлял совершенно не по адресу. На кого же еще могла надеяться пехота в деле подавления обороны противника? Понятно, что в ситуации, когда наступление никак не хотело перейти в «стремительное», маршалу явно начало изменять чувство меры.

Даже после этой телеграммы Жуков долго не мог успокоиться. В гневе он приказал начштаба 1-го БФ Малинину запретить выдачу водки личному составу 1-й и 2-й Гв.ТА и 9-го ТК. Неужели подобными несправедливыми мерами можно было поднять боеспособность рядовых бойцов, которые делали все, что могли, чтобы пробить оборону немцев?

Глава 14
18 апреля – наступление от Зеелова к Берлину

Для того чтобы стабилизировать обстановку на фронте 9-й армии Гитлер приказал бросить в бой 18-ю МД (под Зееловом) и 25-ю МД (под Вриценом). Это решение было обусловлено тем, что к тому времени части армии, находившиеся на передовой линии, потеряли до 80% личного состава и почти всю матчасть. Из-за разбитых дорог и превосходства русских в воздухе две дивизии вышли в заданные точки с большим опозданием и немедленно вступили в бой. Последние резервы были израсходованы.

Командование 9-й армии с большой тревогой наблюдало за развитием событий на своем южном фланге. Генерал Буссе потом вспоминал: *«Вечером 17 апреля возникла опасность глубокого прорыва противника на нашем южном фланге, который грозил вскоре выйти нам в тыл. Командование армии еще раз попыталось при поддержке штаба добиться санкций ОКХ, чтобы... ей было позволено отступить, так как иначе нам грозил разрыв всего фронта. Вместо этого... был получен приказ Гитлера держать фронт до последнего и путем контрнаступления восстановить положение на главном участке».*

После этого Буссе затребовал подкрепление и получил его. Решением ГА «Висла» 9-й армии передавались МД СС «Нидерланд» и «Нордланд». Они лишь в 24.00 18 апреля выступили к месту назначения – в районы юго-западнее Франкфурта и Зеелова соответственно. Переброска боевых дивизий происходила в условиях крайней нехватки горючего. Выделенное эсэсовцам горючее было срочно перекачано из танкеров в Штеттинской бухте, однако оно оказалось плохо очищенным и сильно разбавленным водой. Водителям приходилось часто останавливаться, чтобы прочищать карбюраторы. Положение усугублялось пробками на дорогах и разрушенными мостами. В таких условиях выдержать график переброски частей было практически невозможно.

Кроме того, для усиления обороны 56-го ТК в район Букова на автобусах были доставлены из Берлина несколько маршевых батальонов. На фронт были переброшены также танкостроительные бригады «Гитлерюгенд» и «Дора». Части этого корпуса,

по словам командира генерала Вейдлинга, испытывали сильнейшее давление русских на всем фронте, которые пытались расширить прорывы на его флангах. Для предотвращения этих прорывов в стыке с 11-м ТК СС и была введена МД «Курмарк», а в стыке с 101-м АК – 18-я МД, которые ценой больших потерь смогли только притормозить наступление русских войск. Ликвидировать разрыв не удалось, и он достиг 16 км. К исходу дня 17 апреля Вейдлинг был вынужден отвести войска в район г. Мюнхенберг на линию обороны, отстоявшую от Зеелова на 3–5 км.

Немецкий историк Тике писал, что *«именно 18 апреля следует считать началом битвы за Берлин и последней битвой за Германию. Немногие уцелевшие немецкие войска... еще способные одерживать отдельные победы местного значения, оказались повергнутыми в хаос, который разверзся перед ними»*.

Германские войска буквально таяли в тяжелых боях. Части 11-го ТК (712-я, 169-я и 303-я ПД), поддерживаемые «тиграми» 502-го ОБТТ, не смогли сдержать русских, которые упорно продвигались на запад. Сопротивление 9-й ППД севернее Зеелова в течение 18 апреля было окончательно сломлено. Командир дивизии генерал-майор Бройер, проявивший нерешительность, в 16.20 был отстранен Герингом от командования и заменен на полковника Хермана.

Немецкий фронт рушился под Мюнхенбергом, Буковом и Вриценом. Поэтому в 11.15 18 апреля были изменены задачи для 11-й МД СС «Нидерланд», направленной в район Зеелов – Врицен. Немцы, сражавшиеся в районе главного удара, зря возлагали свои надежды на дивизии СС. Те понесли большие потери, потом были наспех пополнены резервистами и имели не так много танков (например, в МД «Нордланд» – 50).

В 12.00 состоялся разговор генерала Буссе с командующим ГА «Висла» генералом Хейнрици. Генералы пришли к выводу, что *«настал момент кризиса»*, имея в виду брешь в обороне между Зееловом и Вриценом. 18 апреля достиг наивысшей точки и кризис в полосе 101-го АК. Там русские прорвали фронт 309-й и 606-й ПД.

Вечером, около 18.30, на КП 56-го ТК прибыл собственной персоной министр иностранных дел рейха фон Риббентроп, который потребовал у Вейдлинга краткого доклада об обстановке. Докладывал министру начальник артиллерии корпуса

полковник Велерман, только что вернувшийся с передовой. Выслушав доклад без каких-либо прикрас, Риббентроп неуверенным хриплым голосом задал несколько второстепенных вопросов. Велерман вспоминал: *«Он выжидающе смотрел на нас тревожными глазами, а когда услышал правду о положении 56-го ТК, казалось, совсем сломался».*

Министр был потрясен услышанным, его одолевали дурные предчувствия. Он поспешил свернуть свой визит и вскоре уехал. По мнению Тике, Риббентроп ничего не сказал о попытке немцев завязать контакты с западными союзниками. Историк Бивор, напротив, считал, что тот намекнул военным о ведущихся переговорах и об изменении обстановки в течение двенадцати часов. В создавшейся обстановке ни молчание министра, ни его намеки уже не могли ничего изменить.

Вслед за Риббентропом на КП корпуса прибыл имперский фюрер молодежи Аксман, предложивший Вейдлингу использовать отряды гитлерюгенда в сражении с русскими. Вейдлинг буквально разъярился, обругал Аксмана и в крайне грубых выражениях отказался посылать в бой 16-летних юнцов: *«Не смейте приносить в жертву детей ради проигранного дела!»* Аксман, который сам на фронте потерял руку, обещал отменить свой приказ о направлении в войска молодых немцев.

Потом он то ли забыл выполнить свое обещание, то ли в тогдашней суматохе никто не довел новый приказ до исполнителей. Полковник Велерман из 56-го ТК подтвердил, что танкостроительные команды гитлерюгенда, не имея достаточной подготовки, были брошены в бой в лесах у Букова. В результате этого глупого решения много юнцов погибли или попали в плен.

18 апреля в рейхсканцелярии продолжали надеяться на то, что удастся поссорить союзников путем организации закулисных переговоров. О «миссии» генерала СС Вольфа в Швейцарии уже достаточно писалось. Вызванный Гитлером в Берлин для объяснений, он в тот день дважды – в 03.00 и 17.00 – встречался с фюрером. Вольф сумел удачно объяснить цель своей весьма запутанной игры, получив благословение на продолжение контактов с союзниками. Заслуги Вольфа оценили и 19 апреля ему присвоили звание оберстгруппенфюрер СС (то есть генерал-полковника). Правда, в суматохе боев последних дней, царившей в рейхсканцелярии, приказ об этом где-то затерялся, о чем Вольф

потом сильно сожалел после войны. Он значительно потерял в размере своей пенсии...

Еще ожидая приема у фюрера, Вольф заметил, что в бункере царила атмосфера отчаяния и страха, хотя все и старались выглядеть мужественно. Во время беседы Гитлер убеждал Вольфа, что на востоке сейчас *«оборудована противотанковая позиция с удачным расположением зенитной и противотанковой артиллерии»*, так что в последние три дня русские якобы теряли в среднем от 150 до 250 танков в день. Он утверждал, что такого кровопускания не выдержит даже Россия. Тем более что она в значительной мере зависит от союзных поставок.

Эти бредовые рассуждения немецкого Верховного главнокомандующего были весьма далеки от реальности. Откуда он взял цифры таких потерь в танках? К тому же в конце войны Россия уже не зависела от поставок союзной бронетехники.

Потом фюрер открыл Вольфу свой «гениальный» план ведения военных действий. Он утверждал, что в Германии будут созданы мощные цитадели: одна – в центре, в Берлине; другая – на севере, в Шлезвиг-Гольштейне, Дании и Норвегии; а третья – на юге, включая и пресловутую «Альпийскую крепость». Все его рассуждения выглядели каким-то безумным блефом. Гитлер также утверждал, что способен продержаться в Берлине против Востока и Запада по крайней мере шесть – восемь недель. Как потом выяснилось, в сроках он жестоко просчитался. Гитлер намекнул Вольфу, что, возможно, скоро передаст власть наиболее компетентным своим соратникам, не уточнив, правда, кого он имел в виду.

Ввод в бой немцами свежих резервов придал боевым действиям 18 апреля особенно ожесточенный характер, что, конечно, опять сказалось на темпах наступления советских войск. Разгорелись бои по прорыву второй полосы немецкой обороны. Части 47-й армии, 3-й и 5-й УА медленно двигались вперед, упорно «прогрызая» оборонительные рубежи. Их продвижение было небольшим – от 1 до 6 км.

Командир немецкого 56-го ТК Вейдлинг, озабоченный прорывом советских войск севернее Зеелова, ввел в бой свой резерв. Потом он говорил об этом так: *«...я ввел в бой 18-ю МД в районе Хермерсдорф – Вульков (6–8 км северо-восточнее Мюнхенберга) с задачей контратаковать русские части и восстановить связи со*

101-м АК». Командир этой дивизии генерал-майор Раух, выполняя приказ Вейдлинга, утром 18 апреля выводил свои части для контратаки восточнее Хермерсдорфа.

Командиру советской 301-й СД полковнику Антонову это утро хорошо запомнилось: *«Утро 18 апреля было ясное, солнечное, но легкий сизый дымок покрывал землю. Он густел в долинах и оврагах. Прозрачная дымка не мешала наблюдению»*. Что же увидели в бинокли советские командиры? Из леса Хермерсдорфа и южнее леса на большой скорости выходили машины, с которых соскакивали фигуры солдат и развертывались в цепь. Потом появились и танки, по которым открыли огонь орудия 1054-го СП.

Были приняты меры по отражению контратаки: 1052-й СП занял высоты западнее Вулькова, 1054-й СП – дорогу южнее Вулькова, батальоны 220-й ТБр – разместились в боевых порядках стрелковых полков, 1050-й СП и 92-й ТП полковника Мясникова сосредоточились в северо-западной части леса.

Но несмотря на заградительный огонь, немцы продолжали наступать. Сильным огнем орудий 823-го АП было подбито до 22 танков. Дело доходило до рукопашных схваток. Произведя пять безуспешных атак на позиции дивизии, немцы стали выдыхаться. Теперь в контратаку пошли батальоны 1050-го СП под прикрытием танков ИС-2 из 92-го ТП.

Командир немецкой 18-й МД Раух понял, что его атака не удалась, и приказал занять рубеж у населенного пункта Хермерсдорф. Там завязались тяжелые бои 51-го МП из 18-й МД и остатков 9-й ППД с наступавшими советскими войсками, которые продолжались около шести часов. В результате этих боев батальоны советской 301-й СД ворвались в Хермерсдорф.

Генерал Вейдлинг считал, что *«18-я МД сумела ценой больших потерь задержать дальнейшие наступления русских, но ликвидировать разрыв между 56-м ТК и 101-м АК она была не в состоянии»*. Признание генерала очень своеобразное. Действительно, 18-я МД смогла задержать наступавшие части 5-й УА. В реальности 301-я СД в дневном бою смогла сильно потрепать эту дивизию. Та не смогла даже удержать Хермерсдорф, оставив на поле боя сотни трупов и много бронетехники, а большие группы немецких солдат понуро брели в плен....

Противник продолжал оказывать сильное сопротивление войскам 8-й Гв.А и 1-й Гв.ТА. За день немцы предприняли

14 контратак силой до батальона с танками, но так и не сумели сдержать наступавших, продвинувшихся до 8 км. В тот день 2-я Гв.ТА также не смогла оторваться от пехоты для осуществления обходного маневра в сторону Берлина.

Конечно, после заминки у Зееловских высот последовал «разбор полетов». Трудно поверить, что такое возможно в разгар боев, но тем не менее данный факт имел место быть. По свидетельству командира 11-го Гв.ТК полковника Бабаджаняна, в ночь на 18 апреля последовал вызов в Зеелов к члену ВС 1-го БФ генерал-лейтенанту Телегину, который сам выглядел очень расстроенным. Вероятно, и ему досталось от Жукова. Политработник, видимо, должен был устно разъяснить командирам соединений суть указаний грозного маршала.

В самый разгар немецких контратак с боевыми командирами провели *«разбор задержки на высотах»*, даже не предложив им сесть! Уехать разрешили только после полуночи. Вряд ли это хоть как-то взбодрило командиров танковых частей, которым предстояли очень тяжелые бои.

В истории 11-го Гв.ТК на этот счет сказано, что, несмотря на очередной приказ командования 1-й Гв.ТА о *«стремительном наступлении, чтобы проникнуть в оперативную глубину обороны»*, сделать это не удалось в условиях сплошных укреплений и чрезвычайного сопротивления противника. Может возникнуть вопрос: зачем издавать заведомо невыполнимые приказы? Но здесь не следует забывать о тех грозных указаниях, поступавших из штаба 1-го БФ. Так по цепочке и спускались вниз нереальные указания.

Для иллюстрации можно привести один эпизод, произошедший в ходе наступления 1-й Гв.ТА во второй половине 18 апреля. По сведениям штаба 1-го БФ, 11-й ТК генерал-майора Ющука находился уже в 20 км к западу от Зеелова. По этому поводу член ВС танковой армии Попель получил личный приказ Жукова: немедленно выехать к Ющуку, разобраться и *«тянуть туда всю армию»*. Приказ вызвал большое недоумение в штабе 1-й Гв.ТА, где знали комкора как дисциплинированного командира, который никак не мог доложить о достигнутом успехе через голову прямо в штаб фронта. Ведь после этого им последовал упрек Жукова: *«Корпус впереди вас, а вы тащитесь...»* Уточнить у маршала, в какой точке находится Ющук, естественно, никто не решился.

В служебном рвении генерал-лейтенант Попель на бронетранспортере заскочил в расположение противника, так как сплошного фронта уже не было, и попал в засаду. Повернув назад к Зеелову, он северо-западнее города, всего в 5 км от расположения 11-го Гв.ТК, встретил передовой отряд Ющука. Попель не преминул излить на комкора свою злость за неверную информацию, передачу которой Ющук отрицал.

Попель приказал Ющуку к ночи 18 апреля выйти туда, где он сам только что случайно побывал на своем БТР. При этом он пригрозил в противном случае доложить Жукову о ложной информации, направленной штабу фронта. Чего это могло стоить Ющуку, Попель прекрасно понимал.

К утру напуганный комкор вышел на указанный рубеж, и удовлетворенный этим Попель доложил о выполнении приказа начальнику штаба 1-й Гв.ТА Шалину. Кто неверно проинформировал командующего 1-м БФ, так и осталось неясным. Вот такие методы управления применял тогда нынешний «корифей танковых наук»!

Что же произошло на самом деле? Просто немцы сняли с этого участка дивизию, перебросив ее навстречу 2-й Гв.ТА. В возникшую на время в линии фронта щель и успел проскочить 11-й Гв.ТК. Несмотря на этот удачный «проскок», Ющук получил от Жукова малоприятное сообщение о том, что он и его начштаба *«работают плохо и нерешительно»*. Вот таким образом обернулся против комкора чей-то непроверенный доклад об обстановке, сильно разочаровавший командующего 1-м БФ, страшно желавшего глубокого прорыва в направлении Берлина.

Возможно, такая реакция Жукова объяснялась поступавшими к нему жалобами от пехоты, что *«танкисты болтаются сзади боевых порядков пехоты»* и не хотят взаимодействовать со стрелковыми частями. Насколько обоснованными были эти упреки? Ведь танкисты со своей стороны ждали, когда пехота предоставит им возможность войти в прорыв.

Несмотря на все неувязки в ходе боев, 18 апреля ударная группировка 1-го БФ, преодолев накануне вторую полосу обороны противника, продолжала наступать на запад и прорвала две промежуточные оборонительные позиции, продвинувшись от 3 до 8 км. После этого советские войска вышли к третьей полосе обороны.

По итогам действий войск за 18 апреля маршал Жуков вечером направил в штаб армии указания об улучшении организации наступления, в которых опять прозвучали нотки недовольства. Особенно медленными темпами развития наступления, причину которых он видел в неорганизованности и отсутствии должного взаимодействия войск, отсутствии требовательности к тем, кто не выполняет боевые задачи.

Недовольство Жукова нашло отражение в приказе от 18 апреля 1945 г.: *«Хуже всех проводят наступательную Берлинскую операцию 69-я армия под командованием генерал-полковника Колпакчи, 1-я ТА под командованием генерал-лейтенанта Катукова и 2-я ТА под командованием генерал-лейтенанта Богданова. Эти армии, имеющие колоссальнейшие средства и силы, второй день действуют неумело и нерешительно, топчась перед слабым противником.*

Командарм Катуков и его командиры корпусов Ющук, Дремов и Бабаджанян за полем боя и за действиями своих войск не наблюдают, отсиживаются далеко в тылах, обстановки не знают и плетутся в хвосте событий...»

Надо ли говорить о том, что большинство упреков, которые маршал адресовал заслуженным генералам, были безосновательны. Зачастую они выступали в качестве своеобразного громоотвода для Жукова, метавшего гром и молнии в адрес подчиненных из-за недостаточного, по его мнению, темпа наступления войск 1-го БФ.

Дело не ограничивалось только упреками. Вот еще один приказ Жукова по поводу действий одного из корпусов 2-й Гв.ТА:

«Командиру 9-го Гв.ТК Веденееву.

9-й Гв.ТК действует очень плохо и нерешительно.

За плохое действие объявляю Вам выговор.

Исходу дня 19.04.1945 г. любой ценой корпусу под Вашу ответственность выйти в район Фройдейберг.

Исполнение донести лично мне».

Еще более строгое послание получил командир 11-го Гв.ТК Ющук: *«Вы лично и Ваш штаб во главе с начштаба в проводимой операции работаете плохо и нерешительно. Я очень строго предупреждаю Вас о неполном служебном соответствии и требую более смелых и организованных действий...»* Маршал настаивал, чтобы все его приказы выполнялись «любой ценой», что зачастую

приводило к спешке и лишним потерям. Резкие по своему тону телеграммы Жуков будет рассылать командирам в ходе всей операции, подвергая испытанных в боях, заслуженных генералов незаслуженному унижению.

Стоит отметить, что претензии к командиру 9-го Гв.ТК имели под собой определенные основания. Об этом свидетельствует донесение командира 79-го СК генерал-майора Перевёрткина:

«18.04.45 г. в районе Меглин скопилось три танковые бригады. В 19.30 18.04.45 прибыл в этот район и приказал в 21.00 подготовить артогонь и пехоту для атаки противника. Через начштаба 23-й ТБр 9-го ТК Катырлова я передал приказ командиру бригады подготовить бригаду и совместно с пехотой смять противника и войти в прорыв. Командир бригады Морозов мой приказ не выполнил, и, несмотря на то что пехота атаковала противника в течение всей ночи, наступала и продвинулась на 5 км, танки в прорыв не вошли. В 2.00 приказал разыскать еще раз любого комбрига. В 4.00 был найден командир 65-й ТБр 9-го Гв.ТК подполковник Максимов, который отказался явиться ко мне для увязки вопросов взаимодействия. В течение трех суток боев пехота прошла 26 км с непрерывными боями. И в течение этого времени танки все время болтались сзади боевых порядков пехоты».

Насколько обоснованны были упреки командующего в адрес других танковых командиров? Ведь далеко не все зависело от мужества танкистов, их боевого мастерства. Наступлению препятствовало также и то обстоятельство, что все оставшиеся неразрушенными дороги были запружены не только огромным количеством войск, но и колоннами немецких пленных и толпами местных жителей, стремившихся уйти подальше от зоны боев. Все это создавало громадные пробки на дорогах и мешало продвижению войск. Не надо забывать и о многослойной противотанковой обороне немцев на всех направлениях, с которой войска ранее не встречались. В конечном результате танки теряли ударную мощь и подвижность, что затрудняло проведение маневров.

Несмотря ни на что, Жуков опять потребовал максимального увеличения темпов наступления, чтобы не позволить противнику организовать оборону на промежуточных рубежах. Поскольку наибольший успех был достигнут на правом крыле 1-го БФ, командующий 18 апреля изменил направление ударов. Войскам

3-й и 5-й УА и 2-й Гв.ТА было приказано выйти к северо-восточной окраине Берлина, а войскам 47-й армии и 9-го Гв.ТК начать охват Берлина с севера и северо-запада. Войскам 8-й Гв.А и 1-й Гв.ТА была оставлена прежняя задача – пробиваться к Берлину с востока опять же *«максимально возможными темпами»*. Добиться этого следовало *«за счет улучшения организации наступления и управления войсками»*.

Конечно, учить командиров высокого ранга военному делу в конце войны было несколько поздновато, не правда ли? Следует отметить, что, несмотря на все накачки и в дальнейшем, вплоть до последнего часа боев, танкистам 1-го БФ не удалось далеко оторваться от пехоты. Конечно, иногда они уходили вперед на 8–10 км, не более. Но с другой стороны, данное обстоятельство обеспечивало достаточно тесное взаимодействие родов войск, но темпы наступления, конечно, оставались невысокими.

Гитлер, пытаясь укрепить оборону на берлинском направлении, издал 18 апреля специальный приказ, в котором говорилось, что *«Берлин входит в состав фронта обороны 9-й армии. Поэтому все вооруженные силы, имеющиеся в районе Берлина, в том числе и части фольксштурма, должны быть переброшены к 9-й армии»*. В исполнение этого приказа в ночь на 19 апреля на третью полосу обороны начали стягиваться новые резервы немцев: несколько отдельных полков и батальонов, 22 подразделения зенитных частей берлинской зоны ПВО, более двадцати батальонов фольксштурма. Несмотря на все принятые меры, немецкие командующие – Буссе и Хейнрици – еще к 18.45 18 апреля пришли к выводу, что отступление неизбежно.

Глава 15
Попытки остановить «паровой каток»

Немцы пытались путем переброски войск, в частности 32-й ПД СС на участок 11-го ТК СС, где было особенно тяжело, стабилизировать положение. Командир дивизии штандартенфюрер Кемпин вспоминал: *«Добраться до КП 11-го ТК СС я уже не мог. Все дороги были запружены. Только спустя 24 часа моему радисту удалось установить связь со штабом корпуса»*. Противоречивые приказы, полученные Кемпином, привели к тому, что он потерял из виду часть своих подразделений, раздерганных в разные стороны. Часть 32-й ПД СС вообще осталась на прежних позициях, из-за чего дивизия оказалась разорванной надвое.

Оборонительные бои, которые вели части немецкой 9-й армии, с 18 апреля стали приобретать критический характер на обоих направлениях главного удара русских – под Мюнхенбергом и Вриценом. Немецкий историк Тике писал: *«Русские войска неудержимой волной катились на запад вдоль 1-й имперской автотрассы, между Зееловом и Мюнхенбергом. 56-й ТК продолжал сопротивление без надежды на победу... уцелевшие части сражались, несмотря на всю безнадежность положения, снова и снова бросаясь в атаку»*.

С утра 19 апреля части советской 301-й СД продолжали развивать наступление по всхолмленной и лесисто-озерной местности в направлении Букова и к 15.00 подошли к городу. Он был крупным опорным пунктом и входил в систему обороны третьей полосы одерского рубежа. Он был прикрыт траншеями и проволочными заграждениями, а подступы к Букову были заминированы. На улицах города установлены противотанковые надолбы и баррикады.

Было решено нанести главный удар севернее Букова, а одним полком непосредственно штурмовать сам город. Командир 5-й УА генерал-полковник Берзарин утвердил это решение комдива полковника Антонова. Левый фланг 301-й СД должна была прикрывать 248-я СД генерал-майора Галая. Надо подчеркнуть, что управление частями дивизии, частями поддержки, связь с авиацией и с командармом и командиром 9-го СК генерал-лейтенантом Рослым осуществлялись исключительно по радио, что позволяло оперативно решать вопросы боевых действий.

Перед атакой последовала атака немецких позиций с воздуха, а после – артналет. Разгорелся упорный лесной бой. Комдив Антонов вспоминал: *«Стрелковые батальоны с танкистами вошли в лес. Орудийные залпы в лесу превратились в сплошной звенящий гул. В лесном бою, как и в ночном, ничего не видно. Да и к тому же дым окутал весь лес».*

Через два часа 1050-й СП овладел Боллерсдорфом, а 1054-й СП полковника Радаева вышел на западную опушку леса севернее озера. Комдив Антонов решил выехать на КП этого полка, что в результате обернулось для него неприятным происшествием. Поскольку с трофейного бронетранспортера, на котором разъезжал полковник, не был смыт немецкий камуфляж, да и свастика тоже, его чуть было не подстрелил артиллерист из полка Радаева. Побледневший Антонов высказал свои справедливые претензии по поводу допущенного легкомыслия. А что уж говорить о состоянии командира орудия, который только что едва не угробил своего командира дивизии...

После ожесточенного боя Буков был взят 1052-м СП полковника Пешкова. Генерал Вейдлинг сообщал потом, что 19 апреля ему из 101-го АК передали остатки ПД «Берлин», но это уже не могло изменить положения немецких войск, так как русские танковые силы глубоко нависли над левым флангом 56-го ТК. Начала вырисовываться серьезная угроза всему корпусу Вейдлинга.

Его план, заключавшийся в том, чтобы силами 11-й МД СС «Нордланд» и 18-й МД ликвидировать бреши в обороне и восстановить связь с соседним 101-м АК, как выяснилось чуть позже, оказался неосуществимым. Поскольку 11-й МД СС пришлось сначала провести перегруппировку на 20 км в северо-западном направлении, она смогла начать свою контратаку только во второй половине дня.

Части 301-й СД как раз и подверглись сильным контратакам этой эсэсовской дивизии, которая была введена в бой по приказу генерала Вейдлинга северо-восточнее Штраусберга. Помощь в ее отражении 1050-му СП оказала дивизионная артгруппа под командованием начальника артиллерии полковника Казанцева. Сильнейший артобстрел остановил атаку эсэсовцев, хотя основной удар все же пришелся по правому соседу 301-й СД – частям 32-го СК. Но и здесь атаки эсэсовцев были отражены, и совет-

ским частям удалось закрепить разрыв с 101-м АК, достигшим уже катастрофического для немцев размера.

Что же можно было увидеть в полосе наступления войск 1-го БФ после прорыва Зееловского рубежа обороны от Одера до Шпрее?

Дороги наступления были забиты брошенной и разбитой немецкой техникой. Это поработала авиация 1-го БФ, господствовавшая над полем боя, напомнив немцам лето 1941 г. в зеркальном отображении. Везде валялись ящики с минами и снарядами, обгоревшие остовы транспортных машин, бочки с горючим, катушки полевого кабеля, каски, жестяные банки противогазов, трупы в грязно-серых шинелях, туши лошадей, бесконечное количество бумажных листков, приказов, воззваний, инструкции, газеты «Дас райх», «Фелькишер беобахтер», «Дас Шварце корпс». Эта была привычная для фронтовиков картина свежих следов беспорядочного отступления разбитой армии в обстановке хаоса и нехватки времени на сборы.

Кое-где даже валялись и листовки на русском языке, сработанные ротами пропаганды вермахта. В них говорилось, что каждый из 600 тысяч берлинских домов – крепость, которая и *«станет могилой для врагов рейха»*. Жалкая попытка запугать русских солдат на пороге окончательной победы. Зря тратили время и материалы нацистские пропагандисты на это бесполезное мероприятие!

В пригородах Берлина густым туманом висела над улицами удушающая гарь пожаров. Почерневшие от копоти стены с пустыми глазницами окон с грохотом рушились на мостовую, загромождая проезжую часть грудами камней и мешая движению войск 1-го БФ, которые все ближе продвигались к «логову фашистского зверя».

Боевая группа 23-й МД СС «Нидерланд» в ночь на 19 апреля вышла в район Марксдорфа. В ее задачу входило восстановить связь между 56-м ТК и 11-м ТК СС. Задача оказалась эсэсовцам не по зубам – брешь в обороне не была закрыта.

Проблем у немцев хватало. Одной из главнейших забот было положение с боеприпасами. Полковник Велерман, начальник артиллерии 56-го ТК, вспоминал: *«Артиллерия корпуса испытывала крайнюю нехватку боеприпасов, поэтому моя задача состояла в том, чтобы добыть их любыми путями... Я приказал послать*

колонну с боеприпасами в Гросс-Беерен. Я и не догадывался, что к тому времени там уже были русские».

Особенно упорные бои развернулись 19 апреля за овладение крупным узлом обороны немцев в г. Мюнхенберг, прикрывавшим пути на Берлин с востока. Ценой огромных усилий артиллеристов ТД «Мюнхенберг» немцам удалось отразить несколько яростных атак на одноименный город.

Решающие бои начались в 12.30, когда после мощной артподготовки в наступление перешли 4-й, 28-й и 29-й Гв.СК 8-й Гв.А при поддержке 11-го Гв.ТК. По решению командарма, 18 апреля в бой была введена 82-я Гв.СД генерал-майора Хетагурова. К утру следующего дня дивизия вышла к Берлинскому шоссе. С разрешения члена ВС армии генерал-майора А.М. Пронина комдив рискнул пересечь разгранлинию с 5-й УА. Началась подготовка к прорыву в сторону Мюнхенберга.

Утром 19 апреля этому намерению попыталась воспрепятствовать немецкая авиация. Группы до двенадцати самолетов бомбили войска и обстреливали их из бортового оружия. Потом части дивизии подверглись и сильному артобстрелу из района Мюнхенберга. Несмотря на возникшие трудности, к 16.00 244-й и 246-й Гв.СП подошли к городу с северо-востока. 242-й Гв.СП полковник Сухоруков направил лесами в обход города с запада. На восточных подступах к Мюнхенбергу немцы установили артиллерийские и минометные батареи, отрыли траншеи и подготовили пулеметные площадки.

После того как командир 242-го СП полковник Сухоруков доложил по радио, что полк преодолел лесной массив, подошел к Мюнхенбергу и развернулся фронтом на восток, была дана команда двум другим полкам начать атаку, отвлекая внимание противника. Пока они вели с немцами огневой бой, полк Сухорукова, используя десять трофейных бронетранспортеров, почти беспрепятственно ворвался в город.

Хотя немцы отчаянно сопротивлялись, к 20.00 дивизия Хетагурова полностью овладела этим важнейшим опорным пунктом немцев на подступах к Берлину. В ходе боя гвардейцам удалось уничтожить до тысячи и взять в плен 150 немецких солдат и офицеров, было подбито 15 танков и семь САУ. В городе захвачены артдивизион, три танка, реммастерские, а также склады с вооружением и боеприпасами. Это был большой успех

дивизии. Захватив Мюнхенберг, ее части фактически вышли в тыл немецкой группировке, продолжавшей оказывать упорное сопротивление главным силам 8-й Гв.А за Зееловскими высотами.

Когда генерал-майор Хетагуров поспешил доложить об этом достижении своему командующему – генерал-полковнику Чуйкову, тот в первую минуту не поверил услышанному: *«Неужели успели покончить вчистую?»* Только после того как комдив заверил его, что факт доклада может подтвердить член ВС генерал-майор Пронин, Чуйков поблагодарил Хетагурова и поздравил с успехом.

После этого Чуйков неожиданно приказал Хетагурову сдать командование дивизией своему заместителю генерал-майору Дуке. Комдив поначалу был ошарашен таким «подарком». Но когда узнал причину, был удивлен еще больше. Оказывается он должен был в этот же день вступить в командование 29-м Гв.СК, заменив генерал-лейтенанта Шеменкова. По всему чувствовалось, что у Василия Ивановича было отличное настроение, поскольку в полосе его армии наметился серьезный успех. Он напутствовал подчиненного: *«Не время сейчас для разговоров* (Хетагуров принялся было его расспрашивать о судьбе снятого Шеменкова). *Дорог каждый час. Жмите на Берлин, комкор!»*

К исходу дня 19 апреля наступавшим советским войскам даже удалось продвинуться на 10 км западнее города. Севернее же Мюнхенберга вела тяжелые бои немецкая 18-я МД, которой тоже пришлось отступить.

В этот день в соответствии с полученным приказом войска 1-го БФ продолжали наступать на широком фронте. Части 47-й, 3-й армий и 5-й УА в ходе тяжелых боев прорвали третью полосу обороны противника и продвинулись за 19 апреля на 9–12 км. Войска 2-й Гв.ТА, прорвавшиеся юго-западнее Врицена, частично повернули на Штраусберг.

Таким образом, лишь к исходу четвертого дня наступления войска главной ударной группировки 1-го БФ выполнили в основном задачу второго дня операции. За четыре дня они продвинулись лишь на 30 км. Следовательно, к исходу 19 апреля войска 1-го БФ завершили прорыв одерского рубежа обороны противника на фронте шириной около 70 км.

Темпы прорыва оказались значительно меньше, чем намечалось. Одной из причин этого было то, что глубокая оборона

была занята немецкими войсками с высокой степенью плотности и удерживалась ими с фанатической стойкостью. Сказалась и потеря около полусуток на Зееловских высотах. Прочная и многослойная немецкая оборона вынуждала советские войска в ходе наступления каждый день проводить артиллерийскую и авиационную подготовку и не позволяла подвижным войскам оторваться от стрелковых соединений для развития успеха в глубину. Учитывая все эти обстоятельства, Жуков вновь потребовал от командующих армиями ускорить передвижение войск, чтобы на плечах противника ворваться в Берлин, одновременно частью сил охватывая город с северо-востока.

19 апреля член ВС 1-го БФ генерал-лейтенант Телегин так «воспитывал» подчиненных из 1-й Гв.ТК на положительном примере соседей: *«Богданов* (командующий 2-й Гв.ТА) *вон куда вышел»*.

Начальник оперативного отдела штаба 3-й УА полковник Семенов подтверждал, что в 22.00 19 апреля Жуков в очередной раз потребовал ускорить движение войск к Берлину. Начальник штаба этой армии генерал-лейтенант Букштынович даже опасался, что, мол, *«нас могут обогнать соседи»*. Генерал, которого советская власть в 1937 г. «карающей рукой в ежовых рукавицах» бросила за решетку, но потом и выпустила после двухлетней отсидки, считал, что *«надо добиваться, чтобы наша армия первой ворвалась в Берлин»*. Он весь был полон высокого пафоса, заявляя: *«Для нас это самая высокая честь. Стоило родиться, жить и умереть только ради того, чтобы сражаться за торжество нашего народа возле стен Берлина!»* Прямо оторопь берет от такого набора слов человека, которого с пристрастием допрашивали костоломы из НКВД. Возможно, вещая подобным образом в кругу своих подчиненных, генерал надеялся, что доброхоты донесут его верноподданнические речи до ушей особистов и это ему зачтется.

Немецкие генералы более трезво смотрели на создавшуюся ситуацию. Вот что писал генерал Буссе в своих мемуарах: *«В ходе боев 19 апреля в линии фронта армии появились новые трещины... Никакой надежды залатать эти бреши не было. Непрерывные стычки штаба армии с командованием ГА «Висла» и попытки добиться разрешения отступить продолжались, но без какого-либо успеха...»*

Штаб 9-й армии планировал отвести 56-й ТК в направлении реки Шпрее, западнее Фюрстенвальде – восточнее Эркнера. Этот маневр мог обеспечить возможность для отхода немецких войск в район Франкфурта и южнее его. Гитлер перечеркнул этот план и приказал ввести 56-й ТК в Берлин для обороны города. Буссе, командование ГА «Висла» и комендант города генерал-лейтенант Рейман были категорически против этого решения фюрера под предлогом избавления населения столицы Германии от ужасов уличных боев.

Поскольку 9-я армия нуждалась в подкреплении, в ее состав были переброшены пять батальонов фольксштурма, а также три батальона 15-й ПД СС (латышская) и одна рота 6-го авиаполка. Дивизий в резерве у немцев не осталось.

Командир 46-го ТК 3-й ТА генерал Гарайс писал 19 апреля в своем дневнике: *«Вечером по радио передавали речь Геббельса: «Верить в счастливую звезду, следовать за фюрером в тяжелую минуту, верить в Бога...» Никогда раньше слово «Бог» не звучало так часто в его устах. Геббельс нарисовал прекрасную картину мира после скорого окончания войны. Если бы его слова могли сражаться и побеждать...»*

19 апреля в рейхсканцелярии состоялась одна довольно любопытная встреча. В Берлин был срочно вызван полковник Рудель, который не преминул прибыть из Чехии по вызову своего обожаемого фюрера в 23.00.

Что же сумел увидеть в Берлине знаменитый немецкий ас? Как ни странно, он нашел, что *«в имперской канцелярии царила атмосфера спокойствия и уверенности»*. Поверить в это утверждение довольно сложно. Тем более что, по словам же Руделя, *«земля сотрясалась под ударами тысяч килограммов бомб, которые сбрасывали британские бомбардировщики "Москито"»*. Трудно представить, как в подобных условиях можно быть *«спокойным и уверенным»*, и к тому же зная обстановку на фронте, которая складывалась явно не в пользу немцев. Тут можно сделать скидку на тупое бодрячество гитлеровского аса, который безоговорочно верил фюреру...

Суть предстоящей беседы с фюрером Руделю была известна. Это была попытка Гитлера назначить его командующим реактивной авиацией рейха. Летчик отмечал, что *«Гитлер в принципе был неспособен прямо переходить к делу и будет сначала долго*

ходить вокруг да около». В преддверии грядущей катастрофы фюрер прочитал изумленному Руделю получасовую лекцию о значении технического прогресса и о немецком лидерстве в науке и технике, которое *«должно привести к решающему перелому в войне»*. Сложно комментировать подобные высказывания, сомнительные по сути и явно противоречащие здравому смыслу.

Тем не менее фюрер потряс Руделя доскональным знанием технических деталей и памятью на цифры, *«разумными и уместными замечаниями по модернизации самолетов»*. Конечно, рассказывать опытнейшему пилоту о самолетах вряд ли имело смысл. Правда, Рудель отметил резкое ухудшение физического состояния Гитлера, в глазах которого появился лихорадочный блеск, а руки дрожали. Полковник фон Белов, адъютант фюрера от ВВС, сообщил, что последние восемь недель Гитлер практически не спал, так как совещания следовали одно за другим. Вот что еще отметил ас: у фюрера появилась склонность несколько раз повторять одно и то же, чего ранее за ним не замечалось.

Несмотря на уговоры фюрера, Рудель отказался от предлагаемого ему назначения, мотивированного лишь тем, что он был *«единственным человеком, имеющим высшую награду за храбрость»*. Вполне здравомыслящий ас в отличие от своего главнокомандующего хорошо представлял дальнейшее развитие событий и допускал рассечение Германии на две зоны – северную и южную, отмечая численное превосходство союзников на суше и в воздухе.

Гитлер заверил его, что немецкие позиции на Одере и Нейсе несокрушимы. И это говорилось в ночь на 20 апреля, когда германская оборона рушилась как карточный домик. В заключение встречи с фюрером Рудель даже осмелился затронуть очень скользкую и опасную тему о заключении мира на Западе. Гитлер с усталой улыбкой на лице пояснил непрошеному советнику, что пытался заключить мир с 1943 г., но союзники, верные принципу безоговорочной капитуляции, не желают этого. Он также заявил, что *«переговоры идут даже сейчас»* (имея, вероятно, в виду контакты Вольфа и Даллеса), но он совершенно не надеется на успех. Вот вам и оценка сталинских «страшилок» для своих маршалов!

Здравомыслия фюрера хватило ненадолго. Он тут же заявил Руделю, что *«нужно сделать все, чтобы преодолеть кризис»*, а

«новое оружие еще может принести нам победу». Трудно понять, как в совершенно безнадежной ситуации Гитлер мог упорно повторять заезженные пропагандистские агитки Геббельса.

В этой беседе очень интересен контраст: довольно реалистическое видение обстановки опытным фронтовиком, кстати, закоренелым нацистом, и совершенно оторванные от жизни, мелочные и абстрактные размышления государственного деятеля, уже неспособного адекватно воспринимать действительность. Возможно, окружавшие его военачальники не хотели огорчать своего патрона неприятными сообщениями с фронта в преддверии его дня рождения. Ведь беседа с Руделем закончилась около 01.00 20 апреля, и в приемной уже дожидались первые посетители, готовые поздравить своего фюрера.

Немецкий историк Тике несколько выспренно написал об этом весеннем дне 1945 г.: *«Близился к концу последний акт этой великой драмы, и над сценой уже трепетал занавес, готовясь опуститься»*.

Глава 16
Прорыв 16 апреля оборонительного рубежа на реке Нейсе

После описания боевых действий в полосе 1-го БФ необходимо осветить ход наступления частей 1-го УФ, развернутого южнее, в полосе шириной 390 км. Там главный удар предполагалось нанести на правом фланге фронта в направлении на Шпремберг – Бельциг. Ударная группировка состояла из трех общевойсковых (3-й и 5-й Гв.А и 13-й) и двух танковых (3-й и 4-й Гв.ТА) армий, двух отдельных танковых корпусов (4-го Гв. ТК и 25-го) и шести артиллерийских дивизий прорыва.

Левый фланг фронта прикрывали части 2-й ПА, 52-й, 21-й и 53-й армий. Во втором эшелоне фронта находилась 28-я армия, которая прибыла в состав фронта уже в ходе операции. На десятый – двенадцатый день операции предполагалось выйти к рубежу Беелитц – Виттенберг и даже на реку Эльбу. На Шпрее планировалось выйти к концу второго дня наступления. К этому времени немецкие войска занимали оборону на крутом западном берегу реки Нейсе. Последняя имела ширину до 150 метров, вода в ней была ледяная, а течение стремительное.

В первой линии немецкой обороны находились: 275-я и 342-я ПД, 36-я ПД СС, 545-я ФГД, 606-я дивизия особого назначения, полицейская бригада «Вирта». В качестве резервов немцы предполагали использовать 100-ю истребительную бригаду и дивизию особого назначения «Маттерштоk».

Линия обороны состояла из двух сплошных траншей полного профиля. Первая проходила по дамбе западного берега Нейсе, а вторая шла по окраинам деревень и восточным опушкам лесов на удалении 1,5–2 км от первой. В глубине обороны был подготовлен ряд опорных пунктов, которые в основном совпадали с узлами дорог и населенными пунктами. Опорные пункты и составляли основу четырех тыловых рубежей обороны в междуречье рек Нейсе и Шпрее.

Каждый из опорных пунктов был хорошо подготовлен к обороне: имел круговые траншеи, перекрытые заборами и баррикадами входы и выходы из населенных пунктов; дома, приспособленные для обороны. Полоса наступления проходила по плоской равнинной местности, покрытой большими лесными

массивами. К числу водных преград относились не только реки Нейсе и Шпрее, но и ряд каналов в их междуречье. Река Шпрее была неширокая – 20–30 метров со средней глубиной до 2,5–3 метров.

Предполагалось, что полевые армии в первый день операции форсируют Нейсе, на второй день форсируют Шпрее и обеспечат переправы для 3-й Гв.ТА, которая должна войти в прорыв и начать наступление только на третий день операции. Этот план действий был утвержден командующим 1-м УФ Коневым 8 апреля 1945 г., согласно чему были отданы соответствующие приказы войскам.

Форсирование Нейсе было подготовлено основательно, что можно, в частности, увидеть на примере 13-й армии. По плану операции еще в ходе артподготовки намечалось переправить через реку 20 штурмовых батальонов – по два от каждого полка первого эшелона. Для непосредственной поддержки пехоты привлекались четыре самоходно-артиллерийских полка и один танковый полк. Всего 97 боевых машин.

Кроме того, каждый штурмовой батальон усиливался одной-двумя батареями орудий сопровождения, минометной батареей, взводом крупнокалиберных пулеметов и взводом саперов.

19-я ИнСапБр и четыре приданных 13-й армии инженерных батальона подготовили для переправы до 500 десантных деревянных лодок, детали для штурмовых мостиков и мостов для переправы техники. Саперы заранее отработали их сборку и разборку в кратчайшее время.

Момент ввода в прорыв передовых отрядов 4-й Гв.ТА поначалу, видимо, не был в достаточной мере проработан в штабе 1-го УФ. В первой директиве штаба фронта, направленной в штаб армии, ее ввод в прорыв предусматривался лишь тогда, когда части 5-й Гв.А форсируют Шпрее и захватят там плацдарм. При этом варианте действий пехоте предстояло с боями пройти от Нейсе до Шпрее примерно 35–40 км, затратив на это продвижение как минимум двое суток. Поскольку в 5-й Гв.А было мало танков непосредственной поддержки пехоты, ее части не смогли бы развить стремительное наступление, а противник получил бы возможность планомерно отходить на подготовленные рубежи, одновременно подтягивая резервы из глубины обороны. Все это позволило бы организовать устойчивую оборону на Шпрее,

подготовиться к отражению атак танкистов и застопорить их дальнейшее наступление.

Все это прямо-таки бросилось в глаза штабным офицерам 4-й и 5-й Гв.ТА. Как до этого не смогли додуматься в штабе 1-го УФ, остается загадкой. Удивительно, что подобную грубую недоработку не смогли вовремя заметить в штабе фронта на последнем месяце войны. Командование 4-й Гв.ТА решило предложить свой вариант: ввести в бой свои передовые отряды, а возможно, и первый эшелон армии сразу же после того, как пехота 5-й Гв.А форсирует Нейсе и наведет одну или две 60-тонные переправы. Подобные соображения были обусловлены желанием танкистов как можно быстрее достичь Шпрее и не дать возможности противнику организовать жесткую оборону.

Согласие командующего 1-м УФ маршала Конева на предложение командования 4-й Гв.ТА, заинтересованного в стремительности удара своей армии, было получено только за два дня до начала операции. 10-й Гв.ТК получил указание – выделить передовой отряд и наступать на участке 95-й Гв.СД 5-й Гв.А. Передовой отряд должен был вступить в бой, допрорвать оборону противника, обогнать боевые порядки пехоты, развить наступление в ночь на 17 апреля, с тем чтобы уже к утру с ходу форсировать Шпрее.

6-й Гв.МехК должен был нанести удар в полосе 13-й и 58-й Гв.А. Он имел задачу: к исходу третьего дня ему овладеть районом Финстервальде. 5-й Гв.МехК получил приказ – двигаться во втором эшелоне армии за 6-м Гв.МехК и к исходу третьего дня операции выйти в район 15 км восточнее Финстервальде. В дальнейшем он должен был наступать уступом за левым флангом 6-го корпуса с целью обеспечить армию от возможных контрударов противника слева.

14 апреля Конев аналогично изменил решение и для 3-й Гв.ТА, приказав ввести ее в действие также в первый день операции. Армия должна была форсировать Нейсе в боевых порядках пехоты, а потом обогнать ее и к исходу первого дня наступления захватить плацдарм на Шпрее.

Темпы планируемой операции были явно ускорены. На второй день 6-й Гв.МК должен был развивать наступление на Фетшау, а 7-й Гв.ТК – на Мюккау. Потом оба корпуса планировалось стремительно двинуть на Луккенвальде.

Перед началом наступления ударной группировки 1-го УФ в ночь на 16 апреля была проведена разведка боем, имевшая целью установить, насколько прочно занимает противник позиции по левому берегу Нейсе. С наступлением темноты усиленные разведроты скрытно переправились через реку, но их попытки вклиниться в оборону противника натолкнулись на сильное сопротивление. В ходе ночного боя разведка установила, что немцы прочно занимают позиции, что было чрезвычайно важно для действий артиллерии.

В ночь перед наступлением на НП 13-й армии генерал-полковника Пухова прибыл командующий 1-м УФ маршал Конев. Пункт был расположен в блиндаже, очень близко к обрывистому берегу реки Нейсе, на опушке соснового бора. Маршал отмечал, что видимость в стереотрубу была отличная. Наблюдение отсюда действительно почти идеальное, но этот бор находился в зоне огня немецких пулеметов. Одна из пуль даже скользнула по стереотрубе, в которую вел наблюдение маршал. Генерал Пухов писал потом в мемуарах: *«Иван Степанович сделал вид, будто даже и не заметил этого. Я невольно позавидовал его выдержке».*

Как мы увидим далее, Конев был склонен к подобным рискованным решениям при выборе НП, то ли бравируя своей показной храбростью, то ли легкомысленно пренебрегая весьма реальной опасностью, совершенно не думая о возможности потери управления войсками в случае вполне понятных неприятностей. В 06.15 одновременно во всех армиях начался первый этап артподготовки, который продолжался 40 минут. Кроме артподготовки, согласно разработанному плану, была применена постановка дымзавес на широком фронте, что в какой-то мере дезориентировало противника относительно пунктов переправ через Нейсе.

Управление дымопуском в день прорыва немецкой обороны носило централизованный характер. Дымы были подняты через 35 минут после начала артподготовки почти по всему фронту армий с целью маскировки выхода передовых батальонов и штурмовых групп на западный берег Нейсе и обеспечения постройки переправ и самой переправы войск. Продолжительность этой грандиозной дымзавесы была установлена в 65 минут.

В это время огонь артиллерии не прекращался, но был менее интенсивным. По окончании дымопуска огонь снова усилился (на 45 минут) для обеспечения атаки. Вероятно, потому, что снова становились видными объекты обстрела. Куда посылались снаряды в течение всего дымопуска, история, как говорится, умалчивает. Конев, правда, потом утверждал, что огонь велся на основе полной топопривязки к местности и что все цели были пристреляны.

Военный историк генерал-майор профессор Мацуленко считал, что широкое применение дымов на 1-м УФ *«сыграло большую роль в скрытой подготовке операции и дезориентировало противника в отношении направления главного удара»*. Надо признать, что химики несколько перестарались: дымзавеса была поставлена на фронте более 100 км, а ее плотность была такова, что танкистам 3-й Гв.ТА, по свидетельству командира 63-й Гв.ТБр полковника Архипова, пришлось впервые за всю войну надеть противогазы. Берега реки и мосты едва просматривались в дыму. Отвели душу фронтовые химики в понятном стремлении оправдать свое существование и в желании помочь своим войскам. Да и расход смеси, видимо, никто особо не лимитировал...

Маршал Конев считал, что поставленные дымзавесы создали для противника большие затруднения в управлении войсками, расстроили систему огня. Возникли затруднения и для советских войск: начались сильные пожары в сосновых лесах за рекой Нейсе, местность заволокло тройным дымом – от разрывов снарядов, от дымзавесы и от пожаров.

Вышеупомянутый комбриг полковник Архипов вспоминал об этом дне: *«Бригада шла передовым отрядом корпуса, кругом горел сосновый лес, в десяти шагах ничего не было видно»*. Командующий 4-й Гв.ТА генерал-полковник Лелюшенко также отмечал, что хотя *«дым маскировал движение войск к реке, но в то же время несколько затруднял наше наблюдение за огневыми точками неприятеля»*. Насколько же непреходяще для России высказывание *«Хотели как лучше, а получилось как всегда...»*.

Когда в 07.05 над полем боя появились первые эшелоны советских бомбардировщиков, действия их оказались крайне затруднены этим великим задымлением. С 08.00 до 09.30 сосре-

доточенные удары по немецким позициям наносили также и штурмовики.

После того как под прикрытием артогня инженерные войска навели штурмовые мостики и подвезли на берег лодки, в 06.55 началось форсирование реки усиленными батальонами. Переправа первого эшелона была закончена всего лишь за час, и в 08.40 началась атака главной полосы немецкой обороны. В ряде случаев саперы действовали успешно. После того как в 07.15 были захвачены плацдармы, легкие понтонные мосты навели через 50 минут. Более тяжелые – 30- и 60-тонные – переправы на участке 6-го Гв.ТК заработали к 11.00, а на участке 7-го Гв.ТК – только к 14.00–15.00.

Кроме мостов, были использованы также и паромы, хоть переправочных средств не везде было достаточно, в частности на участке 5-й Гв.А. Танкисты 3-й Гв.ТА не всегда были довольны результатами работы общевойсковых саперов, хотя те даже сумели разведать и оборудовать брод, по которому с 11.00 начала переправу 51-я Гв.ТБр 6-го Гв.ТК.

Танкисты жаловались потом, что подъезды к мостам почти не были оборудованы. Сами мосты навели в недостаточно удобных местах. Так, один из них упирался в откос противоположного берега, за которым в непосредственной близости находился ров, из-за чего выход танков на берег был крайне затруднен. Подобные «проколы» вынуждали использовать армейских саперов танковой армии на непредусмотренных дополнительных работах.

К тому же далеко не всем танковым частям 3-й Гв.ТА довелось форсировать Шпрее даже по вышеуказанным местам. Командир 52-й Гв.ТБр 6-го Гв.ТК полковник Л.И. Курист рассказывал потом: *«Что собой представляет Нейсе, мы не знали, но разведку проводить не стали, чтобы противник, занимавший позиции на противоположном берегу, не смог преждевременно разгадать наши намерения. Я предполагал: река глубокая, поскольку в приказе командира корпуса значилось, что бригада должна переправляться по наведенному армейскими саперами понтонному мосту».*

Во время артподготовки бригада подошла лесом почти к самой реке. За танкистами инженерные подразделения под-

тащили понтоны. Немцы открыли по копошащимся на берегу саперам минометный огонь. Вскоре к месту намеченной переправы прибыл командующий 3-й Гв.ТА генерал-полковник Рыбалко. После окончания артподготовки командарм, понявший, что саперы задерживают форсирование реки его танкистами, приказал полковнику Куристу: *«Ваше место уже на той стороне!»* Обстановка показывала, что ожидать быстрого наведения понтонного моста не следует и реку, о которой танкисты «ничего не знали», нужно преодолевать вброд. Но их и не надо было подгонять. Начальник инженерной службы бригады майор К.Е. Бугреев заранее послал бойцов своего саперного взвода шестами измерить глубину реки, хотя это купание в холодной воде не могло быть приятным.

В месте форсирования ширина Нейсе доходила до 50 метров, а глубина – до 1,8 метра. По указанию саперов танки шли зигзагами, что не рекомендовалось, так как зигзаги увеличивали время пребывания танков в воде. В некоторых местах трансмиссионное и моторное отделения скрывались под водой, и за кормой танка поднимались фонтаны брызг, выброшенные газами из выхлопных труб.

Немцы не оставляли без внимания эти действия танкистов и усилили артогонь. Рыбалко пожалел саперов и приказал им уйти в укрытие, а сам остался на берегу. Рядом с ним вынужден был остаться и полковник Курист. Лишь отдав ряд необходимых, по его мнению, распоряжений, командарм уехал.

Вспоминая об этом случае, Курист потом рассказывал: *«Командующий был абсолютно спокоен, хотя вокруг все буквально кипело от разрывов снарядов и мин. Но я убежден, что он не бравировал. Мне не раз приходилось видеть Рыбалко в подобной обстановке, и всегда он был так же спокоен. Бесстрашие было органическим свойством его натуры»*. Вопрос о том, стоило ли демонстрировать свою храбрость, в которой никто и не думал сомневаться, в самом начале операции, оставим открытым...

При форсировании только на одном танке заглох двигатель, и его пришлось вытаскивать буксирным тросом. После переправы танкисты совместно с мотострелками батальона майора А.С. Кузьмина оттеснили от реки упорно сопротивлявшихся немцев и создали тем самым прикрытие для саперов, наводивших понтонную переправу.

Поэтому переправа главных сил 6-го Гв.ТК на западный берег была закончена только к 16.00, а 7-го Гв.ТК – к 19.00. Части же 9-го МехК и другие войска 3-й Гв.ТА переправлялись через Нейсе до 13.00 17 апреля. Стремительного броска опять не удалось организовать. Конечно, главные силы танковых корпусов 3-й Гв.ТА были тут же введены в бой, но немцы, оправившись от неожиданного удара, начали оказывать ожесточенное сопротивление. Форсированию Нейсе и отражению контратак в значительной мере способствовала эффективная работа артиллерии сопровождения.

52-я Гв.ТБр прорвала передний край немецкой обороны и по просеке вышла к автостраде Котбус – Трибель. Ее командир полковник Курист надеялся, что теперь по хорошей дороге танкисты покажут стремительный темп продвижения. Однако его надежды не оправдались. Поступило донесение, которое сильно огорчило лихого комбрига: на автостраде, которая оказалась заминированной, подорвался один из танков разведгруппы.

Полковник сначала не поверил, что мины могут быть установлены в бетонном покрытии. Он поспешил к шоссе и быстро убедился, что не только проезжая часть, но и обочины плотно заминированы. Разведгруппа бригады обошла опасный участок и снова вышла к бетонке, где через полкилометра ей преградил путь разрушенный виадук. Здесь же разведчики попали под сильный артогонь. Пришлось отказаться от движения по этой коварной автостраде и свернуть на целину. Заслуга бригады Куриста была очевидна. Захватив плацдарм на западном берегу Нейсе, она обеспечила главным силам 6-го корпуса форсирование первого водного рубежа.

На участке, где приготовились наступать части 4-й Гв.ТА, форсирование Нейсе прошло также успешно. К 12.00 были наведены 60-тонные мосты. В 13.00 двинулись вперед передовой отряд 10-го Гв.ТК – 62-я Гв.ТБр полковника И.Н. Прошина совместно с пехотой 25-й Гв.МСБр и средствами усиления, а также передовой отряд 6-го Гв.МК 16-я Гв.МехБр полковника Г.М. Щербака. Они быстро переправились по наведенным мостам на западный берег реки, вступили в бой и завершили прорыв тактической обороны противника.

Намеченный план сработал, хотя и не совсем точно. Передовые отряды продвигались даже быстрее, чем предполагалось. Поэтому решили: всеми силами армии как можно скорее развивать наступление ночью на 17 апреля, чтобы на следующий день с ходу форсировать Шпрее и вырваться на оперативный простор.

Около 22.00 16 апреля командующий 4-й Гв.ТА генерал-полковник Лелюшенко выехал в 10-й Гв.ТК, чтобы увидеть на месте, как идут дела, поскольку от успешных действий передовых отрядов зависело выполнение задачи всей армии. Он быстро убедился, что подразделения корпуса стремительно продвигаются вперед. В его втором эшелоне, наращивая темп наступления, шли 63-я и 61-я Гв.ТБр. А вот дела в полосе наступления 6-го Гв.МК полковника В.Н. Корецкого развивались не очень успешно. Его танкистам пришлось вести бой с подошедшими немецкими танковыми подразделениями.

В 23.30 16 апреля командир 10-го корпуса генерал-майор Е.Е. Белов сообщил в штаб армии, что его передовые бригады встретили какие-то выдвигавшиеся навстречу танковые части противника. Через два часа он доложил, что части корпуса разгромили до двух полков (танковый и моторизованный), принадлежащих МД «Охрана фюрера» генерал-майора Ремера и учебной МД «Богемия», также подчиненной Ремеру. В ходе боя был пленен штаб МД «Охрана фюрера». Из захваченного приказа стало ясно, что немцы выдвигали резервы на промежуточный рубеж «Матильда», о котором советская разведка ничего не знала.

Поскольку немцы не ожидали ночной атаки советских танкистов, они запоздали с выводом танковых резервов на указанный рубеж. Еще один корпус 4-й Гв.ТА – 5-й Гв.МК – в 20.00 16 апреля начал переправу через Нейсе в районе Гросс-Верхоне и к следующему утру вышел на западный берег. Лелюшенко решил ввести его в бой, чтобы окончательно сломить сопротивление немцев и ускорить прорыв их обороны в междуречье Нейсе – Шпрее.

Поддержку наступлению войск 1-го УФ оказали и корабли Днепровской флотилии. 3-я бригада в составе трех плавбатарей, 16 бронекатеров, четырех канлодок и четырех минометных кате-

ров поддерживала с огневых позиций ниже устья реки Нейсе наступавшие части 33-й армии. Важный корректировочный пост бригады был развернут на высокой трубе электростанции на небольшом плацдарме на левом берегу Одера.

В качестве «канлодок» выступали переоборудованные немецкие трофейные баржи, на которые установили 100-мм морские орудия, предназначавшиеся для новых плавбатарей, понтоны к которым где-то задерживались. Как говорится, голь на выдумку хитра... Корабли десятки раз открывали огонь по противнику по заявкам частей 33-й армии, громя немецкие позиции.

Глава 17
Через две реки – наступление 1-го УФ 17–19 апреля

В ходе ожесточенных боев 16 апреля советские войска прорвали немецкий фронт, продвинулись вперед от 8 до 13 км и на фронте 29 км. Они подошли ко второй полосе обороны, завязав бой за нее.

Задача, поставленная командованием 1-го УФ – прорвать первую и вторую полосы обороны, – не была выполнена, так как пришлось отражать контратаки немецкой 21-й ТД. То есть уже в первый же день боев противник ввел в действие даже оперативные резервы. Правда, маршал Конев утверждал, что подобная возможность была предусмотрена командованием. Ведь вместе с пехотой через Нейсе для отражения танковых контратак немцев и завершения прорыва главной обороны противника были переправлены и передовые бригады танковых армий, а также 25-й ТК и 4-й Гв.ТК. Как ни странно, это решение Конева не подверглось осуждению. Понятно, что эти бригады придавали дополнительную устойчивость пехоте и готовили условия для последующего ввода и развертывания главных сил 3-й и 4-й Гв.ТА.

Командующий и штаб 1-го УФ также страдали «болезнью» недооценки противника: они считали, что к исходу 16 апреля обе танковые армии смогут уже захватить плацдарм на Шпрее. Причины невыполнения задачи выяснились быстро. Войска были вынуждены действовать на сильно пересеченной и лесистой местности, преодолевать развитую систему заграждений. Мосты во многих местах были разрушены, подходы к ним заминированы. Дороги были перекрыты завалами и баррикадами из бревен, деревянных стен с землей и камнями, а также взорванными путепроводами.

Из штаба 1-го УФ были направлены грозные указания в войска от нового начальника штаба генерала армии И.Е. Петрова. Недавно он сам командовал 4-м УФ и был снят с должности с подачи своего «злого гения» генерал-полковника Мехлиса за *«мягкость и болезненность»*. Теперь же резко «потвердевший» генерал в 21.40 16 апреля направил в штабы 5-й и 3-й Гв.А, а также в штабы 13-й и 52-й армий жесткие телеграммы с приказом продолжить атаки с наступлением темноты.

Маршал Конев потребовал возобновить с утра 17 апреля наступление главными силами и выполнить задачу, предусмотренную планом операции на ее второй день. Ударная группировка должна была прорвать вторую полосу обороны противника, форсировать Шпрее, прорвать третью полосу обороны и к исходу 17 апреля подойти к Котбусу.

Несмотря на отмеченные трудности, наступление войск 1-го УФ было продолжено. Утром 17 апреля в прорыв в полном составе вошли 3-я и 4-я Гв.ТА, которые тут же двинулись к Шпрее. На фоне достигнутого первого успеха боевой подъем в войсках был исключительно высок.

В течение дня войска фронта, отбивая контратаки немецкой 21-й ТД и неся при этом потери, продолжали упорно двигаться вперед. Самые ожесточенные бои развернулись на второй полосе немецкой обороны. В этих лесистых местах не было условий для массированных действий танковых войск. В результате немецких контратак с использованием танков T-VI «тигр» потери советских танкистов начали расти. Так, 54-я Гв.ТБр уничтожила пятнадцать вражеских танков, но и потеряла двенадцать своих.

В районе Котбуса немцы силами до тридцати танков и САУ также неоднократно переходили в контратаки, всячески стараясь задержать советские войска.

К исходу дня 52-я Гв.ТБр вышла к мосту через канал Флисс, подходы к которому были прикрыты противотанковыми инженерными заграждениями и заминированы. Полковник Курист попытался ввести в бой приданные его бригаде танки-тралы. Их ценность была сразу же ярко проиллюстрирована: первый же из этих «тральщиков» подорвался на фугасе. При попытке разведать подходы к мосту немцы тут же контратаковали танкистов.

Понятно, что втягивание в такие затяжные бои не входило в планы командования 1-го УФ. 5-му Гв.МК поставили задачу: развернувшись из-за левого фланга 6-го корпуса, захватить ряд опорных пунктов на восточном берегу Шпрее, нанести главный удар в направлении Шпревитца, форсировать Шпрее и к исходу 18 апреля овладеть районом Липтена, после чего развивать удар на Фюрстенвальде. Для этого комкор генерал-майор Ермаков решил ввести в бой сразу три бригады, построив боевой порядок в один эшелон. Это решение можно обосновать только тем, что немецкая оборона уже не была сплошной.

После короткого огневого налета части корпуса перешли в наступление и к концу дня овладели рядом мелких населенных пунктов. Продолжая бой ночью, танкисты вышли к Шпрее. К исходу 17 апреля штаб 1-го УФ считал, что войска в основном преодолели тактическую глубину обороны противника, который, прикрываясь сильными арьергардами, начал отход к Шпрее. Вторая полоса обороны немцев была прорвана на участке шириной 15 км, и войска фронта продвинулись вперед от 8 до 15 км.

В тот же день войска 13-й армии пробились ко второй немецкой оборонительной полосе под названием «Матильда». Она шла вдоль железнодорожной линии – через Деберн на юг. 27-му СК удалось вклиниться в нее всего на 1–1,5 км благодаря удачным действиям передовых отрядов, которые возглавляли заместители командиров дивизий. В состав каждого такого отряда входил самоходный или танковый полк, стрелковый батальон, истребительный противотанковый дивизион, артиллерийская и минометная батареи, саперная рота и дивизионная разведка.

Прорвать полосу «Матильда» удалось только после ввода в бой с полудня вторых эшелонов 27-го и 102-го СК при поддержке 31-й АД генерал-майора Д.М. Краснокутского. В результате прорыва оборона немецкой 10-й ТД была расколота на две части, а советская 13-я армия за день продвинулась еще на 7 км.

Поэтому 3-й и 5-й Гв.А, 13-й армии, а также 3-й и 4-й Гв.ТА в 18.15 17 апреля было направлено очередное трудновыполнимое распоряжение: *«...стремительно развивать наступление и ночью 17 апреля форсировать Шпрее»*. План боя было приказано доложить к 24.00. Командующий 3-й Гв.ТА генерал Рыбалко только в 23.00 отдал приказ своим войскам продолжать преследование и с ходу форсировать Шпрее.

Еще вечером 17 апреля Конев со своего КП доложил Верховному об успехе наступления войск фронта. Маршал отметил при этом хорошую слышимость по ВЧ-связи, которую не смог испортить немецкий артобстрел. Правда, член ВС 1-го УФ генерал-лейтенант Крайнюков почему-то считал, что Сталин сам позвонил Коневу поздно вечером. В конце доклада Сталин, перебив командующего, сообщил, что *«у Жукова дела идут трудно. До сих пор прорывает оборону»* (чем, вероятно, пролил бальзам на сердце Конева). Потом Верховный поинтересовался, нельзя ли перебросить подвижные войска Жукова, пустить их в прорыв

на участке 1-го УФ? Конев, удивленный подобной неграмотностью своего Верховного Главнокомандующего, вполне резонно ответил, что в ней нет необходимости: переброска займет много времени, внесет большую сумятицу, а сил на 1-м УФ достаточно.

Конев заверил Сталина, что он сам в состоянии повернуть обе свои танковые армии на Берлин, назвав даже направление движения – на Цоссен. По словам маршала, Сталин согласился с поворотом 3-й и 4-й Гв.ТА на Берлин. Жаль, что этот эпизод не нашел освещения в мемуарах других заинтересованных участников событий: маршала Василевского и начальника оперативного управления генштаба генерал-лейтенанта Штеменко. Василевский в это время командовал 3-м БФ в Восточной Пруссии, а начальник генштаба генерал армии Антонов, к сожалению, не оставил воспоминаний.

Жуков в мемуарах написал о том, что Верховный еще вечером 16 апреля сообщил ему о намерении повернуть армии Рыбалко и Лелюшенко на Берлин с юга. Маршал выразил свое согласие на проведение этого маневра, думая, видимо, что он все еще является заместителем Сталина. Георгий Константинович сильно заблуждался, так как надобность в этом у Сталина явно отпала, а Жуков в его глазах был уже обычным командующим фронтом, так же как и Василевский (бывший начальник генштаба).

Конев, выдавая себя за провидца, утверждал, что еще до начала операции считал, что удар 1-го БФ на Берлин будет происходить в тяжелой обстановке. Он понимал, что группировка немецких войск перед 1-м УФ слабее, чем перед кюстринским плацдармом, поэтому маневр танковых армий мог быть одним из вариантов действий. После разговора со Сталиным Конев поспешил дать указание своим танковым командирам о повороте на Берлин.

В 03.40 18 апреля в войсках получили очередную директиву командующего 1-м УФ. В ней 3-й Гв.ТА приказывалось в течение этой ночи форсировать Шпрее и наступать на Фетшау и Барут, а в ночь на 21 апреля с юга ворваться в Берлин! Вероятно, в тот момент Коневу отказала выдержка. Войска, не успев выполнить поставленные задачи, получают новые, еще более сложные и явно невыполнимые указания.

Подобное же нереальное указание около 03.00 18 апреля было направлено и командующему 4-й Гв.ТА Лелюшенко: форси-

ровать Шпрее севернее Шпремберга, а потом стремительно наступать на Калау и Луккенвальде. К исходу 20 апреля нужно было занять Беелитц и Тройенбритцен, а в ночь на 21 апреля овладеть Потсдамом и юго-западной частью Берлина. 6-й Гв.МК даже должен был в районе г. Науэн соединиться с войсками 1-го БФ. Единственным реальным пунктом в этой директиве было то, что 5-й Гв.МК должен был обеспечить левый фланг 4-й Гв.ТА в районе Тройенбритцена, что потом и произошло в действительности.

Командующий 4-й Гв.ТА приказал 5-му корпусу сдать занимаемые позиции частям 34-го Гв.СК. Затем ночью 18 апреля совершить фланговый марш, обойти шпрембергскую группировку противника с севера и форсировать Шпрее в районе г. Мукров на участке 10-го Гв.ТК. После этого корпус должен был наступать в направлении Калау – Луккау – Шпремберг – Тройенбритцен. Глубина продвижения должна была составить 140–150 км. Около 05.00 18 апреля корпус сдал свой рубеж 34-му корпусу и начал марш одной колонной к переправе севернее Шпремберга.

Конев требовал «танковым кулаком» решительно продвигаться вперед, не ввязываясь в затяжные фронтальные бои. Маршал приказывал довести положение приказа до сознания корпусов и бригад. Он призывал свои войска быть в Берлине первыми, чтобы *«с честью выполнить приказ Великого Сталина»*. Старт гонки к Берлину частям 1-го УФ был дан...

Как мог опытный военачальник, каким, несомненно, являлся Конев, столь оптимистично оценивать обстановку и недооценивать сопротивление противника? Вероятно, тут превалировало подспудное желание опередить своего конкурента с 1-го БФ. Сходными «болезнями», оказывается, страдали все сталинские маршалы.

В глазах Конева поворот его танковых армий на Берлин был *«естественным и закономерным маневром»*, и он верил в его успех. Надо отметить, что решение о повороте танковых армий 1-го УФ на Берлин принято очень своевременно и было стратегически оправданно.

В своих мемуарах Конев даже ударился в длинные рассуждения о планировании на войне. Он правильно писал, что планируем мы одни, а выполняем свои планы, если можно сказать,

вместе с противником. Чем дольше идет сражение, тем больше корректив вносится в первоначальный план. Маршал указывал, что они связаны не только с преодолением всякого рода трудностей, некоторые из которых даже невозможно предусмотреть заранее, но и с действиями противника, с масштабами ввода им оперативных резервов, которые надо разгромить. Вопрос: рассматривал ли он корректировку планов в положительном аспекте только для себя или еще и для маршала Жукова?

Он утверждал, что замедление темпа наступления по сравнению с запланированным не вызывало у него ощущения неблагополучия или начинающейся неудачи. Он знал о прорыве обороны немцев, о наличии своих резервов и исчерпании их у противника, вводящего в бой дивизии одну за другой.

Что же происходило в реальности на месте боев? 6-й Гв.ТК из 3-й Гв.ТА в ночь на 18 апреля находился только на полпути к Шпрее, а 7-й Гв.ТК был в двух километрах от реки.

О выполнении планов на войне достаточно четко выразился и командующий 4-й Гв.ТА генерал-лейтенант Лелюшенко: *«...на войне, где сталкиваются две силы, две воли, два замысла, противоположные один другому, намеченный план редко может быть выполнен во всех деталях. Происходит изменение, диктуемое складывающейся обстановкой, в лучшую или худшую сторону...»*

Тем не менее в официальном труде о Берлинской операции «Последний штурм» упорно утверждалось, что танковые армии 1-го УФ к исходу 17 апреля уже подошли к реке Шпрее, а некоторые части вечером этого дня и переправились через нее. Переправа главных сил датируется в ночь на 18 апреля. Кому нужна эта глупая ложь? Кого нужно было вводить в заблуждение официальным советским историкам, выдавая желаемое за действительное?

В 03.00 18 апреля 56-я Гв.ТБр полковника З.К. Слюсаренко, действуя в передовом отряде 7-го Гв.ТК, только подходила к населенному пункту Нейхаузен, расположенному на восточном берегу Шпрее. Приказа о форсировании у комбрига пока не было! Как только танкисты стали втягиваться в Нейхаузен, они были атакованы полком немецкой 342-й ПД и обстреляны тяжелой артиллерией, а немного погодя атакованы и авиацией.

В разгар боя на «виллисе» подоспел и командарм Рыбалко, сопровождаемый всего лишь одним «доджем» с охраной. Генерал

опять сильно рисковал для того, чтобы чувствовать пульс боя. Слюсаренко так описывал обстановку: *«...тяжелая артиллерия противника начинает активничать. Снаряды рвутся около нашего КП... Осколки сбивают ветки деревьев с желто-зелеными почками, шлепают у входа в штабную землянку, куда уводим командарма»*. Полковник прекрасно понимал, что даже эта землянка в три наката не смогла бы защитить от прямого попадания 150-мм немецкого снаряда, но ему хотелось уберечь своего командующего от случайного осколка.

Рыбалко дал приказ командиру 56-й Гв.ТБр – первым форсировать Шпрее и, не ввязываясь в бой, наступать на Калау. Прибывший командарм тут же пригласил двух задумавшихся полковников на берег реки, чтобы разобраться в обстановке. Не успели они выйти из землянки, как рядом разорвался снаряд. Командиры прижались к земле, но обстрел продолжался.

Переждав немного, Рыбалко сказал подчиненным: *«Они взяли на прицел ваш КП. Но не век же нам тут лежать, надо как-то подойти поближе к берегу»*. Он решительно поднялся, жестом приглашая их за собой. За ним последовал только комбриг, а замполит – полковник М.М. Большов – вернулся в землянку и приказал телефонистке снять трубку и держать ее до прихода командарма. Сам же он побежал на берег и вызвал Рыбалко на «переговоры со штабом армии».

Командарм не очень поверил замполиту, но все же вернулся и, взяв трубку, все понял. Он отругал последнего за ненужную, по его мнению, заботу о его персоне. Большов потом вспоминал: *«Я был готов к любому наказанию, но иначе поступить не мог. Мы все хорошо знали, что Рыбалко терпеть не может, когда подчиненные его оберегают. Но немцы били прямо по тому месту, где он стоял, и я ничего лучшего придумать не мог»*. Создается впечатление, что, подвергая себя ненужной опасности, Рыбалко считал себя заговоренным...

Выполнить же его задачу сразу не удалось. Советские танкисты, находясь на окраине Нейхаузена под беспрестанным артогнем и бомбовыми ударами, отразили одиннадцать контратак различных частей 342-й ПД.

Одновременно бригада готовилась к выполнению приказа командарма о форсировании Шпрее. Брод через реку был найден бойцами разведвзвода в районе деревни Брезинхен. Глубина

реки была там всего 1,5 м, а ширина – от 8 до 10 метров, дно песчаное, а левый берег – пологий. Присутствия противника не было обнаружено.

Только около 13.00 18 апреля танковая рота старшего лейтенанта Кормишина из 56-й бригады переправилась через реку. Не успели танкисты закрепиться на противоположном берегу, как их атаковал передовой отряд немецкой 21-й ТД. Плацдарм удалось отстоять, переправить через Шпрее подкрепления. Полковник Слюсаренко так оценивал действия бригады: *«Схватку в районе Брезинхена я бы назвал одним из тяжелейших испытаний, которые пришлось вынести нашим танкистам за всю войну»*.

Надо отметить следующее обстоятельство. Атаки немецких танков советские Т-34 отражали, внезапно выскакивая из-за укрытий и расстреливая противников в упор, поскольку открытое противостояние танкам Т-VI «тигр» и Т-V «пантера» не сулило «тридцатьчетверкам» ничего хорошего.

В районе Брезинхена форсировала Шпрее и 53-я Гв.ТБр полковника Архипова. Место форсирования, севернее этой немецкой деревни, им указал местный мельник, рассказав, что там машины летом переезжают реку вброд. Ниже по течению, ближе к Котбусу, был найден еще один брод, но противник там вел очень сильный артиллерийско-минометный огонь.

Форсированию реки на участке, выбранном Архиповым, попытались помешать несколько немецких самоходок. Прилетевшие советские штурмовики пресекли эти попытки, оставив от самоходок, по словам комбрига, *«одни костры»*. Танки преодолели русло реки, погружаясь в воду до нижней части башни. Все щели в танках предусмотрительно законопатили ветошью, смоченной машинным маслом, и форсирование прошло удачно.

Вслед за 56-й и 53-й бригадами к 21.00 18 апреля форсировали Шпрее 54-я Гв.ТБр и 23-я Гв.МСБр из 7-го Гв.ТК. Успешное преодоление водной преграды во многом обеспечило успех дальнейшего наступления. Развивая наметившийся успех, командующий 3-й Гв.ТА направил в район переправы и части 6-го Гв.ТК и 9-го МехК. Только в 21.30 18 апреля – с опозданием почти на сутки – 6-й корпус начал форсировать Шпрее. Его продвижение к исходу дня составило около 13 км.

В районе Брезинхена форсировали Шпрее части 6-й Гв.СД и 172-й СД. Деревянный мост через реку был использован для

переправы и военной техники. К полудню 18 апреля части этих дивизий захватили обширный плацдарм на западном берегу Шпрее. Шоссейная дорога Котбус – Шпремберг была перерезана. Конечно, немцы быстро опомнились и начали контратаковать переправившиеся дивизии 13-й армии из района Шпремберга на северо-восток. Они бросили в бой части 10-й ТД СС «Фрундсберг», 344-й ПД и ТД «Охрана фюрера», но успеха не добились.

Надо отметить важную роль советской авиации в преодолении водного рубежа. 17 и 18 апреля погода улучшилась, и авиация вовсю бомбила основные узлы сопротивления немцев, в полном объеме познавших, как воевать без надежного прикрытия с воздуха.

К 01.00 19 апреля в районе брода через Шпрее был сооружен 60-тонный мост, по которому начали переправляться 52-я Гв.ТБр и другие части 6-го Гв.ТК. К утру на западный берег были также направлены главные силы обоих танковых корпусов 3-й Гв.ТА и две бригады 9-го МехК.

Отчасти войскам 3-й Гв.ТА просто повезло. Немцы отводили свои потрепанные части в основном в район Котбуса и Шпремберга. Занять оборону по всему течению реки они не смогли, не имея достаточно войск.

Конечно, танкисты действовали умело. Части 3-й Гв.ТА по глухим лесным дорогам вышли к Шпрее там, где их немцы не ожидали. Потом разведка нащупала слабое место в обороне противника, и в образовавшийся прорыв ринулась целая танковая армия. Танкистов поддержали части 13-й армии (102-й и 27-й СК), захватившие плацдарм на западном берегу Шпрее размером 5×10 км. Своевременная переправа была обеспечена четкими действиями саперов и артиллеристов.

Получив новое задание, командиры корпусов 4-й Гв. ТА приступили к выполнению нереального приказа своего командующего фронтом. К исходу 18 апреля 10-й Гв.ТК достиг рубежа Дребкау – Ной-Петерсхайн, расположенного в 50 км от бывшего переднего края противника. Его передовые отряды продвинулись на 70 км, а 63-я Гв.ТБр полковника М.Г. Фомичева вырвалась вперед даже на 90 км.

6-й Гв.МК, выполняя директиву командования фронтом, оказывал помощь частям 5-й Гв.А в овладении Шпрембергом.

После форсирования в середине 18 апреля Шпрее 10-я Гв.МехБр 5-го корпуса двинулась в направлении Луккау, за ней в качестве второго эшелона корпуса шла 11-я Гв.МехБр. Для разведки противника в направлении Луккау штаб корпуса выслал 2-й Гвардейский мотоциклетный батальон.

К исходу дня 18 апреля 5-й Гв.МК овладел г. Ной-Петерсхайн. Передовые отряды его бригад первого эшелона находились уже на ближайших подступах к Луккау и Калау. За три дня напряженных боев – с 16 по 18 апреля – войска 1-го УФ прорвали фронт на участке шириной в 55 км и продвинулись на запад до 30 км. Таким образом, они лишь выполнили те задачи, которые были предусмотрены планом на второй день наступления.

Не стоит думать, что форсирование Шпрее обошлось без участия маршала Конева. Нетерпеливый командующий 1-м УФ также помчался вперед к Шпрее, приказав оборудовать НП опять недалеко от берега реки. Хорошо, что хоть фронтовые саперы успели расчистить проходы в минных полях и разминировать лесные завалы. Коневу явно не терпелось оценить возможность быстрого форсирования реки и силу немецкой обороны на другом берегу.

Убедившись вместе с командармами Рыбалко и Лелюшенко, что оборона противника ослаблена, а танки начали вброд форсировать Шпрее (ширина реки была всего около 40–60 метров), маршал несколько успокоился и отбыл на свой НП, оборудованный в баронском доме. Но вот незадача: дом был хорошо виден из-за реки и по нему методично била немецкая артиллерия, правда, не очень точно. Возможно, противник уже успел запеленговать работу развернутой радиостанции. Создается впечатление – подчиненные специально выбирали для своего командующего далеко не безопасный НП, зная его пристрастия к подобного рода «приключениям».

Войска 1-го УФ сравнительно легко форсировали Шпрее, но на плечи саперов опять легла большая нагрузка. Только на участке 13-й армии было наведено два понтонных моста грузоподъемностью 30 и 60 тонн, а также один низководный 30-тонный мост на рамных опорах. Пропускная способность этих переправ была огромной и составляла до тысячи танков или около 3000 автомашин в час, что было уже явным перебором. Кроме того, саперы зачем-то оборудовали еще двадцать бродов.

Всего же в течение трех дней на Шпрее было построено 10 низководных мостов, наведено 20 штурмовых мостиков и 20 наплавных мостов, а также восстановлено три моста. Как говорится, знай наших! Интенсивность переправы войск через Шпрее была обеспечена с большим запасом.

Вопрос о том, зачем был необходим этот явно лишний большой запас, нужно бы адресовать начальнику инженерных войск 1-го УФ генерал-лейтенанту И.П. Галицкому и его начальнику штаба полковнику Слюнину, столь расточительно обошедшимся с имеющимися в их распоряжении громадными ресурсами. Не могли же они не знать, какие силы будут переправляться по мостам. Возможно, они опасались атак немецкой авиации на переправы через Шпрее, что в условиях апреля 1945 г. было крайне маловероятным.

Маршал Конев в мемуарах отметил специфику первых дней операции своего фронта: *«Мне, во всяком случае, впервые за время войны пришлось без всяких пауз форсировать реку и сразу вслед за этим прорывать оборону противника с хорошо развитой системой огня, инженерных сооружений, укреплений и минных полей; затем прорвать вторую полосу обороны и третью — опять-таки с форсированием реки»*. Он не забыл и похвалить самого себя: *«Думаю, что этот единый сплошной процесс развития операции заслуживает внимания с точки зрения оперативного искусства»*.

Конечно, все это правильно. Но маршал почему-то не захотел подчеркнуть, что всю эту новизну в военное искусство внесли его доблестные войска и их умелые командиры.

Одно из свидетельств о наступлении войск 1-го УФ оставил спецкор газеты «За честь Родины» майор С. Борзунов. В конце дня 18 апреля, уже после того как части 3-й Гв.ТА форсировали Шпрее, у него произошла любопытная встреча с маршалом Коневым, который в открытом «виллисе» подъезжал к переправе. Опытный военкор не мог упустить такого удачного случая. Представившись Коневу, который пребывал в хорошем настроении, майор, пользуясь моментом, задал ему вопрос о том, каково его мнение о темпах наступления войск и все ли идет по намеченному плану? Маршал удивился: *«Ничего себе вопрос. Даже тов. Сталин меня об этом не спрашивал, а ты...»*

Видя, что корреспондент несколько стушевался, маршал признал вопрос законным и постарался ответить Борзунову. Вот

как прозвучал его ответ: *«Наступление развивается хорошо, но не на всех участках одинаково. Особенно отстают фланги – левый, да и правый тоже. Отсюда и общий темп наступления ниже запланированного. Это, конечно, тревожит»*.

Конев постарался уверить майора, что *«несмотря ни на что, наше наступление идет, повторяю, в целом успешно»*. Видимо, не все было так успешно, так как маршал тут же пустился в длинные размышления о том, что *«планы, как известно, не догма. Тем более когда речь идет о предмете со многими неизвестными, так как планирование на войне – дело весьма условное»*.

Конев продолжал разъяснять военкору: *«При самой тщательной и всесторонней подготовке к тому или иному бою, особенно к такой широкой многосторонней операции, как Берлинская, учесть все ее тонкости, все нюансы и неожиданности просто невозможно. К тому же планируем-то мы в кабинетной тиши, а выполнять эти планы приходится вот здесь, на поле боя.*

Конечно, на войне происходят всякие неожиданности и непредвиденные обстоятельства, иногда встречается такое, что вынуждает командование в ходе самого боя вносить необходимые коррективы, чтобы как можно меньше людских потерь и как можно больше славных побед».

Вот так многословно, с какой-то ноткой оправдания, маршал объяснил создавшуюся обстановку. Чего в его словах больше – признания в недоработке штабов, в недооценке противника или осознания собственных ошибок? Вероятно, сказывалась и досада, что дело шло не так, как планировалось. Все это вылилось потом в издание грозных приказов с требованиями выполнения тех самых планов, которые, по собственному признанию Конева, не были *«догмой»*. Да, сложен полет мысли крупного советского военачальника...

Конечно, ничего нового маршал не сказал. Тут можно привести высказывание капитана-артиллериста П. Демидова, много повоевавшего на передовой: *«Любое наступление никогда не развивалось по определенному сценарию»*. Поэтому командованию 1-го УФ приходилось импровизировать с разной степенью успеха.

Немцы начали отходить за Шпрее, на третью полосу обороны. Пытаясь удержать вторую полосу, они израсходовали резервы, что значительно облегчило танкистам форсирование реки.

Только на третий день наступления войска 1-го УФ смогли прорвать всю глубину немецкой обороны на Шпрее. Танковые армии наконец-то вышли на оперативный простор и действительно стремительно двинулись к Берлину. Конев хорошо понимал, что бросает свои танковые армии в глубокий прорыв через довольно узкий коридор, на флангах которого еще шли ожесточенные бои с контратакующими немцами.

Видимо, это был фирменный стиль Конева: подобный метод он использовал еще в львовской операции летом 1944 г., вводя две танковые армии через еще более узкий «колтувский коридор». Но Рыбалко и Лелюшенко доверяли командующему. Они были уверены, что он не позволит немцам перерезать пробитый коридор. Конев, будучи, видно, незаурядным психологом с артистическим темпераментом, не только заверял командармов в успехе, но даже хлопал себя по плечам, показывая, как он лично своим присутствием в центре прорыва будет распирать фланги в стороны. Да, оригинальные методы использовал маршал для поддержания боевого духа подчиненных, смело направляя их в оперативную глубину, где впереди уже замаячил Берлин.

Немецкая 4-я танковая армия была рассечена на три оперативно разобщенные части. Поскольку в ходе боев были разгромлены четыре немецкие дивизии, оборонявшие рубеж вдоль Нейсе: 342-я и 545-я ПД, 615-я дивизия особого назначения и МД «Бранденбург», – противник начал переброску резервов на третью полосу обороны. 18 апреля туда, оголяя другие участки фронта, были выведены 275-я и 344-я ПД, 10-я ТД СС «Фрундсберг», а также 2-я ПМД «Герман Геринг».

Всего же немецкое командование, пытаясь задержать наступление войск 1-го УФ на второй и третьей полосах обороны, ввело в бой с 16 по 18 апреля из резерва пять танковых, одну моторизованную и пять пехотных дивизий. Все они в ходе сражения понесли значительные потери, а все оперативные резервы ГА «Центр» были израсходованы. Немцы, конечно, догадывались, чем может закончиться прорыв Красной Армии юго-восточнее Берлина. Их, естественно, пугала возможность выхода на оперативный простор крупной группировки русских войск, в том числе танковых армий, с возможностью маневра на Берлин.

Маршал Конев весьма откровенно признавал, что *«как бы мы там ни дымили... вражеская авиаразведка не могла не засечь*

огромного скопления наших танков». Тем более что из тыла выдвигался второй эшелон 1-го УФ – 28-я и 31-я армии.

Вся 30-километровая глубина вражеской обороны была прорвана силами стрелковых корпусов первого эшелона при поддержке танковых и механизированных корпусов первого эшелона танковых армий. Корпуса вторых армейских эшелонов в бой не вводились, как и вторые эшелоны танкистов. Это обстоятельство обеспечило наращивание усилий в процессе прорыва, стремительность дальнейшего наступления.

Вариант использования танковых армий для прорыва тактической зоны обороны был предусмотрен командующим 1-м УФ, который за это решение никогда не подвергался остракизму, не в пример Жукову, применившему такое же решение, но не добившемуся столь же впечатляющего успеха из-за совершенно другого характера немецкой обороны на участке 1-го БФ.

После прорыва на западный берег Шпрее войска 3-й Гв.ТА продолжали наступление в северо-западном направлении. За сутки части 6-го Гв.ТК прошли 40 км и утром 19 апреля заняли Фетшау, а 51-я Гв.ТБр вышла на подступы к Люббенау. Оборону в Фетшау держал саперный батальон, местный фольксштурм и особый заградительный отряд из Берлина, командир которого был уполномочен расстреливать каждого, кто будет отступать, вплоть до старших офицеров. Танкисты 53-й Гв.ТБр захватили в городе около 600 пленных, большинство из которых – стариков и юнцов – после боя распустили по домам.

В Фетшау действительно готовили сильный оборонительный рубеж, но работы на нем не закончили. Повсюду стояло множество различной инженерной техники. Противотанковые рвы и траншеи только начали копать. Войск в достаточном количестве, чтобы занять этот рубеж, у немцев не было: танки 21-й ТД, двигавшиеся к городу в походной колонне, были подбиты прямо на дороге.

7-й Гв.ТК, громя немецкие тылы, достиг Калау. Танкистам пришлось защищать свои фланги с севера и юга, поскольку немцы пытались неоднократно прорваться к переправе через Шпрее. С севера их атаки отбивала 16-я САБр, а с юга наступление 3-й Гв.ТА прикрывалось частями 4-й Гв.ТА. Части 9-го МехК наступали вслед за танковыми корпусами, также обеспечивая их фланги и тылы.

Завершив прорыв нейсенского оборонительного рубежа, войска 1-го УФ приступили к осуществлению маневра на окружение немецкой группировки, оборонявшейся на берлинском направлении.

19 апреля обе танковые армии продолжили движение на Берлин с юга: 3-я Гв.ТА продвинулась с боями на 30–35 км, а 4-я Гв.ТА еще дальше – на 50 км. Правда, армия Рыбалко не смогла выполнить задачу дня – выйти в район Куммерсдорф – Барут, до которого было 85 км.

В тот же день главные силы 5-го Гв.МК из 4-й Гв.ТА, преодолевая сопротивление остатков немецких 21-й ТД и 344-й ПД, разбитых в предыдущих боях, а также местных отрядов фольксштурма, захватили населенный пункт Кемлиц вблизи Калау. В это время разведка донесла, что города Луккау и Калау обороняются довольно сильными гарнизонами.

Как правило, части корпуса обходили населенные пункты с сильными гарнизонами во избежание снижения темпов наступления в оперативную глубину обороны противника. Конечно, для того чтобы обеспечить надежные пути подвоза и эвакуации, а также связь со своим тылом, некоторые населенные пункты и даже города приходилось брать штурмом и очищать от противника. Так, например, по приказу комкора 10-я МехБр получила задачу разгромить гарнизон Калау, но об этом будет сказано чуть ниже.

Наибольшее внимание Конева в этот день приковывали события на правом фланге – в 3-й Гв.А генерал-полковника Гордова, наступление которой протекало в сложной обстановке. Над ее флангами нависали крупные группировки противника: одна – в районе Котбуса, а другая – в районе Шпремберга. Однако Гордов справился с задачей, отражая немецкие контратаки, даже не вводя в бой два резервных корпуса. Правда, при этом пришлось принимать нестандартные решения. Для отражения удара противника пришлось перебросить на этот участок 1-ю Гв.АД генерал-майора Хусида. Под огнем противника она вброд форсировала Шпрее и, не имея пехотного прикрытия, блестяще отразила мощным огнем все немецкие контратаки.

13-я армия генерал-полковника Пухова, обеспечив ввод в прорыв танковых армий, продвигалась на запад вслед за ними. В ходе боев возникли сложности на флангах. Немцы силами

своей котбусской группировки и 21-й ТД предприняли ряд контратак на юг вдоль восточного и западного берегов Шпрее. Войска 102-го СК уничтожили противника в районе Коппац – Нейхаузен и устранили угрозу правому флангу 13-й армии.

Также были получены данные о движении в тылу армии неких недобитых немецких частей, что обеспокоило командарма. В середине дня 19 апреля на НП Пухова прибыл сам Конев, который при своем движении не обнаружил никаких групп противника, о чем не преминул попенять смущенному командарму. Маршал также намекнул Пухову, что его дело смелее двигаться вперед, а обеспечение флангов и тыла является заботой командования фронтом.

Опять в очередной раз проявилось это ненужное лихачество боевого маршала, разъезжавшего по тылам при отсутствии сплошного фронта без достаточной охраны. Видимо, он не сделал должных выводов из случая с ранением генерала армии Ватутина в начале 1944 г. Да и кто мог ему указывать, самомнение у него было под стать его «другу-сопернику» маршалу Жукову.

Подводя итоги наступления войск 1-го УФ за 19 апреля, можно сказать, что в этот день танковые армии и 13-я армия развивали прорыв в оперативную глубину, а 3-я и 5-я Гв.А расширяли прорыв в сторону флангов, обеспечивая коммуникации танковых армий. Кроме того, эти гвардейские армии готовились к ликвидации угрозы флангам фронта, возникшей на севере в районе Котбуса, и на юге – в районе Шпремберга.

Глава 18
Апрельские хроники

20 апреля

В этот день правый фланг 1-го БФ – 47-я армия, 3-я УА и 2-я Гв.ТА – развивал успешное наступление. Продвинувшись на 20–22 км и прорвав на 15-м участке внешний берлинский оборонительный обвод, войска этих армий успешно приступили к охвату Берлина с севера и прорыву в его северо-восточную часть.

Левый фланг фронта – 5-я УА, 8-я Гв.А и 1-я Гв.ТА – также продолжал двигаться на Берлин с востока, несмотря на подбрасываемые противником подкрепления. Правда, наскрести немецкое командование смогло только пять батальонов фольксштурма и другие отдельные части. Завершив на всем фронте прорыв третьей полосы обороны, войска этих армий продвинулись на запад от 6 до 30 км, а 26-й Гв.СК из 5-й УА даже вклинился во внешний берлинский обвод.

В этот день советские войска, «воодушевленные» призывами командования 1-го БФ, неумолимо продвигались к Берлину. Возможные задержки быстро устранялись, пресекались любые попытки войск хоть как-то перевести дух. Вот, например, командир 29-го Гв.СК генерал-лейтенант Шеменков самовольно перенес начало наступления своих войск всего на один час, чем вызвал дикую вспышку гнева командарма генерал-полковника Чуйкова. Незадачливый комкор был тут же отстранен от должности, так как нужно было обеспечить темпы наступления любой ценой.

Воздушные силы фронта в течение дня групповыми ударами бомбардировщиков и штурмовиков уничтожали живую силу и технику врага, железнодорожные узлы. В период с 16.30 до 17.00 три группы бомбардировщиков из 3-го БАК 16-й ВА осуществили первый налет на Берлин, нанеся мощный бомбовый удар по северо-восточной окраине города.

В официальном труде о Берлинской операции «Последний штурм» утверждалось, что после упорных боев 20 апреля *«сопротивление противника на берлинском направлении было сломлено»*. Этот факт вроде бы подтверждает командир немецкого 56-го ТК генерал Вейдлинг. Он считал, что 20 апреля *«было самым тяжелым днем для моего корпуса и, пожалуй, для всех немецких частей.*

Они понесли огромные потери в предыдущих боях, изломанные и усталые до крайности, не могли больше выдерживать огромного натиска превосходящих русских войск».

По данным вышеупомянутого труда, за период 16–21 апреля потери немецких войск составили: убитыми – более 65 тысяч чел., пленными – 13 038 чел., 292 танка и штурмовых орудий и 566 самолетов. Свои потери на данном этапе оценивались в 223 танка и САУ, 264 самолета. Возможно, это не совсем точные данные.

Немцам было уже не до контратак. На южном фланге 9-й армии продолжали отходить части 5-го ГСК СС, немецкие войска ограничивались в основном наблюдением за маневрами противника. Продвижение русских южнее Барута было замечено – немецкая авиаразведка докладывала о движении около 300 танков и 500 автомашин.

Командование 9-й армии не имело точных данных о ходе боев *«из-за стремительного развития событий»*. В 10.50 генерал Буссе докладывал в штаб ГА «Висла»: *«На участке 11-го ТК СС положение неясное... В лес юго-западнее Мюнхенберга, по всей видимости, ворвались вражеские танки. Повсюду ведется борьба с танками»*. В дневном донесении ГА «Висла» в ОКХ обстановка обрисовывалась уже более конкретно: *«Продвигаясь из района Мюнхенберга на юго-запад, противник прорвал нашу оборону, вышел северо-западнее Фюрстенвальде, атаковал его с севера и попытался форсировать Шпрее западнее города»*.

Начальник артиллерии 9-й армии полковник Велерман, пытаясь сдержать атаки русских силами 408-го и 404-го фольксартиллерийских корпусов, еще сохранивших боеспособность, отмечал, что *«атаки противника в районах главных ударов под Фюрстенвальде и Мюнхенбергом были подготовлены мобильными моторизованными подразделениями артиллерии в ходе получасового усиленного обстрела»*.

20 апреля 56-й ТК вообще вынужден был сражаться с открытыми флангами. Все попытки восстановить связь с соседями не увенчались успехом. Генерал Вейдлинг пытался остановить наступавших русских, прорвавшихся у Букова, бросив в контратаку 18-ю МД и МД СС «Нордланд». Эта попытка оказалась безуспешной из-за превосходства наступавших в огневой мощи.

Эсэсовцы были вынуждены занять круговую оборону на аэродроме, расположенном восточнее Штраусберга, где нача-

лись ожесточенные бои. Утром русская артиллерия вела интенсивный обстрел вражеских позиций. Немцы с трудом сдерживали атаки, но самолеты, стоявшие на ВПП, пришлось взорвать. Тяжелые бои продолжались до вечера, но потом из-за угрозы полного окружения эсэсовцам пришлось поспешно отступить. Все дороги на запад были запружены отступавшими войсками и беженцами. Царила полная неразбериха, немцы в ночь на 21 апреля не знали, насколько далеко смогли продвинуться русские, и пытались нащупать линию соприкосновения войск, высылая разведгруппы.

Из района Врицена наступали части советских 3-й УА и 2-й Гв.ТА, под ударами которых немецкая 309-я ПД 101-го АК была разбита и рассеяна. Чтобы залатать брешь, образовавшуюся между 101-м АК и 56-м ТК, в бой в районе Вернойхена был брошен последний резерв Берлинской комендатуры – караульный полк «Великая Германия». Попытки атаковать силами «караульщиков» окончились неудачей, потери их были велики. В результате этих боев 101-й АК был оттеснен к Финов-каналу. По мере дальнейшего отступления корпус передали в состав 3-й ТА, где 25-я МД, 5-я ЕгД, 11-я учебная БрШО образовали своего рода плацдарм в районе Эберсвальде.

20 апреля командующий ГА «Висла» генерал-оберст Хейнрици приказал, чтобы все боеспособные части из Берлина были переброшены на передовую линию обороны недалеко от города. Командующий 9-й армией генерал Буссе понимал, что имеющимися силами защитить столицу рейха вряд ли возможно, и хотел отойти на запад, но Гитлер запретил отход.

В связи с обострением обстановки велись весьма напряженные переговоры между начальником ОКХ генералом Кребсом и командующим ГА «Висла» Хейнрици. В 12.30 20 апреля последний докладывал, что *«ситуацию почти невозможно контролировать»*. Кребс, ссылаясь на приказ фюрера, настаивал, чтобы *«Буссе командующим 9-й армией держался на Одере»*. Он также требовал от Хейнрици совершенно невозможного: *«закрыть брешь между 9-й армией и Шернером»*. Каким образом это можно было бы сделать, Кребе не указывал, он просто настаивал на своем...

Для Хейнрици подобное поведение начальника не являлось новостью, так как он давно знал Кребса. Вот как командующий ГА «Висла» отзывался о новом начальнике ОКХ: *«Человек, который отказывается верить правде и может изменить черное*

на белое, лишь бы приукрасить истинное положение для Гитлера». Непростые были взаимоотношения и в среде высшего германского генералитета...

На 1-м УФ танковая группировка развивала долгожданное стремительное наступление на север и северо-запад. 6-й Гв.ТК в ночь на 20 апреля продолжал наступать и утром занял Гольсен и выбил немцев из Люббенау. В Гольсене, стоявшем среди болот на автостраде Дрезден – Берлин, завязался упорный бой. Главные силы 53-й Гв.ТБр обошли город по обходной дороге и устремились к Баруту. 20 апреля передовой отряд бригады под командованием майора Ивашкина подошел к Гольсену. Его головная походная застава отбросила немецкий заслон и открыла путь наступлению отряду и всей бригаде.

Бои за Гольсен, где противник сосредоточил крупные силы, сразу же принял напряженный характер. Батальон мотострелков майора М.В. Щеникова даже попал в окружение, и связь его со штабом бригады прервалась. Командир бригады был вынужден для выяснения положения послать в окруженный батальон разведчика старшего сержанта Н.А. Бабаева. Этот лихач средь бела дня помчался на мотоцикле на максимальной скорости выполнять смертельно опасное задание. Увидев подобное, немцы поначалу просто остолбенели и даже прекратили огонь. Только после того, как расторопный разведчик умудрился бросить в их сторону несколько гранат, началась беспорядочная стрельба. Видимо, ведение огня по движущейся мишени не было сильной чертой немецких пехотинцев. Мотоциклист вихрем пронесся мимо ошалевших врагов и очутился среди своих.

Полученные им сведения нужно было побыстрее доставить в штаб бригады. Не придумав ничего лучшего, Бабаев помчался назад той же дорогой, фактически дорогой смерти. Как ни странно, немцам опять не удалось подстрелить этого удачливого «байкера». Видимо, они не могли себе представить, что русский был способен на подобное безрассудство. Правда, несколько пуль продырявили шинель отважного воина, но сам он остался невредим. Сведения, доставленные им, помогли оказать помощь отрезанному батальону, подбросить ему боеприпасы. За свой подвиг Бабаев получил звание Героя Советского Союза.

Хотя, может быть, не надо было подвергать жизнь этого храбреца смертельной опасности? Было бы лучше, если бы

начштаба и начальник связи бригады обеспечили мотострелков надежной радиостанцией и организовали радиосвязь боевых подразделений со штабом. Конечно, это сложнее, чем послать бойца на верную гибель. Выполнит задание – к награде, убьют – пошлем другого. Всего и делов...

Получив боеприпасы, мотострелки майора Щеникова атаковали противника. Они ворвались в его траншеи, где завязалась рукопашная схватка. Немецкое командование, видя, что пехота вот-вот будет смята, спешно направило подкрепление. Его подход сумел заметить начштаба бригады подполковник С.И. Кирилкин. На персональном танке он, исправляя свои же ошибки, настиг противника. В результате этой контратаки было уничтожено до 80 солдат и офицеров и два противотанковых орудия. На этот раз инициативными действиями начштаба помог продвижению мотострелков. Танкисты майора Ивушкина громили немцев в уличных боях, обеспечивая действия десантников, захватывавших укрепленные дома один за другим.

Около 10.00 Гольсен был очищен от противника. Стремительные действия подразделений 53-й Гв.ТБр сорвали планы немецкого командования, которое было вынуждено оттянуть эшелоны с прибывающим к фронту подкреплением для разгрузки в Барут. Здесь были уничтожены танковый и мотопехотный батальоны из 21-й ТД, которая вместе с ТД «Бранденбург» пыталась контратаковать части 3-й Гв.ТА с юга.

Не отставал и сосед 6-го Гв.ТК – 7-й Гв.ТК, части которого в 10.00 заняли Луккау, а к исходу дня 20 апреля достигли района Куммерсдорфа. Главные силы 9-го МехК сосредоточивались севернее Барута. Правый фланг армии прикрывала 16-я САБр, выдвинутая к Люббенау. Левый фланг армии Рыбалко обеспечивали части 4-й Гв.ТА – 5-й Гв.МехК, вышедший в район Ютербога, а также 10-й Гв.ТК, который достиг Луккенвальде.

К исходу дня 20 апреля 10-я Гв.МехБр достигла юго-западных подступов Калау. На подходе к южной окраине города головная походная застава бригады была обстреляна пулеметно-артиллерийским огнем. Командир бригады решил обойти город с запада и нанести удар по противнику с фланга и тыла. Пока головная походная застава пробивалась к центру города, главные силы бригады начали развертываться для атаки. Под прикрытием дыма от пожаров, начавшихся в городе, туда ворвались

танкисты 51-го Гв.ТП подполковника Е.И. Гребенникова с десантом на броне.

Внезапная атака танкистов и двух мотострелковых батальонов была поддержана огнем артдивизиона и минометного батальона. Она вызвала панику в рядах немцев, часть которых бежала из города, а часть попала в плен. Однако полностью очистить город от разрозненных групп противника удалось только утром следующего дня.

Во второй половине дня 11-я Гв.МехБр из 5-го корпуса завязала бой на юго-восточной окраине Луккау, на который с севера и востока наступали части 10-го Гв.ТК.

За день части 3-й Гв.ТА продвинулись на 60 км, а 4-я Гв.ТА – на 45 км!

20 апреля 1945 г. в дневнике ОКВ появилась следующая запись: *«Для высших командных инстанций начинается последний акт драматической гибели германских вооруженных сил»*. Это знаменательное заключение было сделано в день прорыва советских танков из 6-го Гв.ТК к Баруту, находившемуся всего в 18 км от Цоссена, где на протяжении многих лет находились ставка ОКВ, штаб его оперативного руководства, а также Генеральный штаб сухопутных войск.

Около 12.00 этого дня к Баруту первой подошла головная походная застава 53-й Гв.ТБр в составе трех танков. Ее возглавлял командир роты старший лейтенант И.В. Маслов. Он со своими танками внезапно ворвался на станцию Барут и устроил там немцам, по его словам, *«изумительный концерт по заявкам»*.

Вот что вспоминал комроты об этом славном боевом эпизоде: *«Тремя танками я бы такую большую станцию не удержал, да мне и не давали такого приказа... До этого мы прошли почти без боя километров тридцать. На станцию заехали, смотрим, справа от нас останавливается эшелон... Развернули и врезали по эшелону. В вагонах пехота. Долго их крошили, убили очень много немцев. Сколько мы там немцев положили... Будто сама смерть с косой прошла... Сотни трупов... Рядом на платформах стояли восемь новых немецких танков. Их тоже «в капусту». Вроде все вокруг уничтожили. И моя головная походная застава двинулась дальше»*.

Правда, Маслов отмечал, что *«немцы позже смогли организовать оборону станции, и ее окончательно брали силами двух бригад»* – 52-й и 53-й.

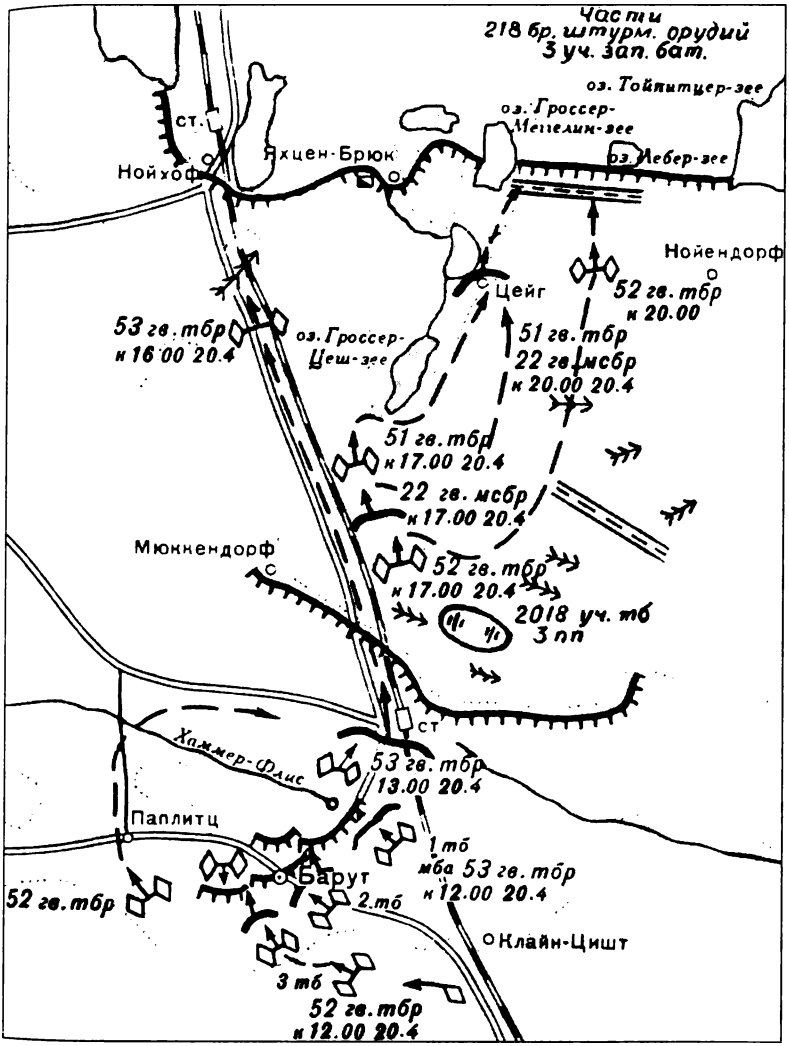
За подобный подвиг Маслову и его подчиненным полагалось, конечно, звание Героя. Вроде бы и наградные листы даже были посланы на утверждение Рыбалко. А потом они куда-то затерялись. За Берлин отважному командиру вручили только орден Александра Невского. Он не унывал: *«...как говорится – и на том спасибо... А могли бы и вообще «забыть», как нередко бывало».*

Но досада у фронтовика, конечно, осталась. В 1975 г. на встрече ветеранов 3-й Гв.ТА он все-таки в сердцах высказался: *«Курист* (командир 52-й Гв.ТБр) *не знает, за что он получил звание Героя; так же как танкисты моей роты не знают, почему они этого звания не получили».* Наверное, боевой офицер, начавший воевать в декабре 1941 г., несколько раз раненный, имел право жестко судить своих командиров, которые не шли в первых рядах в атаку: *«А то привыкли начальники на крови простых танкистов себе карьеру делать и грудь орденами обвешивать...»* Если он и во время войны резал в глаза командирам правду-матку, то становится ясно, почему он Героя не получил.

На подступах к Баруту бригаду встретил сильный и организованный огонь. Хотя для атаки были развернуты главные силы, но первая атака бригады была неудачной. Несколько танков подорвались на неразведанных минных полях. Поскольку взять город с наскока не удалось, командиру бригады пришлось под ключить все виды разведки, в том числе и инструментальную артиллерийскую из приданных бригаде дивизионов 185-го ГАП.

Вот что вспоминал потом комбриг Архипов об этом эпизоде: *«В бинокль Барут просматривался плохо. Его закрывали от нас две насыпи – железной и шоссейной дорог, – идущих параллельно. В основание насыпей были вкопаны огневые точки – доты и дзоты. А перед ними тянулись ряды противотанковых надолбов вперемежку с глубокими рвами. Попытка обойти город вдоль окраин не удалась. К нему с севера и юга вплотную подступали заболоченные леса, где все просеки были перекрыты завалами и начинены минами, а кроме того, прикрыты огнем противотанковых орудий и пулеметов».* Этот оборонительный рубеж готовился заранее без какой-либо спешки.

Во второй половине дня боевые порядки бригады подверглись бомбардировке с воздуха. Реактивные бомбардировщики Ме-262, взлетавшие с аэродрома Темпельхоф, сбрасывали с большой высоты серии небольших бомб, рвавшихся в стороне от позиций. Всего в трех налетах приняли участие 11 Ме-262,



Бой 60-го Гв.ТК по овладению г. Барут
20 апреля 1945 г.

один из которых, летевший на малой высоте, ухитрились сбить зенитчики 286-го ЗенАП, поддерживавшие бригаду Архипова.

Новая атака на Барут началась уже при поддержке корпусной артиллерии и налетевших на позиции немцев «илов». Батальоны 53-й Гв.ТБр атаковали город с трех сторон, а части 52-й Гв.ТБр полковника Куриста – с тыла, с запада. На железнодорожной станции Барут было захвачено пять только что прибывших эшелонов. На платформах стояли 20 «тигров» и «пантер», у большинства из которых имелись неисправности ходовой части и двигателей. Немцы хотели использовать их в качестве неподвижных огневых точек. Среди трофеев было много инженерного имущества и тысячи фаустпатронов. Один эшелон оказался пустым – прибывший в нем батальон пехоты успел выгрузиться. Танкисты разогнали около тысячи солдат, а 100 человек взяли в плен.

Командир 53-й Гв.ТБр полковник Архипов уточнил в мемуарах, что Барут был очищен от противника около 14.00 совместными усилиями его бригады и 52-й Гв.ТБр. Он также писал, что его танкисты севернее Барута захватили рекогносцировочную группу немцев из 12-й армии, в составе которой был даже генерал, но, увы, «не довели». Во время конвоирования пленных в тыл самолеты люфтваффе совершили налет, в ходе которого погибли пятеро солдат, охранявших пленных. При этом в суматохе генералу и части его свиты удалось уйти. За это упущение Архипов получил серьезное внушение от комкора генерала Митрофанова. *«Надо было хотя бы пленного генерала посадить в танк»*, – запоздало указывал генерал своему подчиненному.

Несмотря на успешные действия у Барута, командующий 1-м УФ опять остался недоволен действиями 3-й Гв.ТА. В 17.20 он «подбодрил» командарма Рыбалко «душевной» телеграммой, в которой негативно характеризовались действия танкистов. Вот как подстегивал свои войска маршал Конев: *«Опять двигаетесь кишкой. Одна бригада дерется, вся армия стоит...»* Конев указал Рыбалко на необходимость быстрейшего преодоления рубежа Барут – Луккенвальде по нескольким маршрутам развернутым боевым порядком. Для выполнения этого указания командарм Рыбалко из-за правого фланга 6-го Гв.ТК развернул 9-й МехК. После этого вся армия возобновила наступление на Берлин.

Успешное наступление танковых армий создало благоприятные условия для боевых действий общевойсковых армий

фронта. В полосе наступления 5-й Гв.А, на ее правом фланге, действовала шпрембергская группировка противника, в которую входили ТД «Охрана фюрера», 10-я ТД СС «Фрундсберг», 344-я ПД, запасной пехотный полк и другие части. Немцы предприняли ряд ожесточенных атак на позиции 5-й Гв.А и на некоторое время задержали ее наступление. Правофланговой 95-й Гв.СД не удалось выйти к Шпрее и ворваться в Шпремберг.

По этому поводу командующий 1-м УФ маршал Конев высказал неудовольствие командарму генерал-полковнику Жадову. Он потребовал быстрее ликвидировать шпрембергский узел сопротивления, не допустить прорыва противника в тыл фронта с юга, разгромив его группировку в районе г. Вейсвассер.

В 17.00 19 апреля была введена в бой 78-я Гв.СД генерал-майора З.Т. Трофимова. Справа от нее должна была наступать 95-я Гв.СД, а слева – 13-я Гв.СД. Трофимов принял решение начать наступление в ночь на 20 апреля. Передовые батальоны полков были выстроены на опушке леса поротно в одну линию. Так, чтобы бойцы касались друг друга локтями. В каждом взводе назначили подносчиков боеприпасов, а каждое отделение обеспечили ракетницей для обозначения своего переднего края. Всем стрелковым ротам были приданы саперы для разминирования и ликвидации заграждений, которыми был насыщен лес. Решение наступать ночью в плотных боевых порядках было довольно рискованным, но оправдало себя.

По сигналу с НП бойцы, открыв сильный автоматный огонь, начали двигаться в глубь леса. К бою подключились артиллерия и минометы, которые сопровождали наступление пехоты, расчищая ей путь. Немцы явно не ожидали такой ночной атаки. Они вели беспорядочный огонь, освещали поле боя ракетами, пытались контратаковать, но каждый раз попадали под губительный автоматный и артиллерийско-минометный огонь и были вынуждены отходить.

Результаты ночного боя были признаны успешными. Части 78-й и 95-й Гв.СД разгромили противостоящего противника и вышли к 04.00 20 апреля к Шпрее. Но попытка с ходу форсировать реку и ворваться в центр Шпремберга не удалась. Пехота залегла на опушке леса в 150 метрах от Шпрее. Немцы, прикрываясь домами, вели непрерывный огонь по подразделениям гвардейцев.

Только в 11.00, после проведения мощной 30-минутной артподготовки и сильных ударов авиации, части 78-й Гв.СД при поддержке подразделений других дивизий смогли форсировать Шпрее, ворвались в центр Шпремберга и в упорных уличных боях к 20.00 полностью овладели городом. Передовые батальоны полков 78-й дивизии, отбивая яростные немецкие контратаки, вышли на западную окраину города, где и закрепились. Забегая вперед, надо сказать, что всю ночь на 21 апреля учебный и саперный батальоны, а также разведрота дивизии очищали подвалы зданий от засевших там немцев.

К утру были взяты в плен около 400 человек. В этом скоротечном и ожесточенном бою немцы потеряли убитыми более 350 человек, были подбиты и сожжены 12 танков, захвачены три бронетранспортера, две минометные батареи, более 50 складов с боеприпасами и различным боевым снаряжением.

В результате согласованных действий 3-й Гв.А, 13-й и 5-й Гв.А немецкие группировки, оставшиеся на флангах прорыва 1-го УФ в районах Котбуса и Шпремберга, были не только лишены возможности ударить по основанию прорыва с севера и юга, но и сами оказались в окружении. Прорыв русских в районе Котбуса оценивался в ставке Гитлера как катастрофа, приведшая к крушению Восточного фронта и к окружению Берлина.

Действительно, войска 1-го УФ глубоко вклинились в расположение противника и на исходе дня полностью отсекли ГА «Висла» от ГА «Центр». Фронт немцев был в этот знаменательный день фактически рассечен на две части. Угроза окружения Берлина становилась вполне реальной. Несмотря на успешное развитие событий, Конев, которого не устраивала задержка с ликвидацией котбусского узла обороны, провел, по его словам, необходимую *«воспитательную работу»* с командармом 3-й Гв.А генерал-полковником Гордовым.

Доставалось от маршала и командирам рангом пониже. На одном из участков фронта во время контратаки немецких танков командир 7-го АртК генерал-лейтенант Корольков в азарте боя, чтобы лучше управлять своей артиллерией, забрался на самую верхушку единственной на всю окрестность высокой заводской трубы. В момент приезда грозного начальника комкор с телефоном сидел на этой трубе, подвергая свою жизнь большой опасности. Когда Корольков, слегка запыхавшись, слез с трубы,

чтобы встретить командующего, маршал высказал ему неодобрение по поводу пребывания на трубе и отругал за ненужный риск. Однако Конев в душе питал уважение к таким рисковым командирам, к числу которых принадлежал и один из самых талантливых артиллеристов 1-го УФ, генерал Корольков.

Куда забирался и как рисковал сам командующий 1-м УФ, можно будет увидеть чуть позже. Все его мысли были направлены в сторону Берлина. Конев предупредил командующих армиями, начальника тыла фронта генерал-лейтенанта Анисимова, члена ВС генерал-лейтенанта Кальченко и начальника дорожного управления генерал-майора Олехновича о том, чтобы полковые, дивизионные и армейские обозы дальше Шпрее на запад не переводили, чтобы не забивать пути подвоза наступающим войскам снарядов и горючего. Разрешалось только движение транспорта, подающего войскам самое необходимое.

Это своевременное распоряжение во многом способствовало успешному наступлению войск фронта, маневрированию их в нужном направлении. Кроме этого, учитывая сложившуюся обстановку, Конев в ночь на 21 апреля принял решение ввести в действие 28-ю армию генерал-лейтенанта Лучинского с целью развития успеха в сторону Берлина и наращивания усилий по разгрому противника в лесах юго-восточнее Берлина.

28-я армия также должна была частью своей пехоты усилить быстро наступавшие на Берлин танковые армии, а также участвовать в завершении окружения немецкой 9-й армии. Ей предстояло сделать стремительный бросок: к исходу дня 21 апреля две стрелковые дивизии, отставшие в тот момент от передовых частей 3 Гв.ТА на 110 км, должны были сосредоточиться в лесу в районе Барута!

Забегая вперед, надо отметить, что ввод в бой 28-й армии оказался весьма своевременным, так как 3-я Гв.А, охватывавшая франкфуртско-губенскую группировку с юга и юга-запада, к исходу 20 апреля сильно растянула свой фронт.

В конце дня ажиотаж в гонке фронтов к Берлину достиг апогея. Оба командующих вечером этого дня почти синхронно выдали своим войскам очередные «ценные указания» о скорейшем прорыве к Берлину. В 19.40 в телеграмме командармам Рыбалко и Лелюшенко маршал Конев с некоторым налетом паники сообщал, что *«войска маршала Жукова в 10 км от восточ-*

ной окраины Берлина. Приказываю обязательно сегодня ночью ворваться в Берлин первыми». А ведь танкистам до столицы рейха оставалось пройти еще около 60 км!

Уже в 23.50 маршал бронетанковых войск Рыбалко поставил своим корпусам – 6-му и 7-му Гв.ТК и 9-му МехК – задачу на прорыв. Он потребовал *«во что бы то ни стало к утру 21 апреля ворваться в Берлин»*, чуть подкорректировав своего «борзого» командующего. Жуков же несколько запоздал со своим указанием войскам, которое, по мнению историка Мерцалова, было обусловлено тем, что он узнал о приближении к Берлину с юга 3-й Гв.ТА.

Совпадение содержания грозных указаний весьма симптоматично. Видимо, кто-то информировал маршала об успехах соперника. Телеграмма Жукова была отправлена командующим 1-й и 2-й Гв.ТА в 21.50. Она была составлена не в столь жестких выражениях, как ранее: *«Вашей армии поручается историческая задача: первой ворваться в Берлин и водрузить Знамя Победы».*

Маршал приказал танкистам: *«Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачу: не позднее 04.00 утра 21 апреля любой ценой прорваться на окраину Берлина и немедля донести для доклада т. Сталину и объявления в прессе».* Предельно ясно, даже комментировать особенно нечего. Жуков очень торопился выиграть гонку и срочно доложить Верховному.

В истории 11-го Гв.ТК отмечено, что эта телеграмма, конечно, вызвала *«огромное воодушевление»* в рядах танкистов. Странные люди. Их посылают первыми на смерть, кстати, не очень обдуманно и целесообразно, а у них это *«вызывает огромное воодушевление»?* Нашим современникам трудно понять солдат 1945 г. Что двигало ими тогда под Берлином? Самопожертвование? Вряд ли. Скорее, русский кураж, надежда на «авось не убьют», да и сказывалась гордость за свою часть, соединение, армию. Надо отметить, что и политработа была тогда на высоте. Тем более что свою цель – поскорее закончить войну – все прекрасно осознавали. Да и посчитаться с немцами было за что...

Правда, как писал комкор Бабаджанян, телеграмма Жукова вызвала у него двойственное чувство: с одной стороны – *«безмерная радость и гордость»*, а с другой – огорчение, что эта телеграмма узаконила использование танковой армии как общевойскового соединения. Бабаджанян вспоминал, что *«мы не*

могли не знать, что ждет танковую армию в уличных боях...». Но как утверждал боевой командир, прошедший всю войну: *«...чувство гордости взяло верх!»* О чем это говорит? Если даже сделать скидку на некоторую экзальтированность бравого армянина, это, вероятно, свидетельствует о том, насколько горячо воины-танкисты желали поскорее закончить эту проклятую войну в побежденном Берлине! Не хотелось бы думать, что все это домыслы последующего времени. Ведь острота восприятия не забывается с годами...

Эта телеграмма Жукова в то же время практически перечеркивала его же собственное указание об обходе Берлина с юга силами 1-й Гв.ТА. Командарму Катукову пришлось срочно начать перегруппировку 8-го Гв.МехК и прекратить переправу его частей через Шпрее. Переправа 19-й и 21-й Гв.МехБр уже шла с 01.30, а задача была поставлена в 02.00. Необходимо было снять понтонный парк, а ведь в это время 1-я Гв.ТБр и 20-я Гв.МехБр еще отбивали немецкие контратаки.

Таким образом, 8-й Гв.МехК вместо обхода направили прямиком на знаменитый Карлсхорст, где потом была «оформлена» капитуляция Германии. Задача была, конечно, нереальная, но тем не менее приказ надо было выполнять и желательно не любой ценой.

В ходе наступления командование 1-го БФ начало понимать, насколько близко к сердцу многие артиллеристы приняли призыв командующего артиллерией фронта Казакова бороться за честь сделать первый выстрел по Берлину. Ну нельзя было даже во время войны жить без соцсоревнования! Хоть смейся, хоть плачь! Донесения об этом «первом» выстреле по Берлину начали поступать еще 18 апреля. Элементарная проверка – сравнивались расположение огневых позиций стрелявших и дальность стрельбы их орудий – сразу же доказывала лживость этих сообщений. «Туфта» и тут выплыла, так как спрос рождал предложение.

Конечно, никого в недобросовестности упрекать не стали, делая скидку на энтузиазм. Тем более что оправдания у стрелявших нашлись бы: не знали, мол, точных границ города. Чтобы пресечь на корню эти поползновения отличиться, штаб артиллерии отдал по частям распоряжение: в донесениях указывать точные координаты огневых позиций и цели. Тут уж обман был практически исключен.

Подведя итоги стрелкового «соцсоревнования» определили: первым огонь по Берлину в 11.00 20 апреля из 122-мм гаубиц с дальностью стрельбы до 20 км открыл 1-й дивизион 30-й Гв.ГАБр 47-й армии под командованием майора Зюкина. Чуть позже – в полдень – открыла огонь по столице рейха 136-я ГАБр 79-го СК из 3-й УА, вышедшей к городу с северного направления.

В то время как советские летчики только еще начинали осваивать берлинское небо, союзники завершали свою бомбардировочную эпопею над имперской столицей. 20 апреля они решили преподнести русским войскам очередной «подарок». В ясную, солнечную погоду американская авиация совершила последний массированный налет на Берлин, который продолжался около двух часов – с 12.00 до 14.00. С 24 апреля должна была начаться переброска американской 8-й ВА на Дальний Восток, поэтому янки старались закончить свои дела в Европе.

На совещании начальников генштабов союзников, проходившем на острове Мальта еще 30 января 1945 г. – до начала Ялтинской конференции, – был пересмотрен план бомбардировок Германии. На первом месте среди приоритетов теперь стояли налеты на Берлин, Лейпциг и Дрезден, то есть города, которые впоследствии попали в советскую зону оккупации. Позднее – 6 апреля – командующий британским Бомбардировочным командованием маршал Харрис заявил: *«В Германии не осталось ни одной подходящей мишени для стратегических бомбардировок»*. Днем позже крупномасштабные налеты английской авиации были прекращены.

Видимо, американцы думали иначе. Какова была цель их налета, который отличался особо высокой интенсивностью? Количество сброшенных бомб превысило среднемесячные показатели в два раза. Удар по площадям вряд ли мог облегчить наступление советских войск, скорее наоборот – разрушения после бомбардировки могли только затруднить их продвижение. Возможно, американцы хотели загодя продемонстрировать восточным союзникам мощь своей стратегической авиации.

Конечно, этот налет можно было воспринимать и как «последнее прощай» немцам в Берлине, которых янки и раньше не особенно жалели. Так, 28 марта на Берлин совершили налет 1200 американских бомбардировщиков. Кроме того, недостатка в бомбах на авиационных складах союзники явно не испытывали.

Война заканчивалась, так не везти же боеприпасы назад в США. Затраты на это мероприятие были бы значительно больше, чем сброс бомб при налете на Берлин, ПВО которого к тому времени была сильно ослаблена. Не нужно забывать, сколько зенитных орудий было переброшено для защиты Зееловских высот.

Может быть, американцы решили преподнести своеобразный «подарок» фюреру в день его рождения. Этой же мысли придерживался и генерал-полковник Альфред Йодль, начальник оперативного штаба ОКВ. Когда в Берлине завыли сирены воздушной тревоги, он, вернувшись домой в 03.00 после совещания в бункере рейхсканцелярии, сказал жене: *«Держу пари, Берлин получит сегодня дополнительную порцию бомб. Так всегда бывает в день рождения Гитлера»*. Генерал оказался провидцем. Правда, он почему-то не заметил бомбардировки, произведенной советской авиацией в 06.30, – видимо, еще спал...

Главным событием дня в Берлине стало, конечно, празднование дня рождения Гитлера, которому 20 апреля 1945 г. исполнилось 56 лет. Не мог остаться в стороне от столь «знаменательного события» и министр пропаганды. 19 апреля Геббельс в вечернем обращении к нации по этому случаю сказал: *«...никогда прежде ситуация не была столь неопределенной, как сегодня. Можно сказать, что мы балансируем на лезвии бритвы»*. Если с первой частью высказывания можно поспорить, ведь конец Третьего рейха неумолимо приближался, то со второй частью можно только согласиться.

Верный соратник Гитлера в своем выступлении в весьма напыщенных выражениях сообщил немцам, что *«счастливая звезда... смотрит на фюрера и на нас всех»*. Он призвал *«бросить в лицо врагу не белый флаг, которого враг ожидает, а свастику»*. Геббельс надеялся, что *«господь отбросит Люцифера... Германия в час опасности отметит свой величайший триумф. Никогда история не скажет, что народ покинул своего фюрера или что фюрер покинул свой народ. И все это обещает победу»*.

Для традиционных поздравлений уже не оставалось времени. Что же вещал дальше колченогий пропагандист: *«...наше время печали и страданий находит свое единственное достойное олице-*

творение в лице фюрера. Ему, и только ему, мы должны выразить свою благодарность за то, что Германия до сих пор существует и что Запад со всей его культурой и цивилизацией еще не провалился в пропасть...» И далее Геббельс продолжал: *«...наши враги несут бедность и печаль, хаос и разруху, безработицу и голод... С другой стороны, у нас есть четкая программа возрождения».*

Не совсем понятно, на какой интеллектуальный уровень слушателей рассчитывал рейхсминистр, витийствуя у микрофона. Геббельс также предсказал, что через несколько лет страна снова возродится. И это его предсказание сбылось, но Германией тогда руководили уже не нацисты.

Тем более удивительным выглядит следующее его предсказание о том, что только фюрер мог привести к победе. Для идеального нациста было ясно – если нация будет верить до конца, то *«его дух в конце концов восторжествует и, как птица феникс, возродится из пепелища временного поражения».* Тут Геббельса занесло в мистику. Слишком печальным получился его панегирик фюреру, больше похожий на надгробное слово...

В честь дня рождения Гитлера жителям Берлина выдали «кризисный паек», который в духе черного юмора шутники, несмотря ни на что, еще остававшиеся в столице рейха, называли *«пайком праздника Вознесения»*, намекая на скорое переселение душ берлинцев на небо.

Состав этого пайка в разных источниках различается. Что же входило в состав последнего подарка нацистских бонз своим соотечественникам? Вот перечень выданных продуктов:

– 400 грамм мяса (бекона, колбасы и т.д.),
– 200 грамм риса или овсянки,
– 200–250 грамм сухой чечевицы, гороха или бобов,
– 400–800 грамм сахара,
– банка консервированных овощей или фруктов,
– одна унция кофе,
– один пакет эрзац-кофе,
– один пакет жиров.

Надолго ли могло хватить подобного запаса продовольствия берлинцам? Эта последняя раздача продуктов гражданскому населению привела к образованию очередей на улицах города, что при начавшихся артобстрелах вызвало жертвы среди мирного немецкого населения.

В прошлые годы было принято, что около полуночи 20 апреля личный штаб Гитлера в полном составе приходил к нему с поздравлениями. Но на этот раз фюрер заранее предупредил, что не будет принимать поздравлений. Однако несмотря на это, в приемной около полуночи собралась вся его челядь – Бургдорф, Фегеляйн, Шауб, Альбрехт, Гюнше, Хевель и Лоренц. Гитлер передал собравшимся, что у него нет времени. Тогда Фегеляйн «по-родственному» пошел к Еве Браун и попросил ее уговорить Гитлера принять поздравления.

После этого фюрер, поддавшись на уговоры, нехотя вышел в приемную, небрежно пожал всем руки и удалился. Не думается, что подобный день рождения мог доставить ему удовольствие. Вряд ли даже самые теплые поздравления могли скрыть картину приближающейся катастрофы. Потом его смогли поздравить личные пилоты Баур и Бетц, начальник охраны Раттенхубер, советник Хегль и эсэсовец Шедле. Все это было незадолго до ночного совещания, которое продолжалось очень недолго.

Около 15.00 в саду рейхсканцелярии собрались депутации от гитлерюгенда во главе с Аксманом и от ГА «Центр», комендант ставки полковник Штреве с несколькими офицерами, командир охранной роты фюрера оберштурмфюрер Дробе с несколькими солдатами роты. То есть декорум был соблюден, несмотря на создавшуюся обстановку. Ввиду того, что Гитлер очень неохотно выходил из бункера, депутации выстроились в одну шеренгу у самого входа.

Гитлер в сопровождении военно-морского адъютанта Путткамера и камердинера Линге прошел в сад. Там его поджидали Гиммлер, Борман, Бургдорф, Фегеляйн, Хевель, Лоренц, врачи Морелль и Штумпфэггер, адъютанты Шауб, Альберт Борман, Альбрехт, Йохан Мейер, Белов и Гюнше. Фюрер поздоровался со всеми и пошел к депутациям. Сгорбившись, как старик, и волоча ноги, Гитлер медленно прошел вдоль фронта, потрепав по щекам мальчишек из гитлерюгенда (этот исторический кадр кинооператор даже успел запечатлеть).

Руководители депутаций поздравили его, офицер вручил фюреру от фельдмаршала Шерпера поздравительный адрес в кожаном переплете. Потом собравшиеся встали перед ним полукругом и Гитлер глухим голосом начал произносить высокопарную речь, но вскоре чуть ли не на полуслове прервал ее. Види-

мо, он почувствовал, что уже не сможет ни в чем убедить собравшихся и только вызывает жалость. По свидетельству историка Райана, в саду рейхсканцелярии состоялся даже небольшой парад подразделений 10-й МД СС «Фрундсберг».

За двадцать минут до начала дневного совещания прибыли с поздравлениями Геринг, Риббентроп, Дениц, Кейтель и Йодль, каждого из которых Гитлер принял отдельно в своем кабинете, куда гостей пропускал Линге. Он слышал, что Геринг и Кейтель клялись в нерушимой верности и в том, что останутся с ним до конца. Риббентроп, переговорив с фюрером около десяти минут, уехал из бункера, изображая бурную деятельность в этот трагический для Германии момент, а остальные присоединились к участникам совещания.

По словам Шпеера, Гитлер еще 19 апреля собирался покинуть Берлин и перебраться в «Альпийскую крепость», но за ночь вдруг внезапно изменил свое решение. Потому на совещании 20 апреля все принялись его убеждать перенести ставку в Оберзальцберг. Геринг даже подчеркнул, что магистраль через Баварский лес пока еще свободна. Гитлер тут же разгорячился: *«Как я могу призывать войска стоять до конца в решительной битве за Берлин и тут же покинуть город и перебраться в безопасное место»*. И потом дрогнувшим голосом патетически произнес: *«Я всецело полагаюсь на волю судьбы и остаюсь в столице. Если судьба захочет, то в последний миг даст мне возможность вылететь в Оберзальцберг»*. Артист до мозга костей, он не отрезал себе путь к отступлению.

Но когда Геринг после совещания попросил разрешения покинуть Берлин, Гитлер посмотрел на него отсутствующим взглядом, произнес несколько ничего не значащих фраз и совершенно равнодушно пожал ему руку. Кстати, Шпеер отметил, что рейхсмаршал сменил свой традиционный серебристо-серый мундир на сшитую из серо-коричневого сукна форму и заменил свои огромные золотые погоны на обычные матерчатые. *«Точь-в-точь – американский генерал»*, – заметил один из присутствующих. Но фюрер не обратил на это никакого внимания.

Шпеер проницательно заметил, что *«один из руководителей рейха пусть скрытно, но дистанцировался от фюрера»*. Немудрено, что вслед за Герингом это поспешили сделать и другие немецкие бонзы, но было уже поздно. Вообще-то все окружение

фюрера было буквально одержимо мыслью об эвакуации. Никто не хотел умирать вместе с ним в Берлине, хотя вслух говорилось совершенно иное. После войны адъютант фюрера Шауб показал следователям в Нюрнберге: *«Гитлер был глубоко разочарован и даже потрясен желанием своих паладинов бросить его. Он лишь опускал голову и молча прощался с людьми, которых когда-то наделил властью»*.

Вопрос об эвакуации из Берлина был, конечно, не нов. Задумки о подготовке места для возможной передислокации возникли у нацисткой верхушки еще в конце 1944 г.

На первых порах, когда Красная Армия вплотную подошла к границам рейха, нацистские главари были намерены эвакуироваться в летнюю резиденцию Гитлера в Берхтесгадене, которая находилась на границе Австрии и Германии. Еще 7 апреля 1945 г. министр иностранных дел Германии Риббентроп сообщил японскому послу генералу Осиме о *«необходимости перевода германского правительства временно в Южную Германию»*. Можно себе представить, насколько был шокирован этим сообщением представитель союзной державы.

В связи с тем, что Красная Армия, овладев столицей Словакии г. Братислава, повела стремительное наступление на Вену, а американцы уже приближались к Мюнхену, создавалась довольно ощутимая угроза Берхтесгадену. Поэтому вариант эвакуации в данный район начал вызывать у верхушки Третьего рейха некоторые сомнения.

Когда началось наступление 1-го БФ на Одере, вопрос об эвакуации из Берлина встал очень остро. Вот что показал потом по этому поводу начальник личной охраны Гитлера Раттенхубер: *«16 апреля состоялось совещание у фюрера по вопросу эвакуации (в присутствии Бургдорфа, Баура, Мейера), но Гитлер тогда не дал санкции на отъезд, так как считал, что не пришло время»*. Но уже 20 апреля ввиду угрожающего развития событий Борман начал принимать меры для скорейшего перенесения ставки фюрера в Оберзальцберг. Он также продолжил свои переговоры по вопросу эвакуации имперских учреждений из Берлина со статс-секретарем Критцингером.

Таким образом, весь день 20 апреля прошел в ставке в приготовлении к отъезду. Один из офицеров ставки подтверждал, что за несколько часов до его доклада фюрер принял реше-

ние перенести свою ставку, штаб верховного главнокомандования, а также ОКХ и ОКВ в так называемую «Альпийскую крепость», то есть в район Берхтесгадена и даже южнее.

Еще во время совещания у Гитлера, которое началось в 16.00, Борман поспешно вышел из комнаты и приказал срочно найти личного шофера фюрера – оберштурмбаннфюрера Кемпку, который должен был подобрать колонну автомобилей для перевозки фюрера и его личного штаба в Оберзальцберг. Значит, на тот момент вопрос об эвакуации, вероятно, обсуждался на совещании, но решение об этом еще не было принято.

Для целей эвакуации даже было подготовлено около 20 больших вездеходов, несколько автобусов и десять грузовиков. Для Гитлера предназначался бронированный автомобиль. Кемпка также затребовал из арсенала Шпандау еще два бронетранспортера. Все это выглядело сплошной импровизацией и явно смахивало на паническое бегство. Неужели Борман рассчитывал спокойно доехать до Оберзальцберга при полном господстве в воздухе авиации союзников?

Тем не менее камердинер Гитлера Линге велел упаковать все личные вещи фюрера, кроме одежды, которую тот носил каждый день. К отправке на юг было также подготовлено около 50 больших ящиков с военными документами, поступавшими во время войны к Гитлеру из ОКВ, ОКХ, ВМФ, ВВС и от ведомства Шпеера. Они ранее были перевезены в рейхсканцелярию из ставки в Растенбурге.

По приказу Бормана диетическая повариха Гитлера Констанция Манциарли упаковала все продукты, оставив запас всего на несколько дней. Даже камеристка Евы Браун Лиэль то и дело справлялась у камердинера Линге, не нужно ли ей упаковывать вещи. Линге посоветовал ей на всякий случай все уложить, так как отъезд может произойти совершенно неожиданно.

Вечером 20 апреля после совещания с Гитлером рейхслейтер Борман сообщил, что части имперских учреждений должны выехать на юг через два часа (видимо, они уже сидели на чемоданах), иначе путь туда будет закрыт. В этот же день он сделал запись в своем дневнике о вылете «передовой команды» в Зальцбург. По указанию Бормана на юг начали срочно отправляться чиновники высших немецких государственных и партийных органов, а также архивы различных учреждений. Длинные

колонны больших правительственных автомашин черного цвета повезли руководящих работников министерств и ведомств в заранее приготовленные помещения в Южной Германии.

Наряду с эвакуацией имперских учреждений Гитлер приказал своему эконому Артуру Канненбергу вывезти из Берлина все ценные вещи, которые принадлежали ему лично. Дорогие гобелены, ковры, картины, мебель были вывезены в замок Морицбург, находившийся в 15 км от Дрездена. Скульптуры и статуи, вывезенные из Италии, были отправлены в район Штутгарта. Личная библиотека была отправлена в Бад-Аусзее, в районе Зальцбурга, где были построены надежные бомбоубежища. Государственный фарфор, стоивший много миллионов марок, которым пользовались на правительственных приемах, был вывезен в Байрейт.

Весьма странная картина вырисовывалась. Смерть буквально дышала фюреру в затылок, а его все одолевали мирские заботы...

После совещания с Герингом, который еще не успел убежать, Борман уточнил, что министры тоже должны срочно покинуть Берлин, потому что, как выяснилось, вылеты из столицы затруднены. По утверждению американского историка Погью, в ночь на 21 апреля началась эвакуация министров и персонала в г. Бутин, между Любеком и Килем.

Но об отъезде Гитлера из Берлина пока ничего не говорилось. По свидетельству немецкого исследователя Иоахимсталера, около 22.00 20 апреля Гитлер сообщил своему личному штабу (адъютанты, секретари, враги, офицеры команды сопровождения, пресс-секретари, стенографисты и т.д.): *«Положение в последние дни так изменилось, что я вынужден распустить штаб»*. Затем добавил, что сам он отправится в Южную Германию.

Основным пунктом повестки дня оперативного совещания днем 20 апреля стал вопрос о том, как можно осуществлять единое политическое и военное управление, когда советские и американские войска разделят Германию на две части – северную и южную. Именно тогда и последовало разделение штаба оперативного руководства вермахта на оперативный штаб «Север» (А) и оперативный штаб «Юг» (В). В этот же день Деницу было направлено сообщение о том, что он должен приступить к исполнению своих обязанностей, намеченных еще 15 апреля, в

случае если связь по суше между северными и южными частями Германии окажется прерванной. Отсюда можно было сделать совершенно однозначный вывод о том, что Гитлер собирался в это время отбыть в южном направлении.

Но потом что-то застопорилось. Советские историки считали, что решение остаться в Берлине Гитлер и его окружение приняли еще на совещании в рейхсканцелярии 6 апреля 1945 г. С этим трудно согласиться, учитывая все вышеперечисленные приготовления к отъезду 20 апреля. Считается, что Гитлер до последнего момента рассчитывал на неминуемый разрыв отношений между союзниками. Он вроде бы должен был понимать, что если со своим окружением покинет столицу рейха, то шансы на возможность сговора с Западом станут совсем ничтожными.

Возможно, это и так, хотя эти рассуждения выглядят довольно-таки прямолинейно. Правда, сам Гитлер, если ему можно верить, приводил иные соображения на этот счет. Одна из его секретарш – Траудль Юнге – потом вспоминала: *«...вечером 20 апреля все поздравлявшие набились в маленький кабинет. Гитлер молчал, уставившись перед собой. Мы спросили его, не хотел ли он покинуть Берлин. «Нет, я не могу, – ответил он. – Я напоминаю себе буддийского проповедника, вращающего пустую молитвенную мельницу. Я должен решить исход боя здесь, в Берлине, – или погибнуть!»* Видимо, в тот момент он уже подходил к принятию решения остаться в Берлине, хотя все его окружение ждало совсем другого решения — о срочной эвакуации.

Руководители ОКВ Кейтель и Йодль в этот день еще находились на своем КП в Далемсе – южном пригороде Берлина. Видимо, там по согласованию с Гитлером и было принято решение о переводе ставки, штаба оперативного руководства, ОКХ из «Майбаха» в Цоссене в здание школы ПВО в Ваннзее (в районе Потсдама), где оставались около 400 из 1500 служащих ОКВ. Именно решение, а не сам перевод. В дневнике ОКВ за 20 апреля отмечалось, что обстановка вынуждает перенести из Цоссена на север ставку Верховного командования, штаб-квартиру штаба оперативного руководства и генштаб сухопутных войск, так как *«вдали уже слышались выстрелы танковых пушек»*.

Американский исследователь Погью также утверждал, что *«в ночь с 20 на 21 апреля германское верховное командование покинуло Цоссен и перешло в Ваннзее, а потом в Штруб около*

Берхтесгадена». Вряд ли с этим высказыванием можно согласиться, тем более что не совсем ясно, что именно американский историк понимает под термином «верховное командование».

Кроме того, в работе историка Проэктора утверждалось, что в ночь на 21 апреля из Берлина самолетами отбыли к месту назначения штабы верховного командования «Север» и «Юг». Вероятно, их состав представлял собой какие-то чисто импровизированные образования на базе существовавших отделов ОКВ и ОКХ. Известно, что туда была отправлена значительная часть отделов. Вот это утверждение явно более соответствует действительности.

Впрочем, к вопросу о судьбе военного аппарата немецких штабов еще придется вернуться при описании боев за Цоссен. Ведь именно отсюда стартовал последний «забег» высших органов руководства по сужавшейся, как бальзаковская «шагреневая кожа», территории Германии, подконтрольной нацистам, и который затем финишировал в Мюрвике 3 мая 1945 г. Незавидной была участь немецких генштабистов.

Правда, стоит отметить, что все дальнейшие импровизированные местонахождения высших военных инстанций рейха располагали достаточно устойчивой связью всех видов с рейхсканцелярией и с войсками.

21 апреля

Наиболее интересные и важные события произошли в этот день на участке 1-го УФ, которому пришлось не только обеспечивать свои фланги, но и двигаться на запад и северо-запад к Берлину. 3-я Гв.А в течение всего дня вела бои с ожесточенно сопротивляющейся котбусской группировкой немцев, отрезанной от коммуникаций и прижатой к болотистой пойме Шпрее. К исходу дня части армии продвинулись на 9–12 км, и немцы начали отход в лесной массив на северном берегу реки.

3-я Гв.А генерал-полковника Гордова уже сильно растянула свой фронт в ходе наступления, и у командарма возникло вполне естественное опасение, что он своими силами не сможет сдержать немцев в случае их возможного прорыва. Конев вновь выразил ему неудовольствие по поводу «промедления» в ликвидации группировки немцев. Конечно, маршал понимал, что у противника в районе Котбуса была сильная противотанковая оборона,

да и сама местность не особенно благоприятствовала действиям танков. Тем не менее он приказал ввести в бой из второго эшелона 25-й ТК – подобный диссонанс в своих рассуждениях Конев так и не удосужился объяснить в мемуарах. Несмотря на все им же сказанное по поводу характера местности в районе Котбуса, он считал, что Гордов *«излишне медлил и неуверенно использовал подвижность танковых войск»*.

Неизвестно, какова была бы реакция командующего 1-м УФ, если бы его подчиненный *«правильно и решительно»* путем *«быстрых маневренных действий»* загнал бы свои танки в лесистую болотистую местность. Тем не менее Конев так и продолжал все время шпынять Гордова. Видимо, ему доставляло удовольствие постоянно третировать бывшего командующего Сталинградским фронтом (в июле 1942 г.). Для объективности стоит отметить, что Конев выделил 3-й Гв.А крупные авиационные силы – 4-й и 6-й БАК, 2-й и часть 6-го ИАК, 2-й Гв.ШАК.

28-я армия, выполняя приказ командующего 1-м УФ, 21 апреля форсированным маршем выдвигалась для усиления 3-й Гв.ТА и заполнения образовавшегося разрыва с левофланговыми соединениями 3-й Гв.А, составлявшего к тому времени до 60 км. Понятно, что такое положение создавало угрозу тылам 3-й и 4-й Гв.ТА. Только быстрым выдвижением 28-й армии в район Барута этот разрыв заполнялся и исключались возможные угрозы противника. Армии был выделен фронтовой автотранспорт, что дало свои результаты: 61-я СД 28-й армии, совершив за 11 часов марш в 130 км, к исходу дня вышла на указанный рубеж!

Остальные армии 1-го УФ тоже действовали успешно. 13-я армия, преследуя отходящего на запад противника, продвинулась на 20 км и надежно обеспечила с тыла танковую группировку фронта. 5-я Гв.А главными силами – 34-й Гв.СК, 4-й Гв.ТК и 1-й Гв.КК – развивала наступление к реке Эльба, а частью сил добивала на левом фланге шпрембергскую группировку. К исходу дня последняя была добита силами 33-го Гв.СК и 24-го СК.

Вот как все это происходило. Утром 21 апреля в окружении западнее Шпремберга оказалась немецкая группировка численностью около 10 тысяч человек. В ее состав входили части 10-й ТД СС, ТД «Охрана фюрера», 344-й ПД, остатки 545-й ФГД, истребительная бригада, два зенитных полка и другие части. Она

пыталась прорваться на север, чтобы соединиться с котбусской группировкой.

Советский 24-й СК, имевший в составе три стрелковые дивизии – 121-я Гв.СД, 350-я и 395-я СД, – нанес по ней ряд рассекающих ударов. После продолжительных боев сильно поредевшая немецкая группировка попыталась организовать прорыв из окружения по дороге на Котбус. Переговоры об этом прорыве, которые немцы вели открытым текстом, были перехвачены советскими радистами. Командарм Пухов, находившийся в 24-м СК, постарался принять меры к отражению немецких атак. Забегая вперед, надо сказать, что перехватить все пути движения противника не удалось.

Основной удар немцев на рассвете 22 апреля пришелся по 117-й Гв.СД, которую поддерживал 1228-й САП. В результате боя лощина и лес северо-западнее Петерсхайна стали большим кладбищем. Советские воины уничтожили здесь 24 танка, 55 бронетранспортеров и 118 автомашин, а также взяли в плен 673 немецких солдата и офицера.

Ликвидация остатков шпрембергской группировки завершилась только к утру 23 апреля. Немцы потеряли свыше двух тысяч человек убитыми и около 3330 пленными. В результате боев в этом районе были разбиты части 10-й ТД СС «Фрундсберг», ТД «Охрана фюрера», 21-й ТД и 344-й ПД. В штабе фронта этот разгром даже стал темой для шуток: поскольку, мол, «Охрана фюрера», оказавшаяся весьма вдалеке от своего шефа, ликвидирована, теперь дело остается только за ним самим. Конечно, юмор не ахти какой, но штабистов можно понять, так как немцы весьма странными наименованиями своих боевых частей сами давали повод поиздеваться над ними.

Рискованные поездки советских высших командиров в войска только по воле случая не приводили трагическому исходу. Так, командующий 4-й Гв.ТА генерал-лейтенант Лелюшенко решил выехать в передовую бригаду своей армии – 63-ю Гв.ТБр, продвижение которой замедлилось из-за ожесточенного сопротивления противника. В то время как командарм, командир 10-го Гв.ТК генерал-майор Е.Е. Белов и комбриг полковник М.Г. Фомичев углубились в изучение карты, раздались два выстрела – пули взрыхлили землю у ног генералов. Выстрелы были сделаны почти в упор – из кустов по ним открыл огонь

спрятавшийся там немецкий офицер. То ли у того дрогнула рука, то ли стрелок он был неважный, но генералам крупно повезло.

Пуля едва не задела генерала Белова, который тоже успел выхватить пистолет и выстрелить в притаившегося немца, но промахнулся. Полковник Фомичев едва успел достать трофейный «парабеллум», как в это мгновение откуда-то сзади прозвучал ответный выстрел и немец упал. Танковые командиры в недоумении оглянулись и увидели, что немецкого офицера спокойно сразил «сын бригады» – 12-летний Толя Якушин, охранявший своего комбрига. Лелюшенко поблагодарил отважного мальчишку и тут же наградил его медалью «За отвагу», прикрепив ее недалеко от ранее полученного мальчуганом ордена «Красной Звезды». Да, довольно дешево генерал оценил жизнь комкора, да и свою тоже...

Начальник штаба батальона 62-й Гв.ТБр А.С. Шлемотов несколько раз видел своего командира Лелюшенко. Он отмечал некую экстравагантность известного танкового генерала: *«Он оригинально одевался тогда: в желтоватый американский летний костюм. Всегда с рапирой в руке. Иногда кое-кому ею перепадало за нерадивость».*

Утром 21 апреля командарм Лелюшенко изменил задачу 5-му Гв.МехК. Он отдал приказ Ермакову: вывести 11-ю Гв.МехБр из боя за Луккау, найти слабые места в обороне немцев юго-западнее города и прорваться в направлении г. Даме. Затем к 18.00 21 апреля овладеть г. Ютербог и удержать его до подхода главных сил корпуса. Для выполнения этой задачи бригаду усилили 2-м гвардейским мотоциклетным батальоном и 104-м Гв.ЛСАП. Силами мотоциклистов была произведена разведка в направлении Даме, в 20 км западнее Луккау.

Днем 21 апреля 11-я Гв.МехБр внезапным ударом на реке Даме уничтожила оборонявшиеся там немецкие подразделения и ворвалась в город. Его захват был произведен настолько быстро, что немцы не успели вывезти ценное имущество с интендантских складов. Взятый в плен немецкий капитан сообщил танкистам, что на пути к Ютербогу сильных гарнизонов, кроме как в самом городе, нет.

Не встречая сопротивления, бригада быстро вышла на ближние подступы к Ютербогу. Разведчики своевременно обнаружили переправы через реку Нуте, что позволяло обойти город с

севера и юга. Разведка также донесла, что противник, видимо, не заметил подхода советских войск, так как не было видно приготовлений к отражению атак. К 16.00 21 апреля части 11-й Гв.МехБр полковника И.Т. Носкова заняли исходное положение для атаки. Внезапной атакой с трех сторон немецкий гарнизон был разгромлен.

Комбриг приказал 2-му мотоциклетному батальону, усиленному мотострелковой ротой и артбатареей, захватить большой аэродром, находившийся в районе г. Ютербог. Батальон отлично справился с поставленной задачей: охрана аэродрома, экипажи самолетов и обслуживающий персонал были частью уничтожены, частью пленены, а кому-то, конечно, удалось убежать. Были захвачены большие трофеи: 144 исправных самолета, в том числе и реактивные, а также 265 самолетов с разной степенью повреждений, 362 авиамотора, 3000 авиабомб и много другого имущества.

Уже на следующее утро на этом прекрасном аэродроме приземлились истребители из дивизии полковника А.И. Покрышкина. Последний одобрительно отозвался о действиях танкистов, предоставивших его летчикам удобное место для базирования.

В помещении штаба гарнизона в Ютербоге начальник разведотдела штаба 5-го корпуса подполковник А.А. Богомаз обнаружил ценные документы, в том числе карту с нанесенной обстановкой южнее Берлина. Кроме того, со взятием Ютербога была перерезана одна из важных коммуникаций, связывавших столицу рейха с югом Германии. К вечеру 21 апреля в Ютербог прибыл командир 5-го Гв.МК генерал-майор И.П. Ермаков. Он приказал 10-й бригаде полковника В.Н. Буслаева, находившейся на подходе к городу, во второй половине дня 22 апреля захватить г. Тройенбритцен, а разведку вести еще западнее – в направлении на Беелитц, Бельциг и Нимегк.

Авангард бригады продвигался очень медленно через труднопроходимый для танков и автотранспорта лесной массив. На единственной дороге, проходившей через лес, было много искусственных противотанковых препятствий, к тому же заминированных. Наступавшая ночь еще более осложняла положение. Возникла необходимость поискать обходные пути. Опросом местных жителей танкистам удалось установить, что в лесу есть

еще одна малоизвестная дорога, по которой можно было выйти к г. Альтес-Лаген, лежавшему на пути к Тройенбритцену. Одна из местных жительниц даже вызвалась быть проводницей и к рассвету 22 апреля вывела советских воинов к северо-восточной окраине Альтес-Лагена. Видимо, эта смелая немка не питала особой любви к нацистам...

Этот факт помощи гражданского населения не был одиночным. Офицер 62-й Гв.ТБр А.И. Шлемотов отмечал: *«...вести уличные бои нам очень помог один берлинский инженер, русский по национальности, видимо, из эмигрантов. Он хорошо знал Берлин и грамотно рассказал нам о расположении улиц, об обстановке в городе. Это многим нашим ребятам жизнь спасло».*

В это же время 10-й Гв.ТК 4-й Гв.ТА продвигался в сторону Потсдама, не встречая особого сопротивления. Однако 3-я Гв.ТА натолкнулась на очень сильное сопротивление в районе Цоссена, превращенного в сильный оборонительный район. Еще в течение ночи на 21 апреля 6-й и 7-й Гв.ТК продолжали наступление в полосе заграждений противника, ломая сопротивление спешно переброшенных на этот рубеж разномастных немецких частей: учебный танковый батальон, 218-я БрШО, три рабочих и два строительных полка, две летные школы и части формирующейся ПД «Людвиг Фридрих Ян». Все это ярко иллюстрирует, с какой лихорадочной спешностью вынуждено было действовать немецкое командование, затыкая дыры в своей обороне.

В 06.00 21 апреля советские танки были уже в Луккау и продолжали продвигаться на Цоссен. По поводу захвата последнего существует ряд неясностей в различных источниках, так что этот важный эпизод стоит разобрать подробнее.

С востока на Цоссен наступал 9-й Гв.МехК, а с юга – части 6-го и 7-го Гв.ТК. От Барута части 6-го Гв.ТК двигались четко на север: вдоль автострады – 53-я Гв.ТБр, а правее, полевыми дорогами, – 51-я и 52-я Гв.ТБр. Утром 21 апреля командир 52-й бригады полковник Курист попал под горячую руку командарма Рыбалко, который грозно вопрошал комбрига: *«Почему ты здесь, а не в Берлине?»* Курист ответил, что он выполняет приказ командира 6-го Гв.ТК генерал-лейтенанта Митрофанова (бывшего заместителя Рыбалко).

На это последовал еще более резкий окрик: *«Я всем приказывал быть в Берлине!»* Курист, по его словам, был несколько

удивлен подобным тоном, обычно несвойственным командующему, да и внешний вид у Рыбалко был несколько удрученный. Все это, конечно, можно объяснить регулярными нагоняями Конева и его последней оскорбительной телеграммой.

Наиболее подробное описание событий в Цоссене оставил в своих мемуарах командир 53-й Гв.ТБ дважды Герой Советского Союза полковник Архипов. Он отмечал, что цоссенский укрепленный район был до предела насыщен разного рода оборонительными сооружениями и инженерными препятствиями. Но из его описания понятно, что этот рубеж не был занят какими-либо определенными частями вермахта. Против танкистов срочно выдвигались спешно созданные сводные отряды, боевые группы, отдельные роты и батальоны фольксштурма, полиции, организации Тодта, различные тыловые команды.

Архипов вполне справедливо констатировал, что весь этот с боевой точки зрения сброд *«не мог явиться для нас серьезной преградой»*, быстро впадал в панику и разбегался. Но в глубине цоссенского оборонительного рубежа танкистов встретили уже хорошо организованная система огня и контратаки кадровых частей и эсэсовцев, которые умело использовали трудную для танков лесисто-болотистую местность, усиленную минными полями и инженерными заграждениями. По словам Архипова, *«стрелял буквально каждый куст, обезвреженные саперами мины грудами высились на лесных дорогах и просеках»*.

Сопротивление немцев стало просто яростным: танкистов последовательно атаковали части 218-й БрШО, учебный танковый батальон, 3-й МП, моторизованный батальон СС. Пленных почти не было. Ломая в ожесточенных боях сопротивление, гвардейцы-танкисты медленно, но неумолимо продвигались к Цоссену. Темпы продвижения бригады резко снизились – 18 км от Барута до Цоссена она преодолевала в течение полутора суток.

Упоминаемый ранее англичанин Хью Томас, правда, как всегда, с большой долей ехидства сообщал, что оборону Цоссена осуществляли лишь 70 юнцов из гитлерюгенда с тремя орудиями, что абсолютно не соответствует действительности. Тем более что симпатией к Красной Армии этот автор явно не страдает, но и немцев особо не жалует.

Как это ни странно, полковник Архипов утверждал, что в то время комсостав его бригады не знал, что в районе Цоссена

располагался «мозговой центр» вермахта – ОКХ и ОКВ, так называемый «Майбах-1» и «Майбах-2».

Слова комбрига подтвердил потом и командующий 3-й Гв.ТА Рыбалко, заявивший позднее: *«Разведка у нас работала плохо. Мы даже не узнали, что в Цоссене находилась ставка германского генштаба. Две бригады вошли в Цоссен, и ставка на их глазах ушла из Цоссена. О Цоссене мы узнали от корреспондентов»*.

Можно только подивиться тому, как слабо работало разведуправление штаба 1-го УФ, не сумев довести до командиров танковых корпусов и бригад столь важные сведения. Такой же вопрос возникает и по поводу работы ГРУ генштаба, которое не проконтролировало осведомленность фронтовых разведчиков о месторасположении немецких командных подстанций.

Правда, известный военкор Макаренко (не путать с однофамильцем-педагогом!) утверждал, что советская разведка все же имела некоторые сведения об этих объектах. Возможно, здесь имели место обычная халатность и расхлябанность. Можно лишь гадать, кто и на каком уровне допустил столь вопиющий промах. Зато в кинопрокате несть числа фильмам на военную тему, в которых бравые разведчики, руководимые всезнающими седовласыми полковниками и молодыми, увешанными наградами генералами, действуя в составе разведгрупп далеко за линией фронта, лихо захватывают или взрывают различные мифические объекты противника.

В различных источниках отмечается, что бои в районе Цоссена велись то в первой половине 21 апреля, то даже в ночь на 21 апреля, а захват этого пункта относится на ночь на 22 апреля (у Архипова поздно вечером).

Конев в мемуарах писал, что он *«обстоятельно доложил в ставку 21 апреля, что бои в этом районе еще продолжаются, но уже ясно, что главный немецкий штаб успел покинуть свою бывшую резиденцию»*. Что-то тут не увязывается по времени. Ведь, по заявлению Архипова, Цоссен был захвачен именно в ночь на 22 апреля. Уже в 03.00 22 апреля танки 9-го МехК и 6-го ТК были на канале Ноте, севернее Цоссена, а к исходу дня в районе Цоссен – Барут появилась пехота 128-го СК 28-й армии.

В работе известного советского историка Проэктора даже утверждалось, что разрешение на перемещение ОКХ было получено только в 12.00 22 апреля. Интересно, как же это колон-

ны машин немецких штабов смогли прорваться через боевые порядки наступавших частей 6-го и 7-го Гв.ТК? Вывод здесь один: Проэктор грубо ошибся в датировке важного события, видимо, неверно истолковав записи одного из офицеров ОКХ – ротмистра Больдта. Историк даже утверждал, что советские танки двинулись к Цоссену только утром 22 апреля. Трудно объяснить эти грубые ляпы маститого историка, имевшего все возможности для соответствующей проверки времени и исторических событий.

Вопрос об оставлении Цоссена и перемещении ОКХ в более безопасное место его начальник генерал Кребс поднимал еще утром 16 апреля, когда разговаривал по телефону с Берхтесгаденом (видимо, с кем-то из уехавших туда офицеров) и с рейхсканцелярией (со своим другом, главным кадровиком вермахта генералом Бургдорфом). Разговор не дал результата, так как Гитлер еще не принял решения по этому вопросу. Вечером 16 апреля Кребс был вызван на совещание к фюреру и вернулся оттуда очень мрачным.

Кстати, охрана ставки ОКХ – эскадрон под командованием обер-лейтенанта Кренкеля (численностью около 250 человек) к 06.00 19 апреля был переброшен из Цоссена в район Луккау, в 25 км южнее Цоссена, чтобы хоть как-то задержать продвижение русских танков. Кроме того, туда же были направлены два автомобильных взвода, танковый разведвзвод и взвод противотанковых орудий, 12 танков различных типов с полигона в Куммерсдорфе и шесть тяжелых противотанковых орудий из роты «Дрезден». Вот такими силами ОКХ хотел остановить продвижение корпусов 3-й Гв.ТА.

Офицер ОКХ ротмистр Больдт вспоминал, что в 06.00 20 апреля он получил доклад Кренкеля. Тот сообщал, что собирается атаковать русских всеми силами своего усиленного эскадрона. В 09.00 Кренкель снова позвонил Больдту и сообщил, что его атака была отбита с тяжелыми потерями, а танки русских, по данным разведки, движутся дальше на север. Кребс немедленно передает сообщение об этом в рейхсканцелярию, но Гитлер все еще колеблется. Тем временем адъютант Кребса вопреки воле своего начальника велит подготовить все к поспешному отходу.

Учитывая тот факт, что, по официальным данным, советские танки подошли к Луккау в 05.00 21 апреля, то вроде бы можно

сделать вывод, что упомянутые разговоры Больдта с «комэском» Кренкелем происходили именно 21 апреля. Но вот известный журналист Мартын Мержанов в своих мемуарах писал о том, что разговор с Кренкелем состоялся из Барута еще 20 апреля и что последний сообщил: русские атакуют город. Это звучит более правдоподобно, так как, по свидетельству различных источников, танки 6-го Гв.ТК подошли к Баруту именно 20 апреля в 12.00 или 13.00 и завязали бои за город.

На 11.00 21 апреля в ОКХ было назначено совещание по обсуждению ситуации. В приемной у Больдта, как растревоженный улей, гудели генералы и полковники из ОКХ, но вот к назначенному времени в комнате стало так тихо, что можно было, по словам ротмистра, *«услышать звук падения булавки»*. Послышался глухой скрежет, который смогли понять все присутствующие, так как не по одному разу были на фронте. После минутного замешательства кто-то из штабистов уныло констатировал, что это – русские танки у Барута, от которого до Цоссена было 10–12 км. Еще один офицер печально добавил, что русские через полчаса могут быть в Цоссене.

Но тем не менее генерал Кребс, проявив незаурядную выдержку, начинает последнее совещание в германской штаб-квартире. Во время совещания прибыл грязный и измученный Кренкель, от эскадрона которого осталось всего двадцать человек, несколько машин и две зенитки. Он сообщил о падении Барута, правда, прибавив, что русские почему-то остановились. По мнению известного историка Уткина, у танкистов тогда просто закончилось горючее.

В этот день – 21 апреля – камердинер Линге поднял Гитлера уже в 09.30. Спустя десять минут генерал Бургдорф доложил заспанному фюреру об обстреле Берлина якобы из района Цоссена. Он заметно побледнел и выдавил из себя: *«Русские уже так близко?»* Тут еще позвонил Кребс; сообщил о наступлении русских через Барут на Цоссен и высказал просьбу о перенесении штаб-квартиры ОКХ, но получил отказ. Срываясь на крик, Гитлер заявил Кребсу: *«Не давайте себя запугать несколькими русскими танками. ОКХ остается в Цоссене!»*

На лицах офицеров, расходившихся после совещания, можно было прочесть только одно: все они уже живо представляли себя в русском плену. Трудно понять это необъяснимое упрямство

Гитлера, рисковавшего потерять свой штаб. После этого Кребсу позвонил еще генерал Бургдорф, сообщивший, что Гитлер разрешил отвести к Берлину все войска, сражавшиеся по обеим сторонам Эльбы. Это сообщение не очень взволновало начальника ОКХ и его подчиненных, более озабоченных своей судьбой.

Наконец около 13.00 поступил долгожданный приказ Гитлера, переданный через Бургдорфа, о переезде штаб-квартиры с наступлением темноты в казармы ВВС в Эйхе. Не дожидаясь темноты, штабисты в величайшей спешке начали готовиться к отъезду: звучали телефонные звонки, уничтожались секретные документы, карты и так далее. Они не выполнили приказ своего фюрера и, не дождавшись темноты, быстренько смылись. В 14.00 колонны начали движение в сторону Берлина. Начальник ОКХ уже в 13.45 выехал на совещание в рейхсканцелярию, назначенное на 14.30. По дороге попавшийся навстречу штабистам мотоциклист сообщил, что центр Берлина уже подвергается обстрелу русской артиллерии.

А как же оценивались бои в районе Барут – Цоссен с советской стороны в истории 3-й Гв.ТА и 6-го Гв.ТК, а также в капитальном труде «Последний штурм»? После их внимательного изучения стало ясно, что офицеры ОКХ, не обладая полной информацией о боях на этом рубеже, воспринимали задержку русских танкистов со взятием Цоссена как непонятную остановку. Но они и не думали останавливаться!

После захвата в 10.00 20 апреля Гельсена 53-я Гв.ТБр затем в 12.00 подошла к Баруту и завязала бой за город. Видимо, отзвуки начала этого боя и были услышаны немцами в Цоссене. После этого бригады корпуса в 14.00 атаковали позиции немцев севернее Барута, возобновив наступление на Цоссен. Немцы упорно сопротивлялись, но, потеряв до 200 убитыми, 11 танков и пять орудий, вынуждены были отступить.

К 16.00 53-я Гв.ТБр продвинулась на север до г. Нойхоф, где опять встретила упорное сопротивление противника. К тому же группы по 15–20 самолетов люфтваффе непрерывно бомбили боевые порядки бригады, а имевшиеся у танкистов зенитки не смогли обеспечить их надежную защиту. Где при этом были истребители 2-й ВА, остается тайной.

К 17.00 в лесу севернее Барута сосредоточились и остальные части 6-го Гв.ТК – 52-я, 51-я Гв.ТБр и 22-я Гв.МСБр. Впереди

на заранее подготовленном рубеже, закрывающем межозерное дефиле, их ожидали 218-я БрШО и 3-й учебный запасной батальон немцев. Сильно укрепленный цоссенский оборонительный рубеж состоял из четырх ранее подготовленных полос глубиною до 15 км. Все они опирались на лесисто-озерную местность, которая в значительной мере ограничивала маневр танковых войск. Вся оборона от Барута до Цоссена прикрывалась завалами, рвами, минными полями и дотами.

В лесу за Барутом комкор генерал-лейтенант Митрофанов собрал командиров бригад. Короткое совещание он начал с поздравления – дважды Герою Советского Союза Архипову присвоили звание генерал-майора. Выждав, когда затихнут приветствия, Митрофанов развернул карту и изложил новую задачу – после овладения Цоссеном к 23 апреля прорваться в Берлин.

Преодолевая заграждения, рвы и завалы, бригады корпуса к исходу 20 апреля прорвали лишь первую полосу обороны противника и подошли ко второй, но с ходу пробить ее не смогли. Возобновив наступление в ночь на 21 апреля, 6-й Гв.ТК к утру прорвал вторую полосу и к 10.00 вышел в район севернее г. Тепхина.

К 19.00 силами 53-й Гв.ТБр был захвачен г. Вюнсдорф, где ранее находился КП ГА «Висла». После этого объединенные силы 6-го Гв.ТК повели наступление на Цоссен. Противник, опасаясь обходного маневра 9-го МехК, начал отходить к каналу Ноте. Только к 03.00 22 апреля 22-я Гв.МСБр и 53-я Гв.ТБр овладели частью Цоссена, до этого канала Ноте. Переправа же через последний состоялась уже утром 22 апреля.

Теперь, наверное, стали ясны причины, по которым русские *«внезапно остановились»*. Понятно, что задержка танкистов на пути к Цоссену была вынужденной. Она стала следствием как упорного сопротивления противника, так и трудностей преодоления встреченных на пути различных заграждений.

Что же до эвакуации ОКХ, то она началась, конечно, уже 20 апреля (несмотря на отсутствие приказа), что подтверждает также историк Райан, и продолжалась в течение дня 21 апреля. Она была весьма поспешной. Историк Уткин даже утверждал, что в кабинете Кребса были найдены брошенные вещи генерала – халат, тапочки, кровать была не убрана, а на столе оставалась открытая бутылка вина и ваза с яблоками.

Разведчики уже докладывали Архипову, что ведут наблюдение за каким-то военным городком, который окружен бетонным забором, колючей проволокой и рвами. Повсюду бетонные вышки необычного типа, на площадке бронеколпаки с амбразурами. На дорогах к этому городку – шлагбаумы, на перекрестках – доты, сильная охрана. И что самое досадное: из ворот непрерывным потоком двигались в сторону Берлина и Потсдама колонны грузовых и легковых автомашин. Увы, удар танкистов немного запоздал... Англичанин Хью Томас даже писал, что генерал-лейтенант Август Винтер, выпив последнюю бутылку шампанского, поспешно покинул штаб-квартиру всего за один час, как туда вошли русские.

Но вот в ночь на 22 апреля, проломив южные ворота и разогнав охрану, в городок ворвались русские танки с десантом. Что же увидели там видавшие виды танкисты? По словам Архипова, проверить которые сложно, в ярко освещенном «городке» всех поразила картина массового расстрела. По всей территории, почти у каждого здания, стояло много автомашин и лежали сотни трупов: офицеры, солдаты, штатские, в том числе и женщины. От пленных, старшим из которых был майор, находившийся почти в шоковом состоянии, удалось добиться, что это сделали эсэсовцы.

В ходе допросов выяснилось, что танкисты захватили «ставку генштаба», эвакуация управлений которого началась несколько дней назад. Убыли в Потсдам оперативное и другие важные управления, а вечером 21 апреля начался «отстрел лишних». Эсэсовцы работали методично: из некоторых отделов отбирали людей по списку, других отправляли в Потсдам, некоторые отделы ликвидировали целиком. Пленный майор был из военно-исторического управления, которое грузилось одним из последних. Эсэсовцы расстреляли напоследок семерых шифровальщиков и уехали за два часа до атаки советских танкистов. Майор остался грузить архивы, но не успел.

Можно ли верить этому рассказу командира бригады, заслуженного танкиста? Да, эсэсовцы в то время производили зачистки и на других объектах. В то же время нельзя точно сказать, что именно наблюдали разведчики 53-й Гв.ТБр – «Майбах-1» или «Майбах-2», так как они находились рядом и их постройки выглядели со стороны почти одинаково.

Важность захваченного объекта была подчеркнута визитом туда маршала Конева, который прибыл в Цоссен вечером 23 апреля, но *«не имел времени для осмотра сооружений ввиду их огромных площадей»*. Он вскользь с сожалением упоминал, что, мол, стало ясно, что немецкий штаб сухопутных войск успел покинуть свою резиденцию. Маршал при этом почему-то не упомянул про ОКВ... Несомненно, захват этого учреждения войсками 1-го УФ добавил бы лавров командующему. Этим, кстати, подтверждается факт, что сам Конев был информирован о наличии подобного объекта в полосе наступления его войск и что это по какой-то причине не довелось узнать исполнителям его приказов.

Что же обнаружил в Цоссене военкор Борис Полевой? Он увидел вроде бы обычную деревню, вокруг которой были густо посажены деревья, а на поляне высились тщательно замаскированные 24 бетонных здания. Бетонированные дорожки были прикрыты камуфляжными сетками, территория обнесена проволочными заграждениями. По краям дороги были расположены огневые точки, выкрашенные в желтый цвет. Внутри помещений были видны следы поспешного бегства.

Кстати, подземные помещения «Майбахов» в спешке были взорваны и затоплены, по словам Конева, только частично, поскольку персонал ставок в панике бежал. Об этом прискорбном для немцев факте генерал-оберст Йодль даже не осмелился доложить фюреру. В коридорах и комнатах полы были усеяны горами документов, карт, справочников и массой фотографий.

Надо сказать, что в Цоссене находился крупнейший в Германии узел связи вермахта – АМТ-500 («Цеппелин»). Он был надежно укрыт от бомбежки на глубине до 20 м (по другим сведениям – до 10–15 м) и связывал подземными кабелями все важнейшие военные и гражданские учреждения в Германии и на оккупированной территории. Вышеупомянутый Хью Томас отмечал, что центральный коммуникатор в Цоссене, который был бóльшим в Европе, мог соединить своих хозяев с любой частью нацисткой империи.

Командующий 4-й Гв.ТА Лелюшенко в мемуарах также упомянул о захвате мощного узла «радиосвязи» высшего командования, где *«находилось более 300 новейших радиоаппаратов»*, скорее всего телетайпов, – оставим этот термин на совести не

шибко технически грамотного командарма. С помощью этих аппаратов немцы поддерживали связь с войсками на всех театрах военных действий.

Интересно, что, по некоторым данным, этот узел связи не сразу был обнаружен и продолжал работать вплоть до 2 мая. Возможно, это и так, потому что последнее сообщение на телеграфном аппарате заканчивалось словами: *«Иван буквально у дверей»*, что вроде бы совпадало с записями в дневнике ОКВ за 2 мая.

Начальник разведотдела 1-й Гв.ТА генерал-лейтенант Мельников добавлял, что в Цоссене была *«захвачена неповрежденной исключительная аппаратура. Кабели толщиной в руку идут»*. Немецкие инженеры, не особенно рассчитывая на техническую грамотность русских солдат, даже плакаты повесили: *«Русский солдат! Это есть ценный трофей. Не ломай!»* Мельников, кстати, тоже подтвердил факт нахождения записей последних переговоров немцев на этом узле связи. Русские девушки-переводчицы сначала переводили поступавшие на узел запросы, но потом бросили и удалились.

По имеющимся сведениям, на узле связи в Цоссене были захвачены в плен горстка инженеров, техников и солдат, включая и Ганса Белтова – главного инженера комплекса электросистем. Четверо пьяных охранников без всякого сопротивления отдали русским ключи от помещений, а технические специалисты покорно и доходчиво объяснили, как работает этот гигантский центр связи.

Кстати, части 4-й Гв.ТА тоже немного пощипали немецкие штабы. Лелюшенко отмечал, что при наступлении 35-й Гв.МехБр юго-западнее Берлина было захвачено в плен много штабных офицеров подразделений, обслуживавших *«ставку Гитлера»*. Скорее всего это были те немецкие штабисты, которые последними уходили из Цоссена и не успели вовремя достичь Потсдама.

Досталось немецким штабистам и от своих. При движении одной из транспортных колонн в направлении на юг, в Баварию, по ней по ошибке нанесли штурмовой удар самолеты люфтваффе. Правда, учитывая описанное выше, закрадывается мысль, не был ли этот удар заранее спланированной акцией нацистов?

* * *

Немецкое командование достаточно объективно оценивало обстановку на 21 апреля. В донесении в ОКХ командования ГА «Висла» сообщалось: *«Подтягивая крупные силы с севера и взаимодействуя с войсками, наступающими на районы Луккау – Люббен на север и северо-запад, в районе западнее Фюрстенвальде противник готовит окружение основных сил 9-й армии».*

Немцы пытались прикрыть брешь на южном фланге, где успешно наступали 3-я и 4-я Гв.ТА, силами 35-й ПолД СС, 32-й ПД СС и только что сформированной дивизии «Фридрих Людвиг Ян» (в районе Ютербог). Но эти планы не удалось претворить в жизнь, так как 21 апреля города Котбус и Люббен были захвачены танкистами 1-го УФ. Вышеуказанные немецкие дивизии были оттеснены в район Фюрстенвальде, а частью даже остались на Одерском фронте.

Дивизия «Фридрих Людвиг Ян» не смогла удержать Ютербог, и была уничтожена русскими танками. Наметилась угроза окружения Франкфурта, поскольку остатки 712-й и 169-й ПД отходили на юго-запад, но Гитлер требовал удерживать эту «крепость». Он надеялся восстановить сообщение с Саксонией силами ГА «Висла» и 9-й армии, что было совершено нереально.

Немецкий историк Тике писал: *«Карта боевых действий в ставке фюрера была испещрена флажками и пометками. Каждый флажок означал дивизию, хотя некоторых из них давно уже не существовало. Каждый новый флажок означал вновь сформированную часть, хотя многие из них существовали только на бумаге».*

В реальности, например, командование ГА «Висла» отмечало, что *«из-за тяжелых потерь дивизия «Деберитц» теперь представляет собой не более чем каркас дивизии».* Еще одним «каркасом», очень слабой по составу 21-й ТД, сильно потрепанной танкистами 3-й Гв.ТА, немцы пытались прикрыть оголенный фланг 11-го ТК СС у Кенигс-Вустерхаузена.

Бывшему коменданту Берлина генерал-лейтенанту Рейману было поручено командование «Армейской группой "Шпрее"», что являлось полным самообманом. О формировании подобных крупных соединений в то время не могло быть и речи. Ее пытались создать из соединений, которые сами находились на стадии формирования. Из остатков 85-й ПД была сформирована дивизия «Потсдам», которая, конечно, таковой не являлась.

В результате боев 21 апреля танковые армии 1-го УФ вышли к южному фасу внешнего берлинского оборонительного обвода и оказались всего лишь в 24 км от южных окраин Берлина.

Надо учесть, что командующий 1-м УФ к этому моменту значительно усилил 3-ю Гв.ТА, придав ей 10-й АртК, 25-ю АДП, 3-ю Гв.МинД и 25-ю ЗенАД! Кроме того, непосредственно в оперативное подчинение Рыбалко был передан еще и 2-й ИАК. Конечно, всем названным соединениям необходимо было для этого совершить стремительный марш-маневр из района Шпремберга, из полосы 5-й Гв.А, с юга на север, по маршруту еще далеко не очищенному от противника. Расстояние надо было преодолеть немалое – от 130 до 200 км.

В полосе наступления 1-го БФ немецкий 56-й ТК был оттеснен к внешней линии обороны Берлина. Бои начались в пригородах столицы рейха. Остатки 20-й и 1-й МД, ТД «Мюнхенберг», ведя ожесточенные сдерживающие бои, также отступали к Берлину. 11-я МД СС была вынуждена сдать Альтландсберг.

В этом немцам «помогли» части 5-й УА. После ночной перегруппировки с утра 20 апреля 301-я СД во взаимодействии с 220-й ТБр и 92-м ТП перешла в стремительное наступление. Вечером части дивизии подошли к юго-восточной окраине г. Штраусберг. Это был сильный опорный пункт в системе внешнего обвода Берлина. Командующий 5-й УА решил нанести главный удар севернее города и создать прорыв для ввода 2-й Гв.ТА. Одновременно 301-й, 226-й и 416-й СД было приказано окружить и уничтожить гарнизон Штраусберга, а далее развивать наступление на Альтландсберг. Однако днем части 11-й МД СС «Нордланд» и ПД «Берлин» оказывали упорное сопротивление, и с ходу взять Штраусберг не удалось.

Всю ночь на 21 апреля шла перегруппировка частей 5-й УА. Только утром этого дня армия начала штурм внешнего обвода Берлина. Дивизии 26-го Гв.СК и 32-го СК совместно со 2-й Гв.ТА нанесли мощный удар севернее Штраусберга, а 266-я СД из 26-го корпуса, 416-я СД из 32-го корпуса и 301-я СД из 9-го корпуса в 06.00 пошли на штурм самого города. Лишь к 14.00 удалось прорвать оборону немцев у озера Бетцов и ворваться на южную окраину Штраусберга силами 1052-го СП.

В прорыв на Альтландсберг, обходя Штраусберг с юга, рванули 220-я ТБр и 1054-й СП 301-й СД. Комдив полковник

Антонов связался по радио со своим соседом – командиром 266-й дивизии генерал-майором Фомиченко. Тот без ложной скромности ответил: *«Академию-то одну оканчивали. Я тоже одним полком ударил по северной окраине, а главными силами иду на Альт-Ландсберг»*. Сомнительная честь добивать немцев в Штраусберге была предоставлена 416-й СД генерал-майора Сызранова.

В это время танковый десант завязал бой за Альт-Ландсберг. После двухчасового боя немцы выбиты из города силами 266-й и 301-й СД и 220-й ТБр. В тот же день 89-я СД генерал-майора Серегина и 94-я Гв.СД генерал-майора Гаспаряна севернее Штраусберга разгромили противника на внешнем обводе и ворвались в пригород Вайсензее и восточную часть Марцана. После этого в прорыв была введена 2-я Гв.ТА, которая двинулась на Бернау и пошла в обход севернее Берлина.

После боев 21 апреля сильно увеличился разрыв между 5-й УА и 8-й Гв.А. В создавшейся обстановке командующий 1-м БФ маршал Жуков принял решение об изменении полос наступления армий фронта и издал соответствующую директиву. 5-я УА получила задачу наступать в границах: справа – ж/д ст. Лихтенберг и Лертерский вокзал, слева – Мальсдорф, восточный берег Ландверканала до парка Тиргартен; 3-я УА должна была штурмовать Берлин с севера; а 8-я Гв.А – наступать в южной части Берлина. Левофланговая дивизия 9-го СК 5-й УА, а именно 301-я СД, была теперь повернута в южном направлении, чтобы выйти к новой разграничительной линии корпуса и армии.

Командир немецкого 56-го ТК генерал Вейдлинг не хотел вводить свой корпус в Берлин, а предполагал соединиться с частями 9-й армии, согласно распоряжению его штаба. Оторванные от корпуса остатки 9-й ППД и 101-го АК уже сопротивлялись из последних сил и были оттеснены к северу в район Эберсвальде. 21 апреля в 14.30 на оперативное совещание в бункер фюрера вновь прибыли Кейтель и Дениц. Вряд ли пребывание в Берлине понравилось им, потому что центральная часть города оказалась в зоне сильного артогня.

Причины неудач немецких войск нашлись быстро. На совещании в бункере Гитлер обвинил командование 4-й ТА в предательстве. Генерал Эрих Детлефсен, заместитель начальника ОКХ, выразил сомнение в такой трактовке произошедших событий на фронте. Фюрер удивленно глянул на смелого генерала и

популярно изложил штабисту свою точку зрения: *«Причина всех наших неудач на Востоке – предательство, и ничего кроме него»*.

Особого внимания требовало положение к северу от Берлина. Гитлер и Кребс полагали, что глубокий прорыв русских на севере создает хорошую возможность для контрнаступления. В 14.55 начальник ОКХ Кребс передал командующему ГА «Висла» генерал-оберсту Хейнрици приказ Гитлера: 9-я армия генерала Буссе не только должна восстановить прорванную линию фронта через Кенигс-Вустерхаузен до Котбуса, но и атаковать пробившиеся им в тыл танковые армии Конева. Поставленная задача была совершенно невыполнима.

Генерал-оберст Йодль так писал потом о своем разговоре с фюрером: *«21 апреля Гитлер сказал мне: "Я могу Вам заявить лишь одно: я буду бороться так долго, пока у меня остается хоть один солдат. Когда последний солдат покинет меня, я застрелюсь..."»* Но эта сплошная патетика как-то не тронула штабиста. Поэтому Гитлер заявил: *«Я ожидал, что юг будет сопротивляться дольше, чем север, и поэтому отправил большую часть штаба на юг»*. Вопреки желанию фюрера в этих словах сквозило то, что он уже допускал возможность поражения.

Немецкое командование всеми силами пыталось блокировать продвижение войск 1-го БФ севернее Берлина, где создалась угроза захвата Ораниенбурга. Немцам был ясен замысел русских: занять Ораниенбург, форсировать реку Хафель и замкнуть кольцо вокруг Берлина западнее Шпандау. Тут в битву за Берлин было брошено еще одно мертворожденное соединение – «Армейская группа Штайнера». Командование ГА «Висла» с легкостью жонглировало вновь возникшими группами: сначала «Шпрее», теперь – «Штайнер». Район Ораниенбурга был передан под ответственность 3-й ТА, для чего туда с 14.00 21 апреля должен был передислоцироваться штаб 3-го ТК СС.

Немцы, находясь в цейтноте, попытались сразу же резко активизировать действия импровизированной «группы Штайнера», на действия которой возлагались большие надежды. Гитлер уже утром 21 апреля лично разговаривал со Штайнером, приказывая ему организовать наступление, а также распустить *«личную армию Геринга в резиденции Каринхалле»*. Фюрер уверял опытного эсэсовского генерала, что *«у ворот Берлина русских ждет самое страшное поражение»*.

Не посмев возражать Гитлеру, Штайнер позвонил Кребсу и постарался объяснить свое незавидное положение, утверждая, что у него нет войск и тяжелого вооружения. Однако на начальника ОКХ доводы Штайнера не произвели никакого впечатления. В 16.50 он направил Штайнеру телеграмму с приказом фюрера наступать на юг силами 4-й ПолД СС, 5-й ЕгД и 25-й МД, которые, по его мнению, можно высвободить, заменив частями 3-й ДМП, с целью восстановить сообщение с 56-м ТК.

Гитлер грозил Штайнеру: *«Всем воинским частям запрещается отступать на запад. Офицеры, которые не следуют безоговорочно этому указанию, должны быть... немедленно расстреляны. Вы лично отвечаете передо мной головой за выполнение этого приказа»*. После угроз последовали увещевания, которые фюрер сформулировал так: *«От успеха Вашего поручения зависит судьба германской столицы»*.

Понятно, что приказ Гитлера не соответствовал обстановке. После прорыва 21 апреля русских к Ораниенбургу фюрер потребовал, чтобы Штайнер наступал на запад, для чего в его распоряжение передавались различные сборные части, а подразделения 3-й ДМП только и стали прибывать к линии фронта. Сюда же выступили части 15-й ПД СС (латышской), которые также должны были присоединиться к группе Штайнера.

Штайнер понимал, что прибывших разношерстных войск не хватит даже для обороны Финнов-канала. Несмотря на это, как писал Штайнер, *«...генерал Кребс требовал начать наступление, и в этом его поддерживали все без исключения командные инстанции»*. Вечером 21 апреля в штабе Штайнера был получен новый приказ уже от ГА «Висла»: занять участок вдоль Финнов-канала от Ораниенбурга до Шпандау, что было ближе к реальности.

Чтобы обеспечить выполнение отданных Штайнеру нереальных приказов было «усилено» командование ГА «Висла». Начальник ее штаба генерал-лейтенант Эберхард Кинцель был переведен с повышением – начальником штаба зоны «Север» у Деница, а вместо него был назначен ярый нацист генерал-майор Тило фон Трота.

21 апреля Штайнер был в центре внимания. Начальник штаба ВВС генерал Карл Коллер, получив приказ Гитлера о выделении подкреплений «группе Штайнера» из состава люфтваффе, пытался по телефону выяснить у заместителя начальника ОКХ

генерала Детлефсена месторасположение этого импровизированного соединения. Успеха он не добился, потому что Детлефсен сам ничего не знал, но обещал срочно выяснить.

Хейнрици, когда узнал о приказе Штайнеру на наступление, тут же позвонил Кребсу и попытался убедить последнего в том, что у Штайнера недостаточно сил для такого наступления. Командующий ГА «Висла» требовал отвода войск 9-й армии, резонно указывая на то, что можно потерять единственные войска, которые могли бы защитить Берлин. В случае непринятия этого предложения он грозил отставкой. Хейнрици даже просил Кребса организовать ему встречу с Гитлером, чтобы обсудить ситуацию, но получил отказ, мотивированный тем, что *«у фюрера слишком много работы»*.

Части 1-го БФ в этот день не теряли времени даром. На правом фланге фронта 47-я армия с 9-м Гв.ТК, охватывая Берлин с севера, продвинулись на 15–20 км и перерезали окружную берлинскую автостраду, вплотную подойдя к северной окраине Берлина. На этом же направлении действовала и 2-я Гв.ТА. Ее 12-й Гв.ТК в 20.00 вышел на окраину пригорода столицы – Фалькенберг. Танкисты были просто неудержимы...

Войска 3-й УА с 1-м МехК в результате боев 21 апреля ворвались на северо-восточную окраину Берлина и вклинились в районе Вайсензее во внутренний берлинский обвод. В 06.00 передовые части 171-й СД были первыми на окраине, а в 14.00 даже перерезали кольцевую автостраду. Об успехах этой дивизии еще будет сказано чуть ниже, когда начнутся бои в центре города.

Выход войск 3-й УА на окраину Берлина активно обеспечивался действиями артиллерии. В 10.00 артиллеристы 4-го АртК генерал-лейтенанта Игнатова дали залп по Берлину, что, конечно, не обрадовало немецкое командование.

Среди гвардейских минометных частей 1-го БФ первый залп по Берлину в 17.45 произвела 4-я батарея под командованием старшего лейтенанта С.Ф. Нестерова из 2-го дивизиона 23-й Гв.МинБр. В то время дивизион капитана В.М. Белозубова поддерживал боевые действия 52-й Гв.СД северо-восточнее Вайсензее. Со своего НП капитан обнаружил, что противник ведет минометный огонь из опорного пункта на восточной ок-

раине Берлина. Для поражения этой цели он вызвал к НП 4-ю батарею. Батарейцы действовали быстро, четко и смело, приготовившись к открытию огня всего за несколько минут. В ходе подготовки комбат Нестеров был ранен в руку, но продолжал руководить людьми. Боевая задача по подавлению немецкого очага сопротивления была выполнена за пять – семь минут.

Для наращивания пробивной мощи 3-й УА утром 21 апреля командарм генерал-полковник Кузнецов решил ввести в сражение 7-й СК. Начальник оперотдела штаба этой армии полковник Семенов пояснил это решение так: *«Мы были так богаты, что держали его в резерве»*. Он подготовил соответствующую телеграмму на имя комкора генерал-лейтенанта Чистова. Когда принес ее на подпись командующему, тот даже изволил пошутить: *«Надо не опоздать, а то кончится война, а в дивизиях этого корпуса некого будет представлять к награде»*. Полковник посчитал эту шутку смешной...

Но не всегда Кузнецов был так расположен к шуткам. Промедление, возникшее в действиях 9-го ТК генерал-лейтенанта Кириченко, обусловленное упорным сопротивлением противника, вызвало весьма резкую его телеграмму в адрес комкора. Вот она: *«Вы плохо выполняете не только мои приказы, но и приказы т. Жукова. Прикажите командирам бригад возглавить на головных танках свои бригады и повести их в атаку на Берлин, иначе ни чести, ни славы для своего корпуса не завоюете. О панцерфаустах будете потом рассказывать детям»*.

Думается, что если бы танкисты действовали так, как советовал генерал-полковник Кузнецов – лихим наскоком во главе с командиром, как в Гражданскую войну, – то они действительно ничего не смогли бы завоевать, а уж детям, конечно, некому и нечего было бы рассказывать. Неужели даже к концу войны заслуженный генерал, воевавший с 22 июня 1941 г., так и не научился продуктивно использовать приданные ему танковые соединения?

5-я УА с 12-м Гв.ТК сумела прорвать внутренний берлинский обвод и также ворвалась с северо-востока на берлинские окраины. Самые упорные бои опять разгорелись на участке 8-й Гв.А и 1-й Гв.ТА, которые продвинулись за день до 15 км и не только вышли к внешнему обводу, но и вклинились в него. Войскам снова пришлось прорывать заранее подготовленные оборони-

тельные сооружения, опиравшиеся на выгодную для обороны местность.

К вечеру 20 апреля 23-я Гв.СД генерал-майора П.М. Шафаренко подходила к берлинской автостраде, которая огибала город примерно в 20 км от его центра. Командир 12-го Гв.СК генерал-лейтенант А.Ф. Казанкин приказал комдиву ночью продолжать наступление, пересечь автостраду и к 04.00 21 апреля овладеть рубежом Линденберг – Кларахе и передовыми отрядами ворваться в Берлин.

Для выполнения этой задачи комдив генерал-майор Шафаренко ввел в бой свежие силы – 68-й Гв.СП. В 01.00 усиленный передовой батальон полка овладел железнодорожным переездом в 2 км юго-западнее Зеефельда. До автострады оставалось пройти всего 3 км. На подходе к городу передовой отряд полка разгромил колонну немцев численностью до двухсот человек с тремя САУ.

В ночном бою без сплошной линии фронта Шафаренко вместе с командующим артиллерией полковником Рибзовым попал в неприятную историю. В составе своего НП они двигались на автомашинах в направлении Зеефельд – Блюмберг. Поскольку впереди было тихо, решили проехать вперед, разобраться с обстановкой и ускорить движение полков дивизии к берлинской автостраде. Вероятно, последнее и стало главным мотивом в рискованных действиях генерал-майора Шафаренко. Кто же «разбирается в обстановке» среди ночи?

Отъехав два километра от Зеефельда, советские офицеры услышали шум двигавшихся навстречу танков. При свете луны удалось рассмотреть три немецкие САУ и следующую за ними колонну машин с солдатами. На счастье комдива, тут же завязался встречный бой передового отряда 68-го Гв.СП с немецким отрядом, по которому с тыла открыла огонь и группа, сопровождавшая Шафаренко. Надо ли говорить, к чему могла привести эта опасная ночная вылазка командира дивизии...

Тем не менее к 09.00 21 апреля части дивизии овладели крупным опорным пунктом в Блюмберге. Наконец-то берлинская автострада была перерезана.

Отходя на новые рубежи, немцы оставляли в тылу наступавших советских войск снайперов, пулеметчиков и фаустников. Они внезапно открывали огонь по офицерам, связистам, расчетам орудий, по движущимся к передовой танкам и автомашинам,

пытаясь тем самым задержать наступавших. С этими «подпольщиками» вели борьбу вторые эшелоны частей. Эти тактика, отработанная в пригородах Берлина, получила свое дальнейшее развитие и в черте города.

Кроме того, вторые эшелоны до ввода в бой прикрывали наиболее опасные направления, фланги и тылы частей первого эшелона, обеспечивая их устойчивость.

Для того чтобы подчеркнуть трудности, которые пришлось преодолевать при наступлении на Берлин войскам в этот день, стоит описать один эпизод на участке наступления 8-го Гв.МехК в направлении городка Эркнер, в восточном пригороде Берлина.

По словам начальника разведотдела 1-й ТА полковника А.М. Соболева, Эркнер был одним из узлов сопротивления в тыловой оборонительной полосе берлинской обороны. Справа и слева от него – озера. Здания, приспособленные к обороне, улицы огорожены противотанковыми препятствиями, подступы густо заминированы. Ясно, что брать его можно только штурмом. Да, но штурмы тоже можно организовать по-разному. Несколько раз его уже пытались взять в лоб, но безуспешно.

Топтание на месте тогда не приветствовалось. Командующий фронтом приказал взять этот злосчастный Эркнер немедленно, так как там были два моста – шоссейный и железнодорожный, которые были нужны для продвижения вперед.

По указанию Катукова операция была поручена лихому командиру мотоциклетного батальона 8-го Гв.МехК майору Графову. Тот предложил неожиданный маневр – ночью подойти к городу лесом, то есть там, где немцы их меньше всего ждали. Его замполит старший лейтенант Безродный подтвердил, что немцы ночью, а тем более в лесу, неустойчивы. Боевой был политработник, по тылам не отсиживался: неоднократно возглавлял разведгруппы, был награжден четырьмя орденами, которые недвусмысленно говорили о его боевых заслугах. Богата была в то время Красная Армия инициативными офицерами среднего звена, выросшими за войну!

Командующий 1-й Гв.ТА Катуков одобрил это предложение весьма своеобразным образом. Он ничтоже сумняшеся изрек: *«В конце концов все равно – в лоб ли, в обход ли, но Эркнер должен быть взят. Возьмешь – получишь Героя, не возьмешь – пеняй на себя»*. Вот вам и одобрение инициативы! Яркая иллюстрация

«вдумчивого» подхода опытного командующего к планированию боевых действий вверенных ему войск...

Хотя, конечно, командующий много посулил, но и без помощи не оставил. Батальон Графова был усилен ротой танков, дивизионом САУ-100, батальоном амфибий и четырьмя «катюшами». И на том спасибо!

Командир батальона, а скорее передового отряда, до мелочей растолковал своим подчиненным план операции, так как цена неудачи была бы слишком велика. В ночь на 21 апреля отряд двинулся колонной без особой маскировки, прочесывая каждую просеку шквальным огнем. Тем не менее несколько раз нарывались на засады, которые уничтожали, а завалы растаскивали танками. Двадцать километров шли пять с половиной часов! Кстати, завалы были начинены фугасами и переплетены проволокой. Это немцы умели.

В результате ночного маневра отряд Графова внезапно появился у Эркнера, где его явно не ждали. Мотоциклисты, сея панику, ринулись в город, продвигаясь к мостам. Шоссейный мост немцам все же удалось взорвать. Но под прикрытием огневого налета «катюш» и самоходок танки по жезнодорожному мосту проскочили на другой берег. Сам Графов, кстати, был на втором танке в этом смертельно опасном броске! Уже третий же танк на этом мосту был подбит болванками немецких танков. Но важный плацдарм был захвачен. В бою за Эркнер было захвачено более 7000 пленных, уничтожены десятки танков и штурмовых орудий. Потери отряда Графова тоже были чувствительны: около 30% танков и бронетранспортеров и примерно столько же в живой силе.

Доложив об успехе командиру 8-го Гв.МехК Дремову, Графов естественно, получил новый приказ: *«Вперед на Берлин!»* Далее последовал любопытный диалог: *«Так нет снарядов, товарищ генерал... – Дави гусеницами! За тобой весь корпус!»* Что тут сказать... Генерал Дремов – достойный «ученик» Катукова, о потерях при движении вперед без снарядов он, видимо, не особенно задумывался, считая, вероятно, что цель оправдывает средства.

Так вот, этот бой за Эркнер, далеко не самый важный эпизод в битве за Берлин, был еще и не самой памятной страницей в биографии Графова. Впереди того еще ждали бои за аэродромы

Адлерсхоф и Темпельхоф, Ангальтский вокзал и Зоологический сад.

Командующий 1-й Гв.ТА все-таки сдержал свое слово – 31 мая 1945 г. майор Графов получил звание Героя. А ведь мог бы и не дожить до этого момента, как его друг старший лейтенант Долгов... Это тот храбрец, который первым проскочил по мосту в Эркнер и погибший за два часа до окончания боев в Берлине. Ему не суждено было узнать, что он погиб уже будучи Героем. Вот она, судьба отважных боевых командиров, часто балансировавших между подвигом и трибуналом...

21 апреля авиация не смогла должным образом поддержать наземные войска в наступлении. Главной причиной были крайне неблагоприятные погодные условия: дождь и туман сильно ограничивали видимость. В этот день летчики 16-й ВА вели боевую работу крайне ограниченно: до 20.00 штурмовики и истребители совершали полеты наиболее подготовленными парами, фактически лишь обозначая свое присутствие. Но с улучшением метеоусловий после 20.00 был спланирован и нанесен первый массированный удар штурмовой авиации по Берлину: атакам подверглись немецкие позиции на восточной окраине и в центре города.

А вот люфтваффе 21 апреля действовали достаточно активно. Во второй половине дня немцы группами по 10–20 ФВ-190 (и не парами!) пытались бомбардировать позиции советских войск. Надо отметить, что плохая погода и в последующие дни сопутствовала лишь действиям «сталинских соколов»...

Наконец-то перед наступавшими войсками Красной Армии замаячили пригороды столицы Третьего рейха. После четырех лет войны, череды тяжких поражений и великих побед, неисчислимых жертв всего народа, неотвратимое возмездие стало реальностью для нацистов. Но не все было так просто. То, с чем советские войска встретились в Берлине, не шло ни в какое сравнение с тем, что было раньше. Немцы дрались с отчаянием обреченных везде: в жилых домах, на лестничных клетках, в подвалах, на чердаках и крышах, в подземных тоннелях канализационной системы и в метро.

Минировались не только сами дома, но даже мебель в них, не говоря уже об автомашинах, мотоциклах, велосипедах. На каждом шагу русских солдат подстерегали сюрпризы и ловушки. Большую опасность представляли немецкие диверсионные груп-

пы. Хорошо зная город, они маневрировали по переулкам и проходным дворам, между развалинами и уцелевшими зданиями, в лабиринтах подземелий и заводских корпусах.

Огромный город встретил войска 1-го БФ огнем из-за высоких парапетов многочисленных каналов, из каждого дома, из-за углов, из подвалов, окон верхних этажей, с чердаков и крыш. Улицы и перекрестки простреливались автоматным и пулеметным огнем. Активно использовались фаустпатроны.

Чем же ответило на это командование фронта?

С началом боев в пригородах Берлина командующие 3-й и 5-й УА, 8-й Гв.А, 1-й и 2-й Гв.ТА, учитывая ранее приобретенный опыт уличных боев, ввели в действие заблаговременно организованные штурмовые группы. Надо сказать, что их состав не был постоянным. Он определялся конкретными условиями и зависел от величины характера атакуемого объекта, ширины улиц, переулка, размера площади.

Так, в 3-й УА в состав штурмовой группы входили: стрелковая рота, 60–70 автоматчиков, отделение саперов, отделение химиков, два – четыре танка и САУ, одна-две 203-мм гаубицы, две 152-мм или 122-мм гаубицы, шесть – десять 76-мм орудий. В 5-й УА штурмовая группа была несколько меньше: 50–60 автоматчиков, те же саперы, танки и САУ, орудия и гаубицы, но были еще и 8–12 120-мм минометов и каким-то чудом дошедшие до Берлина одно-два 45-мм орудия. На вооружении других групп были: три-четыре станковых и шесть – восемь ручных пулеметов, 14–18 минометов (82-мм), а кое-где использовались огнеметы.

В танковых армиях состав штурмовых групп был несколько иной. Они включали: подгруппу блокирования – один взвод мотопехоты, отделение саперов, один тяжелый пулемет, подгруппу обеспечения – два взвода мотопехоты и до роты противотанковых ружей, а также одно 76-мм и два 57-мм орудия. Конкретно в 1-й Гв.ТА, начавшей формирование штурмовых групп позже всех – 25 апреля, их состав был таков: стрелковая рота, танковая рота (4–6 танков), батарея САУ (2–4 единицы), батарея 57-мм или 76-мм орудий, взвод тяжелых пулеметов, взвод ПТР и два – четыре 37-мм зенитных орудия.

Подгруппа блокирования должна была блокировать огневые точки и подрывать дома, а подгруппа обеспечения – поддержи-

вать огнем блокировщиков, очищать здания. Ну а танки должны были действовать между подгруппами и обеспечивать продвижение штурмовых групп.

Основными особенностями действия танков в уличных боях являлись: трудность ориентировки, наличие хорошо замаскированных противотанковых средств противника и их расположение за прочными укрытиями (в простенках зданий, в подвалах, в бетонных и бронированных колпаках, за углами каменных домов и кирпичными заборами); плохая видимость во время боя (пожары, дым, пыль от разрушенных зданий), сложность взаимодействия с пехотой, которая вела бои внутри зданий, ограниченность маневра, вызванного наличием большого количества баррикад, различного рода инженерных заграждений, а также затрудненные условия ведения огня.

В идеале впереди танков должны были наступать автоматчики, которые двигались по обеим сторонам улиц и вели перекрестный огонь по окнам подвалов и верхних зданий, охраняя танки от фаустников и обеспечивая их продвижение вперед.

Насколько фаустпатрон был грозным оружием в ближнем бою, говорит тот факт, что в Берлине от их огня 2-я Гв.ТА потеряла 50% танков. Специально для господина Исаева, который с этим не согласен, указывается источник этой цифры – ЦАМО ф.233, оп.355817, д.2, л.19.

В 3-й Гв.ТА потери боевых машин 15 апреля – 2 мая 1945 г. таковы (в числителе – общие потери, в знаменателе – безвозвратные):

Тип	Всего выведено из строя	В том числе	
		артогнем	фаустпатронами
Т-34/85	365/166	198/97	105/65
Т-34/76	6/2	3/1	-
ИС-122	12/2	6/2	-
ИСУ-122	31/7	19/6	3/1
СУ-100	16/4	11/4	-
СУ-85	32/5	11/4	6/1
СУ-76	31/8	12/2	11/6
СУ-57	10/6	6/3	4/3
Итого:	503/200	266/119	129/76

Таким образом, из 503 единиц бронетехники в 3-й Гв.ТА – 129 или 22,6% были потеряны от фаустпатронов, к которым столь пренебрежительно отнесся господин Исаев. Источники приведенных данных – ЦАМО, ф.236,оп.2704, д.212, кл.1516.

1-я Гв.ТА во время боев с 16 апреля по 2 мая 1945 г. безвозвратно потеряла 232 бронеединицы (45%), из них в боях за Берлин – 104 единицы, что составило 45% к общему количеству потерянных танков и САУ. До 10% безвозвратно потерянных было уничтожено в результате применения немцами фаустпатронов. Руководство армии отмечало, что *«...боевые потери в уличных боях характерны повышенным количеством машин, вышедших из строя от фаустпатронов»*.

В тех случаях, когда продвижению танков мешали танки и штурмовые орудия противника, расположенные в укрытиях, вперед должны были выдвигаться САУ, которые, ведя огонь по вражеским танкам, обеспечивали продвижение пехоты и танков, если к тому моменту сами сумели уцелеть. Если позволяла обстановка, танки с десантом пехоты, на скорости преодолевая несколько кварталов, закреплялись на перекрестках, площадях и скверах, помогая тем самым пехоте и артиллерии уничтожать очаги сопротивления противника.

Столь благостная картина ведения боя танковыми подразделениями в городе нарисована известным советским танковым теоретиком генералом армии Радзиевским, который в мае 1945 г. был начальником штаба 2-й Гв.ТА. Понятно, что в послевоенных работах он пытался доказать, что тогда все так и было, как он изложил на страницах работы «Танковый удар». К сожалению, жизнь – бои на улицах Берлина – зачастую вносила весомые коррективы с отрицательным знаком в теоретические положения танкового генерала.

Действиям штурмовых отрядов и групп в начале каждого дня боя предшествовала мощная артподготовка. Артиллерия вела огонь с закрытых позиций на подавление разведанных артбатарей противника. Если же разведданных не было – огонь велся наобум, по месту вероятного расположения, что зачастую было пустой тратой снарядов.

Огонь накладывался по всему массиву зданий квартала на глубину 300–400 метров. Далее, на глубину до километра, участки подавления назначались только по перекресткам улиц,

включая и все угловые здания. Длительность артподготовки обычно не превышала 20–30 минут. При бое в городе огневые позиции батарей располагались ближе, чем в обычных условиях, к боевым позициям пехоты и танков. Орудия, выделенные для прямой наводки, располагались не далее 300 метров от исходного положения пехоты. НП командиров артподразделений размещались в боевых порядках пехотных рот первого эшелона.

Кроме того, в уличных боях в Берлине хорошо применялись реактивные установки для ведения огня дивизионными и полковыми залпами по самостоятельным участкам для разрушения объектов в глубине обороны противника, а также и для стрельбы прямой наводкой. Последний метод использовался непосредственно с земли для разрушения баррикад прямо из укупорки, а для разрушения отдельных зданий – из окон или проломов. При дальности стрельбы 100–150 метров снаряд М-31 пробивал кирпичную стену толщиной 70–80 см и, как правило, разрывался внутри здания.

Нередко реактивные артиллерийские установки М-30 придавались непосредственно штурмовым группам. Тяжелые снаряды затаскивали на второй-третий этажи и запускали прямо из окон. Неистощима русская смекалка, особенно когда припечет!

Следует отметить, что поначалу взаимодействие с пехотой было далеко не идеальным. В истории 11-го ТК отмечалось, что *«не обученная к совместным действиям с танками пехота, как правило, при обстрелах часто покидала танки и рассредоточивалась по подвалам и чердакам»*, да и отставала частенько. Понятно, что танкисты болезненно реагировали на подобные факты, потому что своей пехоты из состава мотострелковых бригад явно не хватало, а с каждым часом боев ее становилось все меньше. Кто же должен был прикрывать танки в уличных боях?

Начальник оперотдела штаба 3-й УА полковник Семенов совершенно справедливо считал, что в первые часы боевые действия советских войск на улицах Берлина носили недостаточно организованный характер, так как подразделения и части не имели опыта наступательных боев в условиях большого города. Сказывались также неполадки в подготовке штурмовых отрядов и групп. Среди многоэтажных домов, где не было четко выраженной линии соприкосновения с противником и бойцы зачастую не видели своих соседей, весьма трудно было налажи-

вать взаимодействие между наступающими частями и средствами поддержки.

Старшие начальники теряли управление подчиненными, не оказывали им должной помощи при организации боя. Нередко атакам подвергались те объекты противника, которые следовало обходить. Все это снижало темпы продвижения и вело к неоправданным потерям!

Конечно, Семенов отмечал, что *«наши войска быстро овладели навыками наступательного боя в новых условиях»*. К сожалению, он почему-то умалчивал о причинах слабой подготовки штурмовых групп и провалах в руководстве со стороны вышестоящих. Возникает ряд вопросов по этому поводу: во-первых, не сказалось ли на этом качество полученного перед началом операции пополнения; во-вторых, достаточно ли было времени на подготовку этого контингента; и в-третьих, насколько грамотными были сами обучающие?

Похоже, многое в этом вопросе было не доработано теми, кто отвечал за боевую подготовку войск в силу тех или иных объективных и субъективных причин. Оставалось рассчитывать на боевую сметку солдат и младших командиров, уже имевших богатый боевой опыт.

В ходе боев стало ясно, что для полного разрушения зданий в состав групп необходимо включать и 203-мм гаубицы. Тактика действий таких групп была такова. Бой начинали 45-мм и 76-мм орудия под прикрытием автоматчиков, а также бойцов, вооруженных трофейными фаустпатронами, которые русские солдаты освоили в короткий срок, даже без принятия соцобязательств. Затем подключались танки, в том числе огнеметные, и химики-пиротехники.

Под прикрытием дыма и пыли вступали в действие гаубицы БМ, технология «работы» которых была довольно простой. Они выдвигались на расстояние 150–200 метров от многоэтажного дома, где оборонялись немцы. Несколько выстрелов прямой наводкой разрушали простенки между окнами первого этажа, и здание, потеряв опору, рушилось, погребая под развалинами немецкий гарнизон. Просто и эффективно.

В использовании артиллерии проявилась весьма характерная особенность: по мере продвижения в глубь города использование орудий сначала было затруднено, а потом вообще стало невоз-

можным. Обнаружилось, что город как бы вытеснял артиллерию, то есть для такого огромного числа орудий в Берлине просто не стало хватать места. Данное обстоятельство нивелировало преимущество советских войск в артиллерии перед немцами.

Огневые позиции можно было размещать только на больших площадях, в садах и парках. Из-за этого часть орудий пришлось выводить из боя и отводить в тыл. Перестарались, видимо, артиллерийские начальники, помня, вероятно, свои недоработки у Зееловских высот...

Потом, по мере сближения войск в центре города, возникла, как писали историки, *«угроза поражения огнем артиллерии своих войск»*. Начальник оперотдела штаба 3-й УА полковник Семенов в туманных выражениях признавал, что реальная угроза взаимного обстрела существовала только где-то с 26 апреля и требовала *«уточнения районов расположения войск»*.

Эта угроза не только существовала, но и стала грозной реальностью. Накрывали свои войска артогнем много раз, что, конечно, немудрено в городской тесноте, что усугублялось также нестыковкой в работе различных штабов. Но докладывать «наверх» об этом почему-то не спешили...

В книге о боевом пути 2-й Гв.ТА указывалось, что для обозначения своего местонахождения стрелковые отделения должны были вывешивать красные флаги в окнах домов и на этажах, которые были хорошими ориентирами для танков и артиллерии.

Но вот незадача, немцам все эти флаги очень не нравились, и они их срывали. Дальнейшее понятно – стрельба по противнику без видимых ориентиров, а зачастую – по своим...

В этот день – 21 апреля – в 11.00 в Берлине завыли сирены, сообщая гражданскому населению о возникновении танковой угрозы, которая действительно стала совершенно недвусмысленной.

Под эти наводящие тоску звуки рейхсминистр Геббельс в порыве редкой откровенности, находясь в полном отчаянии, кричал своим сотрудникам: *«Война бесповоротно проиграна! Виноват в этом не фюрер, а немецкий народ... Что можно сделать с таким народом, если он не хочет воевать... Он был слишком труслив, чтобы осуществить все планы, идеи и цели национал-социа-*

лизма. Немецкий народ заслужил участь, которая ему уготовлена!» Закончив свою желчную тираду о немецком народе, Геббельс «обнадежил» своих подчиненных: *«А вам всем перережут горло. Но когда мы уйдем, мир содрогнется!»*

Эти высказывания министра пропаганды можно объяснить только его полным разочарованием от крушения всех планов нацистов, страхом за свою судьбу и бешеной злобой на немецких солдат, которые, несмотря на его многолетнюю пропагандистскую трескотню, не смогли выполнить *«предначертания фюрера»*. Правда, этот истерический припадок не помешал Геббельсу и дальше вещать о близкой победе...

Упреки Геббельса были абсолютно несправедливы. Солдаты и офицеры вермахта в течение всей войны храбро бились на полях сражений от Ла-Манша до Волги, а также в Африке, Италии, Норвегии и на Балканах, а моряки вели морскую войну на четырех океанах. Ну а почему они, которым нацистским руководством были поставлены явно нереальные цели, не достигли запланированного конечного результата – это уже другой вопрос.

День 21 апреля в Берлине был отмечен также еще одним знаменательным событием, как отмечал Хью Томас. С этого дня было прекращено движение по кольцевой автостраде и по линиям метро. К первой кое-где уже подошли части Красной Армии, а подземку немцы, вероятно, хотели теперь использовать в чисто военных целях. В тот день перестали работать промышленные предприятия немецкой столицы. Не отстали от них и коммунальные службы: прекратилась подача газа и электроэнергии, кончились запасы угля. Остановились трамваи и троллейбусы. Говоря современным языком, город был поставлен на грань экологической катастрофы.

Правда, связь в Берлине все еще поддерживалась при помощи городской телефонной станции. Ее техники отказывались портить дорогостоящее оборудование. Советская военная разведка быстро разгадала, что противник использовал ГТС для корректировки огня артиллерии, а также для передачи данных о перемещении войск.

После дневного совещания 21 апреля Гитлер заявил своему камердинеру Линге, что *«все лишние люди должны уехать из Берлина. Нужно увезти уже сейчас на Оберзальцберг все мои личные*

вещи и военный архив. Со мной должен остаться лишь самый узкий штаб». После этого он сказал Линге, что *«в самом крайнем случае он всегда сможет улететь из Берлина на "Физелер-Шторхе"».*

Его окружение лелеяло надежду в случае обострения обстановки «смотаться» на Оберзальцберг. Списки лиц, которые должны были туда вылететь, составлялись адъютантами фюрера – Шаубом и фон Беловом. Счастливчиков должны были вывезти самолеты правительственной эскадрильи, находившейся на аэродроме Гатов, западнее Берлина.

Вечером 21 апреля, с наступлением темноты, длинная колонна грузовых и легковых автомашин выехала через ворота рейхсканцелярии в направлении этого аэродрома. Улетели из Берлина около ста человек, среди которых были Альберт Борман – личный адъютант фюрера и брат Мартина Бормана, адъютант от флота контр-адмирал фон Путткамер и другие сотрудники аппарата.

Линге отправил на Оберзальцберг два самолета: на одном из них до 40 ящиков с личными вещами Гитлера и диетическими продуктами, сопровождаемых еще одним камердинером Гитлера – штурмфюрером Вильгельмом Арндтом – и двумя ординарцами. На втором самолете находилось до 50 ящиков с военным архивом, сопровождаемых сотрудниками СД, а также багаж секретарш фюрера Вольф и Шредер, а также доктора Блашке.

Первый самолет Ю-352 майора Фридриха Гундлфингера смог взлететь только около 05.00 22 апреля. Он направлялся на аэродром Айнринг, расположенный в 8 км западнее Зальцбурга. Самолет летел на малой высоте, чтобы избежать встречи с истребителями союзников. Из-за ошибки пилота он задел за верхушки деревьев и рухнул на землю в районе деревни Бернерсдорф. Эта катастрофа очень расстроила Еву Браун, поскольку Арндт перевозил ее письмо сестре Гретль и чемоданы с личными вещами.

Остальные самолеты, вылетевшие на юг, благополучно долетели до Мюнхена, о чем ставка была извещена из Оберзальцберга. Забегая вперед, надо сказать, что самолеты правительственной эскадрильи совершили в ночь на 23 апреля около двадцати полетов с аэродромов Гатов и Штаакен в Мюнхен, Зальцбург и Айнринг.

По утверждению историка Безыменского, который ссылался на записные книжки Бормана, 21 апреля наблюдался интенсив-

ный радиообмен между рейхсканцелярией и Оберзальцбергом. С 08.59 до 23.07 было передано и получено шесть шифротелеграмм о размещении в горах представителей Бормана и других процедурных вопросах перемещения самого рейхслейтера на юг.

В частности, Борман получил радиограмму от своего сотрудника доктора Гельмута фон Хуммеля, который был заранее отправлен в Оберзальцберг в качестве квартирьера, о плане размещения там отделов и служб. Из этого факта можно сделать вывод, что рейхслейтер в это время надеялся на перезд на юг. Если, конечно, не считать все эти радиопереговоры частью какой-то непонятной для нас кампании дезинформации по организации безопасного ухода Бормана из Берлина.

Кроме того, 21 апреля Борман разговаривал по телефону со своей женой, находящейся в Оберзальцберге, о том, как организовать убежища для семьи в Тироле.

По свидетельству Гюнше и Линге, ночное военное совещание 21 апреля было самым коротким за все время войны. В воздухе висел все тот же наболевший вопрос: *«Почему фюрер все еще не решается покинуть Берлин?»* Гитлер, сгорбившись еще больше, мрачно выслушал доклад Кребса о прорыве русских через Цоссен и о боях на окраинах Берлина. Он пытался проследить движение наступавших русских войск, водя дрожащими руками по карте.

Внезапно фюрер выпрямился и бросил на стол цветные карандаши. Он тяжело дышал, лицо налилось кровью, глаза были широко открыты. Отступив на шаг назад от стола, он стал выкрикивать срывающимся голосом: *«Это ни на что не похоже! В этих условиях я не могу командовать! Война проиграна! Но если вы, господа, думаете, что я покину Берлин, то глубоко ошибаетесь! Я лучше пущу себе пулю в лоб!»*

Понятно, что и в Баварии Гитлеру не на что было рассчитывать. Впоследствии были обнаружены записи его бесед с Борманом, где фюрер говорил: *«Совершенно бессмысленно сидеть на юге, ибо там у меня не будет ни влияния, ни армий...»* И еще: *«Я бы сидел в Берхтесгадене, как жалкий беглец, и отдавал бесполезные приказы»*. Как будто его приказы были полезнее, когда он их отдавал, сидя в Берлине?

В беседе со своим пилотом Бауром фюрер излагал: *«У меня две возможности: уйти либо в горы, либо к Деницу во Фленсбург. Однако*

через 14 дней я окажусь в том же положении, и перед той же альтернативой...» Вероятно, поэтому Борман 21 апреля и радировал в Оберзальцберг – *«"Волк" остается здесь»*.

«Здесь» остался не только «Волк». После дневного совещания Гитлер оставил при себе еще начальника ОКХ Кребса, его адъютанта Фрейтага фон Лорилгхофена и офицера для поручений ротмистра Больдта.

22 апреля

С утра 8-я Гв.А совместно с 1-й Гв.ТА возобновили наступление и к 12.00 овладели пригородами Берлина – Фихтенау и Рансдорф. Во второй половине дня наступавшие части армии вышли к рекам Мюлен-Флисс и Даме. С ходу форсировали их и захватили плацдармы на западном берегу, в лесных массивах восточнее Уленхорста.

Части 1-й Гв.ТА продвигались к Берлину с востока. Передовой отряд 8-го Гв.МК захватил Кёпеник и вышел к реке Шпрее. Последняя представляла собой довольно серьезную преграду: ширина – до 150 метров, а глубина – до трех-четырех метров. Несмотря на достаточно успешные действия танкистов, командованию армии все равно казалось, что они продвигаются недостаточно быстро. Командир 8-го Гв.МК генерал-лейтенант Дремов отмечал, как рассерженный командарм Катуков выражал ему недовольство: *«Не роняйте свою боевую репутацию!»* Это, конечно, было несправедливо по отношению к войскам, но объяснялось теми отрицательными эмоциями командарма, которые у него периодически возникали после нагоняев, получаемых от Жукова. Система погонялок и угроз продолжала действовать...

Конечно, неувязки и срывы в ходе боев случались. В берлинский пригород Уленхорст, на его восточную окраину, в 07.00 22 апреля ворвались танкисты 44-й Гв.ТБр полковника И.И. Гусаковского из 11-го Гв.ТК. После того как танк комвзвода лейтенанта Аверьянова из передового отряда бригады выскочил на площадь города, офицер принялся через прицел рассматривать высокие, массивные здания. Он не выискивал противника, а выбирал наиболее солидное административное здание, чтобы, согласно полученному партийному поручению, водрузить на нем знамя. Его взгляд задержался на одном громадном доме. Осторожный танкист приказал своему взводу открыть по

нему огонь из орудий и пулеметов. Поскольку ответного огня не последовало, лейтенант понял, что немцев там нет. Потом он лично водрузил знамя на трубе облюбованного им здания.

Когда читаешь о боях за Берлин в различных работах, изданных в советские времена, кажется, что важнее дел, чем водружение знамени у советских солдат, по мнению многих тогдашних авторов, не было. Как отмечал в своих мемуарах начальник политотдела 3-й УА полковник Лисицын, подобная практика водружения красных флагов над захваченными опорными пунктами *«получила широкое распространение еще с первого дня уличных боев в Берлине»*.

Но в Уленхорсте вышла осечка: немцы контратаковали и отрезали 44-ю Гв.ТБр, которой пришлось вести бой в окружении. Лишь к 12.00 туда с чувствительными потерями в танках и артиллерии, САУ пострадали меньше, пробились подразделения 40-й и 45-й Гв.ТБр, а также 27-й Гв.МСБр.

Правда, вскоре танкисты овладели узлом железных дорог в южной части Уленхорста, но натолкнулись здесь на упорное сопротивление многочисленных немецких подразделений, которые, используя канал, смогли остановить дальнейшее продвижение бригады. Пришлось танкистам остановиться и организовать разведку.

Для усиления боевых порядков комкор полковник Бабаджанян прислал в распоряжение полковника Гусаковского 399-й САП. Только в 13.00 23 марта 44-я Гв.ТБр частью по обнаруженному мосту, частью по разведанным бродам с боем форсировала канал, заняла станцию Вульхайде и ворвалась на улицы другого пригорода Берлина – Карлсхорта.

Поскольку каждая улица в пригородах Берлина представляла собой оборонительный узел, то, как самокритично отмечалось в истории 11-го Гв.ТК, *«разведка далеко не всегда могла быстро установить слабое звено обороны»*, что вскрывалось в основном лишь в ходе боев и, конечно, не способствовало быстрому продвижению войск. За день боя части 1-й Гв.ТА прорвали внутренний берлинский оборонительный обвод и продвинулись на запад на 10 км.

Крупным узлом сопротивления – г. Фюрстенвальде, прикрывавшим подступы к юго-восточной окраине Берлина, предстояло овладеть 41-й СД, на усиление которой командир 25-го

СК генерал-лейтенант Труфанов направил самоходно-артиллерийский полк. Атаку должны были поддержать и другие части 69-й армии.

В город удалось ворваться с двух сторон утром 22 апреля. 244-й СП из 41-й дивизии во взаимодействии с самоходчиками, прикрываясь лесными насаждениями и обойдя ряд очагов сопротивления, атаковал город с северо-запада. С северо-востока к городу подошла батарея самоходок с десантом пехоты 39-го СП. Десант спешился и при поддержке огня самоходок атаковал противника. Немцы начали отходить к центру города. Разгорелись ожесточенные уличные бои, так как немцы отлично приспособили к обороне улицы, дома, подвалы и заблаговременно соорудили противотанковые заграждения.

Шаг за шагом продвигалась вперед пехота, поддержанная как самоходками, так и орудиями прямой наводки, которые своим огнем буквально сметали с земли оборонительные сооружения. Горели и рушились здания. Улицы и дворы заволокло пылью, дымом и гарью. Повсюду свистели пули и с визгом летели осколки мин и снарядов. Куски камня и кирпича градом стучали по мостовой, стенам и крышам домов. В сплошном гуле боя человеческая речь была не слышна.

Овладеть Фюрстенвальде с огромным трудом удалось только к вечеру 22 апреля, после тяжелых боев. Наконец-то удалось выйти к Шпрее, ночью форсировать реку и далее продвигаться к автостраде Франкфурт-на-Одере – Берлин.

Остальные армии 1-го БФ тоже продолжали наступать. Части 47-й армии вместе 9-м Гв.ТК, обходя Берлин с севера, в 19.00 форсировали реку Хафель. Части 3-й УА – 7-й и 79-й СК, 12-й Гв.СК – и 1-го МехК вели бои в северо-восточных районах города и также прорвали внутренний оборонительный обвод. Части же 5-й УА – 9-й и 52-й СК и 26-й Гв.СК – совместно с 11-м ТК сражались в восточной части города.

После ночной перегруппировки части 301-й СД утром 22 апреля перешли в наступление и овладели пунктами Нойесхаген, Хоппенгартен, Мальсдорф и вышли к восточной окраине берлинского пригорода Карлсхорст, но попытки ворваться туда с ходу не удались.

Пригород Карлсхорст входил в систему опорных пунктов внутреннего оборонительного рубежа. Он был заранее подготов-

лен к обороне, а крупные комплексы кирпичных зданий, такие как городок военно-инженерного училища, превращены в сильные опорные пункты. Насыпи нескольких железных дорог, идущих параллельно фронту, были изрыты траншеями с площадками для орудий и пулеметов. За городом протекала река Шпрее шириной 200–300 метров. На западном берегу реки находился парково-лесной массив – парки Трептов и Плентервальде. Пока же перед глазами наблюдателей расстилалось сплошное красно-серое море черепичных крыш...

В 10.00 на КП 301-й СД прибыли командующий 5-й УА Берзарин и командир 9-го СК генерал-лейтенант Рослый. Полковник Антонов в ходе доклада поспешил поздравить своего командарма с присвоением звания генерал-полковник. Берзарин сказал: *«По-моему, у вас в корпусе мы тоже скоро будем поздравлять генералов»*. Он, конечно, знал о том, что Антонову еще 20 апреля было присвоено звание генерал-майор, но не спешил с поздравлениями, дожидаясь официального сообщения.

Генералам через пролом в стене особняка не удалось рассмотреть Берлин, поскольку его закрывала дымка. Берзарин выдал решение: *«Противника нужно здесь сокрушить и не просто форсировать, а перелететь через Шпрее... Мы сразу же введем в Карлсхорст генерала Галая – второй эшелон корпуса»*. Командарм подчеркнул, что в распоряжение Антонова переданы корпусная и армейская артгруппы, а также выделены штурмовики для поддержки. Он пообещал, что с выходом к Шпрее дивизии будет передана 1-я бригада Днепровской военной флотилии, а начальник инженерной службы армии генерал-майор Фурса выведет весь армейский понтонный парк.

Последнее распоряжение было понятно. Ведь штатный переправочный парк дивизии военного времени был весьма бедноват и не обеспечивал форсирования в большом масштабе. В дивизии всегда сами готовили лодки для всех полков и везли их в обозе. Конечно, саперы тоже подсуетились и набрали много трофейных лодок, брошенных бежавшими хозяевами.

В 12.50 началась артподготовка. Снаряды огневым ливнем обрушились на Карлсхорст. После обстрела последовала атака с воздуха штурмовиков, которым попытались помешать Ме-109.

Конечно, взятие Карлсхорста прошло далеко не так гладко. Командир батальона 1050-го СП майор Шаповалов вспоминал

об обстановке на окраине этого пригорода Берлина: *«Я и сейчас ясно вижу перед собой картофельное поле, изрытое воронками. За ним маячит электроподстанция. Моему и другому такому же стрелковому батальону поставлена задача овладеть ею. Но над картофельным полем бушует многослойный огонь вражеской артиллерии и пулеметов, неистовствуют пули снайперов»*. Из-за заминки пехоты немцы предприняли контратаку значительными силами при поддержке танков на левом фланге 1050-го полка. Туда тут же перенесла огонь дивизионная артиллерия. Энергичные действия командира артполка полковника Г.Г. Похлебаева спасают положение: контратаку удалось отбить.

На позиции батальона Шаповалова прибыл даже командарм 5-й УА генерал-полковник Берзарин, который интересовался причинами задержки наступления. Комбат вынужден был доложить, что приданные ему танки и артиллерия отстали. Генерал Берзарин решил «подбодрить» подчиненного: *«Я знаю, почему так получилось. Вы младше по званию и возрасту командиров этих подразделений, а потому стесняетесь проявить должную требовательность. Это никуда не годится. В бою общевойсковой офицер – голова над всеми остальными. Решайте, требуйте, приказывайте! Все должны работать на матушку-пехоту»*.

После этого импровизированного инструктажа Берзарин дал накачку также командирам танкистов и артиллеристов. Он резко подчеркнул, что если бы их танки и пушки находились в боевых порядках пехоты, то она не топталась бы на месте. Конечно, все здесь присутствующие понимали, что минированные дороги, труднопреодолимые завалы на них, взорванные мосты через многочисленные каналы очень затрудняли продвижение техники. Надо было изыскивать обходные пути, а на это требовалось много времени.

Генерал Берзарин пояснил офицерам задачу 301-й СД, которой было приказано немедленно овладеть Карлсхорстом и с ходу форсировать Шпрее. Необходимо было быстро проскочить городок и разрезать тамошнюю группировку противника надвое. Резать этот пригород должны были 1050-й СП и 92-й ТТП полковника Мясникова, в составе которого были танки ИС-2.

Напоследок камандарм поинтересовался наличием переправочных средств. Комбат Шаповалов доложил, что лодки следуют за войсками на повозках, а катера Днепровской флотилии транс-

портируются автомашинами. После этого доклада успокоенный Берзарин на «виллисе» отбыл восвояси в сопровождении своего члена ВС генерал-лейтенанта Бокова.

За час боя удалось захватить восточную часть Карлсхорста, а батальон капитана Шаповалова из 1050-го СП штурмом овладел военным городком военно-инженерного училища. Через некоторое время части 301-й СД, захватив вокзал, вышли на западную окраину города.

Правый сосед дивизии — 230-я СД полковника Шишкова — вел бой за железнодорожную станцию Руммельсбург. Левый сосед продолжал отставать, из-за чего с крыш и окон группы зданий заводских комплексов на северо-западной окраине Обершеневейде боевые порядки 301-й СД подвергались постоянному обстрелу. Не исключалась и возможность немецких контратак с этого направления.

Около 17.00 разведрота вышла на берег Шпрее. После захвата Карлсхорста перемахнуть с ходу реку не удалось. По ее берегам тянулись сплошные минные поля. На той стороне виднелось несчетное количество бронеколпаков и бункеров. Бой опять вспыхнул с новой силой. Каждый дом, окно, амбразура изрыгали смертносный огонь.

Прибывший на место действия командир 301-й СД Антонов вынужен был уточнить, как должен был далее действовать 1050-й СП. Форсировать Шпрее батальону Шаповалова предстояло в районе Трептов-парка, южнее громадной теплоэлектроцентрали Руммельсбург. Рядом с ним должны были переправляться через реку батальоны капитана Н.В. Оберенченко и майора И.З. Михайлова.

С наступлением темноты три комбата вышли к месту переправы. К ночи бой утих, но кое-где еще стреляли орудия, гремели разрывы снарядов, полыхали оранжевые струи огнеметов. В небе гудели ночные бомбардировщики. Вскоре на берегу появились командир 9-го СК генерал-лейтенант Рослый и его начальник штаба генерал-майор Е.И. Шикин. Позади них шли командир отряда полуглиссеров Днепровской флотилии лейтенант М.М. Калинин и командиры его катеров, которым предстояло перебросить 1050-й СП через Шпрее. Генерал Рослый лично поставил задачу катерникам. Он был немногословен: *«От моряков требую действовать стремительно. Особенно при*

переправе первого броска». Назвав их моряками, генерал сильно польстил воинам речной флотилии.

К берегу подвезли лодки, и форсирование реки началось. Первым начал переправу батальон Оберенченко. Его высадка прошла без единого выстрела. Два других комбата до боли в глазах вглядывавлись в темень, ждали сигнала, что путь свободен, но его не было. Уже начал брезжить рассвет, а они все еще тяготились неизвестностью. Наконец-то с другого берега застрочил немецкий пулемет. Над головами комбатов зло запели пули. По вспышкам выстрелов была сосредоточена вся мощь огня двух батальонов. Завязался яростный огневой бой.

После высадки на западном берегу левый фланг 301-й СД должен был прикрыть 1052-й СП с 92-м ТТП. Под обстрелом немецкая пехота начала отходить с западного берега в глубь парка. Огонь счетверенных зенитных установок с окраины Обершеневейде был подавлен огнем танков ИС-2.

В результате успешного наступления в течение 22 апреля ударная группировка 1-го БФ охватила Берлин с севера и востока, начались бои в городских кварталах. Чтобы замедлить наступление советских войск, немецкое командование в тот день ввело в бой из состава войск берлинского гарнизона шесть отдельных полков и 40 отдельных батальонов. Вероятно, из-за этого результаты боев 21—22 апреля не удовлетворили командование 1-го БФ, полагавшее, что оборона в пригородах Берлина преодолевается медленно.

Командующий 1-м БФ Жуков считал, что *«оборона г. Берлина противником организована очень слабо»*. Поэтому действия подчиненных войск маршала совершенно не устраивали. В подписанном им приказе №00693/оп от 22.04.45 г. говорилось, что *«бой организован плохо и части не организованы для ведения боя в городе в соответствии с инструкцией по ведению боя в городе»*.

С ним соглашается и российский историк Исаев. В труде «Георгий Жуков» он также пишет, что *«вооруженные стрелковым и легким противотанковым оружием мелкие подразделения — это несерьезный противник для армии с сотнями стволов артиллерии различных калибров, поддержанных авиацией, имеющей развитую систему связи и снабжения»*.

Представляется, что господин Исаев в данном случае не совсем прав. Он не учитывал условий ведения боя в городе, когда весо-

мость мелких подразделений резко повышалась. Конечно, если бы все эти сводные немецкие части сидели в обороне в чистом поле, то они не смогли бы устоять под ударом дивизий и бригад 1-го БФ. А в городе эти крупные соединения просто вынуждены были распыляться и тоже вести бои мелкими группами, что в какой-то мере уравнивало шансы противников. Насколько же умело была организована боевая деятельность штурмовых групп – другой вопрос.

Как город буквально вытеснял большую часть артиллерии, писалось выше. Говорить же о реальной поддержке авиации в хаосе уличных боев вообще не приходится. Видимо, господин Исаев не ознакомился с известными трудностями оказания авиационной поддержки в условиях ведения боев в Берлине. Также он не представляет, насколько эфир был забит работой в городе массы радиостанций воюющих сторон, что крайне затрудняло организацию связи. Про проводную связь на улицах можно вообще не вспоминать.

Трудности снабжения войск всеми видами довольствия, боеприпасами и горючим отмечены как в исследованиях о Берлинской операции, так и в мемуарах участников. Переправы через Одер подвергались постоянным ударам немецкой авиации, снабжение войск было организовано с помощью автомобильного транспорта, движение которого было крайне затруднено имевшимися разрушениями в населенных пунктах, сплошным минированием дорог и нападениями блуждающих групп немцев.

Так что все преимущества для советских войск, указанные Исаевым, оказываются весьма относительными. Ясно, что в данном случае уважаемый историк просто «проскользил по поверхности» известных событий, не попытавшись вникнуть в их глубинную сущность в поисках аргументов, подтверждавших позицию маршала Жукова. Удивляет и безапелляционность суждений историка, напрочь отметающего доводы других исследователей. Правда, в своей последней работе «Берлин 45-го» он постарался более взвешенно подойти к оценке боев за город.

В подтверждение мнения Жукова о *«слабости обороны Берлина»* Исаев начинает подсчитывать количество немецких дивизий, оказавшихся в Берлине, и численность немецких войск, оборонявших город, считая *«гарнизон Берлина слабым и немного-*

численным». Он указывает также количество пленных, захваченных при разгроме 9-й армии юго-западнее Берлина, для подтверждения тезиса о слабости берлинской группировки. Правда, при этом Исаев почему-то умалчивал о том, сколько пленных было взято в самом городе при капитуляции 2 мая 1945 г. А было их более 134 тысяч человек, что никак не вяжется с утверждением о малочисленности гарнизона.

Из рассуждений Исаева совершенно непонятно, почему многочисленные армии 1-го БФ так долго возились со *«слабо организованной обороной малочисленных немцев»*. Логический вывод из подобных писаний только один – плохо воевали войска фронта под руководством некомпетентных командиров. Вот до чего может довести оригинальничанье в деле исследования трудностей боев в Берлине. Для того чтобы не «по Исаеву» взглянуть на организацию немецкой обороны в Берлине, стоит внимательно ознакомиться с нижеизложенным.

Немецкие войска в Берлине обороняли выделенные им участки в составе своеобразных укрепленных районов. В состав гарнизона каждого такого района входили до два-три сводных полка, по четыре-пять отдельных батальонов различного назначения (фольксштурм, полиция, охранные части СС, зенитные, саперные и строительные части) и по несколько отдельных рот, групп и команд. Численность подобных гарнизонов не превышала 12–15 тысяч человек.

В состав мелких частей, оборонявших уличные баррикады, входили 20–25 человек: фаустники, пулеметчики, стрелки и один-два снайпера, на вооружении которых было до 8–10 фаустпатронов и два-три пулемета. Внутри Берлина оборона отдельного объекта поручалась, как правило, какому-то одному подразделению – батальону или роте.

При обороне городских кварталов основные усилия немцы сосредоточивали прежде всего на удержании угловых и возвышающихся над другими в квартале зданий. Если немцев удавалось выбить из этих зданий, сопротивление на данном участке резко ослабевало. Такое крупное здание, угловое или господствующее в квартале, обороняла группа из 30–50 человек с пятью – восемью фаустпатронами и двумя-тремя пулеметами.

В случае прорыва советских пехотных подразделений в центре квартала противник стремился удержать за собой

параллельные улицы и дома в тылу наступавших, чтобы фланговым огнем не допустить подхода подкреплений. Особо упорно немцы обороняли казармы, училища, промышленные предприятия, железнодорожные станции и станции метро, районы правительственных зданий и церкви. Все эти объекты, как правило, были превращены в сильные опорные пункты.

Отдельное место в системе обороны немецких войск в самом Берлине занимали церкви. Они находились обычно на площадях и имели выгодные условия для кругового обзора и обстрела. Огонь с одного такого опорного пункта серьезно препятствовал продвижению подразделений советских войск сразу по нескольким улицам.

Так, например, немцы превратили в опорный пункт церковь на площади, образованной пересечением улиц Линден, Орланиван, Елусалмер и Конштрассе. Двое суток – 26 и 27 апреля – на этом участке 905-й СП 248-й СД не мог продвинуться ни на шаг. И только 30 апреля после полного окружения и блокировки подземных выходов церковь, оказавшаяся уже в тылу наступающих советских войск, была взята штурмом.

Учитывая трудности при ведении боев, Жуков потребовал от командующих армиями, чьи войска вели бои в Берлине:

– организовать непрерывный круглосуточный бой, для чего в дивизиях иметь дневные и ночные штурмовые подразделения;

– танки и танковые подразделения включить в состав штурмовых подразделений.

Возникает вопрос: стоило ли огород городить, если оборона немцев действительно была слабой? Тут маршал противоречил сам себе: провозглашал одно, а требовал другое, вроде бы не вызывавшееся необходимостью.

Все это можно объяснить следующим образом: командующий 1-м БФ, недовольный темпом продвижения войск и особо не входя в положение подчиненных, просто грубо подстегивал их, говоря о слабости немецкой обороны, давил на их самолюбие, что было его обычным стилем руководства. Господин Исаев, не разобравшись в этих тонкостях, просто повторил сказанное маршалом.

Командование 1-го БФ вновь вернулось к проверенному еще на Зееловских высотах методу – передаче в оперативное подчинение пехоте танкистов. В ночь на 23 апреля 3-й УА был передан

9-й ТК, а 5-й УА – 11-й ТК. Член ВС фронта генерал-лейтенант Телегин также подтвердил передачу в войска этой директивы.

Южнее Берлина продолжалось успешное наступление частей 3-й Гв.ТА. В ночь на 22 апреля частями 6-го Гв.ТК и 9-го МехК был прорван и внешний оборонительный обвод столицы рейха на канале Нотте. После захвата Цоссена советские войска достигли канала около 03.00 22 апреля.

Одними из первых через канал переправились на подручных средствах стрелки 69-й МехБр 9-го Гв.МехК. Начиная с этого момента, саперы корпуса приступили к постройке 30-тонного деревянного моста, движение по которому было открыто к 09.00. Кроме того, был разведан и оборудован брод, по которому на северный берег Нотте была переправлена боевая техника 9-го корпуса.

Когда бригады 6-го Гв.ТК стали располагаться на отдых в захваченном Цоссене, 52-я Гв.ТБр полковника Л.И. Куриста форсировала вброд канал Нотте в 3 км от Цоссена и двинулась в направлении Тельтова. Почему же комбриг принял такое поспешное решение? Он просто не хотел повторения диалога с командармом Рыбалко, который мог бы продолжиться в еще более жесткой форме, чем ранее, если бы Рыбалко встретил Куриста в Цоссене утром 22 апреля.

Немцы не ожидали ночных действий советских танкистов и не оказали сильного сопротивления. Курист потом так описывал эти события: *«Задержки в основном происходили у различных каналов и речушек – уж очень много их оказалось на пути. Мосты через них были разрушены, а вероятные места переправ немцы держали под обстрелом. Наше «сольное» продвижение было сопряжено с большим риском и опасностью»*. В рассветной дымке видимость была плохая, из-за чего танкисты подвергались внезапным обстрелам фаустпатронами из засад, теряя людей и технику, но движение вперед к Берлину не прекращали.

Возникает один вопрос: проявил бы полковник Курист подобную прыть, двигаясь к пригородам Берлина, если бы его ранее не шуганул командарм Рыбалко?

Вот что потом рассказывал о Куристе командир роты из его бригады И.В. Маслов: *«Подполковник Курист, эстонец из Ленинграда, но выросший на Урале, был неплохой штабник и организатор, но как танковый командир он был «среднестатистическим». Всю*

войну он провел на должности комбрига. Есть поступки, которые ему можно поставить в заслугу, но общее впечатление – звезд с неба не хватал, но на грудь Звезду Героя «словить» – сподобился».

Ведь командиры двух других бригад 6-го Гв.ТК, которые не подверглись грубому разносу, дали ночью на 22 апреля небольшую передышку своим уставшим бойцам...

Позднее в районе Цоссена саперами 6-го Гв.ТК был обнаружен железнодорожный мост, который немцы подорвали неудачно, что позволяло приспособить его для переправы. Мост быстро восстановили, и около 12.00 танки корпуса переправились по нему на северный берег канала. Войска же 7-го Гв.ТК переправились через канал Нотте по захваченному в ночь на 21 апреля железобетонному мосту в районе Мелензее.

Но командующий 3-й Гв.ТА все равно был недоволен действиями подчиненных, что выразилось в весьма своеобразной «шутке». Полковник Давид Драгунский – командир танковой бригады и Герой Советского Союза – как раз 22 апреля вернулся, а фактически сбежал из госпиталя и прибыл в штаб армии. Командующий Рыбалко встретил его «по-дружески»: *«Подоспел во время. Чутье не подвело. Войдет в Берлин первым – вторую Золотую Звезду получит, а не войдет – отберем и ту, что имеет».* Эта шутка вызвала понимающие улыбки присутствующих, ведь чувство черного юмора никогда не оставляло советских офицеров. Могли отцы-командиры «педагогично вдохновлять» своих подчиненных для пользы дела...

К 11.00 22 апреля 9-й Гв.МК генерал-лейтенанта Сухова и переброшенная на автомашинах 61-я СД 128-го СК вышли на кольцевую автостраду и ворвались на южную окраину Берлина – район Мариенфельд, то есть достигли внутреннего оборонительного обвода столицы рейха с выходом на канал Тельтов.

Во второй половине дня к этой автостраде вышли и части 53-й Гв.ТБр, которые были встречены из-за насыпи сильным артиллерийско-минометным огнем. Преодолеть наскоком этот оборонительный рубеж не удалось, пришлось подтягивать главные силы. Продвижение от Барута до Тельтова длиной в 40 км дорого обошлось бригаде, в составе которой осталось около 50% танков.

К исходу дня, продвинувшись за сутки на 30 км, на канал Тельтов вышли также части 7-го Гв.ТК. Командир 53-й бригады

генерал-майор Архипов направил к немцам в тыл своих разведчиков, которые, пройдя до Тельтов-канала, побывали в самом пригороде и вернулись с очень ценными сведениями.

Около 20.00 Тельтов был захвачен стремительным броском бригад Архипова и Куриста. Застигнутое врасплох население, вместе со своим бургомистром, даже не успело эвакуироваться. Еще двенадцать часов после появления в городе советских войск продолжали работать электростанция, центральное отопление, действовала телефонная связь с Берлином. Правда, мост через канал за городом был взорван, так что вышедшим на южный берег танкистам не удалось переправиться через него.

После выхода советских войск к каналу Тельтов немцы потеряли несколько складов с военным имуществом, которые были расположены на его южном берегу.

Буквально по пятам танкистов двигалась и пехота. К исходу дня 22 апреля в районе Цоссена появились части 13-й и 152-й СД. Уже утром 23 апреля они вступили в бой в 7 км северо-западнее этого города. Эти дивизии 128-го СК генерал-майора П.Ф. Батицкого должны были укрепить внутреннее кольцо окружения Берлина.

Как обычно, попытки форсирования канала Тельтов с ходу не удались. Он сам по себе представлял серьезную преграду для танков: ширина его была 40–50 метров, глубина два-три метра, а берега канала – это бетонные стенки высотой два-три метра! Все мосты через него были взорваны.

Вот что увидел за каналом командир 53-й бригады генерал-майор Архипов: *«...на той стороне за каналом, под его крутым бетонированным берегом, сплошной стеной стояли кирпичные корпуса заводов... Высокие, с толстыми стенами, строения стояли буквально впритык, как единая крепость. Это впечатление усиливали амбразуры для орудий и пулеметов. Одни были сделаны из окон, заложенных мешками с песком или забетонированных, другие были специально пробиты в стенах».*

Командир 55-й Гв.ТБр полковник Драгунский вместе с командиром 7-го Гв.ТК генерал-лейтенантом В.В. Новиковым с чердака высокого дома справа от Тельтова тоже осматривали место предстоящих боевых действий. Прямо сказать, увиденная ими панорама местности не радовала. Справа, слева и впереди – сплошные населенные пункты, дачные поселки, сливавшиеся с

городом, хутора, обнесенные кирпичными стенами, виллы, сады. Вдали виднелось множество озер.

Опытный танкист Драгунский прекрасно понимал, что время лихих рейдов прошло, на оперативный простор выйти не удастся, как не придется совершать обходы с флангов, брать с ходу города и так далее. Теперь, по его словам, *«обстановка не давала возможности действовать так, как мы привыкли. Ареной боев стали предместья огромного города... каждая улица, каждый дом, каналы и реки превратились в объекты атак»*.

Обуревали боевого комбрига и сомнения иного рода. Вот о чем он размышлял: *«Человек остается человеком. Чувство самосохранения — живучее чувство. В последние дни войны, когда уже близка была победа... тяжело становилось от одной мысли, что придется умереть. В это время и могло проявиться с особой силой чувство самосохранения. Но если люди будут избегать риска, это может затормозить наступление. В такой ситуации одного усиления разъяснительной работы мало — нужен личный пример командиров и политработников.... В тяжелую пору 1941—42 гг. ... многие из нас не надеялись уцелеть в этой чудовищной мясорубке, и вероятность остаться в живых была тогда действительно невелика.... Идя в атаку, многие говорили: «Двум смертям не бывать, а одной не миновать...» Наряду с личным бесстрашием... эти слова выражали и человеческую слабость — неверие в то, что можно остаться живыми на войне»*.

Опасения полковника Драгунского оказались напрасными. Он отмечал потом, что *«сознательность советских воинов была выше, чем личные переживания»*, а *«безудержная решимость скорее и окончательно уничтожить фашизм... породила массовый героизм. Люди буквально рвались в бой»*. Драгунский и его танкисты отлично понимали, что будут означать для многих россиян слова: *«Я брал Берлин!»*

Конечно, все это будет чуть позднее, а пока перед советскими солдатами лежал Тельтов-канал, через который нужно было прорваться, чтобы продолжить наступление к центру Берлина.

Передний край обороны немцев проходил по северному берегу канала и представлял собой одну-две линии траншей с выносными пулеметными площадками и окопами для снайперов и фаустников. Впереди линии траншей были установлены проволочные заграждения. Подступы к взорванным мостам были

минированы. Непосредственно на переднем крае были сооружены ДЗОТы для пулеметов и орудий.

Разрушенные здания были приспособлены для установки минометов. На улицах, ведущих от канала в предместья Берлина – Темпельхоф и Целендорф, установлены баррикады и заминированы. В глубине обороны, до железнодорожного кольца, опоясывающего центральные районы Берлина, сохранившиеся кварталы были превращены в опорные пункты, имевшие огневую связь между собой.

По данным советской разведки, на оборонительных позициях противника на канале Тельтов имелось более 250 орудий и минометов, до 130 танков и бронетранспортеров, свыше 500 пулеметов, а также до 15 тысяч человек. Думается, что число немецкой бронетехники разведчики несколько завысили.

Оборону на канале Тельтов держали части ПД «Фридрих Людвиг Ян», 18-я МД, 218-я БрШО, 60-й крепостной полк, подразделения 1-й и 23-й ЗенАД и ряд сводных частей, отряды фольксштурма.

На канале Тельтов советские войска встретились с системой сплошного организованного ружейно-пулеметного и артиллерийско-минометного огня очень высокой плотности. Комбриг Архипов отмечал потом: *«Огонь противника был очень плотный и непрерывный – снарядов и патронов немцы не экономили»*.

Полковник Драгунский на пути в свою бригаду видел, что *«...весь городок Тельтов простреливался всеми огневыми средствами противника... Огонь не утихал и на окраине города. С противоположного берега канала в нашу сторону с завыванием летели снаряды скорострельных зениток, гавкали минометы»*.

Начальник штаба 55-й бригады подполковник А.П. Шалунов, встретив комбрига, заявил: *«Такого огня я еще не видел...»* Он также поведал Драгунскому, что, несмотря на подобную обстановку, их комкор генерал-лейтенант Новиков *«ругается и требует захватить противоположный берег»*. Позднее всем командирам-танкистам стало ясно, что здесь немцев наскоком не взять.

Подводя некий итог, можно сказать, что 3-я Гв.ТА Рыбалко развернулась перед Берлином, выйдя на широком фронте на Тельтов-канал. В этот же день 10-й Гв.ТК 4-й Гв.ТА встретил ожесточенное сопротивление немцев на юго-западной окраине

Берлина. Генерал Лелюшенко свидетельствовал: *«Особенно свирепствовали отряды фаустников»*. Именно те, о которых столь пренебрежительно отозвался господин Исаев.

Несмотря ни на что, танкисты продолжали продвигаться вперед, штурмуя квартал за кварталом, буквально продираясь через систему немецких оборонительных сооружений к каналу Тельтов. Небольшая задержка на Тельтов-канале не особенно обеспокоила маршала Конева. Он прекрасно понимал, что при тогдашней возможности создавать плотность артиллерии до 300 стволов на километр фронта, наличии большого количества танков и САУ, достаточного количества боеприпасов и горючего форсирование этого канала не заставит себя долго ждать.

Командующий 1-м УФ осознавал, что трудности подвоза, снабжения техникой и боеприпасами были теперь связаны не со слабостью, а с имеющейся силой. Сама мощь армии, ее масштаб порождали и иной масштаб трудностей.

На северном фланге фронта 3-я Гв.А многострадального генерал-полковника Гордова после двухдневных ожесточенных боев 22 апреля штурмом овладела городом Котбус. И в результате довела до конца разгром котбусской группировки немцев. В ходе этих кровопролитных боев были разбиты три вражеские дивизии – 342-я, 214-я и 275-я ПД, и множество отдельных частей. В боях за Котбус были взяты всего 1700 пленных, что объяснялось исключительной ожесточенностью сопротивления немцев, которые дрались там буквально до последнего дыхания.

В начале боев за город Конев зачастую ругал Гордова за медлительность и нерешительность. Однако после окончания маршал сменил гнев на милость и в мемуарах рассыпался в похвалах *«боевому командарму»*, видимо, понимая, что далеко не все его упреки, высказанные сгоряча, были справедливы.Конев отмечал, что тот являлся старым, опытным командиром, имел академическое образование и обладал сильным характером, способным руководить крупными войсковыми соединениями. Командующий 1-м УФ считал, что ряд операций, проведенных Гордовым за время войны, вызывает к нему уважение. Отметил он мужество и твердость командарма под Сталинградом.

Конечно, маршал Конев, высоко ценивший прежде всего свои успехи и свой полководческий талант, не удержался, чтобы слегка не кольнуть Гордова. Подчеркнув опытность и образован-

ность командарма, его преданность делу, храбрость, он тут же отметил и «своеобразие натуры Гордова» – его недостаточную гибкость в восприятии нового в советском оперативном искусстве, возросших технических возможностей армии, своенравность и неуравновешенность его характера.

Конечно, можно и самому маршалу припомнить ряд случаев, когда его во время войны отстраняли от командования фронтами за неудачное развитие тех или иных операций. Не говоря уж о грандиозной катастрофе Западного фронта осенью 1941 г. под Вязьмой, когда судьба Конева могла сложиться весьма неудачно. А уж о своенравности и крутости характера маршала и говорить не приходится...

Надо отметить, что и звание Героя Советского Союза было присвоено генерал-полковнику Гордову 6 апреля 1945 г. не без участия командующего 1-м УФ.

Для ускорения выхода на Эльбу командующий 13-й армией генерал-полковник Пухов решил перебросить в район Виттенберга 121-ю Гв.СД. Ей предстояло перехватить ряд важнейших дорог на путях возможного отхода немцев на запад, овладеть Виттенбергом, захватить переправы через Эльбу и установить контакты с частями американской армии.

Получив приказ, командир дивизии перед началом марша направил впереди своих полков дивизионную разведку и саперов. Затем на 46 машинах двинулся вперед авангард – 340-й Гв.СП подполковника М.Р. Бурлакова. Половина машин в колоне имела крупнокалиберные пулеметы, готовые к стрельбе по наземным целям. Средства усиления дивизии, в том числе 372-й Гв.САП, двигались в колоне главных сил.

Попытки с ходу захватить Виттенберг в ночь на 23 апреля не удались. Грандиозные планы командарма Пухова были сорваны упорным сопротивлением сильного немецкого гарнизона из состава 48-го ТК 12-й армии. К тому же силы 117-й Гв.СД были ослаблены, так как ее 333-й Гв.СП был срочно переброшен в район Бранденбурга для укрепления обороны на том участке. Поэтому бои в районе Виттенберга сильно затянулись.

В это же время сосед Рыбалко слева – 4-я Гв.ТА Лелюшенко – в течение 22 апреля, преследуя противника в общем направлении на Потсдам, продвинулся на 20 км, создавая возможность окружения Берлина с запада.

Незадолго до рассвета 22 апреля главные силы 10-й МехБр из 5-го Гв.МК подошли к городку Альтес-Лагер. Подавив сосредоточенным артогнем немецкие противотанковые средства, в том числе несколько штурмовых орудий, бригада атакой с запада и с северо-востока овладела городом.

С немецкой стороны в бою принял участие даже бронепоезд. Во время артиллерийской дуэли танкистов с ним были повреждены железнодорожный мост и рельсы на пути в Тройенбритцен. В итоге бронепоезд оказался блокированным, не смог отойти в тыл и принять участие в последующих боях.

На западной окраине Альтес-Лагера находился большой лагерь военнопленных, в котором содержались русские, поляки и французы. После освобождения многие просили вооружить их и предоставить возможность сражаться с нацистами. Командование бригады, понесшей ощутимые потери в предыдущих боях, пошло им навстречу. Военнопленным выдали оружие с захваченных в городе складов и назначили командиров из числа офицеров. Им была поставлена задача очистить город от немцев, удержать его до подхода стрелковых частей и обеспечить в городе порядок.

Обеспечив свой тыл, 10-я Гв.МехБр продолжала наступать и почти без сопротивления захватила г. Нибель. Немцы, взятые там в плен, показали, что подход советских войск они приняли за движение своих войск, совершавших многочисленные маневры в последние дни. Внезапное овладение Нибелем способствовало и захвату важного в оперативном отношении и сравнительно большого промышленного города Тройенбритцена.

Когда танки 51-го ТП полковника Е.И. Гребенникова появились в центре города, среди солдат его небольшого гарнизона и местных жителей началась паника. В окнах и на балконах домов предусмотрительные немцы, ожидавшие подхода американцев, уже вывесили много американских флагов. Каково же было их разочарование, когда они увидели на улицах танки с красными звездами на башнях. Правда, эти «капитулянты» быстро сориентировались: стали быстро заменять звездно-полосатые флаги на белые, но хлеб-соль почему-то вручать советским воинам не стали...

В районе Тройенбритцена советскими войсками был освобожден лагерь военнопленных, в котором содержались около

4500 человек различных национальностей: русских, поляков, французов, англичан, американцев, датчан, бельгийцев, норвежцев. Среди освобожденных «викингов» оказался и бывший главнокомандующий норвежской армией генерал-майор Отто Руге.

С занятием Тройенбритцена была перерезана еще одна коммуникация, связывавшая Берлин с югом Германии. Вслед за 10-й бригадой двигалась и 11-я Гв.МехБр, которая полностью очистила от противника дорогу между Ютербогом и Тройенбритценом.

2-й гвардейский мотоциклетный батальон по распоряжению штаба 5-го Гв.МК вел разведку уже в районе г. Виттенберга, на Эльбе, и в 30 км юго-западнее Ютербога. Необходимость ведения такой глубокой тактической разведки в направлении Виттенберг – Дессау была обусловлена тем, что левый фланг корпуса, а следовательно, и 4-й Гв.ТА, оставался открытым, практически «висел в воздухе». Данный факт можно отнести к недоработке штабов как 4-й Гв.ТА, так и 1-го УФ, которые не смогли предусмотреть надежное прикрытие левого фланга в ходе удачного развития проводимой ими глубокой операции. Как покажут ближайшие события, эта надежда на русский авось в очередной раз не оправдалась.

12-я Гв.МехБр из 5-го корпуса совместно с 29-й Гв.МСБр из 10-го Гв.ТК овладела г. Луккенвальде. Там из нескольких лагерей были освобождены около 16 500 военнопленных различных национальностей, в том числе 3000 русских. Командиры частей, остро нуждавшихся в пополнении, своей властью без особых проволочек запросто включили бывших пленных в состав своих сильно поредевших подразделений. Продвигаясь с боями и далее, бригада 22 апреля захватила города Беелитц и Цаухвитц. С выходом на рубеж Беелитц – Тройенбритцен 5-й Гв.МК полностью выполнил поставленную перед ним задачу.

Командующий 1-м УФ маршал Конев был доволен достигнутым результатом оперативного значения. Он писал в мемуарах: *«Два корпуса Лелюшенко – 10-й и 6-й – выходили к Берлину по касательной, стремясь все дальше на северо-запад, т.е. двигаясь так, чтобы в итоге это привело к окружению Берлина. Одновременно с этим 5-й Гв.МК, прикрывая левый фланг своей армии и тем самым обеспечивая ей возможность поворота на север, дейст-*

вовал в соответствии с нашей фронтовой директивой... В ней было сказано то, что сейчас осуществлялось: корпус должен был на фронте Ютербог – Луккенвальде установить прочный заслон против неприятеля фронтом на запад».

Маршал нарисовал очень радужную картину, не упомянув о том, что левый фланг самого 5-го корпуса был не прикрыт. Хорошо, что немцы не смогли выделить для его обхода необходимые силы, а только атаковали позиции корпуса с фронта соединениями своей 12-й армии.

22 апреля командарм Лелюшенко поставил 5-му корпусу новую боевую задачу. В связи с тем, что главные силы 4-й Гв.ТА разворачивались фронтом на север и северо-запад для удара в направлении Тельтова, Потсдама и Бранденбурга, ему было необходимо прочно удерживать рубеж Беелитц – Бухгольц – Тройенбритцен и обеспечивать фланг и тыл армии от ударов противника с запада и юго-запада.

Поставленная задача обусловливалась еще и тем, что командованию 1-го УФ из докладов разведки было известно о подходе с запада немецкой 12-й армии и ее развертывании на рубеже Бранденбург – Виттенберг. При этом в решении командарма Лелюшенко сквозило некое пренебрежение к противнику. Он надеялся парировать удары вражеских 41-го и 48-го ТК, 39-го и 20-го АК силами только одного своего корпуса. В ошибочности этого решения, граничащего с шапкозакидательством, генерал смог вскоре убедиться. Ведь уже 22 апреля части 5-го Гв.МК, перешедшие к обороне на фронте протяженностью более 30 км, завязали бои с передовыми частями 12-й армии.

В решающий день 22 апреля Хейнрици ждал приказа на отвод своей 9-й армии, отрезанной с флангов от соседей и полуокруженной русскими войсками. Кребс же продолжал настаивать на том, чтобы войска оставались на прежних позициях, кроме некоторых подразделений, которым он предложил пробиваться на юг к Шернеру. Подобное предложение в создавшейся ситуации было совершенно нереальным.

Между Хейнрици и Буссе тоже не было взаимного согласия: последний, опасаясь репрессий, отказывался отступать без приказа фюрера. Уже в 11.00 Хейнрици предупреждал Кребса,

что к вечеру 9-ю армию могут расколоть на несколько частей. Начальник ОКХ надеялся, что войска Шернера, наступая на север, восстановят положение и соединятся с армией Буссе. На что он при этом рассчитывал, совершенно непонятно.

Хейнрици мыслил более реально. Он отвечал Кребсу, что для подготовки подобного наступления понадобится несколько дней, а *«к тому времени от 9-й армии уже ничего не останется»*. Кребс в разговоре с Хейнрици затронул и вопрос о наступлении «группы Штайнера», но тот лишь вежливо посоветовал начальнику ОКХ оставить все надежды на этот счет. После этого начался разговор на повышенных тонах, перемежавшийся взаимными обвинениями.

Обстановка для немецких войск с каждым часом осложнялась, а их военачальники продолжали бесполезно пререкаться. Хейнрици неоднократно просил разрешения на отход, но каждый раз получал отказ. От него даже требовали, чтобы 3-я ТА Мантейфеля отбросила армии советского 2-го БФ за Одер...

Только в 14.50, после совещания у фюрера, Кребс позвонил Хейнрици и сообщил о решении оставить Франкфурт и передислоцировать некоторые части 9-й армии на северный фланг. Понятно, что эта полумера уже не могла улучшить положение немецких войск и 9-я армия была обречена на окружение.

Около 17.00 Кребс решил подбодрить Хейнрици и сообщил тому об отводе 12-й армии с Западного фронта на помощь Берлину. Подобная новость обнадежила командующего ГА «Висла». Он понял, что можно еще попытаться спасти части 9-й армии, если армия Венка успеет подойти на помощь. Хейнрици тут же позвонил Буссе и приказал его самой боеспособной дивизии прорвать кольцо окружения и пробиваться на запад. Буссе пытался спорить, так как опасался ослабления позиций своих войск в результате перегруппировки, но командующий ГА «Висла» довольно жестко настаивал на выполнении приказа.

Немецкий историк Тике писал: *«Контроль над ситуацией ускользал из рук немцев. Повсюду на дорогах были советские войска, двигавшиеся на запад»*. 22 апреля было воскресенье, небо затянуто облаками, шел дождь. На южном фланге 9-й армии, на участке 5-го АК СС, в попытке закрыть бреши в обороне между Котбусом и Люббеном в бой была брошена 35-я ПолД СС, чье формирование еще не было завершено.

Фронт был прорван и восточнее Фюрстенвальде на участке 11-го АК СС, где шли тяжелые бои. Части дивизий «Курмарк» и «Нидерланд» были вынуждены оставить северные районы города и заняли оборону на южном берегу Шпрее. Тут в бой были введены части 32-й дивизии СС, которые запоздали с выходом в нужный район, в результате чего русские в нескольких местах форсировали Шпрее и достигли Рансдорфа.

В немецком тылу царил беспорядок. На вокзале Кенигс-Вустерхаузена был даже брошен эшелон с ранеными, медперсонал которого из-за воздушных налетов разбежался.

На фронте 9-й армии сложилась катастрофическая ситуация, усугубленная отказом почти всех средств связи. 5-му корпусу было приказано занять позиции севернее Люббена и блокировать переправы через Шпрее. Генерал Буссе вспоминал: *«22 апреля кольцо вокруг трех корпусов 9-й армии замкнулось... Войска 1-го БФ перерезали и последний путь на запад, проходящий через Эркнер и южнее его»*.

56-й ТК, предоставленный самому себе, 22 апреля вел бои в восточных предместьях Берлина. Путь к 9-й армии ему был перекрыт приказом Гитлера, направившего корпус для защиты Берлина. Подобная ситуация совершенно не устраивала командира корпуса Вейдлинга, чьи войска находились в эпицентре боев. Утром 22 апреля он на совещании сообщил своим офицерам, что, с одной стороны, ему грозит расстрелом генерал Буссе, если он немедленно не присоединится к 9-й армии, а с другой стороны, ему тем же грозит Гитлер, если корпус немедленно не отойдет в Берлин. Идти в последний Вейдлинг не хотел, понимая, что это принесет войскам неминуемую гибель. Он решил перейти Шпрее и в районе Кенигс-Вустерхаузена присоединиться к 9-й армии. Все присутствующие поддержали его решение.

В составе корпуса еще оставались ТД «Мюнхенберг», МД СС «Нордланд» и 18-я МД, которые не очень сильно пострадали в последних боях. Но от 9-й ППД и 20-й МД остались только жалкие крохи. Сохранял силы и 408-й ФАК в составе семи дивизионов. В течение 22 апреля части 56-го ТК вели оборонительные бои с мыслью о последующем прорыве к 9-й армии. Немцы медленно отступали, ожесточенно сопротивляясь. Части корпуса переправились через Шпрее, надеясь на лучшее, но их мечты не сбылись, о чем будет рассказано ниже.

Первое оперативное совещание у Гитлера состоялось в 12.00 22 апреля. Оно стало последним, собравшим большое число участников, но в то же время и самым коротким. На нем не было принято каких-либо основополагающих решений. Разговор шел в основном о Штайнере. Все ждали начала его наступления на Берлин с севера. Гитлер постоянно мучил Кребса вопросами об обстановке на этом участке фронта, но не получил пока ответа.

Второе совещание, состоявшееся в тот же день в 15.50, выявило полную безнадежность ситуации. Генерал Йодль вспоминал позднее: *«22 апреля, незадолго до намеченного вылета на юг, фюрер изменил свое намерение и решил остаться в Берлине... Когда мы 22 апреля пришли в бункер, то застали Гитлера в возбужденном состоянии...»* Сначала доложил генерал Кребс, который, несмотря на то что русские прорвали уже внутреннее кольцо обороны Берлина, выступил с довольно оптимистическим заявлением. Чем продолжал обольщаться начальник ОКХ, было непонятно.

На севере советские войска уже продвинулись через Бухгольц и Хейнерсдорф до Панкова. В этот день севернее Берлина пришлось ввести в бой даже полк охраны штаба верховного командования. Вполне возможно, что он просто не успевал передвигаться за своим объектом охраны и поэтому-то его и «отцепили». На юге русские, наступавшие от Луккенвальде и Цоссена, достигли Беелитца и Штансдорфа. В донесении командующего 9-й армией Буссе говорилось: *«Упорные бои связаны с все большим перенапряжением войск и невосполняемыми больше потерями личного состава и техники»*.

Генерал-полковник Йодль, в свою очередь, напрямую сказал Гитлеру, что Берлин уже окружен на три четверти. Он, правда, оптимистично оценил возможности противостоять вероятному окружению. Ему казалось, что оно может состояться лишь где-то 29 апреля, но действительность опровергла его прогноз.

Гитлер снова потребовал, чтобы его проинформировали о том, как обстоят дела с наступлением Штайнера, приказ которому был отдан еще 20 апреля. До этого момента фюрер слушал генералов в каком-то полузабытьи и тут несколько оживился, ожидая хороших вестей. О неудаче с этой атакой «группы Штайнера» знали или догадывались почти все, кроме самого фюрера.

Начальник штаба люфтваффе генерал-оберст Коллер, опасаясь, видимо, упреков за действия авиации, воздержался от

участия в этом совещании, прислав вместо себя генерала Кристиана, так как не надеялся вынести те оскорбления, которые ему пришлось бы выслушать. Прозорливый генерал, предвидя наезды фюрера, записал в дневнике: *«Геринг покинул Берлин. Разумеется, он оставил здесь меня, чтобы Гитлеру было на ком вымещать свой гнев».*

Генерал Кребс, будучи поставлен в сложное положение, вынужден был сказать правду и промямлил, что эту атаку вообще не начинали, так как все еще находится в стадии организации. Кроме того, после ухода нескольких частей из района Берлина для участия в этом безнадежном мероприятии русские войска смогли проникнуть через ослабленные участки на северные окраины Берлина.

Последовала длинная гнетущая пауза. Гитлер еле слышным голосом попросил всех участников совещания, кроме Кребса, Йодля, Бургдорфа и Бормана, а также стенографиста Херггезеля, покинуть помещение. В комнате воцарилось полное тревожное молчание ожидания. И тут разразилась гроза.

Словно обуреваемый дикой силой, Гитлер вдруг вскочил и дико завопил. Лицо его становилось то белым, то пунцовым. Голос срывался, он пронзительно кричал о трусости, предательстве и неповиновении. Упреки в адрес генштаба, вермахта и войск СС сыпались один за другим. Неожиданно, к удивлению присутствующих, Гитлер сник и, как слепой, стал пробираться к своему стулу. Фюрер буквально трясся в истерических рыданиях, бормоча: *«Все кончено... война проиграна. Я застрелюсь...»*

Адъютант Юлиус Шауб не присутствовал на совещании. Он находился в вестибюле в тот момент, когда за закрытыми дверями комнаты для карт возникла большая суматоха. Шауб слышал, как Гитлер в высочайшем возбуждении прерывающимся голосом кричал: *«Война проиграна... Я больше не участвую... мои генералы обманули меня... все бессмысленно и бесцельно».* После паузы он добавил: *«И все мы понимаем друг друга, господа, я больше не верю, что Берлин будет деблокирован».*

Одним из участников совещания был обер-лейтенант Ганс Фольк, адъютант генерала Кристиана, который тоже слышал, как Гитлер кричал: *«Я вижу, что борьба проиграна, и чувствую себя обманутым теми, кому я доверял. Я решил остаться в столице борьбы против большевизма и самому командовать обороной этой*

столицы». Этот пароксизм ярости заставил присутствующих буквально дрожать от страха около трех часов.

После длительного монолога фюрера воцарилось гробовое молчание. Гитлер затих, его нижняя челюсть отвисла, он смотрел перед собой невидящим взором. Это встревожило присутствующих даже больше, чем проявление дикого гнева фюрера. Постепенно лицо Гитлера приобрело более или менее естественный цвет, он начал подавать признаки жизни.

Чуть позже Гитлер, не глядя в стороны, сгорбленный, с белым как мел лицом, промчался через проход в свою жилую комнату. Участники совещания, растерянные и смущенные, остались в комнате для карт. Шауб потом рассказывал: *«После этого совещания во всех бункерах имперской канцелярии воцарилось настроение катастрофы... каждый теперь знал, что все конечно»*.

Генералы еще никогда не видели своего фюрера вышедшим из себя до такой степени, такой бурной сцены никто не ожидал. Первым, кто попытался успокоить Гитлера, был Борман, который, конечно, и не стал выступать в защиту генералитета. Потом уже и все остальные бросились к обожаемому фюреру и стали уговаривать его не покидать их. Одним из самых расторопных оказался Йодль, который даже осмелился напомнить фюреру о *«долге перед народом и вермахтом»*. Он уверял Гитлера, что Шернер и Кессельринг еще способны изменить ситуацию. Йодль уговаривал фюрера сейчас переехать в Берхтесгаден и оттуда руководить борьбой. Кейтель тоже присоединился к этим просьбам.

Трудно понять, чего в этих уговорах было больше: отчаянной надежды, тупой преданности или боязни друг друга и мести фюрера за предательство в последний час. Видимо, присутствовало все понемногу. Да и на всех, наверное, давил страх за свою судьбу после возможного самоубийства Гитлера и неминуемого краха Третьего рейха.

На Кейтеля этот скандал 22 апреля оказал сильное воздействие. Потом он показал на допросе: *«В этот день фюрер произвел на меня очень угнетающее впечатление; до этого момента мы никогда не сомневались в его психической полноценности. Несмотря на тяжкие последствия покушения, он всегда действовал адекватно ситуации. 22 апреля мне показалось, что моральные силы фюрера пошатнулись и его внутренняя опора сломлена»*.

Несмотря на уговоры, Гитлер заявил, что останется в Берлине, и сказал Йодлю о своем намерении погибнуть. Он распорядился, чтобы Борман, Кейтель и Йодль вылетели в Берхтесгаден, чтобы принять командование войсками на юге, то есть в Богемии, Австрии, Северной Италии. Генералы вдруг начали убеждать Гитлера, что ситуация не так уж и безнадежна, мотивируя это утверждение тем, что у Шернера еще есть достаточно сил, 12-я армия Венка может прийти на помощь Берлину, а Штайнер через несколько дней начнет свое наступление, укомплектовав свои войска.

Глаза Гитлера вновь засветились надеждой, к нему вернулась его прежняя решительность после импровизированного сеанса психотерапии, проведенного его окружением. Потом он приказал, чтобы Борман, который тоже отказался покинуть Берлин (а до этого так активно готовился к эвакуации!), Бургдорф, Кребс и Геббельс остались в бункере.

Кейтель и Йодль отказались уехать на юг, они решили отправиться в войска и обещали Гитлеру сделать все, чтобы освободить Берлин. Правда, Йодль при этом резонно заявил Гитлеру: *«Вы не сможете руководить отсюда, если рядом с вами не будет штаба, как вы сможете вообще чем-либо управлять?»* Гитлер ответил Йодлю, что тогда *«Геринг примет руководство на себя. Да и сражаться осталось всего ничего!»*. Из этого высказывания ясно, что он прекрасно отдавал себе отчет о том, что шансы на успех практически отсутствуют.

К тому времени об устойчивом управлении войсками не могло быть и речи, так как ОКВ находился вне Берлина, а штаб обороны столицы рейха также действовал сравнительно обособленно, не получая из рейхсканцелярии каких-либо разумных указаний. Типпельскирх указывал, что *«Кейтель и Йодль сохраняли только видимость руководства войсками. Все, что предпринимало ОКВ в последние месяцы, не учитывало реальной обстановки»*.

Приближенные Гитлера постарались оперативно проинформировать своих руководителей о произошедшем. Группенфюрер Фегеляйн, представитель Гиммлера в ставке, который стоял за дверью в соседней комнате, бросился к телефону и поспешил доложить о результатах совещания своему шефу. Потом он даже хотел выехать на встречу с Гиммлером в г. Науэн для личного доклада, но что-то у него не связалось, и встреча не состоялась.

Потрясенный услышанным, Гиммлер попросил к аппарату Гитлера и стал заверять его, что нельзя терять надежду, и обещал направить в Берлин все имеющиеся под рукой войска СС. После этого разговора он во исполнение своего обещания отправил на защиту своего «любимого фюрера» половину своего охранного батальона – очень «щедрая» помощь!

Разговор с шефом СС, похоже, не успокоил Гитлера. Он продолжал ходить туда и сюда, давая какие-то несвязные распоряжения, укорял одних, хвалил других и надолго впадал в прострацию. *«Все потеряно»*, – повторял он непрестанно. Узнав, что его секретарши остаются здесь, он вновь разразился бранью в адрес генералов. В приемной он обратился к своим высшим офицерам: *«Господа, это конец. Я останусь здесь, в Берлине, и застрелюсь, когда наступит время. Каждый из вас должен сам принять решение...»* Но это был еще не вечер, как мы увидим чуть позднее. Его настроение в эти критические дни было подвержено резким колебаниям – от полного отчаяния до какой-то необычной истерической надежды на лучший исход.

Кейтель вновь стал уговаривать Гитлера вылететь ночью в Берхтесгаден или запросить капитуляцию, но тот категорически отказался: *«Теперь все пропало, я не могу ничего сделать. Если надо начинать переговоры, то пусть этим займется Геринг»*. Насколько откровенно он это говорил, судить сложно, учитывая его последующую бурную реакцию на попытку Геринга договориться с Эйзенхауэром. По крайней мере окружение фюрера отнеслось к его словам совершенно серьезно. Кто-то из военных осмелился напомнить фюреру о Фридрихе II, который никогда не утрачивал надежды. Но Гитлер, казалось, уже ничего не соображал, бормоча: *«Вермахт меня предал. Мои генералы доказали свое ничтожество. Мои приказы не выполняются...»*

Он приказал вызвать в бункер Геббельса, видимо, единственного человека, которому еще доверял. Вероятно, из пропагандистских соображений Геббельс очень хотел, чтобы Гитлер оставался в Берлине, и, похоже, сумел убедить его в этом. Тот повторял, что бесцельно сидеть на юге: *«Там я не буду иметь ни влияния, ни армии. Я был бы там только с моим штабом. Я мог бы удерживать южногерманский горный блок только в том случае, если бы Италия также оставалась театром военных действий. Но и там полный развал руководства»*. Видимо, на формировании

этого мнения сказывались все же доклады Кальтенбруннера. Рассуждения довольно здравые: он прекрасно понимал, что правительство, бежавшее при приближении врага из своей столицы, подписывает себе смертный приговор.

Конечно, были и другие причины, чтобы остаться в Берлине: прорыв войск 1-го УФ южнее Берлина, господство в воздухе союзной авиации, боязнь попасть в плен и так далее. Гитлер ведь и ранее говорил, что имеет только две возможности: ехать на север или на юг, но в любом случае как максимум через две недели он может оказаться в такой же ситуации. Вот, собственно, именно такими довольно смутными соображениями питалось его *«непоколебимое решение остаться в Берлине»*, а отнюдь не желанием *«принять героическую смерть среди солдат»*. Но тем не менее Гитлер, почти до последнего дня, все время возвращался к мысли об отъезде из Берлина, обсуждая различные «за» и «против».

В ходе этих суматошных разговоров Геббельс задал Йодлю вопрос о возможности предотвратить падение Берлина. Тот ответил, что это возможно, если снять с Эльбы все войска и бросить их на защиту столицы. Геббельс усмотрел в этом определенный шанс на спасение нацистского режима и посоветовал доложить об этом фюреру. Йодль так и сделал и доложил свои соображения Гитлеру. Последний тут же с ними согласился и дал указания Кейтелю и Йодлю вместе со штабом находиться вне Берлина и лично руководить контрнаступлением.

Это предложение Йодля фактически было отголоском несколько подзабытого грандиозного плана ведения войны, основанного на коренном изменении стратегии Германии. Он был предложен Йодлем и его заместителем генералом Бутлар-Бранденфельсом еще в конце 1944 г. и предусматривал:

– перенос основных усилий Германии на Восточный фронт;

– переброску значительного количества дивизий из Норвегии и Италии в Германию;

– перевод большей части личного состава ВМФ и ВВС в части и соединения сухопутных войск;

– переформирование всей резервной армии, включая все учебные части, в боевые дивизии;

– проведение тотальной мобилизации всех ресурсов Германии;

– превращение Германии в крепость и объявление страны военным лагерем.

Гитлер, конечно же, тогда отверг радикальный план Йодля. Хотя позднее некоторые его пункты были постепенно проведены в жизнь настойчивым Йодлем, который считал, что *«мы не имели никакой надежды избежать печальной судьбы. Только продолжение борьбы давало нам шансы спасти хотя бы кое-что»*. Этот мотив в рассуждениях немецкого Верховного командования звучал практически до конца.

Правда, через шесть месяцев после ознакомления с этим планом, когда части Красной Армии проникли в сердце Германии, Гитлер уже был готов пойти на все, на любые радикальные меры, которые сулили хоть малейший шанс на спасение, но было уже поздно. На основе этих предложений и последовал приказ фюрера 12-й армии – *«повернуть фронт на восток и перейти в наступление на Берлин»* (с юга на Потсдам – 39-й, 40-й, 41-й ТК, 20-й АК и севернее – через Науэн), а 9-й армии *«перейти в наступление на Берлин с юго-востока и соединиться с 12-й армией»*.

Чуть позднее Геббельс прокомментировал Шпееру эти замыслы даже несколько шире: *«22 апреля фюрер принял воистину историческое решение. Он приказал открыть фронт западным союзникам, чтобы их войска могли войти в Берлин»*. Очень оригинальная трактовка замыслов Йодля, одобренных фюрером, которые можно рассматривать как одну из последних и неудачных попыток столкнуть союзников лбами в центре Германии.

После принятия этого решения вечером 22 апреля Кейтель и Йодль выехали из Берлина для организации боевых действий. Йодль – к Штайнеру, а потом в Крампниц, где в то время уже находился его штаб, а Кейтель отправился в штаб 20-го АК 12-й армии, где и встретился с Венком.

Телефонные звонки из бункера продолжались. Начальник оперативного управления штаба люфтваффе генерал Кристиан – убежденный нацист, женатый, кстати, на одной из секретарш Гитлера, – позвонил своему шефу генерал-оберсту Коллеру и прерывающимся от волнения голосом, задыхаясь, тихо произнес в трубку: *«Фюрер сломлен!»* Потом он кратко сообщил об этом совещании: *«Здесь происходят исторические события, решающие для исхода войны!»* Ну, тут Кристиан несколько, мягко говоря, преувеличил произошедшее на совещании у фюрера. Видимо,

он докладывал слишком эмоционально, так что Коллер смог понять только то, что фюрер остается в Берлине и что в бункере уже сжигают какие-то важные бумаги.

Коллер потребовал личного доклада. Около 20.00 Кристиан прибыл в Вильдпарк-Вердер, где находился штаб люфтваффе, и доложил об обстановке. До позднего вечера Коллер для уточнения положения безуспешно пытался связаться по телефону с Крампницом или Цоссеном. Потом ему все же удалось дозвониться до бункера, и адъютант Гитлера от люфтваффе полковник фон Белов подтвердил все произошедшее. Также Коллер через адъютанта получил разрешение на выезд на юг для личного доклада рейхсмаршалу. Кроме того, фон Белов подтвердил, что нет никакой вероятности, что Гитлер изменит свое решение.

Поздно ночью, несмотря на бомбежку англичан, Коллер еще успел в Крампнице встретиться с Йодлем для обсуждения обстановки и уточнения планов действий. Йодль поведал своему другу печальную историю от начала до конца. По секрету он сообщил даже то, о чем еще никто не говорил Коллеру и что должно было привести к развязке в ближайшие дни. Йодль повторил то, что уже однажды Гитлер сказал Кейтелю и Йодлю: *«Когда дело доходит до переговоров, Геринг подходит больше, чем я. У Геринга это получается намного лучше. Он умеет гораздо быстрее поладить с другой стороной»*. Затем Йодль также проинформировал Коллера о мероприятиях военного командования и переносе всех усилий на Восток.

Выслушав Йодля, Коллер начал возражать: *«Если Западный фронт нужно перебросить на Восток, то необходимо немедленно начать переговоры с западным противником. А иначе он зайдет нам в тыл, раздавит штабы и службы тыла; руководство станет невозможным, а войска будут уничтожены двойным охватом. Без переговоров с западными противниками план невыполним. Для ВВС просто невозможно, игнорируя Запад, вести борьбу только на Востоке. Еще менее возможно в узком северном пространстве вести борьбу только на востоке, а в южной части бороться против Востока и Запада. Воздушное пространство неделимо, его невозможно огородить каменной стеной»*.

Коллер старался убедить Йодля, что поворот с запада на восток нужно сделать по всему фронту – от Северного моря до Альп – *«и одновременно вести переговоры с Западом»*.

Но Йодль уже все решил: сперва повернуть на восток войска, а затем надо выждать, что после этого предпримут западные союзники СССР. Несбыточность рассуждений наивных в политике немецких генералов проявилась скоро. Надежды на вышеуказанное «кардинальное» решение не сбылись.

После такого сообщения Карл Коллер понял, что его долг – немедленно лететь к Герингу, так как объяснить сложившуюся обстановку в радиограмме было довольно затруднительно. Конечно, он сначала попытался передать эти важные новости Герингу в Оберзальцберг по телефону, сквозь треск и шум. Однако адъютант рейхсмаршала Бернд фон Браухич, сын опального командующего сухопутными войсками, уволенного Гитлером в декабре 1941 г. после поражения вермахта под Москвой, передал ему указание доложить обо всем лично.

Если Герингу, официальному преемнику фюрера, рассуждал Коллер, предстояло вступить в переговоры о мире, как вроде бы предлагал фюрер, следовательно, нельзя терять ни минуты. Ведь идея заключения мира уже давно витала в воздухе. Йодль согласился с доводами Коллера. По некоторым данным, Йодль и сам в ночь на 23 апреля 1945 г. также позвонил Герингу и сообщил ему о решении Гитлера остаться в Берлине.

Не откладывая дело в долгий ящик, Коллер в 03.20 23 апреля вылетел на истребителе в Мюнхен. Не разучился, видимо, летать генерал, сидя в штабе. Днем – в 12.00 – он уже прибыл в Оберзальцберг и доставил важное известие рейхсмаршалу в Берхтесгаден. Штаб люфтваффе последовал за своим начальником, вылетев на юг с аэродрома Гатов на пятнадцати «юнкерсах».

Сразу после совещания Гитлер вызвал адъютанта Юлиуса Шауба, который сопровождал его более двадцати лет. Фюрер распорядился уничтожить содержимое всех сейфов, в которых лежали его личные документы. Они были разбросаны довольно широко: часть – в бункере, часть – в спальне рейхсканцелярии, часть – в мюнхенской резиденции на площади Принцрегентплац, а остальные – в Бергхофе и Берхтесгадене. Ключи от всех сейфов Гитлер всегда держал при себе, поэтому никто и никогда не мог ознакомиться с их содержимым.

Шауб тут же приступил к выполнению полученного задания. Секретные военные документы, полученные от Кейтеля, Йодля, Деница, из ОКХ и присланные с момента перевода ставки в Бер-

лин, личная корреспонденция Гитлера и даже пачки рейхсмарок были уложены в четыре больших чемодана. Адъютанты и ординарцы вытащили их в сад, вывалили содержимое в воронку от бомбы, облили бензином и подожгли.

Потом Шауб с помощью нескольких эсэсовцев опорожнил все сейфы, находившиеся в апартаментах Гитлера в полуразрушенном здании старой рейхсканцелярии. Там в пяти сейфах хранились документы политического и военного характера, относившиеся к довоенному и последующему периоду, среди которых находились письма фюрера к Муссолини, Антонеску, Пэтену и другим государственным деятелям. Шауб также упаковал эти документы в чемоданы, вынес их с помощью эсэсовцев личной охраны фюрера в парк и сжег. Так нацисты заметали следы...

Высокопоставленный сотрудник СД Вильгельм Хеттль, правая рука Кальтенбруннера, утверждал, ссылаясь на слова самого Шауба, что при сожжении документов *«некоторое время присутствовал и сам Гитлер, не произнеся ни слова»*. Он долго смотрел, как горели его бумаги, превращаясь в дым и пепел подобно его гибнущему рейху.

Последняя сцена вызывает некоторое сомнение по ряду причин. Во-первых, в описываемое время сама рейхсканцелярия и прилегающий к ней сад находились почти под непрерывным обстрелом советской артиллерии и выходить из бункера на поверхность было крайне небезопасно. Во-вторых, по свидетельству многих очевидцев, находившихся в бункере, Гитлер в последний раз выходил в сад только в день рождения 20 апреля.

Столь подробному описанию совещания не стоит удивляться. Ведь это в какой-то мере ключевое событие на данном этапе, похожее на день рождения фюрера. В этот день – 22 апреля – довольно ясно определились планы сторон и направления действий лиц, составлявших ближайшее окружение Гитлера, да и его самого. 22 апреля оценивается как критический день всей Берлинской операции, так как немецким командованием были приняты «последние важные решения» – имеется в виду поворот на восток 12-й армии Венка.

Борман также продолжал свою игру: радиообмен рейхсканцелярии с Оберзальцбергом продолжался с 00.43 до 17.55. Летели шифрограммы, в которых рейхслейтер требовал держать радио-

станции в Мюнхене и Оберзальцберге в полной готовности, просил прислать ему в Берлин фрукты и минеральную воду (без этого ведь воевать очень тяжело). Он дал право Хуммелю командовать, *«если он выйдет из игры»*, и *«действовать по усмотрению, так как управлять отсюда* (то есть из Берлина) *невозможно!»*.

В Оберзальцберг от Бормана уходит также еще одна очень интересная радиограмма: *«Хуммелю. С предложением перемещения за океан на юг согласен»*. Правда, не совсем понятно, откуда он хотел начать перемещение за океан? Но о планах Бормана нет, к сожалению, никакой достоверной информации. Кстати, в 17.55 Борману еще умудрился доложить гаулейтер Райнер, что, мол, на Адриатике «все спокойно». Конечно, Борману в бункере только и дел было до Адриатики, если, конечно, не оттуда он собирался отплыть за океан.

Еще одним отголоском событий 22 апреля в рейхсканцелярии стал визит к Гитлеру начальника штаба СС Готтлоба Бергера, располагавшегося в Хознлихене, фактической резиденции Гиммлера. Простодушный Бергер на риторический вопрос своего шефа, только что выслушавшего доклад Фегеляйна: *«В Берлине все посходили с ума. Что же мне делать?»*, – посоветовал тому направиться в Берлин. Но вряд ли это входило в планы Гиммлера: ехать в город, который вот-вот окружат русские войска, было бы неразумным. Но Бергер, все еще веривший в национал-социализм, видимо, в меру некоей своей ограниченности, посчитал долгом отбыть в Берлин уже вечером 22 апреля.

Когда он прибыл туда, бункер уже находился под обстрелом. Вид Гитлера потряс Бергера. Этот правоверный нацист осмелился выразить восхищение решением фюрера остаться в Берлине и неосторожно сказал: *«Невозможно покинуть народ после того, как он так долго держался»*. Вот эти слова недалекого эсэсовского функционера опять привели фюрера в ярость, вызвав рецидив его дневной вспышки. *«Все меня обманули! Никто не сказал мне правды! Вооруженные силы лгали мне!»* – завопил фюрер. Его лицо вновь сделалось фиолетово-багровым.

Потом, правда, фюрер несколько успокоился. Они с Бергером обсуждали судьбу всех именитых пленных и заключенных немцев, австрийского канцлера Шушнига, которых перемещали в глубь Германии. Разговор зашел о сепаратистских выступлениях в Австрии и Баварии, куда Бергер должен был вылететь

ночью. Мысль о возможном мятеже, кстати, очень и очень маловероятном, вновь вызвала у Гитлера конвульсии, у него затряслись рука, нога и голова. Он продолжал повторять как безумный: *«Расстрелять их всех!»* Бергеру было совершенно неясно, кого же расстреливать – пленных, высокопоставленных зеков, или сепаратистов, или всех вместе. С этим он и удалился, так и не решившись переспросить фюрера. Да и брать лишний грех на душу в конце войны крупные эсэсовцы уже побаивались, думая о своей собственной судьбе.

По утверждению Шелленберга, Бергер 22 апреля был всем очень нужен. Еще утром этого дня в Вустров, где находились в это время Гиммлер и Шелленберг, позвонил Фегеляйн, сообщивший, что Гитлер и Геббельс в ярости по поводу исчезновения из Берлина обергруппенфюрера Бергера. Выяснилось, что тот покинул Берлин, чтобы лететь в Южную Германию для выполнения личного поручения Гиммлера. Фегеляйн объяснил Шелленбергу, что Бергер понадобился Гитлеру для того, чтобы ликвидировать бывшего врача фюрера Брандта. Тот осмелился укрыть жену в Тюрингии, в расположении американцев.

Гиммлер, преследуя свои цели, тут же позвонил начальнику гестапо Мюллеру и приказал ему доставить Брандта в Шверин. Фегеляйну же он ответил, что сейчас невозможно привести приговор в исполнение. Позднее будет понятно, для чего рейхсфюреру вдруг понадобился личный врач фюрера. Когда собеседники сидели за завтраком, внезапно появился пропавший Бергер. Было решено забрать его с собой в Хоэнлихен.

Для чего же Бергер понадобился Шелленбергу? Бригаденфюрер обсуждал с ним вопрос об освобождении американского генерала Вэнэмэна, бывшего военного атташе США в Берлине. Шелленберг уже давно планировал освободить американца и некоторых высокопоставленных военных из Англии, чтобы через них вступить в контакт с правительствами западных союзников.

Шелленберг под свою ответственность, после консультаций с военным атташе США в Берне генералом Леггом, приказал переправить Вэнэмэна через швейцарскую границу. Позднее с этим решением согласился и Гиммлер. Да, буквально задергали высокопоставленного эсэсовца ответственными поручениями. Это были более понятные для Бергера указания, чем те, которые

он получит позднее от Гитлера. Тем более что они были связаны с высшими интересами Германии.

В середине дня 22 апреля этим столпам СС и СД пришлось спешно покинуть Вустров. Вблизи Ораниенбурга, в районе Кремена, были замечены разведывательные отряды Красной Армии. А попадание в русский плен с вполне понятной перспективой явно не входило в планы этих политических заговорщиков и авантюристов. После этого дороги высокопоставленных нацистов разошлись. Гиммлер пока оставался в лечебнице, а Шелленберг в 16.30 отправился в Любек на поиски шведского графа Бернадотта. Ну а путь Бергера вечером этого дня, как вы помните, лежал в Берлин.

Вечером 22 апреля состоялся последний визит в бункер рейхсканцелярии вновь испеченного фельдмаршала Шернера, который получил это высокое звание 5 апреля 1945 г. предпоследним в Третьем рейхе. Этот «мясник» – такое прозвище он получил в вермахте за то, что не гнушался жесткими репрессиями по отношению к своим солдатам, – поспешил прибыть в Берлин после неожиданного для него вызова.

Он был весьма благосклонно встречен фюрером, которому в конце войны импонировали именно такие генералы, которые «любой ценой» могли удерживать обороняемые рубежи. Гитлер же произвел на Шернера очень тяжелое впечатление: перед ним предстал совершенно больной и подавленный событиями человек. Лицо фюрера было бледное и распухшее, голос слабый, что, видимо, явилось следствием предыдущей вспышки ярости.

Сначала Шернер, в присутствии Кребса и Бургдорфа, доложил об остановке на своем участке фронта, посетовал на падение боевого духа войск и выразил опасения в отношении угрозы внешним флангам своей группы армий. В заключение он попросил разрешения отвести войска с выступа Брно – Моравска-Острава, а также сдать и Бреслау.

Но на это Гитлер пойти не мог ни при каких обстоятельствах. Он категорически заявил Шернеру, что Чехословакия с ее экономическим и промышленным потенциалом (своего-то уже совсем не осталось) должна быть обязательно удержана. Фюрер подчеркнул, что материальная база Чехословакии крайне необходима для сопротивления в районе Альп, да и сама она является форпостом, защищающим подступы к «Альпийской крепости».

Далее фюрер вполне резонно заявил, что Бреслау также должен держаться, так как иначе освободятся связанные там силы русских, которые могут быть переброшены в другое место.

Непонятно, чего в этих рассуждениях Гитлера больше: чисто теоретических размышлений или просто фантастических планов, абсолютно оторванных от реальности. Правда, в беседе Гитлер впервые заявил Шернеру, что он не видит выхода из войны военными средствами, однако питает надежды на политические возможности. Далее опять последовали рассуждения о необходимости продолжения сопротивления так долго, пока не будет достигнута выгодная для Германии политическая ситуация.

Шернер задал естественный вопрос о гарантиях или хотя бы признаках подобного развития событий. Гитлер ответил, что есть надежда прийти к частичному соглашению с противниками на Западе, прежде всего с англичанами. Правда, он тут же оговорился, что эта возможность представится лишь в том случае, если Германия будет иметь достаточно сильные вооруженные силы. Но вот как их сохранить и также как «затормозить русский натиск», фюрер почему-то не объяснил несколько растерянному от этого фонтана политических фантазий фельдмаршалу.

Шернер утверждал, что Гитлер сообщил о принятом решении, об отводе всех немецких войск с запада на восток с целью перенести центр тяжести борьбы против русских. Он также заявил Шернеру, что *«пассивное поведение западных противников»*, особенно их авиации, наблюдавшееся в последнее время, оправдает этот риск. Фюрер выразил уверенность в том, что в результате проведения этих мероприятий стабилизируется положение в районе Берлина. Поверил ли в эти планы фельдмаршал, остается не ясным.

Гитлер прямо заявил Шернеру, что намерен *«в надлежащий момент»* покончить с собой, чтобы не быть помехой в переговорах о сепаратном мире. Вот на какие жертвы якобы готов был пойти фюрер в несбыточной надежде спасти власть нацистов! Учитывая его дальнейшие бесконечные колебания в этом вопросе, что-то не очень верится в искренность его заявления.

Шернер попытался убедить Гитлера в необходимости выехать в район Зальцбурга, утверждая, что успешное сопротивление в районе Альп требует его личного присутствия и что его смерть будет означать конец Германии. Тут фельдмаршал явно заблуж-

дался: и сопротивляться в Альпах было невозможно, и смерть фюрера означала конец только нацистской Германии. Гитлер категорически отклонил предложение Шернера, заявив, что останется в Берлине и погибнет при его падении. В этом он, конечно, был совершенно прав.

Потрясенный этим заявлением, фельдмаршал в отличие от фюрера понимал, по его словам, что в военном отношении немцы стояли перед катастрофой. Но высказывание Гитлера о возможности заключить соглашение с Западом, как ни странно, показалось ему убедительным. Поэтому он принял решение, согласно приказу фюрера, любой ценой удерживать фронт. Да, велика была способность Гитлера, несмотря ни на что, оказывать буквально гипнотическое воздействие на своих военачальников. Но с другой стороны, насколько велика была вера немецких военных руководителей в политическую мудрость своего вождя даже на краю осознаваемой ими катастрофы. Для мобилизации способности Шернера к сопротивлению генерал Бургдорф сообщил ему, что он назначен на пост главнокомандующего всеми сухопутными силами Германии. Фельдмаршал был крайне удивлен, что сам фюрер не пожелал ему об этом сказать, а сообщил только о наличии своего политического завещания.

Дальнейшую «обработку» Шернера продолжил Геббельс, который подтвердил то, что сказал тому фюрер. Рейхсминистр тоже подчеркнул необходимость создания устойчивого фронта на Востоке, подчеркнув, что фельдмаршал – единственный человек, который *«вырос для выполнения этой задачи и на которого мы можем положиться»*. Вот и выплыла из дымзавесы политической болтовни главная причина приглашения Шернера в ставку! Геббельс говорил: *«Может показаться, что дальнейшее сопротивление бессмысленно, но я заверяю, что ваша задача огромной важности. Она нам позволит не упустить последнюю возможность»*.

У Шернера после этого разговора даже создалось впечатление, что Геббельс был самой энергичной личностью в окружении Гитлера, который подготовился ко всем возможным случайностям. Не совсем понятно, почему у него возникло подобное впечатление. Ведь Геббельс всего лишь заявил фельдмаршалу, что его семья не переживет фюрера и что он позаботится о том, чтобы тело фюрера не досталось неприятелю в качестве трофея.

Надо сказать, что Геббельс четко исполнил свои обещания Шернеру.

После разговора с Геббельсом практичный фельдмаршал попытался узнать у Кребса подробности об оборонительной зоне в Альпах, но так и не получил от начальника генштаба вразумительного ответа. Видимо, Кребс, хорошо зная о блефе с пресловутой «Альпийской крепостью», не пожелал портить настроение Шернеру после впечатляющей встречи с руководителями нацистской Германии.

По прибытии в штаб ГА «Центр» 23 апреля Шернер направил Гитлеру верноподданническую радиограмму, в которой просил фюрера покинуть Берлин и взять на себя руководство рейхом и командование вермахтом с южного ТВД. Фельдмаршал уверял Гитлера в том, что только он является *«гарантом сохранения целостности рейха»*. Шернер считал, что *«только Вам одному подчинится беспрекословно любой немец и весь личный состав вермахта. Только Вы, мой фюрер, являетесь надеждой Германии в борьбе против враждебных нам государств. Без Вас Германия придет к краху»*.

Шернер убеждал своего фюрера, что *«еще ничто не потеряно, все еще можно спасти, но только с вами»*. Трудно согласиться с текстом этого патетического послания верного вассала своему господину, но содержание этой радиограммы было согласовано со всем комсоставом ГА «Центр».

В ответ Гитлер направил фельдмаршалу следующую радиограмму: *«Я остаюсь в Берлине, чтобы с честью принять участие в решающем для Германии сражении и показать пример остальным. Думаю, что тем самым отдам Германии свой долг наилучшим образом. Необходимо предпринять все возможное, чтобы выиграть битву за Берлин. Вы можете оказать нам решающую помощь, двинув войска как можно быстрее на север»*.

В желании убедить себя и других в неосуществимом фюрер и его фельдмаршал стоили друг друга...

Поскольку обстановка на фронтах для немцев продолжала осложняться, военное руководство Германии судорожно старалось найти хоть какой-либо приемлемый вывод из создавшегося положения. Американский историк Погью писал, что 21 апреля гросс-адмирал Дениц обсуждал ряд вопросов с Гитлером и получил указание выехать из Берлина в Плён. Рано утром 22 апреля

он отбыл из столицы вместе со своим штабом. Надо признать, что сделано это было весьма своевременно, так как гросс-адмирал был очень осторожен.

Руководство ОКХ безуспешно старалось найти резервы для восполнения больших потерь и попыталось мобилизовать с этой целью оставшиеся людские ресурсы люфтваффе. Еще утром 21 апреля по этому поводу последовал поток запросов Кребса начальнику штаба люфтваффе генерал-оберсту Коллеру. В ночь на 22 апреля, по утверждению историка Погью, последовал телефонный разговор Гитлера и Кребса с Коллером, в результате чего последний получил очередной грозный приказ фюрера.

От него требовалось собрать все части люфтваффе между Берлином и побережьем Балтики и немедленно передать их Штайнеру с целью организации наступления от Эберсвальде на юг к Берлину. Приказ звучал: *«Всех, кто может ходить по земле, немедленно передать Штайнеру. Каждый командир, который не выполнит этот приказ, будет казнен в течение пяти часов»*. Видимо, истерия в бункере постепенно нарастала...

Возражения Коллера о том, что персонал люфтваффе не обучен ведению наземного боя, не были приняты во внимание. Понятно, что выполнить этот приказ было невозможно. Гитлер и ранее претендовал на «личную армию Геринга», хотя резиденцию рейхсмаршала охранял всего лишь один батальон дивизии «Герман Геринг».

Коллер понятия не имел о каком-то запланированном наступлении «группы Штайнера». Он попытался с помощью телефонных переговоров с различными штабами уяснить положение. Но никто ничего не знал. Ни района сосредоточения, ни точного времени начала атаки, ни маршрута движения войск, ни каких-либо других данных. Лишь после долгих поисков Коллер от некоего майора Фрейганга из штаба дивизии «Герман Геринг» узнал, что группенфюрер СС Штайнер, кажется, должен начать атаку на Берлин из района Эберсвальде.

Около полуночи 21 апреля Гитлер снова позвонил Коллеру и с полной уверенностью заявил авиационному генералу следующее: *«Вот вы увидите, у русских будут кровавые жертвы, они потерпят величайшее в своей истории поражение перед Берлином»*.

* * *

Чего же было можно ожидать от группы войск под командованием генерала СС Штайнера, наступление которой было намечено на 22 апреля?

По приводимым советскими историками данным, она состояла из остатков пяти моторизованных дивизий СС, каждая численностью около полка, из которых лишь два были немецкими, а остальные комплектовались иностранными легионерами, не очень уютно чувствовавшими себя в черных мундирах в конце войны. По сведениям историка Толанда, 3-й ТК СС, составлявший основу этой группы, включал две танковые и две дивизии морской пехоты общей численностью около 10 000 человек. Исследователь Уорвол вообще характеризовал 11-й ТК СС как *«усиленную штабную роту»*, которая отлавливала и мобилизовывала летчиков и моряков.

При всей разноречивости сообщений о численности «группы Штайнера» понятно, что ее подразделения при всем желании не могли сдержать наступление частей Красной Армии.

Реальность же, касающаяся «группы Штайнера» была такова. 18 апреля 1945 г. из 3-го ТК СС были изъяты дивизии СС «Нордланд» и «Нидерланд», которые передали 56-му ТК и 11-му ТК СС и затем бросили в бой в районе Берлина. Взамен Гитлер приказал передать в подчинение 3-му ТК СС остатки 7-го ТК.

В этом же районе происходило переформирование 4-й ПолД СС. Первыми боеспособными ее частями стали: 7-й МП СС, пополненный за счет 103-й учебно-резервной бригады, в которой числилось много иностранцев, в том числе румын, из которых был сформирован 103-й танкоистребительный полк; полк СС «Солар», объединенный с вышеуказанным полком; так называемая бригада Харцера и учебная бригада ВВС (бригада Ширмера).

На плацдарме у Эберсвальде оборонялся 101-й АК – остатки 25-й МД, 5-й ЕгД и 184-й УСАБр, – который 22 апреля отразил шесть атак русских. Поскольку войска Красной Армии продвигались на запад, плацдарм все более терял свое значение как базы немецкого наступления на юг.

В 17.15 22 апреля в штаб ГА «Висла» из рейхсканцелярии была отправлена телеграмма с приказом 3-му ТК СС о наступлении. В 22.25 штаб ГА телеграфировал Штайнеру соответствующим

приказом начать наступление *«сегодня вечером»*, не дожидаясь подхода остальных частей ударной группировки. Поздно вечером состоялся телефонный разговор Кребса со Штайнером.

Эсэсовец вспоминал потом: *«В ходе драматического и столь же зловещего разговора... Кребс сообщил, что теперь должна начаться решающая битва за Берлин, которой Гитлер будет руководить лично»*. Говорилось и о действиях 9-й и 12-й армий. Штайнер возражал начальнику ОКХ: *«Уменя в настоящее время есть только три дивизии. Наступление неосуществимо и бессмысленно»*. Столь же скептически он оценивал и возможность успеха армий Венка и Буссе.

Уже после войны Штайнер на допросе заявил американскому следователю: *«Уменя не было ничего, с чем можно было бы наступать. Три дивизии резерва... подчиненные мне, по приказу командования вермахта были приданы находившейся в отчаянном положении 3-й танковой армии и перемолоты в безнадежной попытке остановить несущуюся на запад русскую лавину. Две дивизии, обещанные ГА «Висла», вообще не появились. На неопытные, только что сформированные части я не мог положиться. Я не хотел терять солдат в предприятии, с самого начала ставшем гибельным и ошибочным. План наступления основывался на фактах, которых больше не существовало и которые оставались только в фантазиях имперской канцелярии»*.

Генерал Штайнер не только посылал письма отставному фельдмаршалу фон Бломбергу с предложением о капитуляции на Западе при продолжении боев на Востоке. Он также тешил себя надеждой послать в Берлин спецотряд, чтобы арестовать Гитлера, о чем 23 апреля он имел разговор с командиром 4-й ПолД СС штандартенфюрером Харцером. Для выполнения этой важной задачи был предложен 7-й ТП СС кавалера Рыцарского креста Прагера. Осуществлению этого замысла помешало лишь наступление русских к Науэну.

И на таких генералов и офицеров СС возлагал свои надежды на спасение фюрер!

Уступая настоятельным требованиям, поступавшим из ОКХ и рейхсканцелярии, Штайнер все же приказал начать наступление на юг.

Тем временем в Берлине немецкое руководство любой ценой пыталось укрепить оборону имперской столицы. Начальником

центрального района обороны Берлина был назначен бригаденфюрер СС Вильгельм Монке. Поскольку он как-то незаметно вышел из-за кулис на сцену в последнем акте берлинской трагедии, есть смысл поподробнее рассмотреть этого фигуранта, чтобы понять, кто же оставался около фюрера в его последние дни и часы.

Монке был нацистом до мозга костей, членом НСДАП с 1931 г. и состоял в СС с 1933 г. В составе «Лейбштандарта СС "Адольф Гитлер"» он участвовал в военных действиях в Австрии, Чехословакии, Бельгии, Голландии, Польше, Югославии. В 1943 – 1944 гг. Монке командовал 26-м МП 12-й МД СС гитлерюгенд на Западе, а потом – 1-й ТД СС «Лейбштандарт "Адольф Гитлер"». За ним водились и некоторые грехи, которые явно подпадали под статью «военное преступление». Так, в мае 1940 г., командуя батальоном, гауптштурмбаннфюрер Монке организовал расстрел группы пленных англичан. Во время боев на Западном фронте в 1944 г. по его приказу были расстреляны несколько канадских военнопленных, а при немецком наступлении в Арденнах последовал расстрел союзных военнопленных в Мальмеди.

За свои военные заслуги, проявленные в боях мужество и храбрость, кроме жестокости по отношению к военнопленным, Монке был много раз награжден, в том числе Немецким крестом в золоте и Рыцарским крестом (11.07.1944 г.). В феврале 1945 г. он был ранен и находился на излечении в Берлине. В апреле Монке в беседе с адъютантом фюрера Гюнше выразил сожаление по поводу недостаточных, по его мнению, эффективных мер по защите Берлина и предложил свои услуги. Гюнше, естественно, тут же доложил об этом разговоре своему шефу.

В ночь на 20 или на 21 апреля через штурмбаннфюрера Гюнше по телефону был получен приказ, согласно которому Монке должен был сформировать боевую группу из эсэсовцев для обороны Берлина. *«Отборные части СС»* под командованием Монке часто упоминаются во многих советских источниках, поэтому стоит разобраться, что же за этим стояло на самом деле.

Ему были предоставлены права по отбору соответствующих кадров из всех учреждений и административных органов СС, поскольку их деятельность на этот момент не являлась необходимой. В момент приказа в распоряжении Монке имелись 850

человек из охранного батальона «Лейбштандарта "Адольф Гитлер"». В течение 21 апреля к ним присоединились три роты – 450 человек – из хозяйственно-административного управления СС. Из этого контингента бригаденфюрер сформировал сначала одиннадцать рот по 120 человек в каждой.

В течение ночи на 22 апреля и в течение следующего дня он отобрал еще 750 человек, которые тоже были включены в боевую группу. В ее состав вошли остатки 1-го запасного учебного батальона, Берлинский лазарет СС, органы комплектования армии и войск СС, Институт гигиены войск СС, аппарат начальника дальней разведки средствами связи и другие мелкие организации.

Монке отмечал, что боевая подготовка этих людей была весьма различной. Так, часть из них были очень плохо обучены, поскольку были писарями и канцеляристами. Он был вынужден распределить вновь прибывших между хорошо обученными солдатами охранного батальона. Вооружение и снаряжение этого канцелярского люда было обеспечено за счет запасов охранного батальона.

Сам Монке через десять лет после окончания войны так вспоминал о прошедшем времени: *«Я энергично взялся за дело и собрал 4000 человек из частей СС... Я сформировал два полка с батальонами и ротами, сразу направив их в бой. Впоследствии мне также поручили небольшие формирования или группы из солдат пехоты и люфтваффе, а также роту из 160 моряков. Были у меня и отряды гитлерюгенда...»*

Унтерштурмфюрер Трибель, бывший в то время адъютантом одного из подчиненных Монке, штандартенфюрера Анхальта, утверждал, что в состав «группы Монке» входили два сводных полка СС, каждый в составе двух батальонов. Он вспоминал потом: *«Задачей боевой группы Монке была оборона внутреннего кольца. Это означало, что наши позиции будут сосредоточены в рамках неправильного круга с радиусом около 1000 метров, что обеспечивало надежную оборону. Разделительная полоса между полками проходила по Фридрихштрассе... КП полка Анхальта располагался в подвале виллы Геббельса на Паразенплатц, неподалеку от Бранденбургских ворот...»*

Вечером 24 апреля один батальон был выведен из внутреннего кольца и размещен к востоку от Силезского вокзала. Позиции

2-го батальона образовали дугу от Мольткештрассе через Тиргартен, южнее Потсдамерплатц и здания министерства ВВС.

Елена Ржевская, военный переводчик ОКР «Смерш» 3-й УА, принимавшая участие в допросах немецких пленных, в своей работе «Берлин, май 1945» указывала, что состав «боевой группы Монке» был довольно разношерстным. Она рассказывала, что в нее входили моряки из Ростока, летчики, фольксштурмовцы, танкисты, юнцы из гитлерюгенда, остатки бригады СС «Шарлемань», охранники из караульных батальонов и личный состав служб СС. С «группой Монке» взаимодействовала боевая группа штандартенфюрера Бока, шефа берлинского гестапо (позднее, после ранения, он покончил с собой в госпитале рейхсканцелярии), которая должна была оборонять участок Ангальтский вокзал – Вильгельмштрассе.

Во второй половине дня 22 апреля была произведена очередная реорганизация данного сборного воинства. К вечеру этого дня окончательно и сформировалась «боевая группа Монке» численностью около 2100 человек. Потом численность ее возросла до 3500 человек. Вооружение группы было тоже соответственным: 108 ручных пулеметов, 24 станковых пулемета и 16 минометов.

В тот же вечер, около 19.00, опять через Гюнше был получен приказ о выдвижении группы в правительственный квартал, чтобы подготовить для обороны внутреннее кольцо вокруг указанного квартала. По предложению Монке кольцо обороны было расширено: на севере – от вокзала на Фридрихштрассе, далее к западу – по южному берегу Шпрее, затем на юг – через Тиргартен до Бендлерштрассе и далее – по восточному берегу канала Ландвер через Потсдамский мост, затем на северо-восток – через Белле-Аллианс платц по Линденштрассе и т.д.

Занятое «группой Монка» кольцо примерно соответствовало границам участка «Ц» (центр), который был предусмотрен в плане обороны Берлина еще генерал-лейтенантом Рейманом. До эсэсовцев этот участок был занят мелкими подразделениями, в том числе саперными ротами, предназначенными для подрыва мостов, и частями фольксштурма.

В течение ночи на 23 апреля части «боевой группы» только приступили к оборудованию позиций. Несколько поздновато, не правда ли? По утверждению Монке, кроме баррикад и подго-

товки к взрыву всех мостов, ведущих в правительственный квартал, никаких других оборонительных работ в этом районе не велось.

Вот теперь можно попытаться задать вопрос: настолько ли уж «отборными» были части Монке? Или один вид черных мундиров смущал советских солдат и офицеров? Ведь на эту «отборность» обороняющихся всегда можно было сослаться в качестве оправданий при задержке продвижения к центру города.

Усложнились обязанности и у коменданта Берлина генерал-лейтенанта Реймана. На его плечи, как было сказано ранее, возлагалась ответственность за некую армейскую группу «Шпрее», создаваемую с 22 апреля на основе частей дивизии «Ян» и других сводных соединений.

Днем Реймана вызвали на виллу Геббельса у Бранденбургских ворот. По прибытии генерал увидел, что Геббельс по радио обращался с речью к берлинцам. В самом начале выступление рейхсминистра было прервано близким взрывом тяжелого снаряда, от удара взрывной волны вылетели стекла, но он спокойно продолжил свое выступление. Смысл его речи сводился к тому, что русские должны быть сокрушены под Берлином. Звучали громкие фразы и призывы стоять до последнего. Рейману тоже дали слово: он призывал население сохранять спокойствие и порядок и не мешать военным.

В суматохе этого дня никто даже не удосужился сообщить Рейману о том, что на его место коменданта города уже был назначен полковник Кэтер, которого спешно произвели в генерал-майоры. Лишь на следующее утро Кребс приказал Рейману отправиться в Потсдам, чтобы возглавить несуществующую армейскую группу «Шпрее».

23 апреля

В этот день части 1-го УФ, вышедшие ранее на канал Тельтов, по разрешению командующего фронтом получили некоторую передышку для подготовки к форсированию канала и подтягивания тылов. Части 3-й Гв.ТА использовали этот день для организации дальнейшего наступления.

Для наблюдения за происходящим на канале Тельтов командующий фронтом Конев направил командующего бронетанковыми войсками фронта генерала Н.А. Новикова, который побывал в 7-м Гв.ТК генерал-лейтенанта В.В. Новикова. Как выяснилось, Конев неспроста прислал на этот участок своего помощника, так как все это было связано с его оценкой возможных действий немецкого командования.

Вот что поведал комкору Новикову его однофамилец: *«...посылая меня к вам, Иван Степанович Конев просил предупредить об особом положении вашего корпуса. Он нацелен на западную окраину города. Под натиском войск двух фронтов противник, безусловно, будет вынужден уходить на запад. Вам придется принять на себя удар превосходящих сил обезумевшего и страшного в своей агонии врага. Помните об этом и сделайте все, чтобы ваш корпус не оказался раздавленным».*

Чуть позднее стало ясно, что маршал ошибался, считая, что немцы из Берлина сразу же после окружения города будут прорываться на запад. Данные попытки были предприняты значительно позднее, а пробить коридор к Берлину попытается немецкая 12-я армия немного южнее участка 7-го Гв.ТК.

Когда попытка 3-й Гв.ТА с ходу форсировать канал Тельтов не удалась, начальник инженерной службы 1-го УФ генерал-лейтенант И.П. Галицкий с разрешения Конева утром 23 апреля отправился к Рыбалко. Выяснилось, что все мосты через канал взорваны. Генералы поняли, что канал без подготовки не преодолеешь. Они пришли к напрашивавшемуся выводу, что надо подтянуть оставшуюся артиллерию, понтонно-переправочные средства, тщательно разведать оборону противника на канале и взорванные мосты. На это армии давался один день, за который инженерные части также должны были подготовить наводку двух понтонных мостов для переправы танков.

Армия располагала двумя понтонными батальонами, одним легким парком НЛП и 132 десантными лодками. Казалось, что

на первый случай переправочных средств было вполне достаточно. К тому же утром 23 апреля в распоряжение командующего 3-й Гв.ТА Рыбалко была переброшена 16-я ШИСБр полковника Б.К. Кордюкова. Не забыли при этом и 4-ю Гв.ТА. Для ее усиления 24 апреля была выдвинута 22-я Гв.ШИСБр полковника П.Ф. Новикова. Все это было сделано по указанию маршала Конева.

После обсуждения обстановки с генералом Галицким командарм Рыбалко провел совещание с командирами корпусов и бригад, на котором изложил принятое им решение на наступление с форсированием Тельтов-канала и план боевых действий. После этого совещания генерал Галицкий и начальник инженерных войск 3-й Гв.ТА полковник М.П. Каменчук собрали командиров инженерных частей, которым последний доложил план инженерного обеспечения форсирования канала.

Предполагалось, что пехота с пулеметами может быть переправлена по разрушенным мостам через канал. Как только она захватит плацдарм, саперы приступят к наводке понтонных мостов. Начало наводки мостов было определено в 11.00, а готовность – к 14.00 24 апреля. Понтонные батальоны после наводки мостов должны сразу же приступить к строительству 60-тонного низководного моста.

Вот какая солидная подготовка была проведена инженерной службой 1-го УФ.

Весь день 23 апреля ушел у танкистов на подготовку к предстоящему форсированию канала и прорыву немецкой обороны. О ее серьезности полковник Драгунский потом писал: *«С разведчиками и саперами, с командиром самоходного полка и с командирами батальонов, с офицерами приданной и поддерживающей артиллерии облазили районы исходных и артиллерийских позиций, наметили пункты переправы, исследовали подходы к каналу. В маскхалатах подползли к берегу, изучали режим огня противника, выявляли его огневые точки».*

Как ни старались советские войска обеспечить скрытность подготовки к форсированию, многочисленные передвижения боевых частей и переход артиллерии на новые позиции не остались не замеченными противником. Во второй половине дня 23 апреля немцы, обнаружив подход советских войск к каналу, а также скопление больших масс артиллерии и танков, усилили

огонь. Драгунский отмечал: *«До поздней ночи на нашем берегу взрывались тяжелые снаряды, а немецкие зенитки вели огонь по наземным целям. Этот день показал, что предстоит "расколоть" поистине "крепкий орешек"».*

Части 4-й Гв.ТА продолжали постепенно окружать Берлин с запада: 6-й Гв.МехК наступал на Бранденбург, а 10-й Гв.ТК – на Потсдам. До позиций 47-й армии 1-го БФ оставалось пройти всего 25 км.

В ночь на 23 апреля 10-й Гв.ТК также вышел на канал Тельтов и начал готовиться к его форсированию. Разведбат корпуса майора Н.П. Беклемишева уничтожил до двух рот немецкой пехоты, вооруженной фаустами, и закрепился на южном берегу канала. В тот же день маршал Конев передал в оперативное подчинение 4-й Гв.ТА 350-ю СД генерал-майора Г.Н. Вехина из 13-й армии, переброшенную автотранспортом в район Потсдама. Это было очень кстати, потому что с пехотой в танковых частях было негусто, а без ее участия форсировать канал было затруднительно.

Первые попытки форсировать Тельтов-канал силами 29-й Гв.МСБр 10-го корпуса были неудачные. Потери были чувствительными не только среди рядового состава. В бою был убит командир 359-го ЗенАП подполковник Круковский. Командарм Лелюшенко, который очень рискованно лез ближе к месту боев, даже получил легкое ранение в голову.

6-й Гв.МехК полковника В.Н. Корецкого, несколько задержавшийся для оказания помощи 5-й Гв.А, после овладения Шпрембергом быстро вырвался вперед, двигаясь на северо-запад. Еще утром 23 апреля он прорвал оборону немцев на внешнем обводе Берлина в районе Фресдорф, где противник пытался закрыть образовавшуюся в его обороне брешь.

Там 35-я Гв.МехБр полковника П.Н. Туркина разгромила подразделения ПД «Фридрих Людвиг Ян», сформированные из 16-летних юнцов. Командир дивизии полковник Клейн попал в плен. В шоковом состоянии его доставили на допрос к командарму Лелюшенко. Получить от него какие-либо полезные сведения о немецких войсках не удалось. У полковника лишь судорожно шевелились губы, конвульсивно подергивалось веко правого глаза и дрожали ноги... Его жалкий вид сильно раздосадовал советского генерала, не привыкшего к подобному поведению пленных офицеров.

13-я армия 1-го УФ в течение 23 апреля продолжала наступать на запад, продвинувшись на 18 км, к рубежу Тройенбритцен – Виттенберг. Поскольку к Ютербогу уже подходили ее головные части, командир 5-го корпуса приказал 11-й Гв.МехБр оборонять район Бухгольц – Нибель, сменив там части 10-й Гв.МехБр, которая теперь должна была прочно удерживать Тройенбритцен. Одновременно 12-я Гв.МехБр обороняла Беелитц.

К концу 23 апреля постепенно подтянулись части 3-й Гв.А и 28-й армии. Они создали почти сплошной фронт окружения немецкой 9-й армии, так как ширина «горловины» к Берлину составляла к исходу дня лишь 4 км. В этот же день была установлена новая разгранлиния между фронтами, которая делила столицу рейха практически пополам. Гонка к Берлину выходила на финишную прямую.

5-я Гв.А, преследуя противника, к исходу 23 апреля вышла к восточному берегу Эльбы в районе Ризы, продвинувшись на разных направлениях от 20 до 40 км. Тем самым она выполнила задачу, возложенную на нее планом операции. В том районе части 1-го Гв.КК освободили два больших лагеря военнопленных: в одном – около 50 тысяч человек югославов, американцев, англичан и около 28 000 русских, в другом – около 15 000 русских, итальянцев, французов, поляков. Советские войска получили возможность пополнить поредевшие ряды за счет освобожденных, а солдаты союзников – отправиться домой. Суть в том, что русским военнопленным еще надо было «искупать свою вину перед Родиной», которую еще пока никто не определил...

23 апреля 1945 г. Военный Совет 1-го БФ вновь обратился к своим войскам, призывая побыстрее закончить затянувшуюся битву: «*Дорогие товарищи! По приказу Верховного Главнокомандующего тов. Сталина начавшееся семь дней тому назад наше решительное наступление на Бёрлин увенчалось новой славой. Сегодня боевые знамена наших героических частей уже победно реют над окраинами и пригородами Берлина. Настал решающий час боев. Перед вами Берлин, столица германского разбойничьего фашистского государства, а за Берлином – встреча с войсками наших союзников и полная победа над врагом.*

Обреченные на гибель остатки немецких частей еще продолжают сопротивляться. Немецкое командование выскребает свои последние остатки фольксштурмовых резервов... и пытается сдержать наше наступление, чтобы оттянуть... свою гибель.

Товарищи офицеры, сержанты и красноармейцы! ...Вас не сдержали мощные укрепления, которые вы сейчас преодолели на подступах к Берлину. Перед вами, советские богатыри, Берлин. Вы должны взять Берлин, и взять его как можно быстрее, чтобы не дать врагу опомниться.

Обрушим же на врага всю мощь нашей боевой техники, мобилизуем всю нашу волю к победе, весь разум...

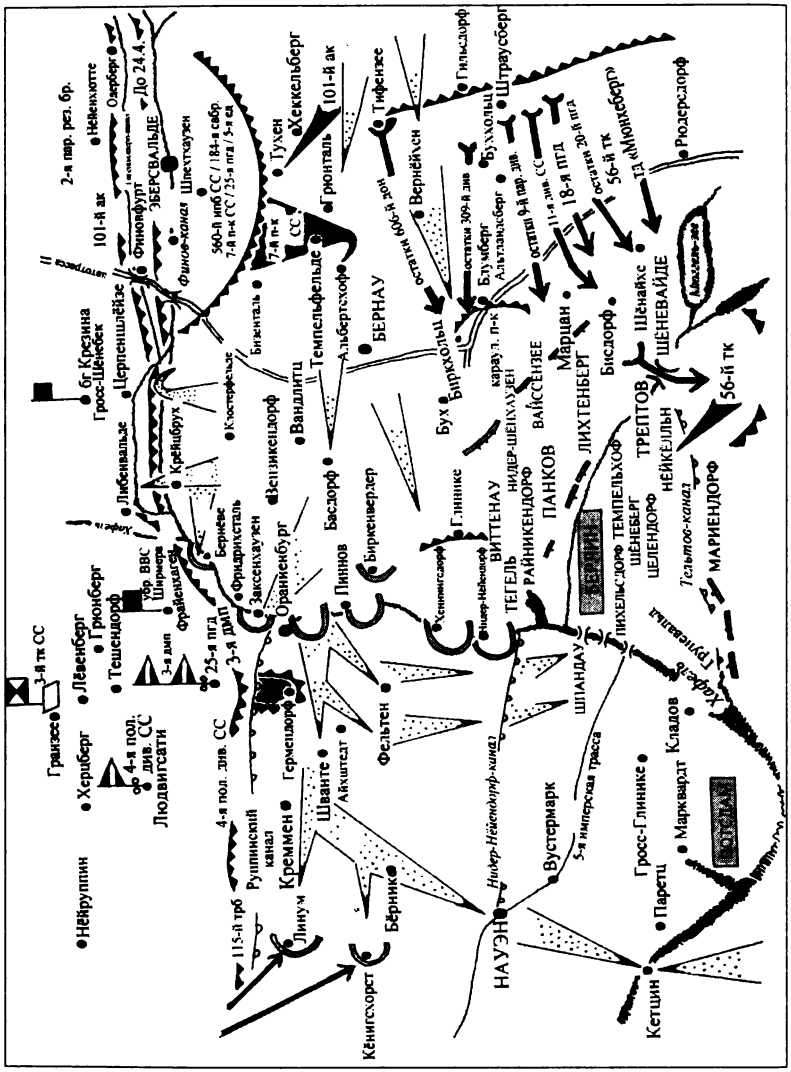
На штурм Берлина! К полной окончательной победе, боевые товарищи! Дерзостью и смелостью... согласованностью всех родов войск, хорошей взаимной поддержкой сметать все препятствия и рваться вперед. Только вперед к центру города, к его южным и западным окраинам... вперед к победе!»

Командование 1-го БФ почувствовало, что войска начали уставать, потери росли, запланированные темпы наступления не выдерживались. И оно не нашло ничего более умного, чем вновь прибегнуть ко всем надоевшим заклинаниям, сдобренным изрядной долей пустого славословия и очередными призывами к сражавшимся с упорным противником. Толку от этого сотрясания воздуха мало, но очередная «галочка» в плане проведения политработы в войсках поставлена...

На 1-м БФ с утра 23 апреля 47-я армия вместе с 9-м Гв.ТК продолжала маневр по охвату Берлина с северо-запада. В ходе боев 125-й и 129-й СК продвинулись на три километра. Они форсировали реку Хафель, повернувшись фронтом на юго-запад, и заняли выгодное положение для развития удара в обход Берлина с запада.

3-я УА совместно с 1-м МехК и 12-м Гв.ТК вела упорные бои в северо-восточной части Берлина, где оборонялось много немецких отдельных полков и батальонов и даже действовал бронепоезд на внутреннем обводе.

В ночь на 23 апреля 68-й Гв.СП 23-й Гв.СД стремительной атакой пересек железную дорогу Бернау – Берлин и овладел пригородом Панков. К 10.00 66-й и 68-й полки дивизии встретили ожесточенное сопротивление противника в районе Берлин – Шенхольц. Немцы отбили атаки гвардейцев и сами перешли к контратакам. Они пытались нанести удар по частям дивизии с тыла – с направления Панков на Шенхольц. Однако 63-й Гв.СП, переброшенный на это направление, свел на нет все их усилия.


Гранзее
1-й тк СС
Нейруппин
Херцберг
Лёвенберг
Грюнберг
Тешендорф
4-я пол. див. СС
Людвигсвальде
Фюрстенвальде
Фюрстенвальде
Фюрстен

В 16.00 штурмовая группа майора Храповицкого из 66-го Гв.СП снова атаковала вокзал Берлин-Шенхольц, но успеха снова не добилась. Немцы упорно обороняли угловое здание, прикрывавшее подходы к вокзалу. Окна и двери в нем были замурованы, а из пробитых в стенах амбразур вели огонь орудия, тяжелые пулеметы и фаустники.

Было решено овладеть этим зданием ночью, когда саперы пробьют путь к нему через стены уже занятых домов. После артналета, в ходе которого танки и артиллерия штурмовой группы подавили огневые средства противника, началась атака. Только после того, как этот опорный пункт после тяжелого боя с блокированием подвалов был полностью очищен от противника, удалось овладеть и вокзалом Берлин-Шенхольц.

Ширина Шпрее в этом районе составляла около 300 м – это была серьезная водная преграда. На западном берегу – укрепленные позиции немцев, много огневых средств в подготовленных к обороне заводских и жилых строениях. Правда, имелись основания считать, что противник, не видя на восточном берегу, на который вышли советские войска, обычных приготовлений к переправе, не ожидал форсирования Шпрее с помощью легких кораблей, да еще и ночью. Для форсирования наметили три участка, недалеко один от другого, там, где в бетонном ограждении берега имелись проемы, позволявшие быстро производить посадку и высадку бойцов.

При форсировании Шпрее войсками 9-го СК были введены в действие катера-полуглиссеры Днепровской флотилии. По своему основному назначению это были связные и посыльные корабли с корпусами из фанеры. Они могли развивать скорость до 35 км/ч при весе до 1,5 тонны, длине 7 и ширине 1,7 метра. Вооружены они были одним пулеметом и могли брать на борт до 10–12 бойцов, а перевозить их можно было на «студебеккерах». Когда советские войска уже вошли в парки Трептов и Плентервальд, к реке подошел 1-й отряд полуглиссеров 1-й бригады речных кораблей Днепровской флотилии капитан-лейтенанта Калинина. Моряки быстро и организованно сгрузили с автомашин свои суда, спустили их на воду.

Немцы, конечно, заметили эту возню на восточном берегу, открыли беспорядочный автоматно-пулеметный огонь и начали освещать реку ракетами. Тем не менее моряки приступили к

переправе стрелковых подразделений и артиллерии. Чуть позже подошли и армейские понтонные парки, с помощью которых можно было переправлять через Шпрее танки и другую технику. Катера начали буксировку понтонов к западному берегу.

Немцы пытались пресечь десантирование плотным артиллерийско-минометным огнем. Артиллеристы корпуса вели ответный огонь; зачастую им удавалось подавить противника, и огонь с западного берега ослабевал. Опасные рейсы обернулись потерями в составе экипажей полуглиссеров и повреждением самих кораблей, что было не мудрено, учитывая их фанерные корпуса.

Несмотря на значительные потери среди десантников при переправе, к рассвету на западном берегу находился уже стрелковый полк в полном составе и ряд других подразделений. Командир корпуса к этому моменту приостановил десантирование и приказал поставить на реке дымзавесу. К реке были подтянуты танки и САУ для прикрытия огнем прямой наводки.

Весь день 23 апреля переброска войск через Шпрее продолжалась. Ряды моряков постепенно редели, а выбывших некем было заменить. Катеров, не задетых пулями и осколками, больше не было, но их использование продолжалось. Кроме того, теперь полуглиссеры стали использовать еще и в качестве буксировщиков спущенных на воду понтонов, из которых составлялись паромы. На последних на плацдарм переправляли танки Т-34.

В это время правофланговые корпуса 5-й УА также прорвали городской обвод по кольцевой железной дороге, овладели районами Лихтенберг и Фридрихсберг и приступили к захвату Силезского вокзала. Последний являлся одним из сильнейших и крупных немецких опорных пунктов. Комплекс каменных вокзальных строений, многочисленных депо, мастерских и других строений, железнодорожные пути превратили район вокзала в некий железобетонный массив, подготовленный к обороне.

Силезский вокзал штурмовали две дивизии: 266-я СД генерал-майора Фомиченко и 60-я Гв.СД генерал-майора Соколова. Бой на вокзале был жестокий и кровавый, немцы отчаянно сопротивлялись, но были вынуждены отступить.

В тяжелый весенний вечер по берегу Шпрее вдруг донесся гром раскатов орудийных залпов со стороны Берлина. Советские солдаты напряглись, ожидая разрывов снарядов, но их не после-

довало, но канонада продолжалась. Лишь поздно вечером загадка разъяснилась. Оказывается, что это 3-я Гв.ТА ворвалась в пригород Берлина Тельтов и ведет ожесточенный бой. Видимо, в то время оперативное взаимодействие и связь с соседним фронтом не были еще налажены.

Прояснился и еще один вопрос, связанный с определенной легкостью захвата плацдарма на Шпрее. После допроса захваченных пленных выяснилось, что немецкая пехота, напуганная большим количеством русских танков и артиллерии, вышедших к восточному берегу, проявила неустойчивость и в панике отступила.

Всю ночь на 24 апреля шло форсирование, проводилась перегруппировка 230-й СД в полосу действия 301-й СД. К утру на плацдарме, увеличившемся в размерах до 2,5 км по фронту и до 2 км в глубину, находились уже две стрелковые дивизии и одна танковая бригада. Армейские саперы теперь могли приступить к наведению понтонных мостов через реку.

8-я Гв.А совместно с 1-й Гв.ТА наступала в юго-восточной части Берлина. Форсировав реки Шпрее и Даме силами 29-го Гв.СК и 8-го Гв.МехК, они завязали бои за Адлерсхоф. Войсками был сделан почин по нейтрализации берлинских аэродромов: к вечеру 23 апреля передовой отряд 1-й Гв.ТБр ворвался на аэродром Адлерсхоф, где было захвачено около 70 самолетов. Дерзкий рейд был произведен небольшими силами: мотоциклетный и танковый батальоны, но на глубину, правда, всего до 3 км.

Приказ о захвате аэродромов Адлерсхоф и Темпельхоф, находящегося всего в 3 км от рейхсканцелярии, по утверждению командующего 1-й Гв.ТА генерал-полковника Катукова, был дан Жуковым именно 23 апреля. Торопился, видимо, командующий фронтом блокировать все возможности вылета нацистских главарей из полуокруженного Берлина. Но желание командующего не всегда сопоставлялось с возможностями подчиненных ему войск. После этого Катуков «выдал» очередной приказ своим частям: к исходу 24 апреля выйти к знаменитому аэродрому Темпельхоф, который, конечно, не был выполнен.

В результате этих боев были созданы условия для установления непосредственной связи с частями 3-й Гв.ТА 1-го УФ.

23 апреля части 33-й и 69-й армий наконец-то очистили от противника Франкфурт-на-Одере, где была окружена группа

войск полковника Эрнста Бехлера. Как ни странно, часть окруженного гарнизона сумела все-таки прорваться к 9-й армии, несмотря на подавляющее преимущество окружавших. Тем не менее окружение немецкой группировки южнее Берлина было близко к своему завершению, так что вырвавшиеся из Франкфурта попали в другое, более масштабное, кольцо. В расположении немцев для связи с Берлином оставалась единственная дорога, но и она находилась под огнем артиллерии. Правда, никто из немцев в Берлин почему-то не рвался.

Было близко к завершению и окружение собственно берлинской группировки. К исходу 23 апреля район столицы рейха был охвачен войсками 1-го БФ и 1-го УФ с трех сторон. В расположении немцев оставались лишь три дороги, ведущие на запад, но и они находились под непрерывными ударами советской авиации, которая продолжала действовать в неблагоприятных метеоусловиях.

Этот день дал желанную передышку немцам только южнее города, но в целом обстановка для них продолжала ухудшаться. Нацистские главари как-то пытались подбодрить своих граждан. Днем 23 апреля по распоряжению Геббельса в передаче берлинского радио прозвучало «радостное» для берлинцев известие, что *«фюрер находится в столице»*. Неизвестно, насколько это добавило сил оборонявшимся, но советской разведке дало хоть какую-то скудную информацию о местонахождении фюрера.

Геббельс в своем личном выступлении обратился с призывом к населению «О вступлении в ряды защитников Берлина». Указывался и пункт сбора – комендатура Берлина на Йоханнишштрассе, вблизи вокзала Фридрихштрассе. Этот призыв не совсем ясен, так как непонятно, к кому непосредственно он был обращен. Практически весь более или менее годный контингент был уже призван в ряды фольксштурма. Интересно, явился ли туда кто-нибудь вообще или нет?

Не отставала в призывах и печать. 23 апреля в немецких газетах появился очередной призыв за подписью Гитлера, датированный 22 апреля: *«Каждый, кто пропагандирует или просто даже одобряет распоряжения, ослабляющие нашу стойкость, является предателем. Он немедленно подлежит расстрелу или повешению! Это действительно также и в том случае, если речь идет о распоряжениях, якобы исходящих от гаулейтера доктора*

Геббельса или даже от имени фюрера». Как в обстановке всеобщего развала рядовому берлинцу разобраться, от кого исходят различные распоряжения и указания? Очередная безнадежная попытка сцементировать ряды, естественно, привела лишь к новым репрессиям по отношению к горожанам и военнослужащим.

Обстановка же в Берлине никак не способствовала повышению бодрости духа немецкого населения. 23 апреля (или 22-го) прекратил работу телеграф – впервые с 1832 г.! Последняя телеграмма была получена из Токио. Текст этой японской депеши в создавшихся условиях звучал издевательски: *«Желаем успеха вам всем»*. В этот же день с аэродрома Темпельхоф вылетел последний самолет в Стокгольм. Бесперебойно работали только метеослужбы (станция в Потсдаме), а также городские пивоварни. Последние были отнесены правительством в разряд *«необходимого производства»* и, несмотря ни на что, продолжали варить пиво. Ну тяжело было воевать немцам без этого национального напитка.

23 апреля в рейхсканцелярию явился Шпеер. Ему почему-то вдруг захотелось повидаться с фюрером, с которым у него в последнее время были довольно сложные отношения. Поверить в то, что в такой тяжелой обстановке, когда нацистские бонзы старались держаться подальше от Берлина, этому технократу, бывшему архитектору фюрера, вдруг ни с того ни с сего, просто из-за какой-то не совсем понятной сентиментальности, захотелось побывать в полуокруженном городе, довольно сложно. Хотя он в весьма убедительных мемуарах настаивал на этой версии. О возможных причинах этого странного и опасного вояжа — чуть ниже.

Сначала Шпеер без проблем из штаба некоей дивизии в Киритце позвонил адъютанту Гитлера Шаубу и договорился о своем визите в бункер. Удивительно! Из штаба дивизии связаться с бункером в этой обстановке надвигавшейся катастрофы. Потом Шпеер, показав свою смелость, вылетел с аэродрома в Рехлине, где находился КП истребительной авиации, на учебном истребителе. Приземлившись на аэродроме Гатов, в районе Берлина, он еще застал там генерала Кристиана, готовившегося к отлету на юг вслед за своим начальником генералом Коллером.

Из Гатова Шпеер и его спутники на двух легких самолетах типа «Шторьх» вылетели в Берлин. Благополучно приземлились

они уже на широкой улице у Бранденбургских ворот. Там, по словам Шпеера, были установлены красные сигнальные фонари, а улица была очищена от завалов, засыпаны воронки, то есть оборудована настоящая взлетно-посадочная полоса. Кстати, по свидетельству Ширера, еще 23 марта на совещании у Гитлера обсуждалось очень дельное предложение рейхсминистра Геббельса об аналогичном использовании проспекта в Тиргартене.

После приземления визитеры на военной машине добрались до рейхсканцелярии. Это говорит, что по улицам Берлина еще можно было ездить. Шпеер присутствовал на докладе Кребса об обстановке, отметив, что по сравнению с 20 апреля число присутствующих при этом сильно уменьшилось.

В коридоре бункера он встретился с Борманом, который был с ним подозрительно вежлив, ведь отношения между ними были очень сложные, и, как выяснилось, неспроста. Борман уже узнал, что Шпеер будет беседовать с Гитлером, и просил его прозондировать с фюрером очень волнующий его вопрос: *«...нужно выяснить. Остаемся ли мы в Берлине или улетаем в Берхтесгаден»*.

Значит, сомнения еще оставались. Борман считал, что *«...ему уже пора перебраться в Южную Германию и руководить оттуда обороной рейха... Пока еще это возможно...»*. Борман буквально умолял Шпеера: *«Я очень прошу вас уговорить его покинуть столицу»*. Шпеер считал, что *«из всех обитателей подземелья больше всего цеплялся за жизнь именно Борман»*. Как можно сочетать эти теперешние мольбы Бормана с его уверениями об отказе покинуть Берлин на совещании 22 апреля? Видимо, за этим крылась какая-то сложная политическая игра и нежелание Бормана оставлять Гитлера в одиночестве, чтобы никто не сумел в удобное время перехватить власть, которая уже почти выпала из слабеющих рук вождя. В этом случае Борман размышлял так, как будто у нацизма было будущее и еще существовала реальная власть, которую можно было бы унаследовать в случае смерти Гитлера.

Действительно, во время беседы Гитлер поинтересовался у своего министра: *«...стоит ли мне и дальше оставаться здесь?»* Выходит, что фюрер, несмотря на все свои громогласные заявления 20–22 апреля, все еще колебался? Гитлер сослался на Йодля, который якобы утверждал, что *«завтра* (то есть 24 ап-

реля) *еще можно успеть вылететь в Берхтесгаден*». Шпеер, не раздумывая, посоветовал фюреру оставаться в Берлине: «*...лучше принять смерть в столице, чем там, где вы обычно проводили выходные дни*». Видимо, проницательный рейхсминистр для себя уже определил судьбу своего фюрера и смотрел дальше. Гитлер довольно вяло и безразлично согласился со Шпеером и заявил, что «*...давно принял решение остаться. Мне просто хотелось услышать ваше мнение*». Неужели в этом вопросе чье-то мнение для него еще что-то значило? Да и как его слова связать с приготовлениями к отъезду 22 апреля?

Гитлер пояснил свои сомнения тем, что «*не намерен продолжать борьбу*». И это в преддверии своих последующих судорожных попыток спастись любой ценой и изменить неумолимый ход событий? Гитлер считал, что «*слишком уж велика опасность попасть раненым в руки русских*». Далее он довольно лицемерно, как выяснилось позднее, начал уверять Шпеера, что «*решил покончить с собой и... с легкостью уйдет из жизни*».

Ну насчет ухода из жизни позднее (при описании событий в бункере 30 апреля) будет видно, что он до последнего момента затягивал неизбежное решение. У Шпеера даже создалось впечатление, что он «*разговаривает с покойником*». Но тем не менее он постарался обсудить с этим потенциальным «покойником» вопрос о его преемнике. Шпеер наилучшим образом охарактеризовал гросс-адмирала Деница и «*приукрасил свой рассказ подробностями, которые должны были произвести на Гитлера сильное впечатление*». Конечно, он не пытался напрямую подсказать фюреру решение, так как это, учитывая противоречивую личность Гитлера, «*могло привести к прямо противоположному результату*». Может быть, в этом совете и крылся смысл аудиенции Шпеера у Гитлера и именно он явился основной причиной его довольно рискованного вояжа к вождю германского народа?

Кстати, Шпеер, который тоже присутствовал на совещании, имел возможность еще раз убедиться в переменчивости настроения фюрера. К его величайшему удивлению, Гитлер вдруг «*вздумал снова продемонстрировать непоколебимый оптимизм*», который довольно резко контрастировал «*с недавними уверениями в твердой решимости покончить жизнь самоубийством*». Шпеер был буквально потрясен, когда услышал, что фюрер «*искренне заверял генерала Кребса в предстоящем благоприятном для Герма-*

нии исходе войны». Правда, в этот раз он не стал *«разглагольствовать о чуде, которое, безусловно, совершится в последний момент по воле провидения».*

Только сейчас, по утверждению Шпеера, он понял, что фюрер просто «двурушник», который обманывал всех. Но вот сколько же времени? Шпеера захватила мысль о том, когда же их фюрер осознал, что война проиграна? Когда он искренне заблуждался, а когда умышленно вводил других в заблуждение? Но ответы на эти вопросы вряд ли кто-то мог дать, учитывая явную психопатичность личности Гитлера и связанные с этим резкие перемены настроения.

Утром 23 апреля немецким связистам удалось восстановить телефонную связь со штабом 9-й армии. Начальник штаба генерал-лейтенант Хельц передал генералу Вейдлингу распоряжение о том, что его корпус должен прикрыть северный фланг 9-й армии, для чего войскам 56-го ТК нужно было отойти в район Кенигс-Вустерхаузена, где соединиться с частями 21-й ТД. Вейдлинг вспоминал об этом так: *«У нас у всех камень с сердца упал. Мысль о том, что придется сражаться на руинах Берлина, угнетала нас».* Его корпус уже вел непрерывные бои в районе Карлсхорст – Уленхорст против войск 8-й Гв.А. К 08.00 Карлсхорст был оставлен немцами.

Части МД СС «Нордланд», являясь арьергардом 56-го ТК, обеспечивали отход его частей по мостам на Шпрее, а также безуспешно пытались предотвратить переправу русских через реку. В составе дивизии присутствовал полный интернационал, только не коммунистический. В ее боевых подразделениях, кроме немцев, сражались «бøрцы с коммунизмом» – датчане, фламандцы, англичане, голландцы, норвежцы, шведы, швейцарцы, финны и эстонцы. Судя по месту боев этих «идейных бойцов», как говорится, за что боролись – на то и напоролись. 23 апреля в дивизию влились также около 500 венгров из 25-й ПД СС. Всех этих представителей Западной Европы, потерпевшей поражение в рядах вермахта, ждала незавидная участь...

Вышеупомянутый генерал-лейтенант Рейман 23 апреля, получив указание от Кребса принять командование группой «Шпрее», разъезжал в районе Потсдама и осматривал те раз-

1-й Белорусский фронт
Одер
Нейсе
Франкфурт/Одер
Лебус
Петерсхаген
Треплин
Лихтенберг
Любен
Губен
Гросс-Бризен
Штраков
Пайтц
Бутцен
Бург
Зилов
Котбус
Фюрстенберг
Нейцелле
Баро
391-я пд
214-я пд
342-я пд
32-й ипб СС
281-я пд
Мюльрозе
Радинкендорф
Бесков
Грунов
Фридланд
Фюрстенвальде
Беркенбрюк
Вильмерсдорф
Фалькенберг
Альт-Мадлитц
Бизен
Биген
Лосов
Цильтендорф
Аресдорф
Рансдорф
Мюггель-зее
Венденшлюсс
Шенфельд
Шмёквитц
Ротберг
Карлсхоф
Нидер-Леме
Кенигс-Вустерхаузен
Рагов
Цернсдорф
Грабендорф
Митценвальде
Бестензее
Вольциг
Прирос
Зельхов
Шторков
Бад-Саров
Гросс-Ритцен
Линденберг
Берендорф
Ранциг
Мюнхехофе
Хермсдорф
Штреганц
Кайзи-11-я тк
Кёрис
Шламмер
Мерцин-Буххольц
Хальбе
Тойпитц
Мотцен
Барут
Люббен
Люббенау
Гросс-Лейпен
Шлепциг
Штраков
Краусник
Ней-Люббенау
Витмансдорф
5-й ак
5-й гк СС
Штрегс
Ней-Шауэне
Любенозе
ШПРЕЕВАЛЬД
Штрауплитц
усб
Бург
1-й Украинский фронт
3-я гта
3-я га
8-я гв. а
(21-я отступила)
Хартмансдорф
Шпрестенгаген
Скаби
Колынин
Кунерсдорф
Кеченлорф
Ратзин
Юнгханса
Берндорф
Шёнфлис
Шёнфельд
Шёнфлис
Шёнфельд
Шёнфлис
Шёнфельд

розненные части, с которыми он должен был остановить наступавшие части 1-го УФ. Отдельные полки и батальоны, к которым присоединились подразделения потсдамских учебно-резервных батальонов, Рейман постарался разместить в основном вдоль рек и озер. И с этими войсками он успешно оборонял Потсдам аж до 2 мая 1945 г.

23 апреля на «сцене» рейхсканцелярии появляется еще один новый персонаж из военных, который потом сыграл довольно важную роль в берлинской трагедии. Это был генерал Вейдлинг.

Кто же он был такой? Кадровый офицер, горячий сторонник нацизма, он довольно быстро продвигался по службе. На Восточном фронте Вейдлинг сначала командовал дивизией, потом корпусом. Мундир его был основательно «запачкан» – по его приказу создавались лагеря смерти в Белоруссии. Он также лично отдавал приказы о создании зон пустыни на территориях, оставляемых немецкими войсками. В марте 1943 г. при отходе из Ржевского выступа Вейдлинг дал приказ уничтожать все на пути отхода, угонять население, а сопротивляющихся расстреливать. После отхода его дивизии в этом районе остались лишь руины: все было сожжено и взорвано. По его приказу производились массовые расстрелы мирного населения, в том числе в городах Торопец, Вязьма, Гжатск и в Белоруссии.

Как он сам признавал потом, *«во время войны мы считали русских неполноценными людьми, отсюда и происходили все наши преступления»*. Четко и ясно. Так что свой последующий срок во Владимирской тюрьме он, конечно, заслужил. То, что его сразу же не повесили за все эти преступления, думается, объясняется тем, что он вовремя сдал в Берлине, но это уже забегание вперед.

В этот день – 23 апреля – Вейдлинг от командира ПД «Берлин» генерала Фойгтсбергера, приехавшего из штаба 9-й армии, узнал пренеприятнейшее для себя известие – Гитлер приказал расстрелять его за то, что он якобы перенес свой КП в Дебериц, западнее Берлина. Естественно, это был просто кем-то пущенный слух, и ему захотелось в этом разобраться. Около 18.00 он прибыл в Берлин и после множества проверок оказался в бункере, в помещении адъютантов.

Вейдлинг доложил Кребсу о полученном из штаба 9-й армии приказе об отходе. Начальник ОКХ немедленно отменил его, заявив, что единственной задачей 56-го ТК может быть только

оборона Берлина, и удалился на доклад к Гитлеру. Вейдлинг немедленно сообщил по телефону об изменении задачи корпуса своему начштаба. Он был крайне удивлен сообщением штабников о своем отстранении от должности и замене генералом Бурмайстером, бывшим командиром 25-й МД.

Возмущение Вейдлинга своей отставкой было крайне велико, поскольку приказ о смещении был основан на слухах и клевете. Возвратившегося от фюрера Кребса, сопровождаемого главным кадровиком вермахта генералом Бургдорфом, Вейдлинг встретил с каменным лицом и дал волю своему негодованию. Генералы успокоили Вейдлинга, – приказ о его расстреле отменен.

После этого Вейдлинга доставили к фюреру, который вроде бы даже вспомнил его – в 1944 г. он вручал ему Дубовые листья к Рыцарскому кресту – и изрек, что, мол, *«...запоминаю имена, но лиц уже не могу запомнить»*. Генерал доложил о положении 56-го ТК на 17.00. Кребс посоветовал фюреру «не допускать» движения на юго-восток, так как это откроет брешь на востоке Берлина. Фюрер заверил генерала, что положение улучшится, и весьма длинно изложил оперативный план выручки Берлина: с юго-запада наступает 12-я армия через Потсдам, с юго-востока действует 9-я армия. По его мысли, совместными действиями южнее Берлина *«русские будут уничтожены»*.

Фюрер также утверждал, что одновременно с севера *«движутся и другие соединения»*, что необходимо *«сковать группировку Красной Армии, чтобы в совместном наступлении разгромить ее»*. Вейдлинг с большим изумлением слушал своего Верховного Главнокомандующего. Он прекрасно осознавал, что до окончательного поражения остались считанные дни, а тут такие радужные перспективы... До генерала все-таки дошло, что это все фантазии Гитлера и его окружения, уже потерявших способность мыслить реально.

Кребс отдал ему приказ: силами 56-го ТК принять оборону восточного и юго-восточного секторов обороны Берлина. Потом Вейдлинга отпустили. Генерал был потрясен: а есть ли еще Верховное командование Вооруженных сил и генштаб сухопутных войск? О нем же лично во время аудиенции не было сказано ни слова, как будто приказа о расстреле и вовсе не было.

Кребс подчеркнул, что теперь генерал подчиняется непосредственно Гитлеру, так как *«оборона сосредоточена в руках фюрера»*.

Вейдлинг довольно дерзко, видимо, по праву фронтовика, позволил себе даже сказать Кребсу, что у него такое ощущение, что он находится в стране утопий, и добавил, что защищаться можно было на Одере, а теперь, по его мнению, стоит объявить Берлин открытым городом. Ответом на это была снисходительная усмешка Кребса и слова: *«Фюрер приказал защищать Берлин, так как с его падением война будет закончена»*. На том и завершился первый визит генерала Вейдлинга в бункер рейхсканцелярии.

Начальник штаба 56-го ТК полковник фон Дуфвинг успел сообщить в подчиненные части о повороте на 180 градусов. Историк Тике писал: *«Приказ повернуть был для солдат 56-го ТК как разорвавшаяся бомба, однако он был послушно выполнен»*. 20-я МД передислоцировалась в район Целендорфа – на правый фланг корпуса; 11-я МД СС «Нордланд» – на участок Трептов – Шеневайде; МД «Мюнхенберг» – в Лихтенберг, а остатки 9-й ППД – в Фридрихсхайн. 18-я МД в качестве резерва была оставлена в районе аэродрома Темпельхоф, в одном из административных зданий которого Вейдлинг устроил свой КП.

После встречи с Гитлером и генералами из его окружения Вейдлинг провел ночь в переездах по секторам обороны города. То, что он увидел, его не особенно обрадовало. Потом он так описал силы оборонявшихся: *«Я думаю, что фольксштурм, полицейские участки, пожарная охрана и подразделения ПВО, не считая солдат тыловой службы, насчитывали ровно 90 000 человек»*. Кроме того, были батальоны фольксштурма второго призыва, которые присоединялись по мере того, как все больше заводов оказывалось в зоне боевых действий. Их численность могла составить более 52 тысяч человек.

Артиллерийская поддержка, на его взгляд, была до смешного незначительна... За исключением «панцерфаустов», не было никакого противотанкового оружия, и только на участке «Б» находилась бригада штурмовых орудий. Хребтом обороны, по словам Вейдлинга, была зенитная артиллерия – очень грозное оружие против танков, которая насчитывала около 300 стволов и все более и более использовалась для стрельбы только по наземным целям.

Думается, что генерал несколько сгущал краски. По некоторым объективным данным, немецкие войска в Берлине были еще достаточно сильны и располагали рядом кадровых и эсэсовских соединений. Это будет видно позднее, при

планировании Вейдлингом предполагаемого прорыва из Берлина. Хотя, конечно, войска 1-го БФ здорово перемололи немецкие кадровые части и соединения в ходе наступления от Одера до Берлина.

И далее у Вейдлинга можно прочитать: *«56-й ТК достиг Берлина... имея 13 000–15 000 человек. Точные данные о численности защитников Берлина получить невозможно, поскольку я так и не получил данных о составе отдельных подчиненных мне частей».*

Последняя фраза ставит под сомнение цифры численности немецких войск в Берлине, приводимые Исаевым в работе «Георгий Жуков» со ссылкой на мнение начальника оперотдела штаба 56-го ТК майора Кнаппе, – до 60 тысяч человек, и английских историков Рида и Фишера, которые оценивали подчиненные генералу Рейману силы на 19 апреля только около 42 тысяч человек. Оценки советских историков, числивших в составе берлинского гарнизона до 180 тысяч человек, Исаев отвергает с ходу, не попытавшись разобраться в их достоверности, доверяясь мнению западных историков и битому майору, который якобы обладал сведениями, которых не имел даже его командир.

В работе Йоахимсталера «Смерть А. Гитлера» численность воинства генерала Вейдлинга на 23 апреля оценивалась следующим образом: около 44 600 солдат, 42 500 фольксштурмовцев, 3500 членов гитлерюгенда, сотрудников вспомогательных служб и членов организации Тодта. То есть всего примерно 90,5 тысяч человек. Налицо просматривается тенденция – немцы и господин Исаев склонны занижать число участников обороны Берлина, а советские историки несколько преувеличивали их число.

За пределами Берлина события развивались своим чередом. Венк был заранее извещен о приезде начальника ОКВ еще в 01.00 23 апреля. Его штаб был размещен в Медевитцком приюте, в 22 км северо-восточнее Цербста. Высокомерие и показной блеск Кейтеля и его окружения (адъютанты и ординарцы) показались омерзительными: *«Фельдмаршал вел себя так, как будто только что взял Париж»*. Этот педант был встревожен и взволнован. Он сообщил Венку о задачах 12-й армии: *«Мы должны спасти фюрера!»* Даже кофе и бутерброды не помогли снять напряжение встречи.

Выслушав доклад об обстановке на Эльбе, Кейтель в напыщенных выражениях призывал Венка принять участие в битве

за Берлин, вместе с 9-й армией прорвать окружение и спасти Гитлера. Фельдмаршал выступал, как на партийном съезде, потрясая своим жезлом. Осторожный Венк, опасаясь потерять свою должность, не стал спорить с фельдмаршалом и лицемерно заверил его, что приказ будет выполнен, хотя понимал, что план наступления не имеет под собой реальной основы. Кейтель даже указал командующему 12-й армией исходный район наступления на Берлин – сектор Бельциг – Тройенбритцен, лежащий в 24 км северо-восточнее передовых позиций армии. Организация наступления на этом направлении усложнялась из-за большого количества рек и озер.

Венк прекрасно сознавал, что с такими, как у него, войсками, с недостаточным количеством танков и САУ невозможно сдерживать позиции на Эльбе против американцев и рваться к Берлину, пытаясь отбросить русских. Он поддерживал связь с командующим 9-й армией Буссе по радио и владел обстановкой. Венк предложил другой план, выполнение которого предполагал начать через два дня: двигаться к Берлину севернее озер, через Науэн и Шпандау. Кейтель отверг этот план, он уже не мог ждать так долго. Венк снова не стал спорить и согласился с начальником ОКВ. Покидая штаб 12-й армии, Кейтель пожелал всем *«полнейшего успеха»*. Потом он посетил и штаб 20-го АК в охотничьем домике в Визенбергском лесу около Беелитца.

Пока Кейтель разъезжал по забитым войсками и беженцами дорогам, в бункере Гитлера где-то около полудня происходило очередное совещание. По свидетельству Шпеера, о визите которого в Берлин уже было сказано выше, Кребс быстро закончил доклад, который обычно продолжался несколько часов, что *«свидетельствовало об агонизирующем состоянии ставки верховного командования, состоящей отныне из нескольких человек»*. Как ни странно, генерал Кребс уверял Гитлера, что до начала генерального советского наступления на центр города есть еще несколько дней, так как основные усилия русских направлены только на окружение города.

На этом совещании Йодль выразил глубокую озабоченность возможностью управлять немецкими вооруженными силами, так как *«линии связи с югом будут полностью нарушены, а «большой кабель» в Тюрингском лесу* (Веймар – Швейнфурт) *уже перерезан. А одной радиосвязи недостаточно для управления»*. И далее после-

довал вывод: *«...из рейхсканцелярии командовать невозможно!»* Очень здравая мысль посетила немецкого генштабиста. Ну а кабель перерезали, наверное, все-таки американцы.

Здесь, вероятно, стоит отвлечься от описания событий 23 апреля и обратиться к вопросу о состоянии связи в бункере рейхсканцелярии.

Для лучшего понимания методов руководства вермахтом из центра, находящегося в Берлине, необходимо рассмотреть вопрос о средствах связи рейхсканцелярии и бункера Гитлера с различными командными инстанциями.

Первоначально связь между отдельными управляющими органами осуществлял большой центр радиосвязи вермахта – «Управление 500», расположенный в лагере «Цеппелин» в Цоссене и функционировавший вплоть до его захвата советскими войсками 20–21 апреля 1945 г. После этого использовать оборудование этого центра для обеспечения связи Берлина с руководящими службами вермахта стало невозможно.

Чуть позднее, в ночь на 23 апреля, как выяснилось впоследствии, из рейхсканцелярии тихо исчезла группа связи сухопутных войск. Немецкий исследователь Йоахимсталер писал об этом так: *«Возник информационно-технический хаос, в последние дни зашедший настолько далеко, что в бункер не поступала необходимая информация, а связь с ОКВ устанавливалась с большими трудностями»*.

Группа связи сухопутных войск, располагавшая мощной радиостанцией, входила в состав ставки фюрера и могла обеспечивать радиосвязь с ОКВ и штабом сухопутных войск, а также со всеми штабами вермахта. Однако когда эта связь действительно стала нужна, поскольку кабельные связи были повреждены, ее не оказалось на месте.

Майор фон Лорингхофен рассказал потом следующее: *«Я не знаю, почему в ночь с 22 на 23 апреля, когда расформировывался штаб ставки Гитлера, группа связи сухопутных войск, являвшаяся ее частью, вдруг исчезла вместе со специальным офицером связи ставки. Кто отдал ему приказ покинуть Берлин незадолго до его окружения, я не знаю, но они внезапно исчезли, и мы больше не имели прямой радиосвязи с ОКВ. Стало очень трудно передавать любые*

приказы или задавать вопросы, связанные с военным положением, по радио... Оставался еще партийный передатчик Бормана, который мы тогда использовали. Но это было очень трудно, так как применялся другой шифркод, чем в центрах связи сухопутных войск...»

Вероятно, причина исчезновения группы связи из бункера такова. В то время все окружение фюрера было уверено в том, что эвакуация из Берлина – решенный вопрос. Вот кто-то из военных руководителей, наверное, и поторопился отправить связистов на место будущей дислокации ставки. Представить себе, что дисциплинированные немцы могли драпануть из Берлина без приказа, совершенно невозможно, так как за этим последовал бы трибунал с вполне предсказуемым расстрелом. Потом же, когда эвакуация из Берлина была отменена, вернуть связистов просто не представлялось возможным... Правда, генералы Кребс и Бургдорф убеждали Гитлера в том, что они не отдавали приказа об отзыве вышеупомянутой группы связи...

Конечно, до окружения Берлина существовала и телефонная связь. После же окружения она была повреждена 27 апреля, да и доверять ей немцы не смогли бы, поскольку существовала опасность прослушивания разговоров на промежуточных телефонных станциях.

В работе Хью Томаса сообщалось, что бункер фюрера не имел даже прямой связи с Цоссеном. Его обеспечивал наскоро смонтированный коммутатор, модернизированный фирмой «Сименс» в ноябре 1944 г. У этого коммутатора мог работать только один оператор, которым оказался совершенно не обученный сержант Рохус Миш. Чтобы связаться с Цоссеном он должен был сначала соединиться с телефонной станцией «Централ-200», находящейся на башне зенитной артиллерии в двух километрах от бункера, вероятно, в Тиргартене. Правда, Миш, зачастую для получения информации, обзванивал своих знакомых в Берлине. Но в последнюю неделю и этот коммутатор вообще замолчал.

Рядом с Мишем сидел офицер радиосвязи с единственным в германской армии радиопередатчиком, работавшим на СВ и ДВ. Коротковолнового передатчика у него не было. Работа радиотелефона, нарушаемая помехами, зависела от длины провода, служившего антенной. Он спускался с залатанного воздушного шара, висевшего над бункером и дважды сбивавшегося артогнем. Томас также сообщал, что *«наземная линия связи* (телефонная)

была уничтожена 27 апреля». Тем не менее это красочное описание далеко не полно отражало состояние связи в бункере.

Адъютант Гитлера Юлиус Шауб вспоминал потом: *«В последние дни связь по радио из бункера с внешним миром становилась все хуже. Лишь в подвале министерства пропаганды на другой стороне Вильгельмштрассе еще работала радиостанция группы связи ВМС. Связь теперь осуществлялась только посыльными, которые должны были пробираться через развалины, прячась от разрывов снарядов. С КП и городскими властями больше не было контакта»*.

Группа связи ВМС должна была поддержать надежную связь с гросс-адмиралом Деницем и затем – с оперативным штабом «Норд». 23 апреля связисты быстро наладили радиолинию из бункера до ОКВ в Рейнсберге (лагерь «Ной-Роофен»), расположенном юго-восточнее Фюрстенберга, позволявшую вплоть до 29 апреля поддерживать радиотелефонную связь.

Действительно, группу связи ВМС разместили в здании министерства пропаганды только в апреле 1945 г. Это была единственная радиостанция, которая надежно работала до самого конца боев и обеспечивала устойчивую связь. Она использовала новые шифркоды, гарантировавшие высокую степень защиты канала связи. Ответственным за работу группы связи ВМС был вице-адмирал Фосс. Все последние радиопереговоры и радиограммы из бункера, отправленные 30 апреля и 1 мая, шли через эту радиостанцию ВМС и адресовались гросс-адмиралу Деницу.

В период 15–30 апреля 1945 г. связь рейхсканцелярии с внешним миром обеспечивали:

– до 22 апреля – группа связи сухопутных войск,

– с 24 по 29 апреля – радиотелефонная связь (дециметровая линия Берлин – ОКВ),

– до 28 апреля – узел радиосвязи НСДАП,

– до 1 мая – группа связи ВМС.

Вне рейхсканцелярии в конце апреля имелась радиостанция 56-го ТК и небольшой передатчик имперского шефа прессы.

Трагедия немецких связистов была еще в том, что радиоузлы сухопутных войск, ВМС и партии использовали различные коды и не могли передавать сообщения друг другу.

Как же конкретно работали эти системы связи? Бункер фюрера через башню ПВО в районе зоопарка кабелем был связан

с некоей радиобашней, расположенной от него всего в нескольких километрах. Посланный с этой радиобашни в дециметровом диапазоне радиосигнал принимался антенной, установленной на аэростате, поднятом на высоту до 200 метров в Рейнсберге, отстоявшем от Берлина на 60 км.

Адъютант генерала Кребса майор Бернд фон Лорингхофен потом рассказывал об этой системе связи: *«ОКВ, Кейтель, Йодль могли с ее помощью прямо вести все переговоры с ГА «Висла», Венком, армиями, воюющими против американцев и англичан, с нашими войсками в Италии и т.д. Мы же в Берлине получали информацию лишь из вторых рук – от ОКВ. И если мы хотели с кем-то говорить, то должны были сообщить ОКВ, а они уже передавали сообщение дальше... Невозможно было говорить много, так как слышимость оказывалась слабой. Я часто пользовался этой линией».*

До 29 апреля эта радиотелефонная связь хоть и с трудом, но действовала. Около 12.50 этого дня аэростат с радиопередатчиком и обслуживающим персоналом был сбит во время авианалета. После этого прямой связи между бункером Гитлера и ОКВ уже не было. Наличие этой связи подтверждали на допросах Кейтель и Йодль. Кейтель показал, что: *«Я имел до 29 апреля связь со ставкой фюрера посредством коротковолновой радиолинии. Я не вел разговоры с фюрером напрямую, генерал Кребс передавал мне приказы и запросы Гитлера...»* Ему вторил и Йодль: *«Я имел телефонную связь с Берлином до 12.30 29 апреля. Вечером 28 апреля или утром 29-го я говорил с Гитлером в последний раз...»*

Мартин Борман, как руководитель партийной канцелярии, располагал собственной радиостанцией, с помощью которой он мог связываться с гаулейтерами. Она также имела свой шифркод, который отличался от кодов сухопутных войск и ВМС. Сообщение, направленное Гитлером Деницу 29–30 апреля, было передано адресату по партийному каналу через гаулейтера Мекленбурга Гильдебрандта.

С большим трудом обитатели бункера могли использовать еще две радиостанции: батальона связи 56-го ТК и имперского шефа прессы, направляя туда тексты радиограмм с посыльными.

Вся эта несуразица в организации связи одного из важнейших объектов, которую скорее можно назвать дезорганизацией, ранее была несвойственна немцам. Видимо, метастазы разложения вооруженных сил уже достигли и войска связи...

* * *

К 15.00 23 апреля в бункер вернулся Кейтель. По свидетельству Гюнше, адъютанта Гитлера от СС, появление фельдмаршала и его адъютанта Иона фон Фрайенда в бункере было не лишено определенной театральности. Фельдмаршал пришел небритым, китель его был покрыт пылью. Вероятно, он хотел показать фюреру, что возвратился после выполнения поручения по его спасению.

Гитлер сердечно пожал руку Кейтелю, который по карте, услужливо разложенной адъютантом, доложил о перегруппировке 12-й армии. Кейтель с пафосом заявил: *«Весь день и всю ночь я ездил, призывая войска к борьбе. Мой фюрер! Венк шлет вам почтительный привет, он надеется вскоре пожать вам руку в рейхсканцелярии!»* После этого фельдмаршал эмоционально воскликнул: *«Теперь я остаюсь с вами, мой фюрер! Я не мог бы смотреть в глаза жене и сыновьям, если бы я теперь покинул вас»*. Чувствовалось, что Гитлер был заметно тронут этим очередным проявлением верноподданничества.

На этом оперативном совещании Гитлер заявил: *«...все наличные резервы, даже если они слабо вооружены, отдать Венку, чтобы ими закрывать бреши в обороне. Штайнеру больше ничего не давать»*. На это Кейтель отвечал: *«Слушаюсь, мой фюрер, все будет исполнено»*.

На совещании, кроме Кейтеля, присутствовал также и заместитель начальника ОКХ генерал-лейтенант Детлефсен, который затем отметил полнейшую неразбериху и сильный артобстрел. Генерал вспоминал, что никто даже не обыскал его портфель, не проверил наличие оружия. Все это создало у Детлефсена впечатление *«полного распада и разложения»*.

По его свидетельству, Кейтель в радужных тонах доложил о состоянии 12-й армии и перспективах освобождения Берлина. Детлефсену было сложно судить, *«насколько сам Кейтель верил собственным словам. Возможно, его оптимизм был основан лишь на желании не обременять фюрера»*.

Потом перед своим штабом Кейтель убеждал подчиненных, что *«в поражениях виноват недостаток мужества, недостаток воли у высших и средних командиров»*. Слушая фельдмаршала, Детлефсен признавал, что *«Кейтель – достойный ученик своего учителя»*. Из слов Кейтеля штабистам стало ясно, что фельд-

маршал абсолютно не представлял плачевного состояния своих войск. Но тот продолжал твердить, что Берлин будет деблокирован и фюрер спасен...

На совещании в бункере Кейтель продолжал упрашивать Гитлера покинуть Берлин, но получил отказ. Потом, вообще осмелев, что было ему совершенно несвойственно, пожелал узнать у фюрера, начаты ли переговоры с противником и кто их ведет. Гитлер, видимо, не очень удивился смелости фельдмаршала. Он ответил, что с капитуляцией не стоит торопиться. Переговоры с противником, наставлял он начальника ОКВ, следует начать *«после какой-либо победы»*, например, в Берлине.

О каких «победах» в это время могла идти речь? Есть некоторые сведения, что Кейтель еще в январе 1945 г. по указанию фюрера направил письмо Эйзенхауэру с предложением о сепаратных переговорах, но ответа не получил. Однако это весьма сомнительно, да и Эйзенхауэр не упоминал об этом в своих мемуарах.

Но фельдмаршал, чувствуя себя в какой-то мере посвященным в тайны Третьего рейха, упорно продолжал добиваться у фюрера конкретного ответа. А ведь генерал-оберст Гудериан в своих мемуарах весьма ядовито писал о Кейтеле: *«Конечно, Кейтель был удобен для Гитлера, он пытался по глазам Гитлера читать его мысли и выполнять их, прежде чем последний выскажет их»*. Если следовать этой характеристике фельдмаршала, то он, значит, добивался от фюрера ответа о том, чего тот уже сам страстно желал? Гитлер все-таки удостоил его ответом: *«Я распорядился, чтобы через Италию велись переговоры с Англией. Сегодня же Риббентроп получит дальнейшие указания»*.

Что фюрер имел в виду – зондажи Вольфа или какие-то контакты в Ватикане? Вроде бы других возможностей ведения переговоров в Италии больше не было. Но вечером 23 апреля в бункер поступило весьма неприятное сообщение из Италии о фактическом провале миссии Вольфа...

Трудно сказать, удовлетворил ли Кейтеля ответ фюрера, может быть, зародил в душе фельдмаршала какую-то надежду, ведь утопающий хватается за соломинку... А в бункере тем временем офицеры потихоньку начали жечь архивы и документы.

На этом совещании рассматривалось также и предложение Геббельса о подготовке взлетно-посадочной полосы в Тиргар-

тене шириной до 20 метров. Полковник фон Белов, адъютант Гитлера, выразил сомнение в вырубке деревьев, в результате чего решили убрать только фонарные столбы.

Перед самым концом совещания Кейтель попросил у Гитлера разрешения еще раз съездить в армию Венка, чтобы *«усилить наступательный дух войск»*. Гитлер легко согласился отпустить его. Из этой поездки Кейтель уже больше не вернулся в Берлин, несмотря на только что данное торжественное обещание никогда не покидать фюрера.

Кейтель снова выехал в штаб Венка, находившийся уже севернее Бранденбурга, в лесничестве «Альте Хелле» около Визенбурга, а Йодль вернулся в свой штаб в Крампнице, в 20 км западнее Берлина. Достоверно известно, что Кейтель приехал к Венку вечером 23 апреля, когда начало темнеть. По свидетельству офицера генштаба при штабе 12-й армии Губертуса фон Гумбольдта, после отъезда фельдмаршала произошло следующее: *«Венк выслушал все это и сказал: "Пусть несет себе ерунду. Все это уже не имеет никакого смысла"»*.

После отбытия Кейтеля Венк собрал офицеров штаба и объявил свое решение. Он предложил попытаться подойти поближе к Берлину, удерживая позиции на Эльбе, чтобы сохранить пути отхода на запад. Генерал хотел также соединиться с 9-й армией, чтобы спасти ее солдат и гражданских лиц. Спасать своего фюрера он и не собирался...

После визита к Венку Кейтель выехал в штаб 31-го ТК, куда и прибыл в 23.30 23 апреля. Еще в штабе 12-й армии он получил телеграмму от Йодля о том, что *«ночью оставлен Крампниц»*. О чем говорило это сообщение?

В этот день продолжалось перемещение высших немецких штабов. В ночь на 24 апреля штаб «Норд» из казармы «Крампниц», в районе Потсдама, начал передислокацию в Фюрстенберг (Рейнсберг), в 60 км северо-западнее Берлина. Спустя час после проследования штаба через г. Науэн там появились русские танки. Стоит отметить везение, которое сопутствовало немецким генштабистам. Ведь уже второй раз они буквально ускользнули из-под носа русских танкистов!

Кейтель относил оставление Крампница и переезд штаба в лесной лагерь Ной-Роофен, между Рейнсбергом и Фюрстенбергом, оборудованный, к слову, соответствующими средствами

связи, на ночь с 24 на 25 апреля, то есть на сутки позднее. Однако это явная ошибка, так как время захвата Науэна танкистами 9-го Гв.ТК определено совершенно точно – 08.00 24 апреля, так что потом через город уже не могли следовать немецкие колонны.

Другая надежда фюрера – Штайнер, 23 апреля уже начал действовать. В 05.00 началось наступление его разношерстных войск. Авангард ударной группировки 3-й ДМП составлял батальон 103-го полевого учебного полка СС. Его пополнили бывшей штрафной ротой СС в составе всего 80 человек.

Продвижение эсэсовцев, не встретивших сплошной линии обороны, через несколько километров было остановлено пулеметно-артиллерийским огнем русских. Вскоре две роты батальона попали в окружение, из которого, однако, смогли вырваться без больших потерь. Понятно, что от подобных наскоков никакого толку не было. Наступление на юг в этот же день пришлось приостановить из-за неблагоприятного для немцев развития событий в районе Ораниенбурга, где русские потеснили слабые немецкие подразделения.

Штайнер пытался воспользоваться ситуацией, потребовав вернуть МД СС «Нордланд», в чем ему было отказано. Эберсвальдский плацдарм – участок 101-го АК, – подвергавшийся решительным атакам русских, был постепенно оставлен.

Надо отметить, что боевая ценность «группы Штайнера» была невысока. В ее состав тогда входили:

– 62-й крепостной полк (пять батальонов);

– боевая группа Харцера (два батальона и четыре роты);

– боевая группа 9-го полка морской пехоты (три батальона и три роты);

– 8-й МП СС;

– 23-й истребительно-противотанковый батальон из МД «Нидерланд»;

– боевая группа Ширнера (четыре батальона);

– боевая группа Крезина (один батальон и две военные школы, зенитно-артитиллерийский полк);

– ударная группа фон Вольфа (четыре батальона и зенитно-артиллерийский дивизион).

На следующий день в район Ораниенбурга подтянули 4-ю ПолД СС, а также из Шорфхайде – караульный батальон дивизии «Герман Геринг», где он охранял виллу Геринга. Чуть

раньше в состав «группы Штайнера» прибыли: школа младших командиров (500 человек), маршевые роты из 25-й ПД СС (венгры) и еще около тысячи человек пополнения.

В штабе ГА «Висла» вечером 23 апреля отмечали, что остановить наступление русских в районе Ораниенбурга (9-го Гв.ТК и 8-го КК), которые к тому же форсировали реку Хафель, не удалось. «Группе Штайнера» пришлось обороняться, а не наступать. Немцам стало ясно, что, помимо окружения Берлина, русские планируют также наступать в западном направлении. Чтобы помешать этому продвижению, из района Бранденбурга к Науэну был переброшен 41-й ТК 12-й армии под командованием генерал-лейтенанта Хольсте.

24 апреля

В этот день клещи советских войск вокруг Берлина продолжали неумолимо сжиматься. В 10.30 в районе Бонсдорфа, юго-восточнее столицы рейха, произошло долгожданное соединение 71-й Гв.МехБр 9-го МехК из 3-й Гв.ТА с частями 28-го Гв.СК, что фактически отрезало пути к Берлину частям немецкой 9-й армии. Командующий 8-й Гв.А генерал-полковник Чуйков в мемуарах подтвердил факт соединения частей своей армии с войсками 1-го УФ в районе Шеневейде, одного из многочисленных берлинских аэродромов в пригороде Шенефельд.

Другой из них – аэропорт Адлерсхоф – был также захвачен 24 апреля частями 29-го Гв.СК 8-й Гв.А, которые явно порадовали командующего. Воодушевленный достигнутым успехом, Василий Иванович Чуйков, по свидетельству своего начштаба генерал-лейтенанта Белявского, в этот день даже распорядился нанести удар в направлении парка Тиргартен.

23 апреля вновь назначенный командир 29-го СК генерал-майор Хетагуров отдал приказ о форсировании Шпрее. В полосе наступления корпуса не уцелело ни одного моста. Преодолевать эту внушительную водную преграду войскам предстояло на подручных средствах и вплавь. Новый комкор категорически запретил поднимать людей в атаку на позиции противника, недостаточно обработанные артиллерией. Командирам, вплоть до ротного, не разрешалось переправляться через Шпрее первыми.

В 02.30 24 апреля артиллерия открыла огонь по западному берегу Шпрее. Через полчаса при помощи наспех собранных по

берегам реки спортивных и прогулочных лодок начали переправляться части 82-й Гв.СД. Правее форсировала реку 27-я Гв.СД, а затем на захваченный плацдарм была переправлена и 74-я Гв.СД из второго эшелона корпуса. Немцы провели сильные контратаки, но они были отражены, и части корпуса продолжили наступление. Через несколько часов удалось с ходу форсировать Тельтов-канал и ворваться на южную окраину столицы рейха.

Начались тяжелые уличные бои. Генерал-майор Хетагуров вспоминал: *«...немцы дрались с отчаянием обреченных в жилых домах, на лестничных клетках, в подвалах и на чердаках, на крышах, в подземных тоннелях канализационной системы и в метро. Огонь вели из-за высоких парапетов многочисленных каналов, из траншей, вырытых в скверах и парках, из железобетонных и броневых сооружений, воздвигнутых на перекрестках улиц»*. Он отмечал, что *«труднопреодолимыми препятствиями оказались превращенные в неподвижные огневые точки тяжелые танки, вкопанные в землю и прикрытые специально сооруженными завалами из битого кирпича и рельсов, плотно обложенных мешками с песком»*.

Опытный фронтовик в противовес мнению историка Исаева считал, что *«исключительную опасность представляли диверсионные группы фаустников. Хорошо зная город, они искусно маневрировали по переулкам и проходным дворам, между развалинами и уцелевшими зданиями, в лабиринте подземелий и заводских корпусов»*. Понятно, что из тихого кабинета картина боев на улицах Берлина видится несколько иначе, чем с КП, расположенного вблизи от линии огня...

Немецкие войска южнее Берлина были рассечены на две части, что, по мнению Чуйкова, дезорганизовало управление ими. Окружение франкфуртско-губенской группировки явилось весьма неприятным фактом для немецкого командования.

24 апреля упомянутая выше 44-я Гв.ТБр из 11-го Гв.ТК 1-й Гв.ТА получила приказ форсировать Шпрее. Для усиления ей был придан батальон из 27-й Гв.МСБр. Как выяснилось, преодолеть с боем широкую водную преграду в условиях огромного города было очень сложным делом. Тем более что лес на противоположном берегу был занят немцами.

Решение форсировать реку было принято без особых сомнений. По задумке командования, приданный мотострелковый батальон должен был, как обычно, на подручных средст-

вах переправиться через Шпрее, захватить плацдарм и прочесать лес восточнее Трептова. Потом предполагалось начать на паромах переправлять и танки.

Как и следовало ожидать, этот слабо обдуманный план выполнить не удалось. Поскольку батальон 27-й Гв.МСБр сильно поредел в предыдущих боях, он не смог выбить немцев из леса. Едва первый паром с установленным танком отчалил от берега, немцы заняли траншеи на берегу, выкатили орудия на прямую наводку и открыли огонь. Стреляя с близкой дистанции, они сумели быстро подбить паром, который пошел ко дну вместе с танком. Вот к чему привела ненужная спешка...

Только после этого командованию бригады и 11-го Гв.ТК стало ясно, что форсировать Шпрее в этом месте не удастся. Полковник Гусаковский получил приказ выйти в район Кепеник и там на паромах 8-го Гв.МК переправиться через реку.

К 19.00 24 апреля 44-я Гв.ТБр сосредоточилась в районе переправы. За три часа все танки доставили на другой берег без потерь. Неужели сразу нельзя было принять правильное решение? Похоже, что надежда на пресловутый «авось» не оставляла советских командиров до последних дней боев в Берлине.

К вечеру 24 апреля пехота 61-й Гв.СД из 28-й армии и части 9-го Гв.МК установили прочную «локтевую» связь с частями 8-й Гв.А. Тем самым была завершена полная изоляция немецкой 9-й армии от берлинской группировки противника.

Части 3-й УА за этот день продвинулись на 8 км и очистили от противника северо-западную часть немецкой столицы.

23 и 24 апреля на улицах города вела бои 52-я Гв.СД из 3-й УА при поддержке 79-го ТТП. Командир дивизии генерал-майор Н.Д. Козин писал потом: *«Противник оказывал яростное сопротивление, цеплялся за каждый дом. Нам пришлось применять такие методы: в стенах домов, в кирпичных заборах мы проделывали отверстия и подрывали, огневые точки выжигали огнеметами. При перебежках от здания к зданию применяли дымовые гранаты и шашки. Весь город был в грохоте, дыму и пыли. Это в большей степени мешало применять авиацию и артиллерию для ударов по опорным пунктам противника, так как из-за плохой видимости можно было угодить по своим».* Он отмечал, что особенно упорно немцы сопротивлялись в парках, церквях и угловых домах, приспособленных к круговой обороне.

Интересны итоги действий его дивизии за 23 и 24 апреля. По официальным данным: убито и ранено 1150 немцев, взято в плен 114 человек, захвачено 48 зениток, 13 минометов, пять САУ, пять танков, 3200 автомашин, 26 складов с горючим и продовольствием. Конечно, некоторые цифры вызывают сомнения. Во-первых, интересно, кто же считал раненых немцев, и, во-вторых, откуда на улицах города взялось такое скопище автомашин? Потери дивизии за эти же дни были сравнительно невелики: 69 убитых и 352 раненых, в том числе командир 151-го Гв.СП подполковник Н.Ф. Юдич.

В 3-й УА наибольший успех имели части 79-го СК. К полудню 24 апреля 207-я СД в районе Фолькспарка вышла на северный берег Берлинен-Шландауэр-Шиффартс-канал. Мосты через этот водный рубеж были взорваны, и преодолеть его с ходу не удалось. Немцы подвергли сильному артиллерийско-минометному обстрелу набережную, едва лишь на ней появились подразделения дивизии.

Южнее канала простирался большой парк Сименсштадт, а юго-восточнее – жилой массив района Плетцензее. Дивизия получила приказ овладеть районом Плетцензее и северной частью Шарлоттенбурга, расположенной в излучине Шпрее.

Канал был серьезным препятствием: отвесные, одетые в гранит берега, асфальтированная набережная. Он был глубок, до двух метров, но довольно узок – шириной от 45 до 75 метров. В любой точке канал простреливался плотным продольным автоматно-пулеметным огнем.

Форсирование канала началось. В 18.00 24 апреля по позициям и огневым точкам противника, находившимся в парке Сименсштадт, был произведен интенсивный артналет. На прямую наводку выдвинулись орудия противотанкового дивизиона, пушечного дивизиона 780-го АП, полковые орудия, а также самоходки ИСУ-152. Подавить немецкие огневые точки сразу не удалось. Командир 420-го ОПТАД майор Бессараб вспоминал: *«Мины рвались на асфальте так густо и часто, что набережная на обеих сторонах канала превратилась, по существу, в непреодолимую зону смерти».*

Под прикрытием огня полковых минометчиков артиллеристы подтянули орудия прямо к парапету и начали в упор расстреливать огневые средства немцев. С чердаков и из окон

проемов вели огонь пулеметчики. Постепенно набережную и парк на стороне противника буквально засыпали снарядами и минами. Туда же сплошным ливнем неслись светящиеся пулеметные очереди. Под прикрытием этого огня саперы быстро навели штурмовой мостик.

К 22.00 огонь со стороны немцев значительно ослаб, так как они уже не могли восстановить огневую систему своей обороны, разрушенную огнем артиллерии и минометов. По сигналу комдива полковника Асафова два стрелковых полка – 594-й и 597-й – приступили к форсированию канала. Как всегда, они начали переправляться на противоположный берег с помощью подручных средств – наспех сколоченных плотов, досок, бревен, сорванных дверей, автомобильных покрышек, пустых бочек и так далее.

Только после этого на участок 597-го СП прибыл понтонный батальон для наводки моста. Кроме того, саперы пытались восстановить взорванный мост. Немцы из-за канала огрызались выстрелами из фаустпатронов. В этом аду готовились к атаке стрелковые подразделения. Едва сгустились сумерки, на воду спустили паромы, и на них были переправлены артиллерия и минометы всей 207-й СД. На рассвете был готов и понтонный мост, по которому стали переправляться САУ, а по восстановленному мосту – танки и тяжелая артиллерия. После упорного боя был захвачен парк Сименсштадт, и части 207-й СД устремились на Плетцензее и на юг – к Шпрее.

На других участках наступление частей 3-й УА развивалось медленно. 7-й СК за двое суток овладел только несколькими кварталами в северо-восточной части города. Похоже, что шутка генерал-полковника Кузнецова сбывалась: награждать было пока не за что. Части корпуса продолжали вести тяжелые бои в районе парка Фридрихсхайн. Дивизии 12-го Гв.СК достигли наиболее застроенной и сильно укрепленной части Берлина севернее Веддинга, его 33-я СД и 52-я Гв.СД с большим трудом преодолели окружную железную дорогу.

На 24 апреля 23-й Гв.СД была поставлена задача пробиться к северному берегу Шпрее. Наступление возобновилось в 08.00. В результате 66-й полк к 16.00 с помощью танкового десанта достиг взорванного моста на канале Берлинен-Шландауэр-Шиффартс, а 68-й полк вышел на восточный берег озера

Плетцензее. Бойцы 23-й Гв.СД пробивались через Вединг, где каждый дом представлял собой настоящую крепость, приспособленную к круговой обороне и связанную с соседними домами ходами сообщения.

В этом районе было много долговременных сооружений, так называемых бункеров. Бункер имел несколько этажей, врытых в землю на 20 метров. Его стены толщиной более двух метров не пробивала даже тяжелая артиллерия. Для того чтобы ворваться внутрь, саперы подрывали двери с помощью взрывчатки. Бункер представлял собой сложное сооружение с механизированной подачей снарядов к орудиям, силовой и вентиляционной установками, собственным источником воды. Его гарнизон обычно состоял из пехотного батальона, имевшего несколько десятков орудий и пулеметов. На крыше бункера толщиной более трех метров находились зенитные орудия, которые могли вести огонь и по наземным целям.

Скромные результаты боевых действий вряд ли могли устроить штаб 1-го БФ. Каждые два часа оттуда звонили начштаба 3-й УА генерал-лейтенанту Букштыновичу и начальнику оперотдела штаба полковнику Семенову. Вопрос был один: есть ли продвижение?

Как было принято в подобной ситуации, командование отправилось в войска – подталкивать своих подчиненных. Командарм Кузнецов выехал в 79-й СК, а член ВС генерал-майор Литвинов – в 12-й Гв.СК. Ну а к самым неудачникам – в 7-й СК – пришлось поехать начальнику оперотдела Семенову.

Любопытны обстоятельства этой типичной не только для 3-й УА поездки. Ведь продвижение по улицам Берлина было далеко не безопасным. Немецкие снайперы, переодетые в гражданскую одежду, просто охотились за советскими офицерами. Бороться с этими «партизанами» было крайне затруднительно: как отличить их от мирных жителей? Да и важно было не заблудиться в лабиринте полуразрушенных домов и улиц, чтобы в конце войны не попасть в лапы немцев.

Посланники штаба 3-й УА благополучно добрались до КП 364-й СД, который был оборудован в подвале пятиэтажного здания. Сначала офицеры ознакомились с обстановкой по карте – как будто они не могли этого сделать в своем штабе? Потом они поднялись на НП, расположенный на верхнем этаже здания,

с которого, конечно, не было видно частей и подразделений дивизии. Их словно поглотили громады ближних зданий.

И зачем, спрашивается, было ездить? Для того чтобы выслушать доклад комдива и начштаба дивизии? Разве по телефону нельзя было это сделать? Сопротивление противника продолжало нарастать на всех участках. Вряд ли стоило подталкивать войска только грубым нажимом сверху без оказания им реальной помощи в организации и ведении боевых действий.

24 апреля отряд полуглиссеров продолжал переправлять части 9-го СК через Шпрее, но уже в более спокойной обстановке. Штаб корпуса потом сообщил в штаб Днепровской флотилии: на полуглиссерах и буксируемых ими паромах было перевезено 19 тысяч бойцов, 600 орудий и минометов, 27 танков, сотни повозок с боеприпасами и другими грузами. Моряки участвовали в наведении понтонной переправы, вели разведку приречных кварталов города, поддерживали связь между наступавшими частями. Боевую работу на Шпрее отряд полуглиссеров лейтенанта Калинина заканчивал, имея в строю всего 16 человек из 32, имевшихся там первоначально.

К 07.00 все полки 301-й СД и большая часть танков были уже на западном берегу Шпрее. Они заняли здание обсерватории в парке Трептов, западную опушку парка Плентервальд, стык железных дорог севернее Баумшулленвег. 230-я СД перегруппировалась и также приступила к форсированию реки.

В 08.00 после сильного артналета немцы перешли в контратаку в районе железнодорожной насыпи. На позиции полков 301-й СД двигались танки и густые цепи пехоты. В ответ был открыт заградительный огонь минометчиками полка полковника Котова, а также артиллеристами 823-го АП.

Большой группе немецкой пехоты с танками удалось прорваться через позиции 1050-го СП к зданию обсерватории, в парке начался рукопашный бой. Особенно тяжелая обстановка сложилась на левом открытом фланге полка. Со стороны поселка Баумшулленвег группа танков противника прорвалась к берегу Шпрее и орудийно-пулеметным огнем начала простреливать весь район переправы.

В это время на паромах и по только что наведенному мосту полным ходом шло форсирование Шпрее частями 230-й СД. Дело дошло до перестрелки советских танков, переправляемых

на паромах, с немецкими, подошедшими по дамбе к реке. К месту переправы срочно подвели 92-й ТТП и 337-й ОСАДив. Танковый бой продолжался около двух часов. Затем немцы, потеряв несколько танков, были вынуждены отойти, не выдержав атаки тяжелых танков ИС-2.

Большие сложности возникли у моряков 1-й бригады Днепровской флотилии. Им пришлось спасать подбитые паромы с танками и отводить их к берегу. На разборе Берлинской операции, проведенном Жуковым после окончания войны, генерал-лейтенант Рослый так поблагодарил моряков: «*...без героической помощи моряков вверенный мне корпус не смог бы выполнить поставленную задачу...*»

Во второй половине дня 24 апреля полки 301-й СД совместно с танками смогли отразить все немецкие контратаки и выйти к кольцевой железной дороге – городскому оборонительному обводу. Успешными действиями частей 5-й УА, упорно пробивавшимися к центру Берлина, остался доволен даже вечно всем недовольный командующий 1-м БФ. Видимо, в качестве признания заслуг армии ее командующий генерал-полковник Берзарин в тот день был назначен комендантом Берлина.

Кольцо вокруг столицы рейха постепенно смыкалось. 24 апреля командир 125-го СК генерал-лейтенант А.М. Андреев сообщил командиру 76-й СД генерал-майору А.Н. Гервасиеву о том, что маршал Жуков обещал, что тот из комдивов, чьи части выйдут на западную окраину Берлина и оседлают дороги, из него выходящие, будет представлен к званию Героя. Надо ли говорить, что подобные обещания раздавались тогда очень часто, но редко когда выполнялись. Таким избитым, но безотказным способом пытались воодушевить комсостав на скорейшее завершение окружения немецкой столицы.

Комдив генерал-майор Гервасиев сформировал сводный отряд в составе батальона 93-го СП, артдивизиона 80-го АП, тяжелого танкосамоходного полка подполковника Коростия, разведвзвода, саперного взвода и взвода связи. Его действия должна была поддержать вся дивизионная артиллерия. Главным силам дивизии было приказано пробиваться за отрядом и быть в готовности оказать ему необходимую помощь. Командование этим отрядом комдив принял на себя, видимо, втайне все-таки надеясь получить Звезду Героя.

До начала действий отряда дивизия форсировала канал Нидер-Найендорф. Простые бойцы между собой ругались: *«Сколько немец каналов нарыл, так его и так»*. Во второй половине дня, после артналета, отряд легко пробил брешь в слабой обороне противника и устремился в юго-западном направлении. Комдив Гервасиев легкомысленно ехал на «виллисе» во главе колонны и чуть не поплатился за это. Какая-то немецкая самоходка обстреляла болванками колонну, и только хорошая реакция водителя спасла Гервасиева от вполне реальной фанерной звезды...

Вечером 24 апреля сводный отряд оседлал шоссейную и железную дороги в районе Шпандау и был тут же атакован как со стороны Берлина, так и с западной стороны. Была срочно организована круговая оборона: все самоходки и орудия поставлены на прямую наводку. Немцы активно напирали на боевые порядки отряда, крича бойцам, чтобы те сдавались, на что получали ответы в соответствующих выражениях. Так в течение всей ночи шла не только перестрелка, но и перебранка. Следы боя слышались со всех сторон. До окончания боя и выполнения задачи было еще далеко...

Войска 2-й Гв.ТА, которая в паре с 47-й армией действовала на северном фасе обороны Берлина, 24 апреля достигли большого успеха. В результате ночного броска частями 9-го Гв.ТК в 08.00 был захвачен город Науэн, через который только что успели пройти колонны высших немецких штабов. Начальник политотдела 47-й армии полковник Калашник уточнял, что части корпуса ворвались в Науэн в ночь на 24 апреля, но полностью очистить город от немцев удалось лишь к 08.00. Еще раз остается удивиться везучести немецких генштабистов, которые так удачно для себя сумели проскочить через город, где уже шли бои.

Пехота, стремительно продвигаясь вперед, недалеко отстала от танкистов. В 13.00 к Науэну уже вышли части 77-го СК 47-й армии. В этом городе войска армии захватили одну из самых мощных радиостанций Европы. Им досталось большое антенное радиополе, а персонал даже не успел разбежаться. Правда, в связи с создавшейся обстановкой в этом радиоцентре остались только три линии связи – Ватикан, Япония и Аргентина, которые уже 36 часов не работали из-за отсутствия электроэнергии.

Потеря этого объекта – основного центра радиопропаганды – почему-то сильно раздосадовала немцев, и они, по свидетельству командующего артиллерией 47-й армии генерал-лейтенанта Пласкова, попытались разбомбить этот радиоцентр. Но налеты немецкой авиации не имели успеха, так как русские уже поспешили прикрыть Науэн зенитной артиллерией.

Командующий 3-й Гв.ТА генерал Рыбалко решил форсировать канал Тельтов утром 24 апреля одновременно всеми корпусами. В центре наступления армии должен был действовать 6-й Гв.ТК. Организация форсирования проводилась в сжатые сроки, то есть наспех. Штабисты корпуса 23 апреля выполняли рекогносцировку, организовали взаимодействие с пехотой, артиллерией и авиацией, а также провели пресловутую разведку боем для выявления системы огня противника, поскольку на детальную разведку времени не было. Хотя какие огневые средства можно выявить за несколько часов скоротечного боя? Понятно, что немцы использовали для отражения этих наскоков только часть своей огневой мощи.

Первой из 6-го Гв.ТК должна была форсировать канал 22-я Гв.МехБр подполковника Е.П. Шаповалова. Она имела задачу двумя передовыми отрядами захватить плацдарм и обеспечить наводку понтонных мостов для переправы главных сил корпуса. Действия бригады намечалось поддержать огнем танков и артиллерии корпуса, а также приданной 31-й АД.

Вообще в целях обеспечения форсирования канала 3-й Гв.ТА были приданы 10-й АртК и 16-я ШИСБр. На прямую наводку выставили 700 орудий.

В 06.05 24 апреля началась артподготовка перед форсированием канала Тельтов, которая продолжалась 55 минут. Полковник Драгунский вспоминал утро этого дня : *«Забрезживший рассвет померк в море огня артподготовки. Воздушная волна огромной силы прижала нас к земле... Давно я не видел такого шквального огня»*. Начальник штаба 55-й ТБр подполковник Шалунов отметил: *«Маршал Конев превзошел самого себя»*.

Действительно, подтянуть на узкий участок прорыва за два дня целый артиллерийский корпус, создать невиданную плотность в 600 орудий и минометов на один километр фронта, подвезти массу боеприпасов, организовать систему огня, привязать с ходу эту армаду артиллерии к местности, к определенным целям,

рассчитать ее действия по времени – все это было нелегким делом. Через головы танкистов летели десятки тысяч снарядов. За их спиной тяжело ухали минометы. Огненные трассы залпов реактивных установок бороздили небо.

В артподготовке, проводимой советскими войсками на канале Тельтов, принимала активное участие и реактивная артиллерия 1-го УФ. За действиями гвардейской минометной дивизии генерал-майора П.В. Колесникова приехал проследить командующий реактивной артиллерией фронта генерал-лейтенант А.П. Яровой. Было заметно, что он сильно нервничал. Видимо, генерал порядком переволновался, так как у его подчиненных было слишком мало времени на подготовку.

Яровой, успокаивая себя, заявил Колесникову: *«Я всегда был глубоко уверен в вас. Дивизия ваша еще никогда не подводила. Смотрите, не подкачайте!»* После этой бодрой тирады генерал Яровой продолжал «глубокомысленно» вещать дальше: *«Скоро запустим чудовищную силу на главную гитлеровскую кухню, готовившую сатанинские блюда для человечества. Четыре бригады реактивной и вся мощь ствольной – это гроза всех гроз»*. Офицеры штаба дивизии, занятые подготовкой к бою, слушали своего командующего вполуха...

У генерала Колесникова была своя причина для беспокойства: совсем рядом были расположены свои части, как бы не угодить по ним. Когда пришло время открыть огонь, он в сильном волнении подал довольно странную команду: *«По фашистской берлоге... огонь!»*

Потом Колесников так описал впечатление от начавшейся артподготовки: *«Трудно, а может быть, невозможно передать словами впечатление о силе группового залпа тяжелых гвардейских минометов и всей артиллерии, участвующих в артподготовке. Дрогнула земля. За Тельтов-канал покатилась такая мощная звуковая волна, что, казалось, вода в нем уплотнилась. Не знаю, как чувствовали себя гитлеровцы до этого, но в том, что они были ошеломлены, не оставалось никакого сомнения. Удар был неожиданный, ураганный в полном смысле слова. Огненный смерч разыгрался во вражеском стане с чудавищной силой»*.

Командиры и сам комдив внимательно следили за полем боя, куда ложились разрывы снарядов их грозной техники. Внезапно по звонку командующего артиллерией 3-й Гв.ТА генерал-лейте-

нанта Никольского командира дивизии Колесникова вызвали к командующему 1-м УФ. Генерал Яровой вновь встревожился: *«Наверное, ударили по своим. Неужели оплошали в самом конце войны?»* Колесников, ссылаясь на донесения командиров бригад и разведчиков, постарался его успокоить.

Через некоторое время Колесников прибыл к командующему 1-м УФ. Оперативный дежурный поделился с ним впечатлениями от огня реактивных установок: *«Страшно было находиться в помещении. Качалось и взрывалось все вокруг. Думалось, вот-вот здание рухнет»*. Маршал Конев одобрил действия подчиненного: *«Смело стреляешь, генерал. Мы уже уточнили: залпы положены метко. Молодцы! Иного я и не ожидал. Правда, немного страху кое-кому все же нагнали»*.

После возвращения в дивизию генерал Колесников успокоил своего начальника – генерал-лейтенанта Ярового, передав ему отзыв маршала о боевой работе своих артиллеристов.

После переправы через канал в районе поселка Шенов Колесников, взобравшись на крышу какого-то заводского здания, осмотрел объекты, по которым вела огонь его дивизия. Увиденная картина его порадовала: повсюду горы битого кирпича, развалины, искореженные автомашины, на проезжей части чадящие танки и самоходки, обгорелые трупы. Прямо перед ним был шестиэтажный дом, фасад был отсечен словно мечом, а тротуар покрыт грудой развалин...

Северный берег канала и южная окраина Берлина были охвачены пожарами и окутаны дымом. В воздух взлетали различные обломки, разваливались дома, разрушались баррикады и завалы. Артиллерия крупных калибров буквально крошила оборонительные сооружения противника.

Генерал-майор Архипов, командир 53-й Гв.ТБр 6-го корпуса, тоже хвалил артиллеристов: *«На рассвете мы видели за каналом сплошную стену заводских корпусов, а два часа спустя ее уже не стало – обратили в каменные груды»*. Ему вторил и командир 52-й Гв.ТБр полковник Курист: *«55 минут бушевал огненный смерч. Сверкали молнии взрывов, нарастал чудовищной силы грохот, густая пелена дыма закрыла от нас весь вражеский берег»*.

Несмотря на впечатляющую картину мощной артподготовки, нарисованную комбригами 3-й Гв.ТА, полностью подавить немецкую оборону все же не удалось. Вероятно, в спешке не все

огневые точки немцев были выявлены и не все оборонительные сооружения разрушены, что потом привело к задержкам при форсировании и лишним потерям.

Запланированный ранее удар авиации пришлось отменить из-за нелетной погоды. В 07.00 пехота мотострелковых бригад танковых корпусов и механизированных бригад мехкорпуса, как всегда, на подручных средствах начала форсирование канала Тельтов.

Первые попытки форсирования силами 69-й МехБр и 61-й Гв.СД были неудачными. У немцев этот сложный рубеж, кроме прочих частей, обороняли еще и части 1-й и 23-й ЗенД. Противник вел сильный артиллерийско-минометный огонь по боевым порядкам 69-й бригады, потерявшей за день боев свыше 400 человек. Немцы упорно контратаковали и смогли ликвидировать захваченный плацдарм.

Передовые отряды 22-й Гв.МехБр начали переправу через канал после 55-минутной артподготовки на деревянных плотах и по остовам разрушенных мостов. К 10.00 им удалось захватить небольшие плацдармы на северном берегу. Через 50 минут, используя успех передовых отрядов, начали переправляться на деревянных складных лодках главные силы бригады. Подавить огневые точки противника не удалось. Немцы вели по переправляющимся сильный артиллерийско-пулеметный огонь, и многие переправочные средства были повреждены.

Вслед за батальонами бригады стали переправляться передовые части 48-й Гв.СД, которая с 23 апреля действовала с 6-м Гв.ТК.

Наличие плацдармов позволило армейским инженерным частям к 14.00 навести два понтонных моста, по которым сразу же двинулись танковые бригады, главные силы 48-й Гв.СД. Около 13.00 на участке 6-го Гв.ТК был наведен 30-тонный понтонный мост, по которому начали переправлять танки и артиллерию. Однако он проработал только до 19.00, когда его повредил один из переправляющихся танков. Саперы не пали духом и к 01.00 25 апреля навели на том месте уже 60-тонный мост. Несколько восточнее, в районе разрушенного моста на шоссе Тельтов – Берлин, солдаты 5-го понтонного батальона скрытно навели еще один 30-тонный мост, который начал действовать в 14.00 24 апреля.

После полудня через канал по понтонному мосту начала переправляться 53-я Гв.ТБр генерал-майора Архипова. По завершении боя за берлинский пригород Лихтенфельде комкор генерал В. А. Митрофанов вывел бригаду во второй эшелон корпуса, так как танков в ней почти не оставалось. Сразу пополнить бригаду Архипова танками не удалось. Только 28 апреля начальник инженерной службы 6-го корпуса инженер-подполковник В.С. Герасимов сумел пробиться к Берлину с колонной отремонтированных танков. Задержка с их доставкой объяснилась тем, что по советским тылам бродили части 9-й армии, прорывавшиеся из окружения на запад.

52-я Гв.ТБр полковника Куриста в 13.00 также получила приказ генерала Митрофанова на переправу через канал. После переправы одного танкового батальона комбриг обнаружил, что захваченный мотострелками плацдарм очень мал. Мотострелки лишь выбили немцев из нескольких зданий на берегу канала, но оборонительный рубеж противника они не прорвали. Сосредоточить на этом клочке земли основные силы бригады было просто невозможно.

Маневрировать танкистам было негде. На них обрушился шквал огня из окрестных домов. Полковник Курист принял все меры для расширения плацдарма, бросая своих бойцов в атаку на немецкие позиции сразу же после переправы через канал. Преодолевая упорное сопротивление немцев, активно использовавших зенитки, танкисты неуклонно продвигались вперед.

По ходу дела был захвачен немецкий госпиталь. Его медперсонал и раненые, построенные в колонну по четыре, под конвоем были отправлены к переправе и понуро поплелись к каналу. Отметим, что медиков и раненых никто не тронул, несмотря на ожесточенное сопротивление их коллег. Да и бойцы, осуществлявшие конвоирование, были больше нужны на передовой. Немцы в подобной обстановке, по свидетельству случайно выживших очевидцев, в таких случаях зачастую с ранеными не церемонились, вымещая на них свою злость.

К концу дня 24 апреля 52-я Гв.ТБр смогла передвинуться в черте города более чем на 2,5 км, расширяя плацдарм на северном берегу канала Тельтов.

На участке 7-го Гв.ТК первыми начали форсировать канал штурмовые группы 55-й Гв.ТБр и 23-й Гв.МСБр. Мотострел-

ковый батальон майора Старухина из 55-й бригады перебрался через канал по полувзорванному немцами мосту. Форсирование канала на этом участке поддерживали две артбригады из артиллерийской дивизии прорыва. Полковник Драгунский сообщал: *«Выполняя команду о переброске через канал передовых наблюдательных пунктов, мимо нас пробежала группа молодцеватых артиллеристов, навьюченных треногами, буссолями и прочей необходимой артиллерийской аппаратурой. И вскоре перед наступающим батальоном автоматчиков встала стена разрывов, прикрывая их от огня врага».*

Через два часа бригадный инженер майор Н.Н. Быстров доложил комбригу о готовности пропустить легкие самоходки по восстановленному мосту. Сшитый на живую нитку под ураганным огнем противника, мост мог выдержать лишь легкую технику. По нему сразу же были пропущены минометная батарея мотострелкового батальона и приданная ему артбатарея, что до некоторой степени уже облегчило положение мотострелков.

Положение батальона майора Старухина становилось все труднее, потому что немцы к тому времени пришли в себя после артподготовки и начали огрызаться. Была предпринята попытка перебросить по поврежденному мосту самоходки СУ-76 из 202-го ЛСАП подполковника Костина. Переправа была очень трудной, поскольку немцы активизировались и два их артдивизиона обрушили уничтожающий огонь на импровизированный мост, который через 30 минут обстрела был разрушен. Майору Быстрову удалось переправить через канал только три (по другим данным – шесть) СУ-76. Две самоходки рухнули в канал вместе с обломками моста, при этом погиб и командир полка Костин.

Батальон мотострелков остался один на маленьком плацдарме, не имея в распоряжении ни достаточного количества танков, ни артиллерии. Переправившиеся через канал СУ-76 были быстро сожжены противником. Для мотострелков наступили критические минуты – батальон залег, дальнейшее его продвижение приостановилось. Реальную помощь комбат Старухин получал только от артиллеристов двух бригад, огонь которых отсекал немцев от позиции мотострелков и сорвал их попытки сбросить советских солдат в канал. С южного берега канала также вели огонь танковые батальоны 55-й бригады, напрасно ожидавшие переправы.

Расширить небольшой плацдарм при яростном сопротивлении противника не было никакой возможности. Тяжелый огневой бой на участке 55-й бригады продолжался несколько часов. Полковник Драгунский понимал, что его постигла неудача: *«Мы приковали огневые силы и средства противника к себе, лишили его широкого маневра на всем участке. Но это, в сущности, было все, чего мы достигли...»*

Примерно такая ситуация сложилась и у правого соседа Драгунского. Однако именно то, что его бригада приковала к себе огневые средства противника, сыграло известную роль, облегчив удачные действия других подразделений. К 17.00 24 апреля канал форсировали основные силы 23-й Гв.МСБр 7-го корпуса. Они смогли удержать захваченный плацдарм, где и был наведен понтонный мост.

В сумерки 24 апреля 55-я Гв.ТБр только подходила к назначенной ей переправе. У самого моста ее догнал командир 7-го Гв.ТК генерал-лейтенант Новиков, который пребывал в очень хорошем настроении. Он в шутливом тоне постарался подбодрить расстроенного полковника Драгунского: *«Видел я, видел, как вы хотели брать мост. Да не тут-то было. Во всяком случае, гитлеровцев вы напугали. Завертелись они вдоль берега, а это было нам на руку»*. Из этого монолога комбригу стало ясно, что оценка действиям его бригады дана положительная, несмотря на невыполнение первоначально поставленной задачи.

Воодушевление, испытываемое генералом Новиковым, стало ясно Драгунскому из последующих слов комкора, которые он крикнул, садясь в «виллис»: *«В нашей жизни подобное не повторится! Мы – в Берлине, вы это понимаете?»* Как не понять...

55-я Гв.ТБр наступала на самом левом фланге 7-го корпуса и 3-й Гв.ТА. Локтевой связи с частями 4-й Гв.ТА, которая слева от армии Рыбалко наступала на Потсдам, не было. Только по отдаленной артиллерийской стрельбе и глухим взрывам можно было догадаться, что там ведут наступление танкисты 4-й Гв.ТА.

К исходу дня 24 апреля 6-й Гв.ТК и 48-я Гв.СД продвинулись за канал Тельтов на 2,5 км в районе Целендорф – Лихтерфельде.

Надо отметить, что при решении задач форсирования канала Тельтов и других берлинских каналов огромную роль сыграли инженерные войска. Большая высота гранитных набережных сильно затрудняла форсирование каналов, наводку наплавных

и постройку деревянных мостов. В состав передовых отрядов выделялись саперы. Под прикрытием огня танков из-за канала и поставленных дымовых завес они, используя 60-килограммовые заряды, подрывали гранитные сооружения. Для пехоты изготовлялись веревочные лестницы длиной до семи метров и элементы наплавных мостиков.

Командование 3-й Гв.ТА действовало довольно четко, энергично проталкивая и другие части – 7-й Гв.ТК и 9-й Гв.МехК – на участке 6-го Гв.ТК, где был достигнут успех, для закрепления и расширения плацдарма. Но форсирование этого трудного рубежа немецкой обороны было завершено только ночью 24 апреля. Внутренний оборонительный обвод противника был прорван. Части 4-й Гв.ТА (10-й Гв.ТК) также переправились через канал в полосе армии Рыбалко и рванулись к Потсдаму, а к вечеру 24 апреля вышли к реке Хафель. 16-я Гв.МехБр 6-го Гв.МехК подошла к Бранденбургу и завязала бой за него. До 47-й армии оставалось пройти только 10 км.

71-я МехБр 9-го Гв.МК и части 61-й СД смогли соединиться с подразделениями соседей с 1-го БФ – 8-й Гв.А и 1-й Гв.ТА – в районе берлинских пригородов Мариендорф – Буков.

Очень симптоматично, что командующий 1-м УФ маршал Конев пренебрегал сном и отдыхом, обуреваемый нетерпением, презрев опасности нападения разрозненных групп немцев, бродящих по лесам, буквально рвался на Тельтов-канал. Ему явно не терпелось после задержки 23 апреля увидеть начало рывка своих войск к центру Берлина.

Конев потом признавался, что ему везло в эти дни: *«Бог миловал!»* Немцы несколько раз обстреливали его скромный кортеж, состоявший всего из трех «виллисов», двигавшихся по не полностью разминированным дорогам. После нескольких случаев гибели командиров ставка отдала приказ, запрещавший высшим военачальникам выезд в зону боевых действий без бронетранспортеров. Но этот вид транспорта не отличался высокой скоростью и маневренностью, что, конечно, не могло устроить ретивого комфронта, рвавшегося к Берлину. Пример Ватутина его ничему не научил. Тем более что весьма самонадеянный Иван Степанович залогом безопасности при таких передвиже-

ниях в сторону фронта считал *«не количество охраны, а собственную правильную ориентировку на местности»*, чтобы случайно не заехать к противнику.

Вот утром 24 апреля, находясь в первой машине, являя тем самым прекрасную мишень для хладнокровного стрелка, Конев, по его словам, *«мчался к Рыбалко во всю прыть, чтобы поспеть к форсированию канала»*.

На эту тему небезызвестный американский генерал Паттон в своих мемуарах писал, что если *«офицер высокого ранга приедет в очень маленькое подразделение, это посещение благотворно отразится на боевом духе личного состава. Если поездка сопряжена с опасностью, то ценность ее в глазах солдат еще выше»*. Подобный риск он считал оправданным тогда, когда поездка производилась для воодушевления личного состава.

Паттон полагал, что *«...старший по званию должен ехать к младшему, а не вызывать его к себе. Исключением может служить необходимость собрать сразу нескольких командиров для координации планов совместных действий»*. Он также считал, что в целях оперативного руководства *«...командирам и офицерам их штабов надлежит посещать части только на два уровня ниже того, на котором осуществляется руководство, и знать расположение этих частей на картах»*. Русские же отцы-командиры, далеко не всегда доверяя своим подчиненным, зачастую «опускались» в своем рвении намного ниже.

Но дальше – больше. Прибыв на канал, Конев разместился на крыше восьмиэтажного здания, находящегося не только под артиллерийским, но и под ружейно-пулеметным огнем! Неслыханная вещь: в 1945 г. командующий фронтом, как Василий Иванович Чапаев «с возвышенного места» (вспомните котелок и картошку в бессмертном фильме), наблюдает за боем передовых подразделений!

К чему была нужна такая демонстрация безрассудной храбрости и полного пренебрежения не только к собственной жизни, но и к возникновению сложностей в управлении войсками фронта в случае вполне вероятного ранения или, не дай Бог, гибели командующего? Что, мало было печального примера гибели генералов армии Апанасенко и Черняховского, а также других погибших генералов (в том числе и командармов) менее высокого ранга?

Вряд ли комфронтом было приятно находиться на крыше под огнем немецких автоматчиков. Вскоре по его указанию артиллерия открыла огонь по позициям немцев и почти подавила их сопротивление. Конев прекрасно понимал, что, находясь на этом самом высоком здании Тельтова, да еще со «свитой» сопровождающих, он привлекает к себе внимание противника. Но горячее желание видеть, как развивается самая значительная операция его жизни, было неистребимо.

Да и яркое желание обозреть столицу рейха, ставшую фронтовым городом, тоже имело место. Он, по его словам, понимал, что чем быстрее *«мы возьмем этот город, тем скорее кончится война»*. Он, правда, не уточнял – взять вместе с Жуковым или без него. Конев отдавал себе отчет, что *«затягивать борьбу нельзя»* и ради этого *«придется идти на жертвы, ...прежде всего в танках»*, несмотря на его желание избежать потерь в конце войны.

В то время, когда Конев находился на этом опасном НП командующего 3-й Гв.ТА Рыбалко, туда же во время проведения артподготовки прибыл и член ВС 1-го УФ генерал-полковник К.В. Крайнюков. *«Не многовато ли генералов на этом скворечнике? Отличная мишень для противника»*, – укоризненно произнес высокопоставленный политработник. Но на крышу тоже поднялся...

На этом импровизированном НП находился и начальник инженерных войск 1-го УФ генерал-лейтенант И.П. Галицкий. Он тоже был не в восторге от происходящего: *«Мы наблюдаем за ходом переправы и наступления войск. Временами над нами со свистом пролетали снаряды врага. То и дело по крыше барабанили осколки. Ощущения не из приятных. Но мы как-то не обращали на это особого внимания. Все были поглощены идущим впереди боем»*.

Член Военсовета 3-й Гв.ТА, генерал-лейтенант С.И. Мельников тоже отмечал, что *«немецкие автоматчики постреливали с того берега не часто, но видно было, что они берут на прицел этот дом: того и жди, что с крыши нас всех сметет»*. Командарм Рыбалко, которому никак не хотелось покидать НП со столь превосходным обзором, «успокоил» генерала Крайнюкова: *«Пока стреляют автоматчики, не так страшно. Хуже будет, если за нас возьмутся снайперы...»*

Рыбалко и дальше не успокоился. После переправы через Тельтов-канал он оборудовал свой НП на пожарной вышке!

Рассматривая в бинокль поле боя, Рыбалко сказал прибывшим к нему генералам Никольскому и Колесникову: *«С этой пожарной вышки затушим пожар войны, развязанной Гитлером»*. Да, масштабно мыслил командующий 3-й Гв.ТА...

Увиденная картина городских кварталов натолкнула Конева также на здравую мысль *«тащить сюда тяжелую артиллерию»*. Мысль, надо сказать, несколько запоздалая, но, по его утверждению, артиллерия РГК еще успела принять участие в последних боях.

Конев покинул этот весьма опасный КП лишь только тогда (после 13.00), когда убедился, что форсирование канала идет успешно и не требуется его личного вмешательства в ход боевых действий. Кстати, на этой же злополучной крыше вместе с командующим, постоянно бравировавшим невосприимчивостью к опасности, находились также командующий 3-й Гв.ТА Рыбалко, командующий артиллерией фронта генерал Варенцов и другие генералы (в том числе трое командующих корпусами). Не могли же они продемонстрировать меньшую храбрость, чем их комфронтом! Трудно себе представить тот урон, который могло бы понести руководство боевыми операциями 1-го УФ, если бы немцы были поактивней, а их огонь поточнее...

На обратном пути, когда опасность уже миновала, маршал даже позволил себе посетить основной КП Рыбалко, который был расположен в бывшей ставке ОКХ в Цоссене, но, конечно, не в подземельях. Командующий 3-й Гв.ТА выбрал новенькие коттеджи на восточной окраине Цоссена, которые остались совершенно целыми. Рыбалко любезно представил маршалу Коневу для отдыха один из этих особняков, но тот от отдыха отказался. Не привлекла его возможность ознакомиться с условиями размещения немецких генштабистов. Он опять спешил. Наскоро пообедав, он теперь рванулся на КП 13-й армии, войска которой прикрывали левый фланг его ударной группировки, так как *«события, происходившие на левом фланге, продолжали... беспокоить»*, ведь там продолжались атаки 12-й армии Венка.

Успех частей 1-го УФ вызвал очередную вспышку гнева командующего 1-м БФ. Хотя части его 1-й Гв.ТА вышли на канал Тельтов южнее Темпельхофа в 04.20 24 апреля, а 3-я Гв.ТА еще 23 апреля, Жуков грозно потребовал разобраться, *«кто же действительно первым вышел на канал Тельтов»*. Но по свиде-

тельству члена ВС 1-й Гв.ТА Попеля, командованию этой армии в данном случае было нечем порадовать своего честолюбивого командующего. Правда, танкисты армии достигли некоего «дипломатического успеха», захватив в эти дни в пригородах Берлина японского консула. Но этот факт вряд ли мог сильно заинтересовать Жукова.

Захват японской миссии чуть было не вызвал дипломатический скандал. Танкисты, разгоряченные боем и мучимые жаждой, выпили у японцев минеральную воду. Хотя азиаты не преминули пожаловаться, данное происшествие не имело за собой серьезных последствий для нарушителей спокойствия дипломатов.

На южном фланге наступления, на участке 33-й армии, командарм генерал-полковник Цветаев рассчитывал, что моряки своими силами смогут 24 апреля взять Фюрстенберг. После основательной артподготовки, проведенной кораблями совместно со 119-м УРоМ, две роты берегового сопровождения пошли в атаку с плацдармов на подступах к городу. Дивизион бронекатеров с десантом и разведкой на полуглиссерах двинулся от устья Нейсе на прорыв вдоль удерживаемого врагами берега.

Морская пехота ворвалась в город одновременно с севера и юга, а бронекатера, которые с трудом пробились между обломками взорванного моста, высадили десантников в городской черте на стенку начинавшегося здесь канала Одер – Шпрее. После ожесточенного боя под натиском моряков немцы отошли. На подступах к Фюрстенбергу, захваченному к 09.00, морпехи потеряли 60 человек убитыми и ранеными. Командир 3-й бригады капитан 3-го ранга Лупачев доложил в штаб флотилии: *«Корабли бригады вошли в канал Одер – Шпрее и начали продвижение к Берлину...»*

Правда, из-за взорванных мостов и завалов корабли смогли продвинуться недалеко и уже отставали от войск, наступавших по суше. Моряки утратили соприкосновение с противником, хотя работы по расчистке взорванных мостов велись круглосуточно. Спешить было уже некуда...

Стоит отметить один любопытный момент. По утверждению начальника 5-го управления Главного политуправления Красной Армии генерал-майора Бурцева, ведомство которого занималось разложением войск противника, к 24 апреля на 1-м БФ было захвачено около 22 тысяч пленных. Конечно,

высокопоставленный политработник пытался объяснить этот факт успешной работой своих подчиненных, которые накануне и в ходе штурма Берлина выпустили более двух миллионов листовок, а также использовали для агитации немецких солдат десять мобильных и около пятидесяти обычных громкоговорящих установок.

Листовки печатались в виде удостоверений для сдачи в плен, а также содержали призывы к гражданскому населению Берлина *«направить оружие против нацистского руководства»*. Неизвестно, как действовали «пропуска для пленных», но вот случаев вооруженного неповиновения немецкого населения в Берлине что-то не отмечалось. Так что данные «пассажи» коммунистических теоретиков от пропаганды явно упали не на ту почву. Вопрос еще вот в чем: учитывали ли эти горе-агитаторы столь же малоуспешные подобные опыты нацистских рот пропаганды в начале войны против СССР? Стоило ли бездумно копировать немецкие попытки разложить Красную Армию в 1941–1942 гг.?

Конечно, были применены и более доступны призывы к немецким войскам типа: «Расходись по домам!» Как утверждал генерал-майор Бурцев, в результате опроса пленных выяснилось, что якобы около 40 тысяч дезертиров покинули свои части. Эта ничем не подтвержденная цифра вызывает большое сомнение. Хотя, конечно, случаи дезертирства и сдачи в плен в Берлине, конечно, были. Не были забыты в листовках рядовые нацисты и эсэсовцы, которым давались гарантии, ничем не обоснованные, об их освобождении от возможного наказания.

В листовках советские политработники пытались также разъяснить и цели Красной Армии в этой войне, цитируя выступления товарища Сталина и решения Крымской конференции, что было не так уж и глупо, так как давало возможность рядовым немцам на основе этой информации сделать свои собственные выводы.

Проводилась также засылка распропагандированных немецких пленных за линию фронта. Результаты этой акции, по утверждению Бурцева, таковы: было заслано около 4000 человек, а вернулось около 15 тысяч человек. В данном случае нельзя отказать политработникам в некоем новаторстве, ведь нужно же было им как-то оправдывать свое существование перед вышестоящими инстанциями.

* * *

В 05.00 24 апреля усилился артобстрел рейхсканцелярии, тяжелые снаряды рвались над зданием и вблизи него. Через час в этом районе огонь стал утихать. Около 10.00 он снова усилился, и несколько снарядов разорвалось на крыше бункера, в результате чего перестала работать вентиляция. Взрывы разбудили Гитлера. Его камердинер Линге вспоминал, что *«Гитлер при каждом взрыве вздрагивает и со страхом смотрит на потолок»*.

Около 10.00 началось военное совещание, на котором, кроме фюрера, присутствовали лишь Кребс, Бургдорф, Борман, Геббельс и адъютанты Иоганн Мейер, Белов и Лорингхофен. Кребс доложил, что кольцо вокруг Берлина почти замкнулось, остался лишь узкий проход южнее Шпандау, который в ближайшее время тоже будет перерезан. Он сообщил присутствующим, что *«армия Штайнера из района севернее Ораниенбурга еще не выступила. Точных сведений от Штайнера не поступает»*.

Лицо Гитлера перекосилось от злости. Он стал бешено ругать Штайнера, называя его надутым и спесивым генералом, которого раньше очень ценил. Днем от Штайнера вернулся группенфюрер Фегеляйн, посланный туда Гитлером. Он также доложил, что Штайнер не может выступить из-за недостатка сил, которые хочет пополнить с помощью заградотрядов, должных собрать отбившихся от своих солдат.

Гитлер больше не хотел слушать: *«Штайнер должен выступить не позднее завтрашнего утра! Завтра вечером он должен быть в Берлине!»* После получения этих ценных указаний Фегеляйн снова выехал к Штайнеру, чтобы лично передать ему приказ фюрера.

Радиостанция в бункере продолжала прослушивать, вероятно, для контроля, все радиопереговоры практически почти разбитой немецкой 9-й армии.

Утром 24 апреля, по свидетельству начальника гаража рейхсканцелярии оберштурмбаннфюрера Кемпки, рухнувшей при артобстреле крышей гаража было уничтожено около 60 автомашин. Это, конечно, сильно затруднило передвижение по Берлину обитателей бункера.

Осложнилось в этот день и авиационное сообщение столицы рейха с внешним миром. В 12.00 в бункер поступило сообщение, что аэродром Темпельхоф обстреливается русской артиллерией.

В 17.00 подобное сообщение пришло и с аэродрома Гатов. На нем днем – с 12.00 до 16.00 – побывали личные пилоты фюрера Баур и Бетц. Они вели переговоры с генералом авиации Мюллером о возможности обороны Гатова.

После 03.00 24 апреля из Берлина все же успел ускользнуть рейхсминистр Шпеер. Днем он в 40 км от Рехлина, в больнице СС в Хоэнлихене, встретился с Гиммлером. Чуть позднее к ним присоединился и Кейтель, который подобострастно заверил рейхсфюрера в своей верности. Гиммлер, еще чувствовавший себя всемогущим, имел свои взгляды на развитие обстановки в Германии. Он искал свой шанс в последующей борьбе за власть, ускользающую из рук запертого в Берлине фюрера.

На допросе после войны Кейтель утверждал, что 24 апреля он якобы пытался на самолете вернуться в Берлин, но возникли трудности с местом приземления. По его словам, он запрашивал в рейхсканцелярии разрешение на вылет и посадку на импровизированной площадке на Шароттенбург-шоссе, в Тиргартене, но получил отказ, потому что эта площадка тоже уже простреливалась. Историк Тике подтверждал сказанное, дополняя его следующим обстоятельством: *«ранним утром 24 апреля Кейтель уже не смог вернуться, так как магистрали были перекрыты русскими. Он был вынужден направиться в Рейнсберг, где уже собралась большая часть аппарата ОКВ...»*

Интересно, что личный пилот фюрера Баур, находясь после войны в русском плену, утверждал на допросе, что он предлагал Гитлеру улететь из Берлина именно 24 апреля. Вероятно, он рассчитывал на площадку на Унтер-ден-Линден, около Зоологического сада, которая в это время еще действовала. Только 27 или 28 апреля, по словам Баура, севший там самолет Ю-52 был уничтожен огнем реактивной артиллерии или артогнем.

Так что если у Кейтеля было бы горячее желание попасть в столицу, то он вполне мог бы это сделать. Но в этом случае у русских, вполне возможно, стало бы одним высокопоставленным пленником больше... Но вместо опасного полета фельдмаршал предпочел выехать в штаб 12-й армии в г. Визенбург. Около 12.00 24 апреля он докладывал по телефону Гитлеру о положении частей этой армии, а также имел разговор с Кребсом о санкциях против Геринга. После этого визита он возвратился в свой штаб в Ной-Роофене.

В 05.00 24 апреля Вейдлинг прибыл на свой новый КП в здании авиакомпании «Люфтганза» в аэропорту Темпельхоф. Ознакомившись с обстановкой, генерал позволил себе немного поспать. Около девяти часов утра его разбудил начштаба корпуса полковник Дуфвинг и доложил о передвижении дивизий 56-го ТК. Танковой дивизии «Мюнхенберг» удалось прорваться в Берлин в районе Рудова, но от ее прежней численности осталось не более 30%. Остальные ее подразделения были попросту рассеяны в окрестностях города.

Около 10.00 Вейдлинг посетил сектор обороны «А», которым командовал подполковник Беренфенгер. Последний 25 апреля был произведен в генерал-майоры, перепрыгнув звание полковника. Здесь Вейдлинга по телефону нашел генерал Кребс. Начальник ОКХ объявил командиру 56-го ТК, что поскольку *«вчера вечером вы произвели на фюрера благоприятное впечатление, он назначил вас командующим обороной Берлина»*. Боевого генерала это назначение совсем не обрадовало. В ходе разговора он дал волю негодованию и заявил, что оборона Берлина безнадежна. В его ответе на предложение Кребса была и большая доля присовки: *«Вы лучше бы приказали меня расстрелять, тогда меня миновала бы чаша сия...»*

Вейдлинг на волне этого назначения даже позволил себе поконфликтовать с могущественным генералом Бургдорфом из-за вмешательства невоенных инстанций, как, например, комиссариата обороны Берлина во главе с доктором Геббельсом, который влезал и в чисто военные вопросы и даже отдавал приказы. Вейдлинг поставил условие, чтобы впредь приказы отдавались только через него, что было вполне обоснованно.

После этого визита в бункер Вейдлинг должен был немедленно ехать на КП оборонительного района на Гогенцоллерндамм, расположенный в здании штаба военного округа, и приступить к исполнению своих новых обязанностей. У кого он должен был принять дела, осталось неясным...

Вот так генерал Вейдлинг стал четвертым по счету комендантом Берлина после Хауэншильда, Реймана и Кетера. Он прекрасно понимал, что следует реорганизовать и заново укомплектовать штаб 3-го военного округа штабным персоналом 56-го ТК. Генерал рассчитывал перенести свой КП либо в бункер зоопарка, либо в правительственный блок на Бендлерштрассе.

Он также счел важнейшей задачей установление радио- и телеграфной связи со штабами всех секторов обороны Берлина.

Пока Вейдлинг принимал дела и реорганизовывал свой штаб, на всех участках фронта продолжали бушевать бои. Сплошного фронта южнее Берлина не было. МД СС «Нордланд» до последнего прикрывала отход 56-го ТК к Берлину, а потом сама должна была отойти к северу. Командир дивизии генерал-майор СС Йоахим Циглер из-за противоречивых приказов сам уже ничего не понимал, что происходит. Он потерял связь с другими частями и предлагал своим подчиненным *«действовать по обстоятельствам»*.

В таком же положении оказались и другие дивизии 56-го ТК. Кстати, командир полка «Данемарк» – датчанин штурмбаннфюрер Соренсен – расположил свой КП в здании пивзавода. Это не принесло ему счастья. В этот день он был убит русским снайпером... Немецкий историк Тике писал: *«...на участке дивизии «Нордланд» творилось нечто ужасное. Уцелевшие подразделения полка «Данемарк» в течение дня были вынуждены оставить Адлерсхоф и Йоханнисталь... положение полка становилось все более критическим...»*

Следующим рубежом немецкой обороны должна стать кольцевая железная дорога по линии Фридрихсхайн – Панков – Тегель. Западнее реки Хафель русские с севера продвинулись до Шпандау.

О действиях и численности немецкой артиллерии в этот кризисный момент днем 24 апреля вспоминал начальник артиллерии 56-го ТК полковник Велерман: *«...численность артиллерии в городе, включая ПВО, составляла примерно четыре полка... В это число входила артиллерия четырех дивизий 56-го ТК и 408-й фольксартиллерийский корпус; все они понесли тяжелые потери и почти не имели боеприпасов»*. Будучи берлинцем, хорошо знавшим город, он определил наиболее подходящее место для размещения артиллерии. Велерман считал, что *«для орудий с настильной траекторией, которых было подавляющее большинство, лучше всего подходили Тиргартен и некоторые большие площади – Белле-Альянсплатц, Лустгартен, Александерплатц, а также районы, где проходили железнодорожные пути вблизи Потсдамского и Анхальтского вокзалов в центре города»*. Нашлось место и для минометных позиций на Лютцовплатц и Штайнплатц.

Штаб ГА «Висла» предпринимал все возможные меры, чтобы усилить гарнизон Берлина. Туда 24 апреля началась переброска курсантов унтер-офицерской школы и сводного батальона 33-й ПД СС «Шарлемань» генерал-майора СС доктора Крукенберга. Эта группа французов – всего до 350 человек – буквально в последний момент смогла проскочить в осажденный город в районе между Кетцином и Фалькенроде по последней еще не перерезанной русскими дороге и к 22.00 прибыть в Берлин.

Вот что увидел в районе Кетцина унтершарфюрер Швайнхаммер из 11-го батальона связи дивизии СС «Нордланд», которому удалось здесь вырваться из Берлина: *«Кетцин к тому времени опустел, все наши покинули его. Русские ворвались в город... По дороге то и дело попадались группы немецких солдат, окончательно утративших волю к сопротивлению. Германские вооруженные силы разваливались на глазах...»*

24 апреля русские войска с севера, через Шпандауский лес, вышли к Далльгову и Деберитцу. Они блокировали 5-ю имперскую автотрассу, перерезав последнюю крупную магистраль, связывавшую Берлин с другими районами. Покинуть город теперь можно было только по объездным путям.

В дневном донесении ГА «Висла» от 24 апреля сообщалось: *«На северо-западе от Шпандау и к западу от Ораниенбурга* (потерян еще 24 апреля) *противник продолжает натиск на запад. Вражеские танковые клинья продвинулись до района Науэн... Противник начал наступление на Эберсвальде и занял часть города, где сражалась 5-я егерск. дивизия».*

Основные бои севернее Берлина разворачивались именно в районе Ораниенбурга, где сражались части 4-й ПолД СС. Эсэсовцы, стремясь закрыть возникавшие бреши в обороне, растянули свой фронт вдоль Руппинского канала до района Шпандау, где вели бой также несколько сводных подразделений и отрядов гитлерюгенда. Слева к эсэсовцам примыкали части 3-й ДМП, наспех сформированной в районе Свинемюнде из курсантов военно-морских училищ и персонала тыловых служб, а также наскоро обученных недавно призванных новобранцев.

Историк Тике писал: *«...мифический Ораниенбургский плацдарм, в действительности представлявший собой клочок земли севернее Гермендорфа, который обороняли бойцы 2-го батальона 8-го МП СС, в подземном бункере Гитлера считали последней*

надеждой. Именно отсюда Штайнер должен был еще раз попытаться прорваться на юг и восстановить сообщение с районом Шпандау и 12-й армией».

Части 25-й МД, подтягиваемые из-под Эберсвальде, уже вышли к этому «плацдарму», чтобы на следующий день развернуть с него наступление на юг. Из Свинемюнде также начали перебрасываться остатки 7-й ТД, чтобы «усилить» «группу Штайнера». В Нейруппин подошли также пять маршевых батальонов моряков, вооружить которые предполагалось, лишь отобрав оружие у батальонов фольксштурма. Немцы «выскребли» почти все, чтобы усилить свои части на фронте. Штабу 2-го военного округа было приказано срочно перебросить в 3-ю ТА фанен-юнкерскую школу из Шверина и учебный пехотный батальон.

К вечеру 24 апреля обстановка для немцев еще более осложнилась. Части советской 4-й Гв.ТА вышли к реке Хафель, которая разделяла Потсдам пополам. Так как мосты через реку были взорваны, танкисты в этот день захватили только юго-восточную часть города. Кроме того, 6-й Гв.МК 4-й Гв.ТА, успешно наступая на северо-запад, продвинулся на 18 км в направлении Бранденбурга, а во второй половине дня одна его бригада ворвалась на восточную окраину города. Понемногу начинало складываться внешнее кольцо окружения Берлина.

О 12-й армии

День 24 апреля знаменателен еще вот чем. В районе Беелитц – Тройенбритцен, юго-западнее Берлина, начались первые атаки основных сил немецкой 12-й армии под командованием генерала танковых войск Венка. Это последнее немецкое наступление в ходе Второй мировой войны.

Есть смысл несколько вернуться назад и подробней рассмотреть вопрос, как и зачем была создана 12-я армия, оставившая заметный след на завершающем этапе войны в Европе – в битве за Берлин. Она была сформирована весной 1945 г. для реализации очередного фантастического плана, родившегося в голове Гитлера. По его настоянию армия была нацелена на деблокаду группы армий «Б», окруженной в Рурской области. По ходу дела ее части должны были уничтожить передовые части американской 9-й армии и восстановить целостность развалившегося Западного фронта.

Кессельринг, 10 марта 1945 г. принявший командование Западным фронтом, тоже возлагал большие надежды на сформированную в конце марта 12-ю армию. Он считал, что только ее ввод в действие мог *«предотвратить рассечение Германии пополам»*. Фельдмаршал рассчитывал, что эта армия, которая, по его мнению, *«представляла собой важнейший фактор, способный серьезно повлиять на развитие событий на Западном фронте»*, будет действенным *«инструментом»* в его руках для использования в районе Гарцских гор, где имелись неплохие возможности для маскировки от воздействия авиации союзников.

Командование армией было поручено еще не отправившемуся от последствий автокатастрофы, произошедшей 13 февраля 1945 г., генералу Вальтеру Венку. Он находился на лечении в Баварских Альпах и носил хирургический корсет от груди до бедер, когда 6 апреля получил от генерала Бургдорфа сообщение о своем назначении.

13 апреля Гитлер лично изложил свои мысли о прорыве к Рейну начальнику штаба армии полковнику Райххельму. Для последнего, знавшего о полной деморализации немецких войск в рурском «котле», эти указания фюрера о создании коридора к армиям фельдмаршала Моделя прозвучали полным абсурдом. В ходе дальнейшей беседы фюрер окончательно сразил Райхельма указанием о ночном прорыве в тыл американцам на 200 автомобилях «кюбельваген», которые еще предстояло найти. Конечно, для только что сформированной 12-й армии не было никакой возможности прорваться в Рур, где сопротивление немцев прекратилось уже 17 апреля.

Но это было еще не все. Еще одной из задач 12-й армии, изложенной Гитлером Райххельму, было: *«...валить деревья в горах Гарца на пути движения американских войск и организовать там партизанское движение»*. Постановку подобной задачи даже комментировать не хочется. Немецкий историк Типпельскирх удивляется: *«...непостижимо, как в голове Гитлера могли рождаться такие фантазии, превращаемые его ближайшими помощниками в отдаваемые с серьезным видом приказы»*. Понятно, что план прорыва к Руру был утопией, так как требовалось еще по крайней мере несколько недель для обеспечения боеготовности войск.

Кессельринг с большим сожалением писал, что *«...миссия, состоявшая в том, чтобы оставить свободными тылы русского*

фронта, создать базу для 12-й армии к западу от Эльбы и вывести из окружения группу армий «Б», стала невыполнимой».

Потом задача 12-й армии была изменена. С 16 апреля некоторые ее части направили на прорыв к немецкой группировке в Гарце (вновь сформированная 11-я армия). Кессельринг в мемуарах отмечал, *«что неподготовленные и запоздалые атаки из района Ульцена боевой группы 39-го ТК и дивизии «Потсдам» против частей 9-й американской армии были заранее обречены на неудачу»*. Общее наступление 12-й армии с плацдарма в районе Дессау так и не началось.

Венк не сделал серьезных попыток обеспечить проведение этого безнадежного мероприятия. Он старался сделать все возможное, чтобы хоть как-то сдержать американцев на Эльбе, а также прикрыть свой открытый левый фланг у Лейпцига. Ведь его войскам предстояло, по словам начальника штаба оперативного руководства генерал-оберста Йодля, стать *«западным щитом Берлина»*, не давая войскам союзников пробиться к столице.

Части 12-й армии сумели замедлить продвижение американской 1-й армии к реке Мульде. Первые боевые задачи по противодействию американцам были ясно определены. Немцы надеялись, прежде чем вступить в бой с русскими, обезопасить свои тылы, отбив захваченные американцами плацдармы.

Командующий армией понимал, что не сможет решить две задачи одновременно. К тому же немцы не знали точно, продолжат ли американцы наступать, дойдя до Эльбы. Кессельринг, в частности, считал, что ответить на этот вопрос было трудно, так как *«американцы действовали на разных направлениях к северу и югу от Магдебурга»*. Осторожный фельдмаршал считал, что даже *«если бы мы сочли вероятным, что на Эльбе они остановятся»*, то *«не могли бы быть в этом уверены»*.

Он признавал, что вдоль Эльбы и Мульде *«возник новый фронт, который тоже был обречен, поскольку противник нанес удар одновременно с двух сторон»*. Да и ударная мощь 12-й армии, по мнению Кессельринга, была ослаблена примерно на треть, так как дивизию «Потсдам» передали Западному фронту, а дивизии «Клаузевиц» и «Шлагетер» обеспечивали стык с группой армий «Висла» на северо-западе.

Тем не менее армия продолжала существовать не только на бумаге. Она обладала определенной ударной силой: в ее составе

все еще оставались одна танковая, одна моторизованная и пять пехотных дивизий, да еще планировалась переброска 1-й ТД СС из Баварии.

На какой же основе формировались дивизии 12-й армии, носившие громкие названия, связанные с самыми тяжелыми для Германии временами, – «Ульрих фон Гуттен», «Клаузевиц», «Шарнгорст», «Теодор Кернер», «Ульрих Фридрих Ян», «Шлагетер»?

По сведениям генерала Типпельскирха, *«ряды этих дивизий должны были заполнить молодежь из частей имперской трудовой повинности, курсанты военных офицерских училищ, обучавшиеся там около полугода. Командиры всех степеней из тыловых 2-го и 3-го корпусных округов»*. Хотя какой уж тут «тыл» в Германии апреля 1945 г.? Конечно, ряд опытных командиров были взяты из фронтовых частей. В состав частей были включены унтерофицеры, заканчивавшие лечение в госпиталях и имевшие некоторый фронтовой опыт. В состав армии было включено также и саперное училище в городе Росслау на Эльбе. Боеприпасы должны были быть получены со складов в Альтенграбове и с барж, расположенных на Хафельзее. Надо отметить, что, несмотря на всеобщий беспорядок, связь в штабе армии работала нормально.

Вот усилиями этого воинства и надеялось немецкое военное руководство изменить обстановку на завершающем этапе войны.

Конев в мемуарах подтверждал факт начала немецких атак именно днем 24 апреля, не высказывая при этом какого-то особого беспокойства, так как оборона советских войск была довольно устойчивой. Остается загадкой, насколько внезапным для командования 1-го УФ оказался этот немецкий контрудар, так как маршал отмечал, что еще 23 апреля были замечены признаки перегруппировки немецких войск. Да и отсутствие на этом участке сильных танковых соединений противника не могло настроить командование 1-го УФ на благодушный лад. Все это на волне всеобщего успеха способствовало недооценке способности немцев к сопротивлению и слишком спокойному реагированию штабов на появление этой фланговой угрозы со стороны еще недобитого противника.

Обстановка же требовала еще многих «контрольных выстрелов», и не только из стрелкового оружия. Учитывая сложность создавшегося положения и тяжесть последующих боев, хотя и

не давших немцам какого-либо положительного стратегического результата, стоит более подробно рассмотреть описания боев на Восточном фронте пресловутой армии Венка, на которую так рассчитывало немецкое руководство в последних боях весной 1945 г.

23 апреля американцы прекратили воздушные налеты. Генерал Венк был ошеломлен! Ему было это совершенно непонятно, тогда как все объяснилось очень просто. Ввиду сближения частей Красной Армии и американских войск, советское верховное командование потребовало от союзников прекратить воздушные удары из-за опасности поражения своих войск.

В районе реки Эльба не было отмечено ударов союзной авиации по советским войскам, как это имело место осенью 1944 г. в Югославии. Им больше доставалось от своих «соколов», как отмечал в мемуарах маршал Конев. Поскольку подобные прискорбные факты были и на 1-м БФ, оба командующих фронтами были вынуждены обращаться в ставку по этому вопросу.

Еще 10 апреля 1945 г. во время боев на Западном фронте на реке Эльба в руки немцев попал один из экземпляров плана «операция Эклипс». Понятно, что его содержание было доведено до германского высшего руководства. На прилагавшейся к плану карте Германия, включая и Берлин, была поделена на оккупационные зоны. Начальник штаба оперативного руководства ОКВ генерал-оберст Йодль теперь четко представлял себе, до каких рубежей будут продвигаться войска союзников, а какие территории отойдут к русским. Данная информация несколько позже помогла ему сделать предложение Гитлеру о повороте 12-й армии на Берлин, так как Эльба была границей, которую американцы не должны были пересекать.

Первоначально Венк, дезориентированный Кейтелем, собирался выполнить полученный приказ, но вскоре убедился в невозможности такого наступления для спасения Берлина. По мнению Типпельскирха, *«подобное наступление было все же необходимо не только для того, чтобы оказать помощь 9-й армии, но также и с целью обеспечения самой 12-й армии определенной свободы действий восточнее Эльбы, так как иначе она могла быть быстро зажата союзными армиями»*.

Венк, надеявшийся на то, что американцы остановятся на достигнутом рубеже, оставил на западе только слабое прикры-

тие, прикрыл свой южный фланг восточнее Виттенберга, а северный – юго-восточнее Бранденбурга. Основные силы он сосредоточил для наступления на восток.

Чувствуется, что немцы очень гордятся действиями этой «молодежной» армии. Типпельскирх считал, что боевые действия 12-й армии *«составляют славную страницу борьбы немецкого народа, образец верности своему долгу, исполнявшемуся молодыми солдатами с... верой в необходимости их жертв»*. Эти бои, по мнению немецкого генерала, *«имеют право претендовать на немеркнущую славу как символ лучших качеств немецкого солдата!»*. Сказано, конечно, с изрядной долей патетики, с определенным пафосом. Правда, героизм и стойкость несколько блекнут на фоне всеобщего поражения и хаоса.

Все равно своего, даже поверженного, противника надо уважать. Многие же советские исследователи вскользь писали о боях 12-й армии, замалчивая ее успехи и выпячивая неудачи немецких войск. Героизм должен быть отмечен и в дни побед, и в дни поражений. Вопрос: на защиту какого дела он направлен?

Контрудар был предпринят достаточно крупными силами. С первого же дня с немецкой стороны отмечалось участие в боях пехотных дивизий «Гуттен», «Шарнгорст» и «Теодор Кернер». В ночь на 25 апреля к атакам были подключены ПД «Саксония» и ПБр «Бург».

В боях частей 12-й армии в районе Тройенбритцена приняла участие и 243-я БрШО. Немецкие самоходчики внезапно атаковали походные колонны советских войск, причинив ударом во фланг большие потери полку САУ. Позднее бригаду придали дивизии «Теодор Кернер», которую также поддерживала и учебная бригада «Бург» подполковника Мюллера. После неудачных попыток прорыва к Потсдаму 243-я бригада была выведена из боя и передана 48-му ТК, от которого к тому времени мало что оставалось. Бригада отходила к Эльбе одной из последних. Только 7–8 мая ее части смогли оторваться от русских и уйти к американцам.

В составе 12-й армии сражалась и 394-я БрШО. В жестоких боях с частями Красной Армии она потеряла все свои штурмовые орудия. Артиллеристы, оставшиеся без своих орудий, воевали в составе дивизии «Шилль» в качестве пехоты. Некоторым из них удалось переправиться через Эльбу.

В апреле 1945 г. на базе училища штурмовой артиллерии в Бурге была сформирована боевая группа во главе с начальником училища полковником Мюллером, получившая название «Бург». Ей приказали занять оборону севернее Магдебурга. Потом эту часть перебросили на восток для участия в прорыве к 9-й армии.

В марте в училище штурмовой артиллерии была сформирована также 3-я учебная бригада под командованием майора Ферста. Она приняла участие в боях против американцев в районе северо-западнее Магдебурга, обстреливая позиции противника на западном берегу Эльбы. Потом в боях с частями Красной Армии бригада понесла тяжелые потери и была полностью рассеяна. Остатки бригады были задействованы 7 мая 1945 г. в районе Тангермюнде для прикрытия отхода немецких войск через Эльбу. В бою против наступавших советских войск принимали участие всего несколько штурмовых орудий. 8 мая последние оставшиеся в живых были взяты в плен.

На примерах печальной судьбы различных частей штурмовых орудий, входивших в состав 12-й армии, видно, что все они в боях с частями Красной Армии понесли тяжелые потери и к концу войны от них оставались лишь жалкие крохи. Из этого становится ясно, что действия частей 12-й армии против советских войск, которые только с большой натяжкой можно назвать наступлением, не были легкой прогулкой по лесисто-болотистой местности юго-западнее Берлина. Отход к Эльбе и сдерживающие бои тоже нелегко дались всем бригадам и дивизионам штурмовых орудий, наличие которых в составе 12-й армии в некоторой степени скомпенсировало отсутствие у немцев на этом участке каких-либо больших танковых соединений, но, конечно, не могло их заменить.

Уже ночью 23 апреля в шта́б 12-й армии начали поступать первые приказы о перегруппировке. Поскольку налеты американской авиации на позиции армии стали менее интенсивными, это позволило провести необходимые мероприятия без больших проблем. Вечером того же дня в штабе 12-й армии получили телеграмму из ставки ОКХ, в которой в общих чертах рассказывалось об обстановке в районе Берлина и ставились задачи частям.

Первоочередная задача 12-й армии состояла в том, чтобы атакой 41-го ТК генерала Хольсте между Шпандау и Ораниен-

бургом отбросить русских за реку Хафель. Для этого корпусу придавался также 39-й ТК генерал-лейтенанта Арндта, который нужно было из района Виттенберга перебросить в район г. Ратенов. Кроме того, корпусу также придавались 199-я ПД и 7-я ТД, которая должна была подойти несколько позже.

В подчинение 12-й армии передавались 25-я МД, которая пока вела бои в окрестностях Эберсвальде, а также 2-й ТП (в составе всего двух рот) из резерва ОКВ.

20-й АК генерала кавалерии Келера начал наступление в восточном направлении 24 апреля. Перед ним стояла задача прорваться через русские заслоны к частям окруженной 9-й армии. Вечером этого дня дивизия «Теодор Кернер» неоднократно атаковала в районе Тройенбритцена 5-й Гв.МехК генерал-майора Ермакова. Части последнего и 13-й армии генерал-полковника Пухова, по которым пришелся этот удар, понесли тяжелые потери, но с помощью авиации успешно, по мнению советских историков, отразили все атаки армии Венка. Как это было на самом деле, станет ясно несколько позже.

Начальная позиция войск 12-й армии была не очень обнадеживающей. Один из батальонных командиров дивизии «Шарнгорст» очень сокрушался по этому поводу: *«Кто бы мог предположить, что Западный и Восточный фронт будет разделять расстояние, которое можно преодолеть всего за один день марша»*.

Вот в таких условиях дивизии 12-й армии, развернувшись буквально на 180^0, оставив против американцев небольшие заслоны, не имея каких-либо конкретных данных о противнике, двинулись к позициям советских войск: на северо-восток – к Потсдаму, и на восток – в сторону Ютербога. Их задача облегчалась отсутствием сплошной линии фронта, а также тем обстоятельством, что войска 1-го УФ, участвуя в наступательных действиях с 16 апреля, понесли определенные потери и встретили контратакующие немецкие части в ослабленном составе.

Чтобы упростить координацию действий войск и облегчить управление войсками, ОКХ подчинил «группу Реймана» (в составе дивизий «Потсдам» и «Ян») командованию 12-й армии. Генерал Рейман, в свою очередь, разослал по частям строжайший приказ о том, чтобы любой ценой удержать Потсдам, который рассматривался им как *«ключевой пункт для наступления 12-й армии»*.

Части 20-го АК постепенно занимали исходные позиции для атаки. ПД «Гуттен» прикрывала переброску войск, а ПД «Кернер» достигла Бельцига, направив разведгруппы на северо-восток, восток и юго-запад, а также установила связь с дивизией «Гуттен» северо-западнее Виттенберга. ПД «Шилль», только что завершившая формирование, вышла в район западнее Нимегка.

Все эти действия частей 12-й армии не остались не замеченными. Советское командование отмечало, что еще с 22 апреля противник начал проявлять активность на внешнем фронте окружения Берлина. Первые пленные из состава 12-й армии, захваченные советскими разведчиками, позволили командованию Красной Армии сделать вывод о ее составе и целях.

Действительно, первые атаки на позиции советских войск начали части пехотных дивизий 20-го АК – «Гуттен», «Шарнгорст», «Теодор Кернер» – при поддержке 243-й БрШО. Прежде всего немцы стремились захватить Тройенбритцен, а затем развить наступление на Ютербог и Луккенвальде.

Оборона Тройенбритцена была поручена 10-й Гв.МехБр полковника В.Н. Буслаева. Несмотря на то что времени на организацию обороны было очень мало, командованию бригады удалось провести рекогносцировку, определить свой передний край, наметить места опорных пунктов, отрыть окопы, а местами и траншеи, приспособить к обороне каменные сооружения.

Офицеры бригады отработали систему огня, организовали управление подразделениями, проверили маскировку техники. Были подготовлены и запасные позиции. Чтобы пополнить поредевшие ряды и усилить оборону, решили использовать освобожденных из концлагеря военнопленных, которых вооружили трофейным оружием, в том числе и фаустпатронами. Поскольку частями 5-го Гв.МК были захвачены склады, на которых находилось большое число фаустпатронов, грех было их не использовать. Все воины были обучены их применению против танков и в бою в населенном пункте.

Предусмотрительно был создан также подвижный противотанковый резерв из танковой роты 51-го Гв.ТП и роты мотострелков, вооруженной фаустпатронами. Не забыли командиры бригады, устроить в ряде мест танковые и артиллерийские засады.

24 апреля после короткого артналета части ПД «Теодор Кернер» при поддержке 243-й БрШО атаковали позиции совет-

ской 10-й бригады на северной окраине Тройенбритцена. Эта атака была отбита с тяжелыми потерями для немцев. Отдельные танки и штурмовые орудия, прорвавшиеся на окраину города, были уничтожены огнем хорошо замаскированных орудий и из танковых засад.

Во второй половине дня немцы предприняли несколько ожесточенных атак. Их удары были направлены на западную и юго-западную окраины города. Бой с каждой атакой принимал более ожесточенный характер, но добиться успеха немцам никак не удавалось.

Немецкое командование решило отказаться от дневных действий и ворваться в Тройенбритцен путем проведения внезапной ночной атаки. Такую попытку они предприняли в ночь на 25 апреля. В ночную атаку немцы пошли без артподготовки. Танки и штурмовые орудия двигались за цепями пехоты с выключенными фарами.

Разведка и боевое охранение бригады своевременно обнаружили противника, вовремя оповестили об этом свои подразделения, которые подготовили немцам «теплую встречу». Когда атакующие приблизились к боевым порядкам бригады, по ним был внезапно открыт сильный артиллерийско-минометный огонь. Несмотря на это, немцы продолжали упорно лезть вперед. Тогда по ним открыли огонь танки, бронетранспортеры, станковые и ручные пулеметы. Поле боя освещалось горевшими немецкими штурмовыми орудиями и автомашинами.

Успешно действовали танкисты 51-го Гв.ТП подполковника Е.И. Гребенникова. Они использовали засады, укрытия, умело маневрировали и наносили немцам чувствительные удары. Зачастую они расстреливали немецкую пехоту из пулеметов и давили гусеницами.

Немцы предпринимали большие усилия, чтобы захватить железнодорожный мост в Тройенбритцене, оборона которого была поручена всего лишь одному танковому взводу. Танкистам снова пришлось действовать из засады, открывая огонь по немцам с расстояния 150–200 метров. Понеся потери убитыми до 100 человек, немцы откатились за насыпь железной дороги.

Посчитав результаты боя удачными, подполковник Гребенников и не подумал послать к мосту подкрепление. Немцы снова бросили в атаку пехоту, но уже при поддержке до двадцати тан-

ков и штурмовых орудий. В районе важного тактического объекта разгорелся ожесточенный бой. Только после этого к мосту были переброшены танковая рота и взвод. Совместными усилиями и эта немецкая атака была отбита.

По советским данным, немцы потеряли три танка, шесть штурмовых и пять артиллерийских орудий, 20 автомашин и до 200 человек. О своих потерях, как обычно, умалчивается. Получив столь сильный отпор, противник отошел. Захватить Тройенбритцен с ходу немцам не удалось, хотя они и отмечали, что одному из батальонов дивизии «Кернер» при поддержке штурмовых орудий и удалось ворваться в город. Тем не менее главные события на этом участке фронта были еще впереди.

25 апреля

Наступление войск 1-го БФ не прекращалось ни днем, ни ночью. Начальник штаба 8-й Гв.А генерал-лейтенант Белявский вспоминал, что армии было приказано организовать круглосуточный бой. Все это было сделано по указанию командующего фронтом. Не иначе маршал Жуков хотел завершить Берлинскую операцию к Первомаю, не думая о том, каким образом войска могут вести боевые действия практически без отдыха.

Американский генерал Паттон, основываясь на своем богатом боевом опыте, писал, что *«пехотные части могут наступать без передышки в течение шести часов. Потом – утомление и продолжение боевых действий не приносит желаемого эффекта...»*.

Командование Красной Армии далеко не всегда придерживалось подобных нормативов, не учитывало чисто физиологических границ человеческих возможностей, редко производило смену даже полностью истощенных подразделений. Все это зачастую приводило к весьма печальным последствиям, особенно в первые годы войны.

Утром 25 апреля после 45-минутной артподготовки и могучего авиационного удара – по некоторым данным, в налетах приняло участие до 1500 самолетов – части 1-й Гв.ТА также приступили к форсированию Тельтов-канала. При этом в черте города, как сказано в истории армии, *«наступление распалось на сотни отдельных боев»*. Поэтому еще в ночь на 25 апреля в армии началось формирование штурмовых групп в составе: стрелковой и танковой (4–6 танков) рот, батареи САУ (2–4 единицы), одной

батареи орудий (57-мм – 76-мм), взвода тяжелых пулеметов, роты ПТР, саперного взвода и двух – четырех 37-мм зенитных орудий. Подобное же было сделано и в 3-й Гв.ТА.

Вероятно, командование танковой армии несколько запоздало с принятием подобных мер, так как бои в пригородах Берлина велись уже несколько дней. Наверное, можно было пораньше выбрать необходимые формы ведения боя, тем более что соответствующий опыт уже имелся – бои в Будапеште, Кенигсберге, Познани и Бреслау. Конев также писал, фактически подтверждая вышесказанное, что *«чем дальше, тем все крепче и органичнее соединяли мы танкистов с пехотой»*. Значит, опять только на горьком опыте высшее командование наконец-то додумалось до проведения элементарных мероприятий, обеспечивающих успешное ведение боевых действий в условиях большого города.

Войска 3-й Гв.ТА после форсирования канала Тельтов развернулись на фронте до 10 км и охватывали Берлин с юго-запада, где противник менее всего ожидал наступления. Ведя уличные бои, 9-й Гв.МехК продвигался вдоль канала на северо-восток и подошел к пригороду Штеглиц. 6-й Гв.ТК наступал в северном направлении и выбил немцев из района Далем.

Рано утром 25 апреля 52-я Гв.ТБр 6-го корпуса повела наступление к центру города в районе Шмаргендорф, пробиваясь по двум улицам, перекрытым баррикадами и прикрываемым зенитной батареей. Только совместными действиями мотострелков и танкистов удалось преодолеть эти препятствия. Командир бригады полковник Курист отмечал: *«...зенитная артиллерия играла большую роль в противотанковой обороне противника. От зениток мы несли не меньше потерь, чем от фаустпатронов»*.

Курист очень сожалел, что *«здесь наши воины столкнулись с трудностями, не возникавшими прежде в боях за крупные населенные пункты»*. Эти сетования боевого командира на сложность преодоления немецкой обороны не выглядят преувеличенными: *«В системе обороны противник использовал городские подземные коммуникации – сеть метрополитена, бомбоубежища, водосточные коллекторы. Когда автоматчики вбегали в дома, укрывшиеся там немцы уходили тоннелями в другие здания и снова вели огонь по наступавшим подразделениям. Система подземных сооружений давала возможность противнику оставлять в нашем тылу авто-*

матчиков, снайперов, фаустников. Те устраивали засады, стреляли по автомашинам, танкам, поражали офицеров, портили связь. Мосты на реках и многочисленных каналах были разрушены или заминированы».

Вот с такой обстановкой столкнулись в городе советские танкисты, которую в полной мере не могут оценить некоторые современные историки. 7-й Гв.ТК, двигаясь на запад и северо-запад, очистил от немцев районы Целендорф и Шлахтензее. Это продвижение далось танкистам ценой больших усилий.

Вернувшись в штаб армии из 51-й Гв.ТБр полковника Якунина командарм Рыбалко поделился с подчиненными впечатлениями. Вот что его удивило: *«Еще не осела пыль от разорвавшейся в подвале гранаты, как оттуда начали выскакивать юнцы в пиджаках, но в серо-зеленых штанах и кованых ботинках. Это не успевшие полностью переодеться «вояки» из гитлерюгенда. Икают и плачут, просят пощады, а ведь только стреляли в спину нашим воинам. Куда девалась их фанатичная преданность фюреру, когда дело дошло до сохранения собственной шкуры...»* Павел Семенович видел и других защитников Берлина: *«...вижу, как из подвала вылезают полицейские. Голубые шинели новенькие, отлично сшитые. Козыряют и торопятся сообщить фамилии своего начальства. Сами они, мол, ни при чем – выполняют приказ...»*

Рыбалко забывал подчеркнуть, что увиденные им вояки полезли изо всех щелей не сами по себе, а в результате удачных действий его танкистов и мотострелков.

55-я Гв.ТБр в этих боях встретилась с большими трудностями. Вот что говорил командир бригады полковник Драгунский: *«Странные это были бои. Дело приходилось иметь с непонятной обороной и невидимым противником, который то внезапно появлялся, то неведомо как скрывался от нас. Траншеи, отдельные окопы, перепаханные улицы, наспех смонтированные доты в подвалах особняков, огневые точки на чердаках, вкопанные на перекрестках улиц танки, укрытые в домах зенитные орудия. Целый день отдельными группами, взводами и ротами мы очищали от немцев это густонаселенное предместье Берлина».* Бригада захватила железнодорожную станцию Целендорф, а затем и весь Лихтерфельде.

Из тыловых подразделений Драгунский сформировал большой отряд прикрытия под командованием начальника тыла майора И.М. Леонова, который наводил порядок в тылах.

Командир 7-го корпуса генерал Новиков требовал от Драгунского захватить Целендорф, который он считал *«ключом к юго-западной части Берлина»*. Из него шли дороги к автостраде, через него проходила железнодорожная магистраль Берлин – Потсдам. Драгунский понимал, что, овладев этим районом, советские войска *«наглухо запирали выход немецкой группировки на запад»*. Время показало, что это было не совсем верно.

Важным фактором было то, что отсюда открывался кратчайший путь в западные районы Берлина – в Шарлоттенбург, на стадион «Олимпия», в Рулебен, где можно было соединиться с войсками 1-го БФ и замкнуть внутреннее кольцо окружения. Захватить его было приказано к ночи 25 апреля. Комкор посоветовал комбригу *«не ввязываться в уличные бои»*. Когда впереди лежало озеро Шлахтензее, а справа и слева находились рощи, сады, множество вилл, усадеб и даже дворцов, выполнить подобный совет было довольно сложно. Правда, в качестве поддержки танкистам выделили целую артбригаду.

На подходе к Целендорфу передовой отряд бригады, с которым двигался и полковник Драгунский под прикрытием восьми «доджей» с зенитными пулеметами ДШК, подвергся внезапному обстрелу. Удар противника был ошеломляющий, но советские солдаты быстро опомнились и завязали бой. Вот что писал потом Драгунский: *«Танкисты развертывали башни танков в сторону домов и осколочно-фугасными снарядами вдребезги разносили верхние этажи. Вездесущие зенитчики посылали огненные трассы в окна и чердаки. Не отставали и минометчики. В очередной бой втянулись автоматчики, которые группами рассыпались по улицам, домам... Кругом все гремело от неистовой стрельбы, взрывов, трескотни пулеметов. Где противник, какие у него силы, что за оборона – понять было трудно»*.

Немного разобравшись в обстановке, полковник подключил к бою два артдивизиона, которые начали обстрел улиц. Через некоторое время к ним присоединилась и минометная бригада. Бой принял организованный характер: рота мотострелков и батальон танкистов обошли Целендорф с севера, подошел и дивизион «катюш», с помощью которого удалось отбить контратаку. К 12.00 сопротивление немцев ослабело: уже не чувствовалось четкого руководства и прекратился тот бешеный огонь, который поначалу встретил советских воинов. Постепенно бой стих.

В Целендорф подтянулся штаб и тылы бригады, которым самим приходилось заботиться о своей безопасности. Тогда в бой бросались вооруженные шофера, кладовщики, ремонтники и другие специалисты-хозяйственники. Теперь можно было и немного отдохнуть. Драгунский разрешил тыловикам до ночи никуда не двигаться, привести подразделения в порядок и готовиться к дальнейшим боям.

Боевым частям не повезло, уже через час бригада возобновила наступление. В пробитую 55-й бригадой брешь в немецкой обороне двинулись и другие корпусные части. На усиление к Драгунскому прибыли две роты из 23-й МСБр, что в условиях хронической нехватки пехоты оказалось для танкистов манной небесной. Затем подтянулись и две артбригады.

55-й Гв.ТБр предстояло двинуться к железной дороге и автостраде, соединявшим Берлин и Потсдам. Задача перед ней стояла сложная. Как признавал полковник Драгунский: *«Танкисты были плохо подготовлены к штурмовым и осадным действиям в крупных городах, в условиях жесткой и специфической обороны»*. А сейчас им предстояло шаг за шагом очищать каждый дом и каждую улицу. *«Таков был сейчас единственный путь к победе»*, – считал Драгунский. Его бригаде предстояло наступать медленно, методично взламывая каждый узел обороны.

По ближайшему поселку, примыкавшему к железной дороге, по горе Хафельберг, являвшейся сильным опорным пунктом, был произведен 15-минутный огневой налет силами семи артиллерийских и минометных дивизионов. Танкисты прямой наводкой методично и последовательно обрабатывали каждый дом. Зенитчики из всех своих пулеметов ДШК решетили чердаки, что вызывало возникновение пожаров.

К ночи 25 апреля сопротивление немцев в этих районах было подавлено. С большими потерями они отступили к лесному массиву Берлинервальд. Путь на западную окраину Берлина был открыт. Хоть успех наступления был достигнут ценой немалых жертв, командование 7-го корпуса посчитало итоги дня положительными.

На примере боев за Целендорф видно, насколько сложно давалось продвижение советских войск к центру Берлина. Все было не так просто, как кажется некоторым нынешним исследователям. Тем же, кто на своей шкуре проверил сложности пре-

одоления *«слабой немецкой обороны»*, действительность виделась далеко не в радужном свете...

К вечеру 25 апреля танкисты 3-й Гв.ТА Рыбалко, преодолевая ожесточенное сопротивление немцев, продвинулись на 3–4 км в глубь Берлина, очищая от противника пригороды. Тут на выручку немцам «поспешила» авиация 1-го БФ, бомбардировщики которой по ошибке пробомбили с большой высоты боевые порядки армии. В результате были убиты и ранены до 100 человек, разбиты 16 автомашин и шесть орудий.

Маршал Конев в мемуарах говорил лишь об ударах советской авиации по частям 3-й Гв.ТА, не указывая на принадлежность самолетов. С земли ведь довольно сложно отличить их маркировку. Конев подчеркивал, что и *«...у Жукова были такие же донесения»*, намекая, что ошибались не только авиаторы 1-го УФ. Конечно, Конев признавал, что в городе *«очень сложно ориентировать точные удары авиации... все в развалинах, все окутано пламенем, дымом, пылью»*. Трудно не согласиться, что *«сверху вообще трудно разобрать, где что»*. Конечно, в Берлине, в конце войны такие «оплошности» авиаторов воспринимались очень остро.

Кроме танкистов, в южной части города сражались и части 128-го СК 28-й армии – три стрелковые дивизии. Танкисты 4-й Гв.ТА Лелюшенко продолжали вести бои за переправы через реку Хафель, юго-восточнее Потсдама.

В ночь на 25 апреля генерал Вейдлинг приказал реорганизовать систему оборонительных секторов Берлина. Части 56-го ТК и гарнизона города были распределены между девятью секторами:

– сектора «А» и «В» (восточные районы города) обороняла ТД «Мюнхенберг» генерал-майора Муммерта;

– сектор «С» (Нейкельн) – 11-я МД СС «Нордланд» генерал-майора СС Циглера;

– сектор «D» (Темпельхоф и Штеглитц) – группа войск генерал-майора Шредера;

– сектор «Е» (юго-восточные районы) – 20-я МД генерал-майора Шольце;

– сектор «F» (Шпандау и Шарлоттенбург) – сводные отряды подполковника Эдера, подразделения гитлерюгенда и фолькс-штурма;

– сектор «G» и «H» (северные районы) – остатки 9-й ППД полковника Херрмана и сводные отряды;

– сектор «Z» (центр города) – боевая группа Монке и сводные подразделения люфтваффе подполковника Зайферта.

Как же в этой обстановке всеобщего хаоса генерал Вейдлинг осуществлял руководство войсками?

Штаб обороны города и узел связи к 25 апреля был перенесен в здание бывшего военного министерства в правительственном квартале на Бендлерштрассе. Вейдлинг жаловался потом, что поскольку оперативные штабы «Норд» и «Зюйд» при своем перемещении забрали из Берлина все радиостанции, то ему пришлось использовать радиостанцию войск СС, которая использовалась для связи со ставкой Гиммлера.

Наличие широко разветвленной сети подземной кабельной телефонной связи облегчало немецкому командованию управление войсками даже в условиях напряженных боев в городе, когда значительная часть средств связи была выведена из строя. Хью Томас тоже писал о том, что даже связь между командирами отдельных немецких подразделений в Берлине осуществлялась только по городскому телефону. Нам остается только подивиться надежности работы берлинской ГТС в таких тяжелых условиях.

Немецкие офицеры зачастую просто брали телефонный справочник и звонили берлинцам, а услужливые обыватели информировали их о том, есть ли русские в их квартале.

Начальник гаража рейхсканцелярии штурмбаннфюрер Кемпка со своей стороны, описывая оборону города и не называя конкретных дат, говорил потом, что телефонные линии были в большинстве перебиты. Так что случалось, что бункер фюрера по нескольку часов оказывался полностью отрезанным от своих войск. Конечно, немецкие связисты пытались восстановить самые необходимые линии связи. Кроме того, туда постоянно прибывали и убывали ординарцы с приказами и донесениями. Вот такими допотопными способами пыталось немецкое командование организовать некое подобие управления своими истекающими кровью войсками.

Через несколько часов после реорганизации системы обороны Берлина в расстановку командных кадров вмешался сам доктор Геббельс. Он настоял на том, чтобы сектора «А» и «В» были переданы под командование подполковника Беренфен-

гера. Это был опытный боевой офицер. В январе 1943 г. Беренфенгера, командовавшего тогда батальоном 123-го ПП, за успехи в боях повысили в звании до майора и наградили Рыцарским крестом.

По свидетельству Гюнше, в 01.30 по вызову Геббельса в бункер прибыл комендант одного из секторов Беренфенгер, который был принят Гитлером. Офицер явился прямо из боя, его одежда была испачкана маслом и грязью, лицо его было закопчено и заросло щетиной. Он доложил фюреру об ожесточенных боях на улицах Берлина, а также в подвалах и тоннелях метро, где, по его словам, *«разыгрывались страшные сцены, так как гражданское население пряталось большей частью в метро»*. Подобное сообщение совершенно не тронуло Гитлера. Его интересовало другое.

Фюрера интересовал вопрос, используют ли немцы в тоннелях метро некий «гремучий газ», который раньше использовался против польских повстанцев в Варшаве, укрывавшихся в канализационной системе города. Реально там эсэсовцы применяли огнеметы и дымовые свечи, а также распыляли дезинфицирующее средство креозот, которое при высокой концентрации вызывало удушье.

Хотя «гремучего газа» у Беренфенгера не оказалось, он произвел хорошее впечатление на Гитлера и был произведен им сразу в генерал-майоры, минуя звание полковника. Он стал самым молодым по возрасту генералом вермахта.

Командование сектором «D» позднее принял генерал-майор Муммерт. Кадровые перестановки закончились отстранением от должности генерал-майора СС Циглера, который был даже арестован. Командование 11-й ТД СС «Нордланд» принял генерал-майор СС Крукенберг.

Смещение Циглера было обусловлено его конфликтом с Вейдлингом. Циглер со своей дивизией всячески хотел покинуть Берлин, для чего отправил в западные районы города ряд боевых и тыловых частей дивизии, прежде всего батальон связи. Вейдлинг вынужден был выполнить приказ Гитлера об обороне столицы рейха. После беседы утром 25 апреля, на которой каждый остался при своем мнении, Вейдлинг пришел к выводу о необходимости смещения Циглера, который мотивировал свое нежелание драться в Берлине различными причинами. Циглер был

помещен под домашний арест в здании рейхсканцелярии. Его «дело» в создавшихся обстоятельствах не рассматривалось, а сам он погиб при прорыве из бункера 2 мая 1945 г.

При передаче командования Циглер пытался убедить Крукенберга, что *«оборона Берлина – непосильная задача»*. Он сообщил своему сменщику, что оба мотополка дивизии *«представляют собой всего лишь два ослабленных батальона»*.

Приняв дела, новый командир дивизии Крукенберг пешком (!) отправился осматривать позиции войск и встретиться с командирами участков. Он увидел, что русских сдерживали остатки полков «Данмарк» и «Норге», подразделения танкового полка и разведбатальона дивизии. В этом же районе, на Херманнплатц, сражался французский батальон из дивизии «Шарлемань» и части фольксштурма, поддерживавшие связь между собою при помощи уличных телефонов-автоматов. Ошарашенный увиденным, Крукенберг попросил у Вейдлинга время на реорганизацию немногих уцелевших подразделений дивизии «Нордланд», которое ему было предоставлено.

В районе Штеглитца и Темпельхофа еще сопротивлялись наступавшим русским остатки ТД «Мюнхенберг», в которой оставалось всего около десяти боеспособных танков. В линии обороны немцев периодически возникали бреши, которые с большим трудом затыкались усилиями различных сводных групп.

Тяжелые бои шли 25 апреля уже в городской черте: в районе Шпандау (с утра), в районе Западной гавани, в восточной части Берлина в районе Фридрихсхайна и в Целендорфе.

К этому времени, по явно завышенным оценкам советских историков, войскам 1-го БФ и 1-го УФ в Берлине продолжала противостоять довольно-таки многочисленная группировка немецких войск численностью до 200 тысяч человек, в которой пока не наблюдалось явных признаков разложения. Она состояла из остатков шести дивизий 9-й армии: ТД «Мюнхенберг», 9-й ППД, 11-й МД СС «Нордланд» и МД СС «Нидерланд», 20-й и 18-й МД, охранной бригады СС, бригады штурмовых орудий, трех танкоистребительных бригад, зенитной дивизии, остатков еще двух зенитных дивизий, многочисленных артиллерийских частей, батальонов фольксштурма и так далее, которые каждый день боев пополнялись за счет населения.

Гражданское население Берлина использовалось на оборонительных работах, а также в качестве подносчиков боеприпасов, санитаров и разведчиков.

Коневу цифра в 200 тысяч участников обороны Берлина представлялась явно заниженной. Но он, правда, тут же ядовито ссылается, что это, мол, данные разведки 1-го БФ, намекая на их недостоверность. Даже и тут маршал не мог удержаться, чтобы не подколоть своего визави с 1-го БФ.

Следует отметить еще одно явление, характерное для последних дней войны. Часть солдат и офицеров вермахта, стремясь избежать плена, наивно переодевались в гражданскую одежду и смешивались с гражданским населением Берлина. Они, видимо, не понимали, что молодой человек в штатском вызовет подозрение и у эсэсовцев, а также у русских солдат из войск охраны тыла, которые после окончания боевых действий профильтровывали весь этот контингент. Переодевание в гражданскую одежду могло спасти только от смерти в зоне боев от руки русских солдат, не привыкших стрелять в гражданских лиц.

Чем же можно было объяснить упорное сопротивление немцев в совершенно безнадежной ситуации?

Многие из участников Берлинской операции отмечали, что на путях отступления немцев зачастую столбы и деревья были увешаны трупами немецких солдат, казненных якобы за трусость в бою, за самовольный отход и тому подобное. Но русским солдатам и офицерам казалось, что немцы дрались в этой обстановке очень упорно. Видимо, приказывая вешать собственных солдат, нацистская верхушка пыталась просто запугать свои войска, не привыкшие к таким крутым мерам воздействия. Скорее всего все это было уже бесполезно, так как на отчаявшихся, загнанных в тупик немцев даже подобные чудовищные меры не могли произвести желаемого впечатления.

Повышенное внимание с советской стороны к этим драконовским мерам вполне объяснимо. Для воинов Красной Армии повешенные солдаты противника были тоже как-то внове. К расстрелянным после приговора трибунала многие просто привыкли, заградотряды лета 42-го года к весне 45-го уже мало кто помнил, а повешенных за военные преступления немцев и изменников Родины мало кто видел, поскольку подобные казни совершались в тылу сражавшихся войск.

Ночь на 26 апреля еще более осложнила взаимоотношения между командующими фронтами, сражавшимися в Берлине. По утверждению Хью Томаса, почти до утра продолжался обстрел частей 8-й Гв.А артиллеристами 1-го УФ. Разобрались в этом прискорбном эпизоде не сразу. «Разборки» со взаимными обвинениями продолжались почти весь день 26 апреля, в результате чего расстроенный произошедшим командующий 1-м УФ даже уехал из Берлина. Томас считал, что именно в результате этого инцидента ставка установила новую разгранлинию между войсками фронтов.

Маршал Конев, не упоминая о взаимных обстрелах, подтвердил факт обращения в ставку и указал, что к вечеру 25 апреля была установлена новая разгранлиния Миттенвальде – Темпельхоф – Потсдамский вокзал (включительно для 1-го УФ). Создается впечатление, что командование 1-го БФ не очень точно следовало указаниям ставки: ведь аэродром Темпельхоф был захвачен все-таки частями 1-го БФ! Видимо, тут сказывались и объективные причины: управлять сблизившимися войсками разных фронтов в условиях ведения боев в тесноте городских кварталов, затруднявших опознание войск, было очень непросто.

Конев с сожалением говорил, что к моменту установления новой разгранлинии корпус 3-й Гв.ТА и 128-й СК оказались далеко за ее пределами, в полосе 1-го БФ. Предстояло вывести эти части в свой район. Командующий 1-м УФ, подчинившись приказу, много раз подчеркнул, насколько тяжело для его войск это было психологически – отдай соседу то, что взято потом и кровью! Да и технически подобную передислокацию было выполнить непросто.

С установлением новой разгранлинии между фронтами был связан конфликт командующего 1-м БФ маршла Жукова с командующим 1-й Гв.ТА генералом Катуковым, о котором после войны, в начале 70-х гг., последний поведал военному журналисту Прокофьеву. Танкист вспоминал, что еще перед самым началом боев за Берлин Жуков позвонил своему командарму и, не здороваясь, поинтересовался наличием связи с Коневым. Узнав, что связь имеется, дал указание Катукову: *«...ты позвони ему* (Коневу) *и скажи, чтобы в городскую черту Берлина не лез»*.

Катуков, получив подобное указание, понимал, что может сказать Конев в ответ командующему армией другого фронта,

который дает ему указания не входить в Берлин. Поэтому он вполне резонно возразил Жукову, что вести подобные переговоры ему не по чину и что только сам маршал может сказать Коневу о разграничении действий войск двух фронтов. Услышав подобный ответ от подчиненного, Жуков взъярился и сорвал на нем свое зло: *«Ну, Катуков! Ты этот разговор еще долго вспоминать будешь! Я его никогда не забуду!»* И не забыл...

Командующий 1-й Гв.ТА Катуков натерпелся от Жукова и характеризовал своего командующего не очень лицеприятно. Вот что сказал танковый генерал в беседе с вышеупомянутым военным журналистом Прокофьевым: *«Трения с Жуковым были у всех, кто ему подчинялся. Он никогда ничье мнение всерьез не воспринимал, даже на военных советах. Чужих доводов слушать не любил, всех ломал через колено. Немало разумных предложений отбросил и растоптал лишь потому, что их высказали другие»*. Забегая далеко вперед, надо заметить, что сразу после войны Катуков не получил заслуженное звание маршала бронетанковых войск. Это звание ему присвоили только в 1959 г., когда Жуков был уже не у дел.

Очень резко оценивал маршала Жукова и его заместитель на 1-м БФ генерал армии Соколовский. В доверительной беседе он огорошил того же Прокофьева следующим высказыванием: *«Кто-то меня не поймет, может, осудит, но у Жукова человеческих качеств не было. О военных могу рассказывать сколько угодно»*. Генерал пояснил изумленному журналисту: *«Он* (Жуков) *не был способен на дружбу, на сочувствие, на сопереживание. Он с людьми выстраивал отношения только по вертикали»*.

Под вертикалью Соколовский понимал линию подчиненности: *«Наверху был Сталин, которому Жуков подчинялся строго и безусловно. Все, кто стоял ниже Жукова, должны были подчиняться ему. Он органически не переносил равенства и не терпел тех, кто оказывался на одном с ним уровне. Даже к людям, очень близким к Сталину, он относился свысока, подчеркивая, что в военном деле они ничего не смыслят и лезть в него им незачем»*.

Генерал подчеркнул, что *«Жуков был искренне убежден, что ему позволено решать судьбы людей и любая несправедливость всегда будет списана»*. Фраза: *«Не выполнишь – расстреляю!»* – звучала из уст маршала регулярно. Оскорбить офицера или генерала было для него лучшим средством отвести душу. Беседуя с

кем-то из крупных военных, он мог вдруг выдать: *«Генерал, как стоишь?!»* Замечание высказывалось потому, что генерал просто переставал тянуться перед маршалом, как новобранец перед фельдфебелем. Соколовский также поведал журналисту о том, что: *«Ежедневное общение с Жуковым влекло за собой постоянные стрессы, сердечные приступы, экзему. Ему нравилось, когда его боялись. Любую попытку подчиненного сохранить достоинство в разговоре с ним он считал личным вызовом...»*

Но пора уже вернуться в весенний Берлин.

Пока командующие фронтами Жуков и Конев препирались из-за разграничительной линии, войска в Берлине продолжали вести тяжелые бои с упорным противником. В ночь на 25 апреля 25-я СД 3-й УА была повернута на юго-восток, в направлении Штеттинского вокзала, прикрывавшего подходы к рейхстагу с севера. Боевые действия после перегруппировки начались только утром. При обстреле из зданий артиллерия и танки тут же открывали огонь по окнам, откуда велась стрельба.

Даже восстановление оборванной проводной связи на улицах города было затруднено. Обычно место обрыва держали под обстрелом немецкие автоматчики и снайперы. Связистам приходилось работать только под прикрытием, а на устранение повреждений выходить группами по два-три человека.

Тыловикам тоже было несладко. Тылы дивизий и других частей не были таковыми в прямом смысле этого слова. По ним тоже вели огонь снайперы, им часто приходилось вступать в бой с группами противника, передвигавшимися через проходные дворы, линии метро и подземные коммуникации. Ночами через простреливаемые со всех сторон улицы, через проходы в разрушенных баррикадах шли на передовую машины и повозки с боеприпасами и продовольствием, а оттуда везли в медсанбат раненых.

При размещении огневых позиций в центре города советские артиллеристы сталкивались с определенными трудностями. Места для позиций приходилось выбирать в скверах, парках, иногда на площадях и перекрестках улиц. Требовалось чтобы гребень укрытия позволял вести огонь по цели. Нужно было тщательно выбирать пути перемещения огневых позиций, так как улицы были загромождены обломками зданий, перекрыты баррикадами, за которыми скрывались фаустники и пулеметчики.

Потому перемещалась артиллерия в основном по ночам, хотя приходилось заниматься этим и в дневное время.

Были и другие сложности. Начальник разведки 2-го дивизиона 771-го АП 248-й СД старший лейтенант Жилкин потом отмечал, что *«карт Большого Берлина у нас оказалось мало, на всех офицеров не хватало»*.

К 11.00 25 апреля части 207-й СД 3-й УА очистили жилой район Плетцензее, захватили стадион «Олимпия» и вышли к так называемой гавани, более похожей на канал, – в трехстах метрах от очередного колена Шпрее. Все эти достижения дались дивизии нелегко. Вот что по этому поводу говорил майор Бессараб: *«Противник упорно сопротивлялся. Используя преимущества обороны, он наносил нашим частям большой урон в технике и живой силе»*. Это мнение опытного фронтовика кардинально расходится с мнением тех, кто по непонятным причинам считал оборону немцев в Берлине слабой.

Не обошлось и без контратак. Дадим опять слово Бессарабу: *«Контратака немцев была в какой-то степени внезапной. Их самоходки открыли огонь вдоль улиц, которые мы пересекали. Немецкие артиллеристы били по стенам домов, обсыпая нас тысячами мелких кирпичных осколков и известковой пылью. Падали каменные глыбы, целые балконы с металлической арматурой, листы железа, бревна, фырчали раскаленные осколки, зло повизгивали пули»*. Отбить эту контратаку на позиции 594-го СП, производившуюся в середине дня 25 апреля силами двух батальонов при поддержке самоходок, удалось лишь после двухчасового боя, когда на помощь пехоте подоспели танки. Немцы понесли большие потери в технике, а около 250 человек были взяты в плен.

В полдень 25 апреля 301-я и 230-я СД после ожесточенного боя прорвали оборону на городском обводе и повели наступление вдоль Ландвер-канала к центру Берлина. Вот что смог в тот день увидеть генерал-майор Антонов со своего КП: *«...удивленно смотрим вперед и друг на друга. Ищем глазами, где наши батальоны? Где дивизия? Никого нет и ничего не видно, кроме многоэтажных каменных зданий. Все скрылось в городских кварталах»*. Понятно, что в подобных условиях управление боевыми частями было сильно затруднено.

Только после этого командованию 301-й СД стало понятно, что пора переходить к действиям штурмовыми группами. Об

этом состоялся разговор с командирами полков, которым напомнили о тактических учениях, проведенных перед началом наступления. Тогда-то все было хорошо, а как будет теперь в бою? Последующие бои быстро дали ответ на этот явно запоздалый вопрос...

4-я Гв.ТА стремительно шла на соединение с войсками 1-го БФ, стремясь замкнуть кольцо окружения Берлина. Для выполнения этой задачи командующий армией генерал Лелюшенко выделил 6-й Гв.МК полковника В.И. Корецкого. В качестве передового отряда корпуса шла 65-я Гв.МехБр полковника П.Н. Туркина. Бригада преодолела шесть водных преград, несколько полос минных заграждений, различные противотанковые препятствия (эскарпы, контрэскарпы, рвы). По пути танкисты разгромили девять немецких сводных частей и отрядов, прикрывавших заграждения и переправы юго-западнее и западнее Берлина.

По утверждению генерала Лелюшенко, во время этих боев *«...в наши руки попал мощный узел радиосвязи высшего командования – более 300 различных радиоаппаратов новейшего типа. С их помощью немецкое командование поддерживало связь с войсками на всех ТВД»*.

В ночь на 25 апреля – около полуночи – бригада Туркина овладела г. Кетцин, в 22 км западнее Берлина. Там она соединилась с 1103-м СП 328-й СД из 77-го СК генерал-лейтенанта В.Г. Позняка и с 65-й Гв.ТБр 9-го Гв.ТК из 2-й Гв.ТА. Вскоре к тому месту подошли и главные силы 6-го Гв.МК. Наконец-то стало реальностью окружение столицы Третьего рейха! Конечно, быстро создать крепкое сплошное внутреннее кольцо окружения было просто невозможно, но факт соединения войск двух фронтов западнее Берлина был знаменательный.

Успех действий 65-й Гв.МехБр во многом обусловили четкие действия 22-го отдельного гвардейского саперного батальона майора Е.И. Пивоварова. Саперы под огнем быстро разминировали пути движения, наводили паромные и мостовые переправы и устраняли заграждения, мешавшие движению.

Правда, обстановка в месте соединения была еще далеко не ясной. Так, утром 25 апреля к вышеописанному передовому

отряду 76-й СД 125-го СК подошел передовой отряд 4-й Гв.ТА. После этого танкисты быстро отбыли на запад для соединения с главными силами армии. Вскоре подошли и главные силы 76-й СД, которыми командовал замкомдива полковник А.Т. Голубев. В обычной обстановке, когда командование Героев не обещало, все было наоборот: передовыми отрядами командовали замы, а главными силами – комдивы.

Только к вечеру 25 апреля в дивизии было получено сообщение о том, что войска 1-го БФ и 1-го УФ соединились в районе Кетцина. После этого войска 47-й армии были повернуты в сторону Берлина: части 125-го СК пытались блокировать пути отхода немцев на запад, а части 129-го СК вели бои в районе Шпандау. Части 76-й дивизии тоже время зря не теряли и после кратковременных боев захватили населенные пункты Рорбек и Деберитц, где располагался немецкий полигон.

Поздно ночью 25 апреля из штаба корпуса поступил приказ о прекращении преследования. Теперь 76-й СД было приказано наступать в юго-западном направлении, где оборонялись отдельные группы немцев: батальон охраны министерства авиации, 2-й парашютный батальон, охранный батальон «Берлин» и части фольксштурма. Немцы сопротивлялись очень упорно. Только после сильного огневого воздействия и решительной атаки части дивизии овладели населенными пунктами Зеебург, Пихельсдорф и Гатов.

Правый фланг 47-й армии прикрывал 7-й Гв.КК, который вел наступление на Ратенов. Железная дорога Ратенов – Берлин была перехвачена еще раньше.

Кейтель докладывал по телефону Гитлеру 25 апреля о создавшейся обстановке, которая была для немцев просто-таки удручающей. Видимо, только во второй половине этого дня в бункере оценили обстановку и осознали случившееся.

В ночь на 25 апреля рейхсканцелярия подверглась сильному артобстрелу. Видимо, отчасти из-за этого в бункере уже настолько утратили ощущение реальности, что Гитлер на оперативном совещании заявил: *«Нам кажется, что в Берлине дела идут хуже, чем на самом деле. В Берлине надо пополнять личный состав в большей мере. Находящиеся в городе дивизии должны пополняться из населения всеми возможными способами. Надо создать команды по набору личного состава, чтобы выбрать все».*

Далее Гитлер вещал вообще что-то маловразумительное: *«...я рассматриваю возможность исправить историю, только если нахожусь в месте, где можно добиться успеха. Успех возможен только здесь»*. Этот бред был дополнен еще одним высказыванием: *«Если я добьюсь его* (успеха) *или он будет только моральным, он дает по крайней мере возможность сохранить лицо и выиграть время»*. Во то время, когда уже пора было думать о душе, фюрер все еще заботился о своей репутации и продолжал на что-то надеяться...

Во время второго оперативного совещания адмирал Фосс обнадежил фюрера: *«Венк подходит, мой фюрер! Пока неясно лишь, сумеет ли он это сделать в одиночку»*. Гитлер мечтал: *«...со скоростью молнии через весь Берлин пронесется весть —немецкая армия прорвалась на западе и установила контакт с крепостью. Русские вынуждены будут бросать сюда все новые силы, чтобы попытаться удержать свои растянутые позиции. Здесь возникает центр огня огромной силы»*.

Гитлер надеялся, что русские потратили много сил в уличных боях. Он так оценивал потери советских войск: до 50 танков ежедневно, а за 10 дней – 500 или 600 танков. Даже с арифметикой у фюрера что-то было не в порядке...

Он надеялся: *«Сегодня я могу засыпать несколько спокойнее... Мы должны удержать Берлин, затем здесь мы обескровим русских...»* Понятно, что его надежды не сбылись, кроме *«центра огня огромной силы»* над рейхсканцелярией.

После вечернего совещания в бункере в 19.00 была отправлена радиограмма Гитлера Йодлю и Венку: *«Обострение положения в Берлине и окружение столицы рейха делает жизненно необходимым быстрейшее проведение наступления для деблокирования в направлении, оговоренном ранее. Если прорыв выполнить быстро и решительно, не заботясь о флангах и соседях, то удастся восстановить связь 9-й армии с Берлином и при этом уничтожить большие силы противника»*.

25 апреля немецкое командование потребовало, чтобы 9-я армия срочно прорывалась в Берлин. К этому времени положение этой армии, тесно зажатой между двумя советскими фронтами, становилось все более катастрофическим. Однако она еще сохранила боеспособность. В тот день была даже произведена перегруппировка войск и продолжилось прощупывание мест возможного прорыва на соединение с 12-й армией.

Немецкая группировка, окруженная к исходу дня в лесисто-болотистой местности юго-восточнее Берлина, состояла из частей 9-й армии и части сил 4-й ТА – 11-го ТК СС, 5-го ГСК СС и 5-го АК. Она включала остатки одиннадцати пехотных дивизий, в том числе 30-й, 32-й и 35-й ПД СС, 25-й МД СС «Нидерланд» и МД «Курмарк», а также 21-й ТД. Кроме них, в ее состав входили также до пятнадцати отдельных полков, четыре бригады, 71 отдельный батальон и другие части.

По оценкам советских военных историков, в составе группировки насчитывалось около 200 тысяч человек, около 2000 орудий и минометов, более 300 танков и штурмовых орудий. Видимо, эти цифры несколько завышены. После потерь в предыдущих боях такими силами немцы уже не располагали. Советские войска, окружавшие эту группировку – 3-я, 69-я и 33-я армии, 3-я Гв.А из 1-го БФ и часть сил 28-й армии 1-го УФ, – превосходили ее по численности, да и техники имели достаточно.

Командование немецкой 9-й армии получило из бункера следующие «ценные указания». Во-первых, прикрывшись с тыла и с флангов, установить связь с 12-й армией. Во-вторых, армии приказывалось удерживать южную часть котла в районе Луккау, чтобы создать ГА «Центр» возможность прорыва туда с юга, то есть восстановить целостность Восточного фронта! И в-третьих, отрезать прорвавшиеся к Берлину части 1-го УФ и освободить столицу рейха. Эти впечатляющие замыслы возникали на базе вполне понятных размышлений, но средства их претворения в жизнь были явно негодными.

Генерал Буссе оценивал ситуацию следующим образом: «*Преодолеть расстояние в 60 километров по прямой линии, чтобы соединиться с 12-й армией... через позиции северного крыла 1-го УФ возможно было только в том случае, если бы этот бросок был осуществлен с предельной скоростью, чтобы противник не успел предпринять ответных мер. Для этого войскам пришлось бы идти день и ночь. К тому же для этого желательно было ослабить действия русской авиации и танков. Широкий лесной массив, тянущийся от Хальбе через Куммерсдорф к северным окраинам Луккенвальде, представлял единственную возможность для этого*».

Буссе в свое время был начштаба у фельдмаршала Манштейна. Это был способный человек, надежный, спокойный в любой ситуации. Он решил игнорировать приказ свыше, кото-

рый предписывал ему соединиться с Венком и идти на Берлин, атакуя советские войска на южных окраинах города. Буссе был хорошо знаком с песчаным лесным районом к югу от Берлина еще с молодости, когда он проходил военную подготовку в этой «песочнице кайзера», и надеялся успешно провести свои войска через нее – лесные массивы южнее Беелитца.

Что же предприняло командование 9-й армии для организации прорыва? Части 5-го ГСК СС и 11-го ТК СС должны были прикрывать отход главных сил армии с севера и юго-востока, а 5-й АК получил приказ наступать на Барут. В авангард, как и во всех прорывах немцев из окружения в 1944–1945 гг., выделялись наиболее боеспособные танковые и моторизованные части. Остальные мероприятия тоже были стандартные. Все боеприпасы, кроме небольшого количества для осуществления прорыва, приказывалось использовать во время артподготовки. Горючее сливалось из поврежденных машин, а орудия, оставшиеся без боеприпасов, намечалось бросить. Все способные носить оружие, включая штаб, формировались в особые группы.

Командованию Красной Армии стало ясно, что будет предпринята попытка прорыва. Поэтому оно приняло соответствующие меры. В район Барута подтянули 3-й Гв.СК из 28-й армии, также в этот район для парирования возможных немецких ударов был выведен 24-й СК 13-й армии.

В 16.00 25 апреля Жуков приказал своим войскам продолжить наступление на окруженную 9-ю армию. Конев в своей директиве командарму 3-й Гв.А также предупреждал о возможности немецкого прорыва, подкрепив армию 25-м ТК.

Казалось бы, что все меры для ликвидации окруженной немецкой группировки командованием 1-го БФ и 1-го УФ были приняты. Но опять, как и в случае ликвидации Корсунь-Шевченковского «котла» зимой 1944 г., не было единого командующего, ответственного за разгром окруженной группировки. В случаях, когда окружающие войска подчинялись двум разным высоким начальникам, сложно было добиться четкой координации и слаженности совместных действий по разгрому окруженных. Понятно, что это уже относится к прерогативам пресловутой ставки. Что из всего этого вышло, мы увидим позднее.

После проведенной немцами перегруппировки войск, занявшей несколько часов, их группа прорыва была срочно перебро-

шена к западному краю «котла». Около 20.00 части 35-й ПолД СС, составляющие южную группу прорыва 5-го АК СС, перешли в наступление в направлении Барута. Далеко продвинуться им не удалось. Авангард, столкнувшись с упорным сопротивлением русских, раскололся на несколько мелких групп, части которых удалось пробиться к шоссе у Штаакова.

Частями северной группы прорыва после тяжелых арьергардных боев в течение 25 апреля в районе Кенигс-Вустерхаузена с трудом удалось оторваться от противника. В ночь на 26 апреля эта группа, в которую входили части 21-й ТД, начала движение на запад и пересекла шоссе Барут – Цоссен.

В радиограмме командования 9-й армии, направленной в штаб ГА «Висла» в 21.45 25 апреля, сообщалось о наступлении превосходящих сил противника, а также о том, что *«в результате продолжающихся ударов авиации противника во всей зоне действий армии имеются крупные потери в личном составе и технике и затруднения с переброской войск»*.

Немецкий историк Тике писал об этих боях: *«Запланированный прорыв с самого начала разбился о глубоко эшелонированную оборону русских вдоль автотрассы между Тойпитцем и Штааковом. Немецкие ударные отряды рассыпались и устремились вслед за остальными отступающими с востока частями, что только ускорило распад 9-й армии и обороны Берлина в целом. В течение дня 25 апреля внутри «котла» еще продолжались ожесточенные бои. Но Хальбе, находившийся... в зоне планировавшегося прорыва, был вновь занят русскими»*.

Севернее Берлина пришли в движение и части пресловутой «группы Штайнера». Утром 25 апреля, когда светило весеннее солнце, а небо было лишь слегка затянуто облаками, части 25-й МД генерал-майора Бурмайстера начали с «ораниенбургского плацдарма» долгожданное наступление на юг, в направлении Шпандау. Наступавшим удалось продвинуться до деревни Герменсдорф, но остальные атаки были отбиты.

Прикрывшись с севера, части 47-й армии и 2-го Гв.ТК рвались от Науэна к Кетцину для соединения с 1-м УФ.

Генерал Хейнрици с утра 25 апреля объезжал войска. К полудню он посетил КП 25-й МД, где его встретили Штайнер и Йодль. Разговор генералов все время вертелся вокруг одной темы – наступления к Берлину. Штайнер ссылался на слабость

сил 25-й МД, в которой могли атаковать только три ударных батальона. Основные силы 3-й ДМП находились еще в пути, так что на них не приходилось пока рассчитывать. Штайнер заявил, что у него есть только *«жалкая разношерстная толпа солдат»*, с которой невозможно продолжать наступление.

Йодль переоценивал боеспособность «группы Штайнера», из-за чего у него разгорелся резкий спор с последним. Хейнрици вмешался в спор и потребовал: *«Штайнер, вы должны наступать во имя вашего фюрера!»* В ответ Штайнер огрызнулся: *«Это ведь и ваш фюрер тоже!»*

Пока генералы спорили, войска советских 61-й и 1-й армий усилили натиск на плацдарм у Герменсдорфа и оттеснили немцев к северу, подчеркнув бессмысленность их усилий. Советские войска также выбили части 5-й ЕгД из Эберсвальде и разгромили неопытную 2-ю ПарБр.

В ночь на 25 апреля последовал приказ Гитлера об объединении штаба оперативного руководства ОКВ и генштаба сухопутных войск ОКХ и переводе этого объединенного штаба в Крампниц, севернее Берлина. Это было, конечно, давно напрашивающееся решение, но принятое с большим опозданием и потому не давшее какого-то положительного результата. К весне 1945 г., по словам историка Типпельскирха, *«отношения между дублирующими друг друга подчиненными Гитлеру высшими органами управления – ОКВ и ОКХ – обострились до чрезвычайности»*.

В это же время был сформирован штаб «Б» во главе с генералом А. Винтером, расположенный в Южной Германии, в Берхтесгадене, – так называемый южный филиал ОКВ. В дневнике ОКВ от 21 апреля 1945 г. отмечалось: *«...работу способна продолжать лишь находящаяся на юге часть штаба оперативного руководства вооруженными силами. Все остальные учреждения верховного командования вооруженными силами работать не в состоянии»*. Наряду с этим создался «штаб обороны Северной Германии» («А») во главе с гросс-адмиралом Деницем. Начальником оперативного управления этого штаба был назначен генерал-лейтенант Кинцель.

Руководство вермахтом было практически децентрализовано. В северном районе его должен был осуществлять фельдмаршал

Кейтель, а под командованием главнокомандующего на Западе фельдмаршала Кессельринга оставались ГА «Юго-Запад», «Юго-Восток» и «Г», а также 19-я армия. Вероятно, генерал-оберст Йодль путем этой децентрализации пытался хоть как-нибудь приспособить систему командования к обстановке всеобщего развала. Хотя, как отмечал американский историк Погью: *«...приказы командования уже не имели ничего общего с реальной обстановкой»*.

В отечественном исследовании «Последний штурм», как всегда, не обошлось без очередного ляпа. Там указывалось, что немецкий генштаб сухопутных войск был эвакуирован в Баварию. Советские военные историки в данном случае просто перепутали ОКХ и штаб «Б», сформированный на базе ряда отделов ОКВ.

25 апреля 1945 г. в дневнике ОКВ отмечалось: *«В течение всего дня внимание всех приковано целиком и полностью к развитию событий в районе Берлина. Для главного командования все задачи отходят теперь на задний план. Главная задача – это оказание помощи и деблокирование войск, находящихся в столице»*. И далее о Гитлере: *«...фюрер, очевидно, пришел в себя после потрясений 22 апреля. Он считает, что борьба за Берлин не проиграна»*. Остается только гадать, откуда взялся столь безудержный оптимизм в оценке происходивших тогда событий.

Немецкое командование пыталось принять контрмеры. Еще в ночь на 25 апреля последовала директива ОКВ за подписью Йодля немецким войскам, в которой приказывалось *«бросить все имеющиеся силы против большевизма»*. Звучит это воззвание совсем уж глобально-патетически. Войскам рекомендовалось при этом *«не обращать внимания на то, что англо-американские войска могут овладеть значительными территориями»*. Только с отчаяния можно издавать такие неконкретные директивы, но тем не менее с четкой политической направленностью – *«главная опасность – с Востока!»*.

Утром 25 апреля три пехотные дивизии 12-й армии – «Саксония», «Шарнхорст» и «Теодор Кернер» – и ПБр «Бург» атаковали позиции 5-го Гв.МК на фронте Беелитц – Бухгольц – Тройенбритцен. Главный удар немцы наносили по левому флангу корпуса – 10-й Гв.МехБр – силами ПД «Теодор Кернер», ПБр «Бург» и 243-й БрШО.

На фронте Беелитц – Бухгольц, где оборонялись 12-я и 11-я Гв.МехБр, немецкие атаки были успешно отражены. Большую помощь танкистам оказали летчики 1-го Гв.ШАК генерал-лейтенанта В.Г. Рязанова. Штурмовики этого корпуса, атаковавшие с бреющего полета, наносили большие потери бронетехнике противника, применяя мелкие противотанковые авиабомбы.

Дивизия «Шарнхорст» 25 апреля подошла к Беелитцу. Ее солдаты не имели понятия, что ждет их впереди, так как путь пролегал через густой смешанный лес. Один из комбатов вспоминал, что *«вся операция весьма походила на армейскую разведку»*. Забегая вперед, надо сказать, что бои за этот городок шли несколько дней. Комбат дивизии «Теодор Кернер» вспоминал: *«Это было отчаянное сражение, и пленных никто не брал»*. Молодые немецкие солдаты, которых жители Беелитца называли киндер-солдатами, постепенно избавились от танкобоязни и даже начали подбивать из фаустпатронов танки ИС-2.

В районе Тройенбритцена немцы после неудачных атак изменили тактику и попытались обойти город с юго-востока, чтобы совершить прорыв на Ютербог и Луккенвальде, продолжая при этом фронтальные атаки для отвлечения внимания советских войск. Силами до полка с танками им удалось прорваться южнее Тройенбритцена, развить наступление в направлении на Луккенвальде. На участке создалось опасное положение, которое могло привести к образованию коридора для прорыва 9-й армии.

Часть подразделений развернулись для удара по Тройенбритцену с юга. Немцам также удалось продвинуться на несколько километров по шоссе в сторону Ютербога. В результате 10-й Гв.МехБр пришлось сражаться в полуокружении.

Активное противодействие наступающему противнику оказали артиллеристы корпуса под командованием начальника артиллерии полковника Н.П. Дякина. Восточнее Тройенбритцена оборонялись 285-й МинП и 104-й Гв.ЛСАП. У минометов оставили необходимый минимум людей – тех, кто был нужен для ведения огня. Весь остальной состав частей во главе с замполитом майором М.Ф. Горошко, вооруженный винтовками, автоматами и гранатами, занял оборону и при поддержке самоходчиков отбивал яростные немецкие атаки.

В этот момент в 20 км к юго-востоку от Тройенбритцена находились главные части 147-й СД 13-й армии, которая выдвигалась

для занятия рубежа Бухгольц – Тройенбритцен – Кропштедт. После получения информации о тяжелом положении 5-го корпуса командир дивизии полковник Г.С. Дудник немедленно выслал на помощь танкистам 15-й СП полковника Х.К. Хамидова. Полк должен был во взаимодействии с 104-м Гв.ЛСАП атаковать и отбросить противника, обошедшего Тройенбритцен, а затем совместно с 10-й бригадой организовать прочную оборону города.

Пока 15-й СП выдвигался на рубеж атаки, а гаубичный полк и дивизион реактивных минометов 147-й СД занимали огневые позиции, немцы предприняли еще одну атаку вдоль шоссе Тройенбритцен – Ютербог, которая была отражена. В этом бою были убиты командующий артиллерией 5-го корпуса полковник Дякин, помощник начальника штаба артиллерии майор С.Г. Крутских и вышеупомянутый замполит майор Горошко.

В 14.00 после короткого огневого налета, произведенного артиллерией 5-го корпуса и 147-й СД, 15-й СП перешел в атаку. Немцы поначалу оказывали серьезное сопротивление. Из кюветов шоссейной дороги, придорожных кустов они вели интенсивный огонь из автоматов, пулеметов и фаустпатронов. Вскоре, не выдержав флангового удара, они начали отход. К 15.00 15-й СП вышел на южную окраину города и соединился с 10-й МехБр. Угроза ее окружения была устранена.

Вскоре к месту боев подошли и главные силы 147-й СД. Все последующие атаки частей 12-й армии на этом участке были отбиты 5-м Гв.МК и 147-й СД 102-го СК из 13-й армии. Конечно, выход 147-й дивизии на рубеж Бухгольц – Кропштедт значительно укрепил положение на левом фланге 5-го Гв.МК и позволил высвободить часть его сил для отражения немецких ударов на других участках.

Немецкое наступление, более похожее на судорожные потуги, развивалось с большим прудом. В дневнике ОКВ за 25 апреля записано: *«Намечавшееся первоначально сосредоточение всех сил 12-й армии для наступления на Берлин оказывается невозможным вследствие развития обстановки. 20-й корпус Коллера на протяжении всего дня отбивает танковые атаки противника. Город Потсдам полностью окружен».*

Кроме того, 39-й и 41-й ТК немецкой 12-й армии пытались атаковать части 1-й ПА севернее Берлина – из района Ратенов

на Науэн. Советская авиация на этом направлении действовала весьма эффективно. Штурмовики Ил-2 из 1-го Гв.ШАК генерал-лейтенанта Рязанова, лучшего, по словам Конева, командира штурмовой авиации времен Великой Отечественной войны, с малых высот беспощадно забрасывали атакующие немецкие танки мелкими противотанковыми бомбами. Конев в мемуарах довольно злорадно отмечал, что *«теперь вражеские танковые части испытали то, что когда-то в 41-м и в 42-м испытывали наши танкисты, когда им не давала жить немецкая авиация»*. Наконец-то маятник качнулся в обратную сторону, как проникновенно обещал Сталин в 1941 г. – *«будет и на нашей улице праздник!»*.

Командующий 1-м УФ считал что *«для Венка этот день стал днем психологического перелома»*. Он, конечно, пытался продолжать выполнение полученного приказа, но, как утверждал Конев, *«по его действиям чувствовалось, что крупной реальной цели за всем этим уже не стоит»*. Похоже, немцы продолжали атаковать как-то по инерции, просто для отвода глаз. Тем более что в район Барута был переброшен и 3-й Гв.СК.

Конев считал, вероятно, несколько опережая события, что *«все попытки противника деблокировать Берлин, разрезать 1-й УФ пополам и отсечь его ударную группировку к 25 апреля явно потерпели крах»*. Ведь упорные бои с 12-й немецкой армией продолжались и позднее, да и 9-я немецкая армия, как будет показано ниже, была еще не сломлена. Действия последней должны были быть скоординированы с операциями 12-й армии, командованию которой были также направлены соответствующие указания. Готовилась своеобразная ловушка для советских войск, осуществлявших окружение Берлина с юга на запад.

Венку предписывалось не обращать внимания на фланги и положение соседей и *«твердо и решительно»* осуществить прорыв. Гитлер требовал, чтобы, во-первых, 12-я армия, наступая к рубежу Беелитц – Ферх, отрезала части 4-й Гв.ТА, наступавшие на Бранденбург, и соединилась с 9-й армией; во-вторых, после соединения обе армии должны были повернуть на север и *«непременно уничтожить соединения противника в южной части Берлина»*.

Вот так в бункере фюрера хотели легко и непринужденно решить сложные оперативные задачи. Как было сказано по

поводу другой битвы и другого властителя: *«И слабым манием руки на русских двинул он полки»*.

Это распоряжение Гитлера, по мнению советских историков, являлось еще одной попыткой спровоцировать раскол антигитлеровской коалиции. Фюрер не знал, что почти все действия союзников на данном этапе были заранее согласованы и скорректированы, так что взаимными столкновениями и не пахло.

Что, собственно говоря, нового было в этих очередных приказах гитлеровской ставки по сравнению с первыми указаниями войскам от 22 апреля? Обстановка к 25 апреля несколько изменилась: произошло соединение советских войск западнее Берлина и окружение столицы рейха было замкнуто. Теперь немцам требовалось уже не только остановить наступающие юго-западнее Берлина русские войска, но и деблокировать свои окруженные группировки южнее его и в самом городе. Немецкое командование не отказывалось еще от мысли прорваться к 9-й армии с южного направления силами ГА «Центр», которая с этой целью нанесла в районе Герлица сильнейший контрудар по частям 52-й армии и 2-й ПА, отбросив их с занимаемых позиций на десятки километров. Особенно досталось полякам, так как их наспех мобилизованные и плохо обученные части, которым еще не хватало боевого опыта, попали под удар хорошо укомплектованных танковых дивизий вермахта.

На эти нюансы распоряжений гитлеровской ставки советские исследователи почему-то совершенно не обратили внимания.

Как мы уже успели убедиться, отдача нереальных и невыполнимых приказов вряд ли является только прерогативой германского командования.

Можно задаться вопросом: а выполнялись ли вообще приказы на войне, не в смысле достижения конечного результата, а в смысле точного следования исполнителя всем пунктам долго и кропотливо подготовляемого документа? Или задачи решались вопреки тексту приказа? Проверка этого предположения, правда, слишком сложна и требует очень больших затрат времени.

Генерал Паттон утверждал, что *«командующий должен помнить, что разработать план, отдать приказ о его выполнении — это всего лишь 5% дела. Остальные 95% — проследить лично и через штаб, чтобы приказ выполнялся»*. Он же предостерегал руководящий состав своей армии: *«Упаси Бог отдавать приказы для*

подстраховки. Такая практика обнаруживает недостаток силы духа, что сразу же становится очевидным...»

Американский генерал высказывал также весьма неординарные для Красной Армии мысли по поводу предоставления инициативы подчиненным при выполнении приказов вышестоящих начальников. Вот, например: *«Никогда не указывайте людям, как выполнять ваши приказы, просто говорите, что они должны сделать, а они удивят вас своей изобретательностью»*. Или вот еще: *«...не дело командующего армией или корпусом ломать голову над тем, как разбить противника в тактическом понимании..., для него главное – точно определить, где нужно это сделать»*.

Трудно не согласиться с вышесказанным, но при одном условии – уровень подготовки исполнителей должен быть соответствующим. Думается, что командиры Красной Армии среднего и низшего звена к концу войны обладали определенным боевым опытом и профессиональной подготовкой, позволяющими им достаточно успешно выполнять обоснованные приказы высших командиров. Но не мешала ли им излишняя детализация, которой страдали отданные приказы? Да и волюнтаризм в руководстве явно не способствовал изданию обоснованных приказов, базирующихся на соответствующем материальном обеспечении для организации боевых действий.

«Фонтан» глобально-истерических распоряжений германского военного руководства еще не иссяк... На фоне строгих приказов командующим 9-й и 12-й армиями в 19.15 25 апреля была отправлена еще и радиограмма за подписью Гитлера, адресованная гросс-адмиралу Деницу. Поскольку время требовало нестандартных решений, то они и последовали в виде послания следующего содержания: *«Битва за Берлин является битвой за судьбу немецкого народа. По отношению к ней все другие задачи и фронты имеют второстепенное значение. Поэтому прошу Вас оказать всяческую поддержку этой борьбе, оставив в стороне, если это нужно, все остальные задачи ВМФ и сдав противнику другие, вверенные Вам опорные пункты. По мере возможности необходимо перебросить войска воздушным путем в город...»*

Как прикажете все это понимать? Что должен был делать Дениц, получив эти маловразумительные указания? Прекратить

операции подводных лодок или прервать эвакуацию морем войск, окруженных в Восточной Пруссии, а также и гражданского населения? А может быть, прекратить поддержку с моря последних немецких анклавов на берегах Балтики? «Верный» Дениц поступил очень здраво. Он оставил в силе все эти задачи ВМФ, не сдал ни одного *«вверенного ему опорного пункта»* и постарался кое-как выполнить только последнее указание фюрера, видимо, как наиболее конкретное.

Ближе к концу дня 25 апреля в бункере рейхсканцелярии пытались подвести некоторые итоги. В 22.00 там состоялось очередное совещание, на котором, по словам генерала Вейдлинга, присутствовали Геббельс, Кребс, Бургдорф, Борман, Науман, Хевель и другие. Все присутствовавшие с напряженным вниманием выслушали доклад Вейдлинга.

Генерал Кребс дополнил докладчика, сообщив собравшимся безрадостную весть о потере аэродрома Темпельхоф. Кроме того, он подчеркнул также трудности снабжения войск всем необходимым, указав, что тюки с продовольствием, которые сбрасывались с самолетов на парашютах, зачастую попадали к русским или сгорали. Оказывается, русским солдатам тоже кое-что перепадало от немцев, кроме пуль, гранат и фаустпатронов...

По поводу захвата аэродрома Темпельхоф есть некоторые разногласия. Посадочная полоса аэродрома с вечера 25 апреля была блокирована огнем подразделений 39-й и 79-й Гв.СД, да и разведгруппа 1-й Гв.ТА также вела бой на этом аэродроме. Понятно, что взлет самолетов в таких условиях был невозможен, хотя, по некоторым сведениям, в подземных ангарах еще стояли самолеты, в том числе и некий «юнкерс» для Гитлера, и круглосуточно дежурили экипажи.

25 апреля части 29-го Гв.СК упорно пробивались к центру Берлина, а 82-я Гв.СД приблизилась к аэродрому Темпельхоф. Правее ее действовала 27-я Гв.СД. Другая дивизия –74-я Гв.СД – действовала практически с перевернутым фронтом, поскольку ей пришлось отбивать контратаки немцев, которые вышли в тыл советским войскам, пройдя по тоннелям метро.

Бои за аэропорт завязались только к исходу дня 25 апреля, когда были отбиты контратаки противника. Ожесточенные бои в прилегающих к Темпельхофу кварталах продолжались всю ночь. Захвачен этот аэродром был только к 07.00 26 апреля.

В боях 25 апреля в районе аэропорта Темпельхоф принял посильное участие воздухоплавательный дивизион аэростатов под командованием майора Филиппова. С помощью корректировки артогня с аэростата советская артиллерия практически блокировала работу центрального берлинского аэропорта. Военкор подполковник Трояновский наблюдал действия воздухоплавателей, которые, несмотря на обстрел немецких зениток, продолжали вести боевую работу и помогли артиллеристам уничтожить и подбить на аэродроме 22 самолета, из которых четыре загорелись прямо на взлете.

Ночью советская артиллерия обрушила на Темпельхоф новый удар. После него, вплоть до занятия аэропорта, ни один немецкий самолет не поднимался отсюда в воздух и не садился здесь.

Начальник штаба 8-й Гв.А генерал-лейтенант Белявский утверждал, что части 29-го Гв.СК заняли Темпельхоф лишь 26 апреля. Так что генерал Кребс несколько поторопился со своим сообщением. Его опасения были понятны: ведь от аэродрома до бункера всего 3,5 км!

Было совершенно ясно, что кольцо вокруг Берлина скоро плотно замкнется. Никто из этой группы «верных соратников» фюрера не высказывал своего мнения, и только в паузах осмеливались развивать и дополнять высказывания вождя. После войны отставные немецкие генералы, в том числе и участвовавшие в Берлинской операции, все неразумные распоряжения того периода валят главным образом на Гитлера, а отчасти на Кейтеля и Йодля.

Нельзя опять не сослаться на высказывание на эту тему Паттона. Вот что писал известный американский генерал: *«Избегайте приписывать все негативное в происходящем вашему непосредственному начальству, забывая при этом отмечать собственные промахи»*. О генералах эксцентричный американец говорил так: *«Генерал, который всегда примет ответственность за неудачу, в которой повинны другие, и всегда отдаст пальму первенства в случае успеха подчиненному, пусть даже и не вполне заслуженно, достигнет самого большого успеха в работе с людьми»*. Увы, далеко не всегда генералы противоборствующих сторон на Восточном фронте придерживались этих правил во время и после окончания войны.

Конечно, нет никаких оснований идеализировать распоряжения немецкого военного руководства в конце войны. Ведь Кейтель, посылая 12-ю армию в наступление, не раскрыл перед Венком тяжелого положения 9-й армии и 3-й ТА севернее Берлина, вселяя в него таким образом совершенно напрасные надежды. В докладах же Гитлеру он выдавал желаемое за действительное, заведомо преувеличивал реальные возможности армии Венка.

Конев считал, что в результате подобных докладов Гитлер продолжал верить в исполнимость своих планов – в то, что общие усилия 9-й и 12-й армий и 3-й ТА могут спасти его в Берлине. Может быть, эти надежды и послужили основанием его решения остаться в Берлине?

По мнению Конева, все распоряжения и усилия Гитлера, направленные на деблокаду Берлина, *«при сложившемся соотношении сил»* не имели под собой реальной почвы. Но в это же время маршал полагал, что *«неправильно было бы рассматривать подобные попытки как заведомый абсурд»*. Он считал, что только командование Красной Армии своими действиями *«сделало их нереальными»*, то есть надо отдавать себе отсчет, что замыслы Гитлера, рухнули не сами собой, а *«в результате нашего вооруженного воздействия»*.

Правда, Конев в мемуарах несколько противоречил сам себе, заявляя, что *«при ином характере действий с нашей стороны эти приказы и планы могли бы оказаться не столь фантастическими»*. Маршал дает нам понять, что не только численное преимущество советских войск оказалось решающим фактором победы, но и превосходство советского стратегического руководства сыграло свою важную роль.

Где же были в этот напряженный момент немецкие военные руководители? В работе «Последний штурм» совершенно ошибочно утверждалось, что 25 апреля Кейтель и Йодль *«вылетели из Берлина»*, направляясь к Венку. Но это уже, как говорится, ни в какие ворота не лезет! Трудно поверить, что советские военные историки попросту не знали элементарных фактов. Во-первых, Кейтель и Йодль в это время уже давно были вне Берлина; а во-вторых, к Венку совсем не обязательно было лететь, так как легче было просто поехать на автомобиле, благо расстояние от их штаба до 12-й армии было небольшое.

Однако, как выяснилось, вылет из Берлина в это время все-таки состоялся, но с другого аэродрома, находящегося на западной окраине Берлина.

Утром 25 апреля Гитлер вновь вызвал к себе своего старшего личного адъютанта обергруппенфюрера Шауба и приказал ему покинуть город. Русские войска в это время находились уже на Александерплатц, менее чем в двух километрах. Фюрер поручил Шаубу уничтожить свой личный архив, хранившийся в трех больших сейфах, и кипы протоколов военных совещаний, находившиеся в его резиденции в Берхтесгадене.

После трудной и опасной поездки по улицам Берлина, заваленным обломками разрушенных зданий, Шаубу удалось достичь аэродрома Гатов, где стоял уцелевший Ю-52. Утром 26 апреля самолет чудом взлетел под плотным огнем русских пехотинцев, которые уже подошли вплотную к аэропорту.

Переводчица ОКР «Смерш» 3-й УА Елена Ржевская в своей работе указывала, что Шауб улетел с аэродрома Гатов на предпоследнем самолете. Правда, начальник личной охраны фюрера группенфюрер Раттенхубер утверждал, что этот вылет состоялся еще 20 апреля, что является явной ошибкой, так как рейхсминистр Шпеер 23 апреля разговаривал с Шаубом в приемной фюрера, да и адъютант Гитлера Гюнше также подтверждал указанную в тексте дату вылета Шауба.

Выпивохе Шаубу крупно повезло, так как с 13.00 до 14.00 25 апреля по западной части Берлина был нанесен массированный авиационный удар всеми имеющимися бомбардировочными соединениями (896 самолетов), который был повторен в период с 18.00 до 19.30 силами 590 самолетов. Ночью же по Берлину нанесли очередной тяжелый удар 600 бомбардировщиков Ил-4 из 18-й ВА. Хотя, как вспоминал член ВС 5-й УА генерал-лейтенант Боков, погода в ночь на 26 апреля не особенно располагала к полетам. Над городом разразилась сильная гроза, хлынул проливной дождь. Летать в этом кромешном аду немецким самолетам было явно небезопасно, тем более что небо над Берлином буквально кишело советскими истребителями.

После приземления в Мюнхенском аэропорту Шауб сразу же направился на Принцрегентплатц, изъял документы из сейфа в спальне Гитлера, упаковал их в небольшой кейс и вылетел в Берхтесгаден. В день прилета туда он сжег все собранные доку-

менты вместе с кучей мусора за пределами резиденции Гитлера, здание которой пострадало от авианалетов союзников.

Долгие годы Шауб молчал о своей роли в этом историческом эпизоде. Его молчание позволило некоторым недобросовестным журналистам насочинять много небылиц о судьбе «архива Гитлера». Писали даже о том, что Шауб вывозил документы из Берлина на нескольких самолетах, один из которых совершил вынужденную посадку, где и были впоследствии якобы найдены «подлинные документы Гитлера». Только рассказ самого Шауба развеял эти выдумки. Было проведено даже специальное расследование, которое подтвердило его правоту и вроде бы не оставило места для различных спекуляций на эту тему.

Мечта о воздушных полетах не оставляла также и рейхслейтера Бормана, надеявшегося, видимо, таким образом выбраться из Берлина. В работе Безыменского «Загадки Третьего рейха», ссылаясь на его дневники, утверждалось, что в 15.01 25 апреля Борман отправил в Оберзальцберг телеграмму следующего содержания: *«Прикажите Коллеру в любом случае в следующую ночь прилететь на одном из скоростных самолетов Баура в Рехлин»*. Не совсем ясно, кому было адресовано это послание и кто мог приказать начальнику штаба люфтваффе? Коллер был арестован сначала вместе с Герингом, но быстро выпущен, так как нужно же было кому-то командовать остатками немецких ВВС. Он выполнил свое обещание и прислал самолеты, но летать на них было уже некому. Сам же генерал постарался на всякий случай держаться подальше от Берлина.

По свидетельству советского историка Проэктора, 25 апреля Борман убеждал офицеров в приемной Гитлера в том, что *«армия Венка спасет Берлин»*. Он патетически вещал: *«Вы, кто остался рядом с фюрером в тяжелые часы его жизни, когда эта война закончится победой* (!?)*, получите высшие посты в государстве, а в качестве благодарности за верную службу — рыцарские поместья...»* Зачем он так распинался перед офицерами, не совсем понятно, ведь никакие обещания и посулы нацистских вождей уже не могли заставить военных совершить невозможное. Рейхслейтер лицемерил перед офицерами, а сам готовился улететь из Берлина. Картина вырисовывается весьма неприглядная...

Вечером 25 апреля командование, находящееся в Берлине, все еще пыталось что-то изменить в складывающейся неблаго-

приятной обстановке. Майор Йоган Мейер, помощник военного адъютанта Гитлера, из бункера вел телефонные переговоры с ОКВ, пытаясь поддержать контакт со своими коллегами за пределами кольца окружения. После полуночи были даже отправлены две дополнительные радиограммы: одна – Венку, вторая (о наступлении 9-й армии) – Йодлю. Состояние средств связи вермахта пока еще позволяло передавать очередные невыполнимые указания высшего командования войскам, ведущим совершенно безнадежную борьбу с превосходящими силами союзников.

Судорожно также велись поиски преемника Геринга. В 15.18 25 апреля на юг ушла следующая радиограмма Бормана: *«Обеспечьте при помощи полицейского радио и других средств, чтобы генерал Каммхубер* (командующий реактивной авиацией) *максимально быстро прибыл через Рехлин к фюреру. Он получит дальнейшее задание»*. Каммхубер после войны утверждал, что это был вызов для его назначения главкомом ВВС вместо Геринга, от чего он постарался уклониться и попросту игнорировал это указание рейхслейтера.

В создавшейся сложной обстановке посещение Берлина, видимо, никак не могло привлечь немецких авиационных начальников. Но факт остается фактом: даже в подобной сумятице связь работала достаточно четко и Каммхубера известили о распоряжении Бормана.

25 апреля в Берлине опять попытались вызвать Руделя, который на этот раз тоже не очень торопился вылететь в столицу и постарался сначала выяснить цели вызова, но безуспешно. Видимо, радиограмма отправлялась в страшной спешке, и разобрать ее содержание после искажений из-за помех было довольно сложно. Тем более что командующий авиагруппировкой, которому подчинялся Рудель, заявил асу, что, согласно армейским сводкам, бои идут уже вокруг аэродрома Темпельхоф. Так что на фоне всех этих неясностей тот не решился вылететь в Берлин.

День 25 апреля был отмечен также поистине крупным историческим событием: в 13.30 (11.30) на реке Эльба, в районе Торгау, в тихой, почти семейной обстановке, безо всяких боев произошла встреча подразделений 173-го Гв.СП 58-й Гв.СД из 34-го Гв.СК 5-й Гв.А с американской разведгруппой 69-й ПД

95-го АК 1-й армии. Стоит подчеркнуть, что со стороны американцев в месте встречи в тот момент присутствовала только разведгруппа, а штаб дивизии находился еще в 40 км западнее Эльбы. Наконец-то союзники после многолетней тяжелой борьбы с опаснейшим противником встретились в центре Германии и рассекли территорию рейха и его вооруженные силы на две части. Окончательный крах нацизма приближался. Интересно, что советские части в этом районе вышли на Эльбу, на которой все мосты были взорваны немцами, еще 23 апреля, когда американцев там не было.

Около 14.30 сообщение о «встрече на Эльбе» достигло бункера рейхсканцелярии, о чем доложил Кребс. Борман тут же вмешался: *«Мой фюрер, теперь самая пора и крайний момент, чтобы вы лично связались с американцами»*. На что Гитлер очень обоснованно ответил рейхслейтеру: *«Для этого у меня нет больше авторитета. Это должен выполнить вместо меня кто-нибудь другой»*. Он, видимо, не осознавал, что американцам никакие переговоры не были нужны.

Каковы же были итоги этого богатого важными событиями дня?

К исходу 25 апреля положение было таково:

– части 2-й Гв.ТА – 1-й МехК и 12-й Гв.ТК – в полосе между 47-й армией и 3-й УА наступали на юго-запад, овладели пригородом Сименсштадт, вышли на Шпрее и переправились на ее северный берег;

– 3-я УА начала бои в центральной части Берлина, а 5-я УА с 11-м ТК наступала вдоль Шпрее на запад;

– 8-я Гв.А и 1-я Гв.ТА действовали в юго-восточных кварталах города;

– 3-я Гв.ТА и три стрелковые дивизии 28-й армии наступали с юга навстречу 2-й Гв.ТА, сжимая кольцо окружения.

Утром 25 апреля начались бои за Потсдам. В это время 1180-й СП подполковника Я.И. Гайдая из 350-й СД, которая была подчинена 10-му Гв.ТК, начал форсировать канал, соединяющий озера Хафельзее. С северо-запада на Потсдам наступала 328-я СД полковника И.Г. Поплавского из 1-го БФ. Во взаимодействии этих частей завязались бои на центральных улицах города, захватить который удалось лишь 27 апреля. 6-й Гв.МехК 4-й Гв.ТА вел бои в районе северо-западнее Потсдама, а также у

населенного пункта с весьма симптоматичным для немцев названием Капут и у Бранденбурга.

У 10-го Гв.ТК генерал-лейтенанта Е.Е. Белова из 4-й Гв.ТА возникли определенные трудности в районе юго-восточнее Потсдама, затруднившие дальнейшее продвижение танкистов. В чем же они заключались?

Части корпуса, преследуя отходящего противника, 25 апреля захватили юго-восточную часть Потсдама и подошли к каналу, отделявшему центральную часть города от юго-восточной. На пути танкистов оказался своеобразный «остров» Фрейндшафт, размером 600×100 метров, образованный двумя каналами, который немцы использовали для организации сильного боевого охранения. Система укреплений города на этом участке фронта представляла собой настоящую крепость, прикрытую двумя каналами шириной по 50 метров, с организованной системой многослойного флангового и косоприцельного автоматно-пулеметного огня. В каменных домах находились также фаустники, которые простреливали подступы к «острову».

Перед началом атаки саперы 22-й Гв.ШИСБр произвели разведку подорванного противником моста через канал и мест наводки понтонных и штурмовых мостов, а также разминировали подступы к каналу. Под прикрытием артогня удалось переправить на «остров» части 1180-го СП, которые штурмом захватили только первую траншею. Однако дальнейшего продвижения не получилось. Штурмовой мостик, по которому переправляли боеприпасы и продукты, удалось навести только в 08.00 26 апреля.

Все же борьба основных сил фронтов в значительной мере была перенесена непосредственно в центральные районы Берлина. Противник к концу дня 25 апреля занимал территорию города площадью еще около 325 кв. км.

26 апреля

Утром войска 1-го БФ устроили обитателям бункера рейхсканцелярии очень неприятную побудку. Около 07.00 советская артиллерия открыла ураганный огонь по правительственному кварталу Берлина. Тяжелые снаряды обрушились на здание рейхсканцелярии и на бункер Гитлера. В результате обстрела в нескольких местах было пробито перекрытие подземного коридора, ведущего из новой рейхсканцелярии в бункер фюрера. Клубы дыма поднимались над горящей крышей здания. К 09.00 огонь несколько утих, но потом обстрел несколько раз возобновлялся, усиливаясь вечером и ночью. Приточную вентиляцию в бункере приходилось несколько раз выключать, потому что в фильтры вместо свежего воздуха засасывался дым.

Город в течение дня подвергался мощным массированным ударам авиации 16-й и 18-й ВА, хотя командующий первой армией генерал-полковник Руденко и отмечал, что 26 апреля была плохая погода, его летчики выполнили 1244 вылета. Действительно, в ночь на 26 апреля над Берлином разразился весенний ливень. Потоки воды, хлынувшие с неба, погасили многие пожары, вспыхнувшие в городе. Заметно стихла и артиллерийская канонада.

Используя результаты массированных ударов авиации, советские войска с утра начали штурм центральных районов Берлина. Необходимо было надежно изолировать город с запада, для чего требовалось сбить немцев с западного берега реки Хафель в районе Потсдама и тем самым исключить возможность переправы окруженных при попытках прорыва из города. Поэтому части 47-й армии, прикрывшись с запада 260-й СД 77-го СК на рубеже Науэн – Кетцин, наступали на Берлин с запада, отрезав немецкую группировку от столицы рейха.

Части 125-го СК с 11.30 возобновили наступление на Кладов и Гатов, продвинувшись к исходу дня на три-четыре километра.

На внешнем фронте окружения берлинской группировки южнее Хафеля сражался 333-й Гв.СП подполковника Я.А. Бабенко. Его батальоны были переброшены на автомашинах в район Бранденбурга. Севернее этого города уже действовали части 1-го БФ – 16-я Гв.КД генерал-майора Г.А. Белова и 47-я Гв.ТБр полковника Н.В. Копылова. На южный берег Хафеля вышла 16-я Гв.МехБр подполковника Г.М. Щербака.

Несмотря на то что действия частей двух фронтов в этом районе не были скоординированы, 26 апреля гарнизон Бранденбурга численностью около 8000 человек был окружен. Как ни странно, в городе продолжал работать один из военных заводов. Поскольку подвоз боеприпасов был нерегулярен, советским солдатам пришлось использовать в бою производившиеся на этом заводе гранаты и фаустпатроны. Бои за Бранденбург, которые вели части различных армий, закончились только 1 мая...

Части 129-го СК, преодолевая отчаянное сопротивление противника, ворвались в центр Шпандау – западного пригорода Берлина.

Командованием 4-й Гв.ТА было запланировано взятие Потсдама, расположенного западнее Берлина. Этот город фактически находился на острове, с одной стороны омываемым рекой Хафель, в которую впадала Шпрее, а с другой – озерами. Положение города было очень выгодным для организации обороны, поскольку штурмовать подобный узел обороны, расположенный на лесистом острове, с использованием танков было очень нелегко.

При планировании боевых действий в этом районе пришлось учесть и соображения политорганов, которые постарались, как всегда, добавить к чисто военной стороне дела и политическую подоплеку. Эти «жрецы» своими «заклинаниями» вновь постарались напустить идеологического тумана, внушая солдатам и офицерам, что, во-первых, взятие Потсдама будет ударом *«в самое сердце реакционного прусского милитаризма»*, так как город с 1416 г. являлся резиденцией прусских королей, а также местом бесчисленных военных парадов и смотров; а во-вторых, здесь в 1933 г. в гарнизонной церкви президент Гинденбург «благословил» нового рейхсканцлера Адольфа Гитлера. Неужели знание подобных деталей истории Германии помогло советским воинам в захвате Потсдама?

Конечно, немцы придавали большое значение обороне этого города, оказывая упорное сопротивление частям 6-го Гв.МК. Умело маневрируя, танкисты полковника В.И. Корецкого захватили центр города, а на северо-восточной окраине соединились с частями 9-го Гв.ТК генерал-лейтенанта Н.Д. Веденеева из 2-й Гв.ТА 1-го БФ. В боях за Потсдам приняла участие также и 328-я СД 77-го СК из 47-й армии 1-го БФ. Бои в городе и его

окрестностях советским войскам пришлось вести очень аккуратно, избегая широкого применения тяжелой артиллерии и реактивных установок, чтобы сохранить в целости и сохранности громадный дворцовый комплекс Потсдама, имевший большую историческую ценность.

В течение дня 2-я Гв.ТА вела бои в берлинском районе Сименсштадт, форсировав под сильным огнем противника Шпрее, и захватила три плацдарма на южном берегу реки. 3-я УА вела бои с упорно сопротивляющимся противником в северной части города. Ее 79-й СК с бригадой 9-го ТК вклинился уже в городской оборонительный обвод. Другие части этой армии – 12-й Гв.СК и 7-й СК – в основном отбивали ожесточенные контратаки немцев и продвинулись очень незначительно.

26 апреля 52-я Гв.СД 3-й УА вела тяжелые бои в районе Гумбольдхайн. В районе Свинемюндерштрассе создалось сложное положение, так как немцы непрерывно контратаковали при поддержке штурмовых орудий и огня зениток на прямой наводке позиции 155-го Гв.СП. С большим трудом эти контратаки были отбиты, а захваченные позиции удержаны. За день гвардейцы уничтожили 365 немецких солдат и офицеров, 27 взяли в плен, в том числе одного полковника.

В этот день бойцов дивизии постигло большое разочарование. Учитывая сложившуюся обстановку, командующий 3-й УА генерал-полковник В.Н. Кузнецов решил перегруппировать основные силы 12-го Гв.СК к правому флангу армии, в район Веддинга, оставив на всем остальном участке лишь 52-ю Гв.СД. Главные силы армии должны были развернуть наступление из Веддинга на юго-восток, в общем направлении на рейхстаг, с целью соединения в этом районе с 8-й Гв.А и рассечения окруженной группировки противника.

Личный состав и командование 52-й Гв.СД были очень недовольны полученным приказом о переходе к обороне, хотя и активной. Гвардейцы хотели наступать и участвовать в штурме рейхстага. Желание это, естественно, было понятным. Но решение командарма было вполне обоснованным: нельзя же было тащить 52-ю Гв.СД через боевые порядки 33-й СД. Это потребовало бы много времени и могло привести к перемешиванию частей и ненужным потерям. Правда, комдив Козин писал потом: *«Но что значило занять оборону в Берлине? В данном случае*

оборона — понятие относительное. Мы ежечасно вовлекались в активные боевые действия».

5-я УА с 11-м ТК с упорными боями наступала по обоим берегам Шпрее в направлении парка Тиргартен. Ее части в этот день добились наибольшего успеха и глубоко вклинились в центральную часть города, создав угрозу рассечения окруженной группировки противника на две части.

Утром 26 апреля 1945 г. 1050-й СП 301-й СД из 5-й УА совместно с полком 230-й СД окружил и уничтожил группу противника на Герлицком вокзале. КП 301-й СД разместился на станции метро на стыке Котбусерштрассе, Адмиралштрассе и Дрезденштрассе. Видимо, его охрана была организована не очень четко, из-за чего он подвергся нападению группы немцев, появившихся из тоннеля метро. Отбиваться от них пришлось даже телефонисткам, у которых предусмотрительно имелись автоматы. Комдив Антонов вспоминал: *«На каждой улице в тылу раздавались винтовочные выстрелы, автоматные очереди и удары фаустпатронов. Мы назначили отдельные подразделения для очистки тыловых районов».*

Полоса наступления дивизии расширялась, поэтому после боя за Герлицкий вокзал комдиву Антонову пришлось ввести в бой 1050-й СП подполковника Гумерова. В этот же день разведчики 230-й СД смогли овладеть первой на Лейпцигерштрассе станцией метро, которая соединялась со станцией на Унтер-ден-Линден.

8-я Гв.А наступала совместно с 11-м ТК и 8-м Гв.МехК, хотя по мере приближения войск к центру города движение техники все более затруднялось не только из-за завалов, но и большого количества баррикад. Тем не менее задачу дня 29-й Гв.СК выполнил, что подтвердил в мемуарах и командарм Чуйков: *«к 12.00 26 апреля под нашим контролем оказался аэропорт Темпельхоф (аэродром, ангары, узлы связи и т.д.). К исходу дня от района центральных вокзалов Берлина части армии отделяло не более одного километра».* Одновременно с захватом аэропорта Темпельхоф части 82-й Гв.СД штурмом взяли здание тюрьмы, расположенное севернее аэродрома, и были освобождены заключенные разных национальностей.

К 09.00 26 апреля 29-й Гв.СК корпус развернулся фронтом на север и после короткой артподготовки двинулся к Ландвер-

каналу. 242-му Гв.СП при поддержке танков и САУ удалось с ходу форсировать канал. Но остальные части корпуса закончили переправу через канал только к утру 28 апреля. Немцы оказывали все возраставшее сопротивление, по наступавшим советским частям велся массированный артогонь из парка Тиргартен, был силен и обстрел из фаустпатронов и крупнокалиберных пулеметов. Упорные бои на этом оборонительном рубеже затянулись на четверо суток.

Во время боев в Берлине немецкие войска не только пассивно оборонялись, но и часто контратаковали. В связи с появившимися надеждами на действия 12-й армии генерал Вейдлинг приказал провести очередную контратаку, чтобы отбросить русских, прорвавшихся к аэропорту Темпельхоф и Нейкельну. Значение аэропорта резко возрастало в связи с обещанием гросс-адмирала Деница переправить самолетами в Берлин своих лучших людей – курсантов школ подводников.

Ночью на 26 апреля генерал-майор Муммерт собрал остатки своей ТД «Мюнхенберг», силами которой утром атаковал противника вдоль Темпельхофской набережной. В атаку двинулись до 12 танков и отдельные подразделения мотострелков, численностью менее роты каждое. Некоторые танки даже тащили за собой орудия. Атакующие сразу же попали под сильный артогонь русских и не продвинулись далеко среди пылающих зданий. Дивизия «Мюнхенберг» потеряла в этой атаке последние танки, подбитые русскими Т-34. Отступить пришлось и последним защитникам Тельтов-канала – курсантам Лихтерфельдского училища, персоналу «Почтовой стражи», остаткам подразделений фольксштурма и гитлерюгенда.

Столь же «успешной» была и контратака подразделений МД СС «Нордланд» и ПД СС «Шарлемань» в Нейкельне, проведенная около 06.00 26 апреля. Эсэсовцы около 07.00 также попали под шквальный артогонь и отошли на исходные позиции. После этого немецкое командование решило перенести передовую линию обороны к системе каналов внутренней части города.

Гауптштурмфюрер Фене из дивизии «Шарлемань» вспоминал: *«Этим утром 26 апреля оборона Берлина начала трещать по всем швам»*. Он считал, что они *«должны только смотреть за тем, чтобы нас не окружили!»*. Но к вечеру это как раз и произошло.

Цифрами обозначены:
1. Подземные гаражи
2. Бункер Гитлера
3. Министерство иностранных дел
4. Министерство пропаганды
5. Отель "Адлон"
6. Вилла Геббельса
7. Отель "Кайзерхоф"
8. Гестапо
9. Резиденция нового министра пропаганды д-ра Науманна
10. Бранденбургские ворота
11. Министерство внутренних дел
Станция
Александер -пл.
Ратуша
Собор
Замок
Опера
Унтер ден Линден
Шарлоттен -штр.
Ст. Фридрихштрассе
Вилльгельм-ш
Вилльгельм-штр.
Рейхсканцелярия
Рейхсканцлерплатц
Рейхсканцлерплатц
Кайзердамм
Потсдамер -пл.
Потсдамер -штр.
Потсдамский в-л
Ландвер -канал
Тиргартен-штр.
Пос-во Швеции
Пос-во Италии
Маттхайс
ОКВ
ОКХ
Бункер ПВО
Аквариум
Зоосад
Церковь памяти Кайзера Вильгельма
Колонна Победы
Магистраль «Восток - Запад»
Бельвю
Опера Короля
Кёнигс-пл.
РЕЙХСТАГ
Паризер-пл.
Мост Мольтке
Ст. Тиргартен
ШПРЕЕ
Лертерский в-л
Гумбольтгафен
Шиффбауэрдамм
Клиника Шарите
Гермазский театр
Альбрехт-штр.
Лунзен-штр.
Шлютер-штр.
Ст. Фридрих
Байерзамский мост
Конные Оперы
Ст. Биржа
Ораниенбургер-штр.
Ораниенбургские ворота
Ст. Бельвю
Тиргартен
Технический институт
Пл. Гроссе Штерн
Пос-во Швеции
Тиргартен-штр.
Ландвер -канал
Люцов-пл.
Люцов-штр.
Аллеен-штр.
Клейст-штр.
Ноллендорф-пл.
Белов-штр.
Потсдамер -пл.
Потсдамский в-л
Ландвер -канал
Анхальтский в-л
Мост Мёкерн
Бель-Альянс -пл.
Гальские ворота
Титшикер-штр.
Ораниен-штр.
Риттер-штр.
Кох-штр.
Кёльнише -штр.
Кёльнише -штр.
Кёльнише -

Эсэсовцам под командованием Фене после напряженных боев пришлось к ночи на 27 апреля отойти от Нейкельнской ратуши в район Анхальтского вокзала.

Генерал Вейдлинг весь день инспектировал секторы обороны города. Его чрезвычайно угнетали ставшие особенно заметными в этот день признаки разложения войск.

Остатки МД СС «Нордланд» постепенно собирались в районе Анхальтского вокзала и Котбусплатц. Полки «Норге» и «Данмарк» в это время насчитывали 600–700 человек. Образовалось много мелких группировок и боевых групп, которые назывались по именам командовавших ими офицеров.

Бригаденфюрер Монке поручил оборону западного участка сектора «Z» подполковнику Зайферту, фамилия которого будет часто упоминаться далее при описании заключительных боев в городе. КП Зайферта был расположен в здании министерства авиации. Командование обороной восточного участка было поручено генерал-майору Крукенбергу, чей КП размещался в здании оперы на Унтер-ден-Линден. Разделительной линией между участками служила Вильгельмштрассе.

Подразделения дивизии «Нордланд» занимали оборону вблизи набережной Шпрее – на юго-запад до Ландвер-канала и далее до Белле-Альянсплатц. Тыловые части дивизии располагались в Тиргартене. Тут же разместились артиллерия дивизии и последние танки полка «Нордланд». КП дивизии находился на станции метро «Центр». Близилось последнее сражение за внутреннее кольцо обороны Берлина.

Во время боев в Берлине советские войска встречались с различными сюрпризами. Так, командир 11-го Гв.ТК корпуса полковник Бабаджанян весьма неосмотрительно расположил свой штаб в огромном здании с колоннами. Видимо, достигнутые успехи слегка вскружили голову горячему армянину, и он, вероятно, стремясь перещеголять даже свое начальство, нарушил элементарное правило безопасности при размещении штабов. Его более осторожный и опытный командарм генерал-полковник Катуков, несмотря на уговоры, вообще отказался входить в это здание, утверждая, что оно наверняка заминировано. И оказался полностью прав. В 03.00 раздался взрыв, и здание-ловушка взлетело на воздух. К счастью, Бабаджанян, будущий маршал бронетанковых войск, принял к сведению опасения

своего командующего и успел вовремя покинуть этот опасный объект.

Но были у танкистов и более любопытные и безопасные «экскурсии». Командир 52-й Гв.ТБр 6-го Гв.ТК полковник Курист вспоминал, что его подчиненные захватили особняк самого Розенберга на Маргаритенштрассе-17, который не был заминирован. Солдаты нашли книги, документы и даже мундир рейхсминистра «восточных территорий» с нацистскими регалиями, который тот бросил за ненадобностью. Вот уж действительно забрались в логово!

Части 3-й Гв.ТА при поддержке 4-й, 31-й и 25-й АД, а также 3-й Гв.МинД наступали в северном направлении. Ее 9-й МехК занял несколько кварталов в районе Штеглиц. 6-й Гв.ТК, достигший в этот день наибольшего успеха, занял почти весь район Шмаргендорф и вышел к окружной железной дороге – внутреннему оборонительному обводу Берлина.

Удивительно, что 52-я Гв.ТБр 6-го корпуса в условиях столь напряженных боев действовала без средств усиления. Только в глубине немецкой обороны, ближе к центру города, ей были приданы батальон 22-й Гв.МСБр и батарея 385-го ТСАП подполковника А.Е. Шапаря. Не густо! Командир бригады Курист отмечал, что *«изобретательно и успешно помогали нам минометчики из... нашего корпуса. Они широко применяли снаряды М-31 для обстрела зданий, занятых противником на протяженной стороне улицы. Минометчики втаскивали снаряды на любой этаж и били из оконных ниш»*.

Командир 6-го Гв.ТК генерал-лейтенант Митрофанов, «держа руку на пульсе боя», регулярно посещал части корпуса, приглядывая за действиями своих танков и корректируя решение командиров подразделений. Во время боя в районе железнодорожной станции Гогенцоллерндамм он приехал в 52-ю бригаду. Вместе с комбригом комкор из-за какого-то склада пытался рассмотреть поле боя. И что он там увидел?

Невдалеке, на улице, обсаженной деревьями, стояли Т-34 и вели огонь по одному из немецких опорных пунктов. Было видно, как немецкие снаряды косят толстоствольные деревья рядом с танками. На земле лежали убитые немцы, а оставшиеся в живых притаились в ближайших домах, поскольку танкисты отрезали им пути отхода. Прочесать эти дома у комбрига Куриста

не было возможности – не хватало мотострелков. Понятно, что нехватка пехоты замедляла продвижение бригады. Понаблюдав за ходом боя, генерал Митрофанов пришел к правильному выводу и вскоре прислал танкистам подкрепление. На следующий день 52-я Гв.ТБр наступала уже во взаимодействии с 67-м и 170-м СП из 20-й СД, продолжая упорно пробиваться к центру города.

Подобные результативные поездки в войска можно было одобрить только на фоне ряда «ознакомительных визитов» высших командиров. Так, днем 26 апреля в расположение упомянутой 52-й Гв.ТБр прибыл заместитель командующего бронетанковыми войсками 1-го УФ генерал И.И. Петров. Не мог он, видите ли, усидеть в штабе фронта в то время, когда танкисты вели тяжелые бои на улицах города. Что он там искал? Очередную «заслуженную награду» за пребывание в зоне боев, разъезжая по улицам еще полностью не очищенным от противника, демонстрируя свою личную храбрость, пренебрегая опасностью попасть в переплет? Учитывая безрассудные поездки по опасным районам командующего 1-м УФ маршала Конева, подобная бравада его подчиненного уже не удивляла...

На рассвете 26 апреля 55-я Гв.ТБр 7-го Гв.ТК находилась на западной окраине Берлина. Поскольку обстановка была неясной, вперед была выслана разведка. После возвращения разведчики доложили, что наткнулись на иностранных дипломатов, в числе которых были японцы и швейцарцы. Оказалось, что в этом районе, в живописных лесах на реке Хафель, находились летние резиденции различных посольств, куда, спасаясь от обстрелов и бомбардировок, перебрались многие дипломаты.

Кроме контактов с дипломатами, разведчики выясняли, что бригада находилась в районе Хеерштрассе, недалеко от стадиона «Олимпия». После определения своего местоположения, оторвавшись от берега реки, колонна бригады медленно двинулась к городу. Из предрассветной дымки постепенно выступали серые окраины Берлина. Вдалеке к небу тянулись черные столбы дыма, подсвеченные языками пламени. О выходе на Хеерштрассе было срочно доложено командиру 7-го корпуса генерал-лейтенанту Митрофанову. Здесь в те утренние часы пока было затишье. Необычная тишина вызывала тревогу и настороженность, так как противник пока никак не проявлял себя.

Полковник Драгунский видел, как *«впереди осторожно продвигались разведчики. За ними, развернувшись в цепочку и охватив всю улицу в ширину, следовали автоматчики. Танки шли в колонне метрах в ста друг от друга. Их сопровождали штурмовые группы и орудия. Рота за ротой продвигались вдоль улицы, готовые поддержать друг друга... Группа управления командира бригады выбрала место между двумя батальонами. Шли пешком, окруженные бойцами, готовыми в любую минуту открыть огонь»*. Резерв находился в руках начальника штаба подполковника В.М. Шалунова.

Едва части бригады прошли несколько кварталов, как на них обрушился сильный артогонь. Из окон домов в советских солдат полетели гранаты и фаустпатроны. Улица, чердаки и подвалы внезапно ожили, начали изрыгать струи свинца. Снова начался штурм переулков, домов и этажей. В бой были введены все огневые средства, которыми располагала бригада.

Вскоре западные районы Берлина оказались под обстрелом дальнобойной артиллерии 1-го УФ. Авианаводчики вызвали на помощь штурмовики Ил-2. Тяжело надламывались и рушились объятые пламенем дома. Апрельский ветерок перебрасывал языки пламени с крыши на крышу. Очищая от немцев дом за домом, 55-я Гв.ТБр продолжала продвигаться по Хеерштрассе и к ночи 26 апреля захватила эту улицу целиком. Кроме того, танки и пехота начали просачиваться и на примыкавшие улицы.

Другие бригады 7-го Гв.ТК также продвинулись вперед до 9 км и находились всего в двух километрах от частей 2-й Гв.ТА. После выхода корпуса в район Пихельсдорфа была завершена изоляция берлинской группировки от немецких войск в районе Потсдама и озера Ваннзее.

К концу дня 26 апреля 3-я Гв.ТА завершила форсирование канала Тельтов и подошла к внутреннему оборонительному обводу Берлина. Командующий армией Рыбалко, наблюдая за уличными боями своих войск, обнаружил, что далеко не все было благополучно в боевых порядках частей. По результатам наблюдений он вечером выдал специальное распоряжение об улучшении организации боев. Вот оно: *«Противник оказывает в городе сопротивление только группами фаустников. Артминогонь почти отсутствует. В частях и соединениях при наступлении очень мало используются в боевых порядках такие средства борьбы, как мино-*

меты и артиллерия... бронетранспортеры, установки М-17 и самоходные орудия. Занятые районы тщательно не прочищаются и остаются замаскированные отдельные автоматчики и фаустпатронщики, которые только нервируют войска».

Командарм приказал:

«1. В штурмовые группы включать не только легкие орудия, но и орудия 122-мм и 152-мм гаубицы... для разгрома и уничтожения очагов сопротивления.

2. Уплотнить боевые порядки наступающих войск путем выведения вперед минометов, бронетранспортеров, установок М-17 и М-31, самоходных орудий...

3. Для прочесывания от противника районов, уже пройденных первыми частями, создать группы кочующих зенитно-пулеметных рот на бронетранспортерах 23-й зенитной дивизии и зенитно-пулеметной роты зенитных полков танковых и механизированных корпусов.

4. Из состава гвард. мин. бригад, кроме занятых в штурмовых группах, создать команды, которые... очищают районы от засевших там фаустпатронщиков и автоматчиков».

Командарм Рыбалко, не страдавший особой грамотностью и довольно корявым языком формулировавший решение, правильно ухватил главное в действиях своих войск – недостаточно четкую организацию боев штурмовых групп, из-за чего и результаты боевых действий зачастую были неудовлетворительными.

Потом Конев писал, что существовало мнение, будто бои в Берлине можно было бы вести с меньшей ожесточенностью и поспешностью, и тем самым с меньшими потерями. Маршал признавал, что в этих рассуждениях есть логика, но указывал на очень важный факт, что все критики *«игнорируют самое главное – реальную обстановку, реальное напряжение боев и реальное состояние людей».*

Маршал совершенно прав, считая, что современные исследователи просто не могут себе представить, что *«у людей было страстное, нетерпеливое желание поскорее покончить с войной».* Конев справедливо считал, что *«тем, кто хочет судить об оправданности или неоправданности тех или иных жертв... следует помнить об этом».* Конечно, он прав и в том, что *«иначе в обстановке берлинских боев ровно ничего нельзя понять».*

* * *

Выполняя решения фронтового командования, 26 апреля войска 1-го БФ развернули наступление с целью расчленения и уничтожения окруженных юго-восточнее Берлина немецких войск. Наступление проходило в исключительно тяжелых условиях лесистой и озерно-болотистой местности. Противник, как всегда, искусно используя местность (немцы всегда славились этим), упорно оборонял дефиле, сооружал завалы и минировал дороги. Перед войсками 1-го БФ арьергарды противника оказывали ожесточенное сопротивление, стремясь задержать наступление советских войск и дать возможность главным силам своей 9-й армии прорвать кольцо окружения в полосе 1-го УФ и соединиться с 12-й армией.

В ночь на 26 апреля командование 9-й армии, произведя перегруппировку, сосредоточило на участке предполагаемого прорыва сильную группировку в составе МД «Курмарк», 32-й ПД СС, 169-й и 712-й ПД и остатков 21-й ТД. Благодаря этому сосредоточению сил немцы на участке прорыва имели даже некоторое преимущество в численности войск. Вместе с войсками без особой паники двигались и группы гражданских лиц, так как погода в то время была теплая и продуктов пока хватало. Среди тех, кто находился в котле, были и остатки гарнизона Франкфурта-на-Одере под командованием генерал-майора Бехлера, вырвавшиеся из окружения еще 22 апреля.

Конечно, эти передвижения не остались без внимания авиационной разведки 1-го БФ. На основе полученных данных 70 самолетов 4-го БАК нанесли сосредоточенный удар по немецкой группировке, чем, конечно, ослабили ее удар по войскам фронта.

Во исполнение приказа ставки Гитлера от 25 апреля немецкая ударная группировка, имевшая в своем составе более 50 танков, в 08.00 26 апреля нанесла удар по стыку 3-й Гв.А и 28-й армии. Это еще одно превосходное качество немецкого командования. На протяжении всей войны немцы всегда безошибочно нащупывали стыки русских частей и наносили удар в самое уязвимое место оборонительных линий.

Немецкие войска шли на прорыв колоннами, в голове которых всегда были танки и штурмовые орудия. На узких участках они упорно рвались вперед, тараня клином боевые порядки русских войск. Разгорелись ожесточенные бои, постоянно вспыхи-

вали рукопашные схватки. К 10.00 немцы прорвались на стыке 329-й и 58-й СД, вышли к северной окраине Барута и перерезали шоссе Барут – Цоссен, которое являлось основной коммуникацией 3-й Гв.ТА и 28-й армии, дерущихся в Берлине. Казалось, мечты Гитлера начали сбываться.

Прорвавшийся противник подвергался ударам наземных войск и авиации. В 12.20 55 самолетов из 4-го БАК опять нанесли удар по противнику, рвущемуся к Баруту. Попытки взять город не увенчались успехом: части 395-й СД отбили все атаки. Для ликвидации прорвавшейся группировки были привлечены части 50-й и 96-й Гв.СД. Они нанесли по немцам удар с юга и отбросили их в лес северо-восточнее Барута, где эта группировка затем была в значительной части уничтожена. В ходе ее ликвидации было взято 5000 пленных, захвачено 40 танков, более 180 орудий и минометов.

О боях в районе Барута есть и свидетельство с немецкой стороны. Вечером 25 апреля по приказу генерала Буссе начала атаку в западном направлении боевая группа 21-й ТД с целью выйти в район Луккенвальде. Она должна была держать открытой горловину прорыва, чтобы обеспечить отход на запад других частей 9-й армии. В 20.00 группа под командованием полковника Ханса фон Люка двинулась в сторону Барута. Немцам пришлось ночью продираться через обширный лесной массив, очень сложный для движения войск, продвигаться по тропам и просекам. Около полуночи группа приблизилась к Баруту. Здесь ее ожидала «горячая» встреча. Немцы попали под сильный артиллерийско-минометный обстрел. Их танки не выдержали дуэли с танками ИС-2.

После перегруппировки фон Люк решил обойти Барут с севера и бросить в атаку своих пехотинцев. Он отправил сообщение в штаб 9-й армии о том, что столкнулся с серьезным противодействием, которое тем не менее надеялся преодолеть. Разрешение на немедленную атаку он не получил, так как командование 9-й армии приказало ему ожидать на месте подхода других прорывающихся частей.

Чуть позднее появились несколько танков «пантера» под командованием Рюдегера Пипкорна, командира 35-й ПолД СС. Эсэсовец, услышав от своего одноклассника о полученном приказе, буквально взорвался: *«Что за чушь! Русские уже закрыли за нами дверь. Так что мы окружены»*. Совместные действия давним

знакомым организовать не удалось, так как Пипкорн был вскоре убит при попытке произвести разведку окраины Барута.

Начавшаяся атака Барута с севера окруженным не удалась. Немецкие боевые группы попали под сильный артобстрел, и после нескольких часов ожесточенного боя им пришлось отойти, так как у них закончились боеприпасы и горючее.

Незадолго до рассвета фон Люк отдал приказ своим людям при поддержке оставшихся танков прорваться на запад. Сам же он в сопровождении адъютанта, ординарца и офицера штаба решил вернуться в «котел» для доклада командованию 9-й армии о создавшейся ситуации. Данное решение опытнейшего боевого офицера выглядело крайне нелогичным, что и доказали дальнейшие события. Утром 27 апреля он был захвачен в плен. Нескольким небольшим группам из его 21-й ТД удалось все же вырваться из окружения и дойти до Эльбы...

Командование 1-го БФ старалось оперативно реагировать на действия окруженной немецкой группировки. В этот же день удар по группировке, прорвавшей фронт 3-й Гв.А, нанес и 25-й ТК. Прорыв был закрыт, а прорвавшиеся немецкие войска изолированы от остальных сил окруженной 9-й армии.

Активное участие в борьбе приняли штурмовики Ил-2, которые доказали, что могут прекрасно действовать с малых высот по немецким войскам, не задевая свои части. Они в течение дня непрерывно висели над полем боя и сожгли много танков, штурмовых орудий и транспортных средств. На дорогах создавались пробки, а немцы от ударов с воздуха разбегались по лесам.

Войска 1-го БФ, тесня окруженную немецкую группировку на запад, продвинулись на 10–15 км. К исходу дня 26 апреля кольцо окружения вокруг немецкой 9-й армии резко сжалось и территория, занимаемая ею, не превышала 900 кв.км.

Учитывая вероятность новых попыток противника прорваться на запад, командующий 1-м УФ предпринял ряд мер по усилению обороны на направлении Барут – Луккенвальде. Для этой цели привлекли дополнительные силы из 28-й армии и 4-й Гв.ТА. 3-й Гв.А было даже приказано организовать наступление на окруженные немецкие части с юга и запада. Казалось, опять были приняты все меры, чтобы предотвратить дальнейшие прорывы кольца окружения, но, как показали дальнейшие события, этого было недостаточно.

Немецкий историк Тике писал: *«26 апреля развал 9-й армии принял катастрофический размах. Лишь немногим командирам еще удавалось сохранить дисциплину среди своих солдат...»* К его мнению присоединился историк Хайм: *«...она* (9-я армия) *почти полностью утратила свободу действий. Натиск врага, особенно с севера, возрастающая нехватка всех предметов снабжения, беспрерывные налеты авиации на зажатые в кольце войска, смешивавшиеся с тысячами беженцев, – все это усугубляло ситуацию день ото дня».*

Интересные наблюдения запечатлел в своем дневнике пехотинец из 342-й ПД Ляйдхойзль: *«26.04.45. Постоянно гонка. И тяготы последних дней становятся все более заметны. Люди теряют чувство времени и места. Чтобы избежать атак русских самолетов, приходится идти только ночью».*

Из-за перебоев в работе связи в течение всего дня 26 апреля от 9-й армии в штаб ГА «Висла» не поступало никаких донесений. Лишь в 22.15 в ОКВ поступило донесение из штаба ГА «Висла», содержащее некоторые сведения о 9-й армии: *«Передовые наступающие части 9-й армии... предположительно вышли на шоссе Цоссен – Барут. Войска несут большие потери в результате непрекращающихся ударов авиации противника».*

В донесении в ОКВ днем 27 апреля появилось еще одно упоминание о 9-й армии. Вот как с запозданием оценивали в штабе ГА «Висла» события прошедшего дня: *«Против окруженных частей 9-й армии враг бросил крупные силы с востока и севера при поддержке танков и штурмовой авиации. Почти полное прекращение снабжения по воздуху настолько обострило положение отважно сражающейся армии, что успешное выполнение поставленной задачи окажется под вопросом, если нам не удастся доставить припасы этой ночью... левофланговая ударная группа 5-го АК вышла к лесному массиву северо-восточнее Барута... противник провел здесь несколько интенсивных контратак. Ему удалось расколоть эту группу, а также пробиться к Тойпитцу к северу от правой ударной группы».*

Генерал Буссе заверял свое командование: *«9-я армия, само собой, будет держаться и сражаться до последнего...»* Маршал Конев отмечал, что немцы дрались очень упорно, солдаты и офицеры по-прежнему *«сдавались в плен только тогда, когда у них не было другого выхода».* Он считал, что *«боевой порыв у них угас»*, а

«оставалась лишь мрачная, безнадежная решимость драться» до приказа о капитуляции. Думается, что Конев тут не совсем прав, так как выходит, что части 9-й армии без «боевого порыва» упорно пробивались на соединение с 12-й армией.

В другом месте он писал, что *«фаустники, как правило, дрались до конца и на этом последнем этапе проявляли значительно большую стойкость, чем видавшие виды, но надломленные поражениями и многолетней усталостью немецкие солдаты»*. Маршал также отмечал, что в рядах фольксштурма *«господствовало настроение... истерического самопожертвования»*. Эти последние защитники Третьего рейха *«видели в себе олицетворение... надежды на чудо, которое вопреки всему в самый последний момент должно произойти»*.

Возможно, одной из причин отнюдь не слабого немецкого сопротивления в Берлине и были отмеченные маршалом настроения в рядах защитников столицы рейха?

Правда, командующий 1-м УФ отмечал, что когда *«26 апреля наши части стали все больше зажимать немецкую группировку южнее Берлина, то среди пленных стали появляться командиры полков, бригад и дивизий и штабные офицеры»*. Как ни странно, столь ценные пленные не заинтересовали маршала Конева. Он был даже разочарован сведениями, которые были получены при допросах пленных. По его мнению, *«пленные были настолько ошеломлены событиями»*, что от них было трудно узнать что-либо интересное об обстановке.

Командующий 1-м УФ считал, что на основании данных радиоперехвата и другой информации он знал обстановку *«в лагере противника лучше, чем пленные немецкие генералы и офицеры»*. Вот ведь насколько высоко оценивал работу своей радиоразведки командующий фронтом в конце войны! Как будет видно чуть ниже, у них с Жуковым было много общего: того тоже мало интересовали показания пленных немецких генералов. Вот она – психология победителей!

По свидетельству военного журналиста Трояновского, Жуков говорил сотрудникам разведуправления штаба 1-го БФ полковнику Смыслову и капитану Безыменскому (будущий известный исследователь), что его *«не интересуют Кребс, Вейдлинг и другие в Берлине. Готовьтесь к допросам Геринга, Кейтеля, Йодля, Деница»*. Далеко смотрел Георгий Константинович! «Мелкие»

немецкие генералы вроде начальника ОКХ его уже не интересовали, ему подавай показания высших военных рейха. Не совсем понятно это его неуемное любопытство. Что его могло привлекать в возможных откровениях нацистской верхушки?

Зато его почему-то заинтересовал один анекдотический случай, связанный с несанкционированными «переговорами» на участке боев 2-й Гв.ТА. 26 апреля молодому военному переводчику из 1-го ТК этой армии Виктору Боеву удалось то, о чем не могли и мечтать самые пронырливые западные корреспонденты. Он умудрился по телефону взять интервью у рейхсминистра доктора Геббельса.

Во время завтрака, который офицеры штаба корпуса организовали в подвале одного из стандартных кирпичных домов в районе Сименсштадт, в северо-западной части Берлина, зашел разговор о показаниях пленных и о Геббельсе. Во время этого разговора, в котором участвовали также представители кино- и фотодокументалистики в лице кинооператора Романа Кармена и фотокорреспондента Виктора Темина, кто-то из присутствующих предложил переговорить с имперским министром пропаганды. Поскольку немецким владел только Боев, ему и предоставили право «вести переговоры».

На третьем этаже здания нашелся работающий телефон. Автоматически, по московской привычке, Боев набрал «09» и спросил дежурную справочного бюро, как позвонить в министерство пропаганды. Она дала номер коммутатора. Легкость поиска нужного телефона объяснялась очень просто: в Москву до войны поставлялись именно немецкие АТС фирмы «Сименс», и номер справочной у них был тот же.

Геббельс любезно ответил на вопрос Боева о том, как долго немцы собираются сражаться в Берлине – несколько месяцев. Но вот вопрос о времени и направлении бегства счел *«дерзким и неуместным»*. Боев даже успел пригрозить рейхсминистру виселицей, после чего разговор быстро подошел к концу. Вопросов у Геббельса к нашему переводчику не было...

Корреспонденты тут же заставили Боева составить «протокол» состоявшегося краткого разговора, а информацию об этом событии быстренько передали в Москву. Содержание этого «интервью» доставило несколько веселых минут не только телеграфисткам, но и всем окружающим. Самому же Боеву было

совсем не до смеха. Весть о телефонном разговоре распространилась мгновенно. Дошла она и до командующего фронтом маршала Жукова, который, посмеявшись, рассказал об этом в порядке шутки самому Верховному Главнокомандующему.

В самое ближайшее время за переводчиком на броневике прибыл офицер штаба армии, который довольно мрачно предложил проехать с ним «куда следует». Боев на всякий случай прихватил с собой запись разговора, чтобы доложить, как было дело. В штабе шло оперативное совещание. Примерно через час из комнаты, где оно проходило, с группой офицеров вышел командующий армией генерал-полковник Богданов, который на ходу бросил несколько слов адъютанту и удалился. Видимо, у него были какие-то срочные дела.

Адъютант «успокоил» настырного переводчика: *«Ну, лейтенант, считай, что ты в рубашке родился. Командующему сейчас не до тебя. Возвращайся в часть»*. Так участник «исторического интервью» отделался только легким испугом за свой несанкционированный поступок, на который подвигли его безответственные и недисциплинированные корреспонденты. Хорошо, что им не занялся «Смерш», в котором могли бы соответствующим образом интерпретировать этот телефонный разговор с одним из нацистских руководителей.

На участке фронта, занимаемом «группой Штайнера», 26 апреля никаких существенных изменений не произошло. Советские войска оттеснили еще дальше к северу подразделения 5-й ЕгД и 2-й учебно-парашютной бригады из 101-го АК, хотя немцам и удалось восстановить оборону по Гогенцоллерн-каналу.

Немцы констатировали, что утром 26 апреля русские войска ворвались в Заксенхаузен, где был расположен один из самых страшных нацистских концлагерей. Частям 3-й ДМП не удалось предотвратить этот прорыв, это создавало большую опасность для южного фланга и тылов немецкой 3-й ТА.

Части 25-й МД так и не начали наступление на юг с Герменсдорфского плацдарма из-за разгоревшихся там ожесточенных боев. Неудачи войск вуалировали туманными донесениями штаба ГА «Висла» в ОКХ типа: *«Продолжающееся наступление 25-й МД... севернее Герменсдорфа не дало результата. Вражеские*

контратаки с юго-запада и юга... частично отражены. Вечером после сильной огневой подготовки противник возобновил контрнаступление».

Сложная обстановка на этом участке отмечена и в дневнике ОКВ: *«Противник силою примерно до двух дивизий перешел в наступление с созданного против усиленной 25-й МД плацдарма южнее Руппинского канала. В результате сложившейся обстановки командование группы армий не видит возможности для успешного продолжения наступления».*

Еще в 11.45 26 апреля командующий ГА «Висла» генерал-оберст Хейнрици просил разрешения у ОКВ прекратить это наступление «группы Штайнера» западнее Ораниенбурга на Берлин, поскольку там нет никакой надежды на успех, а 25-ю МД и 7-ю ТД бросить на усиление фронта 3-й ТА. Тем не менее Гитлер требовал, чтобы Штайнер продолжал наступление. Командование ГА «Висла» пыталось усилить его группу, передав в ее состав 7-ю ТД. Весь вопрос в том, что после эвакуации из Данцига от этой дивизии, так же как и от 4-й ПолД СС, оставались только отдельные подразделения. Надежд на успех наступления Штайнера на Берлин практически не осталось...

На другом участке боев вне Берлина 26 апреля немцы также успеха не добились. Активность частей 12-й армии в тот день была незначительной, возможно, сказывались тяжелые потери предыдущего дня. Все атаки немцев, пытавшихся пробиться к 9-й армии, были отбиты. По немецким данным, к Берлину рвался только 20-й АК, чья задача была добраться до Потсдама и обеспечить коридор для отхода берлинского гарнизона. Основные силы 12-й армии пытались пробиться именно к армии Буссе.

Генерал Венк четко определил приоритеты в планах своей армии. Он говорил начальнику штаба полковнику Гюнтеру Рейххельму: *«После выполнения этой задачи мы повернем к Эльбе и сдадимся американцам».* Прекращение воздушных налетов Венк довольно наивно расценивал как намерение Запада присоединиться к немцам для совместной борьбы с русскими.

По некоторым данным, отдельные части 12-й армии все же просочились в район Потсдама и через озеро Швилов даже смогли эвакуировать часть окруженных там немецких войск.

Несколько севернее этого участка 7-й Гв.КК, часть сил 9-го Гв.ТК и 6-й Гв.МехК вели бои с немецким 41-м ТК 12-й армии,

пытавшимся прорваться к Берлину из района Ратенов – Бранденбург. В результате этих боев кавалеристы не только овладели Ратеновом, но и окружили противника в Бранденбурге, то есть и тут немецкие попытки прорыва к Берлину потерпели крах.

Тем не менее генерал Вейдлинг почему-то называет 26 апреля «днем надежд». Снова и снова ему в течение дня звонил генерал Кребс и каждый раз сообщал какое-либо радостное известие: то части 12-й армии вроде бы достигли Ферха, южнее Потсдама; то подошло каким-то неизвестным путем пополнение в составе трех хорошо вооруженных маршевых батальонов (неужели эти жалкие батальоны могли что-либо изменить в создавшейся обстановке?); то вдруг Дениц обещал перебросить по воздуху в Берлин «лучшие из лучших» частей флота.

Вот с этой «флотской» помощью Берлину в разных источниках царит полная разноголосица. Приводятся совершенно различные сроки прибытия и состав этого десанта в столицу рейха. Можно привести ряд примеров:

– Конев в мемуарах просто указывал, что *«батальон морской пехоты»* был переброшен по воздуху 26 апреля;

– в работе Ширера «Взлет и падение Третьего рейха» сказано, что этот «батальон» был выброшен на аэродром Гатов и направлен в рейхстаг;

– это же подтверждал и член ВС 5-й УА генерал-лейтенант Боков;

– в книге Проэктора «Агрессия и катастрофа» указывалось, что десант был выброшен в Тиргартене 27 апреля;

– командир 150-й СД генерал-майор Шатилов тоже писал, что *«600 курсантов военно-морской школы из Ростока»* 27 или 28 апреля на транспортных самолетах были переброшены на аэродром Темпельхоф (и это после того, как тот уже был захвачен советскими войсками 26 апреля!) и направлены к рейхстагу;

– начальник политотдела 3-й УА полковник Лисицын писал, что *«батальон»* был выброшен на парашютах в ночь на 28 апреля;

– военный журналист Кузнецов в книге «Дорога мужества» вообще написал что-то совершенно несуразное о *«батальоне курсантов»* в рейхстаге, высаженном в ночь на 28 апреля, и который даже был *«принят фюрером»;*

– военный журналист Трояновский, ссылаясь на командира 79-го СК генерал-майора Переверткина, утверждал, что *«батальон курсантов»* был высажен в ночь на 26 апреля в районе рейхстага;

– вышеупомянутый военкор Мержанов сообщал, что, по показаниям пленного немецкого офицера, в 12.00 (!) 27 апреля *«батальон морской пехоты из Ростока»* был на парашютах выброшен в Тиргартене, вблизи от рейхсканцелярии, а уже оттуда десантники по приказу бригаденфюрера Монке были направлены к рейхстагу через Бранденбургские ворота и через Кенигсплатц;

– генерал-полковник Руденко (авиатор!) говорил о высадке парашютного десанта в ночь на 28 апреля в составе двух батальонов моряков и эсэсовцев.

Немцы тоже не совсем однозначно оценивали прибывшую помощь из рядов кригсмарине:

– генерал Вейдлинг в воспоминаниях говорил, что прибывших моряков было около батальона;

– генерал-майор Крукенберг утверждал, что в Гатов была доставлена всего лишь одна рота моряков;

– бригаденфюрер Монке считал, что в его подчинении было 240 моряков.

Что можно понять из всей этой разноголосицы? Наверное, только то, что факт переброски моряков в Берлин имел место. Но сколько было этих десантников, когда и куда они были действительно высажены, установить на основе этих материалов довольно сложно.

Согласно сведениям, приводимым командующим 16-й ВА генерал-полковником Руденко, к вечеру 27 апреля немцы потеряли все свои аэродромы в Берлине и вблизи него. Так что высаживать с транспортных самолетов после 26 апреля вроде бы было и некуда. Вряд ли можно принять за достоверный факт десантирование на парашютах на город, где в это время шли ожесточенные бои и где весь этот десант был бы уничтожен еще в воздухе. Не говоря уже о том, что морских курсантов вряд ли могли обучать прыжкам на парашюте.

Все эти «охотничьи рассказы» очевидцев, которых мог вводить в заблуждение одинаковый черный цвет формы моряков и эсэсовцев, и основанные на столь «веских» основаниях труды

советских историков свидетельствуют только о соответствующем уровне исследований при описании важных деталей исторических событий.

Как выглядели реальные события с немецкой точки зрения, становится ясно из статьи Расса Фолсома «Немецкая морская пехота защищает Берлин, апрель 1945», написанной на основании немецких источников. Поздно вечером 24 апреля Гитлер приказал Деницу оказать поддержку Берлину путем присылки морских отрядов.

25 апреля вице-адмирал Фосс по указанию гросс-адмирала издал приказ о формировании в кратчайший срок в Штральзунде морского пехотного батальона. Его командиром был назначен капитан-лейтенант резерва Франц Кульман. События развивались настолько стремительно, что он даже не имел времени зарегистрировать своих солдат в персональном списке.

В ту же ночь караван автобусов и грузовиков доставил моряков в аэропорт Тутов, расположенный возле Грайфсвальд-Деммин, в 45 км восточнее Ростока. Там никто и не знал о намечавшейся переброске войск по воздуху в Берлин. Штаб люфтваффе считал поставленную боевую задачу совершенно бессмысленной, так как место назначения – аэродром Гатов – могло быть вскоре захвачено частями Красной Армии.

Только в 02.00 26 апреля после вмешательства старшего морского офицера – корветтен-капитана Вольфганга Диттмерса – пять самолетов Ю-352 из TG4 майора Маусса стартовали с аэродрома Тутов. На их борту находилась первая группа моряков, приблизительно 180 молодых кадетов (17–19 лет), шесть офицеров и штаб батальона, состоявший только из командира, адъютанта и ординарца.

Полет продолжался около 50 минут, после чего в лунном свете группа самолетов достигла Берлина. Они были встречены сильным зенитным огнем в районе аэродрома Гатов. Два «юнкерса» благополучно приземлились, выгрузили моряков. Взяв на борт тяжелораненых, они через 20 минут стартовали и затем вернулись назад в Тутов.

Третий Ю-352 вернулся в Тутов, якобы не обнаружив посадочной полосы, как было сказано в рапорте пилота. Последний был немедленно арестован фельджандармерией. Четвертый самолет разбился в районе Барта, после того как был поврежден

огнем зенитной артиллерии над Берлином. Согласно неподтвержденному заявлению, пятая машина приземлилась в Берлине на магистрали Ост – Вест.

Результатом действия импровизированного воздушного моста было то, что в Берлин были доставлены до 110 моряков, в том числе четыре офицера. Таким образом, из ожидающих отправки двух-трех тысяч человек только 3–5% смогли реально достичь окруженного горящего города.

Вечером 26 апреля в рейхсканцелярию к вице-адмиралу Фоссу прибыл капитан-лейтенант Кульман, который прилетел из Фленсбурга на самолете Ю-352, приземлившемся, видимо, около Бранденбургских ворот. После настойчивых просьб Фосса Гитлер согласился принять моряка. Фюрер вяло пожал Кульману руку и сообщил, что морской офицер назначен в боевую группу Монке, в составе которой его отряд будет оборонять правительственный квартал. Кульман вместе со своими подчиненными был размещен в подвале здания министерства иностранных дел, расположенного рядом с рейхсканцелярией.

По словам адъютанта фюрера Гюнше, следующей ночью в Берлин должны были прилететь боевые пловцы из диверсионно-штурмовой части ВМС. Но якобы их прилет был сорван обстрелом места приземления. На следующий день три других самолета (ФВ-200, Ю-290) попытались приземлиться в аэропорту Гатов с 45 «пассажирами» из 1-й радиолокационной тренировочной части с острова Фемарн. Однако лишь одной из машин удалось приземлиться в Гатове. Другой самолет был сбит над Потсдамом, а последний вернулся на свою базу из-за проблем с двигателями.

Солдаты Кульмана, прижатые артогнем в укрытиях у Бранденбургских ворот, очень долго ждали, пока офицеры СС доставят их на грузовиках в рейхсканцелярию. Там они поступили под командование бригаденфюрера СС Монке – командира оборонительного района «Z» («Цитадель») и военного коменданта рейхсканцелярии. Они были введены в бой в окрестности рейхсканцелярии, министерства и Анхальтского вокзала в течение последующих дней. Моряки в этих боях понесли тяжелые потери от огня снайперов, артиллерии и минометов.

Можно подсчитать общее количество моряков-курсантов, сражавшихся в Берлине: за два рейса в столицу рейха было доставлено всего около 120 человек – то есть одна рота. Вот эта

небольшая группа людей, одетых в черную морскую форму, и мерещилась советским военачальникам различного ранга в разных районах города.

По мнению историка Тике, прибытие подразделения моряков было последним случаем приземления немецких самолетов на аэродроме Гатов. Он считал, что аэродром, который защищали группа курсантов люфтваффе, батальон фольксштурма под общим командованием генерал-лейтенанта ВВС Мюллера, 27 апреля был захвачен советскими войсками.

Немецкое командование все еще пыталось хоть как-то активизировать свои войска вне окруженного Берлина. Кейтель продолжал отправлять отчаянные радиограммы подчиненным. Так, в 02.30 26 апреля была послана радиограмма гросс-адмиралу Деницу в подтверждение ранее отданному распоряжению Гитлера: *«Битва за Берлин станет сражением за судьбу Германии... Вы должны поддержать битву за Берлин... Войска следует доставить воздушным транспортом в сам город, а по суше и воде на подступах к Берлину...»*

Какими войсками в то время мог располагать гросс-адмирал, кроме ряда подразделений морских курсантов? О том, чем он мог помочь осажденному Берлину, было сказано чуть выше.

В 03.30 ушла радиограмма Шернеру: *«Группа армий «Центр» после выяснения обстановки* (?) *должна атаковать на северном направлении между Бауценом и Дрезденом с целью отвлечь силы противника от Берлина»*. Шернер, располагая вполне достаточными силами, попытался нанести удар по войскам 1-го УФ в указанном районе, но не достиг каких-либо заметных успехов.

Генералу Винтеру на юг также было направлено совершенно фантастическое распоряжение об организации наступления на Берлин. Как и кого он мог бросить на спасение нацистской верхушки в столице рейха, не располагая практически какими-либо реальными возможностями и не имея под рукой никого, кроме своих чудом уцелевших генштабистов?

Несмотря на все «обнадеживающие известия» во второй половине дня 26 апреля, по мнению генерала Вейдлинга, положение обороняющихся продолжало ухудшаться. Он со своего КП доложил Кребсу о глубоких прорывах русских на многих

участках и просил освободить его от вечернего доклада в бункере в связи с большой загрузкой. Но Кребс снова начал успокаивать его. По мнению начальника ОКХ, *«самое позднее завтра* (то есть 27 апреля) *в течение дня должен был быть установлен непосредственный контакт с 12-й армией»*. Как жестоко он ошибался!

Действительно, 26 апреля в Берлине разгорелись уличные бои, ведущиеся с обеих сторон с крайним ожесточением. После того как советские войска постепенно заняли северо-восточные и восточные предместья города, они вышли в тесно застроенные городские кварталы, где сопротивление немцев усилилось. Буквально метр за метром советские солдаты продвигались по Франкфуртер-аллее. Утром 26 апреля советские войска заняли район вокруг Андреасплатц, а вечером вышли к станции метро вблизи Александерплатц.

Каким образом немецкое верховное командование пыталось управлять войсками, находясь в окруженном Берлине? Ситуация создалась достаточно парадоксальная. Ведь на протяжении всей войны ОКХ и ОКВ руководили своими попавшими в окружение войсками, находясь в своем тылу. Теперь же оно само, в лице начальника ОКХ и верховного главнокомандующего, оказалось в «котле» и уже его нужно было вызволять из окружения.

Конечно, Кейтель и Йодль с остатками своего штаба находились вне Берлина. Тем не менее они согласно субординации должны были согласовывать свои действия с Кребсом и Гитлером, находившимися в столице рейха. Для этого, как ранее правильно указывал Йодль, нужна была хорошо работающая связь.

О состоянии радиосвязи в бункере рейхсканцелярии уже рассказывалось выше. Каково же было положение телефонной связи Берлина с внешними миром? Согласно показаниям адъютанта Гитлера штурмбаннфюрера Гюнше, *«в ночь с 25 на 26 апреля русские перерезали последний телефонный кабель, связывавший Берлин с другими населенными пунктами»*.

В работах же советских историков Дашичева, Розанова и Проэктора, обычно не уделявших «малозначащим», на их взгляд, деталям исторических событий, приводятся некоторые сведения о состоянии связи. Из них можно сделать вывод, что последняя беседа Йодля с Гитлером в присутствии Кребса и Бергдорфа состоялась в 18.00 26 апреля по *«подземному телефонному кабелю»*, что подтверждается и записью в дневнике ОКВ.

Кейтель тоже утверждал, что в ночь на 26 апреля разговаривал с фюрером по телефону о разделении командования, которое последний пока отклонил, ссылаясь на тот факт, что *«линии связи еще не перерезаны»*.

Поздно вечером в бункер пришло донесение из штаба ГА «Висла», кроме того, в объединенный штаб ежечасно поступали из бункера запросы об обстановке. Штаб ОКВ также продолжал по телетайпу отдавать приказы штабу ГА «Висла». Типпельскирх тоже указывал, что в ночь на 27 апреля Гитлер в последний раз связался с Шернером по телефону и приказал тому организовать удар во фланг наступающим на Берлин частям 1-го УФ.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что телефонная связь между Берлином и штабами вне города продолжала действовать до поздней ночи 26 апреля. Остается предположить, что Гюнше просто немного подвела память, что при постоянных артобстрелах рейхсканцелярии было не мудрено. Хотя при допросах в ОКВ «Смерш» 3-й УА, в которых принимала участие переводчица отдела Ржевская, отразившая потом этот эпизод в своей книге, было отмечено, что Гюнше вел себя адекватно, рассуждал вполне здраво, давая показания по свежим следам.

Радиосвязь в самом Берлине была крайне затруднена. В работе «Последний штурм» говорилось, что радисты 1-го БФ жаловались: высокие дома в городе и огромное количество работающих радиостанций создавали сильные помехи радиосвязи, которые было очень трудно устранить. Поэтому они старались поднять свои антенны повыше – на крыши окружающих домов.

Видимо, не особенно доверяя работе систем связи, Кейтель в ночь на 26 апреля пытался даже вылететь в Берлин, но не позволила погода – низкая облачность и густой туман, дым. Хотя, возможно, он просто пытался имитировать бурную деятельность. В это же время пришлось отказаться от вылета в столицу рейха и фон Грейму, одному из немецких авиационных генералов, который не побоялся откликнуться на вызов из Берлина.

Военкор Мержанов писал, что 26 апреля в Тиргартене отмечалась вырубка деревьев полосами вдоль шоссе. Видимо, обитатели бункера даже в этой сложной ситуации не оставляли мысли о вылете из Берлина, пытаясь организовать очередной воздушный мост. Мержанов отмечал, что взлетная полоса была под обстрелом и при взлете с нее даже разбился самолет Ю-52.

Этот факт нашел свое подтверждение в работе Гана. Он писал, что в день прилета Грейма над Берлином сначала был произведен сброс нескольких сотен контейнеров с грузами, а в 10.30 на автомагистрали Ост – Вест приземлились два Ю-52. Один из них с ранеными на борту смог потом взлететь, а другому не повезло – «юнкерс» задел крылом развалины ДОТа и рухнул на соседнюю улицу.

Значит, импровизированный аэродром был достаточно серьезным, раз там можно было принимать транспортные самолеты с размахом крыльев около 29 метров. Хотя шансов на успешные взлеты и посадку было маловато, потому что взлетно-посадочная полоса была в зоне досягаемости русской артиллерии, да и блокада города с воздуха была достаточно плотной. Тем не менее приземления отдельных самолетов на магистрали Ост – Вест отмечались даже 27 и 28 апреля.

Но даже столь ничтожную возможность попасть в Берлин и предстать перед очами своего фюрера, правда, со второй попытки, использовал 26 апреля отважный Роберт фон Грейм! Ведь когда начальник штаба люфтваффе генерал-оберст Коллер запросил своих подчиненных, возможен ли полет в Берлин, ему, по сведениям Хью Томаса, ответили категорически «нет!».

Конечно, фон Грейм не по своей воле принял участие в этом опаснейшем эксперименте на выживание, проведенном в крайне экстремальных условиях, где ставкой была жизнь заслуженного авиационного генерала.

Вызов в Берлин командующего 6-м воздушным флотом стал следствием снятия со своего поста шефа люфтваффе рейхсмаршала Геринга. В критический момент немецкие ВВС остались без главнокомандующего, даже такого номинального, как Геринг.

Гитлер давно вынашивал мысль о замене «обанкротившегося» Геринга. Появление фон Грейма в ставке Гитлера еще в конце сентября 1944 г. подтверждал адъютант фюрера от ВВС полковник фон Белов, о чем ему рассказали другие адъютанты – майор фон Шимонский (адъютант Кейтеля по ВВС) и адъютант от ВМС капитан-цур-зее Путткамер. Последний, видимо, с подачи Деница, не мог терпеть Геринга и выражал недовольство затяжкой принятия решения. Гитлер колебался: он хотел сде-

лать фон Грейма фактическим главнокомандующим, формально не лишая своего старого соратника звания «почетного главкома». Чуть позднее Гитлер сам рассказал фон Белову о переговорах с Греймом, но тот предложил какой-то другой вариант решения вопроса, который не устроил фюрера.

По свидетельству знаменитого оберштурмбаннфюрера Отто Скорцени, он в сентябре 1944 г. встретил в Растенбурге свою старую знакомую, летчицу Ханну Рейч, которая «сопровождала» фон Грейма во время его визита в ставку фюрера. Этот аристократ с тонкими и благородными чертами лица, изборожденного глубокими морщинами (в противовес зверской физиономии самого освободителя Муссолини), которые резко контрастировали с белыми как снег волосами, произвел на Скорцени сильное впечатление не только своим неординарным внешним видом, но и весьма здравыми суждениями.

Фон Грейм популярно объяснил знаменитому диверсанту причину своего вызова в ставку и рассказал о возможности своего нового назначения, которое пока было отложено из-за того, что Гитлер еще не принял окончательного решения, хотя оно, конечно, и так сильно запоздало.

1 ноября 1944 г. Грейм еще раз побывал у Гитлера, и они вновь пытались найти приемлемое решение. Но что-то опять не сложилось, и Грейм заявил фон Белову, что *«пока все остается по-старому»*. Причем, по мнению самого фюрера, Геринг знал о ведущихся переговорах. Единственным следствием всех этих обсуждений состояния дел в немецких ВВС явилось назначение нового начальника штаба люфтваффе. Вместо генерала авиации Крейпе, который по каким-то причинам не устраивал Гитлера и против кого активно интриговал представитель Гиммлера при ставке группенфюрер СС Фегеляйн, был назначен генерал-полковник Карл Коллер.

В апреле 1945 г. домашняя заготовка наконец сработала. Хотя Тоомсваре в своей работе «Стратеги Третьего рейха» и писал, что выбор фюрера был *«почти случаен»*, это, конечно же, не соответствовало действительности. Фон Грейм ведь был первым личным пилотом фюрера, и отношения у них были совершенно особые, указывается в работе Черной «Нацист №1».

В марте 1920 г., во время капповского путча, фон Грейм доставил Гитлера и поэта-нациста Эккарта в Берлин, где эти

господа собирались войти в состав нового национального германского правительства. Потом он выступал в показательных выступлениях, демонстрируя на самолете фигуры высшего пилотажа. Позже фон Грейма занесло даже в Китай, где он в качестве советника помогал создавать ВВС в армии Чан Кайши.

Фон Грейм был фанатичным нацистом, прямо-таки боготворил фюрера и был ему безгранично предан, что было немаловажным фактором для Гитлера после «измены» Геринга. Гитлеру явно импонировал этот высокий баварец с прусской выправкой, еще в Первую мировую войну награжденный кайзером за храбрость одним из высших германских орденов Pour Le Merite с присвоением рыцарского звания «Риттер». Этот титул, стоящий перед фамилией, многими отечественными простодушными исследователями воспринимался как имя. Конечно, эту мелочь можно и простить «знатокам Германии» на фоне прочих ляпов и измышлений.

Как многие диктаторы, Гитлер, будучи ниже среднего роста, питал явную симпатию к высоким и здоровым людям, особенно к летчикам. Правда, в вышеупомянутой работе Тоомсваре указывалось, что Грейм был одного роста с фюрером и что это относится к его достоинствам – Гитлер, мол, мог говорить с ним, глядя прямо в глаза. Забегая вперед, можно сказать, что подобной сцены просто не могло быть, потому что раненный в ту ночь Грейм физически не мог стоять перед своим фюрером.

Гитлер приказал адъютанту от ВВС полковнику фон Белову вызвать фон Грейма в Берлин по *«чрезвычайно сложному делу»* еще 24 апреля. Проблема попасть из Мюнхена в столицу рейха, практически окруженную советскими войсками, была тогда уже довольно сложной. Фюрер к тому времени так привык к экстраординарным спектаклям, что уже не мог считаться с элементарной целесообразностью.

Грейм, видимо, не очень надеясь на свое искусство пилота, взял с собой подругу – знаменитую летчицу Ханну Рейч. Подчиняясь полученному приказу, они в ночь на 26 апреля прибыли в Рехлин, севернее Берлина, готовясь немедленно вылететь в столицу. По имеющимся сведениям, они сначала собирались лететь на единственном «жироплане» (вертолете), находившемся на аэродроме. Однако в тот день он был поврежден. Из-за этого им пришлось воспользоваться самолетом ФВ-190. Этим самолетом

управлял некий фельдфебель, который два дня тому назад «возил» к Гитлеру Альберта Шпеера и имел опыт полета по данному маршруту.

Ханна Рейч, чувствуя свою ответственность за фон Грейма как его личный пилот и близкий друг, попросила генерала взять ее с собой. Для полета был выбран ФВ-190 со вторым местом, расположенным позади кресла пилота. Рейч сумела просунуться в хвост самолета через небольшой аварийный лючок.

Фон Грейм вылетел с аэродрома Рехлин под прикрытием 40 истребителей. Сразу же после взлета они были атакованы русскими истребителями. На бреющем полете, теряя по дороге самолеты, кортеж фон Грейма достиг аэродрома Гатов, который в то время еще находился в руках немцев и мог принимать самолеты. «Фокке-вульф» генерала добрался до цели, будучи обстрелян зенитной артиллерией и получив несколько попаданий в крылья. Сопровождавшие фон Грейма истребители понесли тяжелые потери. По сведениям военкора Мержанова, в районе Гатова генерала сопровождало только десять истребителей...

Посадка в Гатове также прошла под обстрелом русских самолетов, которые в тот момент производили налет на этот аэродром. Немецким пилотам удалось прикрыть своего будущего главнокомандующего, машина которого смогла благополучно приземлиться. По мнению Толанда, посадка на полуразбитую взлетно-посадочную полосу состоялась в 18.00. По данным Мержанова, тогда аэродром подвергался артобстрелу.

Немедленно была сделана попытка связаться по телефону с рейхсканцелярией, но ни одна линия связи не действовала! Было решено вылететь в Берлин на легком самолете типа «Физелер-Шторх» или «Арадо-60». Этот вылет вечером 26 апреля подтверждал также и Кейтель. Самолет поднялся под аккомпанемент боя, начавшегося между русскими и немецкими истребителями.

Грейм со своей «пассажиркой» сумел на высоте нескольких метров оторваться от преследователей и на уровне верхушек деревьев направил самолет к центру Берлина. Понятно, что к тому времени летать над городом стало очень опасно, это и подтвердилось во время этого безумного полета, который кроме как смертельным трюком и не назовешь. Над Грюневальдом фон Грейм был ранен, так как русские войска не могли не отреагировать на столь наглые действия немецкой авиации.

По поводу его ранения не все ясно, так как в различных источниках этот факт описан по-разному: осколком снаряда зенитки в ступню, ружейной пулей в пятку или же осколками снаряда в грудь и ногу. Все возможно, так как по этой наглой «стрекозе», порхающей в светлое время над позициями, наверняка стреляло все, что могло стрелять.

Подробно факт ранения последнего немецкого фельдмаршала нигде не описан. Мужественный немец сидел в маленьком простреленном самолете, скрюченный в три погибели. Раненный в правую ногу, фон Грейм уже не мог управлять самолетом. Тут в действие вступила Ханна Рейч. Она взяла управление самолетом в свои руки и довела его прямо над крышами домов до пункта назначения. Ханна с ловкостью цирковой артистки сумела посадить самолет на изрытой воронками улице и спасла своего «бойфренда». Самолет был сильно поврежден, из пробитых баков вытекало горючее. Сказалось блестящее летное мастерство этой немецкой «Полины Осипенко».

Эта «юнге фрау» – спутница фон Грейма – одна из немецких женщин, награжденная Железными крестами 2-го и 1-го классов, мягко говоря, была несколько эксцентрична. Она предложила создать специальную авиакоманду по типу японских камикадзе в составе 1000 человек, но ее предложение было отвергнуто. Идея «священного ветра» не нашла отклика даже у фанатиков в нацистском руководстве Германии. По свидетельству начальника охраны фюрера Ганса Раттенхубера, Ханна Рейч производила впечатление фанатичной истерички. Но вот фюрер якобы говорил, что Ханна посадит самолет и в переулке! И был недалек от истины...

С местом посадки опять не все ясно. Источники, как всегда, дают несколько вариантов, которые можно свести к двум: на магистрали Ост – Вест у Бранденбургских ворот, в 200 метрах от рейхсканцелярии, и на Шарлоттенбургштрассе в Тиргартене. Место посадки было обстреляно не только артиллерийским, но и ружейно-пулеметным огнем. Рейч с присущей ей энергией тут же после приземления реквизировала какую-то автомашину, на которой генерал был доставлен к бункеру Гитлера. Первая помощь была оказана ему уже по дороге.

Рейч указывала время прибытия в бункер между 18.00 и 19.00 26 апреля, что также подтверждал и адъютант фюрера фон Белов.

На носилках фон Грейм был доставлен в бункер и тут же в госпитале, расположенном в бомбоубежище рейхсканцелярии был прооперирован личным врачом Гитлера доктором Штумпфэггером и доктором Хаазе.

После операции Гитлер посетил раненого и, по словам Рейч, выразил фон Грейму глубокую благодарность за его прибытие в Берлин. Фюрер был настолько растроган, заявив о том, что даже солдат имеет право не подчиниться приказу, если все говорит за то, что выполнение этого приказа бесполезно и безнадежно. После этого реверанса Грейм доложил фюреру о своем прибытии в официальном порядке.

В последующей беседе Гитлер подробно рассказал Грейму об «измене» Геринга и принятых в связи с этим мерах. Фон Белов дополнил сказанное тем, что Гитлер ожидал активного вмешательства люфтваффе в битву за Берлин, хотя и знал, что боеспособных авиасоединений больше нет.

В заключение фюрер произвел фон Грейма в фельдмаршалы и назначил его главнокомандующим ВВС. Потом в ответ на просьбы прибывших Гитлер разрешил им пока остаться в бункере, чтобы *«восстановить честь ВВС, поруганную Герингом»*.

Прибыв по приказу фюрера в Берлин, фон Грейм был лишен возможности командовать остатками люфтваффе. То есть результат получился прямо противоположный задуманному. Ведь находясь в Мюнхене в штабе 6-го воздушного флота, который обладал в тот момент еще некоторой реальной боевой мощью, новоиспеченный фельдмаршал мог бы хоть как-то попытаться помочь безнадежной борьбе последних частей вермахта.

Фон Грейм, находясь, видимо, все еще под действием наркоза после операции, пообещал Гитлеру мобилизовать все силы для *«последнего и решительного удара»*. Фюрер был весьма растроган этими импульсивными заверениями нового главкома люфтваффе. Настоящий театр абсурда!

Русские войска весьма своеобразно отреагировали на появление в бункере двух «воздушных трюкачей». По свидетельству Ханны Рейч, рейхсканцелярия в ночь на 27 апреля (да и потом – в ночь на 28 апреля) *«подвергалась сильнейшему артобстрелу со все увеличивавшейся интенсивностью, а точность попадания была поразительной»*. Как говорила немецкая летчица, *«снаряд в снаряд»*. Видимо, артиллеристы пытались на земле компенсиро-

вать свою относительную неудачу в воздухе, когда старенький тренировочный самолетик проскочил прямо в центр города.

Действия авиации 1-го БФ над Берлином были весьма затруднены. Из-за многочисленных пожаров город был окутан облаком дыма, который поднимался на высоту до 2000 метров, а горизонтальная видимость не превышала 500–1000 метров. Поэтому в этих условиях для ударов по немецким войскам применялись только одиночные бомбардировщики с лучшими экипажами, чтобы избежать возможность поражения своих войск.

Стоит, вероятно, привести еще один малоизвестный факт, связанный с действиями авиации над Берлином. Как ни странно, одной из жертв авиационных налетов советских авиаторов – как известно, авиация союзников не действовала над столицей рейха с 22 апреля, – стал один знаменитый старик. По имеющимся данным, 26 апреля в Берлине в возрасте 72 лет при налете погиб генерал-лейтенант Павел Петрович Скоропадский, последний украинский гетман, правивший на Украине при поддержке кайзеровских войск с апреля по декабрь 1918 г. Ушел из жизни один из первых врагов Советской власти, вынужденный после поражения жить в эмиграции. Месть большевиков настигла его только в столице рейха. Хотя далеко не каждый из советских воинов смог бы его вспомнить.

Кроме того, в этот день в Берлине «приказала долго жить» и нацистская газета «Фелькишер беобахтер» – выпуск ее был прекращен. Вместо нее начал выходить некий листок под претенциозным названием «Panzerbär», что в вольном переводе означает «Бронированный медведь». Эта смена пропагандистской вывески уже вряд ли могла помочь нацистам в тот момент.

Из бункера продолжали рассылаться и радиограммы с отчаянными призывами о помощи. В 22.15 вице-адмирал Фосс по каналу связи ВМС направил гросс-адмиралу Деницу следующую радиограмму: *«В битве за Берлин радующие успехи (?). Армия Венка с юго-запада и 9-я армия с юго-востока. Также ударная группа Штайнера продвигается. В самом городе обострение положения, особенно в правительственном квартале, который постоянно подвергается сильному обстрелу и бомбардировке. Фюрер надеется, что операции за пределами города облегчат положение. Самым быстрым образом надо провести все возможные мероприятия».*

Судя по тексту, Фосс пользовался теми же источниками информации, что и армейское командование, о «достоверности» которых уже говорилось выше. Его надежды и опасения были понятны.

Четко просматривались и перспективы его фюрера... Днем 26 апреля Траудль Юнге, одна из секретарш Гитлера, рискнула спросить его: *«Мой фюрер, не думаете ли вы, что немецкий народ ждет, что вы погибнете во главе своих войск в бою?»* Гитлер устало ответил: *«Я фактически больше не в состоянии бороться. Мои дрожащие руки вряд ли смогут держать пистолет. Если меня ранят, я не найду никого из моих людей, кто меня застрелит. А я не хочу попасть в руки русских»*.

27 апреля

В последние два дня утро для обитателей бункера рейхсканцелярии начиналось весьма однообразно. По свидетельству офицера для поручений при начальнике ОКХ ротмистра Больдта, с утра 27 апреля бункер снова подвергался сильному артобстрелу, который в течение 15 минут был *«подобен землетрясению»*. В 05.30 после небольшого перерыва артобстрел возобновился с еще большей силой и был *«подобен непрерывным раскатам грома»*. Гитлер жаловался своему окружению, что он *«больше не может спать; если ему удается заснуть, сразу начинается обстрел»*.

В парке рейхсканцелярии после обстрела вспыхнул пожар – сгорели бараки для шоферов и офицеров. Верхний слой бетона над бункером, поврежденный ранее разрывами авиабомб, был пробит. Из-за дыма и пыли приходилось даже выключать вентиляторы в бункере более чем на час, видимо, фильтры были недостаточно хороши . Из-за этого обитатели бункера начинали страдать от недостатка воздуха.

Это сильно осложняло жизнь фюрера и его окружения, не говоря уже об отсутствии нормальных условий для работы штабных офицеров. Не мудрено, что в таких условиях фюрер, по свидетельству Ханны Рейч, которая воочию наблюдала своего кумира в течение трех дней, *«...шагал по бункеру, размахивая дорожной* (!) *картой, которая уже почти расползлась от пота в его руках, строя планы кампании Венка!»*. Недостаток кислорода и бессонница, видимо, начинали здесь явно сказываться, так что вырисовывалась абсолютно клиническая картина...

Со связью в рейхсканцелярии тоже стало еще хуже. Бригаденфюрер Монке, который командовал боевой группой в районе рейхсканцелярии, утверждал, что из-за плохого состояния радиосвязи важные радиограммы отправлялись с большой задержкой. Ему вторил и представитель ВМС в ставке фюрера адмирал Фосс, который сожалел, что *«события развивались быстрее, чем мы предполагали. Огонь со стороны советских войск настолько усилился, что связь с учреждениями, находившимися вне Берлина, была быстро утеряна»*. Все это, по свидетельству ротмистра Больдта, объяснялось тем, что 27 апреля была сбита антенна 100-ваттной радиостанции. Адъютант Гитлера Гюнше также подтвердил потом, что радиосвязь в этот день нарушалась несколько раз.

По словам начальника гаража рейхсканцелярии Кемпки, обстановку в районах Берлина обитатели бункера узнавали от поступавших туда раненых. Понятно, что это был не самый надежный канал получения информации. Кемпка вообще утверждал, что к 22.00 27 апреля все радиосредства рейхсканцелярии уже не работали, а связь поддерживалась только одним радиофургоном, расположенным в угольном бункере. Иначе, по его словам, фюрер-бункер был бы лишен всякой радиосвязи! Конечно, к показаниям очевидца необходимо отнестись со вниманием, поскольку тут явно прослеживается стремление выпятить значение своей персоны.

Рассерженный Гитлер на ночном совещании 27 апреля так говорил о состоянии связи: *«надо, наконец, наладить связь с 9-й армией. Радиосвязь есть лишь полчаса в день. Тито с помощью коротковолновых передатчиков разговаривает со своими партизанами на всех Балканах»*. Радиослужба пропаганды Геббельса работала пока исправно – берлинцев пытались подбодрить передачами о генерале Венке.

Что же пыталось в этот день сделать реально германское верховное главнокомандование? Кейтель 27 апреля направил телеграмму командующим 9-й и 12-й армиями, а также ГА «Висла» (то есть связь ОКВ с войсками функционировала нормально, не в пример Берлину) следующего содержания: *«Битва за Берлин достигла своего кульминационного пункта. Спасти положение можно только при условии, если удастся быстро объединить 9-ю и 12-ю армии и немедленно бросить их в наступление на*

север и если усиленный корпус Штайнера будет продвигаться на Тегель». Йодль фактически вторил ему в своем обращении к командующим: *«Фюрер приказал: концентрические удары 9 и 12-й армий должны быть направлены не только к спасению 9-й армии, но главным образом к спасению Берлина...»*

Подобные судорожные указания верховного командования (надо же выполнять приказы фюрера!) только показывали, что немецкое военное руководство почти полностью потеряло контроль за обстановкой.

В дневнике ОКВ за 27 апреля приведена оценка инициатив Кейтеля: *«В этой обстановке, когда верховное командование занято почти исключительно битвой за Берлин, Кейтель счел необходимым обратиться с «героическим призывом» к войскам 9-й и 12-й армий, чтобы заставить их действовать с большей активностью и самоотверженностью...»* В отличие от своих руководителей немецким штабистам все уже было ясно, о чем свидетельствует запись в дневнике ОКВ: *«Несмотря на все приказы и мероприятия по оказанию помощи Берлину, этот день явно свидетельствует, что приближается развязка битвы за столицу Германии...»*

«К 27 апреля катастрофическое положение 9-й армии достигло своего пика», – писал немецкий историк Тике. Поскольку советские войска захватили Тойпитц, последняя лазейка к западу от Хальбе была закрыта, прежде чем основные силы 9-й армии смогли ее достичь.

Тем не менее немецкие войска продолжали ожесточенно сопротивляться. Утром 27 апреля командующий 9-й армией генерал Буссе решил предпринять новую попытку прорвать кольцо окружения. Хотя, несмотря на приказ ОКВ, он рвался явно не в сторону столицы рейха.

Части МД «Курмарк» вели тяжелые бои у Зельхова. Остатки дивизии к вечеру собрались у одноименного озера, где занялись уничтожением лишнего имущества, которое не могло пригодиться в бою. Горючее из брошенных автомашин слили для заправки оставшихся танков и САУ. Машины, перевозившие обозное имущество, уничтожили. Потом остатки дивизии продвинулись к лесничеству Хаммер, где снова вступили в бой с русскими.

Западнее Вольцигского озера вели бой части 32-й ПД СС. Унтерштурмфюрер Берман, который был ранен и лежал в расположении роты МТС, находившейся в лесу, вспоминал: *«Повсюду*

Условные обозначения
Фронт войск 1 БФ, 1 УФ к противнику к утру 28.4
Фронт наших войск к противнику к исходу 26.4
Фронт наших войск к противнику к исходу 27.4
Фронт наших войск к противнику к исходу 28.4
ЛУКЕНВАЛЬДЕ
ЮТЕРБОГ
ЗОССЕН
ЗАГАНЬ
ЛЮБЕНЬ
ЛЮБЕРЕЦ
ШТРАУПИТЦ
ОБРИГАУ
ТЕРПЕ
ЦОССЕН
ЗАЛОВ
РОЗЕНТАЛЬ
ШЕНЕФЕЛЬДЕ
КУНЕРСДОРФ
МИТТЕНВАЛЬДЕ
ЗЕЕЛОВ
ГЕНШКЕ
ШПРЕВА
ЛЕБЕНЗЕЕ
ШЕНЕБЕК
ВЕНДИШ-БУХХОЛЬЦ
ПРЕНЦЛАУ
ЗЕЛОВ
ШТЕТТИН
ШВЕДТ
ЗЕЕЛОВ
ЗЕЕЛОВ
ЗЕЕЛОВ

все были заняты выкачиванием и перераспределением бензина. Все автомашины, которые нам были уже не нужны в бою и при прорыве, были сожжены».

Ожесточенные бои шли 27 апреля также в районе Меркиш-Бухгольц, так как через этот населенный пункт проходили дороги на Хальбе. Через это «игольное ушко» должны были прорываться части 5-го ГСК СС и 5-го АК. Немцы раз за разом прорывали русские заслоны у Меркиш-Бухгольц, но всякий раз русские, упорно сопротивляясь, останавливали их.

Советские войска в течение 27 апреля, сжимая окруженную группировку с севера, востока и юга, продолжали добивать небольшую немецкую группировку в лесу севернее Барута, которая не прекращала попыток вырваться из окружения группами до 1000 человек с 10–12 танками и 10–20 БТР.

Немецкие атаки следовали одна за другой. Бои принимали характер рукопашных схваток. Отдельные подразделения советских войск в этих сложных условиях сами попадали в окружение и несли большие потери. Совместными усилиями 96-й, 50-й, 54-й Гв.СД и 395-й СД, а также 68-й ТБр дорога Барут – Вюнсдорф была очищена от противника, а прорвавшаяся группировка была почти полностью ликвидирована. Были захвачены 6200 пленных, 47 танков, 18 орудий и минометов.

Одновременно с этим части 3-й, 69-й и 33-й армий 1-го БФ плотно зажимали окруженных, нанося им концентрические удары, пытаясь рассечь их на части. Но немецкая группировка все время выскальзывала из-под ударов и, сжимаясь, как пружина, в свою очередь, давила на войска 1-го УФ. Уплотняя боевые порядки, немцы действовали все активнее, так как их цель была ясна – прорваться к армии Венка, а о прорыве к Берлину кто-либо из них вряд ли мог бы мечтать. На участке 3-й Гв.А 1-го УФ немецкие атаки не прекращались ни днем, ни ночью. Но с утра 27 апреля 76-й и 21-й СК 3-й Гв.А сами перешли в наступление при поддержке 25-го ТК и все же отбросили немцев за Люббен и Тойпитц, установив связь с 33-й армией из 1-го БФ.

К исходу 27 апреля кольцо окружения сжалось еще сильнее: площадь, занимаемая окруженной группировкой, не превышала 400 кв.км. Тем не менее ситуация оставалась напряженной. Своеобразие обстановки, по словам маршала Конева, было в том, что группировка немцев была подвижна и активна, стремилась

прорваться во что бы то ни стало всеми силами и средствами. Чтобы не выпустить ее на запад, советским войскам приходилось драться с перевернутым на восток фронтом.

По утверждению Конева, *«...противник принимал самые отчаянные и неожиданные решения. Он осмеливался идти на прорыв там, где при других обстоятельствах не рискнул бы сделать»*. Конечно, компактное расположение немецкой группировки на ограниченной площади *«позволяло ей быстро создавать на нужных направлениях ударные силы, добиваясь короткого, но решающего превосходства на узких участках прорыва»*. Так в извинительном тоне объяснял Конев причины столь долгой борьбы с немецкой группировкой. Хотя он утверждал, что *«мы относились ко всему происходящему с достаточным хладнокровием»*. Надо признать, что советское командование маневрировало довольно быстро и грамотно использовало имеющиеся резервы, благо их было достаточно.

Похвалы в адрес командования немецкой 9-й армии и ее командующего генерала Буссе у Конева тоже нашлись, что крайне редко встречается в воспоминаниях советских военачальников. Сравнивая действия 12-й армии и 9-й армии противника, он отдавал предпочтение последней. По его мнению, Венк, получив свое в первых боях, в дальнейшем продолжал воевать «по протоколу», чтобы *«только выполнить приказ, не более»*. А 9-я армия, пробиваясь из окружения, *«действовала смело, напористо, дралась насмерть»*. Как говорил Конев: *«...даже в самых тяжелых условиях 200 000 бойцов – это двести тысяч, тем более когда они целеустремленны и отчаянно пробиваются...»* Маршал признавал, что таким характером действий 9-я армия *«...доставила нам немало неприятностей и трудностей в последние дни войны»*.

Войска немецкой 12-й армии, о которой несколько пренебрежительно отозвался маршал Конев, продолжали тем не менее в течение 27 апреля ожесточенно атаковать части 5-го Гв.МехК и 13-й армии и на отдельных участках даже потеснили их.

Днем 27 апреля отдельные части 12-й армии продвинулись до населенного пункта Ферх, в 15 км южнее Потсдама, о чем немцы тут же поспешили сообщить в сводке верховного командования. Венк был крайне возмущен этим опрометчивым заявлением. В разговоре со своим начальником штаба он утверждал, что завтра продвижение не удастся, так как их местонахож-

дение было так беспечно раскрыто, и рассматривал подобные действия руководства как предательство.

Не рассчитывая далее на какое-либо продвижение своих частей к Берлину, Венк выдвинул предложение о прорыве берлинского гарнизона навстречу 12-й армии. Типпельскирх, отмечая в своей работе, что 12-я армия *«открыла калитку на запад»* для гарнизона Потсдама, вынужден был также признать, что это *«похоже, был последний успех на пути к деблокаде Берлина»*.

Сообщение о частых успехах армии Венка вызвало взрыв совершенно неоправданного оптимизма в бункере фюрера. Обитатели бункера надеялись, что к полудню Венк соединится с корпусом Реймана в Потсдаме, откуда до Берлина было 20 км. Шли разговоры типа: *«Вечером Венк будет в Берлине!»* Некоторые держали пари, пробьется ли Венк к рейхсканцелярии до наступления темноты или нет. На этот раз пили водку от радости.

Геббельс распорядился немедленно отобразить радостное известие в листовках для поднятия духа берлинского населения: *«Венк уже у ворот Берлина, и недалек час освобождения столицы!»* Велико же было разочарование обитателей бункера, когда к вечеру 27 апреля стало известно, что наступление Венка было приостановлено, а его армия застряла где-то в районе Потсдама.

Что же происходило в реальности? Еще с ночи на 27 апреля бои за Потсдам вела 175-я СД, в результате чего к 12.00 часть немецкого гарнизона была уничтожена и пленена. Комдив генерал-майор Выдриган, как в старые рыцарские времена, даже принял от немцев символические ключи от города. В боях за Потсдам участвовали также части 9-го Гв.ТК с севера, а 6-го Гв.МехК и 10-го Гв.ТК – с юга. Остатки немецкой разбитой группировки сумели прорваться на остров Ваннзее.

Поскольку дела в Потсдаме пошли не так, как хотелось советскому командованию, – стрелковые части завязли в боях за «остров» Фрейдшафт. Три батальона 22-й Гв.ШИСБр получили задачу форсировать канал и овладеть этим объектом. В дальнейшем саперы должны были форсировать и второй канал, захватить плацдарм в центральной части Потсдама, оказав помощь частям 10-го Гв.ТК.

В 03.30 27 апреля штурмовые батальоны бригады, вооруженные только стрелковым оружием и трофейными фаустпатронами, на лодках и так называемых подручных средствах под

огнем противника форсировали канал. После упорного ожесточенного боя этот злополучный «остров» к 05.00 был очищен от немцев, а саперы вышли на его противоположный берег. Что не смогли сделать стрелковые части за два дня, было выполнено штурмовиками-саперами за два часа.

Правда, далее положение осложнилось. В 05.00 два взвода саперов попытались переправиться с «острова» через второй канал, но были отбиты сильным минометным огнем, а также обстрелом снайперов и фаустников. В 16.15 была предпринята еще одна неудачная попытка форсирования канала. Все эти попытки форсирования в дневное время были заранее обречены на провал. Весь «остров» находился под наблюдением противника, который открывал ураганный огонь, едва лишь советские воины пытались что-либо предпринять. Потери трех батальонов бригады во время этих необдуманных действий были еще не очень велики: 79 убитых и раненых, в том числе пять офицеров.

Лишь в 02.00 28 апреля батальон 22-й Гв.ШИСБр под прикрытием темноты форсировал канал и, захватив нужный плацдарм, ворвался в центральную часть города. Затем в 03.30 саперы бригады встретились в центре Потсдама с разведчиками 1-го БФ. После этого уже можно было не вспоминать о неудачных действиях в предыдущий день и понесенных тогда потерях...

Что можно сказать по поводу некоторых противоречий в оценке событий различными сторонами?

Встречные бои при отсутствии сплошного фронта, да еще в лесисто-болотистой местности, зачастую ведут к перемешиванию войск противников, к хаосу и неразберихе в боевых порядках. В условиях нестабильной обстановки могут возникать частные прорывы, когда некоторые участки местности часто переходят из рук в руки, а наступление сменяется отходом и так далее. Стоит отметить, что бои в районе Потсдама с их сложным и запутанным характером крайне скудно освещены в российских источниках без описания неудачных для Красной Армии эпизодов и еще ждут своего исследователя.

Еще одна надежда Гитлера – генерал Штайнер – прибегал к всевозможным отговоркам, чтобы отменить наступление с Ораниенбургского (Герменсдорфского) плацдарма в направлении Шпандау. Командующий ГА «Висла» генерал-оберст Хейнрици в телефонном разговоре со своим начальником опер-

отдела штаба полковником Айсманом говорил, что *«...Штайнер хочет с 7-й ТД наступать через Креммен... он ждет приказа о наступлении, это следует сначала выяснить с Йодлем»*. Чего тут было ждать, если приказы из Берлина и от ОКВ следовали один за другим? Дело было в ином.

Поскольку весь восточный фронт 3-й ТА буквально трещал по швам, командование армии, которому формально был подчинен 3-й ТК СС Штайнера, было вынуждено прекратить атаки с Ораниенбургского плацдарма и высвободить 7-ю и 25-ю МД для того, чтобы предотвратить развал своего фронта. Другой проблемой для 3-го ТК СС было наличие русского плацдарма на реке Хафель, в районе Заксенхаузена, где 3-я ДМП вела тяжелые бои с переменным успехом. Прорыв русских с этого плацдарма таил в себе опасность пресечения путей возможного отхода как корпуса, так и всей 3-й ТА.

При этом радисты Штайнера поддерживали связь с МД СС «Нордланд» в Берлине с помощью 100-ваттного передатчика. Поэтому Штайнер был достаточно информирован об обстановке в столице рейха и не стремился туда попасть.

27 апреля в составе ГА «Висла» появилась и 21-я армия генерала пехоты Типпельскирха. Ее штаб был сформирован на базе остатков штаба 4-й армии, которая была эвакуирована морем из Восточной Пруссии. Эта армия должна была принять командование войсками 3-го ТК СС и еще одного корпуса. Появление «на сцене» 21-й армии фактически означало конец мертворожденной «группы Штайнера», которую сам неудавшийся спаситель Берлина характеризовал как *«жалкую разношерстную толпу солдат»*. Историк Хайм называл ее более корректно: *«армейская группа, бывшая таковой только на бумаге»*.

Хайм также писал: *«Гитлер, который не мог больше терять времени, тоже торопил. Постепенно утратив доверие к Штайнеру, он 27 апреля приказал подчинить его ударную группировку 41-му ТК Хольсте, который должен был продолжить наступление «широким фронтом». В действительности же корпус Хольсте сам вынужден занять оборону в районе Фербеллина»*.

Штайнера уже было начали обвинять в предательстве. Вот что он сам говорил потом: *«В Берлине меня предали анафеме. Сменить меня должен был генерал-лейтенант Хольсте. Однако мы оба были согласны в том, чтобы оставить все на своих местах. Сейчас*

речь могла идти только о том, чтобы помешать окружению немецких войск в Мекленбурге с юга и отвести их на запад, чтобы спасти от... опасности советского плена!»

Эти опасения высокопоставленного эсэсовского генерала были, конечно, достаточно обоснованы. Будучи самостоятельным в своих суждениях, Штайнер вполне разумно заявлял: *«Достигнув определенного воинского звания, военачальник не может больше прятаться за приказами вышестоящих инстанций. С этого момента он сам несет груз ответственности за успех или неудачу военной операции...»*

Штайнер называл попытки наступать на Берлин призраком, *«порожденным исключительно фантазией ставки фюрера»*. Он считал, что всем немецким командирам приходилось жить реальностью, а не иллюзиями и действовать согласно этой реальности. Действительно, в создавшейся в то время ситуации Буссе, Венк и Штайнер должны были решать возникшие проблемы на свой страх и риск. Правоту Штайнера признавали и в ОКВ, где в дневнике боевых действий в 16.00 27 апреля была сделана следующая запись: *«Положение настолько тяжелое, что не остается никакого другого выхода, кроме как прекратить наступление "группировки Штайнера"»*.

Сосед 3-го ТК СС – 101-й АК – в районе севернее Эберсвальде также откатывался на запад, а его 5-я ЕгД драпала, бросая свои легкие горные орудия. Все южное крыло 3-й ТА постепенно поворачивалось с востока на запад...

На подступах к Виттенбергу и в самом городе несколько дней шли тяжелые бои. Борьба шла за каждый дом, квартал, улицу. Только после того, как удар по 48-му ТК нанесли 6-я Гв.СД полковника Г.В. Иванова и 172-я СД генерал-майора А.А. Краснова, удалось захватить этот важный опорный пункт обороны немцев на Эльбе. Остатки гарнизона были прижаты к реке и добиты частями 12-й Гв.СД. Борьба за знаменитый университетский город закончилась.

Части 47-й армии разгромили немцев в районе Шпандау и вышли сплошным фронтом на реку Хафель, перекрыв им возможности прорыва из Берлина на запад. 76-й СД этой армии только к 04.00 27 апреля удалось выйти к озеру Хафель. Этим же утром дивизия была повернута в южном направлении и повела наступление на Кладов и Гросс-Глиникке, где встретила упорное

сопротивление. Силами 60-й и 76-й СД немецкая группировка в этом районе была рассечена и окружена.

Было принято решение склонить немецкий гарнизон к капитуляции. Начальник разведотдела штаба 76-й СД капитан Юцис и инструктор политотдела старший лейтенант Ходырев, взяв с собой пленного немецкого полковника, направились к немцам и с помощью упомянутого пленного смогли уговорить окруженных сложить оружие. Сдались в плен 3917 человек, а в качестве трофеев было взято 12 танков, 57 автомашин, много стрелкового оружия и военного имущества.

Не остались без дела и части 4-й Гв.ТА 1-го УФ. Утром 27 апреля командиру 33-го гвардейского мотоинженерного батальона из 3-й Гв.ИнСапБр майору Быкову была поставлена задача форсировать Тельтов-канал в месте его соединения с озером Хафель. Это было полной неожиданностью для офицеров батальона. Раньше саперов на такие задачи не посылали. Форсирование водных преград считалось делом пехоты. Для ускорения событий командующий 4-й Гв.ТА пошел и на это.

Саперам предстояло преодолеть водную преграду шириной более 50 метров с бетонированными берегами высотой до двух метров. На противоположном берегу просматривались железнодорожная насыпь и далее массивные городские здания.

На исходный рубеж были поданы лодки, плавающие автомобили. Настроение саперов было неважным, так как комбат сорвал им намечавшийся завтрак со шнапсом. Да и большинство из них были «старичками», многим за сорок. За два часа офицерам нужно было научить солдат грести веслами. Пехотная подготовка саперов тоже была неидеальной. Не вдохновляло саперов и то обстоятельство, что сутками ранее в этом же месте пыталась форсировать канал мотострелковая бригада, но понесла большие потери и не смогла выполнить поставленную задачу.

В 12.00 по немецким позициям ударили «катюши», а в 12.30 прозвучал сигнал начала атаки. Оборона немцев на многих участках форсирования оказалась неподавленной – ожили их огневые точки, из которых саперов встретили пулеметным огнем и выстрелами «фаустов». Правда, нескольким взводам удалось переправиться без серьезного сопротивления.

В районе насыпи завязался бой. Стремительным броском саперам удалось преодолеть две траншеи и приблизиться к зда-

ниям, а также к какому-то полуразрушенному кварталу и кирхе. Сил было маловато, так как многие подразделения не продвинулись дальше насыпи. Сплошного фронта не было, где-то рядом были также и пехотные подразделения, которые обстреливали немцев. Бой разбился на множество мелких схваток.

К 17.00 удалось организовать совместную атаку на опорный пункт немцев. Когда бой был закончен и саперы взвода младшего лейтенанта Хомякова собрали более сорока пленных, начался сильный обстрел из орудий Т-34. Танки встали на прямую наводку за каналом, решив, таким образом, поддержать свои войска на плацдарме.

Вот в такой мешанине состоялась встреча бойцов 4-й Гв.ТА и 9-го Гв.ТК с 1-го БФ. Офицер-танкист проводил Хомякова к своему командованию. Некие генералы после проверки документов подвергли бедного младшего лейтенанта строгому перекрестному допросу. Вопросы задавались в основном по комсоставу 4-й Гв.ТА. Видимо, ответы Хомякова удовлетворили их. Генералы были очень удивлены фактом очередного соединения частей двух фронтов.

Старший по званию, генерал-лейтенант, поблагодарил бравого младшего лейтенанта за своевременную информацию. Генерал вовремя отменил атаку в направлении Тельтов-канала, что могло привести к поражению своих соседей с 1-го УФ, и приказал срочно установить связь с частями 4-й Гв.ТА.

Хомяков невольно поежился, представив себе, что вся огневая мощь танкового корпуса 1-го БФ могла обрушиться на его бригаду. Если бы не его случайная встреча с капитаном-танкистом после удачного форсирования канала и успешного глубокого вклинения саперов в оборону немцев...

После окончания боя майор Быков сообщил своему комвзвода, что соседние роты дальше насыпи не прошли, понеся большие потери. Командир бригады подполковник Шаруда поблагодарил Хомякова за установление контакта с частями 1-го БФ в пригородах Потсдама и назначил его командиром роты. В этот раз удалось избежать удара по своим. В создавшихся в том районе условиях это было вполне возможно. Странно другое – почему вышестоящее командование не удосужилось согласовать способы опознавания войск разных фронтов при их возможной встрече в ходе наступления?

После ликвидации Потсдамской группировки противника части 10-й Гв.ТА вместе с 350-й СД 13-й армии продолжали вести бои с немцами, которых скопилось на острове Ваннзее около 20 тысяч человек. Попытки этих частей форсировать протоку и ворваться на остров без соответствующей подготовки не увенчались успехом. Конечно, Конев был крайне этим недоволен. Он считал, что тем самым отвлекаются войска от Берлина, и был в какой-то мере прав.

Обидные формулировки типа *«долго возитесь»* вряд ли могли воодушевить командарма Лелюшенко, которого тоже можно понять. Оставлять в своем тылу такую группировку противника было небезопасно. Конев дал приказ овладеть районом Ваннзее не позднее утра 28 апреля, что, конечно же, не было выполнено. Ведь отдавать приказы намного легче, чем их исполнять...

Командующий 1-м УФ, придавая большее значение обеспечению действий своих войск, ведущих борьбу в Берлине, в 18.00 27 апреля приказал генералу Лелюшенко направить 6-й Гв.МехК из 4-й Гв.ТА на Бранденбург и взять его к исходу 28 апреля, что должно было прикрыть войска фронта с севера.

Генерал Вейдлинг вспоминал о боях в Берлине 27 апреля: *«...в 5 часов утра русские начали интенсивную артиллерийскую и авиационную подготовку к штурму по обе стороны от Гогенцоллерндамм... Потсдамерплатц и Лейпцигерштрассе также находились под артогнем. Кирпичная и каменная пыль поднималась в воздух густыми клубами... Повсюду рвались снаряды...»* Под сильным обстрелом оказался и КП самого Вейдлинга, находившийся в конце Гогенцоллерндамм, в здании бывшего штаба 3-го военного округа. Из-за этого его пришлось перенести в правительственный квартал на Бендлерштрассе.

Вейдлинг осознавал, что в этот день началось *«концентрическое наступление русских к центру города»*. На юге на немцев напирали части 28-й армии и 3-й Гв.ТА 1-го УФ. С другой стороны их поджимали войска 1-го БФ: на юго-востоке – 8-я Гв.А, а на востоке –5-я УА и 1-я Гв.ТА. С севера 3-я УА и 2-я Гв.ТА в результате проведения обходного маневра ворвались в западные районы Берлина. В результате русских атак немецкая оборона была прорвана во многих местах. Во внутренние районы

города буквально хлынули потоки фольксштурмистов, персонал тыловых служб и штабы войсковых подразделений, оттесняемые туда русскими войсками.

2-я Гв.ТА в течение 27 апреля вела бои за расширение плацдармов, захваченных накануне на южном берегу Шпрее и в районе Шарлоттенбург. Командование 1-го БФ стремилось к быстрейшему расчленению берлинской группировки: 3-й УА было приказано наступать на юго-восток, к парку Тиргартен, и соединиться с 8-й Гв.А. Исполняя этот приказ, 79-й СК из 3-й УА с ходу форсировал Фербиндунгс-канал, пересекавший центральную часть Берлина. Успешному форсированию способствовал 20-минутный шквальный огонь артиллерии с плотностью 150 орудий на километр, буквально подавивший противника.

27 апреля части 207-й СД 79-го СК выбили противника из района Шарлоттенбург. Хотя до окончательной зачистки было еще далеко, поскольку немцы здесь применяли практику маскировки своих мелких групп под гражданское население. Этому очень способствовало то обстоятельство, что почти все фольксштурмовцы воевали в гражданской одежде. Нередко они проникали в тыл наступавших советских войск или оставались там при отступлении своих частей, а затем наносили удар в спину с чердаков, из-за развалин, из канализационных колодцев. В случае опасности, если невозможно было скрыться, фольксштурмовцы бросали оружие и смешивались с населением до поры до времени, пока к «просеиванию» этой толпы не приступали войска НКВД по охране тыла фронта.

В полосе действий 207-й СД немцам не удалось взорвать мосты через Шпрее, которые были взяты под охрану. Подразделения дивизии захватили огромный парк автомашин, мотоциклов, четыре самоходки, около 30 орудий. После этого дивизия временно перешла к обороне. До этого она бессменно шла в авангарде 79-го СК, понесла большие потери в людях и технике, и ей надо было дать отдых.

27 апреля в полосе 207-й СД произошел интересный случай. Один из ее стрелковых полков захватил опытный завод-институт, забитый различными медикаментами. В одной из лабораторий обнаружили много ящиков с куриными яйцами. Служба тыла дивизии немедленно реквизировала их и распределила по полкам. Через некоторое время в дивизии с ужасом узнали, что

большая часть яиц из оставленного склада была заражена бациллами холеры и чумы. Только благодаря оперативному вмешательству дивизионных и армейских медиков, заместителя комдива по тылу угроза массового заражения была ликвидирована.

Немцы оставляли и не только ящики с яйцами. Оставлялись винные погреба, пивбары, магазины, до краев заполненные запасами спиртного. Немцы, зная пристрастие русских солдат к горячительным напиткам, не без оснований надеялись вызвать разложение в рядах советских войск. Тут и травить никого не надо. Но советские солдаты успешно справились с решением и этой, непосильной для немцев, задачи – без особых усилий «оприходовав» захваченные трофеи.

Другие корпуса 3-й УА – 12-й Гв.СК и 7-й СК – продвинулись вперед весьма незначительно, за что командир последнего генерал-майор Чистов и был немедленно снят с должности.

В связи с этим надо отметить интересный, но малообъяснимый факт. Командиром этого 7-го СК почему-то назначили генерал-полковника Черевиченко, который к весне 1945 г. не мог иметь большого боевого опыта по командованию стрелковыми соединениями. Да и его звание было явно великовато для командира корпуса. Этот бывший конник 1-й Конной Армии, соратник первых маршалов Ворошилова и Буденного, который уже давно был отстранен от участия в боевых действиях, вдруг опять «всплыл на поверхность» в конце войны.

В 1941 г. Черевиченко командовал Одесским военным округом, а потом – Южным фронтом, но без какого-либо успеха. Показав некомпетентность, он был отстранен от занимаемой должности, но репрессий избежал. В последующие годы он находился на несамостоятельных командных постах, его часто переводили с места на место. Поэтому совершенно непонятно, зачем Жукову понадобился в Берлине этот реликт Гражданской войны, который вряд ли мог усилить комсостав 1-го БФ.

В итоге дневного боя 3-я УА сблизилась с 8-й Гв.А и 1-й Гв.ТА на расстояние до 2,5 км. Части 5-й УА совместно с 11-м ТК после ожесточенных боев смогли продвинуться вдоль Шпрее только на 500 метров. Вот какими темпами приходилось прогрызать оборону противника в центре Берлина.

Поскольку река Шпрее у острова музеев делала резкий поворот на север, полоса наступления 9-го СК 5-й УА все более

и более расширялась. С целью наращивания силы удара командарм Берзарин решил направить части 32-го СК вдоль Унтерден-Линден, а 26-й Гв.СК принял полосу 32-го корпуса и продолжал наступление вдоль северного берега Шпрее. У Александерплатц разгорелся жестокий бой за здание Полицей-президиума. Части 32-го корпуса переправились через Шпрее и приступили к штурму немецкой обороны на острове музеев.

8-я Гв.А и 1-я Гв.ТА в ходе боев 27 апреля овладели частью важнейшего стратегического района Берлина – Центральным железнодорожным узлом – и завязали бои на последнем центральном оборонительном обводе города южнее Анхальтского вокзала. До Тиргартена оставалось пройти лишь один километр!

3-я Гв.ТА завершила очищение от противника южных и юго-западных пригородов Берлина. 27 апреля подразделения 23-й Гв.МСБр 7-го Гв.ТК, передвигаясь от здания к зданию, наткнулись на баррикаду неподалеку от пересечения Гнейзенауштрассе и Фридрихштрассе. Противник встретил мотострелков артиллерийско-минометным огнем, несколько танков, поддерживавших наступление, было подбито. Уцелевшим машинам пришлось отступить, а стрелкам залечь. Вряд ли бойцам бригады удалось бы быстро преодолеть встретившееся препятствие, если бы командир 32-й Гв.МинБр полковник Е.М. Белов не приказал своей штурмовой группе разрушить его.

Минометчикам старшего лейтенанта Н.З. Зубкова удалось подтянуть к цели на расстояние 30 метров 310-мм снаряды М-31. Тащили их на лямках, по-пластунски передвигаясь вдоль домов, прижимаясь к асфальту. Лейтенант-электротехник осторожно подключил пиропатроны к электросети и быстро укрылся за зданием, таща за собой провод. Немцев ждал очень неприятный сюрприз. Залп пяти снарядов М-31 прямо с земли вдребезги разбил баррикаду, открыв путь 23-й МСБр.

В этот же день части 3-й Гв.ТА вышли к городскому оборонительному обводу в районе станций Шенеберг и Шмаргендорф, где и были остановлены сильной противотанковой обороной немцев. В этом районе ее передний край проходил по железнодорожной насыпи, которая являлась препятствием не только для танков, но и для пехоты. Все мосты и виадуки были взорваны, а сохранившиеся проходы преграждены надолбами в два-три ряда и забаррикадированы. Непосредственно в насыпи

были расположены ДОТы с пулеметами, а также закопанные танки. Сохранившиеся здания были превращены в опорные пункты, а улицы завалены вагонами. В ряде мест баррикады были усилены минно-взрывными заграждениями (фугасами и минами). Для обороны немцы также приспособили подвалы зданий. Поскольку улицы после бомбардировок превратились в руины, движение по ним танков было сильно затруднено.

Несмотря на все эти препятствия, войска 9-го МехК к исходу дня 27 апреля заняли станцию Шенеберг и, развивая наступление на север и восток, вышли на основную магистраль, ведущую к рейхстагу. В результате боев 91-я ТБр этого корпуса вошла в соединение с частями 8-й Гв.А 1-го БФ.

Одновременно 7-й Гв.ТК, продолжая наступать в северном направлении, занял район Рулебен и вышел к Шпрее, где соединился с частями 2-й Гв.ТА. В течение утра 27 апреля 55-я Гв.ТБр этого корпуса очистила от противника район Хеерштрассе, включавший в себя свыше десяти улиц. Бои шли на стадионе «Олимпия» и на прилегающих к нему улицах. Этот район предварительно был обработан штурмовой и бомбардировочной авиацией при участии тяжелой артиллерии.

Полковник Драгунский видел, что там творилось: *«...все горело и рушилось кругом. С большим трудом пробирались мы по горящим улицам среди обломков домов, обугленных машин, изуродованных трамваев и длинных двухэтажных автобусов»*. Немцы упорно сопротивлялись, поджигая танки и выбивая людей из 55-й бригады. Несмотря на это, танкисты неумолимо продвигались через нагромождение обломков и массивы разрушенных зданий к Шарлоттенбургу и на север – к реке Шпрее.

Неожиданно для Драгунского командир корпуса генерал-лейтенант Новиков повернул 55-ю бригаду строго на север в направлении Шпандау и Рулебена. Генерал потребовал от комбрига, чтобы он сегодня же вышел на берег Шпрее и соединился с частями 1-го БФ, замкнув внутреннее кольцо окружения в самом Берлине. Для поддержки в бригаду Драгунского прибыл резерв корпуса. Нельзя сказать, что он был многочисленным: батальон мотопехоты 23-й МСБр, дивизион «катюш», десять танков ИС-2 и рота самоходок.

Части бригады по Рейхштрассе двинулись к Шпрее, в наиболее вероятный район соединения с войсками 1-го БФ, которые

шли навстречу. Западнее 55-й бригады, в районе Шарлоттенбурга, вела бои 56-я Гв.ТБр. Обнаружив выдвижение советских частей, немцы резко усилили артиллерийский и минометный обстрел из района Шпандау и с северной части Вильгельмштрассе.

В этот момент в расположение бригады прибыл начальник тыла бригады майор Леонов со своим хозяйством – обозами с продовольствием, санитарными машинами, цистернами с горючим. Сгоряча Драгунский отругал тыловика: *«Зачем явились? Вы же свяжете нас по рукам и ногам, создадите пробки, сутолоку!»* Майор Леонов спокойно растолковал своему горячему комбригу, что фактически спас боеприпасы, горючее и продовольствие от наскоков недобитых немцев, постоянно атаковавших тыловиков. Драгунский самокритично признавал, что *«мы не учли своеобразия обстановки в Берлине. Здесь тыловые подразделения на каждом шагу подстерегала опасность. Они были уязвимы в любом месте и в любой момент»*. В меру сил комбриг постарался поддержать тыловиков, оставив в распоряжении майора Леонова танк, взвод мотопехоты и зенитный пулемет ДШК.

К тому времени ориентироваться в разрушенном городе стало очень сложно. Улицы стали неузнаваемыми из-за завалов, по компасу определиться было трудно – кругом был металл и магнитная стрелка металась из стороны в сторону. Спасали положение деревянные указки с обозначением эмблемы части.

Бригада, подгоняемая генералом Новиковым, требовавшим к 12.00 замкнуть кольцо окружения, медленно продвигалась вперед. Нервозность комкора объяснялась просто: 55-я Гв.ТБр оказалась как бы острием ударной группировки 3-й Гв.ТА и выполняла роль передового отряда, предназначенного для соединения с войсками 1-го БФ.

Непрекращающиеся запросы сверху привели к тому, что комбриг, в резкой форме выразив недовольство подчиненным, рванулся вперед, в боевые порядки бригады. С одной стороны, он хотел избавиться от надоедливых упреков начальства, а с другой стороны, подстегнуть подчиненных, которые пока двигались вперед со скоростью черепахи. По пути на охваченных пламенем улицах со скелетами домов Драгунскому стали попадаться раненые, горящие Т-34, а также колонны обросших, грязных и оборванных пленных немцев, для которых война уже закончилась.

Время уже перевалило за полдень. День выдался теплым. Лучи солнца, стоявшего высоко под головой, с трудом пробивались сквозь плотную завесу дыма. Оперативная группа Драгунского, пройдя Рулебен, пересекла железнодорожную ветку, идущую из Штрезова к вокзалу Шарлоттенбург, вышла на небольшую площадь, на которую выходило несколько улиц, в том числе Рейхштрассе и Шпандауэрдамм.

Здесь и произошло долгожданное событие. Разведчики бригады привели к Драгунскому двух офицеров от «соседей» с 1-го БФ – командира батальона 35-й МехБр 1-го МК майора Протасова и капитана Туровца из этой же части. Они сообщили комбригу, что 35-я МехБр вышла в этот район после того, как на территории танкового завода в Сименсштадте ею была разгромлена большая немецкая группировка, и что далее ее путь лежал к Шпрее.

Соединение частей двух фронтов произошло около полудня между станцией Сименсштадт и заводским районом Рулебен. Части 55-й Гв.ТБр загнали большую группу немцев на ипподром и прижали их к Шпрее и каналу Унтершпрее. Немцы потеряли здесь несколько сотен человек убитыми, а остальные попали в плен. Разведчики вышли к железнодорожной ветке, где были обстреляны с противоположного берега. В ответ прозвучали залпы танковых пушек. Только после этого и произошло опознание. Из-за отсутствия оговоренных условий встречи войск двух фронтов чуть было не произошла трагедия. Вот так военачальники высокого ранга, подгоняя свои войска, совершенно не думали о том, как они должны будут опознать друг друга.

На радостях, оттого что встреча наконец-то произошла и обошлась без потерь, было принято решение отметить это дело. Командир хозвзвода быстренько накрыл стол, и беседа офицеров плавно перешла в несколько иное русло... Конечно, полковник Драгунский доложил своему комкору генералу Новикову о выполнении поставленной задачи. Тот потребовал срочно доставить к нему в штаб одного из офицеров 35-й бригады. В свою очередь, в штаб 1-го МК генерал-лейтенанта С.М. Кривошенина отправили офицера из 55-й бригады. По этой причине дружеская встреча воинов соседних фронтов была прервана...

Остаток дня и всю ночь 55-я Гв.ТБр очищала район Шпандауэрдамм. Ночью бои немного стихли, но впереди было еще

много нерешенных задач. 6-й Гв.ТК вел упорные бои в районе окружной железной дороги на участке от станции Шмаргендорф до Гогенцоллерндамм.

Командирам танковых бригад, воевавших в Берлине, было ясно, что на улицах города танки теряли одно из своих главных преимуществ – маневренность. Это делало их легкой добычей фаустников и противотанковой артиллерии.

Командир 52-й Гв.ТБр 6-го корпуса полковник Курист отмечал, что в таких районах, как Целендорф и Штеглиц, с их аристократическими особняками, где не было сплошных массивов с высокими жилыми зданиями, воевать было легче. В ходе боев бригада довольно быстро овладевала целыми кварталами. Конечно, при этом сказывался и накопленный опыт ведения уличных боев, и возросшее умение маневрирования мелкими подразделениями.

Там же, где улицы были застроены многоэтажными зданиями, складывалось иное положение. Советским командирам приходилось прибегать к сплошной зачистке зданий, начиная с верхних этажей и кончая подвалами, чтобы исключить нападения засевших там фаустников. Танки бригады продвигались вперед, ведя огонь по обеим сторонам улиц. Для обнаружения мест немецких артиллерийских засад вперед высылались разведчики, а перекрестки проскакивались на большой скорости. Командиры штурмовых групп успешно применяли дымовые шашки, чтобы под прикрытием дымзавесы автоматчики могли расчищать путь для танков.

Для охраны перекрестков, как правило, оставлялся один танк. Его экипаж наблюдал за обстановкой, пресекая попытки немцев ударить с тыла по наступавшим. К этому времени советские командиры убедились, что отрыв танков от пехоты, как правило, чреват тяжелыми последствиями. Полковник Курист сожалел, что *«на Гогенцоллерндамм наши автоматчики рассыпались вдоль улицы для «прочесывания» домов, ослабив наблюдение и охрану танков. Этим воспользовались фаустники. Они подожгли три наших танка»*.

Танкистам приходилось очень тяжело в уличных боях. Они вели огонь преимущественно из пушек, так как пулеметный огонь был малоэффективен против фаустников, скрывавшихся за толстыми каменными стенами зданий. Каждый экипаж за день

расходовал полтора-два боекомплекта снарядов, поэтому своевременное снабжение штурмовых групп боеприпасами было крайне важным.

К 27 апреля лишь немногие немецкие части могли оказывать противодействие наступавшим советским войскам. На севере Берлина вели бои остатки 9-й ППД полковника Херрмана и караульный батальон из дивизии «Великая Германия». На востоке обороной руководил новоиспеченный генерал-майор Беренфенгер, под командованием которого находились подразделения фольксштурма, отряды гитлерюгенда и сводный батальон СС. Он настоятельно просил Вейдлинга прислать ему подкрепление и боеприпасы, но тот ничего не мог обещать этому выскочке.

На юго-востоке, в районе Белле-Альянсплатц, оборонялись остатки 11-й МД СС «Нордланд» под командованием Крукенберга. В Вильменсдорфе держали оборону остатки ТД «Мюнхенберг» генерал-майора Муммерта, а в Груневальде – части 18-й МД генерал-майора Рауха. Важнейшие мосты через реку Хафель у Пихельсдорфа удерживали подразделения гитлерюгенда под командованием обергебитсфюрера Шлюндера.

В течение дня остатки 20-й МД отступили из южных районов Грюневальда к Ваннзее и были частично окружены. Командир дивизии генерал-майор Шольце, который недавно во время воздушного налета потерял семью и с тех пор находился на грани нервного срыва, не выдержал напряжения боев и застрелился... Остатки дивизии вошли в состав группы генерала Реймана в Потсдаме.

Частям 18-й МД после неудачных контратак пришлось отступить к Курфюрстендамм. Там их смогли поддержать несколько уцелевших танков «тигр» из 503-го ТТБ. Из-за нехватки боеприпасов могли вести огонь только отдельные орудия из состава дивизионной артиллерии. ТД «Мюнхенберг» в течение дня тоже отступила и к вечеру 27 апреля находилась на Ландвер-канале, растянувшись от Тиргартена до Белле-Альянсплатц.

Дивизия СС «Нордланд» занимала позиции в восточном секторе от вышеуказанной площади до Шпиттельмаркт. Ее передовые отряды также находились на Ландвер-канале. Полки дивизии «Норге» и «Данмарк», пополненные за счет различных

подразделений, насчитывали к этому времени примерно по 600 человек. В тылу находились резервы – танки полка «Нордланд», отряды из дивизии «Шарлемань» и саперный батальон дивизии. Район Анхальтского вокзала обороняли эсэсовцы разведбатальона «Нордланд» при поддержке нескольких орудий.

Площадь Белле-Альянсплатц являлась ключом к обороне улиц Вильгельмштрассе и Фридрихштрассе, которые вели прямо к Имперской канцелярии. Немцы понимали, что именно здесь советские войска сосредоточат главные усилия. Поэтому сюда подтягивались боевые группы с других участков. Мост через Ландвер-канал был взорван. Но взрыв не смог полностью его разрушить, а все попытки уничтожить остатки, по которым могли переправиться пехотные части, отражались шквальным огнем русских. Немцы под сильными атаками советских войск не удержались на этом участке и были отброшены к Фридрихштрассе. Не удалось им также удержать и Анхальтский вокзал.

На последнем русских солдат поджидал оригинальный сюрприз. По словам командира 11-го Гв.ТК Бабаджаняна, вечером 27 апреля его частями были захвачены эшелоны, в которых вагоны были загружены шоколадом «Колло». Поскольку питание гвардейцев-танкистов в ходе непрерывных боев вряд ли отличалось регулярностью, они дружно набросились на этот, непривычный для большинства русских желудков, иностранный продукт. В результате многие попросту объелись высококалорийным лакомством и потом жестоко страдали от расстройства желудка. Этот прискорбный факт несколько обеспокоил советское командование, тут же заподозрившее коварных фашистов в отравлении этой сладкой продукции с целью вывода из строя таким путем советских воинов. Как говорится, и смех и грех...

Поскольку многие бойцы разношерстных немецких боевых групп не могли удерживать свои позиции и отступали, генерал-майор Муммерт требовал задействовать летучие полевые суды... Они были созданы по распоряжению комиссара по обороне Берлина доктора Геббельса. Их наскоро сформировали из молодых служащих берлинской полиции, СС, гестапо и нацистской партии. Во многих районах города они уже вовсю вешали на столбах действительных и мнимых изменников. Эти суды проводили казни даже без приговора военно-полевого трибунала, не отягощая себя подобными «пустячными» проблемами.

Немецкий историк Тике называл это беззаконие *«одной из мрачных глав обороны Берлина»*, хотя один из офицеров дивизии «Мюнхенберг» писал в своем дневнике, что *«надежда на помощь и боязнь военных трибуналов вернула наших мужчин к необходимости борьбы»*. Немецкий офицер подтверждал: *«Слишком многие повешены как дезертиры... Полевые военные трибуналы изгоняют гражданских жителей из подвалов, где обнаруживают дезертиров, потому что те – укрыватели преступников. Эти военные трибуналы особенно часто проявляются в нашем секторе»*.

Даже генерал Муммерт, поначалу требовавший крайней жесткости, понял, что получился явный перебор. Он попросил, чтобы эти летучие суды больше не посещали его сектор обороны, так как заслуженных воинов дивизии преследовали *«младенцы»*. Теперь уже Муммерт грозил расстрелять любой военный трибунал, который появится в его секторе...

В то время вышеупомянутый офицер так оценивал обстановку, создавшуюся 27 апреля: *«Увеличение признаков краха... Отсутствует любая связь между войсками, за исключением нескольких регулярных батальонов, оборудованных радиопостами... Физические условия неописуемы. Никакого отдыха, никакой помощи. Никакой регулярной пищи, немного хлеба. Мы получаем воду из тоннелей метро и фильтруем ее. Часто случаются нервные срывы. Раненых едва ли примут где-нибудь... Все большое пространство Потсдамерплатц превращается в руины. Массы поврежденных транспортных средств, полуразбитые прицепы санитарных машин с ранеными, все еще находящимися в них.*

Мертвые люди повсюду, многие из них безобразно раздавленные танками и грузовиками... Сильный артобстрел центра города. Мы не можем удержать свои позиции. Около четырех утра мы отступаем по тоннелям подземки. В соседних тоннелях русские продвигаются в противоположном направлении – к позициям, которые мы только что оставили...»

Несмотря на все описанные ужасы, в дневнике этого офицера есть и такие строки: *«... это не имеет значения, нельзя бросить борьбу в последний момент и затем сожалеть об этом всю оставшуюся жизнь»*. Получилась сентенция в духе высказываний советского писателя Николая Островского...

Нельзя утверждать, что немецкие войска в Берлине не располагали какой-либо бронетехникой. У немцев были как тяжелые

танки T-VIA «тигр», T-VIB «королевский тигр», T-V «пантера», так и самоходные и штурмовые орудия различных типов. Они состояли на вооружении многих подразделений – рот, батальонов, дивизионов и бригад, а также полков мотодивизии СС.

В боях в Берлине участвовала 249-я БрШО, которая только 24 апреля получила новую технику на заводе «Алкетт» в Шпандау. Вечером 25 апреля был получен приказ о переброске бригады на запад к Эльбе. Правда, уже после начала марша поступил другой приказ, согласно которому бригада перебрасывалась в Берлин. С 27 апреля ее подразделения заняли оборону в районе Фридрихсхайна.

В последующих боях 249-ю бригаду попросту раздергали по частям. Ее штурмовые орудия использовались повзводно и даже по отдельности, чтобы бороться с советскими танками. По немецким данным, за три дня боев штурмовые орудия бригады подбили около 180 советских танков, за что один из офицеров – капитан Яшке – 28 апреля 1945 г. был награжден Рыцарским крестом.

В боевой деятельности бригады случались и печальные события. Так, 27 апреля эсэсовцы арестовали лейтенанта Рупрехта, который был награжден Золотым Германским крестом, обвинив его в трусости. В этот же вечер молодой лейтенант был найден повешенным в районе Александерплатц.

29 апреля 249-я бригада понесла тяжелые людские потери в результате налета советской авиации. После этого в ее составе осталось только девять штурмовых орудий, которые вели бои в районе Александерплатц и на Франкфуртераллее. Оставшиеся без машин артиллеристы вооружились фаустпатронами и принимали участие в боях в качестве пехоты. 30 апреля они продолжали сопротивляться на Берлинерштрассе, подбивая атакующие советские танки.

Итогом 27 апреля было то, что начались бои в «сердце» Берлина – центральном 9-м секторе, где находились все руководящие военные и правительственные органы Германии, штаб обороны города, да и сам Гитлер. К примеру, в этот день 1052-й СП из 301-й СД генерала Антонова был уже на Белле-Альянсплатц, в районе Ландвер-канала, где рядом – в здании патентного управления – находился КП участка сектора «Цитадель». Командиром этого участка являлся подполковник Зейферт.

В результате концентрических ударов советских войск немцы были зажаты на узкой полосе протяженностью с востока на запад на 16 км, а шириной два-три километра (в одном месте – до 5 км). Вся эта территория, занимаемая противником, находилась под непрерывным воздействием мощных огневых средств войск двух фронтов. У немецких войск в Берлине уже не было тыла, им негде было маневрировать, разве только между этажами или под землей.

Гитлер и его окружение пытались принять дополнительные меры для обеспечения своей безопасности. По свидетельству члена ВС 5-й УА генерал-лейтенанта Бокова, 27 апреля последовал приказ Гитлера о затоплении тоннелей метро на участке между Лейпцигерштрассе и Унтер-ден-Линден путем открытия шлюзов на Шпрее. Нацистское руководство нисколько не волновало, что в результате этой акции пострадало немецкое гражданское население, которое пряталось в тоннелях метро от бомбежек и обстрелов. Для руководителей рейха имело большее значение то обстоятельство, что подобным образом они обезопасили район рейхсканцелярии от проникновения советских десантников через подземные коммуникации.

Эсэсовские фанатики уничтожали различные сооружения из городской инфраструктуры. Чтобы замедлить продвижение советских войск, было взорвано 120 из 248 городских мостов. Эсэсовцы также взорвали восьмикилометровый тоннель под одним из притоков Шпрее и Ландвер-каналом. В этом тоннеле, связанном с железнодорожной системой, укрывались тысячи жителей Берлина. Когда в него хлынула вода, люди бросились по путям, пытаясь спастись. В тоннеле стояли четыре санитарных поезда с ранеными, большинство из которых погибли.

На дневном совещании в бункере генерал Вейдлинг докладывал, что бои в Берлине идут на улицах и под землей, а также в подвалах домов и тоннелях метро, по которым русские проходят в тыл немецких войск, в связи с чем возникали критические ситуации. По утверждению Гюнше, адъютанта фюрера, Гитлер *«с холодным спокойным выражением лица предложил свой выход – открыть шлюзы реки Шпрее и затопить тоннели метро, чтобы сделать их непроходимыми. Гитлеру возразили: в тоннелях ведь*

укрываются тысячи мирных жителей Берлина и раненые солдаты, которые погибнут, если шлюзы будут открыты. Но это возражение не тронуло Гитлера». Правда, Гюнше не знал, был ли выполнен этот приказ фюрера...

Как всегда, имеется и другой немецкий взгляд на события в метро. КП МД «Мюнхенберг» был размещен на станции метро «Мекернбрюкке» у Анхальтского вокзала. Станция напоминала какой-то военно-цыганский табор. Солдаты и гражданские лица лежали на полу и сидели на складных стульях, прислушиваясь к доносившимся сверху звукам сражения. Перекрытия станции содрогались от мощных разрывов бомб и снарядов, осыпая находившихся внизу бетонной и известковой пылью. По рельсам в тоннеле даже двигался поезд метро, служивший передвижным госпиталем.

Внезапно по шахтам вниз начала поступать вода. Появилось предположение, что где-то в районе Ландвер-канала, под которым проходила эта ветка метро, не выдержали водонепроницаемые переборки. На станции началась паника. В работе Юргена Ровера приведены дневниковые записи одного из офицеров ТД «Мюнхенберг», касающиеся этого эпизода: *«Внезапно вода заплескалась в нашем КП. Вопли, крики, проклятия в тоннеле. Люди борются вокруг лестниц, которые ведут через воздушные шахты на улицу. Вода прибывает, мчась через тоннели. Толпу охватывает паника, люди натыкаются друг на друга, спотыкаются об рельсы и падают. Дети и раненые покинуты, многие затоптаны до смерти. Вода покрывает их... Она повышается на метр* (всего!) *или больше, затем медленно понижается. Многие утонули».*

И вот резюме: *«Причина в том, что где-нибудь по чьей-то команде инженеры взорвали замки одного из каналов, чтобы затопить тоннели, которыми пробуют пройти русские».* После подобных откровений вряд ли может возникнуть много вопросов о виновниках затопления тоннелей метро. В данном случае немецкий офицер подтвердил, что русским это было явно ни к чему!

Тем не менее немецкий историк Тике писал по этому поводу: *«...после войны по поводу этого случая в метро было много споров. Некоторые авторы утверждали, что были переборки взорваны специально, чтобы помешать продвижению русских по линиям метро... Другие объясняли частичное затопление метро тем, что в переборки попало несколько артиллерийских снарядов или бомб*

во время воздушных налетов». Тике в желании свалить затопление метро на русских готов согласиться с этой версией причины затопления, которая представляется маловероятной, потому что поразить снарядом переборки, находившиеся под землей, весьма проблематично. Из бомбовых пробоин вода, конечно, текла тоже, но только 27 апреля...

Вышеотмеченные эпизоды нашли отражение в ряде возмутительных лживых кинокадров в последней серии киноэпопеи известного режиссера Юрия Озерова «Освобождение», где русские офицеры и солдаты гибли, выводя эсэсовцев из затопляемых водой тоннелей. Трудно придумать более гнусную и фальшивую сцену в стремлении ретивых и услужливых политизированных сценаристов и режиссера изобразить «гуманизм» советских воинов, которые видеть не могли черные мундиры и носителям их пощады не давали.

Вероятно, подобное киномифотворчество было обусловлено агитпропом ЦК КПСС в угоду тогдашним «немецким друзьям» из ГДР для демонстрации так называемого *пролетарского интернационализма.* Своеобразной иллюстрацией этого лозунга служат факты из воспоминаний участников битвы под Москвой в 1941 г. Зачастую советские воины, изнемогавшие от упорных немецких атак, могли видеть рядом со своими окопами многократно простреленный, буквально измочаленный немецкими пулями и осколками фанерный щит с соответствующим текстом: *«Немецкий пролетарий, не стреляй в своих братьев по классу!»* Ничего, кроме многоэтажной матерной ругани, из уст солдат и офицеров в адрес как «немецких пролетариев», так и тупых советских политработников этот идиотский образчик заскорузлой политпропаганды не мог вызвать.

В более раннем фильме на эту тему – «Падение Берлина» (1949 г.) – этот эпизод был показан более правдиво. В нем в тоннелях гибло немецкое население города, чем иллюстрировалось положение о «зверином оскале фашизма».

Поскольку ни один из уважаемых ветеранов, которые в 70-е годы еще прекрасно помнили реальные события, не посмел тогда публично высказать продажным советским кинематографистам осуждение и неприятие подобной лжи, нам самим приходится разбираться в этой различной трактовке исторических событий.

* * *

К вечеру 27 апреля с потерей противником обоих аэропортов – Темпельхоф и Гатов – дальнейшее снабжение берлинского гарнизона по воздуху стало крайне затруднительным. Об обстоятельствах захвата аэродрома Темпельхоф было рассказано выше. Устранить же возможность использования немцами аэродрома Гатов оказалось не так-то просто.

В захвате аэродрома и военного городка Гатов принял активное участие 1281-й СП 60-й СД. Согласно плану операции, 1-й батальон с двумя артбатареями должен был обойти Гатов с запада, ворваться в военный городок через ворота и захватить штаб немецкой военно-воздушной академии. В это время 3-й батальон, двигаясь самостоятельной колонной на автомашинах, через западные ворота должен был достичь летного поля аэродрома, овладеть ангарами и воспрепятствовать взлету самолетов противника. Предполагалось, что командир полка вместе с ротой автоматчиков и подразделениями штаба закроет немцам выходы с аэродрома с севера.

На рассвете за поворотом дороги показался полосатый шлагбаум и проволочный забор по обе его стороны. Командир 1-го батальона приказал водителю своей автомашины: *«Ну, родной, полный вперед, ломай шлагбаум!»* Одновременно комбат выпустил в окно кабины зеленую ракету, означавшую начало атаки. Навстречу машине от шлагбаума бестолково бежал немецкий часовой, путаясь в полах шинели и ошалело махая руками. Солдат, сидевший за рулем, не задумываясь, сбил немца, и машина устремилась дальше к постройкам военного городка. Сидевшие в кузове советские пехотинцы открыли дружный огонь из винтовок и автоматов, а также из пулеметов, установленных на крышах кабин.

На аэродроме и в городке началась паника, в небо в разных направлениях начали взлетать красные ракеты. На летное поле из укрытий выскочили два Bf-109 и стремительно взмыли в небо. Ухнул глухой взрыв. В воздух взметнулся сноп темно-бурого пламени. Это штурмовая группа 3-го батальона подожгла транспортный самолет, попытавшийся подняться в воздух.

Через некоторое время 1-й батальон овладел военным городком, захватил штаб, где была обнаружена груда различных документов, и вышел на берег озера Фалькензее. В руки советских солдат попал также большой госпиталь. В ходе боя было

захвачено много пленных. Однако некоторые группы немцев укрылись в различных подземных сооружениях и подвалах зданий. В это время 3-й батальон овладел летным полем и ангарами, где были захвачены 74 транспортных самолета, семь истребителей, а также склады с новыми авиамоторами.

До второй половины дня подразделения 1281-го СП вели бои с мелкими группами немцев, выбивая их с чердаков, из подвалов, вылавливая в окружавшем аэродром лесу. Большая группа немцев, в том числе и командование военно-воздушной академии, укрылась в подземных сооружениях, построенных под военным городком. Но как только саперы подорвали одно из них фугасом в 200 кг взрывчатки, немцы тут же выслали парламентеров, изъявив желание капитулировать.

В этом бою за аэродром Гатов бойцы 1281-й СП подполковника Т. Долбаносова захватили до 4000 пленных. Потери немцев были велики – до 700 убитых и раненых. Было захвачено 74 исправных самолета, 118 новых авиамоторов, 32 зенитных орудия, около 100 различных автомашин и два самоходных орудия. В распоряжении советских войск оказались также все архивы военно-воздушной академии, оставшиеся в целости и сохранности.

Потери полка оказались на удивление невелики. Погибли 40 солдат и офицеров, а также 56 человек было ранено. Однако одна из потерь была болезненной – среди убитых был командир полковой минометной батареи, воевавший еще под Москвой...

С большим трудом немцы могли пользоваться запасной взлетно-посадочной полосой, подготовленной на Шарлоттенбургштрассе, в Тиргартене. Эта улица находилась под особым контролем летчиков 16-й ВА. В воздухе постоянно дежурили советские истребители, производились периодические налеты штурмовиков. Попытки сбрасывать грузы окруженным на парашютах также не были удачными, так как большинство немецких транспортников сбивалось зенитной артиллерией еще на подлете к городу.

На совещании в бункере, проходившем 27 апреля, адъютант фюрера от ВВС полковник фон Белов поднял вопрос о снабжении войск в Берлине по воздуху. Он предложил использовать для данной цели самолеты Хе-111, когда Венку удастся отбить аэродром Гатов, что было явно нереальным.

Начальник генштаба люфтваффе генерал авиации Коллер записал в записной книжке, что *«еще утром 27 апреля транспортные самолеты с солдатами войск СС были вынуждены вернуться на аэродром Рехлин, так как не смогли приземлиться в Берлине»*. Его мнение подтвердил и историк Тике, который указал, что *«вечером 27 апреля потерпела фиаско попытка посадить шесть самолетов «Физелер-Шторх» на магистрали Восток – Запад. Несколькими часами позже была предпринята новая попытка посадить там же двенадцать «Ю-52», но и она закончилась неудачей, т.к магистраль была слишком изрыта воронками от снарядов»*.

По свидетельству Ханны Рейч, из Рехлина для эвакуации фон Грейма, согласно имевшейся ранее договоренности, *«высылали самолет за самолетом, которые по очереди сбивались русскими»*. Правда, по ее мнению, 27 апреля один Ю-52 с эсэсовцами и боеприпасами все-таки сумел сесть на оси Восток – Запад. Однако Грейм и Рейч в то время еще намеревались остаться, самолет отослали обратно пустым.

Ясно, что к тому времени воздушная блокада Берлина была достаточно плотной. О существовании импровизированного немецкого аэродрома в центре Берлина командованию 1-го БФ было известно.

27 апреля в воздух над Берлином поднялся командир 3-го ИАК генерал-лейтенант Савицкий. Несмотря на запреты, он продолжал летать на боевые задания в течение всей войны. На его счету числилось 22 сбитых самолета. Генерал отмечал, что летать над Берлином было сложно: линия фронта советскими войсками не обозначалась, с большой высоты было трудно ориентироваться в густом хитросплетении городских кварталов, а у земли мешал дым, закрывавший ориентиры. На задания приходилось посылать самых опытных летчиков, которые наводились на цель авианаводчиками, расположившимися на крышах домов.

Во время полета генерал внезапно увидел, что на центральной аллее Тиргартена рулит небольшой самолет, который потом развернулся по направлению к соседней улице, длина которой позволяла производить взлет и посадку. Савицкий под прикрытием ведомого атаковал и сбил на взлете легкий самолет типа «Физелер-Шторх», который свалился на крыло и врезался в дом. Савицкий с ведомым, хотя и подверглись сильному обстрелу с

земли – небо буквально побелело от множества разрывов, – смогли вернуться на свой аэродром и доложить об обнаружении секретного немецкого аэродрома в центре Берлина командующему 16-й ВА генерал-лейтенанту Руденко..

Сразу после доклада Савицкого командующий вызвал к себе своего заместителя генерал-лейтенанта Сенаторова и начальника штаба генерал-майора Брайко для принятия экстренных мер. Прежде всего было решено провести тщательную разведку местности, определить точное расположение и количество имеющихся самолетов, зенитных средств и площадок, пригодных для взлета. На разведку было решено послать опытного летчика из 347-го Гв.ИАП старшего лейтенента Оганесова, совершившего к концу войны около 300 боевых вылетов, проведшего более 60 воздушных боев и имевшего на счету 15 (по другим данным 23) сбитых самолетов, и его ведомого лейтенанта Двуреченского.

Задачу им ставил лично генерал-лейтенант Сенаторов, сориентировавший летчиков на поиск аэродрома у Бранденбургских ворот. Он сообщил, что, по показаниям некоего пленного офицера (?), в этом районе находятся замаскированные самолеты, на которых гитлеровское руководство собирается вырваться из Берлина. Сенаторов указал на опасность зенитных точек при бреющем полете, но подчеркнул особую важность задания, которое должно быть обязательно выполнено.

Поскольку Оганесов уже не раз вылетал на разведку центра Берлина, он довольно четко вышел на парк Тиргартен, имевший с воздуха вид эллипса размером 8×2 км. Не прошло и двух часов, как командование получило по радио сообщение от разведчиков об обнаружении в указанном районе, у входа в парк, замаскированных, охраняемых танками двух или трех легких самолетов. Потом Оганесов доложил на КП о выполнении задания и показал на карте-схеме место расположения цели.

Было принято решение в 10.00 28 апреля нанести бомбоштурмовой удар по площадке у Бранденбургских ворот, условно названной «имперским аэродромом». Оганесов на Ла-5 повел за собой ударные группы: восьмерку Пе-2 и восьмерку Ил-2. Подлетая на малой высоте к Тиргартену, он сделал горку и с пикирования очередью трассирующих пуль указал идущим следом экипажам направление на цель.

Пикировщики сбросили бомбы на центральную аллею парка, стремясь сделать ее непригодной для взлета, а штурмовики нанесли удар по самолетам и танкам. Оганесову пришлось подождать, когда развеется густая завеса дыма и пыли, чтобы удостовериться в результатах налета. Пролетая над самой землей, он увидел на бетонной площадке много воронок, а на месте стоянки самолетов и танков – груду искореженного, дымившегося металла. Он тут же доложил по радио о выполнении задания и услышал в ответ об объявлении ему благодарности.

Но тут Ла-5 был поражен зенитным снарядом, а сам пилот получил тяжелое ранение. Чудом Оганесов дотянул на сильно поврежденном самолете (был пробит стабилизатор и повреждены рули глубины) до своего аэродрома, с трудом избежав катастрофы при посадке. Почти без признаков жизни Оганесова извлекли из кабины и отправили в госпиталь, где врачи смогли спасти жизнь отважному летчику. Затем в мае 1946 г. капитан Оганесов был удостоен звания Героя Советского Союза за свой подвиг, совершенный в небе Берлина. Как говорится, лучше поздно, чем никогда.

Об уничтожении секретного аэродрома Руденко лично доложил Жукову, который с большим интересом выслушал доклад и посоветовал для верности нанести еще один удар. Маршал приказал авиаторам не спускать глаз с этого «осиного гнезда», чтобы *«ни сам Гитлер, ни его подручные не сумели удрать»*. Он очень грозно указывал, чтобы *«истребители постоянно находились над Берлином»*. При том количестве истребительных соединений, которые в тот момент имела 16-я ВА, выполнение этого приказа можно было обеспечить без особых усилий.

После второго налета у советского командования уже не оставалось сомнений, что нацистской верхушке не удастся по воздуху вырваться из Берлина. Вероятно, это мнение было слишком безапелляционным. Но даже и после этого налета, по словам Руденко, летчики не спускали глаз с Тиргартена, держали наготове звено истребителей, чтобы никто не смог покинуть обложенный со всех сторон гитлеровский «зверинец».

Еще одну любопытную историю по поводу ликвидации немецкого импровизированного аэродрома поведал в 1984 г. корреспонденту газеты «Труд» бывший заместитель начальника медслужбы 16-й ВА К.К. Платонов. Он утверждал, что 29 апреля

с ним вошел в контакт один немецкий коммунист-подпольщик. Оказывается, что в поверженной немецкой столице еще оставались и такие граждане. Немец поведал русским тыловикам, что в районе рейхсканцелярии находится подземный ангар, и взлет самолета оттуда может быть произведен с Зигесаллее Тиргартена или с Унтер-ден-Линден. Подпольщик утверждал, что 28 апреля оттуда был засечен взлет «Шторха». Возможно, антифашисты могли видеть взлет самолета, сбитого потом Савицким, или наблюдать «цирковой трюк» Ханны Рейч.

Платонов тут же доложил об этом важном сообщении генерал-лейтенанту Сенаторову, ошибочно названному им начальником штаба, который сначала отнесся к полученным сведениям весьма скептически. Потом, по здравом размышлении, генерал дал соответствующие указания авиаторам. После чего бомбардировщики весьма точно и аккуратно положили серию бомб вдоль Унтер-ден-Линден и Зигес-аллее. Штурмовики завершили их работу. Как показала последующая проверка результатов налета, бомбежка импровизированной взлетно-посадочной полосы была весьма эффективной.

Заместитель министра пропаганды доктор Фриче потом признал, что *«в самый последний момент шли разговоры об эвакуации в Шлезвиг-Гольштейн. Самолеты держались в полной готовности в районе рейхсканцелярии, но были вскоре разбиты советской авиацией»*. Да и самолет, приготовленный в Гатове для вылета Гитлера, был также уничтожен русской авиацией.

Почему столь подробно описан этот эпизод с потерей немцами своего запасного аэродрома? Это сделано с той целью, чтобы показать необоснованность многих измышлений недобросовестных авторов о возможности вылета Гитлера или кого-то из его окружения (Мюллер, Борман и пр.) из Берлина после 27 апреля, часто повторяющихся не только в некоторых средствах массовой информации, но даже и в солидных печатных изданиях.

Основной целью доклада Вейдлинга было показать, что дальнейшая борьба бессмысленна, так как ситуация со снабжением катастрофическая. Генерал подчеркнул, что после оставления складов в Западном порту продовольствия может хватить

максимум на два дня. Он также рассказал присутствующим на совещании об ужасающем положении берлинского населения, сидевшего в подвалах без пищи и воды. Вейдлинг сообщил, что во временных лазаретах в центре города находились примерно 9000 раненых, к которым ежедневно прибавлялись еще около полутора тысяч. Кого он хотел удивить и растрогать?

В беседе с Кребсом и Борманом Вейдлинг убеждал собеседников прорываться из Берлина, так как, по его мнению, *«безнадежная борьба за Берлин — это безумие»*. Кребс обязал его доложить об этом предложении фюреру 28 апреля. Он же, в свою очередь, при докладе Гитлеру вынужден был признать, что обстановка в Берлине очень обострилась. Начальник ОКХ отмечал, что о 9-й армии почти ничего не известно. Генштаб даже не знал, где находится ее авангард. От 12-й армии тоже не поступало никаких обнадеживающих известий, а «группа Штайнера» вообще не смогла выступить.

На совещании выступил также и сам Гитлер, который возлагал свои надежды как на армию Венка, так и на фельдмаршала Шернера, ставшего в его глазах *«титаном с неиссякаемыми возможностями»*. Фюрер резюмировал: *«Если мы ничего не предпримем незамедлительно, будет уже поздно. Противник реагирует на происходящее быстрее нас. 9-я армия была лучшей из того, чем мы еще располагали. Одиннадцать дивизий! Если бы ее командующий перенес основную тяжесть своих действий на северо-запад, он мог бы нанести контрудар... На всем фронте у нас сейчас только один реальный полководец — Шернер. Ему удалось выдержать мощнейшие удары противника и удержать фронт. Он привел в порядок доставшееся ему разрушенное хозяйство... Шернер и Венк — вот наилучшая упряжка, которую я себе только могу представить.... Надо установить связь с 9-й армией...»*

27 апреля в бункере рейхсканцелярии прошло три совещания. На всех речь, конечно, шла о группировках Штайнера и Венка. Присутствующие просто жонглировали названиями соединений, которые практически больше не существовали. На первое совещание, которое началось в 12.00, собрались Кребс, Бургдорф, Вейдлинг и адъютанты. Потом появились Гитлер, едва волочивший ноги, и Борман. Фюрер уже не реагировал на то, что в его присутствии курили. Чуть позже появился Геббельс в сопровождении своих сотрудников Лоренца и Наумана.

Кребс доложил о тяжелых боях в городе, о глубоких прорывах русских войск, которые продвигались к Александерплатц. Башни ПВО пока держались, а мосты Пихельсдорфа оставались у немцев. Кребс предполагал, что русские усилят натиск в районе Шпандау, чтобы замкнуть внутреннее кольцо окружения, а потом двинутся к Потсдамерплатц и вокзалу в Шарлоттенбурге, чтобы блокировать центр города. Каких-то новых сообщений от Венка Кребс пока не имел.

После доклада начальника ОКХ генерал Вейдлинг обрисовал создавшуюся ситуацию, подчеркнув безнадежность положения Берлина. Все предместья и окраины города были заняты русскими, а немцы оттеснены к внутреннему рубежу обороны, защита которого опиралась в основном на зенитную артиллерию, расположенную на башнях. Русские войска на севере продвинулись до вокзала Веддинг, а на западе – через Целендорф к Штеглицу, Фриденау и Халензее. Поскольку русские нажимали в направлении мостов через Шпрее у Тирпицуфер и на Потсдамерштрассе, Гитлер приказал, чтобы Монке взорвал мосты через эту реку.

Около 21.00 27 апреля состоялось последнее совещание этого дня, которое ликвидировало последние остатки оптимизма двух предыдущих совещаний. Монке доложил, что рейхсканцелярия находится в непосредственной опасности. Генерал Вейдлинг доложил, что тяжелые бои во всех районах Берлина продолжались, а русские вклинились в Грюневальд с юга и востока между остатками 20-й и 18-й МД.

28 апреля

Ночь в бункере прошла беспокойно. Продолжались бесполезные телефонные переговоры высших немецких военных руководителей, пытавшихся хоть как-то изменить неумолимый ход событий на полях сражений.

Кребс, не желая признавать, что план деблокады Берлина не удался, в 02.00 28 апреля направил Йодлю длинную радиограмму, в которой сообщал: *«Задачей всех соединений, действующих между Эльбой и Одером, остается всеми средствами и максимально быстро довести до успешного конца охватывающее наступление для деблокады столицы... Перед этой решающей задачей отступает на задний план уничтожение противника, прорываю-*

щегося в Мекленбург... Удар противника в тыл должен быть окончательно локализован посредством выдвижения вперед сводных соединений при использовании озерных дефиле». Последняя фраза дает понять, что никаких резервов у немцев больше не осталось.

Похоже, Кребс тут уже начал учить своего коллегу азам военного искусства, да и тон послания несколько смахивает на приказной. Хотя приказывать Йодлю он уж никак не имел права. Видимо, в огне боев даже хваленая немецкая субординация начала нарушаться. Стоит, наверное, также подчеркнуть, что все поставленные в радиограмме задачи так и остались невыполненными.

В 03.00 состоялся телефонный разговор того же Кребса с Кейтелем. Связь ставки с рейхсканцелярией осуществлялась по радиотелефону с использованием УКВ-диапазона. В этом разговоре Кребс подчеркнул, что *«у нас в распоряжении осталось самое большее 48 часов».* Что же, тут он довольно точно и реалистично определил временные границы существования бункера фюрера и его обитателей. Кребс также передал Кейтелю очередной невыполнимый приказ Гитлера: *«Фюрер требует, чтобы ему как можно скорее оказали помощь... Если к этому моменту* (т.е. в течение 48 часов) *помощь не будет оказана, то будет поздно. Фюрер просит* (!) *еще раз сказать вам об этом».*

Видимо, примерно в это же время с фон Греймом из Рехлина, по утверждению Хью Томаса, связался по радиотелефону генерал Коллер, чтобы узнать ситуацию в бункере. Как ни странно, фон Грейм стал успокаивать его, уверяя, что *«все будет в порядке».* Новоиспеченный фельдмаршал уверял Коллера, что *«общение с фюрером и его уверенность вдохновляют».* Естественно, Коллер не верил своим ушам: *«Там просто сумасшедший дом!»* То ли фон Грейм все еще не отошел от наркоза после операции или находился под воздействием обезболивающих препаратов, то ли он опять, как и другие, попал под гипнотическое влияние маниакальной личности своего обожаемого фюрера.

Сам факт этого разговора вызывает некоторое сомнение. Ведь еще 23 апреля Коллер вылетел из Берлина в Берхтесгаден, где был на короткое время арестован гестапо. Зачем ему снова понадобилось возвращаться в Рехлин? Возможно, Хью Томас что-то напутал, и генерал-оберст Коллер разговаривал с фон Греймом со своего КП в горах.

В 05.00 радиотелефонная связь с рейхсканцелярией опять была прервана. Ко всему прочему, утром 28 апреля прервалась связь бункера с другими районами города, так что немецким военным руководителям пришлось использовать уцелевшую городскую телефонную сеть. Возможно, это было связано с тем, что рейхсканцелярия опять подверглась сильному обстрелу.

В ту ночь была предпринята очередная попытка организации воздушного моста с Берлином. Около 23.00 27 апреля из ставки Гитлера подтвердили авиационному командованию необходимость вылета в Берлин немецкого аса Руделя на самолете Хе-111 с посадкой на автомагистрали у Бранденбургских ворот.

Рудель смог вылететь только около 01.00 28 апреля. На окраине Берлина его перехватили прожектора и зенитки. Ориентировка была крайне затруднена из-за густой пелены дыма на земле и пожаров в городе. В результате радиопереговоров с полковником фон Беловом выяснилось, что посадка невозможна. Автомагистраль находилась под сильным обстрелом, а русские уже захватили Потсдамерплатц.

Посадку было приказано произвести на аэродром Рехлин, но там не рискнули включить посадочные огни для любимца фюрера. Ему пришлось садиться в Виттстоке, в 20 км от Рехлина, где, слушая переговоры Руделя с землей, явно пожалели аса и рискнули включить необходимое освещение. Около 03.00 Рудель прибыл в Рехлин, откуда по УКВ опять связался с фон Беловом. Полковник отменил его прибытие в Берлин, объяснив это тем, что фельдмаршал фон Грейм успел связаться по радио со ставкой и принял на себя предполагаемые (?!) обязанности Руделя. Тем более что, по словам фон Белова, в Берлине в данный момент приземлиться было невозможно.

Так в обстановке всеобщей неразберихи немецкое руководство пыталось решать в то время важные кадровые вопросы. Не говоря уже о том, что понять их смысл и необходимость весьма затруднительно. Так и осталось тайной, какой же пост хотел фюрер предложить Руделю, имевшему звание полковника? Этот верноподданный нацист предложил свой вариант спасения горячо любимого им фюрера. Он полагал, что сможет утром 28 апреля, не опасаясь сильного огня зенитной артиллерии, сесть на автомагистраль и вывезти Гитлера из Берлина, чтобы *«он не потерял контроля над общей ситуацией»*. Видимо, полковник сла-

бо разбирался в «общей ситуации», которую вряд ли кто-либо из немецкого руководства мог еще контролировать.

Фон Белов после краткого совещания с фюрером развеял несбыточные мечты гитлеровского аса и разрушил его планы войти в историю в качестве спасителя вождя немецкой нации. Он объяснил Руделю, что фюрер принял решение удерживать Берлин и не может покинуть столицу в критический момент. При этом фон Белов оценивал положение всего лишь как *«не слишком хорошее»*, но выражал надежду на то, что *«наступление Венка и Шернера еще может спасти Берлин»*. То ли адъютант Гитлера был неисправимым оптимистом, что очень маловероятно, то ли он в тех условиях просто не мог откровенно разговаривать с Руделем. Надежда на вышеупомянутых военачальников в тот момент была уже весьма призрачной.

Во исполнение полученных указаний Кейтель выехал на фронт в район Нойбранденбурга, севернее Берлина, чтобы оценить обстановку на участке «группы Штайнера» и попытаться как-то подтолкнуть его войска к наступлению. Результат этой поездки был нулевой. Кейтель ничего не смог сделать, но направил в бункер «обнадеживающую радиограмму» о тщетности усилий по прорыву к Берлину.

Действительно, 28 апреля в 20.48 штаб ГА «Висла» получил телеграмму от Кейтеля из ставки ОКВ в Фюрстенберге, в которой опять шла речь о контрнаступлении под Нойбранденбургом, для чего приказывалось *«...объединить под единым командованием 25-ю МД и 7-ю ТД и дивизию «Шлагетер». 21-я армия будет действовать на правом фланге группы армий. Кроме 3-го ТК СС, в ее подчинение следует передать еще один из тех корпусов, которые сейчас действуют на фронте»*.

ОКВ продолжало с легкостью оперировать соединениями, большинство из которых существовали только на бумаге. Штаб же ГА «Висла» и не помышлял ни о каких наступлениях, а продолжал разрабатывать планы отступления. Упомянутый в телеграмме 3-й ТК СС, прикрывавший южный фланг ГА «Висла», отражал непрерывные фланговые атаки русских. Вот как описывал бой в этом районе штурман Мюллер из 103-го батальона связи 3-го ТК СС: *«Русские атаковали с разных сторон. Вслед за танками шли кавалерия и мотопехота. К вечеру русские стали наседать на наш второй эшелон обороны... мы успели своевременно*

предупредить товарищей, которые в последнюю минуту успели отступить, избежав благодаря этому русского плена».

Понятно, что ни о каком наступлении на Берлин с севера в тот момент не могло идти и речи. В 05.00 28 апреля в штаб сухопутных войск пришло донесение и от командующего 9-й армией генерала Буссе о том, что *«попытка прорыва не удалась. Танковое соединение... только частью лучших сил прорвалось на запад, частично уничтожено. Остальные войска наступавшей группы, понеся чувствительные потери, приостановлены и частично отброшены назад. Физическое и душевное состояние офицеров и солдат, а также положение с боеприпасами и горючим не позволят ни новой планомерной попытки прорыва, ни длительного удержания позиций...».*

К утру 28 апреля остатки 9-й армии, понесшие в боях серьезные потери, оказались зажатыми на узком пространстве между Хермсдорфом, Меркиш-Бухгольцем и Хальбе. Для них, как писал историк Тике, *«осталось два выхода: прорываться навстречу 12-й армии или сдаться в плен».*

Южнее Меркиш-Бухгольца был уничтожен штаб 35-й ПолД СС, дивизия разгромлена, а ее командир штандартенфюрер Пипкорн был убит... Командиру 90-го полка этой дивизии штурмбаннфюреру Дилю повезло больше. Он был взят в плен и рассказал на допросе о боях в этом районе: *«Несмотря на то что первая попытка разорвать кольцо окружения удалась, прорвавшиеся подразделения немедленно попали под удар артиллерии и авиации. Потери были чрезвычайно велики. Буквально невозможно было поднять голову, и я был неспособен руководить боем. Все, что мне оставалось делать, так это лежать вместе со своим адъютантом под танком и смотреть на карту».*

Раненые оставлялись на произвол судьбы. Причиной многих ранений у немцев были летевшие с большой скоростью деревянные щепки, образующиеся в результате разрывов снарядов в чаще деревьев. Нередко в рядах немецких войск возникала паника при артобстрелах и беспрерывных воздушных налетах. Если раненый или истощенный солдат падал на дорогу, то вскоре он становился жертвой проезжавших следом автомашин или танков.

Определить точное прохождение линии фронта при боях в различных районах огромного лесного массива было практи-

чески невозможно. Дым горящего леса застилал глаза и не давал возможности людям нормально дышать. Сказывалось и применение фосфорсодержащих и других легковоспламеняющихся веществ. Взрывы пугали лошадей, которые переворачивали повозки с ранеными. Кругом раздавались крики и стоны раненых, просивших о помощи. В обстановке тяжелых боев усилилась всегда существовавшая напряженность между эсэсовцами и солдатами вермахта, обвинявшими друг друга в отказе помогать своим раненым. Как отмечал Энтони Бивор: *«Чувство взаимного отчуждения армии и войск СС достигло, казалось, своей кульминационной точки. Солдаты вермахта с негодованием смотрели на эсэсовцев, среди которых можно было заметить и женщин в черной униформе»*. Немецкие пленные показывали, что только жестокими репрессивными мерами командованию окруженных войск удавалось поддерживать дисциплину и порядок.

Однако несмотря на столь тяжелое положение окруженных войск, генерал Буссе решил именно утром 28 апреля вновь попытаться вырваться из окружения. Наступление противника в районе Хальбе началось атаками силой до пехотной дивизии с 18–20 танками. В течение дня части советских 21-го и 40-го СК, по участку которых пришелся удар, отбили двенадцать атак, в которых участвовали остатки 286-й, 275-й, 342-й, 712-й ПД и 35-й ПолД СС, и продолжали удерживать занимаемые позиции, взяв около 3000 пленных. Войска 3-й, 69-й и 33-й армий вели напряженные бои с частями прикрытия 9-й армии, продвинувшись к исходу дня от двух до шести километров.

Как же виделись события, связанные с боями 9-й армии, с немецкой стороны? 28 апреля части армии сосредоточились в лесном районе Хермсдорф – Меркиш-Бухгольц – Хальбе. Ее штаб находился в районе лесничества Хаммер, где были и остатки 32-й ПД СС. В Хермсдорфе эсэсовцам пришлось оставить около 2000 раненых под присмотром двух последних оставшихся врачей. Основные силы этой дивизии штандартенфюрера Кемпина сосредоточились северо-восточнее Хальбе, готовясь к прорыву. По оценкам немецкого штаба, этот «котел» располагался на площади 3×5 км. В нем находились до 30 000 солдат и до 15 000 гражданских лиц.

Про отступление в район Хальбе рассказал потом гауптшарфюрер Ангерштайн из дивизии СС «Нидерланд»: *«Между*

Штерковом и Хальбе проехать было уже нельзя. Посреди просеки к северо-востоку от Хальбе скопилось множество автомашин. Их пришлось сжечь. Теперь каждый должен был пробиваться пешком...»

В 14.00 28 апреля все командиры корпусов и дивизий прибыли в штаб 9-й армии. Генерал Буссе и его начштаба Хёльц обрисовали подчиненным безрадостное положение армии. После продолжительного обсуждения создавшегося положения было принято решение – в 18.00 начать прорыв на запад через Хальбе в направлении Беелитца.

Поскольку связаться со штабами 5-го ГСК СС и 5-го АК не удалось, обеспечить прорыв должны были части 11-го ТК СС. Командир корпуса Кляйнхерстеркамп решил, что коридор для прорыва должны организовать части МД «Курмарк» генерал-майора Лангкайта и 502-й ТТП СС штурмбаннфюрера Хартрампфа. По его мнению, поселок Хальбе должен был стать тем игольным ушком, через которое пройдут части 9-й армии.

Хальбе за последние дни уже несколько раз переходил из рук в руки. Для прорыва из окружения немцы сформировали две ударные группы. Северная ударная группа включала подразделения танкового батальона МД «Курмарк», к которым должны были присоединиться остатки 10-го разведбатальона дивизии СС «Фрундсберг». Южную группу составляли четырнадцать «тигров» 502-го батальона и другие сводные роты.

Вслед за южной группой на прорыв должны были пойти штабы и части 5-го ГСК СС. После израсходования боеприпасов орудия было приказано взорвать. Весь транспорт, из баков которого слили горючее, был уничтожен. В рядах немецких войск чувствовалась подавленность, а часть эсэсовцев-офицеров кончали жизнь самоубийством.

Атака на Хальбе началась с небольшим опозданием – в 18.30, из-за того что не удалось полностью сформировать ударные группы. Немецкий историк Тике писал: *«...перед немецкой танковой колонной разверзлись врата ада. На «тигры» посыпались фосфорные и фугасные снаряды... Все окружающие дома были разрушены и горели. Оборона русских, костяк которой составляли противотанковые орудия, была чрезвычайно прочной...»*

После 20.00 во время завязавшегося боя пропали командир 11-го ТК СС Кляйнхерстеркамп и его начштаба полковник Грезе.

Немцам удалось около 21.00 ворваться в Хальбе, три четверти которого продолжали занимать русские. В рядах немцев, подвергавшихся сильным обстрелам, часто возникала паника. Гауптштурмфюрер Штренг вспоминал потом: *«Фосфорные снаряды взрывались фонтанами белых брызг. Мы получили прямое попадание, и за несколько секунд наш «тигр» превратился в пылающий факел...»*

«Основная масса солдат, – как заметил штурмбаннфюрер Май, – *была истощена физически и не хотела больше сражаться».* Несмотря на это, отдельным немецким командирам благодаря собственной отваге и мужеству как-то удавалось сохранить дисциплину и увлечь за собой как своих солдат, так и тех, кто отстал от других частей. Некоторым особенно решительным подразделениям удалось прорваться в ближнем бою под огнем противника по узкому коридору. На выходе из села немцы попали под сильный фланговый огонь из небольшого лесного массива, лежащего севернее Хальбе.

Многие ударные группы попытались обойти Хальбе, пока авангард бился на въезде в это селение. Там же пробивались остатки дивизии СС «Нидерланд» генерал-майора СС Вагнера, которые смогли просочиться далее на запад. Сам прорыв проходил довольно хаотично. Оберштурмбаннфюрер Клуст из 502-го батальона вспоминал: *«Между 20.00 и 21.00 мы ворвались в Хальбе. В селе царила полная суматоха... Русские снаряды разрывались в гуще людей...»* Гауптштурмфюрер Крис отмечал, что *«...повсюду лежали раненые и убитые... Эта масса людей уже не поддавались какому бы то ни было контролю. Дисциплина была забыта».*

Командир 32-й дивизии СС штандартенфюрер Кемпин также вспоминал: *«Я мог восстановить контроль над ситуацией только благодаря моим голосовым связкам. Остатки 9-й армии в основном представляли собой толпу задерганных и лишенных всякого руководства солдат. Многие офицеры срывали с себя знаки различия. Солдаты как стадо баранов бежали вслед за «вожаком», который... мог вывести из окружения. Никакого упорядоченного руководства больше не существовало, повсюду царил полнейший хаос».*

Рассказы очевидцев о распаде дисциплины были характерны для основной массы 9-й армии. Эсэсовец Май нарисовал такую

картину: *«Воинских частей как таковых больше не существовало. Офицеры срывали с себя погоны... чтобы не пришлось больше ни за что отвечать»*. Тем не менее оставались еще части, которые во главе с решительными командирами прокладывали себе путь на запад, пробивая дорогу для основной дезорганизованной массы. Надо ли говорить, что такими группами были в основном эсэсовцы, которым терять было нечего.

На рассвете 29 апреля передовая часть 502-го танкового батальона достигла шоссе Берлин – Котбус, где попала под обстрел. В это же время через шоссе успел проскочить бронетранспортер с командующим 9-й армией Буссе и его начальником разведотдела майором бароном фон Зеебахом, которые благополучно добрались до лесничества Массов. Части МД «Курмарк», которые прикрывали прорыв с севера, сумели с боями пробиться севернее Хальбе, возле которого, по свидетельству Тике, *«полегли целые воинские части»*.

Несмотря на отчаянные попытки, вырваться из окружения 28 апреля противнику не удалось. Территория, занимаемая окруженной группировкой, в результате наступательных действий советских войск к концу дня сократилась до 10 км с севера на юг и до 14 км с запада на восток. Создавшееся положение послужило причиной посылки Буссе еще одной радиограммы в течение дня 28 апреля, в которой сообщал, что *«боеприпасов осталось на два дня»*, и высказал опасение, что *«...вы, видимо, уже списали 9-ю армию...»*. Действительно, к исходу 28 апреля положение окруженных стало исключительно тяжелым.

Командующие 9-й и 12-й армиями поддерживали связь между собой по радио. Венк знал, что силы армии Буссе ослабевают. 28 апреля он получил сообщение от Буссе, подтверждавшее его опасения: *«Физическое и умственное состояние офицеров и солдат, ситуация с боеприпасами и топливом не позволяют сопротивлению продлиться. Дополнительные сложности создают гражданские жители, зажатые вместе в «котле» 9-й армии. 9-я армия будет сражаться до конца»*. От этого сообщения, пропитанного духом безнадежности, очень похожего на доклады Паулюса из окруженной под Сталинградом 6-й армии, уже веяло могильным холодом...

Чем же были в это время заняты части 12-й армии? По мнению исследователя Вильгельма Тике: *«На армию Венка возла-*

гались все надежды 9-й армии и защитников Берлина. Армия Венка была у всех на устах. Она представлялась неким спасительным островком среди бушующего шторма. Но, как часто бывает в подобных ситуациях, эти надежды были взвинчены очень высоко, в то время как реальность была совершенно иной. В действительности армия Венка представляла собой последний резерв Германии, которому не хватало ни подготовки, ни кадровых командиров, ни техники».

К 28 апреля к наступлению на Берлин изготовился 20-й АК генерал-лейтенанта Келера. Одной из его дивизий – ПД «Ульрих фон Гуттен» – командовал генерал-лейтенант Энгель. Подразделения дивизии после перегруппировки достигли района Бельцига, где провели разведку на широком фронте силами истребительного противотанкового батальона, так как немецкая воздушная разведка как таковая больше не существовала.

Утром 28 апреля немцы с большой осторожностью, поскольку обстановка на данном участке была весьма неопределенной, начали наступление под прикрытием сильного боевого охранения. Левый фланг наступавшей на северо-восток дивизии «Гуттен» прикрывала САБР дивизии «Шилль». В составе наступавших были призывники самых младших возрастов, какие еще были в Германии, разбавленные немногочисленными ветеранами боев на Восточном фронте, оправившимися после ранений. Их униформа представляла собой пеструю смесь голубовато-серого обмундирования люфтваффе, серого армейского, а также службы РАД (имперской службы трудовой повинности).

Пользуясь моментом внезапности и отсутствием сплошного фронта, немцы к полудню 28 апреля смогли отбросить передовые русские моторизованные части, нанеся им некоторые потери. Немецкое командование понимало, что эти части являлись фланговым прикрытием войск 1-го УФ. При этом наступавшие приблизились к населенному пункту под весьма симптоматическим названием «Ленин», названному так, конечно, не в честь вождя мирового пролетариата. Генерал-лейтенант Энгель отмечал, что сопротивление русских в этом районе постепенно возрастало, подтягивались резервы, в бой вводились новые части. Он решил продолжить наступление, бросив в него все свои силы. Генерал утверждал, что два его полка в районе ленинского леса рассеяли две русские дивизии, имевшие приказ

наступать в сторону Бранденбурга, что якобы подтвердили взятые в плен русские старшие офицеры. В это очень трудно поверить, так как подобных сил на этом участке тогда просто не было.

Справа от дивизии «Гуттен» наступали части дивизии «Шарнгорст», которые продвигались в сторону Беелитца, прикрывая с востока наступавшие немецкие войска. Наступление дивизии «Шарнгорст» проходило при поддержке 1170-го дивизиона штурмовых орудий. Этот дивизион принимал участие в тяжелых боях 28–29 апреля. Забегая вперед, надо указать, что после этих боев к вечеру 29 апреля в дивизионе осталось лишь несколько штурмовых орудий. Уйти потом через Эльбу удалось лишь 80 артиллеристам.

Дивизии «Теодор Кернер» пришлось, как и днем раньше, отбивать атаки русских войск. Ее части пытались атаковать в районе Нимегка, но, встретив сильное сопротивление, не смогли продвинуться.

Вильгельм Тике считал, что *«русские не ожидали наступления 12-й армии, которое застало их врасплох, и стали срочно укреплять свой южный фланг. Уже ночью с 28 на 29 апреля они предприняли несколько вылазок на линии, где остановились части 20-го АК... Благодаря этому русское командование смогло получить хотя бы приблизительное представление о ситуации и принять ответные меры»*.

В данном случае надо отметить явный провал разведки 1-го УФ, не говоря уже о непонятной пассивности советской авиаразведки, которая попросту прозевала переброску частей немецкой 12-й армии на Восточный фронт. Об этом малоприятном факте ни советские военные историки, ни мемуаристы стараются не упоминать, акцентируя внимание лишь на оперативном реагировании командования 1-го УФ на возникшую угрозу его южному флангу. Поэтому и бои по отражению немецкого контрудара в отечественных источниках описаны очень скупо.

На внешнем фронте окружения 10-я и 11-я бригады из 5-го Гв.МехК и части 13-й армии продолжали вести наступательные бои, но, встретив упорное сопротивление ПД «Саксония» и «Теодор Кернер» из 12-й армии и отбив несколько контратак, имели лишь незначительный успех. Бригадам удалось продвинуться

только на несколько километров и овладеть населенными пунктами Шлалах и Брахвитц.

12-я Гв.МехБр из 5-го Гв.МехК вела бои с немцами в районе Беелитца очень активно. Разведгруппой из этой бригады, посланной в тыл противника, был взорван мост на дороге Беелитц – Бранденбург, в 10 км северо-западнее Беелитца, что крайне затруднило немцам переброску подкреплений на этом участке.

28 апреля по тылам 5-го Гв.МехК в районе Луккенвальде уже бродили разрозненные группы немцев из 9-й армии, просочившиеся к тому времени туда. Это вынуждало советские войска вести активную разведку в восточном направлении и организовать защиту штаба корпуса в районе населенного пункта Готсдорф. Тем более что именно 28 апреля около этого штаба ротой охраны была взята в плен немецкая разведгруппа из 9-й армии численностью около двадцати человек во главе с подполковником. Вот на каком уровне немцы вели разведку возможных путей прорыва на запад окруженной группировки 9-й армии.

Когда о показаниях пленных доложили командарму Лелюшенко, он согласился с напрашивающимися выводами командования 5-го корпуса о том, что в ближайшее время немцы предпримут попытки выхода из окружения. Он приказал штабу корпуса перейти в Цаухвитц, в 5–6 км восточнее Беелитца, подтянуть к штабу корпусные части и вести активную разведку в восточном направлении во избежание внезапного удара в спину.

Для этого к штабу 5-го Гв.МехК, помимо 68-го гвардейского саперного батальона, были подтянуты 2-й гвардейский мотоциклетный батальон и часть 263-го ЗенАП. В ночь на 29 апреля штаб корпуса перешел в Цаухвитц. Из штаба 4-й Гв.ТА в корпус поступило ободряющее сообщение о том, что на внутренний фронт окружения немецкой 9-й армии, на рубеж 15–20 км восточнее Луккенвальде, выдвинуты 63-я Гв.ТБр из 10-го Гв.ТК и 117-я СД из 13-й армии.

Именно 28 апреля немцы в районе Ратенова силами 39-го ТК 12-й армии предприняли попытку прорваться к 9-й армии, которая была успешно отбита кавалеристами 14-й и 15-й Гв.КД.

Военкор Мержанов приводил интересную радиограмму Венка Кейтелю от 28 апреля, подтверждающую вышеописанную ситуацию: *«Армия на всем фронте подвергается такому нажиму, что наступление на Берлин более невозможно...»* Вот вам и весь

неутешительный итог безнадежных попыток 12-й армии выручить своего фюрера. Единственным заслуживающим упоминания успехом немцев явилось то, что на северном фланге наступления 12-й армии им удалось захватить южную часть Бранденбурга, где завязались тяжелые бои с переменным успехом.

В Берлине главные силы 47-й армии в течение 28 апреля производили зачистку районов Потсдама и Шпандау. Во второй половине дня армия приступила к перегруппировке: один стрелковый корпус предполагалось оставить на рубеже Потсдам – Шпандау, фронтом на восток по западному берегу реки Хафель для обеспечения армии со стороны Берлина, а двумя стрелковыми корпусами во взаимодействии с 6-м Гв.МехК и 7-м Гв.КК двинуться на запад и овладеть Бранденбургом.

28 апреля 2-я Гв.ТА, используя плацдарм на реке Шпрее, захваченный еще два дня назад и расширенный 27 апреля, нанесла сильный удар в юго-восточном направлении. Продвинувшись на 2,5 км, танкисты овладели значительной частью района Шарлоттенбург.

Начались бои в районе парка Тиргартен. Вот как вспоминал об этих событиях механик-водитель танка Т-34 Мацапура из 49-й Гв.ТБр 2-й Гв.ТА, которая с севера подошла к этому району: *«На подходе к парку Тиргартен за баррикадой стояла тяжелая гаубица. Она вела огонь прямой наводкой. Мы разбили ее из пушки. Я подвел машину к баррикаде, стал аккуратно раздвигать танком «ежи» из сваренных рельсов. Просто давить их нельзя – могут пропороть днище... Из ближайшей подворотни тявкает 37-мм пушка. Снаряды щелкают по броне, вреда они нам не приносят. Миновали наконец «ежи» и баррикаду, двинулись дальше».*

Вдали в конце улицы зеленели деревья. Парк был в весеннем цвету. Танк Мацапуры выскочил на широкую аллею. Вот тут с лужайки по нему ударили зенитки, добившиеся попадания в лобовую броню. Механик-водитель был ранен в руку осколками брони, но, несмотря на это, продолжал управлять танком. Он свернул на боковую аллею, обходя лужайку, на которой в бетонированных окопах располагалась батарея зениток. Немцы пытались поразить мелькающий среди деревьев танк, но промахивались.

Выбрав подходящий момент, Т-34 сделал рывок к батарее. Вот что вспоминает потом Мацапура: *«Ломая кустарник, танк выскакивает на лужайку. Наперебой стучат два наших пулемета.*

Давим одно орудие, второе. Третье успевает развернуться стволом в нашу сторону. Бьет почти в упор. Снаряд пробивает левый борт танка и бак с горючим. Машина вспыхивает. Пытаемся сбить пламя, но ничего не получается. Командир продолжает вести огонь. Потом приказывает всем покинуть машину».

Выскочившему из горящего танка экипажу пришлось обороняться от уцелевших зенитчиков. Трудно сказать, чем бы кончилась эта перестрелка, если бы на выручку танкистам не подоспели мотострелки из 34-й Гв.МСБр. После этого танкисты, как и многие другие уцелевшие экипажи, продолжали сражаться вместе с мотострелками вплоть до 1 мая. Вот так тяжело добывалась победа в уличных боях...

Части 3-й УА развернули наступление из района Веддинга в направлении на рейхстаг с целью соединения с 8-й Гв.А и рассечения окруженной группировки на две части. 28 апреля армия приблизилась с севера к колонне Победы (Зигесойле), расположенной в Тиргартене. Советские солдаты между собой не очень почтительно называли ее «большой бабой», поскольку на самом верху колонны красовалась статуя крылатой богини победы.

Оборона немецких войск в Берлине теперь представляла собой полосу шириной около 5 км и длиной 15 км, которая протянулась от Александерплатц на востоке до Шарлоттенбурга на западе. На эту картину с ужасом взирал с высоты башни у зоопарка начальник артиллерии 56-го ТК полковник Велерман. Он наблюдал панораму *«горящего, тлеющего и дымящегося города»*, которая *«заставляла трепетать его сердце»*.

Значительных успехов в боях 28 апреля добился знаменитый 79-й СК генерал-майора Перевёрткина, который, очистив от противника район Моабит, у парка Тиргартен вышел к центральному сектору обороны города.

Штурм известной берлинской тюрьмы Моабит, где были казнены многие герои-антифашисты, был начат в 12.00 силами 469-го и 756-го СП 150-й СД. Огромное зловещее здание встретило атакующих ураганным огнем. На прямую наводку были выдвинуты 203-мм гаубицы 86-й ТГАБр. Эти орудия пробивали насквозь стены тюрьмы. После артподготовки штурмовые отряды ворвались в здание и продолжили бой в тюремном дворе.

В результате ожесточенного боя гарнизон был разгромлен, взято до двух тысяч пленных. К сожалению, русским солдатам

не удалось захватить Геббельса, слухи о пребывании которого в Моабите распространились перед началом штурма. Якобы за час до окружения он отбыл в рейхсканцелярию. Подтвердить или опровергнуть этот факт довольно сложно. Возможно, это была всего лишь очередная фронтовая байка, рожденная кем-то из политработников для мобилизации на подвиги своих многострадальных солдат.

Как ни странно, нацисты не решились или не успели уничтожить около 7000 узников тюрьмы, которые были освобождены советскими воинами. Американцам и англичанам, которые в этот день обрели свободу, сильно повезло, потому что остаться в живых в такой мясорубке было весьма сложно.

Части 5-й УА вместе с 11-м Гв.ТК, оттеснив части дивизий «Нордланд» и «Мюнхенберг» от Белле-Альянсплатц, в районе Анхальтского вокзала прорвали оборону центрального сектора и овладели центральной типографией. Печатать воззвания Геббельса к берлинцам стало теперь негде.

Утром 28 апреля удачно действовала 301-я СД. Ее 1054-й СП подошел к Фридрихштрассе южнее Циммерштрассе, 1052-й СП выбил немцев с Хейдеманштрассе и наступал на здание гестапо, а 1050-й СП вместе с частями 1-й Гв.ТА участвовал в захвате Анхальтского вокзала. Вечером о судьбе своих подразделений вдруг обеспокоилось высокое начальство. Если командир 9-го СК генерал-лейтенант Рослый только пожелал им успеха в предстоящих боях, что вряд ли можно назвать реальной помощью, то командарм 5-й УА генерал-полковник Берзарин, понимая сложность обстановки, даже пообещал прислать пополнение, но уже в ходе предстоящего наступления. Командарм «утешил» командира дивизии Антонова, который доложил Берзарину о больших потерях, тем, что *«есть дивизии и потревожнее»*.

К исходу дня удаление 9-го СК 5-й УА от восточной окраины Тиргартена не превышало километра. В армейских сводках отмечалось, что *«противник оказывает неослабевающее сопротивление»*.

8-я Гв.А вместе с 8-м Гв.МК наступала в северо-западном направлении – на соединение с 3-й УА. Задачи частям армии, как всегда, ставились совершенно нереальные. Генерал Чуйков приказал 4-му и 29-му Гв.СК 28 апреля не только выйти в район рейхстага, но и овладеть им. Широко хотел шагнуть Василий

Иванович вместе со своими гвардейцами! За день, правда, удалось продвинуться до полутора километров, форсировав Ландвер-канал. При сложившейся обстановке это было совсем неплохо. До южной опушки парка Тиргартен армию теперь отделяло только около 300 метров.

В районе парка Генриха V войскам армии удалось освободить из концлагеря до 5000 союзных военнопленных. Похоже, эсэсовская охрана лагерей и тюрем уже явно не спешила с ликвидацией своих подопечных, опасаясь соответствующих ответных мер. Хотя по мере отступления немецких войск к центру Берлина отряды эсэсовцев свирепствовали с еще большей настойчивостью, приводя в исполнение смертные приговоры «предателям» и «дезертирам». На Курфюрстендамм они заходили в каждый дом, где был вывешен белый флаг, и беспощадно расстреливали всех находившихся там людей. Доктор Геббельс приветствовал эту жестокость эсэсовских карателей, называя белые флаги *«чумными бациллами»*.

К этому дню немецкие войска в Берлине начали испытывать острый недостаток в продовольствии и особенно в боеприпасах. Склады с упомянутой амуницией были расположены в уже захваченных ныне советскими войсками пригородах Берлина. Хью Томас тоже подтверждал этот факт, довольно ехидно отмечая, что *«какой-то военный гений забыл, что три огромных склада боеприпасов, без которых оборона не могла продержаться более четырех дней, оказались вне досягаемости – в парке Юнгфернхайде, на окраинах Тиргартена и Темпельхофа»*. Приятно сознавать, что не только русские интенданты могли допускать подобные глупости даже в конце войны.

Командующий 1-м УФ отмечал, что *«наблюдались попытки снабдить окруженных боеприпасами по воздуху»*. Попытки немцев были не очень удачными: почти все транспортные самолеты сбивались авиацией и зенитной артиллерией 1-го БФ еще на подходе к Берлину. К этому времени советские войска уже накопили богатый опыт воздушной блокады окруженных группировок. Командующий 16-й ВА генерал-полковник Руденко также указывал на активность немецкой авиации над Берлином днем 28 апреля. Возможно, тут сказались меры по активизации действий люфтваффе, предпринятые новым главнокомандующим фон Греймом.

Наступательные действия войск 1-го УФ велись без пауз. Вечером 27 апреля командующий 3-й Гв.ТА Рыбалко в соответствии с указаниями Конева отдал приказ своим войскам: во взаимодействии с 20-м СК 28-й армии к исходу 28 апреля полностью овладеть юго-западной частью Берлина и выйти на Ландвер-канал. На правом фланге армии должен был наступать 9-й МехК во взаимодействии с 61-й СД. 6-му Гв.ТК вместе с 48-й СД была поставлена задача наступать на северо-восток, а 7-му Гв.ТК с 20-й СД наступать на восток и к концу дня достичь Зоологического сада.

С утра, после артподготовки, корпуса 3-й Гв.ТА перешли в наступление в указанных направлениях. Первой к 16.00 Ландверканала достигла 91-я ТБр 9-го МехК. В то же время 6-й Гв.ТК, встретив очень сильное сопротивление противника, вперед практически не продвинулся.

28 апреля после получения из ремонта ранее поврежденных танков Т-34 была вновь введена в бой 53-я Гв.ТБр генерал-майора Архипова из 6-го Гв.ТК. Командир корпуса опять вывел бригаду в первый эшелон, и она двинулась к центру Берлина по Кайзераллее. Это была прямая улица, шедшая с юга к центру города. Ширина Кайзераллее позволяла создать танкам взаимную страховку. Машины, продвигавшиеся по левой стороне, вели огонь по правой и наоборот. Данный вариант был исключен на узких улицах, так как угол возвышения танковых пушек был ограничен и танкисты не могли вести огонь по верхним этажам ближайших к ним домов.

Наступление проходило в тяжелых условиях, так как обход узлов сопротивления был сильно затруднен. Параллельные узкие улицы и переулки были загромождены рухнувшими домами, все вокруг горело. Дым был настолько плотный, что механикам-водителям танков приходилось вести машины с открытыми передними люками. Это было очень опасно, так как зачастую противник вел огонь по танкам с расстояния 20–30 метров. Десантники, находившиеся на броне танков, также видели на 50–100 метров, а дальше все тонуло в черно-серой пелене, через которую едва проглядывало солнце.

Танкистам приходилось преодолевать немецкую оборону, основанную на ряде опорных пунктов. Немцы вкопали танки под стенами домов, в уровень с подвалами, а сверху они были

замаскированы киосками и будками. На первых этажах домов были установлены противотанковые орудия, и пулеметы имелись повсюду – до чердаков и крыш. В развалинах прятались фаустники, а в глубине дворов – минометные батареи. Каждый такой узел обороны был в огневой связи с соседними узлами, поэтому при попытке обойти его советские подразделения попадали под фланговый огонь.

О тактике боя в таких уличных боях рассказал командир 53-й бригады генерал-майор Архипов: *«Мы выкатывали приданные штурмовым отрядам тяжелые орудия на прямую наводку и били по этажам, начиная с верхнего. Уничтожали командные и наблюдательные пункты, лишали гарнизоны управления и связи. Потом переносили огонь ниже, включали в дело легкую артиллерию. Снимали огнем с улицы всю маскировку – будки, киоски, трамваи. В это время десантники продвигались дворами, врывались в дома, очищая этажи. Каждую группу поддерживал огнем один или два танка».* И так, очистив один квартал, танкисты начинали бой за следующий...

55-я Гв.ТБр 7-го корпуса получила задачу наступать в направлении железнодорожного вокзала Шарлоттенбург, станции Савиньиплатц и далее на Зоологический сад. С утра 28 апреля бои возобновились с новой силой. Центр тяжести боевых действий переместился к западу от Тиргартена. Командир бригады полковник Драгунский так оценивал сложную обстановку: *«Фронт напоминал слоеный пирог. Очень трудно стало ориентироваться. Не только на улицах или в домах, подчас даже на этажах нельзя было разобраться, где немцы, а где наши. Наши целеуказания не всегда оказывались точными, и были случаи, когда приходилось по всем каналам просить летчиков не бомбить занятые нами районы. Артиллерия 1-го БФ подтягивалась к центру Берлина, разрывы ее снарядов все приближались к нам. В городе становилось тесно от огромного количества наших сил и средств, а в небе Берлина было тесно от советской авиации».*

Даже комбриг понимал, что назревала опасность смешения войск, ударов по своим частям, а этой сумятицей могли воспользоваться немцы. Тыл 55-й бригады вновь подвергся нападению большой группы противника, пытавшейся прорваться к станции Халензее, которая уже была занята частями 7-го Гв.ТК. Положение бригады несколько облегчилось только после того, как

она установила «локтевую» связь с 56-й Гв.ТБр полковника З.К. Слюсаренко, а на помощь танкистам была выдвинута 55-я Гв.СД генерал-майора А.П. Турчинского.

Вот тут-то и возникли опять проблемы с войсками 1-го БФ. Из-за того, что 8-я Гв.А за первую половину 28 апреля значительно продвинулась вперед, произошло весьма нежелательное перемешивание войск – 9-й МехК 1-го УФ вышел на тылы 29-го Гв.СК 1-го БФ. Поэтому генерал-полковнику Рыбалко пришлось свой 9-й МехК после его выхода на Ландвер-канал повернуть на запад.

Вечером 3-ю Гв.ТА ожидал неприятный сюрприз. Командование 1-го УФ сообщило в ее штаб, что получена директива ставки ВГК об изменении с 24.00 28 апреля разгранлинии между 1-м УФ и 1-м БФ в Берлине. Новая линия проходила через Мариендорф, станцию Темпельхоф, станцию Савиньи и далее по железной дороге к станции Шарлоттенбург и Рулебен (пункты включительно для 1-го УФ). Она отрезала 3-ю Гв.ТА от центральной части Берлина с рейхстагом и Тиргартеном от части центра у Ландвер-канала, куда уже успели выйти части 9-го МехК. Для выполнения этого приказа частям армии приходилось очищать уже захваченные районы города для войск 1-го БФ.

Конечно, заслуженному танковому командиру Рыбалко все это очень не понравилось. Он был крайне расстроен подобным поворотом, и Коневу даже пришлось долго его уговаривать. Маршал хорошо понимал чувства боевого командарма, рвущегося к центру Берлина. Он был вынужден объяснить Рыбалко, что *«наступление «соседей» развивается успешно, а центр Берлина по установленной разгранлинии входит в полосу действий 1-го БФ»*.

Сам Конев, вероятно, уже смирился в тем, что он проиграл «гонку за Берлин» Жукову. Маршал довольно откровенно писал, что *«считал совершенно необходимым установить точную разгранлинию между фронтами для исключения перемешивания войск и потерь от своего огня»*. Он, конечно, прекрасно понимал, что к тому моменту *«войска 1-го БФ уже не нуждались ни в чьем содействии»*. Выставляя себя «борцом за правду», Конев несколько лицемерно заявлял, что *«сохранение боевой дружбы и товарищества между двумя фронтами при любых обстоятельствах куда важнее, чем чье бы то ни было личное самолюбие»*. Трудно с этим не согласиться, если бы эта фраза была сказана искренне. Простые же

солдаты и офицеры, воевавшие в отводимых из центра города частях 1-го УФ, говорили: *«Нас выдернули из города, словно гвоздь из деревяшки»*.

Не обошлось и без ошибок командования. Согласно полученному приказу, 7-й Гв.ТК, оставив в районе Рулебена в качестве заслона только 56-ю Гв.ТБр, 28 апреля перешел в наступление на Шарлоттенбург. Ему, как обычно, была опять поставлена совершенно нереальная задача: к исходу дня совместно с 20-й СД овладеть западной частью Тиргартена. В итоге корпус смог продвинуться всего лишь на 700 метров.

Естественно, противник тут же почувствовал резкое ослабление советских войск в районе Рулебена. Его группировка, оттесненная сюда из трех районов города (в т.ч. из Шарлоттенбурга и Штрехова), численностью около 20 000 человек с танками и штурмовыми орудиями, сумела в районе Вестенда отбросить 56-ю Гв.ТБр к станции Пихельсберг и устремилась к реке Хафель. К счастью, западный берег этой реки уже был занят 129-м СК из 47-й армии. Напоровшись на его жесткую оборону, немецкая группировка была рассеяна.

Одновременно с этими событиями 10-й Гв.ТК в течение дня готовился к переправе на остров Ваннзее и в 23.00 28 апреля начал форсирование протоки. Коневу не нравилась вся эта «возня» в указанном районе, изрезанном различными широкими протоками с внушительными островами, но менять план действий он не захотел. К чему это привело, можно будет увидеть чуть позднее.

Ранним утром 28 апреля начался сильный обстрел рейхсканцелярии из реактивных минометов. *«Все превратилось в сущий ад»*,– вспоминал Гюнше. Гитлер был растерян, его испугала эта «музыка сталинских органов». Около 09.00 настроение фюреру еще подпортил Монке, который взволнованным, срывающимся голосом доложил в бункер о том, что на Бслле-Альянсплатц и на углу Вильгельмштрассе идут ожесточенные бои. Точная картина обстановки была не ясна ему самому, потому что телефонная связь его КП с полками его боевой группы вышла из строя.

Гюнше передал Гитлеру сообщение Монке, указав места боев на карте Берлина. Услышав, что русские уже продвигаются к Вильгельмштрассе, Гитлер вздрогнул. Теперь им оставалось пройти до его бункера около 1200 метров.

Вскоре Монке прибыл для личного доклада и слегка успокоил своего фюрера докладом о том, что наступление русских удалось затормозить на углу Вильгельмштрассе, хотя они продолжали продвигаться к Анхальтскому вокзалу. Донесение об угрожающей близости русских сильно растревожило обитателей бункера. Геббельс тоже метался среди присутствующих, а потом принялся расспрашивать камердинера фюрера Линге: *«Скажите, разве положение уже действительно так серьезно?»* Неужели доктору философии это не было ясно намного раньше?

Во второй половине дня положение еще более ухудшилось и в других районах Берлина. Вейдлинг через Кребса докладывал со своего КП на Бендлерштрассе, что русские танки продвинулись вдоль Хеерштрассе и достигли магистрали Ост – Вест, а район Шарлоттенбург был потерян. То есть кольцо окружения вокруг правительственного квартала продолжало сжиматься. Об армии Венка в бункере уже никто не говорил. Всех волновали вопросы: «Как долго мы еще продержимся? Есть ли еще возможность выбраться из Берлина?»

Около 18.00 к Гитлеру в бункер явился глава гитлерюгенда Аксман. В присутствии Бормана и Гюнше он похвалился, что оставил при себе двести своих юнцов, которые, как он заявил, *«знают Берлин, как свой собственный карман»*. С их помощью и под своим командованием он предполагал вывести Гитлера из Берлина. Гитлер отклонил и это предложение о возможном прорыве.

Ряды немецких войск в Берлине уже сильно поредели. Разведкой 1-го БФ с 28 апреля уже больше не фиксировались отдельные соединения СС, хотя, по оценке советских разведчиков, в районе Тиргартена сражались до 20 тысяч эсэсовцев, а в районе парка Фридрихсхайн – около 3000. По немецким же данным, в 11-й МД СС «Нордланд» к концу апреля еще насчитывалось около 5000 человек. В ее оперативном подчинении находились также сводный батальон латышей из состава 15-й ПД СС численностью до 300 человек, а также испанская боевая группа (102-я испанская рота СС) под командованием капитана Мигуэля Эскерры в составе до 50 человек, сражавшаяся в здании министерства ВВС.

В боях в городе эсэсовцы понесли большие потери. Так, к 28 апреля численность охранного батальона СС «Лейбштандарте

Адольф Гитлер», в котором 24 апреля насчитывались семь рот по 80 человек (всего до 600 человек), сократилась до 100 человек. Вообще в последних боях в Берлине на стороне немцев участвовали представители многих народов, своеобразный «черный интернационал». Ранее уже говорилось о составе дивизии СС «Нордланд». Кроме этих европейцев, в столице рейха воевали литовцы из подразделений СС, а также 12-е кавказское истребительно-противотанковое соединение, сформированное из остатков различных кавказских легионов (грузины, армяне, азербайджанцы и другие) первоначальной численностью до 2500 человек, которые отнюдь не цветами встречали своих «освободителей» на улицах Берлина.

После напряженных боев 28 апреля положение окруженной в Берлине немецкой группировки еще более ухудшилось. Приближался час ее расчленения на три части, а горловины между группировками сократились до 500–1200 метров. Немцы еще держались за счет переброски последних резервов из района в район по подземным коммуникациям.

Ситуация, сложившаяся в Берлине, конечно, очень беспокоила нацистское военное руководство. В 22.00 28 апреля на совещании в бункере, на котором присутствовал обычный круг лиц, шло обсуждение военной обстановки. Генерал Вейдлинг сообщил, что крупные силы русских движутся на юго-запад и вскоре вступят в бой с армией Венка. Кребс подтвердил это сообщение. Потом Вейдлинг доложил Гитлеру о плане прорыва из Берлина, который еще в первой половине дня был на скорую руку составлен начштаба 56-го ТК полковником фон Дуфвингом. Генерал заявил, что боевые действия могут продолжаться не более двух дней, так как сказывалась нехватка боеприпасов и гарнизона города. Например, в ночь на 29 апреля в Берлин было доставлено только шесть тонн продовольствия, сброшенного на парашютах.

Поскольку Вейдлинг понимал бессмысленность дальнейшего сопротивления в городе, он предложил организовать прорыв тремя эшелонами южнее Вильгельмштадта – вдоль Хеерштрассе в сторону Шпандау, так как мосты через реку Хафель южнее Шпандау были пока еще в руках у немцев. Позже Конев почему-то называл несколько иное направление прорыва: южнее Винкенштадта вдоль Андерхеештрассе.

В первый эшелон прорыва предполагалось включить часть 9-й ППД, 18-ю МД и 5-ю боевую группу «Эдер», усиленные основной массой танков до 40 единиц и артиллерии, еще имевшихся у немцев. Во втором эшелоне намечался прорыв боевой группы «Монке». В этом же должна была находиться также и ставка. Третий эшелон, необходимый для прикрытия прорыва, предполагалось сформировать из остатков ТД «Мюнхенберг», 11-й МД СС «Нордланд», боевой группы «Беренфенгер».

Прежде чем Гитлер и генерал Кребс высказали свое мнение об этом плане, в обсуждение вмешался Геббельс. Он грубо обругал Вейдлинга и высмеял его план. Боевой генерал, которого возмутило выступление этого колченогого пропагандиста, ответил ему тоже в довольно резком тоне. Генерал Кребс, напротив, оценил план с военной точки зрения положительно, посчитал его вполне реальным для выполнения, о чем и сообщил Гитлеру.

Фюрер достаточно долго размышлял над предложением Вейдлинга. Он тоже оценивал общую обстановку как безнадежную. Его рассуждения о возможном прорыве сводились к следующему: если прорыв удастся, то *«мы попадем из одного котла в другой»*. И он, фюрер, вынужден будет ютиться под открытым небом, или в крестьянском доме, или в чем-либо подобном и ожидать конца. Поскольку подобные бытовые неурядицы явно не устраивали Гитлера, он решил остаться в рейхсканцелярии. Геббельс ему льстиво поддакивал. Вейдлинг имел возможность еще раз убедиться, что против этой клики из бункера бороться невозможно. Ему, как солдату Восточного фронта, были малопонятны «размышления» о каких-то удобствах на войне, когда дело касается самого существования подчиненных ему войск.

Итак, Гитлер отклонил предложение о прорыве. А может быть, зря? Немцы, как показывал опыт борьбы на Восточном фронте, почти всегда пробивались из окружения, хоть и мелкими группами и без тяжелого оружия, но уходили. Естественно, указанные факты всегда замалчивались или резко отрицались с советской стороны. Сталинград – это исключение, так как у немцев не было приказа о прорыве, а командующий 6-й армией Паулюс не решился на самостоятельные действия. А то бы, наверное, тоже могли уйти...

Попытка прорыва из Берлина выглядела весьма авантюрно, так как у немцев осталось всего около 40 танков и штурмовых

орудий. Тем не менее еще днем немцами была произведена разведка боем, когда в атаку были брошены около 3000 человек, в том числе около 2000 юнцов из гитлерюгенда. Естественно, что атакующие были отбиты с большими потерями.

Конев считал, что при сопоставлении этого плана с реальной обстановкой на 28 апреля видно, что он *«уже был совсем нереален»*. Он уверен, что *«предложение совершить отчаянную, можно сказать безумную, попытку... было бессмысленным...»*. Маршал настаивал, что единственным выходом в создавшихся условиях могла быть только капитуляция. Конечно, этот вариант больше бы устроил советских военачальников. Приняли бы пленных, подсчитали бы захваченные знамена и трофеи. Ну и доложили бы наверх соответственно, «по-суворовски». Тогда, после взятия турецкой крепости Измаил, офицер пришел к Суворову посоветоваться по поводу текста доклада императрице. Когда полководцу был задан вопрос о том, какие указывать потери со стороны турок, последовал простодушный ответ: *«Пиши больше, чего их жалеть, супостатов...»* Вероятно, этот принцип подсчета потерь противника оставался основополагающим в российской армии на протяжении многих последующих лет...

Принятое Гитлером решение об отказе от прорыва, конечно, было на руку советскому командованию. Уж лучше добить зажатую буквально на «пятачке» окруженную группировку, чем гоняться по лесам еще за одной «безумной» группой, постоянно ускользающей из «железных объятий». Но Бог миловал, немцы приняли устраивающий русских вариант действий – сражаться на развалинах Берлина.

В Берлине не все, видимо, мечтали о прорыве из окружения, предпочитая ему эвакуацию по воздуху. По свидетельству Кейтеля, 28 апреля в Рейнфельде он получил радиограмму из Берлина о выделении 40–50 самолетов «Физелер-Шторх» (или других учебных самолетов) для полета в столицу рейха. Фельдмаршал настаивал, что именно для руководства этой операцией и вылетел потом из Берлина новоиспеченный фельдмаршал фон Грейм, который безуспешно пытался выполнить вышеупомянутый приказ и посылал самолеты, но ни один из них не смог пробиться к столице! Интересно, кто же это собирался улетать и чья это была инициатива? Вероятно, это был Борман. Понятно, что приказ, как и многие предыдущие, не был выполнен.

На базе невыполнения нереальных приказов ОКВ и ставки даже возник серьезный конфликт высшего военного руководства с командующим ГА «Висла» генерал-оберстом Хейнрици, который фактически отказался выполнить приказ о наступлении на Берлин. Вот вам налицо одна из первых попыток неповиновения в немецком военном руководстве! По этому поводу немецкий историк Типпельскирх совершенно справедливо писал, что *«Кейтель и Йодль были настолько проникнуты гитлеровским духом и усвоили упреки в предательстве, что видели вокруг вместо фактической обстановки лишь злонамеренность...»*.

В чем же суть произошедшего конфликта? ГА «Висла» уже не могла сдерживать напор русских войск на северном фланге сильно сократившегося Восточного фронта. Название группы армий в тот момент вряд ли соответствовало расположению ее боевых частей – они были уже за Одером на территории Германии, а река Висла, как известно, течет по земле Польши. Генерал Хейнрици, находившийся в своем штабе в Биркенхайне, после разговора с командующим 3-й ТА генералом фон Мантейфелем, разрешил отвести части армии и оставить «крепость» Штеттин. Все это было сделано без согласования с ОКВ и в нарушение приказа Гитлера. Хейнрици отдавал себе отчет, что если после этого его не расстреляют, то с военной карьерой будет покончено. Он приказал своим штабистам проинформировать ОКВ об этом решении, понимая, что когда наверху получат донесение, отменить его приказ будет не слишком просто.

Начальник оперативного отдела штаба группы армий полковник Айсман поддержал своего командующего. Вновь назначенный начальником штаба генерал-майор фон Трота, отъявленный нацист, резко возражал против отхода, указывая, что отдавать подобные приказы может только ОКВ. Хейнрици весьма жестко заявил твердолобому начштаба о своем отказе *«выполнять самоубийственные приказы»*. Упрямый генерал, ветеран борьбы на Восточном фронте, довольно напыщенно заявил, что *«не подчиняться этим приказам – мой долг перед моими войсками»* и что он несет ответственность за свои действия перед немецким народом, а также перед Богом. Вот так начал аргументировать свои действия немецкий генерал высокого ранга накануне краха Третьего рейха и при явном ослаблении центральной власти.

Подобное решение генерал-лейтенанта Хейнрици явно попахивало прямым неподчинением центральному военному руководству, являлось грубым нарушением принятой им военной присяги и грозило ему весьма печальными последствиями. Кейтель узнал о решении Хейнрици только 28 апреля, через 48 часов после его принятия. Когда он направлялся в район дислокации 3-й ТА, то своими глазами и с большим изумлением увидел повсюду отступающие войска. В ярости он приказал Хейнрици и фон Мантейфелю встретиться с ним на перекрестке дорог около Фюрстенберга. Кейтель был на грани нервного срыва: он был мрачен и не переставал постукивать маршальским жезлом по обтянутой перчаткой ладони. Едва генералы успели приветствовать начальника ОКВ, как тот в грубой форме и на повышенных тонах начал обвинять подчиненных в нарушении приказа Гитлера об обороне на Одере.

Когда взрыв ярости фельдмаршала несколько поутих, Хейнрици постарался спокойно объяснить ситуацию, аргументированно подчеркнув, что не может удерживать рубеж реки Одер с имевшимися у него войсками. Мантейфель только подтвердил разъяснения своего командующего, вызвав очередной приступ гнева у Кейтеля, который, несмотря на отсутствие резервов, требовал прекратить отступление. После этого генералы недвусмысленно объяснили фельдмаршалу, что именно они командуют войсками и не собираются выполнять его приказы, не отвечающие создавшейся обстановке.

После подобного Кейтель, не ожидавший такого нарушения субординации, совершенно потерял контроль над собой. У него началась истерика, никто не мог понять, что он говорит. Чуть овладев собой, фельдмаршал укорил генералов, что *«они ответят за это перед историей»*. Пруссак фон Мантейфель не выдержал подобного обвинения и напыщенно заявил Кейтелю, что *«Мантейфели служили Пруссии 200 лет, всегда отвечали за свои действия»*, указав простолюдину Кейтелю его место в аристократической иерархии германской нации. Казалось, дело вот-вот дойдет до рукоприкладства и на глазах у свиты начальника ОКВ разразится неприглядная сцена. Исчерпав все аргументы, Кейтель объявил об отстранении от должности генерал-оберста Хейнрици, которому было приказано возвращаться в штаб и ожидать своего преемника.

Так выглядит история снятия с поста командующего ГА «Висла» в «художественном» изложении известного американского исследователя Корнелиуса Райана. К сожалению, он, видимо, не потрудился заглянуть в дневники ОКВ, где все вышеописанное выглядит несколько иначе.

Действительно, во время поездки 28 апреля в войска Кейтель наблюдал несанкционированный отход частей 7-й ТД и 25-й МД из так называемой армейской группы Штайнера в направлении на Нейштрелиц. Ни о каком всеобщем отходе немецких войск не могло быть и речи. Тем не менее факт нарушения указаний ОКВ был налицо, за что фельдмаршал и обрушился на подчиненных с вполне обоснованными обвинениями. Правда, об отстранении от должности генерал-оберста Хейнрици в тот момент в ходе возникшей перебранки речь не шла.

В 19.15 28 апреля состоялся телефонный разговор генерал-оберста Йодля с командующим группы армий по данному вопросу. Хейнрици попытался объяснить, что дал приказ об отводе своего правого фланга за реку Хафель с целью переброски части сил на север для ликвидации прорыва русских в районе Анклама. Он не нашел понимания у Йодля, неудовлетворенного объяснениями. Хейнрици было вновь приказано прекратить отход и организовать контрудар силами 46-го ТК на северо-восток. Только после подобных неприятных объяснений в 23.30 последовал приказ об отстранении от должности генерал-оберста Хейнрици и его начальника штаба генерал-майора фон Трота, как не обеспечивших проведение в жизнь линии нацистского военного руководства.

Вместо них на освободившиеся должности были соответственно назначены генерал-оберст Штудент и генерал-лейтенант Детлефсен. Это кадровое решение не выглядело продуманным и было явно импульсивным. Указанные генералы уже были при должностях: первый командовал 1-й парашютной армией на Западе, а второй был заместителем начальника ОКХ. Они явно не торопились занять столь невыигрышные посты на рушащемся Восточном фронте.

Из-за создавшейся неопределенности с назначением нового командующего уже отстраненный от должности генерал-оберст Хейнрици в 12.37 29 апреля сообщил в ОКВ о своей попытке передачи командования группой армий генерал-оберсту Ман-

тейфелю, командующему 3-й ТА. Последний поспешил отказаться от столь «почетного» назначения, поскольку и на своем посту ему хватало неразрешимых вопросов и сложных проблем. После подобного демарша Мантейфеля должность командующего ГА «Висла» была предложена генералу пехоты Курту Типпельскирху, командовавшему 21-й армией на Западе. Но и тот поначалу тоже отказался принять командование разваливающимся фронтом. Типпельскирх уже имел печальный опыт кратковременного командования разбитой летом 1944 г. в Белоруссии 4-й армией из группы армий «Центр».

Фельдмаршал Кейтель настаивал на своем решении, и генерал, не обладавший силой характера Хейнрици и не будучи столь же упрямым, под сильным давлением начальника ОКВ вынужден был принять командование войсками ГА «Висла». Так получилось, что все эти хлопоты с назначением командующего оказались практически напрасными. Согласно официальным данным, считается, что Типпельскирх временно исполнял обязанности командующего всего лишь 28–29 апреля. Вероятно, назначение состоялось только «на бумаге», чисто теоретически. До прибытия генерал-оберста Штудента Хейнрици еще 29 апреля вел переговоры с ОКВ, то есть продолжал командовать войсками ГА «Висла», будучи отстраненным от должности. Вот до какой неразберихи в важнейших кадровых вопросах докатилось немецкое верховное главнокомандование.

Утром 30 апреля генерал-оберст Готтхард Хейнрици покинул свою штаб-квартиру, собираясь выехать в Плён. Один из офицеров оперативного отдела штаба, капитан Хельмут Ланг, бывший адъютант умершего фельдмаршала Роммеля, по-дружески рассказал Хейнрици о печальной судьбе опального «любимца фюрера» и посоветовал не торопить события и избежать нежелательных последствий, надеясь на скорое окончание войны. Генерал внял совету информированного подчиненного. В Плён он прибыл только в 22.00 1 мая.

Кроме Хейнрици, подобные приказы были направлены также генералу Винтеру и фельдмаршалу Кессельрингу о снятии войск с Западного фронта и переброске их на Восток. Эти распоряжения были уж совсем фантастическими. В таком цейтноте, «на висящем флажке», и при полном господстве в воздухе авиации союзников надеяться на осуществление подобных

перевозок войск в апреле 1945 г. можно было только при наличии очень богатого воображения или при полной утрате чувства реальности.

Безысходность создавшегося положения порождала условия для возникновения различных конфликтов в бункере. Так, ранним утром – около 04.30 – 28 апреля офицер ставки ротмистр Больдт стал свидетелем страшного скандала. Еще около двух часов ночи он видел Бормана, выпивавшего в компании двух генералов – Бургдорфа и Кребса. Генерал Бургдорф, начальник Управления кадров вермахта, принадлежал к тому презренному племени придворных, которые процветают, беззастенчиво паразитируя на настроениях и вкусах тирана, до полного забвения своих обязанностей. Этот генерал развлекал фюрера рассказами о карательных мерах прусского короля Фридриха Великого.

Как водится, алкоголь развязал языки и пьянка переросла в ссору. Больдт слышал, как Бургдорф с багровым лицом орал на Бормана: *«...я многократно пытался наладить взаимоотношения между партией и армией. Я зашел так далеко, что на меня стали подозрительно смотреть, даже мои товарищи в армии презирали меня. Я сделал невозможное, пытаясь уничтожить недоверие Гитлера и вождей партии к вооруженным силам. В конце концов я был назван предателем, изменившим чести офицера. Теперь я должен признаться, что подобное обвинение было вполне оправданным, что мои усилия не только оказались тщетными, а мой идеализм ошибочным, но и абсолютно наивным и глупым»*. Кребс пытался успокоить коллегу, призывая его быть поосторожнее с Борманом. Бургдорф попросил оставить его в покое, посчитав, что высказать *«все, что накипело, нужно сейчас, так как через 48 часов будет поздно»*.

Еще больше распаляясь, он продолжил ссору, выкрикивая в лицо Борману многочисленные обвинения. Генерал возглашал крамольные вещи: *«За что шли на смерть сотни тысяч молодых офицеров? За свою любимую родину – Германию, за наше величие и будущее? Нет. Они погибли за вас, за вашу роскошную жизнь, за вашу жажду власти... Миллионы людей были принесены в жертву, пока вы, вожди партии, обогащались за счет собственности нации. Вы пировали, сколотили огромные состояния, награбили имущества, купались в богатстве, обманывали и угнетали людей. Наши идеалы, наши моральные устои, наша вера, наши души были втоптаны вами в грязь. Человек для вас был не чем иным, как инструмен-*

том вашей ненасытной жажды власти. Вы истребили германскую нацию. Это ваша вина!»

Смысл этого убийственного монолога Бургдорфа ясен – единства между партией, представляемой верхушкой нацистского руководства, и армией и немецким народом не получилось. Никак нельзя избавиться от мысли о том, что от этого монолога о взаимоотношении партии и народа так и тянутся странные незримые параллели за линию фронта...

Никто и никогда не осмеливался говорить с Борманом в таком тоне. Последние слова генерала, больше похожие на страшное проклятие, просто повисли в воздухе. На Бормана, тоже капитально «заправленного» алкоголем, нападки генерала не произвели особого впечатления. Он сдержанно, в мягкой манере ответил своему критику: *«Мой дорогой друг, вы не должны обобщать. Даже если другие и обогатились, то не следует обвинять в этом меня. Я клянусь вам чем угодно, я остался в стороне от этого. Ваше здоровье, мой друг!»* Видимо, Борман уже определился со своими планами, и упреками в адрес обанкротившегося нацизма из уст высокопоставленного генерала его было не пронять. Похоже, в мыслях он был далеко от бункера, но пожелание здоровья генералу, который застрелился менее чем через трое суток, выглядело явным издевательством.

Несмотря ни на что, немцы пытались использовать все оставшиеся возможности для радиосвязи с внешним миром. Днем 28 апреля из рейхсканцелярии по радиосети военно-морского флота запросили о положении за пределами Берлина. Кейтель потом утверждал, что в тот день он говорил по радиотелефону с Вейдлингом, находившимся в то время в бункере. Вероятно, разговор состоялся вечером или ночью, потому что радиолиния была на десять часов выведена из строя.

Потом последовал телефонный разговор Йодля с Гитлером, о котором сам генерал говорил, что он мог состояться и утром 29 апреля. По свидетельству начальника штаба оперативного руководства, в аппарате прослушивался сильный треск, а потом разговор был вообще прерван. После случившегося начальник связи ОКВ доложил Кейтелю, что русские сбили аэростат, при помощи которого и поддерживалась телефонная связь! Восстановить ее оказалось невозможно, так как другого аэростата у немцев не нашлось. Ну и обеднел вермахт к концу войны!

Связь между бункером и ОКВ была организована по радиотелефону с помощью радиооборудования и антенн дециметрового диапазона, поднимаемых на необходимую высоту с помощью аэростата. Отсюда и треск в микрофонах как результат воздействия атмосферных помех на качество передачи. О кабельной телефонной связи к этому времени не могло быть и речи.

Поскольку кое-какая связь рейхсканцелярии с внешним миром все-таки существовала, в бункер продолжали поступать малоприятные сообщения. Так, 28 апреля пришло сообщение от генерала Винтера из Северной Италии об аресте Бенито Муссолини, что, по словам американского военного историка Погью, прозвучало грозным предупреждением фюреру.

Вечером 28 апреля из Берлина последовал ряд новых отчаянных, полных ужаса и проникнутых абсолютным непониманием создавшейся обстановки «ценных указаний» Бормана Деницу, которые вряд ли были адекватно восприняты последним. В 20.00, вероятно, с использованием узла связи ВМС были переданы две радиограммы: *«Вместо того чтобы побуждать войска продвигаться вперед во имя нашего спасения, ответственные лица хранят молчание. Судя по всему, на смену верности пришла измена. Мы остаемся здесь. Канцелярия лежит в развалинах»*. Информативная ценность подобных посланий крайне низка, а заклинания вряд ли могли растрогать гросс-адмирала.

Но вот ночью последовала еще одна радиограмма Бормана Деницу подобного же характера: *«Шернер, Венк и другие должны доказать* (!) *свою верность фюреру, придя к нему на помощь как можно скорее»*. Непонятно, зачем вообще нужно было направлять эти бессмысленные указания Деницу, который никак не мог воздействовать ни на Шернера, ни на Венка. Похоже, Бормана просто обуревало отчаяние от создавшейся беспросветной обстановки в Берлине, и он старался излить его на других.

Этой же ночью адмирал Фосс отправил своему шефу Деницу радиограмму, в которой сообщал, что *«связь с армией нарушена»*, и требовал, вероятно, от имени фюрера, *«сообщить по радиоканалам флота о событиях в мире»*. Смысл этой радиограммы не совсем ясен, потому что посты прослушивания в здании министерства пропаганды находились недалеко от бункера (через Вильгельмплатц) и материалы радиоперехвата оттуда периодически поступали в рейхсканцелярию.

28 апреля в бункер поступило сенсационное и совершенно невероятное для нацистской верхушки сообщение, поразившее обитателей и прозвучавшее как удар грома. По свидетельству Ханны Рейч, *«оно обрушилось на общество в рейхсканцелярии как смертельный удар»*. Утром 28 апреля сотрудник германского информбюро («Дойчес Нахрихтенбюро») Вольфганг Бейгс, находившийся в это время в Берлине и занимавшийся в своем офисе прослушиванием радиопередач противника, первым услышал сообщение радио Стокгольма о переговорах Гиммлера с союзниками. Брейгс перевел сообщение и немедленно отнес его в «Золотую клетку», так в их бюро называли бункер фюрера. Гитлер, после того как попросил еще кого-то проверить перевод и убедился в его правильности, сразу же отпустил Бейгса.

Как всегда, есть и другие версии произошедшего. Ряд источников утверждает, что сообщение в бункер доставил Лоренц, который был «связным» между шефом немецкой прессы Дитрихом и Гитлером. Английский историк Тревор-Ропер утверждал, что Лоренц передал сообщение через камердинера Гитлера Хайнца Линге. Последнее, вероятно, ближе всего к истине, потому что представляется маловероятным, что кто-то мог запросто вломиться в личные апартаменты фюрера, минуя охрану и Линге. По другим данным, «взрывоопасный документ» (распечатку сообщения) передал фюреру сотрудник Геббельса Науман, заранее извещенный о нем по телефону.

В материалах агентства Рейтер говорилось о тайных переговорах рейхсфюрера Гиммлера с известным миротворцем шведским графом Бернадоттом и о готовности рейхсфюрера капитулировать на Западе. Естественно, такая информация произвела в бункере впечатление разорвавшейся бомбы. Для проверки сообщения иностранного радио из бункера в 16.50 28 апреля был направлен запрос гросс-адмиралу Деницу по поводу достоверности информации о переговорах Гиммлера с союзниками. Дениц ничего не знал об этом и в 17.20 имел разговор по телефону с рейхсфюрером по этому поводу. Гиммлер нагло солгал гросс-адмиралу, заявив, что *«это сообщение – фальшивка»*, опровержение которой он якобы не смог дать по радио.

На этом фоне интересен один важный факт из событий 28 апреля. В тот день Дениц из своего штаба в Плёне приезжал в Рейнсберг, поскольку тогда там был расположен штаб ОКВ, где

и встретился с Гиммлером. Правда, время встречи Дениц не указал. У них зашел разговор о преемнике фюрера, поскольку Гиммлер несколько преждевременно уже считал себя таковым после падения Геринга. По мнению рейхсфюрера, реальная власть в Германии на данный момент принадлежала ему и войска СС были у него в подчинении, да и министром внутренних дел он продолжал оставаться. Вопрос Гиммлера к Деницу и прозвучал соответственно: подчинится ли гросс-адмирал рейхсфюреру? Тот, явно опасаясь репрессивных акций со стороны Гиммлера в случае отказа и не обладая какой-либо реальной силой, конечно, ответил согласием. После этого малоприятного разговора осторожный гросс-адмирал поспешил удалиться к себе в Плён.

Советские историки Розанов и Проэктор, как всегда, все перепутали. В своих работах они совершенно необоснованно утверждали, что именно при этой встрече Дениц узнал об «измене» Гиммлера, о чем якобы поспешил проинформировать бункер. Весь этот «винегрет» из различных обрывков информации разной степени достоверности совершенно не соответствовал действительности. По правде говоря, уже надоело уличать маститых историков во лжи и различных несуразностях...

Известный писатель и большой фантазер Юлиан Семенов писал в своем произведении «Приказано выжить», что вышеуказанное сообщение в бункер инсценировал Борман, а исполнил шеф гестапо Мюллер, ну а довел до фюрера рвущийся к власти тот же рейхслейтер. Писатель при этом почему-то не учел, что Мюллер в это время находился в Берлине и вряд ли мог что-то передавать по радио из-за его пределов. Чистейшая фантастика, конечно, но поворот мыслей интересный...

Около 21.00 этого дня в бункере услышали сообщение агентства Рейтер, переданное из Лондона радио Би-би-си, в котором подтверждалась информация радио Стокгольма. Круг замкнулся... Как вспоминал потом генерал Вейдлинг, Гитлер сначала долго молча смотрел на Геббельса, явно находясь в состоянии столбняка. Сообщение об измене Гиммлера повергло его в шоковое состояние. Лицо фюрера стало пунцовым, изменившись до неузнаваемости. По словам летчицы Ханны Рейч, присутствовавшей при этой сцене, Гитлер *«бесновался как сумасшедший»*. После довольно продолжительного приступа сильнейшего гнева он впал в какое-то оцепенение.

Для Гитлера, который не сомневался в абсолютной преданности Гиммлера, это был тягчайший удар. Он заявил своему окружению, что расценивает действия рейхсфюрера как *«подлейший акт предательства, с каким он когда-либо сталкивался!»*. Английский исследователь Буллок даже считал, что это событие, вероятно, *«кристаллизировало его* (Гитлера) *решение о самоубийстве, которым он угрожал еще 22 апреля, но не решил, когда это сделать»*. Гитлер чуть позднее жаловался своему окружению: *«Никто меня не щадит. Мне пришлось испытать все: разочарование, предательство... А теперь еще и он. Все кончено. Нет такой несправедливости, какую бы мне ни причинили...»* Из уст подобного монстра все эти причитания звучали довольно жалко.

Как тут не вспомнить слова из выступления Гитлера перед выпускниками военных училищ в Берлине 31 мая 1942 г.: *«Я ни секунды не сомневаюсь в том, что в конечном счете нас ждет победа. Судьба не могла выбрать меня, неизвестного солдата, фюрером германской нации и армии просто так, из прихоти. Она не могла просто посмеяться надо мною и оставить в последний момент, забрав то, что было получено в столь жестокой борьбе»*. Как выяснилось к весне 1945 г., судьба очень даже могла посмеяться за предыдущий феерический взлет, могла и оставить у разбитого корыта, забрав все то, что раньше было подарено с ее легкой руки. На последнем этапе борьбы в Германии уже вовсю действовал лозунг «Спасайся, кто может!». Вот тут-то и стало проявляться, чего стоят его ближайшие соратники. Пожалуй, только Геббельс сохранил верность фюреру до конца.

29 апреля

Фарс в бункере рейхсканцелярии продолжался. После полуночи там разыгралась сцена, которая буквально изумила всех в окружении Гитлера. Ева Браун, многолетняя пассия фюрера, в предчувствии финала своей жизни потребовала, так сказать, «оформить отношения». После ее настойчивой просьбы Гитлер был вынужден объявить о бракосочетании.

В качестве свидетелей пожелали выступить «верные друзья» фюрера – Геббельс и Борман. Обряд совершил некий 38-летний гауамтслейтер Вальтер Вагнер – чиновник ЗАГСа берлинского муниципалитета, которого знал Геббельс. Он был облачен в форму нацистской партии с повязкой фольксштурма на рукаве. Этот чиновник потом то ли погиб в последующих боях, то ли был ликвидирован эсэсовцами из охраны бункера во избежание утечки информации.

После брачной церемонии в 01.30 новобрачные в сопровождении четы Геббельс, Бормана и двух секретарш удалились на свадебный ужин, где даже подали шампанское. Ширер потом писал, что данные мероприятия прошли где-то между 01.00–03.00 29 апреля. Герда Кристиан, одна из двух секретарш, принимавшая участие в свадебной церемонии, совершенно справедливо назвала все произошедшее «свадьбой мертвецов».

Около 02.30 перед столовой в бункере, как для торжества, собрались 20–25 человек из обслуги: лакеи, повара, канцеляристы. По свидетельству одного из них – Германа Якубека, Гитлер шел медленными, нетвердыми шагами. Тихим, неуверенным голосом он, к ужасу присутствующих, сказал, что решил покончить с жизнью и хочет проститься с ними, поблагодарив за службу. Он с трудом переходил от одного к другому и подавал каждому безжизненную, трясущуюся руку. Далее фюрер продолжил устройство последних мирских дел, до 04.00 диктуя секретарше Траудль Юнге свои политическое и личное завещания.

Конечно, это было не спонтанное решение. Еще вечером 28 апреля в бункере проходили продолжительные переговоры между Гитлером, Борманом и Геббельсом, на которых и обсуждался состав нового правительства и кандидатура «преемника фюрера», что подтверждается имеющимися записями штурмбанн-фюрера Гюнше. В результате этих обсуждений, вероятно, и родилось целых четыре документа: политическое завещание

Гитлера, дополнение к нему, личное завещание Гитлера и дополнение Геббельса.

Как указывал советский историк Безыменский, нельзя считать Гитлера автором всех этих «прощальных» документов, за исключением третьего. Когда затем с завещанием ознакомился Геринг, хорошо знавший формулировки документов верховного вождя нацистов, он сразу же заявил американским следователям, проводившим его допрос: *«Это не стиль фюрера. Это документ Бормана»*. Но формальности были соблюдены. В качестве свидетелей политическое завещание подписали Геббельс, Борман, Бургдорф, Кребс.

Да, было самое время подводить итоги и оставлять «наказы» грядущим поколениям немцев. Ведь к рассвету русские войска уже заняли Анхальтский вокзал, простреливали из пулеметов Потсдамерплатц и по Вильгельмштрассе рвались к рейхсканцелярии, стремясь захватить главный трофей – Адольфа Гитлера.

Бригаденфюреру Монке, командующему войсками участка «Цитадель» (центр Берлина), удалось с превеликим трудом на время задержать наступление советских войск всего в 500 метрах от бункера. Все находившиеся там понимали, что это конец. Как писал ротмистр Больдт: *«В бункере воцарилась атмосфера настоящего «конца света»... вино лилось рекой»*.

Утром 29 апреля Берлин был охвачен дымом пожаров, а около 12.00, по свидетельству члена ВС 5-й УА генерал-лейтенанта Бокова, пошел дождь. Да и вообще обстановка в Берлине, не говоря уж о погоде, не настраивала обитателей бункера на оптимистический лад, хотя к девяти часам утра обстрел бункера ненадолго прекратился.

Борман опять попытался хоть как-то подстегнуть генерала Венка в его безнадежных попытках прорваться к Берлину и спасти нацистскую верхушку. На рассвете 29 апреля два 16- и 17-летних юнца из фольксштурма – других исполнителей, видимо, просто не нашлось – отправились в путь на мотоциклах (по другим сведениям, на велосипедах) от здания рейхсканцелярии с письмами Бормана, адресованными генералу Венку. Данный факт подтверждал также и начальник гаража рейхсканцелярии. Несмотря на кошмарную обстановку в Берлине, один из них, преодолев все препятствия в горящем и разбитом городе, смог

добраться до Потсдама! Вот каких «байкеров» готовили в гитлерюгенде и национал-социалистическом автокорпусе! Судьба второго посланца, правда, осталась неизвестной.

Удачливый лихач даже попытался разыскать в этом бедламе штаб 12-й армии, который находился в районе деревни Ферх, юго-западнее Потсдама, но не нашел. Потом по совету своего дяди, к которому юноша обратился за помощью, он затаился и лишь 7 мая, когда бои в городе давно утихли, сдал пакет в советскую комендатуру. Вот еще один поразительный пример проявления немецкой дисциплины, стремления к порядку и уважения к властям. Ведь мог же этот молодой немец просто выбросить или сжечь полученный от Бормана пакет, но тем не менее принес его новым властям!

Текст письма небезынтересен: *«Дорогой генерал Венк! Как видно из прилагаемых двух сообщений, рейхсфюрер СС Гиммлер сделал англичанам предложение, которое безоговорочно передает наш народ плутократам. Поворот может быть произведен только и лично фюрером! Предварительным условием этого является немедленное установление связи армией Венка с нами, чтобы таким образом предоставить фюреру внутриполитическую и внешнеполитическую свободу ведения переговоров».*

Непонятно, правда, зачем армейскому генералу, как бы он ни был политически грамотен, эти заумные объяснения обанкротившегося политика, охваченного к тому же понятным желанием любым способом вырваться из вражеского окружения? Думается, что даже если бы это послание и попало в руки адресата, оно не смогло бы что-либо изменить в создавшейся обстановке. Время эпистолярного жанра для руководителей Третьего рейха уже миновало. Хотя, конечно, стоит «посочувствовать» Борману, что выбранные юнцы не оправдали доверия рейхслейтера.

Бои в столице рейха продолжались с неослабевающей силой. Войска 5-й УА и 11-го Гв.ТК хоть и медленно, но продвигались в западном направлении, разрушая многочисленные опорные пункты и баррикады и отражая неоднократные контратаки немцев. К исходу дня части армии завершили прорыв обороны центрального сектора Берлина и левым флангом вышли в район

Анхальтского вокзала. Но пробиться к нему не смогли из-за сильного огня групп фаустников.

Танкисты 11-го Гв.ТК атаковали немцев в районе Потсдамского вокзала и приблизились с юго-запада к бункеру рейхсканцелярии. Пробиться туда им не удалось, и затем 30 апреля их вывели из этого района, поскольку они «мешали» другим частям.

29 апреля части 230-й и 248-й СД выбили немцев из здания почтамта. В подвалах этого здания, представлявших просторные помещения со многими перегородками, перед советскими солдатами предстали горы неотправленной корреспонденции и периодических изданий на многих языках. В канцелярии почтамта было обнаружено множество пишущих машинок, часть из которых была тут же прихвачена в качестве трофеев.

Утром после перегруппировки, вызванной тем, что гвардейцы Чуйкова оставили Анхальтский вокзал, части 301-й СД повели наступление в секторе «Цитадель». 1054-й СП, усиленный прибывшим обещанным пополнением, двинулся вдоль Вильгельмштрассе, а 1050-й и 1052-й СП начали штурм квартала гестапо.

Вот таким предстало перед советскими воинами это *«страшное гнездо фашизма»*, по характеристике комдива 301-й СД генерал-майора Антонова: высокий каменный забор, служебные здания, тюрьма и школа гестапо. Вопреки этим леденящим душу понятиям батальоны 301-й СД при поддержке 203-мм гаубиц ворвались во двор здания, где начался ожесточенный бой. После решительной схватки над *«гнездом фашизма»* взвилось очередное красное знамя. Похоже, что водружение знамен над захваченными объектами в сознании советских солдат уже начало символизироваться как фактор приближающейся победы над своим ожесточенным противником.

Приближалось начало боев за здание рейхстага – «логова зверя». Это броское и понятное каждому простому солдату выражение прозвучало еще 6 ноября 1944 г. в предпраздничном приказе Сталина: *«Добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя победы!»* Вот еще когда был задуман конечный результат будущей Берлинской операции.

Прежде чем начать штурм рейхстага, нужно было овладеть мостом Мольтке через Шпрее, приказ на форсирование которой

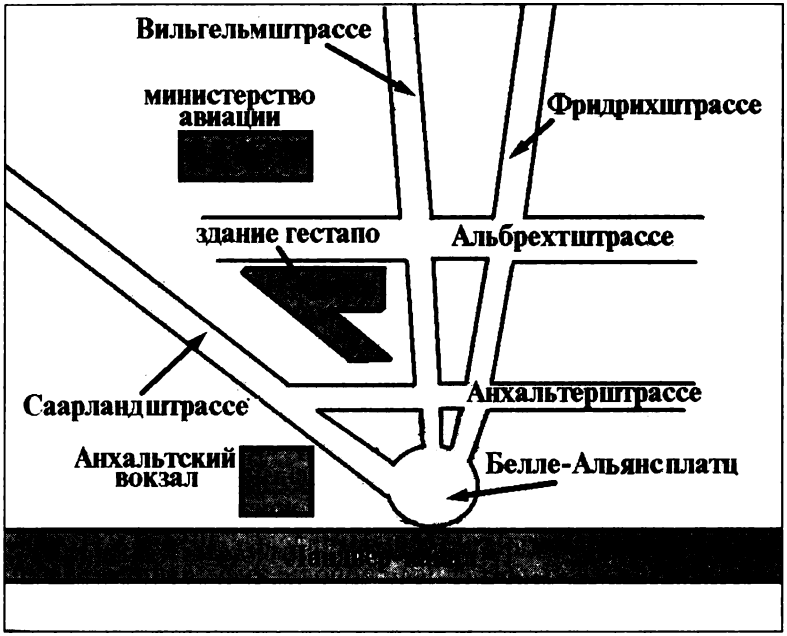


Схема
района Анхальтский вокзал – здание гестапо

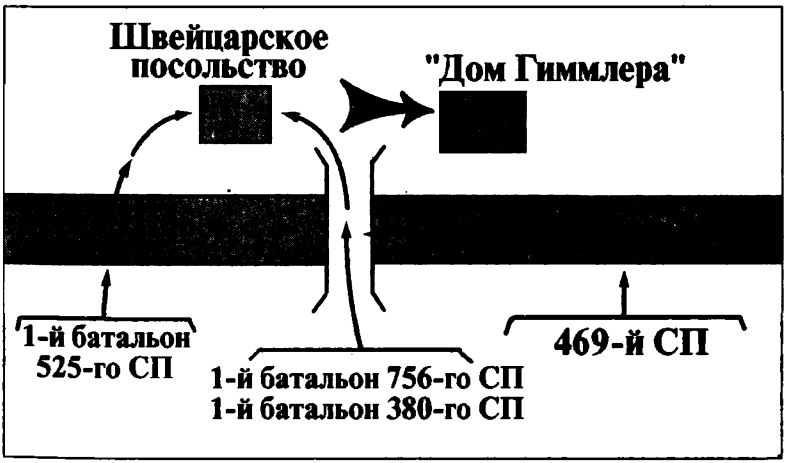


Схема боя в районе моста Мольтке

был получен в 150-й СД в 18.00 28 апреля. Почему именно мост Мольтке был выбран в качестве главного направления для атаки? К востоку был мост Кронпринца, в то время как мост Адмирала Шеера перед гаванью Гумбольдта был полностью разрушен. Этот мост располагался за указанной гаванью и находился в полосе наступления 12-го Гв.СК, отбивавшего в это время немецкие контратаки. Мост Мольтке был прочно забаррикадирован с обоих концов и уставлен противотанковыми «ежами» и другими препятствиями. Он был также и заминирован. К тому же от него до западного фасада рейхстага было всего около 550 метров.

В районе моста Мольтке немцы располагали достаточно внушительными силами. Здесь держали оборону около 5000 человек: 3-я рота полка СС «Валь», сводная группа сотрудников МВД и бойцы фольксштурма. По свидетельству командира 756-го СП 150-й СД полковника Зинченко, в районе моста Мольтке оборонялось до трех батальонов фольксштурма. Все подступы к мосту находились под многослойным прямым и перекрестным огнем. Сам мост длиной до 60 метров был с обеих сторон перегорожен гранитными стенами толщиной до метра и высотой до полутора метров.

По свидетельству ряда участников боев в Берлине, немцы вечером 28 апреля предприняли попытку взорвать мост. Раздался страшный грохот, вверх поднялся столб пламени, в реку полетели камни, куски металла, обломки досок. Но когда дым от взрыва рассеялся, советские солдаты увидели, что средняя часть моста лишь провисла и осела на полуразрушенные опоры. Вероятно, ранее осколками были перебиты электрокабели, предназначенные для подрыва заложенного на мосту фугаса, и сработала только часть подрывного заряда. Это значительно облегчило войскам 3-й УА форсирование Шпрее.

В описании же самого форсирования существуют некоторые неясности. В официальном труде о берлинской операции «Последний штурм» утверждалось, что в 00.30 29 апреля 1-й батальон 756-го СП капитана С.А. Неустроева и 1-й батальон 380-го СП из 150-й СД генерал-майора Шатилова преодолели обе баррикады на мосту и вышли на южный берег Шпрее, а 1-й батальон 525-го СП 171-й СД форсировал реку северо-восточнее моста. Потом батальоны завязали бой за угловое здание белого цвета, расположенное юго-восточнее моста, которое и было захвачено

в 01.30. Подобный ход событий подтверждал и непосредственный участник этих событий – капитан Неустроев.

Тяжелые танки ИС помогли разрушить первую баррикаду. Несмотря на сильный обстрел, они смогли раздвинуть заграждения, но перед второй баррикадой сами были подбиты огнем зениток с башни ПВО в Зоосаде. Далее в этом труде указывалось, что сильный фланкирующий огонь противника по мосту не позволил другим частям 150-й СД форсировать реку и *«она задержалась на северном берегу до утра 29 апреля»*.

Неустроев, в свою очередь, утверждал, что всю ночь на 29 апреля *«шла ожесточенная борьба за расширение плацдарма»*. Шел бой и за здание швейцарского посольства, которое было очищено к утру 29 апреля. Правда, Неустроев почему-то не упоминает о 1-м батальоне 380-го СП капитана Самсонова, который тоже вел бой за это здание и к вечеру 29 апреля закрепился там. К тому моменту место батальона Неустроева, который атаковал «Дом Гиммлера», расположенный рядом с посольством, занял 2-й батальон 756-го СП капитана Клименкова.

В здании посольства, в котором дипломатов, конечно, давно уже не было, днем 29 апреля произошел довольно забавный случай. Командира 380-го СП майора Шаталина и замполита майора Гилькеева в посольстве встретила некая дама, вероятно, домоправительница, которая на чистом русском языке заявила советским офицерам о том, что *«Швейцария не воюет, а территория посольства является частью государства. Поэтому не разрешается в нем стрелять и бросать гранаты»*. В это время подобные занятия были уже излишни, так как здание было уже полностью очищено от немцев.

Офицеры, пораженные услышанным до глубины души, вежливо попросили у этой строгой дамы разрешения лишь вести наблюдение за ходом боя у рейхстага. Ответ был положительным: *«Это не возбраняется»*. Дама даже любезно подсказала незваным гостям, что удобнее всего делать это со второго этажа, где и был оборудован НП 380-го СП. Неустроев, правда, вспоминал, что в результате боя здание посольства было сильно разрушено – *«казалось, что оно вот-вот развалится»*.

Форсирование Шпрее и бой в здании швейцарского посольства нелегко дались батальону Неустроева. В этих боях он потерял 40 человек убитыми, а двое его ротных командиров получили тяжелые ранения и были эвакуированы в тыл.

В своих мемуарах командир 756-го СП полковник Зинченко относил штурм моста Мольтке на утро 29 апреля. В его изложении события развивались следующим образом.

После четырех коротких артналетов с 09.30 до 10.00, в результате которых немецкая артиллерия была временно подавлена, подразделения полка преодолели мост. Представляется вероятным, что Зинченко несколько подвела память и он говорил о втором броске через мост своих подразделений. Трудно себе представить, чтобы самое удобное для атаки ночное время было упущено. Да и не могли ему дать столь длительный срок для организации форсирования реки и решающей атаки – с 18.00 28 апреля до 09.30 29 апреля.

К 11.00 уже два батальона вели бой на берегу Шпрее. Немцы еще около двух часов ночи предприняли контратаку силами до 300 человек, которых полковник Зинченко почему-то отнес к курсантам военно-морской школы из Ростока и которые буквально по всему Берлину постоянно мерещились командирам различных частей 1-го БФ. На самом деле контратака была проведена силами 1-й роты 9-й ППД при поддержке саперов, которые безуспешно пытались подорвать мост Мольтке.

Удары 380-го и 756-го СП были поддержаны действиями штурмовых групп 469-го СП полковника Мочалова, которые в течение 28–30 апреля атаковали кварталы зданий на северном берегу Шпрее, обеспечивая атаки своих соседей. Забегая немного вперед, надо отметить, что в ночь на 30 апреля части 469-го СП блокировали все шесть мостов через Шпрее, соединявшие район Шарлоттенбургер-шоссе с объектами центрального сектора обороны Берлина, и не допустили прорыва противника к этим объектам.

Не исключалась и возможность контратак оттуда. Это и случилось вечером 29 апреля, когда немцы из Тиргартена контратаковали силами до двух батальонов с танками, но были отбиты с большими потерями.

Действия стрелковых частей 79-го СК поддерживали артиллеристы 104-й ГАБр большой мощности и 89-й ТГАБр. Помначштаба последней капитан С.Д. Новгородцев вспоминал: *«В стрельбе по рейхстагу участвовало и наше соединение. Эту задачу мы решили выполнить 152-мм гаубицами образца 1909/1930 гг.*

благодаря высокой траектории полета снаряда и высокому мастерству артиллеристов. Батареи были выставлены на общую позицию. Один залп 82 стволов составлял примерно 1300 кг смертоносного металла. Крепко досталось двуногим зверям, пытавшимся спастись за толстыми стенами».

Учитывая важность поставленной задачи по штурму рейхстага, командир 171-й СД полковник А. Негода разрешил командующему артиллерией дивизии подполковнику П.Н. Ширяеву лично разведать накануне штурма систему обороны рейхстага и возможные подступы к нему. Дождавшись ночи Ширяев вместе со старшим сержантом Семеновым пробрались по мосту Мольтке через Шпрее и заскочили в полуподвал близлежащего дома, который к тому времени уже был очищен от немцев бойцами из батальона Самсонова. Потом они продолжили движение по канализационной трубе, переодически выглядывая в люки.

Так они добрадись до подвалов швейцарского посольства, где еще продолжал функционировать немецкий продовольственный склад. Когда несколько пьяных немецких солдат ушли, забрав с собою какие-то мешки и коробки, Ширяев в сопровождении сержанта вылез наверх и из окна здания приступил к наблюдению. На фоне багрового неба виднелось здание рейхстага. Отважный артиллерист нанес на карту характерные ориентиры и расположение обнаруженных огневых точек противника, наиболее удобные подходы к ним. Он прикинул, где лучше установить орудия, сложить боеприпасы, а в случае необходимости укрыть расчеты и организовать круговую оборону.

После этого разведчики благополучно вернулись к своим. Результаты разведки были тут же доложены полковнику Негоде, который срочно доложил о них командиру 79-го СК генерал-майору Переверткину. Далее о проведенной разведке окрестностей рейхстага было доложено маршалу Жукову, который пожелал лично встретиться с подполковником Ширяевым. Командующий 1-м БФ благожелательно выслушал главного артиллериста 171-й СД. Он понял, что подавить немецкие узлы сопротивления навесным огнем артиллерии вряд ли возможно, и посоветовал все орудия выдвинуть на прямую наводку.

Теплые слова в адрес подполковника высказал потом и его однополчанин, военкор М. Гурьев: *«В ходе боев на подступах к рейхстагу мне часто доводилось видеть командующего артиллерией*

дивизии подполковника Ширяева. Он координировал действия артиллеристов с пехотинцами и танкистами, обеспечивал выдвижение орудий и батарей на прямую наводку. Каждая атака штурмующих батальонов поддерживалась огнем артиллерии. Его артиллеристы вместе с автоматчиками волокли на руках свои пушки и гаубицы сквозь пробитые бреши в массивных стенах. Укрываясь не только от пуль, гранат и снарядов, но и от поражавших все вокруг осколков кирпича, артиллеристы под руководством Ширяева упорно рвались к рейхстагу».

За высокое воинское мастерство, мужество и героизм, проявленные в ходе Берлинской операции и при штурме рейхстага, подполковник П.Н. Ширяев 30 мая 1945 г. был удостоин звания Героя Советского Союза. Его спутнику по опасной разведке, старшему сержанту Петру Семенову повезло меньше. Он был убит 30 апреля во время одного из неудачных штурмов рейхстага, когда по приказу командования, посылавшего солдат на верную смерть, пытался установить пресловутый флажок с обозначением части, своеобразный символ славы, на здании рейхстага, не добежав нескольких метров до ступеней центрального входа...

По приказу командующего артиллерией 79-го СК полковника И.В. Василькова 29 апреля для поддержки действий стрелковых частей южнее моста Мольтке вдоль северной набережной Шпрее был развернут 420-й ОПТАД. Орудия дивизиона должны были огнем прямой наводки по окнам правительственных зданий, расположенных на противоположной стороне реки, обеспечить продвижение войск через мост в район рейхстага.

При установке орудий на позиции артиллеристы были обстреляны из пулеметов. Пришлось ответить залповым огнем силами всего дивизиона. Командир дивизиона майор Бассараб подчеркивал, что *«одновременная стрельба дивизиона пушек ЗИС-3 прямой наводкой, да еще с расстояния каких-нибудь 200–300 метров, выглядит довольно внушительно как внешнее, так и по своим результатам. Немецкие пулеметы тотчас же умолкли».*

После подготовки позиций, уточнения расположения целей и подвоза боеприпасов началась боевая работа дивизиона. Как только к мосту приближалось стрелковое подразделение, артиллеристы упреждали противника, первыми открывая огонь по окнам и амбразурам в стенах зданий на противоположной стороне реки. Так продолжалось до поздней ночи...

Возвращаясь из-за реки на свой КП, в дивизион заехал командующий артиллерией корпуса полковник Васильков. Он приказал майору Бессарабу произвести разведку в районе рейхстага и перебросить туда, если удастся, весь дивизион, так как там было слишком мало орудий прямой наводки.

Главным препятствием на пути к рейхстагу для советских войск теперь оставался так называемый «Дом Гиммлера». Это было здание имперского министерства внутренних дел – шестиэтажное, со стенами из красного кирпича толщиной около двух метров. По форме оно представляло собой неправильный четырехугольник, фасад которого был обращен на восток к рейхстагу. До него от здания посольства Швейцарии было около 50 метров.

Противник превратил «Дом Гиммлера» в мощный опорный пункт, который оборонял довольно сильный гарнизон. Силы гарнизона оценивают по-разному:

– два батальона фольксштурма и часть моряков (Зинченко),

– две роты сборного отряда СС («Последний штурм»),

– батальон СС (Неустроев и Шатилов).

Окна здания были заделаны кирпичом, оставлены амбразуры для пулеметов, а в дверях – проемы для орудий.

Атака 1-го и 2-го батальонов 756-го СП на «Дом Гиммлера» началась, по оценке комбата Неустроева, в 07.00 29 апреля после короткого (10–15 минут), но мощного огневого налета по всему прилегающему району. К 13.00 батальоны вели тяжелый бой внутри здания на первом этаже, неся чувствительные потери и отбивая у немцев одну комнату за другой. В здании возникли пожары – горели мебель, шкафы с документами, ковры. Дым разъедал глаза, ослеплял, дышать внутри здания было очень тяжело. Как позднее выяснилось, это была неплохая репетиция перед боем в рейхстаге.

Некоторые подразделения прорвались во двор здания, а 525-й СП очищал от противника кварталы, примыкавшие с северо-востока к «Дому Гиммлера». Немцы отчаянно сопротивлялись на каждом этаже здания. Советские воины проникали через проломы и переходы между внутренними корпусами, пробивались через подвалы и по чердакам, очищая громадный дом поэтажно.

Вечером 29 апреля на помощь подразделениям 756-го СП прибыл батальон майора Я. Логвиненко из 674-го СП. Другие два батальона этого полка были также переправлены на южный

берег Шпрее, и к 24.00 уже весь полк активно включился в борьбу за «Дом Гиммлера». Бои за этот важный опорный пункт немцев в районе рейхстага продолжались в течение всего дня 29 апреля и в ночь на 30 апреля. Он был полностью очищен от противника только к 04.00 30 апреля.

К утру 30 апреля подоспело пополнение и в батальон Неустроева. Комбат получил аж 78 человек, которых два дня назад освободили из Моабитской тюрьмы. По словам Неустроева, не все они знали солдатское ремесло, но зато люто ненавидели нацизм и жаждали отомстить немцам за все мучения. Приходилось мириться и с таким, с позволения сказать, пополнением, которому даже не успевали заглянуть в анкету. Ведь, по сведениям комдива 150-й СД генерал-майора Шатилова, к этому дню в ротах оставалось лишь по 30–40 человек.

Теперь впереди у русских удальцов, «усиленных» бывшими зеками и военнопленными, был рейхстаг. Но развертыванию дальнейшего наступления на него мешал очередной сильный опорный пункт врага – здание Кролль-оперы, приспособленное к круговой обороне. На крыше и на площадках двух этажей были установлены орудия, из которых велся огонь по «Дому Гиммлера» и территории Кенигсплатц. Кроме того, из этого здания противник держал под постоянным огнем мост Мольтке, набережные севернее и южнее его, что очень затрудняло переправу через Шпрее танков и артиллерии 79-го СК. Только нескольким САУ и гаубицам удалось переправиться по мосту и сосредоточиться в ночь на 30 апреля во дворе «Дома Гиммлера».

В тот день уже проводился и обстрел здания рейхстага. 29 апреля в нем участвовала 1-я батарея 1-го дивизиона из 17-й Гв.МинБр. Ее командир старший лейтенант Гаврилин установил четыре боевые установки, каждая по 12 тяжелых реактивных снарядов, за десятиэтажным зданием. Свой НП он решил устроить на верхнем этаже. Каково же было его изумление, когда он увидел, что его опередили. В одной из комнат находились кинооператоры, которые уже готовились к съемке. После залпа батареи громаду рейхстага закрыло огромное черное облако, что и зафиксировали для истории бойкие документалисты.

29 апреля 207-я СД из 79-го СК после краткого отдыха получила приказ – ударом вдоль Инвалиденштрассе ликвидировать

последние очаги сопротивления противника в северо-восточной части района Моабит, перерезать железную дорогу севернее Лертерского вокзала, достичь западного берега канала Фербиндунгс-Фридрих и обезопасить действия корпуса от возможных немецких контратак с северо-востока. Утром этого дня небо над Берлином было пасмурным. Вскоре пошел сначала сильный, потом моросящий дождь. Под аккомпанент этого дождя в районе железнодорожной насыпи у Лертерского вокзала завязались тяжелые бои. Немцы дрались с остервенением, так как отступать им было некуда. От вокзала по наступавшим били орудия, с насыпи хлестали огнем пулеметы, а со стороны гавани стреляли две минометные батареи. Стрелковые подразделения под таким огнем никак не могли преодолеть эту насыпь.

Прорыв удалось осуществить с помощью мощного артобстрела каменного виадука, где Инвалиденштрассе пересекала железнодорожное полотно. Под прикрытием этого огня бойцы дивизии захватили виадук и близлежащие здания. Немцы контратаковали, несмотря на большие потери. На одной из улиц в районе вокзала внезапным ударом была разгромлена немецкая колонна с автомашинами и танками численностью до 400 человек.

Тяжелые бои в районе гавани 594-й СП 207-й СД подполковника Чекулаева вел в отрыве от остальных частей дивизии вплоть до капитуляции берлинского гарнизона. Практически полк прикрывал действия всего 79-го корпуса с севера и северо-востока.

Вечером 29 апреля огонь со стороны немцев вдруг утих. Командир 420-го ОПТАД майор Бессараб так рассказал об этом интересном эпизоде: *«...радист Тренев доложил мне, что немецкое командование просит прекратить огонь и начать переговоры. Прильнув к наушникам, я действительно услышал такое предложение и немедленно доложил об этом комдиву полковнику Асафову, а тот выше по инстанции. Переговоры, видимо, были безрезультатными, и огонь с нашей стороны значительно усилился»*. Трудно дать оценку этому сообщению. Возможно, немцы пытались установить контакт с советским командованием и на участке 3-й УА, но получили отказ.

Командир 79-го СК генерал-майор Переверткин решил осуществить штурм рейхстага частями 150-й и 171-й СД. Он при-

казал им к утру 30 апреля занять исходное положение для атаки. Еще одна дивизия 79-го СК – 207-я СД полковника Асафова – должна была переправиться на южный берег Шпрее и овладеть Кролль-оперой, чем обеспечить штурм рейхстага главными силами корпуса. Корпусу были приданы три гаубичные артиллерийские и две гвардейские минометные бригады (реактивные установки), истребительно-противотанковая и танковая бригады, танковый и тяжелый самоходно-артиллерийский полки. Очень приличное усиление по тем временам!

Но около полуночи 29 апреля немцы внезапно контратаковали и прорвались через боевые порядки 380-го СП 171-й СД, ведущего бой в районе швейцарского посольства. Буквально озверевшие эсэсовцы лезли напролом, не обращая внимания на потери. Они намеревались выйти к мосту Мольтке и взорвать его. Им удалось даже ворваться в угловой дом. Воинам 150-й СД после рукопашной схватки удалось отбить немцев, которые бросили припасенную взрывчатку и, оставив 30 убитых и 37 пленных, отошли.

Под затихающий грохот боя на КП 756-го СП в «Доме Гиммлера» собрались офицеры полка и поддерживающих частей. Все были возбуждены, оживленно беседовали, обменивались впечатлениями. Но тут, совершенно некстати, попросил внимания агитатор полка капитан Прелов. Он считал необходимым в столь ответственный момент прочитать изумленным офицерам краткую лекцию о рейхстаге. Капитан, бывший ранее научным работником, подчеркнул, что после прихода нацистов к власти рейхстаг, как таковой, сохранился лишь формально. Этот «талмудист» несколько заговорился, видимо, слишком много «принял» после захвата «Дома Гиммлера», не поняв двусмысленности, крывшейся в его разъяснениях.

Это несоответствие быстро уловил один из хоть что-то еще соображавших к тому моменту офицеров. Он несколько неосмотрительно, не продемонстрировав высокой сознательности и не сумев сдержать язык за зубами, задал капитану Прелову вполне логичный вопрос: *«Если он не имеет ни политического, ни военного значения, то почему мы к нему так рвемся? Лучше бы Гитлера застукали в его норе...»* Грамотный и находчивый агитатор быстро нашелся и пояснил, что *«рейхстаг является историческим олицетворением германского государства. Отсюда*

в 1933 году фашисты начали свой поход против коммунизма. Тут мы и должны завершить его разгром».

Ловко вывернулся этот пропагандист: оказывается, что, кроме *«политического и военного»* значения объекта, есть еще и *«историческое»*, которое почему-то перевесило два предыдущих. Сложновато, наверное, было простым офицерам понять эту символику или опровергнуть софистику, но дальше спорить с ученым агитатором никто не решился. Себе дороже...

По утверждению военного журналиста Мержанова, замполит 1-го батальона лейтенант Берест нашел в здании кабинет рейхсфюрера, в котором находился приоткрытый несгораемый шкаф, заполненный наручными часами с фосфорными стрелками. Не долго думая, путем «свободного доступа» заглянув в шкаф, замполит решил поощрить своих солдат за боевые успехи, многие из которых раньше вообще наручных часов в глаза не видели.

Не преувеличивая значения материальных стимулов, разворотливый Берест не упустил возможности провести перед решающим боем митинг в подвале «Дома Гиммлера», так как в батальоне было много новичков. Произнеся прочувствованную речь, замполит призвал солдат к победе над врагом, последние минуты которого уже отсчитывали подаренные ранее часики с видимыми даже ночью стрелками. Мысль о том, что подобные действия, связанные с несанкционированным использованием трофеев, сильно смахивали на элементарное мародерство, почему-то не посетила голову бравого политработника.

Другие воины, участники боя за «Дом Гиммлера», подходили к решению вопроса о трофеях более радикально. По воспоминаниям С.К. Нурмагомбетова, офицера из полка полковника Пешкова, в *«канцелярии Гиммлера»* обнаружилось целое хранилище с продуктами, в том числе копченой киевской колбасой и коллекцией ликеров. Один из его солдат, раздосадованный отсутствием среди трофеев спирта, расстрелял из автомата все найденные бутылки под предлогом того, что *«нечего травить бойцов Красной Армии всякой дрянью»*.

В то время, когда шла ожесточенная борьба в районе рейхстага, не прекращались боевые действия по разгрому и других частей берлинской группировки. На острове Ванзее, располо-

женном между рекой Хафель и протоками озер, укрылись немецкие подразделения, отступившие туда из Потсдама и Целендорфа. По сведениям советской разведки, там находились два батальона фольксштурма, запасной батальон связи, танковый учебный батальон и другие части общей численностью до 10 тысяч человек с 30 танками и штурмовыми орудиями.

Бои за Ванзее завязались на исходе дня 28 апреля. В это время после пятиминутного артналета 350-я СД и части 10-го Гв.ТК начали форсировать канал. Из-за упорного сопротивления противника переправа удалась не сразу. Лишь с утра 29 апреля уже после 30-минутной артподготовки удалось форсировать канал на подручных средствах и при участии автомашин-амфибий и захватить небольшой плацдарм глубиной всего до 600 метров. Немцы тут же бросили в контратаку за него резервы и не заметили, как в другом месте советские бойцы захватили исправный мост через канал, по которому были переправлены орудия и минометы.

Части 125-го СК 47-й армии осуществляли ликвидацию разрозненных групп противника юго-западнее Потсдама и в Кладове. 2-я Гв.ТА, ломая ожесточенное сопротивление немцев, успешно форсировала Ландвер-канал и к исходу дня вела бой севернее вокзала Шарлоттенберг и северо-западнее станции Тиргартен. Тут свое боевое мастерство показали танкисты 12-го Гв.ТК генерал-майора Салминова, с ходу захватившие исправный мост через канал.

Части 3-й УА лишь незначительно продвинулись вперед на отдельных направлениях. Войска 8-й Гв.А – 28-й Гв.СК и 8-й Гв.МК, наступая вдоль южного берега Ландвер-канала, к исходу дня продвинулись всего на полтора километра и подошли с северо-востока к Зоологическому саду, а также форсировали канал и захватили плацдарм южнее парка Тиргартен.

8-й Гв.МК получил приказ: быстро захватить Зоологический сад. Естественно, его «быстро» выполнить не удалось. Вызывает некоторое удивление неистребимое желание командных инстанций отдавать приказы, которые невозможно выполнить. Причем это изначально было ясно как отдававшему приказы, так и получавшему его к исполнению. Чем это можно объяснить? Возможно, сказывалась недооценка противника и переоценка своих сил. Наверное, имело место и горячее желание выдавать

желаемое за действительное. Вполне вероятно, тут проявилось одно из свойств советской действительности. Руководитель ставил перед своими подчиненными программу-максимум в слабой надежде на то, что хоть программа-минимум будет выполнена.

Стремлением прорваться к центру Берлина были охвачены буквально все командиры 8-й Гв.А. Так, командир 4-го Гв.СК генерал-лейтенант В.А. Глазунов выдал следующее боевое распоряжение командиру 35-й Гв.СД:

«1. 4-й Гв.СК в течение ночи на 29 апреля 1945 г. готовится к общему штурму центральной части Берлина. С утра 29 апреля быть в готовности овладеть центральными учреждениями Германии и выйти к р. Шпрее в районе университета и рейхстага.

2. Справа наступает 79-й СК 5-й УА, слева – 29 Гв.СК 8-й Гв.А.

3. 35-й Гв.СД с 35-й и 65-й ТБр быть в готовности наступать вдоль Саарландштрассе, Герман-Герингштрассе и овладеть правительственными и административными зданиями: министерством иностранных дел, гестапо, дворцом канцлера империи, национальной галереей, бывшими посольствами Великобритании и Франции, рейхстагом, а затем выйти к реке Шпрее у рейхстага.

4. Командиру 35-й Гв.СД тесно увязать действия с командиром левофланговой дивизии 29-го Гв.СК.

5. О готовности к штурму доложить к 09.00 29 апреля».

По поводу этого странного распоряжения возникает ряд вопросов.

Во-первых, во втором пункте присутствуют явные ошибки – справа от 4-го Гв.СК находился 7-й СК 5-й УА, а 79-й СК был в составе 3-й УА. Неужели командир корпуса и его начальник штаба полковник В.А. Лебедев так плохо знали своих «соседей»?

Во-вторых, неужели генерал-лейтенант Глазунов силами только одной, пусть и усиленной, дивизии надеялся овладеть столь многими хорошо обороняемыми объектами, перечисленными в третьем пункте? Чего здесь больше – наивности, глупости или тут просто превалировали шапкозакидательские настроения?

В-третьих, почему штаб 8-й Гв.А в лице его начальника генерал-лейтенанта Белявского не остановил не в меру ретивого комкора, отдавшего своему подчиненному абсолютно нереальный приказ, нисколько не увязанный с действиями соседних корпусов 3-й и 5-й УА? Видимо, командирам 8-й Гв.А было

неведомо высказывание известного литературного героя Козьмы Пруткова о том, что «нельзя объять необъятное».

Генерал армии В.И. Варенников, участник боев в Берлине в составе 35-й Гв.СД, считал, что *«...распоряжение генерала Глазунова фактически отражало стремление и горячее желание всех командиров и командующих того времени. Всем хотелось как можно скорее овладеть рейхстагом. Всем хотелось водрузить над ним знамя победы»*.

Варенников полагал, что после форсирования 27 апреля Ландвер-канала и овладения Анхальтским вокзалом и рядом правительственных зданий *«35-я Гв.СД была готова наступать вдоль Герман-Герингштрассе, которая сначала выводит к Бранденбургским воротам, а затем – к рейхстагу»*. Но он же отмечал, что *«29 апреля особо активных действий с нашей стороны и продвижения войск не было. Наоборот, были даже жесткие ограничения в связи с тем, что внутреннее кольцо окружения с эпицентром в районе рейхстага было до того сужено, что стрелять и тем более продвигаться войскам без разрешения и команды сверху было нельзя, во избежание поражения своими войсками друг друга»*.

Значит, все-таки «наверху» возобладал более здравый подход к оценке создавшейся в центре Берлина обстановки, чем у комкора генерал-лейтенанта Глазунова. Штурм вышеперечисленных в его приказе объектов был поручен частям 3-й и 5-й УА, которые к тому времени занимали более выгодные исходные позиции для атаки.

После успешных действий частей 8-й Гв.А значительно сократился коридор, отделявший войска этой армии от 2-й Гв.ТА и связывавший немецкие группировки в городе. К исходу 29 апреля ширина горловины не превышала 1000 метров. В этот день соединения 3-й Гв.ТА продолжали вести уличные бои в соответствии с поставленными задачами. К исходу дня 9-й МехК смог чуть-чуть продвинуться на северо-запад.

Танкисты 6-го корпуса встретились с большими трудностями при своем продвижении вперед. Так, еще вечером 28 апреля танки 53-й Гв.ТБр были вынуждены остановиться на Кайзераллее в 100 метрах от ее пересечения с Гинденбургштрассе. Дорогу им перегородило препятствие, которое никто ранее не встречал. Вот что оно собой представляло: клетка из очень толстых бревен, скрепленных скобами, – что-то вроде сруба чуть

выше роста человека. Внутри она была заполнена каменными валунами, железобетонными кубами и панелями, а все это засыпано и плотно утрамбовано землей. Ряд таких «срубов», установленных впритык друг к другу, перегораживал улицу. В глубину эти «срубы» стояли в четыре ряда и так же плотно. Общая ширина этого препятствия была 10–12 метров – практически своеобразная крепостная стена.

Для ее разрушения комбриг генерал-майор Архипов выдвинул на прямую наводку приданные бригаде самоходки ИСУ-152. Эффект от обстрела преграды 152-мм снарядами оказался ничтожным. После этого была выдвинута вперед батарея орудий особой мощности– две 203-мм гаубицы, которые принялись всаживать в эту стену вперемежку бетонобойные и фугасные снаряды. После того как снаряды разбивали бревна и разворачивали каменно-бетонную начинку, вперед шли саперы, которые сначала подрывали, а потом разбирали завалы. После этого за работу опять принимались артиллеристы.

Поскольку подступы к препятствию были заранее пристреляны немцами, вся эта адская работа проходила под жесточайшим артиллерийско-минометным и пулеметным огнем. Дело продвигалось медленно, так как приходилось пережидать частые артналеты, да и ночь не служила укрытием – кругом горели дома, освещавшие улицу.

Только утром 29 апреля удалось пробить в сложном препятствии не очень широкий проход к четвертому ряду «срубов». Последний их ряд, уже поврежденный артогнем, был пробит с разгона танком Т-34 младшего лейтенанта Шендрикова. Он выскочил на другую сторону улицы, подмял противотанковое орудие, но был подбит и загорелся, а отважный танкист, воевавший с 1942 г., погиб. Остальные танки батальона капитана Ивушкина прошли сквозь пролом, в упор расстреляли три немецких танка, укрытых под стенами домов в танковых окопах, раздавили противотанковую батарею. Им удалось продвинуться до Гинденбургштрассе.

Но дальше было не легче. Перед Регентштрассе 53-я бригада встретила еще один сильный опорный пункт. Улица опять была перегорожена искусственной стеной из «срубов», но установленных только в один ряд. Разведчики доложили генерал-майору Архипову, что немецкий опорный пункт – огромный угловой

старый дом с толстыми стенами, который стоял на перекрестке. Подходы к нему были заминированы, в окопах установлены танки. Его обороняли курсанты офицерской школы, которые располагали орудиями и пулеметами.

После сильного огневого налета мотострелки 22-й Гв.МСБр полковника Х.С. Богданова лишь обозначили атаку, отвлекая внимание немецкого гарнизона. В это время другие штурмовые группы вместе со взводом саперов лейтенанта Черных дворами обошли опорный пункт. Маневр был обнаружен немцами, но принять ответные меры им не удалось. Саперы смогли в трех местах подорвать почти глухую сверху донизу стену старинного здания, в которой были только маленькие окошки санузлов. В проломы ворвались бойцы штурмовых групп, и в здании начался рукопашный бой.

Воспользовавшись тем, что внимание немцев было отвлечено этим боем, несколько танков вышли к зданию с фронта и расстреляли находившиеся в укрытиях немецкие танки. После чего мотострелки проникли в здание и с этого направления. Жестокий бой продолжался на всех этажах. Надо сказать, что немецкие курсанты дрались очень упорно, в ход шли не только гранаты, но штыки, приклады, ножи и заточенные саперные лопатки. Примерно через час мотострелки вывели из дома около 50 пленных – все, что осталось от офицерской школы. Генерал-майор Архипов отметил характерную черту тех дней: *«...и наши, и немцы были одинаково черными с головы до ног – столько копоти и дыма плавало тогда по берлинским улицам»*.

Только к вечеру 29 апреля 53-я Гв.ТБр вышла в район, где сходились к Кайзер-аллее большие улицы – Берлинерштрассе и Регентштрассе, но дальше продвинуться не смогла. 7-й Гв.ТК действовал в районе Рулебен – Хеерштрассе, очищая его от отдельных групп противника, а также отразил попытку немцев прорваться в южном направлении.

В этих боях приняла активное участие 55-я Гв.ТБр этого корпуса. Командир бригады полковник Драгунский вспоминал потом о событиях того дня: *«Одна из крупных фашистских частей, в составе которой оказались артиллерия и танки, прорвалась к Зоологическому саду, обошла железнодорожную станцию Савиньиплатц и рванулась на запад – в направлении вокзала Шарлоттенбург и станции Весткройц. К этой группе активно присоединились гит-*

леровцы, выбравшиеся из метро. Пытаясь вырваться из петли, они с остервенением набрасывались на наши передовые подразделения».

Всю вторую половину дня 29 апреля и последующую ночь до утра шли ожесточенные бои с прорывавшимся на запад противником. В отражении этих немецких атак участвовали и стрелковые дивизии 28-й армии генерал-лейтенанта А.А. Лучинского, без помощи которых танкисты не смогли бы остановить немцев. Умелая организация боевых действий танковых подразделений, надежно прикрываемых пехотой, не позволила немцам на этом участке вырваться из Берлина. Даже если бы им и удалось прорваться на участке 7-го Гв.ТК, то на внешнем фронте окружения они напоролись бы на части 4-й Гв.ТА и 47-й армии, уже вышедшие в район Потсдама.

В то время как полковник Драгунский с группой разведчиков и офицеров своего штаба с трудом пробирался на танке к батальонам 55-й бригады, на одной из улиц были замечены разлагающиеся трупы трех повешенных «за трусость» немецких солдат. Кто-то из танкистов хотел обрезать веревки, но полковник, еврей по национальности, вся семья которого была расстреляна немцами еще в 1942 г. в Брянской области, категорически запретил это делать. Он хотел, чтобы немцы, видя своих казненных соотечественников, еще раз задумались над тем, куда девалось «единство немецкой нации», о котором трубила нацистская пропаганда. Его подчиненные, которые вряд ли могли понять идеологическую подоплеку приказа командира, отреагировали на него довольно спокойно, так как накипело на душе не только у их комбрига...

Да и окружающая обстановка была не намного веселее. На улицы столицы Третьего рейха опускались тяжелые сумерки, пропитанные дымом, гарью и кровью. В Берлине кончался очередной день войны...

10-й Гв.ТК из 4-й Гв.ТА и 350-я СД продолжали 29 апреля вести тяжелые бои с группой немцев, насчитывавшей в своем составе, по данным разведки, до десяти тысяч человек. Немцы здесь отчаянно сопротивлялись. Во второй половине дня они силами до батальона даже форсировали канал восточнее острова Ваннзее, пытаясь организовать прорыв своей группировки с этого острова.

* * *

29 апреля немецкая 12-я армия, обеспечив в течение предыдущего дня свой левый фланг севернее Ратенова одним корпусом, продолжала наступление в прежнем направлении. Дивизия «Шилль» полковника Мюллера при поддержке самоходок вышла к автотрассе в районе города Ленин. Дивизия «Гуттен» наступала на широком фронте через ленинский лес на север.

Частям 5-го Гв.МехК и дивизиям 102-го СК пришлось вести тяжелые бои с атакующими немецкими войсками в районе Беелитца, которые стремились прорвать их позиции и около Луккенвальде соединиться с 9-й армией.

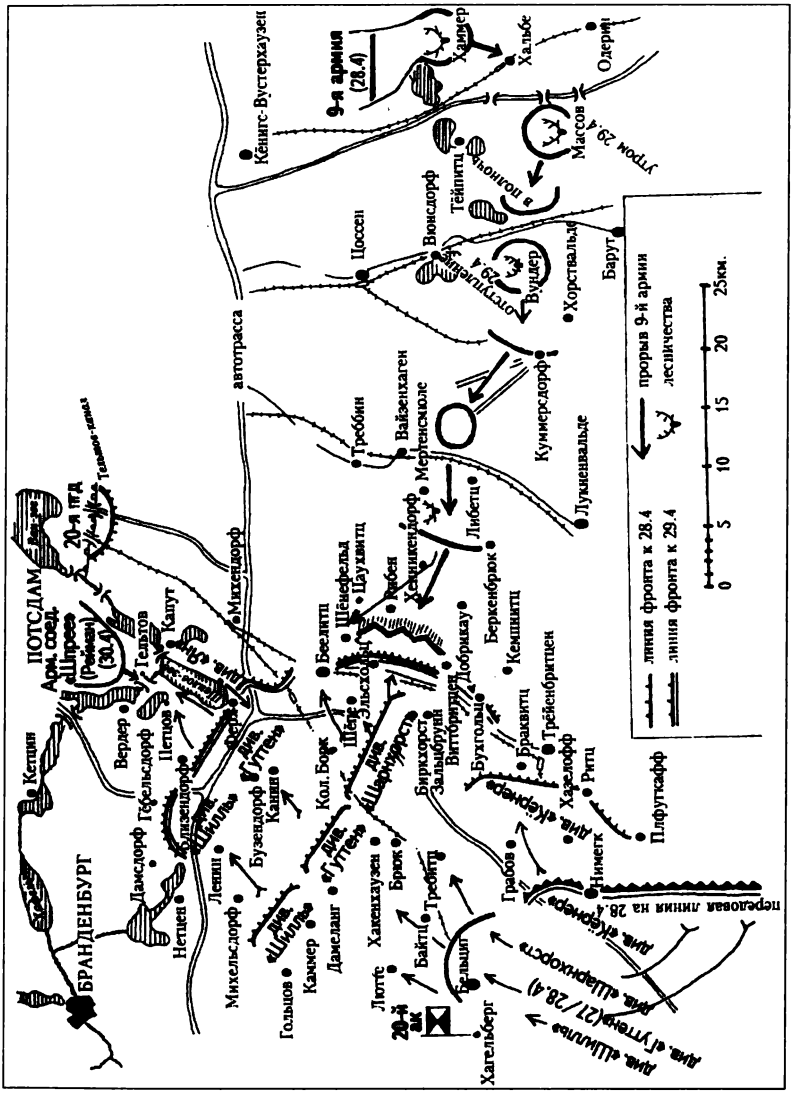
Немцы очень гордились тем фактом, что части дивизии «Гуттен» и «Шарнгорст», ворвавшись в Беелитц, отбили у русских 3000 своих раненых, находившихся в тамошней лечебнице и ранее брошенных при отступлении. По приказу генерала Венка эти раненые были срочно эвакуированы в тыл.

В ходе тяжелых боев Беелитц неоднократно переходил из рук в руки. Генерал-лейтенант Энгель отмечал потом: *«Пехотные полки скоро оказались втянуты в тяжелые лесные бои. Местами русские оказывали особенно ожесточенное сопротивление, бросаясь в рукопашный бой с холодным оружием...»*

Между Беелитцем и Тройенбритценом дивизия «Кернер» пыталась прорваться на восток, но ей пришлось отражать постоянные русские контратаки. Командующий 4-й Гв.ТА генерал Лелюшенко, понимая важность этого участка фронта, усилил 5-й Гв.МехК рядом частей – 70-й Гв.САБр, 71-й Гв.ЛАБр, 63-й и 64-й Гв.ТБр из 10-го Гв.ТК, частью 68-й Гв.ОТБр, 72-м Гв.ТП, что, конечно, помогло советским войскам не допустить прорыва фронта.

Переброска этих частей в район Беелитц – Троенбритцен не осталась не замеченной немцами. Они посчитали, что в этот район было брошено два русских корпуса, что являлось явным преувеличением. Немцы прекрасно понимали важное значение этих вышеуказанных населенных пунктов для обеспечения прорыва из окружения своей 9-й армии.

Дивизия «Гуттен» двинулась на север в направлении населенного пункта Ферх, расположенного у южной оконечности озера Швилов. Чем ближе подходили наступавшие к этой цели, громя русские тыловые подразделения, тем сильнее становилось



Контрнаступление немецкой 12-й армии и прорыв 9-й армии 28 апреля – 2 мая 1945 г.

сопротивление оборонявшихся. К вечеру 29 апреля дивизии «Шилль» и «Гуттен» достигли линии Близендорф – Ферх.

Несмотря на это, в штабе 12-й армии отмечали, что наступление 20-го АК уже во второй половине дня застопорилось из-за нарастающего сопротивления противника. В тот момент генерал Венк, поняв, что дальше его войскам не пройти, приказал дать радиограмму командиру гарнизона Потсдама генерал-лейтенанту Рейману: *«20-й АК стоит у Ферха. Всеми силами вашего армейского соединения пробивайтесь навстречу 12-й армии»*. Он понимал, что его армия исчерпала ударную силу, а ему надо надежно прикрывать сильно растянувшиеся фланги.

Рейман, осознав, что его час настал, внял призывам Венка и отдал войскам приказ на прорыв из окружения. Первые группы из Потсдама смогли пробиться к передовым позициям 20-го АК в ночь на 30 апреля близ озера Швиловзее. Отдельные группы из дивизии «Ян», находившейся у населенного пункта с очень подходящим названием Капут, прорвались к восточному берегу озера и на лодках переправились на западный берег. Другие подразделения этой дивизии вышли к 12-й армии южнее Гельтова. Всего из Потсдама смогли прорваться около 15 тысяч человек из состава «армейской группы Реймана». На этом и закончилась попытка армии Венка дойти до Берлина на выручку фюрера.

Севернее Потсдама обстановка тоже была очень сложной. Там 7-й Гв.КК вел бои за Ратенов, а 6-й Гв.МехК наступал на Бранденбург, где разгорелись тяжелые бои. К этому городу, куда смогли прорваться немцы, для усиления корпуса были переброшены 260-я СД, 16-я Гв.КД, усиленные 47-й Гв.ТБр и 16-й Гв.МехБр.

Считается, что 6-й Гв.МехК, выйдя на рубеж Ферх – Фихтенвальде, остановил наступление 12-й армии. Советские военные историки полагают, что в результате принятых командованием Красной Армии мер, все атаки трех немецких дивизий 29 апреля были отбиты, то есть прорвать фронт немцам не удалось. Действительно, этого удалось избежать, но немцы дошли до Ферха, куда и прорвался гарнизон Потсдама. Кроме того, дивизии 12-й армии обеспечили создание условий для прорыва 9-й армии в районе Беелитц – Троенбритцен. Не замечать этих успехов немецких войск в том отчаянном положении по меньшей мере неэтично.

Если бы не успешные действия пилотов Ил-2 из 1-го ШАК 2-й ВА, неизвестно, как бы развивались события. В ходе воздушных ударов немцы понесли большие потери, что, конечно, снизило их наступательные возможности. Они получили наглядное подтверждение известного положения о том, что без надежной авиационной поддержки успешное наступление невозможно. Красная Армия правильно усвоила уроки, преподанные ей в кампаниях 1941–42 гг. Вот так ретроспективное «зеркало» показало немцам свои «кривые картинки» в апреле 1945 г.

Историки воюющих сторон неоднозначно оценивают события 29 апреля. Советские историки считают, что войска на внешнем фронте окружения удерживали прежние оборонительные рубежи. С этим трудно согласиться, учитывая вышеизложенное. Стоило утешаться лишь тем, что между передовыми группами 9-й и 12-й армий пока еще было около 30 км. Насколько быстро это расстояние было сокращено немцами, станет ясно чуть ниже.

Немецкий историк Типпельскирх писал, что *«с утра 29 апреля наступление 12-й армии еще продолжалось, и сопротивление русских разрозненных частей было сломлено»*. Но это утверждение тоже не соответствовало действительности.

В 23.00 29 апреля в ОКВ поступило донесение из штаба 12-й армии о том, что *«продолжение атак на Берлин невозможно, тем более что на поддержку 9-й армии рассчитывать больше нельзя... 20-й АК по всей линии фронта вынужден перейти к обороне... Сильные атаки русских у Шлалаха, Беелитца и Ферха...»*. Это сообщение практически опровергает утверждения Типпельскирха насчет *«сломленного русского сопротивления»*.

Как будет ясно чуть ниже, командование 12-й армии несколько преждевременно списало со счетов 9-ю армию. Но в принципе оно правильно оценило обстановку, так как части последней действительно не имели возможности, а также и желания прорываться к Берлину, что грозило им полным уничтожением.

Понятно, что бои с 12-й армией представляли достаточно серьезную проблему для командования двух советских фронтов. Командующий 1-м БФ для отражения наступления 41-го ТК 12-й армии, угрожавшего северному флангу фронта, был вынужден ввести в бой 2-й Гв.КК в направлении на Шенебек – Киритц. Так что угроза со стороны войск 12-й армии к концу дня 29 апреля не была снята.

* * *

Другой причиной головной боли командования 1-го БФ являлись действия еще не добитой немецкой 9-й армии. Опасаясь, что с возобновлением русского наступления утром 29 апреля окруженная группировка будет окончательно разгромлена, командование 9-й армии решило в ночь на 29 апреля предпринять новую решительную попытку прорыва из окружения.

Одновременно с этим навстречу окруженным в направлении на Луккенвальде должны были возобновить наступление и части 12-й армии. Командование 9-й армии рассчитывало с помощью этих согласованных ударов установить связь с 12-й армией и вырваться из окружения.

Наступление началось с 01.00 29 апреля. Под прикрытием сосредоточенного артогня группировка численностью около 10 тысяч человек при поддержке до 40 танков перешла в атаку против стыка частей 1-го БФ и 1-го УФ. Даже в таких тяжелых условиях немецкое командование опять проявило высокую выучку, не потеряло головы в критической ситуации и четко установило место стыка двух русских фронтов. Именно по этому самому уязвимому месту в кольце окружения и был нанесен удар. Надо отдать немцам должное – в упорстве и в умении воевать им не откажешь.

В темноте немецкие цепи обозначались только сотнями вспышек выстрелов. С НП командиров бригад 1-й Гв.АД генерал-майора В.Б. Хусида взлетели зеленые ракеты. Мгновенно вспыхнули десятки осветительных ракет, стало светло как днем. Артиллеристы открыли огонь по приближающемуся противнику. В течение всей ночи части 1-й Гв.АД отражали яростные атаки противника. В ходе ночных боев не раз складывалось очень тяжелое положение.

Например, огневые позиции 3-го дивизиона 98-й ТГАБр атаковала крупная группировка немецкой пехоты, поддержанная танками и штурмовыми орудиями. Немцы прорвались со стороны Хальбе. Взводы управления оказались оторванными от огневых позиций. Шесть часов дивизион вел неравный бой в окружении. Не раз орудийные расчеты вступали в рукопашный бой. Артиллеристам удалось уничтожить шесть бронетранспортеров, более 200 солдат и офицеров противника. Досталось это дорогой ценой – большая часть орудий была выведена из строя

фаустпатронами, а личный состав дивизиона понес тяжелые потери.

В течение суток 203-й Гв.ГАП из 2-й Гв.ГАБр отбил 22 атаки противника, в том числе 14 ночных. Артиллеристы подбили четыре танка, 13 бронетранспортеров, 50 автомашин и шесть орудий. Немцы потеряли около 1900 человек убитыми, еще 125 человек были взяты в плен. К 08.00 полк оказался в окружении, немцы наседали со всех строн, а боеприпасы подходили к концу. По распоряжению командира бригады в 11.00 к окруженцам прорвалась небольшая группа артиллеристов из 169-го Гв.ГАП, которые на трофейном штурмовом орудии смогли доставить боеприпасы в расположение полка.

В течение суток сам 169-й Гв.ГАП тоже отбил шесть атак, уничтожил танк и четыре бронетранспортера, 50 автомашин и шесть орудий, захватил в плен свыше 800 немцев. 3-я Гв.ЛАБр полковника В.М. Жагалы смогла уничтожить более 1000 немцев, два штурмовых орудия и захватить более 400 пленных. Остальные части 1-й Гв.АД за это время уничтожили около 1150 немцев, два танка, штурмовое орудие, четыре бронетранспортера, три орудия и захватили в плен 1900 человек.

К рассвету ценой больших потерь немцам удалось прорвать фронт 21-го и 40-го СК, овладеть населенным пунктом Хальбе и даже расширить прорыв. У окруженцев оставалось все меньше транспорта, основная масса солдат шла пешком. С рассветом 29 апреля погода улучшилась, дождь прекратился, выглянуло солнце, служившее ориентиром для определения правильного направления прорыва. Утром к месту сбора у лесничества Массов стали подтягиваться нескончаемые потоки солдат и гражданских лиц. Только тут стали заметны масштабы потерь, которые унесла эта кровавая для немцев ночь под Хальбе. В числе пропавших без вести оказался и начштаба 9-й армии генерал-майор Хельц.

Генерал Буссе, по расчетам которого до 12-й армии оставалось еще 60 км, решил посоветоваться со своими командирами о том, как лучше действовать дальше. Штурмбаннфюрер Хартрампф предложил избрать в качестве следующего сборного пункта лесничество Вундер, расположенное западнее шоссе Барут – Цоссен.

Под прикрытием немногих оставшихся «тигров» войска 9-й армии продолжили свой скорбный путь. После полудня 29 ап-

реля прорыв немцев застопорился перед русской оборонительной линией у вышеуказанного шоссе.

Здесь 9-ю армию встретили крупные силы советских войск. Это были части 3-го Гв.СК. Автострада простреливалась с флангов. Несмотря на это, немцам удалось миновать близлежащие железнодорожные пути, прорваться через шоссе и скрыться в лесу. Они надеялись пробиться на свой страх и риск. Те, кто пытался прорваться на юг – к Баруту, были окружены и попали в плен или погибли. В этом районе отмечалось и присутствие многочисленных немцев из «группы Зейдлица». Это были солдаты и офицеры из антифашистской организации «Свободная Германия», одним из руководителей которых был генерал Зейдлиц, взятый в плен в Сталинграде. Они засылались в войска 9-й армии, упорно прорывавшиеся на запад, для дезорганизации их действий.

Немцы упорно оборонялись на флангах прорыва и, доведя численность группы прорыва до 45 000 человек, возобновили атаки против частей 3-го Гв.СК. Им опять удалось прорвать фронт на стыке 50-й и 54-й Гв.СД, вновь образовав двухкилометровую брешь. Даже гвардейцы не смогли сдержать напор озверевших немецких окруженцев, которые, несмотря на сильный артиллерийско-минометный огонь, начали целыми колоннами прорываться в направлении Куммерсдорфа. Попытки разрозненных частей – 117-й Гв.СД, 71-й МехБр и 63-й Гв.ТБр – закрыть брешь не удались, но дальнейшее продвижение противника на запад к исходу 29 апреля было приостановлено.

В этот день части 3-й, 69-й и 33-й армии, наступая на пятки прорывающимся из окружения, почти полностью ликвидировали немецкие подразделения, прикрывавшие прорыв главных сил, и вышли в район Хальбе – Вендиш – Бухгольц. В то же время немцы сами также зажимали части 76-го и 120-го СК. Советским войскам не удалось воспрепятствовать расширению горловины прорыва. Части 54-й Гв.СД отошли под ударами немцев, которые опять пришлись по тылам 28-й, 13-й армии и 3-й Гв.ТА.

Попытки советских войск изолировать прорывавшихся немцев продолжались, подбрасывались подкрепления. Командование 28-й армии даже повернуло от Берлина 130-ю СД. Части 21-го СК и 25-го ТК давили на окруженную немецкую группировку с севера.

Немецким частям все-таки удалось достичь лесничества Вундер, где опять пришлось дозаправить танки за счет автомашин, а последние сжечь. Их движение к Куммерсдорфу постоянно контролировалось советскими воздушными разведчиками. В ночь на 30 апреля немецкие колонны достигли полигона в районе Куммерсдорфа. Оберштурмбаннфюрер Берман вспоминал об этих боях: *«Когда снова наступил день, мы были уже на вокзале... Здания вокзала, депо и склада горючего горели. Мы прорвались через вокзал невзирая на потери. Убитые оставались лежать на земле»*.

К исходу 29 апреля части немецкой 9-й армии оказались окруженными в трех своеобразных «котлах»: первый – в районе северо-восточнее Хальбе, второй – в лесу восточнее Хальбе (основные силы группировки), и третий – в лесу восточнее Куммерсдорфа. Немецкая группировка растянулась узкой шестикилометровой полосой на запад, причем в двух местах эта полоса образовала еще более узкие двухкилометровые перемычки.

Итак, войсками двух советских фронтов опять не удалось остановить прорыв 9-й армии, которая смогла продвинуться на запад еще на 24 км. Английский историк Бивор назвал сражение в районе деревни Хальбе *«битвой на уничтожение»*. Он писал, что многие молодые немецкие солдаты были настолько потрясены силой советского огня, что, по выражению одного из деревенских жителей, буквально *«накладывали себе в штаны»*.

Один молодой немец, курсант Зигфрид Юрге, отступавший в составе учебного полка, описал потом то, что ему удалось увидеть, сидя на броне танка. По обеим сторонам дороги валялись сотни раненых, которым никто не собирался помогать. Лишь очень немногие военнослужащие находили в себе силы закапывать убитых. В лучшем случае убитого перетаскивали к придорожному кювету или воронке от снаряда и слегка прикапывали песчаным грунтом. На лесных дорогах стояли сгоревшие автомашины, валялись убитые лошади. Вся земля вокруг была усыпана брошенным оружием, касками, тачками и мешками. Сама деревня Хальбе, по признаниям очевидцев, представляла собой «адское пекло».

Известный советский писатель Константин Симонов проехал в то время по местам боев. Южнее Тойпитца его взору

предстала картина, которую ему никогда не удалось забыть. Он писал потом: *«В этом месте... через густой лес... шла поперечная просека... сплошь забитая чем-то совершенно невероятным – нагромождением танков, легковых машин, броневиков, грузовиков, спецмашин, санитарных автобусов. Все это буквально налезшее друг на друга, перевернутое, вздыбленное, опрокинутое... И в этой каше из железа, дерева, оружия, чемоданов, бумаг, среди сожженного и почерневшего – месиво изуродованных человеческих тел. И все это уходит вдоль по просеке буквально в бесконечность. А кругом в лесу снова трупы, трупы разбегавшихся под огнем людей. Трупы вперемешку с живыми... раненые лежат на шинелях, одеялах, сидят, прислонившись к деревьям... Их было так много, что... никто еще не мог помочь им».*

Советский офицер, сопровождавший Симонова, пояснил, что эта колонна была накрыта огнем нескольких полков тяжелой артиллерии и «катюш». Большинство немцев так и остались навсегда лежать в этом лесу. Около 30 тысяч человек были похоронены на кладбище в Хальбе, хотя с каждым годом в лесу находили все новые человеческие останки.

Прорыв этой немецкой группировки создал сложную обстановку для войск 3-й и 4-й Гв.ТА, а также 28-й армии, так как их коммуникации были перехвачены врагом.

Поскольку обстановка в Берлине и на участках 9-й и 12-й армий не сулила нацистскому руководству ничего хорошего, Борман утром 29 апреля принял ряд мер по организации отправки за пределы столицы рейха текста завещания Гитлера и других важных документов. По его поручению генерал Бургдорф вызвал своего офицера для поручений (по другим данным – первого адъютанта фюрера от вермахта) майора Вилли Йохана Мейера. Зачастую во многих отечественных и иностранных источниках фамилия этого немецкого майора трактуется следующим образом – «Йоханмейер». Именно ему было поручено выполнение важной миссии – доставить копию завещания Гитлера вновь назначенному командующему сухопутными войсками фельдмаршалу Фердинанду Шернеру.

Кроме того, Бургдорф передал для Шернера инструкцию: опубликовать завещание только по приказу самого Гитлера или после получения подтверждения его смерти. По словам Хью Томаса, эта *«миссия граничила с безумием»*. Бургдорф также

передал Йохану Мейеру сопроводительную записку, написанную от руки, в которой объяснялось, что завещание написано Гитлером *«под впечатлением известия о предательстве Гиммлера»* и является *«окончательным решением»* фюрера.

Одновременно Борман передал копию завещания Гитлера своему порученцу штандартенфюреру Вильгельму Цандеру для передачи гросс-адмиралу Деницу. Была также передана копия свидетельства о браке Гитлера. Адъютант фюрера Гюнше почему-то называл в числе адресатов фельдмаршала Кессельринга и гаулейтера Гислера, что вызывает определенные сомнения. Возможно, эти лица выступали в качестве «запасной цели».

Рейхсминистр Геббельс со своей стороны послал на прорыв в качестве своеобразного дублера Цандера пресс-референта Гейнца Лоренца с очередной копией завещания Гитлера, предназначенного также для Деница с целью *«сохранить документ для потомства»*. Даже в такой отчаянной ситуации доктор философии пекся о пополнении анналов истории.

Одна из копий завещания на всякий случай была оставлена в Берлине. Видимо, допускался вариант, что отправленные экземпляры могут не достичь места назначения.

После 04.00 29 апреля эта троица в сопровождении денщика майора Йохана Мейера, капрала Хюммериха, выбралась на поверхность через гараж рейхсканцелярии, который к тому времени уже сгорел. Кстати, упомянутый выше Хью Томас утверждал, что *«все курьеры были отправлены, когда было официально подтверждено, что их путь безопасен»*. Вряд ли кто в обстановке городского боя мог дать какие-либо гарантии посланцам из бункера. Так что можно оставить это высказывание на совести этого историка-любителя, врача по профессии.

Надо подчеркнуть, что майор был в обычной военной форме, Цандер – в черном эсэсовском мундире, а Лоренц обрядился в форму люфтваффе. Эти трое не вняли совету Бормана, предлагавшего им переодеться в гражданскую одежду, что подтвердил потом штурмбаннфюрер Гюнше. В общем, немцы смело пошли на прорыв не в зипунах, армяках, в лаптях и опорках, в которых зачастую выходили в 1941 г. из окружения даже некоторые советские военачальники...

К вечеру 29 апреля майор Йохан Мейер и его спутники сначала ползком, потом пригнувшись, вдоль стен домов сумели

добраться до Пихельсдорфа, где оборонялся батальон гитлерюгенда. Ночью на лодке они добрались до Ваннзее, где все еще держалась довольно крупная группировка. Оттуда по радио майор и передал Деницу сообщение об имевшихся у его группы документах, а также о наличии инструкции о порядке их опубликования.

Гросс-адмирал, зная от Кребса о выходе курьеров, пошел на весьма рискованный шаг. Он послал на реку Хафель гидросамолет, чтобы эвакуировать посланцев из бункера под носом у русских. Хотя к тому времени курьеры добрались до Пфлауен-Инзела на восточном берегу Хафеля, забрать их оттуда не представилось возможным. Гидросамолет, хотя и сумел в темноте сесть на воду, но гулом моторов привлек внимание русских, которые открыли сильный огонь по нему, осветив ракетами. Поэтому смелые немецкие летчики вынуждены были улететь без тех, за кем были посланы.

Немецкие курьеры считались решительными людьми, которые смогут добраться до места назначения любой ценой. Посланцы фюрера после прорыва из Берлина шли пешком ночью и отдыхали днем. К тому времени, когда курьеры достигли Ганновера, пройдя через занятую советскими войсками территорию, они, по-видимому, потеряли всякую надежду на доставку полученных ими важных документов вышеуказанным адресатам.

По здравом размышлении курьеры решили просто разойтись по домам, сохранив при себе копии завещания. В точности как в песне Булата Окуджавы: *«С войной покончили мы счеты, бери шинель, пошли домой»*. Но в качестве «сувенира» решено было прихватить с собой также и важные государственные документы. Ох уж эта немецкая аккуратность! Не сжечь, не разорвать или спрятать (закопать), а иметь при себе компрометирующие документы подобного масштаба.

Но немцы недооценили профессионализм контрразведки союзников, которая вела активную розыскную работу в зонах оккупации Германии. Она уже смогла задержать личного шофера фюрера Кемпку, секретаря фюрера фрау Крюгер, а также ряд сотрудников охраны из СД, которые сообщили ценную информацию о судьбе Гитлера и лиц из его окружения.

Из числа гонцов, «птенцов гнезда Адольфа», первым в начале декабря 1945 г. в районе Ганновера был арестован Лоренц. Это

произошло в какой-то мере случайно, поскольку при проверке он предъявил фальшивые документы. Во время обыска задержанного были замечены складки на плечах пальто от заложенных туда бумаг. Люди, проводившие обыск, тут же распороли одежду и обнаружили важные документы. Во время последующих допросов Лоренц вынужден был рассказать о своей миссии и назвать фамилии других курьеров.

Дальнейшее было делом техники. Второй курьер, бывший майор Вилли Йохан Мейер, был арестован 20 декабря 1945 г. в своем доме в Изерлоне, в Рурской области. Он отказался сообщить, где находятся врученные ему копии документов, продемонстрировав свою твердолобость. По имеющимся сведениям, он закопал их в своем саду.

За третьим курьером началась форменная охота. Путь Вильгельма Цандера был прослежен от Мюнхена до Тегернзее в Баварии, вблизи австрийской границы, несмотря на весьма правдоподобное утверждение его жены, что он погиб. Тут возникла одна весьма пикантная деталь. В Тегернзее бывший штандартенфюрер, спрятав документы в местной школе, скрывался под чужим именем. Цандера арестовали уже после Рождества в деревне вместе с его бывшей секретаршей, о существовании которой референт Бормана почему-то не счел нужным сообщить своей верной супруге.

Документы, изъятые у нацистских курьеров, широко разбежавшихся по территории побежденной Германии, не вызвали у союзников никаких сомнений в их подлинности. Вот чем закончилось это рискованное мероприятие Бормана по пересылке важных документов из бункера рейхсканцелярии за пределы с помощью «верных людей».

После ухода посланцев из бункера туда около 05.00 ввалились Борман, Бургдорф и Кребс, бывшие сильно навеселе. Они быстро заснули, усевшись в кресла. Спустя час на правительственный квартал внезапно обрушился ураганный огонь артиллерии и минометов. К 10.00 огонь переместился в направлении Фридрихштрассе – Унтер-ден-Линден. Весь район рейхсканцелярии в этот день подвергался ожесточенным обстрелам и бомбардировкам. От прямого попадания сгорел личный гараж Гитлера вместе с находившимися там автомашинами. Думается, в создавшемся положении фюрера не очень огорчило сообщение

о потере всего автопарка. Тем более что из-за разрушений разъезжать по улицам Берлина было крайне затруднительно.

Немецким солдатам в Берлине в воскресенье 29 апреля уже ничего не светило. В тяжелых боях они потеряли ощущение времени. Их последней надеждой, которая не сбылась, была армия Венка, застрявшая в районе Потсдама.

В то время как «здание» Третьего рейха, построенное нацистами, рушилось со страшным грохотом, погребая под обломками своих создателей, хорошо налаженная административная машина продолжала исправно работать. Награды в эти дни раздавались с невиданной щедростью, даже после смерти Гитлера – вплоть до 9 мая, когда Германия капитулировала.

Днем 29 апреля солдаты войск СС получили аж девять Рыцарских крестов. Первый был вручен бригаденфюрером Крукенбергом на КП дивизии «Нордланд» французу – унтершарфюреру Эжену Воло, который подбил шесть русских танков на Вильгельмштрассе. Он недолго радовался награде, поскольку был убит 2 мая рядом со зданием министерства авиации. Вторым награжденным стал оберштурмфюрер СС Вильгельм Вебер, инструктор по ближнему бою, обучавший воевать французов в дивизии «Шарлемань».

Третьим награжденным был также француз – обершарфюрер Робер Аполло, который тоже подбил шесть танков на Вильгельмштрассе. Потом Рыцарским крестом был награжден гауптштурмфюрер Анри Фене, командир боевой группы из дивизии «Шарлемань», но в суете боев награду ему так и не вручили.

Награды раздавали также бригаденфюрер Монке и его начштаба гауптштурмфюрер Клингемайер. Все кавалеры Рыцарского креста были представлены к награждению с подачи самого Монке, решение которого утверждал Гитлер, а регистрировал факт награждения сам генерал Бургдорф.

Три Рыцарских креста получили эсэсовцы из 503-го ТТП СС: командир батальона оберштурмбаннфюрер Фридрих Херциг, унтерштурмфюрер Оскар Шэфер и гауптшарфюрер Карл Кернер (за 17 подбитых танков). Кресты в этот день получили еще двое: танкист штандартенюнкер Вилли Фей (за 14 подбитых танков) и унтерштурмфюрер Карл-Хайнц Гизелер (за 11 подбитых танков). Вряд ли эти высокие награды за подбитые советские танки, число которых никто и не думал проверять,

могли подсластить эсэсовцам горечь поражения в безнадежной борьбе...

Первая половина дня 29 апреля в Берлине прошла для немцев относительно спокойно. После 12.00 началась концентрическое наступление армий 1-го БФ на центр Берлина, и на внутренние районы города обрушился невиданный до сих пор шквал артогня.

В Грюневальде и Шарлоттенбурге продолжали обороняться части 18-й МД генерал-майора Рауха, чей КП разместился в убежище в Зоосаде. Оставшиеся «тигры» из дивизии «Нордланд» прикрывали огнем передовой край немцев, проходивший по улице Курфюрстендамм. В Тиргартене и Потсдаме сражались остатки ТД «Мюнхенберг» генерал-майора Муммерта. Анхальтский вокзал был уже занят русскими. В западных районах города развернулись бои вокруг башни ПВО Зоосада.

Остатки французского батальона из дивизии «Шарлемань» под командованием упомянутого выше гауптштурмфюрера Фене пытались с помощью фаустпатронов сдержать натиск русских в районе Белле-Альянсплатц. Еще один награжденный, оберштурмфюрер Вебер, начальник дивизионной унтер-офицерской школы «Шарлемань», объяснял своим людям тактику борьбы с русскими танками, рвущимися в сторону Вильгельмштрассе и Фридрихштрассе: *«Сначала стреляйте по первому танку, потом — по замыкающему, а уж потом — по центру колонны»*. Это указание эсэсовца было удачным, но в ответ советские солдаты применили огнеметы...

На Фридрихштрассе держали оборону несколько сводных отрядов из полка «Данмарк». Многочисленные воронки делали эту улицу более или менее недоступной для танков, поэтому здесь сражались штурмовые группы с обеих сторон, атаки сменялись контратаками. Активно действовали снайперы как русские, так и немецкие. Сражение за Берлин, казалось, достигло высшей степени ожесточения. Бои шли за каждый дом. От зенитно-артиллерийского дивизиона «Нордланд», потерявшего всю свою технику, осталось всего 63 человека, которые воевали как простые пехотинцы.

В районе Шпиттельмаркта вели бои остатки полка «Норге» штурмбаннфюрера Тернедде, КП которого разместился в бывшем здании имперского банка. Этот район являлся ключом

к Лейпцигерштрассе, за которой начинался правительственный квартал. Обершарфюрер Цюльке вспоминал об этих боях: *«...русские подобрались по туннелю метро и, преодолев завалы... вышли к Шпиттельмаркту. Но мы были начеку и отбили эту атаку. Они ответили шквалом артиллерийского и минометного огня. Развалины домов сотрясались. С грохотом рушились стены, взлетали в воздух балки и опоры... Послышался лязг и скрежет – приближались русские танки, которые принялись стрелять во всех направлениях. Два из них были подбиты, загородив собой путь... Затем наступила тишина».*

На Лейпцигерштрассе и Вильгельмштрассе двинулись в бой последние танки, самоходки и бронетранспортеры разведбатальона «Нордланд», а также самоходные зенитные установки, вооруженные счетверенными пулеметами. Танки дивизии «Нордланд» были размещены и в восточной части Тиргартена. Там же оставались последние подразделения штабной роты и роты материально-технического обеспечения танкового полка, а также обозы полков «Норге», «Данмарк» и артполка.

Историк Тике считал, что *«29 апреля линия обороны Берлина повсюду начала рушиться. Последние людские ресурсы – унтерофицеры тыловых служб и солдаты обоза были сведены в танкоистребительную боевую группу под началом командира штабной роты танкового полка «Нордланд» оберштурмфюрера Флека, которая ждала своего часа в южной части Тиргартена».*

Подступы к Александерплатц обороняла группа генерал-майора Беренфенгера. На северо-востоке держались обе башни ПВО – Фридрихсхайн и Гумбольдсхайн, гарнизоны которых отражали все атаки. Кольцо окружения вокруг центра города неумолимо сжималось...

На набережной Шпрее, по обе стороны от рейхстага, сражались остатки 9-й ППД полковника Херрмана. В основном силы дивизии состояли из зенитчиков, на вооружении которых находились легкие и тяжелые зенитки. На Кенигсплатц, неподалеку от рейхстага, было расположено несколько артбатарей. Немецкий исследователь Эрих Куби утверждал, что рейхстаг обороняли подразделения саперного батальона дивизии «Нордланд». Это не соответствует действительности, так как остатки этого батальона действовали в районе Белле-Альянсплатц и Шпиттельмаркт.

Исследования, проведенные Вильгельмом Тике, показали, что специально для обороны Потсдамерплатц, рейхстага и рейхсканцелярии из персонала служб и тыловых штабов СС в Берлине был сформирован полк штандартенфюрера Анхальта, названный по его фамилии. Позднее для обороны рейхстага и его окрестностей были переброшены части 9-й ППД, к которым присоединилась небольшая группа моряков. Из вышесказанного можно сделать вывод, что рейхстаг защищали подразделения различных родов войск.

Около 12.00 29 апреля в бункере у Гитлера проходило очередное совещание, на котором присутствовали Борман, Геббельс, Бургдорф и Кребс, их помощники и адъютанты. В утренние часы советские войска начали генеральный штурм центра Берлина. Бои уже шли за Курфюрстендамм, Бисмаркштрассе и Кантштрассе. Линия фронта проходила теперь всего в 400 метрах от рейхсканцелярии.

Генерал Вейдлинг доложил присутствующим, что советские войска наступают на «Цитадель» с трех сторон – от Александерплатц, Тиргартена и Потсдамерплатц. По его мнению, сопротивление немецких войск может продолжаться очень недолго. По утверждению же историка Розанова, *«ни у кого из присутствующих не было не только информации о положении вне Берлина, но никто толком не знал, что делается и в самом городе»*. Если с первой частью фразы можно отчасти согласиться, то вторая ее часть не соответствовала действительности.

По словам помощника генерала Кребса, ротмистра Больдта, присутствовавшего на этом совещании, *«...картина была ясна по центру города»*. Правда, по другим районам она представлялась довольно хаотичной, основанной лишь на *«противоречивых слухах и предположениях»*. Вероятно, известный историк допустил очередную «неточность», не ознакомившись ни с показаниями генерала Вейдлинга, ни с мемуарами ротмистра Больдта.

Присутствовавшие на совещании обсуждали также весьма актуальный для них вопрос *«об активизации действий»* Венка. Выше уже достаточно подробно описывались напористые попытки дивизии 12-й армии пробиться к Берлину и деблокировать части 9-й армии в течение 28–29 апреля. Поэтому у «бер-

линцев из бункера» не было никаких оснований обвинять Венка в пассивности и подгонять его. Он делал все, что мог, и не его вина, что прорыва к Берлину не получилось. Возможности его войск не соответствовали поставленным задачам. Будь у него под рукой две-три танковые дивизии СС, которые в этот момент перебывали где-то в Австрии, кто знает, куда бы они дошли...

Конечно, обитателей бункера можно понять. Связи с 12-й армией, по словам ротмистра Больдта, уже несколько дней не было, и в окружении Гитлера очень хотели узнать об успехах войск генерала Венка. Для того чтобы потребовать от Венка немедленного ускорения наступления на Берлин с целью скорейшего освобождения нацистского руководства, генерал Кребс предложил направить в штаб 12-й армии своих «толкачей». Это предложение было им сделано с подачи его офицеров, которые не хотели ожидать вполне предсказуемого конца в бункере.

После того как адъютанты – майор Бернд Фрейтаг фон Лорингхофен, ротмистр Герхард Больдт и подполковник Рудольф Вайсс – узнали об отправке из бункера трех курьеров с копиями завещания, они также обратились к Кребсу с просьбой дать разрешение на прорыв из осажденного Берлина к генералу Венку со «спецзаданием». Тот поначалу колебался, опасаясь, что фюрер будет возражать. Упорные штабные офицеры сумели привлечь на свою сторону генерала Бургдорфа и самого Бормана. Офицеры лицемерно заверяли рейхслейтера, что они не сомневаются, что *«конечная победа несомненна»*, не уточнив, правда, при этом, чью победу они имели в виду.

Совместными усилиями удалось убедить Кребса обратиться к Гитлеру, который не стал возражать против просьбы офицеров. Поскольку Бургдорф охарактеризовал подчиненных с положительной стороны, фюрер выразил желание побеседовать с ними напоследок. Беседа состоялась после полудня 29 апреля. Гитлер подробно расспрашивал офицеров о предполагаемом маршруте прорыва, говорил о каких-то электрокатерах на реке Хафель. Он даже рискнул давать им чисто теоретические указания, к которым никто не прислушивался, поскольку их невозможно было использовать на практике. Фюрер дал разрешение на прорыв и просил передать привет генералу Венку: *«Пусть поторопится, или будет слишком поздно!»* Неужели он еще на что-то надеялся?

Офицеров не пришлось подгонять. Они были несказанно рады вырваться из этого ада и мечтали поскорее покинуть мрачную «гробницу фараона», как они называли между собой бункер фюрера. Уже в 13.30, получив от Бургдорфа пропуска для прохода через немецкие позиции, «ходоки к Венку» выбрались из развалин рейхсканцелярии и проторенным путем через Пихельсдорф направились на запад. В звездную и прохладную ночь на 1 мая они поплыли на лодке по реке Хафель к острову Ваннзее.

Забегая вперед, надо отметить, что, вырвавшись из Берлина, офицеры высадились на берег в районе Шваненвердера. Здесь они попали в расположение некоей окруженной части. На ее КП состоялась их неожиданная встреча с ранее покинувшими бункер посланцами Бормана (Майером, Цандером и Лоренцем), а также и с полковником фон Беловом, вышедшим оттуда позже и о котором будет сказано чуть далее.

Тут пути всех вырвавшихся из Берлина разошлись: трое первых «гонцов» и фон Белов собрались пройти на запад где-то между Кладовом и Гатовом. Трое последних посланцев остались с воинской частью. Мысли прорваться вместе с ней к Венку в тот момент еще не оставили немецких офицеров. Правда, их планам не суждено было сбыться.

Прорыв немцев был плохо продуман и еще хуже организован. Вот что потом сообщил об этом Больдт: *«Катастрофа произошла на путепроводе, ведущем к мосту между малым и большим озером. Почти все солдаты, бросившиеся на прорыв, погибли под ураганным пулеметным и минометным огнем. Бесчисленные тела убитых и раненых лежали кучами на узком пространстве вокруг полуразрушенного моста и непосредственно на нем. Те немногие, которым удалось прорваться на другую сторону и захватить крошечный плацдарм, были истреблены в результате предпринятой русскими контратаки».*

В этом бою адъютант Бургдорфа подполковник Вайсс попал в плен, а Больдту и фон Лорингхофену удалось спастись, закопавшись в лесную почву в ближайшем ельнике. Удача явно сопутствовала смелым немецким офицерам, да и боевого опыта им было не занимать. Русские весь день прочесывали местность, но их не обнаружили.

Утром 3 мая Больдт и фон Лорингхофен узнали о смерти Гитлера. Стало ясно, что это событие освободило их от выпол-

нения поручения, полученного в бункере. Только после этого они сменили мундиры на гражданскую одежду и отправились в сторону Эльбы. Конечно, они и раньше не горели желанием попасть в расположение частей 12-й армии. Теперь же естественный ход событий освободил их от данной ранее присяги...

Через несколько часов после ухода «группы адъютантов» Кребс отправил полковника фон Белова, адъютанта Гитлера от ВВС, с письмом к Кейтелю. Полковник ушел в сопровождении своего денщика Маттизенга. Складывается впечатление, что высшие офицеры вермахта не могли передвигаться без своих денщиков.

В письме Кейтелю начальник ОКХ писал, что сопротивление в Берлине может продлиться лишь несколько дней, и требовал от имени фюрера, чтобы деблокирование рейхсканцелярии было осуществлено как можно скорее.

В ситуации с посылкой разных писем в различные инстанции непонятно одно. Неужели опытный штабист Кребс надеялся так долго продержаться в Берлине, чтобы дождаться какого-либо ответа от адресатов, даже не зная, получат ли они эти послания? Похоже на крик души от безысходности создавшегося положения, как у чеховского Ваньки Жукова, писавшего письмо «на деревню дедушке...».

По некоторым сведениям, с фон Беловом было отправлено еще и дополнение к политическому завещанию Гитлера. Господин Розанов без достаточных оснований утверждал, ссылаясь на английского историка Тревор-Ропера, что в этом документе фюрер *«обрушился на генералов»* и *«постарался обелить себя как полководца»*. Знакомство же с этим документом говорит об обратном. В «дополнении к политическому завещанию», текст которого приведен историком Безыменским в работе «Откровения и признания», Гитлер предал анафеме своих соратников Геринга и Гиммлера, говорил о назначении гросс-адмирала Деница рейхспрезидентом и привел состав нового правительства. Кроме того, он раздал похвалы Геббельсу и Борману, намекал на свой скорый уход из жизни и призывал немецкий народ повиноваться *«новому правительству и его президенту до самой смерти»*. Фюрер, правда, не уточнил, чью смерть он имел в виду: президента или самого немецкого народа. И все, никаких проклятий немецкой военной элите нет.

В числе свидетелей, подписавших этот документ, естественно, нет ни Тревора-Ропера, ни тем более Розанова. По поводу маститого английского историка сказать нечего, но то, что господин Розанов явно не читал «дополнение к политическому завещанию» Гитлера, становится предельно ясным. Неужели ему трудно было ознакомиться с источниками при написании своего труда по истории Третьего рейха? А поливать грязью немецкий генералитет и без Розанова желающих вполне хватало.

Сам фон Белов излагал историю прорыва из бункера несколько иначе, чем рассказывалось в официальных трудах об окончании войны. 29 апреля он якобы лично получил разрешение Гитлера на попытку пробиться на запад. Фюрер посоветовал своему адъютанту отправиться к Деницу и пожелал ему: *«Всего хорошего!»*

В полночь с 29 на 30 апреля полковник фон Белов отправился в путь. Вот что он наблюдал, выйдя из бункера рейхсканцелярии: *«...Я увидел перед собой сущий ад. Повсюду валялись катушки кабеля, висели оборванные трамвайные провода, кругом развалины домов, воронки от бомб и снарядов. В районе Потсдамерплатц полыхало пламя. Над всем городом... почти непроницаемый огненный колпак, гарь, сажа и чад от множества вспыхивающих повсюду пожаров...»*

Он пошел на север по Герман-Герингштрассе, потом свернул налево к Тиргартену, миновал Колонну Победы, дошел до железнодорожной насыпи. Потом в темноте двинулся к имперскому стадиону по труднопроходимым улицам. Фон Белов передвигался бросками, проходя вдоль фронта сплошных развалин, карабкаясь через завалы. Так он добрался до Пихельсдорфа, а к утру 30 апреля достиг реки Хафель, где залег на целый день.

С наступлением темноты полковник со своим ординарцем поплыли на лодке на юг и высадились на западный берег реки в районе жилых корпусов военной академии. Потом они направились строго на запад и достигли учебного полигона в Деберитце. Только после 1 мая оба немца переоделись в штатское, а 3–4 мая они даже попали в плен к русским, но смогли бежать.

После долгих странствий и многих приключений фон Белов в январе 1946 г. был арестован английской контрразведкой. После ареста начались допросы, на которых его спрашивали о Гитлере и о последних днях в бункере. Одним из допрашивавших

был будущий английский историк Тревор-Ропер. Фон Белов утверждал потом, что о передаче секретного послания Гитлера Кейтелю он якобы все выдумал под давлением англичан. Оставим это заявление адъютанта фюрера на его совести...

Понятно, что ему было бы лучше для облегчения своей участи предстать перед союзными следователями «совсем простым солдатом» и потом стоять на своем, чем выдумывать байки о своей важной миссии в качестве особого фельдъегеря. Написанное же им в мемуарах о некоем давлении выглядит просто обычным оправданием сделанных им признаний, чтобы достойнее выглядеть в глазах потомков. По сведениям, приведенным В.А. Козловым в работе «Где Гитлер?», фон Белов сжег имевшиеся у него письма при переходе линии фронта.

Когда начинаешь задумываться над тем, как чередой прорывались из Берлина через не очень плотные заслоны советских войск и уходили на запад адъютанты со своими денщиками, а также уезжали юнцы на мотоциклах с различными документами, возникает один недоуменный вопрос. Почему же нацистские руководители и военные, еще сохранившие возможность двигаться, не пытались «сделать ноги», пока их еще не окончательно зажали в подземелье рейхсканцелярии? Вопрос, конечно, несколько риторический.

Пока был жив фюрер, который до конца ждал, пока армия Венка откроет ему путь для спасения, все несанкционированные попытки отхода были практически исключены. Пример группенфюрера Фёгеляйна живо стоял перед глазами его возможных последователей. Конечно, у фюрера были и другие варианты выхода из создавшегося положения, кроме во всеуслышание декларируемого самоубийства и «героической гибели» на поле боя. Существовал еще один совершенно фантастический план, о котором вице-президент рейхсбанка Пуль поведал в Берне японскому дипломату, который, в свою очередь, сообщил о нем своему правительству. Англичане в рамках проводимой ими операции «Ультра» перехватили и расшифровали это сообщение японского посольства в Швейцарии.

В чем же была суть этого плана? По словам Пуля, фюрер собирался сесть в самолет, груженный бомбами, и взорвать себя в районе Берлина, чтобы *«воодушевить свои войска»*. Так и кажется, что этот безумный план был навеян ветром с востока.

Что-то не очень верится в возможность осуществления этого странного полета, так как в люфтваффе не привился дух камикадзе. Ведь самолетом с Гитлером должен был кто-то управлять, хотя, конечно, у пилота оставалась возможность воспользоваться парашютом.

Правда, другими источниками данное заявление высокопоставленного немецкого банкира не подтверждается. Кто тут дал волю своей фантазии – Пуль или японский дипломат, выяснить вряд ли удастся. Но расшифровка радиограммы существует...

По некоторым сведениям, на аэродроме в Рехлине, расположенном севернее Берлина, фюрера якобы дожидался подготовленный к полету многомоторный самолет Ю-390 (или Ю-290) с дальностью полета свыше 8000 км. Подобный же самолет якобы весной 1945 г. совершил беспосадочный перелет в Японию через Северный полюс. Правда, надежного подтверждения этой информации нет.

Кстати, Риббентроп на Нюрнбергском процессе утверждал, что *«мы поддерживали связь с правительством Японии только по воздуху»*. Видимо, эта связь не была достаточно надежной и безопасной. Тот же Риббентроп писал в мемуарах, что один из самолетов, направлявшихся в Японию, куда он сам собирался лететь в 1942 г., во время перелета потерпел аварию в Сиаме (ныне Вьетнам). Возможно, после этого эпизода фюрер и усомнился в надежности новейшей немецкой авиатехники, хотя он никогда не боялся полетов, как его заклятый противник Сталин. К тому же полет в Страну восходящего солнца (или уже заходящего?) весной 1945 г. представлялся уже малоперспективным, учитывая плачевное военное положение восточного союзника Германии по уже сильно треснувшей оси.

Но почему бы не попробовать затеряться в бескрайних просторах Южной Америки? Устремиться «на волю, в пампасы», как призывал один из героев писателей Ильфа и Петрова – сошедший с ума учитель географии, находившийся в сумасшедшем доме. Понятно, что обстановка в Берлине в конце апреля 45-го года могла поспособствовать попаданию в подобное лечебное учреждение и появлению вышеуказанных планов спасения...

К 29 апреля попытка бегства в «дальние края» на самолете явно запоздала, да и аэродром в Рехлине уже находился под

угрозой захвата советскими войсками. Поскольку импровизированные взлетно-посадочные полосы в Берлине к этому дню находились под постоянным артобстрелом и были блокированы советскими истребителями, улететь из города уже не представлялось возможным, что бы там ни придумывали авторы версий побегов нацистских руководителей. По словам Хью Томаса, *«...для практических целей, таких как бегство, такие полеты (какой выполнила Ханна Рейч или другой немецкий пилот, вывозя из Берлина фон Грейма) к тому времени были исключены. Да и вряд ли фюрер смог бы рискнуть доверить свою драгоценную жизнь этой авантюрной циркачке...»*.

А пробираться пешком по улицам города Гитлеру не позволило бы его физическое состояние.

Немецкие военные руководители, находившиеся вне Берлина, пытались поддержать связь с бункером фюрера. Согласно позднейшим показаниям генерал-оберст Йодля, радиотелефонная связь с Берлином сохранялась до 12.30 29 апреля. В 12.35 состоялся якобы последний разговор ОКВ с Берлином, но не с рейхсканцелярией, а с узлом связи КП Вейдлинга, расположенным на Бендлерштрассе. Вероятно, тут можно надеяться на память Йодля, которая ранее никогда не давала осечек.

Днем 29 апреля, когда в 16.00 в бункере состоялось очередное совещание, связь с ОКВ опять отсутствовала. Поэтому около 16.25 адмирал Фосс по поручению Гитлера запросил по радиосвязи ВМС у гросс-адмирала Деница информацию о военном положении: *«Всякая связь со штабами сухопутных войск прервана, срочно прошу через радиостанцию ВМС сведения о боях вне Берлина»*. Несколько позднее была получена ответная радиограмма от генерал-оберста Йодля, в которой сообщалось: *«ОКВ ничего не знает о 9-й армии. Считают, что 12-я армия Венка находится вблизи Потсдама, а о группе армий «Висла» ОКВ знает лишь, что она поспешно отступает на запад»*.

Поскольку около 19.00 29 апреля советские войска приблизились к лагерю «Ной-Роофен» в Рейнсберге, где была расположена ставка немецкого верховного командования, ее пришлось вновь передислоцировать. По утверждению фельдмаршала Кейтеля, во второй половине 29 апреля ее перенесли в имение

Доббин, в усадьбу нефтяного магната Детердинга, расположенную восточнее Краков-ам-Зее, район Варена, в Южном Мекленбурге.

Там она оставалась всего лишь один день. Интересно, что место расположения ставки подбирал начальник связи ОКВ, так как там имелась как проводная связь, так и радиосвязь. Именно туда уже в 19.31 пришла радиограмма из Берлина от генерала Кребса и рейхслейтера Бормана на имя фельдмаршала Кейтеля: *«Иностранная пресса пишет о новой измене. Фюрер ожидает от вас молниеносного и решительного наведения порядка. От Венка, Шернера и других фюрер ждет, что они докажут свою верность ему скорейшим деблокированием города»*. Где именно нужно было «молниеносно» наводить порядок, в радиограмме не уточнялось. Эти отчаянные призывы о спасении, постоянно поступавшие из Берлина, вероятно, уже успели надоесть офицерам и генералам в ОКВ.

Поскольку немецкому командованию приходилось принимать хоть что-нибудь в ответ на радиограммы из Берлина, в 20.28 по телефону и телеграфу в ГА «Висла» был послан очередной невыполнимый приказ о наступлении на Нойбранденбург. В ряде исследований справедливо подчеркивалось, что радиограммы из ставки ОКВ в рейхсканцелярию регулярно продолжали направлять, несмотря на неоднократные перемещения этой командной инстанции.

Зато в бункер рейхсканцелярии поступали вполне понятные сообщения, несущие, правда, весьма негативную информацию для его обитателей. Так, около 22.30 пришло совершенно шокирующее сообщение, по материалам радиоперехвата, о казни Бенито Муссолини и его любовницы Клары Петаччи, что, конечно, не могло добавить хорошего настроения «молодоженам» в бункере. Слишком явная прослеживалась для них аналогия... По некоторым сведениям, Гитлер был очень расстроен обстоятельствами гибели его «друга и соратника» дуче.

Вечером 29 апреля, после получения в бункере сообщения о казни партизанами Муссолини, с Гитлером сумел повидаться его личный шофер Кемпка. Он сообщил фюреру о том, что боевой дух солдат его группы *«высок как никогда»*, но все ожидают помощи от Венка. Гитлер негромко ответил Кемпке: *«Да... мы все его ждем»*. Неужели в тот момент он еще действительно на

что-то надеялся? К концу дня обстановка в столице рейха и вне его не могла вызвать оптимизма у немецкого военного руководства.

Последнее совещание в бункере по обсуждению обстановки большинство исследователей относят на конец дня 29 апреля, около 22.00. Генерал Вейдлинг, бледный как полотно, в своем полуторачасовом докладе обрисовал безнадежность сопротивления, так как русские уже подошли к министерству авиации. Резюмируя выступление, он ясно подчеркнул, что *«по всей вероятности, вечером 30 апреля битва за Берлин будет окончена»*. Генерал мотивировал свое утверждение нехваткой боеприпасов и отсутствием снабжения по воздуху и просил дать разрешение на прорыв. После его доклада Кребс в осторожной форме поддержал Вейдлинга.

Действительно, снабжение Берлина с воздуха в ночь на 29 апреля не дало почти никаких результатов. Было доставлено всего лишь шесть тонн грузов, в том числе десять фаустпатронов, до двадцати артснарядов и некоторое количество медикаментов.

Гитлер, пытаясь сгладить впечатление от доклада Вейдлинга, заявил, что еще 26 апреля отдал Кейтелю распоряжение о переброске самолетами боеприпасов в Берлин. Если положение не улучшится, то он даст санкцию на прорыв мелкими группами. Откуда он только черпал свой показной оптимизм?

На совещании выступил также и предводитель гитлерюгенда – однорукий Аксман. Он предложил совершенно фантастический план действий – прорваться из Берлина под прикрытием частей гитлеровской молодежи. Предложение «молодежного вождя» было отвергнуто, так как из доклада Кребса присутствующие знали, что реальную силу представлял собой только один батальон гитлерюгенда, засевший в Пихельсдорфе, с которым не было реальной устойчивой связи.

К тому времени связь с отдельными участками обороны осуществлялась только с помощью офицеров, которые должны были передвигаться пешком, так как ездить по Берлину на автомашинах не было никакой возможности. Надо сказать, что упомянутый выше батальон вполне исправно «открывал ворота на запад» для прорывавшихся туда офицеров ставки.

Американский исследователь Толанд дополнил картину этого последнего совещания. Он писал, что Вейдлинг подчерк-

нул также и низкий моральный дух войск, видимо, намеренно сгущая краски. Размахивая газетой с оптимистическим сообщением о близком спасении Берлина Венком, генерал заявил, что войска лучше знают положение, а такая ложь их просто бесит. Геббельс, естественно, тут же обвинил коменданта Берлина в пораженчестве. С трудом Борману удалось успокоить конфликтующих, после чего обиженный Вейдлинг и выдал свой мрачный прогноз развития событий.

Гитлер в последней надежде обратился с вопросом об обстановке к бригаденфюреру Монке, который только с 22 апреля начал принимать участие в совещаниях. Монке ответил, где именно находились русские войска: на севере – поблизости от Вайдендамского моста, на востоке – в Лустгартене, на юге – на Потсдамерплатц и около министерства воздушного транспорта, на западе – в Тиргартене в 300 – 400 метрах от рейхсканцелярии. Монке подтвердил, что на его участке, к сожалению, также наблюдались факты, изложенные комендантом города.

Вполне естественно, что ответы Монке повергли Гитлера в полное уныние. На совещаниях у Гитлера сметливый бригаденфюрер, обладавший богатым боевым опытом, уже давно понял, что положение берлинского гарнизона совершенно безнадежно. Впоследствии он говорил, что *«на первом совещании я понял, что никакого нового оружия не будет. Говорилось лишь о приближении русских со всех сторон...»*. Этот твердолобый нацист, четко понимая ситуацию, тем не менее *«вел упорную борьбу с наступающими советскими войсками»*. Последняя часть этой фразы взята из определения «самого справедливого и гуманного советского суда», приговорившего бывшего бригаденфюрера Монке к 25 годам заключения.

В заключение Гитлер спросил Монке о том, сколько времени он сможет продержаться. Тот вполне откровенно ответил, что при имеющемся вооружении, без тяжелого и противотанкового оружия, и наличии боеприпасов можно продержаться два-три дня. На это Гитлер ничего не сказал и молча удалился в свою комнату. Как станет ясно из нижеследующего, фюрер даже в этот критический момент все еще уповал, как это ни странно, на помощь извне.

Около 23.00 29 апреля в объединенном штабе ОКВ была получена радиограмма, направленная Йодлю или Кейтелю с пятью

сакраментальными вопросами. По некоторым данным, они были сформулированы Кребсом и Бургдорфом. В разных источниках количество и форма задавания вопросов несколько различаются. Вот эти вопросы:

«Генерал-полковнику Йодлю. Приказываю немедленно доложить мне:

1. Каково положение ГА «Висла»?

2. Как обстоит дело с наступлением Штайнера?

3. Что известно о 9-й армии? С ней нет связи.

3. Где 12-я армия? Когда состоится наступление через Потсдам?

4. Что делает корпус Хольсте?»

Именно этот перечень вопросов приведен в мемуарах фельдмаршала Кейтеля. Они, казалось, достаточно охватывали все аспекты создавшейся обстановки в районе Берлина.

Что можно сказать по поводу этих вопросов, заданных руководителям ОКВ от имени фюрера? Стоит привести реальный текст радиограммы, отправленной из бункера в 20.10 29 апреля и не искаженной переводчиками и забывчивыми мемуаристами. Вот он: *«Где застрял Венк? Когда он начнет? Где 9-я армия? Где группа Хольсте? Когда он начнет?»*

При сравнении с предыдущим вариантом несложно убедиться, что в реальности вопросы о ГА «Висла» и «группе Штайнера» отсутствуют. Можно только констатировать, что никто из советских и российских историков, писавших о последних днях Третьего рейха, просто не удосужился ознакомиться с текстом реальной радиограммы.

Необходимо сделать некоторое разъяснение по поводу упомянутого в запросе одного из немецких военачальников, на которого в Берлине возлагали некоторые надежды. Генерал-лейтенант Хольсте в конце 1944 г. под Будапештом командовал всего лишь кавалерийской бригадой и ничем особенным не отличался. В апреле 1945 г. он уже командовал 20-м АК 12-й армии, то есть по своему «рейтингу» незначительно уступал эсэсовскому генералу Штайнеру. По некоторым сведениям, он даже был назначен командующим 11-й армией, но не успел или не захотел вступить в командование этим соединением.

Этим скороспелым командующим, выдвиженцам конца войны, вынужденно отводилась решающая роль в последних

операциях немецких войск в районе Берлина. Вот на таких вполне ординарных командиров и возлагали свои надежды на выход из окружения обитатели бункера рейхсканцелярии.

Американский исследователь Майкл Мусманно опрашивал некоторых немцев, находившихся в конце апреля 1945 г. в бункере рейхсканцелярии. Он спрашивал адъютанта генерала Кребса майора Фрейтага фон Лорингхофена о том, что они могли ожидать в том случае, если бы Венку действительно удалось войти в Берлин и достичь рейхсканцелярии. Разве война не была бы проиграна в любом случае? Лорингхофен признал, что война, конечно, была проиграна, но *«влияние Гитлера на находившихся в бункере генералов было так велико, что они в отчаянии ломали головы, как бы помочь ему в эти часы. Они не позволяли себе думать о чем-либо другом»*.

Но вернемся к вопросам, заданным руководителям ОКВ из окруженного Берлина. Вне зависимости от их количества они требовали немедленного ответа. И он последовал.

Кейтель в своих мемуарах утверждал, что за ужином обсуждал ответ с Йодлем и даже лично написал его первый вариант. Он настаивал на том, что ответ был отправлен в Берлин только после продолжительного обсуждения, то есть подтверждал обоснованность сообщения, переданного в бункер фюрера.

Итак, в ночь на 30 апреля – в 00.30 или в 01.00 – из ОКВ по радио был передан ответ на заданные из бункера вопросы, и получение радиограммы было подтверждено в 02.57. Высшим немецким командирам понадобилось около двух часов для подготовки ответа на запрос своего высшего руководства. Ответ был дан после весьма позднего ужина; нельзя же на голодный желудок решать важные вопросы!

Фельдмаршал Вильгельм Кейтель никогда не отличался особой инициативой, не имел каких-либо особых военных способностей и не пользовался большим авторитетом у командного состава вермахта. Младшие офицеры ОКХ пренебрежительно называли его «имперской бензоколонкой», а старшие офицеры за глаза – «Лакейтелем». Но в критический момент немецкой истории он не стал подлаживаться под мнение своего руководства и не захотел подсластить пилюлю. Со всей солдатской прямотой фельдмаршал без каких-либо дипломатических уверток рубанул Берлину совершенно безапелляционный оглушитель-

ный ответ, не оставлявший обитателям бункера практически никаких надежд. Ответ в работах различных историков звучал следующим образом:

«Авангард Венка остановлен южнее Швиловзее.

12-я армия не может продолжать наступление на Берлин.

Основные силы 9-й армии окружены.

Корпус Хольсте вынужден перейти к обороне».

Стоит и здесь привести реальный текст ответа Кейтеля, направленного в бункер в 01.00 30 апреля:

«Венк остановлен севернее Беелитца (эти два слова зачеркнуты) *южнее Швиловзее. Сильные советские атаки всего левого фланга.*

12-я армия не может оттуда продолжать наступление на Берлин.

Основные силы 9-й армии окружены. Танковая группа прорвалась на запад. Местонахождение не доложено.

Корпус Хольсте находится в обороне на фронте Бранденбург–Ратенов – Кремменн».

В данном случае ответ Кейтеля на запрос фюрера был искажен незначительно.

Кейтель пояснил в мемуарах, на каком основании был составлен ответ Гитлеру. Он указал, что ГА «Висла» настолько отвела свое южное крыло на запад, что «танковый корпус» Штайнера оказался вынужденным прекратить наступление и вместе с корпусом Хольсте *«взять на себя прикрытие»* южного фланга ГА «Висла» северо-западнее Берлина во избежание его обхода или окружения. О 9-й армии в ОКВ было известно только то, что в тот момент ее части пробивались к 12-й армии и никак не могли помочь Берлину, так как не представляли собой реальной силы.

Наступление 12-й армии действительно, как известно, застряло в районе озерных протоков у Потсдама. Некоторые исследователи к вышеприведенным ответам Кейтеля добавляют еще несколько фраз: *«Деблокирование Берлина и создание вновь прохода с запада более невозможно; предлагают прорыв через Потсдам к Венку. В ином случае – вылет фюрера в южный район. Ожидаю решения».*

Ознакомление с реальной радиограммой начальника ОКВ заставляет сделать вывод, что приведенный текст, мягко говоря,

не совсем точен. Что же добавил Кейтель к своим четырем пунктам: *«Наступление на Берлин не продвигается вперед (топчется на месте), после этого также вся ГА «Висла» от севернее Ораниенбурга до Бранденбурга к Анкламу в тяжелых оборонительных боях. Я посещаю фронт с моими офицерами днем и ночью. Значение задачи разъяснено и пронизано последней самоотверженностью (преданностью)...»*

Последняя строчка сообщения написана от руки и практически нечитаема, но слова «Потсдам» в ней нет... Вот так вольно обращались в свое время историки с важными историческими документами.

Позднее, после сообщения о самоубийстве Гитлера, Кейтель очень переживал и сомневался, не слишком ли резко он ответил фюреру. Его несколько смущало то обстоятельство, что фон Грейм, несколько осмотревшийся в столице, даже вечером 28 апреля оценивал ход боев в Берлине в гораздо более благоприятном свете. Хотя непонятно, каким образом новоиспеченный фельдмаршал мог объективно оценить обстановку в городе, поскольку из-за ранения все время находился в бункере под постоянным артобстрелом.

Кейтель, конечно, понимал, что его радиограмма о безнадежности положения развеяла последние надежды фюрера, и считал, что завещание Гитлера явилось ее следствием. Тут он явно переоценивал весомость и значимость своего ответа, да и завещание «было в работе» еще раньше.

Он опасался, что его радиограмма, возможно, изобразила положение в слишком мрачных тонах, а это *«послужило причиной неправильных выводов»*. Вот как его мучила совесть после всего лишь одного неприукрашенного донесения, кстати, весьма запоздалого! Но в конце концов он все же пришел к выводу, что *«любое приукрашивание было бы безответственным»* и его *«правдивое донесение являлось правильным»*. Йодль придерживался в этом вопросе того же мнения. Надо отметить, что Кейтель и Йодль поздновато рискнули сделать правильные выводы.

Около полуночи 29 апреля в Доббин прибыл «несбиваемый» фон Грейм. Кейтель считал, что у него была перевязана голень, то есть следы ранения были видны невооруженным взглядом. Начальник ОКВ подтвердил, что фон Грейм и Ханна Рейч прилетели из Берлина на «Арадо-60» и приземлились в Рехлине.

Оттуда они и приехали на автомашине, чтобы проинформировать руководителей ОКВ о положении в Берлине. Фон Грейм рассказал Кейтелю о своих беседах с фюрером, который был, по его оценке, *«настроен уверенно и очень спокоен»* (во что очень трудно поверить!), и сетовал, что ему не удалось убедить Гитлера оставить Берлин. После этого сообщения новоиспеченного фельдмаршала и отсутствия ответа из бункера Кейтель понял, что фюрер решил не менять своего решения остаться в Берлине.

Фон Грейм сообщил Кейтелю, что он хочет 30 апреля вылететь в Берхтесгаден, чтобы принять там командование люфтваффе. Это высказывание фельдмаршала подтверждало тот факт, что штаб ВВС – этот *«...рассадник вольнодумства и измены»* – все-таки был эвакуирован именно в этот район. Надо отметить, что новый главком ВВС не успел сделать ничего реального по освобождению Берлина и реализации приказа фюрера об аресте Гиммлера. Он успел лишь мелькнуть на закатном горизонте Третьего рейха...

В ставке ОКВ в Доббине около 21.00 29 апреля, по утверждению Кейтеля, находился еще один из главных фигурантов завершающих драматических событий за пределами Берлина – рейхсфюрер Генрих Гиммлер. Он был тогда уже не всесилен, но продолжал внушать страх окружающим. Утром 30 апреля он собирался выехать оттуда вместе со своим штабом. Печальна судьба генерала без армии, да еще и во всеуслышание объявленного предателем, продолжавшего оставаться участником заключительной сцены трагедии под названием «Падение Третьего рейха».

Вечером около 22.00 этого «рокового дня», по словам начальника личной охраны Гитлера Раттенхубера, он был вызван к фюреру, который поручил ему собрать у себя в приемной руководящих сотрудников ставки. Гитлер производил впечатление человека, принявшего какое-то чрезвычайно важное решение. Глаза его были устремлены в одну точку, взор сосредоточен. Он даже вспомнил, что завтра день рождения его главного телохранителя, которого поблагодарил за верную службу, и сообщил о своем решении «уйти из этого мира». Он отверг уговоры о возможном побеге, так как боялся попасть в руки русских.

Потом Гитлер весьма откровенно высказался о том, что *«только Сталин не позволил мне выполнить возложенную на меня*

свыше миссию...». Вот какие сожаления нахлынули на нацистского вождя на склоне жизни. Далее он еще некоторое время продолжал вещать о себе, о своей роли в истории, которую ему уготовила судьба, и тому подобном. Даже его верному слуге, испытывавшему к фюреру искреннюю привязанность, было чрезвычайно неприятно видеть, что тот даже в последние минуты не смог удержаться от высокопарных речей о своей «высшей миссии». Было ясно, что фюрера просто обуял животный страх.

По утверждению нескольких свидетелей, наблюдавших сцену прощания Гитлера с ближайшим окружением, это мероприятие проходило в ночь на 30 апреля, около 02.00, и в нем приняли участие примерно 20–25 человек. Среди присутствовавших были замечены: чета Геббельсов, Борман, генералы Бургдорф и Кребс, группенфюрер Раттенхубер, бригаденфюрер Монке, вице-адмирал Фосс, доктор Штумпфеггер, госсекретарь Науман, посланник Хевель, пилоты генерал-лейтенант Баур и штандартенфюрер Бетц, оберштурмбаннфюрер Шэдле, штурмбаннфюреры Гюнше и Линге и некоторые другие. Гитлер сообщил им о своем решении уйти из жизни, поблагодарил за добросовестную службу и пожелал всем вырваться из Берлина.

После всего сказанного фюрер пожал каждому из присутствовавших руку и, еле волоча ноги, с поникшей головой ушел к себе. Спустя несколько минут Гитлер позвал Раттенхубера, Линге и Гюнше и еле слышным голосом приказал, чтобы трупы его и Евы Браун были сожжены. Он мотивировал это тем, что он не хочет, *«чтобы враги выставили мое тело в Паноптикуме»*.

Близилась финальная сцена берлинской драмы...

30 апреля

Механизм управления агонизирующей германской армии все еще продолжал работать. Отдавались приказы, которые никто не собирался выполнять, снимались и назначались командующие армиями и группами армий, которые не особенно торопились приступать к своим обязанностям.

Так, в 00.30 30 апреля командующему ГА «Висла» отдается приказ, в котором говорилось, что 12-я армия с настоящего времени переходит в его подчинение. Согласно приказу, 12-я армия имела задачу, нанося удары силами 20-го АК, прорваться

на север и соединиться в районе главного Хафельлендишского канала с войсквами 41-го ТК (Хольсте). Непонятно, как мог выполнить эту задачу 20-й АК, дивизии которого уже вели бои в районе южнее Потсдама, а также пытались пробиться к 9-й армии?

Около полудня 30 апреля фельдмаршал Кейтель переехал в Нойштадт, в часе езды от Плёна, где в военно-морской казарме было подготовлено место для штаб-квартиры главного командования «Север» и имелся, как всегда, соответствующий узел связи.

Немецкое командование продолжало направлять в Берлин радиограммы с отчетами о «проделанной работе». По свидетельству военного историка Дашичева, из бункера Гитлера больше не поступало никаких приказов, требований доложить обстановку на фронтах. Да и вообще *«никаких сколько-нибудь значительных в военном отношении приказов»*, как отмечено в дневнике ОКВ. Вероятно, нацистскому руководству уже нечего было сказать своим военным, да и обстановка в Берлине была слишком напряженной для немцев.

Тем временем Борман продолжал нагнетать обстановку, направив в 03.15 30 апреля через гаулейтера Мекленбурга еще одну паническую и злобную радиограмму Деницу. В различных источниках текст этого послания несколько отличается из-за различного уровня перевода и характера цитирования, но смысл послания примерно одинаков. Можно попробовать восстановить его полный текст с помощью комплексного подхода к различным вариантам.

Итак: *«Дениц, с каждым днем у нас усиливается впечатление, что дивизии на берлинском ТВД уже в течение нескольких дней бездействуют вместо того, чтобы освободить фюрера.*

Все доклады, которые мы получаем, контролируются, задерживаются или искажаются Кейтелем.

Мы вообще можем сообщаться с миром лишь через Кейтеля. Фюрер приказывает Вам действовать решительно и беспощадно против любых изменников. Фюрер жив и руководит обороной Берлина».

Чувствуется стиль Бормана. Опять последовали какие-то неконкретные истерические призывы и зловещие угрозы неназванным изменникам. Отсутствие продвижения немецких диви-

зий в сторону Берлина трактуется как «бездействие». Под *«освобождением фюрера»* явно понимается освобождение самого рейхслейтера. Даже верного Кейтеля Борман умудрился обвинить в саботаже и нежелании помочь окруженному Берлину.

Кому нужны были эти заклинания? И это тогда, когда исполнителям требовались конкретные указания в обстановке всеобщего хаоса. К тому же Дениц в то время не обладал реальной властью и не мог никак повлиять на развивавшиеся в районе Берлина события. Понятно, что соперники в борьбе за власть могли беспокоить только Бормана, так как фюрер в то время уже готовился к переходу в «лучший мир».

В первой половине 30 апреля гросс-адмиралу Деницу была отправлена очередная грозная радиограмма от Бормана. Вот ее текст, приведенный в мемуарах Деница: *«Происходит новое предательство. Согласно вражескому радио, рейхсфюрер Гиммлер сделал через Швецию предложение о капитуляции. Фюрер ожидает от Вас, что Вы молниеносно и со стальной верой будете действовать против всех предателей»*. Указание, полученное гросс-адмиралом, снова было не совсем конкретным. Оставалось неясным, с помощью каких сил Дениц, располагавший всего лишь батальоном личной охраны, будет противодействовать главе могущественных войск СС.

По мнению некоторых исследователей, фюрер продолжал медлить с самоубийством, дожидаясь какого-либо ответа от гросс-адмирала. При этом возникает один вопрос: неужели сообщение Деница о каких-либо его санкциях против Гиммлера смогло утешить Гитлера перед неизбежным уходом из жизни?

В последний день своей жизни Гитлер спал всего чуть более трех часов. В 05.00 30 апреля начался сильный артобстрел правительственного квартала и имперской канцелярии. Как вспоминали потом многие очевидцы, интенсивность обстрела менялась. Временами это был беспокоящий огонь с интервалами до трех минут, а затем снова следовал интенсивный артналет в течение часа.

Около 06.00 бригаденфюрер Монке был вызван для доклада в бункер. Он объяснил фюреру, что сможет еще продержаться один или два дня, так как русские находились на Потсдамерплатц, менее чем в 400 метрах от рейхсканцелярии, достигли Вильгельмштрассе, заняли большую часть Тиргартена и

проникли в тоннель метро под Фридрихштрассе. Спустя полчаса после окончания разговора Монке вернулся на свой КП.

В 08.00 возобновился сильный и точный обстрел рейхсканцелярии. Немцы, ожидая штурма, усилили охрану входов в бункер, тамбуров и коридоров, которые были забаррикадированы. Всем охранникам срочно раздали ручные гранаты и автоматы.

Утром 30 апреля Гитлер в своем кабинете диктовал Борману приказ боевой группе Монке о прорыве из правительственного квартала. Согласно этому приказу, Монке должен был организовать прорыв обитателей бункера мелкими группами, но только после самоубийства фюрера. Приказ был перепечатан секретаршей Бормана Крюгер на «бланке фюрера» и подписан лично Гитлером.

Около 12.00 этого же дня в бункере опять состоялось обсуждение военного положения. Смысл проведения этого совещания понять сложно. Неужели фюрер, приняв решение о самоубийстве, захотел еще раз услышать, где и как идут бои? Конечно, все это выглядело как вполне понятная очередная оттяжка уже принятого Гитлером рокового решения.

Генерал Кребс в своем докладе сообщил Гитлеру, что русские овладели Тиргартеном, Потсдамерплатц и проникли на Фоссштрассе, то есть подошли прямо к фасаду новой рейхсканцелярии. Информация о потере Тиргартена не соответствовала действительности – там еще шли тяжелые бои. Генерал Вейдлинг, в свою очередь, доложил фюреру, что советские войска штурмуют рейхстаг, взяли ратушу, и подтвердил появление штурмовых групп противника в тоннеле на Фоссштрассе.

Потом Вейдлинг так вспоминал об этом совещании: *«С тяжелым сердцем я начал доклад об обстановке. Как всегда, я начал с сообщения о действиях противника, а уже потом говорил о положении собственных войск. Я говорил об ожесточенных боях, проходивших последние 24 часа, о скученности в тесном пространстве, о нехватке боеприпасов и фаустпатронов...*

Подводя итоги, я ясно и четко сформулировал: скорее всего битва за Берлин закончится вечером 30 апреля, потому что по опыту предыдущих ночей больше нельзя рассчитывать на снабжение по воздуху в сколько-нибудь заметном масштабе».

После подобного доклада наступила длительная пауза, которую не хотел нарушать никто из присутствующих. С горькой

иронией Гитлер заявил Вейдлингу, что на его оперативной карте обстановка нанесена не на основании сведений ОКВ, а на основании сообщений иностранных радиостанций. Фюрер посетовал также на то, что его никто не информирует, а его приказы не выполняются.

При обсуждении обстановки в городе опять пришлось ориентироваться по туристической карте центра Берлина. Гитлер вновь задал вопрос Монке, срочно вызванному на совещание, о том, сколько еще можно продержаться? Монке, не задумываясь, ответил: *«Двадцать четыре часа»*. Он всегда реально оценивал создавшееся положение.

Монке рассказал фюреру о боях, которые вела его боевая группа в центре города. Тот с каменным лицом выслушал доклад своего верного паладина, проходившего под громовые раскаты огня советской артиллерии. Гитлер старался вести себя как обычно. Казалось, его ничего не волновало, не беспокоил вроде бы и едкий запах гари, просачивавшийся в бункер.

После совещания Монке, покидая около 15.00 бункер, с радостным лицом показал камердинеру фюрера Линге подписанный Гитлером приказ на прорыв из Берлина. Бригаденфюрер еще не знал, что этот приказ будет вскоре отменен. Его уход сопровождался адским огнем русской артиллерии и минометов, который потом продолжался весь день и походил на беспрерывные раскаты грома. Начальник гаража фюрера Кемпка также подтверждал, что на 21.00 30 апреля был назначен сбор боевой группы Монке в угольном бункере новой рейхсканцелярии. Но потом Монке отложил прорыв до 24.00.

Все командиры боевых участков, прибывшие днем 30 апреля на совещание к генералу Вейдлингу, также получили для исполнения приказ о прорыве из города небольшими группами. Время прорыва было назначено Вейдлингом на 22.00. По его словам, он хотел *«положить конец этой сумасшедшей битве за Берлин»*.

Поскольку бои уже шли в Зоологическом саду, Вейдлинг был вынужден оставить свой КП и узел связи в одном из железобетонных бункеров и заблаговременно перейти на новый КП в здании военного министерства на Бендлерштрассе, откуда до рейхсканцелярии было около 1000 метров. Этим перемещением немецкий генерал сильно огорчил командование 8-й Гв.А, которое уже надеялось захватить его в плен.

В штабе Вейдлинга уже с утра 30 апреля шла усиленная разработка плана прорыва из Берлина. Около 16.00 прибыл очередной посланец из бункера, некий штурмфюрер СС, который сильно напугал генерала, было решившего, что его пришли арестовывать как изменника. Эсэсовский офицер прибыл на Бендлерштрассе для того, чтобы передать Вейдлингу письмо Гитлера с подтверждением предоставления коменданту города свободы действий.

Вейдлинг рано радовался, так как между 17.00 и 18.00 этого дня, то есть уже после смерти фюрера, мероприятия по подготовке к прорыву из окружения были отменены.

Надо отметить, что новый КП командующего обороной Берлина имел мощный узел связи, откуда осуществлялась связь берлинского гарнизона с внешним миром. Любопытно, что приказ о занятии этого брошенного немцами и опустевшего узла связи, но находившегося в работоспособном состоянии, командир 902-го СП из 248-й СД подполковник Ленев получил лишь 3 мая – через день после капитуляции немецкого гарнизона города. Видимо, в эйфории от одержанной победы в высших штабах об этом узле связи просто забыли....

В течение 30 апреля во всех районах Берлина велись напряженные бои по ликвидации оставшейся немецкой группировки. Сужение территории, которую она занимала, позволило немцам предельно уплотнить боевые порядки и увеличить плотность огня. Все это обусловило исключительно ожесточенный характер боев в городе.

В центре Берлина назревали важные события. Войска 1-го БФ постепенно приближались к зданию рейхсканцелярии, в бункере которой и находилось нацистское руководство, захват которого был желанной целью для всех советских частей, принимавших участие в последних боях в городе.

Всю ночь и первую половину дня 30 апреля шли бои на подступах к последнему прибежищу Гитлера. Еще к исходу 29 апреля части 11-го Гв.ТК с юго-запада почти вплотную приблизились к зданию рейхсканцелярии, но пробиться к нему не смогли из-за сильного артогня и упорного сопротивления многочисленных групп фаустников.

Бой не утихал и ночью. Впереди в отблесках пожаров виднелось здание рейхсканцелярии. Казалось, еще одно усилие – и

гвардейцы-танкисты прорвутся к этому объекту, символизировавшему для них нацистское руководство. Ради этого советские солдаты самоотверженно сражались всю ночь. Бывший командир корпуса генерал Гетман писал потом в мемуарах, что *«наступательный порыв воинов корпуса не могли ослабить ни огромное напряжение многодневных боев, ни ожесточенное сопротивление врага»*.

Беда пришла, откуда не ждали. На рассвете 30 апреля, когда до рейхсканцелярии оставалось местами до 200–300 метров, последовал совершенно неожиданный для частей корпуса приказ о прекращении атак на этом направлении. 11-му Гв.ТК было приказано перегруппироваться на юг – для удара по Зоологическому саду. Как выяснилось чуть позже, дело было в том, что и войска 5-й УА также подошли к рейхсканцелярии. Возникла опасность перемешивания войск, что увеличивало и так высокую вероятность обстрела друг друга.

Вследствие этого командование 1-го БФ приняло решение продолжить атаки в районе рейхсканцелярии силами общевойсковых армий, а 1-ю Гв.ТА повернуть на северо-запад. Поэтому командиру 11-го Гв.ТК к 08.00 30 апреля и было приказано вывести свои части из боя.

Можно себе представить глубокое разочарование воинов корпуса. Конечно, командиры и политработники постарались объяснить бойцам, что для штурма крупных зданий целесообразно использовать пехоту при поддержке мощной артиллерии. Тут лихие танковые наскоки уже не проходили. Конечно, все это никак не могло обрадовать личный состав 11-го Гв.ТК, но на войне как на войне. Понятно, что приказы не положено обсуждать, а надо выполнять. Досадно было танкистам упускать возможную добычу в лице нацистских главарей...

Командующий 1-м БФ грозно предупредил командующих 8-й Гв.А и 1-й Гв.ТА о недопустимости перемешивания войск и приказал наступать исключительно в своей полосе, не залезая в полосу соседей. Выполнение распоряжения в 12.00 было проверено заместителем Жукова генералом армии Соколовским.

Еще в 02.00 решение на боевые действия 9-го СК было утверждено командующим 5-й УА генерал-полковником Берзариным и получен документ из штаба 1-го БФ с подтверждением наступления в выделенной армии полосе: Саарландштрассе

стала границей с 8-й Гв.А. Не надо забывать, что 30 апреля части 4-го Гв.СК этой армии ворвались в здание Потсдамского вокзала и к вечеру этого дня передовые части также подошли к рейхсканцелярии на расстояние до 600–800 метров.

Частям 9-го СК генерал-лейтенанта Рослого оставалось пройти до рейхсканцелярии еще два квартала, где были расположены здания гестапо и министерства ВВС, обнесенные высоким бетонным забором.

Утром 30 апреля полк 248-й СД и 1054-й СП 301-й СД атаковали квартал, где находилось здание Главпочтамта. Два других полка 301-й СД – 1050-й и 1052-й СП – штурмовали здание министерства ВВС и так называемые дома летчиков. Тут перед глазами советских солдат появился другой жупел – *«фашистские летчики Геринга»*. Видимо, в то время без подобных штампов нельзя было обойтись, учитывая низкий общеобразовательный уровень основной солдатской массы.

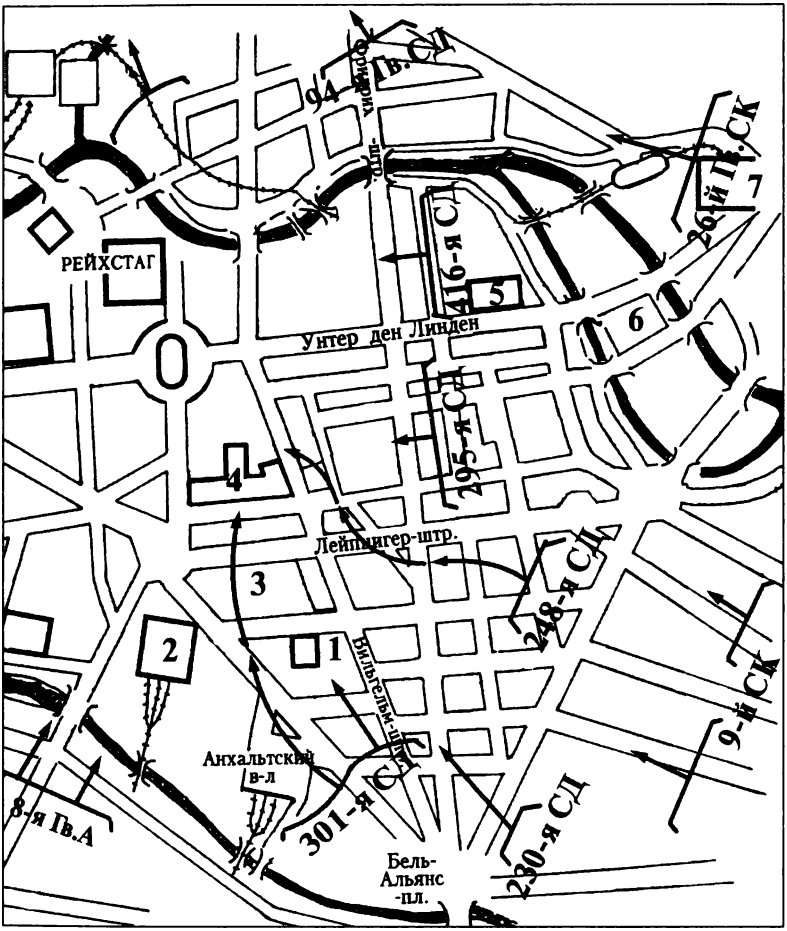
К 16.00 30 апреля после тяжелых боев за каждый дом и этаж большая часть атакованного квартала была захвачена советскими войсками. К вечеру немцев выбили и из здания министерства ВВС. Часть его защитников отошла на чердаки и в подвалы здания, где продолжала оказывать ожесточенное сопротивление.

Вряд ли тут стоит повторять весьма живучие сказки, распространявшиеся в основном политорганами о *«фашистах, прикованных цепями к стенам, вооруженных пулеметами»*. Наверное, у советских политработников просто не укладывалось в голове, что можно так упорно защищать гибнущий Третий рейх, не будучи к чему-то прикованным...

Зачисткой здания министерства во второй половине 30 апреля занимались 1052-й СП и 337-й ОСАДив. Отдельные группы немцев сопротивлялись здесь вплоть до 08.00 2 мая.

Около 07.30 30 апреля части 35-й Гв.СД захватили здание гестапо, от которого до рейхсканцелярии оставалось 500 метров. Полностью здание было очищено от противника только к вечеру этого дня. Оборонявшихся оттеснили в подвал, где, по некоторым сведениям, укрылись до 2000 эсэсовцев. Вероятно, эта цифра включала и защитников здания министерства ВВС, часть которых тоже была вынуждена отойти в эти подвалы.

Гвардейцы 35-й Гв.СД продолжали наступление и завязали бой за здание министерства иностранных дел. Им пришлось



Положение советских войск в центре Берлина на 29–30 апреля 1945 г.
Цифрами обозначены:
1 – здание гестапо, 2 – Потсдамский вокзал, 3 – здание министерства авиации, 4 – рейхсканцелярия, 5 – университет, 6 – остров музеев, 7 – ж/д станция и площадь Александерплатц

преодолевать сопротивление многих немецких отдельных подразделений: 11-го и 369-го саперных батальонов, 4-го железнодорожного батальона и отдельных групп эсэсовцев из дивизии «Нордланд». За Лейпцигерштрассе, по свидетельству очевидцев, уже начало просматриваться здание рейхсканцелярии, которое почему-то казалось им *«беловатым»*.

По свидетельству начальника личной охраны Гитлера обергруппенфюрера Ганса Раттенхубера, территория рейхсканцелярии в это время уже простреливалась ружейно-пулеметным огнем. Он утверждал, что *«каждую минуту можно было ожидать прорыва русских»*. По словам члена ВС 5-й УА генерал-лейтенанта Бокова, *«над рейхсканцелярией бушевал огненный смерч разрывов снарядов и мин»*.

Продвижение к центру Берлина войскам 9-го СК давалось очень тяжело. Например, 902-й СП 248-й СД к 30 апреля уже более суток не мог пробиться к Вильгельмштрассе, хотя полк отделяло от этой улицы лишь несколько сотен метров. Как всегда, командир 248-й СД генерал-майор Галай требовал от комполка подполковника Ленева *«кварталов, метров продвижения»*, даже грозил отстранить заслуженного офицера от командования полком. И это в самом конце войны! Подобные угрозы со стороны старших военачальников сопровождали командиров на протяжении всей войны и к ним уже успели привыкнуть. Хорошо, что хоть расстрелять не обещал...

К усиленному давлению на комполка не преминул подключиться и начальник политотдела корпуса полковник В.Т. Поминов. Сидя далеко от передовой, он тоже считал, что Ленев *«топчется на месте»*. Причиной этого он считал, что *«политработники еще недостаточно хорошо разъяснили офицерам, коммунистам и комсомольцам, всем бойцам, что корпусу отведен самый ответственный участок, где расположены правительственные учреждения и ставка Гитлера»*. Для «разъяснения» он направил в дивизию инструктора политотдела майора Никулину, посчитав, видимо, что женщина одним своим появлением в рядах атакующих может принести им успех в бою. Слабые возражения подчиненной на сложность обстановки полковник жестко отклонил: *«Вы что, ждете, когда фашисты перестанут стрелять?»*

Замполит командира 902-го СП майор Глагольев, чувствовавший свою ответственность за неудачные действия полка,

пошел в роты и попытался личным примером поднять в атаку залегших под огнем бойцов. Скоропалительная попытка организовать неподготовленную атаку окончилась печально: пулей немецкого снайпера майор был смертельно ранен. Этот прискорбный факт вряд ли взволновал его старших начальников, ведь никакого героического подвига он не совершил...

Другие армии 1-го БФ также с тяжелыми боями продвигались к центру Берлина. 30 апреля части 52-й Гв.СД из 3-й УА продолжали вести бои в районе парка Гумбольдхайн и спорткомплекса, которые находились в 300–400 метрах северо-восточнее рейхстага. В парке располагались две башни ПВО, которые советские солдаты называли крепостями. Оборона немцев была здесь очень прочной: траншеи с пулеметными площадками и зенитками на прямой наводке, которые соединялись ходами сообщения с многоэтажными подвалами северной башни. Подходы к траншеям прикрывались противотанковыми рвами, заполненными водой. В системе обороны имелись железобетонные доты с амбразурами для кругового обстрела. Все улицы, ведущие к крепостям, забаррикадированы, а перекрестки заминированы.

Особенно сильный огонь был открыт с юго-восточной окраины парка по 151-му Гв.АП полковника С.Ф. Лясковского. Бои носили крайне ожесточенный характер с широким применением фаустпатронов. Дело часто доходило до рукопашных схваток. По данным разведки, в башнях ПВО находился гарнизон численностью 5270 человек и до 15 тысяч гражданских лиц. Запаса продовольствия в этих башнях могло хватить на шесть месяцев.

В это утро – с 07.00 до 10.00 – немцы силами батальона при поддержке танков предприняли пять атак на боевые порядки 153-го Гв.СП подполковника С.П. Зубова, но успеха не имели. Тяжелые бои продолжались и далее, когда части дивизии овладевали отдельными домами и очищали кварталы от засевших там мелких групп противника.

Немцы упорно сопротивлялись и в других районах Берлина. Еще в ночь на 30 апреля 63-й Гв.СП 23-й Гв.СД овладел вокзалом Веддинг. Но особенно ожесточенное сопротивление советские войска встретили на подходах к Штеттинскому вокзалу, который прикрывал подступы к рейхстагу с севера.

12-й Гв.СК 3-й УА, наступая левее 79-го СК, заблокировал группу противника в районе Лертерского вокзала и к исходу дня

вел бои за Штеттинский вокзал. Теперь части 3-й УА и 8-й Гв.А были разъединены лишь полосой парка Тиргартен шириной всего 1200 метров, которая уже насквозь простреливалась.

Упорные бои в западной части Тиргартена вели части 2-й Гв.ТА совместно с польской 1-й ПД. Одновременно на юго-западную часть парка навстречу танкистам наступал левофланговый 28-й Гв.СК 8-й Гв.А. В результате «горловина» между группировками противника, зажатыми в районе Тиргартена и Халензее, сузилась до 400 метров.

28-я и 39-я Гв.СД, наступая навстречу частям 2-й Гв.ТА, утром 30 апреля вышли с юга в район Зоосада, который являлся одним из наиболее сильно укрепленных узлов сопротивления в центре Берлина. Его обороняли до 5000 человек из разных частей с пятью танками и большим количеством артиллерии. Немецкая оборона здесь опиралась на железобетонные бункеры, крепкие каменные здания, заранее подготовленные к обороне, окруженные железобетонным забором высотой два метра. Все улицы, идущие к Зоосаду с востока, были прегражденны баррикадами и простреливались пулеметно-артиллерийским огнем.

Для овладения этим узлом обороны и уничтожения его гарнизона 39-я Гв.СД была усилена 186-й ГАБр, 59-м Гв.МинП, а также двумя танковыми полками и ротой саперов. Около 10.00 части дивизии пробились в Зоосад через проломы в стенах зданий и овладели районом аквариума. Саперы под прикрытием дымзавесы подорвали пять стен толщиной по метру каждая и проделали проходы в заборе сада. Через них в бой были введены орудия дивизионной артиллерии и приданные танки, так как попытки стрелковых подразделений овладеть железобетонными бункерами успеха не имели.

Тогда было решено разрушить эти бункеры артогнем – прямой наводкой с дистанции 200–300 метров. Но даже снаряды 152-мм гаубиц не могли пробить стены бункеров. После этой неудачи решили блокировать бункеры и ворваться в них путем подрыва входных дверей. Несмотря на тяжелейшие условия ведения боя, которые сложились для пехотинцев и саперов, сопротивление гарнизона было сломлено. Было взято в плен около 3000 немецких солдат и офицеров. Надо отметить, что полностью территория Зоосада была очищена от противника только к 11.00 1 мая.

30 апреля все еще продолжались затянувшиеся бои по уничтожению немецкой группировки на острове Ваннзее, во время которых части 10-го Гв.ТК и 350-й СД буквально «бегали» за противником. К утру этого дня части последней дивизии наконец-то переправились на остров посреди озера и захватили его южную и юго-восточную части. Сопротивление противника было окончательно сломлено, и немцы, тоже, видимо, устав от «беготни» с острова на берег озера и обратно, начали сдаваться в плен. Но в северо-западной части острова и в районе Ной-Бабельсберг они продолжали ожесточенно обороняться.

30 апреля к боям за Ваннзее подключился и 1180-й СП, подошедший из Потсдама. Он форсировал канал в районе Ной-Бабельсберга. Его батальонам удалось вклиниться в глубь немецкой обороны. Стрелков поддержали подразделения 29-й Гв.МСБр полковника А.И. Ефимова.

В ночь на 1 мая группа немцев численностью до 6000 человек опять «убежала» от советских войск. Она переправилась с юго-восточной части Ваннзее на южный берег протоки, откуда ушла, оставив только слабое прикрытие. Деталь весьма характерная. Немцы в эти дни уже были обречены, но продолжали отчаянно драться, используя каждую оплошность советских войск. И здесь как раз весьма удачно.

Подобная расхлябанность в рядах войск 1-го УФ просто удивляет. Непонятно и долготерпение командования фронта, практически безучастно наблюдавшего за этим безобразием. Бои по уничтожению этой живучей немецкой группы, периодически ускользавшей из-под удара, продолжались вплоть до 2 мая...

Только во второй половине дня 2 мая большие группы немцев на Ваннзее начали сдаваться в плен. Всего за пять дней боев на острове только частями 350-й СД были убиты и ранены 1400 немецких солдат и офицеров, уничтожены 19 танков и штурмовых орудий, более 100 автомашин, семь орудий, а также захвачены 1800 пленных, в том числе около 100 офицеров, пять штурмовых орудий и склад боеприпасов. Всего же при участии 10-го Гв.ТК немцы в результате потеряли здесь более 3000 человек убитыми и около 6000 пленными.

Как выяснилось, вопрос об использовании немцами городских подземных сооружений оставался актуальным буквально до последних дней боев в Берлине. Понятно, что советское

командование, натерпевшись бед от противника, появлявшегося из ниоткуда, было вынуждено принять ответные адекватные меры на подобные коварные методы ведения боевых действий.

В районе Анхальтского вокзала немцы широко использовали тоннели, входы и выходы метро для маневра пехотными подразделениями и нанесения неожиданных ударов по советским войскам. Части 29-го Гв.СК 8-й Гв.А в течение трех дней пытались уничтожить противника в метро или хотя бы выбить его оттуда, но никакого успеха не имели. Было решено затопить тоннели, подорвав перемычки и перекрытия метро на участке, проходившем под каналом Тельтов.

В ночь на 1 мая был произведен взрыв 1800 кг взрывчатки, которая была уложена под перекрытием метро. В результате образовался большой пролом, куда тут же хлынула вода из канала. В результате затопления тоннеля этим внезапным «бурным потоком» немцы попытались бежать оттуда, но многим это не удалось – утонули... Обрушение тоннелей и коллекторов подземного коммунального хозяйства с целью воспрепятствования немецким подземным маневрам производилось и в других районах Берлина. Увы, это было одной из печальных страниц боев в городе...

Не утихали бои и в полосе наступления 3-й Гв.ТА. К вечеру 29 апреля в штабе 55-й Гв.ТБр 7-го Гв.ТК было получено два довольно противоречивых распоряжения. Начальник штаба корпуса полковник Г.С. Пузанков приказал приостановить наступление бригады в направлении Зоосада, а командир корпуса генерал-лейтенант В.В. Новиков, наоборот, требовал по радио, чтобы танкисты наступали именно в этом направлении.

Командование бригады решило немного выждать до получения письменного приказа комкора. Офицер связи штаба корпуса со срочным распоряжением генерала Новикова проблуждал по разрушенным улицам Берлина всю ночь. Это распоряжение было действительно важным. Бригаду необходимо было отвести от железнодорожной станции Савиньиплатц. Менялось направление наступления, изменялись границы действия танкистов. Из-за позднего получения приказа его выполнение оказалось под вопросом.

Офицер связи всю ночь мотался на броневике по улицам города, попал к немцам, чудом спасся и с большим трудом до-

брался в расположение 55-й бригады лишь перед рассветом 30 апреля. Поэтому приказ комкора о выходе в район Весткройц не был выполнен, так как времени на подготовку наступления почти не осталось. Ночь, которую можно было бы использовать для переброски подразделений бригады в другой район, уже почти прошла. Все необходимые меры пришлось принимать в светлое время суток, под убийственным огнем противника. Наступил ясный весенний день, что сорвало все планы командования бригады.

В ночь на 30 апреля ставка в очередной раз изменила разграничительную линию между фронтами. 7-му Гв.ТК было приказано оставить занимаемые районы и выйти к железнодорожным станциям Весткройц и Вицлебен, западнее вокзала Шарлоттенбург.

Утром 30 апреля боевые действия возобновились. Начальник штаба 55-й бригады подполковник Шалунов доложил комбригу Драгунскому, что части бригады, приступили к передислокации. Но двойная жирная красная линия, делившая на карте Берлина войска двух фронтов, так и осталась условной линией. Боевые порядки танкистов и пехотинцев смешались, и части 55-й бригады пока продолжали драться на прежних местах.

День выдался теплым и солнечным. Никто из танкистов не ожидал, что последний день апреля окажется самым напряженным. Командование 7-го корпуса надеялось на некоторое ослабление боев: накануне немцам здорово досталось, а за ночь разведка не обнаружила больших перегруппировок противника. Пока в этом секторе шла обычная вялая перестрелка из стрелкового оружия, изредка слышались выстрелы из орудий, танки еще не вступали в бой. Только с центральных улиц города доносились мощные взрывы – там работала артиллерия крупных калибров. Несмолкающая артиллерийская канонада доносилась со стороны Ваннзее и Потсдама. В небе хозяйничала советская авиация. Бои шли на южной и на северной окраинах, где отчетливо слышались выстрелы зениток и танковых пушек.

Затишье на участке 7-го Гв.ТК длилось недолго. В середине дня разведчики донесли о большом скоплении немцев в районе улиц Шпандауэрдамм и Вестенд. Крупная группа противника появилась и на Бисмаркштрассе. Сопротивление немцев, зажатых между двумя фронтами, с каждым часом нарастало, и это несмотря на то что берлинская группировка была уже почти

полностью расчленена. Гонимые с трех сторон, немцы ринулись к западным окраинам города, стремясь найти какой-нибудь выход из огненного кольца.

Во второй половине дня 30 апреля немцы отдельными отрядами, небольшими группами и целыми колоннами начали выдвигаться по земле и под землей в направлении улиц Вицлебен и Хеерштрассе, а также железнодорожной станции Рейхспортфельд. Они открыли беспорядочный огонь из всех видов оружия, в воздух взлетели разноцветные ракеты. Под прикрытием танков и штурмовых орудий колонна немцев с дикими воплями бросилась на позиции 55-й Гв.ТБр. Наступило временное замешательство, вызванное внезапностью атаки. Потом по атакующим был открыт огонь силами целого артдивизиона. Через несколько минут к обстрелу подключились и минометчики, расположившиеся на стадионе «Олимпия».

Атакующих немцев поливали из пулеметов и автоматов, обстреливали из танковых пушек. Полковник Драгунский наблюдал это побоище с чердака трехэтажного дома – улицы были заполнены сотнями убитых и раненых. Несмотря на это, немцы по обочинам дорог, по переулкам и улицам упорно пытались небольшими группами пробиться на запад – к реке Хафель.

Весь день до позднего вечера, когда была отражена последняя немецкая атака, на улицах, примыкавших к железнодорожной станции Савиньи и Шарлоттенбургу, не прекращалась артиллерийская канонада и танковая стрельба.

В тот же день ожесточенные атаки противника отбивали и другие бригады 7-го Гв.ТК: 56-я Гв.ТБр полковника З.К. Слюсаренко, 23-я МСБр полковника Е.П. Шаповалова, а также части 55-й Гв.СД из 28-й армии.

Вечером советская разведка обнаружила, что немцы отходят на Бисмаркштрассе и в северную часть Шарлоттенбурга. К ночи они совершенно выдохлись, временно угомонились и бои стихли.

Командование 55-й Гв.ТБр пыталось разобраться в запутанных за день боевых порядках. Путаница произошла капитальная: на участке бригады оказались танки 2-й Гв.ТА и пехота 28-й армии. Ночью офицеры штаба, политотдела и тыла бригады были направлены на поиск своих подразделений, многие из которых застряли в разных местах на участках 1-го БФ. Собрать подраз-

деления смогли только к утру, поле чего удалось выйти в свой район и занять позиции между станцией Рейхспортфельд и улицей Рейхсштрассе, примыкавшей к наземной станции берлинского метрополитена. Появилась возможность дозаправить горючим машины и танки, пополнить запас боеприпасов.

Полковник Драгунский попытался выпросить у комкора генерала Новикова подкрепление – помочь пехотой, так как *«без нее дела плохи. Из-за нехватки автоматчиков горят танки, большие потери в офицерском составе. Дайте хотя бы один батальон...»*. Новиков, потрясенный смертью одного из своих сыновей, другой был недавно тяжело ранен на канале Тельтов, в просьбе комбригу отказал...

Драгунский с сожалением отмечал: *«В последние дни смерть унесла в Берлине очень многих людей, с которыми я и мои товарищи прошагали не один год по дорогам войны. Вот почему каждая весть о потерях отдавалась в наших сердцах острой и сильной болью»*.

Напряженность боев 30 апреля в разных районах города была различной. Немцы отмечали ослабление натиска русских в районе Шарлоттенбурга, где оборонялись остатки 18-й МД, что, вероятно, было связано с активизацией действий частей 1-го БФ против 12-й армии.

На участке же ТД «Мюнхенберг» обстановка была иной. Здесь наступали части 8-й Гв.А при поддержке танкистов 1-й Гв.ТА. Там развернулись жестокие бои в районе Лютцовплатц и вокруг мостов, расположенных севернее этой площади. Командир ТП СС «Нордланд», находившегося в Тиргартене, бросил в бой последние танки «тигр» и зенитные самоходные установки. Оборону поддерживали орудия, размещенные в Тиргартене, и зенитки с башни ПВО в Зоосаде. Несмотря на их активную поддержку, несколько «тигров» и самоходок были быстро подбиты на подходе к Ландвер-каналу огнем советских танков ИС-2.

Последние «королевские тигры» 503-го ТТП СС с большим трудом сдерживали атаки русских танков в районе Потсдамерплатц, подбив многие из них. Улица Саарландштрассе была сплошь загромождена подбитыми советскими танками – немцы продолжали упорно сопротивляться.

В этом же районе оборонялись остатки дивизии «Шарлемань», полка СС «Данмарк» и фольксштурмовцы. В здании компании «Герольд» находилась разношерстная боевая группа

Шоллеса. Вот что он вспоминал потом: *«Мы предприняли контратаку, которая, правда, захлебнулась, так как русские открыли сильный заградительный огонь... Начали готовиться ко второй контратаке, которая должна была начаться с наступлением темноты. Для этого мы сделали пролом в стене... Когда стемнело, русские попытались развить свой успех и ворвались в здание «Герольда». Вспыхнул бой, который вскоре распался на отдельные очаги... Так как ночь освещалась заревом пожаров, мы... начали стрелять и быстро выбили их с новой позиции.*

Сквозь брешь в стене... я вбежал в длинную подворотню. Я открыл огонь из своей штурмовой винтовки. Я бросил вперед ручную гранату и хотел выскочить на улицу, когда услышал выстрелы за спиной... В подворотне запели рикошетные пули. Моя левая нога вдруг отяжелела, из нее хлестала кровь. Я снова бросился в ворота прямо мимо русских, но через 30 метров рухнул на землю... Ко мне подбежали трое наших и уволокли меня назад в подвал».

Этому эсэсовцу повезло. Солдаты из 2-го батальона полка «Данмарк» ночью перенесли его через развалины на станцию метро. Там ему была вручена награда – Железный крест 1-го класса с соответствующей записью в солдатской книжке! Ох уж эта пресловутая немецкая аккуратность, которая не изменяла им и в час жестокого поражения...

В районе Шпиттельмаркет складывалась похожая ситуация. Здесь немцы оборонялись не только с помощью панцерфаустов. Они использовали четыре своих подбитых танка, которые еще могли вести огонь.

Последний мобильный резерв дивизии «Нордланд» составляли всего несколько бронетранспортеров из состава разведбата, которые еще могли маневрировать среди обломков, загромождавших улицы. Эта техника находилась в распоряжении бригаденфюрера Монке, в подчинение которого был передан и один из последних «тигров» этой дивизии.

На востоке Берлина в течение 30 апреля советские войска продолжали безуспешно штурмовать две башни ПВО во Фридрихсхайне и Гумбольдхайне.

Новоиспеченному генералу Беренфенгеру пришлось перенести штаб своего боевого участка в подвал одного из домов на Шиффбауэрдамм. Здесь же в подвале театра находился КП 9-й ППД. Ее командир полковник Херман был уже бессилен чем-

либо помочь своим солдатам. Силы дивизии были окончательно исчерпаны. Да и от соседей не поступало обнадеживающих сообщений: от гарнизона башни ПВО в Гумбольдхайне было получено известие, что русские уже захватили весь прилегающий к башне район.

В сводном батальоне дивизии «Шарлемань» оставалось только несколько десятков человек, оборонявшихся на Путткамерштрассе. Эсэсовец Анри Фене вспоминал потом об обстановке в том районе: *«Темнота, изгнанная огромным костром, в который превратилась столица, совершенно исчезла, и только менялся цвет освещения в зависимости от времени суток. Горящие дома и танки превратились в факелы, и Берлин освещался пожаром, пожирающим его. Зловещее зарево висело над всем городом, увенчанным теперь красноватым ореолом. Руины выделялись на раскаленном небе, принимали причудливые, невероятные очертания...»*

В течение всего этого дня воздух в городе был насыщен запахами жженой резины, неубранных трупов и спекшегося кирпича. Что могли сделать эти последние оставшиеся в живых французы из батальона «Шарлемань»? Ну подбить еще несколько советских танков и подстрелить сколько-то солдат. Что это могло изменить в общей обстановке в городе?

Французские добровольцы, чисто механически еще сражавшиеся в 800 метрах южнее рейхсканцелярии, пока еще не знали, что фюрер, которого они защищали, был уже мертв.

Здесь получилось небольшое забегание вперед. События в бункере фюрера шли своим чередом.

В предвидении неизбежного конца Гитлер затягивал процедуру прощания со своим окружением. Днем 30 апреля, около 12.00, он прочувственно прощался со своим личным пилотом Бауром, который служил ему верой и правдой много лет.

Многие российские горе-исследователи, правда, почему-то перевирают фамилию личного пилота фюрера, превращая ее в более «социально близкую» – Бауэр, то есть «крестьянин». Хотя фамилия по-немецки пишется предельно просто «Baur». Можно, конечно, понять полуграмотных следователей из «Смерша», уродовавших фамилию немца в протоколах допросов, но принять подобное из уст историков – это уж слишком...

Гитлер при встрече заявил Бауру: *«Мои генералы предали меня и продали, мои солдаты не хотят воевать, поэтому я сам не могу больше сражаться»*. В ответ на эти пессимистические высказывания «не-крестьянин» в верноподданническом экстазе предложил своему патрону бежать из Берлина, чтобы потом с помощью авиаперелета затеряться на мировых просторах – в Аргентине, Японии или у ближневосточных шейхов. Самым экзотическим местом, куда Баур предложил перевезти фюрера, была пустыня Сахара, где, по словам этого пилота, тот бы *«бесследно исчез»*. Зная тамошние условия, трудно не согласиться с последним высказыванием.

В свое время Баур летал с Гитлером многими маршрутами, но в данной ситуации предложение о перелете явно запоздало. Шансов вылететь с аэродрома в Рехлине в «неизведанную даль» уже не было... Гитлер дал понять Бауру, что *«он не покинет Германию»*, продолжая разыгрывать какую-то сцену из древнегреческой трагедии. Фюрер сказал ошеломленному Бауру: *«У меня есть два варианта: отправиться в горы или к Деницу во Фленсбург. Но и там через две недели я окажусь в точно такой же ситуации, как и сегодня... Война закончится в Берлине. Я выстою или погибну вместе с Берлином»*. Видимо, главный нацист к тому моменту уже неадекватно оценивал действительность, если еще рассчитывал на какие-то «варианты».

Гитлер напоследок заявил Бауру: *«Каждый должен отвечать за последствия своих поступков. Я сам выбрал свою судьбу! Завтра миллионы людей будут проклинать память обо мне. У меня не остается иного выбора...»* Надо признать, что это было одно из его самых здравых и обоснованных высказываний в то время.

После этого фюрера опять понесло. Он высказал опасения, что русские, по данным разведки, имеют в своем распоряжении какой-то таинственный усыпляющий газ, с помощью которого они якобы могут попытаться его захватить. Тут чувство меры явно изменило ему, но точку в разговоре фюрер все-таки поставил, заверив своего верного пилота: *«Сегодня я распрощаюсь с жизнью!»* Он поблагодарил Баура за верную службу и широким жестом подарил ему ценную картину – портрет прусского короля Фридриха Великого кисти художника Антона Графа, занимавшую особое место в его коллекции. Эту картину Бауру вручил камердинер Гитлера Линге уже после самоубийства фюрера.

Потом, в знак особого доверия, фюрер назначил Баура ответственным за кремацию своего тела, а также просил проследить, чтобы Борман смог добраться до Деница. Первое поручение, конечно, было намного проще второго, но пилот не стал забивать себе голову возможностью их исполнения.

Выходя из комнаты, Гитлер горько вздохнул, обнял его обеими руками и, как бы продолжая игру, произнес: *«Баур, на моем надгробном камне нужно написать: "Он стал жертвой своих генералов"»*. Логика явно изменила Гитлеру в эту минуту. Непонятно, на какое увековечивание своей памяти он рассчитывал, о каком памятнике мечтал, если сам уже приказал своим подчиненным после самоубийства сжечь свой труп, а пепел закопать? Неистребимая театральщина и позерство проглядывали в его поведении даже в преддверии смертного часа...

Фюрер поучаствовал в очередном представлении еще около 02.00 30 апреля, когда по просьбе Аксмана пожимал руки 25 девушкам-санитаркам из госпиталя рейхсканцелярии. Тот располагался на верхнем этаже бункера, и в него уже поступили до 300 раненых. Адъютант Гитлера штурмбаннфюрер Гюнше подтвердил потом, что процедура прощания с челядью продолжалась после обеда где-то до 13.00–14.00.

Похоже, что последним около 15.15 по берлинскому времени фюрер принял вице-адмирала Ганса-Эриха Фосса, представителя ВМФ в ставке. Их беседа продолжалась около пятнадцати минут. Гитлер попросил адмирала любыми средствами передать гросс-адмиралу Деницу свое завещание. Фосс потом утверждал, что фюрер будто бы сказал ему: *«Я понял, какую непоправимую ошибку совершил, напав на СССР»*. Возможно, он прозрел перед смертью. Вероятен и другой вариант: все это было сказано в угоду советскому следователю, который вел допрос адмирала.

Забегая вперед, надо сказать, что Фосс не смог добраться до Деница. После прорыва из бункера рейхсканцелярии его 2 мая задержали в пивной невесть откуда взявшиеся берлинские коммунисты. Позднее адмирал, облаченный в солдатскую куртку, был передан русским. Он пытался перерезать вены тупым перочинным ножом, который сумел сохранить при обыске, но попытка самоубийства, сделанная прилюдно, была пресечена...

Поскольку советские войска практически стояли у порога рейхсканцелярии, времени на принятие решений у нацистского

руководства уже не оставалось. Гитлер должен был поторопиться, чтобы не попасть в руки русских.

Примерно в 14.00 Борман сообщил адъютанту фюрера Гюнше о предстоящем самоубийстве Гитлера и Евы Браун. Рейхслейтер подчеркнул, что их трупы должны быть сожжены по категорическому приказу самого Гитлера. В связи с этим Борман дал поручение Гюнше о подготовке бензина. Последний позвонил начальнику гаража Кемпке, который находился в бомбоубежище рядом с гаражом рейхсканцелярии на Герман-Герингштрассе. После этого Гюнше около 15.10 произвел перестановку эсэсовцев из охраны, чтобы обеспечить «вынос тела». В бункер по вызову Гюнше прибыли Монке и Раттенхубер, которые узнали потрясающую новость от Бормана.

Гитлер еще беседовал с Геббельсом, который продолжал уговаривать фюрера все-таки попытаться выбраться из Берлина. Тот истерическим голосом возражал рейхсминистру. В последний момент он отдал приказ о прорыве из Берлина своему камердинеру Линге. Когда его слуга засомневался в целях прорыва, фюрер, разъясняя свои слова, произнес: «*Для грядущего поколения!*» После этого он попрощался с присутствующими.

Сцены самоубийства Гитлера и его жены, а также последующего сожжения их трупов, многократно описаны в мемуарах очевидцев и исследованиях историков с разной степенью достоверности. Поэтому нет смысла вновь разбирать различные версии произошедшего в бункере.

После самоубийства Гитлера жизнь в бункере рейхсканцелярии, конечно, не остановилась. Многие свидетели видели, что в ночь на 1 мая «теплая компания» в составе пилота Баура, вице-адмирала Фосса, группенфюрера Раттенхубера и секретарши фюрера Крюгер пила вино, веселилась, разговаривала и громко смеялась. Где-то в 13.00 1 мая в бункер прибыл командир 18-й МД Йозеф Раух, которому генерал Бургдорф лично сделал запись в солдатскую книжку о присвоении генеральского звания произошедшего еще 20 апреля. И все это на фоне тотального поражения вермахта и гибели нацистского государства.

Бригаденфюрер Монке, присутствовавший на месте событий, утверждал, что после самоубийства Гитлера никто из руководящих лиц долгое время не мог принять никакого решения. У всех на лице был написан один вопрос: «Что же делать?»

Около 17.00 в бункере состоялось совещание, на котором присутствовали Геббельс, Борман, Кребс, Бургдорф, госсекретарь доктор Науман и бригаденфюрер Монке. Борман, Аксман, Монке и Гюнше настаивали на прорыве. Геббельс был против. Он театрально заявил: *«Я сейчас выйду на Вильгельмплатц. Может быть, там меня убьет пуля».*

Борман, в глазах которого, по свидетельству Гюнше, гнездился страх, от беспокойства не мог стоять на месте. Он то и дело просил достать для него откуда-нибудь «Шторх», заявляя, что ему непременно нужно к Деницу. Про усопшего фюрера уже никто и не вспоминал. Все разговоры сводились к одной теме: «Как нам отсюда выбраться?»

В конце концов слово взял генерал Кребс, который предложил вступить в переговоры с русскими. Он считал, что сначала для их ведения нужно добиться прекращения военных действий. Генерал в своем выступлении утверждал, что, во-первых, Берлин больше невозможно удерживать, а на выручку извне нечего рассчитывать; и, во-вторых, нельзя рассчитывать на победу в целом.

Кребс привел высказывание Гитлера о том, что *«единственный человек, с которым Германия, возможно, в состоянии договориться, это Сталин, ибо он самостоятелен и независим; он с ясной последовательностью осуществляет свои военные цели. Но лично он не может договориться со Сталиным».*

Кребс всерьез считал, что, возможно, фюрер своим самоубийством хотел дать шанс для налаживания отношений с Россией. Поэтому генерал предложил сначала послать к русским кого-либо из штабных офицеров, а затем уже самому вести переговоры. Перемирие, по его мнению, должно было продлиться 24 часа, в течение которых следовало связаться с Деницем по вопросу капитуляции.

Трудно сказать, что подвигло начальника ОКХ выступить со столь радикальным, но и в то же время наивным предложением. Возможно, он выступил с подачи Бормана и Геббельса. Может быть, эта идея уже просто носилась в затхлом воздухе бункера, а нацистские вожди от безысходности решили ухватиться за нее, как утопающий за соломинку?

Почему же именно генерал Кребс был выбран для ведения переговоров с русским командованием? Выбор на него пал не

случайно. Он сносно владел русским языком, продолжая заниматься его изучением по утрам во время бритья, и слыл среди немецких генералов «знатоком России». Кребс в 1936–1937 гг. был помощником военного атташе в Москве, куда он потом был вновь направлен весной 1941 г.

Кроме того, Кребс в апреле 1941 г. был участником известной сцены на вокзале во время проводов японского министра иностранных дел Мацуоки. Тогда на вокзал совершенно неожиданно прибыл Сталин. По свидетельству американского корреспондента Джона Скотта, он подошел к полковнику Кребсу и несколько минут пристально вглядывался в немца. Потом похлопал его по плечу и произнес сакраментальную фразу: *«Будем с вами дружить, чтобы ни случилось»*. Немец явно растерялся и сначала ничего не ответил советскому вождю. Но, быстро оправившись от удивления, Кребс ответил Сталину: *«Я убежден в этом!»*

Сталин, довольный произведенным эффектом, рассмеялся и секунд десять жал руку ошеломленному полковнику. Вся эта сцена произвела неизгладимое впечатление на окружающих. Эпизод требовал своего рассмотрения в высоком дипломатическом контексте, поразив весь дипкорпус в Москве. Вряд ли был еще один немецкий офицер, который сподобился пожать руку «вождю всех народов».

Начальник ОКХ генерал-оберст Гальдер в своем дневнике отмечал, что Кребс возвратился из Москвы уже 15 мая 1941 г. и к нему была проявлена большая предупредительность. Немцы в предвидении начала войны не захотели подвергать Кребса общей процедуре предстоящего обмена дипломатами. Мало ли что...

По приезде Кребс на докладе у Гальдера показал «большую компетентность» в вопросе предвоенного состояния Красной Армии, заметив, что русский офицерский корпус исключительно плох – *«производит жалкое впечатление»*, – гораздо хуже, чем в 1933 г. Кребс утверждал, что России понадобится двадцать лет, чтобы офицерский корпус достиг прежнего уровня. Возможно, несмотря на резкость своих убеждений, он был отчасти прав, помня о репрессиях 1937–1938 гг. Но в сроках восстановления советского офицерства он явно просчитался.

Потом у Кребса была причина пожалеть о своих опрометчивых высказываниях, когда весной 1945 г. в Берлине пришлось

вести переговоры с советским командованием на КП 8-й Гв.А. Ведь тогда рядом с ним сидели за столом как раз выходцы из тех якобы бездарных советских офицеров 1941 г., сумевшие доказать свои способности и продемонстрировать свои преимущества, дойдя с боями от Сталинграда до столицы рейха.

По словам немецких штабных офицеров, хорошо знавших Кребса, *«на лице этого невысокого, немного прихрамывающего человека была постоянная улыбка»*. Его остроумие частенько носило саркастический характер, он всегда имел в запасе подходящий к случаю анекдот. Кребс был образцом командира-штабиста, то есть офицера, находившегося в подчинении высшего начальника. Именно такой начальник генштаба и был нужен в конце войны Гитлеру. Он ценил Кребса как высококвалифицированного офицера и обратил на него внимание еще в 1941 г. Правда, фронтовые военачальники относились к тому без должного уважения. Надо отметить, что Кребс никогда не терял самообладания. Даже получив ранение в голову при бомбардировке штаб-квартиры ОКХ в Цоссене, он был, как всегда, невозмутим.

Возможно, после всего сказанного будет понятнее, почему в критической ситуации Геббельс и Борман выбрали именно этого генерала для ведения переговоров с советским командованием.

Перед началом совещания в бункере генерал Кребс предложил дождаться прибытия Вейдлинга, который предупреждал, что приедет к 17.30. Когда тот появился в бункере, его сразу же провели в бывшую комнату Гитлера. Там в присутствии Бормана и Геббельса генерал Кребс объявил изумленному Вейдлингу о самоубийстве фюрера и о том, что этот факт следует хранить в тайне. Правда, Кребс оговорился, что *«маршал Сталин извещен об этом событии по радио»*, что являлось явной ложью. Вейдлингу также сообщили о плане вступить в переговоры с советским командованием через командира боевого участка подполковника Зейферта. Он также получил приказ от Кребса *«не допустить изменения в военном положении Берлина»*, чтобы обеспечить проведение этих переговоров.

Вейдлинг, по его словам, был глубоко потрясен услышанным. Он понял, что это был конец! После краткого размышления он

спросил Кребса, верит ли он, как солдат, что русское главное командование согласится на переговоры о перемирии в тот момент, *«когда оставалось лишь сорвать зрелый плод»*, но ответа не получил.

Геббельс категорически отвергал любую мысль о капитуляции. Вейдлинг, видимо, осмелел, если верить его показаниям, и якобы сказал: *«Господин рейхсминистр* (очень необычная форма обращения к новому канцлеру Германии), *неужели вы серьезно верите, что русские будут вести переговоры с таким правительством Германии, где вы являетесь рейхсканцлером?»* Он был очень доволен собой, что так срезал несимпатичного ему Геббельса, с которым и раньше конфликтовал. Теперь генералу оставалось выждать, пока его руководители будут пытаться решить важные политические вопросы.

После самоубийства Гитлера, произошедшего примерно в 15.40 30 апреля, Борман, исполняя волю усопшего, был вынужден в 18.15 отправить следующую радиограмму в Плён для Деница, которая была получена адресатом в 18.35. Вот ее текст: *«Гросс-адмиралу Деницу. Вместо назначенного ранее рейхсмаршала Геринга фюрер назначил Вас, г-н гросс-адмирал, своим преемником. Письменные полномочия высланы. Вам надлежит немедленно принять все вытекающие из настоящего положения меры»*.

Смысл этой радиограммы был не совсем ясен Деницу, так как Борман предпочел умолчать о судьбе Гитлера. К тому же Дениц помнил о том, что совсем недавно были весьма негативно оценены попытки самостоятельных действий по выходу из создавшегося положения со стороны Геринга и Гиммлера. Поэтому осторожный гросс-адмирал в целях подстраховки, не зная, жив ли Гитлер, разразился в адрес покойника верноподданнической радиограммой, так как радиостанции ВМС продолжали функционировать в обычном режиме. Ее текст гласил: *«Мой фюрер! Моя преданность Вам безусловна. Я приму все меры, чтобы облегчить Ваше положение в Берлине. Однако, если судьба принудит меня править рейхом в качестве назначенного Вами преемника, я буду продолжать эту войну до конца и закончу ее так, как этого требует неповторимая героическая борьба германского народа»*.

Эта радиограмма, насыщенная пафосом, выглядит двусмысленной, если не откровенно лживой. Что мог реально предпринять гросс-адмирал для облегчения положения окруженного

Берлина? Сбросить на парашютах еще одну группу курсантов на разрушенный город? Прислать на реки Шпрее и Хафель флотилию подводных лодок или торпедных катеров с тральщиками? Или попытаться с помощью «людей-лягушек» из соединения K-Verband адмирала Гейе вывезти Гитлера из города? Все эти заверения выглядели просто несерьезно.

Дениц заверял покойного Гитлера в своей преданности, а сам после 12.00 30 апреля встречался в полицейской казарме в Любеке с уже низложенным рейхсфюрером Гиммлером, которого обязан был арестовать. После чего отправился в свою ставку в Плён, куда прибыл около 18.00, где ему вручили радиограмму Бормана из Берлина.

Немецкое верховное командование, находившееся за пределами Берлина, располагая отлично организованной радиосвязью, не оставляло попыток хоть как-то повлиять на события, происходившие в районе имперской столицы, выдавая подчиненным различные директивы и пытаясь информировать их о создавшейся обстановке.

Около 16.00 фельдмаршал Кейтель отправил на юг генералу Винтеру следующую радиограмму: *«Попытки деблокировать Берлин не удались. Центр города плотно осажден. Армия Венка имеет задачу пробиваться восточнее Эльбы на соединение с ГА «Висла» – силами 20-го АК и 48-го ТК двигаться на север и соединиться с 41-м ТК севернее канала Хафель. 9-я армия должна пробиваться через Тройенбритцен. Задача южного участка фронтов: объединить все фронты и создать большое кольцо, сосредоточивая главные усилия на Востоке, чтобы не допустить занятие большевиками возможно большей территории. Если не будет связи с высшей инстанцией, то принимать самостоятельное решение. Борьба за выигрыш времени должна продолжаться. Любые попытки разложения войск политического или военного характера должны беспощадно подавляться».*

Тем самым ОКВ, идя на поводу политического руководства, пыталось вступить в игру в большую политику, до конца упорствуя в усилиях по разъединению антифашисткой коалиции. Кейтель и Йодль в силу узости политического кругозора, видимо, надеялись, что в итоге их неуклюжих маневров западные союзники вдруг изменят в положительную сторону отношение к переговорам с нацистами. Но все их надежды были тщетны...

Пока немецкие военные руководители пытались принять участие в изначально безнадежной политической игре, их войска на Восточном фронте – 9-я и 12-я армии и 3-я ТА – буквально истекали кровью в тяжелых боях с частями Красной Армии.

Положение 12-й армии осложнилось еще и тем, что ее командующий генерал Венк, несмотря на имеющиеся сведения, все время ожидал удара американцев по правому флангу своей армии. Он даже разрешил 48-му ТК, составлявшему южное крыло армии, начать поэтапный отход на север, если американцы все же начнут наступление, однако те так этого и не сделали.

30 апреля части дивизии «Шилль» вышли на западный берег Швиловзее у Петцова, чтобы обеспечить прорыв подразделений Потсдамского гарнизона (армейская группа «Шпрее»), численность которой в начале боев не превышала 20 000 человек.

Основная масса соединения генерала Реймана смогла переправиться через реку Хафель. Сам генерал с последними боеспособными частями прикрыл отход гарнизона Потсдама.

Позднее Рейман вспоминал: *«30 апреля я находился в моем штабе в новом дворце в Потсдаме. Оттуда мне удалось еще раз* (!) *связаться по телефону с генералом Кребсом, находившимся в рейхсканцелярии...»*

Разговор генералов был недолгим:

«Кребс: Где русские?

Рейман: Они только что сообщили по рации, что взяли замок Сан-Суси. Русская пехота ведет бои против наших войск в парке Сан-Суси.

Кребс: И где же находитесь вы?

Рейман: В новом дворце...»

После этого Рейман поинтересовался положением в Берлине. На это Кребс ему ответил, что русские уже находятся на Потсдамерплатц. На этой безрадостной для обоих абонентов ноте разговор прервался....

Последние части Реймана смогли вырваться из окружения лишь в ночь на 1 мая. Его войскам, еще сохранившим боеспособность, пришлось тут же подключиться к поддержке дивизии «Шилль», которая обеспечивала им прорыв из окружения и фронт которой был сильно растянут.

Положение на участке других дивизий 20-го АК было тоже очень напряженным. В это время дивизии «Кернер» и «Шарнгорст» с большим трудом отражали все более усиливающиеся атаки противника под Тройенбритценом и Беелитцем. Немцы несли чувствительные потери: в 1170-м дивизионе штурмовых орудий, поддерживавшем дивизию «Шарнгорст», оставалось всего лишь несколько штурмовых орудий. Положение для немецких войск становилось все более критическим. Южнее Ферха дивизия «Гуттен» из последних сил пыталась сдержать усиливавшийся с каждым часом натиск русских.

В то время на участке Беелитц – Нимегк войска 12-й армии с большим упорством и ожесточением в течение 30 апреля продолжали настойчивые, но безуспешные атаки против частей советского 5-го МехК. Перед командующим армией вставал вопрос: удержат ли его войска фронт до подхода частей 9-й армии? В ее штабе была получена радиограмма из штаба 12-й армии с просьбой ускорить продвижение в район между Беелитцем и Тройенбритценом.

В этот день 20-й АК 12-й армии был вынужден перейти к обороне и с большим трудом удерживал позиции. Венк прилагал последние усилия к тому, чтобы продержаться на достигнутом рубеже как можно дольше, чтобы остатки войск 9-й армии, находившиеся в тот момент в городском лесопарке Треббина, в 20 км от позиций 12-й армии, смогли выйти из окружения.

В то же время правофланговые армии 1-го БФ в течение 30 апреля продолжали развивать наступление, обеспечивая внешний фронт окружения Берлина с северо-запада. Разгромив противника на западном берегу реки Хафель, части 61-й армии продвигались к Эльбе в чисто американском стиле, то есть не встречая организованного сопротивления, и прошли за день 35 км.

Бои по уничтожению противника в лесах юго-западнее Потсдама продолжали вести части 125-го СК, попутно ликвидировавшие окруженную в районе Кладова немецкую группировку. Эти же советские части усиленно попытались очистить от немцев район пресловутого Пихельсдорфа, где периодически просачивались на запад посланцы из бункера рейхсканцелярии.

Частям 125-го СК оказывали активное содействие 3-й БАК и 9-й ШАК 16-й ВА. 108 бомбардировщиков с 10.30 до 13.30 наносили мощные удары по группировке войск 12-й армии. На

фронте этой армии продолжались тяжелые бои и в Бранденбурге, в результате которых советские войска очистили от немцев северо-западную часть города до реки Хафель.

В течение 30 апреля остатки 9-й армии, не считаясь с большими потерями, продолжали пробиваться на запад. Весь этот день в районе восточнее Вендиш – Бухгольц – Куммерсдорф – Шеневейде продолжались ожесточенные бои с остатками окруженной немецкой группировки.

Боевые действия советских войск по уничтожению этой группировки протекали в чрезвычайно сложной обстановке. Немцы, доведенные безнадежностью своего положения до полного отчаяния, атаковали всюду, где им представлялась хоть малейшая возможность просочиться на запад. Местность, где развивались эти события, способствовала скрытности боевых действий противника. Поросшая лесом, изобилующая озерами и реками, она затрудняла наблюдение и помогала навязыванию ближнего боя.

Наличие большого количества соединений из различных армий двух фронтов, принимавших участие в боевых действиях на участке прорыва и не имевших между собой прямой связи, крайне затрудняло организацию четкого взаимодействия. Все эти организационные неурядицы можно смело отнести к недоработкам высшего советского военного командования, которое не сумело заставить командование 1-го БФ и 1-го УФ навести нужное взаимодействие при ликвидации прорыва частей 9-й армии на запад. Вероятно, все командные инстанции Красной Армии были увлечены скорейшим взятием Берлина и потому уделили недостаточно внимания организации разгрома окруженной группировки немцев, считая, наверное, что та уже не представляла большой опасности для войск, ведущих бои в Берлине.

Советское командование, располагая превосходящими силами, действовало чисто импровизационно, просто затыкая дыры при прорыве неплотного внутреннего фронта окружения частями, находящимися под рукой. Время для организации единого командования, которое руководило бы разгромом остатков живучей 9-й армии, в динамике боевых действий было упущено, а потом было уже поздно принимать радикальные меры для решения этого вопроса.

В ночь на 30 апреля немцы перебросили через «горловину» в районе Мюккендорфа в лес восточнее Куммерсдорфа часть своих сил. С рассветом, после интенсивного артналета, они возобновили ожесточенные атаки в западном направлении на Шперенберг. Создав на узком участке значительное численное превосходство, снова продемонстрировав умение маневрировать в сложной ситуации, немцы сбили охранение 117-й Гв.СД и части 71-й МехБр. Они вновь продвинулись за день еще на 10 км к западу, где были остановлены главными силами 117-й Гв.СД, наступавшей из района Луккенвальде на восток.

Войска 3-й, 69-й и 33-й армий 1-го БФ 30 апреля добивали окруженную немецкую группировку в районе Вендиш – Бухгольц, продолжая очистку лесов от разрозненных групп противника. К 17.00 ликвидация этой части 9-й армии была завершена.

По сведениям, приведенным командующим 16-й ВА генерал-полковником Руденко, итоги боев в этом районе юго-восточнее Берлина были таковы. Немцы потеряли 9000 убитыми, 86 танков и штурмовых орудий, 209 орудий и минометов, 185 пулеметов, 270 автомашин и бронетранспортеров. В плен были взяты 40 895 немецких солдат и офицеров. Длинный хвост группировки 9-й армии был наконец отрублен.

Но далеко не везде события для советских войск развивались столь успешно. Части 96-й и 50-й Гв.СД, наступая в северном направлении, встретили упорное сопротивление и продолжали вести бои на рубеже северная окраина Барута – Мюккендорф. Части 395-й СД, наносившие удар на Шперенберг, не смогли продвинуться севернее Куммерсдорфа. Частям 54-й Гв.СД, наступавшим на юго-запад в направлении Барута, не удалось перерезать «горловину котла» в районе Цейпа.

Однако 280-я СД, выдвинутая из района Ютербога, к исходу 30 апреля вышла на рубеж Шеневейде – Готтов и приостановила распространение противника на юго-запад. Попытки немцев атаками в северо-западном направлении расширить участок прорыва были к 20.00 отражены контратаками 63-й Гв.ТБр в районе Треббин – Нойендорф. Те же задачи решали части 61-й СД и 71-й МехБр, ведшие ожесточенные бои с противником в районе юго-западнее Шеневейде фронтом на юг.

К концу дня 30 апреля общая протяженность прорывавшейся группировки немцев достигла 30 км. Один «котел» в районе

Вендиш – Бухгольц, как говорилось выше, был ликвидирован. Такая же участь постигла и значительную часть группировки, окруженной в лесах восточнее Куммерсдорфа. Она была разгромлена войсками 3-й Гв.А, 28-й и 13-й армий и 4-й Гв.ТА. Часть этой немецкой группировки к исходу дня оказалась расчлененной на отдельные группы, потерявшие связь между собой. Началась их массовая сдача в плен. В тот день только войсками 1-го УФ было захвачено 24 000 пленных.

За пределами Берлина Дениц понемногу начал вступать в свои новые права. В 22.15 30 апреля, то есть через три с половиной часа после получения радиограммы от Бормана, которые, вероятно, были потрачены на обдумывание ходов, адъютант гросс-адмирала капитан-цур-зее Людде-Нейрат связался по телефону с адъютантом Йодля подполковником Брудермюллером и передал просьбу Деница, чтобы Кейтель и Йодль прибыли в Плён со всеми необходимыми документами для руководства войсками. Для Кейтеля прозвучал первый звонок, поскольку сначала обратились не к нему, а к Йодлю. Конечно, адъютант Деница сообщил руководителям вермахта и причину вызова: *«Фюрер назначил гросс-адмирала своим преемником. Приказ о назначении передан по радио, радиограмма получена из Берлина в 18.35»*.

По словам Деница, вечером 30 апреля его адъютант связался по телефону также и с Гиммлером и передал ему предложение гросс-адмирала приехать в Плён, но получил резкий отказ. Похоже, рейхсфюрер был оскорблен подобной формой обращения через адъютанта. Позднее Дениц сам позвонил Гиммлеру, и только тогда тот дал согласие на приезд в Плён, где он и появился около 24.00, но быстро уехал уже примерно в 01.00 1 мая. Кейтель в мемуарах подтвердил его приезд в Плён.

Дениц в своих мемуарах объяснил причину вызова Гиммлера: *«Прежде всего я хотел добиться ясности с Гиммлером. Его поведение во второй половине того дня, когда пришла телеграмма с назначением, показало мне, что он рассчитывает на пост главы государства. Это было для меня опасным. Он все еще повсеместно располагал боевыми силами, в то время как у меня не было никаких»*. Гросс-адмирал не собирался сотрудничать с рейхсфюрером, но хотел, вероятно, продемонстрировать ему документ о своих полномочиях.

Гиммлер явился в Плён в сопровождении шести вооруженных офицеров СС. При встрече Дениц показал гостю радиограмму из Берлина. Гиммлер, прочитав ее, сильно побледнел. Он был страшно удивлен и потрясен, но быстро взял себя в руки и попросил Деница: *«Сделайте меня вторым человеком в вашем государстве»*. Получив отказ, он несолоно хлебавши покинул ставку нового рейхспрезидента.

После этой малоприятной для обоих деятелей Третьего рейха сцены Дениц был уверен, что *«было предупреждено насильственное сопротивление моим мерам по укреплению внутреннего порядка...»*. Рейхсфюрер получил нокаутирующий удар, от которого он уже не смог оправиться. Для него все было кончено... Единственным плюсом для Гиммлера было то, что Дениц, чувствуя шаткость своего положения, не решился арестовать грозного эсэсовца, которого все еще побаивался.

У «трона» Деница появился также и новый главнокомандующий люфтваффе фон Грейм, которому пришлось ради этого отложить отлет на юг к своему штабу. Новоиспеченный фельдмаршал, не имея под рукой никакой вооруженной поддержки, тоже не торопился выполнить приказ умершего фюрера об аресте еще весьма влиятельного предводителя СС. Он только попытался призвать к ответу Гиммлера, который позднее признавал, что фон Грейм высказал ему *«упреки»*!

Вечером 30 апреля Кейтель и Йодль послушно прибыли в Плён на совещание к Деницу, где также присутствовал и фельдмаршал Буш, который с 15 апреля командовал группой войск «Северо-Запад». У Кейтеля, которому была показана радиограмма Бормана, состоялся длительный разговор с Деницем о безнадежном военном положении Германии. Потом фельдмаршал вернулся в свой штаб в Нойштадте. Трудно сказать, насколько он был вдохновлен встречей с новым правителем Германии, который вряд ли мог выправить положение, в каком оказались немецкие вооруженные силы на всех фронтах. В центре Германии отступать немцам было уже некуда.

Немецкие военные руководители в осажденном Берлине понимали неотвратимость поражения и необходимость срочной капитуляции во избежание полного уничтожения своих войск. В противовес им политическая верхушка все еще пыталась в полном цейтноте авантюрно играть судьбами миллионов людей

«на падающем флажке», заставляя военных содействовать им в этих начинаниях.

В Берлине немцы, выполняя план своего руководства, попытались вступить в переговоры с советским командованием. В различных источниках, как всегда, царит полнейшая разноголосица в описании одних и тех же событий. Восстановить цельную картину этих немецких попыток вести переговоры до сих пор никто не попытался.

После изучения различных материалов вырисовывается следующая картина произошедших событий. Первоначально на участке 1050-го СП 301-й СД появилась группа немецких парламентеров: полковники фон Дуфвинг и Герман, подполковники Зейферт и Эдер, переводчик обер-лейтенант Зегер и сопровождавший их солдат. У них был и мандат на ведение переговоров, подписанный Геббельсом. Тем не менее парламентеры были отправлены восвояси, так как командир 301-й СД генерал-майор Антонов, прибывший на КП полка, получил приказ командующего 5-й УА генерал-полковника Берзарина: *«Не вступать в переговоры!»*

После этого боевые действия на этом участке возобновились. Потом в войска вновь поступил приказ о прекращении огня. В 17.00 30 апреля немцы повторили попытку вступить в контакт с командованием Красной Армии. В расположение 1050-го СП опять прибыла вышеозначенная группа немцев, к которой добавился советник министерства пропаганды Хейнерсдорф. На этот раз они принесли с собой открытый пакет с документами, удостоверяющими их полномочия, а также второй пакет для маршала Жукова.

По утверждению члена ВС 5-й УА генерал-лейтенанта Бокова, советник Хейнерсдорф заявил, что Геббельс и Борман уполномочили их вести переговоры с советским командованием. Последовал вопрос комдива Антонова: *«Полномочия вести переговоры о безоговорочной капитуляции?»* Подполковник Зейферт на это ответил отрицательно и заявил, что им поручено договориться лишь о приеме генерала Кребса советским командованием.

Тут, вероятно, чтобы продемонстрировать организующую роль партии, подал голос и начальник политотдела 301-й СД полковник Коломыйцев: *«А почему направляют только третью*

или четвертую фигуру из немецких военачальников, представителя только одного рода войск? Что, не могли Кейтеля направить?» Свое недомыслие он в этом случае четко продемонстрировал, так как было ясно сказано, что немцы пришли говорить отнюдь не о капитуляции. Последовал ответ немцев непонятливому политработнику, что фельдмаршал уехал из Берлина еще 25 апреля. Вопросы продолжались: *«А где Йодль?»* Ответ: *«Тоже уехал!»*

К разговору подключился и начштаба 301-й СД полковник Сафонов, который импровизировал – что, мол, остался лишь генерал-майор Кребс? Он тоже ярко показал свою эрудицию, перепутав звание начальника ОКХ. Увы, оказалось, что советские полковники слабо ориентировались в том, кто есть кто в вермахте.

Генерал-майор Антонов, естественно, доложил об этом «втором пришествии» командиру 9-го СК генерал-лейтенанту Рослому. Тот, в свою очередь, проинформировал о прибытии парламентеров Военный Совет 5-й УА, заявив, что одну группу уже отправили назад. Командующий армией генерал-полковник Берзарин хотел посоветоваться по столь важному вопросу с командующим фронтом.

Однако член ВС 5-й УА генерал-лейтенант Боков заявил командарму, что для этого нет оснований, так как, мол, есть только устные заявления парламентеров, которые нуждаются в проверке. Он посоветовал отправить немцев назад от греха подальше. Берзарин, памятуя, видимо, о том, с каких военно-политических высот был спущен к нему в армию Боков, который ранее был военкомом генштаба и регулярно встречался со Сталиным, не стал спорить и согласился с его авторитетным мнением.

Превысил ли Боков свои полномочия? Вряд ли. Он просто еще раз доказал свою весомость и политическую осторожность, отказавшись втянуться в сомнительное мероприятие при неясной позиции руководства. Данный эпизод, с другой стороны, показал и очевидную слабость командарма Берзарина. Тот приказал генералу Рослому: *«Коль не дают согласия на капитуляцию – без промедления отправьте группу обратно»*. Он посоветовал комкору не втягиваться в переговоры, а продолжать боевые действия. Вечером Берзарин даже дал указание генералу Рослому о захвате живьем оставшихся «фашистских главарей».

Немцы, получив приказ о возвращении, выражали свое недовольство, а полковник фон Дуфвинг вообще грубо ругался. Его можно понять, поскольку он уже во второй раз безрезультатно переходил линию фронта. Кому же приятно бесполезно бродить туда-сюда под огнем. Он попросил дать ему катушку телефонного провода на всякий случай, ушел назад и, конечно, попал под обстрел своих же солдат.

Чуть позже фон Дуфвинг уже в третий раз перешел линию фронта и принес письмо от генерала Бургдорфа с извинениями за обстрел и обещанием *«не нарушать условия прекращения огня»*. Инцидент с обстрелами немцы объяснили тем, что не все защитники Берлина (французы, испанцы и другие волонтеры), оказывается, хорошо знали немецкий язык.

Видя непроходимое упрямство русского командования на указанном участке, немцы попытались вступить в переговоры в полосе 8-й Гв.А. И это им удалось!

К исходу 30 апреля части 35-й Гв.СД захватили станцию метро на Лейпцигерплатц, очистили от противника эту площадь и вышли к Фоссштрассе. Отдельным штурмовым группам даже удалось проникнуть в здание рейхсканцелярии и завязать бой на первом этаже. Неожиданно в полосе действий 2-го батальона 102-го Гв.СП немцы прекратили огонь.

По словам начальника оперативного отдела штаба 35-й Гв.СД майора Посунько, исполнявшего в то время обязанности начштаба, в 22.40 с НП 102-го Гв.СП по телефону поступил доклад о том, что бойцы на переднем крае слышат голос немца со стороны Фоссштрассе, который просит прекратить огонь и принять парламентеров. Майор взял на себя ответственность за отдание приказа о прекращении огня. Он приказал также усилить наблюдение за противником и приготовиться к встрече парламентеров, доложив о своих действиях командиру дивизии полковнику Смолину. Последний распорядился отправить в полк заместителя майора Посунько майора Белоусова.

После прекращения огня около 23.30 на участке 2-го батальона 102-го Гв.СП – на стыке с 1050-м СП 301-й СД – появился немецкий офицер с белым флагом. Прибыв на НП, парламентер попросил доставить его в вышестоящий штаб для передачи пакета на имя советского командования. Доставленный в штаб дивизии представился начальником боевого участка

центрального сектора обороны города подполковником Зейфертом. Он предоставил комдиву и начштаба 4-го Гв.СК полковнику Лебедю, прибывшему для встречи парламентера, письменные полномочия на русском и немецком языках, подписанные Борманом. В документах указывалась и цель прибытия Зейферта: вести переговоры по вопросу установления места и времени перехода линии фронта начальником ОКХ генералом Кребсом *«для передачи особо важного сообщения»*.

Полковник Лебедь, естественно, тут же доложил о произошедшем своему командарму Чуйкову, который, получив разрешение Жукова, дал согласие принять Кребса. Содержание решения командарма было передано Зейферту, который сообщил, что Кребс появится через полтора часа после того, как подполковник возвратится к своим. После окончания беседы начальник разведки 35-й Гв.СД подполковник Городный доставил Зейферта под охраной двух бойцов на передний край, где тот благополучно пересек линию фронта и удалился восвояси.

Таким образом, генерал Чуйков оказался более дальновидным, чем его коллега Берзарин, и не побоялся принять парламентеров. Конечно, характер у Чуйкова был круче, чем у Берзарина. Поэтому и член ВС 8-й Гв.А не мог давить авторитетом на известного военачальника, который сам до 1942 г. исполнял ответственные дипломатические поручения Сталина, будучи военным атташе в Китае. А Восток, как известно, – дело тонкое, требовавшее незаурядной выдержки, изворотливости и хитрости. Своим решением о приеме парламентеров герой Сталинграда продемонстрировал незаурядные дипломатические таланты и, не оплошав на завершающей стадии войны, вошел в историю с этим эпизодом.

А Бокову и Берзарину оставалось потом лишь кусать локти! Еще одна яркая иллюстрация того, что надо жить своим умом. Хотел же ведь Берзарин доложить Жукову, но поддался давлению дутого авторитета своего члена ВС...

Так подходил к концу один из самых беспокойных для советского командования дней боев в Берлине, окрашенный красками начинавшейся дипломатической игры со стороны немцев, уже проигравших свое последнее сражение.

Поздней ночью 30 апреля в штабе 1-го БФ маршал Жуков пребывал в тяжелых раздумьях. Что и как сообщить Верховному

о важных событиях прошедшего дня в Берлине? Вероятно, Жуков рассчитывал, как водилось в СССР, приурочить окончание боев в столице Третьего рейха к празднику 1 Мая и порадовать вождя хорошим известием, о котором можно было бы объявить на первомайском параде. Но, увы, не получилось. Пришлось докладывать о том, что есть.

Диалог маршала с Верховным получился такой:

«Жуков: Мы подготовили подарок нашему народу. Хотим порадовать его к пролетарскому празднику...

Сталин (перебил Жукова): Какой подарок?

Жуков: Наши войска ворвались в рейхстаг (зная ложность своего прежнего доклада, он ожидал недовольства и упреков)».

Но в ответ последовало:

«Сталин: Позже сообщим. Не подгоняйте штурм к празднику. Не надо спешить там, на фронте. Некуда спешить. Берегите людей. Один, два, несколько дней не играют теперь для нас большой роли...»

Сталин еще посетовал, что Жуков не вовремя разбудил его, так как завтра рано утром парад на Красной площади и ему необходимо выспаться.

Можно себе представить, как был ошарашен этой тирадой Верховного маршал Жуков! Вот это артист! Сам же недавно только и делал, что подгонял своих командующих, а теперь: *«Некуда спешить. Берегите людей!»* Да, не удалось Георгию Константиновичу порадовать вождя. Не успевали высшие командиры Красной Армии за полетом творческой мысли своего Верховного Главнокомандующего.

Для подобных высказываний «вождя народов» нужны были веские причины, осмыслить которые маршалу Жукову было не дано в силу его прямолинейности и стандартного образа мышления. Сталин перестал понукать свои войска, так как понимал, что союзники уже не имели возможности сунуться в Берлин и его престижу победителя уже ничто более не угрожало. Да и весомый политический капитал тоже нажит. Теперь и людей можно было поберечь. Мало ли что... Вдруг и дальше могут пригодиться...

Глава 19
Бои за рейхстаг

30 апреля

При описании боев в Берлине невозможно обойтись без освещения событий, произошедших при овладении одним из своеобразных опорных пунктов обороны города – рейхстага.

До последнего времени отсутствовали официальные источники, в которых бы подробно и правдиво были описаны бои в районе рейхстага. Изданная в 2006 г. книга журналиста Ямского «Кто брал рейхстаг», прославившегося своими «убойными», но малоубедительными и нашпигованными ошибками статьями в газете «Совершенно секретно», тоже не может дать полноценного ответа на многие вопросы.

Удивляет и нежелание советских военных историков поподробнее описать это важное событие – штурм рейхстага, один из самых героических эпизодов взятия Берлина. В ряде работ просто повторяются лубочные картинки при описании произошедших событий. Факты брались или из политдонесений, составленных в духе воспевания своих подразделений и командиров, или из сообщений военкоров, черпавших информацию в штабах, далеко отстоявших от места событий и искажавших картину происходившего по мере сил.

В мемуарах крупных военачальников описание событий давалось крупными мазками, не дававшими возможности рассмотреть ряд важных эпизодов. В отдельных мемуарах повторялась насквозь лживая официальная версия штурма рейхстага. Правдивость описания событий зачастую возрастала по мере удаления очевидца от крупных КП и штабов. В советские времена сказывалось всеобъемлющее давление, оказываемое на мемуаристов политорганами Советской Армии, стремившимися подать события исключительно с партийной точки зрения, в нужном аспекте и под нужным ракурсом.

Только после скрупулезного сопоставления описания событий, связанных со штурмом, в официальных работах, мемуарах генералов, офицеров и рядовых участников событий (у последних правды, естественно, было побольше, чем у их начальников, обуреваемых желанием поскорее доложить о победе) можно наконец-то попытаться дать картину событий в приемлемой

степени приближения к тому, что происходило на Кенигсплатц и в ее окрестностях 30 апреля – 2 мая, не сбиваясь на лубочный жанр.

Конечно, полностью и всесторонне описать эти события вряд ли возможно, так как практически отсутствуют свидетельства с противоположной стороны. Вероятно, почти никто из немцев не был заинтересован в описании этой печальной для них страницы истории войны. Хотя поражение 6-й армии в Сталинграде было описано многими авторами. А тут гробовое молчание... Возможно, под обвальным грохотом рушившейся громады Третьего рейха шум боев в районе рейхстага был для немцев не столь громким?

Для русских же бои за рейхстаг – это завершение боев за Берлин, акт долгожданной победы над нацизмом, символичный в чем-то. Подкупает бескорыстное стремление простых солдат и офицеров, показавших в боях беспримерный героизм, одержать победу над отчаянно сопротивлявшимся врагом. Не жалевших своей жизни даже в последние часы боев в Берлине и добивавших врага в его так называемом логове, под которым многие из них и подразумевали рейхстаг.

Все это резко контрастировало с неповоротливостью ряда генералов и старших офицеров, стремившихся выслужиться перед Верховным, страшно завидовавших друг другу, направлявших «наверх» лживые донесения о еще не достигнутых успехах, торопливо составлявших безграмотные победные приказы. Удивляет и нежелание подобных «отцов-командиров» считаться с жизнями солдат при установке пресловутых флагов. Конечно, прошедшее с тех пор время сгладило многое, но далеко не все...

При описании боев за рейхстаг пришлось несколько отступить от хронологического изложения произошедших событий, поскольку бои начались в этом районе 30 апреля, а закончились уже 2 мая. Это отступление сделано для того, чтобы не нарушать целостности картины.

Конечно, здание рейхстага являлось одним из важных опорных пунктов в системе центрального сектора обороны Берлина. Оно расположено в северо-восточном углу парка Тиргартен, на южном берегу Шпрее. С севера, северо-востока и запада подступы к нему прикрывались массивными зданиями министерства внутренних дел (так называемый «Дом Гиммлера») и зданием

Кролль-оперы, а с востока – зданиями у Бранденбургских ворот. Подходы к рейхстагу простреливались огнем многочисленной зенитной артиллерии, в том числе и с двух башен ПВО. На единственном уцелевшем мосту через Шпрее – мосту Мольтке – были сооружены две баррикады, находившиеся под многослойным артиллерийско-минометным огнем. Парк Тиргартен был завален срубленными деревьями, загроможден разбитыми машинами, изрезан многочисленными траншеями.

Само здание рейхстага было приспособлено к круговой обороне и оборонялось гарнизоном, численность которого, по данным советской разведки, составляла около тысячи человек. По этим же «достоверным данным», основу гарнизона составляли курсанты морской школы из Ростока, что, конечно, не соответствовало действительности.

Слово «рейхстаг» было практически у всех на устах. После войны маршал Жуков очень неохотно отвечал на вопрос о том, откуда появилась идея сделать рейхстаг главной целью советских войск при штурме Берлина. Он ссылался на то, что войска должны были иметь *«заметную цель»*. Это и стало определяющим при выборе главной цели атаки, одобренной самим Сталиным. Так проявилась «решающая и определяющая» роль партии.

Довод Жукова, вероятно, имел определенный смысл. В горящем, задымленном городе, в путанице похожих полуразрушенных улиц громадное здание с куполом и четырьмя башенками по углам не могло остаться незаметным.

Политработники трактовали идею взятия рейхстага и обязательного водружения над ним знамени несколько иначе. Вот как отвечал на вопрос командира 150-й СД генерал-майора Шатилова о рейхстаге его замполит полковник Артюхов, вернувшийся с совещания политработников, организованного членом ВС 3-й УА: *«Как-никак, а рейхстаг – символ германской государственности. Даже при фашизме»*. Чувствуете разницу? Жуков подчеркивал военный аспект предстоящих боев действий, а политработники – политико-идеологический.

Особого военного значения рейхстаг не имел. В немецком плане обороны Берлина он особо не упоминался, а его гарнизон составляли обычные части. Не было здесь и центра управления войсками. Этот оборонительный объект был просто использован советской пропагандой как политический символ.

После пожара, произошедшего в здании рейхстага в 1933 г., национал-социалистический парламент заседал в соседнем здании оперы Кролля. Именно там произносились многие зажигательные (поджигательские) речи Гитлера. В рейхстаге же оставалась только обширная библиотека.

Можно констатировать, что многочисленные концентрические атаки на «объект 105» привели ко многим лишним жертвам. Многим советским воинам вбили в голову: возьмем рейхстаг – и конец войне! Поэтому можно понять порыв простых солдат и офицеров, которые через плотно простреливаемое пространство, прикладывая невероятные усилия, рвались к этому решающему для них рубежу. Ведь рейхстаг, как ранее Зееловские высоты и другие номерные объекты Берлина, должен был быть взят любой ценой...

Мысль о рейхстаге не выходила из головы начштаба 3-й УА генерал-лейтенанта Букштыновича. Он не только сам жил этой мыслью, как утверждал его заместитель начальник оперотдела штаба полковник Семенов, но сумел внушить эту идею штабным офицерам и командарму генерал-полковнику Кузнецову. Всю свою энергию бывший арестант 37-го года отдавал достижению этой цели.

По заранее разработанному штабом фронта плану 3-я УА имела вначале задачу наступать на северные пригороды Берлина. Центр города должны были штурмовать части 5-й УА и 8-й Гв.А. Обе они двинулись на Берлин с востока кратчайшим путем. Но как зачастую бывает, этот короткий путь оказался не самым оптимальным. Прямо как в тексте юмористической песенки из к/ф «Айболит-66»: *«Нормальные герои всегда идут в обход...»*

3-я УА продвинулась вперед быстрее других. Она вообще могла бы «проскочить» мимо центра Берлина на запад, если бы не Букштынович, который еще в начале боев за имперскую столицу начал планомерно проводить в жизнь свою идею. По его инициативе части 79-го СК повернули сначала на юго-восток, потом – на юг, а затем – на восток. Следом за ними, описывая крутую дугу, поворачивали и остальные соединения армии.

Этот маневр можно оценить как смелый и целесообразный, так как части 3-й УА теперь наступали на центр города с запада, откуда их меньше всего ждали. Естественно, и укреплений здесь

было меньше, а для защиты этого направления немцам пришлось срочно перебрасывать свои части из других районов.

Даже после того как армия повернула на центр Берлина, рейхстаг все же не входил в полосу ее действий. Согласно установленной разгранлинии, брать его должна была 5-я УА. Однако создавшаяся обстановка внесла коррективы в эти планы советского командования. Причина была одна: войска 3-й УА наступали успешнее других. Дивизии 79-го СК уже вечером 28 апреля вышли на северный берег излучины реки Шпрее, против железнодорожных путей Лертерского вокзала. Противоположный берег реки был полосой наступления другой армии – 5-й ударной, но она на тот момент отстала.

Заручившись поддержкой командарма Кузнецова, его начштаба Букштынович позвонил в штаб 1-го БФ, добиваясь разрешения наступать на рейхстаг через Шпрее. Командование фронта приняло разумные доводы Букштыновича и согласилось с его предложением.

В эти дни командарм 3-й УА генерал-полковник Кузнецов неотлучно находился на КП 79-го СК, на участке которого развивались главные события. Остальные корпуса этой армии наступали значительно медленнее. По утверждению начальника оперотдела штаба армии полковника Семенова, командир и штаб 79-го СК мастерски управляли своими войсками. Они сумели отлично организовать взаимодействие различных родов войск. Непрерывно велась разведка противника, что обеспечивало поступление необходимой информации во все звенья управления.

По мнению Семенова, в успехах корпуса важную роль играл его командир, генерал-майор Переверткин. Он оценивал комкора как умелого, авторитетного руководителя. Опыт и знания сочетались у того с выдающимся личным мужеством. Даже внешний вид генерала располагал к себе: приятное лицо, высокий лоб, ясные и живые глаза, обаятелен. Переверткин имел хорошую строевую выправку, любил подтянутых, исполнительных офицеров и терпеть не мог людей неряшливых и недисциплинированных. Проявляя большую требовательность как к себе, так и к подчиненным, он был очень общительным и доступным. Будучи всегда корректным и вежливым, комкор не стеснялся крепко пробрать своих подчиненных за совершенные проступки.

И вот что отмечал полковник Семенов: доклады генерала Переверткина в штаб армии всегда отличались объективностью. Ну как вам нравится портрет одного из главных героев завершающих боев в столице Германии? Насколько он соответствовал действительности, можно будет убедиться несколько позднее.

Штаб 1-го БФ пристально следил за ходом событий в районе рейхстага. Начштаба фронта генерал-полковник Малинин почти каждый час справлялся по ВЧ, как идут дела. Он предупредил Букштыновича, что донесение о взятии рейхстага надо представить сразу, без малейшего промедления. Тот, живший мыслью о захвате рейхстага, в свою очередь, связался с генералом Переверткиным, который находился на передовом КП вблизи от моста Мольтке.

Букштынович потребовал, чтобы обо всех изменениях в районе рейхстага комкор докладывал лично ему. Полковник Семенов получил приказ непрерывно (!) следить за обстановкой в полосе 79-го СК. Букштынович, предвкушая заветный миг, сам заранее написал проект небольшого донесения о взятии рейхстага, оставив место для того, чтобы проставить время. На узле связи дежурили офицеры штаба подполковники Федотов и Немировский. Надо сказать, что ждать победных докладов им пришлось довольно-таки долго.

Решение командира 79-го СК на 30 апреля было таково: 150-я и 171-я СД штурмом овладевают рейхстагом, а 207-я СД должна была уничтожить противника в здании Кролль-оперы, выйти на южную окраину Тиргартена и соединиться с частями 8-й Гв.А. Во исполнение этого решения 597-й СП А.А. Вознесенского и 598-й СП подполковника Ковязина из 207-й СД к 06.00 переправились через Шпрее. К 09.00 они изготовились к атаке западнее Кенигсплатц и частично отвлекли на себя огонь гарнизона Кролль-оперы.

По сведениям разведки, восточную часть Тиргартена – Кролль-оперу и прилегающие здания – обороняли два саперных батальона, боевые группы «Пельцер-Шеффер» и «Реденат», несколько батальонов фольксштурма, зенитный дивизион, остатки парашютного полка. Каждое здание в этом районе было подготовлено к круговой обороне; здания соединены друг с другом ходами сообщения. К 04.00 30 апреля в руках немцев оставались и окопы между «Домом Гиммлера» и Кролль-оперой.

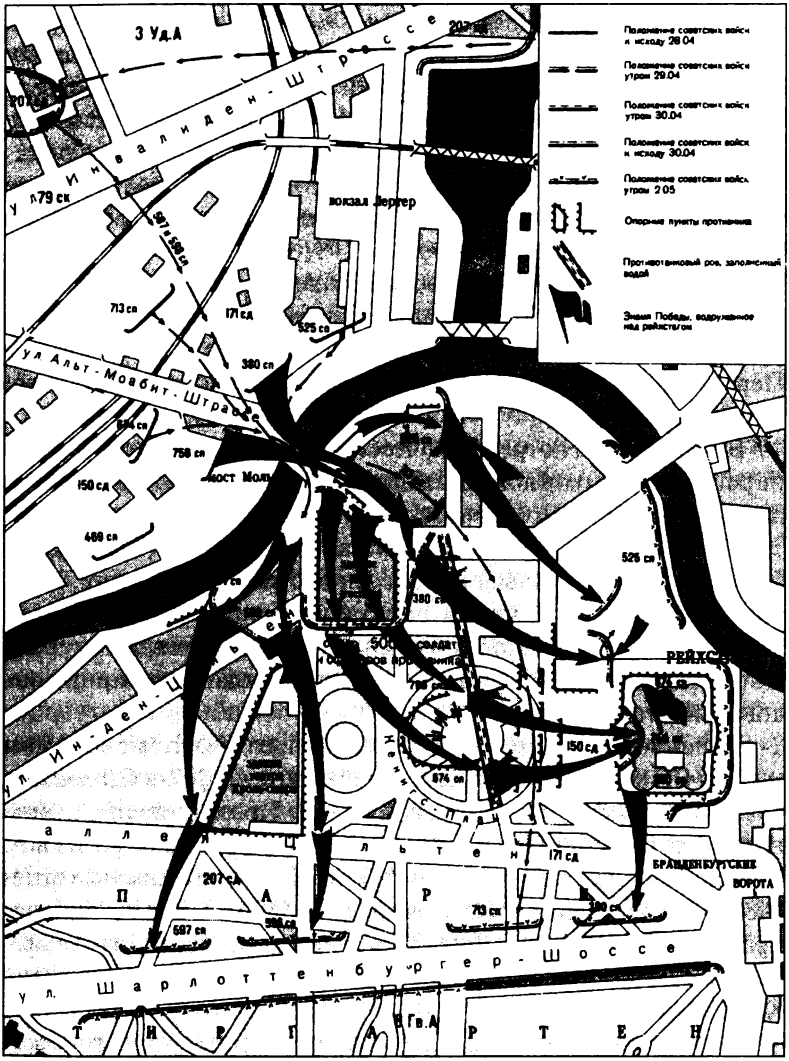


Схема действий советских войск в районе рейхстага 28 апреля – 2 мая 1945 г.

Официально бои за рейхстаг начались днем 30 апреля. Комбат Неустроев в своих наиболее правдивых мемуарах, вышедших в 80-е годы, вспоминал, что его батальон еще в ночь и также утром того же дня пытался прорваться к рейхстагу. Неподготовленные атаки производились по приказу командира 756-го СП полковника Зинченко, который давил на своего комбата. Конечно, Неустроев понимал, что наступать в кромешной тьме, без поддержки артиллерии, не имея устойчивой связи с «соседями», было очень рискованно. Да и люди в его батальоне сильно устали после боя за «Дом Гиммлера». Поэтому первая атака на невидимый объект была сорвана огнем противника.

Ранним утром – в 04.30 – после окончания осмотра площади и еще до полного опознания здания рейхстага Неустроев опять получил приказ о наступлении в сторону *«большого дома»*. Действуй, если, мол, считаешь, что это рейхстаг. В это время туман и дым от горящих зданий затянули все вокруг. С НП 1-го батальона, расположенного в подвале «Дома Гиммлера», было трудно что-либо рассмотреть.

В это время капитан Неустроев ненадолго заснул после предыдущих боев. Поэтому первым рейхстаг опознал в сером здании с куполом, башнями и колоннами адъютант батальона капитан К.В. Гусев. Последний, вероятно, чувствовал себя бодрее комбата после длительного купания в холодной воде Шпрее. Он был сброшен взрывом в реку с моста Мольтке и долго не мог выбраться из воды.

Гусев тут же разбудил командира, который и доложил об опознании атакуемого объекта командиру полка. Полной уверенности, что перед ними рейхстаг, пока не было, хотя Неустроев и сверился с картой. В 05.00 после короткого артналета по рейхстагу батальон Неустроева снова поднялся в атаку, но, не пробежав и пятидесяти метров, роты залегли под шквальным огнем противника – вторая атака, так же, как и первая, захлебнулась.

Вопрос с опознанием «объекта 105» достаточно запутан участниками событий. Никто из них не хотел признаваться в том, что не узнал объект атаки.

Через 15 минут после разговора с Неустроевым полковник Зинченко прибыл на КП батальона, но осматривать рейхстаг предпочел со второго этажа здания «Дома Гиммлера». По его утверждению, спутать рейхстаг с каким-либо другим зданием

было невозможно, так как его фотографии *«после поджога в 1933 г. обошли все газеты мира»*. Поскольку он ранее был политработником, то его словам, вероятно, можно было доверять.

После этого посещения Зинченко ушел к себе на КП, чтобы доложить комдиву 150-й СД Шатилову об увиденном. Тот вроде бы усомнился: *«А вы не ошибаетесь? Ведь я буду докладывать выше и сомнений не должно быть»*. Зинченко, по его словам, заверил комдива, что убедился лично.

Понятно, что Шатилов в своих мемуарах излагал этот эпизод несколько иначе. Он утверждал, что Зинченко не смог сразу опознать рейхстаг и говорил о каком-то здании, закрывавшем его. Шатилов якобы *«пытал Зинченко как школьника»*, просил уточнить расположение «объекта 105» на плане. Тот вроде бы смущенно отвечал, что *«из подвала он нам не показался»*. Шатилов попросил подчиненного быть повнимательнее. Эта сцена выглядит не очень правдоподобно, тем более что ни Неустроев, ни сам Зинченко этого не подтверждали.

В свою очередь, военкор Мержанов писал, что еще утром 29 апреля Шатилов со своего НП на четвертом этаже Лертерского вокзала в дыму и тумане разглядел рейхстаг. По словам самого Шатилова, ему до тех пор не приходилось видеть фотографий или картин с изображением здания германского парламента, а также он не слышал устных описаний. Надо отметить, что в тех условиях продымленный и пропыленный воздух скрывал перспективу, искажая представление о расстоянии.

«Разглядев» в этих сложных условиях здание с бронзовым всадником на куполе и колоннами, Шатилов начал уточнять у артиллеристов, не рейхстаг ли это? После этого Шатилов решил еще уточнить свои впечатления по имевшемуся плану и допросить немецких пленных. А то, мол, чего доброго, *«возьмем что-нибудь не то – сраму не оберемся»*. То есть никакой полной уверенности в том, что перед ним здание рейхстага, у него тоже не было.

Сомнения Шатилова подтвердились потом в разгаре штурма, когда на его КП для опознания здания рейхстага явились очень странные визитеры, видимо, из НКВД. Похоже, что «уверенность» и обвинения Зинченко родились у мемуариста уже после войны. Вероятно, уважаемого генерала подвела память, и он переложил имевшиеся у него сомнения на своего подчиненного.

Это тем более вероятно, когда мы увидим ниже, насколько правдиво генерал Шатилов описывал штурм рейхстага в воспоминаниях, изданных Воениздатом в 1966 г., настаивая на своих «заблуждениях» весны 1945 г.

Неустроев в различные годы тоже по-разному излагал суть произошедших событий. Но он правильно изложил восприятие простыми офицерами понятия «рейхстаг». Он представлялся советским командирам каким-то необыкновенным: обязательно огромным, черным и страшным, как дворец сказочного Кощея Бессмертного. А тут какое-то серое трехэтажное, считая цокольный этаж, здание. Поэтому и закрадывались сомнения в головы советских офицеров. Тем более что за этим серым зданием, метрах в двухстах, виднелся громадный многоэтажный дом, из которого валил черный дым. Именно Зинченко убедил своего комбата Неустроева в том, что серое здание и есть рейхстаг. Все это последний и подтвердил в своих мемуарах, первый вариант которых увидел свет в 1965 г.

Из всех этих разночтений можно сделать один вывод, что советские командиры были плохо знакомы с важными объектами своих атак в центре Берлина. Разногласия процедуры опознания здания рейхстага – это следствие как ошибок памяти фронтовиков, так и их неистребимое желание приукрасить свою роль в исторических событиях победной весны.

Что же можно было увидеть на Кенигсплатц при свете наступающего дня? Здание рейхстага представляло собой прямоугольник размером 60×100 метров. Его окна 3×7 метров были заложены кирпичом, а в них виднелись небольшие амбразуры. У здания было четыре входа, главным из которых был западный. Входные двери не были забаррикадированы. Внутри здания было более 500 различных комнат и помещений.

Перед фасадом рейхстага проходили две траншеи, соединенные ходами сообщения. В них были выполнены бетонные пулеметные площадки, а в угловых секторах – железобетонные доты. На закрытых позициях находилось пять артиллерийских батарей. На прямую наводку были установлены четыре батареи 105-мм орудий и несколько батарей 88-мм зенитных орудий. Непосредственно у главного входа стояло 18 зениток, на стволах которых было до 22 белых полос, по числу сбитых ими самолетов. Вдоль западного фасада было закопано несколько танков.

По сведениям разведки, оборону рейхстага осуществляли остатки нескольких батальонов фольксштурма, сводный батальон эсэсовцев, группы летчиков, пехотинцев и моряков общей численностью около тысячи человек.

Стены рейхстага были изрядно побиты осколками снарядов и пулями. От скверов и газонов на Кенигсплатц не осталось и следа. Площадь была сплошь изрыта воронками от взрывов бомб и снарядов, загромождена разбитыми и обгоревшими автомашинами, орудиями, танками и бронетранспортерами. На пути атакующих лежали различные обломки, груды щебня и завалы.

Кроме того, в 300–350 метрах (по другим данным – в 250) западнее рейхстага площадь пересекал ров, облицованный железобетонными плитами и наполовину заполненный водой. Он являлся частью трассы метрополитена, строившейся открытым способом. За рвом была еще и насыпь. Мосты через ров, выполненные в виде деревянных настилов на металлических балках, были разрушены, делая его достаточно серьезным препятствием для советских войск.

Шатилов отмечал, что ров *«крепко беспокоил командиров полков»*, так как был достаточно широк и глубок. Генерал знал, что мостики через него почти не уцелели. Остались в основном балки и трубы. Комполка Зинченко, наоборот, отмечал, что этот ров и насыпь стали для его бойцов прикрытием и удобной исходной позицией для атаки. Кто же тут прав? Возможно, правильный ответ лежит где-то посередине...

Правее рейхстага были видны Бранденбургские ворота, до которых от «Дома Гиммлера» было около 600 метров. В этом районе были замечены закопанные в землю танки и пулеметные точки под железобетонными колпаками. Левее рейхстага, примерно в 500 метрах, за излучиной Шпрее располагался квартал иностранных посольств, где тоже было отмечено наличие танков и штурмовых орудий. Справа от «Дома Гиммлера», на расстоянии до 600 метров, на южной окраине Тиргартена, были установлены три зенитные батареи (18 орудий), приспособленные для стрельбы по наземным целям.

Немцы в этом районе вели себя достаточно активно. Около 07.00 они внезапно открыли огонь по позициям 2-го батальона 756-го СП. Одновременно из посольского квартала начали выдвигаться до десяти танков и САУ. Под прикрытием их огня

из-за северной части рейхстага высыпали до двух батальонов пехоты и контратаковали советские войска, пытаясь отбросить их к мосту Мольтке. Вероятно, немцы хотели отсечь русских от Шпрее и прорваться к «Дому Гиммлера». Они демонстративно атаковали в полный рост, ведя плотный огонь из автоматов. Поскольку атакующие были в мундирах черного цвета, их опять приняли за пресловутых моряков.

Одновременно немцы контратаковали со стороны Кролль-оперы и из Тиргартена. Командиры полков отмечали, что они лезли вперед как сумасшедшие. Этот яростный натиск был отбит в течение часа ответными ударами по флангам атакующих. Зажатые в клещи, немцы понесли большие потери, а около 350 человек были взяты в плен. Цена этой отчаянной контратаки была очень высока, уцелели лишь жалкие остатки из тех, кто участвовал в ней. Допрос пленных помог советскому командованию уточнить представление о силах, оборонявших рейхстаг.

К этому времени положение советских войск в районе рейхстага было таково:

– 380-й СП 171-й СД вел бой в квартале северо-восточнее здания МВД, а еще левее наступал 525-й СП этой дивизии;

– 2-й батальон 756-го СП 150-й СД затемно вышел к рейхстагу;

– 674-й СП вел бой в южном дворе здания МВД, а 1-м батальоном прикрывал свой правый фланг со стороны Кролль-оперы;

– 469-й СП располагался широким флангом по северному берегу Шпрее;

– 1-й батальон 756-го СП к 08.00 тоже вышел ко рву.

По официальным данным, поддерживать данные наступления на рейхстаг должны были: шесть батарей 328-го АП, 1997-й ИПТАП, два дивизиона 22-й МинБр, два дивизиона 50-го МинП, 3-й и 4-й дивизионы 86-й ТГАБр, 1-й и 2-й дивизионы 124-й ТГАБр и два дивизиона 136-й АртБр.

Было решено атаковать рейхстаг со стороны западного входа, так как его расположение обеспечивало широкий фронт атаки и полную огневую поддержку. Кто-то из офицеров пошутил, что входить надо через «парадный вход». Наступать на рейхстаг должны были всего два батальона – 1-й батальон 756-го СП и 1-й батальон 674-го СП. Прикрывать их должны были: слева – 2-й батальон 756-го СП, справа – два батальона 674-го СП.

Чтобы проделать проломы в окнах и уничтожить огневые точки, на прямую наводку было решено поставить 89 орудий, около 40 танков и шесть 122-мм САУ. Артиллерийская группа должна была подавить противника у Бранденбургских ворот и в квартале иностранных посольств, окаймлять огнем рейхстаг с востока, не допуская подтягивания резервов, уничтожить зенитную артиллерию в Тиргартене и подготовить неподвижный заградительный огнь на случай новых вражеских контратак.

В то время было отмечено повсеместное стремление командиров всех рангов выдвинуться на НП своих подчиненных, мотивируя это желанием лично наблюдать за полем боя. Командир 79-го СК даже запретил командиру 150-й СД перенести НП в «Дом Гиммлера», так как в этом случае тот утрачивал возможность руководить всей дивизией в целом. Генерал-майор Переверткин совершенно правильно осадил ретивого комдива и напомнил ему о прописных истинах управления войсками в бою.

Учитывая предшествующие неудачи, была проведена определенная подготовка запланированной атаки. К 09.00 на КП полковника Зинченко собрались командиры батальонов и частей поддержки, до которых был доведен план действий. Сюда же было доставлено и знамя ВС 3-й УА. Командир полка с понятным волнением обратился к присутствующим с призывом оправдать доверие. Психологический эффект был достигнут, все, кто был на совещании, с огромной энергией принялись за подготовку к штурму.

Была предусмотрена даже авиационная поддержка силами эскадрильи 519-го ИАП 283-й ИАД (комэск – майор Башкиров), хотя вероятность активных действий немецкой авиации была невелика. Правда, командир 420-го ИПТАП майор Бессараб затем утверждал, что с импровизированного аэродрома на Шарлоттенбургштрассе, находившегося под обстрелом, утром 30 апреля еще взлетали, а также и приземлялись самолеты. Этот факт вызывает сильные сомнения, так как взлетать и приземляться днем, под огнем было крайне проблематично.

Около 10.00 полковник Зинченко выполнил еще одно ответственное поручение высшего командования. Он проинструктировал двух разведчиков, выбранных офицером разведки 756-го

СП капитаном Кондрашовым, – это были Егоров и Кантария. Зинченко поручил им водрузить знамя ВС 3-й УА на рейхстаге. Капитану он поручил сопровождать знаменосцев и войти в рейхстаг вслед за 1-м батальоном. О том, как они выполнили приказ комполка, будет рассказано ниже.

В 11.00 начштаба 150-й СД полковник Дьячков поинтересовался у Зинченко подготовкой к атаке рейхстага. Комполка заверил, что все идет по плану и к 13.00 войска будут готовы к атаке. Артиллерии понатащили столько, что орудия уже некуда было ставить. Приходилось затаскивать их на второй этаж здания МВД, где установили также реактивные установки М-31.

Не остались в стороне и политработники, – они проводили беседы и партсобрания. В «Дом Гиммлера» прибыла и партком миссия во главе с майором Зенкиным для срочного оформления документов всех желавших перед боем вступить в партию. Тут же были и газетчики из дивизионной газеты, которые должны были давать информацию непосредственно из батальонов.

Для организации своевременного водружения флагов на здании рейхстага, а также для помощи атакующим подразделениям, командование 79-го СК решило сформировать две штурмовые группы под командованием опытных боевых офицеров. Командиром одной назначили адъютанта командира корпуса майора М.М. Бондаря. Второй группой командовал старший офицер связи штаба 79-го СК капитан В.Н. Маков.

Бондарь вспоминал потом, что утром 28 апреля его вызвали на КП корпуса, где, кроме командира, находились начальник политотдела полковник И. Крылов, начштаба и штабные офицеры. Комкор официально сообщил адъютанту о формировании для штурма рейхстага двух штурмовых групп по 20 человек каждая. Задача перед ними была поставлена простая: водрузить над рейхстагом первые знамена (размером 1×1,5 метра). Насколько «хорошо» сам комкор представлял себе обстановку, становится ясным из постановки им задачи: *«...на волне общей атаки по возможности скрытно пробиться к рейхстагу...»*

Группа майора Бондаря состояла в основном из добровольцев-артиллеристов 40-й ОПТАБр (1955-го и 1957-го ИПТАП) численностью в 25 человек. В группе капитана Макова было столько же человек – артиллеристы разведдивизионов 136-й АртБр (13 человек) и 86-й АртБр (12 человек). Радисты были из

977-го батальона связи. Макову было приказано действовать в боевых порядках 150-й СД, а Бондарю – в боевых порядках 171-й СД. Первый вспоминал, что задачу ему ставил начальник политотдела 79-го СК полковник Крылов, который обещал участникам штурма из его группы звание Героя Советского Союза за водружение знамени над рейхстагом.

28 апреля сформированные штурмовые группы начали выдвигаться к линии фронта. Оказалось, что добраться до передовых подразделений, ведущих бой, не так просто. В так называемом тылу было полно неуничтоженных мелких немецких групп, засевших в различных зданиях. Продвигаться вперед группам пришлось с боями, иногда даже попадая во временное окружение. Только к вечеру 28 апреля обе группы смогли добраться до передовой.

Неустроев встретил представителей командования корпуса без восторга, так как лишние «контролеры» ему были ни к чему. Только потом, когда комбат увидел с их стороны ощутимую помощь при корректировке артогня, он немного смягчился. Он понимал, что даже такие слабые по составу группы, имеющие к тому же свои задачи, могут помочь при штурме рейхстага его немногочисленному батальону.

Генерал-майор Шаталов в мемуарах утверждал, что в 09.00 и в 11.00 30 апреля по немецким позициям были произведены краткие артналеты для обеспечения прохода танков к «Дому Гиммлера». Неустроев вспоминал, что в 10.00 во время артналета был сбит шпиль над куполом здания рейхстага. Майор Бондарь также называл несколько иное время проведения артналета – в 11.30 – и утверждал, что под его прикрытием некоторые подразделения 150-й и 171-й СД продвинулись до рва, заняв там исходное положение для атаки.

К 12.00 подготовка к штурму была закончена. Генерал-майор Шатилов доложил о готовности к атаке комкору Переверткину и сообщил, что две стрелковые роты 1-го батальона 674-го СП и две стрелковые роты 1-го батальона 756-го СП вышли ко рву. Эту информацию подтвердил и полковник Зинченко.

Немцы пытались помешать началу атаки. В полдень они силами более роты при поддержке огня из рейхстага пошли в контратаку против подразделений 525-го СП, но были отбиты. Тогда немцы изменили направление удара и силами до двух рот

с двумя танками атаковали во фланг 2-го батальона 380-го СП, занявшего исходное положение восточнее «Дома Гиммлера», в том месте, где между советскими частями был разрыв около 200 метров. Эта контратака была также отбита, хотя порой дело доходило до рукопашных схваток.

Надо отметить, что немцы начиная с утра 30 апреля постоянно контратаковал во фланги частей 3-й УА, пытаясь отрезать их от Шпрее. Отсюда стало ясно, что потери централизованного руководства со стороны немцев и отсутствия у них воли к победе не наблюдалось, так как контратаки проводились весьма осмысленно и целеустремленно. Во время отражения этих контратак большие потери понес 380-й СП 171-й СД, которым в то время командовал начштаба полка майор В.Д. Шаталин. В отдельных ротах осталось по 25–30 человек.

Только к концу дня подразделениям полка удалось подойти ко рву, который преграждал путь к рейхстагу. Перед атакой полковник Зинченко, который еще не оправился от последствий ранения и передвигался с трудом, используя костыль, получил печальное известие. Буквально за несколько минут до начала артподготовки ему вручили похоронку на младшего брата. Это был уже его третий брат, погибший на этой войне. Да и шесть его сестер остались вдовами.... Полковник с большим трудом постарался взять себя в руки, чтобы окружающие ничего не заметили. Можно себе представить настрой этого боевого командира перед боем. Понятно, что в своих горестях он был далеко не одинок...

И вот в 13.00 началась артподготовка. Лавина огня и металла обрушилась на немецкие позиции. Огонь вели 89 орудий, в том числе 152-мм и 203-мм гаубицы. Тринадцать залпов произвели гвардейские минометы из «Дома Гиммлера», устроив впечатляющий фейерверк. К ним присоединилась и артиллерия, оставшаяся на северном берегу Шпрее. Вопрос об эффективности этой артподготовки остается открытым. Многие участники штурма утверждали потом, что подавить немецкие огневые точки не удалось. Весь район, примыкавший к рейхстагу, простреливался пулеметным огнем из ближайших зданий, фаустами и артогнем. Полковник Зинченко говорил на конференции, проведенной после войны: *«Наша же артиллерия простреливать его не могла»*.

Танки и самоходки тоже не могли чем-то помочь атакующим, так как немцы быстро подбивали их фаустпатронами, как только те появлялись на площади. Об этом есть свидетельство очевидцев, в частности одного из танкистов 23-й ТБр, которая действовала в районе рейхстага. Танкисты этой бригады двинулись через мост Мольтке только после приказа командующего 3-й УА генерал-полковника Кузнецова.

Один танк послали для разведки возможного подхода к рейхстагу. Чем это закончилось, поведал старший лейтенант Шипов: *«Нужно было проехать мимо дома гестапо* (это был «Дом Гиммлера») *и въехать в первые ворота, ведущие в парк, и по аллее ехать в сторону рейхстага. Посыльный от командующего армией садится на танк как сопровождение. Они впереди, за ними танки батальона. Мы видим, как они проскакивают первые ворота, видимо, не заметив их, движутся дальше ко вторым мимо здания театра Кролль-опера, находящегося в руках у немцев. Вдруг со стороны этого театра выстрел, и танк загорелся сразу...*

Они все выскочили, но, видимо, был пробит бак, они облиты все дизтопливом, в пламени... Вернулся только комвзвода лейтенант Нуянзин, который был в шинели внакидку. Когда танк загорелся, он выскочил, сбросил с себя горящую шинель. Волосы у него горят. Он прямо головой в кювет, наполненный водой, и ползет к нам... Мы, конечно, потом постреляли по театру, но остался неприятный осадок».

Танки роты Шипова вошли в парк уже через первые ворота. Поскольку в парке было много зениток, началась артиллерийская дуэль. Продвинуться ближе к рейхстагу танкистам не удалось из-за траншеи метро, заполненной водой из Шпрее.

Один из комбатов 380-го СП не скрывал неудовольствия тем, что командование корпуса и дивизии форсирует штурм рейхстага в дневное время, не учитывая того факта, что в предыдущих боях потери подразделений составили более 50%. Опытный вояка недоумевал, зачем ради «престижа» посылать атакующих днем на верную смерть. Он вполне обоснованно размышлял: *«Неужели нельзя отложить решающий штурм до позднего вечера, подтянуть резервы, а еще лучше совместно с другими частями под покровом темноты одним ударом закончить здесь войну?»*

Однако командование армии и корпуса не пошло на этот разумный вариант действий, поскольку «наверху» никто не хотел

ждать темноты, а не считаться с солдатскими жизнями высшие командиры хорошо научились за последние годы войны. Забегая вперед, надо отметить, что события развивались потом именно так, как и предлагал комбат 380-го СП.

С началом обстрела рейхстага бойцы 1-й стрелковой роты 1-го батальона капитана В. Ярунова бросились ко рву. Полчаса артподготовки пролетели быстро. В 13.30 в воздух взлетела серия красных ракет, и началась уже третья атака рейхстага. До рва было 250–300 метров – для тренированного бойца полторы-две минуты стремительного бега. Но не успели атакующие преодолеть и пятидесяти метров, как шквальный перекрестный огонь со стороны квартала иностранных посольств и Бранденбургских ворот прижал их к земле. Бойцы залегли в ямах и воронках, за разбитой техникой. По ним били также тяжелые орудия и зенитки из Тиргартена, да и в рейхстаге ожили огневые точки, из которых велся сильный ружейно-пулеметный огонь.

Часть 1-й стрелковой роты капитана Сорокина из батальона Давыдова все же проскочила к объекту атаки, поскольку на их участке ров заканчивался. Бойцы залегли у небольшого домика перед правым крылом рейхстага – это было здание архива. После этого командир 674-го полка подполковник А. Плеходанов для прикрытия своего правого фланга ввел в бой батальон капитана Логвиненко.

Положение атакующих становилось критическим. Была предпринята еще одна попытка поднять бойцов в атаку, но под смертоносным огнем им опять пришлось залечь. Короче, первый общий штурм рейхстага не удался. Закидать немцев шапками опять не удалось, хотя желающих сделать это в штабах было достаточно.

До 15.00 положение атакующих на Кенигсплатц не изменилось. Подавить огонь противника, несмотря на проведенную артподготовку, не удалось. Возникает вопрос, почему же так получилось? Почему атака встретила такое сопротивление противника? Напрашивающееся объяснение: огонь по немецким позициям велся неприцельно и по площадям.

Хотя имеется и другое мнение очевидца – командира взвода 76-мм орудий 469-го СП 150-й СД И.Ф. Клочкова. Он утверждал, что огонь был достаточно точным и что все разведанные и намеченные цели были подавлены. Это было впоследствии под-

тверждено осмотром места боев в рейхстаге и на окружавшей его территории. По словам Клочкова, *«у противника имелись и солидные резервы боевой техники, которые сберегались до последней минуты»*. Они-то, по мнению Клочкова, и пошли в ход, когда началась атака. Видимо, это свидетельствовало о недоработках артиллерийской разведки, да и времени на ее проведение было недостаточно.

В этой сложной ситуации среди военных корреспондентов нашлись смелые люди, которые, рискуя жизнью, пытались разобраться в происходящих событиях. «Правдист» подполковник Б. Горбатов выполз на площадь вместе с ротой лейтенанта Греченкова, который принял его за представителя политотдела. До «канала» Горбатов, правда, не добрался, но он был единственным представителем пишущей братии, наблюдавшим реальную картину боя. Нашелся еще один ухарь – фотокорреспондент газеты «Красная звезда» О. Кнорринг, который на самолете По-2 на малой высоте пролетел над изгибами Шпрее и сделал великолепный снимок, запечатлевший момент штурма рейхстага.

Немцы, видя очевидную заминку атакующих, вновь перешли в контратаку из-за северо-восточной части рейхстага. Они шли в полный рост двумя ровными цепями, человек по 500 в каждой, при поддержке нескольких танков и самоходок, непрерывно стреляя из автоматов. По некоторым сведениям, это были эсэсовцы, которые атаковали с исступлением фанатиков, с полным презрением к смерти, несмотря на убийственный массированный ответный огонь со стороны советских войск. Эта самоубийственная атака, натолкнувшись на упорное сопротивление, захлебнулась. Атаковавшие были отбиты с большими потерями.

Полк Плеходанова в это время тоже отбивал немецкую контратаку из южной части Тиргартёна. Немцы и тут шли как лунатики, несмотря на то что мины и снаряды буквально кромсали их цепи. Эта контратака была тоже отбита. Полковник Зинченко утверждал потом, что после этого батальоны разных полков установили между собой так называемую локтевую связь. Поэтому исчезла угроза контратак из района иностранных посольств, так как левый фланг 756-го СП теперь был прикрыт силами 380-го СП. Часть батальонов двух дивизий залегла буквально в 150 метрах от рейхстага, другие же отступили на исходные позиции. Те и другие с тоской ждали очередного приказа на атаку.

Хотя для того чтобы преодолеть 200 предыдущих метров понадобилось четыре часа, командование считало, что следующий бросок должен был стать последним. Вот оно его и сделало, правда, только на бумаге, объявив о прорыве в рейхстаг и его захвате еще днем (в 14.25) 30 апреля. Именно в этот момент и родилась главная ложь о штурме рейхстага. Этой лживой, но крайне живучей версии и продолжали длительное время придерживаться как сотворившие ее военачальники разных рангов, так и причастные к ее продвижению «наверх» штабные командиры. Впоследствии по различным соображениям к защите этого лживого утверждения присоединились и ряд непосредственных участников штурма рейхстага.

Эта лживая «благая весть» с быстротой молнии долетела до штаба фронта, где поспешили, не проверив донесение о «захвате» рейхстага, издать победный приказ.

А что же происходило на поле боя? Около 15.00 на КП Неустроева снова пришел командир 756-го СП полковник Зинченко. Со смущенным видом он сообщил комбату, что уже есть приказ командующего 1-м БФ, в котором объявлялась благодарность войскам, в 14.25 30 апреля *«водрузившим знамя Победы над главным зданием рейхстага»* (как будто были еще и второстепенные). После такого «убойного» сообщения командира Неустроев чуть не лишился дара речи.

Когда комбат осознал сказанное, между ним и Зинченко состоялся некий диалог:

«Неустроев: рейхстаг не взят, а благодарность объявили?

Зинченко: Так выходит, товарищ комбат. А может быть, кто-нибудь из наших все-таки и вошел в рейхстаг? Может, ты не заметил, что происходило на ступеньках главного входа?»

Ответить на этот вопрос комбату сразу было сложно. Он даже засомневался, а вдруг действительно кто и прорвался? По телефону Неустроев опросил ротных командиров. Они говорили комбату, что в рейхстаге никого своих нет.

Тут на КП батальона позвонил комдив Шатилов и приказал передать трубку командиру полка. Он потребовал у Зинченко, если никого из наших людей в рейхстаге нет и знамя не установлено, то надо принять все меры, чтобы любой ценой водрузить флаг или флажок на колонне парадного входа. В конце разговора Шатилов пригрозил подчиненным, что если Жуков узнает о том.

что знамя не водружено, то гнев маршала упадет на их головы. Вероятно, он больше опасался скорее за свою голову и голову комкора Переверткина. Генерал уже понял, что сильно поторопился с победным докладом и теперь требовал «любой ценой» прикрыть его.

Сколько раз в течение войны в устных и письменных приказах вышестоящих командиров звучало это словосочетание «любой ценой»! И ведь «не стояли за ценой» исполнители, вынужденные подчиняться таким приказам. Вот только список потерь после этого все увеличивался и увеличивался...

Даже здесь, в центре Берлина, выполняя приказ старшего начальника, из батальонов стали направлять одиночек – «добровольцев» с разными флажками к рейхстагу с задачей установить их либо на колонне у парадного подъезда, либо на углу здания– где угодно, лишь бы на рейхстаг! Никто из этих храбрецов-смертников до цели не добрался, все погибли... Только после этой гибели многих бойцов командирам стало ясно, что направлять в это время кого-либо к рейхстагу бессмысленно.

Через 16 лет после войны – в 1961 г. – на совещании в Институте марксизма-ленинизма бывший член ВС 1-го БФ генерал-лейтенант Телегин, к тому времени реабилитированный, заявил: *«...водружение знамен приняло уродливый характер. Неустроев тогда же заметил, что, прежде чем водружать знамя, необходимо было сначала взять рейхстаг».*

Неустроев вспоминал потом, что примерно в это же время был совершен авианалет по району Бранденбургских ворот и парку Тиргартен. Огонь противника по мосту Мольтке на какое-то время прекратился. Через мост были срочно переброшены около двадцати танков Т-34, тяжелая артиллерия, реактивные установки, для которых только с большим трудом можно было найти огневые позиции.

Об обстановке в районе моста Мольтке рассказал вышеупомянутый старший лейтенант Шипов из 23-й ТБр 9-го ТК, которая поддерживала действия 150-й СД. Он на танке подъехал к мосту, на который танкистов не пустили, поскольку в нем справа была большая дыра и он шатался. Им пришлось пропускать артиллерию, повозки, кухни и пехоту. Во время вынужденного ожидания у танка появился некий минометчик, у которого противогазная сумка была чем-то набита. К удивлению экипажа, он выдал

каждому танкисту по часам. Свои действия он пояснил так: *«Приказано всем, кто участвует в штурме рейхстага, дать часы»*. Шипов вспоминал: *«Мы, конечно, на этом не успокоились, потом сами сбегали в ближайшие пакгаузы, но там почти все было почищено»*. Вот таким своеобразным способом командование пыталось стимулировать солдат и офицеров в ходе боевых действий.

Между 16.00 и 16.30 на КП батальона Неустроева пробрался старший сержант Съянов. Комбат поручил ему привести в батальон пополнение, обещанное штабом полка. Забегая вперед, надо сказать, что тот выполнил поручение. Около 20.00 (по другим данным в 17.20) Съянов привел около 100 человек, что было очень немаловажно, поскольку к тому времени в батальоне оставалось примерно 350 человек. Правда, среди прибывших примерно 50% составляли 18-летние новобранцы. Зато среди остальных был и народ бывалый – опытные фронтовики, прибывшие после излечения в госпитале. Из этого пополнения тут же была сформирована 1-я стрелковая рота под командованием бойкого Съянова. Командиры взводов и отделений подбирались по внешнему виду: пожилой, фронтовик, хорошая выправка.

Теперь стоит вернуться к вопросу, откуда взялось это время – 14.25, как время «взятия рейхстага»? Генерал-майор Шатилов в мемуарах перекладывал ответственность за это безобразие на командира 674-го СП подполковника Плеходанова и командира 756-го СП полковника Зинченко, утверждая, что в 14.30 он получил от них доклад о том, что роты из их полков ворвались в рейхстаг. Из полка Зинченко – рота Съянова, которую тогда еще не сформировали, а из полка Плеходанова – рота лейтенанта Греченкова и взвод разведчиков. Естественно, что Шатилов тут же доложил об этом «радостном факте» комкору Переверткину, тот – командарму Кузнецову, а уж тот – Жукову. Правда, Шатилов подчеркнул, что роты были отрезаны огнем от главных сил, а на самом деле – от рейхстага.

Историкам не удалось обнаружить в архивах докладов Зинченко и Плеходанова, о которых писал Шатилов. Зато в архиве имеется донесение самого командира 150-й СД в штаб 79-го СК: *«Доношу, в 12.25 30.4.45, сломив сопротивление противника в кварталах северо-западнее здания рейхстага, 1-й батальон 756-го СП и 1-й батальон 674-го СП штурмом овладели зданием рейхстага и водрузили на южной его части Красное Знамя»*.

По некоторым сведениям, на этот непроверенный доклад спровоцировал Шатилова начальник политотдела полковник Артюхов. Интересную информацию об этом политработнике сообщил участникам послевоенного совещания бывший командир 171-й СД полковник А. Негода. Он рассказал, что, прибыв 30 апреля на КП 150-й СД для координации совместных действий по взятию рейхстага, случайно стал свидетелем интересной сцены. В одной из комнат здания, где располагался КП, начальник политотдела 150-й СД полковник Артюхов палил из пистолета в какой-то флаг. Было ли это знамя ВС 3-й УА или нет, полковник Негода не знал. Но он высказал твердую уверенность в том, что этот «расстрел знамени» был нужен для имитации пробоин, якобы полученных в ходе его водружения...

Трудно не согласиться с этой версией увиденного. Вообще-то за выстрелы по своему флагу полковнику полагался бы трибунал, а не последующие награды...

Шатилов даже утверждал, что со своего НП за рекой Шпрее он увидел у одной из колонн, справа от входа в рейхстаг, красное знамя. По другим данным, это был флаг Красного Креста на немецком госпитале. Генерал Переверткин запрашивал у своего адъютанта майора Бондаря об этом флаге. Бондарь подтвердил, что на бункере у рейхстага есть *«санитарный флаг с черным крестом»*. Таким образом, комкор мог убедиться, что Шатилов его неправильно информировал, но он только потребовал ускорения действия групп атакующих.

Зинченко в мемуарах постарался уйти от ответа о времени взятия рейхстага. Он вполне резонно сослался на документ – «Журнал боевых действий 150-й СД», где в записи 30 апреля указано, что *«штурм, начатый в 13.30, успеха не имел. В 18.00 – повторный штурм»*. Зинченко подчеркивал, что в журнале все фиксировалось шаг за шагом, причем каждый факт предварительно тщательно проверялся.

Он отвлеченно писал, что *«всему виной поспешные, непроверенные донесения»*. Комполка увертливо не исключал их появления: *«Бойцы, залегшие перед рейхстагом, несколько раз поднимались в атаку в одиночку и группами. Кому-то* (?) *из командиров и могло показаться, что его бойцы если еще не достигли, но вот-вот*

достигнут цели... Вот и полетели по команде донесения. Ведь всем хотелось быть первыми!» Зинченко доходчиво объяснил мотивы торопливых докладчиков, которые выдали желаемое за действительное. Он не утверждал, что не докладывал, но и не отрицал того, что докладывал.

Его сильно «подвел» комбат Неустроев. На том совещании в 1961 г., проходившем в Институте марксизма-ленинизма, он открыто заявил, что был очевидцем необъективного доклада Зинченко в штаб дивизии о *«взятии рейхстага и водружении знамени победы»*. Бесстрашный комбат смело указал на один из источников дезинформации, которая так стремительно взлетела по командным инстанциям на самый верх, а потом была надолго закреплена в различных документах, в отечественной истории и в умах людей. Так стоит ли после этого безоглядно доверять советским архивам?

Были ли попытки проверить донесение командира 150-й СД? На этот вопрос надо ответить утвердительно. Начальник политотдела 3-й УА полковник Лисицын связался по телефону с начальником политотдела 171-й СД подполковником А. Сотниковым и попросил того уточнить сведения о прорыве в рейхстаг. Сотников подтвердил его, но подробно обещал доложить после проверки. Он, по словам военкора Мержанова, пошел через Кенигсплатц, вроде бы увидел флаги в проемах окон, но был тяжело ранен. Доложили Лисицыну, естественно, без него. Вероятно, те, кто ничего не видел. Вот вам и проверка! Кому была охота днем лезть под огонь...

В 15.00 уточнить положение пробовал и комкор Переверткин. Он связался по радио с капитаном Маковым и попытался узнать у того, действительно ли взят рейхстаг? Когда Маков доложил, что рейхстаг не только не взят, но внутри его нет никого из своих, «корректный и вежливый» Переверткин не сдержался. Он грубо обругал Макова: *«Х...во следите за обстановкой!»* Потом с досадой добавил, что *«уже есть приказ по фронту о взятии рейхстага в 14.25»*.

Примерно в это же время – около 15.00 – подобная сцена разыгралась на КП командира 380-го СП майора Шаталина. Его срочно вызвал к телефону уже распаленный Переверткин. Вопрос у него был один: *«Взяли рейхстаг?»* Когда Шаталин ответил отрицательно, генерал и его обругал и тут же стал кому-то докла-

дывать по команде, что рейхстаг взят в 14.25. Весь этот доклад слышал командир 380-го СП, не положивший трубку телефона...

Все военачальники, как оставившие мемуары – Шатилов, Зинченко и Семенов, так и не написавшие их – Переверткин и Кузнецов, а также многие их подчиненные до конца дней продолжали настаивать на своем: *«Рейхстаг взят в 14.25 30 апреля»*. Правда, Зинченко потом чуть изменил позицию. Как верный партиец, он продолжал колебаться «вместе с генеральной линией» поведения партийных историков, которые несколько сместили время удачной атаки с 14.25 на 18.00, чтобы хоть как-то приблизить его к реальному времени – 21.30.

Начальник оперотдела штаба 3-й УА полковник Семенов даже в 1970 г. (времени издания его мемуаров) продолжал придерживаться насквозь лживой версии об успехе штурма рейхстага в 14.25 30 апреля. На фоне рассуждений о «массовом героизме» и «стремительном ударе» он изложил изначально недостоверные сообщения. Удивляться тут нечему, ведь именно в штабе 3-й УА и было оформлено то искажение реальной действительности, которое потом неоднократно тиражировалось как в средствах массовой информации, так и в различных исторических работах.

Вот что доложил в вышестоящий штаб 3-й УА такой «обаятельный и привлекательный» командир 79-го СК генерал-майор Переверткин: *«В 14.25 30 апреля части корпуса в результате двухдневного ожесточенного боя над южной частью рейхстага водрузили Красное Знамя. Идет очистка здания от остатков противника. Ваш приказ выполнен...»*

Семенов писал, что таково было первое донесение о важнейшем историческом событии. Правда, он вынужден был признать, что бой за рейхстаг еще не закончился, подчеркнув, что знамя над ним было поднято только в 22.50. Надо же было хоть как-то состыковать ложь с реальными событиями. Дальше – больше. Опытный штабист, который, конечно, прекрасно знал, как обстояли дела, совершенно правдиво написал, что *«напряженный бой в рейхстаге продолжался и на следующий день»*, а остатки гарнизона капитулировали только в ночь на 2 мая.

Неужели такой пунктуальный штабист, как Семенов, не увидел, что эти его слова напрочь опровергают донесение столь симпатичного ему генерала Переверткина? Да, весьма неуклюже

выглядели попытки прикрыть допущенную фальсификацию важных исторических событий.

Точка над і в этой истории была поставлена только в 1990 г., когда в газете «Правда» была напечатана статья «Знаменосцы Победы», поданная в форме беседы с известным историком профессором Г.А. Куманевым и сотрудником Института военной истории полковником В.Б. Сеоевым. Выводы историков базировались на материалах известного совещания 1961 г. Только теперь все встало на свои места. Наконец-то было названо правильное время начала удавшегося штурма рейхстага и отмечены люди, первыми водрузившие на нем знамя, хотя все было ясно еще тридцать лет назад.

Ознакомление вышеуказанных историков с различными источниками позволило им сделать вывод, что первое ложное сообщение о «захвате рейхстага» исходило от командира 150-й СД, который в 14.30 30 апреля передал по телефону преждевременное сообщение командиру 79-го СК. Потом в 18.00 оно было продублировано письменно штабом 150-й СД. В этом сообщении «скромно» уточнялось, что *«очистка здания продолжается»*.

Через штаб корпуса непроверенное известие о «взятии рейхстага» пошло в штаб 3-й УА, откуда в штаб 1-го БФ, где на радостях был поспешно издан известный приказ №06. За час до его подписания командующий 3-й УА генерал-полковник Кузнецов лично доложил маршалу Жукову. Тот, в свою очередь, в 16.30 отправил Сталину донесение, в котором сообщил о «взятии рейхстага» в 14.25 и о подъеме над ним советского флага.

Приказ, изданный штабом 1-го БФ, как бы узаконил преждевременное сообщение о взятии рейхстага. В результате чего вся последующая документация различных штабов по этому вопросу подгонялась по времени к 14.25. Этот факт еще раз ярко иллюстрирует довод о «ценности архивных материалов».

Теперь необходимо вернуться к событиям 30 апреля 1945 г., когда комдив Шатилов оказался «у разбитого корыта» – рейхстаг не взят и нужно было как-то выходить из создавшегося сложного положения. Будучи в расстроенных чувствах, он умудрился нагрубить командиру 26-го СК из 5-йУА генерал-лейтенанту П. Фирсову, который «посыпал соль на рану», предложив совместными усилиями брать рейхстаг. Шатилов не только

нахамил старшему по званию и должности, но и солгал, сообщив, что рейхстаг уже взят.

Подчиненные, как могли, стремились отвлечь комдива от грустных мыслей. Около 16.00 этого дня к Шатилову привели двух престарелых немцев-медиков: генерал-лейтенанта 67 лет и генерал-майора 63 лет. Их захватили в плен в помещении подземного госпиталя, расположенного северо-западнее рейхстага. Остается только удивляться тому, как в сложной боевой обстановке лихие разведчики смогли доставить этих дедушек к генералу Шатилову в целости и сохранности.

Этот госпиталь был расположен в бункере, чуть возвышавшемся над землей, с перекрытием толщиной около 1,2 метра. В широкой штольне, освещенной свечами, вповалку лежали раненые. Трупы умерших никто не убрал, а обслуживающий персонал куда-то удалился. Вот тут-то и были схвачены старые генералы – начальник военно-санитарного управления Берлина и его коллега из Бранденбурга. Вряд ли подобный «улов» мог порадовать Шатилова. Услышанное от пленных огорчило его еще больше. Оказалось, что в рейхстаге были еще и подвалы в три этажа, в которых находился гарнизон численностью 1500–2000 человек.

Рядом со зданием рейхстага стоял и небольшой домик, где располагался некий архив. Здесь был взят в плен немецкий полковник, оказавшийся командиром медчасти. Он любезно предложил пропустить советских солдат в рейхстаг через подземный ход. Разведчики, захватившие полковника в плен, заподозрили подвох и отказались от этого заманчивого предложения.

К 16.30 все подвалы «Дома Гиммлера», где ранее располагались только КП батальонов Неустроева и Давыдова, заполнились разными офицерами-артиллеристами и танкистами. Они действовали по-хозяйски, устанавливали стереотрубы, налаживали связь со своими подразделениями. По свидетельству Неустроева, подвал в это время напоминал муравейник.

Там набилось много разного люда – корреспонденты, кинооператоры, политотдельцы различных рангов и даже какие-то важные представители из Москвы. Кроме того, там неоднократно появлялись и командиры полков Зинченко и Плеходанов, которые торопили своих комбатов с подготовкой к возобновлению штурма, обещая первым, кто достигнет стен рейхстага,

дать Героя. Комбаты, которым порядком надоела вся эта суета, согласовывали взаимодействие с многочисленными представителями частей усиления.

В 17.50 был произведен мощный артналет по рейхстагу и прилегающим районам. Он был настолько мощным, что немцы оставили траншеи перед рейхстагом и укрылись в здании за его прочными стенами. Но стоило только атакующим в 18.30 двинуться вперед, после того как артиллерия прекратила огонь, как в траншеях опять появились немцы, ожили многие огневые точки и вновь прижали советских солдат к земле. Атака снова была сорвана.

Командир 79-го СК генерал-майор Переверткин принял решение провести решающий штурм «объекта 105» с наступлением темноты после мощной и продолжительной артподготовки батареями, находившимися на закрытых позициях. На прямой наводке находились только 45-мм орудия. Батальоны готовились к решающей атаке.

Одновременно с боем около рейхстага продолжался бой и вблизи от него. Для обеспечения флангов 2-й батальон 380-го СП захватил полуразрушенные железобетонные постройки северо-западнее рейхстага. Немцы силой до роты с четырьмя танками контратаковали от моста на Карлштрассе, стремясь с севера проникнуть в здание рейхстага и оказать помощь его гарнизону. Контратаку отбили артиллеристы 185-го противотанкового дивизиона 171-й СД, которые быстро подбили немецкие танки.

Около 19.00 немцы большими силами предприняли очередную контратаку из района Бранденбургских ворот и южной части Тиргартена. Они опять стремились отбросить советские войска от рейхстага. Батальон Логвиненко при поддержке флангового артогня от «Дома Гиммлера» отразил эту контратаку. Следующие попытки немцев контратаковать из Тиргартена были подавлены мощным артогнем из-за Шпрее. Поработали артиллеристы из 136-й ПАБр, 88-й ТГАБр, 124-й ГАБр, 22-й и 50-й Гв.МинБр. К счастью, это были последние контратаки в тот день.

Разведчики из группы капитана Макова провели детальную разведку подходов к каналу перед рейхстагом, от которого до самого здания было всего 100–120 метров. Этот канал или ров

был не только непреодолим для танков, но и представлял собой серьезное препятствие для пехоты. Мостки, которые атакующие смогли перекинуть через него во время предыдущих атак, были давно разрушены при артналетах. Перейти через эту водную преграду можно было лишь по заглубленным в воду трубам и двутавровым балкам, торчавшим из бетонных блоков. Вот к этим эфемерным путям сообразительные разведчики и наметили маршруты пересечения рва-канала.

В 21.30 начался мощный артобстрел Кенигсплатц, рейхстага и прилегающей местности. Обстрел был настолько силен, что даже массивные стены «Дома Гиммлера» ходили ходуном. По объектам атаки буквально гулял огромный огненный смерч, сполохи разрывов слепили глаза наблюдателям. Командиры подразделений, готовившихся к атаке, надеялись, что немцы под таким обстрелом снова убегут в подвалы и какое-то время не смогут вести огонь по атакующим.

Группа Макова начала выдвижение к рейхстагу за несколько минут до окончания артобстрела. Остальные стремительным броском рванулись туда же, пока немцы не успели опомниться после ошеломляющего артиллерийского удара и их ответ был очень слабым. Атакующие приблизились к рейхстагу с трех сторон: слева – батальон Самсонова, прямо – батальон Неустроева, справа – батальон Давыдова, которому повезло больше других. С его стороны двери депутатского (парламентского) входа оказались открытыми, да и стрельбы поначалу не было.

Конечно, ориентироваться в темноте было очень трудно, так как видимость была не более десяти метров. Положение осложняли поднявшиеся тучи пыли, дыма и пороховой гари. Правда, и фронт наступления трех батальонов составлял чуть более 200 метров, но атакующих задерживал пресловутый ров. Все это привело к тому, что батальоны перемешались, а управление ими на какое-то время было нарушено. Тем не менее все переправившиеся через ров быстро приблизились к рейхстагу, так как понимали, что немцы быстро опомнятся и опять будут поливать всю площадь смертоносным огнем.

В атаку были брошены не все силы 756-го СП. Батальон капитана Клименкова был оставлен для охраны штаба полка. Конечно, назвать его батальоном можно было весьма условно. В его составе к тому времени насчитывалось всего две роты

(командиры – Грибов и Горшков) численностью до 30–40 человек.

На этот раз все вышестоящие начальники, «наломав дров» днем, требовали четких докладов о прорыве в рейхстаг, перепроверяя друг друга. Нельзя же им было опозориться еще раз! Полковник Зинченко даже писал потом в мемуарах, оправдывая самого себя, что у него *«было твердое правило: не торопиться с рапортом об успехах»*. Видимо, ко времени их написания он успел подзабыть о своих докладах днем 30 апреля. Но Зинченко все-таки признал, что и ночью *«опять руки потянулись к телефонной трубке...»*.

Тем временем его бойцы, достигнув стен рейхстага, вышли из зоны обстрела. Это случилось около 22.15 30 апреля. Группа капитана Макова, сократившаяся к тому времени до шести человек, приблизилась к широкой гранитной лестнице, ведущей к главному входу. Там она встретила какого-то солдата, который неведомым образом оказался здесь раньше атакующих. Таких вынырнувших как из-под земли бойцов оказалось немного. Это были те, кто после неудачных дневных атак не смогли отойти назад и прятались по воронкам или среди развалин под перекрестными обстрелами своих и чужих. Да, живуч оказался русский солдат!

Широкая массивная дверь центрального входа оказалась запертой, а дверные проемы слева и справа от нее были заложены кирпичом. Около этой двери скопилось не менее взвода солдат, которые безуспешно пытались ее выломать. Вместо того чтобы побыстрее сломать эту преграду, достигшие здания бойцы, помня наказ своих командиров, начали устанавливать куда попало свои флажки. Хоть смейся, хоть плачь!

Надо было поскорее ворваться внутрь здания и завязать там бой, пока у амбразур сидели только наблюдатели, а гарнизон пребывал в подвалах. Постепенно огонь из рейхстага начал усиливаться, что представляло большую опасность для главных сил атакующих батальонов, задержавшихся около водной преграды. Вне зоны обстрела оставались только те бойцы, которые уже были около стен рейхстага.

В этой ситуации разумную инициативу проявил сержант Загитов из группы Макова. Вместе с другими бойцами он подтащил к дверям увесистое бревно, которое было использовано в

качестве тарана. Несколько мощных ударов, дверь распахнулась, и бойцы ворвались в вестибюль, круглый по форме. В залах и коридорах завязались рукопашные схватки, загремели автоматные очереди, раздались взрывы гранат. Штурмовые подразделения трех батальонов начали постепенно очищать от противника помещения первого этажа. Тем не менее генерал-майор Шатилов и после войны упрямо отрицал участие батальона Самсонова из 171-й СД в боях за рейхстаг: *«Там были только мои!»*

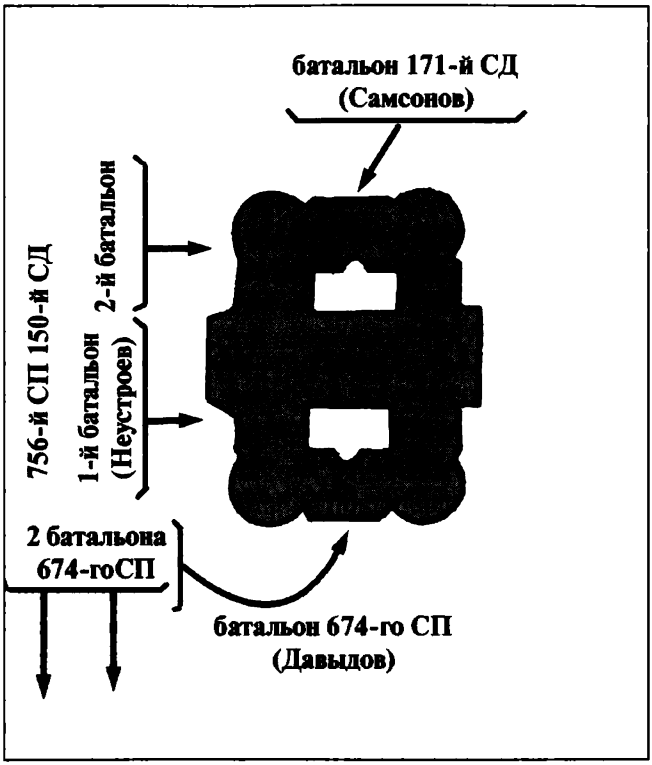
Бой внутри здания продолжался с неослабевающей силой и проходил в исключительно трудных условиях. Многие участники событий отмечали, что те бои были для них самыми тяжелыми. Комбат Неустроев писал потом: *«Бой в рейхстаге был лют и длинен»*. Как прочувствованно пел актер Михаил Ножкин в последней серии фильма «Освобождение»: *«Последний бой, он трудный самый...»*

Группа саперов заложила фугас весом в 20 кг в выбоине стены фасада здания и взорвала его. Образовавшийся в стене пролом значительно облегчил доступ в здание штурмовых групп и доставку туда боеприпасов.

Комбат Неустроев пробрался в рейхстаг где-то около 22.30. Он отправился туда только после того, как получил доклад от начштаба батальона старшего лейтенанта Гусева о том, что роты ведут бой в рейхстаге и новый НП для комбата подготовлен. Поводов для радости у Гусева не было: рация была неисправна, радист убит, телефонная связь беспрерывно нарушалась, а немцы отчаянно сопротивлялись.

Прибыв в рейхстаг, Неустроев провел рекогносцировку. Сначала он навестил соседа справа – комбата Давыдова. Тот устроил НП в 100 метрах от рейхстага, в большой воронке. Давыдов сообщил Неустроеву, что не решился ввести весь батальон в здание, так как опасался контратаки со стороны Бранденбургских ворот. Он ввел в вестибюль южного входа только роту лейтенанта П. Гречишникова и взвод Р. Кошкарбаева. Основные силы батальона были размещены у стены здания фронтом на юг.

После этого Неустроев не без приключений пробрался в батальон старшего лейтенанта Самсонова. Тот тоже расположил свои роты вдоль северных стен здания. Теперь Неустроев убедился, что его батальон надежно прикрыт с флангов. Свои силы комбат расположил следующим образом: в вестибюле и зале



Положение советских стрелковых батальонов, штурмовавших здание рейхстага, к вечеру 30 апреля 1945 г.

заседаний заняла оборону 2-я рота лейтенанта Антонова, на правом фланге – 3-я рота лейтенанта Ищука, слева – 1-я рота лейтенанта Ярунова, а также вновь сформированная рота Съянова.

Комбат резонно пришел к выводу, что продвигаться сейчас в глубь здания рискованно. В темноте в многочисленных помещениях можно было распылить силы и нарваться на немецкую контратаку. Свои роты Неустроев расположил компактно и, как выяснилось потом, не ошибся. Входы в подвал здания были блокированы. В общем, подразделения, прорвавшиеся в рейхстаг, оказались отрезанными, связь с ними то и дело прерывалась.

Правда, Неустроев получил и радостное сообщение о водружении знамени на крыше рейхстага группой капитана Макова. Эти отчаянно храбрые ребята отважно прорвались через чердак на крышу и, несмотря на артобстрел, установили флаг на скульптуре «Принцесса Рундот».

Об этом Маков в 22.45 незамедлительно доложил по рации на КП комкора Переверткина, где в то время находился начальник политотдела 3-й УА полковник Лисицын. Возбужденный боем капитан не стеснялся в выражениях: *«Ваш приказ выполнен. Мои парни первыми водрузили знамя победы наверху рейхстага в корону какой-то немецкой б...ди!»* После этого группа и майора Бондаря установила свое знамя в дыру на статуе некоего бронзового коня.

Трагедия была в том, что утром 1 мая этих знамен никто не увидел. И вот почему. Видя малочисленность прорвавшихся в рейхстаг, немцы перешли в контратаку. Установщики знамен, по словам Бондаря, были вынуждены кубарем отходить по лестнице вниз в банкетный зал. То ли немцы сбросили ненавистные им знамена, то ли те были сбиты плотным артогнем. Такова была печальная история флагов политотдела 79-го СК.

Короткое затишье в здании вскоре прервалось автоматными очередями и взрывами гранат. Немцы начали просачиваться в темноте по знакомым им ходам, выбираться из подвалов наверх. По всему зданию опять завязались ожесточенные бои, в том числе и за второй этаж. Немцы упорно обороняли лестницы, ведущие на верхние этажи, а штурмовые группы Неустроева рвались вперед. Но силы людские не беспредельны...

Около 24.00 в рейхстаг вошли и бойцы батальона Самсонова, хотя часть сил комбат оставил снаружи у северного торца здания для отражения возможных контратак противника.

После полуночи в рейхстаге появился и полковник Зинченко, который потом в своих мемуарах отнес свое «явление народу» на 20.00, что не соответствовало действительности. Он даже имел наглость утверждать, что Маков и Бондарь прибыли в рейхстаг после него – в 21.00, хотя все было не так. Да и представляться полковнику они были не обязаны, так как действовали по приказу комкора.

Зинченко больше интересовала не создавшаяся обстановка, а судьба знамени ВС 3-й УА. Неустроев простодушно начал рассказывать, что ротные и взводные флажки установлены в расположении их позиций. Зинченко резко оборвал комбата: *«Не то говоришь комбат. Я спрашиваю, где знамя Военного Совета армии под №5. Я же приказал начальнику разведки полка капитану Кондрашову, чтобы знамя шло в атаку с 1-й ротой!»*

После разбирательства выяснилось, что искомое знамя до сих пор находилось на КП полка в «Доме Гиммлера». По приказу Зинченко начштаба полка майор Казаков распорядился о доставке знамени на место действия. По словам сержанта Минина из группы капитана Макова, знаменосцы сержант Егоров и младший лейтенант Кантария появились в вестибюле рейхстага между 03.00 и 04.00 1 мая.

Комполка Зинченко поставил им задачу немедленно подняться на крышу здания и установить там знамя. Минут через двадцать эти нерасторопные сержанты вернулись, не найдя выхода на крышу. Егоров объяснил возвращение так: *«Там темно, у нас нет фонариков, мы не нашли выход на крышу»*. После этого Зинченко чуть удар не хватил. Последовал его краткий монолог об историческом моменте, о поручении Верховного Главнокомандующего от имени компартии и всего советского народа. Вообще высокого пафоса в словах полковника было многовато. После этого он приказал Неустроеву обеспечить водружение Знамени Победы над рейхстагом.

Комбат, осознав высокую значимость порученной ему «исторической миссии», приказал своему исполнительному замполиту лейтенанту Бересту выполнить ответственное задание командования – водрузить знамя так, чтобы его было видно из «Дома Гиммлера». А про себя подумал: *«Пусть им любуются тыловики и высокое начальство»*. После войны Неустроев писал, что ему было тогда только 22 года и он *«не понимал политического значе-*

ния установки знамени». Для него главным было – взять рейхстаг, а кто и куда будет устанавливать это знамя было совершенно не важно.

Берест вместе с ротой Съянова после короткой схватки обеспечил прорыв на крышу рейхстага группы разведчиков капитана Кондрашова и двух будущих лубочных Героев. Минут через сорок после получения приказа он доложил о выполнении задания. Конечно, не все было так просто. Прорваться на крышу удалось только после ожесточенного боя на втором этаже и на чердаке здания. Да и на крыше разведчики со знаменем попали под сильный обстрел немцев от Бранденбургских ворот. Взобраться на купол было просто невозможно, так как огонь был очень плотным. Пулей даже расщепило древко знамени. По некоторым сведениям, у Егорова были прострелены брюки, а у Кантарии – пилотка.

Поэтому было решено установить знамя на шестиметровой скульптуре конного рыцаря – кайзера Вильгельма, которая была расположена на фронтоне восточной стороны здания. Берест ошибся и вывел знаменосцев не туда, откуда можно было видеть знамя с Кенигсплатц. Зато его оттуда могло наблюдать командование 5-й УА, войска которой приближались к рейхстагу с востока. Обстоятельства сложились так, что знамя уцелело и на следующий день, потому что огонь немцев с этой стороны был значительно слабее.

По докладу Зинченко, знамя охраняли полковые разведчики, а 1-я рота удерживала выход на второй этаж и на крышу. После выполнения этой важной миссии Зинченко и его замполит подполковник Ефимов в сопровождении капитана Кондрашова и двух знаменосцев покинули рейхстаг и ушли на КП полка в «Доме Гиммлера».

Вскоре после ухода комполка немцы подвергли рейхстаг сильному обстрелу и атаковали батальоны Давыдова и Самсонова, пытаясь пробиться на помощь его гарнизону. Противник резко усилил огонь и по Кенигсплатц, стремясь отсечь засевших в здании русских от их тылов. В отражении контратак севернее рейхстага приняли участие подразделения 525-го СП 171-й СД, с помощью которых немцев удалось отбросить. Свою роль сыграли и батальоны Самсонова и Давыдова, надежно прикрывшие фланги батальона Неустроева. Немцы, поняв безнадежность

попыток прорваться к рейхстагу, около 04.00 1 мая прекратили атаки. Огонь по рейхстагу и Кенигсплатц почти прекратился.

К этому времени батальоны Самсонова и Давыдова переместились внутрь здания рейхстага. Туда же валом повалили и новые подразделения, представители других родов войск и различных частей 79-го СК. В результате прибытия этого пополнения боевые порядки подразделений уплотнились, но создалась скученность и неразбериха, которые безуспешно пытался устранить капитан Неустроев.

Он доложил полковнику Зинченко, что для обороны рейхстага и отражения возможных немецких контратак достаточно оставить в здании максимум полк, а минимум – усиленный батальон. Предложение комбата быстро дошло через комдива до комкора Переверткина, который приказал в течение часа вывести из рейхстага все подразделения, кроме батальона Неустроева.

Понятно, что комкор впал в очередную крайность – ослабил свои части в рейхстаге. К тому времени – 05.00 1 мая – из-за понесенных потерь в батальоне Неустроева оставалось не более 30% его состава до начала штурма. Видимо, генерал-майор Переверткин полагал, что дело уже сделано и осталось только провести зачистку здания. В ближайшие часы стало ясно, что он в очередной раз здорово ошибся.

1 и 2 мая

Обстановка в рейхстаге в канун Первомая складывалась сложная. Причин для благодушия не было. Немцы все еще занимали большую часть здания, и чувствовалось, что они намерены драться до последнего. По оценке полковника Зинченко, гарнизон рейхстага насчитывал около 1000 человек.

Расположение советских частей в районе рейхстага было таково: 1-й и 2-й батальоны 756-го СП находились в здании; в северо-восточной его части располагался 2-й батальон 674-го СП; а батальон 380-го СП – в юго-восточном крыле первого этажа. Еще два батальона 674-го СП занимали позиции в 50–100 метрах юго-восточнее «Дома Гиммлера», а 469-й СП 150-й СД был развернут на правом берегу Шпрее.

К утру 1 мая полковник Зинченко оценивал свои силы следующим образом: 1-й батальон Неустроева, две роты 2-го ба-

Косвенным подтверждением вышесказанного могут послужить воспоминания одного из эсэсовцев, сражавшегося в Берлине. В районе рейхстага действовали и последние танки T-VIB «королевский тигр» из 503-го ТТБ СС. Одним из них командовал унтершарфюрер Георг Диерс. Еще во второй половине дня 30 апреля он получил по радио приказ идти к рейхстагу. По усиленному радиообмену в эфире между русскими немцы поняли, что их радиопереговоры были перехвачены. Диерс видел, что *«здание рейхстага было основательно разбомблено, зал пленарных заседаний выгорел»*. Он отметил, что *«со стороны входа нам открывался вид на Крольопер, а справа от нас стояло множество танков Т-34, наверное, машин тридцать, стволы их орудий были наведены на рейхстаг, на нас. После точного целеуказания экипажа мы решились на «прыжок» за углом и смогли успешно обстрелять эту многочисленную группу танков»*.

1 мая танк Диерса продолжал действовать в этом же районе: рейхстаг – Бранденбургские ворота – Колонна победы. Эсэсовец вспоминал: *«На этом направлении предстояло провести контратаку до Кролльоперы. Перед зданием Кролльоперы выстроились русские танки, там еще были наши раненые. Нам удалось удержать прилегающую территорию»*. Он наблюдал бой, который вели в здании рейхстага русские боевые группы: *«...они вели огонь по солдатам, оборонявшим здание, сверху через вентиляционные шахты и через винтовые лестницы. На верхних этажах здания располагались наши пулеметные точки, но они постепенно переставали вести огонь. Внизу – наш командный пункт. Контратаки при нашей поддержке не приносят никакого результата, кроме новых дыр в замурованных оконных проемах. Около 19.00 поступает приказ на прорыв...»*

Из этих обрывочных воспоминаний танкиста-эсэсовца можно сделать вполне однозначный вывод, что немцам извне не удалось помочь защитникам рейхстага и их сопротивление продолжало слабеть. Что могли изменить в общей обстановке эти «булавочные уколы» «королевских тигров», экипажам которых уже пора было подумать о собственном спасении?

В это же время в самом рейхстаге бойцы трех батальонов отбивали атаки немцев. Неустроеву пришлось подключить к их отражению нескольких огнеметчиков с ранцевыми огнеметами. Остановить немцев струями пламени не удалось, зато от них

загорелись горы бумаги, мебель и стеллажи. Неустроев считал, что пожар возник от разрывов гранат и фаустпатронов. У начальника же политотдела 3-й УА было особое мнение по этому поводу. Он обвинил в очередном поджоге рейхстага «коварных фашистов», что вряд ли было уместно в создавшейся ситуации.

К 12.30 пожар бушевал уже во многих помещениях первого этажа. На бойцах тлела одежда, они получали ожоги, из-за дыма было трудно дышать. Батальон Неустроева оказался в очень трудном положении. Связи как с «соседями», так и с командованием полка не было. Тушить пожар было практически нечем, так как воды в здании не было из-за разрушения водопровода.

Неустроев утверждал, что при кратковременном восстановлении связи он доложил полковнику Зинченко о пожаре. Тот и сам понимал, что в здании что-то неладно, так как из разбитого купола повалил дым. Комполка приказал Неустроеву оставить рейхстаг, а когда пожар закончится – снова атаковать. Трудно назвать это решение удачным, но что было делать в подобной ситуации? «Гореть синим пламенем» в этом коллективном крематории?

Генерал-майор Шатилов писал потом, что где-то в 11.00 (?) он категорически запретил оставлять рейхстаг. По его словам, Зинченко только приказал подготовиться к выходу из здания.

Батальон Неустроева оказался в огненном мешке. С одной стороны сквозь огонь на его бойцов надвигались немцы, а с другой стороны отход из рейхстага был отсечен плотным огнем противника от здания Кролль-оперы по парадному входу. Да и передать приказ об отходе ротам, которые вели бой в горящих помещениях, было очень сложно. Тактика сторон, ведущих бой в горящем здании, была одинакова. Надо было попытаться вытеснить противника из уже выгоревших помещений.

Полковник Зинченко утверждал, что пожар удалось локализовать с помощью подручных средств (плащ-палатки, шинели, саперные лопатки). Поверить в это сложно, хотя такие попытки наверняка были. Вероятно, просто сгорело все, что могло гореть. Зинченко считал, что пожар прекратился около 15.00 1 мая. Он даже писал потом, что ни один зал не сгорел, что вряд ли соответствовало действительности.

По словам начальника разведки 322-го артдивизиона большой мощности В. Чернышева, он наблюдал бой в районе рейх-

стага со своего НП, который с утра 1 мая находился в здании восточнее рейхстага. Чернышев видел, как советская артиллерия вела огонь по немецким батареям в Тиргартене, а те отвечали огнем по Кенигсплатц и району рейхстага. Наблюдал он и черный дым, который валил из амбразур в стенах здания.

Чернышев считал, что даже к вечеру 1 мая пожар в рейхстаге *«нисколько не уменьшился»*. По его мнению, затихать он начал, когда уже смеркалось. Он также вспоминал, что *«ближе к вечеру батареи противника были почти подавлены»*, а *«этот обстрел стал слабеть»*. Чернышев полагал, что *«стрельба в рейхстаге доносилась даже из тех помещений, которые были охвачены пламенем»*. К вечеру же *«стрельба внутри здания то вспыхивала, то снова затихала»*.

Полковник Зинченко попытался подкрепить свои подразделения, которые вели бой в рейхстаге. Он прислал на помощь Неустроеву начальника артиллерии полка майора Соколова с группой артиллеристов и минометчиков. Чем больше отступал пожар, тем сильнее вновь разгорался бой: 3-я рота лейтенанта Ищука контратаковала немцев у входа в подвалы; 2-я рота лейтенанта Антонова уже в пятый раз и окончательно ворвалась на второй этаж, но, правда, уже с помощью 3-й роты.

К 19.00 4-я и 6-я роты батальона Клименкова вышли к восточному входу здания и закрепились там, а его 5-я рота перекрыла южный вход. Таким образом, немцы в рейхстаге были наконец-то заблокированы. Батальоны Самсонова и Давыдова тоже дрались в здании, несмотря на пожар.

После удачной контратаки, проведенной силами 1-й роты капитана Ярунова, которая зашла в тыл противнику, немцы дрогнули и опять укрылись в подвалах. К 21.00 1 мая почти все помещения двух этажей здания были практически очищены от противника, кроме отдельных групп, которым не удалось прорваться в подвал. Настало относительное затишье.

Неустроев понимал свое тяжелое положение. От 450 человек, имевшихся в составе его батальона на вечер 30 апреля, осталось около 270, остальные 180 были убиты или ранены. Например, в роте Съянова из 83 человек осталось только 39. Почти все, кто был ранен и не мог ходить, погибли в огне.

Бойцы были крайне изнурены, на многих вместо одежды болтались лишь обгорелые лохмотья, у большинства руки и лица

были в ожогах. Их мучила жажда, кончались боеприпасы. Преследовать противника, отступившего в подвал, при таком раскладе Неустроев не решился. Он помнил, что первая попытка прорваться туда кончилась для батальона большими потерями: были убиты 20 человек, а несколько десятков ранены.

Командованию 1-го БФ к вечеру 1 мая было давно ясно, что рейхстаг пока не взят. Поэтому в донесении Верховному Главнокомандующему, отправленном Жуковым в 21.30, о взятии рейхстага уже не упоминалось. Он лишь указал, что противник оказывает особенно упорное сопротивление в районе рейхстага, а в самом здании *«борьба неоднократно переходила в многочисленные рукопашные схватки»*. Терять лицо и отменять свой победный приказ от 30 апреля маршал не хотел, хотя понимал, что командование 3-й УА крепко подвело его непроверенными докладами.

Свидетелем событий, происходивших в районе рейхстага, был упомянутый выше старший лейтенант К.Н. Шипов из 23-й ТБр. Утром 1 мая танкисты переехали поближе к мосту Мольтке. Ранее Шипов видел, что *«приблизиться к рейхстагу было невозможно из-за траншеи метро, строившегося вскрышным методом, заполненной водой из р. Шпрее. Оказывается, через нее в одном месте был мост, но годный только для проезда автотранспорта. Всем было ясно, что по этому мосту танкам не проехать»*. Но ясно было, видимо, не всем...

Шипов вспоминал: *«Команды двигаться дальше не было... Наш батальон пошел справа от здания гестапо* (это «Дом Гиммлера») *и в парк, а 1-й батальон пошел левее. Они подошли к этой траншее, через которую был дохлый мостик. И подполковник Морозов* (и.о. комбрига) *приказал: «Вперед!» Поехал танк, на котором был мастер вождения механик-водитель Попов, который прошел от Курской... Под этим танком рушится мост, танк переворачивается, падает. Ребята ничего не могли сделать – все утонули. Командиру посмертно присвоили Героя. Второй танк подбивают...»*

Один из артиллеристов, находившийся на месте событий, сказал потом Шипову, что *«был поражен командами командира танковой бригады»*. Да, командиров-дуроломов хватало в рядах Красной Армии на протяжении всей войны...

И дальше обстановка для танкистов не разрядилась. Они весь день 1 мая оставались у моста и *«весь день находились под страш-*

ным обстрелом. Сидели в подвале в готовности в случае чего выскочить к танкам и отразить контратаку». Помочь пехотинцам, бившимся в рейхстаге из последних сил, танкисты так и не смогли...

Тем не менее танкисты получили указание: *«Срочно представить пять человек к званию Героя».* Нужно было дать по телефону данные, а к утру 2 мая представить наградные материалы. В суете обнаружилось, что печать части находилась в штабной машине во дворе тюрьмы Моабит. И опять для выполнения этого «сверхважного» поручения понадобился пробивной Шипов: *«На улице уже смеркается. Участок Моабитштрассе до моста и после него простреливается со страшной силой. Дома горят. Можно было, конечно, забастовать, и никто бы меня не обвинил... Но я пошел».*

С большими трудностями удачливый старлей добрался от моста Мольтке до тюрьмы Моабит, где спокойно отсиживались парторг и замполит его бригады, а также начальник связи и делопроизводители из штаба. Вот их-то Шипов срочно подключил к написанию победных реляций, которые к рассвету 2 мая были готовы. Распределение обязанностей не удивило боевого танкиста: кто-то воюет, бегает по улицам под обстрелом, а кто-то отсиживается в надежном укрытии и пишет реляции, напрягая свою фантазию при описании чужих подвигов.

Примерно в 22.00 на КП 756-го СП поступило сообщение, что немцы, настроившись на волну советской радиостанции, предлагают начать переговоры. В это же время на КП полка также поступило сообщение из рейхстага, что немцы выбросили белый флаг в северном выходе из подвала. Об этих новостях полковник Зинченко тут же доложил комдиву Шатилову. Для выяснения положения в рейхстаге был направлен майор Соколовский. Шатилов разрешил вести переговоры только с одним условием – безоговорочная капитуляция.

Неустроев, в свою очередь, для выяснения обстановки послал к немцам рядового Прыгунова, который только недавно был освобожден из плена и сносно владел немецким языком. Этот храбрец через некоторое время принес комбату известие, что противник предлагает вступить в переговоры.

Немцы предложили несколько условий для их проведения:

– с каждой стороны принимают участие четыре человека;

– с советской стороны должен присутствовать офицер в

звании не ниже полковника, так как командир немецкого гарнизона – генерал;

– переговоры будут проходить на середине центральной лестницы, ведущей в подвал в северной части рейхстага;

– движение делегаций к этому месту должно начаться одновременно.

В принципе советскую сторону эти условия устраивали. Кроме одного. Ведь никаких полковников в здании не было. Пришлось импровизировать, но об этом чуть позже.

Неустроев в послевоенных мемуарах начал несколько смещать акцент, выдвигая себя на первый план и приписывая себе все решения по ведению переговоров с немцами. Конечно, он, обычный комбат, не мог себе позволить без ведома своих командиров вступать в какие-либо переговоры с противником.

Пришлось срочно готовить подходящих парламентеров. Неустроев срочно вызвал своего замполита лейтенанта Береста. Тот быстро побрился и через несколько минут после соответствующего инструктажа был почти готов к выполнению дипломатической миссии. Лейтенант был богатырского роста, а манера свободно держаться позволяла ему иметь весьма внушительный вид, несмотря на молодость (ему было чуть более 20 лет).

Береста пришлось экипировать по-новому: обгоревшую шинель заменить на трофейную кожаную куртку. Зинченко же считал, что ее одолжили танкисты. Рваные брюки тоже пришлось поменять, а фуражку взяли у парторга полка капитана Матвеева. Зинченко писал потом, что Бересту даже нашли полковничьи погоны, что представляется маловероятным.

После этой костюмерной подготовки делегация в 24.00 двинулась на встречу с немцами в составе: «полковник» Берест, его «адъютант» капитан Неустроев, у которого под дырявой телогрейкой сохранился китель с пятью орденами, а также переводчик рядовой Прыгунов. Лимит состава переговорщиков не был исчерпан. Вероятно, решили, если убьют, то уж поменьше.

Неустроев честно признавался потом, что идти на переговоры было страшно, но другого выхода не было. У лестничной площадки командир пулеметной роты лейтенант Герасимов, как положено, громко доложил «полковнику». После этого делегацию встретил немецкий офицер, который проводил парламентеров вниз, в подземелье. Правда, Зинченко и Шатилов сооб-

щали потом, что переговоры состоялись на середине лестницы. Неустроев настаивал на том, что встреча с немцами прошла в *«каком-то бетонном каземате, из которого уходили тоннели в разные стороны»*.

Немецкую сторону в переговорах представляли: пожилой «настоящий» полковник, два моряка-курсанта и женщина-переводчица. Неустроеву почему-то запомнились два офицера и переводчик. Полковник заявил о готовности гарнизона капитулировать, но высказал опасение, что русские солдаты, возбужденные боем, могут перестрелять сдавшихся. Он предложил отвести солдат Неустроева с позиций и даже на время отобрать у них оружие. Немец пытался оговорить еще одно условие, чтобы гарнизон был выпущен через южный вход в сторону Бранденбургских ворот, да еще и после осмотра путей отхода.

Понятно, что пойти на принятие подобных условий советские парламентеры не могли, так как показывать немцам свои многочисленные подразделения в рейхстаге было нерезонно. «Полковник» Берест категорически отверг эти наглые требования и потребовал, чтобы гарнизон сложил оружие и сдался ввиду безнадежности его положения. Он подчеркнул, что все выходы из рейхстага блокированы, и гарантировал жизнь всем сдавшимся. В случае отказа от сдачи Берест пригрозил немцам штурмом, после которого сдаваться будет уже некому. Убедить немцев сразу принять решение о капитуляции не удалось. Немецкий полковник обещал дать ответ через двадцать минут. На этом парламентеры расстались. Неустроев, Берест и Прыгунов шли к себе, постоянно ожидая выстрелов в спину, но им повезло – оружие у немцев молчало. Возвращение к своим Неустроев относил где-то на 04.00 2 мая.

Сообщение о переговорах быстро проскочило от батальона до штаба дивизии. Началось напряженное ожидание. Прошло 20 минут, полчаса, час, полтора... немцы молчали.

У выхода из подвала оставалась пулеметная рота, одно 57-мм орудие и рота старшего лейтенанта Грибова. Обстрел территории, прилегающей к рейхстагу, почти прекратился. В это время в рейхстаг с большим шумом подошла пулеметная рота из батальона старшего лейтенанта Самсонова. Бойцы в рейхстаге наконец-то получили воду, горячую пищу и боеприпасы. Люди воспрянули духом, ожили...

Нужно было дать понять противнику, что русские умеют держать слово. Бойцы начали забрасывать подземелье горящими тряпками, смоченнымм соляркой, дымовыми шашками и гранатами. Немцы было полезли тушить эти очаги возгорания, но были отогнаны от входов пулеметным огнем. Неустроев вспоминал, что именно в шестом часу утром 2 мая началась подготовка к штурму подземелья.

Вскоре немцы все-таки не выдержали. Их радиостанция сообщила, что гарнизон рейхстага прекращает сопротивление и просит выслать русского представителя. Немцы просили вызвать понравившегося им «полковника». На этот раз переговоры длились недолго. Немец вручил Бересту приказ коменданта гарнизона о сдаче в плен его личного состава. Для приема сдающихся генерал-майор Шатилов прислал начальника штаба артиллерии 150-й СД подполковника Дерягина. Он вместе с майором Соколовским определил на месте порядок выхода капитулировавших немцев через северный подъезд здания.

Полковник Зинченко в своих воспоминаниях не указал время сдачи немецкого гарнизона, а Неустроев относил начало капитуляции к началу седьмого часа утра 2 мая. Помощник начштаба 171-й СД по разведке майор Постников указывал более точное время – 06.45. К 07.00 2 мая остатки деморализованного гарнизона полностью капитулировали, и борьба в рейхстаге прекратилась.

Пора было подводить итоги боев в рейхстаге. По утверждению полковника Зинченко, из здания вышли 300 человек, а в подвале было обнаружено около 200 убитых. Там же располагался и госпиталь, в котором находились 470 раненых. Неустроев указывал, что сдались 100–120 человек. По количеству пленных он делал вывод, что гарнизон рейхстага не имел в своем составе и тысячи человек. Правда, он допускал, что часть гарнизона вышла через депутатский вход и укрылась в развалинах за рейхстагом. Вероятно, комбат несколько занизил численность противника в рейхстаге, так как не мог оценить сдавшихся другим батальонам.

В донесении командира 150-й СД было указано, что в боях за рейхстаг и на подступах к нему убито и ранено около 2500 солдат и офицеров, уничтожено 28 орудий, захвачено 2604 пленных (в т.ч. два генерала), 1800 винтовок и автоматов, 59 орудий,

15 танков и штурмовых орудий. Полковник Зинченко говорил о 1650 пленных (в т.ч. – 16 офицеров), имея в виду, вероятно, результаты действий своего полка. По словам комбата Неустроева, потери противника и захваченные трофеи были несколько преувеличены. Вполне возможно, указанные потери противника в людях и технике были результатом действий не только 150-й СД, но и подразделений 171-й и 207-й СД.

Уточнить численность гарнизона, перечень защищавших его частей и подразделений не удалось. Да никто к этому и не стремился. Это сказалось потом при написании мемуаров маршалом Жуковым. Полковники, готовившие справочные материалы для первого издания книги, подвели ее автора. Так на стр. 628 этого труда сказано – *«гарнизон рейхстага численностью более 1000 человек»*, и на стр. 629 – *«сдались около 1500 человек»*.

Пленных, выходивших из южного входа рейхстага, видели воины из 598-го СП 207-й СД. Впереди шли немцы с белым флагом, а за ними медленно двигалась большая колонна. Командир полка подполковник Вознесенский на всякий случай приказал бойцам держать оружие наготове. Опасения оказались напрасными. Когда колонна подошла поближе, стало видно, что немцы были безоружными. Впереди шли четыре генерала. Видимо, в это число входили и старцы, захваченные в подземном госпитале. За ними по шесть человек в ряд – старшие офицеры, а далее все остальные.

Командир 420-го ОПТАД майор Бессараб, видевший это шествие, вспоминал: *«На лицах гитлеровских генералов – высокомерие, будто они делали нам одолжение, сдаваясь в плен; офицеров – усталость и что-то вроде любопытства; солдат – покорное безразличие»*. Криков «Гитлер капут» слышно не было, лица мрачные и озлобленные... Зрелище было не из приятных.

Перед НП полка колонна остановилась, генералы вскинули руки к козырькам фуражек, приветствуя комполка подполковника Вознесенского. Майор Бессараб, владевший немецким языком, перевел слова командира о разрешении дальнейшего движения и показал рукой в сторону Шпрее, куда и двинулась колонна пленных.

Вышеотмеченное подтверждает предположение о том, что капитан Неустроев не мог видеть всех пленных, покинувших рейхстаг, так как он не контролировал южный выход из здания.

Пленных из рейхстага Неустроев отправил в «Дом Гиммлера» под конвоем десяти человек. Полковник Зинченко потом указывал, что к 09.00 2 мая все пленные были построены для отправки на сборный пункт. Старшим конвоя был назначен сержант, который по возвращении доложил, что пленных в штаб полка не доставил. Перед «Домом Гиммлера» уже вели большую колонну пленных, и какой-то незнакомый полковник приказал сержанту присоединить пленных из рейхстага к этой колонне. Таким образом, следы этих пленных немцев затерялись в общей массе сдавшихся и захваченных в плен защитников Берлина.

Про потери советских войск во время боев в рейхстаге в мемуарах Зинченко говорилось следующее: 63 убитых и 398 раненых. Вероятно, полковник имел в виду только потери своего полка. Вряд ли общие потери были столь мизерными. Общеизвестно, что в боях в районе рейхстага принимали участие и подразделения 380-го и 674-го СП, а также части усиления. Ведь если только в 1-й роте батальона Неустроева, по утверждению командира 150-й СД генерал-майора Шатилова, потери составили 44 человека, то и в других подразделениях еще трех батальонов они вряд ли могли быть меньше.

После войны командир 79-го СК генерал-майор Переверткин поведал о тяжелых испытаниях, выпавших на долю его войск: *«...с 22 апреля по 1–2 мая корпус вел тяжелые уличные бои в Берлине. За десять дней он пять раз менял направление... Корпус не имел опыта боев в крупных населенных пунктах... Корпус потерял около 5000 бойцов и командиров...»*

Триумф одних – командира 150-й СД Шатилова – как всегда, был связан с расстройством других – командира 171-й СД полковника Негоды. Его тоже все время подгонял комкор Переверткин, подчеркивая успехи «соседей» в рейхстаге. Начались споры о том, кто раньше установил знамена на здании рейхстага. Негода в разговоре со своим начальником штаба полковником Ширяевым сетовал, что, мол, *«пойди докажи, что это мы сдержали противника и обеспечили прорыв соседей* (150-й СД) *к рейхстагу»*. Упреки вышестоящего командования явно задели его самолюбие, но кто с такими пустяками тогда считался.

Утром 1 мая причин для сожалений стало еще больше. Стал виден флаг, установленный на рейхстаге. Естественно, полковник Негода очень сожалел, что *«не мы его установили»*. Да и давление

начальства продолжалось до вечера 1 мая. Основная помощь со стороны 171-й СД выражалась в постоянной артиллерийской поддержке подразделений, которые вели бой в рейхстаге, да и ее батальон тоже там сражался.

Стоит ли говорить, что простые советские солдаты и офицеры в тяжелейших боях внутри горящего здания проявили большое мужество и героизм, овладев этим выдуманным политработниками «символом фашизма». Необходимо подчеркнуть, что в боях за рейхстаг принимали участие и группы добровольцев различных родов войск – артиллеристы, танкисты, саперы. Как сейчас понять, что заставило их пойти на смертельный риск рукопашных боев в лабиринтах рейхстага?

В связи с этим интересны высказывания 24-летнего Бондаря, руководившего одной из групп в боях за рейхстаг. Вот что говорил дважды раненный майор, прошедший от Москвы до Берлина, о своих чувствах при последнем штурме: *«Каждому из нас хотелось жить. Но больше всего – победить! Конечно, обидно умирать в двух шагах от Победы. Однако мы понимали – на нас надеются....»*

Но правильно говорили в те грозные годы: «Кому война, а кому мать родна». Участником интересной сцены, имевшей место в захваченном рейхстаге, стал фотокорреспондент А. Морозов. Рано утром 2 мая с КП 3-й УА он пробрался к рейхстагу, вокруг которого еще шли бои, а окрестности находились под сильным ружейно-пулеметным огнем.

В подвале рейхстага находились чумазые люди, которые были настолько измотаны, что лежали вповалку. Комбат Неустроев приказал разбудить «героев дня» – Егорова и Кантарию. Настырный фотокор потащил их, а также еще нескольких автоматчиков на крышу рейхстага, где начал делать снимки о том, как происходило водружение знамени. Обстановка там была далеко не комфортной, рядом посвистывали пули. Кантария все торопил снимавшего: *«Товарищ старший лейтенант, ну хватит, слющий. Война кончилась, а нас с тобой подстрелят. Обидно будет».*

Он предложил Морозову в подарок на память часы «Альпина», но тот начал отказываться от такого подарка. После долгих уговоров фотокор согласился принять подарок от настойчивого кавказца. Тем более что тот показал наличие под рукавом гимнастерки на руке еще шести подобных часов. Простодушный

фотокор поинтересовался у «героя рейхстага», не с убитых ли снимал часы? Мелитон аж побелел с лица: *«Как ты мог подумать, что я могу этим заниматься? Мы взяли эти часы, когда прорвались к рейхстагу»*.

Недоверчивый Морозов решил выяснить в политуправлении об этой истории с часами. Политработники заверили фотокора в «законности» трофеев, которые были захвачены «на складе абвера», располагавшемся в подвале одного из захваченных домов в районе рейхстага. Конечно, бойцы, обнаружившие ящики с часами, понавешали на себя столько часов, сколько смогли. Тем более что многие из них не могли по бедности их иметь. У советских политработников не возникло сомнений в том, что подобный способ приобретения «сувениров» очень похож на мародерство... Но в этой победной атмосфере никто не обращал внимания на подобные мелочи.

Может возникнуть вопрос: зачем с такими подробностями рассказывать о штурме рейхстага и о водружении Знамени Победы? Во-первых, автору интересно было получить связное и правдивое изложение исторических событий, связанных с захватом важного опорного пункта немецкой обороны, которое никто до сих пор не удосужился сделать. Во-вторых, хотелось опровергнуть лживую версию о «взятии рейхстага» в 14.25 30 апреля, перешедшую из архивов на страницы как газет и журналов, так и серьезных исторических трудов, а также постоянно повторяемую дикторами телевидения во время майских парадов Победы.

Кроме того, хотелось воздать должное всем участникам штурма и показать, что на завершающем этапе войны простые советские воины, далекие от политических игр своих вождей и конъюнктурных порывов командиров, проявили присущие им высокие качества героев-патриотов, спасших мир от нацизма. Они сражались, выполняя свой долг, не за награды, а во имя своего Великого Отечества. А как оценен был их ратный труд – это уже другой вопрос...

Конечно, ряд вопросов, связанных с описанием боев в районе рейхстага, требует дальнейшего изучения, поскольку практически отсутствуют соответствующие источники с немецкой стороны.

Глава 20
Последние дни

1 мая

В ночь на 1 мая была предпринята последняя, запоздалая попытка вывезти из Берлина верхушку Третьего рейха. 30 апреля на совещание к командиру 4-й авиадивизии генерал-майору Францу Реуссу был вызван известный ас бомбардировочной авиации полковник Йоахим Хелбиг, кавалер Рыцарского креста с Мечами. Он виртуозно управлял самолетом Ю-88, но в этот раз ему предстояло пилотировать легкий самолет «Физелер-156». Хелбигу было предложено только организовать эту опасную и безнадежную операцию, но он вызвался ее возглавить.

В 00.02 1 мая девять «Физелеров» взлетели с аэродрома в Шверине. Многие пилоты, участвовавшие в этой операции, считали, что им предстоит вывезти из Берлина Гитлера и Геббельса с семьей. Они, как и их командиры, не знали, что главного из упомянутых лиц уже нет в живых.

Полет прошел без осложнений, и через два часа легкие самолеты были уже над Берлином. Они достигли Ваннзее, так как предполагаемое место посадки (Кенигс-аллее) располагалось вблизи этого озера, и начали кружить в ночном небе, ожидая условного сигнала с земли, чтобы приземлиться. В бесполезном ожидании прошел час, но сигнала все не было.

Летая на малой высоте, пилоты могли ясно видеть Кенигс-аллее и прилегающие улицы, но признаков появления колонны автомашин, которую ожидали наивные пилоты, не было. Тогда Хелбиг решил, что, возможно, их ждут в районе железнодорожного вокзала Ваннзее. Он что ожидал, что фюрер и его свита прибудут туда на поезде?

Его надежды быстро развеялись. Оказалось, что вокзал был уже захвачен русскими, и самолеты попали под сильный артобстрел. Поскольку топлива у пилотов оставалось лишь на обратный путь, Хелбиг дал команду возвращаться. На рассвете 1 мая все девять самолетов благополучно приземлились в Шверине.

В этой критической ситуации ясно выявились все недостатки принятия несогласованных и скороспелых решений. Непонятно, почему не было оговорено использование радиосвязи в районе предполагаемой посадки? Хотя эта операция в очередной

раз продемонстрировала немецкую четкость исполнения приказа и мужество исполнителей. Вероятно, командование 4-й авиадивизии выполняло указание нового командующего люфтваффе фельдмаршала фон Грейма, который только что вырвался из Берлина и стремился оправдать свое новое назначение.

За пределами Берлина немецкое военное руководство продолжало «путешествовать» по городам и весям Северной Германии. В 04.30 1 мая ставка ОКВ с приданными штабами была переведена еще дальше на север – в Висмар. Высшие командные инстанции, непосредственно не участвовавшие в оперативном руководстве войсками, были переброшены в Плён.

Дениц, который 1 мая находился в Плёне, попробовал переключить на себя руководство германской армией. Для этого он пытался использовать в качестве органа оперативного руководства штаб ОКВ, вернее, то, что от него осталось. По этому случаю фельдмаршал Кейтель был вызван на совещание к рейхспрезиденту к 08.00 1 мая.

На фоне переговоров генерала Кребса с советским командованием, о которых будет рассказано чуть ниже, и завершения боев в Берлине из бункера рейхсканцелярии гросс-адмиралу Деницу были отправлены две исторические радиограммы. В различных источниках их текст несколько отличается, но смысл остается одинаковым.

Первая ушла из имперской канцелярии в 07.40 и была получена в 10.53 (или 10.35): *«Завещание вступило в силу. Я постараюсь прибыть к вам как можно скорее (как только смогу). До тех пор рекомендую воздержаться от публикации. Подпись – Борман»*. Удивляет менторский тон рейхслейтера по отношению к новому рейхспрезиденту. Несколько озадачивает и умолчание о свершившимся факте – смерти фюрера.

Вторая радиограмма была отправлена из имперской канцелярии в 14.46 и была получена в Плёне в 15.15. Это была последняя весточка из бункера, отправленная уже после возвращения Кребса, когда для нацисткой верхушки все стало предельно ясно – затеянная ими политическая игра проиграна. Она гласила:

«Гросс-адмиралу Деницу. Совершенно секретно. Вчера в 15.30 умер фюрер. По завещанию от 29 апреля вы назначены рейхспрезидентом... (далее следовал список нового правительства). *По приказу фюрера завещание выслано вам из Берлина.*

Борман намерен отправиться к вам сегодня, чтобы проинформировать об обстановке. Время и форма сообщения для прессы и обращения к войскам – на ваше усмотрение. Подтвердите получение. Подпись – Геббельс».

В первой радиограмме только намекалось на возможное изменение в руководстве страной и говорилось о некоем завещании, которое Дениц еще не успел получить. О смерти фюрера не сообщалось. Не рекомендовалось сообщать что-либо и широкой публике. Возможно, эти неопределенности были связаны с тем, что к тому времени еще не был получен ответ Советского правительства на обращение Бормана – Геббельса.

Не совсем понятна и цель отправления столь малоинформативной радиограммы. Что хотели этим сказать «берлинские окруженцы»? Подготовить Деница к получению важного сообщения? Или просто сообщить о том, что они еще живы и пытаются как-то влиять на события? Сложно понять логику немецкой верхушки, если она тут вообще присутствовала.

Со второй радиограммой более или менее все ясно. Геббельс уже, видимо, определился со своими планами, так как сообщал лишь о желании Бормана вырваться из Берлина. Деницу предоставлялась определенная свобода действий, несколько ограниченная списком нового правительства. Но вероятно, Геббельс недостаточно знал своевольного и упрямого гросс-адмирала.

Дениц тут же «взбрыкнул» и во всеуслышание заявил своему окружению, что он не позволит навязывать себе состав кабинета. Законопослушный начальник ОКВ фельдмаршал Кейтель, которому были показаны обе радиограммы, тут же заявил, успокаивая Деница, что присяга, данная фюреру, без оговорок распространяется и на гросс-адмирала как на указанного Гитлером главу государства.

Состоялась и очередная встреча двух «сильных личностей». К 12.00 1 мая в Плён прибыл рейхсфюрер Гиммлер, которого, похоже, никто и не собирался арестовывать, согласно последней воле умершего фюрера. У него состоялась длительная беседа с Деницем наедине. Осторожный Кейтель, у которого сложилось впечатление, что Гиммлер претендовал на пост военного министра, уклонился от обсуждения с рейхсфюрером вопроса о возможных назначениях. Он прекрасно понимал, что время Гиммлера уже прошло.

Дениц проинформировал Кейтеля о том, что Гиммлер после ознакомления с радиограммой Геббельса по всей форме предоставил себя в его распоряжение, желая стать вторым лицом в государстве, не забыв злорадно упомянуть о том, что несколько дней назад Гиммлер сам носился с мыслью о преемничестве. Он также поинтересовался мнением Кейтеля о Гиммлере как члена кабинета. Фельдмаршал, естественно, заявил о том, что это неприемлемо, о чем они с Деницем договорились хранить молчание. Начались интриги за замещение постов в новом кабинете. И это перед финалом политической истории нацистского государства!

Потом Дениц, который все еще побаивался Гиммлера (он даже при их личном разговоре держал пистолет в полуоткрытом ящике письменного стола), поручил Кейтелю просить рейхсфюрера покинуть Плён и в дальнейшем отказаться от посещения его штаб-квартиры. Фельдмаршал, не обременяя себя сомнениями, выполнил это поручение рейхспрезидента по-солдатски лаконично и четко. Фактически Гиммлеру грубо указали на дверь!

Кроме вышеупомянутых радиограмм, в 10.45 1 мая в ОКВ поступила еще одна убойная радиограмма от командующего на Западе фельдмаршала Кессельринга. Он сообщал о капитуляции немецких войск в Италии и подчеркнул, что потрясен *«самовольной»* капитуляцией, что повлекло за собой отстранение от должности командующего группой армий «Ц» генерала Фитингофа. В этом сообщении явно просматривалось желание оправдать самого себя, отделив свою позицию от «итальянских заговорщиков». А ведь эта «самовольная» капитуляция была с ним согласована!

Позиция Деница в этом вопросе была совершенно ясна: он был категорически против каких-либо не согласованных с ним капитуляций. Но в этом случае уже ничего нельзя было поделать. К тому же Дениц уже готовился к вступлению в новую должность. Для этого в течение 1 мая шла подготовка текста воззвания, с которым новый рейхспрезидент должен был обратиться к армии и народу.

1 мая 1945 г. получил радиограмму от верховного командования вермахта и фельдмаршал Шернер. В ней сообщалось, что он должен был организовать получение очень важного письмен-

ного документа от Гитлера на озерном островке Пфлауэн в районе Потсдама. Шернер немедленно послал туда сразу три самолета, которые не смогли выполнить поставленную задачу из-за сильного противодействия авиации союзников. Вероятно, предполагалось передать фельдмаршалу копию завещания фюрера и приказ о его назначении командующим сухопутными войсками. Даже если бы эта авантюрная акция удалась, получение вышеуказанных документов не смогло бы облегчить задачу Шернера по продолжению безнадежного сопротивления.

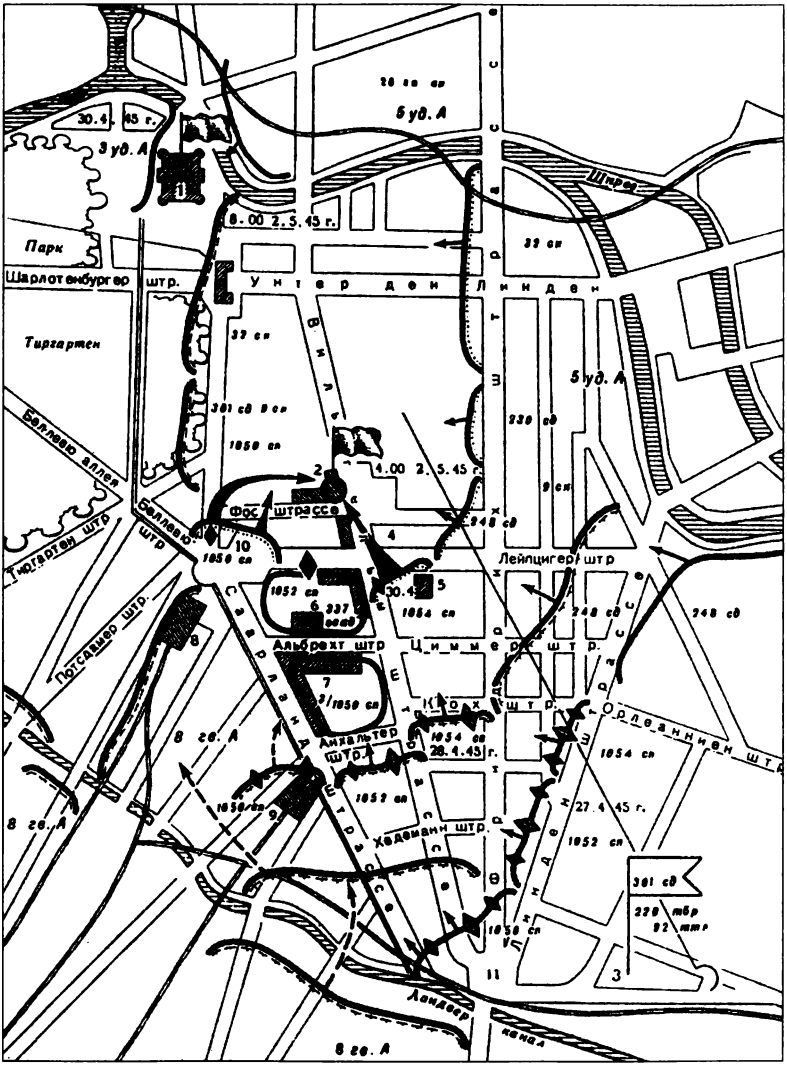
В то время как в Северной Германии рейхспрезидент Дениц пытался укрепить свои политические позиции и выстроить определенную линию в дипломатических взаимоотношениях с союзниками, в центре Берлина истекало время существования кучки последних соратников Гитлера.

Советские войска постепенно подбирались к рейхсканцелярии. По сравнению с рейхстагом она («объект 153») была намного менее заметна. Ни куполов, ни башен. Здание старой рейхсканцелярии, построенное еще при прусских королях, едва выделялось среди других зданий на Вильгельмштрассе.

Еще вечером 30 апреля части 301-й СД вышли к Лейпцигерштрассе. В проломах северной части ограды квартала министерства авиации виднелись здания нового квартала. Сквозь едва зеленевшие ветви деревьев просматривалось беловатое здание с гербом в виде большого, хищного бронзового орла на фасаде. Оно находилось совсем близко – в 150–200 метрах. Это и было здание новой рейхсканцелярии. Данный факт подтверждали и немцы. Согласно позднейшим показаниям адмирала Фосса, район рейхсканцелярии 1 мая стал непосредственной ареной боев.

Ночью и утром велась подготовка к штурму этого важного объекта. Полки 301-й СД проводили перегруппировку, подвозили боеприпасы, артиллерия и танки выходили на новые огневые позиции. В частности, тяжелые танки ИС-2 из 92-го ТТП продвинулись по Вильгельмштрассе настолько, что могли теперь вести огонь прямой наводкой по *«дворцу канцлера империи»*.

В 10.00 1 мая на КП командира 301-й СД генерал-майора Антонова позвонил командир 9-го СК генерал-лейтенант Рослый. Как водится, комкор поздравил Антонова с праздником и приказал к 11.00 подготовить последнюю атаку. После мощного



Штурм сектора «Цитадель», 27 апреля – 2 мая 1945 г.
Цифрами обозначены: 1 – рейхстаг, 2 – рейхсканцелярия, 3 – патентное управление, 4 – министерство финансов, 5 – почтамт, 6 – министерство авиации, 7 – здание гестапо, 8 – Потсдамский вокзал, 9 – Анхальтский вокзал, 10 – Лейпцигерплатц, 11 – Белле-Альянсплатц

огневого налета батальоны поднялись в атаку: 1054-й СП ворвался в квартал со зданием министерства финансов, а 1050-й СП вышел к Фоссштрассе, Герман-Герингштрассе и к саду рейхсканцелярии. 1052-му СП было приказано очистить подвалы и крыши зданий квартала министерства авиации.

Утренняя атака продолжалась недолго. Вновь был получен приказ о прекращении огня. К сожалению, в своих мемуарах Антонов не указал точного времени получения этого «стоп-приказа». Видимо, советское командование во время переговоров с генералом Кребсом решило не нервировать обитателей бункера и не препятствовать немцам обдумывать свое безнадежное положение проведением артобстрелов и продолжением атакующих действий. Отсрочка, предоставленная противнику во время начавшего боя, была явно на руку немцам, которые просто тянули время, готовясь к прорыву из города.

Вечером 1 мая подготовка наступления в полосе 9-го СК возобновилась. Войска готовились к решающему штурму, были ориентированы командованием на то, что утром 2 мая будет проведена мощная авиационная подготовка. Командиры частей, воочию зная «точность» работы своей авиации, на ряде участков в целях безопасности даже несколько оттянули назад свои огневые средства.

Однако на основании разведданных, полученных разведкой 301-й и 248-й СД, было решено начать штурм рейхсканцелярии раньше, чем планировалось. Командование 5-й УА пришло к выводу, что нет смысла откладывать до утра штурм в центре правительственного квартала. Было принято здравое решение о нецелесообразности проведения авианалета, поскольку он мог привести к потерям среди своих. Маршал Жуков одобрил это решение, подчеркнув, разумеется, как всегда, что ответственность за успех намеченной атаки возлагается на командующего 5-й УА генерал-полковника Берзарина. Жуков напомнил, что захват ставки Гитлера будет *«хорошим первомайским подарком»*, не сумев уйти от заезженных штампов.

Надо отметить, что намеченный объект атаки именовался в те дни по-разному. Официальное название, которое имелось на карте Берлина, «объект 153» – *«дворец канцлера империи»*, но чаще встречались и другие варианты – *«рейхсканцелярия»* или *«имперская канцелярия»*.

Что же представлял собой «объект 153»? В городе имелось два здания рейхсканцелярии. Стоявшее фасадом на Вильгельмштрассе – это была старая канцелярия, а трехэтажное здание фасадом на Фоссштрассе – новая. На последнюю и была нацелена 301-я СД. Судя по многочисленным аэрофотоснимкам, новая рейхсканцелярия представляла собой почти смыкающиеся под прямым углом два крупных здания, образующих на плане гигантскую букву «Г». Символично, не правда ли?

Это гигантское строение с квадратным балконом, похожее на казарму, занимало квартал в самом центре Берлина. Оно было построено весной 1939 г. по проекту архитектора Шпеера, будущего министерства вооружений, в характерном для нацистов помпезном стиле. Многочисленные прямоугольные колонны и высокие порталы, облицованные шведским мрамором, должны были, по замыслу Гитлера, будить мысли о величии, мощи и незыблемости Третьего рейха. Надписи у входа свидетельствовали о том, что здесь размещалась канцелярия фюрера, адъютантуры вооруженных сил при фюрере и рейхсканцлере, персональная адъютантура Гитлера и канцелярия НСДАП. Широкая мраморная лестница вела внутрь здания.

Однако теперь, весной 1945 г., здание новой рейхсканцелярии производило жалкое впечатление. Многие колонны обрушились, почти все стекла были выбиты, их заменили папки для бумаг. Из здания исчезли дорогие ковры и картины, их перетащили в бомбоубежище. Кабинеты окончательно опустели, а на своих местах оставались лишь часовые, которые тройной цепочкой преграждали доступ в здание. С западной стороны рейхсканцелярию от парка Тиргартен отделяла высокая бетонная стена, идущая до здания министерства иностранных дел.

Сад рейхсканцелярии представлял собой ужасную картину– глубокие воронки, поваленные деревья, заваленные обломками дороги. Фоссштрассе также пестрела огромными воронками от бомб, а дома на Герман-Герингштрассе полностью сгорели.

Когда участились бомбардировки Берлина, Гитлер согласился построить на территории рейхсканцелярии глубокие бомбоубежища, которые организация Тодта начала сооружать еще в 1942 г. Однако к весне 1945 г. в саду рейхсканцелярии было полностью завершено лишь строительство бункера для самого фюрера. Выражение «бункер рейхсканцелярии» не совсем точ-

ное, так как в комплексе зданий имперской канцелярии было много различных бомбоубежищ, соединенных между собой переходами.

Подземелье рейхсканцелярии делилось на две основные части. Первая из них находилась сравнительно неглубоко под землей и шла вдоль фасада новой рейхсканцелярии. Подземелье, выложенное светлым кафелем, предназначалось для складских помещений и вспомогательных служб. В последние дни обороны Берлина сюда перенесли эсэсовский лазарет. Отсюда узкий подземный ход длиной 70–80 метров (высота – 2,3 метра, ширина – 1,2 метра) с бетонным перекрытием толщиной около метра (и еще 1,2 метра почвы) через подземный гараж вел к «фюрер-бункеру», который был расположен в 25 метрах от старой рейхсканцелярии и в 78 метрах от новой. Бункер имел несколько выходов на поверхность из здания старой рейхсканцелярии и запасной из сада.

В позднейшем акте МВД СССР сказано, что над входом в бункер со стороны сада было построено прикрытие треугольной формы. В этом же документе указано, что к входу из сада с западной стороны примыкала незаконченная часть вентиляционного устройства, а с противоположной стороны была расположена железобетонная наблюдательная башня высотой 8,3 метра с тремя люками-бойницами. В нижней части башни – в стене, обращенной к зданию старой рейхсканцелярии, – имелся люк, закрытый стальным щитом.

«Фюрер-бункер» был заглублен на 7,6 метра, а его железобетонный потолок был толщиной 3,5 метра. Стены этого сооружения были толщиной 3,6 метра, а высота помещения – 2,85 метра. Новый бункер являлся лишь усиленным вариантом прежнего (переднего) бункера с перекрытием всего лишь в 1,6 метра и не предназначенного для постоянного пребывания, но жизнь рассудила иначе.

Перекрытия и стены бункера были выполнены из высокосортного бетона. Потолок, кроме того, усилили толстыми бетонными балками. Тем не менее он прямо-таки сотрясался от близости взрывов мощных авиабомб, песчаная почва создавала почти идеальные условия для распространения ударной волны. Это, вероятно, сильно пугало Гитлера, из-за чего он и приказал укрепить убежище дополнительным перекрытием толщиной в

метр из дробленого гранита, переложенного густой металлической сеткой.

Бункер был оборудован приточно-вытяжной вентиляцией с тремя фильтрами, которые могли задерживать даже боевые отравляющие вещества. С 20 апреля вентустановка работала практически непрерывно и весьма устойчиво. Оба бункера были полностью автономны, независимы от внешнего питания электроэнергией и водой.

В первом, менее заглубленном, бункере было девять комнат для персонала: слуги, камердинер Линге, вегетарианская повариха Манциарли и так далее, далее шли огромная кухня и продсклад, а также большой ресторан. Кроме того, в бункере размещались начальник партийной канцелярии рейхслейтер Борман и его референт штандартенфюрер Цандер, генерал Бургдорф со своим адъютантом, адъютант Гитлера Гюнше, личные пилоты Баур и Бетц, стенографисты и секретарши. Здесь находились также бригаденфюрер Монке со своими офицерами; а также представители: Гиммлера – группенфюрер Фегеляйн, МИДа – посланник фон Хевель и ВМФ – вице-адмирал Фосс.

Второй бункер по сравнению с первым был заглублен еще на три метра и соединялся с ним винтовой лестницей. Последняя заканчивалась бронированной дверью, за которой тянулся коридор, по обе стороны которого находилось 18 комнат. В них размещалась охрана, различное машинное оборудование, дизель-генераторы и емкости с соляркой, водопроводная насосная станция, телефонная станция и радиостанция.

Первую часть коридора от второй, так называемой приемной, отделяла бронированная дверь. Вход в приемную охранялся. Стены приемной были увешаны картинами, главным образом итальянскими ландшафтами. У одной стены стояло от 12 до 16 кресел, кожу с которых потом ободрали советские солдаты на сапоги. У противоположной – мягкая кушетка, обивку которой затем тоже срезали «на память», а перед ней – прямоугольный стол и мягкие стулья.

Слева и справа от кушетки были две бронированные двери. Левая дверь вела, как указано в акте МВД, в *«квартиру»* Гитлера и Евы Браун, состоявшую из передней, рабочего кабинета, спальни, комнаты Евы Браун и двух туалетных комнат. Правая дверь вела в комнату для совещаний размером 3×4 метра, куда

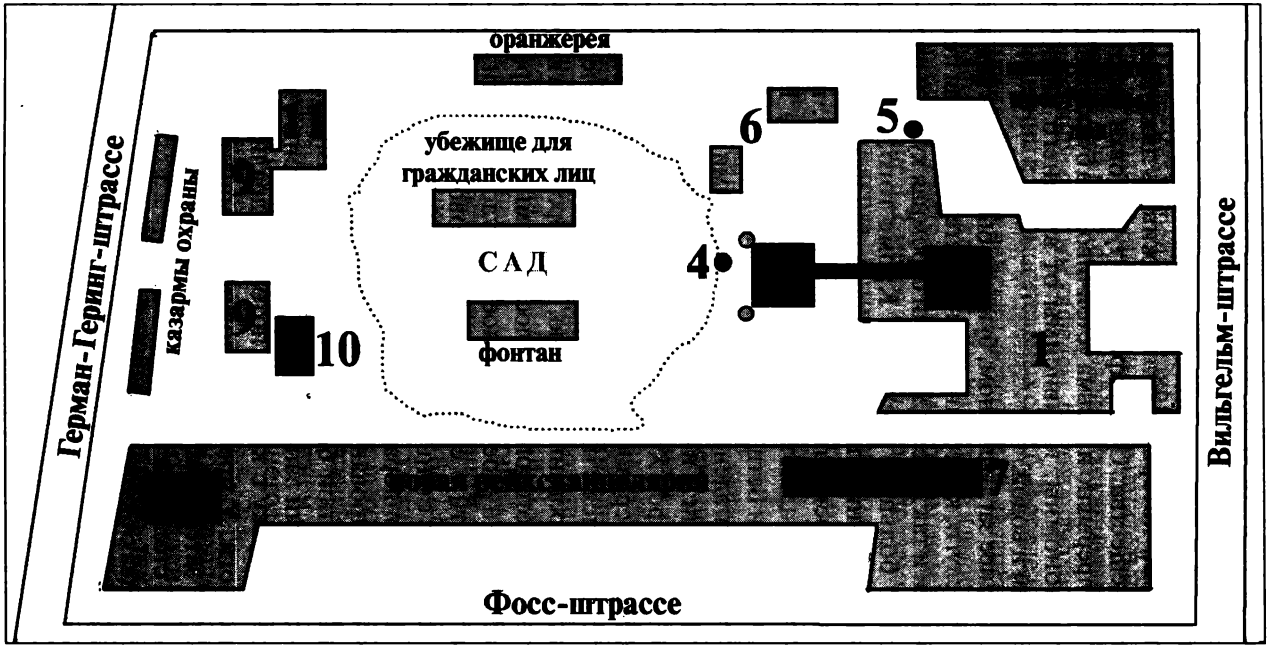


Схема квартала рейхсканцелярии.
Цифрами обозначены: 1 – старая рейхсканцелярия, 2 – 1-й бункер, 3 – 2-й бункер (фюрера), 4, 5 – выходы из бункеров, 6 – помещения Кемпки, 7 – подземный госпиталь, 8 – подземный гараж, 9 – гаражи, 10 – бункер шоферов, 11 – мастерская

иногда набивалось до 20 человек. А всего последнее «жизненное пространство» фюрера составляло около 300 кв.метров.

К машинному отделению примыкала комната с картами, на которых отражалась обстановка в воздушном пространстве над Германией и отслеживались действия сил ПВО. Через переднюю можно было попасть в еще один отсек бункера: здесь было несколько кабин для овчарок, охранявших Гитлера, а также прекрасно оборудованная операционная. Вот отсюда-то поднималась бетонная лестница, в конце которой и был запасной выход, который вел в сад рейхсканцелярии. Комната Геббельса была угловой недалеко от запасного выхода.

В бункерах располагались многочисленная охрана, которая была укомплектована эсэсовцами под командованием группенфюрера Раттенхубера, а также батальон СС – в общей сложности 600–700 человек. Многочисленные посты перекрывали все входы в бункер, стояли на лестницах и в коридорах подземелья.

Вот в такой более чем скромной обстановке ютился в конце жизни вождь немецкого народа вместе со своим окружением. Здесь он принимал последние решения по военным и политическим вопросам. Гитлер чувствовал себя не очень комфортно в этом подземелье. Ему мешал сильный шум от работающих вентустановок. Также он чувствовал недостаток кислорода, для чего пришлось даже поставить в бункере кислородный баллон.

Тяжелая бытовая обстановка в бункере, находившемся к тому же под постоянным обстрелом, не способствовала организации нормальной работы ставки фюрера. Маршал Жуков посетил эту «берлогу фашизма» 3 мая, где ему *«в нос ударил спертый воздух»*, так как вентиляция уже не работала. Название *«жилой бункер»*, по его мнению, *«казалось неподходящим»*.

16 июля 1945 г. в бункере побывал и английский премьер-министр Уинстон Черчилль, прибывший на Потсдамскую конференцию. Он смог преодолеть лишь один пролет лестницы, но потом отказался от осмотра и медленно поднялся на поверхность. Премьер высказался негативно об этом визите своему соратнику лорду Морану: *«Гитлеру следовало бы выходить сюда, чтобы подышать воздухом и послушать приближающиеся залпы винтовок»*. Но выслушать совет одного из злейших врагов Гитлера было уже некому...

Около 17.00 на КП 301-й СД, расположенном в здании почтамта на Вильгельмштрассе, появился офицер политотдела 5-й УА майор И.В. Малышев, отвечавший за работу в частях противника. Вероятно, даже на последнем этапе штурма Берлина никак нельзя было обойтись без демагогии. Бойкий майор испросил у комдива Антонова разрешения «поговорить» с немцами, засевшими в здании рейхсканцелярии.

Несмотря на увещевания Антонова, убеждавшего рьяного пропагандиста в том, что разговаривать с эсэсовцами не о чем, в 18.00 передающая установка все же заговорила: гарнизону рейхсканцелярии было предложено сложить оружие. Пустая болтовня и ненужные увещевания продолжались до тех пор, пока точным выстрелом фаустпатрона установка не была повреждена. Но «галочка» за проведение этого псевдогуманного мероприятия была поставлена.

Понятно, что убеждать сдаться противника, которому нечего терять, было занятием, заранее обреченным на неудачу. Формальный подход к порученному делу в данный момент был ярко продемонстрирован со стороны ушлого политработника, явно рассчитывавшего на получение «заслуженной» награды. К сожалению, на немцев, отчаянно сражавшихся в Берлине, не действовали и более весомые аргументы, чтобы побудить их к капитуляции.

Пока майор Малышев пытался уговорить оголтелых эсэсовцев сдаться, штурмовые группы 301-й СД, а также приданные и поддерживающие огневые средства заняли позиции для наступления между Саарландштрассе и Вильгельмштрассе. К атаке готовились также и подразделения 248-й СД и отдельный саперный батальон 230-й СД. Таким образом, рейхсканцелярия была блокирована советскими войсками с двух сторон, а третья – западная – находилась под их огневым контролем. Подразделения 1054-го СП продолжали вести бой вдоль Вильгельмштрассе внутри здания министерства финансов и углового здания на Фоссштрассе, где немцы пытались закрыть выход на Вильгельмплатц.

В 18.30 1 мая начался штурм рейхсканцелярии. На нее обрушился ливень огня полковой, дивизионной и корпусной артиллерии, а также танков 20-й ТБр полковника Константинова. После этого мощного огневого налета батальоны 1050-го СП

301-й СД перешли в атаку. Отвлекая внимание немцев со стороны фасада, советские войска нанесли основной удар через сад и двор рейхсканцелярии.

Надо отметить, что из-за завалов танки и орудия не могли попасть во двор рехйсканцелярии, так что стрелковые роты вынуждены были обходиться своими огневыми средствами. Первыми в здание со стороны Фоссштрассе ворвался батальон 1050-го СП майора Шаповалова, а во внутренний сад со стороны Герман-Герингштрассе – батальон майора Давыдова. Сад рейхсканцлярии превратился в арену ожесточенного боя.

Бетонные стены, окаймлявшие внутреннюю территорию канцелярии, подрывались саперами, и в проломы врывались штурмовые группы. Через некоторое время в здание новой рейхсканцлярии проникли также и бойцы 1054-го СП. На подступах и внутри здания атакующие понесли большие потери. Бой за овладение рейхсканцлярией все более осложнялся и распался на десятки очагов. Развернулись ожесточенные схватки у сухого бассейна, находившегося на территории сада. Там группа немцев в черных мундирах перешла в отчаянную контратаку из-за метровой бетонной стены. Дело дошло до рукопашной. С контратаковавшими вскоре покончили, взяв лишь одного пленного.

Около 24.00 со своего КП, находившегося в здании датского посольства, командир 1050-го СП подполковник И.И. Гумеров доложил командиру дивизии генералу Антонову, что *«в саду рейхсканцелярии творится что-то невообразимое»*. Что именно там происходило, будет показано ниже.

Вход в старую рейхсканцелярию штурмовал батальон 902-го СП 248-й СД майора Ковалевского. Взаимодействуя с подразделениями 899-го СП полковника С. Артемова, он должен был ворваться в здание. Батальон Ковалевского продвигался очень медленно, используя воронки и вывороченные плиты мостовой. Эсэсовцы сопротивлялись очень упорно, и пленных в этом бою, по словам командира 902-го СП подполковника Ленева, не было. Потери атакующих были также велики. В батальоне Ковалевского после пяти атак были выбиты все ротные командиры, а взводных осталось всего четверо. Результат всех атак был ничтожен. Продвижение за ночь на 2 мая составило всего около 100 метров, а к рассвету сопротивление немцев еще более усилилось.

Не могла похвалиться боевыми успехами и 3-я Гв.ТА. В течение всего дня 1 мая ее части медленно теснили противника на своих участках. Наступавший в западном направлении 9-й МехК сумел продвинуться до станции Савиньи. 6-й Гв.ТК сломил сопротивление немцев на рубеже окружной железной дороги и к исходу дня достиг района Гогенцоллерндамм.

53-я Гв.ТБр 6-го корпуса окружила опорный пункт противника на южной стороне Элизерплатц и после напряженной перестрелки вынудила капитулировать его гарнизон в составе около 600 человек. К удивлению командира бригады генерал-майора Архипова, командир 6-го Гв.ТК генерал-лейтенант В.А. Митрофанов оказался недоволен результатами боя. Он по радио поправил своего комбрига: *«Не увлекайтесь пленением солдат противника. Они от нас никуда не денутся»*. Комкор поставил Архипову задачу: пересечь Бранденбургштрассе и соединиться с танкистами 2-й Гв.ТА. На этот раз приказ был выполнен, и вскоре танкисты уже праздновали встречу с бойцами 35-й МехБр.

На встречу с танкистами 2-й Гв.ТА рвались также и другие части 6-го Гв.ТК. 56-я Гв.ТБр полковника Л.И. Куриста к исходу дня вышла к кварталам, прилегавшим к вокзалу Шарлоттенбург. К тому времени от 2-й Гв.ТА бригаду отделял «коридор» шириной около 500 метров. Однако преодолеть это расстояние было очень непросто, поскольку сопротивление немцев, сильно уплотнивших свои ряды, не ослабевало.

Путь к вокзалу Шарлоттенбург преграждали надолбы и воздвигнутые поперек улиц толстые каменные стены. Немцы вели сильный артиллерийский и минометный огонь по боевым порядкам бригады, огневые средства которой отвечали тем же. В окрестных кварталах бушевал неимоверной силы пожар. Дым заволакивал все вокруг. Один из танков Т-34, отходя задним ходом от обстрела немецких самоходок, угодил в бассейн посреди площади. Из воды грустно торчала только его башня...

Вот такая неприглядная картина предстала перед глазами командующего 3-й Гв.ТА Рыбалко, которому явно не терпелось посмотреть на результаты действий подчиненных. Он обсудил обстановку с Куристом и командиром полка 20-й СД, который наступал вместе с танкистами. Уже сев в машину, Рыбалко задал своему комбригу сакраментальный вопрос: *«Тебе воевать не надоело?»* На утвердительный ответ Куриста последовал «шутли-

вый совет» Рыбалко: *«Так кончай!»* Быстро выполнить это пожелание высокого начальства не удалось...

После кровавого побоища 30 апреля при попытке прорыва на запад на участке 7-го Гв.ТК немцы временно притихли. Прекратился артогонь, не показывались танки, куда-то подевались фаустники. 55-я Гв.ТБр полковника Драгунского продолжала «выкуривать» немцев из укрытий в подвалах, подземельях и тоннелях, очищая квартал за кварталом в районе Рейхсштрассе.

К середине дня 1 мая подразделения бригады продолжали наступать, уже не встречая сопротивления. Драгунский отмечал потом: *«Берлин по-прежнему пылал, со страшным грохотом рушились дома, густой, едкий дым застилал глаза, над городом стоял смрад от разлагающихся трупов»*.

Вдруг по радио был получен приказ об усилении штурма, который продублировали по телефону и с помощью посыльных. В 18.30 1 мая вся артиллерия 55-й бригады открыла мощный огонь, к которому примкнули и части поддержки – дивизион «катюш» и шесть дивизионов из артдивизии прорыва. Понятно, что этот мощнейший артиллерийский удар носил уже чисто символический характер. Он должен был послужить для противника весомым аргументом, способным побудить его к капитуляции.

Но этот призыв не был услышан противной стороной. Весь вечер 1 мая и всю ночь на 2 мая 55-я бригада продвигалась по улицам и кварталам севернее железнодорожной станции Пихельсберг. Только перед рассветом немцы начали вылезать из своих пор и поодиночке, мелкими группами, а потом и толпами начали сдаваться в плен. Как это ни странно, только от пленных танкисты узнали о капитуляции берлинского гарнизона. Видимо, командование 3-й Гв.ТА решило не расхолаживать свои части в преддверии окончания боев в городе.

Нелегкие испытания выпали 1 мая на долю и танкистов 44-й Гв.ТБр из 11-го Гв.ТК, которой с 28 апреля после ранения полковника Гусаковского командовал его заместитель подполковник Е.Я. Стысин. Еще утром 30 апреля бригада получила приказ комкора выйти в парк Генриха и быть готовой форсировать Ландвер-канал на участке Кейтштрассе, а потом совместно с 27-й Гв.МСБр овладеть западной частью парка Тиргартен.

Бригада и приданные ей части быстро сосредоточились в указанном районе. Стысин и его штаб организовали дозаправку

топливом, пополнили боеприпасы, уточнили детали взаимодействия с мотострелками. Ошибок, допущенных при неудачной попытке форсировать Шпрее 24 апреля, повторять не хотелось.

Но и здесь сложилась непростая обстановка. Переправу через канал прикрывали довольно крупные силы противника. До 15.00 1 мая бригада вела с ними тяжелый бой. Наконец немцы, понесшие большие потери, не выдержали натиска танкистов и отошли на северный берег канала, взорвав за собой мост. Саперы бригады под прикрытием огня танков и самоходок смогли восстановить его. Бригада переправилась на берег, занятый противником, и начала теснить его к центру города. К 22.00 удалось очистить от немцев пять кварталов и подойти к ипподрому. Потери бригады в этих боях были чувствительными, так что оставшиеся танки пришлось свести в один батальон.

В грохоте взрывов, ожесточенной трескотне пулеметов, отблесках бесчисленных пожаров агонизирующего Берлина истекали последние часы 1 мая 1945 г. Тем временем в 44-ю Гв.ТБр в преддверии завтрашнего боя даже прибыло запоздалое пополнение – танковая рота и батальон мотострелков из 40-й Гв.ТБр. Но танкисты еще не знали, что воевать завтра им уже не придется...

Продолжались бои и северо-западнее Берлина, где войска 61-й армии, продолжая преследовать противника, овладели г.Ной-Руппин, продвинувшись к исходу дня 1 мая на 15 км. 77-й СК 47-й армии завершил уничтожение немецкой группировки в Бранденбурге, полностью очистив город от противника.

Южнее Берлина продолжали пробиваться из окружения остатки немецкой 9-й армии. Обстановка в этом районе была весьма своеобразной. Чем сильнее нажимали на окруженных сзади войска 1-го БФ, тем с большей энергией они прорывались вперед – в тылы 1-го УФ. Немцы, уплотняя боевые порядки, атаковали все активнее. Рассечь эту группировку в динамике боев длительное время не удавалось. Она была активна и подвижна, стремилась прорваться любой ценой. Немцев зажимали, они уходили. Их окружали, они прорывались, двигаясь постоянно в кольце советских войск.

Командующий 1-м УФ Конев считал, что *«200 000 бойцов – это что-то, особенно когда они целеустремленно и отчаянно пробиваются к своей цели»*. Правда, когда немцы 1 мая были уже

в районе Беелитца, их оставалось, по оценкам советской разведки, только около 30 000 человек.

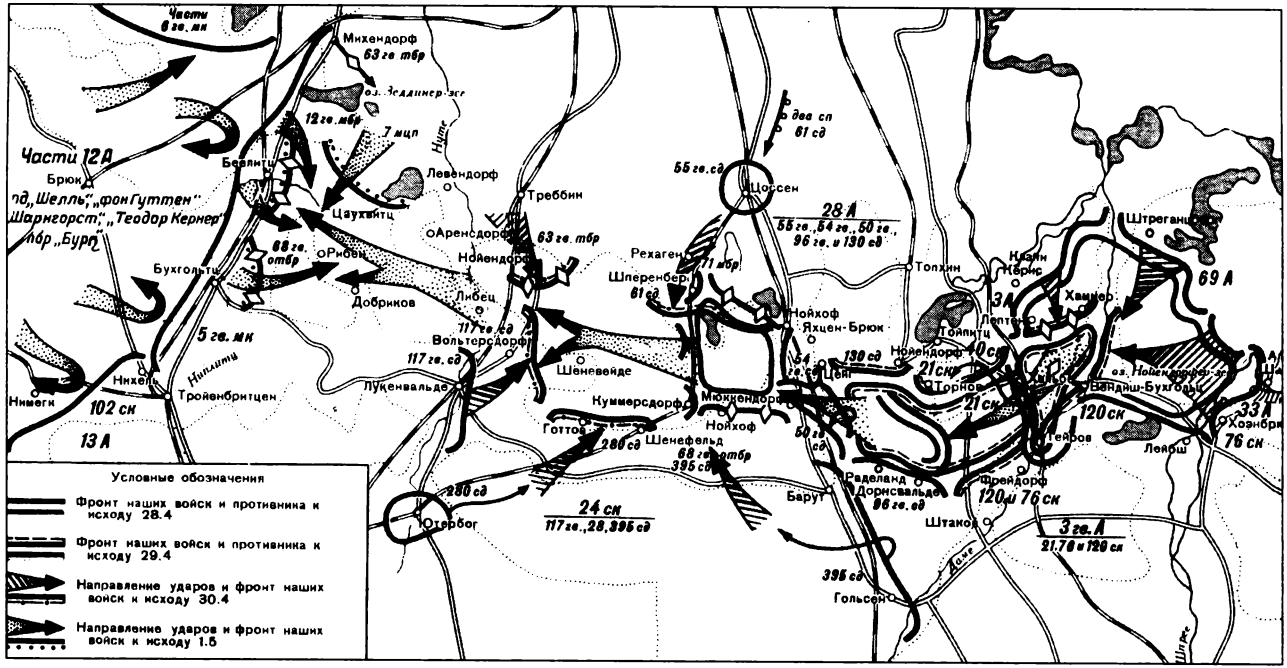
Конев признавал, что в безнадежной ситуации противник принимал самые отчаянные и неожиданные решения. Немцы прорывались там, где при других обстоятельствах не осмелились бы на это. Компактное расположение сильной группировки на ограниченной площади позволяло им быстрее создать ударные части, добиваясь короткого, но решающего численного превосходства на узких участках прорыва при отсутствии сплошной линии обороны советских войск. Прорывам способствовали большие лесные массивы в районе окружения, обеспечивавшие скрытность перегруппировок.

1 мая в районе Беелитца наблюдалась и активизация частей 12-й армии. Хотя немецкий историк Типпельскирх почему-то не писал о ее попытках прорвать внешний фронт окружения 9-й армии. Он сообщал только о переходе к обороне на рубеже между Бранденбургом и Хафельсбергом. Видимо, посчитал атакующие попытки армии Венка малозначительными.

Как же виделась обстановка в данном районе с немецкой стороны? Остатки 9-й армии собирались в лесах к западу от полигона в Куммерсдорфе для последнего рывка на запад. Генерал Буссе писал: «*Руководить авангардом прорыва было снова поручено 5-му АК, так как с 11-м ТКСС связь была потеряна. Перед наступлением темноты был необходим отдых, чтобы войска собрались с силами и изготовились к последнему броску. В ходе постоянных радиопереговоров с 12-й армией на вопрос, где лучше прорвать вражеский фронт, штаб 9-й армии ответил, что «лучше всего это сделать в районе южнее Беелитца»*.

Вечером 30 апреля остатки 9-й армии снова двинулись вперед. Чтобы обеспечить топливом несколько оставшихся «тигров», пришлось сливать его с других машин. Движению немцев сильно мешали русские танки, двигавшиеся параллельно, а также сильный обстрел из орудий и минометов. Немцы отбивались огнем из самоходных зенитных установок.

Основная группа прорыва включала «королевские тигры» из 502-го ТТБ СС, штурмовые орудия 920-й учебной бригады штурмовых орудий, а также бронетехнику боевой группы Лобмайера из 32-го ИПТАБ СС. Она пересекла 101-ю имперскую магистраль и проходящую сразу же за ней железнодорожную



Прорыв немецкой 9-й армии
28 апреля – 1 мая 1945 г.

линию Луккенвальде – Треббин. Немцам стало понятно, что русские на этом участке ожидали прорыва частей 9-й армии.

Несмотря на сильный обстрел, немецкие танки, потеряв несколько машин, прорвались через дорогу. Вслед за танковой колонной в прорыв устремились основные силы немцев, хлынул поток солдат и гражданских лиц. Оберштурмфюрер Берман из 32-го ИПТАБ СС наблюдал там такие картины: *«Мы углубились в лес по проселочной дороге. Сзади нас догнала колонна танков. Танки были до отказа забиты каким-то добром, а управляли ими офицеры в чинах. На просьбу прихватить с собой раненых они только покачали головой...»*

Остатки дивизии «Нидерланд» после боя под Хальбе остались практически без техники и были вынуждены действовать в пешем строю. В районе деревни Мертенсмюле им пришлось из-за отсутствия горючего бросить оставшиеся машины. Там же были оставлены и тяжелораненые. Деревню обстреливала русская артиллерия, а лесные дороги, битком забитые войсками, «прочесывала» русская авиация, нанося немцам большие потери.

В полночь 1 мая колонны войск 9-й армии стояли в лесном массиве в районе деревни Мертенсмюле. Потом танки двинулись вперед, а за ними автоматически последовала и пехота. Около 03.30 немцы прорвали оборонительный рубеж у Хенникендорфа. По сильно пересеченной местности, по холмам и перелескам, их танки и самоходки прокладывали путь пехоте, сбивая заслоны советских войск.

1 мая экипажам 561-го ИПТАБ СС штурмбаннфюрера Лобмайера пришлось уничтожить последние самоходки и прорываться дальше пешком. Маршрут немецких частей лежал далее на запад, проходя через мелкие населенные пункты: Добрикау – Виттенбритцен – Риббен – Цаухвитц.

Колонна 9-й армии миновала Добрикау и двинулась к Риббену. Горючее заканчивалось, многие танки были подбиты. Гауптштурмфюрер Штренг вспоминал: *«передовые отряды армии Венка должны были находиться всего в нескольких километрах от нас, однако в районе Риббен – Цаухвитц русские заслоны казались непробиваемыми»*. Советские бомбардировщики и штурмовики постоянно атаковали прорывающихся; было много убитых и раненых. Нескончаемый поток солдат и гражданских лиц, не привязанный к дорогам, свернул на запад между Цаухвитцем и Риббеном.

В этом районе оборонялись части 5-го Гв.МК генерал-майора Ермакова, в составе которого было много моряков с Тихоокеанского флота. Задача у корпуса была сложная – он вел бои перевернутым фронтом. В 01.00 1 мая разведка обнаружила в лесу юго-западнее Луккенвальде большое скопление немцев. Ермаков потребовал усилить охранение, а все части привести в полную боевую готовность. И это после тяжелого дневного боя с частями 12-й армии.

На рассвете 1 мая после артобстрела немцы густыми цепями атаковали Цаухвитц. Разгорелся упорный бой. Немцы с фанатической решимостью буквально напирали на позиции советских войск. Дело опять дошло до рукопашных схваток и использования трофейных фаустпатронов. Когда головные цепи немцев подошли к реке, по ним открыли сильный огонь зенитчики из счетверенных пулеметных установок, а из бронетранспортеров вели огонь разведчики.

Немцы понесли большие потери, их атаки стали захлебываться. Они сначала залегли, а потом начали отходить к лесу. Примерно через двадцать минут после усиленного артобстрела части 9-й армии вновь перешли в атаку при поддержке штурмовых орудий. Некоторые из них подбили из зениток, и атака была вновь отбита с большими потерями для атакующих.

О создавшемся тяжелом положении Ермаков доложил командующему 4-й Гв.ТА генерал-полковнику Лелюшенко, приказавшему не допустить прорыва. После нескольких неудачных немецких атак утром 1 мая на подступах к городу лежали груды разбитой техники. Около 08.00 немцы стали обстреливать город зажигательными снарядами, от попаданий которых возникли пожары. Горели бензовозы, машины с боеприпасами. Все было окутано плотным дымом. Этим и воспользовались немцы, атаковавшие позиции советских войск под прикрытием дымзавесы. Они форсировали реку Ниплиц и начали подходить к поселку. Пользуясь большим численным превосходством, противник начал теснить воинов 5-го Гв.МК.

В создавшейся обстановке генерал-майор Ермаков решил вывести штаб корпуса на близлежащую высоту северо-западнее Цаухвитца. На рубеж этой высоты и южной опушки леса пришлось отойти и 2-му гвардейскому мотоциклетному батальону, 763-му ЗенАП, а также части 68-го гвардейского саперного

батальона. Прикрывая отход управления и штаба корпуса, советским воинам приходилось даже вступать в рукопашные схватки.

В особенно сложном положении оказались зенитчики, так как немцам удалось ворваться на позиции батарей. Боеприпасы же были израсходованы и пришлось отбиваться из стрелкового оружия. Контратакой, организованной замполитом майором А.П. Голодняком, удалось оттеснить немцев. После этого автомашины могли подъехать к орудиям и вывезти их на новые огневые позиции. Оставление орудий противнику было чревато скорым заседанием трибунала для командования зенитного полка. Потери зенитчиков в этом бою были тяжелы: погибли два командира батарей, один комвзвода и много рядовых бойцов.

Об оставлении Цаухвитца и вынужденном отходе пришлось доложить командарму Лелюшенко. Он действовал энергично и срочно направил на помощь 5-му Гв.МехК – 3-ю Гв.ИнСапБр подполковника А.Ф. Шаруды, 71-ю ОЛАБР полковника И.Н. Козубенко и 299-й Гв.МинП полковника В.К. Зыли. В этот же район для предотвращения прорыва противника были также переброшены еще и 379-й ТСАП, 312-й Гв.МинП, 434-й ЗенАП и 61-я Гв.ТБр.

Прибыл на КП 5-го корпуса и сам Лелюшенко. Он, конечно, понимал, что маршал Конев не погладит по головке, если части его армии упустят противника. Чувствуя, что генерал-майор Ермаков несколько задергался, Лелюшенко, оценив обстановку, выдвинул 3-ю ИнСапБр для организации обороны севернее Цаухвитца. Сильным артиллерийско-минометным огнем прибывших частей, срочно развернувшихся в боевой порядок, удалось на какое-то время остановить немцев.

Они несли большие потери, но продолжали атаковать, пытаясь прорваться на запад. Боеприпасы в частях 5-го корпуса были на исходе, а соседи были связаны боями с 12-й армией. Пришлось вызвать на помощь авиацию, несмотря на тесное соприкосновение с противником. Атаки штурмовиков 1-го Гв.ШАК на какое-то время прижимали немцев к земле, но ненадолго. Остановленные у Цаухвитца, они продолжали продвигаться в направлении Беелитца, несмотря на потери. В этом городе и его окрестностях пришлось выдержать очень тяжелый бой 12-й Гв.МехБр.

Вот как о нем вспоминал командир бригады полковник Г.Я. Борисенко: *«Пожалуй, это был один из самых ожесточенных боев, который пришлось вести бригаде на заключительном этапе войны. Накануне 30 апреля мы весь день отбивали атаки наступавших с запада соединений 12-й армии. К вечеру бой стих, а ночью совсем не слышно было грохота авиабомбежки и артналетов... Непривычное затишье вызывало какую-то внутреннюю тревогу, предчувствие какой-то близкой опасности».*

Казалось, что никаких видимых причин к этому не было. Все атаки противника были отбиты, а подхода его резервов не ожидалось. Считалось, что немцы понесли большие потери, и в особенности от ударов штурмовиков 1-го Гв.ШАК генерал-лейтенанта Рязанова. Он лично руководил действиями своих летчиков, находясь на КП командира бригады, расположенном на вышке дома бывшего полицейского управления Беелитца.

Правда, вечером 30 апреля в штаб бригады позвонил генерал Ермаков и предупредил подчиненных о возможной попытке прорыва немцев из района Луккенвальде на участке обороны корпуса. После этого был отдан приказ о приведении частей бригады в боевую готовность.

Уже брезжил рассвет праздничного 1 Мая, но кругом по-прежнему была тишина. Вдруг послышались отдаленные раскаты артиллерийской пальбы в тылу 12-й бригады. Тут же поступил доклад о сильных немецких атаках в районе Цаухвитца. Комкор Ермаков приказал ни в коем случае не допустить прорыва на запад окруженной немецкой группировки. Он помнил указание командарма...

Вскоре разведка донесла о движении больших масс немцев, шум боя стал приближаться. Хотя бригада встретила противника организованным огнем, немцы все равно подошли к городу, а в районе кладбища даже ворвались в его пределы. Воинам бригады пришлось очень тяжело. «Катюши» 11-го отдельного гвардейского минометного дивизиона подполковника И.Г. Мороза вели огонь прямой наводкой. На немцев обрушился сильнейший артиллерийско-минометный огонь, но они, неся большие потери, как оголтелые рвались на запад. Мотострелки отбивались с помощью гранат и трофейных фаустпатронов. В разных местах постоянно возникали рукопашные схватки. Боеприпасы уже были на исходе.

Соседи – 11-я Гв.МехБр и 68-я Гв. ОТАБр – оказать помощи не могли, так как сами отражали яростные атаки противника. Для 12-й бригады создалась очень напряженная обстановка. Положение осложнялось и тем, что части 12-й армии, пользуясь случаем, также активизировались и начали атаковать позиции советских войск.

Полковник Борисенко отмечал: *«Исходя из оценки сложившейся обстановки, было принято единственное возможное решение вызвать через штаб корпуса поддерживающую авиацию. Вскоре в воздухе появились бомбардировщики, а затем их сменили штурмовики, которые, действуя на предельно малых высотах, наносили противнику большие потери и прижимали его к земле...»*

Для отражения упорных атак противника были использованы все силы 12-й Гв.МехБр. В бой пошли шоферы, связисты, писари, повара. В ожесточенном бою танкисты 55-го Гв.ТП подполковника П.К. Журавлева буквально давили атаковавших немцев гусеницами, врезаясь в гущу их рядов.

Немцы с особой настойчивостью атаковали вдоль шоссе Цаухвитц – Беелитц, так как в этом направлении были скрытые подходы к городу. Не менее двух батальонов пехоты с десятью штурмовыми орудиями несколько раз атаковали подразделения на левом фланге бригады. Около 10.00 1 мая немцам удалось занять городское кладбище, а также ворваться на северо-восточную окраину города. Создалась большая опасность прорыва противника к центру Беелитца. Резервов у командира бригады уже не оставалось.

Положение удалось спасти внезапной фланговой контратакой танковой роты 55-го Гв.ТП старшего лейтенанта А.А. Филимонова на северной окраине города. Танкисты, пользуясь внезапностью, подбили восемь штурмовых орудий. Немецкая пехота, лишившись их поддержки, пришла в замешательство. Используя эту растерянность, перешли в контратаку мотострелки, которые и выбили немцев из города. Часть их в панике начала бросать оружие и сдаваться в плен. Так была сорвана попытка противника прорваться на запад через северо-восточную часть Беелитца. Но ведь на этом месте свет клином не сошелся: были и другие районы для возможного прорыва на запад...

Для ликвидации групп противника, просачивавшихся в глубину обороны 12-й бригады, была создана импровизированная

резервная группа из саперов бригады во главе с начальником инженерной службы капитаном А.К. Фальтисом. Ей удалось внезапным ударом уничтожить большую группу немцев, прорвавшихся в район НП штаба бригады. В плен особо брать не старались, так как охранять пленных было некому...

Пришлось вступить в бой и «жрецам» – политотделу бригады во главе с начальником подполковником П.Г. Дмитриевым. В бою ранение получили заместитель комбрига полковник Р.А. Михайленко и командующий артиллерией полковник Е.К. Баглюк, которые, несмотря на это, в тыл не ушли (а был ли тогда он?) и продолжали руководить боем.

Но решающий вклад в отражение немецких атак внесла все же авиация. Немцы заметались, не находя выхода, стали сдаваться в плен большими группами. Считается, что в бою утром 1 мая в районе Беелитца было убито около 3000 немцев, а в плен было взято 3800 человек. На подступах к городу лежали груды разбитой техники.

К утру 1 мая промежуток между частями 9-й и 12-й армий сократился до двух-трех километров. На своих позициях солдаты армии Венка могли видеть взлетавшие в небо ракеты, которыми прорывавшиеся из окружения обозначали свое положение. Немцы ощущали всевозраставшее на них давление со всех сторон. Венк, уже заметивший у своих войск признаки истощения, просил солдат еще немного продержаться, чтобы обеспечить прорыв частей 9-й армии.

Генерал Буссе, этот грузный, самоуверенный человек, к концу эпопеи своей 9-й армии настолько устал, что уже не помнил, какое сегодня число и который час. Состояние его воинства тоже не радовало. Повсюду на земле валялись уставшие солдаты, которые уже не могли шевелиться. Буссе и его офицерам приходилось прикладывать все силы, чтобы заставить их встать и идти...

Последний прорыв возглавил на одном из последних танков генерал-лейтенант Вольф Хагеман.

Около 10.00 1 мая последние немецкие танки двинулись по дороге Риббен – Шенефельд – Беелитц. Пробиться здесь им не удалось, поэтому они свернули влево и рванули по проселочной дороге. Примерно в 13.30 немцы пересекли дорогу Беелитц – Тройенбритцен, которая простреливалась русскими из района Беелитца. Прорыв им удалось осуществить южнее Беелитца,

несмотря на сильный артобстрел и беспрерывные атаки советской авиации.

Оберштурмфюрер Берман из 32-го ИПТАБ СС был одним из тех, кому удалось прорваться через позиции советских войск. Он вспоминал: *«Лес и особенно опушка леса находились под беспрерывным огнем русской артиллерии... Снова налетели русские штурмовики. На широком лугу им было видно нас как на ладони – сотни немецких солдат, которые спешили на запад. Когда на высоте примерно 800 метров появились русские бомбардировщики, штурмовики улетели. Бомбардировщики успешно «снесли свои яйца», но мне повезло».*

Упорные бои завязались в районе деревни Эльсхольц, всего в 6 км к югу от Беелитца. Она являлась ключевым пунктом в немецкой обороне, поскольку здесь было пересечение нескольких дорог, по которым немцы выходили из окружения. Бойцы одного из стрелковых полков, занявшие эту деревню, были выбиты оттуда с помощью четырех танков «пантера» из МД «Курмарк», которые потом были брошены из-за недостатка горючего.

Южнее Беелитца группе немцев при поддержке танка «тигр» и штурмового орудия, чтобы прорваться к армии Венка, нужно было начала перейти большое поле, где ее обстреляли из пулеметов и автоматов, затем дойти до леса и перейти вброд реку Ниплиц. Там же, южнее Беелитца, вместе с подразделениями упомянутого 32-го батальона СС гауптштурмфюрера Крауса вышел из окружения командующий 9-й армией генерал Буссе со своим штабом, хотя начштаба генерал-майор Хельц был убит.

Генерал Венк видел прорвавшиеся к позициям его войск части: *«Солдаты 9-й армии были в таком жутком состоянии, такие голодные и измученные, что трудно было верить собственным глазам. Вдруг какой-то солдат из глубины колонны бросился ко мне, оборванный, грязный, небритый... И только когда он приблизился, я узнал генерала Теодора Буссе».* При этой встрече генералы молча пожали друг другу руки. Только потом Венк произнес: *«Слава Богу, вы здесь».*

Бои на участке 5-го Гв.МК продолжались в течение всего дня 1 мая. Положение немцев в этом районе резко ухудшилось, когда русские саперы вновь захватили Цаухвитц. У немцев произошел надлом, многие стали сдаваться в плен. К 14.00 бои стали сти-

хать, видимо, напор немцев иссяк, да и определенная их часть сумела прорваться к своим на запад. Вечером 1 мая стрельба в этом районе прекратилась. Здесь немцы, по советским данным, потеряли до 5000 человек убитыми, а около 7000 человек, включая командира 256-й ПД, были взяты в плен,

Только после этого генерал Лелюшенко убыл из района прорыва, забрав с собой 71-ю ЛАБр и 299-й Гв.МинП. Какие еще дыры в обороне своих войск он собирался затыкать? Стоило ли рисковать, разъезжая в районе, где продолжали шнырять мелкие группы немцев? Кстати, Лелюшенко в 15.00 1 мая отдал приказ 6-му Гв.МК, уже овладевшему Бранденбургом, повернуть на восток и ударить в тыл 12-й армии.

Следует указать, что потери 12-й Гв.МехБр, по которой пришелся основной удар немцев, были велики. Погибли много офицеров, в том числе начальник артиллерии подполковник Дякин, начальник разведотдела подполковник Богомолец, командир 2-го гвардейского мотоциклетного батальона капитан И.П. Павлов и многие другие.

Западные историки оценивали численность частей 9-й армии, прорвавшихся ко 2 мая на запад, приблизительно в 20–30 тысяч человек. Немецкий историк Типпельскирх также считал, что из окружения прорвались *«совершенно измотанные части 9-й армии»* в 25 000–30 000 человек, которые, однако, *«в результате такого колоссального напряжения оказались совершенно сломленными морально и физически»*.

Упомянутый выше гауптштурмфюрер Краус вспоминал: *«Когда генерал Буссе в последний раз видел проходящие перед ним остатки своей армии, в его глазах стояли слезы. Это была разбитая армия, без оружия, большинство солдат были ранены»*.

Начальник штаба 12-й армии полковник Райххельм подчеркивал, что большинство выходивших из окружения буквально сразу же падали на землю. Он добавлял: *«Иногда нам приходилось чуть ли не бить их, поскольку иначе эти смертельно усталые люди просто не проснулись бы и не полезли в грузовик. Они так и умерли бы на дороге»*. Райххельм видел командующего 9-й армией генерала Буссе, ранее страдавшего полнотой, а теперь сильно похудевшего: *«Он находился на пределе сил»*.

По мнению немецкого историка Тике, наиболее опасное положение сложилось на участке 41-го ТК. Тот находился на

левом фланге 12-й армии, обеспечивая ее стык с 3-м ТК СС из 3-й ТА. Разгранлиния между этими армиями проходила через Креммен.

Когда вечером 1 мая и в ночь на 2 мая на этом направлении началось наступление советских войск, на КП 41-го ТК посыпались тревожные сообщения. Немцы не смогли сдержать натиска и стали отходить на запад. Туда же откатывались и полуразбитые соединения 3-й ТА.

В ночь на 2 мая наметился отрыв 41-го ТК от 12-й армии. В районе Ратенова продолжали сражаться остатки дивизии «Ян» полковника Целлера при поддержке 243-й БрШО. Тем не менее в течение дня 2 мая сообщение между 3-й ТА и 12-й армией было полностью прервано. Одним из итогов этого поражения немцев явилось то, что, по словам Тике, *«...41-й ТК Хольсте распался»*.

Вероятно, одной из причин полного поражения явилось и падение дисциплины в рядах вермахта. В тяжелой ситуации далеко не все командиры соединений 12-й армии повели себя достойно.

Еще в 14.00 1 мая, когда части 41-го ТК еще оказывали сопротивление наступавшим советским войскам, на КП 12-й армии появился полностью деморализованный командир корпуса генерал-лейтенант Хольсте, на которого совсем недавно так надеялся фюрер. В ответ на вопрос полковника Райххельма о том, что он здесь делает, генерал ответил: *«У меня нет больше войск»*. На самом деле он просто бросил своих людей и бежал вместе со своей женой, прихватив две повозки... Райххельм предложил Венку арестовать Хольсте, но тот, задавленный другими заботами, не решился на столь жесткое решение.

До 3 мая армия Венка еще держала свои сборные пункты в районе Беелитца, хотя многие прорвавшиеся группы, минуя их, двигались прямо к Эльбе. По мнению немецкого историка Тике, прорваться удалось: подразделениям 23-й МД СС «Нидерланд» во главе с командиром генерал-майором СС Вагнером, остаткам 32-й ПД СС «30 Января», частям 35-й и 36-й ПолД СС, а также остаткам пехотных дивизий – 286-й, 391-й, 214-й, 342-й, 169-й, 712-й, 303-й, а также подразделениям МД «Курмарк».

Маршал Конев считал вышеуказанную численность прорвавшихся – до 30 тысяч человек – *«сильно преувеличенной»*. Он был уверен, что через леса на разных участках фронта просо-

чились лишь разрозненные группы немцев численностью около трех-четырех тысяч человек. Тут может возникнуть вопрос: кто же с советской стороны считал прорвавшихся на запад немцев? А немцы своих окруженцев не только считали, но и ставили на довольствие. Так что есть основание считать, что цифры прорвавшихся из окружения, приведенные противной стороной, были ближе к истине.

Следы боев в районе Барута были видны еще и в 60-х годах XX столетия. Здесь все напоминало о последних днях прорыва остатков 9-й армии, в которых, как писал Конев, *«бессмысленность жертв сочеталась с мужеством, отчаянием и мрачной решимостью обреченных на гибель»*.

Маршалу вторил и немецкий историк Тике: *«Путь, по которому прошли прорвавшиеся на запад части, был пропитан потом и кровью бесчисленного количества солдат и гражданских. Многие из них обрели вечный покой на солдатском кладбище под Хальбе как «неизвестные солдаты». Немало их товарищей... было похоронено в лесах между Хальбе и Беелитцем или остались лежать непогребенными вдоль всего этого пути...»* Точное число жертв, понесенных 9-й армией, восстановить практически невозможно.

Конев в мемуарах потом признавал, что бои в Берлине были главными. Он считал, что ликвидации частей окруженной 9-й армии *«отводилось такое место, которое соответствовало ее значению в общей ситуации, не больше и не меньше»*. Маршал дал понять, что он не склонен драматизировать события, связанные с прорывом 9-й армии на запад, к действиям которой следовало, по его мнению, относиться достаточно хладнокровно. Конечно, от советского командования требовалось быстро реагировать на изменение обстановки, искусно маневрировать резервами, чтобы не дать немцам свободы маневра. Надо сказать, что не все решения командования 1-го БФ и 1-го УФ в сложной ситуации были оптимальны, неувязок и промахов тоже хватало.

Как уже говорилось выше, командующий 1-м УФ Конев считал, что 9-я армия Буссе действовала более успешно, чем 12-я армия Венка. По его мнению, напористость Венка, стремившегося пробиться к Берлину, реально ни к чему не привела. Конев считал, что действия Венка *«не принесли лавров ни ему, ни его армии»*.

Думается, что здесь маршал не совсем справедлив в своих оценках. Он, мягко говоря, «забыл» о том, что 12-я армия пробилась к Потсдаму и обеспечила выход из окружения его гарнизона. Кроме того, дивизии армии Венка своими действиями отвлекли на себя крупные силы советских войск и облегчили прорыв на запад частям 9-й армии. Конечно, Венк не смог выполнить поставленную задачу – прорваться к Берлину, но из-за этого не стоит умалять весомость усилий его армии на завершающем этапе войны.

Как говорил Уинстон Черчилль, когда речь идет о генералах, нужно оценивать не только конечный результат их действий, но и оценить предпринятые при этом усилия для выполнения намеченных планов...

История с попыткой переговоров в ночь на 1 мая имела свое продолжение. События, связанные с организацией переговоров в Берлине между представителями советского и немецкого командования, впоследствии описал в своих воспоминаниях начальник оперотдела штаба 35-й Гв.СД майор Посунько.

Между 02.00 и 03.00 в полосе 2-го батальона 102-го Гв.СП со стороны противника опять последовал призыв о прекращении огня, многократно переданный через громкоговорящую связь. Организатором этого обращения был подполковник Зейферт, который руководил обороной западного сектора правительственного квартала. Именно он связался с русскими по радио и договорился о месте, где немецкие парламентеры могли бы пересечь передовую. Когда Зейферт попытался перейти через линию огня, он был остановлен своими солдатами. Его задержали латыши из 15-й ПД СС, которые заподозрили командира в измене. Подполковнику с большим трудом удалось успокоить этих упертых фанатиков, которым уже не на что было надеяться.

После этого обращения с немецкой стороны появились четверо парламентеров, а идущий впереди нес белый флаг. Парламентеров на КП батальона встретил начальник разведки 29-го Гв.СК подполковник Городный, который и доставил их в штаб дивизии. После проверки документов было установлено, что в группу входили начальник ОКХ генерал пехоты Кребс, начштаба 56-го ТК полковник Дуфвинг, а также переводчик-

латыш оберштурмфюрер Нейландс и один солдат. Советский историк Розанов и здесь «отметился». Он писал, что Кребса якобы сопровождал генерал Вейдлинг, что не соответствовало действительности.

При встрече произошла маленькая неувязка. Их попросили сдать пистолеты. Кребс, неплохо говорящий по-русски, холодно ответил: *«Мужественному противнику позволяют сохранить оружие во время переговоров»*. Встречавшие были смущены услышанным и разрешили немцам оставить при себе личное оружие.

Визиту немецкой делегации на КП 8-й Гв.А, расположенный в берлинском пригороде Темпельхоф, предшествовал телефонный звонок маршала Жукова. Он поинтересовался у Чуйкова, есть ли надежды к 1 мая «очистить Берлин», но получил отрицательный ответ. После этого последовал доклад комкора генерал-лейтенанта Глазунова о парламентерах, на прибытие которых Чуйков дал согласие после доклада Жукову.

В штабе 35-й Гв.СД немецких парламентеров уже ожидал заместитель командующего 8-й Гв.А генерал-полковник М.П. Духанов. Когда-то – в далеком 1940 г., во время боев с финнами, – именно нынешний командующий генерал-полковник Чуйков заменил Духанова на посту командующего 8-й армией. Вот как причудливо происходили кадровые перемещения в Красной Армии! Кроме Духанова, немцев встретили командир дивизии полковник Смолин и начальник разведотдела штаба армии подполковник Гладкий. Вот в их сопровождении генерал Кребс и был в 03.30 (или в 03.55) доставлен на КП 8-й Гв.А.

Парламентеров привезли к одному из домов в Темпельхофе. Их провели в небольшую столовую, где стояли длинный стол, несколько стульев, большой гардероб у одной стены, а на другой стене была литография Леонардо да Винчи «Тайная вечеря», что в свете предстоящих переговоров представлялось весьма симптоматичным. Кребсу и Дуфвингу показалось, что весь дом полон старших офицеров. Никто с немцами не поздоровался и не представился. Кребс понятия не имел, что перед ним сидел знаменитый генерал-полковник Василий Иванович Чуйков, защитник Сталинграда и командующий 8-й Гв.А. Потребовалось некоторое время, пока он разобрался, кто же здесь главный!

На КП также присутствовали генералы из управления армии – командующий артиллерией Пожарский, командующий броне-

танковыми и механизированными войсками Вайнруб, начштаба Белявский, а также офицеры и переводчик из разведотдела. К 05.00 туда же в качестве представителя 1-го УФ прибыл начальник оперотдела штаба 3-й Гв.ТА полковник Еременко.

Тут же болтались и военные корреспонденты, почувствовавшие «запах жареного», – писатель Вишневский и поэт Долматовский. Имелся также и композитор Блантер, которого Сталин направил в Берлин для написания симфонии в память победы над фашистской Германией.

Вот с ним-то и произошел казус, несколько нарушивший потом плавный ход переговоров. Поскольку при всем желании композитора никак нельзя было выдать за офицера, его поспешно засунули в стенной шкаф, примыкавший к столовой. Там он и просидел большую часть переговоров. Почти перед самым уходом парламентеров он от недостатка воздуха потерял сознание и, к величайшему изумлению немцев, выпал из шкафа прямо в комнату. Похоже, только с пьяных глаз можно было выдумать эту дурацкую игру в прятки. По некоторым данным, перед этим генерал-полковник Чуйков допоздна засиделся с «посланцами из Москвы», отмечая встречу и скорую победу....

Выяснив наконец кто есть кто в этой толпе генералов и офицеров, Кребс представился Чуйкову. Перед «героем Сталинграда» предстал среднего роста плотный, склонный к полноте, хорошо выбритый человек со шрамами на бледном лице. Одет Кребс был щегольски. На нем был черный кожаный плащ, под которым был китель с красными, с золотом, петлицами, узкими погонами, ленточкой за бои зимой 1941 г. под Москвой и орденами. На этот раз последний начальник ОКХ был без своего привычного монокля.

При встрече немцы предъявили свои документы командарму Чуйкову. Кребс заявил советским командирам, что он уполномочен передать командованию секретное сообщение решающей важности. Он высказал пожелание начать переговоры наедине с командармом, но Чуйков, дымя папиросой, ответил, что получил полномочия вместе с присутствующими здесь генералами и офицерами штаба выслушать его сообщение. Улавливаете разницу – начать переговоры и выслушать сообщение?

После обмена информацией о полномочиях Кребс предъявил Чуйкову три документа.

Первый на бланке имперской канцелярии за подписью Бормана представлял собой полномочия Кребса на ведение переговоров с верховным командованием советских вооруженных сил. Стоит обратить внимание на тот факт, что с немецкой стороны участвовал начальник ОКХ, а с советской – всего лишь командарм. Понятно, что советская сторона намеренно занижала уровень переговоров, вероятно, для того, чтобы избежать обвинений со стороны союзников в ведении сепаратных переговоров.

Второй документ содержал состав нового имперского правительства и верховного командования вооруженных сил Германии, согласно завещанию Гитлера. Третий представлял собой обращение Геббельса и Бормана к Сталину. В нем сообщалось о самоубийстве Гитлера и передаче власти рейхспрезиденту Деницу, рейхсканцлеру Геббельсу и министру по делам партии Борману. Подчеркивалась необходимость установления связи с *«вождем советского народа»* для *«мирных переговоров между державами, у которых наибольшие потери»*.

Кроме того, генерал Кребс устно сообщил советским генералам о самоубийстве Гитлера. Он, конечно, совершил ошибку, так как опытный дипломат никогда не начнет переговоры с главного вопроса. Чуйков и глазом не моргнул, выслушав это сенсационное сообщение. Наоборот, он как опытный боксер нанес Кребсу нокаутирующий удар, заявив ошеломленному немцу, что *«мы это знаем»*. Эффект был достигнут, так как Кребс был явно смущен.

Вручая обращение, Кребс подчеркнул, что Геббельс и Борман просят только временного прекращения военных действий в Берлине, что *«даст возможность связаться с остальными членами нового правительства, находящимися вне Берлина, а также «известить о произошедшем германский народ»*. Он считал, что тем самым новое германское правительство станет узаконенным и *«Советское правительство будет иметь законного партнера при последующих переговорах для заключения мира»*.

То есть со стороны немцев последовало недвусмысленное предложение заключить мир за спиной западных союзников. Английский историк Тревор-Ролер считал, что с помощью «миссии Кребса» Геббельс и Борман просто рассчитывали вырваться из Берлина и под предлогом передачи советских условий добраться до ставки Деница.

Кребс не ограничился только передачей указанных выше документов. В последующей беседе он тонко намекал советским генералам, что переговоры Гиммлера с союзниками зашли слишком далеко и что если СССР не согласится с представленными предложениями, то на территории, занятой союзниками, может быть организованно другое правительство. Все это смахивало на неприкрытый шантаж, но это совершенно не взволновало генералов 8-й Гв.А, далеких от высокой политики.

Выслушав Кребса, Чуйков заявил, что не уполномочен вести какие-либо переговоры с германским правительством и что речь может идти только о безоговорочной капитуляции берлинского гарнизона. Он лишь согласился сообщить о предложении Кребса командованию 1-го БФ, с тем чтобы последнее, если сочтет нужным, довело их до сведения Советского правительства. Бывший дипломат и разведчик четко придерживался полученных ранее указаний, не допуская опасных для него импровизаций.

В 04.27 Чуйков по телефону доложил Жукову о прибытии парламентеров и полученных от Кребса сообщениях. Командующий 1-м БФ вполне благоразумно уклонился от переговоров, но, имея санкцию выше, дал на них согласие. Для контроля за ходом переговоров он послал на КП 8-й Гв.А своего заместителя генерала армии Соколовского и потребовал срочно прислать ему полученные от немцев документы. Жуков, конечно, тут же проинформировал Сталина о событиях в Берлине и приказал Чуйкову ждать ответа у телефона.

Верховный Главнокомандующий, «тонко» оценив ситуацию и боясь обострения отношений с союзниками, приказал потребовать от немцев безоговорочной капитуляции. Видимо, Сталин еще не до конца осознал новую структуру власти в Германии и не понял, что без ведома рейхспрезидента Деница никакой капитуляции не может быть.

В 04.40 состоялся еще один разговор Чуйкова с Жуковым, в котором командарм сообщил, что Кребс прибыл не для оформления капитуляции. Услышав доклад Чуйкова, Жуков начал буквально давить на него: *«Добейся согласия на общую капитуляцию!»* Похоже, что Георгий Константинович недалеко ушел от своего вождя, так как его требование было тоже невыполнимо. Это же указание около 05.00 было передано прибывшему на КП Чуйкова генералу армии Соколовскому.

Чуйков же продолжал тактику психологического давления на Кребса. Он зачитал немцу сообщение агентства Рейтер о провале переговоров Гиммлера с союзниками. Василий Иванович уловил, что в словах Кребса чувствовалась какая-то безнадежность, а непривычная работа явно утомляла немца. В ожидании ответа из Москвы Чуйков втянул немца в разговоры. Интересовался судьбой генерала Гудериана, с которым в сентябре 1939 г. встречался в Бресте.

Генерал Соколовский, в свою очередь, обдумывал указание, полученное от Жукова. Маршал со всей солдатской прямотой приказал ему довести до сведения немцев, что если те до 10.00 не дадут согласия на капитуляцию (уже не на всеобщую, а на локальную – в Берлине), то по ним будет нанесен удар такой силы, что от Берлина, мол, ничего не останется, кроме развалин. Как будто бы до этого столица рейха не лежала в развалинах. Жуков считал, что сказанное им *«навсегда отобьет у немцев охоту к сопротивлению»*. Маршал хотел решить проблему капитуляции гарнизона Берлина с помощью угроз. Этот силовой метод оказался малодействейнным по отношению к немцам.

Доставить немецкие документы на КП фронта поручили начальнику оперотдела штаба 8-й Гв.А подполковнику Толконюку. Как раз перед его отъездом на КП армии прибыл Соколовский, подчеркнувший, что маршал с нетерпением ждет документы.

Толконюк добрался до места назначения только через полтора часа. Ознакомившись с содержанием доставленных документов, которые переводил офицер разведотдела капитан Безыменский, и задав подполковнику Толконюку несколько вопросов, маршал бросил на стол большой блокнот и приказал под его диктовку готовить донесение Верховному. Начальник оперативного управления штаба 1-го БФ генерал Бойков тут же по телефону ВЧ передал донесение в Москву.

В это время на КП 8-й Гв.А продолжалась беседа (или завуалированный перекрестный допрос) советских генералов и офицеров с Кребсом, от волнения переходившего с немецкого на русский, которым он владел вполне прилично. В разговоре принимали участие член ВС 8-й Гв.А армии генерал-майор Пронин, генерал-полковник Духанов, подполковник Гладкий, его заместитель подполковник Матусов и переводчик капитан Кельбер.

Для разрядки обстановки был подан завтрак: чай, кофе, коньяк и бутерброды. Было заметно, что руки у Кребса слегка дрожали. Советские офицеры интересовались судьбой и местопребыванием руководителей Третьего рейха, а также тем, кто будет верховным главнокомандующим и начальником штаба ставки. Им явно хотелось проникнуть в тайные замыслы нацистских руководителей, выяснить их судьбу. Кребс, видимо, под влиянием выпитого коньяка, ругал Геринга и Гиммлера, называя их предателями, рассказывал о Денице, фон Грейме и Риббентропе. Он даже упомянул о переброске немецких войск к Берлину, то есть выдал противнику важную информацию.

Понятно, что Чуйков не мог прекратить переговоры без ответа из Москвы, а его все не было. У него требовали также периодических докладов в штаб фронта. Кребс твердил окружавшим его генералам, что он может вести переговоры только о временном перемирии. Чуйков уговаривал его пойти на капитуляцию, чтобы далее не проливать крови. А на пассажи Кребса о переговорах Гиммлера с союзниками отвечал, что все их действия согласованы с СССР. Чуйкова интересовало также, на что рассчитывают немцы в Берлине.

Кребс убеждал Чуйкова, что их задача – сохранить новое правительство и заключить мир *«с державой-победительницей»*, не упоминая о союзниках. Порой их разговор походил на диалог двух глухих. Во время этих бесед на КП 8-й Гв.А звонил Жуков. Он разговаривал с Соколовским, задав заместителю кучу вопросов. Маршал интересовался ходом переговоров.

Кребс ссылался на отсутствие средств связи, чтобы сообщить своим войскам о смерти фюрера и создании нового правительства. Он надеялся во время перемирия связаться с другими районами при помощи авиации и посылкой офицеров связи к Деницу, так как без него не решить вопроса о капитуляции. Кребс неоднократно выражал опасение о создании нелегального правительства под руководством Гиммлера, которое согласится на отдельный договор с США и Англией. Правда, на советских генералов это не произвело ни малейшего впечатления. Лишь завязался спор о месте и времени заседания немецкого правительства – в Берлине или нет, до или после капитуляции.

Переговорщики ходили по кругу: Чуйков настаивал на полной капитуляции, а Кребс твердил, что он на это не уполно-

мочен. К переговорам подключился и Соколовский. Поначалу он тоже требовал, чтобы немцы сложили оружие. Потом он поинтересовался, когда же будет объявлено о смерти Гитлера и измене Гиммлера. Кребс объяснил оппонентам, что без согласования с Деницем это вряд ли возможно. Об этом Чуйков без промедления доложил Жукову. Соколовский тоже сообщил своему начальнику о просьбе Кребса связаться с Деницем.

Потом Соколовский даже предложил сообщить о несанкционированных переговорах Гиммлера с союзниками по советскому радио. Тут он явно превысил свои полномочия – никто ему не давал санкции на подобного рода заявления. А вообще-то подобная акция выглядела бы довольно забавно: советское правительство сообщает о «предательстве» одного из своих злейших врагов! Как ни странно, Кребсу этот совет понравился. Он даже захотел получить разрешение на проведение этого мероприятия у доктора Геббельса. Конечно, все это выглядело довольно наивно, показывая уровень политической грамотности военных противоборствующих сторон.

Плохо знакомый с реалиями нацистской Германии, Соколовский, видимо, не понимал, что немецкое население, лишенное возможности пользоваться радиоприемниками, этого сообщения вообще не услышит. Нацистскую верхушку за пределами Берлина эта информация не удивила бы, так как об этом событии им давно было известно. Похоже, что пустым пререканиям на переговорах было не видно конца.

Чуйков постарался вернуть спорящих к реальности. Он предложил проложить телефонную линию к Геббельсу, чтобы поскорее договориться о капитуляции, на что Кребс дал согласие. Соколовский, в свою очередь, предложил направить к Геббельсу полковника Дуфвинга с представителем советского командования. Во исполнение этого решения немец в сопровождении подполковника Гладкого, своего переводчика и помощника начальника оперотдела штаба 35-й Гв.СД майора Белоусова опять направился на участок 2-го батальона 102-го Гв.СП.

Когда эта группа подошла к переднему краю и попыталась перейти линию фронта, она была обстреляна немецким снайпером (вероятно, из отеля «Эксцельсиор»), в результате чего майор Белоусов был смертельно ранен. Об этом инциденте было срочно доложено «наверх», и Чуйков приказал своим офицерам

остаться, а Дуфвингу одному идти через линию фронта. Немецкий полковник, размахивая белым флагом и грубо ругаясь, пошел к своим позициям. Ему можно было посочувствовать. Сколько раз под огнем ходить туда-сюда, рискуя жизнью, и без каких-либо конкретных результатов.

Немецкий переводчик вернулся на КП 8-й Гв.А, где доложил о благополучном переходе Дуфвинга, об обстреле и отсутствии связи. Как потом выяснилось, переход Дуфвинга через линию фронта прошел не совсем гладко. После перехода полковник был арестован эсэсовцами, которым всюду мерещилась измена. Освобожден он был после долгих разбирательств, хотя его спокойно могли бы и расстрелять в той обстановке всеобщего хаоса, пропитанной страхом и взаимными подозрениями.

Полковник Дуфвинг после всех злоключений сумел добраться до бункера и предстать перед его обитателями. Геббельс внешне спокойно выслушал его доклад о позиции русских. Напротив, Борман, как почувствовал полковник, буквально дрожал от страха и волнения и был озабочен лишь собственной жизнью.

В то время как посланец Кребса отправился в рейхсканцелярию, генерал в ожидании ответа Советского правительства вел беседы с советскими генералами, не забывая при этом пить коньяк и закусывать его бутербродами с икрой. Кребс продолжал вещать: *«Есть только один вождь, который не хочет уничтожения Германии, — это Сталин. Мы боимся союзных планов раздела страны»*. Он рассказывал о самоубийстве Гитлера: *«Мы отговаривали его, советовали прорываться на запад»*. Кребс называл капитуляцию позором, предпочитая ей смерть в бою. В подобных разговорах текло время...

Около 10.00 наконец-то вернулся Дуфвинг. Он попросил командира 35-й Гв.СД полковника Смолина установить телефонную связь с Кребсом, который продолжал пребывать на КП 8-й Гв.А. Сообщив Кребсу о результатах встречи с Геббельсом, Дуфвинг передал ему требование нового рейхсканцлера доложить лично о ходе встречи с советским командованием. После этого полковник Смолин получил приказ Чуйкова подать телефонный кабель на сторону противника и установить связь с рейхсканцелярией.

В своих мемуарах начштаба 8-й Гв.А генерал-лейтенант Белявский потом писал, что связь с рейхсканцелярией была

установлена немцами, но это не совсем точно. Версию о том, что немцы также предприняли попытки установления связи между рейхсканцелярией и русскими, поддерживал и известный исследователь Хью Томас. Он считал, что Дуфвинг получил приказ от Кребса протянуть кабель связи до русских позиций, поскольку переговоры затягивались. Томас указывал, что Дуфвинг выполнил это поручение Кребса, но кабель был порван в результате артобстрела. Когда связь была восстановлена, выяснилось, что Кребс возвращается, и надобность в ней отпала.

Случай с организацией прямой телефонной связи с командованием противника через линию фронта совершенно особый, если не сказать уникальный. Организаторами установления связи с рейхсканцелярией были: исполнявший обязанности нач-штаба 35-й Гв.СД майор П. Посунько, командир 102-го Гв.СП полковник И. Казаков, начальник связи этого полка майор И. Котов и командир роты связи старший лейтенант М. Еремин.

Конкретными исполнителями приказа Чуйкова были связисты: старший сержант М. Коробов и сержант Н. Сергиенко. Еремин и объяснил сержантам важность порученного им ответственного задания. Коробов, вроде добровольно, вызвался выполнить смертельно опасное задание. Он потом вспоминал, что по спине у него побежали мурашки, так как понял, что у него очень мало шансов остаться в живых. Тем более что Коробов знал о случае с майором Белоусовым. В этот день связист пережил больше, чем за все годы войны.

Осознав важность полученного задания, он все же пошел на его выполнение. Официально никто ему не приказывал, его просто просили, оперируя многозначительным русским словом «надо». После короткого инструктажа, оставив оружие и документы, взяв с собой телефонный аппарат и катушку с проводом, старший сержант приступил к исполнению задания. Вместе с полковником Дуфвингом, размахивавшим белым флагом, который как челнок сновал через линию фронта, они благополучно достигли рейхсканцелярии. Дорога туда была сравнительно короткой – около 250 метров, но была полна опасностей и неожиданностей. Коробов мог стать жертвой нациста-фанатика.

Он в сопровождении немцев спустился в бункер с восточной стороны и пошел по коридору, заваленному ранеными, зачастую

наступая им на ноги. В указанном ему помещении Коробов под присмотром немцев подключил телефонный аппарат и стал ждать указаний. Периодически он связывался со штабом 2-го батальона 102-го Гв.СП, где у аппарата дежурил сержант Сергиенко, проверяя работу линии связи.

Вспоминая в 1985 г. о своем «визите» в рейхсканцелярию, Коробов в беседе с корреспондентом «Комсомольской правды» говорил, что через полчаса после прибытия, он с разрешения начальства, оставив телефонный аппарат немцам, ушел к своим. В 1989 г. он в газете «Советский патриот» вспоминал об известных событиях несколько иначе. Просидел, мол, в бункере до вечера и только тогда вернулся в свой полк. Видимо, в первом случае память его несколько подвела. В официальном труде о боевом пути 35-й Гв.СД («От Волги до Шпрее») сказано, что до 18.00 связью никто не пользовался. Затем замполит 102-го Гв.СП подполковник К. Чувашкин приказал Коробову возвратиться к своим.

Немцы только вывели связиста из бункера, но не стали сопровождать его дальше. Коробов со своим аппаратом быстро зашагал назад к линии фронта, ожидая выстрелов в спину. Не доходя до своих метров двадцать, он был обстрелян немцами из пулемета, но пули прошли выше. Коробов ненадолго затаился, потом резким броском скрылся за стеной. Пулеметная очередь чуть запоздала. Вот так немцы проводили отважного связиста.

По его словам, командир полка поздравил с выполнением задания и, естественно, предложил выпить за близкую победу. Пообещал наградить, да в суете победных праздников запамятовал.

Факт установления связи подтверждается не только сослуживцами старшего сержанта, но и официальными документами. Об этом факте писал корреспондент дивизионной газеты Троценко, в которой была напечатана заметка о подвиге связиста. Правда, в известном фильме «Освобождение» факт установления связи приписан некоему старшему лейтенанту Зарубенко, который, как выяснилось, никогда в списках личного состава 35-й Гв.СД не значился. Это произошло потому, что кинематографисты воспользовались книгой «Берлинские тетради» писателя Медникова, который не удосужился проверить известные факты.

Был в роте связи старший сержант Зубенко, который был ранен еще 29 апреля. Вот откуда, вероятно, с помощью писательской фантазии и появился потом «старший лейтенант Зарубенко». Были и другие желающие примазаться к этому героическому эпизоду, благо скромняга Коробов никогда не выпячивал своих заслуг. Да и не особо верили ему, как он вспоминал. Эпизод, показанный в фильме, ярко иллюстрирует, как в советские времена относились к подаче исторической правды, даже в мелочах.

Так разговаривал ли Кребс с Геббельсом с советского армейского КП по проложенной линии связи? Официальные источники это не подтверждают. Хотя военкор Макаренко утверждал, что такой разговор состоялся. Об этом же говорят и данные адъютанта Чуйкова, который вел запись переговоров. Конечно, нельзя считать эти сведения подтверждением факта упомянутого разговора.

Так что подвиг советских связистов остался невостребованным. По какой причине не состоялись переговоры с немцами по проложенной линии связи? Вероятно, к тому моменту нацистские руководители уже поняли крах своих замыслов, и говорить было уже не о чем.

В 10.15 поступил официальный ответ Советского правительства на предложение немцев. В нем излагалась его позиция по затронутому вопросу. Вот что было в этом ответе:

1. Требование безоговорочной капитуляции берлинского гарнизона.

2. Давалось обещание не рассматривать членов нового германского правительства и ответственных сотрудников согласно особому списку в качестве военнопленных.

3. Членам правительства, которые находились в Берлине, будет предоставлена возможность связаться с Деницем для немедленного обращения к правительствам трех союзных держав с предложением переговоров о мире. Причем не давались гарантии, что США и Англия вступят в эти переговоры.

Таким образом, советская сторона, не в пример Эйзенхауэру в Реймсе, отказалась вести с немцами переговоры о капитуляции и оказалась потом в дурацком положении, когда американцы поставили СССР перед фактом подписания акта о капитуляции. Правительство СССР на этот раз услужливо продемонстри-

ровало свою «верность союзническому долгу», не дав никаких гарантий правительству Деница, с которым американцы 7 мая 1945 г. заключили соответствующее соглашение.

Вряд ли советское руководство надеялось, что представленные условия будут приняты немецкой стороной. Все это выглядело как попытка одурачить побежденного противника. Да и неизвестно, стала ли бы советская сторона выполнять обещания, получив в свои руки нацистских главарей.

Дальше говорить с немцами стало уже не о чем. Перед уходом Кребс попросил окончательно сформулировать советское предложение. Генерал армии Соколовский повторил ему содержание ответа из Москвы: никакого перемирия – только капитуляция. Генерал Кребс опять пытался спорить, ссылаясь на Деница, но все эти попытки оспорить услышанное были безуспешны. В качестве весомого аргумента был использован силовой довод. В 10.40 советская артиллерия, выполняя обещание Жукова, открыла ураганный огонь по центру Берлина, а бомбардировщики атаковали с малой высоты башню ПВО в Зоосаде.

Кребс нервничал, поглядывая на часы. Он поинтересовался у окружающих, не арестуют ли их? Ему объяснили, что военные будут считаться пленными только после сдачи. Он даже пытался высказаться по поводу 1 мая, вспоминал, как во время парада на Красной площади стоял на трибуне: *«Сегодня 1 Мая – большой праздник для обеих наших наций...»* Ему ответил Чуйков, возмущенный откровенной наглостью немца, но ставший образцом сдержанности и хладнокровия. С налетом саркастического юмора командарм выдал Кребсу: *«У нас сегодня великий праздник. А как там у вас – трудно сказать»*.

Немец что-то слишком долго собирался уходить – два раза возвращался. Первый раз «забыл» перчатки, которые лежали рядом с фуражкой, которую он сразу надел. Второй раз искал полевую сумку, которой у него с собой и не было. Адъютант Чуйкова заметил, что по глазам немецкого генерала было видно, тот колебался – идти назад или сдаться? А может быть, он ждал, что его арестуют и избавят от решения вопроса «что делать?». Русские предоставили ему самому решать свою судьбу, и Кребс, поколебавшись, был вынужден отправиться восвояси.

Полковник Толконюк вернулся из штаба фронта как раз в тот момент, когда Кребс собирался садиться в броне-

транспортер, чтобы отправиться к линии фронта, и угрюмо осматривался вокруг. Он попытался с ехидцей поддеть немца, заявив, что, мол, запоминаете место, чтобы потом накрыть артогнем? Хоть шутка была явно неуместна, Кребс задумчиво ответил, что это уже ни к чему. Тут полковник, пытаясь хоть как-то поддержать разговор, стал допытываться, почему у генерала такой мрачный вид, война ведь кончается. Тот ответил, что полковнику его не понять. *«Вы победили, а моя жизнь на волоске»*, – проговорил он и забрался в бронетранспортер.

По поводу времени отбытия Кребса с КП 8-й Гв.А., как всегда, существует определенная путаница. В различных источниках время его ухода варьируется от 08.00 до 14.30. Сам командарм Чуйков, проводивший переговоры, и его адъютант, который вел запись, фиксировали, что Кребс покинул их КП в 13.08.

В уже упоминавшемся труде о 35-й Гв.СД сказано, что Кребс и сопровождавшие его лица прибыли в штаб дивизии в 14.00, где к ним присоединился полковник Дуфвинг, который ранее прибыл в расположение дивизии. Вся группа под охраной гвардейцев-разведчиков отправилась к линии фронта. Когда немцы попытались перейти линию фронта, свои же открыли по ним пулеметный огонь. Парламентерам удалось укрыться, и никто не пострадал. Кребс из развалин здания только наблюдал, как многострадальный полковник Дуфвинг, размахивая белым флагом, перешел линию фронта. Только после его сигнала начальник ОКХ и его сопровождавшие смогли уйти к своим.

Генерал Вейдлинг сообщал потом, что Кребс вернулся где-то около 12.00 по берлинскому времени. Как он и предполагал, переговоры о перемирии оказались безрезультатными. Советский военкор Брагин имел возможность побеседовать с Вейдлингом после его сдачи в плен. Комендант Берлина рассказал, что Кребс доложил об ультиматуме советского командования, а на вопрос Геббельса, что же дальше делать, рубанул по-военному – стреляться...

О своей будущей судьбе Кребс в разговоре с Вейдлингом сказал, что он остается в бункере до последней возможности, а затем пустит себе пулю в лоб.

В бункере царило подавленное настроение. Угнетенное состояние Кребса можно понять. Во время обратной дороги

русские намеренно не стали завязывать ему глаза, как полагается делать в отношении парламентеров. Поэтому Кребс и фон Дуфвинг во время поездки из Темпельхофа к линии фронта могли лично убедиться в том, что русские стянули в Берлин огромное количество танков и артиллерии. Учитывая сложившуюся обстановку, Кребс предоставил Вейдлингу свободу действий для подписания капитуляции, чего и требовала советская сторона, поскольку сам для себя он все уже решил.

Известный историк Розанов и тут дал волю своей фантазии. Он утверждал, что после перехода Кребса последовал звонок Геббельса на КП 35-й Гв.СД, который вроде бы хотел переговорить с командармом Чуйковым, но тот якобы отказался говорить с новым рейхсканцлером. Эта версия представляется маловероятной. Получается, что, не успев выслушать доклад Кребса и не посоветовавшись с Борманом, Геббельс рвался поговорить с Чуйковым. Не надо забывать и о том, что, по официальным данным, установленная связь с рейхсканцелярией не была использована...

На переднем крае после ухода Кребса по-прежнему стояла напряженная тишина. Видимо, в бункере продолжали совещаться, а советская сторона не хотела этому мешать.

По утверждению бригаденфюрера Монке, в бункере было составлено письмо к советскому командованию, в котором было отклонено требование о безоговорочной капитуляции до переговоров с Деницем. Одновременно еще раз излагалась просьба о перемирии, и на это ожидался ответ. Последнее выглядело довольно наглым. Только обладая тупым упрямством, можно было на что-то надеяться, получив столь недвусмысленный ответ Советского правительства.

Кстати, о второй части немецкого ответа ни в одном российском исследовании не говорится. Не сочли, видимо, нужным историки сообщить эту немаловажную подробность драматических переговоров с немцами у последней черты...

Как же немецкий ответ был доставлен советскому командованию? После 18.00 1 мая линию фронта на позициях 1-го батальона 1050-го СП из 301-й СД перешел некий оберштурмбаннфюрер и попросил проводить его в штаб для вручения советскому командованию важного пакета. Именно в нем и находился текст

с отрицательным ответом Геббельса и Бормана на требование безоговорочной капитуляции. В штабе дивизии эсэсовец вручил пакет представителю штаба армии. Получив расписку в получении пакета, посланец из бункера удалился и без происшествий перешел линию фронта.

У господина Розанова, как всегда, эпизод выглядит иначе. По его мнению, эсэсовец вручил пакет лично Чуйкову. Уважаемый историк, конечно же, ошибся. Он не учел времени, которое было бы необходимо на доставку гонца на КП армии и обратно. Это время могло составить около двух часов. Хорошо известно, что связь с рейхсканцелярией была свернута сразу после 18.00, а в 19.00 возобновился обстрел немецкой группировки, который продолжался до 00.50 2 мая.

Что же в итоге? В течение почти девяти часов генерал Кребс пытался склонить советское командование к заключению перемирия. Он не смог выполнить свое несуразное поручение. *«Зудел, как пчела»*, – выразился Чуйков уже после войны. К тому же Кребс явно рассчитывал на выигрыш времени. Надо сказать, что частично он этого и добился. Ведь почти на сутки советские войска оставили немцев в покое в районе рейхсканцелярии, дав им определенную передышку. Как они смогли ее использовать – это другой вопрос.

Английский исследователь Джеймс Макговерн считал, что *«миссия Кребса имела лишь один реальный результат – русские получили представление о том, где находился бункер и кто находился в нем»*. Поэтому он подчеркивал, что *«артогонь по рейхсканцелярии стал прицельным и неистовым»*. Вероятно, это добавило паники в бункере, где, по свидетельству очевидцев, большинство из оставшихся там *«носились по бункеру взад и вперед, как курица, которой отрезали голову»*. Полковник Дуфвинг позже тоже сделал вывод, что усиление обстрела рейхсканцелярии было следствием того, что Кребс выдал русским расположение бункера.

Возможно, Геббельс и Борман не очень-то и рассчитывали на положительный результат переговоров с советским командованием. По некоторым сведениям, в 06.30 1 мая в бункере рейхсканцелярии состоялось совещание, на котором присутствовали Геббельс, Борман, Вейдлинг, Монке и Раух. Геббельс поинте-

ресовался у командира 18-й МД Рауха, что можно предпринять с его дивизией? Ответ Рауха не обрадовал присутствующих. Он был по-военному краток: *«Ничего!»*

Видимо, новое немецкое руководство судорожно искало выход из безнадежного положения, но и эта попытка не дала результата.

Что же происходило в Берлине на фоне переговоров генерала Кребса с советским командованием? Похоже, что среди берлинского гарнизона начались какие-то внутренние распри. Еще в 04.15 1 мая командир 28-го Гв.СК генерал-лейтенант Рыжов доложил командарму Чуйкову, что через немецкую радиостанцию штаба обороны Берлина получена просьба о высылке парламентеров на северо-восточную окраину Зоологического сада. Несмотря на то что уже начались переговоры с Кребсом, Чуйков дал согласие на прием парламентеров.

В 05.00 на условное место прибыл офицер штаба 39-й Гв.СД майор Берсенев. После 20-минутного ожидания с немецкой стороны появились два парламентера. Правда, внезапный пулеметный обстрел с немецкой стороны пресек возможность каких-либо контактов. Майор был тяжело ранен, но успел доложить о срыве переговоров . Естественно, с советской стороны в ответ на подобное вероломство также ответили огнем. Кто и зачем организовал эту провокацию, осталось невыясненным.

Проходившие переговоры о капитуляции берлинского гарнизона ни в коей мере не отразились на интенсивности боев, которые продолжались в различных районах Берлина и его пригородах.

Утром 1 мая 597-й и 598-й СП 207-й СД продолжали вести бой в районе Кролль-оперы. Части дивизии обошли здание и двинулись на штурм. Немцы отбивались отчаянно, поскольку отступать им было некуда. Около полудня был совершен огневой налет на позиции немцев, засевших вокруг здания. Первые две атаки на Кролль-оперу, проведенные наспех, не имели успеха. Танки и арттягачи, выскочившие на площадь, были подбиты фаустниками. Началась усиленная артиллерийская перестрелка

с переменным успехом. Гарнизон Кролль-оперы, в состав которого входили более тысячи эсэсовцев и парашютистов, не хотел складывать оружия.

Как всегда, когда успеха в действиях подразделений не было, на КП выдвинулось дивизионное начальство – комдив полковник Асафов и командующий артиллерией полковник Курашов. Необходимые меры сразу были приняты: к зданию театра подтянули и поставили на прямую наводку всю артиллерию двух стрелковых полков, дивизион 780-го АП, около десяти самоходок ИСУ-152, танки. На здание театра были нацелены и орудия 420-го ИПТАД. Конечно, после этого атака на Кролль-оперу дала результат. Возникает вопрос, почему же все вышеуказанное нельзя было сделать раньше?

В полночь 1 мая Кролль-оперу атаковали два батальона из 597-го СП подполковника Ковязина и 598-го СП подполковника Воскресенского из 207-й СД. Бойцам пришлось штурмовать комнату за комнатой, крыло за крылом. Конечно, на здание тут же водрузили знамя, врученное дивизии Военсоветом 3-й УА. После ожесточенного сопротивления гарнизон здания капитулировал. В плен попали генерал войск СС, несколько полковников и 850 офицеров и солдат. В их числе были и немки из женской нацистской организации.

Части 207-й СД устремились к Шарлоттенбургерштрассе. Батальон капитана Колчанова блокировал выходы из подземного бункера, обнаруженные как в здании Кролль-оперы, так и южнее ее. Как выяснилось, бункер обороняли эсэсовцы, открывшие сильный автоматный огонь, когда бойцы батальона попробовали спуститься вниз.

После небольшой подготовки начался штурм подземелья: туда полетели десятки гранат, по выходам ударили из пулеметов. Через час бой шел уже под землей. Пленных здесь было взято немного – только несколько десятков, поскольку подобный ожесточенный бой не располагал к миролюбию.

Бои в этом районе продолжались до утра 2 мая. Батальоны 597-го и 598-го СП медленно продвигались в глубь парка Тиргартен. К 06.00 598-й полк вышел на Белльюаллее и соединился со своими соседями.

Надо ли говорить, что разгром противника в здании Кролль-оперы и вблизи ее позволил значительно облегчить советским

войскам овладение рейхстагом. Он предрешил судьбу засевших там немцев, которые теперь были в значительной мере лишены огневой поддержки.

Части 2-й Гв.ТА в течение всего дня 1 мая вели ожесточенные бои в восточной части Шарлоттенбурга с целью соединения с частями 8-й Гв.А в районе Зоологического сада и окончательного отсечения группировки противника в районе Халензее от группировки в парке Тиргартен. Но, встретив упорное огневое сопротивление немцев, использовавших здание вокзала на железнодорожной станции Тиргартен и железобетонную стену северо-западного фасада Зоологического сада, они продвижения не добились.

Части 1-й ПА 1 мая вели бои за комплекс зданий политехнического института, закрывавшего движение войск к Тиргартену. Захватить этот немецкий опорный пункт удалось только к утру следующего дня. Яростные схватки за каждую комнату продолжались всю ночь, пленных оказалось мало...

Бои в центральных кварталах Берлина вели части 3-й и 5-й УА. Они тоже очень незначительно продвинулись вперед, заняв ряд кварталов, центральный телеграф и, как выше указывалось, здание Кролль-оперы.

30 апреля 1945 г. 1-й батальон 1373-го СП 416-й СД генерал-майора Д.М. Сызранова из 5-й УА с боем подошел почти вплотную к дворцу кайзера Вильгельма на Шлессплатц. По утверждению дивизионных политработников, это была *«бывшая цитадель германских императоров»*. Поэтому этот дворец-цитадель должен был быть непременно взят штурмом.

Всего 200 метров отделяли советских солдат от дворца, но подступиться к нему было очень трудно. Немцы энергично отстреливались из окон и ворот соседних домов, забрасывали бойцов фаустпатронами. Поскольку батальон в предыдущих боях был сильно потрепан, отпраздновать 1 Мая взятием кайзеровского дворца было очень непросто.

Ночь прошла спокойно. Были пополнены запасы патронов и гранат. Командование дивизии подбросило на участок батальона несколько танков ИС-2 и артиллерию. Под утро началась артподготовка. Весенний предрассветный воздух потемнел от пороховой гари. Советские солдаты с удовольствием

наблюдали, как артиллеристы аккуратно укладывали снаряд за снарядом во дворец. Его защитники, явно не разделявшие этой радости, были подавлены и почти прекратили ружейно-пулеметный огонь. Артиллеристы даже смогли меткими выстрелами пробить просторную брешь в толстой железной решетке в одном из окон нижнего этажа, открыв дорогу штурмовой группе.

После того как артиллерия перенесла огонь на соседнее крыло здания, комбат капитан А.М. Решетнев приказал начать атаку. Поскольку разрыва между артподготовкой и началом атаки не было, бойцам удалось стремительным броском преодолеть 200 метров до здания, они ворвались туда через пролом и принялись забрасывать немцев гранатами. В громадных дворцовых залах завязался жестокий бой.

Нижние этажи дворца были очищены достаточно быстро. Немцы устремились на верхние, видимо, надеялись оторваться от атакующих и организовать там сопротивление, но это им не удалось. Вскоре здание было очищено вплоть до крыши, а в окне второго этажа был установлен традиционный красный флаг.

В подвале дворца советские солдаты обнаружили около 300 раненых, которых никто не тронул, несмотря на ожесточенное сопротивление их собратьев в здании. Потери батальона были не очень велики, но все-таки замполит батальона старший лейтенант Османов, отвечавший за установку знамени, был убит в этом бою...

Так, 1 мая 1945 г. был взят штурмом дворец кайзера Вильгельма. Вряд ли его захват принес много радости бойцам батальона, утомленным тяжелым боем... Вероятно, можно было бы отвести солдат подальше от дворца, вызвать авиацию и разрушить здание бомбардировкой. Но считается, что это противоречило бы приказу советского командования по возможности сберечь *«городские ценности Берлина»*, которые, вероятно, были дороже жизни собственных бойцов...

В ночь на 30 апреля 63-й Гв.СП 23-й Гв.СД овладел вокзалом Веддинг, где встретились наиболее крупные бункеры, о которых говорили ранее. Немцы особенно упорно сопротивлялись на подходах к Штеттинскому вокзалу и полицейским казармам у Экзерцирплатц, где в боях участвовали части фольксштурма и подразделения эсэсовцев. Пытаясь задержать наступление

гвардейцев, немцы постоянно контратаковали в районе перекрестка Боменштрассе и Шоссештрассе и развалин какого-то завода.

Первая попытка овладеть этим заводом не дала никаких результатов, так как мешал фланговый огонь из казармы. Удар было решено нанести оригинальным способом. Гвардейцы группами по пять – семь человек пробрались по крышам плотно расположенных домов до чердака казармы и оттуда внезапно открыли огонь по солдатам противника, находившимся во дворе. Их поддержали огнем танки и «катюши» из состава штурмового отряда. После короткого боя казарма была очищена, а контратаки немцев отбиты.

Ожесточенные бои на подступах к Штеттинскому вокзалу продолжались весь день до 1 мая. Так, с 10.00 до 13.00 этого дня немцы неоднократно переходили в контратаки от Хохштрассе и Гартенштрассе, но, понеся большие потери, не добились успеха. Полки 23-й Гв.СД в течение дня выбили противника с кладбища в районе Лизенштрассе, из ряда кварталов севернее Экзерцирплатц, подойдя непосредственно к Штеттинскому вокзалу.

Командир 23-й дивизии генерал-майор Шафаренко писал потом, что *«резко усилившееся сопротивление противника объяснялось тем, что Штеттинский вокзал открывал путь к рейхстагу с севера. И хотя, как мы знали, борьба уже шла внутри здания рейхстага, немцы, видимо, не представляя общей обстановки, дрались отчаянно»*.

Со своей стороны навстречу воинам 3-й УА и танкистам 2-й Гв.ТА прорывались части 8-й Гв.А и 1-й Гв.ТА, возобновившие свои атаки еще в 10.40. 29-й и 4-й Гв.СК завершили очищение от противника Потсдамского вокзала и овладели госпочтамтом. Части 248-й и 230-й СД вели бои за здание министерства финансов, расположенное напротив рейхсканцелярии.

Старший лейтенант Жилкин из 771-го АП 248-й СД вспоминал: *«В ночь на 30 апреля и весь следующий день наш 2-й дивизион наносил огневые налеты по зданиям министерства финансов, гестапо, главпочтамта и министерства ВВС... Утром 1 мая впереди нас кипел бой, но мы огня не вели – кто-то из начальства нам объяснил, что якобы командарм 8-й Гв.А Чуйков и генерал Вейд-*

линг ведут переговоры. Пауза продолжалась недолго. Часов в десять утра наш дивизион возобновил огонь по Дворцу канцлера и по ближайшим зданиям. Но, как нам сообщили, следовавшая за огневым налетом атака пехоты не удалась. Упорно обороняли своего вождя моряки, эсэсовцы, гестаповцы, летчики и фольксштурмовцы».

В течение дня 28-й Гв.СК совместно с 8-м Гв.МехК после упорных боев завершил очистку от противника территории Зоологического сада. Наконец-то они установили непосредственную связь с частями 2-й Гв.ТА, завершив изоляцию немецкой группировки в Тиргартене.

Тем временем 125-й СК защищал от противника лесной массив юго-западнее Потсдама. Немцы продолжали упорно сопротивляться. С наступлением темноты, используя отсутствие сплошного фронта по реке Хафель, часть немецкой группировки, прорвавшаяся 28 апреля из района Вественда в Рулебен, мелкими группами переправилась через реку в районе Пихельсдорфа и Штрезова и готовилась к прорыву.

Интересен взгляд немецкой стороны на события этого дня в Берлине. Генерал Вейдлинг вспоминал потом, что во второй половине 1 мая положение его войск чрезвычайно обострилось. Защитники Берлина были зажаты на очень ограниченном пространстве. Советские войска уже захватили Потсдамский вокзал, Зоологический сад, магистраль Восток – Запад до Бранденбургских ворот, мост Вандендаммер, Лейпцигерштрассе, Потсдамерплатц и Потсдамский мост.

Части разбитой 18-й МД совместно с отрядами гитлерюнгенда и фольксштурма продолжали удерживать в своих руках имперский стадион и Халензее. Командир 18-й МД генерал-майор Раух еще ранее приказал удерживать мосты на запад, но к 1 мая целым оставался лишь пешеходный мост в Шпандау. Именно здесь остатки 18-й МД и начали прорыв. Нескольким автомобилям, несмотря на сильный обстрел, удалось прорваться на запад. К вечеру перед мостом скопилось множество машин, число которых к ночи еще увеличилось.

ТД «Мюнхенберг» вела бои в районе Зоосада. Бои шли у станции Зоосад, у здания Государственного театра, вокруг башни ПВО, зенитные орудия которой представляли собой большую опасность для танков. В дивизии к тому времени оставалось

всего пять танков, которые использовались для контратак при возникновении прорывов линии обороны. Командир дивизии генерал-майор Муммерт был ранен – уже в третий раз за время боев в Берлине, но не оставил передовой.

Далеко не все немецкие группы имели возможность осуществить прорыв за пределы города. Так, в башне ПВО, расположенной в юго-западной окраине Тиргартена, засел гарнизон численностью в 350 человек и несколько тысяч гражданских лиц. Железобетонные стены этой крепости были настолько прочными, что могли выдержать прямое попадание 203-мм гаубичного снаряда.

Блокировать эту грозную башню приказали 79-й Гв.СД, чье командование выделило для этого два стрелковых полка. Штурмовать ее было совершенно бесполезно. Еще в 23.00 30 апреля советское командование направило в башню парламентеров из числа военнопленных, которые передали гарнизону предложение сложить оружие.

1 мая парламентеры вернулись с ответом, в котором полковник Геллер обещал капитулировать в ночь на 2 мая. На самом деле он не был начальником гарнизона, а пытался затянуть капитуляцию. Когда гарнизон башни все-таки капитулировал, Геллер заявил одному из советских офицеров, что внутри башни остались два генерала, которые бы хотели исчезнуть из Берлина. К тому времени на четвертом этаже было обнаружено генеральское убежище, но один из генералов успел застрелиться.

Одним из укрепленных пунктов в оборонительной системе Берлина была цитадель Шпандау, расположенная на северо-западной окраине города, на острове, образовавшемся в месте слияния рек Хафель и Шпрее. Там располагалась одна важная организация, чье туманное название – «Армейские лаборатории противогазовой защиты» – скрывало ее настоящее предназначение.

К 30 апреля войска 47-й армии окружили крепость, орудия которой держали под прицелом значительный участок территории, включая мост через Хафель. Командарм Перхорович приказал предъявить командиру немецкого гарнизона ультиматум. Парламентерами вызвались быть два советских офицера –

майор Гришин и старший лейтенант Владимир Галл. Размахивая белым флагом, они приблизились к баррикаде на мосту через ров.

После предварительного разговора у ворот крепости немцы выкинули парламентерам с балкона здания веревочную лестницу длиной около десяти метров, по которой те поднялись наверх. Там их встретила группа немецких офицеров, среди которых был начальник гарнизона полковник Юнг и его заместитель подполковник Кох.

Начались сложные переговоры, в ходе которых советские офицеры почувствовали, что эсэсовцы, входившие в состав гарнизона, готовы расстрелять их, невзирая на последствия. Галл пытался доказать немцам бессмысленность дальнейшего сопротивления, продолжение которого будет означать только увеличение количества жертв.

Потом он перешел к прямым угрозам, напирая на то, что отказ от капитуляции приведет к отмене даваемых военнопленным гарантий. Видимо, на это его подвигла та ненависть, с которой на него взирали эсэсовцы. Ведь он был еврей... Направить другого офицера к немцам не было возможности, так как никто другой в достаточной степени не владел немецким языком. Обстановка на переговорах была очень напряженной. Предупредив немцев, что их ответа будут ждать до 15.00, советские офицеры в гробовой тишине удалились, ожидая выстрелов в спину или перерезания веревок лестницы. К счастью, их отход прошел без происшествий.

По мере приближения назначенного времени напряжение в расположении советских войск нарастало. Ожидание закончилось с прибытием из крепости двух немецких лейтенантов, которые сообщили, что их командование согласно с условиями капитуляции, но просит выдать их в письменном виде. Обоих немцев с почетом доставили в штаб 47-й армии. Парламентеров хорошо накормили и напоили, подготовили необходимый документ, который и был подписан.

Чуть позднее на КП армии прибыл полковник из штаба 1-го БФ, который спросил у одного из немцев, как долго могла бы держаться крепость под обстрелом орудий и бомбежками с воздуха. Немецкий лейтенант ответил, что они могли бы сопротив-

ляться еще неделю, во что никто из присутствующих советских офицеров, только что учивших немцев пить коньяк стаканами, конечно, не поверил.

Через два часа из крепости через главный вход стали выходить немцы, складывать оружие и строиться в колонны. При прощании оказалось, что подполковник Кох прекрасно говорил по-русски, а ведь советские офицеры во время переговоров обменивались важными репликами, не подозревая, что немецкий подполковник все прекрасно понимал...

Как выяснилось чуть позже, с капитуляцией не все было так просто. Полковник Юнг и подполковник Кох на самом деле были профессором Герхардом Юнгом и доктором Эдгаром Кохом – ведущими немецкими специалистами в области боевых отравляющих веществ, включая нервно-паралитические газы табун и зарин. Эти ученые занимались вопросами их применения на поле боя, хотя название их лаборатории говорило лишь о том, что в ней могут создаваться только защитные средства против различных газов. В штабе 47-й армии быстро осознали значение оборудования, найденного в крепости Шпандау. Однако допросить важных немецких химиков не удалось, их еще вечером перехватили вездесущие офицеры НКВД...

В западном секторе центра Берлина, обороной которого руководил подполковник Зейферт, продолжали сопротивление латыши из 15-й ПД СС, французы из дивизии «Шарлемань», эсэсовцы полка «Анхальт» под командованием штурмбаннфюрера Валя, а также немецкие полицейские подразделения. Они не смогли сдержать прорыв русских к Потсдамскому вокзалу, откуда простреливалась вся Потсдамерплатц. В районе Лейпцигерштрассе оборонялись остатки полков «Данмарк» и «Норге».

На участке генерал-майора Беренфенгера немцы не смогли сдержать части 5-й УА, которые прорвались к мосту Вайдендаммер. Башни ПВО во Фридрихсхайне и Гумбольдтхайне были неприступны, но русские просто обошли их, избегая бессмысленных потерь при штурме этих крепостей. В этом же районе продолжала сопротивление боевая группа караульного полка «Великая Германия». В северной части Тиргартена, куда тоже прорвались русские, оборонялись остатки 9-й ППД.

По данным немецкого историка Тике, к 1 мая в Берлине немцы располагали тремя исправными танками «королевский тигр», а также шестью танками и штурмовыми орудиями разведбатальона дивизии «Нордланд». Кроме того, имелось некоторое количество поврежденных танков, использовавшихся в качестве неподвижных огневых точек на наиболее важных участках. Конечно, эти данные, полученные из отрывочных сообщений с отдельных участков боев в Берлине с немецкой стороны, вряд ли можно считать полными.

Генерал Вейдлинг и полковник фон Дуфвинг находились в рейхсканцелярии почти всю вторую половину дня, будучи в распоряжении Кребса и Геббельса. Лишь только в 19.00 они были отпущены. Вейдлинг попытался скоординировать свои действия с бригаденфюрером Монке, но не смог его найти.

На 19.00 этот эсэсовец назначил совещание. Командир дивизии «Нордланд», вернее, того, что от нее осталось, генерал-майор СС Крукенберг прибыл в подвал рейхсканцелярии в назначенное время. Там он встретил своего предшественника генерал-майора СС Циглера, который находился под «домашним арестом» еще с 25 апреля. Циглер, чей арест был чистой формальностью, был в курсе последних событий в рейхсканцелярии, о чем и проинформировал своего коллегу.

Монке, которого сопровождали глава гитлерюгенда Артур Аксман и другие офицеры СС, появился только в 20.45. Он поинтересовался у Крукенберга, желает ли тот, как старший командир, продолжать оборону центра города. Командир «Нордланд» ответил, что стоит за то, чтобы попытаться прорваться из города. Монке тоже считал, что приказ Вейдлинга о прорыве из Берлина мелкими группами остается в силе до наступления момента капитуляции, о приближении которого все уже знали. Положение немцев осложнялось тем, что Монке не знал положения на других участках, так как связь была неустойчивой, а обстановка менялась очень быстро.

После этого совещания эсэсовские генералы Крукенберг и Циглер отправились на позиции, чтобы подготовить остатки дивизии «Нордланд» к прорыву. Крукенберг отправил одного из адъютантов, чтобы сообщить о готовящемся прорыве боеспособным подразделениям. Вероятно, этот офицер был убит, так как многие группы так и не узнали о прорыве...

Бригаденфюрер Монке предложил прорваться по Вайдендаммскому мосту на северо-запад – в сторону Ораниенбурга. Он сказал собравшимся, что договорился с генералом Вейдлингом о том, чтобы капитуляция вступила в силу лишь утром 2 мая. Эта договоренность была достигнута для того, чтобы для осуществления прорыв, который был назначен на 23.00 1 мая, имелась целая ночь. Вейдлинг выполнил условия этого соглашения, о чем советскому командованию не было известно.

Понятно, что к тому времени Вейдлинг, командовавший участками обороны с помощью ординарцев и посыльных, многие из которых погибли в пути, практически утратил возможность руководить многими подразделениями. Учитывая создавшуюся обстановку, он и его начштаба полковник фон Дуфвинг пришли к выводу о невозможности дальнейшего продолжения боевых действий. Тем не менее было решено посоветоваться с другими офицерами.

В 20.30 на совещание был вызван полковник Велерман. Он исполнял обязанности командира 1-й ЗенАД и коменданта башни ПВО в Зоосаде, после того как их прежний командир генерал-майор Зюдов бесследно исчез.

Последнее совещание в штабе Вейдлинга, на которое собралось около 100 человек, состоялось в 22.00 1 мая. На нем присутствовали отставные генералы Войташ и Шмидт-Данкварт, но отсутствовали командиры боевых участков. Вейдлинг изложил собравшимся свое видение обстановки и сообщил о намерении подписать капитуляцию. Полковник Дуфвинг и Рефьор поддержали его. Всем присутствовавшим стало ясно, что бои в Берлине подошли к своему завершению.

Непрекращающиеся удары советских войск, в особенности непрерывное и возраставшее по мощи воздействие артиллерии и тяжелых минометов, привели к снижению возможности сопротивления немецких войск, хотя до полной деморализации личного состава берлинской группировки дело не дошло. Надо отметить, что плотность артиллерийского насыщения на ряде направлений достигала 500–600 стволов и установок РС на километр фронта.

После отказа немцев капитулировать советскому командованию ничего не осталось, как приступить к окончательному штур-

му Берлина. Был отдан приказ о продолжении боев в течение ночи 2 мая, не давая противнику ни одного временного промежутка на отдых и приведение себя в порядок.

Чуть раньше командование 1-го БФ в первомайском приказе вновь обратилось к войскам: *«Вперед на врага! Последним стремительным ударом добьем фашистского зверя в его логове и ускорим приближение часа окончательной победы над фашистской Германией!»* Что можно сказать по поводу этого очередного продукта творчества политорганов? Вряд ли стоило подстегивать своих бойцов, которые и без этих заезженных штампов и казенных выражений понимали важность своей задачи, в стремлении как можно быстрее доложить «наверх» о завершении боев.

Ночь на 2 мая – конец битвы за Берлин

К ночи 1 мая организованное сопротивление берлинского гарнизона практически прекратилось. Управление и связь между различными еще сопротивляющимися боевыми группами были крайне затруднены. Никакой сплошной линии обороны в этих последних боях не существовало. Бои в различных районах города разбились на множество мелких очагов.

Как писал немецкий историк Тике: *«...в эти часы в Берлине царил абсолютный хаос. Многие отряды были полностью предоставлены сами себе и либо вовсе не получали приказов сверху, так как вестовые просто не могли пробиться к ним, либо получали их с опозданием в несколько часов, в течение которых ситуация успевала кардинально измениться».*

Условия ведения боев в большом городе, раздробленность частей и подразделений советских войск, задымление от пожаров и ночная темнота способствовали тому, что немцы в преддверии капитуляции рванулись на прорыв с определенными шансами на успех этого отчаянного предприятия. Этому также способствовали некоторые субъективные факторы. О них также писал Тике: *«...русские сражались – и праздновали 1 Мая. Разумеется, в последние часы перед победой никто не хотел умирать. В некоторых районах Берлина противники сами, неосознанно, без предварительной договоренности прекращали огонь...»* С чем связано празднование различных «знаменательных дат» советскими людьми, всем прекрасно известно.

Благодаря всем этим обстоятельствам многим немецким мелким группам и удалось вырваться из Берлина. Вряд ли целесообразно пытаться описать все события этой последней ночи обороны Берлина, когда немцы бросались на прорыв. Стоит остановиться лишь на наиболее важных.

Обстановка в бункере днем 1 мая была просто угнетающая. Большинство находившихся там ждали наступления темноты, чтобы покинуть последнее убежище фюрера. Геббельс нервно ходил по бункеру, выкуривая одну сигарету за другой. По мнению западного исследователя Роберта Кросса, *«вид у него был как у обанкротившегося владельца ресторана, ожидающего, когда уйдет последний посетитель»*. После 20.30 его волнения закончились: отравив своих шестерых детей, чета Геббельсов покончила с собой в саду рейхсканцелярии около бункера.

Борман не проявил никакого интереса к кончине своего недавнего соратника. Несмотря на то что он долго пробыл в бункере, однако сохранял завидное здоровье. Борман не сменил одежду и остался в мундире генерал-лейтенанта СС и кожаном плаще, в одном из карманов которого находилась копия завещания Гитлера, с помощью которой он надеялся обеспечить свое положение в правительстве Деница. По свидетельству пилота фюрера Баура, Борман сказал секретарше Крюгер: *«Хотя это маловероятно, но я попытаюсь прорваться. Очень возможно, что это мне не удастся»*. Совсем скоро станет ясно, что рейхслейтер трезво оценивал свои шансы...

Конечно, шансы уйти из центра Берлина у немцев были. Корпуса и дивизии нескольких армий, действовавших там, вели бои в полной изоляции, без привычной «локтевой связи». Между сражавшимися подразделениями зияли большие бреши. Их также разделяли и многочисленные городские каналы. Большие возможности для бегства предоставляли и тоннели метро, имевшиеся в городе.

Бросается в глаза, что время начала прорыва неоднократно откладывалось, тем самым уменьшая шансы на успех. Наиболее очевидной причиной задержки прорыва являлось то обстоятельство, что по инициативе немецкой стороны велись переговоры генерала Кребса с командованием 8-й Гв.А. Считается, что другой причиной, по которой бегство из бункера не началось раньше, – это необходимость его обитателям присутствовать на похоронах четы Геббельсов. Вряд ли можно признать эту причину основательной, зная, как небрежно обошлись с их трупами. Вероятно, сказывались и обстановка хаоса в самом бункере, и отсутствие на тот момент единого командования, от которого можно было бы получить четкие приказы.

Положение в бункере осложнялось тем, что бригаденфюрер Монке практически не имел связи с немецкими боевыми группами в городе. Из-за этого он слабо ориентировался в создавшейся обстановке, сведения о которой мог получать только из штаба генерала Вейдлинга. Монке не имел представления, что происходило севернее рейхсканцелярии. Генерал Густав Крукенберг потом говорил: *«Если Монке был не в курсе расположения русских частей, то я знал, поскольку действовал на своем КП на станции метро "Штадтмиттен"»*.

Весь комплекс бункера обороняли около 700 эсэсовцев и 80 человек из СД. У них не было никаких реальных шансов соединиться с какой-либо из немецких боевых групп, еще продолжавших сопротивление. Каких-либо шансов прорваться из бункера компактной группой у немцев не было. Поэтому весь этот «прорыв» вылился в просачивание мелких групп сквозь неплотные боевые порядки советских войск, происходившее к тому же ночью, когда видимость была резко ограничена.

Монке еще в течение дня 1 мая обсуждал детали прорыва со своим заместителем оберштурмбаннфюрером Клингермейером. Они определили маршрут отхода, сформировали шесть отдельных групп, прикинули время начала действий. Решено было начать движение мелкими группами между 22.30 и 23.00. Суть приказа Монке, дававшего большую свободу действий командирам групп, сводился к одному: «Спасайтесь любой ценой!» Настроение окруженцев было далеко не героическим...

Штурмбаннфюрер Гюнше в своих позднейших воспоминаниях писал, что всего из рейхсканцелярии ушли около 2000 человек, что представляется явным преувеличением. Например, в группу самого Монке, кроме 80–100 солдат из роты личной охраны оберштурмфюрера Дробе, входили еще и около десяти человек из окружения Гитлера.

Состав других групп был таков. Вторую группу – доктора Наумана и Бормана – сопровождал батальон фольксштурма, вернее, его остатки, из здания министерства пропаганды, а не из бункера. В третью группу во главе с Кемпкой входили шоферы и охранники; в четвертую – личный адъютант Гитлера бригаденфюрер Альбрехт и другие адъютанты фюрера; в пятую группу во главе с группенфюрером Раттенхубером – несколько десятков сотрудников СД и в шестую – около 200 юнцов из гитлерюгенда вместе с их шефом Аксманом. Так что общее количество ушедших из рейхсканцелярии можно оценить в 600–700 человек.

Не надо забывать, что прикрывать отход этих групп остались остатки боевой группы Монке. Ее численность на тот момент Гюнше оценивал в 3000 человек, еще располагавших некоторой боевой техникой – несколькими «тиграми», штурмовыми установками, бронетранспортерами и самоходными зенитками.

Монке решил в 23.00 1 мая вывести своих людей из бункера на станцию метро «Кейзергоф», отстоявшую от рейхсканцеля-

рии на расстоянии всего около 100 метров. Они выбрались через гараж пожарной бригады рейхсканцелярии, расположенный вблизи от Вильгельмштрассе. Бригаденфюрер был поражен увиденным на поверхности: *«Даже для бывалого солдата зрелище было совершенно нереальное и фантастическое. Большая часть города была погружена в кромешную тьму. Луны не было, но отблески разрывов снарядов и горящих домов отражались на низкой туче желто-черного сернистого дыма. Горящие руины отражались в зеркале речной воды. Шпрее была то черной, то красной»*. Тут пришлось несколько забежать вперед, чтобы не прерывать монолога эсэсовца.

Путь группы Монке был освещен бушующими пожарами, а дым от них прикрывал беглецов тогда, когда они перебегали улицу к станции метро. Менее чем за полчаса все шесть групп, без потерь и не подвергаясь обстрелу, успешно преодолели путь до метро. Затем они благополучно добрались до следующей станции «Штатдтмитте», а далее – до станции «Фридрихштрассе». Тут им встретилось непреодолимое препятствие: тоннель был перекрыт массивной стальной перегородкой, которая запирала тоннель в том месте, где он проходил под рекой Шпрее.

Эту перегородку охраняли двое крепких молодцов в униформе работников транспортной компании. Согласно уставу компании от 1923 г. (!), перегородка должна была запираться после прохождения последнего ночного поезда метро. Тот факт, что в течение недели поезда уже не ходили, а метро неизвестно когда вновь заработает, их совершенно не волновал. Ситуация была просто-таки идиотской.

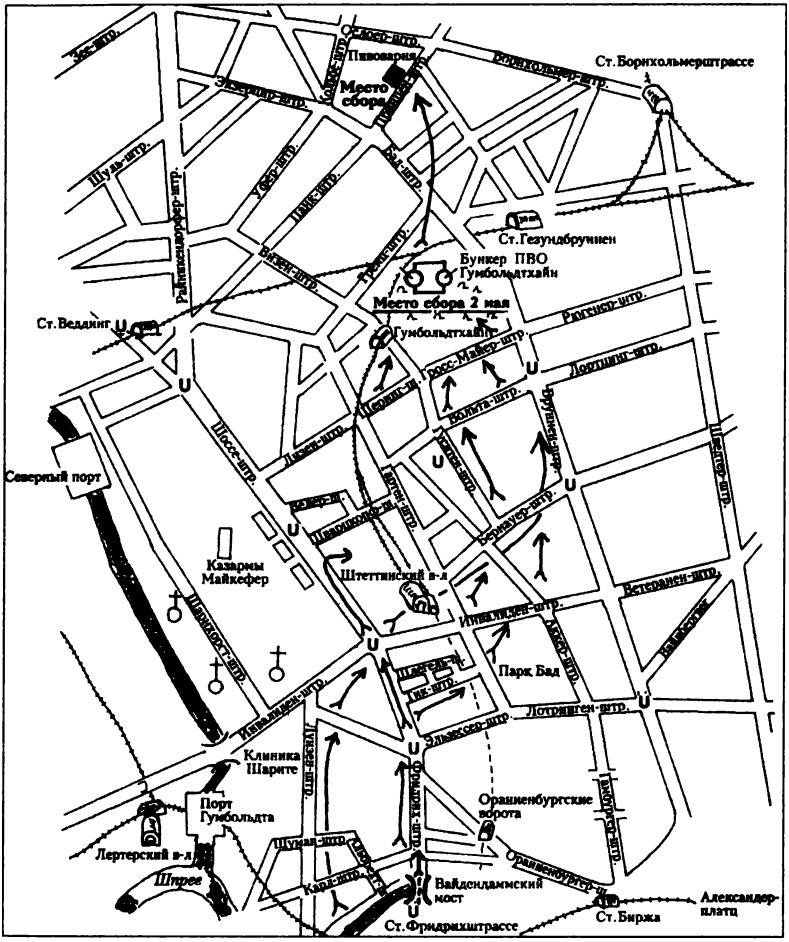
Эти упрямцы, один из которых держал в руках громадный ключ, даже принялись зачитывать выдержки из устава своим возмущенным согражданам! Не возымел действия и грозный приказ Монке, размахивавшего пистолетом, срочно открыть перегородку. Можно только поражаться данному примеру тупого упрямства, чисто немецкой привязанности к букве закона, следованию положениям замшелой инструкции, невзирая на создавшуюся обстановку. Бригаденфюрер Монке, который расстреливал людей при малейших признаках неповиновения, был поражен до глубины души. Позднее он признался, что его врожденное чувство долга вынудило его зауважать этих законопослушных упрямых служак.

Монке считал, что он и его люди могли бы спастись, если бы следовали намеченным маршрутом. Потом, в течение долгих лет советского плена, он тихо проклинал себя за то, что *«в тот критический момент проявил странную нерешительность...»*. Его группе пришлось вернуться назад и подняться на поверхность. Правда, примерно через час после описанного инцидента телефонист из бункера Рохус Миш свободно преодолел описанное выше препятствие. В тоннеле уже не было ни упертых охранников, ни толпы, а перегородка была открыта. Видимо, кто-то из командиров, следовавших за группой Монке, то ли проявил большую решительность, то ли обладал меньшим чувством долга, чем бригаденфюрер...

Монке разумно отказался перебираться через Шпрее по мосту Вайдендамм, который был блокирован советскими войсками. Он провел своих людей по пешеходному мосту длиной около 300 метров. Продвигаясь среди развалин и по подвалам домов, группы Монке около 09.00 2 мая подошли к башне ПВО в Гумбольдхайне.

Вопрос с башнями ПВО стоял особо. Даже ко 2 мая башня ПВО в Гумбольдхайне огнем своих зениток продолжала контролировать близлежащую местность, поэтому там советских войск к тому времени не было. Около нее группировалась разношерстная толпа под командованием генерал-майора Беренфенгера. Там же находилась и военная техника: до десяти танков, бронетранспортеры, набитые солдатами, и артиллерия. Благодаря высокомерному отказу подчиняться чьим-либо приказам, не исходящим лично от Гитлера, Беренфенгер, по мнению исследователя Хью Томаса, сохранил свою боевую группу в относительном порядке. Это была, как выразился Монке, *«чистая фантастика, просто фата-моргана»*. Готовая к бою, эта боевая группа ждала приказа, который так и не поступил.

Некоторые обитатели бункера не стремились вырваться оттуда. Около 21.00 1 мая адъютант Гитлера штурмбаннфюрер Гюнше, готовившийся к прорыву, прощался с генералами Бургдорфом и Кребсом. Они сказали, что на прорыв не пойдут, так как намерены застрелиться в тот момент, когда русские ворвутся в рейхсканцелярию. Бургдорф добавил: *«Будучи молодым офицером, я пережил поражение Германии в Первой мировой войне в 1918 г. Тогда я был молод и полон жизни, а теперь слишком стар и*



Прорыв немецких групп из рейхсканцелярии 2 мая 1945 г.

слишком разочарован». Кребс, который, видимо, продолжал колебаться, пожелал Монке удачного прорыва.

Компанию разочарованным генералам решил составить и начальник гестапо группенфюрер Мюллер. Он объявил Гюнше, что отказался от прорыва и решил застрелиться. Вот куда он потом подевался, неясно до сих пор, несмотря на наличие многих версий его исчезновения...

По свидетельству очевидцев, генералы Бургдорф и Кребс застрелились ранним утром 2 мая. Связист Рохус Миш, покинувший бункер одним из последних, успел заметить лежавшие рядом тела этих двух генералов. По утверждению английского историка Энтони Бивора: *«Судя по количеству спиртного, выпитого ими накануне, самоубийство, видимо, не стало для них слишком болезненным шагом»*. Вместе с этими генералами застрелился и начальник охраны рейхсканцелярии оберштурмбаннфюрер Шедле, который еще 28 апреля был ранен в ногу осколком гранаты и не мог ходить.

Великий фантазер, писатель Юлиан Семенов, как всегда, «черно-белый» факт самоубийства двух генералов «расцветил» красочными деталями. Он писал, что Бургдорф застрелился в своем кабинете, чисто побрившись и надев чистое белье; а Кребс покончил с собой, выпив бутылку вермута и съев бутербродов с красной икрой из банки, которую хранил три месяца. Этот подарок якобы прислали ему офицеры из военного атташата в Швейцарии ко дню его ангела. Красиво, не правда ли? Так ли это было? Кто его знает...

Труп генерала Кребса был обнаружен с пулевым ранением с правой стороны подбородка с выходным отверстием в затылке. Он был в серо-зеленом кителе с оторванными погонами. На подкладке мундира у левого бокового кармана была обнаружена нашивка с надписью «Кребс». Генерала опознал потом также адмирал Фосс, захваченный в плен в каком-то коровнике на окраине Берлина. Адмирал также хотел совершить самоубийство каким-то варварским методом. Сидя в саду около рейхсканцелярии, куда его успели доставить, он пытался перепилить себе вены тупым перочинным ножиком, который у него не отобрали при обыске. Эта попытка была пресечена бдительным военкором Трояновским, который случайно заметил происходящее и вырвал из рук адмирала орудие самоубийства.

Но вернемся к окончанию боев за рейхсканцелярию.

В районе рейхсканцелярии штурмовым подразделениям 899-го СП из 248-й СД передали приказ о прекращении огня. Однако вдруг стрельба вновь усилилась. Было слышно, как строчили пулеметы и автоматы. Командир полка полковник Артемов даже возмутился: *«Что там за кутерьма?»*

Штабники быстро выяснили, что на позициях батальона капитана Боровкова внезапно появилась немецкая бронетехника: бронетранспортер и танк. Оказалось, что они проломили баррикаду на выходе из парка Дворца канцлера, подавили заслоны и пытались уйти в сторону Лертерского вокзала. Бронебойщики, применив трофейные фаустпатроны, быстро подбили немецкую бронетехнику, а ее сопровождение после этого укрылось в развалинах.

Комбат Боровков доложил, что эта схватка происходит уже на Инвалиденштрассе – в квартале, который три дня назад был повторно очищен от противника. На помощь батальону был послан взвод автоматчиков, которые захватили несколько пленных. Одна из них, машинистка из стенографического бюро доктора Фриче, заявила офицерам разведки штаба 9-го СК, что на прорыв пошли Борман, Монке, Кемпка и другие. Заинтересованные разведчики тут же увели к себе этот важный источник информации. Пленных больше не было, а обезображенных, обгоревших трупов было немало...

Другие группы немцев пытались прорваться через мост Вайдендамм. Когда прозвучал сигнал к атаке, на мост под прикрытием танка «тигр» и самоходки устремились несколько сотен солдат и офицеров. По атакующим был открыт уничтожающий огонь. «Тигр» был подбит, немцы понесли большие потери. Однако часть из них смогла прорваться на северный берег Шпрее, где на Цигельштрассе была блокирована советскими войсками...

Вскоре немцы опять попытались прорваться через мост под прикрытием самоходной зенитной установки, но этот прорыв не удался. Были предприняты еще две попытки прорыва: третья – в 01.00 2 мая, а через час – четвертая.

Примерно в это время генерал СС Крукенберг собрал вокруг себя группу французов. Они вместе с людьми бригаденфюрера Циглера присоединились к довольно многочисленной группе

эсэсовцев из дивизии «Нордланд». Незадолго до рассвета эта группа смогла форсировать Шпрее, но потом была блокирована. Во время завязавшегося боя Циглер был смертельно ранен. Эсэсовцам под командованием Крукенберга пришлось отойти к Цигельштрассе, где они переоделись в гражданскую одежду. Потом Крукенберг около недели прятался у знакомых, но в итоге сдался в плен.

Несмотря на то что около 10.00 2 мая поступил приказ генерала Вейдлинга о капитуляции, многие немецкие группы ему не подчинились. Группа генерал-майора Беренфенгера попыталась пробиться в северном направлении вдоль Шенхаузер-аллее, но эта попытка не увенчалась успехом. После этой неудачи Беренфенгер застрелился.

В группе Монке, которая после прорыва через реку увеличилась до 200 человек, разложение шло полным ходом. Было решено послать полковника Клаузена для поиска какой-либо советской части, чтобы договориться о сдаче в плен. Сам Монке с небольшой группой приближенных не хотел сдаваться и предпочел отступить. И куда бы вы подумали? Немцы решили отойти к огромной пивоварне «Шультхайс-Патценхофер» на Шенхаузер-аллее. Вероятно, они решили по русскому обычаю «принять пивка для дальнейшего рывка».

В этой пивной собрались несколько сотен солдат и гражданских лиц, которые мертвецки напивались пивом. Один молодой зенитчик спросил собутыльников, почему он постоянно слышит какие-то выстрелы, которые отвлекают его от выпивки. Ответ ему дал один из его товарищей: *«Час настал... Эсэсовцы начали стреляться. Тебя это волнует?»*

В бомбоубежище, расположенном около пивоваренного завода, находился КП командира 18-й МД генерал-майора Рауха и командира 9-й ППД полковника Хермана. Около 15.00 2 мая к нему подошли советские части. На немецкий КП пришли советские офицеры, которые объявили, что немецкий гарнизон капитулировал, и предложили во избежание дальнейшего кровопролития сложить оружие. Офицеры предложили Рауху и Монке поехать с ними в ближайший русский штаб, где они могли бы получить подтверждение капитуляции Берлина.

Около 16.00 Монке, Раух и Гюнше поехали с одним из советских офицеров в штаб, где некий советский генерал подтвердил,

что комендант Берлина генерал Вейдлинг капитулировал. На радостях русские офицеры пригласили опешивших немцев принять участие в праздничном банкете.

Только около 22.00 Монке, Раух и Гюнше в сопровождении все того же советского офицера возвратились в бомбоубежище. Почти все их воинство давно уже сдалось в плен, а все помещения были заняты русскими. Монке, войдя в бомбоубежище, сообщил немногим оставшимся, что все кончено. После этого все присутствующие, в числе которых был и группенфюрер Раттенхубер, были арестованы советскими офицерами. Представитель рейхсминистерства иностранных дел при ставке посланник Хевель успел застрелиться. Остальные эсэсовцы не последовали его примеру.

Штурм рейхсканцелярии был продолжен атакой с двух сторон. Артиллерия стрелковых полков 248-й СД, атаковавших «объект 153», была выдвинута на прямую наводку. Под прикрытием мощного артогня батальону майора Ковалевского наконец-то удалось через площадь ворваться в здание. Схема действий была прежней – артиллерия пробивала бреши в стенах, в которые ворвалась пехота. После рукопашных схваток пленных опять было мало...

Старший лейтенант Жилкин из 771-го АП 248-й СД огнем своих орудий поддерживал атаку: *«Повторная атака после перегруппировки была назначена к вечеру. Наша батарея целью для огневого налета избрала правую (восточную) часть здания.*

Огонь нам пришлось готовить с исключительной тщательностью – артиллеристы учитывали как баллистические, так и метеорологические условия стрельбы. Ведь русские атакующие цепи находились в непосредственной близости от объекта атаки.

Вскоре нам поступил сигнал – прекратить артогонь. Он был больше не нужен, разгорелся ближний бой... Там все клокотало, дыбилось, рвалось.

По Вильгельмштрассе и развалинам, перекатываясь, разбегаются тугие клубы дыма цвета спелой глины... Наши батареи облетела радостная весть: советские стрелковые батальоны ворвались в старое здание имперской канцелярии. Это произошло перед рассветом 2 мая...»

По приказу командира 248-й СД генерал-майора Галая в штурме этого старого здания приняли участие 902-й и 899-й СП.

Офицер штаба 899-го полка старший лейтенант Скоробогатов потом вспоминал: *«...в нашем полку к этой операции был подготовлен батальон капитана Боровкова. Ему придали две артбатареи. Пехотинцы с пушками выдвинулись на площадь, изрытую траншеями и заваленную железной арматурой, бетонными плитами, балками. Стрелки пытались прорваться к стенам. Но стены эти, окна, балкон дворца изрыгали огонь, образовалась «тропинка смерти», откуда непрерывно тащили убитых и раненых. Пушки наши били по огненным вспышкам. И в этом аду наши находились подолгу. Видел я связистов, вернувшихся из пекла, – они были в полубезумном состоянии. Что происходило на батареях – невозможно себе и представить».*

На рассвете 2 мая на КП полка – в руинах с видом на Вильгельмплатц и рейхсканцелярию – получили приказ: «Прекратить огонь!» В коридорах и комнатах здания разгорелись скоротечные схватки с эсэсовцами, которые в плен не сдавались. Командир 902-го СП подполковник Ленев тоже переместился в здание для улучшения управления своими подразделениями.

В одном из залов группа эсэсовцев попыталась уничтожить стеллажи с документами, но была быстро ликвидирована полковыми разведчиками, хотя от взвода разведки к тому времени осталось всего семь человек. Командир взвода при этом подчеркнул, что плана здания у разведчиков не было, приходилось действовать наугад.

Подразделения, наступавшие со стороны главного входа рейхсканцелярии, уже очистили внутренний двор, выложенный серыми гранитными плитами. Затем бойцы через массивные, с бронзовыми украшениями, двери ворвались в вестибюль и устремились внутрь здания новой рейхсканцелярии. Когда им удалось пробиться к огромному залу и кабинету фюрера, сопротивление немцев несколько ослабело. Советские солдаты метались по длинным коридорам, все еще освещенным тусклыми лампочками, жаждая изловить «бесноватого фюрера». Они спрашивали у немногих сдавшихся немцев: «Где убежище Гитлера?» Но все было тщетно. Можно понять этот эмоциональный порыв простых русских людей, желавших взять в плен главного злодея. Все хотели первыми ворваться в кабинет Гитлера.

Жестокая схватка завязалась у выступавшего из-под земли бетонного бункера. Конечно, никто из атаковавших не знал, что

здесь вход в «фюрер-бункер». Подавив огнем из 45-мм орудия амбразуры бетонного «дота», группа бойцов из батальона майора Шаповалова ворвалась внутрь бункера. Расчет этой сорокапятки потом расстрелял и подошедший *«броневик»* – видимо, бронетранспортер. Через некоторое время, овладев районом «фюрер-бункера», советские солдаты по его внутреннему переходу прорвались в полуподвал новой рейхсканцелярии.

Бой в ее саду закончился лишь к 05.00 2 мая. По свидетельству комбата Шаповалова, только к полудню подразделения атакующих стали хозяевами положения не только в наземной части рейхсканцелярии, но и в подземелье. Продолжали упорствовать лишь жалкие остатки разбитого гарнизона, забаррикадировавшиеся в нескольких комнатах. С ними покончили только к 15.00. Здание старой рейхсканцелярии было захвачено частями 248-й СД – 902-м и 899-м СП при поддержке 771-го АП.

Дорогой ценой далась победа 299-му СП. Около 17.00 2 мая части 248-й СД стали строиться в колонны на Унтер-ден-Линден, вблизи от Бранденбургских ворот, недалеко от бывшего здания советского посольства. В полку к этому времени оставалось всего около 500 человек. Не нужно забывать, что штатная численность стрелкового полка была тогда около 2000 человек...

По мнению члена ВС 5-й УА генерал-лейтенанта Бокова, кульминационным моментом в штурме рейхсканцелярии была борьба за прорыв штурмовых групп на третий этаж и в чердачное помещение здания. Там было настолько темно, что бойцы вели огонь по вспышкам выстрелов. Некоторые эсэсовцы в отчаянии сами бросались с крыши на мостовую.

Тут на первый план, чтобы подчеркнуть *«решающую и организующую роль компартии»* в происходивших событиях, была выдвинута старший инструктор политотдела 9-го СК майор Никулина. Понятно, что апофеозом этой пропагандисткой акции было водружение очередного красного знамени, которое майор Никулина достала из-под своей гимнастерки на крыше здания. Она утверждала потом, что *«хотя была ночь, но в отблеске пожаров он* (флаг) *был виден далеко»*. Естественно, водружение знамени, по ее словам, *«было встречено внизу мощным "ура"»*. Устами политработника нарисована прямо-таки лубочная картина.

Она несколько блекнет после ознакомления с воспоминаниями офицера штаба 899-го СП Скоробогатова, который расска-

зал, как же все было на самом деле. Командир 3-го батальона их полка М. Гершгорин вел бой на втором этаже здания старой рейхсканцелярии и был ранен. Потом при перевязке в санроте он жаловался врачу, что его бойцам не позволили поднять знамя. Вот что он рассказал: *«Моих бойцов элементарно прогнали политотдельцы соседней дивизии. Ударили солдат и даже санитарку. Они же «рыцари»! Привели даму, агитаторшу политотдела в чине майора – она и вывесила флаг на всеобщее обозрение. И с этого дня будет купаться в лучах славы...»* Понятно, что раненый комбат имел в виду майора Никулину...

На водружение знамени претендовали также полковые разведчики 902-го СП. Они установили его на разбитом плафоне крыши здания между 06.00–07.00 по среднеевропейскому времени. Вероятно, это произошло на крыше старой рейхсканцелярии. К тому же части их 248-й СД по какой-то причине не получили свыше никаких официальных знамен. Так что все установленные бойцами флаги были самодельными и не имели такого «веса», как флаг, установленный политотдельцами.

Тут возникает один вопрос: неужели установка флага на крыше разбитой рейхсканцелярии могла быть самым главным в произведенной атаке, в чем нас упорно пытались убедить политработники различных рангов? Не захват ценных документов, свидетелей, нацистских главарей, наконец? Конечно, для политработников пресловутый «флаг на башне» был важнее.

После окончания основных боев разведчики приступили к прочесыванию многочисленных кабинетов рейхсканцелярии. В подвалах здания было обнаружено много убитых и отравившихся офицеров СС. Оказывавших сопротивление быстро «успокаивали».

После закончившегося ожесточенного боя внутренний сад рейхсканцелярии представлял собой страшную картину. Почти у каждого дерева и куста лежали трупы немецких офицеров в черных мундирах, многие из которых имели пулевые ранения в голову или левую сторону груди. Это были самоубийцы. Позже стало известно, что сами немцы называли сад рейхсканцелярии «парком самоубийц». Трупы самоубийц валялись и в капонирах для стоянки машин, а особенно много их было на дне сухого бассейна. Поняв, что война проиграна, многие нацисты стрелялись, чтобы уйти от ответственности за совершенные преступ-

ления, другие – от отчаяния или не сумев пережить крах нацистского режима.

Несмотря на имевшие место события, некоторые авторы крайне осторожно относятся к описанию боев в районе рейхсканцелярии. Вот мнение по этому вопросу английского историка Энтони Бивора: *«К свидетельству о драматическом штурме рейхсканцелярии в это утро следует относиться довольно скептически. Ясно, что советское командование было напугано* (?) *возможностью сильного немецкого сопротивления в бункере... В целом командование Красной Армии хотело представить дело таким образом, что штурм резиденции фюрера можно было сравнить со штурмом рейхстага»*. Оставим на совести уважаемого историка его легковесные, ни на чем не основанные измышления. По крайней мере он, не обладая соответствующей информацией, хоть не отрицал самого факта штурма.

Господин Безыменский, вероятно, в угоду дешевой популярности опустился до утверждения, что никакого штурма вообще не было. Хотелось бы думать, что престарелого историка – бывшего офицера разведотдела штаба 1-го БФ – просто подвела память. Можно напомнить этому «принципиальному историку» о сотворенных им же фальсификациях по поводу обстоятельств смерти Гитлера, которые были им озвучены по заказу агитпропа ЦК КПСС еще в советские времена.

Не хотелось бы думать, что господин Безыменский на старости лет решил замарать свое имя участием в очередных политических играх, развернувшихся вокруг трактовки важных событий отечественной истории с легкой руки некоторых недобросовестных исследователей. Он совершенно безосновательно утверждал, что к утру 2 мая, когда, по его мнению, капитулировал гарнизон Берлина, советские войска дошли только до здания министерства ВВС, находившегося на Лейпцигерштрассе, то есть в 500 метрах от рейхсканцелярии.

По утверждению коменданта гарнизона генерала Вейдлинга, владевшего информацией об обстановке в городе, бои в этом районе велись уже 29 апреля, о чем он и докладывал Гитлеру в 22.00 того дня. К середине 30 апреля большая часть комплекса зданий министерства ВВС была захвачена советскими войсками. То есть войска 5-й УА были на Лейпцигерштрассе уже тогда. Во-вторых, капитуляция гарнизона Берлина началась только в

06.00 2 мая, а продолжалась где-то до 15.00. Да и проходила она далеко не гладко.

В своих рассуждениях о факте штурма рейхсканцелярии Безыменский почему-то ссылался на начальника оперотдела штаба 8-й Гв.А полковника Толконюка, войска которого сражались на другом участке и не имели никакого отношения к боям в районе рейхсканцелярии. Тот утверждал, что 1 мая боев у рейхсканцелярии не было, так как с утра и до конца дня шли переговоры с немцами о перемирии (или капитуляции). Тут он не совсем прав: бои не велись только на участке, где туда и обратно ходили парламентеры, а решающий штурм рейхсканцелярии начался поздним вечером 1 мая. По мнению Толконюка, части 301-й СД вошли на территорию «объекта 153», когда там стало тихо, а группа Монке ушла оттуда. Это просто беспардонная ложь без каких-либо ссылок на документы!

Откуда у комсостава войск, сражавшихся в Берлине, потом появилось жгучее желание принизить своего соседа? Ведь 8-й Гв.А не довелось брать ни рейхстаг, ни рейхсканцелярию. Поэтому обиженный этим Толконюк и постарался облить грязью своих коллег из 5-й УА, в чем его с радостью поддержал и Безыменский, не потрудившийся разобраться в этом вопросе.

В действительности при штурме рейхсканцелярии был разгромлен крупный гарнизон. Именно разгромлен, а не капитулировал, как утверждали некоторые. Одних лишь раненых немцев в ее подвалах оказалось более 1500 человек, было подобрано более 400 убитых. Жуков в мемуарах писал, что в рейхсканцелярии после боя насчитали лишь несколько десятков пленных. Вот результат крайнего ожесточения последних боев!

По свидетельству члена ВС 5-й УА генерал-лейтенанта Бокова, в результате боев в районе рейхсканцелярии и правительственных кварталов немцы потеряли около 5000 убитыми и пленными. Вот вам и штурма не было! Куда же девать свидетельства солдат и офицеров из трех дивизий, принимавших в нем участие? Не говоря уже о журналах боевых действий этих трех дивизий 9-го СК 5-й УА, куда инициативники-инсинуаторы Толконюк и Безыменский в погоне за дешевой популярностью не пожелали заглянуть, хотя оба имели такую возможность.

После окончания боя командир 902-го СП подполковник Ленев решил осмотреть «фюрер-бункер», где бойцы еще продол-

жали сгонять пленных в один коридор. Там же суетились какие-то немецкие чиновники с бумагами. Повсюду валялись трупы самоубийц. Советские офицеры и солдаты все еще наивно надеялись найти Гитлера где-нибудь в темной нише дальней комнаты. Какой-то тучный немец, представившийся поваром, старался объяснить им, что искать уже некого, но тщетно...

Через некоторое время внизу раздались сильные взрывы, и из подвала рейхсканцелярии повалил дым. Разведчики доложили Леневу, что это рвутся фаустпатроны, которых было много в каждом помещении. Комполка приказал на ночь вывести свои подразделения из рейхсканцелярии.

После окончания боев комендантом рейхсканцелярии был назначен заместитель командира 301-й СД полковник Шевцов. Комбат майор Шаповалов в сопровождении пленного немецкого майора, который водил его по кабинетам и объяснял их назначение, начал тщательный осмотр этого сложного лабиринта.

Перед заступлением батальона Шаповалова на охрану рейхсканцелярии полковник Шевцов строго-настрого приказал: до особых указаний самим ничего не трогать и другим не позволять. Выполнить эти указания было очень непросто, так как на территорию рейхсканцелярии хлынули тысячи людей, в том числе множество военкоров, каждый из которых непременно хотел прихватить с собой отсюда какой-нибудь сувенир. Пуще всего оберегали от набегов журналистов кабинет фюрера, где огромная люстра рухнула посреди комнаты.

Около 04.00 2 мая в рейхсканцелярию прибыл командир 1050-го СП подполковник Гумеров. Часом позже осмотреть место боев решил и командир 301-й СД генерал-майор Антонов. Над садом рейхсканцелярии висело облако порохового дыма, деревья горели, было трудно дышать. Оглядев хозяйским взглядом кабинеты и коридоры рейхсканцелярии, комдив дал указание взять все имущество под охрану и снять со стен все немецкие гербы. После этого в осознании выполненного долга он вышел в сад и подошел к бункеру, но не стал туда спускаться из-за сильного зловония, чувствовавшегося даже на расстоянии.

После него около 08.00 на объект заявился комкор генерал-лейтенант Рослый, который не только осмотрел рейхсканцелярию, но и спустился в бункер. После этого генералы пошли дальше и в вестибюле старой рейхсканцелярии успокоили ране-

ных немецких офицеров, что сжигать их никто не собирался, чем сильно их обрадовали.

Около 12.00 2 мая в рейхсканцелярию прибыл весь Военный Совет 5-й УА: командарм генерал-полковник Берзарин, член ВС генерал-лейтенант Боков, начштаба генерал-майор Кущев и другие генералы. Они также осмотрели ее наземные и подземные сооружения. Пояснения присутствующим почему-то давал капитан Артур Пик, сын руководителя немецкой компартии.

Конечно, майор Шаповалов получил от высокого начальства очередные указания по организации охраны важного объекта. Кто-то из прибывших «умников» даже посмел упрекнуть отважного комбата: *«Что же вы, Гитлера не поймали?»* На что Шаповалов, уже видевший трупы Геббельса и его жены, спокойно ответил, что Гитлер пока не обнаружен, но его оперативную карту захватили. Правда, чуть раньше разгоряченный боем комбат чуть было в сердцах не порвал ее. Но офицер штаба 5-й УА капитан Гайнуллин вовремя остановил его.

Штабист посоветовал сличить обстановку, нанесенную на карту Гитлера, с расположением частей на советских оперативных картах и тем сохранил исторический документ. Тут-то и выяснился различный подход к оформлению штабных документов: немцы наносили положение советских войск по самым близким точкам, выдвинутым к их позициям. В русских штабах линия боевого соприкосновения обозначалась местоположением КП батальонов или рот. Кто точнее обозначал свой передний край, видно невооруженным взглядом....

Вот эту-то карту майор Шаповалов и передал генерал-лейтенанту Бокову. Кроме того, комбат показал генералам и другие трофеи: штандарт «Адольф Гитлер» и жезл фельдмаршала Роммеля, валявшийся на полу в кабинете Гитлера. Командарм приказал все это сдать по описи как трофейное имущество.

Не преминули побывать в поверженной рейхсканцелярии маршал Жуков и член ВС 1-го БФ генерал-лейтенант Телегин. В окружении «жрецов» – так командующий 3-й армией 1-го БФ генерал Горбатов в разговоре с маршалом называл политработников – командующий 1-м БФ утром 3 мая осмотрел место последних боев в Берлине.

После доклада генерал-майора Антонова маршал поинтересовался местонахождением Гитлера и выразил пожелание, боль-

ше похожее на приказ, чтобы фюрер был найден. Пояснения Жукову давал генерал-лейтенант Боков – *«полный знаток ставки Гитлера»*, как с изрядной долей иронии заметил генерал Антонов. Он в деталях поведал маршалу о штурме рейхсканцелярии, базируясь, видимо, на политдонесениях своих подчиненных.

Увиденное в рейхсканцелярии крепко не понравилось маршалу. Он громко сказал, выходя из двери: *«Здание плохое, темное, а планы, замышлявшиеся здесь, и того хуже»*. Сказанное, вероятно, предназначалось для ушей политработников и офицеров «Смерша», которые бдительно следили за политическими настроениями как Жукова, так и других крупных военачальников, отражая наблюдения в регулярных докладах «наверх». Только последующая передача рейхсканцелярии под охрану штаба 5-й УА освободила командиров от приема сановных экскурсантов.

После захвата второго главного объекта – рейхсканцелярии – продолжался последовательный захват номерных объектов Берлина. Части 5-й УА, набрав темп, продолжали «набирать призовые очки».

Вечером 1 мая 2-й батальон упомянутого выше 1373-го СП 416-й СД получил приказ командования: форсировать канал и выйти на Унтер-ден-Линден. Переправа через канал проходила под сильным огнем. В темноте светились трассы пулеметных очередей, слышалась трескотня автоматов, и гремели разрывы фаустпатронов. Из района Бранденбургских ворот немцы из минометов методически обстреливали переправу.

Несмотря на то что действия штурмовых групп поддерживались только минометной ротой капитана З.В. Червякова и всего одной 45-мм пушкой старшины Ахмедова, они смогли выполнить задачу. Батальон переправился через канал и закрепился в угловом здании напротив моста. После этого комбат капитан Гюльмамедов по телефону доложил в полк: *«Вышли на Унтер-ден-Линден»*. Это сообщение обрадовало комполка генерал-майора В.П. Зюванова. Являясь заместителем командира дивизии, он временно исполнял обязанности командира 1373-го СП после гибели его прежнего командира подполковника Саидбаталова в бою у г. Штраусберг.

При поддержке танков ИС-2, которые точными выстрелами уничтожали пулеметные гнезда противника и рушили здания, где укрывались фаустники, батальон Гюльмамедова продвигался

вперед от здания к зданию. Командир взвода связи 2-го батальона 1373-го СП лейтенант А.С. Трайнин так вспоминал об этих последних боях: *«Враг еще продолжает огонь. Стреляют с крыш, из окон, подвалов. Было что-то обреченное в этом отчаянном и бесполезном обстреле. Батальон несет потери, но идет вперед, туда, где в утренней дымной мгле сереет громада Бранденбургских ворот».*

Эти ворота возвышались над Паризенплатц, недалеко от рейхстага, и были сильно повреждены взрывами бомб, снарядов и мин. Силы атакующих уже были на исходе. В одной из стрелковых рот полка осталось всего 18 человек, которые тем не менее в очередной раз поднялись в атаку...

В разгар боя командир минометной роты 2-го батальона капитан Червяков спрыгнул в воронку, где сидели старшина Иван Андреев и младший сержант Василий Бережной. Перекрывая грохот боя, капитан прокричал: *«Перед нами Бранденбургские ворота. Гитлер здесь парады принимал. Теперь на этих воротах надо наш флаг водрузить. На самую точку, чтобы видно было отовсюду».* Андреев признавался: *«За годы войны мне и Бережному* (который воевал с июля 1941 г.) *не раз приходилось смотреть в глаза смерти. Но такого задания еще не получали. Ведь подняться со знаменем на ворота, укрепить его там и остаться в живых было практически немыслимо. Единственная надежда, что фашисты не ожидают такой дерзости... Да, было страшно. Очень обидно казалось погибнуть накануне окончательной победы...»*

Получив приказ, два бойца стали пробиваться к воротам. Взрывы перепахивали площадь, разметали строения в развалины, груды битого кирпича и камня, которые примыкали прямо к полуразрушенным воротам. Вот что вспоминал потом Андреев: *«По этим развалинам мы и пробирались к одной из колонн. И тут добрую услугу сослужили нам выбоины на колонне. Я взобрался на плечи Бережного и, срывая в кровь ногти, начал подниматься. На одной из площадок чуть закрепился, спустил вниз ремень от автомата и помог Бережному немного взобраться вверх. Так и лезли в дыму, забыв обо всем, кроме одного — необходимости выполнить приказ командира. Все ближе и ближе приближалась исковерканная снарядами и пулями бронзовая колесница. Взобрался наверх и Бережной, а внизу еще шел бой... Я вскочил на сиденье колесницы и воткнул древко знамени прямо в разбитое копье, которое держал*

в руках обезглавленный всадник... Мы с Бережным и не заметили от радости, как на земле очутились».

Данное событие подтверждал и упомянутый выше комвзвода Трайнин: *«Минометчики Андреев и Бережной, взобравшись под огнем на головокружительную высоту, установили на Бранденбургских воротах Красное знамя».*

Картину произошедшего несколько портит свидетельство бывшего комсорга 1373-го СП Иосифа Вула: *«Мне, комсоргу полка, пришлось быть в одной из штурмовых групп. Когда мы подошли к Бранденбургским воротам, смолкли выстрелы – берлинский гарнизон капитулировал... Впереди стоял рейхстаг, на котором развевалось Красное знамя. И мы решили водрузить Красное знамя над Бранденбургскими воротами. Откуда-то взялся красный материал, и вот уже сержанты Андреев и Бережной взобрались на ворота и прикрепили древко к руке уцелевшей фигуры».* Мелкие неувязки – «сержанты», «прикрепили к руке» – указывают на погрешности памяти боевого комсорга. Возможно, она несколько подвела его, приведя к сдвигу по времени двух событий: установки знамени на Бранденбургских воротах и капитуляции берлинского гарнизона...

Утром 2 мая части 260-й СД захватили электростанцию, 1008-й СП из 266-й СД – вокзал Фридрихштрассе, части 295-й СД – городскую оперу и национальную галерею, части 32-го СК – министерство юстиции. Также пали министерство пропаганды и министерство иностранных дел на Вильгельмштрассе. Последнее событие вызвало неоднозначную реакцию комендарма Берзарина: *«Вот оно – осиное гнездо Риббентропа!»* Крепко же были вбиты пропагандистские штампы в головы как солдат, так и генералов Красной Армии.

На этот раз осторожный комендарм даже несколько переусердствовал. Отдав вполне разумные приказы – «Обеспечить сохранность архивов!» и «Сейфы не вскрывать!», он позвонил начальнику штаба 1-го БФ генерал-полковнику Малинину и попросил прислать дипломатов для осмотра захваченного. Берзарин оказался прав – в здании МИДа потом был обнаружен личный архив Риббентропа. Начштаба 1-го БФ, будучи в добром расположении духа, пошутил, что, мол, фронтового начальства не хватает? Малинин поинтересовался, не командир ли немецкого центрального сектора требует для капитуляции дипло-

матов? Но, уловив суть дела, похвалил командира и обещал доложить Жукову.

Берзарин остался доволен, дождавшись наконец-то заслуженной похвалы от Малинина. Он сказал члену ВС Бокову: *«Сегодня мы именинники, так как захватили центр города, а 30 апреля и 1 мая была 3-я УА, захватившая рейхстаг!»* Дался ему этот рейхстаг! Но гордость «победителя соцсоревнования» по захвату важных объектов города в его словах просматривалась.

При продвижении частей 416-й и 295-й СД по Унтер-ден-Линден произошел интересный эпизод. Сквозь клубы дыма стал просматриваться силуэт какого-то здания. Вот тут и подсуетился хитрый азербайджанец, начальник политотдела 416-й СД полковник Меджидов. На плане Берлина он обнаружил, что это было здание бывшего советского посольства. А это уже имело отношение к политике... Поскольку полковник до войны был первым секретарем комсомола Азербайджана, среагировал он четко. Меджидов заявил, что в здание не должен был попасть ни один снаряд, хотя после многочисленных бомбежек и артобстрелов это требование политработника несколько запоздало.

По приказу полковника Меджидова артиллеристы дивизии окаймили здание плотным огнем, после чего в атаку пошла штурмовая группа. Здание посольства захватили довольно быстро, благо гарнизон его был невелик. Засевшие в здании немцы были явно удивлены столь стремительным натиском. Около пятидесяти из них были убиты, а 60 человек сдались в плен. Начальник политотдела доложил о захвате здания посольства «наверх», подчеркнув свои заслуги в защите собственности советского государства за рубежом.

Конечно, здание посольства на Унтер-ден-Линден к тому времени было сильно повреждено при бомбежках Берлина авиацией союзников. Это подтвердил потом бывший пресс-атташе посольства А.А. Смирнов, бывший в мае 1945 г. политическим советником командования 1-го БФ. А вот что увидел офицер штаба 899-го СП старший лейтенант Скоробогатов: *«...с парадной стороны не было видно особых повреждений. Видели мы лишь выбитые окна. Но я слышал, что разрушения были, и значительные»*. Так что особо оберегать это сильно поврежденное здание не имело особого смысла, но под пером политработника эта акция выглядела весьма ответственной и политически важной.

Несколько забегая вперед, надо отметить, что и командир 902-го СП 248-й СД подполковник Ленев также был задействован при решении дипломатических вопросов в Берлине. 3 мая он получил приказ от командира 248-й СД генерал-майора Галая выделить один батальон для охраны дипломатического квартала, где находились посольства различных стран, аккредитованные в Германии.

Подполковник Ленев решил нанести визиты вежливости и успокоить встревоженных дипломатов. Первым посольством, которое он посетил, было итальянское, особняк которого был практически не поврежден. Полуподвал посольства был забит ранеными немецкими солдатами, что являлось серьезным нарушением экстерриториальности посольства.

Особняк греческого посольства был поскромнее, выбитые стекла в окнах заменяла фанера. Жена посла тут же начала жаловаться на тяготы жизни: много стрельбы, отсутствие кофе и сигарет. Комполка было трудно понять проблемы этих греков...

Последним на маршруте Ленева было японское посольство. Здесь его встретили настороженно и испуганно. Небритый посол сразу же стал интересоваться сроками эвакуации. После доклада руководству японцам через несколько дней разрешили выехать на родину. Их черед пока еще не пришел...

В этот же день полку Ленева было также приказано занять узел связи немецкого командования. Он находился в нескольких кварталах от рейхсканцелярии – на Бендлерштрассе. Мрачное, серое здание из железобетона не имело окон. Внутри – темная окраска, не радующая глаз. В комнатах – десятки телетайпов. Везде валялись мундиры, видимо, их владельцы спасались, кто как умел.

Почему этот важнейший узел связи не был взят под контроль ранее? Наверное, никто и не подозревал о его существовании...

Боевые действия в Берлине не прекращались в течение всей ночи на 2 мая. В результате наступательных действий части 79-го СК из 3-й УА южнее рейхстага соединились с частями 4-го Гв.СК из 8-й Гв.А. В западной части парка Тиргартен подразделения 12-го Гв.ТК из 2-й Гв.ТА вступили в контакт с частями 28-го СК 8-й Гв.А и 8-м Гв.МК 1-й Гв.ТА.

Установление контактов частей различных фронтов продолжалось и далее. Танковый батальон майора Шаповалова из 52-й Гв.ТБр совместно с пехотинцами 67-го СП в 02.00 2 мая повел наступление вдоль Паульсборнерштрассе и к утру достиг перекрестка Курфюрстендамм и Бранденбургштрассе. Высланная вперед разведка встретилась севернее этого перекрестка с разведкой 142-го СП 46-й СД 1-го БФ.

Танковый батальон капитана Соболева из той же 52-й бригады во взаимодействии со 170-м СП наступал по Вестфалишенштрассе в направлении вокзала Шарлоттенбург. Преодолевая ожесточенное сопротивление, танкисты и стрелки выбивали немцев из подвалов, снимали с чердаков и крыш домов. В 06.00 2 мая в районе железнодорожной насыпи они встретились с танкистами из 2-й Гв.ТА.

Спустя полчаса в штаб 52-й Гв.ТБр из 3-й Гв.ТА 1-го УФ прибыл заместитель командира 35-й МБр из 1-го МехК 2-й Гв.ТА. Офицеры штаба быстренько подготовили текст акта, зафиксировавшего встречу частей двух фронтов. Он был составлен в трех экземплярах. После того как акт был подписан, командир 52-й бригады полковник Курист один экземпляр отправил своему комкору.

Большие сложности испытывали в боях в Берлине части 1-й Гв.ТА. В авангарде 8-го Гв.МехК двигалась 20-я Гв.МехБр. Ликвидируя узлы сопротивления противника, она дошла до перекрестка Тиргартенштрассе. По свидетельству командира ее 3-го батальона майора Шестакова, *«...немцы дрались с отчаянием смертников, так как отступать им было некуда. Противник часто был неуязвим, так как он укрывался в зданиях и за баррикадами, прикрытыми минными полями, подходы к которым держали под постоянным артиллерийско-пулеметным огнем. Мы же были уязвимы, скованы маневрами, наблюдением и обстрелом».*

В предшествующих боях опытная 20-я Гв.МехБр при преодолении этой, далеко не слабой, немецкой обороны, понесла тяжелые потери. Поэтому все три ее мотострелковых батальона по решению командования были слитны в один, командовать которым было поручено майору Шестакову. Этот сводный батальон должен был выйти к Берлинскому зоопарку. Внимание комбата сразу же привлекла своеобразная «крепость», напоминавшая собой татарскую мечеть, только значительно больших размеров.

Командир бригады приказал взять этот опорный пункт к 22.00. Лобовая атака исключалась, так как из амбразур немцы вели обстрел подходов из пулеметов, орудий и фаустов. Учитывая сложность объекта атаки, Шестаков попросил комбрига перенести штурм на 04.00 2 мая, и согласие на это было получено.

Все штурмовые подразделения, включая танки, артдивизион и минометчиков, используя ночное время, начали подготовку к штурму. Стрелковые роты расположились в полуразрушенных конюшнях, где были установлены станковые пулеметы. Майор Шестаков на своем КП провел согласование будущих совместных действий с командирами приданных подразделений – артиллеристами, связистами, разведчиками и др. Его очень обрадовало сообщение саперов о том, что на подходах к «крепости», до которой было не более 50 метров, мин не обнаружено.

В 04.00, после сигнала атаки, по «крепости» был открыт ураганный огонь из всех видов оружия. Раздались дружные крики «ура», но с места никто из бойцов, согласно приказу, не двинулся, все остались на своих местах. Так продолжалось около пятнадцати минут. Удивляло то обстоятельство, что ответного огня не последовало. Неожиданно над воротами «крепости» появился белый флаг, а из них вышла группа солдат и офицеров.

Комбат Шестаков доложил обстановку начштаба бригады полковнику Богомолову и получил от него разрешение на ведение переговоров с немцами. Поначалу командир немецкого гарнизона в звании генерала отказался разговаривать с советским майором, которого сопровождал владевший немецким языком командир роты лейтенант Миронов, из-за большой разницы в званиях. Комбат Шестаков заявил чопорному немцу, что *«чинопочитанием нам здесь некогда заниматься и что победители перед побежденными в рангах не отчитываются»*. Немецкому генералу пришлось подчиниться настойчивым требованиям советского майора и сдать гарнизон своей «крепости». Вскоре после отправки пленных в штаб бригады поступил долгожданный приказ: «Прекратить огонь!» Вот так 2 мая закончились боевые действия в Берлине для сильно поредевшего батальона 20-й Гв.МехБр.

Наступила агония берлинского гарнизона. Его остатки были расчленены на отдельные изолированные группы. Наконец-то немецкое командование поняло, что пришла пора сдаваться и что дальнейшее сопротивление бесполезно.

В 00.40 по берлинскому времени 2 мая радиостанцией 79-й Гв.СД из 8-й Гв.А было принято радиосообщение на русском языке следующего содержания: *«Всем, кто меня слышит! На связи 56-й ТК. Мы просим прекратить огонь. К 00.50 высылаем парламентеров на Потсдамский мост. Опознавательный сигнал – красная ракета и белый флаг. Мы просим ответить! Мы ждем!»* Данное сообщение было для гарантии повторено пять раз. Его также приняли радиостанции 301-й СД, 39-й Гв.СД и в штабах 28-го и 4-го Гв.СК. Получение немецкого обращения было подтверждено.

Откуда же было отправлено это жалобное сообщение? Даже немецкие историки расходятся во мнении по этому вопросу. По одной версии – с помощью радиопередатчика с башни ПВО в Зоосаде, а другой – с передатчиков в Бендлер-блоке.

Содержание немецкого обращения было срочно доложено командующему 8-й Гв.А генерал-полковнику Чуйкову, которого даже пришлось разбудить. Командарм по согласованию с Жуковым приказал прекратить огонь только в указанном немцами районе и принять парламентеров.

В назначенное время на Потсдамский мост после многих приключений прибыли немецкие парламентеры во главе с нач-штаба 56-го ТК полковником фон Дуфвингом, сопровождаемым двумя майорами. Их встретили офицер штаба 47-й Гв.СД Матусов и переводчик. Фон Дуфвинг, который уже несколько раз пересекал линию фронта, вручил исполняющему обязанности командира 47-й Гв.СД полковнику Семченко документ, подписанный генералом Вейдлингом, подтверждавшим его право передать советскому командованию некое «разъяснение».

Смысл его был прост. Фон Дуфвинг заявил, что уполномочен командиром заявить о решении прекратить сопротивление и капитулировать. Полковник просил принять капитуляцию корпуса как можно скорее – через три-четыре часа, так как Геббельс перед смертью приказал стрелять в спину всем, кто попытается перейти к русским. После того как генерал-полковник Чуйков согласился с немецким предложением, «войдя в положение 56-го ТК», полковник Семченко быстренько отправил фон Дуфвинга назад, чтобы передать генералу Вейдлингу о согласии советского командования немедленно принять капитуляцию его корпуса.

Командованием 1-го БФ Вейдлингу было предложено закончить сдачу личного состава, вооружения и снаряжения своих войск к 07.00, а самому сдаться за час до этого. В штаб 56-го ТК был направлен офицер Глущенко, который за сутки в третий раз пошел к немцам. Это он встречал и провожал фон Дуфвинга и советских связистов, был ранен при этом.

Около 04.30 (по берлинскому времени) Глущенко в сопровождении еще одного советского офицера и фон Дуфвинга прибыл к Бендлер-блоку, чтобы как можно быстрее доставить генерала Вейдлинга в штаб 8-й Гв.А.

Однако прежде чем генерал Вейдлинг успел сдаться, в 04.50 (время берлинское) в штабе 8-й Гв.А появились представители заместителя Геббельса, «директора министерства пропаганды» доктора Фриче. Делегацию, составленную из чиновников министерства пропаганды, возглавлял советник Хейнерсдорф. Эти «пропагандисты» вручили Чуйкову письмо в розовой папочке. В этом письме Фриче сообщал о смерти Геббельса и просил взять Берлин под защиту. Разве что ключи от города не вручил.

Генерал-полковника Чуйкова интересовал вопрос: будут ли войска выполнять приказ Фриче? Члены немецкой делегации заверили командарма, что доктор Фриче широко известен в Германии. Пришедшие на переговоры немцы пояснили, что Фриче остался единственным представителем германского правительства в Берлине и что в связи с создавшимся положением он готов отдать приказ военным властям о капитуляции берлинского гарнизона и выступить по радио.

Заявление Фриче встретили благосклонно, поскольку именно этого советское командование сутками ранее и добивалось от генерала Кребса. Видимо, все-таки сомневаясь в возможностях гражданской делегации, Чуйков известил запоздалых парламентеров, что гарнизон Берлина уже сдается, о чем эти немцы еще не знали. Потом он все же позвонил Жукову и сообщил о запросе Фриче. У маршала возникли сомнения, можно ли доверять микрофон *«фашистскому пропагандисту»*: то ли скажет? Чуйков заверил, что все под контролем – *«может обеспечить»*.

С кем после этого совещался Жуков, не ясно. Видимо, это был политический советник, находившийся поблизости. Через несколько минут он позвонил Чуйкову и объявил условия радиовыступления Фриче.

1. Советское командование принимает капитуляцию и отдает приказ о прекращении военных действий.

2. Немецкие гражданские и военные власти должны объявить всем, что все военное имущество, коммуникации, сооружения и ценности должны быть в порядке; ничего не взрывать и не уничтожать.

3. Хейнерсдорф едет с советским офицером за Фриче для организации радиовыступления.

4. Гарантируется жизнь военнослужащим и медпомощь раненым.

5. Исключить провокации – выстрелы и диверсии.

Тут, вероятно, надо вернуться чуть назад и пояснить скрытые причины инициативы малоизвестного для советского командования доктора от пропаганды. Несколько ранее Фриче, по его словам, *«обошел пол-Берлина»*, чтобы получить сведения об обстановке. Не найдя никого, он вернулся на виллу Геббельса, где встретился с начальником канцелярии министерства пропаганды Гамелем, который сообщил о том, что рейхсминистр поехал в бункер, сказав: «Все кончено!», – так как русские уже были на Александерплатц.

Гамель предложил Фриче пробиваться в направлении Гамбурга. Тот отказался от предложения и поспешил в свое министерство, где распустил радиоотдел. Со статс-секретарем министерства Вернером Науманом он направился в рейхсканцелярию. У Фриче был свой план немедленной капитуляции, но это было связано с большим риском.

Фриче вернулся в министерство, где обнаружил, что он – единственный из известных высокопоставленных правительственных чиновников, оставшихся в Берлине. После этого он написал письмо советскому командованию и приказал перевести его на русский язык. В этот момент к нему с угрозами ворвался подогретый алкоголем генерал Бургдорф, но Фриче и радиотехник совместными усилиями вырвали оружие у него из рук. Вся описанная сцена, основанная на рассказах только самого Фриче, вызывает, мягко говоря, сильное сомнение.

В работе переводчика штаба 3-й УА Елены Ржевской этот эпизод изложен несколько иначе. Якобы 1 мая Фриче попросил генерала Бургдорфа прийти в бункер министерства пропаганды, чтобы обсудить назревший вопрос о капитуляции. Генерал в

просьбе не отказал, но по прибытии заявил Фриче, что *«перед смертью фюрер написал завещание, в котором категорически запретил что-либо предпринимать в вопросе по капитуляции и приказал сражаться до последнего дыхания»*. Вследствие резкого расхождения во взглядах тон беседы, по словам Фриче, был довольно напряженным. Вероятно, к тому моменту трактовка происходивших событий у немецких гражданских чиновников и у военных стала диаметрально противоположной.

В бункер Фриче был направлен начальник политотдела разведотдела штаба 8-й Гв.А подполковник Вайгачев, а также офицер разведотдела и переводчик, которые должны были сопровождать советника Хейнерсдорфа. При выходе из здания штаба эта «делегация» столкнулась с прибывшим генералом Вейдлингом. Генерал зло покосился на немецкого чиновника и буркнул: *«Нужно это было делать раньше!»*

Командир 239-го Гв.СП 74-й Гв.СД дал парламентерам сопровождающего до передовой. Кроме того, немецкий солдат, шедший впереди, нес белый флаг и кричал чтобы никто не стрелял. Все равно эту группу парламентеров обстреляли по дороге, но никто при этом не пострадал. За линией фронта группа Вайгачева была доставлена на КП центрального боевого участка. Его командир, переговорив с Хейнерсдорфом, вызвался лично сопровождать парламентеров.

Подойдя к зданию министерства, парламентеры в переулке встретили группу немцев, в которой был и Фриче – невысокого роста человек в очках и сером плаще. Вайгачев, не желая беседовать на улице, предложил ему пройти в подвал здания, где и начались переговоры.

Советский подполковник потребовал, чтобы Фриче отдал приказ о безоговорочной капитуляции командиру центрального участка штурмбаннфюреру Метцу, что было тут же исполнено. Кроме того, Вайгачев поинтересовался, сможет ли доктор выступить по радио и отдать приказ о капитуляции и какова вероятность его выполнения гарнизоном Берлина. Не без гонора Фриче заявил, что его знает вся Германия, и заверил, что его приказ будет выполнен.

Теперь осталось только объявить по радио о капитуляции, но увы. Фриче заявил, что в министерстве нет радиопередатчика. По приглашению Вайгачева, больше смахивающему на приказ,

Фриче согласился проехать на КП 8-й Гв.А, захватив с собой своих ближайших помощников.

Параллельно этим переговорам с Фриче продвигались и события, оговоренные ранее с командованием 56-го ТК. По импровизированному висячему мосту, перекинутому между сохранившимися опорами старого моста через Ландвер-канал, линию фронта перешел генерал Вейдлинг, которого сопровождали генерал Вейташ и Шмидт-Данкварт, а также офицеры его штаба. Они сдались заместителю начальника разведотдела штаба 8-й Гв.А подполковнику Матусову.

Около 06.00 (05.00 по берлинскому времени) генерал Вейдлинг появился на КП 8-й Гв.А, где представился генерал-полковнику Чуйкову. По наблюдениям начштаба армии генерал-лейтенанта Белявского, перед ними предстал по-немецки аккуратный, подтянутый, немолодой генерал. Он устало и подчеркнуто кратко отвечал на вопросы, но нервы у него явно сдавали, хотя он старался держаться бодро. Вейдлинг заявил, что решение о капитуляции принял без санкции Геббельса, так как понял бессмысленность сопротивления, когда узнал о смерти фюрера, видя ужасные страдания гражданского немецкого населения и раненых.

Тут возникло некое осложнение из-за немецкого педантизма и крючкотворства. Формально решение Вейдлинга распространялось пока только на части 56-го ТК, так как весь гарнизон Берлина к этому времени был разбит на отдельные группы, связи с которыми штаб корпуса не имел. Учитывая эти обстоятельства, генералы Чуйков и Соколовский начали буквально давить на немца, чтобы он подписал приказ о полной капитуляции. Чуйков даже взывал к совести этого старого вояки. Вейдлинг не выдержал морального давления победителей и, не ссылаясь на свое нахождение в плену, как в свое время фельдмаршал Паулюс, согласился написать приказ о капитуляции всего берлинского гарнизона. Правда, он уточнил при этом, что на части СС его власть не распространялась.

Эти колебания и сомнения генерала Вейдлинга в правомочности его приказа для всего гарнизона не совсем понятны. Ведь в свое время он был назначен Гитлером комендантом Берлина, так что все находившиеся в городе части должны были подчиняться его приказам. Жаль, что подобный веский аргумент не

был высказан этому явно растерявшемуся коменданту советскими генералами, которые до этого просто не додумались.

Вейдлинг попросил вызвать к нему начштаба обороны Берлина полковника Рефиора, опять-таки в силу соблюдения неких условностей. По вызову явился рослый, франтоватый брюнет с моноклем, с безукоризненным пробором и в серых перчатках. Вместе с Вейдлингом они составили исторический приказ берлинскому гарнизону о прекращении бессмысленного сопротивления. Вейдлинг, по свидетельству Чуйкова, находившийся на грани нервного срыва, все время хватался за голову, но выглядел не так уж плохо.

Через некоторое время – около 07.00 – Вейдлинг молча вручил Чуйкову бумагу с приказом. Вот что написали немецкие командиры, обращаясь к своим войскам: *«30 апреля фюрер покончил с собой и, таким образом, оставил нас, присягавших ему на верность, одних. По приказу фюрера мы, германские войска, должны были еще драться за Берлин, несмотря на то что исеякли боеприпасы и несмотря на общую обстановку, которая делает бессмысленным наше дальнейшее сопротивление. Каждый час продолжения боевых действий продлевает ужасные страдания гражданского населения Берлина и наших раненых. Каждый, кто гибнет сейчас в борьбе за Берлин, принесет напрасную жертву. По согласованию с верховным командованием советских войск приказываю вам немедленно прекратить сопротивление».*

Несмотря на то что некоторые формулировки вызывали легкие сомнения у советских генералов, было решено ничего не менять в тексте. Через некоторое время начштаба 8-й Гв.А генерал-лейтенант Белявский представил Вейдлингу для подписания два листа бумаги с текстом приказа о капитуляции по-русски и по-немецки. Вейдлинг пробежал глазами немецкий текст, дрожащей рукой взял ручку и подписал оба документа.

Видимо, Вейдлингу очень нелегко далось подписание приказа о капитуляции своих войск. Начальник оперотдела штаба 8-й Гв.А полковник Толконюк заметил, что немец взволнованно ходил по комнате, заложив руки за спину, а его продолговатая бритая голова побагровела. Он схватился за голову двумя руками. Для этого прямолинейного, грубого человека, которого друзья называли «громила Карл», такое поведение было нехарактерно. Он громко восклицал: *«Эх, Берлин, Берлин! Будь проклято все!»*

Толконюк, который ранее задавал свои дурацкие вопросы генералу Кребсу, попытался успокоить Вейдлинга, убеждая его в том, что надо радоваться окончанию войны. Немецкий генерал внезапно остановился, как бы очнувшись от забытья. Он даже пояснил назойливому русскому полковнику причину своего поведения: *«Вам, полковник, трудно осознать мое положение. Многие управляли Германией, сидя в Берлине, а вот сдавать столицу рейха врагу выпало на долю несчастного генерала Вейдлинга!»*

Много позже советские власти «достойно» вознаградили Вейдлинга за его смелую попытку сдачи берлинского гарнизона. После долгого разбирательства, пробыв в плену около семи лет, он в 1952 г. получил свои 25 лет за военные преступления и в ноябре 1955 г. умер от сердечного приступа, немного не дождавшись освобождения. Вот так круто решали в НКВД (МГБ) судьбу генералов вермахта, не говоря уж о своих... Но тогда, в мае 1945 г., капитулировавшему немецкому командованию решили слегка «подсластить пилюлю» и даже покормили немцев по-генеральски, чтобы, вероятно, продемонстрировать широту русской души и великодушие победителей.

Текст приказа о капитуляции начали сразу же распространять среди немецких солдат и офицеров берлинского гарнизона. Его развозили на автомашинах и передавали с помощью подвижных установок громкоговорителей.

Немцы постепенно начали сдаваться. Около восьми часов утра 2 мая только из подвалов зданий гестапо, министерства ВВС вышли около двух тысяч человек. В разгар капитуляции в 11.30 в штаб 8-й Гв.А на самоходке был доставлен доктор Фриче. Он, естественно, тоже принял условия капитуляции. Состоялась его беседа с генералом Соколовским, который выразил озабоченность за поддержание порядка в Берлине. Фриче, зная законопослушность немцев, в свою очередь, усомнился: *«Кто может причинить ущерб? Кто может решиться на эксцессы?»* Соколовский пояснил, что опасается мести солдатам со стороны населения и немецких чиновников. Прозвучало это довольно наивно и догматично по отношению к населению, которое, не без оснований, было обеспокоено только своей судьбой.

Фриче даже выразил желание встретиться с Деницем для «расширения документа». Ему популярно объяснили, что с Деницем, призвавшим армию и народ к продолжению борьбы,

русским явно не по пути. После этого Фриче, фигура которого вызывала определенные сомнения, был отпущен, пока...

Позднее он был арестован и в числе многих видных нацистов предстал перед союзным Нюрнбергским трибуналом, на котором советский прокурор Руденко, невзирая на прошлые мирные инициативы Фриче в Берлине, требовал для этого журналиста и пропагандиста сурового наказания. Западные члены трибунала сочли это требование чрезмерным и оправдали незадачливого миротворца.

Проявил готовность капитулировать и гарнизон бункера в Зоосаде. Полковник Велерман, вернувшись с последнего совещания у генерала Вейдлинга, сообщил офицерам о решении последнего капитулировать. Парламентером был назначен подполковник Якоби.

Около 02.30 2 мая у бункера Зоосада появился советский парламентер. Переговоры закончились достижением соглашения о капитуляции. В пять часов утра гарнизон бункера колонной направился в направлении Бендлер-блока. По ходу движения ряды пленных немцев пополнялись. Когда они двинулись по магистрали Восток – Запад в западном направлении, число пленных в колонне возросло до 2000 человек. Полковник Велерман был доставлен в штаб 2-й Гв.ТА, где его по-дружески принял командарм генерал-полковник Богданов – у русских в это время царило веселье по поводу окончания боев в Берлине.

Вскоре капитуляция в городе постепенно приняла всеобщий характер. К 15.00 2 мая сдались в плен около 70 000 человек, а к исходу дня – свыше 80 000 человек. Сопротивление берлинского гарнизона прекратилось. О попытках прорыва из Берлина ряда групп немцев, не подчинившихся приказу о капитуляции, будет сказано чуть ниже.

К 4 мая войска 1-го БФ в районе Берлина взяли в плен 100 700 человек (по другим данным – 110 000), а войска 1-го УФ – 34 000 человек. Таким образом, всего советскими войсками было принято в плен свыше 134 000 человек. Эти цифры убедительно свидетельствуют о том, какие немецкие силы были привлечены немецким командованием для обороны Берлина.

Конечно, есть и свидетельства, которые подвергают некоторому сомнению приведенные выше цифры о количестве захваченных в плен немцев. По данным английского исследователя

Схема расположения советских войск в центре Берлина 2 мая 1945 г.

Энтони Бивора: *«Немецкие офицеры, которые в самый последний момент стали подписывать документы о демобилизации своим подчиненным, напрасно теряли время. Все лица, которые были задержаны в форме (будь то форма пожарных или железнодорожников), немедленно брались под арест и строились в колонны, идущие на восток».*

Известный писатель Василий Гроссман, будучи в мае 1945 г. военным корреспондентом, наблюдал гигантские колонны военнопленных. Он видел, что среди пленных солдат шли полицейские, различные служащие, пожилые люди и почти мальчишки. Понятно, что войска охраны тыла фронтов быстро отсеяли всех мужчин не старше 50 лет, засчитав их в число военнопленных.

Тут надо было бы представлять претензии нацистскому руководству, привлекавшему к обороне Берлина как многих юношей из гитлерюгенда, так и массу фольксштурмовцев различного, в том числе и пожилого, возраста, а также полицейских, пожарных, да и вообще всех, кто попадался под руку и мог носить оружие. Так что этот запоздалый «плач» о разношерстном составе взятых в плен немцев в Берлине здесь неуместен. Стреляли из фаустпатронов по советским танкам и стар и млад...

Немецкий историк фон Бутлар, подводя печальные для немцев итоги войны, писал: *«С яростью и ожесточением дрались они* (немцы) *в этом страшном последнем бою. Берлин – этот последний оплот в борьбе против стремительного наступления с востока противника – сопротивлялся отчаянно».* Далее он отметил, что тяжелые бои в городе стоили больших потерь не только немцам, но и русским. Но об этом чуть ниже...

Конечно, несмотря на объявленную капитуляцию берлинского гарнизона, отдельные группы противника в течение ночи на 2 мая и первой половины дня предпринимали отчаянные попытки вырваться из окружения. Немцы есть немцы, их упорство в совершенно безнадежной ситуации можно только уважать.

Командир 23-й Гв.СД генерал-майор Шафаренко отмечал, что бои 2 мая давались очень тяжело по чисто психологическим соображениям. Ведь бои велись после объявленной победы и казались советским солдатам совершенно бессмысленными. Правда, лозунг «если враг не сдается – его уничтожают» был, конечно, не забыт.

В ряде районов города бои велись в течение всего дня 2 мая. Так, еще в 19.00 части 23-й Гв.СД добивали отдельные подразделения СС, которые не подчинились приказу генерала Вейдлинга и не сложили оружия. Только поздно вечером части этой дивизии захватили злополучный Штеттинский вокзал и полицейские казармы на Экзерцирплатц. Последнее сопротивление противника в этом районе было подавлено только в 23.00. Тогда же в районе перекрестка Аккерштрассе и Эльзасерштрассе гвардейцы соединились с частями 7-го СК, пробивавшимися им навстречу.

На дивизионные пункты поступило 2718 пленных. Прием капитулировавших немецких подразделений начался с рассветом 2 мая, а прекратить огонь было приказано еще к 04.00 2 мая. В этот теплый и по-весеннему солнечный день грязные, небритые и оборванные немецкие солдаты и офицеры с белыми флагами брели на сборные пункты. Однако многие из немцев не хотели сдаваться, стреляли из-за углов, с чердаков и из подвалов по советским солдатам и офицерам. Этих недобитков ликвидировали специально выделенные группы.

Отказался капитулировать и немецкий гарнизон, засевший в угловом кирпичном здании на перекрестке Мюнештрассе и Гренадерштрассе. Вопрос с его нейтрализацией решился весьма оперативно. Для подавления этого одного из последних очагов сопротивления в Берлине в помощь пехотинцам 7-го СК была направлена штурмовая группа 16-й Гв.МинБр капитана Л.А. Хмелинского. Для выполнения задачи были использованы всего две рамные установки с тринадцатью реактивными снарядами.

Раздался последний залп тяжелых реактивных установок на улицах Берлина. После серии мощных взрывов здание развалилось. На его месте осталась лишь груда битого кирпича. Последний вражеский гарнизон, продолжавший бессмысленное сопротивление, несмотря на имевшийся приказ о капитуляции, был погребен под развалинами здания. Произошло это около 11.00 2 мая 1945 г.

В шесть часов утра 2 мая на участке 2-й Гв.ТА была предпринята попытка прорыва, что подтвердил потом командующий артиллерией армии генерал-лейтенант Пласков. Там небольшой группе немцев численностью до 300 человек с восемью танками и штурмовыми орудиями удалось вырваться из

города и просочиться в район Мюленбек – Глиникке (севернее Берлина). Только здесь около 20.00 эта группа была полностью ликвидирована.

В 04.30 2 мая немцы пытались прорваться на участке 38-го СК 3-й УА в районе северо-западнее Зоосада. Около 300 человек с семью бронеединицами сумели прорваться в район пригорода Панков и только там были зажаты в кольцо. Около 210 немцев были взяты в плен, а остальные убиты.

Около полуночи 1 мая в западной части Тиргартена закончили сосредоточение остатки ТД «Мюнхенберг» и 18-й МД. Эта немецкая группировка собиралась в ночь на 2 мая совершить бросок в северо-западном направлении к Шпандау. С наступлением темноты последние танки и бронемашины ТД «Мюнхенберг» двинулись на запад по магистрали Восток – Запад и Шпандауской набережной. Орудия немцы бросили в Тиргартене, перед тем выведя их из строя.

Остатки 18-й МД и боевой группы полковника Маррека, в состав которой входили члены гитлерюгенда, также следовали за ними. Утром 2 мая этот громадный поток машин достиг Шарлоттенбергского моста в Шпандау. Немецкий историк Тике так оценивал создавшуюся ситуацию: *«...здесь на их пути встало препятствие. Русские создали сильный заградительный рубеж, их пехота, танки и артиллерия полностью контролировали все подступы к мосту»*.

Еще вечером 30 апреля шеф гитлерюгенда Аксман передал приказ некоему доктору Шлюндеру, руководившему обороной мостов через реку Хафель у Пихельсдорфа, чтобы его боевая группа удерживала эти мосты еще в течение 24 часов. Шлюндер заявил посланцу Аксмана, что его боевая группа почти непрерывно подвергалась атакам русских и вряд ли сможет продержаться указанное время.

Выполнению этого задания Аксмана помешало также и одно случайное обстоятельство. Около 18.00 1 мая шальной снаряд попал в заряд взрывчатки, подготовленный для взрыва моста. Мост, естественно, взлетел в воздух. Шлюндер со своими юнцами оставил позиции у Пихельсдорфа и отошел вдоль реки Хафель на север, где находился еще один мост.

Командир ТД «Мюнхенберг» генерал-майор Муммерт, несмотря на отчаянное положение его войск, провел разведку,

в результате которой выяснилось, что есть шанс прорваться из Берлина через Шпандау. Остаткам 18-й МД уже 1 мая удалось проскочить через Хафель и достичь Шпандау, но после этого западня захлопнулась. Все четыре моста в районе Шпандау были заняты русскими. Немцы посчитали, что для прорыва наиболее пригоден только один мост – Шуленбург.

Ранним утром 2 мая была предпринята первая попытка прорыва через этот мост. В ней участвовали боевая группа Шлюндера и части так называемой дивизии «Шпандау» под командованием полковника Маррека численностью до 17 000 человек с 70–80 бронеединицами. Длинная колонна различных машин подошла к мосту, который находился под сильным обстрелом. Когда немного просветлело, эту колонну атаковали штурмовики Ил-2, которые начали бомбить и обстреливать скопление немецких войск восточнее моста. Там творился настоящий ад.

Генерал-майор Муммерт постарался собрать хоть какую-то ударную группу, которая должна была пробить дорогу на запад. К атаке подготовились остатки 18-й МД, ТД «Мюнхенберг» и дивизии «Шпандау» при поддержке двух «королевских тигров» из 503-го ТТБ СС, а также еще других четырех танков и самоходок.

Остатки 249-й БрШО тоже попытались в ночь на 3 мая прорваться на запад в районе Шпандау. Бригада располагала тогда только несколькими штурмовыми орудиями и бронетранспортерами. При прорыве через мост, который простреливался советской артиллерией, бригаде пришлось разделиться на две группы, из которых только одной удалось дойти до Эльбы.

В составе другой группы было всего около 100 артиллеристов, три штурмовых орудия, три бронетранспортера и один бронеавтомобиль. К ней присоединились еще около 3000 немецких солдат. В боях с советскими танками этой большой группе удалось добраться до Кетцина. Там она попала под сильный сосредоточенный огонь советской артиллерии и была рассеяна, потеряв всю бронетехнику.

Удар немецкой группировки, выдвигавшейся из района Рулебен, пришелся по 125-му СК 47-й армии, занимавшему позиции по западному берегу реки Хафель. Растянутый фронт обороны корпуса, которому не впервой было выпускать немцев из окружения (имеется в виду г. Шнайдемюль) был прорван.

Прорыв произошел опять на стыке 132-й и 76-й СД. Около 08.00 2 мая немецким танкистам удалось сбить русские заслоны и переправиться на западный берег Хафеля. За ними под проливным дождем и сильным артобстрелом частей 47-й армии толпами двигались пехота и гражданские лица.

Потери среди прорывающихся были ужасные, повсюду ручьем текла кровь и горели подбитые машины. Грузовики ехали прямо по телам убитых. Под прикрытием огня 20-мм зенитной установки, открывшей по русским позициям заградительный огонь, на другой берег удалось перебраться еще нескольким группам солдат и гражданских лиц.

Вахмистр Пентцин из артполка 18-й МД рассказывал потом об этой мясорубке на мосту: *«Один «тигр» обеспечивал прикрытие огнем. По мосту поодиночке и небольшими группами проскакивали автомашины. Русская артиллерия то и дело обрушивала свои залпы на мост и скопление машин перед ним. На крышах на том берегу засели русские снайперы.*

Самолеты на бреющем полете обстреливали мост из бортовых пушек и пулеметов. Всюду стояли горящие автомашины. Нескончаемая очередь машин замерла перед мостом. Десятки тысяч людей с трепетом ждали момента, чтобы перебежать через мост или погибнуть. Вот посреди моста с оглушительным грохотом взорвался грузовик с боеприпасами. Позади него я насчитал еще семь горящих грузовиков и один танк... Целый день мы с ужасом думали о предстоящем смертельном броске через мост. Мы ждали с раннего утра и до вечера, битых двенадцать часов... Когда раздается очередной выстрел «тигра», мы бросаемся вперед, гоним прямо по лежащим на дороге трупам и благополучно добираемся до противоположного берега... Оглушенные и окровавленные, мы спрыгиваем с разбитой машины, хватаем оружие и вливаемся в поток других прорывающихся...»

Несмотря на тяжелые потери, немцам удалось оттеснить русские заслоны от берега реки. По прорывающимся группам продолжали вести прицельный огонь советские пулеметчики, расположившиеся в крепости Шпандау. Два подошедших «тигра» обстреляли ратушу, а небольшие группы парашютистов бросились в контратаку. Завязался огневой бой.

Командир 125-го СК генерал-лейтенант Андреев вспоминал потом, что бой шел непрерывно в течение 2 мая и в ночь на

3 мая, в течение которого его дивизии преградили путь немцам на северо-запад на Фалькенхаген. Ценой тяжелых потерь они не пропустили противника в этом направлении. Предотвратить же прорыв немцев в западном направлении не удалось.

В ночь на 1 мая 76-я СД 125-го СК получила распоряжение совершить ночной марш в новый район: Пихельсдорф – Вильгельмштадт – Зеебург. Штаб дивизии 100-й ОПТАД и другие штабные подразделения расположились в Штаакене, а 80-й АП – на западной окраине Пихельсдорфа. Части дивизии готовились к смене частями 132-й СД, которая так и не была произведена. В этом районе 76-ю СД поджидал неприятный сюрприз.

Рано утром 2 мая крупная немецкая группировка, численность которой оценивалась около 12 000 человек, внезапно прорвалась по железнодорожному мосту через Хафель, смяла подразделения 132-й СД и устремилась на запад. Разведка дивизии и 125-го СК явно проспала подготовку немцев к прорыву, вероятно, в ожидании скорой победы. Комдив Гервасиев вспоминал: *«Двигалась лавина людей, танков, самоходок, артиллерии. Вырвавшись из окружения, они, как осатанелые, лезли на нас»*.

Уже к 07.00 2 мая части 76-й СД – 207-й, 216-й, 93-й СП, – стоявшие отдельными гарнизонами в готовности к смене, фактически оказались в окружении, изолированными друг от друга. И это в мае 1945 г.! Видимо, командование дивизии не поняло, что война еще не кончилась. Завязался ожесточенный бой, который длился почти двое суток. Связь между разобщенными подразделениями поддерживалась только по радио, а комдив оказался оторванным от своего штаба, находясь в 216-м СП. Налицо была явная потеря управления, что было чревато последующим рассмотрением этого факта в военном трибунале.

К счастью, к этому моменту советские командиры научились успешно пользоваться радиосвязью. Различные части дивизии сумели быстро принять боевой порядок и организованно драться в окружении, не допустив ни малейшей паники, что и сыграло решающую роль в разгроме прорвавшейся группировки.

Считается, что только группе около тысячи человек удалось скрыться в лесах западнее Деберитца, где она также вскоре была уничтожена. По имеющимся данным, в результате двухдневного боя частями 76-й СД было пленено около 4000 человек, в том

числе 188 офицеров, а уничтожено около 1000 немцев. Разбито и захвачено 170 орудий, 16 танков и самоходок, 18 бронетранспортеров и 285 автомашин.

Стрельба в районе боя 76-й СД утихла только в 13.00 3 мая. Только после этого генерал-майор Гервасиев выехал в штаб дивизии, офицеры которого ранее также с оружием в руках отбивали атаки немцев. Дорога на Штаакен была завалена трупами немцев, разбитыми автомашинами и различной боевой техникой. Для очистки дорог для продвижения войск пришлось привлечь немецкое население и военнопленных.

Во время попыток немцев вырваться из Берлина случались и просто анекдотические ситуации. По свидетельству командующего артиллерией 47-й армии генерал-лейтенанта Г.В. Година, в штаб армии из одной части пришло следующее донесение: «*Атака вырвавшихся из Берлина гитлеровцев отбита с большими потерями для противника. Взято в плен 500 солдат и офицеров, и среди них один полковник Красной Армии*».

При проверке сообщения выяснилось, что этим «пленным» оказался заместитель Година и начальник артснабжения армии полковник Д.П. Агафонов. Передвигаясь вслед за своими войсками, он не проявил осторожности, подвергся нападению группы немцев и попал в плен. Так как Агафонов не всегда полностью удовлетворял заявки частей на боеприпасы, то его в отместку и зачислили в число пленных. Шутка была злой, но это были только цветочки, так как незадачливого полковника ожидала еще и малоприятная беседа в армейском отделе «Смерша»...

Конечно, случай с полковником Агафоновым был еще не самым худшим вариантом. Ведь бои в густонаселенном районе и лесопарковой зоне требовали большой осмотрительности при передвижении. Этим пренебрегли командующий артиллерией 125-го СК полковник М.А. Михеев и заместитель командира корпуса. Они даже и не заметили, как оказались в разрыве между боевыми порядками своих войск, попали под обстрел и были убиты.

После описанного выше прорыва основные силы немецкой моторизованной группировки старались теперь пробиться в направлении Штаакена.

Там немцы снова наткнулись на отсеченные позиции советских войск, расположенные за железнодорожной насыпью, с которых

был внезапно открыт сильный минометный огонь. Немецкие танки и самоходки никак не могли накрыть ответным огнем позиции минометчиков. Прорывающимся немецким войскам пришлось откатиться на юг и поискать обходные пути, но в конце концов они все же достигли Штаакена.

Тут за поселком они наткнулись на аэродром Дальгов, где уже базировалась 265-я ИАД. Командованию дивизии пришлось срочно поднять в воздух свои истребители и переместить их на аэродром Вернойхен. Личному составу управления 3-го ИАК, техническому составу летных частей и 462-го и 609-го БАО пришлось занять круговую оборону и вступить в бой с противником.

Несмотря на неоднократные атаки, немецкой пехоте численностью до 3000 человек, поддержанной огнем танков и самоходок, прорваться на запад на этом участке не удалось. В то время как наземные части вели бой с противником, истребители произвели 168 вылетов и, действуя как штурмовики, нанесли ему большой урон. В 14.30 на помощь летчикам и техникам подошли 12 танков и несколько батарей из 4-й Гв.ТА, а в 16.00 – пехота 125-го СК. Бой с этой частью немецкой группировки продолжался до 22.00. Во время его немцы потеряли 379 человек убитыми. Летчикам даже удалось взять в плен 1450 человек.

К немцам были посланы парламентеры, которые сразу же начали вразумлять еще сопротивляющегося противника. Немцам сообщили, что Берлин капитулировал и боевые действия следует немедленно прекратить. Продолжение прорыва бессмысленно. Вся эта агитация внесла определенный разлад в немецкие ряды. Тем не менее многие не желали сдаваться и надеялись прорваться к армии Венка.

В течение ночи на 3 мая к Штаакену подтягивались все новые группы немецких солдат и гражданских лиц. Несколько танков и зенитных установок немцам пришлось взорвать из-за нехватки горючего.

В 06.00 3 мая собравшиеся в Штаакене немцы снова пошли на прорыв. Последние танки, бронемашины, грузовики, а также несколько тысяч солдат и гражданских лиц рванули через поля на запад. Немецкий историк Тике так писал об этих событиях:

«Многим удалось прорваться, но за их спиной на полях Штаакена остались лежать тысячи убитых и раненых. Многие так и не решились прорываться и остались в Штаакене ждать пленения. Вечером 3 мая для них все закончилось».

Для тех, кто прорвался у Штаакена на запад, война все еще продолжалась. Видимо, командование 1-го БФ подозревало, что именно здесь пытаются вырваться из Берлина нацистские руководители. Простые солдаты считали: «Гитлер прорывается». Поэтому эту группу упорно преследовали, с воздуха ее непрерывно атаковали штурмовики.

Блокировать прорвавшихся попытались в районе войскового полигона в Деберитце, где с одной высоты по немецкой колонне был открыт убийственный огонь из орудий и танков. Здесь последние танки, бронемашины и грузовики были расстреляны артогнем и загорелись.

Потери немцев были очень велики. Вся колонна после этого внезапного удара распалась на мелкие группы, которые пытались просочиться на запад. Далеко уйти удалось очень немногим, скоро почти все были взяты в плен. Одной небольшой группе во главе с генерал-майором Муммертом и командиром 503-го ТТБ СС штурмбаннфюрером Херцигом удалось 3 мая пробиться в район Кетцина на реке Хафель. Там вечером этого дня группа попала в окружение и была в основном пленена.

Точная численность тех, кто прорывался в Шпандау, Штаакен и Деберитц, неизвестна. Советское командование оценивало численность этой группировки в 17 000 человек, а немецкие участники этих событий называют меньшую цифру – более 10 000 человек.

Понятно, что подсчитать, сколько немцев было убито в этих отчаянных попытках прорвать окружение, очень сложно. Командир 125-го СК генерал-лейтенант Андреев в своей книге воспоминаний привел следующие данные. За 2–3 мая только в полосе 132-й СД немцы потеряли 2000 убитыми и ранеными, 2387 человек попали в плен. Было захвачено 650 человек *«уже переодевшихся в гражданскую одежду»*. Кроме того, было уничтожено 15 танков, 12 штурмовых орудий, 35 бронетранспортеров и 160 автомашин.

По воспоминаниям командира 328-й СД 47-й армии И. Павловского, немцы попытались прорваться и на участке его диви-

зии. Главный удар пришелся по 1107-му СП, на помощь которому подошел 1105-й СП. Жестокий бой продолжался несколько дней. Разгром немцев был завершен только в ночь на 5 мая. Частями 328-й СД было взято в плен около 2500 человек.

Всего, по официальным данным, в результате действий советских войск – 76-й, 132-й и 328-й СД, летчиков и БАО 265-й ИАД – противник при прорыве понес следующие потери: около 5000 немцев были убиты, около 11 000 попали в плен; было уничтожено около 50 танков и штурмовых орудий, 53 бронетранспортера и около 500 автомашин. Количество прорвавшихся на запад оценивается примерно в две-три тысячи человек. Так что до прорыва немецкая группировка должна была насчитывать около 18–19 тысяч человек.

С этим прорывом связан еще один интересный эпизод, описанный начальником оперотдела штаба 3-й УА полковником Семеновым. Поздно вечером 2 мая, то есть в разгар боев по ликвидации прорыва, Военный Совет армии устроил праздничный ужин в честь победы над берлинской группировкой. Неожиданно в штабе 3-й УА раздался телефонный звонок из штаба 1-го БФ.

Маршал Жуков сообщил командарму генерал-полковнику Кузнецову, что, по имеющимся сведениям, через боевые порядки 3-й УА из Берлина на запад прорвались немцы, которые вышли на тылы 47-й армии. Кузнецову было предложено разобраться на месте и доложить. Конечно, праздничное настроение в штабе армии было испорчено.

На рассвете 3 мая полковник Семенов, который не уточнил, был ли срочно закончен ужин, уже находился в пути. В штабе 47-й армии его коллега подтвердил, что прорыв произошел на участке злополучного 125-го СК юго-восточнее Вильгельмштадта. Успокоенный этим сообщением (не у нас прорвались!), Семенов поспешил доложить об этом своему руководству. Трудно понять причины этой штабной неразберихи, более свойственной начальному периоду войны, если только не сделать скидки на «праздничные ужины», проходившие тогда совместно...

Тяжелые испытания пришлись 2 мая также и на долю 52-й Гв.СД из 3-й УА. В 02.30 после массированного артналета немцы при поддержке танков и штурмовых орудий пошли в атаку на

позиции 151-го Гв.СП. Одной группе немцев удалось овладеть железнодорожным мостом, необходимым для обеспечения прорыва в северном направлении основной группировки. Через двадцать минут подошли восемь танков, несколько штурмовых орудий и шесть бронетранспортеров с пехотой.

Другие группы немецкой пехоты с танками стремились прорваться севернее железнодорожной станции Гезунбрунен. Все их действия были строго согласованы и хорошо продуманы. Именно в это время немцы активно сковывали огнем и мелкими атаками 153-й и 155-й Гв.СП. К тому же 153-й полк был изолирован от других полков дивизии и не имел связи с ее штабом. Все это не позволяло штабу дивизии маневрировать своими силами с целью оказания помощи 151-му полку для ликвидации вклинившегося на его участке противника.

В 06.00 2 мая немцам удалось выйти в район огневых позиций 1-го дивизиона 124-го Гв.АП. К счастью для артиллеристов, там находился командир полка полковник Н.И. Бигоненко, который взял управление боем на себя. «Пушкари» под его командованием сражались упорно, подбили восемь танков, несколько бронетранспортеров и уничтожили до роты пехоты. Дальше противнику продвинуться не удалось.

Положение 52-й Гв.СД осложнилось еще несколькими факторами. Во-первых, немцы, хорошо зная город и подземные коммуникации, появлялись там, где их не всегда могли встретить подготовленным огнем и контратакой. Во-вторых, дивизия не имела сильного противотанкового резерва, так как все средства усиления, за исключением одной танковой роты, с 29 апреля были переброшены на главное направление удара армии. Вот это непродуманное решение командующего 3-й УА генерал-полковника Кузнецова сильно осложнило борьбу с прорывавшейся из окружения группой противника.

Пришлось комдиву 52-й дивизии генерал-майору Козину буквально «скрести по сусекам». В бой бросили все силы, которые удалось собрать: учебный батальон, батальон связи, разведроту, саперную роту, роту химзащиты, резерв комдива и офицерский состав штаба. Вот с помощью этой сборной солянки под командованием начальника оперотдела штаба дивизии майора Широкоумова удалось решительными действиями сдержать натиск противника.

После допроса пленных выяснилось, что группа прорыва состояла из 628-го батальона ПП «Инепринг», частей МД СС «Нордланд» и 9-й ППД, которые не подчинились приказу о прекращении огня. По данным разведки, численность этой группы составляла до 2000 человек, которые при поддержке бронетехники пытались прорваться на север.

Этот трудный бой стоил 52-й Гв.СД немалых потерь. Кроме того, настроение командования дивизии было испорчено еще и тем, что кто-то опять доложил в штаб 1-го БФ о прорыве немцев на участке 3-й УА. Для проведения проверки в штаб дивизии срочно прибыли два офицера из штаба армии и один из штаба фронта. Генерал-майору Козину пришлось вместе с ним выехать на место боя. После этого подозрение, что противник прорвался в полосе 52-й дивизии, отпало.

Немцы, засевшие в северной башне ПВО в парке Гумбольдтхайн, отказались сдаться и всячески старались вырваться из окружения. Командование 52-й Гв.СД попыталось убедить их прекратить бессмысленное сопротивление. Эту важную миссию возложили на подполковника П.И. Попова, переводчицу старшего лейтенанта З.П. Степанову и радиста С.Ф. Калмыкова. Переговоры с гарнизоном, которым командовали два генерала, шли очень сложно и долго, но завершились успехом. Немцы сдались. Для 52-й Гв.СД, потерявшей с 16 апреля по 3 мая 1945 г. 439 человек убитыми и 1761 ранеными, бои закончились.

Опасное приключение пришлось пережить и командующему 4-й Гв.ТА генералу Лелюшенко. После многих бессонных ночей командарм прилег отдохнуть, но увы... Прямо на его штаб вышла одна из групп, прорывавшаяся из Берлина. Удар по штабу танковой армии нанесла часть той самой немецкой группировки численностью до 6000 человек, которая в ночь на 1 мая прорвалась с осторова Ваннзее.

В 06.00 2 мая в районе Штансдорфа она наткнулась на советские авиационные части, к которым около 14.00 подоспела помощь. Результаты столкновения для немцев были неутешительными: 477 убитых и 1288 пленных. После этого немецкую группировку окончательно расчленили на части, многие из которых были уничтожены или пленены.

Однако самая крупная ее часть численностью до 2000 человек 2 мая вышла в лес северо-западнее Шанкенсдорфа, где

располагался штаб Лелюшенко. Командарм срочно вызвал по радио помощь: 7-й гвардейский мотоциклетный батальон, 3-ю гвардейскую мотоинженерную бригаду и 71-ю ОЛАБр, которые располагались вблизи от штаба. Через 10—15 минут к штабу подоспели десять танков, до шести орудий, более 200 мотоциклов с пулеметами, а через 25 минут подошли и саперы. Но ведь эти минуты надо было еще продержаться!

Сначала в бой вступили только рота охраны и офицеры штаба, а также связисты и шоферы. Под конец войны пришлось принять бой и командованию 4-й Гв.ТА: начштаба генерал-лейтенанту К.И. Упману, начальнику оперотдела штаба полковнику С.С. Маряхину, начальнику инженерных войск полковнику М. А. Полуэктову, начальнику связи полковнику А. Я. Остренко, начальнику политотдела полковнику Н.Г. Кладовому и командиру полка связи полковнику М.А. Абрамову. Как выяснилось, все поименованные командиры, длительное время находясь на командных должностях, не разучились стрелять и бросать гранаты, защищая свою жизнь в преддверии Победы.

Какое преступное легкомыслие было проявлено со стороны командования армии! В сложных условиях пренебречь организацией надежной охраны своего штаба! Вероятно, в надежде на то, что немцы уже разгромлены, а также на вечный русский «авось» охрана штаба была минимальная, что могло привести к серьезным последствиям на завершающем этапе боев.

После двухчасового боя в первой половине 2 мая объединенным ударом немцы были разбиты и рассеяны, а многие из них были взяты в плен. Организованный прорыв из Берлина компактной группировкой не удался.

Еще одна группа немцев, окруженная в лесах юго-западнее Ваннзее, утром 2 мая мелкими группами вышла в район Штансдорфа и Гютерфельде, где располагались штабы 13-го ИАК, 283-й ИАД, 471-й и 481-й БАО. Там же на аэродромах базировались 56-й и 116-й Гв. ИАП и 176-й ИАП. Немцы попытались пробиться на юго-запад, но личный состав авиационных штабов и технических частей встал у них на пути. Завязался упорный бой. Летчики 13-го ИАП оказали поддержку своим технарям и штабникам, совершив 41 вылет на штурмовку прорвавшихся войск противника, поливая их пушечно-пулеметным огнем и забрасывая бомбами. Днем на помощь авиаторам подоспела

пехота, и к концу дня совместными усилиями противник был разбит. В этом бою было уничтожено 477 и взято в плен 1288 немцев. Однако бои в районе аэродромов как 3-го ИАК, так и 13-го ИАК с новыми мелкими группами немцев, прорывавшимися из Берлина, продолжались еще 3 и 4 мая.

Борьба с прорвавшимися мелкими группами немцев велась в основном силами частей 125-го СК и закончилась только 5 мая в районе Кетцин – Вустермарк – Бушов.

Советские военные историки считали, что попытки отдельных вражеских групп вырваться из берлинского «котла» оказались безрезультатными, поскольку прорывавшиеся группы были ликвидированы на окраинах и в ближайших окрестностях Берлина. Конечно, вряд ли стоит утверждать, что выловили всех до последнего человека, и выдавать желаемое за действительное. Тем не менее крупные силы немцев уйти на запад не смогли.

Это лишний раз подчеркивает весомость, боеспособность и живучесть берлинской группировки противника, о чем свидетельствовали произведенные немцами прорывы из берлинского окружения. Можно констатировать некоторые моменты в создавшейся ситуации.

1. Централизованного управления отдельными изолированными группами со стороны немецкого командования не было, поэтому попытки прорыва из города не были скоординированы.

2. Немцы опять проявили целеустремленность действий, отчаянное упорство даже в совершенно безнадежной ситуации.

3. Далеко не все окруженные в Берлине группы войск подчинились приказу Вейдлинга о капитуляции, и не всегда из-за отсутствия связи.

4. Произведенные прорывы выявили явный недостаток сил, выделенных советским командованием для блокирования «котла» с запада.

5. Была отмечена недостаточная гибкость управления частями 47-й армии со стороны ее командования во главе с генерал-лейтенантом Перхоровичем. Оно не сумело быстро перебросить к участку прорыва дополнительные части и не имело подвижных резервов за сильно растянутым фронтом обороны 125-го СК.

В преддверии наступающей победы ряд упущений в руководстве частями 47-й армии и недостаточное внимание к

надежности окружения берлинской группировки с западного направления со стороны командования 1-го БФ не нашли достойной оценки со стороны ставки и генштаба.

Ну прорвался там кто-то на запад, да и черт с ними, лишь бы главари не сбежали! Вот вероятный лейтмотив рассуждений высшего военного руководства в начале мая 1945 г.

Глава 21
Судьба 12-й армии – отход на Эльбу

К 3 мая войска 1-го БФ, выполняя поставленную перед ними задачу, уничтожали группы противника, прикрывавшие отход основных сил немецкой ГА «Висла», ликвидировали отдельные опорные пункты, продолжавшие сопротивление, и постепенно приближались к Эльбе.

Части 61-й армии преследовали отходящих на запад немцев. Имея надежное прикрытие с воздуха, они овладели городами Нойруппин, Киритц и Нойштадт, пройдя за два дня 70 км. Еще к исходу дня 2 мая войска этой армии ворвались в Хафельсберг. В ночь на 3 мая главные силы 61-й армии вышли на Эльбу на участке от Виттенберга до Хафельсберга, где наконец-то встретились с американцами.

1-я ПА к 15.00 4 мая тоже вышла на восточный берег Эльбы на участке от Хафельсберга до Клитца. Бои с немцами, которые удерживали в этом районе переправы через реку, продолжались еще некоторое время. Именно при наступлении 61-й армии и 1-й ПА из района Фербеллин – Науэн на Хафельсберг и Зандау были рассеяны части 41-го ТК генерал-лейтенанта Хольсте, после чего 12-я армия была оторвана от 3-й ТА. К тому времени в состав корпуса Хольсте входили только различные сводные подразделения сухопутных войск и ВВС – боевая группа Хаке, истребительно-противотанковая бригада «Герман Геринг» полковника фон Гаудеккера, батальоны фольксштурма, 1-я танко-истребительная бригада гитлерюгенд. Конечно, сдержать решительное наступление советских войск эта разношерстная толпа не могла.

Остальные армии 1-го БФ вышли к Эльбе чуть позднее: 69-я армия – 5 мая на участке Бург – Шенеберг, а 47-я, 3-я и 33-я армии – только 6–7 мая. Воевать теперь было уже не с кем, так как 12-й армии Венка удалось уйти через Эльбу к американцам.

Для завершения описания событий, связанных с проведением Берлинской операции, осталось только проследить судьбу 12-й армии, о которой советские военные историки старались вообще не вспоминать, словно ее вообще не существовало. Причин здесь несколько. Во-первых, части этой армии пробились к Потсдаму и позволили группе генерала Реймана выйти из окружения. Во-вторых, они же позволили остаткам 9-й армии

уйти на запад. И в-третьих, части этой армии планомерно отошли к Эльбе и ушли к американцам, легко оторвавшись от преследовавших советских войск.

Поскольку, учитывая вышесказанное, похвалиться было нечем, происходило многолетнее замалчивание советской военной историографией достаточно успешных действий немецких войск на завершающем этапе борьбы на Восточном фронте.

20-й АК 12-й армии, которым командовал генерал Колер и в состав которого входили дивизии «Гуттен», «Шарнгорст» и «Кернер», в течение 48 часов удерживал позиции между южной оконечностью Швиловзее и Тройенбритценом для того, чтобы прорывающиеся части 9-й армии смогли выйти из окружения.

Несмотря на усиливавшийся натиск советских войск, генерал Венк надеялся силами 20-го АК удержать фронт, чтобы остатки 9-й армии и части 12-й армии могли отойти к Эльбе. Сохранившиеся штабы частей 9-й армии пытались собрать своих измотанных непрерывными боями солдат и в организованном порядке отвести их к Эльбе.

В ночь на 2 мая наметился отрыв 41-го ТК от 12-й армии. Поэтому Венк приказал генерал-лейтенанту Арндту, чей 39-й ТК находился в стадии формирования, прикрыть обнажившийся северный фланг 12-й армии из района Хафельсберга вдоль Эльбы на юг.

Вечером 2 мая в Хафельсберг ворвался советский кавалерийский эскадрон при поддержке трех танков. В городе началась паника, северные районы города были заняты почти без боя, поскольку немецкие отряды не смогли противостоять дружному натиску советских подразделений.

Немецкий историк Типпельскирх признавал, что под Хафельсбергом советские войска оказывали очень сильное давление на немецкие позиции. Венку пришлось на помощь остаткам МД «Курмарк» перебросить туда автотранспортом из района Ферха полк из дивизии «Гуттен». Последний уже на марше вступил в соприкосновение с частями 1-й ПА, которые к полудню 2 мая захватили Ринов и двигались в сторону Зандау. С помощью полученных подкреплений немцы смогли удерживать плацдарм на берегу реки Хафель южнее Хафельсберга, который был эвакуирован только в ночь на 3 мая.

Южнее боевая группа Конецкого, состоявшая из батальонов фольксштурма и подразделений дивизии «Гнейзенау» из 41-го ТК, в течение 2 мая была оттеснена на линию Ратенов – Бранденбург. В районе Бранденбурга оборонялась ПД «Фердинанд фон Шилль» полковника Мюллера при поддержке дивизиона штурмовых орудий. В течение второй половины 2 мая этой дивизии пришлось отойти под натиском советских войск в район Гентина.

На южном фланге 12-й армии ее 48-й ТК без какого-либо нажима отошел на линию Нимегк – Альтенграбов – Бург. Вечером 2 мая и в ночь на 3 мая начался отход на запад дивизий 20-го АК – «Шарнгорст», «Кернер» и «Гуттен». Из-за нехватки мин, взрывчатки и саперных частей немцы не смогли произвести минирование путей отхода и устройства на них заграждений, что всегда практиковалось ими на Восточном фронте. Несмотря на отсутствие указанных препятствий, советские войска продвигались вперед очень медленно, как бы чего-то опасаясь, нехотя.

Арьергард 20-го АК составляла ПД «Гуттен» генерал-лейтенанта Энгеля. Он планировал за три ночных перехода выйти на плацдарм на Эльбе у Тангермюнде. Для обеспечения отхода своих войск опытный генерал, закаленный в боях на Восточном фронте, организовал сильное прикрытие с самоходками и бронемашинами на флангах. Эти части прикрытия огрызались сильным артогнем, проводили контратаки, что тормозило наступление советских войск и позволяло выиграть драгоценное время для планомерного отхода. С помощью таких нехитрых мероприятий дивизии 20-го АК отступили на линию севернее Гентина. Одновременно 3 мая 48-й ТК занял позиции на рубеже Цербст – Гросс-Вустервиц.

Еще утром 3 мая генерал Венк понял, что, несмотря на успешные арьергардные бои, цель действий его армии – уход за Эльбу к американцам – не стала более реальной. Переправа войск 12-й армии через реку не была обеспечена, что грозило им, будучи прижатыми к Эльбе, полным разгромом в ближайшие дни.

Венк приказал командиру 48-го ТК генерал-лейтенанту Эдельсхайму выехать к американцам и обсудить с командованием их 9-й армии вопрос о капитуляции частей своей 12-й армии и остатков немецкой 9-й армии. Этот генерал в сопровождении нескольких офицеров выехал в Тангермюнде, имея при себе осо-

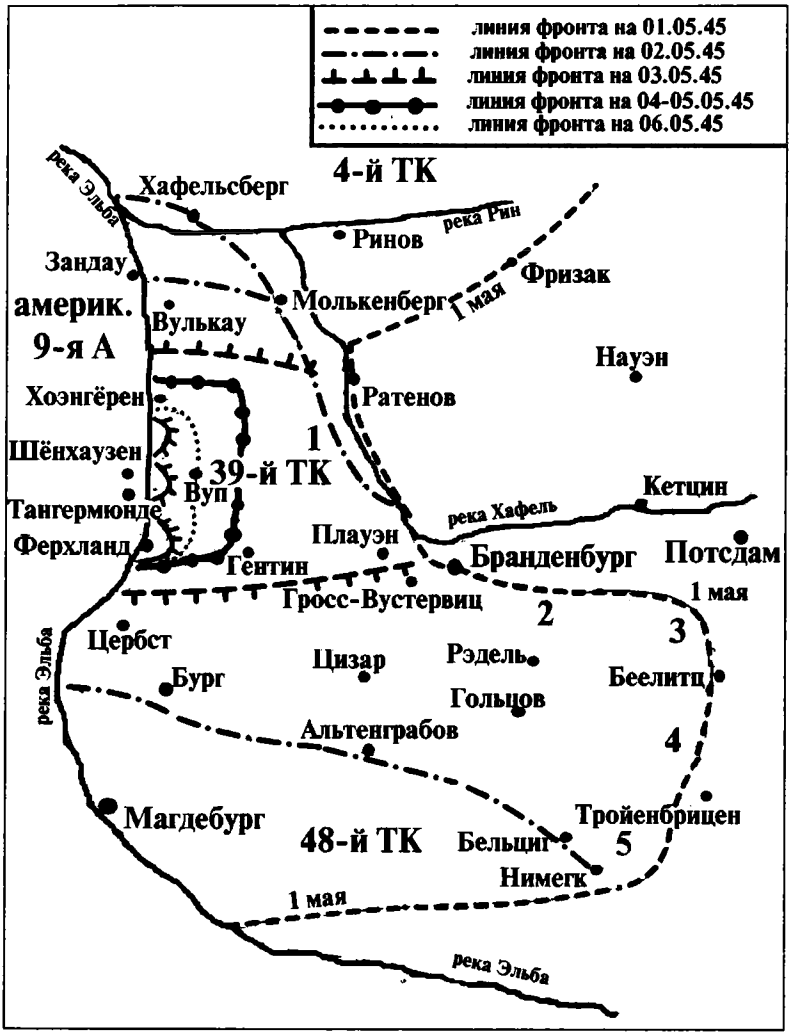


Схема отхода частей немецкой 12-й армии за Эльбу 1–6 мая 1945 г.

Цифрами обозначены позиции пехотных дивизий: 1 – «Гнейзенау», 2 – «Шилль», 3 – «Гуттен», 4 – «Шарнгорст», 5 – «Кернер»

бые полномочия на ведение переговоров и официальный пакет с предложением о капитуляции.

Переправившись через Эльбу на автомобиле-амфибии, Эдельсхайм вечером 3 мая прибыл в штаб американской 102-й ПД генерала Кэтинга. Официальная встреча, обставленная несколько театрально, состоялась утром 4 мая в ратуше г. Стендаль. Американскую сторону на переговорах представлял начштаба 9-й армии генерал Мур.

Эдельсхайм в ходе переговоров просил американцев разрешить переход через Эльбу небоевых подразделений и сдачу оружия на почетных условиях прочими войсками. Американский представитель, выслушав немецкого генерала и задав ему несколько вопросов, объявил ему свое решение. Ссылаясь на обязательства перед СССР, генерал Мур отказался принять массовую капитуляцию немецких войск, а также запретил переход через реку гражданским лицам.

Однако американец заявил Эдельсхайму, что немецкие солдаты могут в индивидуальном порядке переправиться через реку и сдаваться американским частям. Разрешено было переправить раненых и медперсонал. Ответ американца представлял яркий образчик словесной казуистики из уст западного союзника СССР. Как говорится: «Если нельзя, но очень хочется, то можно!»

Правда, боясь обвинений советской стороны в нарушении союзнических обязательств, американцы не дали разрешения как на постройку моста через Эльбу, так и на восстановление поврежденного моста у Тангермюнде. Тем не менее было решено, что по этому мосту немецкие солдаты пешим порядком могут перейти реку. Паромами пользоваться не возбранялось, что немцы и использовали потом в полном объеме.

Подполковник Зайдель, офицер штаба 12-й армии, был отправлен на КП армии, чтобы сообщить генералу Венку об условиях капитуляции. Последний еще 2 мая сказал своему начштаба в ответ на предложение о сдаче: *«Мне нужна еще неделя, чтобы дать уйти гражданским...»* После «отрицательного» ответа американцев немцы легко обошли американские запреты. Начальник штаба 12-й армии полковник Райххельм предложил тайно переправить беженцев через Эльбу под прикрытием ночи и тумана на плотах, резиновых лодках и мелких речных судах.

Вот такие мелкие пакости американцы, спокойно и с комфортом доехавшие до Эльбы, устраивали своим союзникам, пробивавшимся к этому последнему водному рубежу, преодолевая ожесточенное сопротивление отчаявшегося противника.

Пока в Стендале шли переговоры об условиях капитуляции, немногие боеспособные части 12-й армии продолжали сдерживать наступление советских войск. Плацдарм у Тангермюнде продолжал сужаться, но дивизии 12-й армии упорно сражались, управление войсками не было потеряно.

О том, как проходил отход войск, вспоминал потом командир дивизии «Ульрих фон Гуттен» генерал-лейтенант Энгель: *«Два моих полка утром 4 мая разместились... южнее Плауэна. В это же время третьему полку... удалось оторваться от противника. Русские ничего не заметили... У нас создалось впечатление, что они проводят перегруппировку, так как продолжавшийся бой... обошелся им большими потерями. Воспользовавшись лесной местностью между Ленином и Гросс-Вустерицем, под прикрытием сильного огня артиллерии полка прикрытия нам удалось без проблем оторваться от противника. Оставленное боевое охранение отражало атаки русских, которые... были уже слабее, чем накануне. Затем арьергард погрузился в автомашины всех видов и разношерстными колоннами отступил. Мы сыграли на привычках русских вести бой... не вступив в соприкосновение с врагом по всему фронту, русские обычно ведут себя осторожно, с подозрением и опаской, избегая засад и всяких неожиданностей. В этом случае их недоверие еще более подогревалось плохой видимостью в условиях леса».*

При отводе на плацдарм у Тангермюнде, имевший ширину 25 км и глубину 18 км, войска 12-й армии были перегруппированы. Теперь 39-й ТК обеспечивал переправу у Тангермюнде, 20-й АК защищал северный участок плацдарма, боевая группа генерала Реймана отвечала за оборону переправы у Шенхаузена, а 48-й ТК – за переправу у Ферхланда.

В течение дня 4 мая немецкие саперы соорудили переправу через Эльбу, подготовили резиновые лодки и паромы. Утром 5 мая началась крупномасштабная переправа немецких войск. Основными пунктами переправы были: сильно разрушенный железнодорожный мост между Стендалем и Шенхаузеном, остатки автомобильного моста возле Тангермюнде и переправа у Ферхланда, находившаяся в 10 км южнее.

В первую очередь на западный берег были переправлены раненые и медперсонал. Немецкие солдаты использовали в качестве переправочных средств также все доступные им средства – бревна, связанные пустые канистры, а также мелкие лодки и даже байдарки.

Вот как виделась эта переправа американцам из 102-й ПД: *«Немцы хватались за все, что могло послужить плавсредством, используя импровизированные плоты, автопокрышки, доски и лохани»*. Спешку немецких солдат можно понять, ведь русские буквально наступали им на пятки, и отдельные части восточного берега Эльбы уже были под артогнем преследовавших их частей Красной Армии. По мнению английского историка Толанда, ежедневно через реку переправлялись около 18 000 человек. Число утонувших при переправе было тоже велико – не менее нескольких сотен человек.

В течение 5 мая части 12-й армии на плацдарме у Тангермюнде продолжали отбивать атаки советских войск, немецкий фронт так и не был прорван. Однако в ночь на 6 мая немецкий плацдарм под давлением советских войск сильно уменьшился в размерах: до 6 км в ширину и 2 км в глубину. Переправы через реку, да и ее западный берег находились теперь под постоянным артогнем, который наносил огромные потери как боевым частям, так и гражданским беженцам, скученным на маленьком пятачке земли.

Английский историк Бивор так оценивал ситуацию: *«Советские танки, артиллерия, «катюши» держали очереди к переправе под постоянным прицелом. Мирные жители и солдаты вермахта гибли тысячами»*. Немецкие части прикрытия ничем не могли помочь, так как у них осталось очень мало боеприпасов. Сильному обстрелу подвергался и западный берег реки, на котором были устроены своеобразные контрольно-пропускные пункты для приема немецких военнопленных.

Американцы были очень напуганы этим «нежданным подарком», так как, наверное, впервые за время войны в Европе хоть и случайно, но попали под настоящий артобстрел. Из-за этого командующий 9-й армией США генерал Симпсон приказал отвести американские дивизии подальше от берега, чтобы не попасть под горячую руку русских союзников, чем сильно облегчил немцам переправу через реку.

Утром 6 мая дивизии 12-й армии были буквально прижаты к своим переправам, но продолжали в полном порядке отходить за реку. Технику немцам пришлось бросить на восточном берегу, так как импровизированная перёправа у Фишбека была шириной всего в два метра. Генерал Венк приказал комендантам переправ ускорить отвод войск за реку и закончить переправу к утру 7 мая, чтобы потом переправить через Эльбу группы прикрытия. Были переправлены через реку и остатки дивизий 9-й армии: МД СС «Нидерланд», 32-й ПД СС (всего 148 человек во главе со штандартенфюрером Кемпином) и МД «Курмарк».

По мнению немецкого историка Типпельскирха, переправа главных сил 12-й армии была произведена в течение 5–6 мая. К 7 мая основная масса этой армии оказалась на западном берегу Эльбы и сдалась американцам в «индивидуальном порядке».

Утром 7 мая натиск советских войск на части прикрытия усилился, обе стороны несли большие потери в людях и технике. Немецкие группы прикрытия начали повзводно переправляться через Эльбу. Уходили на запад и немецкие генералы из 12-й армии: командир ПД «Шарнгорст» генерал-майор Гетц, командир ПД «Гуттен» генерал-лейтенант Энгель и командир ПД «Теодор Кернер» генерал-лейтенант Франкевитц.

Через реку все еще сновали лодки с солдатами и гражданскими. На западный берег Эльбы немцы перебирались и по временным мостикам вдоль разрушенного железнодорожного моста.

Генерал фон Эдельсхайм потом вспоминал: *«7 мая в полдень оборонительный фронт 12-й армии был прорван в результате атак под Йериховом и Шенхаузеном. Еще держались небольшие плацдармы в Ферхланде и севернее Шенхаузена. Вечером 7 мая переправа основных сил 12-й армии на западный берег р. Эльба закончилась, они сдались в плен».*

Вечером 7 мая в районе Ферхланда переправились через Эльбу последние подразделения ПД «Фердинанд Шилль» и 48-го ТК. Одним из последних с офицерами своего штаба ушел к американцам командующий 12-й армией генерал Венк. Его лодка, пересекавшая реку, подверглась обстрелу с береговой насыпи, на которую уже поднялись советские пехотинцы. В результате обстрела четыре человека в лодке были ранены, но остальным повезло, и они смогли добраться до западного берега

Эльбы. Видимо, стрельба по движущейся мишени была не совсем точной...

Генерал-лейтенант Эдельсхайм считал, что в плен американцам сдались 20–25 тысяч человек из состава разбитой 9-й армии и корпусной группы «Потсдам» генерала Реймана, а также 90–100 тысяч человек из состава 12-й армии.

Американский историк Погью писал: *«...нет доказательства, что эти действия 9-й американской армии... основывались на какой-либо установке или директивах, данных высшими штабами»*. Он считал, что американское командование строго придерживалось установок глав английского и американского правительства и руководства объединенного штаба о том, что любая массовая капитуляция должна осуществляться на обоих фронтах. Правда, нижестоящим командным инстанциям была предоставлена свобода действий в отношении приема капитуляции непосредственно противостоящих им соединений и частей противника или одиночных лиц, пришедших в расположение союзных войск, чтобы сложить оружие. Можно только подивиться изощренности формулировки данных лукавых указаний высшего союзного командования своим подчиненным, которые к тому же могли на свой страх и риск толковать двусмысленные и расплывчатые установки.

Неужели к началу мая 1945 г. части немецкой 12-й и тем более 9-й армии, упорно оборонявшиеся перед советскими войсками, «противостояли» 9-й американской армии? И не по одному же человеку переправлялись на паромах, лодках и переходили по переправам около 100 тысяч немецких солдат и офицеров?

Тут налицо грубейшее нарушение американцами достигнутых ранее договоренностей. Может быть, генерал Симпсон, которого союзный главнокомандующий Эйзенхауэр «тормознул» на Эльбе и не дал продвинуться к Берлину, попытался таким образом взять некий «реванш» у советского командования и хоть немного испортить русским союзникам победное майское настроение?

Понять положение об «индивидуальном порядке» сдачи в плен немецких частей, длительное время сражавшихся на Восточном фронте, западным союзникам очень сложно, если руководствоваться принципами соблюдения союзных обязательств. Не говоря уже о принципах боевого братства и простого уваже-

ния к союзнику, вынесшему на своих плечах основную тяжесть войны, страшный лик которой лишь ненадолго предстал перед союзниками в Арденнах, которые не выдержали удара немецких танковых дивизий СС третьего сорта. Возможно, уже тогда союзники искали в сдавшихся немцах определенную опору перед своим тогдашним русским союзником и будущим противником?

Глава 22
Последняя загадка: могли ли союзники взять Берлин?

В заключение хотелось бы коснуться одного вопроса, который по разным причинам не был освещен ни советскими, ни российскими историками. Это вопрос о том, могли ли союзники СССР взять Берлин раньше советских войск. Во время существования СССР попытка заняться изучением этой проблемы была бы пресечена на корню, так как интерес к этой теме мог быть воспринят как попытка опорочить героическую Красную Армию и ее руководителей.

Впоследствии так называемые демократические историки были заняты в основном осуждением маршала Жукова, который якобы «завалил трупами» Зееловские высоты и улицы Берлина. «Патриотические» же историки стараются не касаться изучения возможности взятия Берлина союзниками из-за нежелания затрагивать скользкий вопрос, на который в принципе сложно найти однозначный ответ.

Конечно, можно попытаться порассуждать об этом, вступив на путь ныне модной альтернативной истории. Попробуем все же рассмотреть этот важный вопрос окончания боевых действий в центре Европы не с эмоциональной, а с военно-дипломатической точки зрения.

Отношение англичан и американцев к «берлинскому вопросу» на завершающем этапе войны в Европе было различным. Вопрос о Берлине стал важной проблемой финала Второй мировой войны.

Еще в августе 1943 г. президент США Ф. Рузвельт на конференции в Квебеке поставил перед своими военными задачу: *«Достичь Берлина не позднее русских»*. Правда, до высадки в Нормандии в июне 1944 г. эта проблема вряд ли была актуальной для американских военных. Только когда немецкий фронт на Западе рухнул, а остатки разбитых немецких армий стремительно откатывались к границам Германии, Берлин замаячил на горизонте союзников.

В эйфории от достигнутых успехов командующий союзными войсками в Европе генерал Эйзенхауэр заявил своему английскому коллеге, фельдмаршалу Монтгомери: *«...один действительно мощный удар на Берлин может достичь цели и таким обра-*

зом закончить войну с Германией». Чуть позднее Эйзенхауэру стало ясно, что одного, даже мощного, удара было явно недостаточно для того, чтобы разгромить немецкую армию.

Сомнения посетили американского генерала довольно быстро. Уже 9 сентября 1944 г. он писал Монтгомери: *«Принимая вашу идею прямого удара на Берлин, я не могу согласиться с тем, что его следует предпринять немедленно за счет других операций».* Разговор о Берлине продолжился и 15 сентября, когда Эйзенхауэр признавал: *«Несомненно, Берлин – главная цель, на оборону которой противник, вероятнее всего, бросит основную часть своих войск. Я убежден, что нам надо сконцентрировать все свои усилия и ресурсы для стремительного удара на Берлин».*

План действий в общих чертах рисовался генералу в радужных красках: *«...имею в виду движение на Берлин самым прямым и быстрым путем объединенными войсками... через ключевые центры, захватывая важные города и стратегические районы, в рамках единой операции...»*

Эйзенхауэр понимал, что *«...наши замыслы необходимо координировать со стратегией русских, поэтому мы должны рассматривать и другие варианты...».* Он считал, что *«если русские быстрее нас дойдут до Берлина»*, то тогда *«...центральная группа армий овладеет районом Лейпциг – Дрезден в зависимости от скорости русского наступления».* Надо отдать должное прозорливости американского генерала, если он осенью 1944 г., когда части Красной Армии были еще под Варшавой, мог предвидеть такое развитие событий.

Мнение английских начальников штабов определялось взглядами на характер военных действий и ситуацию в Европе своего премьер-министра Черчилля. Тот считал, что: *«1. Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира. 2. Надо немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения. 3. Этот фронт в Европе должен проходить как можно дальше на Восток. 4. Главная и подходящая цель англо-американских армий – Берлин».*

К тому времени отношение премьера к своему русскому союзнику претерпело радикальное изменение. Черчилль полагал, что *«уничтожение военной мощи Германии повлекло за собой коренное изменение отношений между коммунистической Россией и западными демократиями. Они потеряли своего общего врага,*

война против которого была почти единственным звеном, связывавшим их союз».

Командующий 21-й группой армий английский фельдмаршал Монтгомери в ряде высказываний недалеко ушел от своего патрона. Он не скрывал, что *«...всегда приоритетным объектом считал Берлин, он являлся политическим центром, и если бы мы обошли там русских, нам было бы много легче в послевоенные годы...»*. Вслед за премьером фельдмаршал считал, что *«...необходимо раньше русских овладеть определенными центрами Европы, в особенности Веной, Прагой и Берлином»*. Велики же были политические аппетиты победителя Роммеля!

Монти, как называл его Эйзенхауэр, писал после войны в мемуарах: *«Если бы политические лидеры Запада, верно осуществляли высшее руководство ходом войны и отдали главнокомандующим соответствующие распоряжения, мы могли бы опередить русских во всех трех столицах»*. Так вот, оказывается, кто виноват в том, что европейские столицы захватила Красная Армия, – Черчилль и Рузвельт! Правда, по мнению фельдмаршала, американцы были малокомпетентны: *«Американцы были не в состоянии понять, что мало смысла выигрывать войну стратегически, если мы проиграли политически...»*

Сейчас трудно сказать, обуревали ли подобные мысли Монтгомери уже тогда, весной 1945 г., или это результат его позднейших рассуждений, в которых он стремился выставить себя умнее своего командующего – американца Эйзенхауэра. Вполне возможно, что в конце войны у Монти превалировали чисто военные и личные соображения. Как выяснилось позже, Эйзенхауэр лучше других просчитал последствия возможных необдуманных решений. Кстати, Черчилль, считавший себя выдающимся военачальником, скептически относился к политическим потенциям генералитета и, рассматривая войну как сугубо политическое явление, заявлял: *«Война – слишком серьезное дело, чтобы доверять ее генералам!»*

Последствия опасной политической игры Черчилля прекрасно понимал президент США Рузвельт, который еще 16 марта 1944 г. на заседании своего правительства полушутя сказал, что британцы вполне намереваются втянуть США в войну с Россией и если следовать британской программе, то постепенно придешь к этому.

Ни в каком отношении различия английской и американской точки зрения не проявились более явно, чем в вопросе о Берлине. Правда, осенью 1944 г., когда разбитые немецкие войска откатывались к Рейну, в рядах союзников, надеявшихся на быстрый крах нацистов, пока царило полное единодушие.

Премьер-министр Англии, в свою очередь, был уверен, что Берлин должны брать союзники, причем желательно англичане. Генерал Эйзенхауэр понимал, что решительное требование Черчилля *«опередить русских в Берлине, должно быть, основывалось на убеждении, что позднее западные союзники извлекут из этого обстоятельства огромные преимущества...»*.

Командование объединенными силами союзников в Европе планировало захватить Берлин еще в 1944 г., когда был разработан план под кодовым названием «Эклипс» («Затмение»). В одном из разделов этого плана предусматривалась высадка крупных воздушных десантов: одного – в районе Киля, второго – в Берлине. Проведение операции планировалось в случае свержения правительства Германии или других непредвиденных событий, например, быстрой капитуляции из-за тотального поражения вермахта. Таким образом, вести тяжелые бои с ожесточенно сопротивляющимся противником, связанные с большими потерями, по примеру немцев, высадившихся в мае 1941 г. на острове Крит, союзное командование не предполагало.

Нанести удар по Берлину должна была 1-я воздушно-десантная армия, включавшая два корпуса – английский и американский. В составе английского корпуса были 1-я и 6-я ВДД, 52-я ВТД, 1-я отдельная польская бригада, а в составе американского 18-го ВДК – 17-я, 82-я и 101-я ВДД. К февралю 1945 г. были окончательно определены группировки сил и зоны выброски десанта. План действий, разработанный в штабе союзников, сводился к следующему:

– 82-я ВДД захватывает аэродромы Темпельхоф и Рангедорф;

– 101-я ВДД овладевает аэродромами Гатов и Штаакен, одновременно готовясь захватить в случае надобности и аэродром Шенефельд;

– английская бригада захватывает аэродром Ораниенбург.

При осуществлении этой операции предполагалось, кроме военных подразделений, перебросить в Берлин на 100 самолетах высококвалифицированных специалистов различного профиля.

Полковник Олдфилд, принимавший участие в разработке операции, считал, что *«...был бы получен громадный выигрыш: западные союзники получили бы доступ к сейфам с архивами и другими секретами Третьего рейха, а также получили бы возможность допросить захваченных нацистских руководителей»*.

Союзников не пугало и то обстоятельство, что их десантники в Берлине находились бы в осаде. Планировалось, что для их деблокады к городу должны были подойти наземные части союзников, причем не позднее чем через 14 дней. Надо ли говорить, что этот авантюрный план так и остался на бумаге.

Весной 1945 г. была сделана последняя попытка реанимировать это мертворожденное мероприятие. 24 апреля, когда советские войска уже сражались в Берлине, командование 1-й воздушно-десантной армии послало соответствующий запрос в штаб Эйзенхауэра о необходимости проведения операции «Эклипс». На следующий день был получен ответ, что данная операция отменена. Так рухнул очередной план союзников упредить части Красной Армии и не допустить занятия ими столицы Третьего рейха.

Отставной американский полковник Олдфилд, приводя внушительный перечень союзных сил, участвовавших в операции по форсированию Рейна в марте 1945 г. – около 1600 транспортных самолетов и 1300 истребителей прикрытия, и указав на их сравнительно небольшие потери, сделал вывод, что были все основания отважиться на осуществление десанта в Берлине. Того же мнения придерживался и бывший командир 82-й ВДД генерал Гэйвин.

Понятно желание союзных десантников, не добившихся каких-либо заметных результатов в войне на Западном фронте, повоевать хоть в конце войны и желательно без особых проблем. Думается, что им не стоило бы забывать ужасающие результаты высадки масштабного английского воздушного десанта в Арнеме, за Рейном, осенью 1944 г. Там немцы очень здорово потрепали английских и польских десантников, понесших большие потери. Тогда союзники не смогли даже вовремя деблокировать свои части, оказавшиеся в окружении.

Утверждение Олдфилда о том, что операция «Эклипс» могла быть успешно проведена, выглядит явно несостоятельным. Ни одна из предпосылок, обусловивших бы возможность проведения

операции, не была создана. Нацистское правительство не было свергнуто, надежда на быструю капитуляцию Германии отсутствовала. Развала армии в районе Берлина не наблюдалось – немцы дрались отчаянно. Успешная выброска десанта на Берлин была бы возможна только при поддержке союзных сухопутных сил, которые решительным и масштабным ударом помогли бы ему. Рассчитывать на их быстрый подход к городу не приходилось, так как они даже весной 1945 г. находились достаточно далеко от Берлина. Следовательно, задуманная союзным штабом воздушная операция по захвату Берлина была абсолютно нереальной. Возможно, на союзных штабистов, мечтавших опередить русских в гонке к Берлину, действительно временно нашло «затмение» («эклипс»)...

Первым толчком к возникновению скандала между союзниками послужило обращение генерала Эйзенхауэра непосредственно к Сталину, о котором сообщалось ранее. В своем послании Айк, как фамильярно американцы называли своего командующего, по своей простоте решивший обратиться непосредственно к советскому верховному главнокомандующему, обрисовывал план действия союзных армий на завершающем этапе войны. Он сообщал Сталину, что будет двигаться в направлении Дрезден – Лейпциг, минуя Берлин, чем сильно порадовал последнего.

Обращение Эйзенхауэра к Сталину вызвало бурю возмущения в Лондоне, и не только по поводу правомочности его решения. Англичане посчитали действия американцев грубой ошибкой. Они вполне обоснованно боялись, что Сталин оставит Эйзенхауэра в дураках, что в действительности и случилось. Фельдмаршал Монтгомери прямо писал начальнику английского генштаба Алану Бруку: *«Мне кажется, мы совершаем ужасную ошибку»*.

Английские штабисты писали своим американским коллегам: *«Нам приходится сомневаться в том, что Эйзенхауэр в достаточной мере учел остальные еще более важные соображения, чем простой разгром основных сил противника в Германии»*. Этот демарш начальников британских штабов был направлен в американский Объединенный Комитет начальников штабов.

Эйзенхауэр узнал об отрицательной реакции англичан из телеграммы начальника Объединенного Комитета генерала Маршалла от 29.03.45 г., в которой перечислялись основные

возражения британских союзников. Он даже пытался задержать вручение своего послания Сталину, обратившись к главе американской военной миссии в Москве генералу Дину, но было уже поздно.

Решение Эйзенхауэра двинуть 12-ю группу армий южнее Берлина, а 21-ю группу армий под командованием Монтгомери на север, в сторону Любека, было тяжелым ударом для английского фельдмаршала. Английский историк Толанд правильно оценил действия Эйзенхауэра как стремление к переходу инициативы к американцам, выдвижение на первый план американских армий. Возможно, этот шаг Айка был также примирительным жестом по отношению к русским союзникам после известного дипломатического скандала из-за переговоров Вольфа и Даллеса, свидетельством того, что американцам можно доверять. Эйзенхауэр говорил одному из своих подчиненных, генералу Паттону: *«Мы все нацелились на добычу, которая, судя по всему, нам все равно не достанется»*.

Американцам крайне не понравилось, что англичане ставят под вопрос стратегию своего *«самого удачливого полевого командующего всей войны»*. Поэтому последовал довольно агрессивный ответ из Объединенного Комитета, одернувшего зарвавшихся английских союзников: *«Эйзенхауэр лучше знает, какие меры предпринять для скорейшего разгрома немецких армий, и его концепция обоснована с точки зрения скорейшего разгрома Германии и должна получить полную поддержку»*.

Хотя американское высшее военное руководство и заступилось за Эйзенхауэра, оно предупредило последнего о недопустимости прямого обращения к Сталину, коего следовало оценивать как политического лидера, обращаться к которому могли только равнозначные политики – Черчилль и Рузвельт.

Черчилль постарался охладить пыл своих штабистов, напомнив им 31 марта 1945 г. о *«несообразности эмоциональных посланий, когда у нас только 25% войск в Германии»*, но выразил свое согласие с содержанием высказанного в адрес американцев. Он напоминал своим военным, что *«воевать с союзниками лучше, чем воевать без них»*.

Английский генерал Алан Брук считал, что вопрос *«связан с национальными устремлениями и желанием* (американцев) *сделать так, чтобы усилия США не были нейтрализованы лаврами*

британского командования». Он прекрасно понимал, что более могущественные американские союзники грубо указали гордым британцам их место в союзе двух наций.

На следующий день, 30 марта 1945 г., Эйзенхауэр в ответ на депешу Маршалла отправил последнему две радиограммы с разъяснением своей позиции по вопросу о плане боевых действий на европейском ТВД. Он не считал, что каким-либо образом изменил своим предыдущим планам, на что жаловались англичане и что в принципе соответствовало действительности. Айк продолжал настаивать на своем праве обращаться к русским *«по вопросам военной координации»*. Он не сомневался и в своем решении отобрать у Монтгомери американскую 9-ю армию, которую предполагалось направить на Лейпциг, а англичанам поручить проведение операции на севере Германии, организовав наступление на Киль и Любек.

Эйзенхауэр жаловался Маршаллу на англичан: *«...они* (премьер и его начальники штабов) *со всей очевидностью хотят меня отвлечь на крупномасштабные операции, не связанные с окончательным разгромом немцев... Мы же поглощены одной мыслью — как можно скорее закончить эту войну»*. Далее он продолжал: *«...хотел бы отметить, что сам Берлин не представляет собой важности. Его полезность для немцев в значительной мере подорвана... Что теперь важно — так это не распылять наши усилия, а собрать все силы для единственного наступления, которое приведет к более быстрому падению Берлина...»*

Маршалл успокоил Эйзенхауэра сообщением о том, что англичане *«отрицают наличие у них какого-либо желания связать руки верховному главнокомандующему на фронте»*. Начальник американского Объединенного Комитета считал, что *«...нынешний курс действий верховного главнокомандующего обеспечит решение... всех проблем, упомянутых англичанами, быстрее и основательнее, чем курс действий, на котором они настаивают»*. Маршалл признавал, что *«командующий на фронте должен сам определить, какие шаги следует предпринять»*. В заключение он указал, что *«единственной целью должна быть быстрая и полная победа»*, а стратегическую концепцию Айка признал здравой.

Хотя Маршалл разрешил Эйзенхауэру и далее свободно связываться с Главнокомандующим Красной Армией, последний признавал, что *«в результате спора мы стали чувствовать себя*

несколько стеснительными при вступлении в связь с генералиссимусом и проявляли осторожность, чтобы вся наша переписка ограничивалась строго тактическим вопросом».

31 марта 1945 г. послание Эйзенхауэру направил и Черчилль. Он с удивительной прозорливостью разбил все аргументы американского генерала. Премьер недоумевал: *«Почему мы не должны перейти Эльбу и не продвигаться как можно дальше на восток?»* Он опять сбивался в своих рассуждениях на политику: *«Если мы по своей собственной воле отдадим им* (русским) *Берлин, даже имея все возможности взять его самим, то это может еще больше утвердить их в уверенности, что они сделали все сами».*

Далее Черчилль обоснованно заявил: *«...я лично не считаю, что Берлин потерял свою военную и тем более политическую значимость. Падение Берлина будет иметь огромное психологическое воздействие на немцев, продолжающих сопротивляться по всему рейху. Пока держится Берлин, широкие массы немцев будут считать своим долгом продолжать сопротивление. Я не разделяю мнения, что захват Дрездена и соединение там с русскими имели бы более важное значение».* Черчилль продолжал настаивать на наступлении 21-й группы армий совместно с американской 9-й армией на Берлин, не отрицая важности нанесения главного центрального удара.

В этот же день английский премьер писал начальнику своего личного штаба генералу Исмею: *«До тех пор пока разрушенный Берлин будет сражаться... у немцев будет оставаться стимул для сопротивления. Падение Берлина может вызвать почти всеобщее отчаяние у немцев».* Понятно, что Черчилль подразумевал, что падение Берлина будет обусловлено действиями союзников. На эту тему есть одна довольно грубая русская поговорка, которая вполне подходит здесь по смыслу: «Кто про что, а шелудивый – все про баню!»

Чувствуя, что Эйзенхауэра вряд ли убедят вышеприведенные доводы по поводу Берлина, Черчилль решил обратиться к президенту США Рузвельту. В своем многословном послании он пытался втолковать президенту, чем важен Берлин для немцев. Черчилль опять давил на политические клавиши: *«...нет сомнения, что русские возьмут Австрию и войдут в Вену. Если они возьмут также и Берлин, то не сложится ли у них впечатление, что они внесли главный вклад в нашу общую победу?»* Он настаивал,

чтобы именно союзники взяли Берлин, что, по его мнению, имело под собой серьезное основание...

В послании Черчиллю от 2 апреля 1945 г. Рузвельт уговаривал его, что англичан никто не притесняет: *«...мне кажется, директива генерала Эйзенхауэра предусматривает все для севера. Лейпциг находится недалеко от Берлина и вполне входит в пределы центрального направления общих усилий. В то же время для английской армии выделены, как мне кажется, вполне логично обоснованные цели на северном фланге»*.

Естественно, Рузвельт отрицал у американцев намерения недооценивать роль английских войск в операциях в Северной Европе. Президент заявил, что он не находит, чтобы планы верховного Главнокомандующего были связаны с какими-нибудь важными изменениями по сравнению с ранее согласованными. Он выразил сожаление, что *«в момент великой победы нам приходится заниматься разрешением таких неприятных противоречий»*.

Эйзенхауэр в ответе английскому премьеру настаивал, что намеченное им наступление будет эффективно способствовать подавлению оставшихся сил противника и способности Германии к сопротивлению. По поводу Берлина он заявил: *«Это место превратилось для меня в не более чем географическую точку, а я никогда не интересовался ими. Моя цель – уничтожить войска врага и его возможности оказывать сопротивление»*.

После подобного афронта англичане осознали, что им не удастся изменить намерений Эйзенхауэра и постарались замять это дело. Как писал биограф Эйзенхауэра Амброз: *«Шторм начал спадать, поскольку ни одна из сторон не хотела разрыва. Британцы практически согласились на второстепенную роль Монтгомери»*.

Английский премьер также понял, что возникший спор, если его не прекратить, может закончиться нежелательными последствиями. Он решил пойти на компромисс и 2 апреля отправил Эйзенхауэру взвешенное послание в дружеском тоне, но в котором тем не менее не захотел оставлять тему Берлина. Премьер считал, что Берлин может стать вполне доступным для союзников, ссылаясь на ответ Сталина, в котором лицемерно утверждалось, что для русских *«Берлин потерял свое былое стратегическое значение»*. Вот так лживый ответ Сталина бумерангом ударил по его собственным планам захвата Берлина.

Правда, это послание не произвело на Эйзенхауэра никакого эффекта, так же как и все предыдущие. Английский историк Толанд писал об этом: *«Он был настолько приверженсвоему плану и так искренне верил в его военное обоснование, что собирался стоять за него до конца»*. Айк не захотел последовать совету Черчилля, который полагал, что *«...очень важно пожать руки русским как можно дальше на востоке Германии»*.

Реакция американских начальников штабов на вопрос о политическом значении захвата Берлина раньше русских была также весьма прагматична. Они считали, что дело вооруженных сил – закончить войну как можно скорее, а не забота о престиже, связанном с занятием той или иной столицы стран оси или их сателлитов.

Американский Объединенный Комитет не хотел добиваться поставленных военных целей ценой жизней американских солдат и направлять главные силы на Берлин. В нем считали, что:

– американские войска не смогут упредить русских в захвате столицы Германии;

– русская зона оккупации будет простираться западнее Эльбы, и если ее занять, то потом все равно придется оставить;

– американцам на Тихом океане противостоял сильный противник – японцы, против которых могла понадобиться помощь русских.

Вот наконец-то и выплыла наружу одна из основных причин, по которой американцы не хотели травить своего русского союзника в районе Берлина!

Черчиллю, конечно, интересы США на тихоокеанском ТВД были совершенно чужды, почему он и пытался напакостить русским в самом конце войны. Но тут он оказался бессилен, поскольку Объединенный Комитет, безусловно, поддержал позицию Эйзенхауэра в берлинском вопросе.

Вот как звучал не подлежавший обжалованию «приговор» в меморандуме американского Комитета начальников штабов от 6 апреля 1945 г.: *«Психологические и политические преимущества, которые мы будем иметь в результате возможного захвата Берлина раньше русских, не должны вызвать в нас пренебрежение к такому важному соображению, каким, по нашему мнению, является разгром и расчленение вооруженных сил Германии»*. Там же было подчеркнуто, что *«только Эйзенхауэр знает, как вести эту войну*

и как приспосабливаться к изменяющейся ситуации». После такой отповеди британские штабисты, зная, что мнение Маршалла и их американских коллег им никак не поменять, больше не пытались изменить имеющиеся планы боевых действий.

Тем не менее переписка между военачальниками по вопросу о Берлине продолжалась и в течение апреля 1945 г. Так, 6 апреля упрямый фельдмаршал Монтгомери вновь начал «давить» на Эйзенхауэра. Он чувствовал, что со стороны американцев существует недооценка значения Берлина, с чем никак не мог согласиться. Монти настаивал: *«Я считаю, что Берлин обладает первостепенной важностью и что русские, без сомнения, придерживаются той же точки зрения, хотя и делают вид, что это не так»*. Трудно не согласиться с мнением опытного вояки, но вся его прозорливость в данном случае была ни к чему.

Эйзенхауэр, который лучше англичан видел всю несбыточность мечты англичан о взятии Берлина, в апреле 1945 г. ответил Монтгомери. Вот что там излагалось: *«...хотя Берлин имеет политическое и психологическое значение, но значительно более важным фактором, который следует учитывать, являются сосредоточенные для защиты Берлина немецкие войска»*. Главной задачей он считал прикрытие северного фланга наступавших к Эльбе американских армий и отказал Монтгомери в выделении еще десяти дивизий для организации наступления на Любек и Берлин.

Эйзенхауэр, между прочим, терпеть не мог Монтгомери, который частенько утверждал, что американцы не внесли никакого вклада в победу над Германией. Потом он говорил историку Райану: *«Монти так увлекся тем, чтобы американцы – и я особенно – не получили никакого признания, словно люди, почти не воевавшие, что я в конце концов перестал говорить с ним»*.

Наличие личных мотивов при планировании союзным командованием военных операций является очень интересным моментом, особенно на фоне обоюдных англо-американских рассуждений о политических аспектах затронутой проблемы.

Кстати, кандидатура фельдмаршала Монтгомери вряд ли была идеальным вариантом в вопросе назначения командующего группой войск для наступления на Берлин. Можно привести мнение британского генерал-майора Уайтинга, заместителя начальника оперативного отдела штаба Верховного главно-

командующего союзными экспедиционными силами: *«Монти хотел въехать в Берлин верхом на белом коне. И все чувствовали, что если что-то надо сделать быстро, не поручать это Монти».*

Генералу Уайтингу вторил еще один высокопоставленный британец – генерал-лейтенант Морган, заместитель начальника вышеупомянутого штаба, который сформулировал свою мысль о командующем 21-й группой армий несколько иначе. Вот его мнение: *«В тот момент Монти был последним человеком, которого Айк выбрал бы для наступления на Берлин. Монти понадобилось бы по меньшей мере шесть месяцев на подготовку!»* Вряд ли можно пренебречь мнением двух высокопоставленных британских генералов...

Эйзенхауэра полностью поддерживал и его начальник штаба генерал Уолтер Беделл Смит, который тоже не считал Берлин решающим фактором, с задачей захвата которого должна прекрасно справиться Красная Армия.

Днем ранее – 7 апреля 1945 г. – генерал Эйзенхауэр выступил на заседании объединенного англо-американского штаба. Он информировал собравшихся о своем нежелании на данном этапе делать Берлин главной целью наступления, тем более что русские находились вблизи от него. Главнокомандующий силами союзников считал, что гораздо важнее рассечь левым флангом силы противника на Балтике, близ Любека, чтобы не пустить русских в Данию.

В своем выступлении он был вынужден сделать довольно неуклюжий реверанс в сторону англичан: *«Я первый согласен, что война ведется в интересах достижения политических целей, и если объединенный штаб решит, что усилия союзников по захвату Берлина перевешивают на этом ТВД чисто военные соображения, я с радостью исправлю свои планы и свое мышление, чтобы осуществить такую операцию».* Конечно, ничего пересматривать ему не пришлось.

Начальник штаба при президенте США Уильям Леги писал, что, насколько он помнит, объединенный англо-американский штаб никогда не поднимал вопроса о Берлине. Решение этого вопроса было предоставлено Эйзенхауэру, который руководствовался в своих действиях чисто военными соображениями.

Несмотря на настроение англичан, вопрос о Берлине остался открытым и был поставлен на решение в зависимости от воен-

ных факторов. Эйзенхауэр даже отчасти «обнадежил» англичан: *«...если у меня будут возможности взять Берлин без особых потерь, я его возьму»*. Здесь лукавый американец имел в виду случай, если русские задержатся со взятием Берлина...

Надо отметить, что американцы более реально, чем англичане, оценивали сложную обстановку и свои возможности, когда рассматривали план осуществления операции по захвату Берлина. Военное руководство США весьма прагматично считало взятие Берлина весьма дорогостоящей операцией, проведение которой потребует изменения планов наступления американских армий на других направлениях.

Когда Эйзенхауэр попросил командующего 12-й группой армий генерала Брэдли дать оценку возможных потерь при наступлении на Берлин, последний ответил, что союзники могут потерять убитыми и ранеными около 100 000 человек, если попытаются прорваться от Эльбы к Берлину. Брэдли заявил своему шефу, что такие потери будут слишком высокой ценой для достижения цели, которую хотят захватить ради поддержания престижа. Тем более что союзники уже давно договорились, что граница советской оккупационной зоны в Германии пройдет не далее чем в 160 км восточнее Рейна.

Брэдли писал потом в мемуарах: *«В захвате Берлина я не видел никаких особых политических преимуществ, которые могли бы возместить необходимость быстрого разгрома немецкой армии на нашем фронте. Как солдатам, нам не было понятно намерение англичан, требовавших продолжать наступление на Берлин, и их стремление усложнить войну политической предусмотрительностью и добиться достижения невоенных целей»*.

Понятно, что американский командующий прислушался к мнению своего друга и подчиненного. Кроме того, Эйзенхауэр учитывал и то обстоятельство, что наступление на Берлин в полосе 21-й группы армий сопряжено со значительными трудностями, связанными с сильно пересеченной местностью к востоку от Эльбы и наличием там большого количества водных преград.

Он сделал вывод, что наиболее благоприятные условия для стремительного продвижения союзных армий в глубь Германии, а в случае целесообразности и к Берлину сложились в центре Западного фронта, где организованная оборона противника практически распалась и американцы добились наибольшего

успеха. При наступлении на Дрезден расстояние, которое нужно было пройти до Восточного фронта, было минимальным, что позволяло в случае успеха перерезать коммуникации противника между Берлином и югом Германии.

Эйзенхауэр убеждал своих начальников из Объединенного Комитета: *«...если бы задумали бросить достигнутую группировку, чтобы форсировать Эльбу с единой целью овладеть Берлином, то возникли бы следующие осложнения:*

1) русские окружили бы Берлин задолго до того, как мы туда подойдем;

2) снабжение крупной группировки на таком расстоянии от основных баз снабжения, расположенных к западу от Рейна, привело бы к практическому отключению от боевых действий на всех остальных участках фронта. Идти на такое решение я считал более чем нереальным; оно было глупым решением».

Эйзенхауэр еще 27 марта 1945 г. доверительно объяснил одному из американских корреспондентов мотивы своего решения отказаться от движения на Берлин: *«Я думал, что они* (русские) *должны сделать это из соображений близости цели. В конце концов, они всего в 33 милях от города. Их дистанция намного короче».* Останавливало его также и мнение командующего 12-й группой армий генерала Брэдли о возможных высоких потерях: *«Достаточно высока цена за престижную цель, особенно если учесть, что нам потом придется отойти...»* Отойти бы пришлось за границы согласованных зон оккупации Германии.

Брэдли так вспоминал потом о своем ответе Эйзенхауэру по поводу потерь союзников при наступлении на Берлин: *«Я сообщил эту оценку потерь Айку по телефону после того, как мы захватили плацдарм на Эльбе. Разумеется, я не ожидал потерь 100 тысяч на пути к Берлину. Однако я был абсолютно убежден, что немцы будут ожесточенно драться за свою столицу. Именно в Берлине, как я полагал, мы могли понести тяжелые потери».*

Понятно, что реакция внутри США на поступление сообщения из Европы о больших потерях в боях за Берлин была бы крайне отрицательной. Кроме того, Эйзенхауэр упоминал также о возможности возникновения серьезного конфликта с русским союзником.

Вопрос о Берлине всплывал и после начала наступления советских войск. 15 апреля 1945 г. Эйзенхауэр сообщил Мар-

шаллу, что бросить сейчас свои силы против Берлина *«было бы глупо ввиду разницы в положении русских и наших сил... Да, мы захватили небольшой плацдарм за Эльбой, но нельзя забывать, что на этом берегу располагаются только наши передовые части, а основные силы находятся далеко позади»*.

По самым оптимистическим подсчетам, за Эльбой находились менее 50 тысяч американских солдат. Генерал Эйзенхауэр считал, что американской 9-й армии не удастся опередить русских. К тому же ее командующий генерал Симпсон был практически лишен привычной авиационной поддержки, что делало проблематичным успешное наступление американских войск.

К тому же обстановка в апреле 1945 г. резко отличалась от обстановки в сентябре 1944 г., когда задержать наступление американцев было практически некому. А за Эльбой 9-й армии противостояли дивизии немецкой 12-й армии, которые в случае наступления американцев встали бы стеной на последнем водном рубеже, защищая Берлин с тыла, чем бы сильно облегчили последующие задачи наступления Красной Армии. Американский историк Райан, описывая обстановку, создавшуюся к апрелю, заявил, что: *«...Гитлер явно готов оказать ожесточенное сопротивление американцам»*.

Эйзенхауэр констатировал 15 апреля: *«Если мы будем бесконечно наступать крупными силами в центре, проблемы тылового обеспечения не дадут нам возможности нанести какой-либо серьезный удар по остающимся на фланге войскам противника»*. Понятно, что проблема защиты флангов наступавших войск беспокоила опытного военачальника, не желавшего рисковать на завершающем этапе войны. Хотя есть сомнение в том, что проблемы обеспечения снабжения войск имели для Эйзенхауэра превалирующее значение.

Лишь во второй половине апреля 1945 г. союзникам стало ясно, что проблема Берлина для них окончательно отпала. 19 апреля премьер Черчилль с сожалением писал своему министру иностранных дел Энтони Идену: *«По-видимому, в настоящее время западные партнеры не могут продолжить дорогу к Берлину»*. Как говорится по-русски: «На чужой каравай рот не разевай».

Точку в этом вопросе поставил сам Верховный главнокомандующий союзными войсками в Европе, направивший 21 апреля 1945 г. в генштаб Красной Армии сообщение, в котором уве-

домил советское командование о том, что союзные войска на центральном участке фронта задержатся на занимаемых позициях на Эльбе на несколько недель ввиду растянутости коммуникаций, вызванной неожиданно быстрыми темпами продвижения к Эльбе и затруднившимся снабжением войск. Добавить к этому что-либо еще сложно. Данное заявление Эйзенхауэра дает возможность объективно оценить легковесность высказывания его подчиненных о возможности безудержного продвижения к Берлину вплоть до «победного конца»...

В первые недели апреля 1945 г. американские войска продолжали наступление в Центральной Германии, которое, по существу, было стремительным преследованием. Их превосходство в качестве войск и их мобильности, в авиации, в материально-техническом обеспечении и в моральном состоянии было огромным. Подразделения американцев безоглядно неслись вперед, не обращая внимания на разрывы на флангах, оставляя у себя в тылу превосходящие их по численности силы противника, не принимая надлежащих мер по разведке положения немецких частей. Все были уверены, что немцы вряд ли смогут этим воспользоваться.

Разбитые немецкие части отходили мелкими группами, не имея в тылу подготовленных позиций, на которых они могли бы занять оборону. Многие из них уклонялись от боя и ожидали случая оказаться обойденными, чтобы сдаться в плен. Немецкого верховного командования практически не существовало, а из-за отсутствия горючего немецкие части не могли маневрировать. Только в последние дни, когда наступавшие союзные войска приблизились к внутренним немецким аэродромам, летчики люфтваффе смогли нанести несколько ударов, особенно в районе переправ через реки.

Небольшие разведгруппы союзников на «виллисах», которые зачастую двигались впереди танковых колонн, триумфально вступали в немецкие города. Сопротивление немцев на Западном фронте слабело с каждым днем, дисциплина в частях вермахта падала. Командиры соединений не торопились выполнять приказы Гитлера, так как те имели мало общего с реальной действительностью. Надежда на части фольксштурма не оправдала себя, так как они охотно сдавались в плен, если только за их спиной не было эсэсовцев.

Американская 9-я армия в апреле 1945 г. была больше озабочена собственным снабжением, чем организацией боевых действий. В первую неделю апреля ее части, стартовав с плацдарма севернее Рура, двигались в сторону Эльбы. К ней рвались все дивизии армии – 84-я, 102-я, 35-я, 30-я и 83-я ПД и 2-я и 5-я БрТД. Начальник штаба последней полковник Гилберт Фарранд вспоминал: *«В то время стоял один большой вопрос: кому первому брать Берлин? Мы планировали форсировать Эльбу в районе Тангермюнде, а также у Занду и Вербена»*. Наступление для этой дивизии было не более чем боями с арьергардами отступавших немецких частей.

Конечно, временами случались и достаточно жестокие бои. Например, на участке 84-й ПД генерал-майора Боулинга наиболее ожесточенное сопротивление оказывали эсэсовцы, которые скрывались в лесах. Среди сражавшихся на немецкой стороне попадались дети от 12 лет, а также женщины из вспомогательных частей вермахта. В Ганновере, к которому 84-я дивизия подошла 8 апреля, немцы оборонялись два дня.

Тем не менее быстрый темп наступления кружил голову американцам. 10 апреля 84-ю ПД посетил сам Эйзенхауэр, который ободрил генерала Боулинга: *«Идите. Желаю вам удачи, и не позволяйте никому остановить себя!»* Американцам казалось, что подобное положение сохранится вплоть до самой победы. Пока они еще не знали, какой противник поджидал их на Эльбе. Кстати, ни в одном из имеющихся источников не приведены сведения о том, что союзникам было что-либо известно о существовании немецкой 12-й армии. Вероятно, так оно и было на самом деле.

Столь же стремительно шла к Эльбе и другая дивизия американской 9-й армии – 2-я БрТД под командованием бригадного генерала Сидни Хиндса. При такой скорости продвижения единственной серьезной проблемой для его танкистов было своевременное проведение техобслуживания имеющейся бронетехники. Им пришлось останавливаться на целых 48 часов (!) для проведения планового ремонта. Эта ситуация была совершенно немыслимой для Красной Армии. Остановиться во время успешного наступления? Да за это можно было легко попасть под трибунал. Для армии же США в этом не было ничего необычного.

Полковник Дж. Слоун, начальник оперотдела штаба 19-го АК, верил, что на пути к Берлину американцы встретятся с тем же сопротивлением, что и на пути от Рейна, – с очагами сопротивления на оборонительных рубежах, которые быстро движущиеся части прекрасно могут обходить. Он был уверен, что через 48 часов после возобновления наступления авангарды американских подразделений войдут в Берлин.

Начальник оперотдела штаба 2-й БрТД полковник Б. Джонсон даже заранее – уже с 23 марта 1945 г. – разработал свой план штурма немецкой столицы. Шустрый полковник планировал движение частей дивизии к Берлину прямо по автобану со скоростью 35 миль в день. Последний бросок к столице рейха предполагалось сделать из района Магдебурга. Понятно, что планируемая им скорость движения вряд ли подразумевала наличие хоть какого-либо немецкого сопротивления. Стоит ли говорить об уровне подобной разработки плана наступления на столицу Третьего рейха?

Командиром 19-го АК был генерал-майор Рэймонд Маклейн. В состав его корпуса входили 2-я БрТД и 83-я ПД. Генерал совершенно не беспокоился о своих тылах. Он не сомневался, что через шесть дней после форсирования Эльбы его корпус войдет в Берлин. Ведь и вторая дивизия его корпуса – 83-я ПД генерал-майора Роберта Мейкона – также была «моторизирована». Ее части передвигались на трофейных машинах, перекрашенных в защитный цвет и с опознавательными знаками армии США.

11 апреля передовые части 2-й БрТД, сметая завалы на дорогах и разгоняя мелкие группы фольксштурмовцев, вышли к Эльбе в районе Магдебурга. Днем ранее – 10 апреля – части дивизии в Брауншвейге были обстреляны из крупнокалиберных зенитных орудий. Тем не менее за этот день они прошли еще около 30 км.

Во второй половине дня 11 апреля американские танки и бронетранспортеры въехали в Магдебург. В сумерках они понеслись к мосту юго-восточнее города, но немцы успели его взорвать. За этот день американцы проехали еще около 85 км, вероятно, не сильно утомившись от быстрой поездки.

К исходу дня 12 апреля к реке Эльба, в районе Барби, в 30 км южнее Магдебурга, подошли и части 83-й ПД. Сама по себе

Эльба, которая сильно разлилась весной, была уже серьезным препятствием. С наступлением темноты через нее на плавающих автомашинах переправились два батальона дивизии. Переправа прошла без какого-либо сопротивления со стороны немцев.

Части 2-й БрТД начали переправляться в районе Шенебека с помощью канатного парома, что сильно осложнило переброску техники на правый берег реки. К вечеру 13 апреля саперы навели два моста через Эльбу на участке 83-й ПД, что позволило захватить первый большой плацдарм за рекой. Патрули из этой дивизии продвинулись вплоть до Цербста.

Днем 12 апреля части 5-й БрТД также вышли к Эльбе в районе Тангермюнде. Отсюда до Берлина было около 100 км. Затем 14 апреля части американской 84-й ПД заняли г. Виттенберг, расположенный в 100 км севернее Магдебурга.

Командующий 9-й армией генерал Симпсон, подтянутый, долговязый и лысый американец, так вспоминал об этих днях: *«Мои люди были возбуждены. Мы первыми вышли к Рейну и теперь собирались первыми войти в Берлин, пересечь его (!) и встретиться с русскими с другой стороны»*. Он ликующе заявил своему штабу: *«Я хочу дойти до Берлина и думаю, что вы все... до последнего рядового тоже этого хотите»*. Симпсон думал, что ему дадут два дня на пополнение запасов, а уж потом – вперед на Берлин. Штаб его 9-й армии даже подготовил план наступления на столицу рейха, завуалированный как операция с целью расширения плацдарма на Эльбе вплоть до Потсдама!

Командующий 12-й группой армий генерал Брэдли считал: *«Тогда бы мы, вероятно, могли сделать рывок на Берлин, если бы хотели добиться этого любой ценой. Жуков еще не форсировал Одер, а Берлин уже находился на полпути между нашими войсками. Однако восточное направление для Жукова было неизмеримо более удобным, нежели заболоченная низина, на которую мы вышли на западе»*.

Трудно согласиться с последним высказыванием американского генерала. Вряд ли войскам Жукова было «легче» преодолевать сплошную полосу обороны от Одера до Берлина, ожесточенно обороняемую войсками немецкой 9-й армии, чем войскам американской 9-й армии, которые без особых помех на автомобилях доехали по автобанам до Эльбы. Теперь же американцам нужно было бы преодолевать пусть даже и заболоченную мест-

ность, но на которой не было подготовлено вообще никаких оборонительных полос. Похоже, что генерал Брэдли не владел сутью затронутого им вопроса и ничего не знал о характере немецкой обороны на Восточном фронте и о напряженности ведущихся тогда там боев. А жаль...

В это же время на правом берегу Эльбы находилась немецкая 12-я армия, имевшая в своем составе восемь дивизий. Поскольку к середине апреля эти дивизии были еще недоукомплектованы (их общая численность тогда составляла не более 55 000 человек), командующий армией генерал Венк просто не мог прикрыть весь фронт на Эльбе. Он постарался прикрыть прежде всего места возможного форсирования реки противником – в районе Виттенберга, Дессау, и особенно южнее Магдебурга.

12 апреля Венк приказал своим командирам срочно закончить формирование и приготовиться к боям. Второй эшелон 12-й армии составлял гарнизон Магдебурга – комендант генерал-майор Регенер. В районе Цербста оборонялась боевая группа «Бург» майора Мюллера. Последний собрал все отступавшие немецкие части, благодаря чему его боевая группа за несколько дней достигла размеров дивизии.

В течение 12–16 апреля войска правого крыла 12-й армии вышли к Эльбе, между Хафельсбергом и Бургом. Северо-западнее Бурга немцы силами 3-й учебной САБр даже удерживали плацдарм за Эльбой, который они оставили только после напряженных боев. С 13 апреля завязались бои вокруг Магдебурга, в результате которых немцы были отброшены на восточный берег реки.

Поскольку переправа частей 2-й БрТД через реку практически не удалась, а два переправившихся батальона были отрезаны на восточном берегу, командир корпуса генерал-майор Маклейн решил «протолкнуть» дивизию через Эльбу по мостам, наведенным на участке 83-й ПД в районе Барби. Ее переправа по этим мостам началась в ночь на 14 апреля.

На рассвете 14 апреля завязались бои на плацдарме юго-восточнее Магдебурга, на котором находились два батальона 2-й БрТД, не располагавшие артиллерией. Американцы очень опасались немецких танковых атак, и они действительно последовали довольно быстро. В атаке участвовали части дивизии «Шарнгорст» и Бургское училище самоходной артиллерии.

Против немецких танков T-V «пантера» американские противотанковые гранатометы «базука» были бесполезны.

Авиационная поддержка, без которой американские войска в принципе не воевали, отсутствовала по причине большой удаленности аэродромов базирования американских ВВС от линии фронта. По свидетельству очевидцев, немецкие пехотинцы даже гнали перед собой американских военнопленных!

В 12.00 14 апреля был получен приказ об отходе. Переправляться назад на западный берег американцам пришлось, как говорили в Красной Армии, на подручных средствах. Единственный имевшийся паром унесло течением, поскольку немецкий снаряд перебил натянутый через реку трос. Американской мотопехоте пришлось мелкими группами просачиваться сквозь немецкие заслоны. Потери в двух батальонах были достаточно чувствительны для американцев – 304 убитых и раненых. Атаки немцев были настолько стремительны, что американцы даже не смогли установить, кто же их атаковал.

Плацдарм в Барби немцам ликвидировать не удалось, так как сил на нем у американцев было побольше. Немецкое командование попыталось прервать связь плацдарма с западным берегом. Но ни бомбардировка с воздуха, ни плавучие мины, спускаемые по течению, ни пловцы-диверсанты («люди-лягушки» из соединения K-Verband) не смогли уничтожить наведенные переправы. Правда, в итоге немецких контратак, проведенных 15 апреля, части 83-й ПД были отброшены от Цербста.

15 апреля 1945 г. генерал Венк докладывал в ОКВ, что его армия *«видела свою единственную задачу в обороне фронта Эльба – Мульде, а также, насколько это возможно, в устранении вражеских плацдармов на Эльбе»*.

Утром того же дня генерал Симпсон был вызван в штаб 12-й группы армий, располагавшейся в Висбадене. Там он получил от генерала Брэдли, уже согласовавшего вопрос с Эйзенхауэром, приказ остановиться на Эльбе. Наступление на Берлин отменялось. Симпсон был потрясен: *«...сердце мое было разбито, и я шел к самолету, как в тумане... думать я мог только о том, как сказать об этом моему штабу, моим командирам корпусов и моим войскам?»* По возвращении он встретился с командиром 2-й БрТД бригадным генералом Сидни Хиндсом. Симпсон, удрученный полученным приказом, ровным, мертвенным голосом передал

неприятное сообщение подчиненному: *«На Берлин мы не пойдем, Сид. Все. Для нас это конец войны».*

Командующий немецкой 12-й армией генерал Венк был озадачен тем, что американцы, захватившие плацдарм на восточном берегу Эльбы, не предпринимали никаких попыток продвинуться к Берлину. Ожесточенные бои с 12 по 15 апреля заставили его полагать, что его войскам придется вести тяжелые оборонительные бои на западе. Он говорил своему начштаба полковнику Гюнтеру Райххельму: *«Откровенно говоря, я поражен. Может быть, у них кончились запасы и им необходимо перегруппироваться?»* Конечно, Венк не мог не радоваться полученной передышке, так как войска его армии были недоукомплектованы, и он старался использовать это время для усиления частей и получения техники.

Венк был уверен, что его армия, узкой полоской растянувшаяся вдоль Эльбы, не может долго удерживать натиск американцев. Он заметил все тому же Райххельму: *«Если американцы начнут масштабное наступление, они с легкостью разнесут наши позиции. А что их остановит после этого? Между нами и Берлином ничего нет...»*

16 апреля 1945 г. немецкий 34-й ТК 12-й армии, согласно полученному приказу, двинулся было в сторону Гарца, но был быстренько разгромлен частями американской 21-й группы армий. Командир корпуса генерал-лейтенант Декер застрелился, командир ТД «Клаузевиц» генерал-лейтенант Унрейн попал в плен, а генерал-майору Хейму с остатками своей дивизии «Шлагетер» удалось отойти за Эльбу.

Разбитые дивизии 34-го ТК были переформированы в 38-й ТК и пополнены в районе Виттенберга. После они заняли оборону на восточном берегу Эльбы. 20 апреля боевая группа «Бург», пополненная отступавшими, была преобразована в дивизию «Шилль». На южном фланге 12-й армии успешно оборонялась дивизия «Ульрих фон Гуттен», солдаты которой подбили около 30 американских танков, хотя потом немцам все равно пришлось отойти.

21 апреля в ответ на немецкие удары по переправам американцы даже смогли нанести авиаудары по ПД «Шарнгорст». В этот же день части немецкого 48-го ТК отражали американские атаки в районе Дессау. Потом им, в опасении быть отрезанными

наступавшими русскими войсками, пришлось постепенно отойти с оборонительных позиций на реке Мульде к Эльбе.

Боевые действия на Эльбе постепенно затухали. Американцы занялись прочесыванием своих тылов, где все еще бродили разрозненные группы немцев. Части немецкой 12-й армии укрепляли свои позиции на восточном берегу реки и продолжали доукомплектовываться. Хотя они ожидали развития событий на западном берегу, вскоре им пришлось переориентироваться на ведение боевых действий на востоке, в своем оперативном тылу.

Так какие же выводы можно сделать из всего вышесказанного? Могли ли американцы раньше Красной Армии захватить Берлин? Если подходить к этому вопросу чисто теоретически, то ответ будет однозначным – да, могли! Но когда вопрос будет рассмотрен в практической плоскости, такой ответ будет уже более чем сомнительным.

Позиция высшего американского военного руководства понятна: желание взять Берлин появилось еще в 1944 г. и не исчезло весной 1945 г. Американцы жестко пресекли все попытки своего британского союзника двинуться на Берлин, оставляя себе шанс в случае какой-либо длительной задержки русских захватить у них из-под носа этот «почетный приз».

Что же остановило их? Во-первых, нежелание огорчать русского союзника, помощь которого была нужна в войне против Японии. Во-вторых, понимание большой сложности обеспечения важной операции по захвату Берлина с материальной точки зрения из-за сильной растянутости линий снабжения. В-третьих, возможность больших потерь при попытке захвата Берлина. В-четверых, твердое убеждение в том, что Красная Армия подойдет к Берлину раньше, чем туда смогут приблизиться части американской 9-й армии. В-пятых, бессмысленность борьбы за территорию, которая по имевшемуся соглашению все равно должна была отойти к русскому союзнику.

На чем же базировалась уверенность в успехе операции командующего американской 9-й армией генерала Симпсона и его подчиненных? Его войска привыкли к отсутствию серьезного сопротивления со стороны немцев. Командиры вышедших на Эльбу дивизий считали, что смогут с легкостью дойти до Берлина и проехать по его улицам для встречи с русскими. Наивность подобных надежд просто удивляет. Американские военные даже

не знали, что их пяти пехотным и двум бронетанковым двизиям противостоят восемь дивизий немецкой 12-й армии, которые будут ожесточенно сопротивляться. Не стоит забывать и о гарнизоне Берлина, который не собирался капитулировать.

Потом, у американцев был всегда один стоящий плацдарм за Эльбой, на котором находились части всего двух дивизий. Остальные дивизии оставались еще на западном берегу Эльбы. Хорошо известно, сколь долго американцы готовились к форсированию Рейна, а тут перед ними была не менее серьезная водная преграда. Не стоит забывать и об отсутствии надежной авиационной поддержки, без которой американские войска не провели на Западном фронте ни одной операции. Так что взять Берлин каким-то гусарским наскоком американцам нечего было и рассчитывать. А серьезная операция, которая могла бы привести к успеху, требовала достаточно длительного времени, которого история им не отпустила.

Послесловие

При послевоенной оценке Берлинской операции маршал Жуков, конечно, не мог обойтись без ссылок на Сталина. Наверное, следует воспринимать их не как ненужные оправдания, а как попытку объяснить нелегкую долю военачальников, имевших такого Верховного Главнокомандующего. В 1944–1945 гг. с его стороны *«участились случаи прямого вмешательства в руководство войсками, минуя генштаб»*. Делалось это, вероятно, ради утверждения собственной славы «великого полководца».

Уровень оперативно-стратегической подготовки советского Верховного Главнокомандующего, по свидетельству знавших его военачальников, даже к концу войны оставлял желать лучшего. Да и во время всей войны у него наблюдалось желание всегда принимать только простые и надежные, как ему казалось, решения, которые, за редким исключением, основывались на численном превосходстве наступавших и ударной мощи артиллерии, авиации и танков. С потерями он особо не привык считаться. Оригинальностью военной мысли Сталин явно не страдал и посему требовал от генштаба и командующих соответствующих, устраивавших его решений.

Кстати, и американцы, обладая подавляющим превосходством на западном ТВД, ничем оригинальным при проведении операций не блеснули. Они не удивили мир блестящими образцами военного искусства, подавляя немецкие войска мощью своей авиации. Правда, они были очень чувствительны к понесенным потерям и предпочитали лучше начисто снести бомбардировкой несколько немецких городов, чем рисковать жизнями своих солдат.

Маршал Жуков говорил о Сталине еще и так: *«Особо отрицательной стороной Сталина на протяжении всей войны было то, что, плохо зная практическую сторону подготовки операций войск фронтов и армий, он ставил совершенно нереальные сроки начала операций, что, конечно, сказалось и на проведении Берлинской операции»*. Прав ли маршал, считая, что времени на подготовку этой операции было маловато?

В то же время он самокритично подчеркивал, что *«это не может служить оправданием»*. Согласно его же высказываниям, ясно, что план операции 1-го БФ отрабатывался штабом и командованием фронта в течение марта 1945 г., был *«детально*

отработан», а все *«принципиальные вопросы были согласованы со ставкой и генштабом»*. Жуков утверждал, что *«общий стратегический план Берлинской операции, подготовленный генштабом* (в который был полностью включен план наступления 1-го БФ) *был подготовлен хорошо и полностью отвечал сложившейся оперативно-стратегической обстановке»*.

Возникает вопрос: неужели одного месяца мало для отработки плана фронтовой операции силами опытнейших штабных офицеров? Сколько же времени надо было готовить план наступления на Берлин? Думается, что маршал, говоря о нехватке времени на разработку, мягко говоря, не совсем прав в аргументации причин недоработок в плане Берлинской операции.

Можно сделать вывод, что, нахваливая план генштаба, маршал тем самым признавал, что стратегический план операции был хорош, а недоработки выявились уже на оперативно-тактическом уровне, за что должны были нести ответственность командование и штаб 1-го БФ. Как говорится, что и требовалось доказать. Правда, в своих мемуарах Жуков, как мужественный и ответственный человек, вину за недоработки берет прежде всего на себя и от ответственности не уходит.

Кстати, в мемуарах он указал, что ряд стратегических вариантов Берлинской операции, в первую очередь по субъективным причинам, не рассматривался ставкой, которая проводила в жизнь вариант удара широким фронтом. Для ставки он был несколько проще, но, как писал маршал: *«...с точки зрения оперативно-стратегического искусства был недостаточно оригинален, а следовательно, менее эффективен»*.

Неужели и этот факт не служит убедительным доказательством уровня тогдашнего стратегического руководства войной со стороны так называемой ставки и Верховного Главнокомандующего? Так что не надо валить только на одного Жукова все неувязки в планировании и проведении Берлинской операции, в которой маршал да и генштаб были по рукам и ногам связаны политическими замыслами своего высшего руководства в лице Сталина.

Жаль, конечно, что Жуков не коснулся более подробно других вариантов проведения Берлинской операции, дав простор последующим доморощенным «стратегам» давать ему запоздалые советы. Одним из таких советчиков является господин

Мерцалов, который считал, что *«окружение, а не лобовой штурм, не только обеспечило бы ликвидацию противника в Берлине, но и сковало бы предполагаемое вероломство союзников»*. Маститый историк не желает признавать тот факт, что само по себе окружение берлинского гарнизона, который мог еще долго сопротивляться, будучи блокированным, не решало сути дела и могло лишь затянуть окончание боевых действий с неясными политическими последствиями.

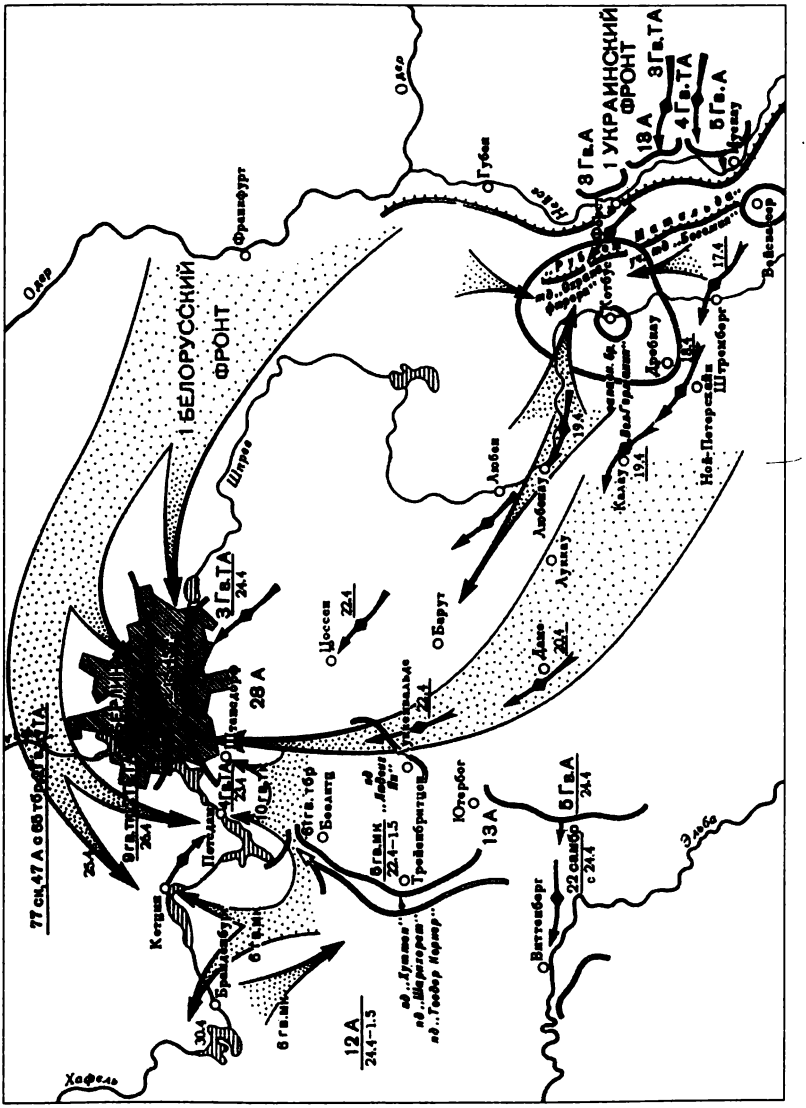
К тому же возникает интересный вопрос: а что же делали части 2-й Гв.ТА и 47-й армии из 1-го БФ и 4-й Гв.ТА из 1-го УФ, как не осуществляли глубокий обход Берлина фланговыми крыльями двух фронтов с севера и юга? Не надо забывать и о 1-й и 3-й Гв.ТА, которые отсекали от Берлина части немецкой 9-й армии. Тут возникает один недоуменный вопрос: а смотрел ли господин Мерцалов хоть раз на карту, где отмечен ход Берлинской операции, прежде чем браться за советы маршалу Жукову?

Может быть, 1-ю Гв.ТА действительно надо было изначально направить южнее Берлина, как первоначально и задумывалось Жуковым? Но это направление было связано с форсированием многочисленных водных преград, что вряд ли позволило бы танкистам развить высокий темп наступления. Тем более что прикрыть растянутый левый фланг армии в этом случае было бы достаточно сложно. Так что с этим обходным маневром, который советовал провести Мерцалов, не все обстоит так просто.

Уважаемому историку неплохо бы самому задуматься над словами Карла Клаузевица: *«Военное дело просто и вполне доступно здравому смыслу. Но воевать сложно»*. Понятно, что руководить войсками в боевой обстановке значительно сложнее, чем росчерком пера двигать войска куда заблагорассудится, особо не задумываясь о последствиях.

Вот и небезызвестный генерал-полковник Горбатов, который весной 1945 г. командовал 3-й армией на 1-м БФ, тоже утверждал после войны, что *«с военной точки зрения Берлин не надо было штурмовать»*. Но тут же сам и признавал, что делает ему честь: *«Конечно, были и политические соображения, соперничество с союзниками, да и торопились салютовать»*.

Кроме того, господин Мерцалов, ничтоже сумняшеся, утверждал, что *«опасения Сталина по поводу верности союзников не были*


1 БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ
1 УКРАИНСКИЙ ФРОНТ
Одер
Франкфурт
Губен
Шпрее
Нейсе
Котбус
Бреслау
Хафель
Эльба
Виттенберг
Дрезден
Лейпциг
Берлин
Потсдам
Шверин
Росток
Любек
Бранденбург
Магдебург
Бернау
Цоссен
Дессау
Лейпциг
Дрезден
Хемниц
Карл-Маркс-Штадт
Нюрнберг
Регенсбург
Ингольштадт
Мюнхен
Зальцбург
Инсбрук
Линц
Вена
Братислава
Будапешт
Дунай
Прага
Пльзень
Чехословакия
Австрия
Венгрия
Югославия
Адриатическое море
Средиземное море
Италия
Рим
Неаполь
Бари
Пескара
Анкона
Болонья
Генуя
Милан
Турин
Ницца
Марсель
Тулон
Лион
Женева
Базель
Страсбург
Франция
Германия
Польша
Швейцария
Бельгия
Голландия
Люксембург
Северное море
Ла-Манш
Ла-Рошель
Бордо
Тулуза
Испания
Португалия
Гибралтар
Марокко
Алжир
Тунис
Сицилия
Мальта
Сардиния
Корсика
Балеарские о-ва
Балеарское море
Тирренское море
Адриатическое море
Ионическое море
Эгейское море
Средиземное море
Черное море
Турция
Греция
Албания
Болгария
Румыния
Молдавия
Украина
Белоруссия
Литва
Латвия
Эстония
Финляндия
Швеция
Норвегия
Дания
Исландия
Гренландия
Канада
США
Мексика
Куба
Ямайка
Гаити
Доминиканская Республика
Пуэрто-Рико
Виргинские о-ва
Багамские о-ва
Бермудские о-ва
Азорские о-ва
Канарские о-ва
Мадейра
Кабо-Верде
Сенегал
Мавритания
Гвинея
Либерия
Сьерра-Леоне
Гана
Того
Дагомея
Нигерия
Камерун
Габон
Конго
Заир
Ангола
Намибия
Южная Африка
Родезия
Замбия
Малави
Танзания
Кения
Уганда
Руанда
Бурунди
Эфиопия
Сомали
Судан
Египет
Ливия
Алжир
Тунис
Марокко
Мавритания
Сенегал

оправданны». Понятно, что с этим высказыванием согласиться нельзя, особенно если учитывать последние сведения об агрессивных намерениях Черчилля по отношению к СССР сразу же после окончания войны. Мерцалов обвинил Сталина в том, что тот мыслил категориями XVI–XVII веков. Основная мысль тут в том, что куда, мол, ступила нога солдата, там и пройдет послевоенная граница.

Он писал, что союзники вели себя почти идеально. Во-первых, мол, прервали переговоры с немцами – но только после крупного скандала и с большими проволочками. Во-вторых, отошли с захваченных ими территорий в границы своих зон оккупации, но, правда, прихватив заодно с собой оттуда все самое ценное.

Сталин, принимая решение на операцию, не мог этого знать, чего генерал-майор Мерцалов не может не признать. Тем не менее он после своих пассажей об «идеальных союзниках» сделал неожиданный вывод: *«Но это не принуждало его* (Сталина) *к лобовому штурму»*.

К подобному выводу историка, вероятно, подвигло то обстоятельство, что он просто не знал, что Черчилль советовал Рузвельту не отводить войска союзников с уже занятых ими территорий, которые были предназначены русским в качестве зон оккупации. Ну не читал он, вероятно, переписку президента США и премьер-министра Великобритании, где об этом сказано открытым текстом! Неинтересно, видимо, ему это было. Господину Мерцалову и без переписки и так все ясно. Так ведь легче обвинить во всех грехах руководство СССР и создать ореол непогрешимости вокруг его союзников.

А всем тем, кто обвинял Жукова в элементарной неграмотности при использовании танковых армий, неплохо бы посмотреть, как классически действовали они в Висло-Одерской операции в январе 1945 г. Тогда 1-я и 2-я Гв.ТА из 1-го БФ, громя в стремительном наступлении немецкие тылы, преодолели расстояние от Вислы до Одера за двадцать дней, действуя при этом в отрыве 80–100 км от общевойсковых армий! Результаты этой операции, когда немецкие войска были отброшены за Одер и в Померанию, говорят сами за себя.

Потери в 1-й и 2-й Гв.ТА во время проведения Висло-Одерской операции были намного меньше, чем в 3-й и 4-й Гв.ТА

1-го УФ. Последние маршал Конев постоянно притормаживал для поддержки своих общевойсковых армий и использовал в боях за Силезский промышленный район, что никак не стимулировало быстрого продвижения танковых войск 1-го УФ.

В Берлинской операции все кардинально переменилось. Танковые армии 1-го БФ с большими потерями ломились через прочную немецкую оборону, а танковые армии 1-го УФ, пробив не очень глубокие оборонительные позиции противника, стремительно рванули вперед, обходя Берлин с юга и запада. С отрывом от общевойсковых армий до 50 км.

Парадокс? Да, наверное, нет. Просто резко изменились условия проведения операции для обоих фронтов. Так что не стоит делать из маршала Жукова ни жупел, ни икону.

Отличительной чертой Берлинской операции явилось то, что уже при ее разработке на первый план выдвинулась политическая составляющая стратегического планирования, оставив позади военную, а тем более экономическую составляющие. К тому же, по мнению военного историка генерал-майора Н.Г. Павленко, Берлинская операция была одной из самых дорогостоящих, затратных операций Красной Армии. Причину этого он видит в том, что в ходе ее подготовки и проведения далеко не все способы военных действий отвечали как требованиям создавшейся обстановки, так и военного искусства. Это касается действий 1-го БФ при штурме Зееловских высот и ведения боев в городских кварталах Берлина, которые буквально поглощали войска, дробили классический бой на мелкие кровопролитные схватки.

В конце войны Красная Армия обладала не только большим опытом подготовки и ведения крупных операций, но и большим превосходством в силах и средствах над противником. В силу ряда обстоятельств советские войска в Берлинской операции далеко не всегда смогли использовать свои преимущества. Они были поставлены в такие условия, что им зачастую приходилось решать боевые задачи лобовыми ударами, фронтальными атаками и штурмами населенных пунктов и городских кварталов. Подобные способы ведения боевых действий всегда считались крайне расточительными для войск.

Из совокупности причин, обусловивших указанное развитие событий, стоит рассмотреть следующее.

В Берлинской операции проявились две формы соперничества. В одной усилия советского командования направлялись к тому, чтобы овладеть Берлином раньше, чем к нему могли бы подойти союзные войска. Эта форма соперничества в какой-то мере все же объяснялась определенными противоречиями, существовавшими в антигитлеровской коалиции, а также отсутствием доверия со стороны Сталина к известным планам союзников, что было следствием его доведенной до крайности мнительности и подозрительности.

С благословения Сталина, как бы ни отрицал этот факт господин Исаев, появилась и еще одна форма соперничества, которое проявилось между командованием двух соседних фронтов. Он сам заявил работникам генштаба: «*Кто первым ворвется, тот пусть и берет Берлин*». Понятно, что не обошлось и без инициативы «на местах». Поначалу Жуков не выступал инициатором «гонки к Берлину», так как уже свыкся с мыслью о том, что только ему и предстоит брать Берлин: зря его, что ли, поставили командовать 1-м БФ?

Конев же со своей стороны никогда не отрицал, что хотел «поставить фитиль» самоуверенному соседу. Вот что он писал в мемуарах: «*...страстное желание испытывали все, от солдат до генерала, увидеть этот город* (Берлин) *своими глазами, овладеть им силой своего оружия. Разумеется, это было и моим страстным желанием. Не боюсь в этом признаться... Было бы странно изображать себя в последние месяцы войны человеком, лишенным страстей. Напротив, все мы были переполнены ими*».

Понятно, что обуреваемый «шекспировскими страстями» маршал постарался сделать все возможное, чтобы войска его фронта первыми ворвались в столицу рейха. Жукову, не желавшему упустить шанс стать первым в Берлине и оставить заметный след в истории, пришлось принять условия игры, предложенной его соперником, и подгонять войска 1-го БФ к Берлину.

Известный советский военный историк генерал-лейтенант Павленко писал: «*Что касается организации им* (Сталиным) *соперничества двух фронтов, то оно являлось... не только нелепым, но и преступным, поскольку влекло ничем не оправданные потери в личном составе фронтов*».

Ведь стоило «вождю народов» провести на карте разграничительную линию, отсекавшую 3-ю Гв.ТА 1-го УФ от Берлина, и никакой

«гонки» могло бы и не быть. Вряд ли ее части сыграли очень большую роль в боях за Берлин. Возможно, стоило направить ее войска на Потсдам, чтобы создать более плотное кольцо окружения берлинской группировки? К тому же, когда ее танки застряли в городе, войска немецкой 9-й армии по коммуникациям танкистов прорвались к 12-й армии Венка. Неужели несколько захваченных берлинских кварталов в безуспешном стремлении пробиться к центру города стоили того, что большая группировка немецких войск смогла уйти на запад? Вопросы, конечно, выглядят сейчас чисто риторическими. Но не нужно при этом забывать, с чьего позволения войска 1-го УФ были повернуты на Берлин, а потом, когда нужда в этой перестраховке отпала, были столь же решительно отрезаны от центра города соответствующей разгранлинией.

Многих трений и неясностей во взаимодействии двух фронтов в Берлинской операции удалось бы избежать, если бы своевременно определялась разгранлиния между фронтами. Ставка и генштаб не сумели вовремя понять момент, когда уничтожение противника в городе следовало бы поручить одному фронту. Очевидно, что это нужно было сделать по завершении окружения берлинской группировки.

Берлинскую операцию советские историки обычно характеризовали как *«вершину развития советского военного искусства»*. С этим мнением согласен и английский историк Дж.Эриксон, который считал, что *«взятие Берлина – величайшая операция во всей военной истории»*.

Конечно, Берлинская операция во многом поучительна – коротким сроком подготовки наступления, крупной перегруппировкой войск, прорывом прочной обороны, форсированием больших водных преград в условиях весеннего половодья. Результаты операции также впечатляют. По официальным данным, с 16 апреля по 9 мая 1945 г. советские войска взяли в плен около 480 000 солдат и офицеров, в том числе войска 1-го БФ – 250 534 человека.

В результате Берлинской операции было захвачено много трофеев. Вот что досталось после боев войскам двух фронтов.

Наименование захваченной техники	на 1-м БФ	на 1-м УФ	Всего
самолеты	3426	1107	4533
танки и САУ	1806	2097	3903
бронемашины и бронетранспортеры	479	1316	1795
орудия разных калибров	8580	4201	12 781
минометы	3100	1885	4985
пулеметы	22 495	9595	32 090
винтовки и автоматы	129 927	46 139	176 066
автомашины	42 403	33 985	76 388

Разумеется, большая часть всего перечисленного представляла собой груду металлолома, за исключением, пожалуй, легковых автомашин, на которых после войны разъезжали многие генералы и офицеры Красной Армии.

Победа над противником далась непросто. В ходе Берлинской операции фронты израсходовали очень большое количество боеприпасов. При этом 1-й БФ истратил 55% общего числа боеприпасов, а 1-й УФ – 31%. Их среднесуточный расход составил: на 1-м БФ – 177 вагонов, а на 1-м УФ – 111 вагонов. Таким образом, по интенсивности расхода боеприпасов Берлинская операция занимает первое место среди других операций Великой Отечественной войны.

Нельзя не отметить, что из-за стремления упредить союзников в овладении столицей Третьего рейха фронты начали наступление, не завершив оперативного развертывания, в результате чего удар был разновременным (имеется в виду 2-й БФ). Не сосредоточив всех сил, начал наступление и 1-й УФ – его 28-я и 31-я армии прибыли уже в ходе наступления. Недостаточно эффективным оказался и первый удар 1-го БФ.

Неудачным с военной точки зрения явилось и использование для штурма крупного города танковых армий. В стесненных условиях они не смогли развернуть главные силы, утратили подвижность и маневр, что при слабом обеспечении пехотой привело к большим потерям в бронетехнике. Не надо забывать, что советские войска в Берлинской операции потеряли третью часть своих танков, что в значительной мере явилось следствием применения танковых армий для овладения большим городом.

С другой стороны, нельзя согласиться со злопыхательским мнением известного «ниспровергателя основ» господина Соколова, который считает, что *«Берлинская операция... имела больше моральное, чем сколько-нибудь военное значение»*. Он считает, что *«с чисто военной точки зрения ее нельзя считать особенно успешной»*. Этот господин считает, что три четверти берлинской группировки смогли уйти на запад. С этим безграмотным утверждением даже и спорить не хочется. Возникает только один вопрос: до какой же степени извращения реальных событий можно дойти в поисках дешевой популярности и жгучем стремлении облить грязью свою страну и Красную Армию?

Господин Соколов неоригинален в оценках Берлинской операции, так как следует «заезженной дорогой» западных историков. Общей тенденцией американской историографии является стремление принизить значение битвы за Берлин. Американские историки стремятся всячески приуменьшить немецкие силы и средства, собранные на защиту столицы рейха и подступов к ней, указывают на плохую подготовку обороны Берлина.

Этим грешат историки Э. Цимке, Г. Райан, Д. Толанд, К. Райн. Они писали, что оборона Берлина организовывалась слишком поспешно и была совершенно неудовлетворительной. Цимке договорился до полного абсурда, заявляя: *«Фронт на Одере был бутафорией лишь в меньшей степени, чем крепость Берлин»*. Однако те оборонительные рубежи, которые преодолевали советские войска на Одере и на пути в Берлин, являлись бутафорией только в больном воображении американского историка, выдающего ни на чем не основанные суждения. И конечно, немецкие пехотные дивизии численностью до семи-восьми тысяч человек, противостоявшие войскам 1-го БФ и 1-го УФ, никак нельзя было назвать *«только дивизиями по названию»*, как утверждал Толанд.

Ряд историков США – С. Сульцбергер, Т. Дюпуи, С. Эмброуз – заявляли, что Берлинская операция началась якобы уже после того, как успехи союзников на Западе, особенно в Рурской операции, положили конец организованному сопротивлению нацистской Германии. Они скромно умалчивали, что сопротивление немцев ослабло только на западе, но не на востоке. Кстати, по своим масштабам и последствиям Берлинская операция значительно превзошла Рурскую операцию союзников, прове-

денную в марте – апреле 1945 г. Интересно, что командующий ГА «Б» фельдмаршал Модель, получив 16 апреля сообщение о начале наступления Красной Армии на Одере, заявил своему начальнику разведки: *«Это конец. Это полная катастрофа»*.

В работах американских авторов читателям внушалась мысль о том, что Берлинская операция не имела существенного значения для завершения разгрома вермахта. Подобные утверждения очень далеки от истины. Всем известно, что Германия капитулировала не после потери Рура, а после разгрома основных сил вермахта в Берлинской операции. По этому поводу можно напомнить высказывания генерала Вейдлинга о том, что он слышал во время встречи с Гитлером 24 апреля 1945 г. Вейдлинг заявил, что *«...все слова Гитлера так или иначе выражали одну мысль – с падением Берлина поражение Германии несомненно»*.

Кстати, немецкие военные историки в своих работах уклонились от каких-либо оценок Берлинской операции, ограничившись простыми описаниями событий весны 1945 г. Возможно, они руководствовались при этом одной японской пословицей: «Побежденные не рассуждают о битве...»

Нет ничего более далекого от истины, чем заявление западного историка С. Патрика: *«Когда Красная Армия начала наступление на Берлин, немцы не оказали ей серьезного сопротивления»*. Отечественный историк Исаев также высказывал мысль о слабости обороны Берлина и незначительности сил немцев в нем. Известно, что бои за город носили исключительно ожесточенный характер, о чем свидетельствовали и большие потери советских войск.

Стремление историков США тенденциозно толковать события Второй мировой войны, представляя в негативном свете действия Красной Армии, понятно. Однако когда на эти же позиции становятся в большей (Соколов, Мерцалов) или меньшей (Сафир, Исаев) степени и российские историки, это наводит на грустные мысли... Пусть Берлинскую операцию и нельзя назвать блестящей по замыслу и исполнению, но именно она поставила жирную точку в истории разгрома нацистской Германии и поражения ее вермахта, упорно сопротивлявшегося на востоке и рухнувшего под ударами Красной Армии.

Одним из критиков маршала Жукова является также военный историк В.М. Сафир. Он характеризует одну из завершающих

операций войны следующим образом: *«В целом Берлинская операция, к сожалению, является образцом неорганизованности и безалаберности»*. Вряд ли можно согласиться с подобным безапелляционным мнением историка, который буквально пышет злобой на все, к чему был причастен Жуков, что мешает его объективности при рассмотрении аспектов указанной операции.

Правда, Сафир делает оговорку: *«Объективную оценку операции дадут беспристрастные (как я надеюсь) историки последующих поколений»*. Данное высказывание позволяет вывести самого Сафира из числа «беспристрастных» и не дает ему возможности объективно оценить одну из далеко не самых неудачных операций Красной Армии в ходе Великой Отечественной войны. Понадобилось бы очень много времени и места, чтобы перечислить все неудачные операции Красной Армии, к которым Сафир совершенно неправомерно относит и Берлинскую. Этот историк раздувает все ошибки и недоработки этой операции, доводя их буквально до гротеска: *«Такого бедлама после 1942 г. не было, пожалуй, при проведении ни одной наступательной операции...»*

Можно заверить пышущего благородным гневом Сафира в том, что бедлама хватало как в 1942 г., так и впоследствии: Харьков – весна 1943 г., Севск – весна 1943 г., Прохоровка – лето 1943 г., Букрин – осень 1943 г., Житомир – зима 1943 г., Каменец-Подольский – весна 1944 г., Варшава – лето – осень 1944 г., озеро Балатон – зима – весна 1945 г. и т.д. и т.п. При желании список не очень удачных операций советских войск можно и продолжить. На этом фоне Берлинская операция отнюдь не выглядит *«безалаберной»*, в чем хочет уверить нас Сафир. Как говаривал Сталин: *«На войне может быть не только плохое, но и самое худшее»*. Отнести к этой категории Берлинскую операцию вряд ли возможно.

В чем же видит Сафир недостатки Берлинской операции? Вот их перечень.

1. *«Неверная в целом оценка оперативной обстановки»*.

С этим высказыванием «великого стратега и тактика», которое ничем не подтверждено, согласиться трудно, так как обстановка со стороны генштаба и командования фронтов была оценена верно, что доказали ход и итоги проведения операции.

2. *«Неудовлетворительное знание противника»*.

Тут можно согласиться лишь отчасти, признав, что инфор-

мация о позициях противника на Зееловских высотах действительно была неполной.

3. *«Сильное сопротивление немцев, которое оказалось для Жукова неожиданным, так как полученные в результате разведки боем данные о противнике должным образом не были учтены, что отрицательно сказалось на ходе боевых действий по прорыву тактической зоны обороны».*

Неужели Жукова можно обвинить еще и в том, что немцы сильно сопротивлялись, а он этого не учел? Дело не в том, что он недоучел силу их сопротивления, а в том, что он переоценил степень воздействия на немцев первого мощного удара.

Что касается того, что не учли результатов разведки боем, то вряд ли можно вообще утверждать о необходимости ее проведения. Эта силовая разведка внесла больше нарушений в разработанные ранее планы наступления, чем дала материалов для каких-либо позитивных выводов. Так что здесь Сафир «дал залп» мимо цели.

4. *«Неуместная «экономия» боеприпасов»*

Как уже было показано выше, экономия боеприпасов в начале операции была вынужденной, то есть вполне уместной. Но об этом Сафир просто не знает.

5. *«Переоценка результатов боев 14–15 апреля».*

Тут историк вступает в противоречие с высказанным им самим же в пункте 3 (см.выше) и не пытается хоть как то состыковать по смыслу свои высказывания.

6. *«Обе танковые армии вводились в условиях, когда оборона противника не была подавлена».*

Данный упрек Жукову правомерен лишь в плане действий 1-й Гв.ТА, а уж никак не 2-й Гв.ТА. Не задавался ли Сафир вопросом: много ли раз в течение войны танковые армии вводились в «чистый прорыв»? Если ему трудно будет ответить на этот вопрос, то пусть почитает работы Радзневского «Прорыв» и «Танковый удар», с которыми он, громоздя обвинения на командование 1-го БФ, вероятно, не удосужился ознакомиться.

7. *«Не был отработан и вариант допрорыва танковыми армиями тактической зоны обороны немцев (все исполнялось в режиме «импровизаций»)».*

Самой постановкой вопроса господин Сафир дает понять, что он вроде бы и не прочь принять идею «допрорыва», осуж-

даемую выше в пункте 6, но возражает против «импровизаций» Жукова. Так что данный факт свидетельствует только о недоработке штаба 1-го БФ и говорит в пользу «импровизатора» Жукова.

8. *«Преждевременный ввод танковых объединений создал хаос в оперативном построении общевойсковых армий, вызвал нарушение тыловых коммуникаций, неразбериху в управлении».*

Вряд ли тут можно говорить о «преждевременности ввода» (опять противоречие с пунктом 7). Ввод танковых армий в бой в районе Зеелова был как раз своевременен, но плохо организован штабами соединений и был обусловлен также объективными причинами, о которых Сафир просто не знает. О нарушениях и неразберихе уже говорилось выше, с чем удалось справиться опять же путем «импровизаций».

Подводя итоги рассмотрения претензий Сафира к маршалу Жукову, надо отметить поверхностность суждений историка, у которого еще есть и явные нелады с логикой. Хотя ради справедливости можно подтвердить и обоснованность ряда замечаний этого критика маршала Жукова.

Сафир пытается также поучать Жукова, предлагая следующий план действий: *«...надо было мощнейшим, охватывающим с севера ударом двух танковых армий* (что предлагала ставка)... *выйти к Берлину, окружить его* (совместно с 1-м УФ), *развернуть часть войск фронтом на восток и приступить к планомерному, без ненужной спешки добиванию берлинского гарнизона...»*

Тут Сафир повторил доводы господина Мерцалова, забывая о том, что и одна танковая армия – 2-я Гв.ТА – без особых проблем обошла Берлин с севера и совместно с танковыми армиями 1-го УФ благополучно замкнула кольцо окружения берлинского гарнизона. Как уже говорилось выше, 1-я Гв.ТА успешно отсекла от Берлина немецкую 9-ю армию, устранив опасность затягивания боев в городе. Так что спешка была только в начале операции до выхода советских частей к Берлину, а окруженные там немецкие части и так добивали «без особой спешки». Таким образом, предлагаемый Сафиром план действий, еще и измененный Жуковым в лучшую сторону, и был осуществлен в реальности.

Так в чем же тогда суть этого совета-обвинения? Как тут опять не вспомнить про логику, с которой явно не в ладах Сафир.

Возникает вопрос: на какой уровень читателей своего труда он ориентировался?

Берлинскую операцию надо прежде всего оценивать как явно спланированную борьбу на достижение определенного результата, что и было сделано. Хотя сказать, был ли им удовлетворен Верховный Главнокомандующий, очень сложно. После окончания войны на Потсдамской конференции он в ответ на поздравления британского министра иностранных дел Идена по поводу разгрома Германии многозначительно сказал опешившему дипломату: *«Царь Александр до Парижа дошел...»*

Конечно, Сталину была нужна победа, а за ценой, как известно, мы не постоим. И не постояли...

Наивысшие потери среди войск 1-го БФ понесли части 5-й УА и 8-й Гв.А, которые потеряли до 25% своего численного состава. Реальные потери советских войск в Берлинской операции составили:

Виды потерь	1-й БФ, чел.	1-й УФ, чел.
безвозвратные	37 610	27 580
санитарные	141 880	86 245

Военный журналист и писатель Иван Падерин, участник боев в Берлине, после войны посетил столицу ГДР. Там он осмотрел мемориальные комплексы, где захоронены погибшие советские солдаты: Зеелов – 30 000 человек, Трептов – 7200 человек, Шенхольц – 13 200 человек, Вайсензее – 1100 человек. Число погибших, захороненных в мемориалах в Панкове, Марцане, Кольвице и Лихтенберге, Падерин, к сожалению, не указал.

Приведенные цифры потерь войск двух фронтов, конечно, очень внушительные, но они весьма далеки от тех, которые приведены в трудах известного исследователя господина Соколова, преувеличившего их на порядок без каких-либо на то оснований. Единственным обоснованием приводимых им фантастических цифр потерь советских войск являются высказывания типа *«мне кажется», «представляется вероятным»* и так далее.

Потери в технике и вооружении были тоже немалые. За время Берлинской операции тремя фронтами (1-й и 2-й БФ и 1-й УФ) было потеряно: 215 900 единиц стрелкового оружия, 1997 танков и САУ, 2108 орудий и минометов, 917 самолетов. Следует отме-

тить, что эти цифры включают и потери 2-го БФ, действия которого в данной работе не рассматривались. На 1-м БФ было подбито и сгорело 1802 единицы бронетехники, а 139 было потеряно по другим причинам. Из этого количества 850, или 44%, потеряно при прорыве одерского рубежа.

Увы, войны без потерь не бывает. Хотя следует признать, что при определенных обстоятельствах они могли быть еще меньше. Несмотря на понесенные потери, нельзя считать, что Красная Армия вышла из последней битвы обессиленной и неспособной вести боевые действия.

Начальник тыла 1-го БФ генерал-лейтенант Антипенко многозначительно замечал: *«Весьма важно отметить, что войска 1-го БФ, как и вся Красная Армия, закончили войну с высоким уровнем материальной обеспеченности и при хорошем состоянии боевой техники и автомобильного транспорта. Одержав победу над фашизмом, мы располагали достаточной силой, чтобы прочно удерживать результаты победы при любом стечении обстоятельств»*. Генерал весьма прозрачно намекнул, что при случае, может, и до Парижа хватило бы накопленных ресурсов...

Несмотря на разноречивость оценок Берлинской операции, судить о ней стоит по достигнутым результатам. А они таковы:

– разгромлена немецкая ГА «Висла», прикрывавшая Берлин;

– разгромлен и пленен берлинский гарнизон;

– руководство нацистской Германии и вермахта, находившееся в Берлине, было уничтожено;

– части Красной Армии после тяжелых боев не допустили деблокады Берлина;

– после проведения операции произошло соединение с союзными армиями на Эльбе.

Учитывая вышеприведенные соображения, можно утверждать, что Берлинская операция, проведенная частями Красной Армии в апреле – мае 1945 г., стала завершающим аккордом в разгроме нацистской Германии и должна занять достойное место в ряду успешных операций, осуществленных советскими войсками в течение всей войны.

Библиография

Исследования отечественных авторов

Александров А.А. *Битва ставок.* М., «Вече», 2003.

Арбатский Л.А. *Последняя тайна рейха.* М., «Яуза», 2002.

Афанасьев Н.И. *От Волги до Шпрее.* М., Воениздат, 1982.

Бабаджанян А.Х., Попель Н.К., Шалин М.А. *Люки открыли в Берлине.* М., Воениздат, 1973.

Барятинский М. *Немецкие танки в бою.* М., «Яуза», 2007.

Барятинский М. *«Тигры» в бою.* М., «Яуза», 2007.

Безыменский Л.А. *Германские генералы с Гитлером и без него.* М., «Мысль», 1964.

Безыменский Л.А. *Разгаданные загадки Третьего рейха.* М., АПН, 1984.

Безыменский Л.А. *Тайный фронт против второго фронта.* М., АПН, 1982.

Безыменский Л.А. *Третий фронт.* М., «Вече», 2003.

Безыменский Л.А. *Человек за спиной Гитлера.* М., «Вече», 1999.

Ветераны вспоминают. Баку, 1985.

Внезапность в наступательных операциях Великой Отечественной войны». М., «Наука», 1986.

Воробьев Ф.Д., Паротькин Н.В., Шиманский А.Н. *Последний штурм.* М., Воениздат, 1970.

Востряков А.П. *На огневом рубеже — 12-я артиллерийская.* Петрозаводск, «Карелия», 1987.

Высоцкий Ф.И., Макухин М.Е. *Гвардейская танковая.* М., Воениздат, 1963.

В пламени сражений. М., Воениздат, 1972.

Галицкий И.П. *Дорогу открывали саперы.* М., Воениздат, 1983.

Грибанов С.В. *Аз воздам...* М., Воениздат, 1998.

Гуркин В.В., Иващенко А. Е. *5-я Гвардейская Калинковичская.* М., Воениздат, 1979.

3-я Гвардейская танковая. М., Воениздат, 1982.

Доменк А.С., Лазуткин С.П. *Резервы Верховного Главнокомандования.* М., Воениздат, 1987.

Завьялов А.С., Калядин Т.Е. *Восточно-Померанская операция.* М., Воениздат, 1960.

Залесский К. *Командиры элитных частей СС.* М., «Астрель», 2008.

Зефиров М.В. *Асы люфтваффе. Бомбардировочная авиация.* М., АСТ, 2003.

Иванов В.Г. *Призрак рейхслейтера Бормана.* Ростов-на-Дону, 1989.

Иванов Р.Ф. *Дуайт Эйзенхауэр.* М., «Мысль», 1983.

Иванов Р.Ф. *Сталин и союзники.* Смоленск, «Русич», 2000.

Исаев А. *Георгий Жуков.* М., «Яуза», 2006.

Исраэлян В.Л. *Дипломатия в годы войны.* М., «Международные отношения», 1983.

История Второй мировой войны. Т.10. М., Воениздат, 1979.

Караваев А.В. *Сердца и броня.* М., Воениздат, 1971.

Карпов В.В. *Генерал армии Хрулев.* М., «Вече», 2004.

Карпов В.В. *Генералиссимус.* М., «Вече», 2004.

Карпов В.В. *Маршал Жуков. Опала.* М., «Вече», 2004.

Козлов В.А. *Где Гитлер?* М., «Три квадрата», 2003.

Кулиш В.М. *История второго фронта.* М., «Наука», 1971.

Лебедева Н.С. *Безоговорочная капитуляция агрессоров.* М., «Наука», 1989.

Лобов В.Н. *Военная хитрость в истории войн.* М., Воениздат, 1989.

Мальков В.Л. *Франклин Рузвельт.* М., «Мысль», 1988.

Мацуленко В.А. *Оперативная маскировка войск.* М, Воениздат, 1975.

Мельников Д.Е., Чёрная Л.Б. *Преступник №1. Нацистский режим и его фюрер.* М., АПН, 1982.

Мельников С.И. *Маршал Рыбалко.* Киев, Политиздат Украины, 1986.

Мерцалов А., Мерцалова Л. *Сталинизм и война.* М., «Терра», 1998.

Мощанский И. *У ворот Берлина. Ч.1,2.* М., «БТВ-МН», 2004.

Ненахов Ю. *Воздушно-десантные войска во Второй мировой войне.* Минск, 1998.

Неотвратимое возмездие. М., Воениздат, 1984.

Нерсесян Н.Г. *Киевско-Берлинский.* М., Воениздат, 1974.

Нерсесян Н.Г. *Фастовская гвардейская.* М., Воениздат, 1974.

Никифоров Н.И. *Штурмовые бригады Красной Армии.* М., «Яуза», 2008.

Отечественная артиллерия. М., Воениздат, 1986.

Петрова А. *Загадка смерти Адольфа Гитлера.* М., «Яуза», 2004.
Проэктор Д.М. *Агрессия и катастрофа.* М., «Наука», 1972.
Радзиевский А.И. *Прорыв.* М., Воениздат, 1979.
Радзиевский А.И. *Танковый удар.* М., Воениздат, 1977.
Розанов Г.Л. *Конец Третьего рейха.* М., «Международные отношения», 1985.
Рязанский А.П. *В огне танковых сражений.* М, «Наука», 1973.
Самчук И.А., Скачко П.Г. *От Волги до Эльбы и Праги.* М., Воениздат, 1973.
Сафир В.М. *Первая мировая и Великая Отечественная.* М., «Полководцы Отечества», 2005.
Секистов В.А. *Война и политика.* М., Воениздат, 1970.
Скоробогатов В.Е. *Генерал Берзарин.* М., «Яуза», 2007.
Советские танковые войска. 1941–1945. М, Воениздат, 1973.
Соколов Б.В. *Вторая мировая.* М., АСТ-Прессknига, 2005.
Сульянов А.К. *Маршал Жуков.* Минск, «Харвест», 2001.
Третья ударная. М., Воениздат, 1976.
Трояновский П.И. *На восьми фронтах.* М., Воениздат, 1982.
Шерстнев В.Д. *Командармы.* Смоленск, «Русич», 2006.
Штеменко С.М. *Генеральный штаб в годы войны.* М., Воениздат, 1981.
Фалин В.М. *Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов.* М., Центлиграф, 2000.
Ющук Н.Н. *11-й танковый в боях за Родину.* М., Воениздат, 1962.
Ямской Н.П. *Кто брал рейхстаг.* М., ОЛМА-Пресс, 2006.

Исследования иностранных авторов

Амброз С. Эйзенхауэр. *Солдат и президент.* М., «Книга», 1993.
Баго Я. *Что происходило за кулисами.* М., «Международные отношения», 1965.
Бернаж Ж. *Берлин, 1945. Агония тысячелетнего рейха.* М., Эксмо, 2007.
Бивор Э. *Падение Берлина. 1945.* М., АСТ, 2004.
Важнейшие решения. М., Воениздат, 1964.
Ган Н. *Ева Браун.* М., «Астрель», 2000.
Говард М. *Большая стратегия.* М., Воениздат, 1980.

Гротов Г. *Герман Геринг – маршал рейха.* Смоленск, «Русич», 1998.

Деларю Ж. *История гестапо.* Смоленск, «Русич», 1993.

Иоахимсталер А. *Смерть Адольфа Гитлера.* М., Астрель, 2006.

Кальтенэггер Р. *Фердинад Шёрнер.* М., «Яуза», 2007.

Кларк А. *План «Барбаросса».* М., Центрполиграф, 2002.

Кросс Р. *Последние дни рейха.* Смоленск, «Русич», 2004.

Куровски Ф. *Штурмгешютце в бою.* М., Яуза, 2007.

Макговерн Д. *Мартин Борман. Серый кардинал в коричневой униформе.* Ростов-на-Дону, «Феникс», 2000.

Макдональд Ч.Б. *Тяжелое испытание.* М., Воениздат, 1979.

Миддельдорф Э. *Тактика в русской кампании.* М., Воениздат, 1998.

Мировая война (сборник). М., «Иностранная литература», 1957.

Мэнвелл Р., Франкель Г. *Генрих Гиммлер.* Ростов-на-Дону, «Феникс», 2000.

От «Барбароссы» до «Терминала». М., Политиздат, 1988.

Погью Ф.С. *Верховное командование.* М., Воениздат, 1959.

Пэдфилд П. *Рейхсфюрер СС.* Смоленск, «Русич», 2002.

Райан К. *Последняя битва.* М., Центрполиграф, 2003.

Рендулич Л. *Фатальные ошибки вермахта.* М., «Яуза», 2006.

Теппельскирх К. *История Второй мировой войны. Т.2.* СПб., «Полигон», 1994.

Толанд Д. *Последние 100 дней рейха.* Смоленск, «Русич», 2001.

Томас Х. *Двойники.* М., ОЛМА-Пресс, 1998.

Тоомсваре У. *Стратеги Третьего рейха.* Ростов-на-Дону, «Феникс», 1999.

Торвальд Ю. *Разгром на востоке.* М., Центрполиграф, 2006.

Уоллер Д. *Невидимая война в Европе.* Смоленск, «Русич», 2002.

Фейс Г. *Черчилль. Рузвельт. Сталин.* М., Центрополиграф, 2008.

Фелькляйн У. *Смерть Гитлера.* М., «Интерэксперт», 2005.

Хауссер П. *Войска СС в бою.* М., «Издатель Быстров», 2006.

Шварцвеллер В.С. *Деньги Гитлера.* Смоленск, «Русич», 2004.

Ширер У. *Взлет и падение Третьего рейха. Т.2.* М., Воениздат, 1991.

Шойфер Х., Тике В. *Марш на Берлин.* 1944–1945. М., «Эксмо», 2005.

Шульман М. *Поражение на западе.* М., Центрполиграф, 2004.

Мемуары

Андреев А.М. *От первого мгновения – до последнего.* М., Воениздат, 1984.

Антипенко Н.А. *На главном направлении.* М., «Наука», 1967.

Антонов В.С. *Путь к Берлину.* М., «Наука», 1975.

Архипов В.С. *Время танковых атак.* М., Воениздат, 1981.

Бабаджанян А.Х. *Дороги Победы.* М., Воениздат, 1981.

Баур Г. *Личный пилот Гитлера.* М., Центрполиграф, 2006.

Фон Бюлов Н. *Я был адъютантом Гитлера.* Смоленск, «Русич», 2003.

Белых В.Т. *Партии отважные бойцы.* М., Воениздат, 1975.

Белявский В.А. *Стрелы скрестились на Шпрее.* М., Воениздат, 1973.

Бессараб А.Н. *В прицеле танки.* М., Воениздат, 1970.

Боков Ф.Б. *Весна Победы.* М., Воениздат, 1979.

Больдт Г. *Гитлер. Последние десять дней.* М., Центрполиграф, 2006.

Брэдли О. *Записки солдата.* М., «Иностранная литература», 1957.

Бронтман Л. *Военный дневник корреспондента «Правды».* М., Центрполиграф, 2002.

Бугин А.Н. *17 000 км с Г. К. Жуковым.* М., «Молодая гвардия», 1994.

Бурцев М.Н. *Прозрение.* М., Воениздат, 1981.

Варенников В.И. *Парад Победы.* М., «Вагриус», 2005.

Варлимонт В. *В ставке Гитлера.* М., Центполиграф, 2005.

Война, народ, победа. Книга 4. М., Политиздат, 1984.

Гервашев А.Н. *Версты мужества.* Кишинев, 1987.

Гетман А.Л. *Танки идут на Берлин.* М., «Наука», 1973.

Гизевиус Г.Б. *До горького конца. Записки заговорщика.* Смоленск, «Русич», 2007.

Григорьев В.В. *И корабли штурмовали Берлин.* М., Воениздат, 1984.

Гудериан Г. *Воспоминания солдата.* Смоленск, «Русич», 1998.

Даллес А. *Тайная капитуляция.* М., Центполиграф, 2002.

Драбкин А. *Я дрался на Т-34. Книга 2.* М., «Яуза», 2008.

Драгунский Д.А. *Годы в броне.* М., Воениздат, 1983.

Дремов И.Ф. *Наступала грозная броня.* Киев, Политиздат Украины, 1981.

Жуков Г.К. *Воспоминания и размышления.* М., «Новости», 1990.
Журавлев А.Г. *Крепче брони.* М., Воениздат, 1974.
Журавлев Д.А. *Огневой щит Москвы.* М., Воениздат, 1972.
Зинченко Ф.М. *Герои штурма рейхстага.* М., Воениздат, 1983.
Казаков В.Н. *Артиллерия, огонь!* М., ДОСААФ, 1972.
Калашник М.Х. *Испытание огнем.* М., Воениздат, 1971.
Катуков М.Е. *На острие главного удара.* М., Воениздат, 1974.
Кейтель В. *Размышления перед казнью.* М., «Терра», 1998.
Кессельринг А. *Люфтваффе: триумф и поражение.* М., Центполиграф, 2003.
Клочков И.Ф. *Мы штурмовали рейхстаг.* Лениздат, 1983.
Козин Н.Д. *Гвардейцы в боях.* Барнаул, 1975.
Колесников П.В. *Огненный ураган.* Киев, Политиздат Украины, 1979.
Конев И.С. *Записки командующего фронтом.* М., Воениздат, 1991.
Крайнюков К.В. *Оружие особого рода.* М., Воениздат, 1977.
Курист Л.И. *Атакуют танкисты.* Киев, Политиздат Украины, 1977.
Лелюшенко Д.Д. *Москва – Сталинград – Берлин – Прага.* М., «Наука», 1975.
Ленев Г.Е. *Конец фашистского логова.* М., «Советская Россия», 1973.
Лисицын Ф.Я. *В те грозные годы.* М., Воениздат, 1978.
Литвяк М.М. *Породненные броней.* М., Воениздат, 1985.
Фон Люк, Х. *На острие танкового клина.* М., «Эксмо», 2005.
Макаренко Я.И. *Белые флаги над Берлином.* М., Воениздат, 1976.
Мержанов М.И. *Так это было.* М., Политиздат, 1975.
Монтгомери Б. *Мемуары фельдмаршала.* М., «Эксмо», 2004.
Мутовин Б.Н. *Через все испытания.* М., Воениздат, 1986.
Надысев Г.С. *На службе штабной.* М., Воениздат, 1976.
Никулина А.В. *Пламя в ночи.* М., Воениздат, 1982.
Неустроев С.А. *Путь к рейхстагу.* М., Воениздат, 1965.
От Москвы до Берлина. М., «Московский рабочий», 1966.
Откровения и признания. М., «Терра», 1996.
Паттон Д. *Война, как я ее знал.* М., «Астрель», 2002.
Пласков Г.Д. *Под грохот канонады.* М., Воениздат, 1969.
Попель Н.К. *Впереди Берлин!* М., ДОСААФ, 1970.
Последний штурм. М., Политиздат, 1965.

Рабинович И.Б. *На перекрестках войны.* Ярославль, 1987.
Раус Э. *Танковые сражения на Восточном фронте.* М., АСТ, 2003.
Ржевская Е.М. *Берлин, май 1945.* М., «Советский писатель», 1970.
Рокоссовский К.К. *Солдатский долг.* М., Воениздат, 1968.
Рослый И.П. *Последний привал в Берлине.* М., Воениздат, 1983.
Рудель Г.-У. *Пилот «Штуки».* Минск, «Харвест», 2003.
Руденко С.И. *Крылья Победы.* М., Воениздат, 1976.
Савицкий Е.Я. *Я – «Дракон». Атакую!* М., «Молодая гвардия», 1988.
Семенов Г.Г. *Наступает ударная.* М., Воениздат, 1970.
Скоробогатов Д.И. *Однополчане.* М., Воениздат, 1976.
Скорцени О. *Секретные задания РСХА.* М., «Прибой», 1997.
Слюсаренко З.К. *Сыновний долг.* Киев, Политиздат Украины, 1981.
Телегин К.Ф. *Войны несчитанные версты.* М., Воениздат, 1988.
Фей В. *Бронетанковые дивизии СС в бою.* М., «Эксмо», 2008.
Филиппов В.В. *Воздухоплаватели.* М., Воениздат, 1989.
Фомичев М.Г. *Путь начинался с Урала.* М., Воениздат, 1976.
Черчилль У. *Вторая мировая война. Т.3.* М., Воениздат, 1991.
Чуйков В.И. *От Сталинграда до Берлина.* М., Воениздат, 1980.
Хетагуров Г.И. *Исполнение долга.* М., Воениздат, 1977.
Хеттль В. *Секретный фронт.* М., Центрполиграф, 2003.
Шатилов В.М. *Знамя над рейхстагом.* М., Воениздат, 1966.
Шафаренко П.М. *На разных фронтах.* М., Воениздат, 1978.
Шелленберг В. *Мемуары.* М., «Прометей», 1991.
Шпеер А. *Воспоминания.* Смоленск, «Русич», 1997.
Шрёдер К. *Я был секретарем Гитлера.* М., «Вече», 2007.
Эйзенхауэр Д. *Крестовый поход в Европу.* М., Воениздат, 1980.
Юнге Т. *Воспоминания секретарши Гитлера.* М., «Астрель», 2005.

Сборники документов

Агония и смерть Адольфа Гитлера. М., «Звонница», 2006.
Дашичев В.Н. *Банкротство стратегии германского фашизма. Т.2.* М., «Наука», 1973.
Неизвестный Гитлер. М., ОЛМА-Пресс, 2005.
Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министром Великобритании во время

Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Т.1, 2. М., Политиздат, 1982.

Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. М., «Терра», 1995.

Периодические издания

Шеин Д. *3-я Гвардейская танковая армия в боях за Берлин.* «Фотоиллюстрация», 2/2005.

Военно-исторический журнал. 7/1967.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА act

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ

МОСКВА: В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ буква

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, т. (495) 323-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-57-56
- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (499) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр», 0 этаж, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон - Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «ВДНХ», г. Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL-2», 3 этаж, т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», 3 этаж, т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул.Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (495) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», 2 этаж, т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская/Таганская», Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (495) 306-18-98
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 2б, ТЦ «Пражский Пассаж», 2 этаж, т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т.(499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д.76, к.1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый Стан», Новоясеневский пр-т, вл.1, ТРЦ «Принц Плаза», 4 этаж, т. (495) 987-14-73
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15/1, т.(495) 977-74-44
- м. «Третьяковская», ул. Большая Ордынка, вл.23, пав. 17, т. (495) 959-40-00
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д.13, ТЦ «Ереван Плаза», 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к.1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2а, стр. 1
- м. «Щукинская», ТЦ «Щука», ул. Щукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т, д. 21, ТЦ «Столица», 3 этаж, т.(495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д.5, к.1, т.(495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, д.9, ТЦ «Эдельвейс», 1 этаж, т. (498) 664-46-35
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», 2 этаж, т. (496) (24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская пл., д. 3, ТД «Дом торговли», 1 этаж, т. (496) (61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32а, ТРЦ «Счастливая семья», 2 этаж
- М.О., г. Лобня, Краснополянский пр-д, д. 2, ТРЦ «Поворот»

Регионы:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», 1 этаж, т.(4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Утюжок», т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново,ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ «Серебряный город», 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ»,3 этаж
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д.18, т. (4012) 71-85-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ «Галерея», 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ «Пушкинский», 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д.11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, т. (342) 0238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТЦ «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (3472) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д.105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 72-89-20
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Баженов Николай
Тайны Берлинской операции

Ответственный редактор Н.И. Никитенко

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.09 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО «Издательство «Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Типография ООО «Полиграфиздат»
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25

В книге рассказывается о подготовке и проведении советскими войсками в апреле – мае 1945 года Берлинской операции, поставившей точку в истории разгрома нацистской Германии.

На основе обширных архивных и мемуарных материалов освещены малоизвестные подробности последних дней столицы Третьего рейха.

Предназначается для широкого круга читателей, как специалистов, так и любителей военной истории.

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-057064-5

9 785170 570645

НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОЙНЫ